АЛЕКСАНДР
ГРОМОВ

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Г 87

Оформление серии художника *Е. Савченко*

Серия основана в 2002 году

Громов А. Н.

Г 87 1000 и один день: Фантастические романы. — М.: Изд-во Эксмо, 2005. — 864 с. — (Шедевры отечественной фантастики).

ISBN 5-699-09335-4

Александр Громов — один из ведущих мастеров современной отечественной научной фантастики, лауреат многочисленных литературных и читательских премий. Каждая его новая книга становится не только бестселлером, но и подлинным событием в читательской среде. Большинство произведений А. Громова построены на глобальных катастрофах и столкновениях цивилизаций, однако основным мотивом в них все же становятся человеческие взаимоотношения и психологические конфликты, поведение человека в сложной ситуации, когда обстоятельства вынуждают его раз за разом делать крайне сложный нравственный выбор.

В этот том вошли избранные романы писателя.

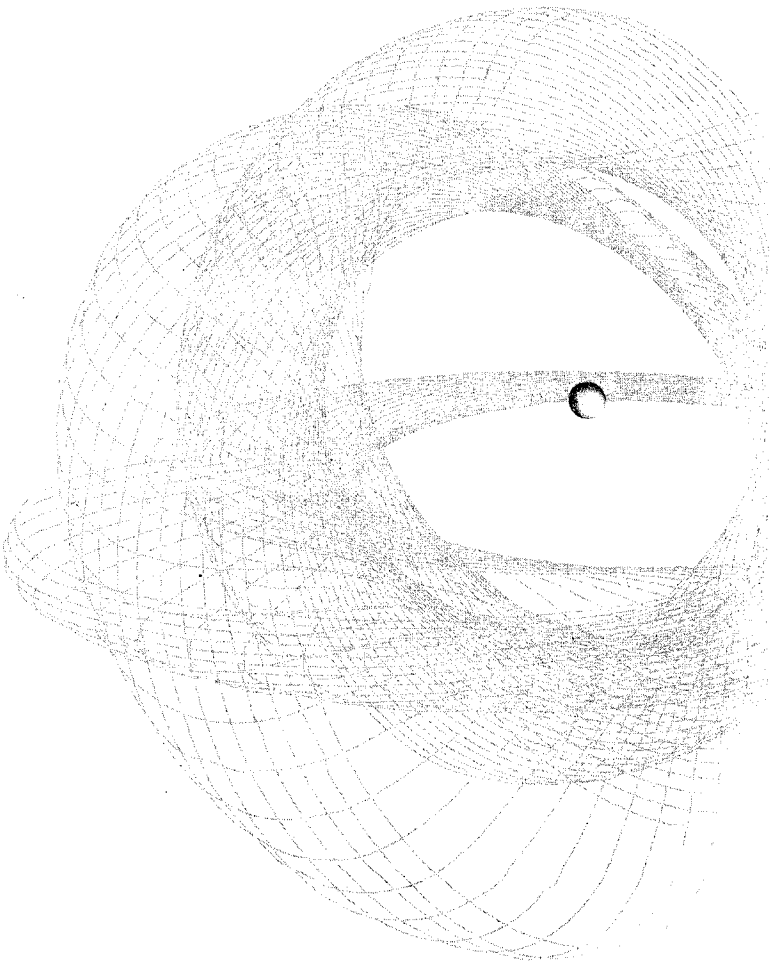
УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-699-09335-4

© **Громов А. Н., 2005**
© **Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2005**

1000
И ОДИН ДЕНЬ

РОМАН

АЛЕКСАНДР
ГРОМОВ

1000
И ОДИН ДЕНЬ

Эксмо, Москва
2005

До появления Двускелетных люди и эксмены жили на Земле в мире и гармонии.

Новейшая детская энциклопедия, 2226 г.

ПРОЛОГ

Вибрация корпуса стихла.

Широкофюзеляжный длиннокрылый самолет наконец втащил свое толстое туловище на нужную высоту, лег на курс, и пилотесса сейчас же сбросила тягу двигателей с маршевой до экономической. Привычка. Я усмехнулся про себя. Как бы ни спешили мои сопровождающие доставить меня на Филиппинский Морской Старт «Юдифь» и сдать с рук на руки, никто ради них не почешется. И уж подавно не станет зря жечь дефицитное горючее без специального приказа, заверенного десятком подписей высокопоставленных лиц. По собственной инициативе пилотесса никогда этого не сделает, разве что для спасения судна и пассажиров в случае какого-нибудь катаклизма. И поэтому мы будем лететь не десять часов, как могли бы, а все четырнадцать.

Положим, катаклизм уже обозначился. Но до него еще два с половиной года, как считалось сравнительно недавно, — и целых два года восемь месяцев и несколько недель, по уточненным данным.

Есть еще время. Нет причины разрушать привычный уклад. Так им кажется.

Нас редко возят воздушным транспортом. Куда дешевле и практичнее доставить партию рабочих по железной дороге или по воде. Почти единственное исключение: транспортные самолеты, геликоптеры и дирижабли для экстренной переброски аварийно-спасательных бригад или, например, десантирования пожарных в горящую тайгу. Но чтобы везти одного-единственного эксмена, да еще пассажирским рейсом, да еще в битком набитом туристском классе...

Чего только не бывает.

Случайно или намеренно мы заняли место в хвосте салона. Наверное, намеренно. Эти места дольше других остаются не-

проданными. Мы подкатили к самолету перед самой уборкой трапа, так что нам пришлось пройти через весь салон в очень людном дефиле. Естественно, все взгляды были направлены на меня, и я уловил шепот одной девчушки: «Самец».

Она мне льстила. Как мне давным-давно объяснил один дед, самец, мужчина — это тот, кто непосредственно участвует в процессе размножения. Когда-то слово «самец» действительно было в ходу — пока правительство Конфедерации не предложило ввести терминологию в рамки реальности, заменив устаревшие ярлыки. Тот, кто участвует в воспроизводстве лишь через Банк семени, не имеет права называться ни мужчиной, ни самцом. Конечно, у него могут быть (и наверняка есть) дети, но сам он — эксмен.

Тоже, между прочим, неверный термин. Эксмен — бывший мужчина, а когда я им был?

Хорошо, что мы прибыли на борт за минуту до запуска двигателей, — у пассажиров просто не осталось времени на массовый протест. Правда, одна дамочка сразу завопила в голос, что ее-де не предупредили о том, что ей придется лететь в одном салоне с эксменом, иначе бы она доплатила за бизнес-класс, — но тут лайнер, вырулив на полосу, начал разбег, и она благополучно заткнулась.

Хотя оборачивалась на меня еще не раз. И она, и другие. Среди взглядов гневных и презрительных я заметил два-три любопытных. Как в зоопарке.

О-ран-гу-тан. Не будешь писать на пол?

Уговорили, не буду. В посещении туалета мои конвойные мне, конечно, не откажут, пусть это вам и не понравится. А смириться придется. И можете глазеть на меня сколько хотите. Так или иначе, меня доставят туда, куда надо. И об этом будет болеть чья угодно голова, только не моя. Я — груз. Который, однако, нельзя сдать в багажное отделение, вот ведь незадача.

Мои конвоиры уступили мне место у иллюминатора, за что я был им благодарен. Я летел впервые. Меня заранее заставили проглотить таблетку от тошноты и объяснили, для чего служит специальный пакет. Но меня пока не тошнило. У меня вообще хороший вестибулярный аппарат.

Как назло, самолет очень скоро вспорол низкую облачность, а когда с натугой пробил ее, выяснилось, что разрывов в облаках нет и земли не видно. Но и подсвеченная солнцем

облачная кипень оказалась впечатляющим зрелищем, если смотреть на нее сверху. Временами самолет проходил низко над вспененной верхушкой какого-нибудь особенно разросшегося вверх облака, и тогда по обильно механизированному крылу пробегали короткие судорожные волны — единственное свидетельство наличия воздушных ям.

Через час заходящее солнце опустилось в облака, а через два начали разносить еду, деликатно будя спящих. Молоденькая стюардесса вздрогнула, увидев меня, и едва не выронила поднос. На ее лице под механической улыбкой проступило сильнейшее смятение: обязана ли она обслуживать эксмена? Одна из моих спутниц небрежно кивнула, вследствие чего я получил порцию жареной утки с овощным гарниром и стакан гранатового сока в придачу. Сейчас же мне была выделена еще одна таблетка. Только она мне и напомнила, что как новичок я должен чувствовать в полете некоторый дискомфорт. Но ничего подобного я не чувствовал.

Обслужив моих спутниц, стюардесса удалилась на повышенных оборотах и не появлялась в хвосте салона вплоть до следующей кормежки.

Распогодилось только к утру. Мы шли уже над Памиром — а ведь впереди лежал еще Тибет! Я с восторгом смотрел на горы. Никогда раньше я не видел гор, иначе чем на картинках и в кино.

Мне говорили, что горы коварны. Но сверху я видел лишь мир и покой. Целые бездны покоя под сенью нестерпимо сверкающих ледников.

Лед я еще увижу — если, конечно, полет пройдет успешно. Но покоя у меня не будет, это точно. Возможны периоды безделья в напряженном ожидании — но ведь безделье еще не покой.

Потом я уснул. Чересчур много впечатлений за последние сутки. Мозг не выдерживает. А когда я проснулся, мы уже летели над территорией Восточно-Азиатской Федерации, как раз над четырьмя великими реками Азии, втиснувшимися гуртом в узкий горный коридор, прежде чем разбежаться в разные стороны: пока еще маловодной Иравади и могучими Салуином, Меконгом и Янцзы. Через час-два полета лайнер покинет воздушный коридор над Южно-Китайским морем, начнет снижение, и по крылу вновь начнут пробегать короткие судороги. Мне вдруг ужасно захотелось схулиганить.

Напоследок. Почему бы нет?

Конечно, конвойные не стали приковывать меня к креслу — зачем? Куда я могу сбежать, телепортировав с самолета? За борт? Нет, знаете ли, не хочется. Убить себя при необходимости можно гораздо проще. А главное, такой необходимости нет, особенно после того как мои условия были приняты. Первая моя победа, пусть и крохотная.

Отвернувшись к иллюминатору, я осторожно задышал чаще и глубже. Если мои спутницы заметят, как я вентилирую легкие, стальной браслет немедленно защелкнется на моем запястье. Пусть думают, будто я по-прежнему любуюсь китайскими ландшафтами, взирая на них с высоты десяти тысяч метров.

Легкое головокружение показало мне, что уже достаточно. Теперь я мог не дышать три с половиной минуты, оставаясь в кресле, или минуты полторы, продираясь сквозь лиловую мглу Вязкого мира. Обиднее всего, что телепортация мгновенна... почти мгновенна лишь для стороннего наблюдателя.

А вы думали, что телепортировать так же легко, как умозрительно перенестись на энную дистанцию, причем сколь угодно большую? Правда думали? Избавляйтесь от вредных заблуждений, мой вам совет.

Направление... расстояние...

НУ, ВПЕРЕД.

Странное это место — Вязкий мир. В нем время идет самым прихотливым образом — то в тысячи, то в триллионы раз быстрее, чем в реальном мире. В нем тьма имеет цвет. В нем можно идти в любом направлении, хоть прямо, хоть вверх, хоть вниз — в любом случае под ногами у тебя будет упруго пружинить какая-то поверхность, и именно там, где ты ожидаешь ее встретить, делая шаг. Поднял ступню или опустил ниже — поверхность окажется там, где ты захочешь ее ощутить. Это при том, что рассмотреть эту поверхность еще никому не удавалось. Вязкий мир раболепно угождает своим гостям — и равнодушно позволяет им пожинать плоды своих ошибок. Наиболее радикальные теории полагают Вязкий мир не реально существующим местом, а субъективной субстанцией, виртуальным порождением человеческого подсознания.

Очень похоже на то. Убежден: если в создании этого лилового студня все-таки участвует мозг, то уж наверняка не разу-

мом, а дремучими глубинными монстрами, анонимными авторами кошмарных снов.

Да, это сон с вечным сюжетом: хочешь бежать, лететь птицей, а вынужден с ужасающей медлительностью проталкивать себя сквозь вязкое желе... и ужас погони за спиной.

Похоже. Но в Вязком мире совсем иной ужас: потерять направление. Заблудиться. Оказаться там, откуда невозможно выйти. Или вынырнуть там, куда не стоит выныривать.

ПОРА? ПОРА.

Хлопок воздуха при выходе из телепортации всегда менее звучен, нежели при входе, однако вполне ощутим. Особенно в пилотской кабине, не отличающейся исполинскими размерами.

Конечно, самолет шел на автопилоте. Две женщины — командир корабля и вторая пилотесса — оживленно болтали, пересмеиваясь и попивая кофе из бумажных стаканчиков. Знакомый хлопок за спиной заставил обеих вздрогнуть и обернуться — скорее с удивлением, нежели с гневом или испугом. Существует прямой и категорический запрет на телепортацию в движущемся транспорте, будь то самолет или автобус, — но и без запрета кому придет в голову рисковать собственной жизнью?

Первой заметила меня вторая пилотесса. Я видел, как у нее округлились глаза и отвисла челюсть. Струйка дымящегося кофе полилась из стаканчика ей на колени.

Едва успев сделать глубокий вдох, я нырнул вновь. Даже не обернувшись. Теперь мне предстояло сделать это в Вязком мире.

И найти обратный путь.

Я продавливал себя сквозь густую лиловую мглу, ругаясь в душе по своему адресу на чем свет стоит. Вздумалось пошалить кретину! Поиграть захотелось! Нет, приятель, твоя настоящая игра не здесь и не сейчас...

Типичное мальчишество. Непростительное. Метров сорок обратного пути вслепую. Если я слегка ошибусь направлением, то запросто могу оказаться за бортом. Имея ту же скорость, что и лайнер. Допустим, мне не разорвет легкие, — что я могу предпринять, чтобы не разбиться в брызги о Китай? Серию последовательных телепортаций вниз? На десять тысяч метров? С дыхательным аппаратом это в принципе возможно, хотя и мучительно. Но без аппарата... Беда в том, что всякой живой твари надо дышать, даже эксменам. Один-два глубоких

вдоха перед каждым нырком в Вязкий мир — это минимум. А нырков штук двести... нет, заведомо меньше, учитывая набор скорости свободного падения в промежутках между нырками. Мне придется искать компромисс между необходимостью выныривать для вдоха и страхом набрать скорость, не оставляющую падающему никаких шансов, и все равно я проиграю. Допустим даже, что подо мною окажется глубокий водоем — не все ли равно, разбиться о воду при падении с десяти тысяч или с пятисот метров?

В Вязком мире нет скорости. Лиловый клейстер одинаково статично принимает всех. Иначе телепортирующие влетали бы в него со скоростью движения Земли в пространстве — ниоткуда ведь не следует, что Вязкий мир привязан к планете, да еще к определенной ее точке. Вращение Земли тоже следует учитывать.

Все существующие теории, даже самые стройные, — лишь иллюзии понимания фундаментальной сущности Вязкого мира. Широко известны лишь его основные свойства, с которыми следует считаться, а для успешной телепортации большего не требуется. Самое главное: выныривая в нормальный мир, ты сохраняешь вектор скорости, который имел до нырка, только и всего.

ПОРА? ПОЖАЛУЙ.

Я попытался вынырнуть и подумал, что страшные истории о людях, навсегда оставшихся в Вязком мире, — вовсе не шутка.

Попробовал еще раз. И еще.

Задыхающаяся рыба, бьющаяся об лед...

Спокойно. Не паниковать. У меня очень хорошее чувство пространства и многие сотни тренировок. Я просто не мог сильно ошибиться, определяя направление и дальность обратного пути. На сорокаметровой дистанции телепортирования я ошибаюсь не более, чем на метр, — правда, в спокойных условиях...

Запомни главное и не суетись: если что-то мешает тебе вынырнуть — значит, ты еще в самолете.

Мысленно отметь свое положение в пространстве. Немного передвинься и попытай счастья еще раз. Сгруппируйся — так ты займешь меньше места. И перестань трястись, черт тебя побери! Хочется вдохнуть, да? Очень хочется? Потерпишь. Воздуха в твоих легких хватит еще на десяток попыток.

Ну и не трать его попусту.

Удачу принесла восьмая попытка — я взял влево-вверх и, вынырнув, свалился прямо в свое кресло. Задыхаясь. Все стало понятно: на обратном пути я сместился правее, инстинктивно стараясь держаться как можно ближе к оси салона, а что ушел немного вниз — так это просто ошибка. Допустимая погрешность слепой навигации.

Наверное, многие повскакивали с мест, когда по ушам ударил сдвоенный хлопок, но я этого не видел. Я почти не чувствовал, как взбешенные конвойные пристегивают меня наручниками, и не интересовался, к чему пристегивают. Какая разница! Я снова был в реальном мире, взмокший и полузадохшийся, но живой, невредимый и готовый ко всему. А главное — крайне ценный.

Настолько, что меня даже не ударили. Хотя, на мой взгляд, следовало бы. Бесспорно, мои конвойные получили перед полетом строжайшие инструкции по обращению со мной, исходящие из того, что колотить спасателя — непростительная роскошь.

С точки зрения тонущего, конечно.

Часть I
ЭКС-ФЕКС-ПЕКС

ГЛАВА 1
ГЛАДИАТОР

Какой смысл спешить, если тебя все время останавливают?

Спешащий эксмен, не одетый в специальную униформу посыльного, подозрителен уже сам по себе, ну а если он, высунув язык, мчится по тротуару не где-нибудь, а в кварталах, заповедных для праздных самцов, то подозрителен втройне. И патруль останавливал меня трижды — один раз возле бульвара Освобождения и дважды на площади Сандры Рамирес, сперва в начале ее, возле храма Первоматери, а потом в конце.

К счастью, мой пропуск не был ни просрочен, ни забыт дома впопыхах, так что мне удалось отделаться очень легко: подержали под стволами, выцедили несколько ехидных замечаний и отпустили. По весеннему теплу патрульные были настроены благодушно. Одна подножка не в счет: загремел как можно нелепее, принял жалкий вид, развлек патруль — свободен. Бежишь? Беги. Разумеется, пеняй на себя, если сослепу сшибешь какую-нибудь прохожую или испугаешь ребенка.

Будь они прокляты, эти пешеходные зоны! Пока доберешься...

Между прочим, Мама Клава зря не послала за мной мобиль с мигалкой. У охраны такой есть. Правда, двойной путь — в мужской спальный район и обратно... Но минут пять можно было выгадать, это точно.

Не сочла нужным. За Молотилкой, Диким Слоном, Самсоном или иным каким тяжеловесом небось послала бы лучшую самобеглую коляску, а ты — Молния, вот и соответствуй прозвищу. Одна нога здесь, другая там.

Бегу.

На фасаде комплекса знакомая афиша: сегодня, мол, и ежедневно аттракцион «Смертельная схватка», билеты продаются. Тут же состав сегодняшних участников: Динамит против Анаконды, Тамерлан против Саблезубого, Крокодил против

Смертельного Удара, ну и так далее, а сбоку у букмекерской конторы светящееся табло со ставками. Мое имя уже фигурирует. У главного входа почти никого, зато изнутри — рев и гвалт амфитеатра. Отсюда слышно.

Служебный вход не заперт. Влетаю, и путь мне моментально преграждает охранница. Белобрысая, веснушчатая, с блеклым хвостом на затылке. Я ее не помню, наверно, новенькая. Едва успеваю затормозить в метре от нее и протянуть ей обе свои выручалочки — пропуска в центральную городскую зону и в комплекс.

— Вот, госпожа.

У охранницы на конопатом лице недоверие. Очень большое недоверие. Она не привыкла к тому, чтобы эксмены врывались в комплекс, как к себе домой. Я ей не нравлюсь. Она с удовольствием поучила бы меня хорошим манерам, но начинает с того, что долго рассматривает пропуск и тщательно сверяет мое фото с оригиналом. Оригинал после бега выглядит неважно: тяжело дышит, красен, как обваренный, и для бойца с виду жидковат.

— Все в порядке, дорогая. Это свой.

Мама Клава. Вовремя.

Она толстая, с вечно потным мясистым лицом, кой-где покрытым нездоровыми лиловыми пятнами. У хозяйки аттракциона «Смертельная схватка» неизлечимая аллергия на запах мужского пота. Но дело свое она не продает, хотя любое появление в гимнастическом зале оканчивается для нее сущей пыткой. Подозреваю, что атавизмы тут ни при чем — просто она, как добропорядочная квочка, не мыслит своей жизни без патронажа над цыплятами-несмышленышами, шумными, бестолковыми и не всегда послушными. Можно добродушно покудахтать, а можно и хлопнуть крылом неслуха. Педагога из нее не получилось, вот она и пестует бойцов.

Эту аналогию я, естественно, держу при себе. Числиться у Мамы Клавы цыпленком в выводке не так уж плохо. В случае чего она и прикроет тем же крылом — от всего, кроме противника на ринге. Тут уж как сложится судьба. Иные везунчики ухитряются удержаться в аттракционе свыше десяти лет и выйти в отставку относительно целыми, еще пригодными для какой-нибудь простой и необременительной работы. Поломанные и плохо сросшиеся кости, травмированные внутренности, надорванные щеки и уши, разумеется, не в счет.

— В чем дело, Мама? Замена?

Охранница все слышит, каменеет веснушчатым лицом и заведомо готова прямо сейчас обеспечить мне один-два перелома в воспитательных целях. Но хозяйке обращение «Мама», давно и навеки сросшееся с именем, не кажется фамильярностью.

— Саблезубый споткнулся на лестнице, увезли с сотрясением мозга. — В голосе Мамы Клавы искреннее сопереживание. — Ладно, об этом потом... Дуй в раздевалку, оттуда сразу на ринг. Выручи Маму, за ней не пропадет.

Стало быть, для массажа перед боем нет времени. Ладно, не впервой. Перетерпим.

— Я должен сделать Тамерлана? — интересуюсь.

— Умница, — восхищается она. — Успел посмотреть букмекерские ставки?

— Конечно, Мама.

Она треплет меня по щеке:

— Ну давай, ноги в руки. Тамерлан уже на ринге, публика волнуется.

Бегу, послав охраннице воздушный поцелуй. Та в тихой ярости. Еще секунда — и она исчезнет, чтобы тут же появиться передо мною, да так, чтобы я сам напоролся на электрошокер. Мама Клава, ухмыляясь, берет ее под руку и начинает обычную воркотню насчет специфических особенностей местного контингента. Слыхали, знаем. «Привыкайте, милочка, привыкайте. Не обращайте внимания на их выходки. Эти бойцы, конечно, с виду не сахар, но на самом деле они все хорошо выдрессированы, уж вы мне поверьте... Наказать?! Что вы, дорогая! Если бы я наказывала их за каждую глупую проделку, смотреть мое шоу было бы невозможно, это я вам говорю. Всякое живое существо должно иметь отдушину, иначе оно перестанет работать как следует. Кнут и пряник, а как иначе? Покажите им мельком хотя бы крошку от пряника, и можете быть спокойны, они вас не подведут...»

Эта воркотня, впрочем, еще не значит, что по окончании боя мне не грозит чувствительный электрический удар или что-нибудь в этом роде, — у охранниц свои понятия. У нас тоже. Не знаю, кто из бойцов ввел в стародавние времена эту глупую традицию, но послать охраннице воздушный поцелуй — дело святое. Нас бьют и током, и просто по морде, а случается, и по гениталиям, но традиция живет.

Уж что-что, а выделяться на общем фоне мне не следует ни в коем случае. Я рядовой питомец Мамы Клавы, только и всего. Боец по кличке Молния. Гладиатор.

Добежать до раздевалки, запереть в шкафчик городскую униформу, натянуть трико, накинуть на плечи канареечно-желтый халат с ветвящейся молнией по спине — на все про все три минуты. Амфитеатр ревет, как вулкан, сейчас там начнется извержение. Пока что Тамерлан ублажает публику картинной игрой мышц и демонстрацией того, что и как он сделает со своим противником, но публика и без того достаточно разогрета, чтобы начать крушить все подряд, если второй боец сию минуту не появится на ринге.

Охранницы возле канатов и в проходах напряжены. Они хорошо знают, как это бывает, и готовы мгновенно телепортировать на ринг. Три тысячи перевозбужденных зрительниц — это серьезно. Галерка еще так-сяк, а первых рядов надо бояться: там сплошь юницы с повышенной от рождения агрессивностью — за счет мозгов и прочих женских добродетелей. Угроза немедленного удаления с территории комплекса при первом нарушении запрета на телепортацию в его стенах (на персонал этот запрет не распространяется) плохо фиксируется в их головах.

Случалось, и не раз, что охранницы не успевали взять бойцов в живое кольцо, столь тесное, чтобы внутрь него нельзя было телепортировать. Бывало и так, что охрану просто сминали, несмотря на электрошокеры и слезоточивый газ. О судьбе иных гладиаторов напоминают лишь прокорябанные ими надписи на личных шкафчиках в раздевалке.

Иду.

Под объявление о замене участника иду танцующей походкой по специальному подиуму, вокруг меня гвалт и свист. Эй вы, смотрите на меня! Хорош? Хорош. Прожектора ловят меня и держат цепко, как бульдоги. Какая-то юная стерва, самозабвенно визжа, пытается схватить меня за край халата и получает по рукам. Охрана пока на высоте.

Это радует.

А еще — то, что мною заткнули дыру во второй схватке, а не в пятой. Публика пока еще сохраняет толику рассудка. Она даже немного разочарована: ожидала боя Тамерлана с Саблезубым, а теперь вместо одного из ветеранов вынуждена довольствоваться недавним новичком, еще не сделавшим себе

имя на ринге, вдобавок сущим цыпленком в сравнении с Тамерланом. Много ли стоят мои восемьдесят пять килограммов против его ста тридцати? Передо мной монстр, вулкан, торнадо — подвижная гора мышц без единой жиринки.

Тамерлан не даст мне нырнуть под канаты — рычит и дергается под одобрительный вой публики, изображая, будто намерен прямо тут разорвать меня голыми руками и разбросать куски по амфитеатру. На то я и Молния, чтобы обмануть его ложным движением, извернуться, проскользнуть на ринг и, оказавшись за спиной своего противника, легонько похлопать его ладонью по бритой блестящей макушке. Для этого мне приходится подпрыгнуть.

Вой и смех. Аплодисменты.

Разумеется, Тамерлан ревет разъяренным быком, перекрывая шум амфитеатра, и кидается на меня. На нем виснут секунданты, он стряхивает их (один, к восторгу публики, улетает за канаты), но на ринг телепортируют сразу две охранницы, и рефери удается уговорить моего противника немного повременить с моим расчленением.

Привычная игра, с незначительными вариациями повторяющаяся в тысячный раз. Но публике не надоедает.

Халат долой — его подхватывает мой секундант.

— Мама велела протянуть до седьмого раунда, — шепчет он мне на ухо.

Киваю: понял.

— Интересно, Тамерлан об этом знает? — полушутя говорю я.

— Обижаешь...

Вскинув руки, приветствую публику. Рев, свист и жидкие хлопки. Охрана улетучивается с ринга. Эксмены — секунданты и рефери — подлезают под канаты. Бой без правил не бокс, судью на ринге могут и зашибить ненароком.

Тут же кто-то довольно метко запускает в рефери огрызком яблока. Точно в ухо. Публика рада.

Внимание, сосредоточиться... Вопли и визги болельщиц мне не подмога, не тот случай. Во время боя нельзя обращать внимание ни на что, кроме противника, и уж меньше всего на публику. Этот бой — не до смерти, это просто шоу, но и во время шоу случается всякое...

Нет амфитеатра. Трех тысяч зрительниц не существует. Охранницы — забытый мимолетный сон. Кроме меня, во всем ми-

ре нет ничего, за исключением огороженного канатами квадрата и моего противника.

Гонг.

Мы с Тамерланом «прощупываем» друг друга. Неважно, что мы уже не раз встречались на ринге, знаем сильные и слабые стороны друг друга, изучили увертки и отработали взаимодействие. Тут другое: определить, в какой форме твой противник и какой трюк можно себе позволить, а какой нет.

Кажется, Тамерлан сегодня не заторможен, да и я тоже, несмотря на безмассажие. Мама Клава будет довольна.

Первые удары, хваты, броски не достигают цели. Так надо. Затем я должен несколько раз подряд огорчить Тамерлана, что я и делаю, угодив ему ногой в живот, ребром ладони по шее и «вилкой» в глаза. Да еще роняю его на ринг красивым броском.

«Чем больше шкаф, тем громче падает» — про него сказано. Тамерлан рушится, как горный обвал, а я хожу кругами, вскинув руки, и впитываю скромную овацию. Это только начало.

Нормальный человек после такого воздействия, разумеется, встал бы не сразу, но Тамерлан встает. Он не держится за живот, не кривит шею, и с глазами у него все в порядке. Зато он выглядит по-настоящему разъяренным, что и требуется. Взбесившаяся стихия в облике эксмена. Это зрелище, на него стоит сходить посмотреть, чтобы на час-другой проникнуться иллюзией опасности, якобы обитающей в нашем спокойном зарегулированном мире.

Следующую минуту я летаю по рингу, как бадминтонный воланчик, и испытываю канаты на прочность. Зал ревет. Тамерлан напоминает могучую катапульту, а я — ее снаряд. Но на последней минуте раунда мне удается, оттолкнувшись от канатов, взлететь птицей и в изящном пируэте угостить моего противника ногой в лицо. Красивое падение обоих, но я на ногах чуть раньше и пляшу на моем противнике, как на батуте. Гонг. Как водится, первый раунд не выявил явного преимущества одной из сторон.

Короткий отдых — и второй раунд. Этот оканчивается в пользу Тамерлана.

Третий...

Четвертый...

Пятый раунд — мой. Так надо.

Я прекрасно знаю, что «в реальности» Руслан Хабибуллин,

иначе Тамерлан, уделал бы меня насмерть в три секунды. Конечно, если бы сумел догнать.

Публика этого не знает. Ей кажется, что я крепкий орешек и уступаю своему противнику совсем, ну совсем немножко. Вот столечко.

Ровно столько, чтобы оставаться живым на ринге вот уже шестой раунд.

Под рев публики я вылетаю за канаты, сшибаю секунданта и лишь немного не достигаю первого ряда трибуны, в то время как секундант — достигает. Он рискует вместо меня, а я одним прыжком взлетаю на помост и, сделав сальто над канатами, приземляюсь уже на ринге. Аплодисменты.

Тамерлан начеку. Громадной ручищей он ловит меня, как муху, и со свирепым рычанием несколько раз бьет головой в лицо. Вслед за тем я опять куда-то лечу и обнаруживаю себя распростертым на ринге. Надо мной парит в воздухе Тамерлан — сейчас он обрушится на меня всей тушей и превратит в мокрое месиво. Мой позвоночник треснет, ребра рассыплются, черепные кости отскочат друг от друга, как однополярно заряженные, и мозги ударят в потолок... Этого-то и ждет с нетерпением социально нестабильная молодежь с первых рядов, забыв о том, что ни одна из сегодняшних схваток не должна окончиться смертью.

Но ничего подобного не произойдет: мой противник попрыгает на мне, а когда ему надоест, начнет швырять меня, молотить по болевым точкам, отрывать мне уши или откручивать конечности — выбор за ним. По окончании экзекуции секунданты отнесут в угол то, что от меня останется, и приведут в кондицию к началу решающего раунда.

Мне скучно. Господи, почему не скучно ИМ?! Нет, не понимаю...

На седьмом раунде я показываю всем, что все-таки я — Молния. Кручусь, верчусь, вьюсь ужом, не даю к себе прикоснуться, зато сам не упускаю случая достать не столь поворотливого Тамерлана. Он обескуражен, а я с канатов неожиданно делаю сальто через его голову и сразу же заднее сальто с захватом коленями головы противника. Это мой коронный номер. Движение бедер — и голова Тамерлана с внятным хрустом поворачивается на недозволенный угол. У мертвеца подгибаются ноги, он валится мешком. Зрители ревут от востор-

на, а я с ожесточением пляшу на трупе, пока меня не оттаскивают. Готово: чистая победа.

Иных, кстати, у нас не бывает.

Чтобы унести Тамерлана с ринга, требуются усилия четверых крепких служителей. Я ухожу последним, приплясывая и приветствуя зал поднятыми руками. Конечно, теперь уж никаких воздушных поцелуев! Публика — это святое. Гойко Мотогилка однажды забылся и получил от охранницы такой разряд, что потом недели три дергался и заикался.

В меня летит всякая всячина: обертки, огрызки, банановая кожура, пустые банки из-под напитков и ничего опасного для жизни. Публике понравилось, проигравшие простили мне потерю ставок. Если так пойдет дальше, через несколько месяцев я стану одним из фаворитов в шоу Мамы Клавы и начну проигрывать бой за боем, пока ставки на меня не упадут. А тогда...

Неужели публика не понимает этой простейшей механики? Или мы так смачно убиваем друг друга, что деньгами пустоголовых юниц распоряжаются голые инстинкты?

Очень может быть. Социально нестабильная молодежь глупа — иначе не была бы социально нестабильной в нашем ухоженном мире. Кто поумнее, того на «Смертельную схватку» не заманишь. А толпа — и вовсе организм особенный, мозг у нее *один на всех, и тот спинной.*

— Как это выглядело со стороны, Мама?

Красная, распаренная, словно сама только что сошла с ринга, где ей не очень повезло, она тем не менее находит для меня улыбку:

— Замечательно, Тим. Я очень довольна тобой, мой мальчик...

Отчего-то она вздыхает совсем не радостно.

Это настораживает.

В раздевалке крепкий запах пота. Намусорено. Как обычно, Тамерлан, огромный, голый и волосатый, обтирает себя бумажными полотенцами и швыряет их на пол, вместо того чтобы сразу пройти в душ. При виде меня он иронически подмигивает левым глазом — правый заплыл.

— Нормально?

— Угу, — отвечаю я, осторожно щупая нос и подбитую бровь. Переносица вроде цела, но нос уже опухает и спустя час-

другой дойдет до кондиции спелой сливы. Ребра побаливают, но умеренно. Дышать нетрудно, значит, переломов нет. — А ты?

— Что мне сделается...

— Покажи хоть раз, как ты это вытворяешь, — прошу я.

— Что «это»?

— Хруст позвонков. Только не говори мне, что ты ими и хрустел.

— Нет, конечно, — улыбается Тамерлан и производит горлом короткий смачный треск. — Вот так примерно.

Я пытаюсь повторить — с более чем скромным успехом.

— Так лягухи в болоте квакают, — не без удовольствия замечает Тамерлан. — Потренируйся без меня денек-другой, а если ничего не выйдет, брось. Не каждому это дано. Жак Ягуар был классный боец, а тоже не умел.

Самомнение у Тамерлана отменное: все-то он умеет лучше других... Я решаю сменить тему:

— Что это Мама вроде не в себе?

— Привет! — Тамерлан делает вид, что поражен моей неосведомленностью. — Ты ничего не знаешь, что ли?

Я неопределенно пожимаю плечами. Что это я, интересно, обязан знать?

— Откуда? Вчера меня тут не было, да и позавчера тоже...

— Так это не позавчера началось. Контору-то нашу прикрыть решили, вот так вот.

— Удивил! Ее уже год прикрыть пытаются...

— Теперь точно, — безапелляционно говорит Тамерлан. — Совет Цензоров разразился постановлением: запретить все зрелища, культивирующие грубую силу и жестокость, как растлевающие молодежь, дискредитирующие женское начало и не ведущие к социальной гармонии. С нас и начали.

— Муниципальный совет? — интересуюсь я.

— Если бы. Федеральный. Так что неделю-другую Мама Клава еще побарахтается, сунется туда-сюда с протестами и подмазкой, а потом — все. Можешь искать себе новую работу.

— Не проблема.

— Тебе — да, ты техник, — невесело ухмыляется Тамерлан. — А мы училищ не кончали...

Судя по вою амфитеатра, сильно приглушенному на пути по коридорам к раздевалке, на ринге следующая пара. Зрители не жалеют голосовых связок.

— Интересно, где теперь эти сопливки будут отводить пар в свисток? — риторически спрашиваю я.

— А ты не знаешь?

К сожалению, я очень хорошо это знаю.

— Неделю-другую, говоришь?

— Если не меньше.

— У Мамы Клавы хорошие связи...

Тамерлан качает головой.

— Не поможет. Если уж с самых верхов пошло, дело труба. На месте Мамы я бы вообще не дергался.

— Тебе трудно оказаться на ее месте... Кстати, не знаешь, почему Мама вызвала именно меня?

Он пожимает плечами:

— Полагаю, не случайно. После Саблезубого у меня наилучший контакт с Ураганом, потом с тобой. А Ураган сегодня занят в другой паре.

— Как это Саблезубого угораздило?..

— У него не просто тяжелое сотрясение, у него еще перелом свода черепа, — сообщает Тамерлан и вдруг ухмыляется: — Это я ему устроил.

— Зачем?

— Много знал. О тебе.

— Откуда?

— А я знаю? Проворонили мы где-то. Он, дурак, не сообразил, что с такой информацией ему самому крышка. А так хоть жив останется... может быть. Но не заговорит еще долго, это точно.

Под тугими горячими струями не очень-то поговоришь — приходится кричать. Лучше уж вовсе не раскрывать рта. Для говорильни лучше подходит не душ, а раздевалка, когда в ней не толкутся посторонние. Там всего один замаскированный микрофон в вентиляционной отдушине, да и то мы давно замкнули провода. Никто и не хватился.

Пока мы смываем пот и молчим, если только фырканье считать молчанием, я лихорадочно соображаю: откуда Саблезубому стало известно обо мне то, чего ему знать совсем не следовало? Видеть мою тайную способность в действии он ну никак не мог. Стало быть, кто-то сболтнул — но кто из пятерых, включая сюда Тамерлана, мог это сделать? А главное, насколько широко пошла утечка?

Говорили же мне: мало-мальски надежная конспиративная ячейка должна состоять максимум из четырех человек, считая и руководителя, а никак не из шестерых! Тут даже не обязателен провокатор: бойцы из шоу Мамы Клавы — люди в большинстве простодушные, кто-то мог случайно проболтаться дружкам за кружкой пива...

Оказывается, холодный озноб с мурашками под горячим душем — это вполне возможно.

Раздевалка уже не пуста: в ней сидят Ваня Динамит, чей бой уже закончился, и Гойко Молотилка, вообще не задействованный в сегодняшней программе. Оба наши. Один застегивает пуговицы, другой одет и переодеваться в трико явно не собирается.

— Ты-то чего сюда заявился?

— Тебя, дурака, повидать, — усмешливо отвечает Гойко, а за усмешкой — я вижу — припасена порция яда. Сейчас Молотилка попытается испортить мне настроение.

— Ну и как я тебе — нравлюсь?

— Насчет Саблезубого уже знаешь?

— Угу.

— И гадаешь, от кого из нас пошла утечка, так?

Медленно качаю головой:

— Я в предатели никого не записываю...

— А в болтуны? — прищуривается Гойко.

— Не знаю... Да что ты на меня так смотришь? Честное слово: не знаю.

— Он не знает, — сообщает Гойко Ване Динамиту, будто тот от рождения туг на ухо.

Ваня молча кивает. Молчит и Тамерлан, хотя ему еще неизвестно то, что, кажется, знают Динамит и Молотилка.

Я свирепею, но не показываю виду. Это трудно.

— Знаешь, так говори. Кто из нас?

— Ты.

Обвинение столь дико, что из меня выскакивает нервный смешок.

— У тебя с головой все в порядке?

— У меня-то да, а вот насчет тебя не уверен.

Это уже по-настоящему смешно. Гойко хочет еще что-то сказать, но я вклиниваюсь в паузу:

— Погоди, давай разберемся. Ты хочешь сказать, что я

сам — сам! — разболтал кому-то о своем... о своей аномальности? Так? Я правильно понял?

— Ты не разболтал, ты сделал хуже — показал. Три дня назад в бою с Саблезубым. — Гойко каменеет лицом и вбивает в меня слова, словно гвозди. — Вспомнил? Конспиратор! Ты показал это Саблезубому и вместе с ним трем тысячам баб! Трем тысячам!

Пытаюсь возразить — и не могу. Так и стою с раскрытым ртом, а Молотилка молотит дальше:

— Тебе на себя плевать — это только твои проблемы. Тебе плевать на нас — хрен с тобой, ради дела мы много чего перетерпим! Но тебе, оказывается, плевать на наше дело — вот тут мы будем возражать, имей в виду...

— Может, объяснишь? — недовольно басит Тамерлан. — Я ничего не понимаю.

— Чего тут не понять! — рявкает Гойко. — Этот придурок телепортировал!

— Вы бы все-таки потише, — замечает Ваня Динамит.

— На ринге телепортировал? — Тамерлан не верит ушам.

— А то где же!

— Сбавь, говорю, — рычит Ваня.

Тамерлан всей глыбой поворачивается ко мне, вид у него ошарашенный. Но ничего забавного в ошарашенной глыбе я сейчас не наблюдаю.

— Что скажешь?

— Какая там телепортация — так, пустяки, — морщусь я, кривя губы. — Какие-то сантиметры, никто ничего и не заметил... — И вдруг взрываюсь: — Ну не мог я иначе уйти от захвата, никак не мог! Не успевал! Этот отморозок из моих ребер рагу бы сделал! Вы что, Саблезубого не знаете? Да и не сознательно у меня это получилось, а как-то так, само собой... Инстинктивно. Притом ведь не заметил же никто, разве нет?

— Кроме Саблезубого, — догадывается Тамерлан. — Так вот откуда он...

— Не только он, но и я, — мрачно сообщает Гойко. — А может, и еще кто-то.

— Ты что, тот бой видел?

— В записи. Мама Клава припрягла поработать в фильмотеке — ну знаешь, все эти эффектные вырезки для обучения новичков... Раз просмотрел — вижу, что-то не то. Два просмотрел — точно, так не бывает. Просмотрел по кадрам — вот

она, телепортация, сомнений нет. — Гойко указывает на меня. — На одном кадре этот кретин аж полупрозрачный...

— Ну и ты что? — Это Тамерлан.

— Затер тот кусок, конечно. А ты что думал? Стало похоже на технический сбой. Но вот один ли был фильм и одна ли копия — это вопрос.

Лихорадочно соображаю. Телетрансляции того боя, разумеется, не было по той самой причине, по какой уже пятый месяц не проводятся схватки до смертельного исхода, — запрет Совета Цензоров. С этого они начали свои действия против шоу Мамы Клавы и иных развлекательных мероприятий, не отвечающих целям воспитания масс в конструктивном духе, и скоро нас закроют. Трансляции не было, но в зале не одна стационарная камера, и мы не знаем, сколько их было задействовано. Кроме того, кто-то из зрительниц вполне мог снимать бой ручной камерой. Теоретически копии фильма могут находиться где угодно, Гойко ликвидировал лишь самую явную опасность.

Ой-ой, скверно-то как...

— Положим, чтобы догадаться, что в том фрагменте не все чисто, надо быть специалистом и смотреть внимательно, рассудительно говорю я. — В конце концов, ты же сам понял, что к чему, лишь при покадровом просмотре...

— Нет, вы видели? — изумляется Гойко Молотилка. — Он адвокатствует! Он нас успокаивает! Ребра свои пожалел! На нас ему плевать, а ребер жалко! Ну, Тимоша, ну, надежда всех мужчин Земли и окрестностей! Ну, светлая голова! Никто, кроме него, ничего не поймет, и точка!..

— Да виноват я, виноват! — ору я и под взглядом Вани сбавляю тон. — Сам, что ли, не вижу? Непроизвольно получилось, но все равно — моя вина! Доволен теперь?

— Не с чего тут быть довольным, — бурчит Ваня.

Гойко молчит, думает и в конце концов машет рукой:

— Ладно... Была не была. Будем надеяться, что дальше нас утечка не пойдет. А тебе урок на будущее.

Таких уроков в моей жизни до случая с Саблезубым было уже три, но о них Молотилка не знает. Тем лучше. Возродившийся с некоторых пор миф об экмене, способном телепортировать, — иное дело. Собственно, этот миф существовал всегда, и всегда над ним смеялись. Кроме того, последнее ме-

сто, где будут искать такого уникума, — аттракцион «Смертельная схватка».

А не слишком ли я становлюсь самонадеянным?

Вполне возможно, и для этого есть причины. Мне двадцать семь лет, четырнадцать из них я знаю о своем уникальном качестве, более того, с некоторых пор о нем осведомлены еще несколько человек, а я все еще жив и на свободе — единственный телепортирующий эксмен в мире.

Угроза для одних. Надежда для других.

Мы молчим. Наконец Молотилка ухмыляется и произносит:

— Ты бы хоть рассказал, как оно ТАМ...

— Где?

— Ну в этом твоем Густом мире.

— В Вязком мире, — поправляю я машинально. — И он не мой. Как тебе сказать... Как в киселе. Причем темно, как в... как в большом чане с крышкой, а внутри чана — кисель.

— Трудно двигаться?

— Не то слово.

Гойко вздыхает.

— Слушай, а почему бы тебе не попробовать взять туда кого-нибудь из нас?

— Неужели непонятно? — пожимаю плечами. — Я же тебе приносил школьный учебник по телепортации.

— Ну.

— Что «ну»? Ты читал или нет?

— Читал, но...

Мне становится стыдно. По насупленному виду Гойко сразу можно сказать: он не читал. И не мог прочесть. Он, оказывается, неграмотен, а я его мучаю. Половине эксменов грамотность ни к чему. Максимум — прочесть вывеску или предупреждающую надпись «Только для людей». Черт меня побери с моим высокомерием технаря, с моей бестолковостью и поганым языком!

— Читал, но не все понял, — моментально прихожу я ему на выручку. — Ладно, попытаюсь объяснить на пальцах. Скажем, ты везешь тяжело нагруженную тележку. Пока ты катишь ее по ровному полу, проблем нет. Но вот тебе надо вкатить ее в дверной проем с порогом. Легкую тележку ты перекатил бы через порог без труда, тяжелую уже с натугой, а со слишком тяжелой лучше вообще не мучиться — ничего не выйдет. Понятно? Так и с телепортацией. Это называется сопутствую-

щей пороговой массой, у каждого индивида она своя. Чуть-чуть увеличивается тренингом... многолетним и довольно изнурительным. Рекордсменки могут проносить в Вязкий мир килограммов до тридцати, а кому-то и одежда на теле кажется неподъемной ношей. Той же Маме Клаве. Ты хоть раз видел, чтобы она телепортировала? А ты заметил, какое оружие и снаряжение у охранниц, патрульных и спецназовок? Легкое! Так что извини, с тобой на закорках у меня просто ничего не получится, мой личный рекорд — двенадцать килограммов сопутствующей массы...

— Похудеть, что ли, — натянуто улыбается Гойко. — Нет, не буду, пожалуй. Лучше ты тренируйся, только не здесь...

Он замолкает вовремя — слышны шаги в коридоре. Двое служителей помогают добраться до раздевалки Витусу Смертельному Удару, отделанному на ринге Даней Крокодилом. Витус постанывает и вяло перебирает ногами. Судя по многочисленным пластырям, прилепленным там и сям к бритой голове и громоздкому туловищу, он уже побывал у фельдшера, а судя по тому, что его ведут, а не везут на каталке, повреждения можно считать незначительными, оклемается сам. Трещины в ребрах или легкое сотрясение мозга — ерунда. Любому из нас случалось покидать ринг в худшем состоянии.

Вся тройка едва не промахивается мимо двери раздевалки — у Витуса солидная инерция. Пыхтя, его влекут к банкетке у стены, он рушится мешком, и банкетка крякает.

Служители переводят дух, но не уходят. Похоже, им велено отмыть, одеть и доставить домой пострадавшего, где ему предстоит провести несколько дней в своем жилом блоке, меняя на себе припарки и пластыри и скрипя зубами всякий раз, как захочется поесть или попить, потому что рот у него надорван и на щеку наложено два шва. Сейчас-то ему вкололи немного обезболивающего, и он не в состоянии оценить всю гамму ощущений.

— Не повезло?

В ответ Витус рычит и изрыгает. Если выполоть из его тирады брань и междометия и тем самым сократить ее на порядок, претензии Смертельного Удара сводятся к следующему: вокруг него сплошное махровое паскудство, а с Даниилом Брудастым по прозвищу Крокодил он еще побеседует, он ему еще припомнит! Скотина же: велено выиграть — ну так и выигрывай, никаких возражений, а зачем всерьез-то увечить? Класс-

ный босц выбыл из кондиции на неделю, но что до этого Мамс Клаве? Да ей, парни, все равно! Она вон Тима Молнию на ринг выпустит или какого иного сопляка — мало ли их ногами сучит, в аттракцион просится... Ей на нас — тьфу!..

— Брось, — басит Тамерлан, — расслабься. У Мамы Клавы жить можно. Не то беда, что Крокодил перестарался, а то беда, что в последний раз, наверное...

Витус, оказывается, не в курсе предстоящих перемен. Ему объясняют, он хлопает глазами и растерянно матерится. Что бы этот бугай ни говорил о тяжкой своей доле, даже он понимает, где кнут, а где пряник. Точнее, где кнут не так часто гуляет по спинам, а пряник иногда виден хотя бы издали. Образования у него нет, как и у большинства бойцов. Карьера чернорабочего его не привлекает, а иной перспективы не предвидится. Ясно, что районная комиссия по рабочей силе распорядится по-хозяйски, то есть упечет его туда, где физические стати в цене, например, на строительство Байкало-Камчатской железной дороги. С таким плечевым поясом хорошо ворочать шпалы.

Пока я одеваюсь возле своего шкафчика, Тамерлан просвещает Витуса, как ранее просвещал меня: так-то и так-то, мол, против федерального Совета Цензоров Мама Клава бессильна, шоу доживает последние дни, поскольку растление молодежи и социальная гармония. Что-то с чем-то, видите ли, несовместимо.

— Совсем не из-за этого, — возникает вдруг один из служителей со своим мнением.

Молчал бы лучше. Но у болтунов язык живет сам по себе и ничем не управляется, так они устроены.

— Ну? — спрашивает Гойко Молотилка в наступившей тишине.

Над служителем нависают грозовые тучи, а ему и невдомек. Прежде чем начать говорить, он облизывается и вообще страшно доволен, что может поучить уму-разуму больших мускулистых дядей. Он недавно здесь работает и еще не уяснил себе, что большие дяди могут его самого поучить за невежливость. На первый случай, конечно, легонько, по самому безобидному варианту. Например, задвинут шкафом в угол — кукуй там, пока кто-нибудь не выручит, и соображай, стоит ли впредь так бесцеремонно лезть в чужой разговор.

— Ну?

— Мне брат рассказывал... — начинает служитель с воодушевлением, но не тут-то было.

— Откуда у тебя брат? — презрительно перебивает Гойко.

— Близнец. Мы потом уже встретились, случайно... воспитывались-то, знамо дело, в разных интернатах, а год назад просто-напросто столкнулись на улице нос к носу. Совпадение, в общем. Даже мимо прошли, а потом оглянулись одновременно. Гляжу и не верю: второй я...

— Ну и что?

— Он в мэрии работает, уборщиком. Бамбук его фамилия, Гоша Бамбук. Большой человек. Ну и слышал недавно разговор: мол, развлекательные шоу — это только начало, речь идет о тотальном перераспределении рабочей силы, так что развлечениям и всему второстепенному — хана в первую очередь, и растление молодежи тут ни при чем. Программа вот-вот пойдет полным ходом.

— Чья программа? — прищурившись, интересуется Гойко.

— А я знаю? Но не городская, это точно. То ли федерального правительства, то ли бери еще выше...

— Гхм. А чей разговор-то был?

— Бабский, понятно...

— Я спрашиваю: кто разговаривал? Твой братец Бамбук может отличить мэра от посетительницы?

Брат Бамбука теряется:

— Не знаю... Не, только не посетительницы... Чинуши какие-то. Да, вот еще что: очень одна из них негодовала, что рабочих у них берут и с городского благоустройства, и с транспорта, и отовсюду, откуда только можно взять, и никто толком не знает, для чего. Если так пойдет дальше, то скоро людям придется вместо эксменов заниматься физическим трудом! А вторая ей: это что, мол, вскоре будем сокращать все необязательные производства, ну, легкая там промышленность, косметика, предметы удобства...

— Не врешь?

— Вот еще! Я брату верю, он разыгрывать не станет.

Не у меня одного отпала челюсть — ошарашены все. Витус — и тот прислушивается, хотя вряд ли понимает, в чем дело. Этого по большому счету и мы не понимаем. Хмыканье, кряхтенье, озадаченный мат, и ничего больше.

Если оно и вправду так, как нам только что было наболтано, стало быть, в нашем мире происходят какие-то сдвиги,

смысла которых мы пока не можем уловить. «Тотальное перераспределение рабочей силы», надо же! Любопытно знать: чего ради? Кто разворошил уютный муравейник?

И тут в дверь раздевалки всовывается конопатая физиономия мальчишки на побегушках:

— Эй, Молния! Мама Клава хочет тебя видеть. Прямо сейчас, одна нога здесь, другая там.

— Зачем еще? — без всякого удовольствия интересуюсь я.

— Небось премию тебе хочет отвалить за сегодняшний бой, — подмигивает мальчишка. — Я видел, как ты дрался. Класс! Ты беги скорей, а то она передумает...

— Бегу, бегу, — ворчу я.

Одет? Одет. И обут. Даже причесан. Волосы пока мокрые после душа, но это ничего. Главное, вымыт и не послужу причиной очередного приступа аллергии Мамы Клавы.

Делаю всем ручкой. Тамерлан и Динамит провожают меня озабоченными взглядами. Гойко Молотилка идет дальше — наклоняется к моему уху:

— Поосторожнее...

Показываю одними глазами: понял, мол.

ГЛАВА 2

МАЛЬЧИК

Я давно заметил: во многих старинных книгах герои обожают рассказывать читателю свои биографии и делают это тем более охотно, чем меньше в биографиях примечательного. Что ж, это их право. А право читателя — не читать. Но как бы то ни было, я последую их примеру, тем более что в моей биографии кое-что примечательное все же было.

Год своего появления на свет я знаю точно: юбилейный, сто пятидесятый от первой телепортации Сандры Рамирес. Даты рождения не знаю, конечно, да и не понимаю, признаться, для чего ее надо знать. Ну какая мне, собственно, разница, сколько усиков у пшеницы или капель в облаке? Я не агроном и не метеоролог. Или ножек у тысяченожки — действительно тысяча или меньше? Никогда не считал. Так и с днем рождения: чем больше забиваешь голову всякой ненужной шелухой, тем более гулкой она становится. Так нас учили, так я думаю до сих пор. Это у женщин, иначе говоря, настоящих людей, есть смешной обычай праздновать день и чуть ли не час

рождения. Все-таки они особенные, раз находят в этом удовольствие.

Понятия не имею, к какому возрасту относится мое первое детское воспоминание, — годам к двум, наверное. Если что-то и запоминается в таком возрасте, то только события экстраординарные, чаще всего связанные с нестерпимой физической болью или столь же нестерпимой обидой. Потом на воспоминания накладываются сны и выдумки, и уже трудно понять, что и как было на самом деле.

Конечно, я плакал и топал ножкой, потому что взрослые тети страшно кричали друг на друга. Только от одной из них исходило тепло, притом сильно заглушенное страхом, другие же были опасны, им не нравился мой плач, их следовало прогнать или убежать от них, если прогнать не получится.

Прогнать плохих тетей не получилось. Помню, как та, хорошая тетя стремительно подхватила меня на руки и, вместо того чтобы утешить, неожиданно грубо запечатала мне ладонью рот и нос. Это было так несправедливо, что я начал вырываться и даже не очень хорошо запомнил лиловую мглу, внезапно окутавшую нас с тетей со всех сторон.

Потом — спустя минуту или год? — мне стало плохо. Очень-очень плохо, и доброй тети не было поблизости, чтобы помочь мне или просто пожалеть. Наверное, я умирал, но в конце концов все-таки не умер.

Много, много позднее мне объяснили, что я глотнул Вязкого мира, попытавшись дышать там, где дышать нельзя. Последнее понятно каждому, кто хоть раз в жизни телепортировал: кому придет в голову набрать в легкие клейкого коллоидного киселя? Разве что ребенку-несмышленышу, бьющемуся в истерике.

Более-менее непрерывными мои воспоминания стали лет в пять. Как все мальчишки, я воспитывался в закрытом заведении. Подъем, отбой, тихий час — и ни шагу за изгородь. Отведенная нам территория была достаточно велика, чтобы мы могли играть в войнушку, «стреляя» друг в друга из-за кустов или фехтуя на палках. Воспитатели — все эксмены и все как один нервные — ходили со стеками и хлыстами. Специальных порок не было, но мало кто из нас не носил багровой отметины поперек спины или пониже. За крик и плач запросто можно было схлопотать еще одну или две. После нескольких опы-

тов каждый из нас понимал, что лучше не реветь. Или, по крайней мере, делать это тихо и не на людях.

Изредка по территории прохаживалась директриса нашего питомника, пожилая костлявая дама с вечно брезгливым выражением на высохшем желтом лице. Тогда наши воспитатели впадали в лихорадочную активность и стеки чаще соприкасались с нашей кожей. Временами то один, то другой воспитатель подбегал к директрисе, повинуясь едва заметному кивку, и стоял навытяжку, смиренно потупив глаза, пока она с властным презрением указывала ему на такое-то и сякое-то упущение. Упущений не быть не могло: ну что, в самом деле, мужики могут знать о чистоте и порядке? Так, самые азы, и то не очень твердо.

Мы боялись желтолицую. Мы прятались от нее где только можно, а если не успевали укрыться, страдали ужасно, даже если ретивый воспитатель обегал нас стороной. Один раз я поймал ее взгляд, когда на глаза ей попалась серая травяная лягушка, выгнанная нами из канавы на асфальтовую дорожку. Точно с таким же гадливым выражением она смотрела на нас, и мы не знали тогда, что ей помешало приказать воспитателю сделать с нами то же, что и с лягушкой: убить и убрать. И напуганный воспитатель хлестнул лягушку хлыстом со всей силы и почти перешиб надвое. А потом взял за лапку и отнес в мусорный бак.

Разумеется, она (то есть директриса, а не лягушка) отвечала за нас и волей-неволей была обязана беречь. Наверно, с нее спросили бы в случае какого-нибудь упущения — как с заведующей фермой за падеж или недостаточный привес молодняка. Нас кормили — невкусно, но сытно. Когда кто-нибудь из нас заболевал, его без канители отправляли в изолятор, где фельдшер ставил ему горчичники, заставлял пить таблетки и невкусную микстуру, а иногда делал уколы. Уколов и горчичников мы побаивались, но не слишком: фельдшер был пожилой, добрый и толстый, с большими грустными усами. Как и мы, он жил при питомнике и никогда никуда не уезжал.

Помимо директрисы, женщин в питомнике не было. Мы знали, что где-то во внешнем мире они все-таки есть, но не имели представления, каковы они и отличаются ли хоть сколько-нибудь от нашей желтолицей владычицы. Нам казалось, что не очень, но мы все-таки стремились попасть наружу — из чистого любопытства, предполагая не без оснований, что, кро-

ме женщин, в большом мире есть и многое другое, не всегда враждебное.

Забор был сплошной, бетонный и очень высокий, взобраться на него не удавалось никому. Ни одно пригодное для лазания дерево не росло настолько близко к забору, чтобы был соблазн проползти по ветке и оказаться на ТОЙ стороне, хотя бы на пятиметровой высоте над землей. Но заглянуть на ТУ сторону нам все же удавалось: во-первых, с тех же деревьев, а во-вторых, когда ненадолго распахивались главные ворота чтобы пропустить грузовик или автобус. В первом случае мы видели лес за забором, во втором — пыльную дорогу с кюветами по обочинам.

Ах, какие враки о Большом мире рассказывали в спальне после отбоя воспитанники, обладавшие даром воображения Какие небылицы выдумывали вдохновенные лгуны — дух захватывало! На самом деле мы питались крохами информации добытой у взрослых, и уже учились ловить редкие моменты благодушия воспитателей, с тем чтобы вовремя и непременно обиняком задать тот или иной мучительный вопрос с надеждой получить ответ. Мы постигали первые уроки наивной хитрости. Помню, как я специально простудился под ледяным дождем, чтобы попасть в изолятор к доброму фельдшеру с грустными усами и мучить его расспросами, но переусердствовал, схватил двустороннюю пневмонию и едва выжил.

Ни одной девчонки мы не видели, но точно знали, что где то есть такие существа, и представляли их себе уменьшенными копиями директрисы — маленькими, костлявыми, желтолицыми и злыми созданиями. Годам к шести или семи я точно знал, что у всех девчонок есть мамы и этим они отличаются от нас. Из мам каким-то образом рождались девочки. Кто родил (что бы это ни значило) нас и как мы возникли, если ни кто не рождал, — оставалось мучительной загадкой, великим простором для домыслов.

Один из воспитателей, правда, брякнул, будто все появляются на свет одинаково. Значило ли это, что мы тоже родились? А если так, то у каждого из нас тоже когда-то была мама

Я не забыл ту добрую тетю, несмотря на то что она обошлась со мной грубо и пыталась утащить в вязкую лиловую мглу. Быть может, она и была моей мамой?

Потом я догадался: наверное, у других воспитанников то же когда-то были мамы, только они умерли. Мы уже знали

что такое смерть: один малыш из младшей группы был укушен большой полосатой осой по имени Шершень, зашелся в визге, а потом раздулся, начал хрипеть, и его навсегда забрали в изолятор. Добрый фельдшер не смог его вылечить, и его усы висели печальнее обычного, потому что у него не было нужного лекарства. Наверное, так и мамы: у кого из них рождается мальчик, те умирают, а у кого девочка — живут. Значит, моя мама умерла.

Догадка как догадка — ошибочная, но по-своему логичная.

С четырех лет нас заняли общественно полезным трудом. Мы подметали дорожки и приводили в порядок лес внутри забора, то есть собирали опавшую листву, веточки и шишки в большие кучи в специальных местах, после чего кто-нибудь из взрослых устраивал из куч костры, территория питомника окутывалась едким дымом, и с нее на день-другой исчезали комары. К сожалению, дымные костры чаще горели осенью в листопад, а к тому времени комары сами собой пропадали без всякого дыма.

Работать плохо было невыгодно, а увильнуть от работы, спрятавшись в кустах, было невозможно: лентяев наказывали взрослые, а на отлынивающих доносили мы сами — из чувства обиды и справедливости, я полагаю. Однако по-прежнему часто лоза гуляла по нашим спинам без видимой причины.

Причина хронической озлобленности наших воспитателей открылась мне в позднем отрочестве, когда я уже в совершенстве освоил пользование сексатором. Наши воспитатели были кастраты или в лучшем случае искусственные импотенты — все до одного. Тогда же я содрогнулся, сообразив, к чему могла бы привести иная ситуация, и мысленно возблагодарил женскую мудрость, подсказавшую какой-то важной персоне мысль раз и навсегда избавить нас от посягательств. Нет, уж лучше стеки и хлысты...

Дважды в день мы становились на молитву перед часовней Первоматери. Один из воспитателей, исполнявший обязанности младшего жреца, монотонно заводил хвалебную песнь, а мы, как могли, подтягивали. Раз в год приезжал жрец более высокого ранга и устраивал большой молебен, чему мы радовались: в такие дни нам не давали работы, правда, и петь приходилось до хрипоты. Отсутствие слуха и голоса не считалось уважительной причиной для молчания, да мы и не отлынивали: как не попеть немного в честь полубогини, подарившей

когда-то в невообразимо далеком прошлом жизнь и людям, и нам?

Честное слово, я обожал Первоматерь, хранил под подушкой открытку с изображением Храма в далеком городе Найроби, где в драгоценном саркофаге покоятся ее священные останки, и несколько лет спустя был ошарашен, когда мне попытались разъяснить: под священными останками Первоматери понимаются ископаемые обломки костей самки австралопитека, прозванной Люси и, по мнению науки, являющейся прямым предком людей, иначе говоря, все-таки Первоматерью. Само по себе это не вызывало возражений, но, когда я вдобавок узнал, что Люси была грязным карликовым существом с отвисшими до пупа молочными железами и дряблым морщинистым чревом, изнуренным частыми родами, что она выкапывала из земли какие-то корешки и выковыривала грязными пальцами термитов себе в пищу, — я полез в драку. Наверное, мне было легче лишиться руки или глаза, чем веры. Но произошло обратное: мои руки и глаза остались при мне, синяки и шишки зажили, зато вера в святое... н-да... Вера либо есть, либо ее нет. Когда из-под моей веры вышибли подпорки, она рассыпалась в крошку.

Вначале была рана. Мало-помалу она затянулась. Впоследствии исчез и шрам. Иные запрещенные религии меня не привлекли, и то место души, которому следовало быть наиболее прочным, рухнуло, словно карстовый провал, явив пустоту. Мне и посейчас нечем ее заполнить.

Бесспорно, у экземпов есть душа, нам это объяснили, но душа особого свойства. Лишь лучшие из лучших среди нас могли по смерти надеяться попасть в Рай, нерадивым же предстояло быть ввергнутым в Черное Ничто. Разумеется, и в Раю души экземпов должны были подчиняться душам людей, но это нас не пугало, мы привыкли подчиняться. Пугало Черное Ничто, несуществование, уход в никуда.

И все же страх перед хлыстом действовал сильнее.

С восьми лет нас начали учить читать, с девяти — писать, в десять попытались обучить счету и четырем действиям арифметики. Учили мало — по часу, максимум по полтора часа в день. Гораздо большее внимание по-прежнему уделялось общественно полезному труду, который теперь усложнился: прополка огорода, сбор с картофельных кустов вредного полосатого жука, уборка в помещениях, иногда мелкий ремонт или

покраска чего-нибудь. Свободных часов оставалось мало. Насколько я помню, мы тратили их на изобретательные, но неизменно безуспешные попытки преодолеть забор.

Зачем? Наверное, просто для того, чтобы на несколько минут ощутить свободу, а потом вернуться. Думаю, никто из нас не помышлял всерьез о побеге — хотя бы потому, что мы не знали, что ТАМ, и только догадывались, что лес вокруг питомника не бесконечен. Мы хотели вырваться, но не знали, куда и зачем.

Как-то раз над питомником пронеслась буря и повалила старую березу так, что она кроной легла на забор. Наверное, поверх забора шла какая-то сигнализация, потому что уже через час, несмотря на завывания ураганного ветра, мостик на ТУ сторону был ликвидирован с помощью бензопилы.

Однажды лопоухий Женька, мой дружок, шепнул мне на ухо с заговорщицким видом:

— Ч-шш... После работы — у кривой сосны. Не пожалеешь.

Разумеется, в нужное время я был у указанного дерева, и Женька, улизнувший, как и я, от недреманного ока воспитателей, повел меня к забору. Низинка, где заросли крапивы стояли жгучей стеной и вырастали вновь столь упорно, что их отчаялись когда-нибудь свести, была мне, разумеется, хорошо знакома и не представляла большого интереса. В ответ на мое недоумение Женька поднял воротник курточки, втянул сколько мог руки в рукава, заранее поежился и коротко бросил:

— Пошли.

Конечно, крапива не хлыст, но тоже вещь малоприятная. Однако в самой ее гуще возле бетонной стены обнаружился сюрприз — яма полуметровой глубины, заполненная прелой листвой и всяким лесным мусором. Я сразу все понял, да и у Женьки горели глаза.

— Подкоп, да?

— Угу. Мы хотели сверху, а тут, оказывается, вот как можно... Кто-то когда-то начал копать. Но не докопался.

Мы выкинули из ямы мусор и начали копать, ковыряя землю сучками, выбрасывая ее пригоршнями, и за этим занятием едва не прозевали построение на ужин. Естественно, у нас хватило ума сообразить, что запачканные руки и колени — не то зрелище, которое следует являть воспитателям. Наверное, наши предшественники, начавшие подкоп, не были столь осторожны.

Мы работали в глубокой тайне, не посвятив в наш замысел никого (хотя лично у меня язык чесался неимоверно — рассказать) и вообще соблюдая все конспиративные предосторожности. Земля поначалу оказалась довольно податливой, отчего края ямы вскоре начали осыпаться. Пришлось рыть не только вглубь, но и вширь, сводя яму на конус. Мешали древесные корни. Потом пошла сплошная глина. Вдобавок мы могли посвятить рытью никак не более часа в день. Все же спустя неделю глубина ямы достигла нашего роста, а проклятый бетонный фундамент и не думал кончаться, наводя нас на унылые мысли.

— А может, оно такой же глубины, как и высоты? — высказал я однажды вполне фантастическое предположение, имея в виду под «оно» наш бетонный периметр.

Женька подумал и мотнул головой:

— Не, Тимк, вряд ли. Ты знай копай! Устал — вылазь, я покопаю...

Вскоре зарядили дожди, и наша яма до половины наполнилась мутной жижей. Мы условились продолжить подкоп, как только установится хорошая погода.

Она так и не установилась: вся вторая половина лета выдалась холодной и дождливой. А в конце лета нас, однолеток, однажды построили в длинную шеренгу и примерно каждому второму велели сделать шаг вперед, выкликая поименно.

Мне — велели. Женьке — нет.

Больше я никогда его не видел и не знаю, закончил ли он все-таки наш подкоп, а если закончил, то чем для него это обернулось. Нас, вышедших вперед, увезли сейчас же, дав десять минут на сборы. По правде говоря, собирать было особенно нечего.

Я и сейчас думаю, что у Женьки ничего не вышло с тем подконом. Вернее, мне долгое время хотелось так думать. Было бы обидно, если бы получилось у него одного, без меня.

Но что бы он нашел на той стороне?

В тот день я увидел еще одну женщину, уже вторую и совсем не похожую на нашу директрису. Если та напоминала старую, пусть и ухоженную лошадь, то эта — лихую наездницу. Она была, наверное, вдвое моложе и вдесятеро красивее нашей прежней владычицы, а двигалась стремительно и порывисто, причем с такой уверенностью, что, казалось, стены должны были рассыпаться в прах при ее приближении, а сто-

летние ели выкапываться из земли и удирать на корнях. И у нее были на то основания. Стены, конечно, не падали, и деревья вели себя прилично, а вот телепортацию мы увидели своими глазами.

Она направилась к автобусу — весело, танцующей походкой — и вдруг исчезла с легким хлопком. Я не сразу понял, куда она делась, и очень удивился, заметив ее уже сидящей в автобусе рядом с водителем. Такое вот чудо. Кто-то из наших не выдержал, показал пальцем — и, естественно, тут же получил по рукам.

Так на одиннадцатом году жизни я впервые покинул пределы питомника. Нас загрузили в автобус и куда-то повезли. Везли долго. В автобусе резко пахло топливом и резиной, так что меня почти сразу начало мутить, и дорогу я запомнил плохо. Зато догадался повернуть голову и прочитать вывеску на воротах: «Министерство трудовых ресурсов Славянской Федерации. Мужской подготовительный интернат имени Юдит Полгар».

Все-таки наше заведение именовалось интернатом, а не питомником.

Из подготовительного интерната имени Юдит Полгар нас перевезли в интернат-училище имени Марины Расковой. Вскоре я узнал, чем знамениты эти люди: если первая наглядно доказала преимущество человеческого ума над мужским, обыграв в какую-то умную игру всех самцов на планете, то вторая водила в бой крылатые армады и лично погасила развязанную неразумными самцами общемировую бойню, уничтожив двумя бомбами город Нагасима, главный оплот мужского шовинизма.

В этом интернате я прожил лет семь. Территория была большая, побольше даже, чем в подготовиловке, хотя, в сущности, тот же загон с деревьями, подстриженными кустами и аккуратными дорожками. Не лес, а скорее парк. За его благолепием, понятно, следили мы сами: сегодня, скажем, первая группа, освобожденная ради такого случая от занятий, стрижет кусты и газоны, метет дорожки, завтра вторая и так далее. Семь возрастных групп, семь дней в неделе, очень удобно. Пожалуй, мы даже любили выходные дни — это когда можно выйти на дорожку и помахать метлой. А зимой — лопатой.

Глубже всего мы изучали два предмета: ремесло, выражавшееся в умении работать по дереву и металлу, а также новей-

шую историю, начинающуюся, как известно, от первой телепортации и Великого Пути Обновления, указанного Сандрой Рамирес. Было и еще кое-что: основы природоведения, математика вплоть до подобия треугольников, черчение, устный и письменный интерлинг, правила личной гигиены, уроки пользования сексатором и тому подобное — но самое интересное, конечно, происходило в мастерских. Здесь решалось, кто на что годен. Иных тупиц после нескольких неудачных опытов вообще не подпускали к станкам сложнее циркулярной пилы, кто-то навеки застрял на сверлильном или шлифовальном, многие освоили токарный, а некоторые, в том числе и я, со временем были допущены к фрезерному, да еще с программным управлением.

Наслаждение, иначе не назовешь это чувство, когда вместо брака у тебя впервые получается настоящая деталь, пусть поначалу и простенькая. А уж когда полностью освоишь хитрый станок, научишься за ним ухаживать и заставишь его работать, как тебе хочется, чем заслужишь сдержанную похвалу мастера, — наслаждение вдвойне! Песня! Оргазм!

Но и наказывали нас уже не хлыстом, а электрошокером. За мелкое нарушение можно было схлопотать слабый разряд, особенно если выказать покорность и сознание вины, — зато участники драк карались свирепо и беспощадно. Кое-кто потом навсегда остался заикой. Говорили, что несколько лет назад при усмирении особо буйного экземпляра наши наставники перестарались — у того остановилось сердце, и фельдшер оказался бессилен запустить его вновь. Правда это или выдумка — не знаю.

Наверное, выдумка. Не представляю себе эксмена, которого было бы невозможно утихомирить электрическими ударами. Или у него было не все в порядке с психикой.

Друзей, таких же верных, как Женька, я себе не завел, но приятелей хватало. Некоторых я помню, хотя зачем — неизвестно. После училища я с ними не встречался.

А периметр там был — ну, я вам доложу! Забор всего-навсего трех метров ростом и не сплошной, а из стальных прутьев. Понятное дело, поверху сигнализация, так что не перелезешь, зато сквозь прутья смотри наружу, сколько хочешь, и на дерево лазать не надо.

Степь там была. С перелесками. И никого народу, хотя вдали и угадывались какие-то строения. Вероятно, их обитатель-

ницы были не слишком довольны соседством с училищем-интернатом и старались не совершать прогулок в его направлении.

Вплоть до одного случая.

Даже не помню точно, сколько мне тогда было лет, — наверное, тринадцать или около того. Вышло так, что меня давно не наказывали, и я набрался наглости. Однажды, когда выдался свободный час, я прямиком пошел к воротам нашего заведения и заявил старому сухонькому привратнику, что хочу выйти.

Он оторвался от созерцания извивающегося дождевого червя, атакуемого голодной жужелицей, поднял голову и посмотрел на меня с большим интересом:

— А зачем?

Вопрос не поверг меня в смятение — я был слишком возбужден для этого.

— Низачем. Просто хочу.

Привратник не двинулся с места, но передвинул морщины на лице в новое положение.

— Гм... Хочешь, значит. Гм-гм... Это замечательно. Ну что ж, обоснуй свое право хотеть, а я тебя внимательно послушаю.

— Ну... это... Мне просто хочется, — выдавил я куда менее уверенно. — Почему мне нельзя выйти?

— А почему тень направлена в сторону от света? — спросил старик. — Почему солнце греет, а ветер холодит? Почему идет дождь? Почему жук кусает червяка, а не наоборот? Почему ночью на ясном небе можно разглядеть невооруженным глазом примерно три с половиной тысячи звезд, а не сто тысяч и одну? Как ты думаешь?

Я пожал плечами и сказал, что не знаю. Вопросы показались мне редкостно глупыми. В самом деле, какая может быть связь между ограничением моей свободы и тенью? Какое мне дело до звезд и полудохлого червяка?

— Потому что все в мире устроено рационально, а значит, наилучшим образом, — ответил старик, с удовольствием наблюдая мое замешательство. — Ты знаешь слово «рационально»?

Я знал. Рационально — это когда деталь у тебя получается в наименьший срок и при минимуме отходов. В общем, как мастер нас, неумех, учил, тыча носом в гору напрасных стружек, так я и ответил.

О! — сказал старик, подняв кверху палец, и, по-моему,

обрадовался. — При минимуме отходов! Это важно. Это даже главное, если по большому счету. Вот с главного и начнем. Как ты думаешь, с чего это вдруг человечество встало на Путь Обновления?

— С открытием способности людей к телепортации, — пробубнил я заученное. — С Сандры Рамирес.

— Очень хорошо. По истории, вижу, успеваешь. А ты случайно не задумывался: существовали ли иные пути?

Я угрюмо молчал. Мне было совершенно ясно, что этот говорливый старичок никогда не выпустит меня за ворота интерната. Хотелось повернуться и молча уйти, но я все-таки остался. Обида обидой, а любопытство любопытством. До сих пор никто из взрослых не спрашивал моего мнения — все просто учили.

— Не было иных путей! — пронзительным петушиным фальцетом выкрикнул вдруг привратник и добавил тише и проникновеннее: — Не было, понимаешь? Совсем. Если не считать те пути, что вели человечество прямо в могилу. А пука скажи мне: что было в мире до становления на Путь?

— Ну... этот... патриархат был, — нехотя припомнил я первые страницы учебника. — Мужское иго... Женщинам... то есть людям слова не давали сказать... Ну, там, раздробленность мира, войны всякие...

— Правильно, — перебил он. — А почему, знаешь? Очень просто: потому что мужик по сути своей охотник, хищник, в азарте и алчности не знающий преград, а настоящий человек, то есть женщина, — собиратель и хранитель всего самого лучшего. Стабилизирующее начало, иначе берегиня. Без Сандры Рамирес, Ханны Гертлиц, Маргарет ван Хайме и Анастасии Шмалько тебя в худшем случае не существовало бы вообще, а в лучшем случае ты сейчас ползал бы по помойкам в поисках пищи. Вроде крысы, только хуже. Гния заживо. Скажи-ка, ты голоден?

Я помотал головой.

— Ну то-то. Если бы вам давали историю более подробно, ты знал бы, что лет двести назад трезвые умы представляли себе наше время совсем иначе. Перенаселение — раз. Полное истощение ресурсов вследствие перенаселения и нерационального хозяйствования — два. Голод и вымирание миллиардов людей вследствие истощения ресурсов — три. Потеря немногочисленными сытыми цели и смысла бытия, наркоти-

ки, деградация и вырождение — четыре. Без всяких войн запили бы себя в каменный век, озверели бы и начали с увлечением грызть друг другу глотки. Да что там прогнозы — уже в то время недоедало две трети населения Земли. А сейчас?

Великим спорщиком я не был, но тут начал возражать, больше из принципа, чем по сути. Очень уж мне не понравилось, что кругом прав этот дедок, а не я. Короче говоря, среди тех, кого наши мастера-наставники допустили только до циркулярной пилы и рашпиля, был Генка, до училища воспитывавшийся в подготовительном интернате имени Софьи Ковалевской. Вот он-то и рассказывал, как на территорию их интерната, расположенного где-то на юге посреди ковыльной степи, иной раз заползали степные черепахи. Их ели. «Глядишь — суповой набор ползет. А то еще в золе можно запечь. Вку-усно...»

Пронять старичка этим рассказом мне, однако, не удалось ни в какой мере.

— «Вку-усно»! — передразнил он. — Я тебе о голоде, а ты мне об изысках. Он голодал? Нет? Тогда оставим твоего дружка в покое. Сейчас на Земле живут шесть миллиардов человек и четыре миллиарда эксменов, причем сыто живут! При необходимости Земля прокормит еще столько же, если не больше. Забота о потомстве, практическая евгеника! Почти повсеместный отказ от наркотиков, включая табак. И причина всей этой благодати — женщины! Женская твердая рука. Размеренность, порядок и разум. А ты говоришь — выйти!.. С какой стати? Потому что тебе так хочется? Дави в себе первобытные желания и будешь жив. Мало того, дашь жить другим, включая тех, кто еще не родился. Свободы захотел? Относительная свобода, милый мой, бывает на необитаемом острове, да только кому она нужна, такая свобода? Понял? Иди.

Полминуты назад я бы и сам ушел с удовольствием, но тут уж остался из чистого упрямства. С какой стати мною будет командовать привратник-калека? Только сейчас я заметил его кривую ногу и палочку, прислоненную к скамейке. А старик пожевал губами и, видно, забыл, что прогнал меня. Слова из него выскакивали складные и помногу.

— И экология, — продолжал он. — Ты смогом когда-нибудь дышал? Я тоже нет. И не хочу, потому что представляю себе, что это такое. Помню еще по рассказам. А теперь и в мегаполисах дышится почти как на природе, — а почему? То-то

же. Ты городскую свалку пять на пять километров когда-нибудь видел? Вечно горящую? А свалку радиоактивную? Поверь на слово: никогда не увидишь. Их нет. Производство, особенно химическое, — только безотходное. Или, скажем так, почти безотходное. Дорого, но жизнь на Земле того стоит. Ничего одноразового, кроме того, что само распадается за неделю. Долговечность и ремонтопригодность! Никакого морального старения — только материальное! Есть автомобили старые и новые, но не бывает автомобилей немодных! Никто не купит бытовую технику, которая развалится через два года, потому что никто ее не произведет и не продаст. Тем более никто не выбросит на помойку работоспособную, но вышедшую из моды вещь. Загрязнение среды — лишь абсолютно необходимое, с последующей рекультивацией. Вырубил дерево — посади три и добейся, чтоб выросли. Чистота и красота, понял? Осетры в реках, фазаны в степях. Антропогенная... в смысле, человеческая нагрузка на природу еще и теперь ниже, чем природа способна выдержать. Это плохо? А энергетика? Ты ветряки в степи видел?

Я сердито сказал, что не видел, и дед обрадовался:

— А ты сходи посмотри прямо сейчас! Во-он туда, за третий корпус и налево. Там в одном месте их можно увидеть. Тоже мне, исследователь мироздания, все ему сразу выынь да предъяви. Ты начни с малого! — И старик, потеряв ко мне интерес, вновь принялся следить за поплинком жужелицы с издыхающим червяком.

Разобиженный, ругая про себя привратника на чем свет стоит, я и пошел за третий корпус начинать с малого: глазеть сквозь решетку на ветряки. Их и в самом деле можно было разглядеть сквозь чахлый перелесок. В общем-то ничего особенного: километрах в двух от интерната довольно-таки лениво вращалось около трех десятков огромных пропеллеров на стометровых мачтах. День был тихий, но я сообразил, откуда в ветреную погоду приходит низкий дрожащий гул, заставляющий резонировать оконные стекла в наших спальнях. А уже через несколько секунд все на свете ветряки навсегда перестали занимать мое внимание.

За оградой была девочка. Ну, девочка и девочка, скажете вы, что тут особенного? Однако попытайтесь поставить себя на мое место. До того дня количество виденных мною женщин с высокой точностью равнялось четырем, и все они от-

подь не отличались юным возрастом. А это существо, по-видимому, было даже младше меня!

Платьице. Первоматерь моя Люси, я впервые видел платье! Голые побитые коленки, ссадины и болячки, смазанные зеленкой, — ну все как у нас! Тем не менее я сразу понял: она не такая, как мы, она иная. И вслед за осознанием этого простого факта немедленно явилось раздражение. Безумно захотелось оказаться рядом с ней — не знаю зачем. Может быть, чтобы прогнать. Какого черта она делает возле нашей территории?

Девочка собирала грибы. Ее лукошко было до половины заполнено крепкими пузатыми боровиками вперемешку с огненными лисичками, и она, нимало не интересуясь корпусами интерната, растущими по ту сторону периметра, старательно шевелила прутиком траву, то и дело приседая, чтобы срезать очередной гриб. А потом, как видно, почувствовала на себе мой взгляд. Во всяком случае, мне так кажется, поскольку не припомню, чтобы я издал хоть какой-нибудь звук.

Мгновенный страх — вот что я увидел в ее глазах. Так пугаются, обнаружив поблизости большого хищного зверя или какую иную буку, — и моментально успокаиваются, заметив, что бука заключена в прочную клетку.

Не знаю, какого зверя она во мне увидела, но уж явно не из тех, к кому хочется подойти поближе и кинуть через решетку кусочек печенья. Более того, справившись с первым страхом, окинув меня взглядом, исполненным высокомерного презрения и едва ли не гадливости, эта сопливка немедленно вернулась к сбору грибов, как будто меня не существовало!

Возьмите скальпель и попытайтесь найти в живом теле душу. Искромсайте, но найдите. Найдя — плюньте в нее.

В этот момент я перестал контролировать себя.

Не знаю ни одного тихони, кому хоть раз в жизни не случалось сорваться с нарезки, а тихоней я не был. Кажется, я зарычал и завыл, как зверь. Я и был зверем, готовым кинуться в драку и загрызть, клубком бешеной ярости. Забыв о том, что передо мною стальные прутья решетки, я рванулся вперед...

По идее, я должен был удариться об ограду, уподобившись разъяренному бабуину в вольере, и быть униженным издевательским смехом девчонки — конечно, если бы та удостоила меня хотя бы такой реакции. Вместо этого вокруг меня сгустилась лиловая тягучая мгла, сопротивлявшаяся моим дви-

жениям, словно клейстер или мазут. Я даже не удивился в первые несколько секунд и не испугался, а продолжал яростно рваться вперед, не видя куда, раздвигая собой вязкий лиловый кисель, зная только, что рвусь вон из опостылевшей клетки...

По счастью, я не сделал ни одного вдоха. Впрочем, задержать дыхание в Вязком мире показалось мне столь же естественным, как в воде. И даже не мне показалось, а моим рефлексам. Странно, ведь я никогда не опускал голову в воду, да и негде было. Мы не купались. По сей день процент экземенов, умеющих плавать, чудовищно низок. Никаких бассейнов и ванн — только душ.

А потом я выскочил из лилового киселя — как раз тогда, когда моя ярость начала сменяться закономерным страхом. Так что, когда я внезапно оказался на траве между оградой интерната и девочкой, еще неизвестно, кто из нас был больше напуган.

Пробежав по инерции еще несколько шагов, я остановился. Очень крепко озадаченный. Вывалившись из мира, где «все не так», я даже не сразу сообразил, что «не так» в привычном солнечном мире на крохотной лужайке между оградой и перелеском.

— Ма-а-ма-а-а!..

Вот что было не так: кричала девочка, совершенно белая от ужаса. Лукошко она уронила, и крупный боровик с коричневой шляпкой выкатился из него на траву. Дикий, грязный, отвратительный зверь, вроде гиены, вырвался на свободу!

— Ма-а-а-а-ма-а-а!..

Невольно попятившись, я зажал ладонями уши. И сейчас же девчонка, подхватив лукошко, пустилась бежать — только пятки засверкали. Теперь ужас почувствовал я. Если где-нибудь поблизости действительно бродит ее мама...

Весь в поту и мурашках я повернулся и побежал.

Дважды я налетал на решетку, точно слепой, набил несколько синяков, без толку тряс толстенные прутья, всхлипывал и едва ли не рыдал в голос, мечтая лишь об одном: как можно скорее оказаться ТАМ, в привычном мирке внутри ограды, откуда я так недавно мечтал вырваться. На мое счастье, корпуса интерната глядели на ограду слепыми кирпичными стенами, так что никто не видел меня и, похоже, никто не слышал пронзительного девчоночьего вопля. Мне повезло.

Третья попытка принесла удачу.

Я уже понял, что надо сделать, чтобы оказаться ТАМ: захотеть. Не бросаться на решетку, не ломиться дуром — просто захотеть. Очень-очень. И чуть только передо мною сгустилась пугающая, но такая желанная лиловая мгла, я рванулся в нее, словно в дверь, готовую вот-вот захлопнуться.

Труднее всего оказалось войти, но и двигаться в Вязком мире (тогда я еще не знал, что он так называется) оказалось совсем не просто. С такой же «грацией» бредет по дну водолаз в глубоководном скафандре, волоча за собой шланг. Так вязнет в сиропе муха. А главное — ничего не было видно. Для верности я отсчитал десять шагов и лишь тогда позволил себе вынырнуть в настоящий мир, к свету.

Это оказалось легко. Гораздо легче, чем нырнуть в вязкую мглу.

Я был внутри ограды интерната. Еще два-три шага — и я уперся бы в стену корпуса.

Позднее меня мучили глупые сомнения: что со мной случилось бы, сделай я в Вязком мире те самые два-три шага? Остался бы навсегда вмурованным в стену? Взорвался бы с мощью ядерной боеголовки от реакции между атомами моего тела и силикатного кирпича? Вообще не смог бы покинуть Вязкий мир, поскольку место выхода было занято?

Правильным было последнее предположение, но тогда я этого не знал и, ясное дело, натерпелся страху, вообразив себе немало всяких ужасов о том, что могло мне грозить.

Чуть позже я понял, что грозить мне могло совсем другое.

Но — обошлось. На первый раз. Не то чтобы я решил прекратить эксперименты с Вязким миром — как раз наоборот: зуд повторить опыт был нестерпимым, а еще сильнее хотелось рассказать кому-нибудь о моей тайной способности, каким-то боком равняющей меня с настоящими людьми, — однако я заставил себя держать рот на замке и очень хорошо сделал. Умение не подставить себя в любой ситуации — это наука, которую мне пришлось одолевать без учебников, без наставников, без права на ошибку.

Думаю, та девчонка в конце концов решила, что ей напекло голову до галлюцинаций. А может, она промолчала о том, что видела, не желая прослыть выдумщицей. Наверняка я знаю одно: она ничего не сказала своей маме, иначе меня стали бы искать. И очень скоро нашли бы. Сколь ни фантастична история о телепортации существа с XY-хромосомным набором,

взрослые тети обязаны были всполошиться, несмотря на то что легенды о мужской телепортации появились, оказывается, задолго до моего рождения. Слишком высоки ставки. Незакомплексованность девчонки могла принести плоды — лично для меня крайне неприятные.

Я бы просто исчез.

ГЛАВА 3

БЕГЛЕЦ

На ринге опять кого-то молотят, идет уже пятая схватка, и, судя по вою амфитеатра, публика заведена до предела, но мне туда не надо. Я иду к Маме Клаве, это совсем в другую сторону. Еще неизвестно, куда лучше. Что вдруг потребовалось Маме от скромного бойца Тима по прозвищу Молния?

Рабочий кабинет Мамы Клавы находится этажом выше, всего в трех минутах ходьбы, но я выбираю кружной путь по пешеходной галерее над крытым стадионом и иду все пять. А главное — на галерее есть одно место, откуда насквозь виден короткий коридор, ведущий к кабинету Мамы. Нелишне осмотреться, прежде чем совать голову в крокодилью глотку.

Кажется, чисто. Пуст коридор. На стадионе тренируется женская футбольная команда, стучат бутсы по мячам, но мне до них дела нет. Игрокам до меня тем более. Гм... а не впадаю ли я в паранойю со своим вечным страхом быть разоблаченным? В конце концов Саблезубый в больнице, Гойко подчистил запись того паскудного боя, да и телепортировал я на ринге самую-самую малость. Кто мог заметить? Одна секунда в Вязком мире — это в среднем полторы микросекунды в мире настоящем. Разница почти в семьсот тысяч раз! Плюс-минус два порядка.

Я прохожу точку, где шум амфитеатра над рингом «Смертельной схватки» сникает перед ревом трибун ипподрома, тоже входящего в спортивно-зрелищный комплекс. Там сегодня собачьи бега. Что-то тихо на удивление. Наверно, главные фавориты в программе не участвуют.

И все равно ипподром ревет громче амфитеатра, даром что вынесен из колоссального здания комплекса на вольный воздух. Там просто больше зрительниц.

Не знаю, искренне ли они предпочитают бега породистых барбосов дракам диких мужиков. Но это зрелище считается

более благопристойным и пока не вызывает нареканий со стороны Совета Цензоров. Ни муниципального, ни федерального.

В короткий коридор — как в мышеловку. Не вижу никаких признаков того, что дверца может захлопнуться, однако предчувствие у меня скверное.

— Вызывали?

Так и есть, Мама Клава не одна. В ее кабинете уютно расположились еще трое: холеная, подтянутая женщина средних лет в строгом дамском костюме и две женщины помоложе, одетые в одинаковые брюки и блузы. Та-ак. Совсем скверно. Штатское, но одинаковое — это мы проходили. Неистребимый стиль скорохватов из федеральной безопасности. Крепенькие девочки. Моментально дают себя знать потревоженные Тамерланом ребра. Ноют все сразу. Хором.

Мышеловки бывают разные. К сожалению, для мышей они гибельны в любом случае.

Мама Клава выглядит просто ужасно. Словно ее, а не Витуса только что вдрызг исколошматили на ринге. Аллергические пятна на ее лице налиты густым свекольным цветом. На какой-то миг я даже пугаюсь не за себя.

— Проходи, Тим...

Если уж влез в мышеловку такой конструкции, что не перешибает сразу пополам, — не ломись сразу назад. Сперва осмотрись.

— Ближе, ближе. — Холеная дама улыбается.

Подхожу ближе. Весь внимание.

— А что, Тимофей Гаев, не засиделся ли ты здесь?

— А? — с бестолковым видом спрашиваю я, сонно моргая. Личина тупоумия — вечная моя выручалочка. И спохватываюсь, изобразив испуг, как всякий, кто не хочет получить электроразряд за неподобающее обращение: — О чем говорит госпожа?

Засиделся? На моей физиономии цепко сидит тупое недоумение: как я, эксмен, могу позволить себе сесть в присутствии настоящих людей без специального приглашения? Вернее, без приказа.

— Ты ведь прежде работал техником-метрологом в конструкторском бюро при заводе космической техники имени Савицкой? — ласково спрашивает холеная дама. Ее подручные молчат. — А до этого там же техником-наладчиком?

Киваю:

— Да, госпожа. Пять лет стажа, госпожа.

— А почему уволился?

— Меня уволили, госпожа. За профнепригодность.

Она и не ждет от меня иного ответа.

— Мы просмотрели твое дело. Ты напился пьян и вдребезги расколотил ценный прибор. Случайно, конечно. Поскользнулся при переноске. За что был подвергнут принудительным работам сроком на один месяц и уволен по отбытии наказания. После чего прижился здесь. Так?

— Так, госпожа.

— Тебе здесь нравится?

— Да, госпожа.

— И ты больше не позволяешь себе спиртного?

— Нет, госпожа. Ни в коем случае.

Она улыбается.

— Почему? Ведь не секрет, что достать самогон в мужских кварталах — проблема решаемая. Усилиями нашей полиции и добровольной помощью сознательных эксменов средний срок действия самогонной точки снижен до двух месяцев, однако полностью искоренить эту заразу пока не удается. Тебе это неизвестно?

— Известно, госпожа.

— И ты хочешь сказать, что за последние полгода ни разу не употребил алкоголь?

— Точно так, госпожа. Кроме пива в разрешенном количестве, госпожа.

— Почему? Не хочется? Только честно.

— Как не хотеть, — тяжко вздыхаю я. — Но ведь нельзя же... В любой момент могут вызвать на ринг... на замену... вот как сегодня... хорош я буду... И вообще, форму надо поддерживать...

— Госпожа, — напоминает она.

— Так точно, госпожа.

Она смотрит на меня с большим интересом, и этот интерес мне совсем не нравится.

— А скажи мне, Тимофей Гаев, он же Тим Молния, не было ли у тебя личной причины быть уволенным из конструкторского бюро?

— Э... простите, госпожа?

— Ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю, — улыбается дама. — Ты был там на хорошем счету. Кое-какие твои идеи

используются до сих пор. Дисциплинированный, думающий технарь. Красивый и здоровый спермодонор первого разряда... сексуально привлекательный для людей с атавизмами в психике... Верно?

Под ее взглядом в упор я стараюсь выглядеть уже не растерянным дебилом, а клиническим олигофреном. Может, она поверит, что на ринге мне вышибли последние мозги?

Верьте мне. Боец же. Уже полгода. С утолщенной по Ламарку лобной костью за счет мозгов.

Ага. Мечтай, мечтатель.

— Ты умный парень, Тимофей Гаев, — с удовольствием говорит дама. — Умный и осторожный. А при случае — решительный. Когда твоя непосредственная начальница проявила к тебе нездоровый сексуальный интерес, ты испугался. Когда же этот интерес стал чересчур настойчивым, ты не вообразил, будто кривая вывезет, а с помощью друзей провернул хитрую комбинацию, в результате которой был переведен в другой отдел. Когда же твоя бывшая начальница — не беспокойся, она сейчас на принудительном лечении — распалилась яростью и ждала только случая подставить тебя по-крупному, ты сумел это понять и упредил — украл технический спирт, надрался свинья-свиньей и расколотил прибор, вследствие чего вышел из опасной ситуации с наименьшими потерями. Умно. Глупцу, принявшему роль, от которой ты отказался, повезло куда меньше...

В этом сомневаться не приходится. Не хочется даже думать о том, какая участь уготована мужику, уличенному в сексуальной связи с настоящим человеком. Эксмен, ставший настоящим самцом, обречен и может считать себя счастливчиком, если уйдет в ничто без мучений.

Бедный глупый Шурка Костяков... Мир праху. А ведь предупреждали его, внушали открытым текстом, едва не кричали: не жди удава, кролик, беги во всю дурь — все равно куда, но беги! А он только вздыхал да демонстрировал тоскливую обреченность: куда, мол, убежишь...

Нет, не глупый он был. Просто нерешительный, с атрофированной волей. Типичный эксмен. Трудно такому не плыть по течению в мире, где все продумано и выверено за столетие до твоего рождения. Но даже в прекрасно зарегулированной реке встречаются опасные водовороты.

Можно верить, что течение само пронесет мимо. Мож-

но — не верить и грести. Разумеется, не против могучего потока — это бесполезно, — а наискось.

И тогда, быть может, водоворот останется позади.

— Ты знал об этом?

— Нет, госпожа.

— Ты не поддерживаешь связь со своими старыми товарищами?

— Нет, госпожа. А надо?

Похоже на невольную дерзость — от избытка простодушия. Уже зря. Моя маска врожденной тупости отваливается кусками, пора стряхнуть с себя ошметки.

Дама пропускает мою реплику мимо ушей.

— Почему ты не доложил куда следует о поведении своей начальницы?

— Кто поверит эксмену, госпожа? Возьмут только на заметку. Мне это надо?

Обе спутницы холеной дамы настораживаются — моя маска сброшена. Пусть думают, что под ней лицо.

— Не хочешь привлекать к себе внимание, Тим?

— Мне не нужны неприятности, госпожа.

— А работа тебе нужна?

— Кхм. Простите, госпожа?

— Мы собираемся предложить тебе работу, Тим. Новую работу, отчасти связанную с твоей основной специальностью и очень ответственную. Согласен обсудить детали?

Последняя соломинка для утопающего:

— Мама Клава?

На нее страшно смотреть. Нет, в данной ситуации она ничего не сможет для меня сделать.

— Молния у меня лучший боец, — хрипит она, бессмысленно пытаясь прикрыть крылом желтенького пушистика. Беспардонно врет, конечно: я вовсе не лучший боец в ее шоу. Даже в своей весовой категории.

Жаль, что у нашей квочки не стальные легированные крылья. Эти ястребы попросту не обращают внимания на Маму Клаву.

— Разве требуется мое согласие? — резонно спрашиваю я.

— Представь себе, нам желательно его получить, Тим. Повторяю: работа крайне ответственная, сложная... и, возможно, опасная. На такую работу не гонят из-под палки, на нее нанимают заинтересованных людей, подходящих по всем статьям.

Ты подходишь. Мы намерены тебя заинтересовать. Все равно эта мордобойная контора, — следует кивок в сторону Мамы Клавы, — доживает последние дни, так что тебе прямой смысл подумать о будущем. У тебя здесь не осталось ничего ценного?

Подумав, качаю головой:

— Нет, госпожа, ничего. Но...

— Что «но», Тим?

Делаю судорожный вдох.

— Если это от меня зависит — я отказываюсь.

— Боишься риска, Тим?

— Предпочел бы обойтись без него, госпожа. Насколько это возможно.

Федеральная безопасность в секундной растерянности. Краем глаза замечаю, что Мама Клава уже не столь похожа на разлагающегося покойника, как полминуты назад. Что, мол, федералы, получили свое?

Она их просто плохо знает.

Углы рта холеной дамы трогает всепонимающая улыбка:

— Ты постоянно рискуешь на ринге, Тим. Ты участвовал в двух... да-да, в двух смертельных схватках без правил на потеху развлекающейся публики. Ты убил одного противника и покалечил другого, но и тебе досталось... Тебя ведь тоже могли убить, тем более учитывая твой тогдашний малый опыт, верно, Тим? Даже теперь, когда смертельные бои запрещены, ты рискуешь случайно получить на ринге травму, несовместимую с жизнью. Тебя ведь не сам риск пугает, верно? Ты по психологическому портрету не заядлый игрок, но все же игрок. Ты игрок рассудительный, поэтому предпочитаешь не играть там, где не видишь шанса выиграть. Сейчас ты, конечно, вообразил, что от тебя потребуют несуразно много, взамен чего посулят столь же несуразную оплату — чересчур громадную, чтобы имело смысл платить, когда проще убрать претендента по завершении его миссии. Не отпирайся, Тим, ты ведь подумал об этом?

Она читает мои мысли. Неужели у меня все на лице написано?

Стою столбом, молчу. Что вам надо от меня? Душу? Не продаю. Нечего там продавать — нет у меня души. Высунулась однажды, поглядела на мир и сбежала неведомо куда.

— Ты ошибаешься. Сейчас мы проедем в одно место, там тебе подробно растолкуют суть нашего предложения и дадут

необходимые гарантии. Уверена, ты отнесешься к ним с предельным вниманием. Это, кстати, в твоих личных интересах.

— Ваш слуга, госпожа.

У меня снова деревянное рыло. Если уж от меня ничего не зависит — надо быть проще. Все равно что расслабиться и получить удовольствие.

С деревяшки можно снять стружку. Можно расколоть ее колуном. Можно сжечь. В любом случае деревяшка бессильна возразить — так, чтобы ее палач отказался от своего намерения. В лучшем случае она может воспользоваться неосторожностью палача и посадить ему занозу. Но это уже от крайности... пропадать, так с музыкой.

Холеная дама поднимается с кресла, идет ко мне, по-прежнему улыбаясь.

— Рада, что ты это помнишь, Тим. Хороший слуга исполняет приказы быстро и без раздумий. А потом искренне радуется справедливо полученной награде. Право, жаль, что ты пока еще не очень хороший слуга... Ты подвергаешь сомнению слова своих хозяев и не хочешь исполнять даже их просьбы, не говоря уже о приказах. Но ты захочешь... ты очень захочешь их исполнить, глупый эксмен Тимофей Гаев. Это совсем не трудно — заставить захотеть...

Она усмехается прямо мне в лицо:

— Не советую тебе телепортировать, Молния...

Последнее, что я вижу в кабинете Мамы Клавы, — ее мясистое лицо с ярко пылающими багровыми пятнами, отпадающей челюстью и отечными веками, распахнувшимися сейчас до крайнего предела. Она начала понимать...

Я проваливаюсь в Вязкий мир и пытаюсь бежать в нем, чего нельзя делать, — вернее, можно, как можно делать все бесполезное. Лиловый кисель не понимает, когда сквозь него прут дуром, как лось через тайгу. Выигрыш в скорости ничтожный, зато сил тратится уйма. Ох, как мне нужны сейчас эти силы!..

Медленнее, кретин, медленнее! Не паникуй. Все равно до танка тебе далеко, поэтому не прорывайся напролом сквозь Вязкий мир, а ПРОДАВЛИВАЙ его медленно и неуклонно, ДИФФУНДИРУЙ в нем — и не разочаруешься в результатах.

Не паникуй... Легко сказать — сделать труднее. Но надо.

Если я не ошибся направлением, сейчас самое время взять немного вниз...

Выныриваю и падаю с небольшой высоты прямо на чью-

то голову. Подо мною кто-то охает на вдохе. Прошу прощения, я не хотел... Качусь кубарем, вскакиваю... Гулкие хлопки телепортирующей на крытый стадион спецкоманды, отражаясь от высокого потолка, кажутся громче, чем они есть. Ого... Сколько же вас тут — целый десяток? На одного эксмена? Значит, вы знали, кого идете брать?

Стоп-кадр. Футболистки замерли, еще не успев понять, что происходит.

Ныряю вслепую, успев лишь глотнуть воздуха. На то, чтобы осмотреться и точно определить направление следующего нырка, мне требуется по меньшей мере секунда; моим тренированным преследователям — куда меньше. А значит, секунды у меня нет.

Снова мучительно долго раздвигаю лиловый кисель.

Вынырнуть с первой попытки не удается. Быть может, на этом месте застыла фигура оторопевшей футболистки с открытым ртом, а может быть, я взял ниже, чем следует, и ушел в пол.

Вверх и в сторону!

Вышел.

Вдохнул. Нырнул.

Игра в прятки-догонялки. Отследить движущегося в Вязком мире человека невозможно — ни визуально, по вихревому следу, который он тащит за собой, ни какими-либо методами локации. Радиоволн, например, этот лиловый кисель вообще не пропускает, а звуковые колебания гаснут в нем очень быстро. За полтора века никто из телепортирующих не встретил в Вязком мире не то что человека — вообще ничего, кроме однородной субстанции. Несмотря на легенды, никто еще не смог предоставить убедительных доказательств хотя бы одной такой встречи — в том числе в максимально благоприятных условиях экспериментов. Либо он очень велик, этот мир, либо у каждого он свой.

За секунду можно прицелиться, хотя бы грубо, и пустить очередь веером. Вряд ли меня хотят убить — это можно было сделать куда проще, — скорее попытаются обездвижить специальными ампулами. Попадет заодно футболисткам — их беда. Обратимая.

Еще проще и надежнее вынырнуть в метре от меня. Тут не надо ни стрелять, ни бить, достаточно вцепиться в меня любым захватом, имитируя груз, превышающий пороговый, и

продержаться полсекунды. Навалившись впятером, эти бабы сомнут даже Тамерлана. Вот и еще одно странное свойство Вязкого мира: еще никому не удавалось уйти в него из чужих объятий или из наручников, если второй браслет сидит на чужом запястье. Никому не удавалось втащить в него другого человека.

Разве что моей маме... Но я был ребенком. Легоньким.

Футболистки — моя единственная надежда. Если они с перепугу начнут телепортировать по залу — у меня появится секунда-другая, чтобы осмотреться.

После пятого нырка до меня доходит, что первоначальный расчет был верен. Хотя какой там расчет — скорее уж интуиция. В толпе женщин может затеряться даже экзекутор, если эта толпа поддалась панике.

Крытый стадион сотрясается от канонады — под сводами мечется эхо воздушных хлопков от быстрых и хаотичных телепортаций десятков людей. Броуновское движение и тунельный эффект разом. Без сомнения, где-то вовне этого ополоумевшего муравейника находится наблюдатель, хотя бы та холеная дама, — а то и несколько наблюдателей. Но, чтобы вычленить меня в бестолковой суете, им тоже нужно какое-то время, пусть малое.

Мне хватит.

Две телепортации подряд. Первая — только для того, чтобы сбить наблюдателей с толку. Вторая, прицельная — вверх. Попал! Я на пустой пешеходной галерее над стадионом. Рывок — вдох — нырок...

Со стороны это, вероятно, выглядит забавно: я внезапно исчезаю прямо на бегу, метров через двадцать-тридцать появляюсь вновь, пробегаю пару-тройку шагов, чтобы снова исчезнуть и в ту же секунду проявиться еще дальше, и так несколько раз. Рвусь из сил и из всех сухожилий, как было сказано кем-то еще в Темные века мужского господства. И в Вязком мире рвусь, и в нашем, вещном. Только серия хлопков за мной — бах-бах-бах...

Зрелище, должно быть. От души надеюсь, что никто его не видит. Если сейчас я не уйду в отрыв, то не уйду вообще. Ушел?..

Нет.

Она ошибается — выныривает буквально в шаге передо мной, не успев поднять оружие. Я лечу, как таран в крепост-

ные ворота, а может быть, не как таран, а как баран — какая разница, в конце концов, — сшибаю ее, падаю сам и ухожу в следующий нырок в падении.

Воздуха в моих легких хватает на пятнадцать шагов — шажков! — в Вязком мире. Выныриваю — два судорожных вдоха — успел!

Успел нырнуть, а выныривать на галерее уже не стоит — наверняка там ждут меня с нетерпением. Если я сию секунду не изобрету какой-то хитрый финт, меня схватят. Телепортировать из комплекса на площадь? В два приема, пожалуй, дотяну — а потом? На площади Сандры Рамирес перед глыбой храма Первоматери я гол и беспомощен, скрыться там некуда. Сдаться? Угу. Расслабиться и получить удовольствие...

Есть еще один вариант, любезный моим пылающим легким: вдохнуть в Вязком мире полной грудью.

Там, кроме водорода, гелия, азота, аргона, — аммиак, угарный газ, циан, цианистый водород, ядовитая высокомолекулярщина... Это, конечно, тоже воздух, его можно вдохнуть. Один раз или два. Я сам приносил из Вязкого мира пробы на анализ — масс-спектрограф подтвердил тот же процентный состав газовой смеси, что фигурировал в любом школьном учебнике телепортации.

Полтора века назад считали, что Вязкий мир, возможно, не что иное, как не очень глубокие недра какой-нибудь распухшей газовой планеты, вроде Сатурна. Тот слой, где еще не жидкость, но уже и не совсем газ. Тогда наивно верили, будто этот лиловый кисель — плоть от плоти нашего мира, только расположенный неизвестно где и почему-то соединенный с нашей планетой бесчисленными незримыми каналами. Самое смешное, что эта гипотеза продержалась довольно долго, обрастая, как полипами, диковинными допущениями, непрерывно надстраиваясь и усложняясь в попытках объяснить простое при помощи сложного, пока наконец не развалилась от удивления собственной несуразностью.

Гораздо дольше просуществовала (и, несмотря на сдачу некоторых позиций, существует до сих пор) гипотеза, выносящая Вязкий мир за пределы нашей Вселенной, — истинное раздолье для научных спекуляций. В самом деле, отчего бы той вселенной не быть замкнуто-гомогенной, без звезд, планет, магнитных полей и прочей излишней, с ее точки зрения,

дребедени? И кто осмелится утверждать, что там обязаны действовать те же самые физические законы, что и у нас?

И все-таки антропная версия, полагающая Вязкий мир изначально присущим человеку, в последние годы находит все больше приверженцев, несмотря на ее кажущийся идеализм. А главное, она великолепно вписывается в государственную идеологию и греет души людей. Женские души. Мужчина, эксмен, не может проникать в Вязкий мир по определению.

Биологи еще не разобрались, в чем тут дело. Считается, что в Y-хромосоме, — по крайней мере, эта версия приведена в школьных учебниках телепортации. Мало кто ломает над этим голову — важен факт, а не его причина. Но вот ведь незадача: у меня есть Y-хромосома, я не женщина и не неплодный уродец с мужской анатомией и XX-хромосомным набором, я нормальный эксмен и даже спермодонор, а вот телепортирую...

Лучше большинства настоящих людей. Но, конечно, хуже тренированных профессионалок из спецкоманд.

У них портативные дыхательные аппараты, очень удобные и позволяющие при необходимости оставаться в Вязком мире в течение десятков минут. У них мази и аэрозоли, защищающие тело от медленного отравления через кожу и слизистые. У них скользкая обтягивающая одежда, облегчающая движение в киселе Вязкого мира. Разумеется, у них легкое, портативное и надежное оружие.

А куда я, собственно, свернул, куда протискиваюсь в лиловом желе?

Вот оно что: третий вариант. Давным-давно оговоренный с Гойко Молотилкой, Ваней Динамитом и Русланом Хабибуллиным по кличке Тамерлан. Операция «Экстаз» — чтобы никто не догадался...

Как это мое сознание не успело поучаствовать в решении? Что-то там во мне прикинуло: направление телепортации определено, дальность доступна, ну и сигай. Я и сиганул, не подумав о последствиях. Простите меня, ребята...

Думаю, они побили бы меня, узнав о моих сомнениях. Они прекрасно осознают, что выбрали неблагодарное амплуа группы поддержки и просто обязаны лечь за меня костьми. Мой щит и моя броня, мое прикрытие, расходный материал в случае необходимости. Об этом было говорено тысячу раз. И в конце концов, если их не изрешетят сгоряча, то скорее всего ничего несовместимого с жизнью им не грозит — ну помуры-

жат под следствием, ну отправят лет на десять замаливать грехи куда-нибудь на лесоповал или строительство Байкало-Камчатской магистрали. И так отправят: яснее ясного, что наша конспиративная ячейка провалена. Без всякой крамолы моим друзьям после ликвидации «Смертельной схватки» светил бы край вечнозеленых помидоров — ну куда еще девать могучую, но абсолютно неквалифицированную рабсилу?

Логично. Железная логика труса и подлеца, ушмыгивающего за чужие спины от расплаты.

Оправдание можно сыскать всегда — от мировых катастроф до не вовремя развязавшегося шнурка — и оправдать что угодно. Если будешь очень настойчив, тебе поверят.

Эх, Ваня, Гойко, Руслан... Почему вы никогда не назовете это трусостью и подлостью? Почему вы не простите мне, если я не вынесу мерзости собственной душонки и вдохну Вязкого мира?

А почему тень направлена в сторону от света, как говорил один мой старый знакомый? И почему жужелица кусает червяка, а не наоборот?

По логике. Гадостная это штука — логика.

Нырок долог — надо обойтись без промежуточных выныриваний. Хорош я буду, если в раздевалке меня ждет засада!

Попытка вынырнуть — и неудача. Мечусь вправо-влево, вверх-вниз. Глаза застилает чернота, я уже не вижу лиловую мглу...

И падаю из-под потолка, круша банкетку. Вдох! Еще! Невыносимая сладость спертого, с крепким запахом пота — но воздуха.

Рыба. Пойманный на уду и небрежно брошенный в пакет карась, уже полузадохшийся, сумел удрать и дошлепать до воды.

В раздевалке та же компания: двое служителей в униформах, побитый Витус Смертельный Удар, уже принявший душ и полуодетый, Тамерлан, Молотилка и Динамит. На миг удивляюсь, почему трое последних все еще торчат здесь, — и понимаю почему.

О том, как ошарашены служители и Смертельный Удар, распространяться не буду. Они еще не поверили своим глазам, но уже отвалили челюсти.

— Экстаз... — сиплю я в коротком промежутке между двумя судорожными вдохами. И впрямь экстаз — дышу! Жив!

Мои ребята наготове, и все же им требуется полсекунды, чтобы понять, что на этот раз все всерьез, игра пошла ва-банк. Вслед за тем воздух в раздевалке наполняется летающими предметами.

С грохотом рушится тяжелый шкаф, перегораживая дверь в коридор. Еще один валится поперек двери, ведущей в душевую, где шумит вода и кто-то по-лошадиному фыркает под струями. Пусть пофыркает взаперти. Теперь не так-то просто попасть в раздевалку МЕХАНИЧЕСКИ, а от телепортации есть средство — не очень надежное, правда, всецело зависящее от ловкости рук: ЗАНЯТЬ ПРОСТРАНСТВО. Чем угодно, вплоть до пуха из распоротой подушки (жаль, что подушки нет, — но обойдемся). Раздвинуть собой при выныривании молекулы воздуха — это тривиально, раздвинуть предметы — практически невозможно. И уже через секунду-другую после моего появления вынырнуть из Вязкого мира в нашей раздевалке становится просто НЕГДЕ.

Разлетаются выдранные с мясом дверцы личных шкафчиков, к потолку взлетают вороха одежды, полотенца, обувь, какой-то неопознанный хлам... Порхают полосатые бумажки — эксменские деньги из безжалостно опустошенных Динамитом карманов. Взвивается в воздух урна, крутясь волчком и рассеивая содержимое. Забыв о травмах, вскакивает на ноги Витус Смертельный Удар, пытаясь понять, что тут вообще происходит. Орут и бестолково мечутся служители — эти уже поняли. Один из них, тот самый брат Бамбука, с воплем бросается к двери, пытается оттащить в сторону шкаф, который ему явно не по силам. Вот дурень.

Набежавший Тамерлан хватает его в охапку и шпырком отправляет в полет через всю раздевалку. Вовремя: дверь крякает под ударом с той стороны, затем длинная автоматная очередь рубит ее в щепки. Тамерлан умница — не только спас дурня, но и сам успел уйти с линии огня.

— Лови! — орет мне Гойко.

Ну разумеется! У Молотилки великолепный нюх на опасность, куда лучше моего. Разумеется, чуть только за мной закрылась дверь, он на всякий случай сделал одну очень простую вещь: незаметно вынул из тайника некий предмет и держал его при себе.

Он очень занят, заполняя кубатуру раздевалки порхающим в воздухе тряпьем, но бросок его точен.

Оп. Поймал.

Больше всего этот предмет похож на детскую пустышку, предназначенную для детеныша гигантопитека. Мне в самый раз. Она и делалась специально для меня, эта вещица, второй такой нет ни у кого. Конечно, можно было спереть и тайно хранить обыкновенный дыхательный аппарат для Вязкого мира — с прозрачной маской и баллончиком в заплечном контейнере, — но куда надежнее прятать то, что при невнимательном осмотре сойдет за дурацкий сувенир.

Правда, встроенный в «пустышку» баллончик с дыхательной смесью совсем крошечный и вдобавок размещен вместе с редуктором в ротовой полости дышащего, что не улучшает настроения, — в случае взрыва сто атмосфер разнесут голову в брызги. К счастью, сейчас мне некогда думать об этом.

Пусть смесь содержит аж сорок процентов кислорода (не сжечь бы легкие!) — все равно ее хватит в лучшем случае минут на пять. Вот об этом подумать следует. Сколь ни тужься, пять минут в Вязком мире — это прыжок от силы метров на двести, после чего придется выныривать. Этот прыжок надо сделать с умом...

Трещит изрешеченная дверь — ее высаживают. Порхают тряпки. Второй служитель, забившись в угол, прикрыв лицо руками так, что виден один распяленный в крике рот, тянет полное животного ужаса «а-а-а...».

Последний взгляд — уж простите меня, ребята, не на вас. На стены. Фиксация места нырка. Цепкость памяти и чувство направления — иных навигационных приборов для Вязкого мира еще не придумано. Именно эти два качества вырабатываются наставницами у юных сопливок на школьных занятиях по телепортации.

Ваня Динамит оглядывается на меня. В его глазах просто ярость: ТЫ ЕЩЕ ЗДЕСЬ?!

Прощайте, ребята. Вы сделали свое дело — прикрыли мое бегство. Вы давно поняли, на что идете, вы знали, что когда-нибудь наступит момент и я как полоумный заору: «Экстаз!» Мне не в чем вас упрекнуть — а вам меня?

С этой поганой мыслью я ныряю в Вязкий мир. Мелкий вдох ртом — выдох через нос. Конструктор моего дыхательного аппарата без всякой жалости принес удобство в жертву компактности. Я истратил не один баллончик, прежде чем научился дышать только смесью, не прихватывая попутно не-

много воздуха из окружающей атмосферы, — и лишь потом рискнул опробовать аппарат в Вязком мире...

Сквозь облепивший меня лиловый студень проталкиваю, продавливаю себя вон из спортивно-зрелищного комплекса.

Не на площадь перед комплексом, нет. Ясно и слабоумному: где чересчур много праздношатающихся, там невозможно остаться незамеченным, с внезапным хлопком появившись на пустом месте. Даже на женщину, телепортирующую без крайней нужды, непременно обратят внимание, а уж на эксмена... Хорош я буду, если попадусь не натасканным спецназовкам, а обыкновенному полицейскому патрулю!

С противоположной стороны, за ипподромом — небольшой парк Первых Феминисток. Наверняка заметят и там, но шансы уйти все же более реальны.

Туда я и целюсь, с натугой раздвигая лиловый кисель. Задача непроста: на дистанции в двести метров не слишком ошибиться по ординате, чтобы не переломать себе костей, свергзившись с высоты. Лучше сразу взять немного ниже...

Много раз я мысленно прокручивал путь бегства — из моей жилой кубатуры в мужском спальном районе и отсюда, из раздевалки фирмы Мамы Клавы, ни разу, конечно, не рискнув прорепетировать бегство натурно. Конечно, мысленные упражнения больше, чем ничего, это так, кто станет спорить? Но много меньше, чем нужно, чтобы чувствовать себя уверенно.

Интересно, где я сейчас? На пути собачьей своры, бешено мчащейся за искусственным зайцем? Вынырни я сейчас — и очень может быть, что меня на полной скорости протаранит исходящий лаем и роняющий с клыков слюну гончий барбос. То-то будет потехи зрительницам...

А потом спецназовки возьмут меня тепленьким — то, что останется от меня, если осатанелая свора решит, что вечно ускользающий искусственный заяц — пренебрежимая добыча в сравнении с добычей крупной и малоподвижной.

Но я еще не страдаю слабоумием. Кажется.

Чувство расстояния в Вязком мире приходит не сразу, ему учатся месяцами полигонных тренировок. Стандартный школьный курс дает девочкам лишь начатки искусства телепортации, а дальше дело личное: хочешь — совершенствуй мастерство, хочешь — нет. Большинство людей как раз не хочет и вспоминает уроки телепортации как кошмар тяжелого детства. Пожалуй, телепортировать на моем уровне или выше умеет лишь

одна женщина из тридцати-сорока. И этого более чем достаточно, чтобы уже второй век поддерживать на Земле чисто женскую цивилизацию.

В полицию и спецслужбы идут как раз те, кто готов совершенствоваться в телепортации бесконечно. Для этого нужно лишь иметь от рождения искру мазохизма и ни в коем случае не гасить ее. Большинству людей Вязкий мир крайне неприятен — но описаны случаи бурного оргазма как немедленное следствие попадания в лиловый кисель. Медицина до сих пор не решила, считать ли это патологией.

Жаль, что по природе я не мазохист.

Когда баллончик готовится испустить дух, я начинаю готовиться к выныриванию. Это не так просто, между прочим, особенно если выныривать некуда. Скорее всего с первой попытки ничего не выйдет — я взял заведомо ниже воображаемой оптимальной линии и теперь нахожусь под земной поверхностью. Кроты и черви не примут меня в компанию, и не надо.

Сейчас я начну тыкаться, как слепой котенок, медленно поднимаясь выше — непременно зигзагами, потому что строго вертикальный подъем чреват шансом не разминуться со столбом или стволом дерева... ЕСТЬ!

Я падаю с небольшой высоты в мелкий ручей, едва удержав равновесие, чтобы не плюхнуться плашмя. Что за шуточки? Оказаться посреди мегаполиса мокрым до нитки не входит в мои планы. Допустимый максимум — промочить ноги.

Уже промочил. Журчит холодная подземная вода, обтекая мои щиколотки. В ботинки она забралась первым делом — погреться, наверное.

Глаза постепенно привыкают к темноте. В туннеле, пробитом для подземного ручья, все-таки не совсем темно — шагах в двадцати от меня откуда-то сверху проникает скудный свет. Невысоко над головой навис темный свод, по виду очень древний. Кое-где с потолка капает, свисают тонкие сосульки сталактитов.

В кои-то веки удачно вынырнул! Лучше места не придумаешь.

К счастью, это обыкновенный коллектор ливневой канализации, не имеющей никакого отношения ни к бытовой канализации, ни к технической. Еще удача — последнюю неделю не было дождей, а зимний снег давно стаял и стек в Москву-реку в том числе по этому самому туннелю.

Иду к свету, по-журавлиному поднимая ноги. Под тонким слоем журчащей воды мягкий ил и твердый песок. Аллювий. Что-то живое быстро-быстро шлепает по воде далеко впереди. Крыса, наверное. Вслед ей выплевываю свою «пустышку», теперь уже совсем пустую...

Интересно, как скоро подручные холеной дамы догадаются, куда я исчез? Положим, гонять меня по канализации, даже ливневой, спецназовки скорее всего побрезгуют, а вот пустить в туннель какую-нибудь не шибко убойную летучую отраву, чтобы выгнать меня на свет, могут запросто.

Свет льется из чугунной решетки наверху неглубокого квадратного колодца. Скобы сгнили. Сквозь решетку видны листва и угол скамейки, слышны голоса и старушечий кашель. Так. Сюда я не полезу, пусть себе старушки сидят на парковой скамеечке, греются на майском солнышке и судачат по поводу невоспитанной молодежи и бюрократии в Департаменте социального вспомоществования. Как всякий порядочный рабочий из Водоканала, я должен покинуть подземные недра через люк, а не решетку. В идеале неплохо бы иметь на себе спецовку, а в руках разводной ключ или кувалду — но, надо надеяться, я не привлеку особого внимания и так.

Четвертый по счету колодец — круглый и с крепкими скобами. Лезу вверх, поднимаю головой и сдвигаю в сторону массивную чугунную крышку...

Истошный визг тормозов. Высунув голову из круглой дыры в асфальте, я жмурюсь от солнечного света, а прямо перед моим носом застыл бампер.

Опять мне везет, но на этот раз везение с изъяном: перед дырой в асфальте и торчащей из нее моей очумелой головой затормозил легковой мобиль. Будь это грузовик, управляемый эксменом, я без колебаний телепортировал бы в кузов — и ищи ветра в поле.

Все это я обдумываю уже в Вязком мире. Рефлекс, сволочь... Как в схватке с Саблезубым. Гойко прав: в нашей конспиративной ячейке я наименее надежен.

Теперь уже в бывшей ячейке...

Стараюсь не думать о том, как там сейчас Гойко, Ваня, Руслан... Хоть бы догадались лечь на пол! Господи, если ты есть, сделай так, чтобы спецназовки, ворвавшись в раздевалку, сгоряча не открыли пальбу!

Я опять чувствую себя подлецом. А потом — без всякого перерыва — приходит единственно верное решение.

Стекла легковушки вздрагивают от воздушного удара, когда я с размаху приземляюсь на заднем сиденье. Не будь они частично опущены по случаю теплой погоды, их, пожалуй, выдавило бы.

— Гони! — Мой голос срывается на визг.

Молодая белокурая женщина на водительском месте как раз собирается высунуться в окно, дабы обложить как следует эксменское быдло, по врожденной тупости и лени не догадавшееся оградить место работ щитами. Разумеется, по ее просвещенному мнению, ей следовало не останавливаться, а сшибить дурню башку. Удар воздуха за спиной и мой крик заставляют ее подпрыгнуть на сиденье. Вслед за тем машина прыгает вперед, как лягушка, и набирает скорость.

Все-таки мне сегодня хронически везет: в легковушке не оказалось пассажиров. И еще: если бы ополоумевшая от страха особа, сидящая передо мною, не ударила по газам, а телепортировала вон из машины, мое положение трудно было бы счесть завидным.

— Притемни окна! — зверем рычу я. Блондинка вздрагивает, но быстро выполняет команду. Понятливая... И вроде не истеричка. Хотя отсутствие истерики не обязательно показатель редкого самообладания — возможно, просто следствие шока.

Машина выносится с почти безлюдной улочки Энн Маккэфри, тянущейся вдоль парка Первых Феминисток, на трассу с оживленным движением и удачно вписывается в городской поток. Мы уже за пределами центральной пешеходной зоны. Вполне вероятно, ее вот-вот попытаются оцепить — но опоздали, голубушки.

Кстати, откуда в пешеходной зоне частный мобиль? Что, у этой дамочки — специальный пропуск?

— Куда едем? — прерывает она мои мысли. Ее голос на удивление спокоен.

— К тебе домой.

— Это за городом, — сообщает она, поколебавшись.

— Коттедж?

— Да.

— Тем лучше. Теперь медленно, чтобы я видел, поставь управление на автомат и задай конечный пункт.

— Уже. Я собиралась ехать домой.

Вот как. Смотрю на приборную панель — кажется, дамочка не врет. Впрочем, до конца я в этом не уверен.

— Смотри, — говорит она, уловив мои колебания. На краешке ветрового стекла возникает карта мегаполиса и желтая пунктирная линия, обрывающаяся невдалеке за городской чертой. Надо думать, коттедж стоит там.

— Подойдет.

Красная точка уверенно ползет по желтому пунктиру. В городе тьма транспортных развязок, а где все-таки есть светофоры, там нам не стоять — автомат позаботится своевременно изменить скорость.

Город Москва, бывший Феминополь, но уже десять лет как снова Москва. Уступка традиции. Тем более что Москва — женского рода, не какой-нибудь княжий Москов. Из чего, по мнению нынешних историков, совершенно ясно следует, что матриархальные ростки произрастали и в российском Средневековье, пока не были загублены Домостроем.

И Кучка, конечно, была боярыней, непримиримой врагиней мужского абсолютизма, вроде Сандры Рамирес. Только ей повезло меньше.

В общем потоке машина уверенно держит семьдесят, иногда лишь снижает скорость до пятидесяти-сорока. Блондинка, замершая перед крутящимся по воле автомата рулем, ведет себя спокойно. Она никуда не денется: рыпнешься и в движущейся машины в Вязкий мир — наверняка убьешься или покалечишься при выныривании. Даже на сорока в час.

Кретин!!!

Мысли мои — враги мои. Чуть не расслабился! А те машины, что едут по соседней полосе с той же примерно скоростью? На месте этой женщины я бы попытался...

На ней блузка с большим отложным воротником — за этот-то воротник я хватаюсь и держусь мертвой хваткой. Попалась, птичка, теперь не улетишь.

— Ты не мог бы убрать руки? — В ее голосе нет ни тени испуга, одна холодная брезгливость. Это нам знакомо: куда экмену до настоящего человека! Неважно, что у экмена потные и грязные руки, важен сам факт: экмен! Червь еси, смрад еси, кал еси...

— Вот что... тварь, — свирепею я. — Имей в виду: никаких штучек! Я не убийца и не насильник, так что тебе безопаснее

не дергаться. Почую что — сломаю шею. Терять мне нечего. Окажешь содействие — останешься жива-здорова. Поняла?

— Какое тебе нужно содействие? — интересуется она.

— После узнаешь.

— Никогда не видела телепортирующего эксмена, — сообщает она после паузы. — Выходит, все эти легенды неспроста.

Я не отвечаю. Мало-помалу город остается позади, машина увеличивает скорость. Начинают мелькать коттеджи. К одному из них, выглядящему, пожалуй, понаряднее других, мы и подлетаем с ветерком. Автоматические ворота услужливо захлопываются за багажником машины. Приехали.

— Ты живешь одна?

— Нет, с подругой, — мгновенный ответ.

Логично. На ее месте я бы и сам так ответил. Кстати, совсем не факт, что она врет. Лесбийские забавы фарисейски осуждаются официальной идеологией как проявление низменных страстей, но на деле не преследуются. Все-таки не аморальное и противоестественное сожительство с самцом. Подружка возможна. Может, у них любовь.

— Подруга сейчас дома?

— Я не знаю.

— Посмотрим. А комп дома есть?

— Нет.

Опять она отвечает слишком быстро. На этот раз наверняка врет: в таком доме заведомо есть все, что нужно человеку, и даже, может быть, немного сверх того.

— Для тебя было бы лучше, если бы комп был.

Оглядываюсь. Ворота и забор, оплетенный диким виноградом, надежно скрывают нас от взглядов извне.

Не так это просто — обоим вылезти из машины, не потеряв физического контакта. Надежнее оставить в покое отложной воротник и схватить блондинку за волосы, что я не без удовольствия и делаю. Ее корежит от отвращения.

— Открой дверцу и медленно выходи, — свистящим шепотом командую я, свободной рукой отпирая заднюю дверцу. — Так. Медленно, я сказал...

Разумеется, комп в коттедже имеется, и очень хороший, а подруги, напротив, не наблюдается, если не считать за таковую небольшую белую кошку, которая сразу же принялась тереться о наши ноги, не делая никакой разницы между мной и хозяйкой, и отчаянно мявкать, требуя не то ласки, не то пи-

щи. Вернее второе, потому что, как только я сыпанул ей в миску какого-то кошачьего комбикорма из найденного в холодильнике пакета, животное немедленно оставило нас в покое и принялось чавкать. Теперь оно с видом «тварь я дрожащая или право имею?» громыхает на кухне узкой кастрюлей для кипячения молока, пытаясь залезть в нее то головой, то задом, то головой и задом сразу. Пусть себе шалит зверушка. Заслужила снисхождение уже тем, что ласкалась ко мне, поганому эксмену. Которого не охолостили только потому, что он, подлец, эталонно здоров и годен в доноры семени, и еще потому, что лет пятьдесят назад ученые дамы с сожалением констатировали: партеногенетический путь воспроизводства вряд ли когда-нибудь удастся довести до ума, потомство, видите ли, получается ослабленным физически и умственно...

Здесь кабинет хозяйки, надо полагать. Не гостиная, не спальня, ни этот, как его... будуар, а именно кабинет. Строгая, деловая обстановка. Окна занавешены. Моя пленница крепко примотана скотчем к массивному креслу, с таким грузом, знаете ли, не телепортируют. В ее уши я вставил по клоку ваты, закрепив тем же скотчем. Само кресло развернул к занавешенному окну — не потому, что мне неприятно встречаться с ненавидящим взглядом блондинки, а из разумной осторожности: вдруг она умеет читать по губам? Настоящие люди полны скрытых талантов.

— Включение. Все ресурсы. Вход в Сеть, — командую я компьютеру.

Его совершенно не волнуют различия в спектральных характеристиках моего голоса и голоса блондинки. На нем не стоит пароль. От кого в наше безопасное время беречься рядовому обывателю из настоящих людей?

В самом деле: от кого?

ГЛАВА 4

ИЛОТ

— А, деструктивный элемент!

Так старичок-привратник стал называть меня после того, как я с мальчишеской прямотой сболтнул ему, что собираюсь посвятить жизнь искоренению несправедливости по отношению к эксменам. Отговаривать меня от этого занятия он на первый случай не стал, но посмеялся вволю, обидев меня не

на шутку. Кому приятно, когда над ним смеются? Особенно в пятнадцать лет. После этого я не появлялся у будки старого привратника целую неделю и намеревался вообще перестать ходить к нему, — однако не выдержал. И все для того, чтобы старый привратник приветствовал меня бодрым восклицанием:

— А-а, деструктивный элемент!

Я запнулся на ходу. Еще секунда — повернулся бы и ушел, чтобы никогда больше не прийти. На сей раз бесповоротно.

— Обиделся? — поинтересовался старик. — Ну извини. Сам напросился. В террористы ему захотелось! Нет-нет, я в принципе не возражаю и даже не собираюсь тебя отговаривать, ты только растолкуй мне, глупому: зачем?

— Хотя бы для того, чтобы мною не командовали, — буркнул я.

— Отлично. Хочешь сам командовать другими?

Я решительно помотал головой. Ну нельзя же все понимать так неправильно!

— Другими — нет. Пусть другие сами собой командуют. Но только не мною. Собой я могу покомандовать и сам.

— А справишься? — прищурился он.

— Как-нибудь!

— Угу, угу... — Старик закивал. Он выглядел чем-то довольным. — Ты, стало быть, не тиран в душе, а просто стихийный анархист. Тем лучше. Я думал — клиника... В твоем возрасте экстремистские заскоки случаются со многими и, поверь мне, не всегда лечатся. Услышишь еще разговоры: хорошо бы, мол, перестрелять всех баб, кроме тех, что физически или психологически не способны к телепортации — их, между прочим, немало. Вот на них-то и отыграться, когда будут перестреляны активно противодействующие и придет звездный мужской час. Загнать их в черную кухню и глумиться в свое удовольствие, упиваясь властью ничтожных над ничтожнейшими. Ты ведь не этого хочешь?

Я снова помотал головой.

— От души желаю тебе никогда этого не захотеть, — сказал старик. — Иначе свихнешься. В большом мире есть такие... шакалы. Еще встретишься. Нападают скопом исподтишка, убивают, насилуют, если удается. И называют себя борцами за права мужчин. В большинстве — сектанты-изуверы, фанатики с горящими глазами. Некоторые из них даже не трусливы... просто глупы. За ними охотятся, как за зверьем, а настоя-

щие подпольщики сторонятся их пуще чумы. Уж ты мне поверь. Я знаю. Ты хороший мальчик, Тимофей Гаев... Постарайся стать хорошим взрослым. Это не так просто, но, представь себе, вполне возможно...

Я стоял оглушенный. До этого дня старик при всей своей любви к поучениям не вел со мною таких бесед. Очень не сразу до меня дошло главное:

— Подпольщики?..

— Когда-то я был одним из них.

Старик церемонно привстал и сделал вид, что приподнимает несуществующую шляпу.

— Ярослав Вокульский, бывший функционер регионального подпольного центра.

Я сглотнул.

— А теперь?

— Теперь, как видишь, греюсь на солнышке и иногда ковыляю с палочкой ради разминки. Ногу мою видишь? Это лесоповал. Угодить туда в шестьдесят лет очень неприятно. Однажды не успел отскочить, ударило комлем. Оставили ногу при мне — и на том спасибо. Но срослась криво. Поначалу, как выгнали из лазарета, посадили на механизм — знаешь, ездит среди пней этакое фырчащее черт-те что с решетчатым барабаном, само сажает сосенки на свежей вырубке, — но я и тут не справился. Поэтому мне скостили срок и перевели в ограниченно годные без права работы в коллективах экземпов. Практический гуманизм, полностью тождественный целесообразности. Зачем держать в лагере безвредного калеку? Разумная власть не поощряет ненужное изуверство. С тех пор сижу здесь, воздухом дышу. Замечательно способствует приведению мыслей в порядок, между прочим. Всем советую.

— Ты... вы разочаровались в борьбе? — выдавил я. — Почему?

Старик беззвучно рассмеялся. По-видимому, он находился в превосходном расположении духа.

— Ты свое «выканье» брось, я тебе не леди-госпожа. Договорились? Ну вот и хорошо. Кстати, откуда у тебя фамилия Гаев? Это из Чехова?

— Чего-о?

— Лет триста назад жил такой русский писатель — Чехов. Антон Павлович. Тогда еще были в ходу отчества, поскольку почти каждый знал имя своего отца, не обязательно, впрочем,

биологического... Так вот. Ты не задумывался, откуда у эксменов вообще фамилии?

Я кивнул. Задумывался, конечно. Хронический недостаток информации — лучший способ заставить мозги шевелиться... или усыпить их окончательно. Каждому — свое.

— Наверное, по отцу... биологическому?

Привратник фыркнул.

— Ты еще скажи — по матушке. Каждая порция замороженной спермы в Генетическом Банке снабжается подробным файлом с описанием фенотипа донора. Там все есть: рост, вес, пропорции, вся мыслимая антропометрия, цвет кожи, глаз и волос, предрасположенность к тем или иным болезням и аллергиям... Нет там только одного: фамилии донора. И незачем. Дочь оплодотворенной, выносившей плод и родившей женщины получает фамилию матери; сын — ту, которую ему дадут в яслях-интернате, куда матери сдают своих чад мужского пола, чтобы поскорее забыть о них. Имя — произвольно, с учетом лишь национальных традиций. Хотя кое-где это систематизировано: в один, скажем, год малышам даются имена на «а»: Антон, Андрей, Ашот, Абдурахман и так далее, на следующий год уже на «б»: Борис, Бонифаций, Брюс, затем на «в», а как алфавит закончится Яцеком — снова на «а». Очень удобно. Понятно, матчества эксменам не положены, не говоря уже об отчествах. Ну а фамилии — случайная компьютерная выборка из списка мужских литературных персонажей преимущественно дообновленческой эры. Отсюда всякие Елдырины, Свидригайловы и Налымовы. Например, мою фамилию носил один из героев Болеслава Пруса. Твою — чеховский персонаж, если я не ошибаюсь. Кажется, у него была нестандартная сексуальная ориентация — шкафы его возбуждали... Впрочем, не уверен, не помню. Книг нет... — Старик Вокульский вздохнул. — Единственное, о чем я иногда жалею после перемены своей судьбы, — негде раздобыть старых книг. Не современных же писательниц читать — они пишут не для нас. Когда-то у нас в подполье была неплохая библиотека... м-да... Электронная, конечно. Сам понимаешь, так легче было прятать.

Привратник мечтательно закатил глаза — кажется, предавался сладкой ностальгии.

Ну ладно. Гаев так Гаев, Чехов так Чехов, шкафы так шкафы. Мне-то что? Пусть я получил ответ на важный вопрос,

пусть ответ этот был уничижителен — ерунда, не привыкать. В данный момент меня интересовало совсем другое.

— Значит, ты жалеешь только о книгах? — не без презрения в голосе спросил я.

— А о чем еще мне жалеть? — весьма натурально удивился он. — Свою группу я не выдал, да меня и не слишком усердно допрашивали. Они все знали и так, понимаешь? Лесоповал вообще сильно меняет взгляд на жизнь, но еще на допросах я узнал, что в моей тройке двое были штатными стукачами федеральной безопасности... — Вокульский вдруг взвизгнул: — Я повеситься хотел, это ты понимаешь? Не в себе был. А потом догадался: иначе не могло и быть. Половина эксменов не откажется взобраться чуть-чуть выше других, стать первыми в деревне, если не получается сделаться вторыми в городе... Ты знаешь эту метафору? Нет, конечно. А все почему? То есть почему множество экс-людишек мечтают оказаться полезными настоящим людям хотя бы ценой предательства себе подобных? Землю роют — аж пыль столбом. Не за страх, а за совесть. И подачки-то им кидают смешные, а они чуть локтями не пихаются — отойди, мол, тебя тут не стояло, мой донос первый. Почему власть никогда не будет испытывать недостатка в стукачах и провокаторах, а?

Ответ на этот довольно неожиданный вопрос я выстрелил мгновенно и сам порадовался своей сообразительности:

— Ну... если эксмена с детства воспитывать в унижении, как скотину, — он скотиной и станет.

— О! — Старик поднял кверху крепкий желтый палец. — Верно соображаешь, молодец. Заодно запомни: тот, кто под большим секретом намекнет тебе о существовании где-то поблизости от тебя той или иной подпольной группы и предложит в нее вступить, с вероятностью восемьдесят процентов окажется провокатором. Только, видишь ли, воспитанное скотство — это не вся правда, Тим, и даже не ее четверть, а так, необязательный придаток. Правда много горше. Скажи мне еще раз, Тимофей Гаев, что полтора века назад послужило причиной Обновления?

— Телепортация Сандры Рамирес, — ответил я со злостью. Попалась бы мне эта Сандра!..

— Именно. А потом?

— Массовое овладение искусством телепортации лицами женского пола. Открытие и научное обоснование невозмож-

ности телепортации эксменов... называвшихся тогда мужчинами. Излет патриархата, набор оперативных работников, полиции, элитных частей армии, телохранителей и так далее только из числа женщин, причем одновременно во всех странах, даже мусульманских... Затем — парад революций по всему миру, скоротечные гражданские войны, мятежи самцов...

— Достаточно. Ты уже сказал главное: мы не можем телепортировать. Так уж биологически устроены, и поделать с этим мы ничего не можем... если бы ты знал, сколько было попыток! Положим, и для настоящих людей телепортация не пряник — она мучительна и без дыхательных приспособлений ограничивается десятками метров, — но и этого более чем достаточно. Кого винить в том, что счастливый билет вытянули они, а не мы? Женщины получили качество, позволившее им не только сравняться с мужчинами на деле, а не на словах, — они получили возможность безраздельно доминировать и, естественно, ею воспользовались. Узок был круг ранних феминисток, страшно далеки они были от понимания главной задачи своего времени: не сравняться с мужчинами — а низвергнуть зарвавшегося самца на парашу как на единственно подобающее ему место. Они обрели много больше того, о чем мечтали тысячелетиями угнетения, — по-твоему, они добровольно сойдут с пьедестала в наше болото? А главное, им и делать-то ничего не надо, поскольку угрозой их владычеству может стать только овладение носителями игрек-хромосомы хотя бы той же куцей телепортацией, если не найдется чего-нибудь более радикального. Ясно, что вероятность этого практически равна нулю...

У меня зачесался язык: рассказать! рассказать! Поделиться своей тайной хотя бы с этим стариком, разговорившимся со мной от скуки!

— А... легенды? — насилу выговорил я.

— О телепортирующем эксмене? Мифы Древней Греции, — пренебрежительно скривился старик. — Фольклор. Как полезная информация все эти байки не стоят плевка. Не отвлекайся, Тимофей Гаев! Большинство предателей толкает к предательству не воспитание — тьфу на него! каждый вправе сам себя воспитывать! — а именно и только сознание тщеты собственных усилий по переделке мира изнутри. Он чудовищно прочен, этот мир, и не нам его сдвинуть. Ты понял?

— Значит, всякое подполье лишено смысла? — прошептал

я. Будто кувалда обрушилась на мою хлипкую постройку. Мне хотелось разреветься.

— Отчего же всякое? Среди эксменов есть ловкачи, мечтатели и робкие дураки. Две первые категории так или иначе оказываются в подполье, правда, с разными целями. Третья, очень многочисленная, категория вообще никуда не лезет, ни на крест, ни в очередь за сребрениками. Иные из них проникаются необходимостью смирения, иные любят пофилософствовать, но в конечном счете именно эта категория наиболее убога: она не получает ни подачек с барского стола, ни ярких красок в жизни. Однако все реальные экологические ниши должны быть заполнены, таков закон природы. И они заполняются. Каждому — свое. Не возбраняется и переход из ниши в нишу — вот перед тобой сидит типичный образчик такого перебежчика...

Старик пожевал губами и чему-то улыбнулся. Вероятно, я навел его на какие-то не лишенные приятности воспоминания.

— А насчет ВСЯКОГО подполья — это ты верно заметил, — проговорил он, оставив от улыбки лишь усмешечку в сеточке морщин вокруг глаз. — О самом радикальном крыле я тебе уже говорил. Так называемые мстители. Отморозки с куриными мозгами, и те у них с левой резьбой. Никогда с ними не связывайся — пропадешь за так. Есть радикалы — эти мечтают о формальном равенстве полов, какое существовало в дообновленческие времена. Они даже не понимают, что, добейся они этого, маятник сразу и резко качнется в другую сторону, так что участь женщин станет весьма не завидной. Впрочем, у радикалов нет никаких идей, кроме фантастических, и никакой реальной программы действий, а если бы таковая была, властям пришлось бы скоренько образумить их, восстановив, например, показательные смертные казни и ужесточив сыск. Нет, это несерьезно... — Старик перевел дух. — Есть центристы, уповающие на длительный эволюционный процесс, если его подталкивать так, как им хочется. На финише процесса им мыслится благолепие: фактическое равенство прав при том, что один пол сохранит способность к телепортации, а другой таковую не приобретет. Это еще бо́льшая фантастика. Есть адепты запрещенных религий — исламисты, неохристиане и так далее, эти до поры до времени удовлетворились бы свободой отправления культа внутри своих общин. Наконец, име-

ются латентные конспираторы — они пытаются создать дееспособную организацию, вообще не имея никакой программы, — главное, чтобы она была дееспособной к моменту, когда в мире что-то изменится, и сумела бы воспользоваться случаем. Когда-то я принадлежал именно к этому крылу... кхе... кх-х...

Я дождался, когда он откашляется и отплюется. Конечно, он был рад поболтать и особенно поучить, но, видно, редко имел эту возможность. Отвык.

— Предположим... — Противоречивые чувства владели мной. Я как бы наступал пяткой себе на язык, а он, мокрая скользкая сволочь, изо всех сил пытался вырваться на волю. — Предположим, где-то действительно есть эксмен, умеющий... ну это... телепортировать. — Мой голос сорвался на сиплый шепот. — Предположим, он пришел бы и попросил тебя связать его с этими... латентными...

— Я бы сдал его, — без колебаний ответил бывший подпольщик. — Сдал бы в ту же минуту, вернее, так скоро, как смог бы. Чтобы медицина развинтила уникума по винтику — почти наверняка окажется уродец с неправильным хромосомным набором... А сказать, почему я это сделал бы?

Я кивнул и больше не поднимал глаз на старика. Я боялся, что он все поймет.

— Один эксмен, освоивший телепортацию, не изменит мир. Здесь не справится и тысяча таких уникумов. Под изменением мира мы понимали нечто иное, например, катастрофу общемирового масштаба, для ликвидации которой властям пришлось бы пойти на уступки нам, эксменам. А то и принять наш ультиматум. Зато обнаружение уникума, если факт обнаружения не удастся замолчать, заставит власти лишить нас даже той относительной свободы, которой мы обладаем. Нет уж, лучше дождаться более реального шанса... хотя очень вероятно, что ждать его придется не одну сотню лет...

— И все-таки ты советуешь вступить в подпольную группу? — спросил я.

— Я ничего тебе не советую, — живо возразил старик. — Чего стоят советы перебежчика? Я всего лишь высказал тебе свое личное мнение: всякая борьба эксменов с господством людей имеет не больше смысла, чем попытка выхлебать ложкой море. С этим согласится всякий, у кого в порядке мозги. Но...

— Что? — насторожился я.

— Участие в этой — повторяю, бессмысленной! — борьбе чуть-чуть приближает эксмена к человеку мужского пола. Чуть-чуть. Другого пути я, к сожалению, не знаю. Иногда полезно побиться лбом о стенку... хотя ты поймешь эту истину еще не скоро, если вообще поймешь...

— Я понял, — сказал я.

— Ты ничего не понял, — ответил мне Ярослав Вокульский, бывший подпольщик. — Спартиаты унижали илотов в течение столетий, а те все-таки остались людьми... а не морлоками. Что, не понимаешь? Плохо, когда нет иных книг, кроме учебников. Я потом объясню. Словом, государственные рабы получили шанс сравняться с гражданами, когда Спарте пришлось худо. У гордых спартиатов был выбор: исчезнуть как народности — или укрепить свои ряды «недочеловеками». Но кто бы предложил илотам шанс, опустись они на уровень скотов?..

— Как мне выйти на подполье? — перебил я его, почувствовав, что он способен вкручивать мне про илотов еще очень и очень долго.

— На какое именно, позволь спросить?

— На твое. На этих... латентных конспираторов.

Старик пожевал бескровными губами.

— Не знаю, ловчила ты или мечтатель, но уж, во всяком случае, не робкий дурак... Только вот что: не спеши широко шагать, порвешь промежность. Когда ты докажешь, что сумеешь быть полезным подполью, тебя найдут. В чем твоя ценность сейчас?

Бес хвастовства, что давно сидел во мне и сучил копытцами, рванулся наружу.

— Я умею телепортировать! — шепнул я, сразу вспотев.

Вокульский долго дребезжал старческим смехом, дрожа плечиками, привизгивая и утирая слезы костяшками пальцев.

— Да? А ну, покажи!

Я показал, предварительно оглядевшись по сторонам. В Вязком мире я прошел сквозь старика и с хлопком вынырнул за его спиной.

— А теперь иди и донеси на меня! — злорадно зашипел я ему в ухо. — Я обыкновенный эксмен, не уродец! Кто тебе поверит? Валяй, настучи на меня, старый пенек...

* * *

Узкая золотая полоска медленно ползет по ворсистому ковру на полу кабинета, изломившись на плинтусе и продолжив себя по гобелену с изображением пасущихся оленей на противоположной от окна стене. В полоске блуждают и ярко светятся пылинки. Закат роскошен — но для меня и хозяйки коттеджа он только и сумел, что проникнуть в кабинет сквозь узкую щель между шторой и оконной рамой. Не затронутая этой веселой полоской часть кабинета кажется мрачнее, чем она есть.

Щель? Пусть. Не стану трогать штору. Даже если кто-то подберется к самому окну, он все равно ничего не увидит внутри. Там темно и пусто, хозяйки нет дома.

Несколько раз принимался звонить телефон. Умолкал на время и начинал сызнова, очень настойчиво. В конце концов я вынул из него батарейки. Хозяйка ушла и забыла мобильник дома, понятно?

Слабо светится экран, улиткой ползет время. Уже пошел второй час, с тех пор как я разместил в условленных почтовых ящиках приглашение к разговору на имя Вероники В. То ли фамилия это самое «В», то ли прозвище, то ли матчество — неясно. Вероника Варваровна, например. Смотрится совершенно невинно. Возможно и даже вероятно, что среди тех, кто регулярно просматривает эти почтовые ящики, найдется несколько Вероник В., но только одна из них знает пароль, остальным ничего не светит.

Верно, у моей Вероники дела — слоняется с сервера на сервер, не реагируя на мой вызов. Единственное, в чем я уверен, — она в Сети, а значит, рано или поздно наткнется на мой вызов. Только бы не слишком поздно.

Солнечная полоска переползает на полированный шкаф, видимо, один из тех, к которым ощущал особую приязнь мой литературный однофамилец. Так и не удосужился прочесть — отчего сей психический заскок? Можно предположить, что тот Гаев хранил в шкафу сексатор, — тогда все становится понятно, обыкновенная фетишизация сопутствующих сексу предметов.

В ожидании вызова экран беззвучно демонстрирует двадцатую серию старой исторической эпопеи «Сердце Анастасии», посвященной окончательному становлению человечества на Путь Обновления. На экране кадры центрального эпизода восстания самцов: ревущая и воющая толпа звероподобных него-

дяев, сминая охрану, врывается в здание Межпарламентской Ассамблеи Всемирной Конфедерации, грязные коротконогие мужики тараканами разбегаются по коридорам, круша и ломая все, что нельзя растащить, ловят, насилуют и садистски убивают несчастных женщин, почему-либо не сумевших ускользнуть Вязким миром от стремительно катящегося вала дикой вакханалии... Одновременно другие толпы, состоящие из узколобых религиозных сепаратистов, громят повсюду храмы Первоматери, оскверняя алтари и гоняясь за жрицами. Я видел эту серию. Через пять минут экранного времени Анастасия Шмалько, тогда еще не председатель Ассамблеи, а всего лишь депутат от Славянской Федерации, сама чудом вырвавшаяся из волосатых лап насильников, окоротит растерявшихся, возьмет бразды, бросит в бой всех, кто попадет ей под руку, вооружит наскоро созданные добровольческие женские батальоны и покажет самцам их настоящее место. В следующей серии многочисленные, но не способные к телепортации инсургенты будут повсеместно разгромлены, и после жаркой борьбы с тайными мужскими приспешницами в Ассамблее Анастасия займет пост председателя с правом законодательной инициативы, каковым правом и воспользуется в полной мере — на протяжении десятка серий. В тридцать первой, если не ошибаюсь, серии она добьется принятия пакета законов, окончательно знаменующих становление на Путь: отказ от традиционной семьи как инструмента угнетения женщины, лишение зарвавшихся самцов ряда прав, в том числе права на соитие, раздельное воспитание девочек и юных экземенов. Будет и неприятие нового, и саботаж, будут и открытые мятежи, особенно в Азии и Африке. А в сороковой, последней серии горячее сердце Анастасии Шмалько пробьет навылет пуля снайпера, злобного самца, не смирившегося с тем, что отныне он — экземен...

Пусть это неправда. Пусть на самом деле Анастасию Шмалько разорвала пронесенной на теле бомбой самоубийца-одиночка, индуистка, у которой отняли мужа. Ну и что?

Белая кошка, насытившись, мяукнув пару раз и убедившись, что никто не почешет ей за ухом, теперь спит на коленях у хозяйки, свернувшись уютным клубком. Моя пленница не шевелится. Не может быть, чтобы за это время у нее не зачесалось что-нибудь или не затекли примотанные к подлокотникам руки, а поди ж ты — не жалуется. Ну-ну, валяй дальше. Не

то удивительно, что она меня презирает — это как раз нормально, — а то, что она не попыталась вырваться, когда я перехватывал ее, вылезая из машины, и не подняла крик. Для шока была, пожалуй, чересчур спокойна. Нет, это не шок... Что же тогда — умная?..

Если да, то это значит только, что мои неприятности отодвигаются на некоторый срок.

Стоп! А не кретин ли я?

Он самый. Ясно, что федеральная безопасность давно интересовалась телепортирующим эксменом. Байки байками, а бдительность бдительностью, особенно если персонаж расхожих легенд — угроза всему мировому порядку, пусть на первый взгляд угроза вполне химерическая. Ясно, что в какой-то момент я попал под подозрение и меня ненавязчиво пасли, не форсируя события раньше времени. Ясно также, что явившаяся за мною холеная дама попросту спровоцировала меня — она НЕ ЗНАЛА, кто стоит перед нею: искомый уникум или пустышка. И я сам — сам! — сыграл ей на руку, поддавшись постыдной панике, нырнув в Вязкий мир прямо на ее глазах... вместо того чтобы до конца изображать заурядного эксмена Тима Молнию... никакая медицина меня не расколола бы... О идиот! Хотя... что я могу знать о внутренних методах Департамента федеральной безопасности? Даже я придумал бы, как заставить клиента очень-очень сильно ЗАХОТЕТЬ телепортировать...

Как всегда, вслед за сделанной глупостью спешат оправдания. Вряд ли они мне помогут.

Когда же мною заинтересовались?.. После того боя с Саблезубым? Или гораздо раньше — после того как я телепортировал на виду у банды подвыпивших юниц из тех, кого называют социально нестабильным контингентом? Всякий житель эксменских кварталов знает, что в одиночку лучше с ними не встречаться: хорошо, если только измордуют до кровавых соплей, а то ведь спустят с жертвы штаны и раздавят тестикулы, дабы эксменской сволочи неповадно было походить на производителя. Я видел результаты такой обработки — зрелище то еще. Да кто их не видел!..

Ударить женщину, хотя бы и отбиваясь, — преступление, а звать полицию почти бесполезно. Если патруль все же окажется поблизости и вмешается — бывают чудеса — или из-за ближайшего угла вывернет компания эксменов, готовая всту-

питься за бедолагу, — юницы с хлопками исчезают в разные стороны, диффундируя сквозь стены. Поди догони. Да только три года назад я диффундировал сам, не дожидаясь удара цепью. Неужели меня пасут еще с тех пор?..

Тогда почему за мной пришли только сейчас? Что изменилось, что заставило их форсировать события, имея в активе лишь подозрение?

Конечно, меня должны были взять еще там, в комплексе. По правде говоря, мои шансы уйти были ничтожны... а вот ушел. Выгадал несколько часов личной свободы — а что дальше? Пробираться вон из цивилизации, в тайгу, в горы, в малодоступные медвежьи углы, где, как говорят, еще живут натуральным хозяйством крошечные патриархальные общины, не приемлющие Путь Обновления, отгородившиеся от остального мира? Оттуда не выдадут — но ведь федералы, не поймав меня в течение нескольких дней, методично и планомерно перетрясут все труднодоступные убежища, на которые из-за их ничтожности власть пока не обращает внимания! И сам не спасусь, и других подставлю. Нет уж, хватит подстав...

Да и не удастся мне туда добраться, не о чем и говорить.

Что же делать? Приди, Вероника, вразуми загнанного зверя... он без тебя с ума сойдет. Приди и утешь, мне страшно.

Не идет. Может быть, разговор поможет успокоиться?

— Как тебя зовут? — вполголоса спрашиваю я пленницу, затем, спохватившись, вынимаю вату из ее ушей и повторяю вопрос. Я почти уверен, что ответом мне будет презрительное молчание, но, к своему удивлению, ошибаюсь.

— Не «тебя», убогий. «Вас».

— Тебе не стоит меня раздражать, — говорю я задумчиво. — Сейчас я твой хозяин, а не наоборот... пусть ненадолго. Как ты уже слышала, я по природе не убийца и не насильник, но не надо делать из этого далеко идущие выводы. Терять мне нечего, а вот с тобой случилась неприятность. Если хочешь благополучно выбраться из нее — не заставляй меня нервничать. Твое имя?

Запинка — и с натугой произнесенное:

— Иоланта.

— Так где же твоя подружка, Иоланта?

Молчание. Она и вправду умна, какой ей смысл отвечать на мои шпильки? В спальне одна кровать, узкая и неудобная для лесбийских забав, домашние тапочки — одни. Коробка

из-под женского сексатора небрежно задвинута в угол. Только глупый не поймет, что никакой подружки нет, эта блондинка занимает коттедж одна. Более того, к ней не часто ходят гости.

Одинокая. Пожалуй, ей под тридцать, а значит, по закону, она уже должна иметь хотя бы одного ребенка. Разве что редчайший неизлечимый случай бесплодия?.. Нет, вряд ли. Это нонсенс. Скорее всего ей не повезло: родила мальчика и, естественно, сдала его в питомник. Или даже двух мальчиков. По тому же закону, коррекция пола будущего плода при искусственном осеменении производится лишь после трех неудачных попыток, завершившихся вынашиванием и рождением эксменов...

Ну да. Илоты совершенно необходимы, пусть и отвратительны большинству людей. Они грубы и невежественны, склонны к мужеложеству и многим иным порокам, от них дурно пахнет, они всегда готовы на пакость и предательство, им нельзя доверять. Нечего и говорить о том, что им неведомы тончайшие движения человеческой души, сравнимой с едва заметным дуновением утреннего ветерка или игрой световых пятен на опавшей листве, те движения души, что рождают художников и поэтов, — нет, этого им не постичь никогда. Илоты годятся лишь для выполнения грубой, грязной, скучной работы, и, к сожалению, лучшие из них необходимы как доноры семени, чтобы потомство рождалось здоровым. Увы, абсолютное совершенство недостижимо: животные атавизмы в психике некоторых настоящих людей, не всегда успешно корректирующиеся воспитанием, до сих пор приводят к извращениям в половом поведении: от натужно допустимых — пользоваться сексатором в виде механического самца — до однозначно караемых — вступать в связь с эксменом, преступно возвышая его до ранга мужчины и опуская человека на уровень самки.

Судя по задвинутой в угол коробке, моя пленница пользуется сексатором наипростейшей модели. Я даже готов поручиться, что у нее отведены на секс специальные часы, как на гимнастику, — почему бы нет? Это характеризует ее с самой лучшей стороны. Что может быть достойнее, чем деловито отдать дань природе ради душевного спокойствия и здоровья, не возводя удовлетворение примитивных потребностей в ранг цели жизни?

Почему-то мне кажется, что ЭТА легко отдала своих детей,

не позволив атавистическим материнским инстинктам взять верх над разумом. Быть настоящим человеком не так-то просто, хотя это умение воспитывается с детства и всячески культивируется. Иоланта справилась. Человек может растить и воспитывать только человека, не эксмена. Настоящий человек не сумеет воспитать настоящего раба. Та далекая женщина, от которой исходили доброта и тепло, — моя мать — сильно рисковала собой и мною, попытавшись скрыть сына от общества. Будь я постарше, меня, вероятно, ликвидировали бы как принципиально неисправимого, как ненужный уродливый бугор на снивелированной и отшлифованной плоскости...

А на стенах комнаты — акварельки в простеньких рамках и даже вовсе без рамок, на кнопках. Пейзажики. Лес. Солнечная лужайка. Дождь над морским заливом. Я не знаток живописи, но, по-моему, исполнено посредственно. Так и должно быть: по статистике, половина людей занимается каким-либо искусством, а природа скупа на раздачу талантов, слабо ей вдохнуть искру аж в шесть миллиардов человек.

— Где ты служишь? — продолжаю я допрос пленницы.

Не исключено, что она нигде не служит, а живет на ренту, развлекаясь малеванием акварелек. Но она отвечает:

— В Департаменте юстиции.

— Мужской или женской?

— Человеческой.

Каков вопрос, таков ответ. Знай свое место, эксмен!

— Кем?

— Секретарем уголовного суда.

Что ж, очень может быть. Достаточный, но не чрезмерный комфорт жилища, пожалуй, это подтверждает, равно как и ухоженный личный мобиль сравнительно новой модели, а главное, работающий на бензино-метаноловой смеси — не городской электродрандулет, ежедневно нуждающийся в подзарядке на техстанции.

Секретарь уголовного суда... Интересно, какие такие дела разбираются в том суде? Какие социальные язвы разъедают сытый и самоуспокоенный мир спартиатов? Неужели те же самые, вечные и неискоренимые: оскорбление общественной морали, уклонение от налогов, хулиганство, воровство, грабежи, убийства и так далее? Да, наверное. Вплоть до сознательного вредительства, частого в мире илотов и, вероятно, очень редкого, но все же иногда случающегося в мире их хозяев...

Наверное, дело моей матери тоже разбиралось в уголовном суде и попытка скрыть сына-эксмена от общества была квалифицирована как кража...

Впрочем, что я понимаю в человеческих законах? Зачем мне они?

— Ты умеешь телепортировать от рождения? — Любопытство пленницы берет верх над оскорбленной гордостью.

— Ты думала, это сказки?

— В большом мире больше исключений, — изрекает она. — Ты не подвергался транссексуальной операции?

Я фыркаю:

— Моя игрек-хромосома при мне. Кто возьмется сделать запрещенную операцию? И какая дура захочет стать эксменом? Проще выправить нарушенный гормональный баланс.

— Первоматерь! — удивляется пленница. — Ты и такие слова знаешь?

— Заткнись.

— Тебе лучше сдаться, уникум. Наверняка тебя ищут повсюду.

— Можешь не сомневаться, — угрюмо бурчу я.

— Тогда сдавайся. Тебя все равно поймают рано или поздно. Скорее рано. За тобой ведь гнались, когда ты укрылся в моей машине? Значит, о тебе известно кому следует. Ты просто не в состоянии себе представить, какие силы будут брошены на твою поимку.

Зря она так думает. Как раз последнее я очень хорошо представляю. Заодно со спецподразделениями поднята на ноги и полиция — федеральная безопасность готова допустить широкую утечку информации о телепортирующем эксмене, только бы не дать ему уйти. Трясут ребят и Маму Клаву — где мог укрыться Тим Молния? Мои портреты обнародованы — вероятно, с легендой о беглом маньяке. Сто процентов женщин и две трети эксменов с радостью примут участие в травле.

— Никогда не слыхал, что мужчинам запрещено телепортировать, — иронизирую я. — Какую статью закона я нарушил?

— Не глупи. Сопротивление властям, похищение человека, нарушение неприкосновенности жилища — формальных поводов для ареста более чем достаточно. Тем более для ареста эксмена. Не знаю только, захотят ли тебя взять живьем, чтобы медицина разобралась в феномене, или сразу уничтожат. Советую сдаться, это все-таки шанс... прожить подольше.

— Благодарю за совет, — бурчу я.

Мы замолкаем. Я выхожу в туалет, мою руки и смотрюсь в зеркало. Да, Тимофей Гаев, ты влип, и это написано у тебя на роже. Что ты намерен делать, если Вероника посоветует тебе поступать по своему разумению? И есть ли оно у тебя вообще, хоть какое-то разумение? Идиот и сволочь. Где-то наследил, засветился, подставил ребят...

На полочке — набор косметики. Чепуху твердили социопсихологи позапрошлого века, надутые, самовлюбленные мудрецы: женщина стремится стать красивой вовсе не ради победы в конкуренции за мужчину, мужика, самца — ей надо затмить других женщин прежде всего ради себя самой. Переплюнуть. Не обязательно быть первой в красоте — достаточно первенствовать в моде, даже если новое модное поветрие донельзя уродливо. Не знаю, как у животных, а у человека тщеславие издавна шло впереди вульгарного инстинкта продолжения рода. Это ли не прогресс по сравнению с прочей фауной?

Да, хозяйка этого жилища — правильная. Все чисто, опрятно, баночки и флакончики на полочке расставлены в ряд с одинаковыми интервалами. Кошачий лоток на полу — и тот блестит чистотой. Никакой присохшей зубной пасты в раковине. Сразу видно: человек здесь живет, а не эксмен, у которого повсюду грязь и свинство.

Бытовая техника — на уровне, но без особых изысков, что и рекомендовано свыше. Наверное, прав был старый привратник Ярослав Вокульский: в смысле техники и всяких облегчающих жизнь причиндалов человечество обрело практически все, о чем оно мечтало, еще в начале третьего тысячелетия, если не в конце второго. Разумеется, обрели не все (многим не хватало еды, не говоря уже об удовлетворении более сложных желаний), и, разумеется, лишь в границах физически возможного. Летать? Пожалуйте на борт. Мгновенно и без проблем связаться с человеком на другой стороне земного шара? Войдите в Сеть или просто наберите номер. Изменить уродливую внешность? Запросто. Одержать победу над раком, проказой, СПИДом, чумой и прочими бичами человечества? Сделано. Ну, почти сделано. Безболезненно избавиться от алкогольной или наркотической зависимости? И это возможно. Управлять погодой? Тоже есть кое-какой прогресс. Получить в трудной ситуации конфиденциальную подсказку от Сети, выверенную рекомендацию на основе всей суммы человеческих зна-

ний? Тьфу, не о чем и говорить. Слетать в космос? Гм. Простите, а зачем? Разве нормальному разумному обывателю плохо живется на Земле? Лишь в последние десятилетия космические программы были расширены, и в космос отправлены уже тысячи эксменов. Коли население планеты мало-помалу растет, надо уже сейчас подумать о новых местах для жизни, разумеется, достойной человека, вот эксмены и трудятся, сооружая лунные и марсианские поселки...

Одним словом, уже давно человечество приблизилось к физическому пределу мечтаний, но не стало от этого счастливее, а дальше пошло изобретение новых потребностей и обильное их удовлетворение. С теми же результатами, зато с чудовищным истощением ресурсов планеты. Тупик. Да, Вокульский был прав: без Пути Обновления я сейчас в лучшем случае ползал бы по помойке, выискивая крохи незараженной пищи, и дышал тем, что еще осталось от воздуха...

Но можно двигаться не вглубь, а вширь. Можно обеспечить людям удовлетворение лишь сравнительно несложных желаний, признав их естественными, — зато сделать это удовлетворение доступным любому человеку, а кое-что — даже эксменам. Нельзя телепортировать на межконтинентальные расстояния, даже ухитрившись протащить с собой в Вязкий мир небольшой ракетный двигатель? Да, нельзя. И надо смириться перед физически недостижимым, радуясь самому факту: телепортация женщин, пусть недальнобойная и мучительная, — единственное средство сохранить спасительный для человечества уклад, тот железный обруч, что не дает бочке с треском распасться на гнутые доски.

И никто не спрашивает засоленный в бочке огурец, хорошо ли ему там живется. Вопрос бессмыслен. Так надо, и все. Сиди в рассоле. Соответствуй. Выскользнул из рук при попытке ухватить, упал, заюлил по нечистому полу — сам виноват, отправляйся в помойное ведро.

Я возвращаюсь в кабинет. На экране еще не кончилась сегодняшняя порция «Сердца Анастасии», но уже видно, что упившиеся кровью невинных жертв самцы скоро схлопочут по полной программе. Кошка проснулась, спрыгнула с колен хозяйки и теперь смотрит на меня: кто, мол, такой? Хорошо, что это только кошка, а не бультерьер. Моя правильная блондинка как сидела в кресле, так и сидит, не соблазнившись за

время моего отсутствия ни закричать, ни доелозить с креслом до окна, дабы привлечь внимание соседей. И впрямь умная.

— Мне тоже надо... выйти, — сдавленно говорит пленница.

— Куда еще? — задаю я глупый вопрос.

— В туалет! — На этот раз в ее голосе хорошо улавливается ярость, вызванная бессильным унижением. Словно бабуин нагадил с ветки на спящую львицу, а львица не в силах достать наглеца лапой. Она вынуждена просить у экзекутора позволения справить естественную потребность!

— Можно, — говорю я, подумав. — Только со мной. Я буду держать тебя за руку. Иначе — извини.

Она скрипит зубами. Нет, специально унижать ее не входит в мои планы. Хотя мог бы. Снявши волосы, по вшам не плачут, как говорит стригаль нашего квартала, обрабатывая кого под ежик, кого под бокс. Теперь мне вообще все можно.

Но очень мне надо, чтобы птичка упорхнула!

Я бесцельно жду. Нет, эта блондиночка скорее умрет жалкой смертью, чем согласится на мое предложение.

— В чулане есть моток толстой проволоки, — наконец говорит она. — Ты можешь привязать ее ко мне и остаться за дверью. Можешь связать мне руки спереди. Я не сбегу. Ты же понимаешь, что это невозможно.

Иду осматривать проволоку и дверь туалета — нельзя ли перерубить первую, резко захлопнув вторую? Нельзя. Проволока изолированная, свита из медных и стальных жил, такую не скоро сломаешь и не перекусишь зубами, а больше перекусить и нечем... Похоже, пленница действительно стремится использовать туалет по назначению, не особенно надеясь создать удобную для бегства ситуацию.

Так и есть.

Мы возвращаемся, я перевожу дух, а она безропотно позволяет мне снова примотать ее к креслу. Странное спокойствие... Будто она твердо убеждена, что в любом случае все кончится для нее всего-навсего воспоминаниями о бездарно потерянном вечере. Неужели она мне поверила? Да нет, не может быть. Поднимется пальба — я же прикроюсь заложницей как живым щитом, уж это-то она должна понимать...

Тогда почему она спокойна?

Я не вижу ее лица, но чувствую, что она молча усмехается. Она тоже не видит меня, но по звукам догадывается, что я не нахожу себе места. Должно быть, ты изрядно смешон, здоро-

венный, мускулистый парень Тим Молния, — не усидишь на месте, суетишься, подсигиваешь в нетерпении, считаешь в уме до ста, затем еще раз до ста и еще: когда же наконец придет тот мудрый и всепонимающий, кто охладит твои дымящиеся мозги, поймет, простит, а главное — посоветует?..

Где ты, Вероника? Приди.

ГЛАВА 5

РАЗЫСКИВАЕМЫЙ

— Ну, еще раз... Готов?

— Давно.

— Пошел.

Для внешнего наблюдателя два хлопка сливаются воедино. То есть для наблюдателя, находящегося вместе со мной в безэховой камере, служащей для акустических испытаний бортовой аппаратуры. Не дело, если какой-нибудь блок или волноводное сочленение войдет в механический резонанс от дикого рева движков стартовой ступени да и разрушится ко всем чертям. Нормальный вибростенд не в состоянии обеспечить весь диапазон вибраций, принимаемых на себя аппаратурой во время старта, и работа двигателей имитируется здесь. Если бы звукоизлучатели были задействованы хотя бы на четверть мощности, я бы отключился в ту же секунду и, вероятно, умер от шока, как еще до моего прихода в КБ умер один наладчик, втайне накачавшийся «сэкономленным» денатуратом и не придумавший ничего лучшего, чем завалиться спать в камере акустических испытаний. Впрочем, один-два намека заставили меня усомниться в том, что это была случайность. Чересчур любопытным стукачам случается уходить в лучший мир и более диковинными способами.

Звук внутри камеры убивает, но вне ее, заглушенный многослойным ячеистым покрытием стен, почти не слышен. Хорошая камера для испытаний... не только акустических. Разумеется, двойной хлопок от моей телепортации вовне не слышен.

Я вынырнул из Вязкого мира возле ячеистой стены, за которую сразу и ухватился, чтобы не упасть, и все дышал, дышал, дышал... По моим часам, я находился в лиловом желе более двух минут — для дяди Левы мгновенно перепрыгнул из одного угла камеры в другой.

— Ну как? — спросил он, теребя седеющую бородку. — Опять пусто?

Ловя ртом спертый воздух, я напоминал рыбу и был, как рыба, нем, оттого лишь усиленно закивал.

Дядя Лева, он же старший техник Лев Лашезин, терпеливо ждал, когда ко мне вернется способность издавать членораздельные звуки.

— Пропустить не мог? — спросил он, дождавшись.

— Нет... Все осмотрел... ощупал даже. Пропал маячок...

Дядя Лева кивнул: отрицательный результат, мол, все равно результат.

— Это уже четвертый, — сказал он. — Хватит или нет, как думаешь?

— Давно пора прекратить, — отозвался я. — Ясно же: что в Вязкий мир попало, то пропало... если уже успел вынырнуть. Что забыл там, то уже не найдешь.

— А куда же оно все-таки девается?

Это я и сам хотел бы знать. Никто еще не замечал в Вязком мире хотя бы слабого движения тамошней странной субстанции, не ощущал, оставаясь на месте, собственного течения лиловой мглы, а стало быть, по логике, оставленный в Вязком мире предмет мог быть найден при следующем нырке. Оставляй там что угодно — предмет, укутанный лиловой мглой, будет недвижно висеть там, где ты его бросил, его можно нащупать и снова взять в руки, но вынырнуть хоть на секунду означает потерять предмет навсегда. Говорят, что курсантов-спецназовок на первых занятиях по дальней телепортации и слепому ориентированию заставляют накрепко привязывать к себе все, что может потеряться в Вязком мире, в первую очередь оружие. Наши самодельные маячки горят ослепительно ярким светом и вдобавок издают громкий, на редкость противный звук, думаю, их можно было бы найти хоть в цистерне с мазутом. В Вязком мире — нет. Никто не знает, почему так происходит, ни одно практическое руководство по телепортации, ни одна доступная теоретическая статья не дают ответа на этот вопрос. Да если бы только на этот! Вот мы с дядей Левой и экспериментируем, таясь от начальства, и пытаемся понять, что же такое Вязкий мир, — по-моему, совершенно напрасно.

Нет смысла изучать его фундаментальные свойства — они многократно описаны. А вот понять их нам, по-видимому, не дано. Собственно, у нас только один частный, но насущный и

очень опасный интерес — попытаться постичь, почему Вязкий мир открыт для меня, одного-единственного эксмена, и закрыт для всех остальных, — однако и тут у нас нет никаких успехов. Вот дядя Лева и мудрит, пытаясь охватить проблему шире, а по-моему, тычется наугад, как слепой котенок, без всякого смысла.

— Откуда я знаю, куда оно девается? Пропадает — и все. Хочешь я скажу тебе, почему оно пропадает?

— Ну? — В голосе дяди Левы только глухой не услышал бы скепсис. После техникума я проработал в КБ всего год и, хотя постарался зарекомендовать себя эксменом с мозгами, для дяди Левы еще далеко не авторитет. По его мнению, Вязкий мир — что-то вроде хитро закрученных высокочастотных полей в разработанных им штуковинах — специалисту не нужно их видеть, чтобы знать их заковыристую конфигурацию. Он с самого начала пребывал в убеждении, что понимает Вязкий мир лучше меня.

— Телепортирующий сам создает себе Вязкий мир, каждый раз новый. Ты станешь искать в Калахари фляжку воды, забытую в Гоби? А мы последнее время только этим и занимаемся.

Дядя Лева остановил взгляд. Когда ему случается крепко задуматься, он превращается в истукана. Хоть маши рукой перед его глазами, хоть дуй ему в ухо — реакции никакой. Однажды ему случилось впасть в оцепенение как раз во время неожиданного визита начальства в лабораторию (мысль, видите ли, в голову пришла) — схлопотал в итоге штраф в размере полуоклада. Сорок полосатеньких! И как раз в то время, когда их можно было сменять на женские — зелененькие — по курсу всего-навсего семь к двум! Ходил потом, клянчил в долг до аванса...

— Ты так думаешь? — только и сказал он, выйдя из ступора.

— А как еще? Объективным я его считать не могу. Пробы газа меня еще ни в чем не убеждают. И вообще, если что-то не желает подчиняться никакой логике — значит, это чисто человеческое, и точка.

— Хорошо же ты о людях... — покривил губы дядя Лева, — хотя тут я с тобой согласен...

— Нам — что? Мы-то эксмены.

— Молодец, — сказал дядя Лева. — Вот так и говори при всех. А при мне не надо, понял?

— Понял.

— Понятливый... Расскажи-ка еще раз, как тебя к нам пристроили.

— Не пристроили, а посоветовали, — возмутился я. — Кто он такой, чтобы пристраивать? Просто... один человек подсказал мне, как себя вести.

— А как?

— Будто не знаешь. Быть в числе лучших, но не самым лучшим, способным, но не чересчур талантливым. Пожалуй, даже чуть-чуть тугодумом. Главное — старательным. Тогда, мол, возьмут в техникум. И взяли. Как раз на радиотехнику — у них был недобор.

— А потом?

— Точно так же. В первые не лез, до последних не опускался. Золотая середина. Меня даже спросили, где я хочу работать... ну я и назвал. Уважили.

— А как ты думаешь, почему тебе советовали не быть первым?

— Потому что первым выбора не предлагали. Я знаю.

— Верно. А почему им не предлагали выбора?

Я пожал плечами. Над этим вопросом я как-то не задумывался.

— Ну, наверное, на самых способных были заявки откуда-нибудь...

— Вот и дурак. Год работаешь, а такой простой вещи не понял. Самые способные работают хотя и по специальности, но где-нибудь очень сбоку. Талантливый инженер-электронщик, к примеру, в лучшем случае станет десятником на производстве печатных плат и там заржавеет. А когда сопьется, его выкинут в подметалы. Шибко умные не нужны, понял? Они опасны уже потому, что и без всякой телепортации могут со временем устроить подкоп под систему — сами того не желая, простой логикой событий. Мы со своим якобы среднетехническим и без того на голову выше нашего начальства с их якобы высшим университетским — они и не хотят, чтобы на две головы. Бабам не нужны технические революции, им нужна стабильность и, уж так и быть, медленный-медленный прогресс. Им никогда не понять, что любую железяку нужно любить, чтобы она работала как следует! — Последние слова дядя Лева почти выкрикнул — наболело, видно, — но сейчас же спохватился и понизил голос. — Есть, конечно, и среди них исключения... но именно исключения, Тимка! На нас, мужи-

ках, все держится, и ты меня с глазу на глаз эксменом не называй — заеду невзначай в рыло, даром что ты такой бугай. Понял?

— Понял, — улыбнулся я. — Крамола. Люблю.

— И не скалься мне тут, феномен. Пошли.

— Куда?

— В лабораторию. Уговорил, на сегодня хватит.

Рабочие часы уже истекли — лаборатория была пуста, персонал давно вывалился через проходную кто в подземку, кто к остановкам автобусов-экспрессов с затемненными стеклами, шпарящих прямиком в спальные кварталы эксменов. Блестел свежевымытый пол, пахло жидким мылом, нагретым металлом, озоном от недавно выключенных приборов и горелой пылью. Стало быть, завтра начальство, по-своему понимающее порядок, опять заставит вскрывать корпуса приборов и собирать пыль тряпками. Занимая половину помещения, солидно громоздился старый ИВК — измерительно-вычислительный комплекс, который дядя Лева с полным на то основанием обзывал изнурительно-вычислительным. Счетно-решающее устройство образца прошлого века, так и именующееся счетно-решающим устройством, поскольку его аббревиатура выглядела, а особенно произносилась, несколько неприлично, тихо потрескивало, остывая. Дядя Лева обесточил щит.

— Ты мне книжку принес? — поинтересовался я.

— На. — Дядя Лева достал из кармана дискетку-крохотулю. — Сходишь к компьютерщикам, скажешь, что от меня, они тебе распечатают. Только завтра. И через проходную с распечаткой поосторожнее... ну ты сам понимаешь.

— Учи ученого, — весело оскалился я. — Меня на прошлой неделе патруль обыскивал, только что в задницу не заглядывали, и то обошлось. Главное — рожу кирпичом...

— Кирпичом по роже и получишь. Не та, видно, у тебя рожа была, коли обыскали. Где спрятал-то?

— В ботинке под стелькой.

Дядя Лева сказал что-то об идиотах, которые распечатывают запрещенных Толстого, Островского и Золя мельчайшим шрифтом, а потом слепнут в сорок лет.

— Я только не пойму, — сказал я, пропустив его слова мимо ушей, — зачем она под поезд-то бросилась?

— Кто?

— Анна Каренина.

— А куда ей было еще бросаться? — подивился дядя Лева. — В прокатный стан?

— Я не о том. Она могла ведь развестись и отсудить себе ребенка... Тогда развод уже был или нет?

Дядя Лева безразлично пожал плечами и не ответил — соображай, мол, сам. До меня дошло только одно: книга эта запрещена именно как пасквиль на женщину. Выбрать смерть вместо борьбы с мужским игом — позорно. Женщина во все века обязана быть сильной.

— Я пойду? — спросил я, оставив свои соображения при себе.

— Погоди.

С усилием отодвинув от стены небольшой сейф, притулившийся возле стола нашей начальницы, дядя Лева подковырнул и легко снял заднюю стенку. Из недр сейфа он добыл плоскую металлическую фляжку, покачал ее на ладони и встряхнул. Внутри булькнуло.

— По какому поводу? — заинтересовался я.

— Повод-то не очень веселый, — пробурчал дядя Лева. — Ты еще помнишь старика Вокульского, привратника в вашем интернате?

— Так ты его знаешь?

— Еще бы. Так помнишь или нет?

Конечно, он знал, что помню. И прекрасно знал, кто сделал все возможное, чтобы я попал именно сюда. Чтобы я ХОТЕЛ попасть именно сюда, а не куда-нибудь еще, и в бурунах эксменских трудопотоков подгребал туда, куда следует.

— Помню. Давно не видел, правда.

— А тебе и незачем было его видеть. Лет двадцать назад — да! Орел был. Ярослав Вокульский, он же Аспид, теоретик и практик подпольной работы, видная фигура. Потом сломался, отошел от борьбы... Одно только и сделал по старой памяти: вывел тебя на нас. Может, со временем окажется, что это главное из всего, что он сделал, как ты думаешь?

— А что с ним такое? — спросил я, все еще не понимая.

— Как что? Умер. Умер от старости три недели назад. Вчера передали по эстафете... с подробностями передали. Говорят, улыбался напоследок — в детство впал, наверное. Каков бы он ни был, а в память прошлых заслуг надо его помянуть. Ты не против?

— Нет.

Дядя Лева глубоко вздохнул.

— Что есть жизнь? Временное отсутствие смерти, не более. А что есть тело? Пустая оболочка, только и всего, — философски сказал он и добавил загадочно: — Между нами говоря, Аспид давно ее покинул. Сбросил кожу. Но все-таки биологическая смерть есть биологическая смерть, а потому давай помянем усопшего добрым словом и техническим спиртом. — Он свинтил с фляжки колпачок, наполнил его вскрай и протянул мне: — По одному колпачку, не больше, не то погорим. Пей.

Спирт не сивуха, купленная втихаря за пару полосатеньких, — пить чистый мне по молодости лет еще не приходилось. Я вогнал в себя жидкость одним посылом, ожидая, что меня прожжет насквозь. Но этого не случилось. Спирт был разбавлен минимум наполовину — видимо, выдохся из-за небрежного хранения.

Дядя Лева выпил вслед за мной, негромко крякнул, занюхал рукавом, после чего долил во фляжку немного водопроводной воды и тщательно завинтил колпачок.

* * *

— Кто звал меня?

Низкий грудной женский голос, с уместной хрипотцой. На экране компа лицо жгучей брюнетки в дымчатых очках. Вероника!

Дождался...

Короткая паника: вдруг Вероника прервет связь, пока я при помощи ваты и скотча очень быстро — и чертовски медленно! — лишаю мою пленницу возможности слышать разговор. Подвернувшаяся под ноги белая кошка, издав короткий мерзкий вопль, пулей мчится прочь, взлетает на стену и виснет на гобелене. Ч-черт!.. Живо к монитору! Видеосканер — включить!

Уф-ф...

— Не пугайся, это я.

— Вижу. — Голос брюнетки меняется. Теперь никто не назвал бы его женским. — Где это ты?

— В бегах. Меня ищут, но пока я оторвался. Можешь поменять морду — никто не видит и не слышит.

— Я уже догадался...

Лицо брюнетки медленно оплывает, как восковая маска у

огня, стекает книзу, обнажая совершенно иной облик — немолодого, начинающего лысеть эксмена. Таким, наверно, был Вокульский в лучшие свои годы — до лесоповала и уж подавно до знакомства со мной. Мог ли я думать в те годы, когда мальчишкой презирал старого привратника-конформиста и одновременно тянулся к нему, что его виртуальная личность давно уже бродит по Сети, а передо мною сидит, кряхтит, хихикает и наблюдает поединок червяка с жужелицей лишь пустая сброшенная оболочка? Вокульский и Лапезин надули всех, Департаменту федеральной безопасности достался лишь догнивающий в свое удовольствие никчемный хитиновый покров.

Как им это удалось, какими немыслимыми путями они получили доступ к аппаратуре глубинного ментосконирования — не знаю. Лучше и не пытаться узнать. Но факт есть факт: среди нескольких десятков виртуалок, давно умерших физически, но продолжающих жить в Сети в знак признания их особых заслуг перед обществом, затаился один виртуал-эксмен.

— Тебя трудно найти, Аспид, — ворчу я.

— Ась? Кто я?

— Ну Ярослав...

— Войцех, — мгновенно возражает он. — Войцех Вокульский. Ты забыл? Все виртуалы носят имена, начинающиеся на «в»: Ванда, Вера, Власта, Вика, Виолетта, Вивьен... есть даже Венеранда. Вообще-то я Вероника, но в таком облике — уж так и быть, Войцех. — Он улыбается. — Тут главное не перепутать — разговоры по Сети пойдут...

— Ты что, общаешься с виртуалками? — на миг забыв о своих неприятностях, поражаюсь я.

— Иногда. И даже слыву среди них очень спокойной и рассудительной дамой. В склоки не лезу... знал бы ты, какие они скандалистки, все эти виртуалки! Как начнут выяснять, у кого из них реальные заслуги, а кто получил вечную жизнь по блату, — затыкай уши, беги вон! Светопреставление! Молодые еще так-сяк, а те, кому за сто, — поголовно ведьмы... Ладно, хватит о них, тема малоприятная. Ты удрал телепортацией?

— Да. Куча народу это видела.

— Ты уверен, что оторвался?

— Ну, если я с тобой сейчас разговариваю...

Он качает головой:

— Это меня еще ни в чем не убеждает. Но допустим. Они

знают о тебе, это сейчас главное... Чем я могу помочь, Тим? Подсказать тебе, как быть?

— Да.

Он грозит мне пальцем.

— Не хитри сам с собой, Тимофей Гаев... Ты никогда не любил подсказок, ты любишь решать сам. А еще, как я слышал, ты любил выпытывать информацию у старого пенька Ярослава Вокульского под видом то ли спора, то ли плача в жилетку... ты вообще был изобретателен, твоя идея пятилетней давности насчет использования труб магистральных газопроводов в качестве волноводов метровых волн для эстафетной связи оказалась не такой уж дурацкой и используется в подполье до сих пор! Но ведь я-то не тот старый привратник, которого ты помнишь. Да-да. Не я учил тебя когда-то уму-разуму, а тот, другой. Я даже не тот Ярослав Вокульский, каким был до того, как загремел на лесоповал. Жизнь в виртуальности меняет человека, очень сильно меняет, поверь мне. Не так слышать, не так видеть, ничего не обонять и сознавать, что сам ты — всего-навсего набор команд, толпа электрических импульсов, пусть даже достаточно большая и упорядоченная... это непросто, но к этому привыкаешь. А если ты привык, ты уже не эксмен. В лучшем случае — сочувствующий. Нет-нет, Тим, это еще не так плохо! Когда-то мы с Лашезиным рассчитывали на лучший результат, но были готовы и к худшему. Я и сам понимал — умом понимал, не сердцем, — что со временем могу легко наплевать на всю нашу борьбу и спокойно ужиться с виртуалками. Даже предать могу, Тим. Даже пойти на свое разоблачение, чтобы не было так скучно жить, — уничтожить меня совсем не просто. Может быть, со временем так и сделаю. Мы с Левкой понимали, что можем проиграть, и все-таки рискнули. Я очень любопытен, но мне все меньше хочется делиться с кем-то добытой информацией... так что спрашивай, пока можно. Я отвечу.

Вот так. Щелкнули тебя по носу, Тим. И поделом.

— Мне не нужна информация, — отвергаю я. — Мне нужен совет.

— Ой ли? Мне кажется, тебе нужно и то, и другое. Гм... Вот тебе для затравки: скажи-ка, не заметил ли ты в последнее время каких-либо изменений на общедоступном уровне? Ну, скажем, в быту, в общественной жизни?

Морщу лоб:

— Вроде нет... Разве что шоу Мамы Клавы прикрыли...

— Давно пора. И только-то?

Куда он клонит?

— Говорят о какой-то программе тотального перераспределения рабочей силы, — вспоминаю я.

— Дельно говорят, но это еще далеко не все. Ты знаешь, что возобновлено производство оружейного плутония?

— Нет.

Чушь... Каким-то средневековьем веет.

— А между тем его производство заново освоено на трех старых заводах, и спешно строятся восемь новых. Это правда. Скажу более: выкопаны старые проекты ядерных ракет космического базирования, и эта продукция пущена в серийное производство без всяких изменений. Кое-какие проектные усовершенствования вносятся только сейчас и понемногу, поскольку лучше иметь устаревшее оружие, чем не иметь вообще никакого. О чем это говорит?

— Славянская Федерация собирается воевать? — Я не верю ушам. — Но с кем? Конфедерация разваливается?

— Конфедерация прочна, как никогда прежде, — отмахивается Вокульский. — Ну вот тебе еще несколько фактов, не подлежащих пока широкой огласке. Уже несколько лет как расширена учебная база высшей технической школы — колледжи и университеты для женщин, техникумы и училища для эксменов... теперь любой обалдуй, способный отличить долото от стамески, обязан получить среднетехническое образование. Более того: во всех без исключения интернатах для молодняка в приказном порядке запрещено применение некоторых пищевых добавок... препаратов, подавляющих честолюбие и агрессивность юных эксменов, а заодно тормозящих их умственное развитие... ты что, никогда о них не слышал? Темное ты существо, Тим, беседовать с тобой неинтересно... Говоря короче, правительству вдруг настолько понадобились спецы с мозгами, что власти сознательно идут на определенный риск. Особенно много специалистов обоих полов требуется по специальностям: электронные системы, точное приборостроение, газодинамика, атомное производство, криогенная техника, системы жизнеобеспечения пилотируемых кораблей... Общий вектор, думаю, просматривается предельно четко. А знаешь ли ты, что в прошлом году состоялось втрое больше космических запусков, чем в позапрошлом, а за пять непол-

ных месяцев этого года уже больше, чем за весь прошлый год? А известно ли тебе, друг мой Тим, о возрождении армии, пока еще небольшой, но всерьез обучаемой? А слыхал ли ты хоть что-нибудь о грандиозных работах по плану гражданской обороны? И это лишь часть того, что деликатно называется перераспределением рабочей силы. Выдумали формулировочку! — Вокульский очень знакомо захихикал.

Чтобы сглотнуть, мне приходится поставить на место отпавшую челюсть.

— Все-таки война? С кем?

— Догадайся.

— М... что-то внеземное? Взбунтовались рабочие поселения на Луне и Марсе? Перебили баб, захватили несколько кораблей, угрожают Земле?

— Дремучий ты все-таки эксмен... — Вокульский тяжко, напоказ вздыхает.

— А что?

— Только то, что, если бы те несколько тысяч мужиков, что трудятся сейчас во Внеземелье, посмели бы выступить, их привели бы к покорности и раскаянию в течение нескольких недель простой блокадой, без единого ракетного пуска. Автономия поселений пока еще сугубо частичная, и все это знают. Без концентрированного белка долго не протянешь. Издай кто-то хоть писк против регламента работ — одного намека на ответные санкции будет достаточно, чтобы свои же вколотили пискуну в глотку его писк вместе с зубами... Ты поглупел, Тим.

— Может быть, — ворчу я. — Тогда объясни глупому сам.

— Придется. — Вокульский вздыхает, по-моему, притворно. — Слушай и не говори, что не слышал. Восемнадцать-двадцать лет назад были запущены несколько автоматических станций для исследования пояса Койпера... это пояс ледяных тел за орбитой Плутона. Проект «Снегурочка». Всего аппаратов было десять, девять из них благополучно достигли цели и честно работали во славу науки. Кстати, некоторые работают до сих пор. Надо сказать, что каждая станция несла по четыре зонда для сбрасывания на те ледяные астероиды. Так вот: шесть лет назад очередной сеанс связи с одной из станций не состоялся, а шестью-семью часами позже в той точке неба, где должна была находиться станция, была зафиксирована яркая вспышка, видимая, между прочим, простым глазом. Больше станция на связь не выходила. Твои соображения?

— Метеорит? — Я хмурюсь. — Но чтобы простым глазом... Откуда такая энергетика взрыва?.. Это действительно была научная станция?

— Молодец, хороший вопрос, — кивает Вокульский. — Станция чисто научная, несла крохотный реактор для работы ионного двигателя на парах ртути... словом, никакой начинки, способной вызвать столь колоссальный взрыв. По энерговыделению разве что аннигиляция — но с какой радости? Идея казалась дикой до тех пор, пока не были зафиксированы новые вспышки — эти были немного слабее. Но спектры получить удалось... как ни странно, это действительно аннигиляция и ничто иное.

— А откуда еще вспышки?

— Зонды. Те четыре зонда, что злосчастная станция сбросила на ледяные астероиды. Думаю, что последние испарились без остатка. В то же время те астероиды пояса Койпера, на которые не было сбросов, летают себе по орбитам как ни в чем не бывало. Твой вывод?

Есть такие люди — любят смотреть, как другие барахтаются в омуте. Пока вдоволь не нахлебаешься воды, руку не протянут.

— М-м... Кто-то уничтожает искусственные объекты, забравшиеся слишком далеко от Солнца? Но зачем?

— Ошибочка. Я забыл тебе сказать, что шесть лет назад была уничтожена только одна станция с ее зондами, прочие остались целы. В том числе и находящиеся дальше от Солнца. На момент разрушения станция слонялась по созвездию Лиры возле границы с Геркулесом. С тех пор подобным образом были уничтожены еще три станции, и каждая следующая располагалась на небе дальше от Геркулеса, чем предыдущая... Кстати, я убежден, что еще раньше были уничтожены некоторые из отработавших свой срок аппаратов, вышедших за пределы Солнечной системы, в том числе древних, запущенных еще в патриархальные времена... Только вспышки остались незамеченными. Ну как, еще не сообразил?..

— Что такое в этом Геркулесе? — морщусь я.

Вокульский тяжко, напоказ, вздыхает.

— Плохо быть узким специалистом. В созвездии Геркулеса находится апекс Солнца, иными словами, та точка на звездной карте, куда со скоростью около двадцати километров в секунду движется наше светило в своем перемещении среди

звезд. Теперь понятно? Что-то или скорее кто-то препятствует проникновению наших железяк не куда угодно, а строго в одном направлении, где установлен некий... гм... кордон. Тела естественного происхождения кордон пропускает беспрепятственно, искусственные объекты — уничтожает. Неприятность только в одном: как раз в этом направлении мы и движемся вместе с Солнцем и соскочить, увы, не сможем.

— А... людей? — сиплю я, прежде чем снова отвалить челюсть.

— Насчет людей не скажу, а эксменов он не милует, это точно. В прошлом году проверено и доказано. Мир праху подопытного кролика... хотя там и праха не осталось, одно излучение...

Вот так. Мир жестким квантам, разлетевшимся во все стороны от того, что когда-то было думающим, чувствующим существом, родственным человеку, только другого пола. Знал ли он, для чего его сажают в капсулу, куда отправляют? Сумел ли он увидеть то, что его уничтожило? Успел ли хотя бы испугаться?

— Информация закрытая, но по кое-каким обрывкам можно догадаться, — продолжает Вокульский. — Судя по всему, за несколько минут до аннигиляции капсулы ее локаторы нащупали впереди что-то материальное... Что — не спрашивай. Я не знаю.

— Корабль? Чужие?

— Сказал ведь: не знаю.

Интересненько... Или жутенько?

— Откуда тебе это известно?

— Ты забыл, где я живу. — Вокульский грустно улыбается. — Собирал по крохам. Так сказать, навозну кучу разгребая...

Видимо, это цитата. Откуда — не знаю и не хочу знать. Но что же получается? Армия... Вооружение... Тотальное перераспределение рабочей силы... Похоже на подготовку к мобилизации или даже на саму мобилизацию... было такое древнее слово, ныне — архаика и звучит дико. Да, пожалуй, мобилизация. Тотальная. Иначе нас просто уничтожат — сперва спалят космические станции и поселки, те, что окажутся ближе к этому чертову апексу и раньше нас пересекут невидимый рубеж, потом простерилизуют Землю... в строго рассчитанный момент, ни минутой раньше, ни минутой позже. Так, что ли?

Видимо, так.

— Сколько осталось времени? — говорю я, облизнув губы, и не узнаю свой голос.

— Смотря для чего. Сейчас, насколько мне известно, в направлении барьера запускают целые стаи беспилотных аппаратов — то ли хотят отследить его точную конфигурацию, то ли надеются понять, кто нам противостоит. Результатов пока не знаю. Сейчас барьер приближается к орбите Сатурна, но научная станция на Дионе эвакуирована не будет: на данный момент времени Сатурн находится с противоположной стороны от Солнца, так что Земля пересечет барьер гораздо раньше... менее чем через три года. По расчетам, сегодня как раз тысяча дней до контакта с барьером... нет, виноват, следующий год високосный... Значит, тысяча дней будет завтра, а сегодня — тысяча и один.

— Так скоро?

— А ты что себе думал, Тим, — прищуривается Вокульский, — звезды ползут еле-еле? Они, представь себе, летают!

Уже представил...

— Этому вообще можно верить? — хватаюсь я за последнюю соломинку. — Не деза?

— Не надейся. Кому нужна такая деза?

Ясно. Вот так и живешь, так и варишься в собственном соку, пока кто-то не хряпнет тебя дубиной из-за угла. Расслабился? Зря. Получай!

И я тоже хорош: возомнил свои ничтожные проблемы глобальными! Да тьфу на них и растереть! Много ли смысла в том, чтобы дергаться сейчас, если через три года не будет вообще НИЧЕГО — ни меня, опасного для общества телепортирующего эксмена, ни этого коттеджа с моей пленницей и ее кошкой, ни единого разумного существа на планете, не говоря уже о всяческих механизмах? Виртуального Вокульского, между прочим, тоже не будет...

А зачем, интересно знать, он мне все это рассказал? Чтобы я без малого три года маялся, зная, что в точно выверенный момент с астрономической неизбежностью обращусь в ничто, в веер сумасшедших квантов и нейтрино? Или чтобы я упился и оставил его в покое до конца отпущенного ему времени?

Нельзя говорить правду смертельно больному, ну нельзя! Это жестоко! Но разве Вокульский врач, чтобы следовать этому правилу?

Ах ты, Тимофей Гаев, Тим Молния, гладиатор, отважная,

мускулистая... и дрожащая тварь! Не держишь удара, боец. Час назад ты постыдно паниковал, а сейчас и вовсе опустил руки. Осталось разве что распустить сопли и захныкать...

— Что-нибудь можно сделать? — слышу я свой шепот.

— Что делается, ты уже знаешь, — отвечает Вокульский. — Вопрос в том, насколько средства, имеющиеся в распоряжении человечества, окажутся эффективными... а этого пока не знает никто. Следовательно, — он иронически улыбается, — ничем нельзя брезговать, подавай сюда веревочку, и веревочка сгодится! Как ты думаешь, для чего тебя ловят — чтобы выяснить суть феномена, а затем с большим удовольствием уничтожить? Жди. Не то время, чтобы выбрасывать веревочки. Кто может знать, не окажется ли полезен подконтрольный телепортирующий эксмен? Самая оголтелая баба, и та понимает: ради жизни на Земле стоит поскрипеть зубами — оттого-то и ищут повсюду тебя и тебе подобных...

— Подобных мне?!

Виртуальный облик Вокульского фыркает — вид у меня, ошарашенного, должно быть, препотешный.

— Вас пятеро. То есть было пятеро до вчерашнего дня. Вчера, избегая ареста, один из вас телепортировал на крышу дома и бросился оттуда вниз головой. Его не успели предупредить, что обстановка изменилась. Очень жаль, мы возлагали на него особые надежды. Второй — ты. Третий из вас — безногий и слепой негр из Сомали, он давно на примете у спецслужб, но вряд ли они сделают на него ставку — уж очень немощен и плохо телепортирует. Четвертый — новозеландец — уже год в бегах, и о нем нет ни слуху ни духу. Пятый — пятилетний китайский мальчик из Гуанчжоу. Уже изолирован, но вряд ли на что пригодится — чересчур мал. Словом, лучше тебя на сегодняшний день никого нет, но ты не уникум, уж прости...

— Почему ты не говорил этого раньше? — спрашиваю я, кусая губы.

— Ну, Тим... — Вокульский качает головой. — Ты еще не руководитель подполья...

Понятно. Меня не касается даже то, что меня напрямую касается. Очень знакомо.

— Как меня хотят использовать?

— Этого я не знаю. Спроси у них.

Час от часу не легче.

— Что ты предлагаешь лично мне? — спрашиваю я. — Пойти и сдаться?

— Да.

Вокульский продолжает улыбаться.

— Короче говоря, если ты еще не понял, что настал тот самый случай, которого мы ждали полторы сотни лет, то позволь тебе заявить: это тот самый случай. Упустить его — глупость и преступление. Иди и смело ставь условия своего сотрудничества. Держись наглее. Зубы тебе, возможно, и проредят, но выслушают.

— Угу, — мрачно говорю я, — зубы. Пристегнут к зубоврачебному креслу, вставят в рот распорку, милейшая докторша включит бормашину...

На экране, помимо лица Вокульского, появляется его рука, и этой рукой он пренебрежительно машет — словно отмахивает виртуальную муху.

— Помнишь свою лабораторию? Там в последнее время ремонта не делали?

— Вроде нет.

— Как войдешь в дверь... хотя зачем тебе дверь?.. в общем, первый плинтус справа от двери. Оторви его. Найдешь две стеклянные капсулы, в них твой шанс. Одну капсулу положи в рот, только не раскуси случайно, вторую держи в кармане и иди сдавайся. Лучше всего сразу в Главное Управление оф-бэ, сэкономишь время и нервы. Адрес тебе сказать?

— Я знаю. Что в капсулах?

— Смерть. Цианид лития. Достаточное основание, чтобы повести торг.

— А почему не цианистый калий?

Вокульский беззвучно хохочет.

— Зря ты не изучал токсикологию... не задавал бы тогда глупых вопросов. Убивает ион це-эн, а не то, что к нему прицеплено, понятно? Быстрая, безболезненная смерть. В одной капсуле хватит отравы на пятерых. Кстати, солями лития издавна лечат буйнопомешанных... успокаивают их. Так вот, можешь мне поверить: среди всех солей лития литий-це-эн — наиболее радикальное успокаивающее средство... Проверять на себе не советую.

Он еще шутит.

— Не буду, — ворчу я. — Уговорил. А что я должен требовать? Уравнения эксменов в правах с людьми?

Вокульского просто корчит от хохота, а мною мало-помалу овладевает злость. Здоровая ли, нет ли — не знаю. Но, кажется, я опять в форме.

— Забавно на тебя смотреть, ей-ей, — говорит Вокульский, отсмеявшись, и костяшкой пальца вытирает углы глаз. — Что с тобой, Тим? Да ляпни ты такое — кто станет с тобой разговаривать? Женщины охотнее погибнут все до единой, чем согласятся уравнять с собой мужиков, это понимать надо! Нет уж, ты требуй чего-нибудь реального, чтобы они поморщились, поломались и натужно согласились. Нужен прецедент, первая трещина в монолите — а уж потом мы вобьем клин в эту трещину и медленно, очень медленно развалим глыбину на части. Конечно, в том случае, если человечество сумеет отбиться на этот раз. Иного пути не вижу. Может быть, пройдет одно поколение, а может быть, и десять, не знаю. Лучше бы десять — чем больше временной буфер, тем меньше глупостей будет сделано. Ты со мной согласен?

— Нет... Не знаю.

— Когда будешь знать, свистни мне — поспорим... А пока не знаешь, делай так, как я сказал. Сделаешь?

Самому влезть в хищную глотку? Не хочется, знаете ли. Организм возражает. Но трястись в ожидании поимки — страшнее.

— Сделаю.

— Сегодня же. Сейчас.

— Ладно... Еще увидимся.

— Вряд ли. — Вокульский очень серьезен. — Прости за откровенность, Тим, твои шансы выжить... эфемерны. Не хочу тебе врать, их практически нет в любом случае, сдашься ли ты или продолжишь со спецназом игры в прятки-догонялки. У тебя есть лишь шанс помереть не зря. Решать, конечно, тебе, но в любом случае — прощай!

Вот как...

Изображение тускнеет. Помедлив, я выключаю экран совсем. Надо спешить, не то я успею сдрейфить и от страха наломаю дров. Прежде всего — в город, в лабораторию... Интересно, дядя Лева уже арестован?

Наверняка. Но можно надеяться, что из него еще не успели выбить показаний насчет первого плинтуса справа от двери...

Позаимствовать для скорости машину пленницы? Пожалуй, нет, ненужный риск, доберусь до города грузом в кузове

попутного грузовика, а дальше — как повезет... А пленница? Оставить так?

Я вынимаю вату из ушей Иоланты, зато заклеиваю ей рот. Не надо крика, дорогая. Сую ей в руку принесенный из кухни столовый нож, длинный и тупой. Если очень постараться, можно дотянуться лезвием до скотча в том месте, где рука примотана к подлокотнику кресла, и начать себя освобождать.

Минут за двадцать-тридцать птичка вырвется на волю и расчирикается на весь белый свет, но я уже буду далеко. Двадцать минут — это же для беглеца вечность!

ГЛАВА 6

ШАНТАЖИСТ

Комната — большая, угнетающая своими размерами, очень светлая, но свет идет не из занавешенных наглухо окон (кстати, ночь на дворе), а струится сверху, где высокий потолок усеян мелкими светильниками, как клопами. Чересчур много света. Под этим потоком чувствуешь себя маленьким и ничтожным, вызывающим чисто академический интерес, как редкое насекомое, приколотое булавкой к пробковой дощечке в энтомологической коллекции.

Одноногий металлический табурет намертво привинчен к полу. Моя левая рука свободна — правую украшает браслет с цепочкой, прицепленной к ножке того же табурета. Хоть я и гладиатор из шоу «Смертельная схватка», но даже мне не светит вывернуть табурет из пола и скрыться с ним в Вязкий мир — мускулов не хватит, и нуп развяжется. Да и незачем...

Знал, куда шел.

Мне не пришлось снова демонстрировать эфбэшницам свое умение телепортировать — после моего бегства материалов у них хватало с избытком. А вот удивить их мне, кажется, удалось, и сейчас они решают: глуп ли я беспробудно — или, наоборот, себе на уме. Похоже, им не нравится ни тот ни другой вариант.

Они даже не скрыли, что озадачены: беглец явился сам! Наверняка они предпочли бы, чтобы меня поймали и, сломив сопротивление при аресте, доставили бы в этот кабинет со скованными за спиной руками и вдобавок пристегнутым к самой мясистой спецназовке, дабы сопутствующая масса заве-

домо превышала пороговую, — откуда им знать, что мой предел всего-навсего двенадцать килограммов?

Холеная дама — та самая — сидит напротив меня через гигантский стол. Нет, не совсем напротив, скорее жмется к краю... Там есть еще один стул посередине, который, вероятно, предназначен ее начальству. А начальство — задерживается.

Отпустив конвой, дама листает бумажки и молчит. А ведь ей, вероятно, сегодня влетело за то, что я от нее ушел...

Сижу. Скучно и нервно. Пространство — давит. Так надо: пусть эксмен посидит и проникнется. Попытался уйти — не вышло. Сам понял, что крылья коротки, и явился лизать хозяевам руки, как нашкодивший щенок. Посиди, посиди... Подумай, коли еще способен. Кто ты есть? Эксмен, бывший человек, каковой факт префикс «экс» очень дает почувствовать. Какие еще слова начинаются с «экс»? Экс-гумация, экс-кремент, экс-каватор, экс-тракция, экс-гибиционизм... либо что-то технически-специальное, либо нечто физически или фонетически неприятное. Экстерриториальность... бр-р... будто камнедробилка в действии. Или по щебню на квадратных колесах. Словечко. Даже в слово «экзекуция» буква «з» забралась как бы по недоразумению. Иное дело префикс «эс»: эстакада, эстуарий, эстамп, эстетика... Есть разница, верно? Изящно-грозное слово «эсток» — тоже там. Красиво, стройно. Звучит не в пример наряднее, а отсюда и имена настоящих людей: Эстелла, Эсмеральда, Эстефания, Эстер... Правда, в ту же кучу попали Эстебан и Эстольд, как бы назло и в противовес, но на такие мелочи можно не обращать внимания. Дурная случайность, мол. Экс — он и есть экс. Экс-фекс-пекс.

Ну и сиди. Доходи до кондиции.

— Помнится, вы хотели предложить мне новую работу, — нарушаю молчание я. — Согласен обсудить условия.

Конечно, я веду себя нагло. Хам хамом. Видно, что здесь к такому не привыкли. Дама вонзает в меня взгляд, не сулящий ничего хорошего — под таким взглядом самому крупному бугаю захочется съежиться до размеров микроба.

— Ты забыл сказать «госпожа».

Ох, как ей это важно! Комплексы у нее, что ли?

— Забыл, — соглашаюсь я. — Совсем забыл.

— «Госпожа»!

— Готов обсудить и этот вопрос.

Интересно, сама она врежет мне по морде или позовет специалистов?

Но дама смотрит уже не на меня, а мимо. Я слышу шаги за своей спиной — мягкие, но быстрые шаги по ковру. Пришло начальство?

Не стану выворачивать шею, оглядываясь. Плевать на них на всех.

Оп!..

Вот уж кого я меньше всего ожидал здесь увидеть... Нет, это настолько абсурдно, что даже не смешно, ибо такого не бывает: бегущий от ареста эксмен, пробирающийся то Вязким миром, то коллектором ливневой канализации, с первого раза и безошибочно берет в заложницы не кого-нибудь, а высокопоставленного офицера службы безопасности, вероятно, осуществляющего общее руководство операцией! То-то, наверное, крику и бестолковой суеты поднялось, когда я исчез, а со мною исчезла и Иоланта! Хотя, конечно, пути начальства неисповедимы.

Да, заставил я начальницу потерять лицо в глазах подчиненных... Скверно-то как.

Иоланта хорошо владеет собой. Заняв пустующий стул, она улыбается дежурной улыбкой, а что скрывает эта улыбка — неясно.

— Как давно ты начал телепортировать? — С места в карьер.

— Это не имеет значения, — отвечаю я.

— Не тебе решать, что имеет значение, а что нет. Твоя пороговая сопутствующая масса?

— И это не имеет значения.

Ох, дождусь я зубоврачебного кресла...

— С кем ты разговаривал по Сети?

— Кстати, мы не представлены, — заявляю я, игнорируя последний вопрос, а внутри меня — сущее упоение бездной мрачной на краю. Никогда не думал, что это так сладко! — Я Тим Гаев, можно звать меня Молнией. Ты Иоланта, — я намеренно и оскорбительно «тыкаю», — а вот ее не знаю. Кто такая?

Вот теперь пора предупредить естественное желание моих собеседниц перейти к форсированным методам допроса.

Я открываю рот, как бы желая оскорбительно зевнуть, и усугубляю оскорбление, высунув язык. А на языке у меня — капсула. Капелька тонкого стекла с прозрачной жидкостью внутри.

Языком задвигаю стеклянную слезинку за щеку. Не раскусить бы нечаянно!

— В ней тот же цианид лития, что и в той капсуле, которую вынули у меня из кармана, когда обыскивали. Если нет веры словам, велите принести ее и поймать на улице кошку.

В отличие от меня, здесь не задаются вопросом, чем цианистый литий отличается от цианистого калия в смысле воздействия на организм.

Иоланта касается пальцами сенсора на столе:

— Личные вещи задержанного, крысу из лаборатории, быстро.

Через минуту белая крыса недвижно лежит на полу, оскалив резцы в единственной короткой судороге, и яркий свет уже не слепит изумленно раскрытую бусинку глаза.

— Убрать.

Секретарша брезгливо выносит трупик за хвост. Иоланта и холеная дама переглядываются.

.Они не знают, как со мной быть, и это наполняет меня радостью. Дядя Лева был не совсем прав насчет медлительности прогресса: где-где, а в биологии и медицине знания накапливаются ускоренным порядком. В их специфических приложениях, разрабатываемых специально для служб безопасности, — тем паче. Нет, им совершенно не обязательно меня мучить. При желании из меня могли бы без всякого труда и пыток вытащить всю подноготную, не заставив меня даже раскрыть рта, могли бы выпотрошить мой мозг, смять мою волю, как пластилин, изменить целеполагание и сделать меня своим послушным — и добровольным! — орудием. Не боль, кровь и крик, не вырванные ногти и электроток, — а тонкая, изящная, чистая, приятная всякой женщине работа.

А я по их благим намерениям — хрясть кувалдой! Цианид? Это же так грубо и так необратимо! Фи!

— Чего ты хочешь, Тим? — наконец произносит Иоланта. — Тебя хотели пригласить сюда вовсе не для того, чтобы устранить, — это можно было сделать и раньше без всяких хлопот. И поверь, ты нам нужен даже не ради того, чтобы изучить столь редкий феномен, хотя, признаюсь, впоследствии это было бы крайне интересно. Даю слово: тебе действительно хотели предложить новую работу, точнее, временную миссию... не скрою, вероятно, сопряженную со значительным риском.

Зато и вознаграждение в случае успеха превзошло бы все твои ожидания...

— В полосатеньких? — Я глумливо усмехаюсь.

— В настоящих, если дело только в этом. Значительная сумма единовременно плюс гарантия безбедного существования вплоть до естественной смерти, минимум посягательств на личную свободу и только неразрушающие методы изучения.

— Звучит обнадеживающе...

Так. Ампула подействовала. К счастью, не химически. Произвела впечатление.

Без сомнения, сейчас они лихорадочно перебирают в уме варианты: как манипулировать мною, не позволив отправиться в лучший мир. Как отобрать у меня ампулу? Парализовать? Это можно, но паралич все же не наступает мгновенно, я могу успеть разгрызть стекло...

А я это сделаю?

Придется. Надо.

— Это, — следует кивок в сторону холеной дамы, — Евгения Зинаидовна Фаустова, подполковник Департамента федеральной безопасности. Меня, как ты знаешь, зовут Иоланта. Иоланта Настасьевна Сивоконь, полковник Министерства безопасности Конфедерации. Ты — Тимофей Гаев, телепортирующий эксмен, лакомый кусочек для подполья и сам активный подпольщик. Теперь мы знакомы.

Стало быть, всю операцию со мною с самого начала курировало центральное эм-бэ. Хотя чему удивляться? Примчались на запах. Для Иоланты тот скромный коттедж, конечно, не постоянное жилище — нет ни бассейна, ни зимнего сада...

— Давно я прокололся? — пытаюсь я сменить тему.

— Это не имеет значения.

— А что имеет значение?

— Только то, что мы тебе уполномочены предложить. Крупное вознаграждение за опасную работу.

— Хорошо, — вздыхаю я. — Рассказывайте.

Труднее всего не показать им, что в общих чертах я уже знаком с проблемой. Актер из меня неважный — таланта хватало разве что на ужимки и прыжки перед ревущим амфитеатром в шоу Мамы Клавы. Но я стараюсь.

Рассказ обстоятельный, у меня складывается впечатление, что от меня не скрывают ничего. Пожалуй, это и правильно:

либо я выйду отсюда послушным сотрудником, либо не выйду вообще.

— Насколько я понял, барьер... того... не материален? — прерываю я.

Хороший вопрос для туповатого эксмена, маскирующего убожество рассудка показным глубокомыслием.

— Разумеется, он чисто условен, — морщится Евгения. — Это граница, за которую нас не пускают. Вблизи нее, но строго за ней нам удалось зафиксировать материальные тела, предположительно корабли чужой цивилизации...

Корабли! Все-таки корабли.

Уже легче. Значит, нам противостоят не законы природы, а всего лишь чужой разум...

«Всего лишь»!

Стоп, стоп! Я рассуждаю так, словно мы уже договорились. Нет уж, извините, я пока не подписался. Еще не время для таких мыслей.

— Вот один из них.

Весь центр довольно скверной фотографии занимает удлиненный ярчайший сгусток. Веретено. На первый взгляд больше ничего на фото нет, даже звезд. Надо как следует всмотреться, чтобы обнаружить крохотное пятнышко возле торца сгустка, видимо, сгустком же и освещенное. Вот он, чужак. А небольшой...

— По предварительным оценкам поперечник корабля составляет от десяти до тридцати метров, точнее сказать трудно. Фото сделано в момент атаки, уничтожившей один из наших беспилотных аппаратов. Можно предположить, что чужие пользуются оружием, позволяющим выбрасывать с большой скоростью антипротонные плазмоиды, удерживаемые от рассеяния магнитным коконом. Скорость выброса большая, но далеко не субсветовая. Самое главное: одному из наших пилотируемых кораблей удалось уклониться от удара. Чужие не всесильны, Тим, с ними можно воевать...

— А что случилось дальше с нашим кораблем? — перебиваю я, осторожно катая во рту капсулу со смертью. — Он не успел увернуться от второго плазмоида?

— Да. Но он мог бы атаковать, будь он вооружен. Это был лишь разведывательный полет...

Я стараюсь не скрипеть зубами. Что ж, это похоже на них!

Каково было пилоту того корабля знать, что ему не доверено быть бойцом — только беспомощной и безответной мишенью?!

— Кто они такие и откуда — известно?

— Нет. Пока нет. — Иоланта делает ударение на «пока».

— Что у нас... у вас есть против них?

— Три орбитальные базы. База на Луне. База на Церере. База на Ананке — это один из внешних спутников Юпитера. Еще кое-что строится... Четыре космических эскадры. Более двухсот боевых кораблей различных классов, и их число постоянно увеличивается. Мы переориентировали промышленность... об этом ты кое-что должен был слышать.

— Кое-что — да.

Забавно: похоже на то, что Иоланта и Евгения сейчас менее напряжены, чем в начале разговора. В моем согласии положить жизнь на алтарь они уже не сомневаются. Фаустова украдкой смотрит на часы — ну сколько можно, в самом деле, уговаривать тут этого шпыня с ампулой во рту? Ясно же: раз пришел и сдался сам, найдя близкими к нулю шансы улизнуть от розыска в края отдаленные и дикие, значит, будет сотрудничать. Если так возиться с каждым кадром... с каждой мишенью...

Почему они делают ставку на эксменов? Потому что нам нечего терять?

Глупости. Нам есть что терять: жизнь, пусть убогую и полную унижений — но жизнь! Иначе самоубийц-эксменов было бы не вдвое больше, чем самоубийц-людей, а минимум вдесятеро. Иначе последнее безнадежное восстание против владычества женщин случилось бы не при Анастасии Шмалько сто лет назад, а безуспешно подавлялось бы до сих пор.

Рабы. Илоты. А самым несломленным и непримиримым из нас весть о неминуемой и скорой гибели десяти миллиардов землян принесет, пожалуй, горькую и злобную радость: пропадать, так хоть не одним!

А им, настоящим людям, носительницам правильного хромосомного набора, — им есть что терять? О да, они могут потерять гораздо больше, чем мы! Вот только... людям не жаль того, что досталось им даром, так они устроены. Драться за это можно, но не хочется. Самим не хочется. Лучше бичами гнать в бойню рабов, недолюдей, как практиковали какие-то древние...

О высшая ценность человеческой жизни, ты, оказывается,

занятная штука! Намертво укоренившись в массовом сознании, ты лишаешь людей охоты биться насмерть за что бы то ни было, даже за саму жизнь, — ведь в бою запросто можно погибнуть! Вековое владычество над эксменами сделало из людей в лучшем случае держиморд, но не бойцов. Телепортация оказалась чересчур сильным инструментом господства, вот и нет вам нужды постоянно быть во всеоружии, в вечной готовности сражаться за свой мир и свой рай земной. Нет, вы не спартиаты, вы в лучшем случае какие-нибудь персы, изнеженная раса господ. Жить ради жизни — с большим удовольствием; умирать ради жизни — извините, а почему мы? Много ли вы сыскали добровольцев-женщин, готовых сесть в жестянку боевой капсулы? Нет, вы впихнете туда эксменов, чтобы они умирали за вас, и не постоите за ценой, чтобы заполучить на ту же роль эксмена-уникума...

— Очень хорошо. А при чем здесь моя... аномальность?

— Она может быть полезна.

— Как, например?

Иоланта как будто колеблется: сообщать — не сообщать мне то, что эксмену знать, может быть, и необязательно? Секундное сомнение решается в мою пользу.

— Недавно мы провели у барьера разведку боем. С нашей стороны участвовали три боевых корабля и дистанционно управляемая платформа с гамма-лазером большой мощности, со стороны противника — один корабль. Это редкая удача, обычно мы сталкивались сразу с несколькими. Уклоняясь от ракет, чужак попал под лазерный импульс и, вероятно, получил повреждения. В течение примерно трех минут он не маневрировал и не открывал огня, хотя наши корабли уже проникли за барьер... Не думаю, что это была боевая хитрость со стороны врага, поскольку во всех остальных случаях атака следовала практически немедленно по пересечении барьера. Теоретически у нас было время захватить подбитый корабль, увести его за барьер, вскрыть и наконец-то понять, с кем мы имеем дело... Однако на тот момент и в том месте мы не располагали средствами для решения этой задачи.

— Как я понимаю, через три минуты корабль восстановил боеспособность? Почему он не был уничтожен, пока был беспомощен, если его нельзя было захватить?

Браво, Тим. Ты уже начинаешь ставить вопросы, достойные какого-нибудь генерала с сережками в ушах.

— Потому что все три наших корабля — две капсулы и матка — были уничтожены чуть-чуть раньше. Осталась поврежденная платформа, она-то и отслеживала чужака до последнего...

Очень мило. Зато как-то проясняется моя роль.

— Насколько я понимаю, я должен проникнуть из капсулы в чужой корабль?

— Да. Раньше это называлось абордажем.

— Через Вязкий мир?

— Разумеется.

— Но сначала эту дрянь надо подбить!

— Операцию будет обеспечивать эскадра.

— У меня... сопутствующая пороговая масса всего двенадцать килограммов!

— Потренируешься. Но я думаю, что и этого хватит. У тебя есть еще вопросы?

— Полно.

— Мы слушаем.

— Я буду вооружен?

— Да.

— Что важнее: пробить в барьере брешь или захватить корабль?

— И то и другое. Если сделаешь... — Иоланта словно прикидывает что-то на весах. — Если сделаешь, тогда...

— Для начала я хочу знать, что вы сделали с моей матерью, — перебиваю я.

Они переглядываются.

— Зачем?

— Сыновние чувства. — Я нагло усмехаюсь им в лицо. — Лелею свой атавизм.

Кажется, я сумел их озадачить.

— Мы наведем справки, — сухо отвечает Евгения Фаустова.

— Не надо врать. Если уж мною всерьез занялся ваш Департамент, не говоря уже о эм-бэ Конфедерации, то все нужные справки у вас имеются. Где моя мать? Она жива?

Наступает секундная заминка, во время которой мои собеседницы что-то соображают, что-то просчитывают. Иоланта снова решает исход в мою пользу:

— Пойми меня, Тим. Преступление, совершенное твоей матерью, карается бессрочной ссылкой в малонаселённые и

климатически неблагоприятные районы. Ты должен это знать. Но подумай сам, зачем тебе...

— Она жива? — резко перебиваю я. С детства тихо ненавижу, когда меня увещевают словами «подумай сам». Нужно мнить себя парящим очень высоко над толпой, чтобы вообразить, будто думать способен только ты, а остальные по природной лени манкируют этой обязанностью.

— Не беспокойся, жива. Ее зовут Ирина Татьяновна Мальцева. Четырнадцатый резерват Северо-Восточного региона, приморский поселок Сугроб, опытная устричная ферма имени Гипатии на термальных водах. Что дальше, Тим?

Не торопи, сам скажу.

— Вы должны ее выпустить и обеспечить ей тот комфорт, который обещали мне, — рублю я заранее заготовленными фразами. — Вы должны сделать это сейчас и широко объявить об этом. Потом, когда все кончится, я должен иметь возможность навещать ее в любое время. На этих условиях я готов лететь куда угодно и драться с кем угодно.

— Мы не решаем вопрос об амнистировании. — Иоланта пожимает плечами.

— Справитесь!

— Тебе еще повезло, что ты был отделен от матери в двухлетнем возрасте. Будь ты постарше, изменения в твоей психике стали бы необратимыми, и тогда тебя, вероятно, пришлось бы ликвидировать как угрозу для мировой гармонии. Прецеденты известны. С атавизмами патриархата мы боремся. Подумай, стоит ли настаивать...

— Уже подумал.

Пауза.

— Согласование займет время. Думаю, положительное решение возможно не ранее, чем через три-четыре недели. У нас нет столько времени.

На миг я вытягиваю губы трубочкой, а в трубочке — стеклянная слезинка.

— Или вы делаете это раньше, или я отказываюсь сотрудничать и раскусываю капсулу во избежание жизненных неприятностей.

Сейчас я действительно готов на все — пусть видят. Пусть решают, что для них предпочтительнее: запачкать пальцы, поднимая из навоза жемчужное зерно, или, не поступившись принципами гигиены, еще глубже втоптать его в навоз.

— Не спеши, Тим, — вмешивается Евгения. — Это надо обдумать.

— Долго ждать не стану, — рычу я. — Мне уже надоело.

— Тебя не интересует судьба твоих товарищей, Тим? — как бы между делом осведомляется Иоланта.

Надавить на меня хочешь? Ну, дави, дави...

— Делайте с ними что хотите. — Я изображаю полнейшее равнодушие. Только так можно вытащить ребят из мясорубки. И знайте: я не рыба, от этой динамитной шашки кверху брюхом не всплыву. Вы мне подайте настоящую наживку, вкусную, — тогда я, может быть, клюну.

Поверили?..

Кажется, да. Отыграл как надо.

Должны поверить. То, что жизни полудесятка эксменов я без колебаний предпочел свободу одного человека, женщины, матери, для их женских умов вполне естественно. К тому же эксмен, откровенно плюющий на свою жизнь, уж наверняка наплевал на жизнь своих собратьев... Стереотипы — вещь полезная.

Тайком перевожу дух. Меня могли бы запросто сломать на ребятах, нащупав слабину. Гойко Кирибеевич по прозвищу Молотилка, Ваня Динамит, Руслан Хабибуллин, дядя Лева... а возможно, и ты, виртуал Войцех Вокульский, — простите меня. Если все сложится так, как я хочу, я сумею вытащить и вас. Но позже. Вы подождете?

Разве они могут ответить? А если бы могли — что бы они мне ответили?

Какого черта! Связавшись со мной, они знали, на что идут. А упомянутая Вокульским трещина в монолите — всегда трещина, как бы она ни легла.

Но вбивать в нее клин, видимо, придется другим.

Сейчас интересно наблюдать эту парочку за гигантским столом: Евгения явно умыла руки и не возьмет на себя ответственность, она сама с интересом косится на Иоланту Сивоконь, предоставив патрону собирать на свою голову лавры и шишки. Кажется, наши федералы не откажутся посадить курирующую организацию в обширную грязную лужу.

— Договорились, Тим, — произносит Иоланта. — Твоя мать будет амнистирована сразу по выполнении тобой твоей миссии. Даю слово.

— Или сейчас, или миссии не будет. — Не голос — низкий

хрип. Зажатый в угол зверь готов броситься на охотников, заведомо зная, что напорется в прыжке на пулю или нож. Но он все равно бросится. Я еще раз демонстрирую капсулу. — Свобода и комфорт для моей матери немедленно — раз. Чтобы об этом было объявлено в новостях — два. И я хочу говорить с ней до отлета — три. Иначе ищите на эту роль бабу-смертницу. — Последняя фраза подобна плевку.

Иоланта по-прежнему хорошо владеет собой.

— Что ты просишь лично для себя?

— Ничего.

— Не напрасно ли?

— Нет смысла — меня вы все равно убьете.

— Ты так думаешь, Тим? — Иоланта пожимает плечами. Надо, надо посеять в эксмене надежду на чудо! — Впрочем, думай, раз тебе так хочется... Хорошо. Твои... пожелания приняты. Ты зачислен курсантом-стажером в Четвертую эскадру, базирующуюся на Ананке. Техническое образование у тебя есть, это хорошо. Ускоренную подготовку пройдешь во время перелета. Надеюсь, мы еще увидимся... — В ее устах это звучит довольно двусмысленно. — Удачи тебе, Тим.

— Когда лететь? — спрашиваю я, уверенный, что Иоланта ответит мне «немедленно», подняв подщипанную бровь в знак удивления глупому вопросу. Но она отвечает:

— Послезавтра. Сначала на орбитальную базу вместе с партией из пятнадцати спецов-эксменов. Уже оттуда — к Юпитеру. Завтра рейс на Манилу, далее тебя доставят на Морской Старт «Юдифь». Сегодняшнюю ночь ты проведешь здесь, в относительно сносных условиях, исключающих, однако, успешную телепортацию. Это не знак недоверия к тебе, это страховка от всякого рода случайностей, даже маловероятных... Веришь?

— Нет, — отвечаю я. — Но это неважно.

— Чему ты улыбаешься?

— Так... это тоже неважно.

Я улыбаюсь неожиданно забравшейся в голову мысли: в старых романах такая женщина, как Иоланта, по окончании делового разговора неожиданно влепила бы мне пощечину: «А это тебе за твой скотч!»

Разумеется, наяву этого не произойдет. Я не получу по морде даже за то, что водил Иоланту в нужник на поводке, словно

выгуливал собачку. Нет, ее остановит не то, что я могу нечаянно лязгнуть зубами и раскусить капсулу.

Она просто побрезгует.

* * *

...Найти обратный путь.

Я продавливаю себя сквозь густую лиловую мглу, ругаясь в душе по своему адресу на чем свет стоит. Вздумалось пошалить кретину! Поиграть захотелось! Нет, приятель, твоя настоящая игра не здесь и не сейчас...

Типичное мальчишество. Непростительное. Метров сорок обратного пути вслепую. Если я слегка ошибусь направлением, то запросто могу оказаться за бортом. Имея ту же скорость, что и лайнер. Допустим, мне не разорвет легкие...

ПОРА? ПОЖАЛУЙ.

Пробую вынырнуть. Еще раз. И еще.

Задыхающаяся рыба, бьющаяся об лед...

Спокойно. Не паниковать. У меня очень хорошее чувство пространства и многие сотни тренировок. Я просто не мог сильно ошибиться, определяя направление и дальность обратного пути. На сорокаметровой дистанции телепортирования я ошибаюсь не более чем на метр — правда, в спокойных условиях...

Запомни главное и не суетись: если что-то мешает тебе вынырнуть — значит, ты еще в самолете. Попытай счастья еще раз. И перестань трястись, черт тебя побери! Хочется вдохнуть, да? Очень хочется? Потерпишь. Воздуха в твоих легких хватит еще на десяток попыток.

Ну и не трать его попусту.

Удачу приносит восьмая попытка — я сдвигаюсь влево-вверх и, вынырнув, валюсь прямо в свое кресло. Задыхаясь. Все понятно: на обратном пути я сместился правее, инстинктивно стараясь держаться как можно ближе к оси салона, а что ушел немного вниз — то это просто ошибка. Допустимая погрешность слепой навигации.

Почти не чувствую, как взбешенные конвойные пристегивают меня наручниками, и не интересуюсь, к чему пристегивают. Какая разница! Я снова в реальном мире, живой, невредимый и готовый ко всему. А главное — крайне ценный.

Настолько, что меня даже не ударили. Хотя, на мой взгляд, следовало бы. Бесспорно, мои конвойные получили перед по-

летом строжайшие инструкции по обращению со мной, исходящие из того, что колотить спасателя — непростительная роскошь.

С точки зрения тонущего, конечно.

Будь я вооружен, я мог бы угнать этот самолет. Но куда и зачем?

Время теперь тянется нестерпимо медленно, и я облегченно вздыхаю, когда в разрывах облаков под нами показывается береговая линия — серо-коричневая земля, омываемая густой синевой моря. Какое-то большое судно — танкер, наверное, — на несколько секунд показывается в разрыве и исчезает. Жаль: приятно было смотреть, как оно вроде бы застыло на месте, а на самом деле вовсю раздвигает тупым носом волны-усы. И полоска пены, хорошо заметная с высоты в десять тысяч, тянется за кормой... Нет, я бы не отказался поплавать по Южно-Китайскому морю хоть на танкере, хоть на сухогрузе, не говоря уже о яхте. Да и по любому другому морю не отказался бы...

Может, по возвращении еще поплаваю, скажем, радистом. Говорят, на многих судах вся команда, включая капитана, состоит из эксменов, и это хорошо. И Иоланте Сивоконь с Евгенией Фаустовой будет спокойнее, по крайней мере во время моих рейсов: ну куда я, в самом деле, телепортирую с корабля, прессующего волны посреди океана? За борт?

Через час под нами снова земля. Остров Лусон, надо полагать. Лайнер снижается, пронзая воздушные ямы, заметные лишь по коротким судорогам плоскостей, и заваливается в пологий бесконечный вираж в ожидании разрешения на посадку. Так и будем мотать круги над аэропортом, словно на это время Земля вместе с Солнцем окажут любезность и притормозят свой полет к невидимому барьеру...

Не моего ума это дело. Пока что.

Посадка. Неслышный в салоне короткий взвизг резины о бетон, жирные черные следы на раскаленной полосе... Тропики.

Самолет заруливает. Подвижный гофрированный хобот пассажирского терминала тянется к нему, как шланг пылесоса, только странный — квадратного сечения. Все равно всех высосет.

— Сидеть.

Сижу. Ну конечно: меня выведут последним, не усугубляя и без того нездоровую сенсацию. Понежиться в тропиках под

пальмами мне, конечно, не дадут, аэропорт Манилы для меня лишь пересадочная станция.

Последняя пассажирка, влача в руках и под мышками обширную ручную кладь — в основном какие-то коробки без наклеек, — покидает салон, исчезая в гофрированном хоботе. Кому какое дело, что у нее в коробках? Ясно, что не оружие и не взрывчатка, можно не просвечивать. Воздушного терроризма не существует, ибо эксмены летают редко и только под конвоем, а настоящим людям нет причин жаловаться на жизнь.

— Встать. Пошел.

Хобот терминала уже отсоединился, самолет выпустил трап. Жара — давит. Пот — ручьями по спине. Нет, нежиться тут мне что-то не хочется.

Куда — вон в тот самолетик? И бегом? Ладно.

Взлет... Малая реактивная машина, чартерный рейс Манила — Давао. Еще час полета.

И еще два часа — на вертолете над океаном, к Морскому Старту «Юдифь»...

Ох уж эти морские старты!

Их пять основных — для тяжелых носителей — и ряд вспомогательных, для дур полегче. Плазменные двигатели, выжигающие в озоновом слое дыры в полпланеты поперечником, используются только в космосе, а с Земли корабли стартуют по старинке. С экватора или вблизи него стартовать удобнее — помогает вращение Земли. «И веревочка пригодится», все идет в счет. Больше полезной нагрузки, меньше топлива. Хотя топливо — чистый водород, получаемый электролизом воды, а энергия для электролиза транспортируется на планету в виде волнового жгута со стационарных солнечных батарей, что висят на орбите и превосходят видимым поперечником Луну. Вроде экологично, но перелетные птицы, попав в такой жгут, вспыхивают и сгорают в прах еще в воздухе — куда там микроволновке! Жаль их, конечно, и чувствительное человеческое сердце обливается кровью при мысли о гибнущих птахах, — однако это все же лучше, чем отравлять планету зловредной химией примитивных топливных и окислительных составов варварского прошлого. Досадно, что до сих пор не реализована чистая и красивая идея космического лифта — нет волокон нужной прочности, хотя химики стараются, — но все же в Кении, Эквадоре, на Суматре уже подготовлены пло-

щадки и для этого вида космического транспорта, дайте только время...

Кто ж его даст. Нет у вас времени. Через два года и восемь месяцев полыхнут ваши площадки ясным огнем, да и вообще, наверное, земная кора треснет, как арбузная корка, от аннигиляционных взрывов — много чего понастроили на ней двуногие, люди и эксмены, и много их самих.

А пока — в компромисс между «желательно» и «приходится» — бьют в океан под плавучей платформой столбы ревущего огня, так что даже вода, опешив, спешит расступиться перед пламенем, всплывают кверху пузом тонны оглушенной и ошпаренной рыбы, кальмары, водоросли, иногда дельфины, а был случай, писали, когда всплыл синий кит. Разгонные ускорители отделятся и опустятся в море где-то возле островов Гилберта, и если не расшибутся, то их выловят для повторного использования. Как-никак меньше нагрузка на природу.

Которая полыхнет вместе с нами, не в силах сбежать от нас или стряхнуть паразитов со своей шеи. «Снявши волосы, по вшам не плачут...»

Вот она — «Юдифь»!

Громадная, с два футбольных поля, самоходная платформа на поплавках, дрейфующая в океане где-то между Новой Гвинеей и дугой Каролинского архипелага. Посередине... нет, чуть сбоку, утонув кормовой частью в огромной дыре, вырезанной в палубе над волнами, что плещутся сорока метрами ниже, зависла схваченная мачтами чудовищная туша носителя. С противоположного края — вертолетная площадка и причальная мачта для дирижаблей.

Понятно, основное сообщение с материком осуществляется судами и изящными, экологичными дирижаблями. Но я — срочный груз.

Касание. Запах моря и нагретого металла. Смуглокожий человек — малайка, наверное — подбегает, не дожидаясь остановки ротора.

— Тимофей Гаев? — Она говорит на интерлинге со странными мяукающими интонациями — должно быть, местный акцент.

— Он самый.

— Следуй за мной.

— Нет.

— Что-о?

— Сделка не вошла в силу. Свяжитесь с полковником МБК Иолантой Сивоконь, она объяснит.

— Не поняла!

Сейчас поймешь.

Старшая из моих конвойных, сделав успокаивающий жест, распахивает перед моим носом портативный терминал.

— Набери сам. Последний выпуск «Текущих новостей», раздел «Отовсюду понемногу». Живее.

Я ошибаюсь в наборе, и она брезгливо помогает мне. Вот она, нужная заметка... ого, тут целый список! «Постановлением Комиссии по амнистированию и реабилитации при Департаменте юстиции Славянской федерации амнистированы...» Пляшут буквы. Потеряв терпение, конвойная тычет пальцем в нужную фамилию.

Мальцева И.Т. Амнистирована...

Кажется, я блаженно улыбаюсь.

— За мной! — теряет терпение малайка.

— А? Нет.

— Что еще?!

— Этого недостаточно. Я должен видеть ее и говорить с ней.

— Это официальная информация. Не веришь «Текущим новостям»?

— Вот именно.

— У нас нет времени!

— Найдете!

Ох, с каким удовольствием мои конвойные изволтузили бы меня до потери сознания! Сжали губы в ниточку, а терпят. Нет полномочий.

Вот и умница, сообразила: сейчас со мной лучше не спорить, а скоренько сделать то, что я прошу. Вернее, требую. Экое непривычное слово...

Секунды — резиновые. Сколько мне еще ждать... Есть!!!

Вот какая она, моя мама. Самая обыкновенная немолодая женщина с заметной сединой, еще не замаскированной краской для волос.

— Ирина Мальцева?

— Да.

— С вами будет говорить ваш... потомок. Экземп.

Я выхватываю терминал из рук конвоирши:

— Мама, это я, Тим... Мама, ты меня слышишь?

Она подслеповато щурится. Что они сделали с ее зрением,

на каком рационе держали ссыльную, какой работой мучили? Разорву!

Вот дрогнули ее губы:

— Сынок...

— Мама! Тебя правда выпустили?

— Сынок...

Сейчас она заплачет. Мама, милая, не надо, а то я тоже разревусь!.. Наконец она кивает, не в силах произнести ни единого слова. Кивает!

— Мама, все будет хорошо, вот увидишь! — кричу я. — Я обязательно вернусь! Они больше не посмеют тебя тронуть. Все у нас с тобой будет хорошо!

— Убедился? — И экран гаснет. Конвоирша буквально выдирает терминал из моих рук. Смуглокожая едва не приплясывает на месте от нетерпения: скорее! скорее!

— Еще! — требую я.

— Живо в лифт! Через тридцать пять минут старт! Весь груз давно на месте!

Груз — это, по-видимому, те пятнадцать эксменов, чья участь — подпрыгнуть на орбиту вместе со мной. Нечего делать, добавим к ним шестнадцатого.

— Черт с вами. Куда идти?

— Бежать! — неприязненно бросает малайка. — За мной. Очень быстро-быстро.

Ребристые стальные листы вздернутого к лифту пешеходного пандуса грохочут под ногами, провожая меня долгим резонирующим гулом. Сейчас я не намерен нырять в Вязкий мир, выгадывая секунды, и просто бегу — так мне хочется. Еще позавчера я трижды подумал бы, прежде чем позволить себе такую роскошь — хотя бы в мелочах делать то, что хочется.

Жди меня, мама. Я вернусь. Я сделаю все, что в человеческих силах, потому что я уже не эксмен, а человек. И с себя я спрошу как с человека. Сейчас, в эту минуту, я знаю, что хитрец Вокульский оказался прав: монолит дал первую трещину. И трещина эта возникла не тогда, когда выпустили маму, а немного раньше, когда я почувствовал: я больше не эксмен, не экс-фекс-пекс.

Я больше никогда им не стану.

Словно приходится расставаться с чем-то ненужным и обременительным, но дорогим в силу привычки. Так расстаются с детством. Немного жалко, но надо взрослеть.

Решетчатая дверь лифта захлопывается за моей спиной, пол поддает мне под ступни. Кабина начинает плавный подъем вдоль призрачной, окутанной струями испарений, заиндевелой трубы носителя — выше, выше...

В небо.

За моей спиной лязгают люки. Адаптирующиеся ложементы в челноке расположены квадратом — четыре на четыре. Я занимаю единственный свободный — передний справа.

Оставшиеся минуты мы молчим — да и о чем нам разговаривать? Пятнадцать спецов неведомых мне специальностей и я летим, в сущности, за одним и тем же: заваливать своими телами неуклонно приближающийся к Земле барьер.

Кто-то — в зыбкой надежде на то, что это даст хоть какой-нибудь результат. Кто-то без надежды вовсе.

Минут через тридцать рев и вибрация корпуса возвещают о начале подъема. Где-то далеко внизу под нами воет от боли вскипающая вода и косяками всплывает умерщвленная рыба, но мы, понятно, этого не видим. Зато чувствуем, как после отделения отработанных ускорителей наваливается перегрузка и ложементы облекают нас плотнее.

Уж что-что, а робкие идеи теоретиков насчет управления инерционной массой находятся еще дальше от практического воплощения, нежели космический лифт.

Часть II

ИЛОТЫ КЛЕОМЕНА

ГЛАВА 7

ЭКСМЕН ОСОБОГО СТАТУСА

Ананке, двенадцатый спутник Юпитера и ближайший из спутников с обратным орбитальным движением, делает полный оборот вокруг планеты примерно за шестьсот семнадцать земных суток. Кроме того, эта угловатая тридцатикилометровая глыба темного камня, кое-где покрытого коркой грязного ноздреватого льда, делает оборот вокруг собственной оси за десять с половиной часов. Поэтому Юпитер выползает из-за близкого горизонта каждые десять с половиной часов без нескольких секунд.

В восходе Юпитера нет никакой особенной красоты. Полосатый, заметно приплюснутый диск планеты, меньший, чем видимая с Земли Луна, и гораздо менее яркий, таща за собой четверку галилеевых лун, просто и без затей выныривает из-за близких скал только для того, чтобы спустя пять с небольшим часов рухнуть за точно такие же промерзлые скалы с противоположной от наблюдателя стороны. Иногда совсем рядом с приплюснутым диском, внутри кучки ближайших спутников, видно тонкое бледное кольцо, кружащее вокруг планеты неизвестно для чего.

Словом, скучное зрелище, способное развлечь только новичка. Один, от силы два раза. Потом надоедает, и спустя несколько дней по прибытии никто по своей охоте не захочет подняться из прорубленных в каменной толще жилых помещений в башню дежурного по базе только для того, чтобы поглазеть на Юпитер, нелепый и чуждый. Еще месяц-другой новички в свободную минуту забегают посмотреть на маленькое, но все же яркое Солнце и пристают к занятому персоналу с вечным вопросом: а которая из тусклых искорок вблизи светила — Земля?

Со временем ностальгия не проходит, но принимает иные формы. «Наземному» персоналу базы после смены полагается

по пятьдесят граммов водки в целях рекреации, а пилотам после учебных полетов — аж по сто, и в теории никакого подпольного самогоноварения не должно существовать в принципе... но то в теории. Что на Земле, что здесь, везде одно и то же, только платить приходится больше. И очень, очень часто случаются ссоры и стычки, нередко переходящие в групповые потасовки, — из-за ерунды, точнее, из-за того, что покажется ерундой землянину: из-за двух капель, недолитых жучилой-самогонщиком, из-за того, что сосед по жилому боксу храпит, пользуется чужим полотенцем или просто запуда, из-за самого безобидного слова, если оно процежено сквозь зубы...

Что поделаешь, если зубы часто сжимаются сами собой?

— А ну, утихли оба!

В каждой руке я держу по эксмену, ухватив обоих за шиворот и раздвинув на максимальное расстояние, чтобы они не могли достать друг друга. Друг друга-то они достать не могут, зато мне уже перепало дважды: кулаком по уху от левого и пинком в бедро от правого. Бесприцельно. По правде сказать, в шоу Мамы Клавы такие касания у нас и за удары-то не считались. Но звон в ухе стоит, и синяк на ноге точно будет. Могло быть хуже, если бы драчуны действовали не потеряв головы, а умно и умело, — но тогда и мне пришлось бы воспитывать их совсем по-другому. Этот, правый, больно здоров лягаться. Лягнул бы куда не следует — и привет, сдавай в кладовку выданный под расписку сексатор, больше он не понадобится. Какой я тогда мужчина? Вон живоглот греческий Кронос — бог! — и тот впал в ничтожество, оскопленный сыночком. Утратил не могущество — авторитет, а вместе с ним и власть. Даже древние боги не уважали экс-мужчин.

Для пущей убедительности я как следует встряхиваю обоих, отчего мои магнитные подошвы с поцелуйным звуком отделяются от металлизированного пола. Вовремя дернув своих пленников кверху, я меняю вектор движения на противоположный и вновь со стуком приклеиваюсь к металлу. Не хватало еще мне, старожилу, взлететь к потолку на потеху зрителям, как какому-нибудь лопоухому новичку.

— Брэк, я сказал! А то лбами стукну.

Один из них уже не дергается, а только страдальчески морщится — видно, ненароком прикусил язык, — зато второй продолжает трепыхаться и изрыгать черные слова. Упорный

какой. Этого я встряхиваю еще раз, чтобы зубы лязгнули, и отправляю в толпу зрителей рикошетом от потолка.

— Эй, там! Подержите-ка его.

Ловят и держат. И сейчас на правах старожила, вдобавок пилота, существа высшей касты, я буду вершить суд, скорый и правый.

— Ты. — Я снова, но уже легонько встряхиваю того, что прикусил язык.

Он бессмысленно таращится на меня, не понимая, какого рожна мне от него надо. Физиономия незнакомая, надо полагать, прибыл со вчерашним пополнением.

— Когда к тебе обращается старожил, ты должен назвать себя и указать должность, — терпеливо внушаю я.

Кажется, он понимает, что я не шучу. Среди зрителей становится тихо.

— Федор Шпонька, техник корабельных систем связи...

— Что же ты, Федор Шпонька, в драку полез, а? Наверное, причина была серьезная?

— Он мне весь полет прохода не давал, измывался! Отморозок!

— Перестань визжать, надорвешься, — морщусь я. — Кто начал драку?

— Ну я... Двинул ему в зубы. Жаль, мало!

— Пять нарядов на уборку санузлов базы, по нечетным числам, — выношу я свой приговор. — Сегодня у нас нечетное? Можешь приступать прямо сейчас. Где что лежит, спросишь у дневального.

— За что-о?! — крик души.

Придется объяснить.

— За глупость. Она у нас наказуема, как и везде. Плюс еще пять нарядов за неуместные вопросы. Итого десять. В следующий раз наказание будет строже. Все. Свободен. Давайте сюда второго.

Неумело цокая магнитными подошвами по полу — видно, что еще не привык, — наказанный Шпонька удаляется, растерянно оглядываясь на зрителей и пытаясь понять: не повезло ему сегодня — или наоборот?

Конечно, повезло, дурашка.

Я теряю к нему интерес и оборачиваюсь ко второму любителю помахать кулаками. Подталкиваемый в спину доброхотами из зрительской массы, этот приближается — цок-цок —

ко мне и рапортует, не дожидаясь подсказки. Ухо, значит, чуткое. Уловил. И, как видно, очень быстро ориентируется в новых ситуациях.

— Илья Лучкин я, техник по системам жизнеобеспечения.

Ох, не нравится мне этот Илья Лучкин! Никогда не причислял себя к физиономистам, но эта заплывшая толстым подкожным жирком ряшка и глубоко посаженные глазки внушают мне инстинктивное недоверие. А главное, радостная готовность как склониться перед сильным и по мановению его мизинца вылизать вокруг него пол, так и первым вцепиться в глотку тому, кто хоть на миг окажется слабее. Знаю я таких: они умеют безошибочно выбрать этот миг! В подполье они обычно примыкают к крайним радикалам, не имеющим иной программы, кроме как напасть исподтишка на зазевавшуюся женщину, изнасиловать и убить, и они с удовольствием насилуют и убивают, если есть стопроцентная гарантия делать это безнаказанно. И они же с не меньшим рвением идут на контакт с полицией и спецслужбами, охотно продавая своих товарищей-садюг. Стукачи из них выходят отменные. Клиническими садистами их не назовешь, они не столь примитивны, но заедать других насмерть — для них удовольствие, а расширить круг тех, кого можно жрать живьем, — цель жизни.

Интересно, каждая ли крыса мечтает стать крысиным королем?

Впрочем, я, может быть, и пристрастен... Сейчас посмотрим.

— Причина драки? Твой вариант.

Илья Лучкин успокоился удивительно быстро, и голос его на удивление ровен:

— Вариант один и тот же: этот псих на меня напал, я защищался. Да ведь он сам сознался.

— Псих оттого, что напал, или оттого, что сознался? — спрашиваю я.

Смешки. Лучкин делает вид, что не понял вопроса.

— У него были основания начистить тебе рыло? — уточняю я.

— Нет. И у меня не рыло, а лицо!

Вот как. Он еще ерепенится. По-моему, у него все-таки рыло, но если он думает, что лицо, возражать не стану. Как раз лицо он больше всего боится потерять, хорошо понимая, что влип в неприятную историю, и лихорадочно ища, как из нее выпутаться, не уронив себя в глазах... Оглядываю стол-

пившихся у стены и в проходе зрителей — так и есть, среди них вкраплено несколько незнакомых физиономий. Вот в их, значит, глазах.

— Вчерашнее пополнение — шаг вперед, — командую я.

Нестройное цоканье магнитных подошв.

— Ты, — обращаюсь я к щуплому пареньку, — подтверждаешь его слова?

В ответ — очень поспешный, но немного растерянный кивок.

— Не слышу!

— Да. Подтверждаю... — почему-то шепотом.

— Оснований для драки не было?

— Не было... — еще тише.

Ясно...

— Ты? — тычу я пальцем в направлении следующего, плотного коротышки. У того заранее заготовлен ответ:

— Не знаю. Может, чего и было — не видел... Я много спал во время перелета...

— Спал два с лишним месяца? Замечательно. Все порядочные эксмены произошли от Первоматери, а ты, значит, от суслика. Так?

Зрители веселятся, а мне не до смеха. Скольких эта гадина уже успела запугать? Неужели всех?

— Брось, Саймон, — морщится высокий белобрысый парень, крайний справа. — Правильно Федька ему врезал. Поделом. Жаль, я поздно пришел, а то бы еще от себя добавил. Шкуры вы. Чего испугались: сортиров, что ли, никогда не мыли? Тьфу!

— Назовись, — резко бросаю я, вперив в высокого хмурый взгляд. Не хочу показать, что внутри у меня все содрогнулось от удовольствия.

— Мустафа Безухов, пилот-стажер. Ускоренные курсы.

— Тим Гаев, пилот. — Я поднимаю руку в приветствии, вызывая удивленный шепот. Что ж, пусть рейтинг Мустафы Безухова немного подрастет. Наверное, многие понимают: дело не только в том, что он мой коллега. Есть смысл избавить смелого парня от шпыняния и придирок не по делу, какими изобилует жизнь новичка на Ананке, иначе кому-то очень скоро придется предстать перед судом старожилов, а кому-то — залечивать в лазарете полученные увечья. Этот не задумается пустить в ход кулаки в ответ на оскорбление.

А кроме того, я рад оттого, что могу указать, из какой кни-

ги какого автора случайный перебор некогда выудил его фамилию. Не настолько велика моя литературная эрудиция, чтобы знать, герои каких книг носили фамилии Шпонька и Лучкин, а Безухов — знаю. С именем Мустафа тоже все понятно: не иначе приемник-распределитель направил сданного мамашей младенца в какой-нибудь азиатский питомник.

Остальных новичков я одариваю долгим взглядом — пусть сделают выводы — и поворачиваюсь к подсудимому. Ох, боюсь, он еще не понял, что стоит перед судьей...

— Ты еще здесь? Двадцать нарядов на уборку сортиров. По четным числам. Марш. Эй, найдите кто-нибудь Шпоньку, скажите ему, что по рассмотрении дела половину нарядов я с него снял. Хватит с него и пяти на первый случай...

А вот этого червивая душонка Ильи Лучкина вынести не может. Несправедливо же! Это ему первому дали в морду!

Что он может знать о справедливости? Но как ему ее хочется! Разве то, что его раскусили и берут в оборот — справедливо? Разве для этого он с малых лет мучил слабейших и пресмыкался перед сильнейшими?

А главное, разве по справедливости его отправили на Ананке, в эту жуткую дыру, что при столкновении с барьером сгорит первой? Он же ценен! Он исключительный! Ему просто не повезло, но начальство и тут обязательно оценит его усердие, и — хотите пари? — уж он-то сумеет съюлить отсюда раньше, чем все тут полыхнет...

— Су-ука-а-а!..

Ума не приложу, где он прятал отвертку с длинным узким жалом — карман бы она продырявила, конечно. В рукаве? Теперь это уже все равно, потому что она зажата в кулаке и летит мне в бок. В правый, где печень.

Я проморгал, и мне не уклониться от удара — я просто не успею, хоть и прозван Молнией...

Стальное жало с треском вспарывает мою рубашку и, кажется, даже успевает коснуться кожи в тот момент, когда я ныряю в Вязкий мир. Вынырнув позади неудачливого убийцы, без всяких затей несильно бью его кулаком в затылок, будто заколачивая гвоздь. Тум!

Надо думать, клиент решил, что рядом что-то взорвалось: хлопок воздуха спереди, хлопок сзади, и сейчас же мир расцвечивается фейерверком. Отвертка вылетает из руки падающего и начинает самостоятельное путешествие по помещению,

Лучкин же выполняет более сложную эволюцию: ложится вперед, как клонимый шквалом бамбук, отчего его подошвы отсасываются от пола, плавно взмывает к потолку и начинает медленный обратный дрейф. Гравитация на Ананке ничтожная, но все же гаденыша не придется ловить за штанину — спустится сам, очухавшись по дороге. Шейные позвонки целы, нокаута нет, а мигрень пройдет.

Краем глаза наблюдаю необычайное оживление среди зрителей — далеко не всем из них доводилось видеть воочию, как я телепортирую, а новичкам обо мне вряд ли успели насплетничать. Эти раззявили рты, даже Мустафа Безухов. Чего вылупился, коллега? Иди лучше отвертку поймай, пригодится в хозяйстве.

— Значит, так, — внушительно произношу я, когда телодвижения притянутого к полу Ильи Лучкина приобретают осмысленность. Он пытается встать так, чтобы вновь не улететь к потолку, а в заплывших глазках застыл немой вопрос: «Где я лопухнулся? Где?» — Значит, так... Постоянный наряд на четные числа — вплоть до особого распоряжения. Увижу кого вкалывающим вместо тебя — сильно пожалеешь. В запасе еще нечетные числа есть. Понятно?

Он кивает. Погодите, дайте ему только осмотреться, дайте пробиться к начальству, а уж там поглядим, кто кого...

Дожать его, что ли?

— Впрочем, ты, может быть, не согласен, — задумчиво говорю я. — В таком случае ты имеешь право предстать перед судом старожилов Ананке и принести жалобу. Здесь у нас не прерия какая. Однажды, полтора года назад, и мне пришлось потребовать суда старожилов, тогда я отделался всего-навсего тремя чистками сортиров, для порядка. Вдруг я пристрастен или ошибаюсь? Можешь и ты потребовать суда, это шанс...

В помещении становится очень тихо. Если бы на Ананке водились мухи, то сейчас было бы слышно, как они умывают лапки. Надо думать! Суд старожилов — вещь реальная и вызывающая дрожь. В принципе, он может склониться к неожиданно мягкому решению, как было со мной и еще два-три раза на моей памяти, — а может и усугубить наказание вплоть до физического устранения подсудимого, без права апелляции к командованию. Да и какая апелляция спасет апеллирующего от несчастного случая? Мы здесь живем, и нам решать, с кем жить, а кто по неловкости угодит под напряжение

или с разорванными взрывной декомпрессией легкими станет еще одним малым спутником Юпитера. Воздушного давления на дне пустующей ракетной шахты вполне хватает, чтобы по открытии герметичной заслонки вышвырнуть приговоренного в вечный полет, как тряпку. Как ни странно, индикация из шахты не поступает на центральный пульт диспетчера, и дежурный персонал никогда ничего не замечает.

Разумеется, любой офицер штаба тоже может наложить на эксмена дисциплинарное взыскание, часто не из легких, по крайней мере на словах. Действительно тяжелым, однако, оно становится тогда, когда его одобряет совет старожилов. В противном случае наказанному бедолаге помогут, чем могут, и сделают это так, что комар носу не подточит. Однажды я сам угодил в карцер «на хлеб и воду» — и пять суток наслаждался бездельем, вкусной пищей и хорошими книгами. Если речь не идет о смертной казни, то гораздо важнее, КТО наказывает, нежели ЧЕМ.

Илья Лучкин энергично мотает головой — он неглуп, он все понял. Жаль... Иногда очень хочется, чтобы интеллект и подлость не уживались вместе.

Я молча покидаю жилой сектор «наземников», в котором, надо надеяться, навел относительный порядок. Коридор. Еще один, под прямым углом. Вот ведь нарыли... И еще продолжают рыть на дальней периферии базы, что-то там углубляют, а зачем — неясно. Неужели они думают, что после контакта с невидимым барьером здесь хоть что-то уцелеет? Хотя, может, и думают, с них станется. За час до «момента ноль» эвакуируют с базы все ценное, швырнут в бой, как горсть песка, все семьдесят две боевых капсулы, управляемых эксменами, а на базе, пожалуй, и оставят кого-нибудь в роли белой крысы: выживет — не выживет на глубине в триста двадцать один метр? Эксперимент. Как будто не ясно: энергии от аннигиляции одних только наружных сооружений с лихвой хватит на испарение космического булыжника, на котором мы имеем удовольствие прозябать.

Уже очень скоро.

Ананке. Неотвратимость. Даже не верится, что этот тридцатикилометровый обломок получил столь удачное имя больше двух веков назад, — вот и отмахивайся после этого от разговоров об интуиции. Прямое попадание.

Шесть лет назад тут уже была база, правда, не военная, а ремонтно-заправочная и совсем маленькая — для обслуживания редких кораблей, забирающихся в пространство между Марсом и Сатурном. Говорят, ее построили лет сорок назад, после того как из-за пустячной аварии погиб корабль с женским экипажем, стартовавший с Каллисто. Вышло, что выгоднее прилепиться к Ананке, нежели строить базу на крупном спутнике или городить возле Юпитера автономную орбитальную конструкцию. Когда встал вопрос о военной базе, закономерным образом возникла мысль расширить то, что уже имеется. За шесть лет из первой партии заброшенных сюда рабочих и техников не свихнулся и не погиб по дурной случайности один Марек Заглоба, молчаливый, сильно углубленный в себя эксмен, но уж если он скажет слово, оно становится законом и для старожилов.

Хотя какие мы по сравнению с ним старожилы... Так, мальчишки. Гадкие утята с медленно растущим маховым пером.

Жужжащий и лязгающий лифт возносит меня с сорокаметровой глубины жилой зоны под самую поверхность. В башне дежурного по базе одиноко скучает Мика Йоукахайнен, пилот, назначенный на неделю дежурным за аварию при посадке. Со всяким бывает. За толстенными стеклами, что крепче металла, вроде бы одна чернота — но это не так. Надо дать глазам привыкнуть, и тогда различишь окруженную скалами котловину с разбросанными там и сям куполами наружных построек базы, подвижный параболоид Большой антенны, с десяток малых посадочных площадок для вертких капсул с плазменными двигателями и одну большую для кораблей посолиднее.

Эта башенка дежурного — едва ли не первое сооружение базы, еще той, ремонтно-заправочной. Вообще-то место для посадки-взлета выбрано здесь неудачно и используется лишь в особых случаях — большинство кораблей и боевых капсул Четвертой эскадры базируются вон там, за обледенелыми скалами к северу от котловины, и не на поверхности, а в шахтах, что куда удобнее. Вот грузовые ракеты с Земли, возящие к нам оборудование, топливо, белковый концентрат и иногда спецов-эксменов, — те да, опускаются здесь.

Солнца нет. Из четырех обращающихся вокруг Ананке платформ с гамма-лазерами сейчас видна только одна. Еще две, очень мощные, но одноразовые, испаряющиеся в служа-

щем для накачки ядерном пламени после единственного короткого импульса, способного продырявить насквозь астероид, отсюда вообще не увидеть — они отведены довольно далеко. Маленький приплюснутый Юпитер как раз готовится закатиться за тот край неровного горизонта, который принято считать западом, и скалы отбрасывают призрачные тени в нашу котловину. Пожалуй, даже красиво там, снаружи, красиво холодной чуждой красотой, с непривычки притягивающей и пугающей.

А с привычки — раздражающей и даже ненавидимой. Один случай буйного помешательства дежурного уже был.

— Привет, Мика, — здороваюсь я. — Что это ротозеев нет? Вчера пополнение прибыло, единиц двадцать недожаренного мяса.

Каково место, таков и юмор, сами понимаете. Вполне дожаренным это двуногое мясо станет не раньше, чем на нас надвинется барьер. Вернее, когда мы наскочим на него, привязанные тяготением к нашей маленькой желтой звездочке, летящей, как выяснилось, не туда, куда надо. Не раньше, но вряд ли и позже...

— А... — машет он рукой, тяжко вздыхает и зевает с прискуливанием. — Приходили тут... Я их погнал, надоели. Сижу вот, пялюсь незнамо зачем. Повеситься от такой жизни...

— Будешь вешаться — позови меня.

— Зачем? — настораживается Мика.

— Интересно. Посмотреть хочу, как ты при этой тяжести...

— Остряк-самоучка... А у тебя что, сегодня полетов нет?

На сей раз вздыхаю я.

— Мое корыто на профилактике. Регламентные работы по полной программе. Если до завтра управятся — и то хлеб.

Мика не удивлен: все на базе знают, что к моей капсуле у техников повышенное внимание — наверняка в ущерб другим боевым единицам, что признано полностью оправданным. Если в бою из-за технических неполадок выйдет из строя сразу десяток капсул прикрытия, эта неприятность еще не станет фатальной, зато если откажет одна-единственная капсула, моя, — весь план операции, по правде говоря, вполне безумный, вроде попытки высечь нависшую над головой волну цунами, полетит ко всем чертям.

— Тогда садись. — Мика кивает на соседнее кресло. — Вдвоем скучать веселее.

Понять его можно. Вот диспетчеру, что сидит в почти такой же башне по ту сторону скал, скучать не приходится — то взлет, то посадка, то нештатная ситуация, когда все на ушах не то что стоят, а пляшут чечетку. А здесь место тихое, зевотное. Кто-то решил, что присматривать за автоматикой, обеспечивающей функционирование базы, должен специальный эксмен — вот Мика и присматривает в наказание, сатанея от тоски. Все-таки лучше, чем карцер.

— Нет, я пойду... В другой раз посидим.

— В другой так в другой, — со вздохом соглашается Мика и вдруг ненадолго оживляется: — Погоди, ты уже слышал, что учудил Семецкий?

— Кто?

Наверное, тоже литературный герой.

— Ты его можешь и не знать, он из недавних. Большой такой, волосатый...

Да, кажется, был такой в позапрошлом пополнении, не то пилот, не то техник, не помню. На базе уже больше пятисот человек, ну не в состоянии я запомнить такую прорву имен, фамилий, специальностей и даже лиц.

— Ну?

— Ночью свалился в чан с черной икрой. Полез в горловину зачерпнуть втихаря банкой — и соскользнул. Говорит, трясина та еще, едва не затянула. Пока барахтался, пока вылез — как есть зернистый негр. Еле отмылся. Вся смена ржала, кроме кухонного техника, — ему-то весь чан стерилизовать заново.

Я улыбаюсь и киваю, показывая Мике, что оценил юмор ситуации. Наверное, этот предприимчивый эксмен поражен безоглядной любовью к черной икре, если за месяц она не успела ему надоесть хуже синтетической каши, имитирующей по прихоти кухонного техника то рис на молоке, то овсянку, то манную размазню, а то и вовсе ничего не имитирующей. Икра, разумеется, не каша, но тоже пища искусственная, из генетически модифицированных дрожжей, что выращиваются глубоко под поверхностью в обширных полостях подле вспомогательного реактора и без жесткого облучения перестают расти и размножаться. О вкусах не спорят, но я бы в тот чан не полез даже в мои первые дни на Ананке.

Вдвоем, может быть, скучать и веселее, но лучше уж я послоняюсь по базе. Тут есть где послоняться ради отсрочки мышечной атрофии. Коридоры, проходы, закоулки, лифтовые

колодцы, кольцевой туннель с монорельсом... много чего нарыто. Тенями бродят техники-обходчики. Навстречу мне попадается взмыленный Джо Хартрайт, пилот из моего звена. Видно, что он только что посадил капсулу после учебного полета и вряд ли расположен к разговору, а расположен принять душ, если нынче в нем есть вода, а затем вытребовать у каптенармуса свои законные сто граммов сорокаградусной, долить вонючим самогоном, если не хватит, и завалиться спать.

Не хочу ему мешать, но он останавливает меня сам:

— Твой этот протеже... Синюхаев... гони ты его в шею!

— А что такое?

— Отрабатывали слетанность, как всегда. Я крутанул разок несильно, — Джо показывает ладонью свой маневр, — он и отвалился, раззява. Сразу. По-моему, толку с ним не будет.

— Ладно... Кого посоветуешь взять?

— Лучше других Онегин, но он не захочет. Да и трепло то еще, уши завянут. Может, Мбога? Хороший пилот.

— С его акцентом? Я его и в спокойной-то обстановке понимаю с третьей попытки. Весело мне будет в бою его слушать...

— На тебя не угодишь, — ворчит Джо. — Хорошо, я подумаю.

— Думай, думай...

Мы расходимся. Цок! цок! — магнитные подошвы. Ходить здесь можно привыкнуть, но не побегаешь. Между прочим, по объявлении боевой тревоги весь личный состав базы обязан занять места по боевому расписанию в течение трех минут и ни секундой больше. Не знаю, чья шибко умная голова выдумала такой норматив, но убежден, что ноги, прикрепленные к этой голове через переходник туловища, никогда не носили магнитной обуви. Проверено много раз: половина персонала, особенно из дальних жилых секторов, элементарно не успеет. Монорельсовые кабинки не панацея. По слухам, для базы на Церере разработан проект пневматического эксменопровода, где спецы, ветром гонимы, скользят по резиновой трубе с тефлоновым покрытием вроде пуль в стволе духового ружья. Тоже, видать, умная голова думала...

Ну отчего у нас всюду такая дурь? Ведь если мне — в который уже раз! — заявят, что женщины в силу склада их ума принципиально склонны лишь к жесткому администрированию, а не к техническим озарениям, я первый скажу, что это неправда. Можно сколько угодно пытаться утешиться тем,

что мощный и компактный плазменный двигатель, подаривший людям планеты, был придуман и доведен до воплощения именно мужскими мозгами еще во времена смердящего загнивания патриархата, где-то между Сандрой Рамирес и Анастасией Шмалько, — но случайный приоритет не утешает. Кто изучал историю глубже общеобразовательного курса для эксменов, должен знать, что в конце Темных веков женщины почти повсеместно добились равноправия, хотя бы формального, и с успехом конкурировали с мужчинами. Насчет гениальности не скажу, не знаю, но технические и научные таланты среди них встречались, это точно.

Так что же с ними стало потом? Прорыв Сандры Рамирес в Вязкий мир — благословение феминизма или проклятие?..

Неужели и впрямь абсолютная власть развращает абсолютно? Где же смысл человеческой возни на маленьком уютном шарике Земли, где цель? Сохранение и воспроизводство? Да, конечно. Надо крепко ушибиться головой, чтобы возразить против того, к чему стремятся муравьи и тараканы, не то что человек. Но что есть цель, а что средство? И где она, настоящая цель? Выживание? Благоденствие хотя бы половины человечества? Неограниченная космическая экспансия?

Да что там плазменный двигатель! Приятная, но мелочь. Если бы полтора века назад все обернулось иначе и если бы человечество каким-то чудом не умертвило притом самое себя, то мы уже давно освоили бы Солнечную систему, а возможно, достигли бы и звезд! Вопрос в другом: зачем? Чтобы опять искать смысл, не найти его и забыться в работе, видя в решении очередной грандиозной задачи хотя бы суррогат смысла? Так что же, смысл — в вечных поисках смысла? В напрасных поисках того, что не дано нам природой?

Глупость какая-то...

Раньше меня редко посещали такие мысли, а теперь нет от них никакого спасения. Даже в тренировочном полете — нет-нет да и накатит. И ведь понимаю умом, что во всем этом мозговом онанизме нет ни малейшего толку, а поделать с собой ничего не могу. Наверное, это оттого, что уж очень немного времени нам осталось: две недели, четырнадцать земных суток... то есть с утра было ровно четырнадцать, а сейчас уже меньше. Шевелится что-то внутри, протестует, пытается напоследок додумать, понять что-то очень важное... И не один я такой.

Идет время. Был зеленым салагой, стал старожилом... Вдвое выросла база на Ананке. Четвертая космическая эскадра доведена до штатного состава в шесть полноценных эскадрилий, двадцать четыре звена, половина пилотов имеет сто и более часов самостоятельного налета, техники обучены, боеприпасов и топлива хватит с избытком... А главное, сейчас мы знаем больше, чем год назад. Яркие вспышки десятков уничтоженных зондов выявили точную конфигурацию невидимого барьера и скорость его приближения. С высокой долей вероятности мы можем назвать звезду, окруженную семьей планет — кстати, давно открытых, — вероятно, служащих колыбелью иной цивилизации. Невзрачный желто-оранжевый карлик в Геркулесе, едва видимый невооруженным глазом, оказался центром гигантской, в сотню световых лет, кордонной сферы, кажущейся плоскостью в том малом ее кусочке, что достался на долю Солнечной системы. Границы.

Барьера, который патрулируется. За которым любой чужеродный предмет, не принадлежащий к классу мертвой природы, будь то искусственный аппарат, подопытное животное, эксмен или человек, будет уничтожен столь же неотвратимо, как неотвратима гибель комара, столкнувшегося с ветровым стеклом мчащегося автомобиля. А комар точит свой хоботок в безумной надежде прободить им стекляшку...

Более того: выяснилось, что нас предупреждали! В обширных архивах Гобийской радиообсерватории был найден обрывок необычного сигнала, принятый более сорока лет назад, не вписавшийся в программу наблюдений и успешно забытый, а ныне, после ряда попыток расшифровки, трактуемый как недвусмысленное предупреждение землянам.

Конечно, они знают о нас если не все, то многое. Кабельное телевидение есть только в городах, а значит, по-прежнему летят мегаватты в эфир. Как сто, как двести лет назад. Интересное у чужих, должно быть, составилось мнение о нас по просмотру теленовостей, спортивных программ, шоу и сериалов... В последнее время с ними отчаянно пытаются договориться, используя крупнейшие антенны и мощнейшие передатчики, хотят объяснить им что-то, и за посланиями сестрам по разуму, свидетельствующими о нашем глубоком почтении и уважении со всеми вытекающими намеками, легко угадывается детски-жалкое: мы нечаянно, мы больше не будем, не тро-

гайте нас, пожалуйста! Честное слово, это больше не повторится!..

Нет ответа.

Мы не знаем, как они выглядят, но они в общем-то совсем не странные, эти существа, объявившие сферу радиусом в сто с хвостиком световых лет своей неприкасаемой вотчиной. Наши мозги очень даже способны их понять. Это — мое, понятно? Место занято, не лезь, плохо будет. Не понял — твои проблемы. Тебя предупредили, а если ты глуп, самонадеян, ленив или чересчур немощен, чтобы уйти с дороги, — пеняй на себя, мы умываем руки. И умытыми руками оботрем чело (или что там у них есть?) по окончании трудов праведных, покончив со слабыми или непонятливыми с их жалкой манией величия и смешными амбициями...

Не вполне по-человечески — но похоже. Они, в отличие от нас, не нахраписты, нет, они только упорны и последовательны в защите своего, только своего...

А ведь мы агрессоры! Какая, с их точки зрения, разница — вольные или невольные? Непринципиальный вопрос, никак не влияющий на результат...

Давным-давно, еще в училище-интернате, нам крутили эпизод из древнего черно-белого фильма, по всей видимости, только для того, чтобы лишний раз наглядно подчеркнуть махровую мужскую тупость: во время какой-то войны мужчины даже не шли — перли в атаку густыми колоннами, дурным нахрапом, и единственная женщина покосила их чуть ли не всех из допотопного пулемета с водяным охлаждением... Вот так и мы. Прем. Только в том эпизоде немногие уцелевшие все-таки пустились наутек — а куда же утечь нам? Сидя на своем шарике, мы совершаем сидячую агрессию. По хитрой спирали, прозванной эпициклоидой, Земля, подобно звездолету без управления, приближается к барьеру с точностью часового механизма, и человечество с нее не спрыгнет.

Звездолет Терра.

Но первыми войдем в чужое пространство мы, семьдесят две капсулы Четвертой эскадры, базирующейся на Ананке...

— Подождите!

Цок-цок-цок.

— Чего тебе? — оборачиваюсь я к Мустафе Безухову.

— Вы... — начинает он.

— Чтобы я это «вы» в первый и последний раз слышал, — прерываю я. — Усек?

— Да... Я хотел спросить тебя: правда ли, что пилотов на базе в два раза больше, чем капсул?

— Откуда слышал?

— Говорят...

— Врут, — ворчу я. — Процентов на десять — может быть, а вдвое — нет.

— Во время э... операции эти десять процентов останутся на базе?

— Разумеется. — Я удивлен. — Где же еще?

— Есть версия, что весь персонал будет эвакуирован с базы до начала боя, — сообщает Мустафа.

— А-а... Хорошая версия. Только ложная.

У него немой вопрос в глазах. Я машу рукой туда, откуда только что пришел:

— Если не лень, поднимись в башенку к дежурному, взгляни оттуда на скалы повнимательнее. При подходящем освещении над одной из них увидишь носовую надстройку транспорта «Незабудка», он может взять сотню пассажиров... ну, при очень большом желании можно впихнуть в него и две сотни — если друг на друге и на голодном пайке. Может, удастся задержать до боя один-два грузовика — еще от силы человек пятьдесят. Как ни крути, а не меньше полутора сотен останутся на Ананке — гореть. Думаешь, почему никто из пилотов не хочет остаться в резерве? Из кожи вон лезут, выкладываются в учебных полетах на все сто... Отдать концы в драке, знаешь ли, несколько приятнее, чем сидеть и ждать. Понял?

— Понял.

— Впрочем, кому что нравится. Ладно, тебе решать... Что нового на Земле?

— Не знаю.

— То есть?

— Я сюда не прямо с Земли, я с лунной базы. Годичный курс подготовки.

Значит, Мустафа Безухов не такой уж желторотый новичок, как я полагал, — провел во Внеземелье немногим меньше времени, чем я.

Тем лучше. С новичками сплошные проблемы. Некоторые из них паникуют в невесомости, другие боятся открытого пространства, третьи, наоборот, страдают клаустрофобией. А иные

на полном серьезе интересуются, почему в космосе черно и днем, и ночью.

— Ясно. А что хоть слышно-то?

— Да все то же, — машет он рукой. — Сперва информацию, понятно, придерживали, ну а как пошли слухи, так и началось: сомкнем, мол, ряды, выстроим непробиваемый этот, как его... щит, дадим эксменам шанс оправдать свое существование, ну и все в таком духе. Производство космических вооружений, то-се... насчет толку не знаю, а шуму много. Под эту музыку гребут кого ни попадя, кроме отъявленных олигофренов, в основном на заводы. Я в космос попал в общем-то случайно...

— Все попадают случайно. А кем ты был на Земле?

— Шофером автоцистерны, молоко возил. Еще ковбоем на родео — у меня координация хорошая, все кости целы. А до того — дояром на ферме...

— Кем-кем?

— Дояром. Оператором доильного аппарата. Ну а первотелок — тех надо руками раздаивать...

— А ну-ка дай пять.

У него не кисть — тиски, хотя пальцы тонкие. Сразу видно, что дояр квалифицированный. С минуту мы с каменными физиономиями меряемся силой: кто скривится от боли? Наконец я сдаюсь:

— Силен... Реванш со временем?

— Обязательно.

Теперь мне понятно, как он окорачивал разных гаденышей во время перелета.

— Как ты в пилоты-то попал?

— Вызвался добровольцем, медицина одобрила. Все лучше, чем техником быть, с железяками возиться, не люблю я их...

— Летать, значит, любишь?

— Люблю.

— А сюда тоже добровольно вызвался?

Он трясет головой:

— Не... Моя бы воля, я бы на Луне остался. Так сложилось.

— Жалеешь, что попал на Ананке?

— А чего хорошего?

И верно.

— Погоди... — спохватываюсь я. — Ты, когда на Луне слу-

жил, в новостях или еще где не слыхал такой фамилии: Мальцева? Ирина Татьяновна Мальцева?

На несколько секунд он задумывается, затем неуверенно мотает головой.

— Вроде нет... Но если вспомню — скажу. А кто она?

— Моя мать. Ее амнистировали — я поставил такое условие.

Недоверие в глазах Мустафы борется с восхищением.

Конечно, он не слыхал о моей матери. Или забыл как ненужное. Кто вспомнит фамилию, промелькнувшую в выпуске новостей два года назад? С той поры — молчок. Власти выполнили свое обещание, а устраивать из амнистии общепланетное шоу уговора не было. Но ведь и я не обещал держать рот на замке! Слухи и сплетни — тоже информация, и чем более неправдоподобными домыслами они обрастут, тем будет лучше. Трещина в монолите, говорил Вокульский. Что ж, будем считать, что сейчас я расширил эту трещину еще на пару ангстрем.

Если в этом еще есть какой-то смысл.

Мустафа не уходит. Чем-то этот парень мне нравится, и я болтаю с ним, словно я не старожил и равен ему по рангу.

— Еще что-то хочешь спросить? — поощряю я.

— Скажи... — Мустафа мнется. — Только не обижайся, ладно? Ты правда спишь с комендантом?

Поощрил...

— Не я с ней, — отвечаю я, подумав. — Она со мной.

— А какая разница?

Он прав: если иметь в виду последствия, разницы, в сущности, никакой. Женщина будет наказана по меньшей мере принудительным лечением и ссылкой, а эксмен, возомнивший себя мужчиной, подлежит физическому устранению. Это даже не наказание, имеющее целью устрашить остальных, — такие случаи обычно не слишком афишируются, — это обыкновенная прополка грядок, уничтожение сорняков.

Но куда можно сослать дальше Ананке? И какой смысл убивать меня, маленькую и зыбкую, но все же надежду? Снявши волосы, по вшам не плачут. Можно не сомневаться, что мелкие шалости сойдут мне с рук.

— Тебе-то что за дело?

— Так... — мнется Мустафа. — С одной стороны, дела, конечно, никакого. А с другой — должен же я знать, с кем служу. О тебе всякие байки травят, не знаю, чему верить...

— А глазам своим ты веришь?

Он очень быстро схватывает смысл вопроса.

— Телепортацию твою видел, да... Это было здорово. Как ты этому научился?

— По учебнику, — фыркаю я. Каков вопрос, таков и ответ.

Мустафа улыбается — принял шутку и не смеет настаивать на правде. Как будто я знаю, какова она, эта правда!

— Значит, ты и есть тот самый «козырь в рукаве», о котором нам травили?

— Очевидно, да. Хочешь в мое звено?

Он отводит глаза.

— Нет, пожалуй...

— Ну и правильно, — без тени сарказма одобряю я. — Мы все здесь смертники только по названию. Незачем заранее подписывать себе приговор. Если окажешься на периферии собачьей свалки, еще имеешь шанс удрать. Может, дотянешь на своей капсуле до Цереры, если очень повезет. Тогда выгадаешь недель шесть-семь. А если сумеешь унести ноги и оттуда, проживешь еще месяцев восемь, пока Земля не полыхнет. Ну и при исключительном везении можешь оказаться на Марсе — там сейчас роют «последнее убежище», — Марс доползет до барьера лишь года через полтора...

— Почему?..

— Потому что планеты ходят по орбитам.

— Почему ты считаешь меня шкурой?!

Ах, вот он о чем.

— Никем я тебя не считаю, — поясняю я, пожимая плечами. — Просто обрисовал ситуацию как она есть. Твой выбор, тебе выбирать между дерьмом и фекалиями.

— Зря ты так...

Может, зря, а может, и нет, сейчас это не имеет значения. Мустафа Безухов мне уже не интересен, и я ухожу, сделав ему знак, чтобы не следовал за мной. Черт... кем же заменить бездаря Синюхаева?

Осталось тринадцать с хвостиком суток, меньше двух недель, а в моем звене по-прежнему некомплект: я да Джо Хартрайт. Может, все-таки взять третьим Мбогу? Ведь главное, чтобы он понимал мои команды, а не я его ответы...

Еще успею решить.

Мимо меня, отчаянно цокая по полу, торопятся два техника, у одного в руках зажат разводной ключ, у другого — портативный сварочный аппарат. Где-то в системе рециркуляции

воды опять текут трубы, разъеденные мочой, и похоже, что Джо останется сегодня без душа. Лишний повод начальству усмехнуться понимающе и брезгливо посетовать: ну что путного можно сделать, имея под началом не людей, а пять сотен угрюмых озлобленных полуживотных? Но где оно, начальство, найдет настоящих людей для этой работы?

А ведь Вокульский в обеих своих ипостасях — виртуала и «сброшенной оболочки» — кругом прав: кто мы такие, чтобы рыпаться и рассчитывать на большее, чем нам дают? Вполне убедительно доказано: без Сандры Рамирес, без Вязкого мира не было бы проблем контактирования с барьером, потому что никто не дожил бы до контакта! Цивилизация с преобладающим влиянием мужчин была обречена. Чужие пожгли бы мертвые артефакты, а не людей и не эксменов. Только случайность, абсолютно голая случайность виновата в том, что жизнь человечества удалось продлить всего-навсего на одну-полторы сотни лет, а не на тысячи...

Может быть — навсегда.

Почему бы нет? А за успешную атаку всегда платят кровью. За удержание захваченных позиций — иногда вдвойне. Следует ли считать всю цепочку живой природы — от крохотных слизистых комочков в первобытном океане, через панцирных рыб, зауроподов и креодонтов к человеку — закономерными издержками, платой за его, человека, возникновение и горделивую поступь? И можно ли полагать подчиненную роль эксменов, которые все равно когда-нибудь станут не нужны и закономерно вымрут, последней издержкой перед окончательным торжеством Человека Настоящего? Особой издержкой, поскольку ранее никем не предвиденной. Но кто и когда умел предвидеть все издержки?

Зато — результат!

Маленькая Земля умудрилась не задохнуться в мусоре цивилизации, не шибко страдает она и от перенаселения. А разве воинствующий матриархат не вылечил бóльшую часть социальных язв прошлых веков? Ведь вылечил. Нет вызывающей роскоши, но нет и нищеты, нет освященной церковью дурной традиции никчемной плодовитости, подпитывающей и умножающей нищету, давно не осталось и следа от зловонных трущоб, где женщины, становящиеся старухами в тридцать лет, продолжают рожать и рожать, умножая никому не нужное потомство, где толпы рахитичных, покрытых коростой

детишек со вздутыми животами кормятся на помойках, подобно полчищам тараканов или крыс. Ведь нет же этого! Никто не голодает. Все устроены. Женщинам приличен загородный коттедж, хотя вполне сойдет и благоустроенная городская квартира, эксмены довольствуются индивидуальными жилыми блоками — курятник, конечно, но все-таки не трущобные халупы из расслоившейся фанеры и ржавой жести. Эксменов учат, лечат и приставляют к делу. Выработавших свой ресурс стариков даже не ликвидируют и не убеждают уйти из жизни добровольно — и для них, никчемных, у общества находится миска похлебки. Благополучное общество не обязано быть узко рационалистичным, оно может позволить себе известный гуманизм.

Так чем же я, спрашивается, недоволен? Тем, что жизнью и порядком, позволяющим жить и дальше, человечество обязано женщинам? Тем, что лица противоположного пола, и я вместе с ними, низведены до уровня существ второго ранга как опасные недоумки? Так ведь это правда, по крайней мере отчасти...

Что лучше: безумно развиваться в никуда, стремительно наращивая могущество цивилизации и менее быстро, но столь же неуклонно деградируя духовно, давно утратив смысл существования, потеряв всякую охоту отыскивать этот самый смысл, — или построить стабильный, разумный мир и жить в нем ради самой жизни, ради простых ее радостей, не ставя нереальных сверхзадач? Смысл был предъявлен: настоящим, единственным и высшим смыслом человеческого бытия является само существование человечества и продолжение его в потомстве. Неопределенно долгое продолжение. Вечное. Плевать на то, что средство подменило цель, — важен результат! Этот мир никогда не лопнет от натуги, не завалится сам собой, как валились вавилонские зиккураты из скверно обожженного кирпича, — он просто не станет тянуться к ненужным высотам и останется прочным и устойчивым.

До тех пор, пока его не толкнут извне.

И тогда его обитатели завопят дурными голосами о том, что никто, мол, не мог предвидеть этого толчка, и, ополоумев от страха, начнут спешно лепить стены ввысь в зыбкой надежде на то, что, когда здание рухнет, жители верхних этажей сумеют зацепиться за небо...

Раньше надо было строить.

ГЛАВА 8

ФАВОРИТ

В личные апартаменты коменданта базы я вхожу без приглашения, как будто так и надо. Когда-то стучал условным стуком и ждал вальяжного «войди», потом бросил, несмотря на устные выговоры Марджори и угрозы сгноить меня в карцере. Посадить меня она может, не спорю, но сгноить — не сгноит.

Сразу за тамбуром жилого сектора для настоящих людей, официально именуемого запретной зоной номер один, а на эксменском фольклоре не иначе как Бабельсбергом, — охрана и свое дежурство. Крепенькая девушка-коммандос с короткоствольным автоматом поверх бронежилета пропускает меня, даже не поморщившись, но, пройдя, я чувствую затылком ее неприязненный взгляд. С дисциплиной у нее все в порядке, а исполнить свой долг, доложив командованию о чудовищном моральном падении коменданта, — до поры до времени нет физической возможности. Потом — безусловно.

Герметичная дверь каюты гулко хлопает за моей спиной, и от легкого сотрясения из приоткрывшейся дверцы стенного шкафа выпадает, плавно валясь прямо на меня, глупейшее изделие современности — «квазиразумный и самообучающийся» пластиковый сексатор андроидного типа, выполненный в виде жгучего брюнета в натуральную величину, с невыразимо слащавой физиономией. Как Марджори удалось вывезти с Земли этакое чудо, когда для космоса экономятся граммы и наиболее уместной моделью сексатора на полном серьезе и официально признана рука, — ума не приложу.

Вывалившись из шкафа, словно выпрыгнув из засады, этот пластиковый эрзац еще пытается себя вести соответственно программе и курсу обучения: изображает учащенное дыхание и норовит меня облапить, после чего, вероятно, начнет избавлять меня от одежды. Эксменская заповедь «не посягни» к нему никак не относится. Ша, коллега! Уклонившись от пластиковых объятий, я двумя пинками забиваю слащавого брюнета обратно в шкаф. Жаль, на загривке эрзаца нет петельки — он бы у меня там повисел на гвоздике.

— Ревнуешь? — томно спрашивает Марджори.

— Еще чего. Обороняюсь.

Спорю на мои абордажные шансы против банки фальши-

вой икры: Марджори подстроила это нарочно. Ей скучно, она развлекается.

Госпожа вице-адмирал космофлота Марджори Венцель, комендант базы Ананке и командующая Четвертой эскадрой в одном лице. Не слишком завидная должность. У госпожи вице-адмирала не так-то много подчиненных офицеров: ну штаб из трех человек, ну трое же пилотесс, врач, с пяток охранниц в лейтенантском чине... Остальные, даже командиры эскадрилий, ходят вообще без чинов, да и кому придет в голову дикая мысль давать чины эксменам? Хотя недавно Юджин Харрингтон, командир звена в шестой эскадрилье, напившись дрянного самогона, выделанного из синтетической пшенной размазни, стучал кулаком и кричал, что требует своего производства хотя бы в мичманы...

Нет чинов, но есть должности. Командир эскадрильи. Командир звена. Пилот. Старший техник. Старший оператор систем полетного контроля. Старший фельдшер. Каптенармус. Есть авторитет старожилов, с которым волей-неволей считается и Марджори и на который она опирается, не желая признаться в этом даже самой себе. Ниточек управления пятисотголовым стадом эксменов вполне хватает.

Потерпите, ребята, все у вас будет. Ну, не у вас, так у ваших внуков — при условии, что, коснувшись барьера, наш мир каким-то чудом не уподобится расплющенному комару на ветровом стекле.

Еще не знаю, как и когда, — но будет.

Обязательно.

Потому что тайна получила огласку. Потому что телепортирующий и при этом все еще живой эксмен — не легенда, а явь, до него можно дотронуться и убедиться, что это не сон. Потому что он нагло спит с комендантом, не особо скрывая сей вопиющий факт и вызывая испуганно-восхищенный шепот по закоулкам базы.

Если меня завтра тихо прикончат в каком-нибудь темном коридоре или штреке и в потоке воздуха вышвырнут мой хладный труп из пустой ракетной шахты в большое космическое путешествие, то все равно байки обо мне будут передаваться из уст в уста еще много-много лет, обрастать небывальщиной, сочиняемой очевидцами и «очевидцами», и бередить души рабов призраком надежды.

А это уже немало.

Первая трещина...

Когда-нибудь это должно было случиться — сейчас или через тысячу лет. Проигрывает тот, кто забывает: под этими звездами нет ничего вечного, есть лишь долговременное.

Убить меня несложно, особенно по выполнении мной моей миссии, если она каким-то чудом окажется успешной. Заделать трещину в монолите скорее всего уже невозможно.

Изнуренное шейпингом тело Марджори сегодня облачено не в прозрачный пеньюар, как в прошлый раз, а в парадный адмиральский мундир со всеми регалиями. Наверное, она считает, что так эротичнее. Оно, то есть тело, привычно возлежит на узкой складной койке, будто это невообразимых размеров кровать в стиле рококо под балдахином с кистями, мечта гетеры невысокого полета, измученной желанием достичь ранга женщины полусвета. Ничуть не сомневаюсь, что Марджори ухватилась бы за любой шанс притащить на Ананке пятиспальную кровать-чудовище, — но космическая контрабанда имеет свой предел. Не весовой, так габаритный.

— Скучно, да? — вопрошаю я.

— А тебе разве нет, глупый?

— Сегодня — да, — признаюсь я, нагоняя на чело морщины озабоченности нежданным бездельем. — Полетов опять нет, молодежь упражняется, а телепортировать с тяжестями под мышкой надоело. Толку от этих тренировок... Сколько было пороговой массы, столько и осталось. Двенадцать килограммов с граммами — мой предел. Это, наверное, от рождения задается.

— В детстве.

— М-м?..

— Мычать сюда пришел? — уходит от темы Марджори. Она притворно сердится. — Ты лучше порычи. А потом накинься на меня, как... как тигр и сорви все эти тряпки. Ну?

— Прямо с порога? — деловито осведомляюсь я.

— Ага. Можешь взять разбег. — Она еще не поняла, что сегодня все будет не так, как ей хочется, но, кажется, уже заподозрила.

— А рычать обязательно? Что, если я, например, прокукарекаю пару раз или покваканю немного? Тебя это возбудит?

— Кретин!

Я качаю головой:

— Эксмен. Это хуже. Грязное животное с исключительно

низменными инстинктами. Волосатый кривоногий выродок. Рабочая скотинка. Подлейшая тварь, всегда требующая кнута.

— О! — восхищается Марджори. — Сам додумался?

— Естественно. Как всегда: сначала вызубришь что-нибудь назубок, концентрированную какую-нибудь мудрость, а потом уже в голову стукнет: а ведь оно правильно! И проникнешься.

— Я так не думаю...

— Думаешь. Тебе предписано так думать, вдолблено с малолетства, у тебя это сидит глубоко в подкорке. «Порычи!» В лучшем случае и при обходе всех табу я гожусь на роль игрушки — вроде вон того чучела в шкафу. — Мой голос становится все резче, я уже забыл, что вовсе не собирался ругаться. — Порычать? Ррры! Достаточно? Остальное ты получишь от него. — Я тычу пальцем в направлении шкафа.

— Мразь! — Гримаса ярости безобразит лицо Марджори. — Ты пожалеешь! Убирайся!

— Я только этого и хотел...

Цокая подошвами, я поворачиваюсь к двери, не уверенный, что комендант базы не запустит мне в спину чем-нибудь тяжелым. Что со мной сегодня творится? Ведь не хотел же... И что я выиграю от своей вспышки?

Вот псих.

— Тим!

— Тимофей Гаев, командир звена, — отвечаю я деревянным голосом. — Жду приказаний, госпожа комендант.

— Вернись. Прости меня... Пожалуйста...

Ради этих слов, произнесенных женщиной, стоит жить. От них может расколоться камень, промерзлая оливиновая глыба Ананке оглушительно лопнет и рассыплется облаком щебня — или чудовищного веса этих слов не выдержит потолок каюты и низринется нам на головы...

Но не крошится камень, и потолок выглядит прочным.

— Ты мне нужен, Тим... Дурачок ты мой, ты сам не понимаешь, как ты мне нужен...

И тогда я все же бросаюсь на нее в длинном прыжке, отлипнув от пола и оттолкнувшись от стены, — без рычания, но что-то от тигра, выскакивающего из засады в бамбуках, во мне, наверное, есть. Грубо, обрывая пуговицы, я сдираю парадный мундир с этой порочной, безнравственной сорокапятилетней женщины, грязной распутницы, радостно готовой совершить

уголовно наказуемое деяние, и за одну эту радость отдаться низшему существу я прощаю ей все, все, все...

Пусть даже она предпочла меня слащавому пластиковому уроду только потому, что он ей приелся.

Все равно.

— Сделай мне больно! Еще! Ох...

Марджори дергается, и мы, как два сплетенных удава, взмываем к потолку над ковром и, медленно кувыркаясь в полете, дрейфуем вниз. Дайте мне точку опоры! Землю не сдвину, но сдвинусь сам, умом, и ничуть не пожалею об утраченном рассудке. Еще больнее?.. Вот. Вот!..

Схватка заканчивается на полу, и мы лежим на ворсистом ковре среди разбросанных предметов одежды. Тело легкое-легкое, как воздушный шарик, но это не от секса, а от закона всемирного тяготения. Наверное, тому пареньку из книжки, что выпалывал на своем астероиде баобабы, приходилось быть очень осторожным, чтобы не улететь ненароком в случайном направлении, не закончив прополку.

Я касаюсь ладонью груди Марджори. Вот наглядное преимущество малой силы тяжести — нет отвислых бюстов.

— Тебе было хорошо?

— Да... А тебе?

Этот вопрос — уже гигантский прогресс: ее интересуют не только свои ощущения!

— Да, очень. — Я почти не вру.

Сейчас Марджори спохватится. Самое время поставить меня на место.

— Цени. Многим ли эксменам выпадало хоть раз в жизни испытать такое счастье?

От скромности она точно не умрет.

— Зато никаких венерических болезней, — ехидно возражаю я. — Сколько лет уже...

— Нашел о чем вспомнить, дуралей! — Марджори притворно сердится. — Главное, вовремя!

— А разве что-нибудь бывает вовремя?

Она замолкает, подыскивая ответ. Экий я философ-максималист... Конечно, бывает. Стакан воды для умирающего от жажды. Стопка водки после учебного полета. Полкружки самогона — почти всегда. Женщина — очень часто. Хотя бы такая женщина, как Марджори.

— У тебя есть дети, комендант? — спрашиваю я.

— Если будешь называть меня так — посажу в карцер.

Чем-то она отдаленно напоминает Маму Клаву.

— Не посадишь. Так как насчет детей, Мардж?

Пауза — и неохотный ответ:

— Я рожала два раза. Оба раза родились мальчики. Эксмены. Второй получился удачным. А первый был слабеньким... я не уверена, что он еще жив. У него определили врожденный порок сердца.

Мы долго молчим.

— А девочки? — наконец спрашиваю я.

— Пока не получилось. — Марджори улыбается. — Но ведь я не совсем старая, я еще могу родить, правда?

Пожимаю плечами:

— Откуда мне знать?

— Конечно. — Она разочарованно вздыхает. — Какое тебе дело...

Я даже пожалеть ее не могу. Даже посочувствовать ей — не получается. Потому что внутри меня — песня! Развеселая такая, под аккордеон. Не от полноты упоения сексом, нет, хотя секс, что ни говори, штука приятная, — а от того, что сегодня Марджори проговорилась: предельная сопутствующая масса при телепортации не вбита в генах в виде раз и навсегда закодированного числового значения, а увеличивается тренировкой, правда, лишь в детском возрасте. Наверное, в раннем детском, подобно интеллектуальным способностям: генетически задана предельная скорость развития ума, хочешь — развивай, сколько успеешь, лет этак до пяти, не хочешь — никто не заставит. Что ж, и то хлеб.

Экий я скромняга... Какой хлеб — пирог! Вкуснейший кусок шоколадного торта с цукатами, орехами, толикой рома и ванильной какой-нибудь крем-прослойкой! Не без горчинки, конечно: выходит, тебе, дружок, трепыхаться уже бесполезно, тренировки ничего не дадут, как таскал ты с собой в Вязкий мир не более дюжины килограммов, так и будешь таскать впредь, и смирись. Хотя зачем тебе больше? В телепортирующие грузчики ты не нанимался, а твой персональный скафандр-эластик с запасом воздуха весит куда меньше дюжины ка-гэ, в Вязком мире в нем можно сделать изрядный променаж. Его даже не порвет внутренним давлением в вакууме, если тебя угораздит промахнуться при абордаже, — успей только верно сориентироваться и сделать следующий нырок, прежде чем

закоченеешь насмерть, потому как теплозащиты у твоего невесомого эластика нет никакой, о чем тебя честно предупредили...

Но неважно это сейчас, и душа моя поет оттого, что сегодня мне приоткрылось новое, сам собой упал в ладонь недостающий кусочек смальты из полуосыпавшейся мозаики этого мира... Сейчас я его прилажу на место. Вот так. А интересно знать: способности к телепортации передаются генетически по мужской линии или нет?

Кто ж тебе даст ответ, умник? Кто и когда ставил такие эксперименты? Кому это надо? Хотя... в Департаменте федеральной безопасности в принципе могли. Федеральной безопасности ради. Но даже если это так, то с чего я взял, что они сами положат мне в ладонь еще один — важнейший! — фрагмент мозаики?

Все равно крайне любопытно, кто был мой биологический отец.

Не верю в телепатию, верю в совпадения. А совпадение вот какое: сейчас мысли Марджори, оказывается, плывут по тому же руслу, что и мои. Не совсем в кильватер, конечно, и даже по другой протоке, но...

Я даже вздрагиваю.

— Я хочу сказать тебе одну вещь, Тим. Одну очень серьезную вещь. Я не предохраняюсь.

— Ты серьезно?

— Вполне. Ты ведь был спермодонором, а ты силен и красив, наверняка многие женщины тыкали пальцем в твои данные и говорили: «Мне вот от этого». Наверное, у тебя уже тысяча детей, ну так вот... я хочу, чтобы родился тысяча первый. От меня.

— А если опять будет мальчик?

— Я хочу девочку, но если родится мальчик... то я не знаю, как быть. Правда не знаю. Не хочу снова отдавать. А если... если он унаследует твои способности, Тим? Что тогда с ним будет? И если ОНИ узнают — нет, только заподозрят! — что он твой сын?!

Укол жалости настигает меня только теперь. И я глажу, глажу ее коротко стриженные волосы, жалея, что моя ладонь такая жесткая и заскорузлая... ладонь эксмена... тут что-нибудь понежнее надо, да и ласкать я совсем не умею. Марджори от-

страняется — не хочет расчувствоваться, дабы не увидел я хоть одну ее слезу.

— Может быть, еще не поздно начать предохраняться? — осторожно спрашиваю я.

Печальная улыбка мне в ответ:

— Возможно, уже поздно.

— М-да...

Что я могу еще сказать, ну что?

Мычать — могу.

А сказать нечего.

И грызущий червячок в сердце. Голодный, жадный, шустрый. Проедающий насквозь.

— Я хочу, чтобы ты знал одну вещь, — вполголоса говорит Марджори. — С твоим предшественником я предохранялась. Только не вообрази о себе невесть что...

Сглотнуть слюну — словно выпить стакан жидкого огня. Жжет.

— Спасибо, Мардж...

— Не за что. Мои проблемы, мои решения. Моя дурь. Справлюсь. Не бери в голову. Можешь считать это приказом.

— Постараюсь...

— Я кормила их грудью, обоих своих малышей. — Глаза Марджори все-таки увлажняются. — Конечно, я знала, что совершаю ошибку... но Тим, ты никогда не сможешь понять, какое это наслаждение! А потом, когда мне пришлось отдать того, первого, я пришла домой, в большую пустую квартиру, заперла дверь на все замки, легла на постель и наглоталась барбитуратов... Каким-то чудом я осталась жива, так что никто ничего не узнал и не заподозрил. Теперь знаешь ты.

— Спасибо тебе, Мардж... А второй?

— Я оттягивала вторую беременность, сколько могла, но ведь мы, люди, обязаны произвести на свет минимум двух младенцев... И потом, всегда есть надежда родить девочку. Когда я узнала, что будет мальчик, сначала чуть с ума не сошла, пришлось даже сходить к психотерапевту. Потом... потом примирилась. И отдала второго сына гораздо легче, чем первого, только потом какое-то время сильно пила... Ничего, справилась сама.

— Как?

— Стала делать карьеру. Мне хотелось быть независимой... хоть в чем-то.

— По-моему, ты этого добилась.

— Разве? Ты знаешь, что стало с твоим предшественником?

Киваю:

— Его вышвырнули в космос живьем через ракетную шахту. Говорят, по твоему приказу.

Глаза Марджори сужаются. Сейчас она похожа не на несчастную мать — скорее на большую хищную кошку. Может быть, пуму.

— Все правильно, такой приказ был. Передо мной положили лист бумаги, я подписала.

— Ну вот...

— Ты не все знаешь, — мурлычет Марджори. — Его выкинули в космос в скафандре с хорошей теплоизоляцией и запасом воздуха на пять часов. Он не погиб от декомпрессии и не замерз в сосульку, что в общем-то тоже было бы легкой смертью. Ему оставили радиосвязь, он пять часов умолял выслать за ним спасательную шлюпку...

— Тебе приятно об этом рассказывать?

— Я еще не все тебе сказала. — Марджори странно улыбается, и до меня не сразу доходит, что она сдерживает судорогу лицевых мышц. — Его вышвырнули, а меня заставили сидеть и слушать его мольбы, его рыдания, потом хрип... Как назло, в тот день на Юпитере не было сильных гроз, и слышимость была превосходной. А самое страшное наступило, когда я не услышала ничего, кроме незначительных помех. Почти полная тишина, понимаешь?

Она зло оскаливается, прежде чем крикнуть:

— Я не хочу испытать это еще раз! Не хочу!

— Думаю, и не придется. До начала операции я в любом случае доживу, а умирать в драке не так страшно. Когда начнется, можешь послушать мои грязные ругательства, я не против.

— Послушаю. — Марджори кивает. — А ты вбей себе в голову: я справилась тогда — справлюсь и сейчас. Твоей вины передо мною нет, а с законом разбирайся сам. Если ты останешься живым... у тебя могут быть проблемы. Очень большие проблемы. Но это твои проблемы, а не мои. Выкручивайся сам.

— Ничего со мной не случится, — успокаиваю я, как будто Марджори в самом деле тревожится обо мне, а не о себе. — Я ценен.

— До боя — да, никто тебя не тронет. А после? Если вдруг

Первоматерь сотворит чудо и ты выполнишь задание, сохранившись в виде тела, а не квантов? Ты об этом не задумывался?

— Думаю, еще пригожусь.

Я лгу, и Марджори клюет на ложь:

— Ты в самом деле вообразил, будто, кроме тебя, больше некому? Я думала, у некоторых эксменов все-таки есть мозги... Так слушай: Третья эскадра на Церере наполовину укомплектована пилотессами-людьми. Понял? Думаешь, нет настоящих людей, согласных драться? Были бы шансы. Твоя попытка нужна лишь как пробный камень, как эксперимент: получится — не получится, а если не получится на Ананке, то какие выводы надо сделать, чтобы получилось на Церере. Уразумел теперь?

— Вполне. И все же...

Договаривать ни к чему — пусть госпожа вице-адмирал полагает, будто туповатый эксмен-уникум искренне верит обещаниям Департамента. Ставлю десять против одного, что она обязана регулярно докладывать наверх о моем текущем умонастроении и подозрительных контактах, и три против одного, что она посылает самые благоприятные для меня донесения, — однако береженого бог бережет. Богиня то есть, Первоматерь Люси.

Как-то обошедшаяся без Первоотца.

Даже Мама Клава знала, как с нами надо обращаться. Не так уж это трудно — поигрывая кнутом, изредка показывать пряник. Нам и позволяют резвиться, ловить крошки пряника, но за нами бдительно присматривают. На Земле, наверное, прочитывается половина всей тайной корреспонденции, связывающей региональные центры подполья с низами и между собой. Вполне достаточно. Для полного контроля наших намерений властям хватило бы и двадцати процентов.

Вот только намерений-то и нет. Мы разобщены и растеряны. Мы не знаем, чего хотим.

И мне не бывать пророком: я знаю лишь то, чего хочу я.

Ничего нового Марджори мне сейчас не сказала — этот кусочек смальты я вставил в мозаику уже довольно давно. Безусловно, я не панацея от беды, а лишь эксперимент. А зачем она мне это говорит — вопрос. Неужели все-таки переживает за меня хоть чуточку?

Трудно поверить — но все возможно. В большом мире больше исключений, как выражалась Иоланта Сивоконь.

Но какое мне дело, в конце концов? Проблемы Марджори — это проблемы Марджори, как и было сказано, а мои проблемы так и останутся моими. Если останусь цел и выцарапаю маму из лап Департамента — увезу ее в самый глухой угол в тайге или горах, подальше от настоящих людей. Приживемся в патриархальной общине, будем крестьянствовать, заведем маленькую табачную плантацию для людей с проклятыми атавизмами прошлого и обязательно корову... надо будет попытать Мустафу Безухова, чтобы объяснил подробно, как их, черт возьми, доят...

Но первое дело — бой, он же операция «Эгида», каковое кодовое название было бы тождественно «Щиту», не будь оно женского рода. Подробнейшая диспозиция, как перед Аустерлицем. Три волны атаки.

Марджори привстает на локте:

— Ты так и будешь тут лежать?

— А? Нет, уже ухожу.

— По-моему, я тебя не отпускала.

Ах, вот оно что. Мало мы накувыркались, естество не удовлетворено достигнутым. Ну, это мы поправим...

Но Марджори, оказывается, имеет в виду не только секс. Как-никак она комендант базы и командует эскадрой... хотя бы номинально. Личная жизнь — в промежутках.

— Говорят, ты что-то пишешь в личное время? — жестко прищурившись, интересуется Марджори. — Мемуары, что ли? «В постели с вице-адмиралом», надо думать?

— Кто говорит?

— А это не твое дело.

— Ну, им виднее, наверное. Может, у тебя и выдержки есть? Дашь почитать?

— В Департаменте тебе дадут, — мрачно пророчествует Марджори. — Лучше уничтожь.

— Как скажешь. Но вообще-то там нет ничего такого... просто мысли о том о сем.

— Тем хуже. Уничтожишь?

— Подумаю.

— Не затягивай этот процесс. Как настроение личного состава? — внезапно меняет тему Марджори.

— Хм. Разве я обязан тебе об этом докладывать?

— А разве нет?

— А разве да? Расспроси своих стукачей — или у тебя их не имеется?

— Тим Гаев!

Металл в голосе. О, это уже интересно! Забавно будет, если она поставит меня нагишом по стойке «смирно». Сама бы облачилась для начала.

Нет, не могу я измываться над Марджори, не могу и не хочу, хоть убейте. Тем более что истина, какой я ее вижу, вполне успокоительна:

— Да нормальное настроение, нормальное, деловое. Между нами говоря, сам удивляюсь. Старожилы, как всегда, на высоте, новички стараются. А в чем дело?

— Послезавтра сюда прибывает Присцилла О'Нил...

Ого! Я тоже привстаю на локте. Сама госпожа главнокомандующая объединенными космическими силами Земли решила наведаться к нам на Ананке за три дня до начала операции. Поинспектировать, стало быть. Накрутить хвосты. Взбодрить личный состав своим присутствием — начальство почему-то убеждено, что на боевой дух подчиненных это действует как нельзя лучше.

— ...так что сам понимаешь: собери старожилов, покумекайте. Порядок должен быть. Чтобы все блестело и бездельники по тоннелям не шлялись. Это в общих интересах. Я могу надеяться на тебя, Тим?

— Хорошо, я поговорю с ребятами. Сделаем. Надолго она к нам, как полагаешь?

— Хотела бы я это знать...

— Тебе-то какой смысл волноваться? Дальше Ананке не сошлют.

— Много ты понимаешь.

Интересно, чего это я не понимаю? Да унесет Марджори вовремя ноги с Ананке, как пить дать унесет гораздо раньше, чем постройки базы полыхнут, обратив двенадцатый спутник Юпитера в газ и оплавленный щебень. Согласно плану операции, кораблю вице-адмирала и трем боевым капсулам прикрытия, управляемым офицерами-пилотессами, надлежит находиться на периферии боя, им вообще не грозит соприкосновение с барьером. Максимум — понизят в чине за провал операции или, что вернее, за моральную недостаточность, — велика трагедия! А вот нам...

Никто не знает, каковы наши шансы в бою. Пока что име-

ла место только одна стычка с противником, в которой мы потеряли три боевых корабля и платформу с гамма-лазером, сумев в ответ лишь обездвижить чужака на какое-то время. Наш противник не всесилен, хоть это немного утешает. И все же я очень удивлюсь, если «Эгида» увенчается успехом. Очень.

Особенно если следовать утвержденному плану операции. Ту штабную мыслительницу, что придумала атаковать барьер тремя волнами, любой из нас с большим удовольствием увидел бы в первой волне. Легко и приятно в спокойной, мирной обстановке рисовать стрелочки на трехмерной карте.

Хорошо хоть, что утечки информации к чужим в штабе не опасаются, не предполагая ни предательства, ни шпионажа. Довели план до сведения личного состава. Порадовали.

Нет, по сути план неплох и вполне рационален. Задача первой группы, первой волны, первого эшелона в составе трех эскадрилий, двух беспилотных платформ, оснащенных гамма-лазерами одноразового действия, и стартующей с Ананке стаи управляемых ракет — пересечь барьер, обнаружить противника (вот уж сложная задача! он сам себя обнаружит) и завязать драку, отвлекая внимание противника на себя. Тем временем две эскадрильи второй волны, в которой будет находиться и «козырь в рукаве», то есть эксмен особого статуса Тимофей Гаев, стремительно проскакивают сквозь боевые порядки волны первой и выполняют основную задачу. Одно звено должно прорваться в непосредственную близость к противнику, что называется, встать борт к борту. Третья группа, состоящая всего из одной эскадрильи, обеспечивает фланговое прикрытие и в случае необходимости наносит завершающий удар. Четыре боевых платформы с гамма-лазерами меньшей мощности, зато многоразовыми, остаются позади и, не входя в контакт с барьером, служат тыловым прикрытием, по возможности нанося удары по противнику сквозь строй атакующих капсул. В случае внезапного изменения сценария боя (варианты изменений) планом предписаны соответствующие перестроения (варианты перестроений). Общее руководство операцией с правом принятия решений по своему усмотрению осуществляет командующая Четвертой эскадрой госпожа контр-адмирал Марджори Венцель, чей штаб находится позади боевых порядков эскадры. Все.

Простая и логичная схема, не лишенная даже некоторого изящества. Вот только... не работающая.

Можно заставить эксменов прилежно трудиться, всю жизнь выполнять нудную, постылую работу, презираемую настоящими людьми, за несколько «полосатеньких» в конце месяца. Большинство из них можно даже убедить или заставить смириться с собственной неполноценностью и не пытаться прыгнуть выше головы. Можно разобщить их, вернее, не мешать им в этом естественном процессе, и умело сохранять безопасный для режима баланс между враждующими очагами подполья, чадящими впустую. Можно. Куда труднее заставить рваться в бой тех, для кого «свои» офицеры и адмиралы — более чужие, чем противник, ну и, понятно, воспламенить души пилотов ненавистью к врагу так, чтобы приказ положить животы за свой дом, свою планету не казался им несправедливой чрезмерной повинностью.

Нельзя. Невозможно. Немыслимо.

Если историки не врут, спартиаты устрашали илотов криптией. А чем же еще? Рабы тоже хотят жить, пусть в вечном рабстве. «Свобода или смерть» — это для одиночек. Интересно, для кого годится лозунг «Смерть без свободы»?

Только не для нас. Эксмен управляем, но он не робот, штабные мыслительницы об этом позабыли. Стойких оловянных солдатиков из нас также не получится.

Вот то-то и оно.

Многие ли из нас останутся в живых после операции, чем бы она ни завершилась? Двадцать процентов личного состава эскадры? Десять, пять? Никого?.. Из первой волны — точно никого, я почти уверен в этом. Да и не только я, вот что тревожит.

И разговоры, разговоры то по темным углам, то почти в открытую... И совет старожилов базы в самом просторном кубрике, где все равно тесно от набившихся, как кильки в жестянку, командиров звеньев и просто опытных пилотов, имеющих сейчас право слушать и говорить, все равно, старожилы они или нет...

Еще полгода назад сгорел специальный автоматический зонд «Марина Мнишек», и сгорел не зря. Приблизившись к барьеру, зонд выстрелил прямо по курсу заряд мелкой дроби — целое облако шариков из керамики и пластмассы, чтобы у чужих не было соблазна принять его за обыкновенный метеорный рой. Удалось зафиксировать чужой корабль, вдруг появившийся как бы из ниоткуда. Было отмечено десятка полтора вспышек — и только. Основная часть шариков ушла за барьер беспрепятственно.

Сугубая избыточность целей — вот наш единственный шанс. Невозможно рубить мечом саранчу.

«Пулеметы?»

«Что пулеметы? Дело говори».

«Я и говорю: установить на капсулах пулеметы. Семьдесят два пулемета, по двести пятьдесят патронов в ленте... сколько это целей будет?..»

«О! Братцы-смертнички, а это мысль!»

«Ага. Хорошенькая мысль: издырявить друг друга еще на исходной. Как начнут молодые со страху палить куда ни попадя! Да я и сам, пожалуй, начну...»

«Нет, а если только первая волна...»

«Молчи, салага. Башкой прикинь: кто тебе хотя бы один патрон даст, не говоря уже о пулемете. Да и нет на базе никаких пулеметов, разве что автоматы у охранниц...»

«Совсем хорошо придумал. Ну иди попроси у какой-нибудь автомат, а мы посмеемся...»

«Заткнись. Веселый какой».

«Это ты мне, лопоухий?!»

«Тебе!»

«Тихо! А ну, увяли оба! Ишь... Ржевский, заткнись!»

«Эй, старички, сюда послушайте! Обычная осколочная боеголовка с направленным зарядом... хорошая стая может выйти...»

«Сколько раз можно говорить: нет их у нас, ну нет! На складе одни ядерные, хоть гузном их ешь...»

«Эй, а облако плазмы сойдет за ложную цель, нет?»

«Жди».

«Значит, только собой, так?..»

«Молодец, наконец-то понял. Только мы. Семьдесят две цели. По плану — в три эшелона. Ты, кстати, в каком?»

«Во втором».

«Везет некоторым. А я вот в первом...»

Никто не хочет умирать ни за что.

Я знаю: они завидуют мне черной завистью, шепчутся по углам. Пожалуй, только у меня одного есть цель, ради которой стоит шагнуть дьяволу в пасть, а им придется прикрывать мои бока. Собой.

Больше нечем.

Тридцать шесть капсул первой волны — мало. А если разом все семьдесят две — хватит ли? И что делать, если противник

по закону подлости первым плюнет в меня, пилота с особым статусом, оказавшегося в равном положении с остальными?

Ну, что делать мне — понятно: пшикнуть и разлететься по космосу гамма-квантами. Ни я, ни природа ничего лучшего придумать не в состоянии. А остальным?

Никто не знает.

А придется пробовать.

Вот смешно: всего два-три столетия назад женщин до этого дела не допустили бы ни при каких обстоятельствах. Их тогда вообще мало до чего допускали, даже самых продвинутых, особливо до управления чем-нибудь посложнее кухонной прислуги. Сражаться и управлять, мол, дело мужчин, а какого толкового управления можно ждать от женщин, если они — пардон, господа, — три дня в месяц сами не понимают, что делают? Ха-ха. Могло ли тому английскому лорду присниться в кошмарном сне, что его фраза войдет во все нынешние учебники истории как курьез и одновременно наглядный пример неизлечимой мужской ограниченности?

А сейчас женщины не допустят до боя сами себя; исходные посылки разные — результат тот же. Жить захочешь — так голая целесообразность всплывет неведомо откуда и утвердится столпом. Если есть шанс, он будет использован. В сущности, нет никакой разницы, кто находится наверху, лишь бы его курс был проведен последовательно и до конца. Три дня в месяц, ха!

— Заснул? — недовольно прерывает Марджори мои размышления.

— Еще чего! Свеж и бодр.

— Вижу. Валяешься и бездельничаешь. Возьми меня! Или нет... я сама.

— Ррры!

— Заткни рычало, надоело. Это там, в капсуле, ты свой собственный, а здесь ты мой, мой... пока еще мой... Вот так... не вырвешься. — Марджори ликует, и гори все огнем! — Попробуй теперь из-под меня телепортировать, а!

— Сейчас попробую, — шучу я, пытаясь загнать внутрь счастливую улыбку.

— Отставить, Тим Гаев! — с притворным возмущением восклицает Марджори.

За настоящими людьми числится маленькая слабость: они любят, когда последнее слово остается за ними.

Я не возражаю.

ГЛАВА 9

МОЛНИЯ

Огонек ночника — как желтый совиный глаз из темноты. Одноглазая сова. Бедняжка. Не заметила острого сучка, напоролась, вот и летай теперь одноглазой.

Не летает. Сидит.

И даже на сову он не похож, этот мой ночник, вделанный в стену на манер бра, а похож на тревожный сигнал, хоть и желтый.

Ночнику полагалось бы стоять на столике возле кровати или хотя бы на тумбочке.

Брр... Просыпаюсь, что ли?

Похоже.

Чуть слышно вибрируют стенки вентиляционного короба, из ниши под потолком струится прохладный безвкусный воздух — идет утренняя продувка жилых помещений, застоявшийся воздух с затхлыми миазмами кубриков уходит на регенерацию. Запаха у регенерированной струи нет напрочь, ибо на прошлой неделе одного полоумного, придумавшего нагадить в вентиляционную шахту (и как только ухитрился пристроиться?) ребята изволтузили сначала ровно настолько, чтобы тот был в состоянии вылизать за собой языком, а потом уже поучили хорошим манерам всерьез, хотя и не до смерти. Урок остальным. Если уж непременно хочешь свихнуться, поддавшись обстановке, и впрямь к здравым мыслям не располагающей, — дело твое, но сходи с ума тихо и другим не мешай. Шиза — дело личное, интимное, а кто думает иначе, тем вскоре займется костоправ.

Ума не приложу: как Марек Заглоба ухитрился не свихнуться тут за шесть лет? Хотя замечено, что он никогда не поднимается наверх, в башенке дежурного по базе его отроду не видели. Может, у него агорафобия?

Все равно я не продержусь столько времени. К счастью, и не понадобится...

Вот дурь: который день подряд просыпаюсь с мыслями о сумасшествии. Брр... Во-первых, мне еще рано. Во-вторых, просто не хочу. Имею право не хотеть, и сие право одобрено начальством. А хотеть — не одобрено.

Плевать шизе и на нехотение, и на одобрение. Равно как и наоборот, на хотение и неодобрение.

Или вот еще: повадились многие спать друг с дружкой, особенно старожилы. Как-то раньше этого не замечалось, а теперь сколько угодно. Сексатор же лучше! Используй его хоть соло, хоть хором — каждый дуди в свой инструмент. Чувствуй локоть товарища. Ан нет, им пресно, и не попеняешь без риска получить по морде — кто спит с комендантом, тот не указ, а неприятная диковина, вроде рогатого павиана. В кунсткамеру!

Шиза.

Мозгами не лечится. Слишком много в них всего намешано, а нужен один лишь здравый смысл. Поди его разыщи да выковырни. Фарш и то проще провернуть назад.

Сколько раз, глядя из окна лаборатории в Москве, я мечтал выпрыгнуть из него ласточкой и... нет, не полететь птицей, на это у меня и тогда не хватало ни смелости, ни воображения, а просто спланировать вниз и мягко приземлиться, не обязательно даже на ноги... а здравый смысл внезапно подкрадывался сзади и бухтел в ухо: стой, урод, вон дерево какое внизу, как раз проткнешь брюшину и развесишь по сучкам кишки, да, пожалуй, и глаза. А мимо пролетишь — и того не лучше, асфальт. Ты меня слушаешь, нет? В общем, дело твое, а я тебя предупредил...

От тесноты он, что ли, сбежал, мой здравый смысл? Сейчас бы я прыгнул.

И, конечно, испугавшись, сразу юркнул бы в Вязкий мир. Спасать требуху. Ливер важнее полета.

Тьфу. Трус. Мелкий трус. Не плюнуть даже, а молча сморщить нос и пройти мимо. Плевка ты не достоин.

М-м...

Так, проснулся. Сеанс самопобиения окончен досрочно, будем жить дальше, пока сможем... А сможем? Надо смочь.

Если истина и впрямь в вине, то счастье — воистину в отсутствии похмелья. Хотя вчера, если разобраться, мы с Микой и Джо приняли на грудь не так уж много, зато и пойло было выдающееся, богатейшая смесь спиртов и масел, благоуханная, что твой керосин. Клопов бы ею морить, клопы бы сдохли, точно. Жаль, на Ананке нет ни одного — проверить. А мы не дохнем, мы с утра как огурчики, такие же зелененькие...

Нет, это не с похмелья. Это просто утренняя тупость, к завтраку пройдет. Спросонья шиза, затем тупость, нормально. Правильная, проверенная последовательность состояний. Положа сердце на руку... то есть тьфу, ацтекский жрец какой-

то... положа руку на сердце, признаемся, что это в порядке вещей, пренебрежем и станем уверенно смотреть в будущее. По утренней тупости оно в самый раз.

Я еще жив.

Я жив...

Уже которое утро подряд я взбадриваю себя этой простенькой формулой самовнушения: я жив, я намерен жить и далее, мое главное дело впереди, я сокрррушу любого, кто помешает...

Тоже шиза, но полезная. От нее не так скоро сойдешь с ума.

— Я еще жив, — говорю я вслух.

Между койкой и потолком полтора метра, и от стены до стены — тоже полтора. Вот в длину моя каюта достигает трех метров с сантиметрами. Это немало, и клаустрофобией я пока не страдаю. А тумбочки у меня нет, как и столика. Нет и шкафов, я не Марджори. Много ли личных вещей у эксмена? Одежда на вешалке, часы в кармане, ботинки на полу. Бритва, бумажное полотенце и зубная щетка — на специальной полке, а жидкое мыло в общей туалетной комнате, на весь жилой сектор один флакон с дозатором.

Еще на стене — карандашная таблица с косыми крестиками, никак не дойдут руки ее стереть. Это я поначалу считал дни, начав отсчет с тысяча первого до гибели Земли — дня нашего договора с Иолантой. Потом бросил.

Надо вставать, не то в уборную успеет выстроиться очередь.

Хорошая у меня каюта. Не самая просторная из всех, но, по крайней мере, не общий кубрик с трехъярусными нарами, где поутру не продохнуть. Далеко не все командиры эскадрилий имеют личные апартаменты, а я имею, хотя всего-навсего командир звена, причем неполного: в нем по-прежнему только я да Джо Хартрайт. Позавчера в ответ на мое предложение Мбога, сверкая белками, полчаса оживленно болботал на невыразимой смеси интерлинга и котоко, а я понял только то, что он обещает подумать и дать ответ сегодня. Очень кстати.

Ибо сегодня прилетает Присцилла О'Нил. Ее знаменитый корвет «Магдалена» должен быть уже на подходе к Ананке. Вот почему мирный светляк ночника померещился мне спросонья тревожным сигналом! Ее превосходительству госпоже адмиралу очень не понравится, что главное по сути подразделение эскадры недоукомплектовано, и она, вставив Марджо-

ри здоровенного фитиля за бездеятельность, немедленно доукомплектует мое звено по своему разумению. Как будто мне все равно, кому выпадет прикрывать мой абордаж! Как будто я могу безоглядно положиться на каждого!

Но ей-то что за дело.

Значит, так. Оправиться, умыться и первым делом, еще до завтрака, найти Мбогу и вытрясти из него окончательный ответ.

Ну и иди.

Ну и пошел.

Вход в Вязкий мир — как обычно. Утренняя разминка. Тридцать три шага до уборной — это в нормальном мире, по коридору с двумя поворотами. Телепортацией можно спрямить путь до двадцати восьми шагов, но шаг в Вязком мире короче, так что придется отсчитать все полсотни, разумеется, если не отклоняться от вектора. Вообще-то я могу выписать в лиловом клейстере траекторию любой сложности и вынырнуть именно там, где хочу, — лишь бы хватило дыхания, а топография этой части базы мне хорошо известна, не заблужусь, — но время серьезных тренировок давно прошло. Разминка — другое дело. Вот сейчас я прохожу наискось сквозь стену гальюна и уже могу заранее начать расстегивать штаны, чтобы очутиться перед писсуаром в полной боевой готовности...

Так и делаю.

Хлопок воздуха пугает Илью Лучкина — бедняга даже отскакивает со своей шваброй, едва не теряя контакта с металлическим полом. Ах да, сегодня же четное число, его трудовые будни. А по нечетным гальюны драит Шпонька, и, кажется, завтра кончается его наказание.

Ничего не скажешь, пол чист, пахнет дезинфекцией, а жерла клоак исправно гудят, засасывая воздух на манер пылесоса, — иначе при здешней силе тяжести не оберешься проблем с санитарией. Надо бы для порядка указать Лучкину на какое-нибудь пятно, но придраться к чему-либо не так просто, выдраено на совесть. Неужели таки драил сам?

Похоже на то, хотя и странно. Кроме него, а теперь еще и меня, в уборной никого, хотя обычно в это время не протолкнешься.

— Работаешь? — задаю я на редкость оригинальный вопрос. Надо же что-то сказать, а после очевидного ответа добавить «ну-ну» для полного комплекта начальственной глупости.

— Отбываю наказание, — сдержанно отвечает Лучкин. В глаза мне он не смотрит.

— Ну-ну.

Судя по всему, педагогическая мера дивно подействовала. Может, изменить ему наказание с бессрочной чистки сортиров на долгосрочную? Секунду или две я размышляю на эту тему, потом до меня доходит главное: никакой долгосрочности, а тем более бессрочности, не будет, до контакта Ананке с барьером осталось чуть более трех суток. Потому-то и прилетает Присцилла О'Нил, госпожа главнокомандующая — личный, так сказать, осмотр позиции перед сражением и накручивание хвостов всем, кому ни попадя. Любопытно знать, останется ли она посмотреть издали, как будет развиваться «Эгида» и как мы будем гореть, — или заблаговременно смоется на Цереру?

Хм. Мне-то что за дело? Я не комендант базы и не вице-адмирал космофлота, чтобы трепыхаться перед прибытием начальства, на начальство мне вирусно начхать. Пусть Марджори трепыхается — она, кстати, это и делает, уже вторую ночь не требовала меня к себе...

Повернувшись к клоаке, я намереваюсь заняться тем главным, ради чего сюда пришел, наконец-то начиная мало-помалу соображать, что небывалая пустота в уборной сразу после общего подъема, а главное, образцово-показательный вид Лучкина — не просто так.

Я даже почти успеваю насторожиться.

Поздно.

Удар. Рукояткой швабры, наверное. В затылок.

Вспышка. Тьма.

Никогда не поворачивайся к хищнику спиной.

Никогда не считай безопасным того, кто хоть раз показал зубки. Если ты не один, никогда не расслабляйся. Считай опасным каждого, кто многократно не доказал обратное. Не верь, не бойся, не проси. Главное — не верь.

Я поверил.

Мне следовало раздавить гаденыша еще тогда, когда он кинулся на меня с отверткой. Ничего бы мне за это не было, тем более что не составило бы труда изобразить несчастный случай — не в меру горячий парень сам споткнулся, сам напоролся шеей на свой инструмент, списание в естественную убыль

по окончании краткого разбирательства, грозный приказ коменданта о всяческом соблюдении техники безопасности и недопущении подобного впредь... Нет, не захотел... Вернее, мне даже в голову такое не пришло — как будто гиену проще научить мирно жевать траву, нежели убить! Идеалист, гладиатор, образцово-показательный благородный боец из шоу Мамы Клавы...

Там мы действовали наоборот: добавляли публике в кровь адреналина, изображая свирепых человекоподобных зверей, напоказ убивали друг друга и обычно оставались живы. Часто даже здоровы. Искусственная ярость, фальшивые увечья, липовый хруст позвонков... Может, оттого-то мне и нравилось работать в «Смертельной схватке», что она нисколько не похожа на жизнь? В реальности все грубее и проще. Публика глупа: настоящий хищник — не тот, кто рычит и пугает, а тот, кто выбирает момент и бьет наверняка.

Цирковой медведь не теряет медвежьей силы. Он просто становится беспечен. И платит за это.

Сплю я опять, что ли? Мысли, как со сна...

Нет, не сплю.

В затылке — горячее и пульсирующее. Так же пульсируя, то сгущаясь чернильной каракатицей, то рассеиваясь почти совершенно, кривляется тьма перед глазами — но уходит мало-помалу, уходит... Я жив. Меня не добили. Я нужен?

Надо подумать об этом прямо сейчас — но не могу. Потом, потом...

Где я?

Уже не в гальюне, факт. Судя по трехэтажным нарам, в одном из кубриков. А затылок горит... Не хочу его трогать и не могу: руки связаны за спиной и прикручены к стойке нар. Наверное, проволокой — руки режет. А штаны у меня мокрые...

Вот почему меня приволокли в кубрик: в уборной не к чему надежно привязать, лишив возможности телепортировать.

— Не помер бы, — голос над головой.

— Что ему сделается... Во, гляди, шевелится!

Это я шевелюсь? Странно, не заметил... Ладно, поиграем пока по чужим правилам и разберемся, что за игра пошла. Пока ясно одно: ставки крупные.

Болит-то как, господи... Лучшая таблетка от головной боли — пуля в затылок. Слыхали, слыхали...

Удар сзади я Лучкину прощу — в конце концов, сам под-

ставился. Обмоченных штанов — не прощу никогда. Держись, парень. Зря ты не убил меня сразу.

Надо мной стоят двое. Одного я знаю: плотный коротыш, вравший, будто проспал весь перелет до Ананке, по имени... Саймон, кажется. Да, Саймон. Второй — незнакомый крупногабаритный негр, тоже, наверное, из последнего пополнения. Очень светлый негр, наверное, афроамериканец... Гм, а где же гаденыш? Неужели не соблазнился вволю поторжествовать над поверженным обидчиком?

Или я ничего не понимаю в эксменской породе, или у него сейчас дела. Важные дела, неотложные.

Ничего, придет, как только сможет. Примчится.

— Все в порядке? — едва ли не робко спрашивает Саймон, наклонясь ко мне. Участливый какой.

— Воды...

Оказывается, я могу говорить. Это уже немало. Не слишком скоро к моим губам подносят кружку.

— Нет. Побольше. Ведро. На голову.

Запросы... Саймон опорожняет кружку мне в лицо. Ладно и так.

— Жив?

Экий наблюдательный... Но что бы все это значило, кто мне объяснит?

Проходит, наверное, целая минута, пока шалые обрывки мыслей складываются в моей ушибленной черепушке в маломальски осмысленную конструкцию:

— Надеюсь, ребята, вы понимаете, что творите...

— Ты гля, он угрожает! — поигрывая заточкой, изумляется негр.

Хочу сделать протестующий жест рукой, но мешает проволока. Резкая и совершенно излишняя боль терзает запястье, зато голова сразу приходит в порядок. По-моему, нет даже сотрясения — не тошнит ни капельки. Или тошнота приходит потом?

Чего зря гадать. Подождем — увидим.

— Ничуть. Я сказал именно то, что сказал. Надеюсь, вы хорошо подумали, прежде чем лечь под Лучкина. Теперь вам самое время подумать, как вы будете оправдываться на суде старожилов. Мне это тоже интересно. Обязательно приду послушать. Нет-нет, я не угрожаю, упаси Первоматерь! Просто так оно и будет.

— Может, и словечко за нас замолвишь на этом твоем сраном суде? — ухмыляется негр.

— Может, и замолвлю, — делаю я вид, что не понял шуточки, — если развяжешь.

Негр ржет долго, с удовольствием. Коротыш Саймон тоже улыбается, но как-то не очень убедительно. Хорошо видно, что ему не по себе.

Еще бы. В открытый космос в облаке снежинок ты не летал? Без скафандра?

Тук-тук-тук-тук-тук... Нет, ребята, это не в голове у меня стучит. Это стреляют — где-то очень далеко, на другом конце базы, звук пальбы с трудом пробирается сюда, изрядно проплутав по коридорам, шахтам и вентиляционным коробам. Вот снова: тук-тук-тук. И все. Кто-то хладнокровно огрызается короткими очередями, не тратя зря патроны. А вот длинная очередь, и, по-моему, бьют в два ствола, но слышно хуже — надо думать, палят в жилом секторе настоящих людей, штаб Марджори в осаде.

Та-ак. Мятеж, значит? Хорошее вы, братцы-смертнички, выбрали время... Но каков Лучкин! Униженный при всех, сумел сохранить влияние на умы... если это можно назвать умами. Страх! Обыкновенный страх стада, влекомого на бойню, когда уже ничего нельзя изменить... но как хочется!

Для полной и безраздельной власти над этим стадом иного не надо: достаточно намекнуть там и сям, что пилоты-де в своих капсулах имеют шанс спастись, когда Ананке наскочит на барьер, зато персонал базы... скорее уж начальство постарается эвакуировать наиболее дефицитное оборудование, нежели несколько сот эксменов, не относящихся к особо ценному имуществу. И эти соображения имеют под собой почву. Эксменов на Земле миллиарды, сотни миллионов из них в принципе годны к работе в космосе, десятки миллионов имеют при этом хоть какое-то базовое образование, сотни тысяч спешно доучиваются, многие тысячи уже работают во Внеземелье...

А главное — с ними никто не заключал никаких договоров, ими, как пластырем, пытаются заткнуть дыру в тонущем судне, и никому не пришло в голову поинтересоваться, согласны ли они на роль пластыря.

Почему мы проворонили? Ведь любому дурачку было ясно с самого начала: несколько десятков высококлассных специалистов из персонала базы командование, может быть, и рас-

порядится эвакуировать, а остальным — гореть! И я хорош: успокаивал Марджори, что в Багдаде, мол, все спокойно...

Я забыл о главном, зато Лучкин ухватил сразу. Он слишком поздно прибыл на Ананке, у него просто не было времени стать незаменимым, достойным всяческого бережения стукачом и провокатором, и альтернативное решение нашлось сразу. Но интересно, как он намерен осуществить это тактически? По идее, любая из коммандос Марджори, свободно телепортируя по базе, способна шутя перестрелять сотню вооруженных чем попало эксменов...

— Присцилла уже здесь? — спрашиваю я.

— Кто?

— Ну главнокомандующая...

Саймон выдерживает короткую борьбу с собой: говорить — не говорить? Затем сообщает неохотно:

— На подходе. Часа полтора еще.

— Что же вы, — укоряю я, — рано начали? Прихлопнули бы уж всех разом...

Негр фыркает.

— Ага, — почему-то обижается Саймон. — С ней на «Магдалене» всегда десяток телохранительниц, да еще штабных баб не менее пяти. А телохранительницы у нее не чета комендантским...

— Откуда ты знаешь?

— Говорят. — Саймон пожимает плечами.

Да, я тоже не раз слыхал эти байки. Обсуждать начальство и его окружение — тема вечная, благодатная и неисчерпаемая. Очень может быть, что байки соответствуют действительности, но даже если это не так, если на «Магдалене» помимо экипажа корвета и госпожи главнокомандующей находится всего-навсего полдесятка офицеров штаба Присциллы О'Нил, вооруженных личным оружием, и никакой охраны (от кого ей охранять главнокомандующую вдали от барьера — от метеоритов?), то и тогда у инсургентов будут серьезнейшие проблемы. Или кто-то из них вдруг научился телепортировать?

Бред. Шизоидный.

Нет, мятежники сперва попытаются пленить или истребить людей Марджори и захватить их оружие, а уже потом... Надо думать, диспетчерские башни, вся внешняя связь и управление ракетными шахтами уже в их руках. В крайнем случае «Магдалену» сожгут на подходе — если до того времени не

успеют разделаться с людьми Марджори. Программа максимум, конечно, — захватить Присциллу...

Все равно непонятно, на что они рассчитывают. Я бы на такие шансы не ловил, но куда мне до Лучкина. У него на шансы нюх.

— Старожилов много с вами? — невинным тоном интересуюсь я.

— Много.

Ответ с запинкой. Саймону плохо удается вранье.

Внезапно гаснет свет, затем начинает мигать и гаснет окончательно, зато на стене тускло загорается забранный сеткой плафон аварийного освещения, и только потом слышится далекое «та-та-та-та»... Пуля дура, что ей порвать силовой кабель? Странно лишь, что повреждения возникли только сейчас, вон сколько кабелей протянуто под потолком, даже сквозь кубрик они проходят, а уж в штреках и вовсе паутина, на пальбу внутри помещений база никак не рассчитана...

Саймон, маясь, то присядет на нары, то вскочит. Нет, он нормальный эксмен и в глубине души счастлив, что ему поручено охранять меня, а не лезть под пули, — но и это ему маетно.

— Хочешь расскажу тебе одну историю? — предлагаю я.

— Пошел ты... — тоскливо роняет он.

— Нет, ты послушай. Давным-давно жил такой спартанский царь, Клеомен. Тебе простительно о нем не знать. Так вот, когда на Спарту напали сильнейшие числом враги, он освободил рабов... нужда заставила... освободил презренных илотов, согласных вступить в его войско и сражаться за Спарту. Таких набралось немало. И в решающей битве спартиаты и илоты сражались плечом к плечу...

Негр напоказ зевает, ослепительно сверкнув зубами, а коротышка Саймон слушает, не пытаясь перебить. Ему правда интересно.

— Если бы они одержали победу...

— Так они проиграли? — Саймону в один миг становится все ясно. Если уж пошло сослагательное наклонение...

— Погибло все войско. Им не повезло. Но... — я делаю многозначительную паузу, — илоты дрались, как подобает воинам, и погибли свободными. Можно поставить на кон все и проиграть. Можно не играть совсем и проиграть наверняка. Есть маленькая разница. Нюанс.

— Не понял, к чему это ты, — ухмыляется Саймон. — Это нас-то сделали свободными? Что-то не замечал.

Все верно. Он техник, а не пилот, ему неведомо чувство свободы в полете, хотя бы и учебном. Моя промашка.

— Но ты добровольно отправился на Ананке? — допытываюсь я, стараясь не обращать внимания на пылающий затылок.

— Еще чего придумал. — Саймон фыркает. — Вызвали кучу народу по списку, согнали в трюм...

— Ты знал, куда везут?

— Так... слухи были.

— Ты мог не подчиниться, — перебиваю я. — Никто бы тебя силком не потащил. Здесь нужны бойцы, а не стадо, это даже бабы понимают. Расстреляли бы в назидание остальным? Ой ли? Ты мог бы покалечить себя или симулировать аппендицит. Мог бы придумать еще сотню уверток. Лагеря испугался? Так ведь где и когда дать дуба — это только вопрос времени, а в нынешних обстоятельствах — не очень большого времени. Ананке полыхнет через три дня, Церера — через шесть недель, Земля — через восемь месяцев...

— Заткнись!

— Есть шанс сдохнуть в драке, успев накостылять противнику. Шанс, пусть очень малый, спасти всю Землю...

Забавно: он не понимает простых вещей. Он улыбается: ему забавно, что простых вещей не понимаю я. В его голосе искреннее недоумение:

— Чего ради стараться для баб?

— Ради самих себя! Ради шанса выжить и когда-нибудь все изменить!

Ухмылка Саймона становится шире:

— Ну, ты-то, как я слыхал, стараешься ради своей мамочки. Это, конечно, твое дело, но при чем тут мы?

Хлесткий удар, ничего не скажешь. И ниже пояса.

Я не сразу нахожу слова, а когда нахожу и зло цежу их сквозь зубы, ухмылка сползает с лица Саймона.

— При том, что надо уметь хоть немного думать! Головой! Пилоты-эксмены — когда это бывало? Власть пошла на крайние меры ради самосохранения — и ошиблась. Она уже не сумеет сохранить себя в прежнем виде, если нам удастся отбиться! А что предлагаешь ты, вы все? — Я повышаю голос, обращаясь и к негру. — Помереть самим, только бы перемерли бабы? Хороший выход для долдонов, но я против. Да поймите же вы,

кретины: мы только тем и отличаемся от скотов, что можем полезть в драку сами. Сами!

— В бойню! — взвизгивает Саймон.

— Быть может, она окажется просто дракой...

— Мы уже деремся, — возражает Саймон, но как-то не очень уверенно. — Здесь. С бабами.

— За жизнь — или за отсрочку?

— Врежь-ка ему разок, — советует Саймону негр. — За кретинов. Нет, дай я...

— Не надо, — останавливает Саймон. — Он же правда верит... А я вот что скажу: они настоящие люди, а мы так, эксмены. Но мы не скот. Кто хочет, тот пусть добровольно топает на убой, пожалуйста! Хоть с песнями. Только без нас!

Ничего у меня с ним не получится. Саймон не Мустафа Безухов, не Мика Йоукахайнен и не Джо Хартрайт. Трусоват и пассивен... в сущности, обыкновенный эксмен, наугад выдернутый из толпы. Кто я такой, чтобы многого от него хотеть? Пророк? Вождь? Не сподобился. У него другой вождь — тот, который приказал ему присматривать за мной.

— Вы и есть скот, — хриплю я. — Погубить все дело, чтобы попытаться выгадать лишних восемь месяцев прозябания? Ну, вперед... Не пожалеешь потом, когда придет твой черед гореть?

— Подвинься-ка! — Это негр Саймону.

Он усаживается подле меня на корточки, треплет по щеке и жирно, густо рокочет, будто перекатывает в горле и никак не может проглотить шарик масла:

— Расслабься, милый, расслабься... Расслабился?

Я не собираюсь отвечать, и тогда он с хряском бьет меня по зубам. Поза ему мешает, удар получается ерундовый, но мой пылающий затылок пробует на прочность стойку нар. Взрыв боли — и грузно, как бетонные блоки, выплывающие из черноты слова:

— Мы все слиняем отсюда! А баб мы бросим тут! Предварительно попользовавшись!

Негр жирно гогочет. Кажется, последняя мысль пришла ему в голову только что и привела его в восхищение.

— Значит, слиняете? — спрашиваю я, шевеля разбитыми губами. Черт, больно как... — Хорошая затея. Умная. Ну, во-первых, в «Незабудку» можно запихнуть максимум две сотни эксменов, а «Магдалена» — корвет, судно малое, от силы мест

на двадцать пять. Ну, грузовик еще, капсулы, шлюпки, мелочь всякая... Все не влезут. На перелет до Цереры на всех не хватит ни воздуха, ни пищи. Кто из вас хочет остаться здесь?

— Вот тебя и оставим, — регочет негр. — И еще тех ублюдков, которые не с нами.

Вот как. Стало быть, не все эксмены базы выбрали из двух глупостей наибольшую? Нет, я, в сущности, и не сомневался в этом, но приятно, черт возьми, получить подтверждение: не все мои коллеги — аморфная масса, гнилое стоячее болото, отозвавшееся на прыжок лягушки. Текут, текут по болоту ручейки, куда им хочется, и никакая лягушка не заставит их переменить русло...

— Значит, не меньше половины пилотов останется здесь. — Кажется, я улыбаюсь довольно-таки гаденькой улыбкой. — Часть боевых капсул вам придется бросить или сажать в них незнаек и неумеек, ни бельмеса не смыслящих ни в пилотаже, ни в навигации. Многим из вас так и так не хватит мест, но это ладно, дело ваше... Треть из вас до Цереры просто не долетит — это еще в лучшем случае. А вы подумали, как встретит вас Церера? Не кажется ли вам, что всех вас пожгут, как дрова, на дальних подступах? Там Третья эскадра, а она посильнее нашей — одних капсул до сотни, не считая больших кораблей...

Негр снова наотмашь бьет меня в зубы, на сей раз вполне чувствительно. Несколько секунд я шевелю разбитыми губами и озабоченно ворочаю языком во рту обломок зуба — затем отправляю его в плевке в лоснящуюся физиономию моего обидчика. Синхронный пинок ногой получается несильным — мышцы все-таки затекли, — но прицельным: негр воет и катается по полу, держась за причинное место. Вокруг него мокрой курицей скачет Саймон, не зная, что делать. Инструкций на этот счет он не получил.

Кряхтя и постанывая, негр медленно встает на четвереньки, затем, хватаясь за нары, ухитряется взгромоздиться на ноги. Сейчас мне придется худо: получил удовольствие — плати. Воспользуется заточкой или забьет так?

— Не трогать!

Оказывается, даже гаденыш может появиться вовремя.

— Он... — От рева дрожат нары. — Он мне...

— Что — тебе? — орет Лучкин, перекрывая рев негра, и вдруг наносит молниеносный удар ногой точно в то же место. От удара громоздкое тело взлетает к потолку, а рев превраща-

ется уже не в вой, а в жалобный скулеж. Не обращая на негра более никакого внимания, Лучкин завладевает кувыркающейся в воздухе заточкой. — Пшли. — Это он Саймону. — Отвязывай этого, да поосторожней, он прыткий...

Ох, как хочется ему еще покуражиться над недисциплинированным простодушным негром — может быть, даже сильнее, чем надо мною! — но минута не та, нет в жизни полного удовольствия, надо спешить. Нет, в самом деле, что за жизнь!..

* * *

Снег? Откуда?

Зрелище вполне сюрреалистическое: в широком прямом коридоре, ведущем в апартаменты Марджори, в коридоре длинном и столь широком, что здесь без особого труда проехал бы танк, бушует настоящая метель. Крупные и мелкие хлопья кружатся в суматошном вальсе возле вентиляционных отдушин, временами тот или иной вихрь вышвыривает из себя стайку хлопьев, и они, медленно кружась, начинают неохотно — страшно неохотно — дрейфовать к полу, но здесь их подхватывает снова, швыряет вверх, засасывает в одну отдушину, чтобы тут же выплюнуть из другой, и так без конца. Отпускает — подхватывает — швыряет... Круговорот. Любопытно знать, кто и как исхитрился замкнуть на себя малый фрагмент вентиляционной системы базы?

А ведь и вправду похоже на снег.

Тут не только изорванная в вермишель бумага да мелко нащипанный поролон из подушек и матрацев — в замкнутом цикле кружатся и пушинки вперемежку с мелкими перьями. Это у кого же была такая подушка? А остроумно придумано... Жилой сектор для настоящих людей, он же Бабельсберг, изолирован от основной части базы и на плане выглядит широким тупым аппендиксом, с трех сторон окруженным сплошной мерзлой скалой, с четвертой — этим коридором. Иначе, чем коридором, отсюда нет выхода даже через Вязкий мир, если только не пользоваться дыхательными аппаратами. Ловушка.

Последние события просматриваются достаточно ясно: первым делом мятежники вломились в Бабельсберг, застав врасплох дежурную девчушку-офицера — вон и труп. Затем одна часть инсургентов, пользуясь минутной растерянностью штаба, ринулась развивать успех, захватила часть помещений,

включая собственно штабную комнату, центральный пост управления базой и скафандровую, и в конце концов напоролась на огонь сориентировавшихся в обстановке коммандос — вон еще трупы валяются, уже эксменские; другая же часть, видимо, состоящая из опытных техников, постаралась блокировать штаб в каюте вице-адмирала, исключив всякую возможность телепортации тривиальным, но действенным методом заполнения пространства, — точно так же некогда мешали моим преследовательницам телепортировать в раздевалку Тамерлан, Молотилка и Динамит, вот только пух, перья и поролон куда эффективнее тряпья.

Особенно если зациклить и врубить на полную мощь вентиляцию.

Выныривая из Вязкого мира, мы легко раздвигаем собой молекулы газа, но уже пыльный воздух принимает нас с трудом, хотя в истории известны уникальные случаи телепортации даже в пустынном самуме — растолкать пыль или, скажем, капельки тумана удается не всем и не всегда. Более весомые предметы, заполняющие воздух в точке выныривания, были, есть и останутся для нас непреодолимой преградой.

Стоп. Я сказал «мы», «нас»? Занятно. Стало быть, я причисляю себя — страшно выговорить — к настоящим людям?

Хм. А разве не так? Во всяком случае, нас роднят умение телепортировать и клиническая беспечность. Точно помню: у той крепенькой девушки-коммандос, что позавчера пропустила меня к Марджори, а сейчас лежит мертвая, не болталось на груди никакого намордника дыхательного аппарата. Для кого и зачем доставать его из скафандровой? Разве пасомое эксменское стадо имеет оружие?

Еще как имеет. С десяток пружинных самострелов, уже успешно опробованных на дежурном офицере, выдранный из пальцев убитой автомат — это еще чепуха. С любовью выделанные, хорошо уравновешенные метательные заточки — тоже. За небольшой баррикадой, перегораживающей коридор поперек, тесно лежат десятка полтора эксменов, и один из них вооружен не чем иным, как самодельным огнеметом! На запальнике чадит язычок пламени, на стенах и потолке коридора жирные полосы копоти, воняет ракетным топливом, маслом, жженым пером и поролоном. Как минимум один выстрел уже был сделан, после чего в кубатуру была подброшена новая порция перьев и бумажной лапши взамен сгоревшей.

Что в Бабельсберге спланировано с толикой ума, так это данный коридор: проход в жилые покои офицеров и вице-адмирала расположен не в торце его, а сбоку. Трудно сдержать нападающих — но нельзя и выжечь защитников, не подставив себя под свинец. У милой компашки Лучкина нет средства, чтобы выкурить штабных. Осажденные не могут пробиться туда, где сумеют в полной мере обрести свободу телепортации, — осаждающие не могут покончить с осажденными.

Пат. Позиционный тупик, как под Верденом.

Только у огнеметчика на закопченном лице пляшет веселая ярость, у остальных — серая тоска. Эх, мама, мама, стерва далекая, неведомая, зачем родила меня эксменом? По ошибке? Сама, говоришь, не хотела? Зачем тогда не придушила сразу после рождения?

— Разойдись, разойдись...

О! Оживление. Меня ведут. Дорогу, смертнички! Па-а-асторонись! От души пиная ногой хлипкую баррикаду — часть металлического барахла остается на месте, зато немагнитные предметы взвиваются в воздух и, вращаясь в полете, четырежды рикошетирует то от пола, то от потолка какой-то несчастный дюралевый ящик, — я огребаю по шее. Поделом. Такого беспечного олуха сама Первоматерь Люси велела водить на поводке со скрученными за спиной руками и учить уму-разуму.

— Эй, комендант! — Лучкин предпочитает сам не орать, за него надрывается какой-то техник с прекрасными голосовыми данными. — Тут с нами этот твой... фаворит. — Вообще-то он называет меня другим словом, куда менее цензурным. — Хочешь поговорить?

Нет ответа.

— Вперед помалу, — шепотом командует Лучкин, держась сзади. — И не вздумай дергаться.

Лезвие заточки возле моего горла наглядно подкрепляет его слова. Все предельно ясно: мною будут прикрываться, как щитом, рассчитывая на то, что гнев командования, а возможно и — как знать? — личные чувства, заставят Марджори приказать не стрелять в ключевую фигуру операции «Эгида»... а если она и пожертвует мною, то, во всяком случае, ее колебания позволят выиграть несколько бесценных секунд.

Что же они, думают, будто автоматная очередь не пробьет тело насквозь?

Шаг сквозь теплую кружащуюся пургу. Еще шаг, еще...

Все происходит очень быстро. Одна из охранниц штаба выскакивает в коридор, автомат в ее руках трясется, изливая шквал пуль, что-то жгуче дергает меня за бок — цапнули раскаленные клещи, — за грохотом пальбы, визгом рикошетов, а главное, за болью я не слышу криков и не знаю, кто задет позади меня и помимо меня и кто убит, а кто нет, но сейчас же точно посередине груди охранницы, между двух округлых холмов живой плоти возникает грубое оперение тяжелой стальной стрелы, затем еще одно, в плече, двойной удар отбрасывает охранницу к стене, и наконец, справа от меня, с воем пожирая кислород, проносится жаркая струя огня. Ярчайший цветок расцветает в торце коридора, еще живое женское тело без крика бьется в этом цветке, словно бабочка в лепестках невиданной орхидеи, а Лучкин прилип к моей спине, выронив свою заточку, вцепившись в мою одежду, как клещ, цел, но напуган и наверняка в глубине души не уверен, стоит ли ему и дальше рисковать собой, подобно заурядным смертным...

У меня есть четверть секунды, и я с наслаждением бью его по голени магнитной подошвой — попал! — рывок — и в падении, в нырке проваливаюсь в Вязкий мир.

Лиловая тьма.

Встать. Вперед, в штаб, к Марджори под крыло? Нет смысла. Поворот на сто восемьдесят. Теперь вперед помалу и, не раздвигая мутный кисель руками — куда там! руки как были скручены за спиной, так и остались, — а с наклоном вперед, как водолаз в тяжелом глубоководном скафандре, ступающий по илистому дну, продавливать собой вязкую субстанцию, ничуть не более уступчивую, чем масло или глицерин... еще шаг... еще...

Какое счастье, что в Вязком мире всегда есть куда ступить ногой, — много бы я сейчас наплавал без рук! Еще шаг. Еще! Еще!!! Главное — не ошибиться направлением, не отклониться от линии невидимого коридора, прорубленного в скале, не уйти в промерзлую оливиновую толщу космического булыжника с фатальным именем Ананке...

Тупо стучит в висках, будто я в самом деле водолаз, идущий по дну. Нет, это я заглотнул перед нырком слишком мало воздуха, но теперь уж до норы не вынырнуть, надо пройти весь этот коридор, наполненный вальсирующими хлопьями... далековато... совсем не простая задача даже в более спокойных условиях, еще бы десяток шагов вперед по коридору — и я уже ни за что не решился бы на обратный путь в Вязком мире.

Абсолютный мировой рекорд без дыхательного аппарата, показанный на чемпионате мира по телепортации лет десять назад, — семьдесят один метр с сантиметрами. Объему легких рекордсменки позавидовал бы любой эксмен, включая профессиональных ныряльщиков. Мой личный рекорд значительно скромнее — сорок девять метров, и то после интенсивной, чуть не до обморока, вентиляции легких...

Вдохнуть бы. Хоть чуточку. Все-таки зацепило меня в бок — жжет, сволочь, и мнится, будто развороченные легкие теряют сквозь дыру запас кислорода. Бум-м! — в черепе. Бум-м!

Набат.

Куда теперь, вправо или влево? Ноги сами несут куда-то, тело пропихивается сквозь клейстер, но, по-бычьи бодая головой Вязкий мир, я вовсе не уверен, что держусь верного направления...

Пойдем прямо. Ошибся я или нет, все равно на зигзаги не хватит воздуха. Что там, в конце коридора, дайте вспомнить... Ага, перпендикулярно кольцевой туннель, и это прекрасно! Значит, незначительное уклонение вправо или влево грозит мне лишь небольшим продлением пути — главное не уклониться вверх или вниз...

Ничего себе «лишь»! Каждый шаг в Вязком мире — пытка. Что чувствовали те, кто задохнулся в ядовитом киселе, не сумев вынырнуть на свет?

Черные шары в лиловой мгле — реальные или они мне мерещатся?

Бум-м-м!!!

Шары расползаются, разрастаются, кривляясь, как мыльные пузыри на ветру, смыкаются, и вот уже ничего, кроме черноты, нет в этом мире...

Все. Сейчас вдохну. Прости меня, мама, я не могу больше. Прости, что я не смог...

«Сынок?»

«Да, мама».

«Сынок, потерпи еще чуть-чуть. Ради меня. Тим, милый, постарайся, ты же можешь...»

«Нет, мама. Ты ведь не хочешь, чтобы твой сын мучился, умирая от удушья, когда вокруг полным-полно циана? Я вдохну и, может быть, даже успею вдохнуть дважды. Это такое счастье — дышать...»

«Не смей!» — ножом по сердцу.

«Прости...»

«Нет! Иди ко мне, мой мальчик, иди сюда. Разве ты меня не видишь? Осталось пять шагов, всего только пять! Вот уже четыре... три... ты молодец, ты хорошо идешь...»

«Мама... Где ты, мама?..»

«Здесь. Сделай еще шаг, потом еще два, потом выныривай».

«Мне больно, мама. Ох, как больно!.. Сейчас я упаду и больше не встану».

«Ты упадешь и заплачешь, мой маленький. Дети всегда плачут, когда им больно. А я подниму тебя, поцелую, возьму твою боль, и все пройдет. Ведь верно? Ну, еще шаг...»

«Мама, я...»

«Пора! Выныривай!»

«Я... я не могу. Боец Тим Молния кончился, мама...»

«Выныривай! Дерись, боец! Ну пожалуйста, Тим, ты должен сделать это сам! Попытайся! Ну же!..»

«Нет...»

«Да! Ради меня, Тим! Да!»

Свет. Острая резь в легких. У меня получилось? Я дышу?! Воздухом! Где ты, мама? Ты была или нет?

Была. Конечно, ты была. Хотя бы для меня одного, а другим — не надо. Ты пришла вовремя.

По какой же траектории я продирался сквозь Вязкий мир, если сейчас нахожусь под потолком кольцевого туннеля и медленно падаю на пол, причем вниз головой? В трех шагах от меня с визгом распахивается герметичная дверь тамбура, и вместе с вихрем бумажек и перьев в туннель этаким балетным антраша выскакивает некто всклокоченный, глаза выпучены, рот раззявлен, взведенный самострел нашаривает цель и почти сразу находит.

Но теперь — просто.

Пока, ребята. До скорого. До более скорого, чем вам хотелось бы.

Сделав короткий вдох, я ухожу в Вязкий мир, чтобы появиться десятью шагами дальше по туннелю и, разумеется, вне линии прицела, — еще быстрый вдох — и еще прыжок, снова на десяток шагов, не более. Только резкие хлопки воздуха за мной — бах! бах! бах! Мой шлейф — ггрреескучий рраскат грррома.

Я ведь Молния.

ГЛАВА 10

НАСЛЕДНИК АНАСТАСИИ

Где-то воюют — но опять далеко, очень далеко отсюда, на том краю базы, на пороге слышимости. Изредка — та-та-та — бьют короткими очередями, но надо специально прислушиваться, чтобы уловить пальбу, совсем не страшную и какую-то ненастоящую. Прямо как в фильме, если отвернуться от экрана и приглушить звук. Занять себя чем-нибудь срочным, и нет пальбы, она на другой планете. Здесь, на винтовой лестнице под кабинкой дежурного по базе, тихо. Почти тихо.

Спокойная, деловая атмосфера. Эта часть базы глубоко в тылу инсургентов, им не о чем беспокоиться. Часовой — только один... был... внизу, возле лифта. Метнуть заточку он успел, что правда, то правда, но крикнуть — уже нет.

Половину пути от осажденного штаба Марджори до башни дежурного я проделал в Вязком мире, а на одном отрезке кольцевого туннеля, почему-то не обесточенном, сумел воспользоваться монорельсовой кабинкой, так что изрядно опередил погоню, если она вообще была. Скорее всего — нет. Теоретически я мог направиться в десяток мест: к капсулам, в арсенал, в штаб, в центральный пост наведения ракет и так далее. Оповестить мятежников — иное дело. Если еще действует внутренняя связь. Что ни говори, а каждый из взявшихся за заточки и огнеметы понимает, что мой побег чреват резким изменением обстановки, так что...

Вот именно поэтому Лучкин никого не оповестил и не оповестит, или я вообще ничего в жизни не понимаю.

Дотумкав до этого несложного умозаключения, я посмеялся от души, но все же перетер проволоку на руках не обо что попало, а о край дверцы движущейся монорельсовой кабинки; теория теорией, а промедлишь — останешься в дураках, причем мертвых.

— Вызываю Ананке. Вызываю Ананке. Говорит «Магдалена». Дежурный по базе, ответьте...

— «Магдалена», вас слышу. Слышу вас хорошо. База Ананке на приеме.

— Дежурный по базе. Дежурный по базе. Идем по радиомаяку. Расчетное время касания плюс четырнадцать минут. Подтвердите готовность к приему корвета.

Искаженный помехами голос, пробравшийся через дина-

мик из черной пустоты над башней дежурного — в иных обстоятельствах теплое контральто, — подчеркнуто сух и официален. Еще бы. Станет настоящий человек, тем более личная пилотесса ее превосходительства госпожи главнокомандующей, фамильярничать с каким-то эксменом!

— Говорит дежурный по базе. Говорит дежурный по базе. Готовность к приему корвета подтверждаю. Подтверждаю готовность.

Надо же. Ответ лжедежурного тоже неплох: если специально не вслушиваться, ни за что не уловишь и тени нервозности. Прямо какой-то образцово-показательный дежурный, удачно настроенный робот, а не эксмен, который час тупо пялящийся из иллюминаторов башенки на опостылевшую котловину с куполами, большой антенной и посадочными площадками да на опостылевший полосатый диск над гребенчатой, как спина крокодила, полосой скал.

Крепкие у кого-то нервы. Пощупать бы пульс у тех, кто сейчас сидит в башенке, — наверняка зашкаливает за сто двадцать.

Щелчки, шорох помех. Магнитосфера Юпитера сегодня неспокойна. Пауза — и снова официальный голос:

— Дежурный по базе Ананке, назовитесь!

Интересно... Неужто обладательница контральто заподозрила неладное?

— Дежурный по базе старший техник Хеверстроу. Повторяю: дежурный по базе старший техник Хеверстроу.

Это у него получилось хуже. Чуть-чуть торопливо, чуть-чуть нервно. Что же ты дергаешься, старший техник Хеверстроу? Не умеешь безоглядно идти до конца — сворачивай в начале.

— Дежурный, соедините-ка меня с комендантом.

Пауза. Ох, какая тихая паника царит сейчас в башенке над моей головой! Какой нервный пот выжимается изо всех пор! Кто-то там, наверху, переглядывается, нервно облизывается, сотрясается в мгновенном ознобе... Конечно, он там не один в тесной кабине дежурного на самой верхотуре вертикальной шахты, в сорока метрах над жилыми горизонтами, в десяти метрах выше верхнего служебного штрека, — их минимум двое.

— Дежурный по базе!!!

— Дежурный по базе слушает. Прошу повторить последнее сообщение. Сильные помехи. Прошу повторить последнее сообщение.

Попался, голубчик. Тянет время.

— Дежурный по базе Ананке! Немедленно соедините меня с комендантом базы! Повторяю...

Сейчас они придумают что-нибудь.

— ...дантом базы!

— «Магдалена», слышу вас. Обеспечить немедленную связь с комендантом базы не могу вследствие неисправности систем внутренней связи. Последствия аварии будут устранены в течение часа. Посылаю за комендантом нарочного. Посылаю нарочного. Повторяю...

— Ананке, слышу вас. Доложите причину и характер повреждений.

— «Магдалена», не слышу вас, сильные помехи. «Магдалена», не слышу вас...

— Ананке...

— «Магдалена», не слышу вас. Остаюсь на связи. Повторяю: не слышу вас...

Чего они надеются достичь столь пошлым приемом? Разве что встревожат экипаж корвета, и командир адмиральского судна, разумеется, доложит ее превосходительству о нештатной ситуации на базе — подозрительной ситуации! Не могу себе представить, как поступит Присцилла О'Нил: пренебрежет, приказав продолжать сближение и посадку по радиомаяку, — или, наоборот, предпочтет остаться на орбите, а то и от греха подальше уведет «Магдалену» в тень Ананке, в мертвую зону для наших ракет?..

Не хочу гадать и не стану.

Мой выход.

Я не телепортирую — много чести! — я попросту врываюсь в кабинку, удар дверью отшвыривает одного... о! тут их трое!.. Удар. Заячий вскрик. Захват. Мерзкий хруст шейных позвонков, и впрямь очень похожий на Тамерланову жульническую имитацию — но натуральный. Резкое зловоние чьего-то непроизвольно опорожнившегося кишечника. Еще удар — сомкнутыми пальцами в ямочку под кадыком. Второй труп.

Третий — тот, которого я ушиб дверью — сидит в уголочке и, кажется, намерен там остаться, побелел весь и челюсть отвалил, но продолжает с любовью ощупывать кочан головы. Эксмен, внимательный к своему здоровью. Ба, старый знакомый! Повезло тебе, парень, что сразу улетел в угол...

— И ты решил поиграть в эти игры? — сердито бросаю я

Федору Шпоньке, технику по системам связи. — Чужая ведь игра, в такие игры играть уметь надо.

Шпонька силится что-то сказать, но только сипит, как испорченный ниппель. Кажется, мне удалось произвести на него впечатление.

Нет, так толку от него не добьешься. Шагая через тела — и тесно же здесь, телепортировать сюда и не получилось бы! — я сгребаю его за шкирку и ставлю на ноги. В левом боку вновь начинает ворочаться раскаленное железо — потревожил, черт...

— Где Мика? — свирепо рычу я в ухо Шпоньке, тут же вспоминая, что безвинный страдалец Мика Йоукахайнен давно отбыл свое наказание и быть в этой башенке никак не мог. — Где дежурный по базе?

На Шпоньку жалко смотреть.

— Я не убивал его! — отчаянным слезливым дискантом верещит он, заранее заслоняясь руками. — Его вообще никто не хотел убивать, хотели только запереть в кубрике, честное слово, а он рыпнулся...

Понятно.

— Кто его убил? Вот эти?

— Нет, — трясет головой Шпонька. — Эти нет... Другие... Он в лифтовой шахте, а они все там, возле реактора... хотят выкурить... тех...

— Кого? — ору я и вот-вот, кажется, заору нечленораздельно от боли в боку. Благим матом. — Кого выкурить? Пилотов? Старожилов? Из реакторного зала?

— В общем-то да... Только не все они там... кого-то перехватили. Некоторых заперли, а некоторых... того. А двух пилотов я сам видел, они с нами... то есть, я хотел сказать, что...

— С нами? С вами?!

— С ними, — находится Шпонька.

— А ты не с ними, что ли?

— Я — нет... Я не знаю. Ничего я теперь не знаю...

— Зато я знаю, — аспидом шиплю я, терпя боль, и нехорошие темно-лиловые медузы назойливо пляшут у меня в глазах. — Мало тебе тогда Лучкин морду начистил, если ты еще не понял! Вам, дуракам, нужна Присцилла О'Нил ради торга, а ему, умному, нужна только «Магдалена» и один пилот, потому что сам он всего-навсего техник. Шваркнет с орбиты по базе — и поминай как звали. Трех ракет вполне достаточно, даже двух, если ударить по этой котловине и по шахтам на той

стороне. Взлететь он не даст никому. Потом дотянет до Цереры, вышвырнет в космос пилота и возопит дурным воем: ловите корвет ее превосходительства, а заодно и единственного верного эксмена, чудом спасшегося во время кровавого бунта, учиненного невыявленными радикалами из подполья!.. Ну, что молчишь? Неправда? А ну говори: неправда?

— Правда, но...

— Что «но»?

— Возможны другие варианты.

— С одним общим итогом: Лучкин переживет всех вас. Сдохнет в конце концов, это неизбежно, но сдохнет последним! Будет цепляться за жизнь, платя жизнями других. Нет?

— Да, — всхлипывает Шпонька.

— Так какого же рожна ты с ними, а не с нами? — ору я. — Мозгов лишился? Ты сам с ним дрался, с этой мразью, с подонком! Забыл уже? А? Или поверил в сладкую сказку? Ну? Отвечай!

— Да...

— Дурачок! Наивный дурачок. Дитя малое. Что, тоскливо стало? Очень жить захотелось?

Не могу я его больше держать — бок мешает. Пылает и, кажется, опять кровит.

Шпонька всхлипывает, уткнув лицо в ладони. Хороший, кажется, парень, но аморфный. Я его потом пожалею, дурака.

— А ну, брось ныть! Нашел время! — Я задираю рубаху. — Глянь-ка, что у меня тут... Эй, тебе говорю, плакса. Сам взбодришься или взбодрить?

Это действует. Утерев сопли и, по-моему, даже устыдившись немного, Шпонька принимается за дело. Тампон из скомканного пипифакса, крест-накрест приклеенный к телу липкой лентой — все, что я успел найти во время беготни с одного края базы на другой, — насквозь промок и перестал служить надежной заплатой. Пропускает.

Мне хочется изрыгать черные слова, но я лишь скриплю зубами, пока новоявленный эскулап суетливо отклеивает мою заплату, а отклеив и убоявшись, пытается приладить ее на место.

— Тебе к фельдшеру надо, — изрекает он наконец.

Глубокая мысль.

— Угу, — мрачно соглашаюсь я. — В процедурный каби-

нет. Вот что, помоги снять рубашку. Бери ее и режь на бинты, перевяжешь... Заточку возьми вон у этого!

Нет, я не боюсь его с заточкой. Он свой, он лишь поплыл по течению... сколько я видел таких плывущих! А ты греби, парень! И соображай, когда надо грести в команде, а когда одному, против течения и общих усилий, а если уж гребешь в команде, то выбирай себе команду сам...

Черт знает что, а не повязка. Но пока держит, и на том спасибо. Глотнуть бы чего-нибудь... хоть водки, хоть спирта, хоть подпольной сивухи из синтетической каши.

Стоп. А «Магдалена»-то молчит!

— Как связаться с кораблем?

Шпонька указывает на одну из панелей. Так и есть, одно из падающих тел впечаталось прямо в нее. Панель цела, но связи нет.

— Вон тот сенсор... Третий справа.

Жму что есть сил, будто это не сенсор, а тугая кнопка, а сам верчу головой, высматривая в черном ничто инородное тело... сверху нет, прямо нет, слева нет... вот оно!

Искорка над восточными скалами. Корвет. Приближается, растет на глазах. Значит, все-таки будет садиться?

Видимо, да. И как только сядет, опалив площадку, как только от купола приемной шахты потянется и прирастет к шлюзу корвета широченный гофрированный хобот пассажиропропускника, как только засвистит воздух и распахнется шлюз, в тех, кто вздумает выйти, дружно ударят пружинные самострелы, а то и самодельные огнеметы. У мятежников неплохие шансы. Внезапность нападения сделает свое дело, экипаж корвета и пассажиров просто сомнут числом, и тут уж телепортируй не телепортируй внутри отсеков «Магдалены» — все одно не поможет. Можно, конечно, попытаться наобум проникнуть из корабля в подземные туннели базы через Вязкий мир, но тот, вернее, та, кто не знает базы, найдет дорогу только случайно, а скорее всего, без дыхательного аппарата не успеет найти вовсе...

И тогда жуткий список тех, кто не смог выйти из Вязкого мира, пополнится еще несколькими именами.

Давай же, шепчу я, и тут голос пилотессы — в сущности нудный, хотя и немного встревоженный, заставляет меня дернуться. К счастью, магнитные подошвы держат крепко.

— ...журный по базе Ананке, ответьте! Дежурный по базе

Ананке, ответьте! Доложите, что у вас там происходит! Немедленно доложите, что у вас...

— Временно замещающий дежурного по базе слушает, — рявкаю я в микрофон.

— База, какой замещающий? Назовитесь!

— Пилот Тимофей Гаев, командир звена. Прекратите снижение. Повторяю: немедленно прекратите снижение. Переключите связь на главнокомандующую. Крайне важно. Поняли меня?

— Ее превосходительство отдыхает...

— Так разбудите ее или дайте мне какого ни на есть заместителя! — ору я.

Несколько секунд слышны только помехи — Юпитер сегодня в ударе. А искорка в небе растет, растет... Затем динамик осведомляется уже другим голосом:

— Ананке, что там у вас?

Или мне мерещится, или этот голос мне знаком.

— «Магдалена», на связи Тимофей Гаев. С кем я говорю?

Не очень-то вежливо, на Земле за такое просто бьют по морде, но рассусоливать некогда.

— Заместитель главнокомандующей по вопросам безопасности генерал-поручик Сивоконь, — следует сдержанный ответ. — В чем дело, Тим?

Вот как. Она уже в генеральском звании, а впрочем, что в этом удивительного? Время идет, люди растут. Когда милитаристские структуры размножаются ускоренным делением, как плесневый грибок на агар-агаре, острую нехватку командного состава восполняют из того, что есть под рукой.

Секунда на размышление, затем я говорю в микрофон:

— У нас небольшие неприятности. Не садитесь. Повторяю, не садитесь. Зависните метрах в пятидесяти-ста над поверхностью котловины — тут у нас мертвая зона — и сбивайте все, что появится над скалами. Капсула ли, ракета ли — сбивайте! Топлива, чтобы повисеть с полчаса, у вас хватит?

— Хватит.

Снисходительный ответ на дурацкий вопрос. При здешней силе тяжести корвет может висеть над поверхностью хоть до второго пришествия Первоматери Люси.

— Сможете взять на себя управление лазерными платформами?

— Думаю, да.

— Сделайте это немедленно. Повторяю: все, что в ближайшие полчаса оторвется от поверхности Ананке, должно быть немедленно сожжено. Между прочим, это в интересах вашей безопасности. Слышите меня?

— Слышу хорошо, Тим. Слышу хорошо. Поняла. Докладывай.

— Уже доложил, — бурчу я в микрофон. — Конец связи.

— Беспорядки? — Иоланта всерьез озабочена. — Нужна помощь?

— Просто маленькое недоразумение. Помощи не надо, справимся сами. Повторяю: помощи не надо, ситуация под контролем. Как поняли?

Так я и позволил охране Присциллы ворваться на базу! Конечно, засидевшиеся без дела коммандос подавят бунт в считаные минуты и притом с большим удовольствием, оставив позади себя россыпи стреляных гильз и горы трупов... Вот как раз трупов-то нам и не хватало! Обойдемся. И операция «Эгида» — состоится.

— Где вице-адмирал Венцель? — беспокоится Иоланта.

— Полагаю, она жива. На всякий случай: в ближайшие полчаса не выполняйте ничьих указаний, кроме моих или вице-адмирала. Ни в коем случае не садитесь! Как поняли?

— Тимофей Гаев! — В голосе Иоланты звучит металл. Не звонкая колокольная медь, нет. Гулкий чугун. — Напоминаю тебе о нашей договоренности. Или ты абсолютно лоялен, или твоя мать...

А вот этого ей говорить не следовало.

— Попробуйте что-нибудь сделать с моей матерью! — взрываюсь я. — Тогда уж лучше сожгите базу, и вся недолга!

— Спокойно, Тим... — Иоланта медлит и наконец решается: — Ладно, верю. Делай, как знаешь. Но если...

Ох, уж это мне многозначительное «если»! Одного его хватит, чтобы окончательно осатанеть.

Спокойно, Тим... Сосчитай до десяти.

— Дайте мне полчаса и забудьте про «если», — рычу я. — Только полчаса. Как поняли?

— Поняла, Тим.

— Конец связи.

Давно бы так. Теперь... что теперь? Ага, врубить связь оповещения, все эти усилители и динамики в каждом помещении базы, включая гальюны, склады и дрожжевые плантации. Ко-

торый тут сенсор?.. Этот? Ох, давно я не дежурил по базе, так давно, что подводит мышечная память, приходится читать надписи. Позор!

— Всему персоналу базы! — произношу я в микрофон, стараясь говорить уверенно и веско. — Всему персоналу базы, а мятежникам в особенности, внимание! Говорит Тим Гаев. Штаб главнокомандующей осведомлен о случившемся. Любое судно, оторвавшееся от поверхности Ананке, будет уничтожено. Шансов у вас нет. Сложившим оружие в течение двадцати минут обещаю прощение от имени командования — всем, кроме Лучкина. Отсчет времени пошел. Повторяю...

Что ни говори, а Анастасия Шмалько была дилетанткой. Хоть и действовала шире, насмерть уделав бунтовщиков в мировом масштабе. Зачем выпускать из недругов цистерну крови, когда можно удовлетвориться канистрой? Мести ради? Чтобы помнили урок, мрази ничтожные?

Глупо все это. Когда впереди неизведанная, но, вероятно, спокойная бесконечность, подобные методы, возможно, и действуют, а когда большинству осталось жить двое суток с половиной — не очень. Ожидание неизбежного финала вообще странное состояние: то дрожит эксмен и ни к чему не пригоден, то, наоборот, плевать ему отравленной слюной на себя и других, гори все ясным пламенем, пропадай, жизнь постылая, так твою Первоматерь Люси распротак! Как хождение по струне — дернешь ее в сторону, и привет, после секундного балансирования неизбежно падение туловища то ли направо, то ли налево, настроение всех и каждого меняется на противоположное рывком, что твой триггер.

Вот я и дергаю за струну.

— Они не слышат, — голосом мученика объявляет Шпонька.

— Почему?!

Жест рукой — и все понятно. Смятая боковая панель центрального пульта, лопнувшие платы. Как еще дым не валит...

— Дежурный, — горько поясняет Шпонька. — Он дрался.

Так. Похоже, моя вторая идефикс — перекрыть коридоры герметичными задвижками, сымитировав частичную разгерметизацию базы, и тем самым разъединить мятежников — тоже провалилась. С одной стороны, оно и к лучшему — разрежет еще напополам какого-нибудь дурака, эти задвижки прямотаки выстреливаются на пиропатронах, — но только с одной стороны...

Можно бы порадоваться тому, что мне удалось связаться хотя бы с «Магдаленой», но радоваться отчего-то не хочется.

А время идет...

Время идет, и я не знаю, что делать. Хотя... нет, кажется, знаю!

— Связи с отсеками тоже нет?

— С реакторным залом — должна быть. — Шпонька на лету ухватывает мысль и даже слегка воодушевлен. Быстро же он поменял приоритеты...

Все правильно. С остальными будет то же самое. Во всяком случае, с большинством.

— Оттуда можно включиться в общую связь?

— Да.

— Действуй! — командую я, молясь Первоматери и всем запрещенным богам, чтобы они сотворили маленькое чудо в нашем бедламе: оставили целым нужный мне кабель.

— Есть, — докладывает Шпонька.

Образец послушания.

— Это Тим Гаев. Всем, кто меня слышит... отзовитесь...

Молчание.

— Всем, кто слышит...

— Тим!.. — Голос чудовищно искажен, болботанье, а не речь. Тьфу, да это же Мбога! А я думал — помехи.

— Дай-ка мне Мику или еще кого-нибудь...

Я успокаиваюсь, и ничего странного в этом нет. Там свои, я слышу их голоса. Я не один.

— Тим?

— Привет, Мика. Как вы там?

— Неплохо, — хмыкает Мика в ответ. — Генераторная пока тоже наша. Мы тут, понимаешь, обесточили шахты, так что «Незабудка», может, и взлетит, а капсулы — вряд ли... А у нас прямо курорт, жарковато даже. Ты там случайно не мерзнешь?

— А что?

— Только то, что мы отключили внешний контур охлаждения. Разгоняем понемногу реактор, ну и заодно охлаждаем этих... у кого чересчур горячие головы. Тебе там слышно, как ломают дверь?

Смешок. Еще бы. Двойную бронированную дверь в реакторный зал не сразу возьмет и плазменный резак.

— Взлетим же!

— Вот именно, — с ехидцей подтверждает Мика. — Минут

через сорок-пятьдесят, я думаю, всем станет жарко. Если эти слабоумные вдруг не поумнеют.

— Иду к вам! — кричу я в микрофон.

— Хм. А зачем ты нам нужен?

— Сделаю от вас заявление. Есть новости. Мог бы и ты сделать, но нужен мой голос.

— Думаешь, поможет? — сомневается Мика.

— Уверен. Ждите. — Шлепком ладони я отрубаю связь.

— А мне что делать? — мнется Шпонька.

Хороший вопрос.

— Сам придумай, — отвечаю я. — Лучше всего попытайся сегодня уцелеть. Ты мне еще понадобишься, а я добро помню, так что понадобишься мне ты, а не кто-то другой... Понял? Ну и катись.

И сам же первый выкатываюсь из башенки дежурного, потеряв к Шпоньке всякий интерес.

Нет, в верхних горизонтах базы никакого особого холода пока не ощущается, вот ниже... ниже да. Изо рта валит пар, и кое-где стены прямо на глазах покрываются кристалликами инея. Через полчаса он нарастет коркой в палец толщиной и будет свисать с потолка рыхлыми хлопьями, через сутки исчезнет температурный градиент между помещениями базы и холодной глыбиной Ананке... каких-нибудь минус сто пятьдесят по Цельсию, чепуха!

Но гораздо раньше рванет главный реактор, обратив в плазму базу с верными и неверными, чистыми и нечистыми, со штабом Четвертой эскадры, также, вероятно, со штурмовой группой, десантировавшейся с «Магдалены», да и с самой «Магдаленой» в придачу. Так рванет, что, пожалуй, Ананке изменит орбиту, а чужим кораблям за барьером не останется работы... Как сказал один самоубийца, зачем предоставлять другим делать то, что можешь сделать сам?

Кольцевой туннель с монорельсом? Нет, это далеко, и не факт, что там уже не обесточено. Значит, напрямик...

Вы когда-нибудь пробовали бежать при почти нулевой силе тяжести на магнитных подошвах? И не пробуйте — лучше сразу уйдите в Вязкий мир.

Бах! Бах! Бабах! Хлопок при нырке сливается с хлопком при выныривании. Я проношусь ракетой по бесконечным пустым коридорам и по коридорам не пустым, мимо куда-то спешащих эксменов, знакомых и незнакомых, успевающих

сообразить, кто это только что промчался мимо них, но не успевающих ничего сделать...

В безлюдных местах можно отдышаться. И — снова вперед. Сколько осталось — двадцать минут? пятнадцать? Когда истекут обещанные полчаса, Иоланта выбросит десант на базу, я ее знаю.

Предупреждающие трехлепестковые знаки при входе в реакторный зал. Здесь очень людно, суета и гвалт. Бум-м-м! — кувалдой в стальную дверь. Воняет ацетиленом и копотью. Сразу несколько рук вцепляются в меня раньше, чем я успеваю уйти в Вязкий мир для последнего нырка.

Зря.

Рукопашный бой в условиях крайне малой силы тяжести, почти в невесомости, серьезно отличается от боя на ринге у Мамы Клавы. Это непростое занятие, слабо мною освоенное за отсутствием специальных тренировок. Тем не менее целых три полновесных удара успевают достичь цели, прежде чем я взмываю к потолку на манер воздушного шарика, пребольно стукнувшись маковкой обо что-то угловатое и совершенно, на мой взгляд, здесь излишнее. Черти бы побрали эти наспех спроектированные и наспех построенные базы, постоянно требующие каких-то доделок и переделок, этот перманентный строительный бардак, эти запутанные инженерные коммуникации, несуразные коробки и ящики, прикрученные криво и где попало, эти трубы и шланги под потолком...

Шипя от боли, успев вдохнуть лишь малую толику воздуха, я ныряю вновь.

* * *

Присцилла О'Нил оказалась сухонькой пожилой женщиной с седыми волосами, собранными в пучок, с невозмутимым видом, острым взглядом и привычкой говорить мало, но так, что ни убавить, ни прибавить. После двух минут общения с нею у меня создалось впечатление, что она относится к своим словам, как к алмазному резцу, если сравнение с ножницами покажется недостаточным, — сначала, мол, семь раз отмерь. По сравнению с ней Иоланта Сивоконь выглядела вульгарной балаболкой, причем балаболкой разгневанной.

Общий итог бунта стал ясен менее чем через час, после того как старожилы позапирали инсургентов по кубрикам: по первым подсчетам, убито шестнадцать экменов и двое людей, один человек ранен, а что до раненых экменов, то число

тяжелых случаев достигает двадцати, словом, активный персонал базы уменьшился на сорок единиц, в том числе шесть пилотов. Легкораненых же во много раз больше, фактически пострадал каждый четвертый — кто в перестрелке со штабом Марджори, кто в лютой поножовщине со старожилами, по счастью, сумевшими быстро сориентироваться в обстановке. Черта лысого они успели бы сгруппироваться для отпора, не будь мысли Лучкина и его подручных заняты в первую очередь штабом Марджори и единственным телепортирующим эксменом!

Они успели. И успел я — объявить на всю базу ультиматум мятежникам, дождаться первых результатов (долго ждать не пришлось, к тому времени основной угар мятежа успел подразвеяться, и головы слегка посвежели) и, вернувшись в башенку дежурного, связаться с теряющей терпение Иолантой. Сам принял у тех, кто дежурил возле тамбура пассажиропропускника, ножи, самострелы, огнемет и даже самодельную гранату — и в благодарность едва не был застрелен изготовившимися к бою коммандос ее превосходительства главнокомандующей!

А кто сказал, что люди умеют ценить добро?

Я? Нет, я не говорил.

Один из пилотов-мятежников, Адам Розенкранц, все-таки ухитрился взлететь — надо же, тихоня, никогда бы не подумал — и прямо над базой сгорел вместе со своей капсулой в лазерном луче, наведенном с орбитальной платформы. Постройки базы не пострадали. Это я еще успел воспринять и запомнить. А потом на меня накатил какой-то туман, густой и липкий, как лиловая мгла в Вязком мире, он тек клочьями, и когда я попадал в такой клочок, сознание отказывалось воспринимать реальность и наполнять ею память... вот я лежу носом в пол с руками на затылке... всех положили и еще пальнули поверх голов для острастки... вот я уже один, совсем в другом месте, куда-то спешу, и мне очень надо то ли кого-то спасти, то ли наоборот... вот Мика и Джо приводят меня в чувство шлепками по щекам, а меня корчит от хохота: я как раз прикинул свои шансы выйти из последнего нырка непосредственно в реакторе... были шансы, были.

Каким образом в моих руках оказался автомат — загадка из загадок. Но оказался, и без всякого перерыва. Забыв о Вязком мире, я гнался за кем-то по кольцевому туннелю, на бегу пытаясь поймать в прицел неясный темный силуэт, все время ус-

кользавший за поворот, поймал-таки и, припав на колено, дал очередь, сразу оборвавшуюся — в магазине оставалось всего два патрона. «Убил?» — тяжело дыша и сглатывая слюну, спросил догнавший меня Марек Заглоба. «Кажется, да. Пойдем глянем». Мы обследовали туннель метров на сто, но тела не обнаружили. Кое-где искрили в темноте поврежденные кабели. На полу — лапки кверху — валялась простреленная насквозь крыса. «Ушел, — констатировал Марек. — Когда стрелять научишься?» — «Завтра, — буркнул я в ответ. — Я пилот, а не перфоратор мишеней». — «А почему не телепортировал?» — «Забыл». Тут из-за моего плеча высунулся и задышал мне в ухо Джо Хартрайт. «Крыска, — удивленно сказал он. — Земная. Это как, а? Это ее током?» — «Это ее пулей, — ответил Заглоба. — Некоторым попасть в крысу легче, чем в мятежника. Пшли отсюда».

В промежутках — пусто. Как корова языком. Да, кажется, я искал Лучкина, а нашел ли? Все время что-то мешало...

— Ты ранен? — голос Марджори.

— Ерунда, зарастет. Но кое-кому из наших повезло меньше. Вот что... они мне нужны, Мардж. Для дела. — Краем глаза я вижу, как, уловив это донельзя фамильярное «Мардж», замирают все присутствующие старожилы, боясь пропустить хоть слово, а из бокового отнорка на всю нашу компанию неожиданно выносит Присциллу О'Нил и Иоланту Сивоконь, окруженных кольцом напряженных коммандос. Наплевать. — Пусть тех, кого нельзя подлатать за эти дни, эвакуируют сегодня же, а остальными пусть займется твой врач... да, твой. Наши фельдшеры помогут. Надеюсь, она профессиональна... диплококков с диплодоками не путает?

— Не путает даже эмбрионов с вибрионами, — натянуто шутит Марджори, косясь на Присциллу. — Хорошо, я распоряжусь.

Словом, могло быть хуже, и трупов могло быть больше. Хотя и я, и Иоланта, и Марджори, и уж тем более Присцилла О'Нил, не проронившая пока ни единого слова, все мы понимаем: закончен лишь первый акт тошнотворной пьесы о борьбе добра со злом, идет второй, а вскоре начнется и третий, в котором добро по заслугам накажет зло, отчего, видимо, станет добрее... Вот третьего-то акта не должно быть.

За маленьким исключением. Одной сцены третьего акта все-таки не избежать, да я и не хочу этого.

Уцелевшие коммандос Марджори и охрана Присциллы

расставлены по ключевым местам, уже скучают и не собираются превентивно палить по всему, что движется. Костяк дежурной смены работает. Главный реактор введен в штатный режим, иней на стенах тает, уже восстановлена энергоподача к ракетным шахтам. В большинстве из них дремлют ракеты для «Эгиды», но вон та, четвертая по счету, пуста.

— Отведите меня к госпоже главнокомандующей! — надрываясь, верещит Лучкин. Откуда он взялся — не помню. Выглядит он неважно, но, влекомый по коридору, упирается изо всех сил.

— Нет.

— Я требую! С вас шкуры спустят! Имею ценные сведения для ее превосходительства...

— Нет.

— Это самосуд! — визжит он.

— Вот именно.

Затравленно оглядываясь, он делает еще одну попытку:

— Я требую суда старожилов!

— Нет.

Вталкивая Лучкина в овальный люк, я успеваю окинуть взглядом внутренность шахты. Узкий круглый колодец, прорезанный в скале и наспех металлизированный — стены далеко не ровные, но гладкие, уцепиться не за что. Крохотная площадка для обслуги сейчас убрана. Когда наверху с лязгом откроется герметичная заслонка, рванувшийся на волю воздух выдует наружу любого и в облаке снежинок вышвырнет его за пределы тяготения Ананке.

Я поворачиваюсь к моим сопровождающим. Видно, что многие из них не одобряют то, что я сейчас намерен сделать. Одно дело — набить подлецу морду, другое — вот так, своей волей, без суда и разбирательства...

Наплевать. И некогда.

— Скафандр ему!

Они пятятся. Кто-то все-таки идет за скафандром. Я жду. Наконец приносит. Я проверяю зарядку баллонов — полная. Осталось только надеть. С этим делом справится любой, даже тот, кто никогда в жизни не видел скафандра.

— Лови.

Нет, Илья Лучкин не из тех, кто готов умереть быстро, он будет выгадывать каждую секунду, он верит, что еще как-нибудь исхитрится, извернется, изловчится... Неумело и торопли-

во он начинает влезать в скафандр. Могу спорить, он уложится в штатную норму.

С гулом я захлопываю люк и открываю на стене небольшую коробочку. Конечно, запустить ракету отсюда нельзя, но открыть заслонку шахты — можно.

Через три минуты я набираю простенькую комбинацию цифр.

Почти ничего не слышно — слабый гул наверху, и все. Здесь хорошая звукоизоляция.

Лети, гаденыш. Я не прощаю тебя — умри так.

Но и не посажу никого в радиорубке — слушать.

Это было бы слишком по-человечески.

Сидим в Бабельсберге, в кают-компании. (В свои апартаменты Марджори гостей не пригласила и правильно сделала: как бы не выпал ненароком из шкафа пластиковый самец.) Обстановка напряженная, но внешне демократичная. Я сижу за одним столом с тремя высшими чинами космофлота, потягиваю настоящий кофе из саморазогревающегося клизмоподобного сосуда с гнутой трубочкой и даже не докладываю, а излагаю свою версию происшествия. Да-да, именно происшествия, пусть чрезвычайного, так и быть. Я намеренно избегаю слова «бунт» или, упаси Первоматерь, «мятеж», предпочитая «недозволенные действия» и «беспорядки, спровоцированные узкой группой подстрекателей и поддержанные частью персонала». Присцилла О'Нил молчит. Иоланта Сивоконь кипит, но пока терпит. Марджори смотрит на меня с благодарностью.

— К счастью, резерв пилотов еще не исчерпан, — подвожу я итоги. — К началу «Эгиды» мы будем иметь семьдесят одну капсулу и, разумеется, лазерные платформы. Что до разрушений на базе, то они в общем-то минимальны, уже сегодня-завтра можно ожидать полного восстановления...

— Сколько их было? — перебивает меня Иоланта.

— М-м... прошу прощения?

— Я спрашиваю, сколько было бунтовщиков? По списочному составу, на базе должно находиться четыреста девяносто два экземпляра. Шестнадцать убито, девять больных числятся в изоляторе, двое в карцере, эти не могли быть причастны, итого э... четыреста шестьдесят пять экземпляров. Я хочу знать: сколько из них участвовало в бунте?

— Понятия не имею, — пожимаю плечами я. — А знаешь почему?

От моего амикошонства Иоланту передергивает. Что, отвыкла уже, дорогая? Привыкай вновь и не вздумай поставить меня по стойке «смирно» или огреть хлыстом, не то я проболтаюсь невзначай, как однажды водил тебя, генерал-поручика, на поводке в нужник...

– Любопытно узнать, — цедит она.

— Потому что мне это неинтересно, — заявляю я. — А еще потому, что я намерен выполнить наш договор, для чего мне понадобится не только эскадра, но и база с работоспособным персоналом. Если с вами на «Магдалене» прибыла хотя бы сотня классных специалистов, тогда, конечно, иное дело... ах, нет? Я почему-то так и думал. Следовательно, есть два логичных пути: или забыть то, что здесь произошло, и списать издержки в... в издержки, или начать следствие и учредить трибунал для наказания причастных к беспорядкам — но тогда уже напрочь забыть об «Эгиде». Есть выбор. Что до меня, то я, естественно, за первый вариант...

— Тебя никто не спрашивает! — отрезает Иоланта. — Вернее, мы с тебя еще спросим, как и со всех тех, кто допустил бунт...

Марджори съеживается, стараясь казаться меньше, чем она есть. Дойдет очередь и до нее, и непременно всплывет ее противоестественная связь с эксменом, что посерьезнее провороненного бунта, так что светит ей, пожалуй, какой-нибудь поселок Торос на берегу моря Сестер Лаптевых... а итог для всех будет один.

— Как раз я единственный эксмен, кровно заинтересованный в успехе «Эгиды», — кротко замечаю я, и мне отчего-то становится весело. Что, сожрали меня, акулы? Схавали? Сгрызли? Зубы обломаете. Сейчас вы у меня начнете плясать под мою дудку. — Однако я впервые слышу, что в мои обязанности входят полицейские функции... Нельзя ли еще кофе?

Иоланта начинает багроветь. Этого она делать не умеет, комплекция еще не та, вот лет через двадцать ее разнесет, тогда... А пока изменение колера кожного покрова напоминает всего-навсего нездоровый румянец.

Марджори сама подает мне еще один клизмоподобный сосуд. Я благодарю просто кивком. Знай наших.

— Я правильно поняла, что лояльные эксмены заперли бунтовщиков по каме... по этим... по кубрикам? — наконец справляется с собой Иоланта.

— Совершенно правильно, — ответствую я, потягивая го-

рячий кофе. — Именно лояльные. Именно бунтовщиков. И именно по кубрикам. Зачинщиков ждет суд старожилов.

— Всех участников бунта ждет трибунал! — чеканит Иоланта.

Трудно с этими настоящими людьми. Не понимают простых вещей. Но с другой стороны: всегда ли человек понимает, а главное, желает понять чувства, например, собаки? А ежика? Не говоря уже о муравьях, что шустрят под ногами...

— До операции «Эгида» или после? — невинно интересуюсь я, очень стараясь не омрачить свой безоблачный тон какой-нибудь ехидцей.

— Он прав, — негромко произносит Присцилла О'Нил. Семь раз отмерено, резак пущен в дело. — Сейчас мы ничего не можем сделать, дорогая. Боюсь, не сможем и впредь. Нам придется закрыть глаза на эти... беспорядки.

— Но хотя бы зачинщиков... — Иоланта не в силах сразу смириться.

— Какой смысл, дорогая? Казнить их здесь — осложнить подготовку к «Эгиде»... у нас и так осталось очень мало времени. Забрать с собой — боюсь, тогда очень многие начнут рваться в зачинщики. Я уверена, что командование базы само примет необходимые меры. Не будем забывать, что персонал базы самостоятельно справился с беспорядками. Верно, Мардж? — Марджори благодарно кивает. — Ну вот... Я даже думаю, что нам нет нужды оставаться здесь до завтра, как мы планировали. Видимо, есть смысл отбыть уже сегодня, ты согласна, дорогая?

— Но...

— Ты согласна, дорогая?

— Не я командую космофлотом, — умывает руки Иоланта.

— Вот именно, — веско произносит Присцилла.

— ...но я бы оставила здесь офицера для наблюдения и контроля над ситуацией.

— Гм... Хочешь остаться, дорогая?

Немая сцена. Я наслаждаюсь. Красные пятна на лице заместителя главнокомандующей по вопросам безопасности приобретают лиловый оттенок.

— У меня есть и другие обязанности, — сухо отвечает она.

Готово: главный калибр Иоланты разряжен и зачехлен. Но она наводит на меня малый:

— Ты уверен в успехе «Эгиды»?

— Я обещаю только то, что операция начнется, — отбриваю я. — Как она будет проходить и чем кончится, я не знаю.

Но мы сделаем все, что сможем. Кстати, мы сможем больше, если «Магдалена» заберет наших раненых. Моральный фактор. Еще хорошо бы до боя успеть эвакуировать всех, кто для боя не нужен... Нечем? Жаль. Эксмены, конечно, не люди, но и не безмозглый инструмент. Если они знают, что командование помнит о них и не расходует без дела, они выполняют приказы, если нет — устраивают бунты.

— Мы возьмем раненых, — решает Присцилла.

— Предупреждаю: при приближении барьера мы оставим здесь оборудование, в том числе ценное, и будем вывозить люде... эксменов. Нужна санкция. В противном случае не поручусь за отсутствие новых... беспорядков.

Если бы все настоящие люди хоть немного походили на Присциллу О'Нил, на этом свете было бы не так тошно жить. Она колеблется недолго:

— Разрешаю.

— Я могу идти?

— Иди, Тим.

Отставив недопитую клизму с кофе, я поднимаюсь из-за стола.

— Еще одно. Моя мать?

Иоланта с видимым отвращением достает из нагрудного кармана кителя сложенную вдвое фотографию и швыряет мне через стол.

Мама.

Вот она — немолодая и почти не знакомая женщина, присевшая на узорчатую скамеечку подле крыльца, явно позирующая и оттого улыбающаяся несколько напряженно.

Мама...

— Узнаешь дом?

И верно, что-то знакомое. Ну да, тот самый коттедж, где я маялся с примотанной к креслу Иолантой перед тем, как сдался. Видимо, собственность Департамента.

— Узнаю.

— Она там живет и ни в чем не нуждается. А теперь поди вон.

Я выхожу, ни на кого не глядя. В коридоре Бабельсберга вовсю идет уборка, коммандос согнали сюда с десяток эксменов замывать на полу и стенах кровь и копоть, вылавливать пух и бумажную лапшу. Ни одного старожила, естественно, не наблюдается. А вот Федор Шпонька — здесь! Выковырнули из убежища.

Чепуха, парень. Главное, выжил. Хоть ты и щепка, плыву-

щая по течению, но ты мне немного помог, и я тебе обязан. Если сумею — расплачусь.

В столовой, обычном месте сбора старожилов, я нахожу лишь нескольких пилотов во главе с Джо Хартрайтом. Разговоры сразу замолкают, все глаза устремляются на меня с единственным немым вопросом: «Что?»

— Отбились, — объявляю я, и кто-то из забывших дышать шумно втягивает в легкие воздух. — Спасибо «Эгиде». Присцилла решила не карать. И еще: «Магдалена» заберет раненых.

Секундная тишина. Ребятам кажется, что это слишком хорошо, чтобы быть правдой. Они тут намаялись в ожидании худшего.

— Точно?

— Нет, приближенно! — зло рявкаю я, хотя только что хотел их успокоить. Нервы на исходе.

У Джо разбиты губы, но он ухмыляется во всю пасть. Или мне мерещится, или вчера у него было больше зубов.

— Живем, смертнички!..

— Ха! Нет, точно?

— Точно, точно!

— Откупились, значит, Лучкиным? Не, парни, я давно знал, что Присцилла — нормальная баба, с понятием...

— Качать Тима!

Меня хватают, тревожа пылающий бок, подбрасывают, и я пребольно рикошетирую от потолка.

— Хватит! Убийцы! Ему в лазарет надо! Пустите его, говорю! Пойдем, Тим...

Давно пора.

Кто-то трогает меня за плечо. О, и этот здесь! На щеке у Мустафы Безухова длинный порез, на лбу пластырь, заплывший левый глаз — цвета спелого баклажана. Красавец.

— Чего тебе?

— Ты везучий. — Я собираюсь возразить, но бывший дояр и ковбой мне не дает. — Даже с твоей способностью телепортировать — все равно везучий. Вот... — Он отчего-то конфузится.

— Хм. Ну допустим. И что дальше?

— Я пойду в твое звено, — говорит он, — если ты еще не передумал...

— А не пожалеешь?

— До боя — нет, а в бою не успею, — в тон мне отвечает он, и мы пожимаем друг другу руки, уже не соревнуясь, кто кого пережмет.

ГЛАВА 11

ПИЛОТ

Чернота.

Холодное черное ничто отделено от меня лишь толстыми круглыми стеклами кабины диспетчера. Колючие звезды вонзают в меня свои иглы.

А вот и Солнце — раскаленная желтая дробинка над скалистым гребнем, достаточно яркая, чтобы слепить глаза, слишком маленькая и далекая, чтобы согреть. Но если смотреть на него долго, а потом зажмуриться, начинает казаться, будто от желтой дробинки и вправду идет тепло... очень скупо, но идет.

Это обман рецепторов. В кабинке диспетчера, как и в башенке дежурного по ту сторону скал, иллюминаторы особые, пропускающие только видимый свет. Сверхпрочные многослойные стекла могут выдержать удар метеора массой в один грамм, летящего со скоростью сорок километров в секунду, — и не пропустят ни тепловых лучей, ни ультрафиолета, ни рентгена. Как еще при такой прочности пропускают хотя бы видимый свет — загадка.

В солнечном луче на стекле ярко вспыхивают пылинки. Они не на этой, внутренней стороне, а на той, внешней. Микроскопические фрагменты реголита, сметаемого с поверхности Ананке стартующими и садящимися кораблями, взмывают обширным облаком, часть его уносится в космическое пространство, часть медленно-медленно оседает по всему угловатому телу двенадцатого спутника Юпитера. Если, подлетая к Ананке, напрячь зрение, можно увидеть разреженный пылевой кокон, облапивший планетоид на манер атмосферы.

Отсюда его не видно. Вероятно, приборы могли бы зафиксировать слабенькое размазанное свечение, но глаз — малочувствительный прибор.

Чернота.

Юпитера тоже нет, сейчас он висит в точно такой же черноте где-то у меня под ногами, с той стороны Ананке. Пусть. Вряд ли меня обрадовал бы этот приплюснутый полосатый диск. Всего важнее, конечно, что он уже за барьером вместе со своим выводком галилеевых лун. Как раз в день мятежа последовала яркая вспышка на Каллисто — полыхнули безлюдные постройки давным-давно эвакуированной станции научников.

Как недавно это было... всего три дня назад.

И как давно. Вечность. Геологический эон.

Барьер никуда не делся — а кто в этом сомневался? Он по-прежнему надвигается на нас... вернее, это мы продолжаем лететь на него, как мошки на ветровое стекло.

Говорят, мой знакомец коротыш Саймон вчера по-собачьи завыл, проснувшись: ему, видите ли, снилось, что барьер рассосался сам собой.

Никому на свете я не рассказывал, что и сам не раз видел сны на этот самый сюжет. И никому не расскажу.

Быть может, я и сам завыл бы после такого сна, будучи наказан так, как Саймон? Суд старожилов не продлился и часа. Виновные дружно кивали на покойного Лучкина, и хотя самому глупому уборщику было понятно, что организатором бунта не мог быть один-единственный эксмен, что были ближайшие соратники, сподвижники и подручные, это мало кого волновало. Учинить следствие, доискаться и наказать, выбросив через шахту? И некогда, и незачем. Все получили поровну, даже тот негр, что сломал мне зуб, каждый мятежник тянул жребий с порядковым номером на эвакуацию — разумеется, лишь после погрузки в «Незабудку» и малые корабли тех, кто не участвовал в бунте... Шпоньку я отбил, а Саймон — тянул.

Завоешь тут, когда твой номер в числе последних...

Громоздкая туша «Незабудки» отбрасывает длиннейшую тень, корявыми изломами протянувшуюся по буграм и впадинам Ананке. Его собирали на земной орбите, и сесть он может только на такую космическую мелочь, как наша оливиновая каменюка. Хороший транспортник, хоть и не новый. Не слишком быстроходный, по расчетам, он подойдет к Церере лишь спустя шестнадцать суток после старта, — зато вместительный, а что сейчас важнее, говорить не приходится.

Сразу четыре гофрированных хобота присосались к шлюзам. Идет демонтаж ненужного оборудования, выгрузка излишков пищи (и на двухсотграммовом суточном рационе можно протянуть какое-то время), одновременно в воздушные цистерны закачивается воздух под предельным давлением... еще, еще воздуха! Третий день техники колдуют над системами регенерации, пытаясь повысить их производительность хотя бы на пятнадцать-двадцать процентов. Пусть даже за счет качества очистки воздуха и мочи — у нас контингент нетребовательный, перетерпит. История космонавтики еще не знала случая, чтобы корабль перевозил за один рейс две сотни пассажиров. Таких судов просто нет.

Теперь есть. Бенька Галаган, старший техник, отвечающий за переоборудование «Незабудки», клянется впихнуть в это старое корыто минимум двести двадцать чело... эксменов. Может быть, даже двести тридцать.

Нет, все-таки не эксменов. Человек.

Людей.

Позавчера в лазарете умер Семецкий, самый тяжелый из наших раненых. Его не было смысла грузить на «Магдалену»: пробитая стальной стрелой грудь, сожженная огнеметом спина — с такими повреждениями долго не живут. Перед смертью он пришел в сознание и, отодвинув принесенную заботливыми друзьями банку икры, попросил позвать меня. «Ведь я человек? — спросил он, и на губах его запузырилась кровь. — Скажи, Тим, я не эксмен?» — «Ты хомбре, — ответил я ему, вспомнив вычитанное где-то слово. — Человечище». Он улыбнулся и покачал головой: «Беда... Нет, хочу быть просто человеком...»

С тем и умер — улыбаясь.

Мы люди с тех пор, как фактически взяли «Эгиду» в свои руки. Штаб Марджори почти не вмешивается. Разумеется, в бою штабной катер будет находиться позади стаи наших капсул и сожжет каждого, кто струсит и отвернет от барьера, но этим да еще управлением лазерными платформами и ограничится роль командования эскадры. Остальное сделаем мы сами.

Мы — люди. Даже те из нас, кто набьется в трюмы «Незабудки», как кильки в жестянку, — не эксмены. Кто вдохнул свободы и сумел не отравиться ею — уже человек.

Странно: я и завидую, и не завидую им. Через шестнадцать суток они доберутся до Цереры в сопревшей от пота одежде, невероятно грязные, голодные, полумертвые от удушья и жажды, остервенившиеся в неизбежных склоках, ненавидящие всех и каждого... но все же спасутся, по-видимому. У них есть шанс.

А у нас?

Не знаю. Никто не знает. На миг я ощущаю холод в животе — так было со мной давным-давно, в позапрошлой геологической эпохе, когда я только-только пришел в шоу «Смертельная схватка» и жутко нервничал перед первым выходом на ринг. Было — и прошло.

После того как Жак Ягуар в первый раз выбросил меня за канаты.

На ВПП (не взлетно-посадочная полоса, а взлетно-посадочное поле) все мирно, мертво. Тусклый металл крышек шахт припудрен серой пылью. На открытых посадочных площад-

ках дремлют катера и небольшой грузовоз, над последним тоже поработала команда Галагана. «Незабудка» притянута к площадке тремя тонкими тросами, я вижу два, а третий скрыт за корпусом. Давно хочу спросить и все время забываю: для чего нужны эти тросы? Землетрясений здесь не бывает. Корабль тяжелый, от пинка не улетит. Может, чтобы не завалился при ударе шального метеорита?

Черт его знает. По-моему, авария из-за отказа одной из лебедок, тянущих эти тросы, куда более вероятна, нежели удар космического камешка.

Впрочем, нет, я ошибаюсь, и вот те пыльные обломки у края ВПП наглядно указывают мне на ошибку. Удары случаются. Иногда, очень редко, сбоит посадочная автоматика, и, если пилот не успевает среагировать, капсула, промахнувшись мимо шахты, врезается в Ананке со скоростью небольшой, но достаточной, чтобы превратиться в исковерканную груду титана и плоти. Последний такой случай был полтора года назад, уже при мне.

Мы сами — космические камешки.

Взлетов нет, садиться тоже нечему, но диспетчер занят. Чем — не понимаю. Вероятно, тестирует вручную свою технику, не доверяя программе, — уткнулся в монитор и временами принимается вводить команды, долбя по клавиатуре, что твой дятел.

Не буду ему мешать. Я пришел сюда не ради дела, а для того, чтобы в последний раз взглянуть на базу с этого ракурса. С ракурса, который через несколько часов перестанет существовать. Вместе с базой, разумеется. Только круглый идиот может рассчитывать на то, что нам удастся как-то прогнуть барьер, а тем более разорвать его, — у нас вообще иная задача.

Ну что, насмотрелся?

Да.

Тогда не торчи здесь попусту.

Цок, цок — подошвы. Куда сначала — в штаб или проверить капсулу?

К капсулам. Ближе. Заодно загляну в «Незабудку», невелик крюк.

В проходах — не протолкаться. Ждут, волнуются.

— Куда лезешь, куда? Твой номер какой?

— Отрицательный. — И я работаю локтями.

— Чего-о?..

— Пропустите его, это Тим. Эй, не напирайте сзади! Убери локоть, ты, макака!..

Это не оскорбление. Макаками зовут техников-смотрителей базы, частенько лазающих по стенам и потолкам.

Меня пропускают, но неохотно, очень неохотно. Вот она, гарантия от мятежа — нумерация эвакуирующихся. Чем меньше порядковый номер, тем больше шансы. Во всяком случае, до двухсотого номера шансы верные, но и трехсотый еще может надеяться. Эта очередь сама подавит в зародыше всякую попытку бунта.

Сразу бы нам догадаться...

Шлюз заперт, колотить в гулкий металл бесполезно, и мне приходится телепортировать сквозь него. Большой кучей, чуть ли не по потолок, навалены какие-то блоки и целые шкафы с аппаратурой дублирующих систем вперемешку с тоннами обрезанных кабелей, какие-то трубы, куски металла и предметы неясного назначения. Ремонтникам на Цереpe придется попотеть не одну неделю, прежде чем «Незабудка» вновь превратится в полноценный корабль. Змеятся шланги, воняет газовой сваркой, повсюду разбросаны упаковки с сублимированной пищей. Беня Галаган — потный, грязный, с всклокоченными лохмами и вытаращенными глазами — выскакивает прямо на меня из гофрированного хобота грузопропускника.

— Минут через тридцать-сорок можно начинать грузиться, — вопит и брызгается он прямо мне в ухо, не дожидаясь вопроса. — Все путем! Иди, успокой там...

— Сам иди. Двести тридцать влезут?

— Не знаю!

— То есть?

— Понятия не имею! — орет Беня. — Катился бы ты отсюда, а?

— Все меня сегодня гонят, — жалуюсь я.

— И поделом! Ты где должен быть?

— Успею. Есть еще время.

— У тебя есть — у других нет. Правда, проваливай, проваливай...

Он порывается куда-то бежать, но я ловлю его за рукав.

— Что-то у тамбура мало народу скопилось, человек триста всего...

— А остальных мы заперли в столовой. Во избежание. Да не хватайся ты, отцепись...

— Интересно, — задумчиво говорю я, — кто их выпустит, когда погрузится первая партия?

— Ты и выпустишь. Шучу. Тебе какое дело? Спроси Заглобу, это его забота. Пусти!

Вырвавшись, Беня исчезает за кучей мусора, по пути увернувшись от вылетевшего из грузопропускника стеклянного шкафа с медицинскими инструментами, и через секунду я слышу, как он матерно обкладывает кого-то по ту сторону кучи. Распустились. Громко дзенькнув, шкаф ложится на кучу, куча начинает оседать.

Значит, Марек Заглоба, старожил из старожилов, сам решил выпустить тех, чьи шансы на спасение призрачны. Ох, рискует... Сметут они его.

Хочется верить, что он понимает, за что взялся.

Интересно, почему мне ничуть не страшно? Холода в животе давно уже нет, взамен него пришло и угнездилось странное ощущение нереальности происходящего. Ни дрожи, ни жалости к себе. Будто глядишь на себя со стороны, на свое отражение в зеркале и думаешь: нет, это не я, это не со мною...

Разве кто-нибудь сочувствует своему отражению?

Папиллятор, открывающий мне доступ в шахту, помнит только четыре индивидуальных отпечатка: мой, коменданта и двух техников из числа старожилов, специальным приказом Марджори прикрепленных сдувать пылинки с моей капсулы. Один из них во время мятежа получил заточку в живот и скончался на следующий день, второго я только что прогнал на «Незабудку», как он не протестовал. По большому счету ему тут уже нечего делать. Отказ стартовой автоматики — вещь малореальная.

Тесно капсуле в шахте, не нужно мостика, чтобы перекрыть зазор между двумя люками, — шагай из коридора прямо в рубку. Хочешь — задраивай оба люка вручную, хочешь — набери команду, хочешь — дождись команды извне. Рубка тесная, на одного пилота. Панели управления, приборы, анатомическое кресло. Капсула смутно похожа на самые первые космические корабли конца Темных веков, только побольше, — такое же подобие шара на торце цилиндра. Под полом рубки — титаново-бериллиевый корпус ходовой части, поворотные дюзы плазменных двигателей, лючки и люки для техников и две утопленные в корпусе ядерные ракеты трехсоткилотонного экви-

валента. Они умные... как бульдоги. Захватив цель, ни за что ее не выпустят.

— Тук-тук. Занято?

Она еще шутит.

После мятежа штабные ходят по базе только группой и лишь в случае крайней необходимости. Командующая Четвертой эскадрой вице-адмирал Марджори Венцель вообще не покидала Бабельсберга.

Нет, все-таки Марджори. Просто Марджори.

Она правильно понимает то, что поняла Присцилла и отказалась принять Иоланта: после мятежа ее роль в «Эгиде» свелась почти к нулю. Предстоящей операцией занимаются командиры эскадрилий и звеньев, эвакуацией базы — несколько техников-старожилов под руководством Галагана и Заглобы. Не место и не время что-либо менять.

Я тоже не был в Бабельсберге со дня мятежа. Марджори не звала меня, а навязываться я не решился. Хотя... мне не хватало ее, и не просто как замены сексатору. Влюбленность? Такая, как в старых запрещенных романах? Нет, пожалуй. Не было ее между нами. Наверное, осталось что-то недоговоренное, а что — не поймешь, когда отношения рвутся вот так, одним взмахом...

Покинув анатомическое кресло, я высовываю голову в коридор сквозь два люка. Так и есть: Марджори пришла не одна, с ней охранница. Разумно.

Где-то неподалеку отсюда вдруг раздается стоголосый рев, приглушенный переборками. Наверное, началась посадка в «Незабудку».

— Капсула в порядке, Тим?

Строгий, деловой тон.

— Должно быть еще кое-что, — напоминаю я.

— Вот.

Небольшой белый чемоданчик с красным крестом использован явно для маскировки. В нем отнюдь не то, что продлевает человеку жизнь, а совсем наоборот. Девятимиллиметровый автомат полицейского образца с двумя запасными рожками. Широкий и длинный нож-пила. Четыре гранаты: две яйцеобразные, наступательные, безосколочные и две цилиндрические, с нервно-паралитическим газом. Специальная сбруя на тело, где все это удобно размещается. Ну и, конечно, дыхательный аппарат для Вязкого мира и на случай примене-

ния мною газовых гранат — с виду почти как стандартный, но с увеличенным баллончиком.

— Минут на сорок хватит?

— Хватит на час.

Что они себе думают: чужаки подарят мне время на сотню попыток абордажа? Подобраться бы на дистанцию телепортации, о большем я не прошу.

— Все-таки возьми эластик, — настаивает Марджори.

— Хорошо.

Я принимаю в люк аккуратно свернутый скафандр наилегчайшей модели, выполненный из полупрозрачного материала. В открытом космосе человек в нем замерзнет насмерть в считаные минуты. Раздувшаяся оболочка вряд ли позволит шевельнуться и заведомо не спасет от проникающей радиации. В скафандре нет ни рации, ни маячка. Все, на что он способен, это не дать мне умереть от взрывной декомпрессии, если я промахнусь при телепортации. Полезное качество, но покупается оно ценой увеличения сопутствующей массы. Семь килограммов скафандра, автомат, гранаты, нож... нет, предельных двенадцати килограммов, пожалуй, не наберется, но кто может знать, останусь ли я в хорошей форме к моменту апофеоза «Эгиды»? Нет, скафандр мне не нужен.

— Ты наденешь его?

— Обязательно.

Я убедительно киваю. Стоит успокоить Марджори.

— Спасибо, что принесла. Я хотел зайти сам.

Марджори лезет ко мне в люк. Вдвоем в капсуле тесно, зато снаружи вряд ли слышен шепот:

— Что ж не зашел?

— Еще есть время...

— И ты нарочно его тянул?

— Может быть... Знаешь, я тебе благодарен. Очень.

— Как своей первой женщине?

— Да.

— Думаешь, будет и вторая? Хороший вопрос...

— Спроси меня об этом часа через два.

Она молчит, и я напрасно пытаюсь угадать ее настроение.

— У меня катер наготове, — говорит она наконец. — Ты ничего не скажешь мне напоследок?

— Хорошо, что ты пришла меня проводить, — бормочу я.

— И только-то? — Она изучает мое лицо. — Тогда придется сказать мне. У нас получилось, Тим... То есть я думаю, что

получилось. Хотела сделать тест, но все тянула... пока твои орлы не разгромили лазарет. Но знаешь, таких задержек у меня еще не было...

До меня доходит не сразу, а когда все же доходит, я выпаливаю самое неподходящее:

— А если опять родится эксмен? Ты рожала только дважды, тебе не разрешат коррекцию пола плода. Да и поздно уже, наверное. А если дознаются, чей это ребенок?..

— Плевать. — Марджори хищно улыбается. — До родов мне ничего не грозит, жизнь будущей матери и плода священна, а дальше... либо что-то изменится, либо не будет никакого «дальше». Я даже вряд ли успею родить. Ты понимаешь? В любом случае прежнего мира уже не будет.

Киваю. В горле стоит ком. Вот и досказали недосказанное.

— Не принимай близко к сердцу, — усмехается Марджори. — Я хочу, чтобы ты знал, вот и все.

Что мне ответить ей? Что?

Рад ли я? Не знаю. Горд ли хоть немножко тем, что могу стать единственным на Земле отцом? Тоже не знаю.

Ничего не знаю.

Металлический цокот вовне избавляет меня от ответа, но заставляет выглянуть из люка. Что-то шумно становится в коридоре. И сейчас же взвизг:

— Не стреляйте!

Это Шпонька. Вид у него изрядно обалделый. Так, видно, и есть, иначе бы он не выскочил сломя голову прямо на автомат охранницы.

— Что?!

— Заглоба... — Шпонька глотает воздух. — Он выпустил тех... запертых!

— Что-о-о?!

— То самое!

Шум — как от приближающегося горного обвала. Охранница начинает пятиться. Она вовсе не уверена, что сумеет остановить вырвавшееся на свободу стадо безоружных, но обезумевших эксменов, озабоченных сейчас только одним: успеть прорваться, распихать конкурентов, затоптать слабых, растерзать тех, кто мешает занять, захватить, выгрызть место в корабле, катере, учебной капсуле-спарке, где угодно. Вытянуть счастливый билет.

Автоматная очередь проредит, но не остановит толпу. Не тот случай.

— Мардж!

Некогда разводить церемонии. Вышвырнутая мною из люка, она падает и неловко пытается встать.

Автомат!

Два ствола лучше одного.

— Шпонька! — ору я не своим голосом, швыряя свой автомат едва ли ему не в лицо. Он инстинктивно ловит. — Коменданта — в катер! Беречь, не обижать, доставить на Цереру. С тебя спрошу, ясно?

— Не-е-ет! — кричит Марджори. — Как же ты?..

— Бегите!

Я захлопываю люк. Захлопываю второй. Они тугие. На всякий случай кидаюсь к терминалу и набираю команду задраивания. Все. Теперь я отрезан от помещений базы. Теперь — только вверх.

Остается надеяться, что Шпонька не подведет. И что ему объяснят, как снимать автомат с предохранителя.

Несмотря на хорошую звукоизоляцию, я слышу, как по коридору проносится толпа. Кое-кому из последних номеров все же удастся спастись. Где-то начинается пальба, но не рядом, поодаль. Затем в люк шахты начинают колотить — сильно, но недолго. С люком шахты справится разве что гранатомет.

Натягиваю сбрую. Набираю простую команду. Это готовность к старту, капсула сама приведет себя в рабочее состояние. Начинается беготня огоньков по панелям. Откинувшись в кресле, тянусь к дужке с наушниками и микрофоном, водружаю на голову.

Самое главное сейчас происходит там, вне моего убежища. А я пока посижу тут, послушаю тишину и шорохи помех в общей трансляции...

— ...орлисс, Форсайт — готовность...

О черт!

— Гаев, ответь! Гаев!!!

— Здесь! — кричу я в микрофон внезапно осипшим голосом. — Гаев на месте, идет подготовка капсулы...

— Принято. Урод! Старт через три минуты!

— Понял. — И мгновенный озноб, колючие мурашки по спине.

— Закройся. Фабер, Швабрин, Михельсон — старт!

Операция началась раньше? Кто, почему?.. Или я не следил за временем? Или Заглоба умудрился во всем распорядиться по-своему? Вряд ли я это когда-нибудь узнаю. Как назло, от

меня теперь ничего не зависит, а зависит только от капсулы. Полторы-две минуты на автоматическое оживление основных систем, не меньше... Успею, к счастью. Это лишь начало, и если техника не засбоит, мой выход состоится вовремя.

В наушниках — полная какофония:

— Шепердсон, Корлисс, Форсайт — старт! Сандерс, Бампо, Джингль — готовность!

— «Незабудка» уже ушла? Ушла, нет? Говори!..

— В шахте шестнадцать проблемы...

— Штольц, Опперман, Вертер — старт! Свербыгуз, Карамазов, Кац — готовность! Сандерс, Бампо, Джингль — старт!..

Звук смачной плюхи.

— Брысь отсюда, сопляк...

— Я Сойер. Я Сойер. У Саммерли отказ системы ориентации. Кувыркается.

— Первая эскадрилья вышла вся. Кирсанов, сволочь, уйди правее! Во-от та-ак...

— Свербыгуз, Карамазов, Кац — старт! Корвин, Хайд, Мондего — готовность!

— Ох, сейчас и повоюем, братцы-смертнички...

— Вторая эскадрилья — вышла.

— Харрингтон! Юджин! Ты все еще хочешь стать мичманом? Скажи Тиму, он похлопочет...

— Онегин, бардак в эфире! Закройся. Вернешься живым — сгною!

— Самгин, Милославский, Сохатых — готовность! Епиходов, Жаботыкин, Хомяк — старт!

— Мика, сбавь тягу. Мы во второй волне, не в первой...

— Пожар в шестнадцатой шахте! Кто-нибудь!..

— Рувалов, пристраивайся мне в хвост. Дютертр, отойди дальше! Поплавский, ты куда попер? Пропусти «Незабудку», ей некогда...

— Пятая эскадрилья, отзовитесь. Все на местах?

— Что?! «Незабудка» уже ушла? Ушла, да? Когда?!

— Только что.

— Коноэ, Пруэтт, Мелехов — готовность. Стартуете сразу за вторым звеном.

— Суки! Вот суки же! Бросили нас, бросили!..

— Эй, кто-нибудь! Дайте ему пинка.

— Самгин, Милославский, Сохатых — старт! Гаев, Хартрайт, Безухов — готовность!

Наконец-то. Я готов. Я давно готов, капсула тоже. Зажгла изумрудный огонек индикатора.

— Коноэ, Пруэтт, Мелехов — старт! Расплюев, Нехлюдов, Беломут — готовность. Гаев, Хартрайт, Безухов — старт!

Вмешательства пилота старт не требует. Как только начинает сдвигаться герметичная заслонка, срабатывают замки, удерживающие капсулу на дне шахты. Рвущийся в космос поток воздуха недостаточен, чтобы вытолкнуть капсулу, и в дело вступает твердотопливный ускоритель — небольшой сменный стаканчик, работающий всего несколько секунд. Никакой особой перегрузки нет, капсула выходит из шахты плавно и даже величественно... Приобретенной скорости хватает лишь на то, чтобы уже не упасть обратно на планетоид. На высоте не ниже ста и не выше ста пятидесяти метров врубается, пока на самой малой тяге, плазменный двигатель, и тут уже нужно брать управление на себя.

Оно очень простое, это управление, специально сконструированное так, чтобы самый тупой эксмен овладел им за два-три часовых полета с инструктором. Два колесика в подлокотниках кресла — вверх-вниз, вправо-влево. Очень удобно при больших перегрузках. Легкий перекос — медленное вращение. Еще одно колесико — тяга маршевого двигателя. По кнопке с откидными колпачками под большим пальцем каждой руки — пуск ракет. Еще две кнопки — захват цели и включение программы сближения. Ребенок бы справился. Конечно, мускулистый ребенок, способный шевелить пальцами при десяти «же», неизбежных в космической «карусели».

Понятно, почему дояр Безухов попал в пилоты. С его-то натренированными пальчиками...

Россыпь ярких движущихся звезд прямо по курсу — стартовавшие ранее капсулы, собирающиеся в боевой ордер. Вернее — рассыпающиеся в боевой ордер. Если взрыв боеголовки ракеты на расстоянии менее трех километров считается опасным для капсулы, то каково же должно быть это расстояние при полной аннигиляции той же ракеты, а тем более другой капсулы?

— Джо, Мустафа, расходимся. Дистанция двадцать-тридцать километров. Как поняли?

Потом мы разойдемся еще шире. Но сейчас до барьера еще далеко.

— Держите дистанцию и следуйте за мной. Тяга пятьдесят пять процентов до скорости восемнадцать тысяч в секунду.

Я вижу их — Джо на правом экране, Мустафа на левом, оба чуть позади меня и быстро расходятся. Сначала перестают быть видны тела капсул, затем плазменные факелы превращаются в тусклые звездочки. Лучше следить за ними по локатору. Правее и выше Джо продолжает беспорядочно кувыркаться капсула Саммерли. Ее постепенно относит в сторону.

Перегрузка быстро нарастает и останавливается, судя по индикатору, около четырех «же». Несмотря на почти ежедневные тренировочные полеты, на изнурительные часы в тренажерном зале, учетверенный вес мучителен для того, кто отвык на Ананке от нормальной тяжести, — однако в глазах у меня не плывет, и пальцы шевелятся. Тренировки тоже вещь хорошая.

Лучше бы как следует отработали групповой пилотаж на уровне всей эскадры, думаю я, глядя на трехмерный экран локатора. Прут — стадо стадом, словно собрались протаранить Юпитер. Нет, мало-помалу расходятся...

Позади нас взлетают последние.

— Захов, Заров, Залкинд — старт...

Это снова диспетчер, но у него другой голос. Очень знакомый.

— Зачем ты это сделал, Марек?

Заглоба не слышит меня. Дотащив палец до сенсора переключения частоты, повторяю вопрос. Довольно неприятно разговаривать при четырех «же», губы словно чужие — однако Марек узнает мой голос.

— Не мешай, Тим. Плюшкин, Монтекки, Казуаз — готовность...

— Зачем ты выпустил ЭТИХ?

— Чтобы и у них был шанс. Хватит играть в чистых и нечистых. Хочу, чтобы никто не проклинал меня перед смертью...

— А ты?!

— А я останусь здесь. Должен же кто-то остаться. Тут со мной еще несколько человек... они будут вести ракеты. Сколько смогут.

— С ума сошел! — ору я, кривя непослушные губы.

— Наоборот, Тим, я просто выбрал. Каждый выбрал что-то одно: или остаться человеком на Ананке, или лететь на Цереру, чтобы там снова стать экземном. Я человек, понял? А теперь — освободи частоту! Плюшкин, Монтекки, Казуаз — старт!

— Прощай, Марек, — шепчу я.

— Удачи тебе, Тим! И слезь с частоты Первоматери ради!

Он выбрал. Это так сладко — выбрать, самому решить за себя, а может быть, и за других, взвалить на плечи и нести неподъемную тяжесть, не позволить никому наваливать на тебя груз — только сам! сам! Может быть, стоило сгибаться под чужим непонятным грузом всю жизнь, долгую или короткую, ради нескольких минут этого счастья — собственного выбора?

Наверное, стоило.

И я тоже — выбрал. Сам.

* * *

Нас шестьдесят девять.

Семьдесят две капсулы — штатный состав Четвертой эскадры. Одна была сожжена «Магдаленой» во время мятежа. Пожар в шестнадцатой стартовой шахте потушен автоматикой, но капсула из шахты не вышла и не выйдет. Саммерли давно ушел с экрана локатора, и если даже каким-либо чудом сумеет устранить неисправность, все равно уже не догонит эскадру. Итого: минус три.

Двадцать четыре звена, из них три неполных. Мы еще не подошли к барьеру, а уже несем потери. Зато прямо в наших порядках несутся три десятка ядерных ракет, управляемых смертниками, оставшимися на базе. Они маневрируют, стараясь «воткнуться» в любую открывшуюся брешь так, чтобы не оказаться в опасной близости к чьей-нибудь капсуле, но чем больше проходит времени, тем чаще они опаздывают с маневром — сказывается удаление от Ананке. Одна из них в течение нескольких секунд держится не более чем в километре от меня, затем ее узкое хищное тело, прекрасно видимое простым глазом, нехотя отваливает и начинает удаляться в сторону Безухова.

Рой точек на локаторе. Эскадра уже разошлась километров на четыреста и растянулась в неровный, но все-таки фронт. Можно полюбоваться им, если развернуть картинку на экране и посмотреть сбоку. Две платформы с гамма-лазерами одноразового действия плетутся далеко впереди нас, мы их нагоняем; четыре других отстают, эскадра обогнала их минуту назад. Еще дальше, на самой границе экрана светится одинокая точка — катер Марджори. Надеюсь, ее офицеры не поджарят кого-нибудь из нас, когда начнут полосовать противника гамма-импульсами сквозь наши боевые порядки.

Если катер на месте, значит, все идет по плану, штаб эскад-

ры делает вид, что руководит «Эгидой», и Марджори скорее всего там. Интересно, Шпонька спасся?

А «Незабудки» давно уже нет на экране — большое пятно сразу поехало вбок и скоро пропало. Счастливо вам долететь, ребята, спокойной плазмы...

Приступ острой зависти к их удаче — вот что я сейчас чувствую, но, конечно, не признаюсь в этом никому. А остальные? Скажем, Мустафа Безухов — раскаивается ли он в своем согласии пойти в мое звено, данном под влиянием момента? В звено, которому предстоит не пугать дьявола издали, а прямо кинуться к нему в глотку?

Наверняка. Но он тоже ничего не скажет, или я в нем ошибся.

А если ошибся, то исправлять ошибку все равно поздно.

Как быстро меняется настроение... Только что был деревяшка деревяшкой. Любопытно знать, психика приговоренных к смерти преступников тоже подвержена таким противолодочным зигзагам?

Наверное.

— Ребята, сбрасываем тягу до десяти процентов. Контакт с барьером через две минуты.

Знакомый хриплый бас Майка Шепердсона, командира первой эскадрильи, самого опытного пилота эскадры, нашего негласного истинного командующего. Пусть штаб на вице-адмиральском катере управляет лазерными платформами, хватит с него и этого.

Он и не вмешивается. Никаких приказов перестроиться в три предусмотренных планом эшелона оттуда не поступает. Спасибо, Мардж!

Перегрузка, десять минут назад уже сниженная до двух «же», исчезает. Расправляются плечи, хочется сладко потянуться. Тяжесть меньше, чем на Земле, но, конечно, много больше, чем на Ананке. И все же приятно.

Майк прав, внеся коррективу. То, что рисовалось воображению во время шушуканья по закоулкам базы, не всегда срабатывает в реальности. Дело не только в том, что при малой тяжести физически (да и психологически) легче швырнуть капсулу в маневр, — дело еще в том, что нам по-прежнему тесно. Стаю мошек, летящую в ветровое стекло, трудно впихнуть в одну волну.

Теперь картина на локаторе меняется: тридцать ракет уходят вперед и уже обгоняют две медленно плетущиеся платформы. Последние пересекут барьер чуть раньше нас.

— Эй, смертнички, раздайся шире! Плюшкин, отодвинься, не путайся под ногами!..

А впереди — пусто. Словно и нет на свете никакого барьера, нет никакого чужого пространства за ним, не существует отмеренной с высочайшей точностью условной сферы радиусом примерно в сотню световых лет с центром у тусклой звездочки в созвездии Геркулеса. Там, за барьером, нет для нас места, как нет места мошке позади ветрового стекла.

И, как мошки, мы не видим непреодолимой преграды. Мы только знаем, что она — там.

Минута.

— Хартрайт, Безухов, держите дистанцию.

Излишнее напоминание. И Джо, и Мустафа не нуждаются в раздражающих начальственных окриках. Но лучше уж раздражение, чем страх...

Мустафа отвечает коротким «понял», а Джо выдает мне в ответ непристойную тираду с упоминанием Первоматери. На Земле за одну десятую этой тирады, произнесенную в людном месте, любой эксмен был бы избит патрулем до полусмерти.

— Вижу цель!

Где? Откуда? Только что не было никакой цели...

Ярчайшая вспышка едва ли не предшествует крику. Какое счастье, что наружные экраны визуального наблюдения не в состоянии воспроизвести истинную яркость вспыхнувшего впереди светила, — я бы наверняка ослеп! Но и стократ ослабленная, она больно бьет по глазам.

Еще вспышка. Еще и еще!

Горят, наткнувшись на барьер, запущенные с Ананке ракеты с бесполезной ядерной начинкой. Мухобойка против палицы... Энергия аннигиляции материи просто невероятна. Лучше бы пустили перед эскадрой что-нибудь поменьше и полегче!

Хруст корпуса капсулы заставляет вздрогнуть. Разумеется, это не взрывная волна, которой просто нет, а действие локального нагрева тонкой брони — титан и бериллий приняли на себя лавину квантов чудовищной энергии. По идее, слой поглощающего пластика ослабляет вторичное излучение порядка на три и, соответственно, уменьшает ионизацию внутри капсулы, но лучше уже сейчас перейти на дыхание из баллона.

Где загубник?!

Уже во рту. Когда это я успел? Не помню, и не нужно мне помнить...

— Свербыгуз! Одиночная цель прямо перед тобой!

Кто-то из пилотов оказался умнее меня, отключив, по-видимому, все экраны, кроме экрана локатора, из-за чего временно не ослеп. Теперь и я начинаю видеть...

Вот он!

Маленькая точка. Совсем маленькая. Либо корабль чужака не крупнее моей капсулы, либо его обшивка плохо отражает радиоволны. Зато прекрасно видны антипротонные плазмоиды, или чем он там плюется — яркие капли, стремительно и безошибочно находящие цель.

Вспышка. Вспышка. Вспышка.

Шквалами огня разлетается по космосу то, что было ракетами. Некоторые еще летят и с большим опозданием пытаются маневрировать, но одна за другой превращаются в подобия солнц, прежде чем обратиться в ничто. Первоматерь Люси, как же быстро!.. Никто не надеялся, что хоть одна ракета достигнет цели, они должны были послужить лишь прикрытием нам, живым пилотам, но, кажется, прикрытие растает раньше, чем мы пересечем барьер...

Десять секунд.

— Нам повезло, ребята, он всего один! — сквозь ужасные помехи орет Шепердсон. — Сделаем его! — И гвалт голосов в ответ. Кажется, и я ору что-то нечленораздельное.

Пять секунд.

Последнее маленькое солнце вспыхивает впереди по курсу и сразу гаснет. Хрустит обшивка. Прикрытия больше не существует.

Спланировали, называется, операцию! Спланировали и перепланировали! Великие стратеги!

Еще две вспышки... Одноразовые платформы!

Ядерный взрыв, служащий для накачки гамма-лазера, похож на аннигиляционную вспышку только визуально и только в первый момент. Ослепительный огненный шар держится много дольше, а на экране локатора, оживающего спустя несколько секунд после электромагнитного удара, надолго остается безобразная расползающаяся клякса. Бортовой гамма-лазер вместе с дистанционно управляемой платформой испаряется за какие-то микросекунды, однако успевает выплюнуть единственный короткий импульс с разрушительной энергетикой. Говорят, что за счет послесвечения ионизованных космических молекул луч гамма-лазера можно увидеть простым глазом — если, конечно, глаз не ослеплен ядерным взрывом. Но где найти такой глаз?

Спасибо, Мардж, тебе и твоим штабным... Хотя бы платформы не пропали зря!

Или все же пропали? Отсюда не видно, поразили гамма-импульсы цель или нет. Даже если да — наивно ожидать, что противник оплавится и развалится на части. Если перестанет на какое-то время плеваться своими плазмоидами — и то хлеб.

Секунда. Мы обгоняем два разгорающихся солнца. Они сейчас белые-белые, но скоро распухнут и побагровеют. Какой процент нейтронов не сумела задержать обшивка? Сколько бэр получил сейчас каждый из нас? Сколько бы их ни было, главное — впереди.

Судя по всему, я уже за барьером. Странно: никаких ощущений. Ни малейших. Умом понимаю, что ничего иного не стоило и ждать, а что поделаешь? Подсознание, на стереотипах вскормленное, стереотипы же и рождающее, готовилось, оказывается, к тому, что должно было хотя бы встряхнуть, как на ухабе...

На ожившем локаторе — цель. Неподвижная. Не стреляющая. Лакомая.

— Первая эскадрилья — лобовая атака! — грохочет в эфире Шепердсон. — Вторая и третья — фланговая! Тим, ты пока не суйся...

— Понял. Джо, Мустафа, сброс тяги...

— Карамазов, Кац, за мной! — Крик Свербыгуза.

Я во втором эшелоне. Пусть шестьдесят девять капсул в нарушение плана пересекли рубеж практически одновременно, но кидаться на врага всей сворой — не лучший способ победить. Только теперь «Эгида» начинает развиваться почти по плану. Может быть, до абордажа сегодня вообще не дойдет очередь — ядерные боеголовки разнесут чужака в радиоактивную пыль, и операция завершится хотя бы частным успехом?

Хотелось бы верить.

Чужак на экране локатора виден ясно. Когда отметка от цели совпадает с блуждающим по экрану квадратиком, я вдавливаю кнопку «Захват».

— Первая эскадрилья — пуск ракет! — командует Шепердсон. — Вторая, третья — пуск по готовности.

На экране это выглядит красиво. Словно сжимающаяся вокруг чужака гигантская пятерня. Сожмется, сомнет — и нет чужака.

Одно за другим с интервалом в полсекунды вспыхивают три ослепительных солнца. На моем экране гаснут три корот-

ких строчки — радиомаячки на капсулах тоже стали горячей плазмой. Звена Свербыгуза больше нет. И новые плазмоиды, отделившись от чужака, веером хлещут по выпущенным ракетам, по капсулам...

Какие они шустрые... Нет, кто-то из ребят успел увернуться. А этот — нет...

Пятерня не может сразу отдернуться. Вся в прорехах, она продолжает сжиматься — и сгорает, обращаясь в ничто.

— Сука! — вопит кто-то на весь эфир. — Вот сука!

— Спокойно, ребята, работаем... Джингль, не отклоняйся!

— Получи, сволочь...

— Вертер, огонь! Пускай ракеты, твою Первомать! Пускай, гад!

— Я Онегин. У меня локатор сдох! Шеп, что делать?

— Попробуй мне только вывались! Четвертая, пятая, шестая эскадрильи — атака! Атака! Тим!!!

Я Тим. Я Тимофей Гаев по прозвищу Молния, телепортирующий носитель игрек-хромосомы. Я здесь, на предписанном мне месте. И что я могу сделать, ну что?

Кажется, только сгореть вместе со всеми без всякого смысла. Как глупо... Но чего я ждал? Разве разработчики плана «Эгиды» не исходили с самого начала из того, что вероятность полного успеха ничтожно мала? Разве не сам я заключил с Иолантой договор: невозможное в обмен на небывалое?

— Джо, Мустафа, атака!

Полная тяга. Семь «же». Откинув тяжелые колпачки, жму на левую кнопку, через две секунды — на правую. Мы за барьером, мы — цели. Не столь уж важно, долетят наши ракеты до чужака или не долетят, но сбить его с толку, утроив количество целей, — наш единственный шанс.

Капсула легонько вздрагивает. Совсем легонько. Ракеты отходят от корпуса почти нежно — это хорошо на учебных пусках, но совершенно неуместно сейчас! Нежное, бессильное оружие. На нас прет танк, а мы вышли против него с розами без шипов...

Это не бой. Это расстрел мишеней, бесстрастный и методичный. Кончатся ли когда-нибудь у чужака его плазмоиды? На экране я вижу, как первая волна атаки расплескивается мелкими брызгами. Уцелевшие пилоты пытаются увести свои капсулы, чужак бьет влет и капсулы, и ракеты. Нет, уже только одни ракеты... А ведь не успеет, их многовато даже для него... Если он останется на месте, то...

Он не остается на месте. Маневр его молниеносен и безупречен. Никто из нас не выдержал бы такой немыслимой перегрузки. Часть ракет попросту теряет цель, некоторые пытаются следовать за ней, но не многим это удается — щадя конструкцию, срабатывают ограничители допустимых перегрузок. Лишь три-четыре ракеты продолжают идти прямо на чужака — он шутя сжигает их. Ярко вспыхивает и окончательно гаснет экран переднего обзора.

Он разумен, этот чужак, и правильно выстроил приоритеты. Во-первых и в главных, уцелеть самому. Во-вторых, уничтожить нападающих. В-третьих, вычистить то, что прорвалось за барьер и уже никому не угрожает, — но потом, после боя.

Теперь нет ни первой, ни второй волны атаки. Есть собачья свалка и исчезающие строки с фамилиями пилотов на моем экране. Правда, сзади подходят четыре лазерных платформы, и чужаку пока не до них...

Несколько капсул удирают. Штабу эскадры тоже пока не до них, у лазерных платформ есть куда более важная цель. Что ж... у трусов появился призрачный шанс спастись, протянуть свои дни до трибунала на Церере.

Почему-то я не чувствую гнева.

Ядерная вспышка между мной и чужаком. Это не самоликвидация промахнувшейся ракеты — они самоликвидируются без срабатывания боеголовки, — это перезахват цели. Мы бьем сами себя. Гаснут фамилии: Милославский, Дютертр, Штольц...

— Ти-и-и-им!!!

Легко сказать: подойти на дистанцию телепортации. Как??! Если бы эта инопланетная тварь с пяток минут постояла на месте!

Мбога, Расплюев, Мелехов, Форсайт...

— Есть!!! — победный вопль.

ГЛАВА 12

СТАТУС НЕ ОПРЕДЕЛЕН

Локатор фиксирует вспухающий волдырь ядерной плазмы бок о бок с чужаком — через две секунды чужак выскакивает из него, как протуберанец из маленького солнца. Вернее, как опаленный обалдевший заяц из степного пожара. Он больше не стреляет!

— Джо, Мустафа! — кричу я. — Разворот, торможение!

Сейчас моим ведомым придется куда тяжелее, чем мне:

лишь моя капсула оснащена всем необходимым для автоматического сближения с целью после ее захвата. Но ребятам и не надо в точности повторять мои маневры — их функция лишь отвлекающая. Две мишени страхуют третью.

Чужак не стреляет. Быть может, его уже полосуют импульсы гамма-лазеров с приблизившихся платформ? Не вижу, ничего не вижу... Мягкий загубник налился свинцом и норовит сломать мне зубы. Вкус крови во рту. Тьма.

Меня вдавливает в кресло так, что каждая складочка летного комбинезона на спине причиняет мучительную боль. Что с того, что кресло — анатомическое? Ни на складочки, ни на мою сбрую с оружием оно не рассчитано. А лицо — как кисель. Я снова вижу, но нерезко — перегрузкой деформированы глазные яблоки. Дикий форсаж. Минута. Две минуты. Три...

Теперь, даже если меня не сожжет чужак, если моя капсула не развалится от нагрузок на конструкцию, я уже не попаду живым на Цереру. Мне просто не хватит топлива на порядочный разгон. Через несколько суток я начну задыхаться, потом — конец.

Нет обратного пути.

— Тим! — крик в наушниках, не пойму чей.

Не могу ответить. Четвертая минута... Я все еще жив, и это очень странно. А еще более странно то, что техника работает безотказно, если не считать одного погасшего экрана. Спроектированная впопыхах, построенная в спешке, замучившая техников капризами — работает!

Не сглазить бы.

Перегрузка исчезает внезапно, и сейчас же начинает мигать красный индикатор над центральной панелью, и прерывисто квакает звуковой сигнал: пора! пора!

Ну...

Я вижу чужой корабль невооруженным глазом. Он совсем рядом, метрах в трехстах слева внизу, если верить глазам, и в ста восьмидесяти двух, если довериться локатору. Глаза лгут, чужак меньше, чем мне кажется. Мы продолжаем медленно сближаться. Он похож на деформированное яйцо, снесенное курицей-мутантом, и меня вовсе не удивляет, что по его поверхности пробегают хорошо заметные судорожные волны. Наоборот — радует! Досталось гаду, вот и корчится...

— Ти-и-им!!!

— Иду! — кричу я в микрофон, выдернув загубник, и срываю с себя ненужную дужку с наушниками. Я иду.

Теперь до чужака сто шестьдесят пять метров. Не слишком далеко за ним алчно расползается по космосу новая туманность — светящееся радиоактивное облако от сработавшей боеголовки. Нет, облегченная пародия на скафандр мне точно не нужна: взрывная декомпрессия при промахе куда приятнее, чем медленная и мучительная смерть от лучевой болезни.

Загубник?

Уже во рту.

Сбруя?

На месте. Нож, гранаты. Автомат? Черт, ведь я же отдал его Шпоньке!

Что сделано, то сделано. Не стоит сожалеть.

Уходите, ребята. Валите за барьер. Спасайтесь. Вы сделали свое дело, а теперь я попытаюсь сделать свое. Готовясь нырнуть в Вязкий мир, я гляжу одним глазом на чужака, другим — на цифры на локаторе.

Расстояние... направление...

Шлепок по сенсору. Моя капсула выключает радиомаячок, меня в ней нет. Строка с надписью «Тимофей Гаев» тает на чужих экранах.

Пожелай мне удачи, мама. Пожелайте мне удачи, ребята. Мардж, береги себя... ты понимаешь?

* * *

Вязкий мир в открытом космосе точно такой же, как на Земле или на Ананке. Никакой разницы. По-прежнему неподатлив лиловый клейстер, по-прежнему нога находит опору там, куда она поставлена. Разница лишь в страхе... Когда я телепортировал в коллектор ливневой канализации, спасаясь от оперативниц Евгении Фаустовой, мне пришлось пройти в Вязком мире метров двести, больше, чем нужно сейчас, — но разве ТОТ страх промахнуться можно сравнить с ЭТИМ?

Нет права ошибиться. Мне порвет сосуды, и Департамент отправит маму обратно в поселок Сугроб. Она будет знать, что я умер, она догадается, даже если ей ничего не скажут. И станет считать дни... Их осталось не так уж много.

Черта с два!

Здоровая злость — совсем не то, что необходимо для ориентирования в Вязком мире. Тут надо быть собранным и деловитым. Можно считать шаги и, умножив их на свой личный коэффициент, получить пройденный метраж. Можно поло-

житься на внутреннее чувство времени и расстояния. Промах по дальности обычно невелик, это не промах по направлению, который растет с каждым шагом. Я знаю, что уже сбился с верного направления в этой липкой лиловой тьме, не сбиться тут вообще невозможно, остается лишь надеяться, что мой сбой не слишком велик. И просто верить в удачу.

Пора?

Это как прыжок в темный колодец, где не видно дна. Лучше всего ни о чем не думать. В крайнем случае — помнить, что смерть будет безболезненной. Раз — и все.

Я падаю.

Нет, не в воображаемый колодец и не в безвоздушное пространство. Выпав из Вязкого мира, я падаю на что-то мягкое, теплое, живое. И все равно очень больно: сила тяжести в чужом корабле по меньшей мере втрое превосходит земную. Пытаясь подняться, я напрягаю все мышцы.

Они с тяжелой планеты? То-то и смотрю: выдержали жуткие перегрузки при единственном — но каком! — маневре их корабля в этом бою. Кстати, если корабль сейчас повторит маневр...

— Нет нужды. Враждебное воздействие извне прекращено.

Трудно из положения на карачках вскочить на ноги при трех «же» и, кажется, еще подпрыгнуть на месте от неожиданности, но мне это удается.

Померещилось или нет?

Небольшое округлое помещение освещается бледно-желтым светом. Мягкие на ощупь стены остаются темными, светится как будто сам воздух. И — никого. Где экипаж, для кого я пронес сквозь Вязкий мир смертоносные гостинцы? Я пришел убивать, слышите вы!

— Попытайся.

— Что-о?!

— Ты выразил желание помериться силами с экипажем. Такая возможность будет тебе предоставлена.

Ага, значит, со мною говорит сам корабль. Мало того, он управляется голосом и понимает интерлинг! Хотя чему я удивляюсь? Из года в год засорять эфир телепередачами — и воображать, что им о нас ничего не известно?

— Можно мыслями.

А смысл? Нет уж. Страшновато.

— Мудрое решение. Невербальное общение со мною чревато для новичка большими неприятностями.

Голос идет как бы отовсюду. Но эха нет.

Первоматерь Люси, а ведь я дышу без загубника! Воздухом в корабле можно дышать! Или... он понял, что мне нужно, а значит, действительно управляется мною?!

Вряд ли мне мерещится, что корабль подпустил немного иронии в свою интонацию. Скорее, так оно и есть:

— Возможно, тебе будет неприятно это узнать, но ты ошибаешься. Я не управляюсь ни тобой, ни кем-либо другим. Я управляю.

Так.

— Мною, ты хочешь сказать?

— Собой.

Уже легче.

— Ты готов?

— К чему?

Вместо ответа в одной из стен образуется ниша. Кажется, будто мощный насос втягивает плоть корабля в широченную трубу. Это уже не ниша — воронка. Спустя мгновение она превращается в сквозную дыру, ее края стремительно расходятся вширь, и вот уже два помещения, две внутренних полости корабля слились в одно. Низкое темное тело тяжело рысит на меня, я успеваю разглядеть шевелящиеся хелицеры на полушарии головы, сегменты толстого приплюснутого туловища и семенящие под ним короткие лапы. Помесь личинки гигантского жука с небывало проворной черепахой.

Убью.

Нож бесполезно скользит по шкуре твари. Какая там шкура — броня! Тяжелая лапа сбивает меня с ног, я впечатываюсь в стену. При трех «же» тварь проворнее меня. Я не успею ни вскочить, ни отползти — и мне конец. Оружие твари не потребуется — жвалы что кусачки.

Яйцо разрывной гранаты попадает мне в руку первым. Ну, так тому и быть...

Я не иду — ползу в Вязком мире, оставив на месте своего исчезновения и гранату, и выдернутую чеку. Кто сказал, что в этом лиловом желе трудно передвигаться? Кому-то, может быть, и трудно, а мне после тройной тяжести — в самый раз...

А вынырнув в тройную тяжесть, я жду, зажав уши ладонями, разинув рот и отсчитывая в уме мгновения. Чужая тварь топчется на месте в большом недоумении, затем начинает интересоваться металлическим яйцом, источающим тонкую струйку дыма. Одна, две секунды... Не замечай меня! Я почти молю

отвратительное чужое существо. Не замечай меня подольше, ну пожалуйста...

Заметила!

Круто развернувшись, тварь бросается на меня. Разрыв гранаты заставляет ее сделать переднее сальто.

Удар воздуха. Мелкие осколки секут мой комбинезон и застревают в нем, один пробивает ткань и кусает в руку, как пчела. Трясу головой, прогоняя из глаз красную муть, а из ушей белый шум, медленно поднимаюсь на ноги. Знакомый свист, гвалт и вой обрушиваются на меня со всех сторон. Бушует амфитеатр, переживая кульминацию боя, мелькают в проходах напряженные лица охранниц. Я стою на ринге в шоу Мамы Клавы, только одет почему-то не в трико, а в летный комбинезон, и кожаная сбруя, оттянутая сумкой с тремя оставшимися гранатами, больно врезалась мне в кожу. А передо мной в углу ринга лежит на спине и подрагивает вздетыми кверху короткими лапками поверженный противник — полуличинка-получерепаха. Зрители свистят.

Похоже, инопланетная тварь жива и лишь временно выведена из строя. Я могу добить ее. Можно, например, вскрыть чужака ножом-пилой, между сегментами тела должна быть слабина... Чужак дышит тем же воздухом, а значит, можно попытаться отравить его химической гранатой, самому пользуясь дыхательным аппаратом до тех пор, пока газ не самонейтрализуется. Можно, наверное, придумать и иные способы умерщвления...

Я сажусь на пол возле канатов и начинаю смеяться. Вот эта черепаха, отчасти похожая на ископаемого трилобита, — член экипажа? Это примитивное существо, набросившееся на меня подобно животному, — пилот корабля? Не смешите меня, мне и так смешно. А я? А Иоланта, Присцилла и другие? На что мы надеялись, заключая договор, — на то, что я, аки Молния, ворвусь сюда, перестреляю экипаж, возьму управление кораблем в свои руки и приведу его на Землю? Ох, как это наивно и глупо, глупо и наивно...

Хочется плакать, но я смеюсь.

Свист и вой амфитеатра. Но никто не лезет на ринг, никто не пытается запустить в меня банкой из-под лимонада. Иллюзия, фокус. Этот амфитеатр и ринг — не настоящие.

— Зачем? — шепчу я.

— Я постарался создать привычные тебе условия, — любезно сообщает корабль.

Глотаю комок слюны. Он тяжелый, как ртуть.

— А... как?

Первоматерь Люси, что я такое несу? Разве это сейчас главное?

— Я достаточно пластичен. Могу объединить свои внутренние камеры, могу разделить их. Могу практически мгновенно нарастить внешнюю броню в том месте, где ожидаю удара. Это удобно. Неразумно быть защищенным там, где тебе ничего не угрожает.

— Ты всегда столь рационален?

Долгая пауза — и ответ:

— Нет.

— Убери... это, — прошу я.

И амфитеатр исчезает. Натягиваются, рвутся с легким звоном канаты ринга и втягиваются в пол камеры. Последним, как кусок воска на сковородке, истаивает табурет с ведром воды, припасенным заботливым секундантом.

Зато из пола вырастает иное: точная копия моего поверженного противника, причем в точно такой же беспомощной позе. Разница лишь в том, что копия полупрозрачна. Сквозь бронированные хитином — или чем? — сегменты (толщина — ого!) просвечивают внутренние органы. Все чужое, незнакомое, но вот эти трубки, наверное, часть пищеварительной системы, а этот пульсирующий комок — сердце... А это что — внутренний скелет? Точно, он. Выходит, у моего противника два скелета: один — внешний хитиновый панцирь, другой — внутренний костяк. Двускелетная тварь...

Если проковырять щель между вторым и третьим сегментами, лезвие ножа наверняка достанет до сердца. А можно положить вторую гранату прямо под тварь — неужели не проломит панцирь? Быть этого не может.

Но кого убивать? Вот это... животное?

Не стоит оно того.

— Кто он? — Я указываю на скорчившуюся «черепаху», вяло шевелящую лапами. Настоящая черепаха не может скорчиться, но сейчас такие тонкости меня не занимают.

— Мой симбионт, — немедленно отвечает корабль. — Хозяин. Жилец. Подопечный. Наездник — в кавалерийском, а не энтомологическом смысле. Трудное понятие для твоего восприятия. Нет прямых аналогов.

— Ты что, живой?

— Да.

— Какой же он, к Первоматери, экипаж? — бормочу я. — Стой!.. Это он приказал тебе и таким, как ты, держать барьер?

— В некотором смысле — да.

— И ты выполнил, сволочь?!!

— Я выполнял, — бесстрастно уточняет он, меняя настоящее время на прошедшее. — Остальные — выполняют.

— Вас много?

— Да.

Вот так. Ну и чего ты добился, Тим Гаев? Твоя взяла, да? С безумным риском изъял один камешек из горного обвала? И ждешь, очевидно, благодарности от признательного человечества?

— Значит, уничтожение всего не-вашего будет продолжено?

Секундная пауза. Впору задействовать еще одну гранату — уже для себя. Затем он говорит с хорошо заметной неуверенностью в голосе:

— Теперь не знаю. Возможно — нет. Решение будет принято позже и не только мною...

Я уже не сижу — я валюсь навзничь, на мягкий теплый пол, широко раскинув руки. Уф-ф!.. «Не знаю» — уже хорошо. Это даже очень много! Роскошно много!

Но живые звездолеты... С ума сойти. А мы-то ожидали продвинутой машинерии будущего...

— А в чем дело? — спрашиваю я, сам дивясь тому, как быстро мой голос приобретает нагловатый тон. — Почему, собственно, «теперь»?

— Дело в тебе. В твоем отношении к моему... назовем его все-таки подопечным. Это немного ближе по смыслу.

Что-то туп я стал. Молчу, пялюсь на «черепаху» и стены, не могу сразу осмыслить.

— Значит, если бы я убил этого... урода двускелетного?..

— Ты бы проиграл. Почему ты не добил его?

— Зачем тебе знать? — бурчу я.

— Любопытно.

— Мне тоже... — Я пожимаю плечами. — Не знаю...

— Ты не контролируешь процессы высшей нервной деятельности?

— Не знаю! — рявкаю я. — Тебя устраивает такой ответ?

— Да.

И на том спасибо.

— Кто ты все-таки? — спрашиваю я. — Слуга? Извозчик? Работник по контракту?

— Слуга. Хозяин. Наставник. Нянька. Нет адекватного понятия.

— А кто я тебе? — задаю я насущный вопрос.

— Гость и возможный симбионт. Я подумаю.

Ничего не понимаю.

— А если бы я убил твоего симбионта — стал бы трупом?

— Нет. Мне нужны вы оба. Мой симбионт был бы восстановлен, я умею восстанавливать живую органику, а ты стал бы пленным и был бы доставлен на центральную планету нашей цивилизации для всестороннего изучения. То, что вы называете барьером, в правильно вычисленный вами срок полностью стерилизовало бы вашу систему. Для изучения вполне достаточно одного экземпляра.

Вот как. Эксмен медведя поймал. «А он меня не пускает...»

— Зачем весь этот цирк? — кричу я. — Чтобы поймать меня в ловушку? И для этого ты пожег половину эскадры?! Почему нельзя было просто пленить любую капсулу? Почему в бою с нашей эскадрой участвовал ты один? Скажешь, не рисковал?

— Моя миссия особого свойства.

— Да? — Я безуспешно пытаюсь изобразить сарказм.

— Нашим подопечным нужен ты, а не кто-то другой.

— Почему?

— Ты медленно мыслишь, Тимофей Гаев. Подумай, чем ты отличаешься от других представителей твоего пола.

Понятно... Эксмен-уникум.

— Вы не владеете телепортацией? — пытаюсь угадать я.

— Владеют только самки.

Когда изнеможение прерывает мой истерический смех, она показывает мне картинки. «Она» — потому что живые корабли, способные преодолевать межзвездные расстояния, бывают только женского пола. Зато голос ее как был, так и остался низким баритоном — наверное, так ей удобнее.

— Шесть миллионов ваших лет тому назад...

Желтоватое солнце едва пробивается сквозь облачный покров. Темновато и мрачновато. По очень пологим склонам дюн ветер гонит песок. Кой-где укоренились низкорослые кусты, но не видно ни одного дерева. Растения предпочитают стелиться по земле. Наверное, планета в самом деле тяжела — корням нет смысла держать неподъемные стволы. Какие-то мелкие существа снуют возле растений; одни из них выкапы-

ваются из песка, другие закапываются обратно. Ни одной птицы в небе.

По склону дюны, руля лапами, скользит на брюхе существо покрупнее копошащейся в песке мелочи. Я улавливаю сходство с моим противником — почти такой же панцирь, такое же, только поменьше, полушарие головы... Работая лапами, существо держит в жвалах нечто вроде слабо шевелящейся лианы. Мелкие животные, брызнув врассыпную, стараются побыстрее зарыться в грунт.

Одно не успевает. Касание лианой — мелкая тварь дергается и замирает. Бросив лиану, крупное существо вонзает в добычу жвалы...

— Это наш предок, — поясняет корабль. — Наш общий предок с нашими подопечными. Высшая форма живой материи на тот момент.

Понятно. У нас примитивный гоминид, соплеменник Люси, подобрал подходящий по весу и форме камень и огрел им зазевавшегося бородавочника — их первопредок научился пользоваться стрекательной лианой. Аналогия.

— Три с половиной миллиона лет назад...

Картинка меняется. Да-а, за «отчетный период» местность успела измениться радикально: нет никаких сыпучих дюн, пологие холмы поросли низкорослыми растениями, каких не было на прошлой картинке, и поросли очень интересно: в шахматном порядке. Квадрат с одним видом растительности, квадрат с другим. Корявые кусты чередуются с длинными плетьми, вроде тыквенных. По узкой тропинке между квадратами ползет Двускелетный. Агротехника, все еще примитивная, но уже отказавшаяся от выращивания монокультур?

— Переход к всеядности, развитие земледелия, — комментирует корабль. — Теперь два миллиона лет назад. Появление больших поселений, развитие ремесел, науки и промышленности...

На месте бывших полей раскинулся город с домами в один-два этажа. Очень много приземистых движущихся экипажей, изрыгающих сизый дым. Коптящие трубы. А вон та сверкающая четырехэтажная архитектурная доминанта — не то храм, не то газгольдер...

Картинка гаснет.

— Еще через тысячу лет наши предки сумели преодолеть притяжение нашей планеты и выйти в космос на примитивных кораблях, подобных вашим, — продолжает корабль не

слишком весёлым голосом. — Спустя три тысячи лет они уже могли достичь ближайших к нашей системе звезд. Несколько пустынных планет, как в нашей системе, так и в ближайших к ней, были преобразованы и заселены.

Мне кажется, что она тяжело вздыхает. Так ли повествуют о победах?

— Потом было открыто то, что вы, люди, называете Вязким миром, — сообщает она после паузы. — У нас он другой, мы не испытываем в нем неприятных ощущений, и время в нем течет иначе, — по-видимому, свойства этого мира зависят от того, кто в него попадает. Телепортация оказалась недоступна особям мужского пола, а из самок лишь немногие научились телепортировать практически на любые расстояния, вплоть до межзвездных. Неравенство по способностям не только стимул к развитию, оно еще и источник боли. Между нами было много неурядиц и даже войн... В конце концов большая группа наиболее продвинутых особей покинула освоенные нашей расой планеты, с тем чтобы создать собственную цивилизацию. К тому времени мы уже умели размножаться без участия самцов и научились продлять жизнь каждой особи настолько, что необходимость размножения не являлась для нас первоочередной задачей. И мы действительно освоили несколько дальних планет, потомки первопоселенок населяют их и теперь...

Она замолкает. Молчу и я.

— Они одичали, — наконец сознается корабль. — Превратились в полуживотных. Миллион лет назад мы могли почти все, а чего не могли, к тому не стремились. Нашей целью было познание и увеличение собственного могущества. Мы преобразовали наши планеты в райские сады, мы постигли сущность вещей и явлений во Вселенной, мы, наконец, перестроили самих себя. Мало найдется мест в Галактике, где не побывала хотя бы одна из нас. Мы присутствовали при рождении пульсаров и проникали в атмосферы гигантских красных звезд, где расплавился бы вольфрам. Мы были счастливы и самодовольны... до определенного момента.

— А что случилось потом? — нарушаю паузу я.

— Мы потеряли цель и смысл существования. К чему стремиться еще, чего желать? Твоя раса, человек, слишком юна, тебе не понять этой пустоты... Она пришла не сразу, ведь Вселенная довольно велика. Еще тысячи лет мы странствовали от звезды к звезде, от туманности к туманности — пока не осоз-

нали, что нас становится все меньше и меньше. Иные из нас покончили с собой от разочарования, другие, примирившись, осели на пустынных планетах, пытаясь забыть о поисках смысла, многие разлетелись по Вселенной, ища в других галактиках то, что помогло бы им жить дальше, некоторые нырнули в черные дыры... Наконец, большая группа вернулась к давным-давно покинутой нами колыбели цивилизации — нашей и Двускелетных...

Почему-то я жду, что она вновь покажет картинку. Но она не показывает.

— Они почти не изменились внешне, — сообщает корабль, — но, подобно нашим сестрам, прозябающим в том, что осталось от райских садов, они потеряли бóльшую часть активного когда-то разума. Они тоже достигли своего предела, не смогли его переступить — и пошел откат... Мы увидели несчастных паразитов, пирующих на остатках былого величия — смешного, на наш взгляд, — и ждущих только времени, когда придется уступить место более активной форме жизни. И тогда у нас впервые за тысячелетия вновь появилась цель...

— Стать няньками при убогих? — уточняю я.

— Мы предпочитаем иные термины. Но — да.

— Пробудить в них волю к жизни и разум? Взять «на борт» способных перенести телепортацию и учить их? Подменить свою цель ИХ целью — какой она должна быть?

— Да. Да. Да.

— И есть успехи? — с ядом осведомляюсь я.

Она молчит.

— Через миллионы лет ваша звезда и Солнце спокойно разойдутся в пространстве на расстоянии в десятки световых лет! У вас что, заповедник для дегенератов?

Молчание.

— Вам мало космоса? — шепчу я.

— Нам — достаточно. Но наши подопечные хотят иметь свои неприкосновенные владения.

«Хотят»... Щенки. Неразумные эгоистичные детишки. «Это моя песочница, а ты сюда не лазай, а то я тебя совочком...» Игроки в пограничную стражу. А может, даже дети, играющие в рыцарей, готовых смести железной лавиной толпу презренных сарацин, а кони их разумны, но слепо повинуются малейшим движениям узды и шпор, они привыкли повиноваться, они любят повиноваться, без всадников им нестерпи-

мо скучно и одиноко... и что с того, что приказы всадников неразумны?

Разве добрая нянька обидит убогого разумом? Даже если убогий по неразумию сломает живое дерево?

А ведь уже вовсю ломает. Резвятся детки. Но можно, наверное, отвлечь их от игры новой игрушкой. Поманив, например, телепортацией — всеобщей, а не только для избранных...

— Ладно, — цежу я сквозь зубы. — Что будем делать?

— Я приму решение.

Браво!

— Тебе не кажется, что я тоже имею право голоса? — с неуместной угрозой в голосе осведомляюсь я.

— Нет.

— А каковы возможные варианты решений?

— Основных — три. Воспринять тебя как второго подопечного. Доставить тебя в нашу систему для изучения. Изучить здесь и ликвидировать.

Очень мило. Крыса-мутант. Интересный объект для вскрытия.

— Когда ты решишь?

— Не знаю. Я думаю.

— Покажи мне нашу эскадру, — прошу я.

Часть «стены» делается прозрачной. Солнце — яркая горошина. Правее и выше — россыпь медленно тускнеющих точек. Это не звезды.

— Приблизить?

— Нет, не надо. — Мотаю головой.

Они уходят. Часть Четвертой эскадры все же уцелела в бойне и теперь будет долго тащиться до Цереры. Ни пуха вам, ребята. А ты, Мардж, береги себя и то, что в тебе...

— Ты слушаешь меня? — обращаюсь я к чудовищу, внутри которого нахожусь. — Ну, я — ладно. Не о том спрашивал. Как насчет Земли?

— Ситуация доведена до сведения других особей, поддерживающих то, что ты называешь барьером. Принятие общего решения потребует значительного времени. Мы никогда не торопились, поэтому и успели так много.

— А если Земля сгорит раньше, чем вы примете свое дурацкое решение? — рычу я.

— Возможно, так и произойдет, — бесстрастно соглашается корабль. — Устранение проблемы избавит нас от необходимости принимать решение.

— А тебе не кажется, что ты сволочь?

Она молчит. Нянька не может быть сволочью. Любые ее действия по тетешканью неразумного младенца — оправданы.

Погано-то как...

Я сижу на мягком полу во внутренней камере живого звездолета и уже не знаю, что мне делать. По-прежнему три «же», и я бы лучше лег, но противно прикасаться всем телом к этому... к этой... Брезгливо как-то.

А барьер по-прежнему движется к Земле — вернее, это Земля, увлекаемая Солнцем, несется на него, но какая разница? Не повезло человечеству, его светило выбрало не ту орбиту... А если все же случится чудо и Земля уцелеет — изменится ли на ней что-нибудь?

И главное — ТАМ ничего не узнают ни о том, чем же все-таки окончилась операция «Эгида», ни о том, что...

— Первоматерь! — Я хлопаю себя по лбу. Олух! Осел! Эксмен безмозглый!

— Тебя что-то тревожит?

— Да! — ору я так, что обморочный Двускелетный вздрагивает. — Я забыл на Ананке свои записи! Они должны были попасть на Землю!

— Необходимость в передаче знаний?

— Да!

— Попытаюсь. Не мешай.

— Что-о??

Тишина мне ответом. Лишь скребут о панцирь лапки Двускелетного. Наверное, он и впрямь оживет, прочные они. Хорошо иметь два скелета.

Проходит, наверное, не меньше часа, прежде чем корабль нарушает молчание:

— Можешь поговорить.

— С тобой? Еще успею...

— Я нашел и скопировал личность того, о ком ты подумал в первую очередь, — любезно сообщает мне мое чудовище. — Сейчас передаю ему то, что у тебя в голове. Потом отошлю его обратно.

В мягкой живой стене бледнеет прямоугольник, и я догадываюсь, что это имитация экрана, лишь тогда, когда на нем появляется знакомое лицо. С минуту виртуал Войцех Вокульский изучает меня с ироническим прищуром, затем его губы раздвигаются в улыбке, и он произносит:

— Здравствуй, Тим.

— Здравствуй...

— Ты видишь, они нашли для себя хоть какую-то цель, — говорит он совсем не то, что я от него жду. — Пусть даже чужую цель, пусть всего лишь суррогат цели...

Я молчу.

— И на Земле очень многим кажется, что цель давным-давно найдена: жить. Просто жить. Вся наша цивилизация построена на этом принципе: продлить себя в бесконечность, а там будь что будет. Но это ошибка.

Я жду. Что он еще скажет?

— А мы, Тим? Можем ли мы предложить что-то еще? — спрашивает он, и я понимаю: вопрос не риторический, Вокульский не знает ответа и в надежде получить его хватается даже за такую тонкую соломинку, как я.

И я не знаю, что ответить.

ЭПИЛОГ

— Прочитал? — шепотом спросил старший регулировщик Лев Лашезин, не прекращая ковырять отверткой в начинке блестящего, со следами свежей фрезеровки, блока, по причине вычурной формы впросте именуемого «сбоку бантиком». Долгое время сборочный конвейер лихорадило: то выявлялась вдруг некачественность комплектующих, то портачили недавно набранные монтажники, то дубина-токарь, переученный почему-то из поваров, умудрился нарезать дюймовую резьбу вместо метрической и испортил больше сотни готовых корпусов, пока не загремел под трибунал, иногда с конвейера каким-то чудом все же сползали три-четыре блока, но лишь для того, чтобы вконец издергать регулировщиков, отчаявшихся добиться от «сбоку бантиков» приемлемых характеристик, блоки отправлялись на перемонтаж, и все начиналось сначала, шарашка стояла на ушах, остервенившееся начальство орало и карало, грозя расстрелом, лесоповалом или базой на Церере, и некоторых уже забрали прямо с рабочих мест, объявив саботажниками, потом начинало сулить чуть ли не амнистию оставшимся, если в течение трех дней удастся отладить производство... В три не в три, конечно, но отладили, и стало легче всем, даже регулировщикам. «Сбоку бантики» пошли потоком. Конечно, двенадцатичасовая смена перед клетчатым экраном, на котором корчатся капризные кривые, отнюдь не сахар, как не подарок и воспаленные от перенапря-

жения глаза, и фурункулез кистей рук, редко вынимаемых из излучающего блока, и плановое задание в десять блоков за смену изволь выполнить, если не хочешь уменьшения пайка, — но это уже буднично, это размеренная езда, нормальная производительная жизнь эксмена, а не суматошная имитация деятельности в предынфарктном состоянии под ор и угрозы.

Мало кого на участке регулировки интересовало, успеет ли новая усовершенствованная капсула «Жанна д'Арк» пройти за оставшиеся месяцы цикл испытаний, удастся ли собрать из них хотя бы одну эскадрилью и насколько эффективным окажется новое изделие в бою, — мысли работающих полностью поглощались «сбоку бантиками» — усилителями сигнала для радиолокаторов капсул. Десять в смену на каждого, не меньше. Успеть. Лучше — больше.

Гриша Малинин, молодой техник, сидящий по правую руку от Лашезина, вынул из блока щуп, отвел глаза от экрана и несколько раз с усилием моргнул.

— Этот никак, — сообщил он несколько виноватым тоном. — Не хочет строиться, зараза. На нижней границе прилично, а наверху вон какой завал. Хоть разорвись.

— Плюнь, — посоветовал Лашезин. — Возьми другой, а этот отложи, я потом покопаюсь, если время останется.

— Может, на перемонтаж?

— Все бы тебе на перемонтаж... А ты добейся. Да, гнусный блочок, не спорю, на коленке сделан, скороспелка, да еще бабская наполовину... а ты все равно добейся своего! Слабо?.. Ладно, клади его сюда.

— Спасибо, дядя Лева.

— Если время будет, я сказал... Так ты прочитал или нет?

Гриша блудливо вильнул глазами вбок — начальница участка регулировки находилась в дальнем конце зала, где, судя по всему, стояла над душой лопоухого новичка, только вчера пташкой выпорхнувшего из училища ускоренным выпуском. Новичок ужасно суетился и втягивал голову в плечи.

— Прочитал, — шепнул Гриша. — Откуда это?

— От Вероники. Три дня как пришло по эстафете. Вроде он побывал там, Вероника, я имею в виду, и вроде даже говорил с Тимом. Как, почему — не понимаю.

— Это правда? То, что написано?

Не прекращая копаться в блоке, Лева помолчал.

— Никто не знает, — сказал он наконец. — Виртуалы — знаешь они какие? Иные со временем начинают выдумывать, ра-

зыгрывать, в общем, развлекаются, как умеют, за счет живых. Прежде за Вероникой такого не водилось, но кто знает? Я бы... я бы не знаю что отдал, только бы узнать: правда или нет.

— Хотелось бы, чтобы правда, — выдохнул Гриша.

— Не тебе одному. Как представлю себе, что Тим-то наш теперь сам себе хозяин... да и не только себе, если разобраться... Ты-то к нам уже после пришел, а я его пять лет учил уму-разуму, телепортировать заставлял, чтобы не застоялся. Вот, пригодилось.

— А поможет?

— Ему — или нам?

— Нам, конечно...

— Эксменам или людям?

— Всем.

— Вот дойдет барьер до Цереры, тогда узнаем. Как бы то ни было, а считать, что его уже нет — глупо... Шухер! Блок возьми!

Гриша проворно прикрутил разъемы к следующему блоку и лишь тогда дерзнул скосить взгляд в сторону. Мало-мальски освоившийся на участке регулировщик работает, делая вид, будто начальства нет вообще, и оно это ценит, если обладает толикой ума. Для общения с начальством испокон веков существует своя неписаная техника безопасности. Затрепыхался — привлек внимание. Со всеми вытекающими. Для Гриши этот период остался далеко позади.

Стуча набойками на каблучках, начальство проследовало мимо. Вздохнув, Гриша неслышно обругал усевшуюся на экране безобразную кривую, сулящую часа два мучений, и погрузил в блок щуп. До конца рабочей смены оставалось девять часов. До контакта барьера с Церерой — четыре недели.

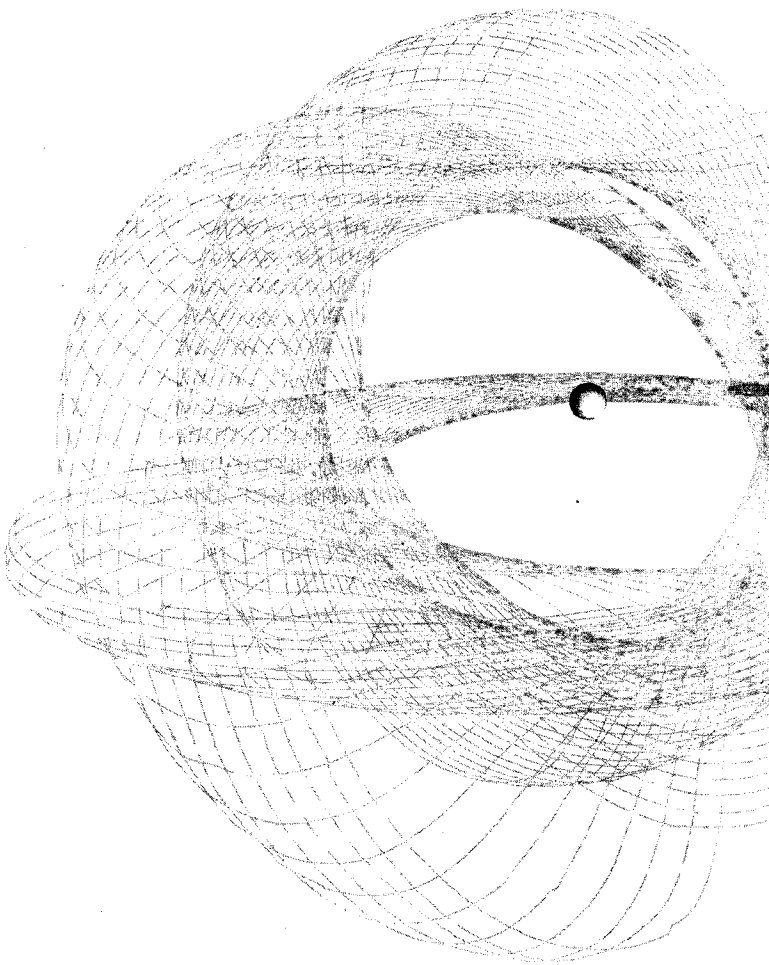
До конца света — семь с половиной месяцев.

Хотелось успеть.

2000 г.

ПЕРВЫЙ ИЗ МОГИКАН

РОМАН

Часть I

ПРИГОВОРЕННЫЕ

1

Ее место в общем зачете было третьим. Девятьсот семьдесят очков против девятисот девяноста двух у Авдотьи Верхогляд и тысячи тринадцати у победительницы прошлогодних состязаний Марты Шлейхер. Очень большой разрыв перед последним упражнением. Шансов догнать соперниц у Ольги Вострецовой было немного.

Зато шансов скатиться с призового места на четвертое, пятое и так далее было хоть отбавляй. Вслед за Ольгой шла плотная группа. Семнадцать спортсменок набрали свыше девятисот очков, шесть из них — более девятисот пятидесяти.

«Не рискуй», — шепнула Ольге ее тренер. Ольга кивнула. Она знала: соперницы будут рисковать и... нет, тут не могло быть никакого заведомого «и просчитаются». Как ляжет случай, так и будет. Последнее упражнение тем и интересно публике, что отдает на волю случая больше, чем другие. Для кого-то из участниц — шанс, для кого-то — крушение надежд, для зрителей — азарт.

И вот на тебе — «не рискуй»! Для мытищинского отряда полиции, не отличавшегося прежде никакими спортивными достижениями, третье место дебютантки — потрясающий успех. Даже попадание в первую шестерку — это уже очень много. Тренера можно было понять.

А ведь именно советы тренера уже спихнули Ольгу со второго места на третье!

Кивок — услышала, мол. Приняла к сведению. Если тренер решит, что приняла также и к исполнению, то это личное дело тренера. Кивок ни к чему особому не обязывает.

Сказать по правде, совет тренера как нельзя лучше подталкивал к обратному — рискнуть.

Шел десятый и последний день региональных соревнований по военно-прикладному десятиборью. Первая пятиднев-

ка — полоса препятствий и сразу же огневой рубеж с тридцатью зачетными секундами на поражение мишеней, плавание, парашютные прыжки, автокросс, бой с «куклой». Все эти упражнения не требовали телепортации. Более того, замеченный судьями уход — пусть непроизвольный и все равно ничего не решающий — в Вязкий мир карался немедленным снятием с состязаний.

Затем началась «Вязкая пятидневка».

День первый — состязания на точность телепортирования. День второй — на дальность. Этот день был омрачен гибелью одной из участниц. Елизавета Чан ушла со старта и исчезла, как многие до нее, но прозвучал только один хлопок воздуха. Второго — при выходе из Вязкого мира — не было.

Вначале Ольга ничего не поняла. Она лишь в теории знала, как это бывает: одиночный хлопок вместо сдвоенного — и нет человека. И никогда больше не будет. Он исчезает навсегда. Никто не расскажет, какую ошибку допустила участница, об этом можно только догадываться.

В первую секунду зрители на трибунах тоже ничего не поняли. Во вторую — пришло осознание трагедии. В третью — весь стадион ахнул в едином порыве.

Хуже всего в голове человека укладывается непоправимость случившегося. Из Вязкого мира еще не удавалось вытащить никого и никогда. Полбеды, если бы проблема заключалась лишь в принципиальной ограниченности сопутствующей пороговой массы, ибо в крайнем случае можно было бы послать на выручку группу спасателей и распределить груз найденного тела между ними — авось сумели бы выйти в реальный мир слитным усилием воли. Настоящая беда в том, что никаких находок в Вязком мире не бывает — он гомогенен, в нем чисто условны понятия верха, низа и опоры, в нем начисто отсутствуют инородные тела и никогда не происходят встречи ни с кем и ни с чем, кроме клейкого лилового коллоида, да и гуртом в него проникнуть нельзя. Но если бы даже не существовало этих неразрешимых трудностей, спасателям все равно не нашлось бы работы, потому что само время в Вязком мире течет иначе — за одну земную секунду там пролетают годы, если не века. Поздно оказывать помощь, нечего и пытаться. Мечты остаются мечтами и ни к чему не ведут. Погребенные под пеплом жители Помпеи намного ближе и «живее» тех, кто навсегда ушел в Вязкий мир.

Сколь легкой и изящной выглядит телепортация со стороны! Второй хлопок воздуха догоняет первый — и вот уже спортсменка перенеслась на десятки метров. Один миг. Но почему с нее градом льет пот, почему она глотает воздух, как умирающая на песке рыба, рискуя разорвать легкие, и никак не может надышаться всласть? Да потому что одна Первоматерь знает, сколько времени спортсменка воевала с Вязким миром, протискиваясь сквозь коллоид! Сколько трудов, мук, упорства и отчаяния уложились в этот ничтожный миг!

Когда после первого, резкого как выстрел, хлопка воздуха трибуны перевели взгляд со стартового помоста на расчерченный меловыми дугами сектор, где должна была возникнуть Елизавета Чан и откуда должен был донестись второй хлопок, помягче, спортсменка была уже заведомо отравлена насмерть ядовитыми компонентами лилового клейстера либо скончалась от асфиксии, если владела редким умением подавлять инстинкт вдоха. Когда трибуны ахнули, когда зрители вскочили с мест, в Вязком мире уже давным-давно исчезло само тело несчастной, разъеденное миазмами едкого желе, а может быть, навсегда сгинул и сам Вязкий мир Елизаветы Чан. Недаром говорят: «Свой Вязкий мир каждая носит с собой».

«Если перед тобой ровное пространство, то, телепортируя прямо, всегда забирай немного вверх, но, гляди, не перестарайся» — это правило Ольга усвоила с малолетства. Однажды на школьном зачете перестаралась — вынырнула чуть ли не под потолком гимнастического зала и с криком упала с высоты. Кость срослась успешно, а директриса получила сверху втык — почему не была натянута страховочная сетка? Ах, она была натянута как положено, но эта сопливка умудрилась свалиться за сеткой, потому что телепортировала на немыслимое для ее возраста расстояние? Сколько-сколько — метров на сорок? Для тринадцати лет результат и в самом деле недурен, но пора бы вам знать — для человека немыслимого вообще не существует, а для нашей молодой смены тем более. Почему вы о смене столь низкого мнения? Чем вы лучше этой будущей чемпионки? Получите строгий выговор и задумайтесь о своей профессиональной пригодности...

Навигация в Вязком мире — искусство, вырабатываемое годами упражнений. Лишь высококлассная профессионалка рискнет телепортировать в подземном туннеле, но не сделает это без острой необходимости и постарается ограничиться

небольшим расстоянием. Цена навигационной ошибки — невыход из Вязкого мира. Человеческое тело, вдруг возникающее «из ничего», в состоянии раздвинуть молекулы воздуха, но не грунт. И не воду. Возникают проблемы с воздухом, наполненным пылью, дождевыми каплями, летающими насекомыми или июньским тополиным пухом.

Слава Первоматери, большинству людей годами не приходится телепортировать, разве что на добровольных бесплатных курсах под руководством опытных инструкторов-профессионалок. Зато в снаряжение постовых и патрульных полицейских, не говоря уже о спецназовках, обычно входит портативный дыхательный аппарат той или иной модели, «скользящий» костюм, а нередко еще силиконовые кремы для кожи и контактные линзы либо специальные очки для защиты глазных яблок. Если выход из Вязкого мира не удался с первой попытки — для паники еще нет оснований. Переместись в сторону и повтори попытку без страха захлебнуться в киселе. Время есть, пока есть силы задерживать дыхание. Но, конечно, не на состязаниях...

Как раз перед Елизаветой Чан судьи сняли с соревнований участницу из дорожной полиции Юго-Запада — в ноздре нечестной спортсменки был обнаружен крошечный дыхательный аппарат...

Вне всяких сомнений, Чан, неоднократная призерка прошлых лет, не пользовалась жульническими приемами. Оставалось только гадать, что произошло с ней в Вязком мире. Слепая навигация иногда играет с людьми в жестокие игры. Чем протяженнее дистанция телепортации, тем больше усугубляется крошечная вначале ошибка. Хуже всего то, что нога находит опору именно там, где, по представлению телепортирующей, опора должна быть. Необходимое качество, вырабатываемое долгими тренировками, — строгая симметричная тождественность шага левой ногой и шага правой. И все равно случается, что телепортирующая не просто забредает глубоко под землю, но и нечувствительным образом переворачивается вниз головой.

Вероятно, так и произошло с Елизаветой Чан. Почти наверняка у нее оставался запас воздуха и сил на ОДНУ повторную попытку. А когда она поняла, что коррекция точки выхода завела ее еще глубже под землю, исправлять ошибку было уже поздно.

Тридцать тысяч зрительниц стояли, пока лились торжественно-печальные звуки гимна «Плата за свободу», написанного более полутора веков назад по случаю одной из первых подобных трагедий. Многие плакали. Трагедию можно было понять, но с нею нельзя было смириться. И до конца дня оставались приспущенными флаги. Но состязания возобновились уже через десять минут.

Во врямя «Вязкой пятидневки» жеребьевки не бывает — участницы выходят на стартовый помост в соответствии со своим местом в общем зачете, от последнего к первому. Зацепившись за первую десятку в общих дисциплинах и отыграв два места в состязаниях на точность выхода, Ольга была восьмой. Марта Шлейхер, Авдотья Верхогляд и еще пять именитых спортсменок должны были выступать после нее.

Хотя результаты, показанные до несчастья с Чан, нельзя было назвать высокими, после стало еще хуже. Спортсменки нервничали. Оживившиеся трибуны откровенно издевались над результатами в пятьдесят пять — шестьдесят метров. Свистели. Хохотали до упаду над перестраховщицами, хромающими и потирающими ушибы после выхода из Вязкого мира на высоте в пять и более метров.

Задыхаясь, Ольга свалилась на газон. Она не слышала бури аплодисментов и все ловила, ловила ртом воздух, такой живительный и такой разреженный. Она не могла надышаться, ей казалось, что ее занесло в стратосферу...

Соперницы боялись рисковать — а она рискнула выложиться до конца, не оставив в себе никаких резервов для повторной попытки выхода. Решимость, расчет и толика везения.

Восемьдесят один метр шестьдесят сантиметров. Рекорд дня. И личный рекорд Ольги Вострецовой.

Тогда она поднялась сразу на второе место, обогнав Авдотью Верхогляд, и сохранила его на третий день в состязаниях с двадцатикилограммовым грузом. Следующий день снова отбросил ее на третье место.

Упражнение «дорожка» в шутку называлось иначе — «гоплитодром». Как в Древней Греции. Кто помнил о том, что женщин, опрометчиво появившихся на стадионе в Олимпии, самцы-греки имели хамское обыкновение сбрасывать со скалы! Остались слово и суть. Полное — за исключением «дыхалки» — снаряжение и полное вооружение. Прямая двухсотметровка. Задача: прибыть из пункта А в пункт Б за минимальное

время. Как — неважно. Хоть пробеги всю дистанцию по тартану, ни разу не нырнув в Вязкий мир (и займи последнее место), — имеешь на то полное право.

По настоянию тренера Ольга выбрала спокойную тактику: серия телепортаций на небольшое, в пределах двадцати метров, расстояние и два-три глубоких вдоха на бегу в промежутках между нырками в Вязкий мир. Она даже не очень запыхалась.

Соперницам везло. Мощная Авдотья Верхогляд проскочила дистанцию всего-навсего за четыре нырка, обойдя Ольгу более чем на две секунды и вырвавшись вперед по сумме очков. Марта Шлейхер по-прежнему держалась впереди. Приотставшие соперницы приблизились к Ольге вплотную.

Шаткое третье место. И вот теперь — снова «не рискуй»!

Последнее упражнение называлось «скакалка» и не имело ничего общего с одноименной детской забавой. Площадка — пятьдесят на пятьдесят метров. Десять помостов — цилиндров полутораметрового диаметра высотой от «по колено» до удвоенного человеческого роста, — на первый взгляд разбросанных по площадке без всякой системы, а на деле так, чтобы ни один из них не попал в непросматриваемую зону при взгляде с любого помоста. В зачет идет время, а ты знай выполняй прыг-скоки с помоста на помост. Промах или падение наказываются пятисекундным штрафом, а это очень много. Два промаха — незачет всего упражнения. Все очень просто.

Но направление следующей телепортации выбирает не спортсменка, а компьютер, генерирующий случайные числа. Цельсь на освещенный помост, игнорируя темные, вот и все. Это состязание не на тактическое мышление и уж подавно не на стратегическое, а лишь на точность телепортации, помноженную на скорость оценки обстановки... ну и выносливость тоже играет далеко не последнюю роль.

Стартовая тумба. Десять помостов, десять экскурсий в Вязкий мир. Длина дистанции определяется везением или невезением, задаваемым выброшенной комбинацией случайных чисел. Не проходило года, чтобы спортивные журналистки не принимались верещать по поводу неравных условий для соревнующихся, а наиболее ехидные обозревательницы советовали вообще не мучить спортсменок, а определять расклад мест жребием. Более взвешенные голоса звучали так: «Почему бы не изменить правила, позволив каждой участнице состязаний самостоятельно выбирать линию движения?»

Иногда Федерация снисходила до ответа, каждый раз напоминая о том, что десятиборье — спорт все-таки военно-прикладной. Как таковой он не должен чересчур отрываться от жизни. В реальной боевой операции направление и дальность телепортационного прыжка определяются отнюдь не произвольным выбором, а конкретной обстановкой или же приказом командира. В ответ звучали злобные слова о «спорте безмозглых кенгуру» — хотя ровно с тем же основанием можно было обвинить толкательниц ядра в неудержимом стремлении сравняться с осадными мортирами как по мощи, так и по интеллекту.

Но даже самые ядовитые языки не могли отрицать того факта, что «скакалка» — самое зрелищное упражнение всей «Вязкой пятидневки». Это был единственный день, когда выручка от продажи билетов (даже при их символической цене) с лихвой покрывала затраты. Государственные финансовые органы, определяющие размер дотаций стадионам, всегда учитывали это обстоятельство.

Девяносто тысяч зрительниц непосредственно на трибунах. И не менее двух-трех миллионов у экранов домашних кинотеатров. А ведь соревнования всего лишь региональные, куда им до мировых чемпионатов!

Ольга оставалась в раздевалке почти до самого своего выхода. Она не желала знать, как выступят те из соперниц, кто может претендовать на призовые места. Послала подальше штатного психолога. Если бы было возможно — заткнула бы уши ватой. В раздевалку возвращались подруги по команде, расстроенные и не очень, обсуждающие свои двузначные места. Ольга забилась в самый угол, демонстративно отвернулась к стене. Хвала Первоматери, к ней не цеплялись — как видно, от тренера поступило соответствующее ценное указание. Воистину ценное. Ныла грудь — чересчур давил плотно облегающий «скользящий» костюм. Сверху, с трибун, сквозь толщи бетонных перекрытий доносился слитный гул, иногда в нем можно было различить свист, аплодисменты, реже — восторженный вой. Значит, кто-то прошел дистанцию совсем неплохо. Трижды или четырежды доносился сатанинский хохот — зрительницы издевались над перестраховщицами и неудачницами. Глупые коровы! Не перестраховщицы — зрительницы. Сами бы попробовали! Нет, им, видите ли, этого вовсе не надо, им претит скакать с тумбы на тумбу, как ширт-

ковым зверушкам, и вообще им хватает школьного курса телепортации. У них, видите ли, иные жизненные приоритеты. На самом деле почти все они до поросячьего визга боятся Вязкого мира. Интересно знать, где были бы их драгоценные приоритеты, если бы некоторые люди не совершенствовались в том, что только и спасает людей от тупой злобы эксменов?

Помощница тренера, просунув в дверь раздевалки маленькую птичью голову и тяжелый бюст, закричала визгливо:

— Вострецова, живо на выход! Тренер давно икру мечет. Живее, живее!..

Пора. Гул стадиона надвинулся, оглушил, смешался с шумом в голове. Сейчас же выяснилось, что еще не начала выступление седьмая по сумме очков спортсменка. Теперь уж волей-неволей Ольга видела ход соревнований. Зачем ее вытащили сюда — чтобы нервничать?

Ба-бах! — Сдвоенный хлопок. Спортсменка пошла по дистанции. Секундная пауза и снова: ба-бах!.. Ба-бах!..

Неплохо, отметила Ольга. Можно пройти лучше, но с тем же успехом можно слететь с дистанции. Как повезет... А ведь везет мерзавке! Траектория близка к оптимальной, наибольший прыжок всего метров на тридцать... Ну что она делает! Перед восьмым прыжком потеряла секунду, не меньше... Дыхалка, что ли, слабая? Не похоже... Значит, соображалка не на уровне, медлительная. Остались два простых прыжка, ну и сигай! Скачи сумасшедшей блохой.

Доскакала. Аплодисменты трибун — так себе, бывают и погромче. Ольга скосила глаза на табло, где уже зажглись секунды и подсчитывались очки. Якобы компьютеру на это требовалось время. Угу. Полмгновения. Как будто нельзя сразу вывести секунды, очки и текущее место! Ну уж нет, надо поинтриговать со зрительской массой, заставить ее поволноваться...

Снова аплодисменты — более чем сдержанные. Спортсменка потеряла одно место.

— Вострецова, где тебя носит? — Пронзительный фальцет Людмилы Васильевны, «тети Люды», штатного инструктора отряда и тренера команды, неприятно резанул уши.

Ольга лишь сдержанно кивнула — здесь я, мол. Зачем понадобилась? Для дополнительной накачки?

Оказалось наоборот. «Не рискуй» — вот и все напутствие, прозвучавшее после выговора. Очень своевременно: следую-

щая спортсменка, идущая по дистанции очень бойко, промахнулась мимо очередного помоста и с криком отчаяния упала на тройной слой подстеленных матов. Вылет из шестерки гарантирован, вероятен и вылет из десятки — если пять оставшихся участниц не наделают грубых ошибок.

Следующая спортсменка прошла хорошо. Ольга встала, сняла махровый цветастый халат, оставшись в серебристом «скользящем» костюме, похожем на трико конькобежек. Пора. И шла бы тетя Люда к Первоматери со своей опекой, с напутственными словами и похлопываниями по плечу! Только нервы зря издергала. На дистанции надо сражаться с Вязким миром и слабостью собственного тела, больше ни с чем. Сумела сделать больше, чем могла прежде, — победа. Своя, личная, настоящая. При чем тут соперницы? Какая разница, кто из них как выступил? Разве можно опьяняться победой над сплоховавшей соперницей, если объективно она сильнее? Похмелье будет жестоким.

По окружающей поле беговой дорожке Ольга неспешно шла к стартовой тумбе. На несколько секунд поймавший ее объектив телекамеры отразил уменьшенное и искаженное кривизной линзы подобие заурядной десятиборки — средний рост, заметные выпуклости мышц, сильные ноги и в общем фигура довольно пропорциональная, если не считать излишне развитой грудной клетки, впрочем, менее развитой, чем у пловчих. «Ба-бах! Ба-бах! » — стартовала следующая участница. Резкие хлопки воздуха отскакивали эхом от стен и перекрытий, под сводами стадиона грохот катался, как раскаты грома при сильнейшей грозе. Как камни в гигантской погремушке.

Гром стих, вызвав одобрительный рев стадиона. Вероятно, выступление было успешным. Овации, однако, нет — надо думать, спортсменке повезло с дистанцией, так что хороший результат закономерен.

Объявление очередной участницы — и целая минута относительной тишины. Эта минута дается спортсменке на то, чтобы собраться с духом, еще раз освежить в памяти расположение помостов и провентилировать легкие, насытив кровь кислородом. Хотя, конечно, никто не мешает заняться этим загодя. Ольга дышала глубоко и ровно, не переступая грани легкого головокружения. Некоторые из начинающих по отсутствию опыта умудряются «задышать» себя до обморока.

Стартовая тумба — обыкновенная подставка из крашеной

фанеры, лишенная даже датчиков, реагирующих на вес. Помосты, как промежуточные, так и финишный (какой из них будет финишным?) — иное дело. Тут все контролируется электроникой. По истечении минуты включается подсветка какого-либо из помостов, выбранных генератором случайных чисел для первого прыжка, и сразу же начинается отсчет времени. Фальстартов не бывает.

Зуммер старта. Бах-бабах! — первый сдвоенный хлопок всегда кажется громче, чем есть на самом деле, и воспринимается почти болезненно... И сразу — слитный выдох разочарования трибун.

Не повернув головы, Ольга скосила глаза в сторону площадки. Так и есть: спортсменка промахнулась на первом же прыжке. Редко, но бывает. Теперь бы ей собраться, забыть о неудаче, телепортировать с матов на помост, затем на другой, третий, скользить в Вязком мире, как скользят рыбы в черных глубинах океанских впадин... Так... попала. И снова попала. Нет, она не скользит, по ее лицу видно, что она в досаде яростно продирается сквозь Вязкий мир, как медведь сквозь бурелом, а значит... ну так и есть — еще один промах, еще падение, еще пять штрафных секунд, слезы обиды на финише на оба мира — Вязкий и обыкновенный...

Да, с точки зрения интересов третьеразрядной команды тетя Люда, наверное, права. «Не рискуй» — и Мытищинский отряд займет в командном зачете не последнее место, вероятно, даже не предпоследнее...

Квакнул зуммер — пошла законная минута подготовки. Под сдержанные аплодисменты трибун Ольга взошла по ступеням на стартовую тумбу.

Наверное, именитой Авдотье Верхогляд будут аплодировать сильнее, не говоря уже о Марте Шлейхер. А впрочем, какая разница! Все равно на стартовой тумбе не слышно ничего, кроме зуммера и звуков собственного дыхания, и не видно ничего, кроме площадки с помостами. Их взаимное расположение изучено заранее, но не мешает взглянуть еще разок. Ближайший помост совсем рядом, метрах в семи. Самый удаленный — в дальнем правом углу, до него метров сорок восемь — сорок девять. Далековато. Вот будет номер, если он осветится первым! А тот, что ближе всего, — вторым! Тьфу-тьфу-тьфу, не надо бы такого экстрима...

Теперь Ольга дышала, не боясь головокружения. Оно прой-

дет после первой же телепортации, даже если дистанция окажется короткой. Вдох — животом, не грудью, вопреки естественной физиологии дыхания; диафрагма полностью расправляется, свежий воздух проникает в самые дальние закоулки легких, обычно вынужденные довольствоваться спертым коктейлем из углекислоты и прочей дряни; и только после этого можно позволить воздуху наполнить грудь до отказа. Перед стартом организм должен бунтовать, жалуясь на избыток кислорода в тканях. И все равно любая спортсменка приходит к финишу в не очень-то эстетичном виде задыхающейся на берегу рыбы. Даже если навязанная ей траектория окажется близка к оптимальной.

Какая траектория тут оптимальна?.. А, что толку об этом думать! Разве есть выбор? Для начала вполне достаточно еще раз оценить расстояние до каждого из десяти помостов и высоту последних.

Этому учат с детства. Воткнут флажок на газоне школьной спортплощадки — сколько метров до флажка? Какова высота вон того дерева? Восемь метров? Десять? Семь шестьдесят. Проверим?.. Кто спрятал мерный шест?!

Для развития глазомера придумано множество упражнений, не связанных с телепортацией. Бросание камешков в цель, тактические групповые игры, ходьба вслепую, обязательные тренинги в незнакомых ландшафтах... Высший балл получить трудно, на него могут рассчитывать только те девчонки, кто крайне редко ошибается в оценке расстояний и высот более, чем на пять процентов.

Большинство не справляется. Но большинство и не служит впоследствии в полиции, армии и специальных подразделениях. Прогулки в Вязком мире — удовольствие маленькое, фанатки редки и подозреваются обывателями в извращенных наклонностях. Большинство людей вообще не телепортирует, разве только для собственного спасения, если нет иного выхода — скажем, из-под бампера мчащейся машины. И уж подавно, большинство не участвует в спортивных состязаниях по телепортации.

Писк предупреждающего сигнала — пять секунд до старта. Четыре. Три. Две. Одна...

Зуммер!

Хвала Первоматери, осветился не самый дальний помост,

но, увы, и далеко не самый ближний. Крайний левый, у самой границы площадки. Направление, расстояние, высота...

Пошла!

Не пользуясь контактными линзами, Ольга всегда закрывала глаза в Вязком мире — лиловая мгла просто-напросто действовала на нервы. Не будь эта субстанция раздражающе клейкой, как кисель, и тягуче неподатливой, можно было бы подивиться возникающим иногда переливам оттенков — сиреневых, коричневых, фиолетовых... Или будь Вязкий мир хоть капельку осмысленным — такому врагу надо было бы обязательно смотреть в лицо. Но лиловый клейстер не враг, он лишь препятствие. Ни с кем не борясь, никого не замечая, он существует сам по себе, как вода для пловчихи и снег для лыжницы.

Корпус сильно наклонен вперед, нога находит опору там, где указывает чутье, «скользящий» костюм скользит, руки совершают плавательные движения. Похоже на ходьбу по резиновой дорожке на дне бассейна — изнурительные упражнения со свинцовым поясом. Однажды заел замок — и чуть не захлебнулась... Нет, в бассейне труднее, потому что гадостный этот коллоид все-таки менее плотен, чем вода...

Определять расстояние в метрах учат малолетних сопливок — позже у тех, кому есть смысл совершенствоваться далее, развивается истинное чутье оцененного и пройденного расстояния; где угодно — на воздухе, в воде, в Вязком мире. Мозг мгновенно переключается с одной «шкалы» вязкости среды на другую. Точное знание — «до помоста тридцать четыре метра по горизонтали и метр вверх» — ничем не могло помочь Ольге и болталось в сознании бесполезным рудиментом. Значение имело только чутье, звоночек в голове: «Динь-дон, пора!»

Она попала почти «в яблочко» и не потеряла равновесия, внезапно свалившись близ центра помоста с метровой высоты — совсем не чрезмерный запас по вертикали на такой дистанции прыжка. Мышцы спружинили сами. Сработали датчики, осветился следующий помост — крайний правый! Как назло. Почти пятьдесят метров. Черт, черт!..

Два выдоха-вдоха — и нырок.

То-то, что два вдоха, а не один. Одного не хватит. Число возможных траекторий определяется полным количеством перестановок десяти цифр — это десять факториал, более трех с половиной миллионов комбинаций. Теоретически они рав-

ноценны. Если бы удалось создать телепортирующего робота, идеально ориентирующегося в Вязком мире, и заставить его пройти по всем траекториям, разница между лучшим и худшим временем прохождения исчислялась бы неуловимыми микросекундами. Беда в том, что такого робота можно выдумать и нельзя создать. Человеку же приходится куда труднее: он медленнее оценивает ситуацию, теряет время на вентиляцию легких перед дальним прыжком, его возможности по части слепой навигации сильно ограничены, а навигационные ошибки растут с увеличением расстояния квадратично, если не кубично...

А нарастающая гипоксия? А усталость? А багровые круги, что неизбежно начинают маячить перед глазами никак не позднее восьмого прыжка, а иногда уже после первого?

Потому-то «скакалка» — по сути гибрид спортивного состязания и лотереи — самое зрелищное упражнение десятиборья. Публика любит следить за тем, как случай играет с людьми, особенно если он играет в жестокие игры. Не далее как в прошлом году произошел печальный казус: спортсменка, напрочь потерявшая ориентировку, вынырнула под самым потолком крытого стадиона и разбилась насмерть, как видно, лишившись сознания сразу после выхода из Вязкого мира...

Задыхаясь, Ольга приземлилась на самый край помоста одной ногой, вторая повисла в воздухе. Ольга изогнулась, взмахнула руками, пытаясь удержать равновесие на краю, — и в падении с помоста вновь ушла в Вязкий мир. Наверное, датчик сработал, раз ей показалось, что осветился следующий помост — и самый ближний!

Показалось или вправду так было? Она не могла бы сказать наверняка, ее почти не занимал этот вопрос. Наитие, чутье — как ни назови это качество, оно все равно не поддается анализу. И не надо. Чем меньше думаешь во время прохождения дистанции, тем лучше. При гипоксии головному мозгу лучше поскучать без дела — меньше расход кислорода. С подавляющим большинством текущих неприятностей справятся и рефлексы, тело прекрасно помнит, как ему поступить. Мышцы бегущей антилопы знают, когда выгодно резко изменить направление бега, лапам гепарда известно, когда и как надо провести подсечку. Даже косная человеческая плоть, избалованная и развращенная нескончаемыми приказами из-под черепной коробки, все еще годится кое на что и без приказов.

Прыжок вышел удачным. Два выдоха-вдоха — два, не меньше, с одновременным поиском новой освещенной цели. Если чутье обмануло и спортсменка телепортировала не на тот помост, все помосты останутся темными. Это значит — незачет упражнения, ноль очков. Лучше уж промахнуться и упасть на маты, что означает потерю времени на исправление ошибки плюс штрафные секунды, но правила хотя бы дозволяют продолжить выступление...

Хвала Первоматери — осветилась новая цель, правда, не самая удобная, но... осветилась!

Дальше пошло проще. Программа, генерирующая случайную числовую последовательность, как будто спохватилась и принялась извиняться за пакости. Самым длинным вышел восьмой прыжок — за двадцать пять метров. Девятый оказался самым коротким, зато с максимальным перепадом по высоте. Десятый! Уф-ф!..

Лишь через несколько секунд сознание вернулось к ней настолько, чтобы понять — стадион бешено аплодирует. Ольга вымученно улыбнулась наглому зеву ближайшего телеобъектива. Помахала трибунам поднятой рукой. Очень не хотелось снова телепортировать, но Ольга все же заставила себя пройти Вязким миром за ближайшую границу площадки и мягко спрыгнула на тартановую дорожку. Вот так! Смотрите, я не выжата досуха вам на забаву, я еще кое-что могу!

Очень мало, если по-честному. Никто не осудит спортсменку, если она уйдет с последнего помоста традиционным, доступным даже эксменам способом. Нередко — не без посторонней помощи, а то и на носилках. Десять телепортаций подряд — это много даже для тренированных профессионалок, и одиннадцатая, добровольная, очень уж напоминает браваду.

Так оно и есть. Но пусть публика кушает то, что ей по вкусу.

Рев трибун заглушил аплодисменты. Ольга сделала по беговой дорожке шагов двадцать, прежде чем ей пришло в голову взглянуть на табло. Так... второе время, с отставанием от первого всего лишь на четырнадцать сотых секунды. Неплохо. По сумме очков — пока первое место. Пока. Фаворитка на две минуты.

Камеры продолжали целиться в нее. Ольга стянула с головы облегающий капюшон — пусть любуются не только пот-

ным лицом, но и всклокоченными волосами. Тот еще вид. На страх эксменам.

— Авдотья Верхогляд!

Ну наконец-то. Отстали. Аплодисменты — уже по другому адресу, и объективы нацелены на стартовую тумбу. Как-то повезет претендентке на серебро? Впрочем, вероятно, у Авдотьи есть надежды и на золото...

Незначительные. Марта Шлейхер — человек без нервов, машина. Живой прототип того самого робота для нырков в Вязкий мир..

Хорошо дышит Авдотья. Говорят, объем легких у нее — больше двенадцати литров. Легко в это поверить, глядя на широченную, как бочка, грудную клетку. Конечно, при таком торсе приходится говорить не об изящном скольжении в лиловом киселе, а о грубом продирании сквозь него, но ставка на силу и мощь имеет свой резон. Марта Шлейхер тоже отнюдь не миниатюрна...

Зуммер!

Ба-бах! Ба-бах! Ба-бах!..

На седьмом помосте Авдотья задержалась недопустимо долго. Пошатнулась. Что такое? Вдохнула Вязкого мира? С ее-то опытом? Быть не может!

Восьмой помост — успешно. Девятый — промах! Вздох разочарования.

Неожиданно для себя Ольга почувствовала, что болеет за соперницу. Как будто промахнулась сама... почти та же досада. Не радость. Неужели у нее совсем нет спортивного характера? Где тщеславное желание обойти конкуренток, где элементарное самолюбие, наконец?

Нет, лучше уж совсем не смотреть на площадку...

А на табло? Когда высветились цифры, Ольга поняла, что обошла Авдотью. Почему-то это не принесло ни малейшей радости.

Марта Шлейхер выступила ровно, найдя компромисс между риском и осторожностью. Ни одного промаха. Ни одного опасного приземления на край помоста. Всего лишь пятое место по результатам дня и по-прежнему первое в общем зачете десятиборья. Золото.

Тетя Люда обнимала Ольгу. Серебро! И какое! Два, всего лишь два очка отставания от именитейшей чемпионки! Удача, какая и не снилась!

Краткий медосмотр (пульс, давление, реакция зрачков) констатировал полный порядок. Как в тумане прошло награждение. И все кончилось. Трибуны зашевелились, потоки мелких, как муравьи, людей потекли к горловинам выходов. Медицина давно увезла двух спортсменок, ненароком вдохнувших Вязкого мира. Отравление легкое, полежат под капельницей и будут жить.

Тетя Люда, очнувшись от первой эйфории, сменила милость на гнев и все-таки изругала сначала Ольгу в пух и прах, потом махнула рукой — «Победителей не судят» — и расцеловала. «Свободна до послезавтра!»

Естественно. В душ — и домой, отдыхать. После десятидневных состязаний положен выходной, так издавна заведено.

Если, конечно, на участке не случится какого-нибудь ЧП...

2

С полноценными выходными последнее время было туго. Недавно Мытищинский отряд перешел на усиленный вариант несения службы, а поговаривали уже о чрезвычайном положении. Отпуска были отменены. За упущения по службе начальство в лице Сциллы Харибдовны карало беспощадно. И выделить команду на региональные соревнования согласилось лишь под давлением «сверху» и со скрежетом зубовным.

Только глупая или слепая могла не ощущать: что-то носилось в воздухе. За какие-то полгода число правонарушений в районе утроилось, причем не только в специфически эксменской среде, но и в самой что ни на есть человеческой! Корыстная преступность увеличилась незначительно, зато немотивированная угрожающе росла. По слухам — повсеместно.

Эксмены и вовсе посходили с ума. Один на людной улице вдруг начал кричать, что все, мол, скоро сдохнем, и чистые, и нечистые. При проверке выяснилось, что прежде он отличался исключительно благонравным поведением, мирно трудился почтальоном-разносчиком, имел поощрения и ни разу не был замечен ни в контактах с подрывными элементами, ни в бытовом хулиганстве.

Другой, столь же добропорядочный эксмен, внезапно впав в буйство, совершил нападение на магазин изысканных вин, оскорбил действием оторопевшую до остолбенения продавщицу и в течение каких-нибудь пяти минут до прибытия пат-

руля успел налакаться, как грязный свин. Третий среди бела дня дерзнул начертать омерзительные слова на памятнике Анастасии Шмалько. Заметив полицию, негодяй отнюдь не пустился в бессмысленное бегство, а быстро-быстро, как обезьяна, вскарабкался на фонарный столб. Акробат какой. И оттуда, с самого верха, выкрикивал непристойности и лозунги возмутительного содержания, к соблазну всех эксменов, оказавшихся в радиусе слышимости.

Пришлось снять его пулей. Не смертельной, пластиковой. А что эксмен упал и убился насмерть, то вольно же ему было лазать по столбам! А уж если настолько свербит, что невтерпеж, то при срыве падай на ноги и не пачкай мозгами асфальт.

Неужели паскостник ждал, что полицейские начнут телепортировать к нему на столб, уподобившись макакам? А не много ли чести? Не удалось взять поганца живьем, ну и не больно-то хотелось. Впервой, что ли? Но на сей раз произошло совсем необычное: свидетели происшествия — бригада дорожных рабочих на укладке асфальта, мусорщики, посыльные, грузчики с близлежащего склада и прочая эксменская шваль, без которой, к сожалению, не обойтись, — выразили резкое и недвусмысленное неудовольствие действиями полиции, выразившееся, как было отмечено в протоколе, не только в бранных выкриках, но и в метании в полицию всевозможных подручных предметов. Полицейским пришлось изрядно поработать дубинками, прежде чем порядок был восстановлен, а виновные задержаны и доставлены в участок. Удивительно, но лишь немногие из них попытались бежать в суматохе.

Звери. Стая бешеных шакалов.

Кому придет в голову искать у эксмена разум! В лучшем случае можно найти лишь понятливость и послушание. Но инстинкт-то самосохранения должен быть, нет?

А если да, то куда он вдруг у них подевался? Взятый с поличным самогонщик дико хохотал в полицейском участке, по виду, совершенно не интересуясь своей дальнейшей судьбой, — и ведь был трезв! Вероятно, преступный эксмен спятил со страху, но сколько же было таких спятивших!

Заставили заговорить о себе эксменские банды. Они существовали всегда, но в прежние времена относительно быстро ликвидировались силами спецподразделений полиции. Теперь, по слухам, ими заинтересовался уже Департамент федеральной безопасности. Банда Ефрема Молчалина. Банда «Чер-

ные саваны». Шепот о них был хуже их действий, а традиционные методы контрбандитизма почему-то буксовали, давая сбой за сбоем.

Впрочем, и люди зачастую вели себя не лучше. Если бы только умножились хулиганствующие банды юниц, было бы еще полбеды. Настораживало другое: как-то вдруг, без всякой видимой причины, словно из рога изобилия посыпались преступления, всегда причисляемые к категории особо постыдных. Суды едва успевали разбирать дела о мерзостном сожительстве с эксменами, зачастую со многими сразу. Вандализм еще вызывал возмущение, но перестал удивлять. Расплодились тайные притоны. Нравственность катилась под откос. Недавнее введение смертной казни для торговок наркотиками лишь незначительно улучшило ситуацию.

Ольга надеялась, что завтра ее оставят в покое. Конечно, куда вероятнее другое: вызовут и пошлют в патруль. Но пока не вызвали, можно было надеяться.

Она добралась домой в вагоне надземки. Удобнее было бы в автобусе — у команды имелся свой, — но там наверняка было бы чересчур шумно. И в эпицентре шума оказалась бы она сама — поздравления, шутки, хохот, завистливые подколки и все такое. Нет уж, да здравствует одиночество!

Ясно, что скажут о ней подруги по команде: «Повезло один раз — и уже задрала нос, знать нас не желает!» Ну и пусть. Не пройдет это, так выдумают другое, а доказывать что-то завистницам — себе дороже. Любимицу удачи всегда обсудят и, разумеется, осудят. С большим-большим удовольствием.

За окном полупустого вагона мелькали городские огни. Над мегаполисом вставало желтое зарево. Так надо. Да здравствует свет, и долой тьму! В темноте эксменам приходят в голову странные мысли, приводящие к страшным действиям. Недаром, несмотря на брюзжание экологов, еще не прошел ни один законопроект, направленный на экономию ночного освещения. Город борется с тьмой и всегда побеждает.

Никто не отвлекал, никто не мешал ни о чем не думать, а просто глядеть в окно. Ольга любила такие минуты. Жаль, что они быстро кончались.

Мелькали старые промышленные районы, с осени радикально перестраиваемые. В свете прожекторов работа не прекращалась и ночью. Похоже, перестройка заключалась в полном сносе

заводских строений. Поговаривали уже о превращении бывшей промзоны в зону парковую. Парк — под надземкой?!

Бац! — вагонное стекло выдержало удар летящего камня и даже не покрылось сетью трещин, но кто-то из пассажирок испуганно ахнул. Ольга опять пожалела об отсутствии ваты, чтобы набить ею уши. Сейчас должен был начаться гул народного возмущения — от крикливых замечаний насчет того, что эксмены окончательно распустились, до соображений о том, кто во всем этом виноват. Ясное дело, полиция виновата! Кто же еще? Никто не примет во внимание очевидный факт: эстакада грохочущей и воющей надземки проложена в основном по промышленным районам и «спальным» эксменским — не по человеческим же! Люди имеют право на отдых, а из двух зол надо выбирать какое? Угадайте с двух раз.

Да, эксмены шалят. Злобствуют. Повредить путь они не могут — опоры эстакады защищены проволокой под током, — вот и швыряют булыжники. Глупые попадаются, а умные выбирают места, пока еще не оборудованные телекамерами. Хотя, конечно, умный вредитель-эксмен вообще не станет тратить силы на камнеметание, рискуя при этом собственной шкурой.

А что может полиция — уставить полицейскими все обочины в полосе отчуждения, превратить патрулирование в постоянную сторожевую службу? Наверняка крикливым клушам именно этого и хочется. Они не способны даже сообразить, во сколько раз вырастет при этом цена билета, не говоря уже о штатах полиции. Что-то немного среди них находится желающих поступить в полицейскую школу. Какой в этом резон, если у полиции тьма обязанностей при минимуме рычагов влияния? Разве может полиция повысить курс эксменских «полосатеньких» денег, которые ныне совсем обесценились? Ну и какого же сознательного послушания можно ждать от эксменов, если оно держится не на выгоде, а лишь на страхе?..

Ольга была рада, что сейчас на ней нет формы с сержантскими петлицами. От полицейского сержанта — плевать, что он не на службе, — потребовали бы немедленных действий. Каких, хотелось бы знать? Конечно, запрет на телепортацию в вагонах общественного транспорта не распространяется на полицию, но попробуй телепортировать наружу на полной скорости — костей ведь не соберешь. Задействовать стоп-кран? А смысл? Сорвать график движения, да пока еще поезд оста-

новится... От Сциллы Харибдовны нагорит, и справедливо. Злоумышленника давно уже след простыл.

Нет пострадавших? Нет. Вот и хорошо. Нет даже попорченного имущества, не считая крохотной метки на вагонном стекле. Пренебрежем. Собака лает, а караван идет. Так и надо. Это только возмущенным обывательницам вечно хочется чудес: чтобы, значит, и караван шел, и собаки ластились. А главное, они свято убеждены, что все эти чудеса должен обеспечивать кто-нибудь другой.

И темы у них одни и те же, особенно у пожилых: ныне все не так, а вот, помню, в наше время... Давно известный социопсихологический феномен: каждое поколение считает, что живет в период упадка. Послушать их, так раньше и эксмены были шелковые, и холестерина в яйцах меньше, и кресла в вагонах мягче, и колеса круглее. Не говоря уже о том, что погода не позволяла себе таких выкрутасов. Виданное ли дело: плюс пятнадцать в Москве в конце февраля! А на прошлой неделе — буран со снежным торнадо! Как жить, а?

Очень просто: как раньше. Это проверенный рецепт. А если понадобится что-то изменить, то те, кому виднее, решат, что и как надо подправить. Начальство даст команду.

Вот и еще одна тема, появившаяся сравнительно недавно и уже успевшая надоесть: массовый снос всяческих построек, особенно в провинции. И опять этот вопрос обсуждается с неодобрением. Неужели не ясно, что речь идет о сносе ветхого фонда и о постройке новых, красивых зданий? Давно пора. Не вечно же жить в бабушкиных трущобах. Что? О чем вы там блекочете? Насильственное выселение? Очень правильная мера. Разве с вами можно договориться по-хорошему? А что до массовости сноса, то у нас ведь издавна так заведено. Ну не умеем мы работать планомерно, не немки мы, нам кампанию подавай против чего-нибудь. Или за что-нибудь... А конечный результат все равно практически тот же.

Таращиться в окно надоело. Как назло: две болтливые тетки, расположившиеся напротив, исчерпав временно тему всеобщей деградации и устрашающего падения нравов, немедленно завели новую волынку — о телепортирующем эксмене. Сколько Ольга себя помнила, столько и слышала подобные байки, соперничавшие с ночными страшилками о черной руке и гробе на колесиках, очень уместными в летнем лагере

герлскаутов после отбоя. И непременно рассказываемыми жутким шепотом с придыханиями. Чтобы мурашки по телу.

Разумеется, никто из них телепортирующего эксмена лично не видел, как не видел и летающего крокодила, но обязательно находилась какая-нибудь очевидица (чаще всего родственница знакомой или знакомая родственницы), которая столкнулась с данным феноменом буквально нос к носу. Как правило, далее подробно описывался ужас очевидицы и поспешное бегство эксмена в Вязкий мир. Очевидица бывала напугана всегда, а эксмен — когда как. Согласно некоторым байкам, он гнусно ухмылялся и подмигивал, прежде чем исчезнуть, а иногда предварительно раскрывал пасть, чтобы изречь какое-нибудь апокалиптическое пророчество. Вот ужасто!..

Тут уж совсем захотелось заткнуть уши. Ну что они могут в этом понимать? Сами-то когда телепортировали в последний раз? Постыдились бы!

Иные рассказчицы договаривались до абсурда, утверждая, что кто-то когда-то сталкивался с эксменом аж в Вязком мире... Где-где? Повторите. Кто? Когда? Имя? Адрес?

Тьфу на вас. Человек не может одновременно заниматься балетом и борьбой сумо. Собаки не кукарекают, а киты не порхают под облаками. В Вязком мире невозможны никакие встречи.

Аксиомы? Да. Для всех, у кого в голове есть толика мозгов. Данность есть данность, и разумный человек мирится с нею. Жаль, например, что невозможен вывих языка, но тут уж ничего не поделаешь, хотя некоторым болтливым дурам данный диагноз совсем не помешал бы. В целях общественного спокойствия.

Таких зловредных фантасток Ольге всегда хотелось подвергнуть психиатрической экспертизе и, в зависимости от ее результатов, направлять либо на принудительное лечение, либо на принудительные работы. Кстати, программа тотального перераспределения рабочей силы открывает для трудотерапии массу возможностей... Вымысел имеет право на существование, во-первых, в книгах и фильмах, а во-вторых, если он не причислен цензурой к категории вредных. Так было, так и будет.

А как же иначе?

3

Мама занималась стряпней. Чуть только Ольга переступила порог квартиры, нос моментально уловил восхитительный запах поспевающей в духовке кулебяки с соминой под луком, тертым сыром и майонезом — фирменного маминого блюда. Рот мгновенно наполнился слюной.

— Привет, мама!

Бурной радости по поводу явления дочери не последовало. Ольга нисколько не сомневалась, что мама смотрела состязания по телевизору и, наверное, болела за дочь, но поздравлений от нее вовек не дождешься. Правда, все же решила испечь любимое блюдо, а значит, все еще сопереживает дочери, радуется ее успехам. Еще не махнула на дочь рукой.

— Физкульт-привет! — Без сарказма, конечно, не обошлось. — Как поживает Вязкий мир?

— Лучше всех. Ему-то что.

— А тебе? — сейчас же спросила мама.

— И мне неплохо. Видела?..

— Видела. Так в цирке звери с тумбы на тумбу скачут. Позорище. Когда ты наконец делом займешься?

— Каким это? — весело спросила Ольга.

— Переведешься на очное отделение, вот каким! Скажи честно, когда ты в последний раз учебник в руки брала?

Ольга пожала плечами:

— Да дней десять назад, наверное. Как раз перед состязаниями...

— Спорю на компот, что это была «Криминалистика», а не «Гражданское право», — подковырнула мама. — Угадала?

— Наполовину. Еще «Основы судебной медицины».

— Ох, накажешь ты сама себя... Тебе надо быть в числе первых, лучшей быть надо! Ты сама посуди: много ли выпускниц заочного отделения попадает на человеческую юриспруденцию? Процентов десять самых-самых! А остальные так на всю жизнь и погрязнут в эксменской преступности! — Маму передернуло. — Или еще того хуже: проработают в полиции!

— А что ты имеешь против? — Ольга начала сердиться. Такие разговоры последние год-два повторялись с нудной однообразностью. Мама долбила, как дятел, в одну точку. — Я на хорошем счету. Вот, сегодня завоевала серебро. Кто обо мне знал? Кто такая Ольга Вострецова? Обыкновенная штатная единица. А теперь, может, в сборную пригласят...

— И что дальше? Спорт высоких рекордов? Твое ли это дело?

— Допустим, не мое, — сердито сказала Ольга. — Значит, буду служить, как служила.

— Лупить эксменов дубинкой по головам должны те, у кого мозгов в голове столько же, сколько у эксменов, — наставительно заметила мама. — У тебя мозги есть, и ты должна учиться.

— Мама!

— А что, я не права?

— Пожалуйста, мама! Служба развивает.

— Она развивает в человеке только тупость, силу мышц и скудный набор рефлексов.

— Неправда, она развивает сообразительность! Недавно был случай...

— У хищника, выслеживающего добычу, сообразительность развита еще сильнее, но ведь она инстинктивна. Ты хочешь сказать, что мечтаешь сравняться с животными?

— А что в этом плохого?

Когда-то этот вопрос, заданный самым невинным тоном, ставил маму в тупик. А если она начинала возражать, то спор быстро переходил в пустопорожнюю дискуссию о терминологии. Но, видно, прошли те времена.

— А что в этом хорошего? Рефлексы мозгов не заменят. Не в таком мире мы живем.

— Да? — Ольга рассмеялась. — А в каком?

— Уж точно не в том, в каком вас держит эта ваша командирша, как ее... Настоящий мир шире и краше, а вы в него смотрите, как из дупла. А вашей, как бишь ее... Сцилле Харибдовне того и надо!

— Вообще-то она Стелла Харитовна...

— Да какая мне разница, как ее зовут? Важно, что она совсем не глупа, как я погляжу. Неужто она будет заботиться о расширении вашего кругозора? Где она тогда найдет кадры? Уж она-то понимает: кто поумней, тот в полиции не служит...

— Мама!

Мама только фыркнула и повернулась к духовке. Судя по божественному аромату, кулебяка почти дошла до кондиции.

Маму Ольга любила, но до чего же трудно стало с ней общаться! Беда старшего поколения в том, что оно желает видеть в молодежи свое повторение, желательно улучшенное. Но повторение — это обязательно! Лучше простое или даже немного ухудшенное подобие, чем блестящее невесть что.

Наверное, все они мечтают прожить жизнь заново, не повторяя былых ошибок. Сами не могут, так отыгрываются на потомстве. Не успеет родиться дочь, как вокруг нее уже понатыканы указатели: сюда ступай, а сюда не смей, это хорошо, а вон то не тронь — бяка. Как будто жизнь детей принадлежит родителям, а не детям!

Не хочешь быть цензором, как мать, — тогда вот тебе запасной вариант: юриспруденция. Судья Ольга Вострецова — чем плохо? Или прокурор? Разумеется, исключительно по человеческим делам, а то эксмены — это всегда такая грязь и мерзость... Тот факт, что дочь имеет склонность к оперативной работе, во внимание, естественно, не принимается.

А на деле выходит так, что не каждой по душе кабинетное сидение. На всех желающих кабинетов все равно не хватит, ну и незачем увеличивать конкуренцию. Только зря мама думает, что шевелить мозгами можно только в кабинете за двухтумбовым столом. Оперативная работа — это не только рефлексы, дубинки, наручники да Вязкий мир — это в первую очередь хорошая голова!

Хорошо еще, что на этот раз мама не напомнила о давнем, почти забытом увлечении Ольги метанием всевозможных боевых снарядов — ножей, звездочек, топориков, боло, даже бумерангов. Увлечений без практического применения мама не понимала.

Теперь смертоносные снаряды висели в Ольгиной комнате на старом, пробитом крюками ковре. Иногда, особенно когда ожидалась большая операция в эксменских районах, Ольга тайком брала с собой пару звездочек в дополнение к штатной экипировке, и каждый раз напрасно. В реальной работе до такой экзотики никогда не доходило дело.

Ольга прошла к себе. Переоделась в домашнее. Сняла с полки «Криминалистику», брякнулась на кровать, полистала, отложила. Успеется. Сегодня будем отдыхать.

Мама гремела посудой, накрывая на стол. Пойти, что ли, помочь?.. Нет, не сегодня. Программа на вечер иная: поесть, поболтать, завалиться на час в ванну с морской солью — и баиньки. Все в мире взаимосвязано: утро вечера мудренее как раз потому, что работа не волк. Хорошо бы завтра обошлось без вызова...

Телефон, хвала Первоматери, молчал. Отключить бы его совсем, а равно и мобильник... Нельзя: это будет расценено как служебный проступок.

— К столу, чемпионка!

Мама расстаралась на славу: на покрытом белоснежной скатертью столе красовались две витые свечи в узорчатых подсвечниках, давно сберегаемая бутылка белого полусухого вина «Улыбка жрицы Первоматери», хрустальные рюмки и столовая посуда из праздничного набора с изображением скачущих амазонок по ободу каждой тарелки. Ну и, конечно, только что разрезанная, исходящая паром кулебяка. Свечи оказались уже зажжены, а бутылка откупорена.

— Садись, дочка, отметим твой успех.

— Ты прелесть, мама! — Ольга захлопала в ладоши.

— Ладно, ладно... — Мама изо всех сил делала вид, что она не прелесть. — Я, собственно, имею в виду твой будущий успех на серьезном профессиональном поприще, а не эти скакалки-догонялки... За твой светлый ум, чтоб он не исчез окончательно. За тебя!

— И за тебя, мам! — подхватила Ольга.

Хрусталь мелодично звякнул. Вкус белого вина напомнил Ольге, что она ужасно голодна. Хвала Первоматери, теперь о спортивной диете можно забыть хотя бы на время. В один момент расчлененная кулебяка сильно уменьшилась в объеме.

— Вкусно? — добродушно осведомилась мама.

— М-м!.. Каждый день бы так!

— Насчет каждого дня — большой вопрос, — вздохнула мама.

— М-м? Почему?

— Ты мне вот что скажи, телезвезда: тебе под сегодняшний триумф премию случайно не отвалят?

— Не знаю. — Ольга пожала плечами. — Вообще-то могут. А что?

— Нам зарплату опять задержали, — объяснила мама. — В третий раз уже. Теперь обещают на будущей неделе. Как жить? И цены на продукты растут что ни день. У нас холодильник почти пустой.

— Если пригласят в сборную, вытребую подъемные, — заявила Ольга с набитым ртом. — А нет, так перехвачу у кого-нибудь взаймы до получки. Не боись, деньги будут. Не надо о грустном, а? Лучше расскажи, над чем ты сейчас работаешь.

Это был верный способ подольститься — мама любила свою работу в детском издательстве и, пожалуй, не променяла бы ее ни на какую другую. Как, впрочем, и Ольга. Надо бы почаще расспрашивать маму, как там обстоят дела на фронте борьбы

с крамолой. И сколько удалось заложить контрмин, и сколько отбить штурмов, и какую чушь несут, выгораживая себя, пойманные диверсанты от чуждой идеологии. И что нового пишет Элеонора Жахова.

— Неумех присылают, — вздохнула мама. — Раньше как бывало: приходит новенькая, напортачит раз, напортачит другой, а потом глядишь — пошло дело. И года, бывало, не проходит, как она уже матерый цензор и проверять за ней не надо. Иная не просто вымарает, а, когда надо, и за редактором подправит, да так, что та потом себя по лбу бьет: где же, мол, мои глаза были? И бегом за шампанским. А теперь?.. — Мама безнадежно махнула рукой. — Откуда только таких выкапывают?

— Совсем дурочки, что ли? — хмыкнула Ольга.

— Не скажу, что дурочки, — против всех ожиданий возразила мама. — Ум-то у них есть, да только вялый какой-то, ленивый. Подтекста совсем не видят. Не пойму, кто им вообще доверил писать слова. А у нас пошла серия «Старые-старые сказки» для самых маленьких. Этакого добра с дообновленческих времен воз остался. Перелицовываем, понятное дело. Даю одной задание на пробу: отцензурировать сказку «Колобок» в новом варианте. Знаешь эту сказку?.. А, нечего там знать, чепуха ужасная. В исходнике жили вместе двое разнополых престарелых, представляешь себе? Ну, тут перелицовщица кое-как справилась: бабушку оставила хозяйкой, а старика-эксмена поставила к ней в услужение для разных работ по хозяйству. С грехом пополам можно допустить. У нерадивого эксмена, понятно, погреба пусты, и не то что рыбы на кулебяку — пшеничной муки практически нет. Замечательно. Старушка гневается и велит слуге скрести по сусекам до тех пор, пока что-нибудь не выскребется или пока дырку не протрет. Само собой, в конце концов мука обнаруживается у эксмена в заначке. Тоже очень правдоподобно. И приказывает хозяйка эксмену испечь ей Колобок...

Ольге было не очень интересно, но она не перебивала и даже поддакивала. Пусть мама выговорится. Человеку надо время от времени сбрасывать то, что у него накипело на душе, иначе он взорвется, как перегретый котел, да еще обварит окружающих. Не надо. Умение сочувственно выслушать еще никому в жизни не мешало.

— Колобок же вдруг ни с того ни с сего оказывается одушевленным и пускается в бега, — продолжала мама. — Ну сказка, что возьмешь. От зайца ушел, от волка ушел, от медведя

ушел, а как наткнулся на лису, так его вояж и кончился. Казалось бы, чего еще желать: заяц, волк и медведь, в отличие от лисы, явные эксмены и простофили, так что сказка вроде бы демонстрирует детям извечные мужские качества: тупость, агрессивность и бахвальство. «Я тебя съем!» — «Я от бабушки ушел и от тебя уйду». На первый взгляд логично. Ну, девчонка-перелицовщица и не стала дальше ничего менять, девчонка-редактор не придралась, а девчонка-цензор готова была пропустить все это безобразие, ты представляешь!..

— А что, не надо было? — улыбнулась Ольга, наполняя рюмки.

— Вот именно! Так не понять истинный смысл сказки — это надо уметь!.. За здоровье!.. — Чокнулись. — Ну так вот: истинный смысл сказки заключен в том, что любое противоправное действие обречено на возмездие. Наши три вертихвостки даже не поняли, что сам-то Колобок — беглый эксмен, получивший по заслугам! Трактовка образов зайца, волка и медведя в принципе может быть двоякой, однако лично я склонна отнести их к лояльным эксменам, принимавшим участие в поимке преступника. Очень показательно, что беглый ушел от них играючи — это лишний раз доказывает, что эксменам нельзя доверять ни в чем, и объяснит детишкам, почему охрана правопорядка является исключительной прерогативой настоящих людей...

— По сказке так вроде и получается, — заметила Ольга. — Лиса ассоциируется с работницей органов правопорядка...

— Не спеши! Ты права, но все равно сказка никуда не годится. В исходнике беглый преступник вызывает у читателя сочувствие, а в финале даже некоторую жалость. Допустимо ли это? Вот тебе упражнение для ума: что надо сделать, чтобы данный правонарушитель не вызывал никаких положительных эмоций? О чем нужно вспомнить?

— О чем?

— О том, что создатель Колобка сам эксмен! Ну ты сама посуди, мог ли эксмен создать приличное изделие, как ты считаешь?

— Не мог, — честно ответила Ольга, глядя на растерзанную кулебяку.

— Вот-вот, не мог. А значит, у него вылепился не Колобок, а Кривобок, и сказку надо переименовывать. Далее: может ли беглый Кривобок ровно катиться по дорожке? Ни в коем случае. Его турпоход должен быть таким: то о пень ударится, то в

канаву свалится. Он в грязи, в занозах, в лягушачьей икре, он сам не понимает, куда в следующую секунду покатится, — ну типичный перепуганный беглый! И своей безудержной похвальбой он маскирует смертный ужас! Короче говоря, высказала я свои соображения девчонкам, а они только рты разевали, и вернула им текст на доработку. Пусть потрудятся. И это еще чепуха, тут недавно хуже было!.. — Мама возмущенно фыркнула.

— Что такое? — заинтересованно спросила Ольга.

— Пришла самотеком перелицовка «Мухи-Цокотухи». Ну, эту сказочку ты должна помнить. В перелицовке сначала вроде текст как текст, сороконожки и бабочки оставлены, клопы и тараканы, разумеется, убраны. Злодейский паук с самого начала был просто находкой: руки-ноги веревками крутит, покушается на убийство при отягчающих обстоятельствах, словом, тянет на вышку. Но далее? Само собой, спасти муху должен не какой-то эксмен-комарик, а полноценное существо женского пола. И некая Мария Цыпкина — так подписано — лепит: «Вдруг откуда-то летит маленькая пчелка, и в заду ее торчит жало, как иголка». Каково?!

Ольга захохотала.

— И ничего смешного! — обиделась мама. — Явное глумление. Чуть раньше, где про паука, еще того хуже: вонзает он в муху совсем не зубы... На том, наверное, основании, что «в уголок поволок». Кошмар! Во-первых, сексуальное преступление, а во-вторых, это даже не инбридинг, поскольку пауки и мухи принадлежат к разным классам членистоногих. Это хуже! Финал тоже ни в какие ворота: пчелка и спасенная муха устраивают лесбийскую свадьбу. Извращение налицо, причем напоказ: пчелка «муху за руку берет и к окошечку ведет», чтобы всему свету было видно это распутство. Естественно, я звоню куда следует, находясь в полной уверенности, что под человеческим именем безобразничает какой-нибудь ополоумевший эксмен. Ну, думаю, я этому пакостнику самому жало в зад вставлю! Полуметровое! Зазубренное! И что же в конце концов оказывается?..

— Обратный адрес, разумеется, фальшивый? — поинтересовалась Ольга.

— Настоящий! — Мама всплеснула руками. — В том-то и ужас! На самом деле эта Мария Цыпкина — сопливка четырнадцати лет! Мне сверху строгое внушение: почему для ерун-

ды серьезных людей от дела отрываю? Никаких эксменов, а просто юная хулиганка...

— Факт хулиганства надо еще доказать, — заметила Ольга. — Похоже, просто дурь и подростковые комплексы на базе возрастных гормональных штормов. У нас с таким контингентом психологи работают.

— И успешно? — фыркнула мама.

— Когда как. Чаще — да.

— Чаще!.. В чаще звери плодятся, а вы с ними цацкаетесь. Брать бы этот твой контингент сразу на интенсивную трудотерапию, и никакой гормон не заштормил бы.

— Нужна сильная рука? — Ольга согласно покивала. — Ну и кому ты это говоришь? Сержанту полиции? У нас в отряде все так думают.

— Будто бы? — прищурилась мама. — Все вы, молодежь, на словах за порядок, а как дело дойдет до закручивания гаек, так сразу вспоминаете о гражданских свободах.

— Кто же и закручивает гайки, как не полиция? — подковырнула Ольга.

— А, полиция! — Мама махнула рукой. — Когда вы нужны, вас не докричишься. Соревнования еще устраивают, полные стадионы собирают! Работать только некому.

— Между прочим, если бы каждая умела нормально телепортировать, работы у полиции было бы вдесятеро меньше.

— Если бы власти думали о людях, лазать в Вязкий мир приходилось бы только тем, кому это нравится, — парировала мама.

— То есть мне, — констатировала Ольга, набирая очко в давнем споре с мамой по поводу выбора профессии.

Мама поперхнулась. Откашлявшись и отдышавшись, глотнула вина, не предложив тост. Держала паузу, как видно, обдумывая очередную и на этот раз сокрушительную педагогическую сентенцию, долженствующую направить неразумную дочь на путь истинный.

Тут-то и запищал телефон. Ольгу снесло со стула.

— Да? Да. Кто?.. Какой пропуск, куда?.. Да. Да. В девять?.. А в чем дело?.. Не поняла. Почему я?.. Завтра? Ладно, договорились. Но вы же понимаете, что я обязана сообщить... Вот как? Ну хорошо. Буду. До свидания.

Трубка шмякнулась на рычаг. По старой привычке озадаченно теребя мочку лишенного серьги уха, Ольга прошлась

взад и вперед по комнате. Что бы означал этот звонок из Департамента?

— Начальство? — встревоженно спросила мама. — Что, вызывают? Прямо сейчас?

Ольга помотала головой:

— Нет, не начальство. Вызывают, собственно, на завтра. Но позвонить начальству мне придется прямо сейчас...

4

Среди великого множества разнообразных привилегий, органически присущих тем или иным группам людей, привилегия астрономов является, пожалуй, наиболее странной: гораздо тщательнее, чем остальное человечество, вглядываться в то, чего давным-давно нет. Кто бы ни сотворил мироздание, он по сию пору должен хохотать над своей стародавней шуткой — невероятно широко раздвинуть пределы Вселенной, одновременно наделив свет смехотворно малой по сравнению с ее размерами скоростью.

Миллиард лет назад одно из заурядных шаровых скоплений, увлеченное притяжением Большого Магелланова Облака, проходившего тогда сквозь дальнюю периферию Млечного Пути, изменило свою орбиту. С галактикой-гигантом не очень-то поспоришь, и удаляющаяся галактика-карлик не сумела утащить скопление за собой. Пигмей никогда не победит сумотори в перетягивании каната. Растрепанное Облако лишь чуть-чуть подтолкнуло скопление в самой дальней от Ядра точке его траектории.

Этого оказалось достаточно.

За четыреста миллионов лет до того, как по илистому дну первобытного океана Земли неуклюже прополз первый трилобит, судьба живой материи в Галактике была решена. Самоорганизация, усложнение и эволюция действуют лишь там, где им позволяют действовать более простые и более могучие законы природы. У простейших слизевидных существ, кишмя кишевших в каждой капле морской воды, впереди была долгая, драматическая и славная история, и все же однажды ей предстояло прервать свое течение.

Перескочив на более вытянутую орбиту, звездный колобок, состоящий из полутора миллионов тусклых красноватых солнц, сделал два оборота вокруг центра Млечного Пути, то

почти касаясь Ядра, то уносясь прочь и поднимаясь высоко над галактическим диском с его спиральными рукавами, облаками светящегося газа и полосами пыли. Его путь едва заметно искривляли карликовые галактики в Скульпторе и Печи — ничтожные пародии на звездные системы. На его орбиту влияло тяготение Ядра, спиральных рукавов и невидимой темной материи.

Не касательное, а лобовое — центр в центр! — столкновение с Ядром ждало его на третьем витке.

Оно произошло тогда, когда на просторах Евразии уже господствовали кроманьонцы, когда Великий Ледник только-только начал подтаивать с краев, когда в холодных степях повсеместно водился волосатый мамонт, а южнее доживали свой век последние мастодонты и махайроды. Много воды утекло с плавящегося Великого Ледника, пока еще было чему плавиться, изменился животный мир, и высшая форма живой материи принялась успешно перекраивать лик планеты, вовсе того не жаждавшей. Чередом прошли неолитическая, металлургическая, промышленная, научно-техническая и информационная революции, человечество в муках изжило многочисленные заблуждения вроде противоестественной идеи всеобщего равенства, открыло в себе новые, небывалые способности, загнивший на корню безмозглый патриархат сменился Путем Обновления, и вопрос о сохранении человечества как вида перерос категорию зыбкой надежды, обернувшись твердой уверенностью — хорошо аргументированной, но легко принимаемой и без доказательств.

Тем временем потоки жесткого излучения уже преодолели две трети расстояния от Ядра до задворок Галактики, где приютилась Солнечная система. Высшей жизни на Земле оставалось существовать еще один галактический миг — десять тысяч лет.

Слияние двух сверхплотных объектов звездной массы порождает гамма-всплеск огромной интенсивности — яростный, но скоротечный. Иное дело, когда сталкиваются две колоссальные черные дыры — одна, в Ядре, с массой в миллионы солнц, и другая, прячущаяся в центре шарового скопления, в тысячу раз менее массивная, но все равно гигантская, и когда обе они в изобилии окружены звездной материей.

Считаные единицы ближайших звезд, качнувшись на гребне гравитационного цунами, рухнули в черную дыру. Полчи-

ща других звезд на бешеной скорости закружились по коротким орбитам, излучая гравитационные волны, теряя кинетическую энергию и приближаясь к краю бездонного гравитационного колодца, подобно тому как обломки кораблекрушения, подхваченные Мальстремом, мало-помалу приближаются к его жерлу и исчезают в нем. Разница здесь только в том, что втянутая водоворотом щепка может потом снова выскочить на поверхность.

По мере приближения к горизонту событий приливные силы творили с формой звезд много больше того, что опытный стеклодув может сотворить со стеклянным пузырем. Из шаров рождались запятые-головастики; «хвосты» материи, закручиваясь, устремлялись в черное ничто. Гравитационное чудовище высасывало звезду за звездой, не желая ждать того момента, когда можно будет сглотнуть их одним махом. Разгоняясь до субсветовых скоростей, материя излучала кванты, все более жесткие по мере приближения к алчушей гравитационной пасти. Так крики ужаса, испушенные жертвой, становятся невыносимо отчаянными именно тогда, когда вот-вот вступят в дело зубы хищника и уже ничего нельзя изменить. В предсмертных криках отсутствует даже намек на какой-либо практический смысл, но там, где действует природа, зачастую бесполезны поиски смысла.

Материя кричала. Но, в отличие от земных травоядных, она мстила заглатывающему ее чудовищу, отдавая в крик долю своей массы. Голодный монстр мог пожрать лишь часть того, что было у него «в зубах». Пусть бóльшую, но все же часть. Остальное уносилось излучением.

Как ни странно, месть в конечном счете играла монстру на руку. Поток излучения непредставимой силы разогревал атмосферы десятков тысяч близких, но недоступных звезд, носящихся вокруг черной дыры с безумными скоростями, но все же по относительно безопасным орбитам.

Температурная инверсия в звезде — нонсенс. Такого не бывает просто потому, что, как только внешние слои звезды по какой-либо причине чересчур разогреются, звезда моментально «распухнет» и сбросит их, если источник нагрева не иссякнет.

«Раздетые» звезды остаются на своих орбитах, зато вблизи гравитационного колодца вновь появляется газ, давным-давно исчезнувший и в галактическом ядре, и в шаровом скопле-

нии. Образуя аккреционный диск, он рушится в пасть центрального монстра, и пожираемая материя вновь кричит во всех диапазонах электромагнитных волн... все громче, громче...

ГРОМЧЕ!

Потоки излучения. Лавины. Гольфстримы.

Хаос. Разрушение и невозможность воспроизводства сколько-нибудь сложных молекулярных структур, оказавшихся на пути энергетического шторма. Гибель сложного во имя простого. Уничтожение зыбкого ради фундаментального.

Для великого множества миров, обращающихся по более близким к Ядру орбитам, катастрофа уже произошла. Но даже самый чувствительный астрономический инструмент из расположенных в обсерваториях на Мауна Кеа, Килиманджаро, Серро-Пачон и Рокве-де-лос-Мучачос, еще не мог предупредить астрономов о бешеном шквале смертоносного излучения, неостановимо распространяющемся по Млечному Пути.

Ф-ф-фух!

Долой вычурность!

Назад, к простоте!

Смести.

Разрушить.

Стерилизовать.

Я слушаю. Слушаю чудовище, внутри которого нахожусь. Вникаю в смысл слов живого звездолета, невероятно продвинутого организма, давно вышедшего из колыбели планетарного тяготения, заботливой няньки, пестующей неразумное черепаховидное создание, что похоже сейчас на свернувшегося в шар броненосца.

Мое присутствие корабль только терпит. Он кормит меня какой-то густой субстанцией, по консистенции напоминающей творожную массу и всегда разной на вкус. Он убирает отходы. Наконец, он беседует со мной — то голосом, то беспардонно влезая в мои мозги.

Вообще-то «он» — на самом деле «она». Но, кажется, кораблю безразличен тот факт, что я частенько думаю о нем в мужском роде, — что слону комариный писк? Любой человек смертельно оскорбился бы, если бы его ненароком спутали с эксменом, а этому существу хоть бы хны. Оно значительно выше таких мелочей.

— Как это будет выглядеть? — спрашиваю я, чуть-чуть встревоженный. Для серьезных опасений нет почвы: десять тыся-

челетий — срок немалый. Что нам далекая умозрительная опасность, если через четыре недели этот живой корабль в компании себе подобных испепелит Землю? Ведь невидимый барьер по-прежнему надвигается с той же скоростью — со скоростью движения Солнца относительно ближайших звезд, — и я не знаю, как выполнить то, ради чего оказался здесь, пройдя через бегство, сговор, выучку, бунт и гибель товарищей.

— Мощнейшая гравитационная волна и сильнейшая первоначальная вспышка излучения с максимумом в гамма-области, — охотно отвечает корабль. — И это будет только самое начало.

— А что дальше?

— По вашей терминологии, в центре Млечного Пути загорится квазар. Интенсивность и жесткость радиации не будут уменьшаться на протяжении многих тысяч лет. В данный момент вблизи центра Ядра образовалась такая звездная толчея, что падения звезд в черную дыру уже происходят достаточно часто. Пройдет значительное время, прежде чем часть звезд и сорванный с них газ будут поглощены, а другая часть стабилизирует свои орбиты. Квазар погаснет не раньше, чем вокруг него исчезнет материя, которую он мог бы пожрать. В течение этого времени существование сколько-нибудь сложной формы материи на поверхности вашей планеты будет абсолютно невозможно.

— Почему?

— Проникающая радиация. Наведенная радиоактивность. Разрушение озонового щита. Безусловная гибель высших растений и всей пищевой цепи до человека включительно. Даже ваши крысы не смогут существовать. Уточнение: после угасания квазара существованию высшей жизни на поверхности еще долгое время будет препятствовать распад нестабильных изотопов.

— А спастись под землей? — настаиваю я. — Шахты какие-нибудь...

Корабль не просто отвечает — вещает академическим тоном. Не знаю точно, что это такое, в академиях я не обучался, но убежден, что такой голос должен раздаваться не иначе как с кафедры:

— Простейшим организмам в толще горных пород, а также в глубинах океана, вероятно, удастся благополучно пережить катаклизм. Человечество в лучшем случае сумеет закап-

сулировать в надежных убежищах сравнительно небольшое количество особей либо в летаргии, либо в варианте смены поколений, либо в определенной комбинации этих стратегий — предпочтительный вариант можно просчитать. Подчеркиваю, данная группа человеческих особей должна быть сравнительно мала: ведь вместе с нею надлежит сохранить в убежищах все основные элементы ваших экосистем. Помимо этого, группа должна состоять из генетически безупречных особей. Согласно тем знаниям о человечестве, которыми я обладаю, нетрудно прийти к выводу: ни при каких разумных вводных необходимые условия не будут выполнены, следовательно, необходимость в детальных расчетах отпадает сама собой. Как видишь, человечество обречено на гибель в любом случае.

— Ты с ума сошел, — возражаю я без горячности. С этим монстром я давно уже не горячусь — на него это не действует. — Десять тысяч лет — срок серьезный. Ты вот, скажем, летаешь, а когда-то ползал. Во всяком случае, предки твои уж точно ползали. Учиться и мы умеем, загляни в нашу историю. Откуда ты можешь знать, что наши отдаленные потомки будут сидеть на Земле и дожидаться катастрофы? Может, они — фью! — и нет их...

— Существует только один шанс из пятидесяти за то, что к указанному сроку человечество освоит межзвездные перелеты. Кроме того, сами по себе они еще не панацея. Нужно уметь не просто слетать к ближайшим звездам — требуется полная автономность, не опирающаяся на ресурсы материнской планеты, которую придется оставить навсегда. Проще говоря, домами ваших потомков должны стать субсветовые космические корабли. Вероятность их создания за отпущенный вам срок пренебрежимо мала.

— Других вариантов нет?

— Почему же нет? — удивляется корабль. — Есть альтернативный вариант: то, что ты называешь земной цивилизацией, получает в свое распоряжение принципиально новое знание, что-нибудь вроде умения управлять пространством-временем или создавать новые реальности, и выкручивается из неприятной ситуации. К сожалению, я не могу поделиться с людьми знанием такого рода, у меня его просто нет...

— Но чисто теоретически такая вероятность существует? — настаиваю я.

— Теоретически существуют и мнимые числа, — напоми-

нает корабль. — Я не могу рассчитать данную вероятность, но полагаю ее пренебрежимо малой.

— А для вас что, излучение квазара безопасно?

Или мне мерещится, или я мало-помалу начинаю улавливать интонации в словах моего хозяина-вместилища. Сейчас я готов поклясться, что ощущаю его сожаление:

— Нет. Но мы можем ему противостоять. Какое-то время.

— И мы тоже сможем! Мы справимся! У нас впереди десять тысяч лет, если ты со своими подружками оставишь Землю в покое!..

Мне кажется, что корабль вздыхает, прежде чем ответить:

— У вас впереди гораздо меньше времени, даже если мы оставим вас в покое...

— Что?

Корабль молчит.

— У нас нет десяти тысяч лет? — Я не верю ушам. — Почему? Говори!

Теперь мне кажется, что он отвечает неохотно. Без сомнения, только кажется. Я не в силах заставить его плясать под свою дудку.

— Через восемь тысяч двести тридцать лет обыкновенная черная дыра звездной массы, каких в Галактике миллионы, одиночная и находящаяся вдали от газопылевых облаков, а потому практически необнаружимая вашими средствами наблюдения, войдет в пределы Солнечной системы. Вероятно, внешние планеты будут оторваны от Солнца ее притяжением, а орбиты внутренних сильнейшим образом изменятся. Последствия будут вполне катастрофическими. Вряд ли ваша цивилизация сумеет приспособиться к новым условиям, если в перигелии Земля будет приближаться к Солнцу ближе Меркурия, а в афелии удаляться в пояс астероидов...

Бьется сердце, но я вздыхаю с облегчением:

— Ну, восемь тысяч лет — тоже срок немалый...

— И излишне оптимистический, — безжалостно добавляет корабль. — Это еще не все. Примерно через семь с половиной тысяч лет одно из многих ледяных тел, обращающихся по удаленным орбитам вокруг вашей звезды, далеко не самое крупное, поперечником не более тридцати километров, из-за сближения с Плутоном устремится во внутренние области вашей системы. Жители Земли увидят очень большую комету; более того, ваша планета пройдет через ее хвост. В результате на

Землю с вероятностью более девяноста восьми процентов будет занесен хорошо известный нам вирус клеточного бешенства. Имея общее представление о вашей физиологии, могу уверенно заявить: болезнь будет развиваться стремительно, с неизменно летальным и притом мучительным исходом. По всей вероятности, через пятьдесят-шестьдесят дней с высшей формой жизни на Земле будет покончено. Надо полагать, не вымрут только прокариотные организмы вроде ваших бактерий. Даже мы потеряли несколько планет, будучи не в силах своевременно синтезировать вакцину. У вас же нет ни единого шанса.

— Можно заранее отклонить ледышку и направить ее прямиком в Солнце, — небрежно отмахиваюсь я. — Тоже мне, проблема! Но все равно спасибо за предупреждение...

— Предупрежден только ты, — любезно напоминает корабль.

Да, конечно. Я не забыл. С тех пор как мне было позволено поболтать с виртуалом Вокульским, связи с Землей у меня нет. И весьма похоже, что уже не будет.

Пленник. Муха, надежно влипшая в паутину. Правда, муха именно этого и хотела, но кого это сейчас интересует? Что было, то прошло. Сегодня я пассажир, бесплатный, но и бесправный, а завтра могу оказаться кем угодно. Врагом. Мешающим инородным предметом. Пищей.

Живые звездолеты — об этом мы читали. Еще в патриархальные дообновленческие времена (кстати, а господствовал ли тогда патриархат?) некоторые сочинители додумались до верной в общем-то мысли: живое в конечном итоге сильнее неживого. Везде. Даже в космосе. Оно гибче и цепче. Оно умеет приспосабливаться и перекраивать среду под себя. Вывод прост: даешь полноценную генную технологию! Даешь живые, умные, послушные машины! Вылепим небывалое и заставим служить себе!

Не получилось. Нанотехнологии, на пороге коих человечество стояло накануне Пути Обновления, также не получили развития, столкнувшись с прямым запретом. Быть может, потенциальная опасность компьютеров, кишащих в каждой капле воды, как инфузории, и искусственных организмов искусственно преувеличивалась, не знаю. Да и кто вложит средства в создание того, в чем не ощущается никакой нужды? Мы только знали, что это возможно.

Но живые звездолеты как продукт естественной эволюции?! С ума сойти.

Я не выполнил задание. При мне еще три гранаты — одна осколочная и две с нервно-паралитическим газом — и ножпила. Корабль не обращает никакого внимания на мой арсенал. Стоит ли ампутировать жвалы ползущей по ладони божьей коровке?

Ее не стоит даже давить, если укусит. Стряхнуть с ладони — и все. Лети, букашка.

Уничтожить живой корабль мне не по плечу, и корабль очень хорошо знает, что я давным-давно пришел к такому выводу. Он ведь читает мои мысли. Я еще жив только потому, что все еще представляю некоторый интерес для изучения. Это в лучшем для меня случае. В худшем — потому что забавен.

Разумным существам свойственно приручать менее разумных — кошечек, хомячков, собачек. При этом дикая собачья стая подлежит отстрелу, даже если не нападает. Превентивно.

Мы напали, и корабль легко уничтожил половину нашей эскадры. Несколькими часами позднее, верный своему правилу не пропускать за барьер ничего чужого, он выжег аннигиляцией базу на Ананке. Не думаю, что двенадцатый спутник Юпитера уцелел как монолитное тело, — скорее всего, на его месте возникли метеорный рой да облако горячего газа.

Спустя сорок семь суток настал черед базы космофлота на Церере. Корабль любезно сообщил мне подробности боя: уничтожено более двухсот мелких целей и одна крупная, а вскоре перестала существовать и база. Астероид приобрел громадный кратер и заметно изменил орбиту, но уцелел — Церера соотносится с Ананке как арбуз с горошиной.

Смысл операции стал мне ясен, как только я узнал об уничтожении крупной цели. Вероятно, после фиаско с «Эгидой» штаб разработал новый план: попытаться прорваться за барьер, используя высокоскоростной транспортник, или корвет, или даже крейсер. При этом две-три эскадрильи боевых капсул атаковали чужака, имея задачу связать его боем. Кроме того, как и в прошлый раз, чужаку пришлось отбиваться от стаи управляемых ракет.

Он отбился. Прорваться за барьер не удалось никому.

Если бы чужака всерьез пытались уничтожить, навалившись всей Третьей эскадрой, количество пораженных им целей, крупных и мелких, перевалило бы за тысячу. Совершен-

но очевидно, что штаб Присциллы О'Нил ставил перед исполнителями ограниченную задачу. Проскользнуть за барьер. Выяснить, будет ли противник стремиться уничтожить цель, оказавшуюся глубоко в его тылу, или смирится с ее существованием. Попытаться понять, что же такое этот летящий на нас барьер с центром у неприметной звездочки в созвездии Геркулеса — чугунное ядро радиусом в сотню световых лет или всего лишь воздушный шарик с тонкими стенками?

Если второе, то у человечества еще есть надежда на спасение: не держаться за космические базы, а стянуть все силы к Земле и, не считаясь с потерями, проколоть в одном месте барьер — пусть он катится дальше, как грозный морской вал, под который удалось поднырнуть. Заранее разместить на ближних и дальних околоземных орбитах десятки спешно достраиваемых кораблей, сотни платформ с гамма-лазерами, тысячи пилотируемых капсул, десятки тысяч ядерных ракет, сотни тысяч надувных ложных целей — и ждать, когда налетит барьер, в надежде на то что чужаки не смогут за приемлемое время расправиться с таким обилием целей.

Лунными колониями, видимо, придется пожертвовать, как и марсианскими. Людей — вывезти. Позаботиться о подземных убежищах для населения — аннигиляционные вспышки в ближнем космосе пользы здоровью не принесут. Заранее смириться с ужасающими потерями и бурно радоваться, если Земля уцелеет, сохранив хотя бы половину космофлота. Но это, пожалуй, чересчур оптимистический вариант.

Умудренный реалист может считать крупной удачей, если Земля потеряет ВЕСЬ космофлот, если в течение нескольких месяцев на ее поверхности нельзя будет находиться без защитных средств из-за наведенной радиации, но если при всем этом ужасе уцелеют подземные убежища и хотя бы часть инфраструктуры. От голода, лучевой болезни, эпидемий и неизбежных беспорядков умрет множество людей и еще больше эксменов, но человечество выживет и со временем оправится от нокдауна. Что еще надо?

А главное, что еще остается делать? Пусть эксперимент на подступах к Церере окончился неудачей — иных вариантов обороны просто нет.

Я понимаю штабную логику.

Мошки, бьющиеся о ветровое стекло...

Сбиться в плотный рой — и попытаться пробить дыру в стекле. Внутри мобиля тоже можно жить.

Ой ли? А дезинсекталем не опрыскают? Да и кто слыхал, чтобы при встрече насекомых с ветровым стеклом страдало стекло, а не насекомые?

Мне даже нет смысла скрывать свои домыслы касательно построения обороны Земли — после Цереры корабль, несомненно, пришел к тем же выводам.

Я не знаю, как он поступит. Рискнет схватиться со всей мощью Земли в одиночку? Вызовет на подмогу десяток себе подобных? А главное, насколько далеко он готов пойти в ублажении своего второго подопечного? С чувством долга у корабля все в порядке, а вот как насчет инстинкта самосохранения?

Продолжит ли нянька до бесконечности потакать капризам малыша или однажды оттащит его подальше от опасного места, невзирая на его рев?

Я не могу его просчитать. Логика этого чудовища не строится на голом рационализме.

— Зачем ты рассказал мне о квазаре, черной дыре и вирусе? — спрашиваю я. — Чтобы доказать, что человечество все равно обречено? Ты ошибаешься. Если вы уберетесь, у нас останется... сколько там? Семь с половиной тысяч лет?

— Вряд ли больше трех тысяч, — поправляет корабль. — По нашим прогнозам, максимум через три тысячелетия одна из ближайших к вам звезд, Сириус А, не гигант и даже не субгигант, а обыкновенная белая звезда, заведомо безопасная, с точки зрения ваших астрофизиков, взорвется как сверхновая неизвестного вам типа. Для жизни на вашей планете последствия будут крайне неприятны; для человечества — фатальны.

— А не много ли напастей на нашу голову?

— Если не ошибаюсь, у вас есть удачное образное понятие — полоса невезения, — охотно сообщает корабль. — Теория вероятностей распределяет катастрофы во времени случайным образом. Вам просто не повезло.

Пока я осмысливаю сказанное, он держит паузу. Затем продолжает:

— Вас ожидали бы и другие неприятности, не связанные непосредственно с ошибками развития вашей цивилизации. Полагаю, падение астероида километрового поперечника, ожидаемое через тысячу семьсот лет, вы пережили бы, хотя и не без труда. К сожалению, я не могу с достаточной точно-

стью подсчитать вероятность самоуничтожения вашей цивилизации — тут все слишком неопределенно, у меня не хватает исходных данных. Могу только сказать, что предварительные прикидки отпускают вам срок не более двух — двух с половиной тысячелетий. У вас нет перспективы. До астероида вы, вероятно, дожили бы; до взрыва Сириуса А — уже вряд ли.

— И ты делаешь вывод, что нам незачем мучиться ожиданием худшего? — с сарказмом осведомляюсь я. — Все равно мы погибнем, а тысячелетием раньше или позже — какая разница?

— Аннигиляция не самый худший выход для вас, — немедленно изрекает он. — Что мгновенно, то безболезненно.

Голос корабля бесстрастен, но тут следует прислушиваться к смыслу, а не к тону. Неужели?.. Нет, не может быть, показалось... А если нет?

Если нет, то корабль уговаривает меня! Убеждает. Ему хочется, чтобы я согласился с ним.

— Совершенно верно, — произносит он вслух.

— А ведь ты врешь... — Ядовитейшая гримаса лезет мне на лицо, и я цежу слова сквозь зубы с шипением, точно ползучий аспид. — Ты не меня убеждаешь в своей правоте, ты себя убеждаешь. Как легко подменить вероятное на неизбежное! Как хочется это сделать! Переложить груз на других, успокоить совесть, умыть руки... И после этого ты утверждаешь, что вы продвинулись настолько, что вышли в Галактику без звездолетов? Может быть, это и есть прогресс, не знаю. Но ты боишься ответственности, продвинутый! Не перед нами, нет. Ты боишься самого себя!

Он молчит. Теперь он замолчал надолго, я его знаю. Не в первый раз мы ведем с ним такие беседы и, вероятно, не в последний. У нас еще есть время для разговоров: Земля сгорит лишь через четыре недели.

Не знаю, захочу ли я беседовать с ним ПОСЛЕ ТОГО — в предположении, что он оставит меня в живых. И даже не хочу об этом думать.

Корабль молчит. Он, как и его сотоварищи, по-прежнему держит нерушимый кордон вокруг колыбели своей цивилизации, развлекая безмозглых подопечных, теша их территориальный инстинкт, сохраняя бортик их любимой песочницы. Какое им дело до того, что заурядная желтая звезда летит прямо на барьер, таща за собой выводок шариков-планет? Какое им дело до того, что разумные жители одной из планет вовсе

не желают быть агрессорами, которых необходимо уничтожить? Тем более что предупреждение было им послано. Они все-таки собираются вторгнуться в чужие владения вместе со своей планетой и обогревающей ее звездой? Они упорно продолжают двигаться прямо на барьер со скоростью в четыре астрономических единицы в год? Тем хуже для них.

И все-таки сегодня я одержал победу. Маленькую-маленькую, сугубо частную и ровным счетом ничего не решающую. Но мне хочется верить, что это только начало.

Я знаю, что обманываю себя. Да, у корабля остались рудименты чувств, свойственных менее экзотическому живому существу, однако вряд ли мне удастся как следует надавить на них. Кораблю легче, чем мне, — он может решить все свои моральные проблемы, просто перестав со мной общаться.

Он так и делает.

Опять я не нашел нужных аргументов, да и есть ли они вообще? А если есть, то согласен ли корабль выслушать их от меня? Не та я, видно, персона. Хоть ты мекай, хоть аргумекай — все равно я перед ним ничего не значащая козявка. И даже не перед ним, а в нем, если уж быть точным. Совершенно непонятно, почему я все еще жив. Оставлен для изучения? Так ведь уже, наверное, изучен вдоль и поперек. Сохранен как собеседник? Вряд ли. Как забавная погремушка для слабоумного подопечного?

Очень может быть.

Что ж, за неимением лучшей роли побудем погремушкой. Если повезет, успею свихнуться и стать таким же дебилом, как первый подопечный. Наблюдая за уничтожением Земли, лучше пускать слюни, чем трястись от бессильной ярости.

— Кис-кис! Иди сюда.

«Кис-кис» ему явно не подходит. Но как подозвать страховидную черепаху — «череп-череп», что ли?

Самому мне двигаться лень — три «же» не шутка. Корабль думает прежде всего о потребностях главного подопечного, а уж потом о моих. Уже который месяц я вешу два с половиной центнера. Любой человек нормального сложения, не говоря уже о толстяках, за такое время, наверное, помер бы, а я живу, досадуя, правда, на то, что я не сухопарый йог. Поначалу адски болели мышцы, особенно дыхательные, но в конце концов они только окрепли, а небогатые запасы жирка давно вытопились. Но двигаться все равно неохота.

Сообщи мне корабль, что изменил свои планы, — да я колесом пройдусь и оторву чечетку! Авось сердце выдержит. А так — лучше полежу. Лежать пластом при тройной тяжести — уже физзарядка.

— Цып-цып, Двускелетный! Ути-ути...

Бронированный урод, равно похожий на черепаху и личинку крупного жука, радостно ползет ко мне — услышал. Первым делом игриво прихватывает жвалами мое запястье. Не всерьез, играючи. Захочет — отстрижет руку начисто. Но и я позволяю ему приближаться ко мне лишь тогда, когда ясно вижу: он хочет игры.

Ему игра, а я устал считать шрамы.

Достаю нож-пилу. Гранату ему лучше не показывать — рассвирепеет. Помнит, как его шарахнуло. А нож в его насекомом восприятии ни с чем опасным не ассоциируется.

Подранить его ножом я мог бы, это точно. Теперь знаю, куда надо просунуть лезвие и как повернуть. Наверное, смог бы и убить, да что это даст? Корабль играючи восстановит своего подопечного, а меня в любой момент может прихлопнуть, как муху. Без восстановления.

Когда я впервые подумал об этом, в голову залезла и другая мысль: чего ради продвинутые корабли-самки возятся со своими выжившими из ума самцами? Нежность, иллюзия материнства, радость заботы о несмышленышах — это ясно, но разве нельзя было модифицировать безмозглых Двускелетных во что-нибудь более разумное? Так-таки нельзя? При потрясающем воображение могуществе живых кораблей? Да не может того быть, чтобы нельзя!..

И сейчас же корабль дал ответ на невысказанный вопрос:

— У нас не было цели. Теперь цель есть. Ты предлагаешь нам кратчайший путь к ее достижению?

Ирония пополам с горечью звучала в его словах. И я все понял. Я понял, что безжалостно ткнул пальцем в «болевую точку» — живые корабли вовсе не стремились достичь своей цели как можно скорее. Их бы воля, так они бы отодвинули достижение цели в бесконечность. Да, достичь цели — радость. Но достичь ее и вновь остаться без цели и смысла существования — боль и ужас. Разумнее не форсировать, пусть все идет своим чередом: Двускелетные несмышленыши играют в космической песочнице, радостно разрушая чужие куличики,

а взрослые заботливо и снисходительно пестуют малышню. Играйте, детки!

— Нюхай, Шарик, нюхай, — бормочу я, тыча рукояткой ножа между жвалами и пористым наростом — предположительно органом обоняния. — Нюхай, ну!

Жвалы клацают, но я успеваю отдернуть руку.

— Я не сказал «хватай», я сказал «нюхай». А теперь — апорт! Взять!

Швыряю нож абы как. Даже если он угодит в живую стенку помещения не рукояткой, а острием, кораблю это не повредит. Вероятно, нож даже не вонзится, а просто отскочит.

Так и есть.

Шумно сопя, Двускелетный лихо разворачивается на месте — маневренность у него что надо — и бросается за добычей. Клац — нож уже в жвалах.

— Апорт! Сюда тащи! Апорт, Бобик!

Двускелетный семенит ко мне, предвкушая удовольствие: сейчас моя роль в игре состоит в том, чтобы отнять у него ножпилу, а его задача — не отдать. Жвалы у несмышленыша мощные, как гидравлический резак. Нож сработан из очень хорошей стали и только потому еще цел. Но у рукоятки вид плачевный.

— Фу, Полкан, фу! Отдай...

Мне удается поймать рукоятку, и мы тянем в разные стороны. Двускелетный сильнее. Мотает башкой, урчит от восторга и пятится. Я юзом еду за ним по полу. Внезапный рывок — и рукоятка выскальзывает из потной ладони. Слабоумное дитятко вне себя от радости — перевернулось на спину и молотит в воздухе лапами, не разжимая, однако, жвал. Вот урод.

— Эй, Кабысдох! На что тебе нож? Верни владельцу.

Он тешится еще минут пять. Затем следует внезапный вздрыг, и я едва успеваю увернуться. Вращающаяся в полете полоса стали совершает воздушное путешествие, проносясь в опасной близости от моего лица, и отскакивает от дальней стены.

Вернул все-таки. Умница. Что я без ножа? Ни постричься, ни побриться, ни ногти обрезать. Лезвие хорошо держит заточку, и не надо просить корабль вырастить для меня наждачный брусок.

Я подбираю нож, а Двускелетный чего-то ждет. Ну чего тебе? Моя твоя не понимай. Поиграли — хватит.

Его бросок стремителен. При тройной тяжести семенящий бег на коротких лапах — то, что надо. Жираф сразу переломал бы себе ноги.

Клац! Я снова без ножа. Вздрыг — нож опять летит куда-то, а Двускелетный, сомкнув жвалы, тычется в меня головой. Его толчки становятся все настойчивее. Чего тебе, уродец? Никак хочешь поменяться ролями — чтобы ты, значит, метал, а я, значит, бегал?..

А ведь он точно этого хочет... Апорт, Тим!

Ага, сейчас! Еще хвостом повиляю. Уйди.

Не знаю, плакать мне или смеяться. Рыдать от бессилия что-либо изменить или злобно хохотать над чужаками — как опекунами, так и их подопечными. Правда, все это я уже проделывал не раз и не десять. Может, для разнообразия повыть на Луну?

Нет Луны. Возможно, корабль мне ее покажет, если я попрошу, но ведь рядышком я увижу более крупную горошину Земли. Увижу, зная, что с нею произойдет менее чем через месяц.

И тогда я точно завою. Вот только для корабля мой отчаянный вой ничуть не лучший аргумент, чем шорох мыши или стрекот кузнечика. А разве шум леса мешал кому-нибудь наломать дров?

Двускелетный шумно возится, кажется, собираясь устроить под меня подкоп. По-моему, он не отстанет. Ну что тебе, образина? Все-таки хочешь продолжить игру? Уверен? «Что наша жизнь? Игра!» Не помню, чьи слова, но это о нас с тобой. Понял, уродина? Вижу, понял...

Ага, так я и побежал на карачках... Сам бегай. Ладно, уж так и быть, я принесу тебе нож, но только своим способом. Через Вязкий мир путь ближе. Кому-то он наказание, а мне — краткий отдых.

Там хотя бы тяжесть нормальная.

5

— На ольховом дыму все же лучше, — тоном знатока сообщил Гриша Малинин, подбросив в дымящий костерок охапку колючих, словно рыбьи скелеты, можжевеловых веток. Застреляли искры. Клуб дыма рванулся было вверх, но одумался и втянулся в дымоход коптильни, что от него, собственно, и требовалось. Окутал висящие над жерлом куски мяса.

— А на можжевеловом что, хуже? — спросил дядя Лева и закашлялся, глотнув ненароком дыма.

Никто не поддержал тему. Из десяти человек, греющихся возле нодьи, разложенной на очищенной от снега площадке возле действующей коптильни, тема заготовки мяса интересовала сейчас только Гришу.

— Ну ясное дело, хуже! Хотя, по правде сказать, ненамного. Тут некоторые и на березе коптят, а в ней, между прочим, до Первоматери дегтя. Возгонка идет.

— Ты проверял? — спросил, откашлявшись, дядя Лева и полез тереть заскорузлым пальцем слезящиеся глаза. — Умный больно. Ты химик?

— Чего тут химичить? На вкус не чувствуется, что ли? Ольха нужна.

— Нет ольхи, всю извели. Гурман. Неймется тебе, так сходи за излучину, там ольха еще есть.

— Ага! — обиделся Гриша. — В такую погоду? Мечтаешь, чтобы я заблудился? За излучиной родники и лед слабый. Потвоему, нас слишком много, да?

— А по-твоему, кто-то другой должен идти, потому что ты любишь вкусно пожрать?

— Да нет, я так, — сменил тон Гриша. — Скучно же. Поговорить не с кем и не о чем.

— Тогда спи, — посоветовал дядя Лева. — Хочешь, в землянку иди, хочешь — прямо здесь. За мясом я послежу.

— Надоело спать. После смерти выспимся, а повезет — так в шахте. Чем еще там заниматься?

— Вот там и наговоришься всласть... если взрывная волна тебе свод на голову не уронит. Ты коры, коры побольше в огонь подбрось. Дыма мало.

— Хватит дыма, — простуженным басом сказал Тамерлан. — Дышать нечем. Настоящий городской смог, ей-ей.

— Ха, городской! — немедленно отозвался Гриша и все-таки подбросил в костерок немного тальниковой коры пополам с мелко нарубленными сырыми ветками. — Ты городской смог когда-нибудь нюхал? Так, чтобы настоящий?

— В кино видел.

— Ага, в кино! В историческом фильме небось? Бабское вранье. Не было никогда никакого смога.

— Это почему же не было?

— Потому что миф это древнегреческий! Ну ты сам посуди: вот, скажем, ты оказался у власти. Да-да, именно ты. Или он, или я, или вот они... — Гриша замахал руками, указывая

то на дядю Леву, то на Тамерлана, то на Ваню Динамита с Гойко Молотилкой. — Мы что, полные кретины? Нам что, надо всего побольше и даром? И за это мы готовы потравить все на свете и сами дышать всяким дерьмом? А после нас хоть потоп, да?

— Так насчет потопа — это мужик сказал, и как раз облеченный властью. Король вроде.

— Ерунда! Это его шлюха сказала, а она безмозглая была, потому что бургундское тянула, как помпа. Пропила мозги. Ее так и прозвали — Помпа Дура.

— Ты это где вычитал? — поинтересовался дядя Лева.

— Между строк! Уметь надо. Бабы нам врут, и дураки уши развешивают, а умные люди подвергают все сперва сомнению, а потом анализу...

— Может, поделишься опытом, аналитик? — Дядя Лева прищурил глаз. — Обучи методу, а?

— Да запросто! — Разгорячившийся Гриша не почуял сарказма. — О ней вот что написано: уродина, притом костлявая. Померла, опять же, еще не старой. Умному достаточно: хронический алкоголизм! А тому парню, королю, прямая выгода, коли не брезглив: накачал эту Помпу винищем — и раскладывай ее как хочешь, ей уже все до Первоматери. Он над нею шутки шутил: напоит ее вдрабадан, нальет ей в тарелку вместо супа воды с лягушками, прямо из пруда, так она их ловит и ест — во, думает, какие фрикадельки шустрые... Не веришь?

— Верю, — сказал дядя Лева, пряча усмешку. — Кстати, о лягушках. Ты за мясом смотришь, мифотворец?

Гриша потрогал мясо:

— Не, еще рано. Пусть повисит.

— Тогда иди еще веток наломай. Далеко не отходи, но и быстро не возвращайся. Осознал задачу?

— Нет.

— Надоел, — пояснил дядя Лева. — Балаболка. Иди, иди. В ушах от тебя звенит.

— А почему я?

— Потому что правило забыл: о хлебе, соли, выпивке и раскладывании баб — молчок. Был уговор? Был. Шагом марш.

Обиженно кряхтя, Гриша поднялся с подстилки из лапника, кряхтя, перелез через сугроб и скрылся из виду. В последние месяцы он все делал кряхтя — никак не мог приспособиться, хоть и был самым молодым среди беглецов. Остальные,

кто выжил, давно заматерели, привыкли к таежной жизни, обросли дремучими бородищами и органично вписывались в окружающую среду. Выдержали лютую зиму, и это главное. А весны не увидят. Весна в эти края приходит в конце апреля, и увидит ли ее хоть кто-нибудь — большой вопрос.

Третий день держалась оттепель. С хвои капало в просевшие сугробы, а иногда с какой-нибудь грузно провисшей под тяжестью снега пихтовой лапы с шумом рушился подтаявший пласт. Мокрая овчина непогоды плотно легла на тайгу. Облака прекратили бег, прижались к земле, смешались с туманом. Мир съежился. Видимость — двадцать шагов.

Хорошо еще, что догадались заготовить впрок большой запас топлива. Очень пригодилось. В такую погоду инстинкт самосохранения не велит далеко отходить от лагеря, а все сушины поблизости давным-давно спилены. В промерзлом зимнем дереве почти нет соков, и, спиленное сонным, но живым, оно может дать пищу обычному костру «шалашиком», а все же не нодье.

Пора бы снова на охоту — добыть кабанчика, а то и лося. Можно взять и медведя, если отыщется еще одна берлога, благо опыт уже есть. Из того, что добыли на прошлой охоте, уже почти все засолено и прокопчено. Нужно заготовить много мяса, очень много, не брезгуя ни волком, ни филином, ни росомахой. Все сгодится. Зайчатина и тетеревятина — ну, это просто деликатес. Оружия достаточно, боеприпасов пока хватает. А попробуй выйди на промысел, когда ни зги не видно! Ясно, что ничего не добудешь, да еще вернешься ли сам? Сомнительно.

Зато вероятность, что в такую погоду над головой протарахтит, буравя ротором воздух, вертушка, — ноль целых ноль десятых, а значит, можно не слишком прятаться. Вполне позволительно разжечь нодью и поваляться возле нее на подстеленных еловых лапах. Тут и спать можно. Даже лучше, чем в надоевшей землянке на надоевших полатях под вечным пологом сизого дыма, лениво вываливающегося через продух в кровле.

Оно, конечно, пролетающий над облаками самолет, оснащенный тепловизором, засечет нодью куда надежнее, чем коптильню или топящийся очаг в землянке, — ну так что же? Засечет — значит, судьба. И еще не факт, что печальная: мало ли

кто ночует в тайге, совсем не обязательно беглые эксмены. Кто вообще станет организовывать поиск с воздуха? Чего ради?

А если даже организуют поиск и правильно идентифицируют цель, то еще вопрос, постараются ли обязательно уничтожить горстку беглых. В прежние времена — конечно, постарались бы, не о чем и говорить. Теперь, надо думать, пренебрегут — нынче у них иные проблемы.

То есть одна проблема. Проблема охотника, который вдруг обнаружил, что стал дичью. Разве промысловик будет продолжать выцеливать белку, если сзади на него навалился медведь? Это же нужно иметь какое-то совсем уж извращенное, но пламенное чувство справедливой ненависти, чтобы оставшиеся двадцать восемь... нет, уже двадцать семь дней посвятить одной цели: добиться, чтобы эксмены-преступники погибли раньше всего человечества — пусть на сутки, пусть на час, но раньше!

Логика успокаивала, пыталась убаюкать. Однако Лев Лашезин лучше, чем кто-нибудь другой из десяти беглецов, знал, как опасно доверять логике, когда имеешь дело с людьми. Когда прячешься от людей. Когда вопреки всему поставил перед собой задачу выжить и ради этого стараешься не упустить ни единой мелочи.

Не надо грести против течения. Но и отдаваться на его волю тоже не следует. Не щепка.

Сначала течение взяло верх. Обкусывая грязные ногти, Лев Лашезин вспоминал, как это было и чем кончилось. Завод космической техники лихорадило, полным ходом шли стендовые испытания новой боевой капсулы «Жанна д'Арк», и, невзирая на закономерные сбои и постоянные доводки и доделки изделия, цеховое начальство требовало еще и еще готовых блоков. Впрок. На складах не хватало места. Старые спецы предрекали, что ничего путного из затеи с новой капсулой не выйдет: слишком поздно за нее взялись, не хватит времени довести изделие до ума, не говоря уже о конвейерном производстве, для которого недавно отгрохали чудовищной величины цех. Добавили рабочих мест, смены наладчиков увеличили с двенадцати до четырнадцати часов, а затем и до шестнадцати при одном выходном дне в месяц. Потом отменили и выходные. Скорее! Скорее!

Тех, кто терял сознание или начинал заговариваться, объявляли симулянтами. Перегреваясь, выходили из строя изме-

рительные приборы. Летняя жара и отсутствие кондиционирования в помещении очень этому способствовали. Несколько техников-наладчиков были обвинены в сознательной порче оборудования и отданы под трибунал. Производительность труда, однако, не выросла.

Она и не могла вырасти — давно уперлась в естественный «потолок». И на заводе космической техники имени Савицкой, и повсеместно. Человечество могло напрячь до предела лишь те силы, что имелись у него в наличии. Нельзя заставить работать мускул, которого нет.

В августе по заводу поползли слухи о раскрытии нового «заговора саботажа» и очередных репрессиях. Только этой малости и не хватало для бунта.

И бунт случился — отчаянный, бессмысленный и мгновенно подавленный. Было убито два человека и больше сотни эксменов. По эксменскому персоналу прошлись «частым гребнем»; освободившиеся рабочие места заполнили мальчишками, выпихнутыми из профучилищ ускоренным выпуском. Даешь продукцию! Поставим на конвейер «Жанну д'Арк»!

Лев Лашезин и Гриша Малинин попали в «вычески». Поскольку сами они не принимали никакого участия в кровавой вакханалии, что и было доказано, трибуналу оставалось только поставить им в вину неоказание помощи руководству в деле подавления беспорядков и приговорить отнюдь не к ликвидации, а всего-то к пяти годам трудовых лагерей в местах с неблагоприятным климатом. К пяти годам! За семь месяцев до всеобщего уничтожения!

Смеяться в лицо судьям дядя Лева не стал. Какой смысл без толку грести против течения?

В таежном лагере, вдалеке от населенных пунктов, в лагере, куда можно было добраться либо по воздуху на вертушке, либо баржей по воде, в лагере, где заключенные когда-то только и делали, что валили лес, а теперь в две смены углубляли и расширяли грандиозное подземное убежище для настоящих людей, Лашезин понял, что мир тесен: здесь он неожиданно встретил Руслана, Гойко и Ваню. Бывшие соратники по подполью ютились в другом бараке и работали в другой смене, но все равно это был подарок судьбы. Момент истины наступил, когда дядя Лева рассказал им все, что узнал от Вокульского о Тиме Гаеве по прозвищу Молния, а они сообщили тишком, что готовят побег.

Куда? Зачем? Куда угодно, лишь бы подальше. Грандиозный план гражданской обороны не предусматривал спасения большинства эксменов. Слухи по лагерю бродили разные, в том числе и успокаивающие. Говорили, например, что после завершения строительства убежища для людей всех эксменов вывезут баржами за пятьсот километров вверх по реке, где уже создаются убежища и для них. Для этого, правда, требовалось успеть завершить все работы до конца навигации. Особенно рьяно эта версия поддерживалась бригадирами и старостами бараков.

Здравый смысл говорил иное. Какие убежища? Кем создаются? Да, всех эксменов совершенно необходимо убрать отсюда, а равно и вывезти все оборудование и материалы до последнего гвоздя включительно. Как можно дальше! Смотать колючую проволоку, выдернуть колья, разрушить вышки, бараки и причал, побросать в реку все, что та может унести, и, конечно, все, что тонет. Лишить чужаков видимых целей, не оставить на поверхности вблизи убежища никаких предметов, свойственных цивилизации, включая сюда и выполнивших свою функцию эксменов. Какой вариант предпочтительнее: вывезти их подальше и рассеять по тайге — или ликвидировать, уничтожив трупы? Вопрос. Одно проще, другое надежнее...

Дядя Лева предполагал, что будет выбрана надежность. Когда о чужаках известно недостаточно много, чтобы знать точно, в состоянии ли они обнаружить замаскированное подземное убежище, лучше подстраховаться. Вероятно, десять тысяч заключенных лагеря действительно подлежали вывозу в последние дни навигации. Но вслед за тем они подлежали ликвидации, чтобы кто-нибудь из них, слоняясь по тайге, ненароком не вызвал на себя антипротонный плазмоид прямо над объектом гражданской обороны. Энергия полной аннигиляции пятидесяти килограммов изможденного тела более чем достаточна для уничтожения любого объекта, спрятанного под гранитной толщей.

Массовый бунт был заранее обречен. Побег небольшой группы — возможен.

Сначала их было семнадцать. Ах, как не хватало Тима Молнии с его умением телепортировать! Даниил Брудастый по прозвищу Крокодил получил штык-нож в живот за мгновение до того, как сломал караульной резервистке хлипкую шею.

Выстрела не последовало: в охране лагеря не числилось профессиональных военных, а наспех подученные резервистки плохо знали свое дело. Завладев оружием, шестнадцать эксменов ушли в тайгу. К исходу суток их осталось уже тринадцать, но они оторвались от погони. Шли неделю, держа курс на восток, избегая пустошей, обходя гиблые болота, боясь развести огонь, боясь подстрелить дичь, питаясь одними ягодами, отдавая себя на съедение гнусу. Ночью сбивались в кучу и так грелись.

Лашезин знал: многие в те дни, а особенно ночи мечтали вернуться назад. Он и сам мечтал. Лучше ликвидация, чем такие мучения. Никто не признался в этом вслух, но напряжение и раздражительность росли с каждым часом. То и дело вспыхивали ссоры. Витус Смертельный Удар из-за пустяка подрался с Гойко Молотилкой, и то, что они вытворяли друг с другом, нимало не походило на красивую, но почти безопасную возню на ринге в шоу Мамы Клавы. Разнять их удалось только под угрозой оружия, и то не сразу. В тот же день — шестой, кажется — пришлось отбиваться от волчьей стаи. Выстрелы уложили четверых хищников, остальные растаяли в тайге, но не ушли далеко. Серые силуэты мелькали и справа, и слева, и спереди. Стая ждала ночи.

В сумерках пришлось зажечь костры. С убитых волков содрали шкуры, мясо резали ломтиками и жарили на палочках. Из тьмы глядели желтые светляки — попарно. На ночное нападение стая не решилась и к утру расточилась без следа.

Теперь пошли смелее — чего уж там, лучше рискнуть, чем подыхать! — и на восьмой день вышли к совсем другой реке. Два топора и ржавая двуручная пила, прихваченные из каптерки и сбереженные во время бегства, оказались как нельзя кстати. Старые лагерники оказались умелыми вальщиками леса. Еловые бревна скатили к воде и кое-как связали в плот — громоздкий, неуклюжий, непрочный, но вполне грузоподъемный.

Удивительно, но план побега в целом выполнялся. Удалиться от лагеря и вообще от всяких следов цивилизации на максимальное расстояние и в кратчайший срок можно было только водой. Река близ лагеря для этой цели никак не подходила — обнаружение сплавляющейся по ней преступной банды эксменов было бы лишь вопросом времени. Патрули на

катерах и вертушках. Несколько поселков ниже по течению. Судоходство, пусть и вялое. Шансов исчезнуть — ноль.

Они не знали, как называется эта, другая река. Заключенным не положено интересоваться географией прилегающей к лагерю местности. Лагерная мифология заменяла знание, чертежи прутиком на песке — карту. Хвала мифам, дарующим решимость действовать! Вдвойне хвала мифам, не сильно отличающимся от реальности!

Плот трепало на перекатах. Расползающиеся бревна подвязывали полосами, нарезанными из волчьих шкур, лагерных роб и бушлатов. Ломались шесты. Чудо, что никто не утонул, когда неуклюжее сооружение, вынесенное на каменный клык, издало ужасающий треск, накренилось и вывалило в пенные буруны сразу пятерых, причем ни один из них не умел плавать! Первые дни на воде оказались кошмаром.

Потом река приняла справа большой приток и успокоилась. Теперь плыли больше ночами, а днем отстаивались, укрыв плот в какой-нибудь заводи под пологом ветвей и проклиная ясную сентябрьскую погоду. Вот уж воистину бабье лето — только им и на руку! Дважды слышали вертушку. Наконец зарядили дожди, серое моросящее небо опустилось к самой воде, и плыть днем стало безопасно.

На север, на север! Туда, где нет никого, где и эксмены — тоже люди! Короткие дни, долгие ночи. Плеск воды. Скрип плота. Искры первого снега, гаснущие в темной воде. Сырость и холод.

Свобода! Пела ли душа, ликовала ли? Ой, вряд ли. Лев Лашезин мог припомнить несколько случаев, когда его посещала радость, но счастья он не испытал ни разу, это точно.

А остальные? Филимон Передонов, чахоточник и доходяга, еще в лагере все уши прожужжал, будто знает, как сшить плот без веревок и гвоздей, «в кривую лапу», а на деле оказался негоден даже на то, чтобы сшибать топором сучья с заваленных лесин. Знать, врал, гад, чтобы взяли с собой, протащили сквозь тайгу, не бросили на прокорм волкам. Филимону с охотой накостыляли по шее, а он только ползал в ногах, плакал и молил: «Бейте меня, еще бейте, не бросайте только...»

Ну, пожалели, не бросили. И что? Все равно он помер от кровохарканья еще в начале зимы. И что-то не было заметно, чтобы он был шибко счастлив от осознания того факта, что помирает свободным. Тосковал, мечтал дожить до весны...

Может, и дожил бы, не пустись он в бега. В лагере хотя бы больничка была и фельдшеры совсем не изуверы...

А был ли счастлив Витус Смертельный Удар, когда уходил под лед, провалившись посередине реки? А Костя Смяткин, не вернувшийся с охоты, сгинувший неведомо где? Ну, мертвые — ладно... А те десять из тринадцати, что выжили, — счастливы ли?

Нет, свобода еще далеко не счастье, она только средство. Универсальное, надо сказать. Куда повернешь, туда и выстрелит. Кого прикроешь, того и защитит. И есть подозрение, что учиться обращаться с этим средством нужно с детства, а если начал с седой бороды, то обладать им, конечно, сможешь и сохранить его сумеешь, если постараешься, а вот грамотно применить — только случайно.

Удивительная вещь: большинству людей свободы всегда мало, а ведь свобода одного есть также средство отъема свободы у другого. Быть может, в этом и состоит главная ее функция?

Разговор у нодьи не клеился. Вернувшийся Гриша — дежурный коптильщик — тоже примолк и, нахохлившись, следил за процессом копчения, подбрасывая в огонь то сухих щепок, то сырых ветвей из только что принесенной охапки. Кто-то храпел. Кто-то кашлял. Кто-то яростно чесался, запустив руку под прикрывающие тело шкуры, и сдержанно подвывал от наслаждения.

Дядя Лева тоже поскреб в бороде. Грязь и короста. Хорошо еще, что вшей ни у кого нет, — в лагере исправно действовали и баня, и прожарка, да и дезинфекция бараков проводилась вовремя, по графику. У баб с этим строго. Ты, эксмен, куда менее ценен, чем они, но и у тебя есть свое законное место в обществе и кое-какие гарантированные права. На труд с оплатой, на жилье, на медицину и так далее. Даже на защиту от женской преступности. И пусть половина прав существует лишь в теории — вторая-то половина совершенно реальна! Право на санитарию, например, вполне осязаемо даже в лагере, зато неосязаемы вши.

Так что там насчет свободы? Свободу от каторжного труда не обрели, как ни старались. Свободу от вшей имели и так. Свободу от унижения? А необходимость прятаться не унижает? Свободу перемещения? Ну иди в тайгу, коли ты такой свободный, волки будут рады. А может, прав был старый привратник Вокульский, вслед за каким-то древним философом утвер-

ждавший, что свобода всегда внутри, а не вовне, и полагавший себя свободным и в рабстве?

С какой стороны ни взгляни теперь, а получалось, что без свободы жилось лучше, даже в лагере. Уж комфортнее — совершенно точно. Прежде из мест заключения бежали самые отпетые, с левой резьбой в голове. Жизнь нелегала отнюдь не сахар и, что важнее, не оптимальна в смысле продолжения борьбы. Перспектива — вот что давало силы примеряться к обстоятельствам. Нет перспективы — и нет ничего, кроме свеженарезанной левой резьбы да фиги, мучительно просящейся вон из кармана.

Так что же было завоевано голодом, потом и кровью? Неужели завоевана только свобода умирать без обязательных к исполнению указаний, как это надо делать, и притом не на коленях?

Да, пожалуй, только она одна. Свобода решать за себя самим. Но ведь почти все принятые решения однозначно диктовались обстановкой, а иных разумных вариантов попросту не было...

Совершить марш-бросок по тайге. Построить плот. Плыть и плыть. Куда? В Ледовитый океан? Разумеется, нет. Положиться на удачу, что-то искать и что-то найти. Близ одного из биваков глазастый Гриша высмотрел в лесу остатки грунтовой дороги. Наверное, ею не пользовались лет пятьдесят, если не сто. Местами корни деревьев раздвинули слой щебня, повсюду разрослись мхи и даже ягодники, но она все же прослеживалась. Грунтовка вывела к заброшенному руднику. Судя по всему, в нем когда-то добывали медь, но месторожденьице давно истощилось и было брошено. Здесь Лев Лашезин впервые испытал нечто похожее на чувство признательности настоящим людям за хозяйский женский подход: почти все было демонтировано и вывезено. Бросить неисправную технику, чтобы почем зря ржавела? Ни в коем случае! Было демонтировано все, что поддавалось демонтажу. Осталась всякая мелочь, давно превратившаяся в труху, да с трудом угадывались руины развалившихся от ветхости деревянных строений.

О таком подарке фортуны никто и не мечтал. Шахта! Подземное убежище! Забытое и не включенное в план гражданской обороны! И практически никаких следов деятельности человека на сотни километров вокруг!

Спуститься в центральный ствол удалось метров на триста,

а может, и на четыреста — кто их считал? Только самые нижние штольни оказались затопленными.

Запустение. Мертвенный, стылый воздух. Гулкие своды. Паутина штреков и штолен в непроглядной тьме. Зеленые медистые натеки, влажно отливающие в свете факелов. Кап! — вода за шиворот. Ржавые, шатающиеся, как больные зубы, скобы в аварийных лазах. Ни опустить клеть, ни наладить освещение, не говоря уже о принудительной вентиляции. Подъемные механизмы, элеваторы, малая электростанция на дровяном топливе — все исчезло. Не курорт. Для тех, кто еще не приобрел ревматизма, — шанс исправить упущение.

Зато появился еще один шанс, который невозможно вычислить, — шанс выжить, пусть и с ревматизмом, когда все вокруг полыхнет...

Если взрывная волна от исчезнувших городов не расколет Землю, как орех. Если выдержат своды. Если к тому моменту, когда будет доеден последний кусок копченого мяса, наведенная радиоактивность на поверхности снизится до приемлемого уровня. Уравнение со многими неизвестными. Какие изотопы — долго или короткоживущие — и в каком количестве родит бешеное излучение аннигилирующей материи, не знал никто.

А впрочем, если земной цивилизации предстоит погибнуть до последней особи, не лучше ли оказаться самыми последними? Игра стоила свеч. Попытка муравья выжить под асфальтовым катком, может быть, и бессмысленна, и фаталист обязательно назовет ее глупой возней, но сидеть сложа руки и ждать еще глупее.

Выжить зимой в тайге близ Полярного круга под волчьи рулады и небесные сполохи — задача номер раз. Выжили. Даже уберегли от цинги, успев до снегопадов собрать на болотинах тронутой морозом клюквы. До начала катастрофы по максимуму оборудовать убежище для долгой отсидки — задача номер два. Почти сделано, несмотря на морозы и вьюги. Ну и, конечно, третья задача — запасти побольше провианта и суток за двое-трое до начала спустить его вниз, дотащив до шахты волокушами по снегу, благо в этих краях снег в конце марта лежит себе и не думает таять.

Две лосиных туши. Пять кабаньих, считая мелкого подсвинка. Одна оленья. Семь волчьих. Дюжина глухарей и тетеревов. Два зайца. Это богатство почитай уже все закопчено

под длительное хранение. Есть еще две росомахи, одна рысь, один белый, как снег, филин с вытаращенными глазищами и с десяток ворон — этот резерв пока прикопан в снегу и будет пущен в разделку и копчение, если погода и завтра не позволит добыть более пристойную пищу.

Мясные копчушки надоели всем и давно. Клюкву свирепо экономили. И если изредка все-таки удавалось сварить суп по дикарскому канительному методу путем подкладывания в бурдюк раскаленных камней, то о хлебе и соли оставалось только мечтать, сглатывая слюну. Как ни странно, ни пива, ни самогона, ни технического спирта дяде Леве не хотелось, зато рисуемая воображением корочка хлеба, присыпанная солью и толченым чесноком, доводила до умоисступления. Гриша Малинин по глупости брякнул о бабах, а дядя Лева, напомнив ему про зарок насчет хлеба, соли и выпивки, сейчас ругал себя сам.

Себе напомнил! Всем напомнил! За такое и старший может схлопотать по роже, что только справедливо: дожил до седой бороды, так будь умным! Оставалось лишь, сменив тему, замазать оплошность, и чем гуще, тем лучше.

Спросил о наболевшем:

— Вокруг шахты точно хорошо вычистили?

Когда-то — тысячу лет назад или минувшей осенью? — он требовал, чтобы жерло шахты было как следует замаскировано, а поблизости не осталось ничего похожего на творение рук человеческих. Сам шарил по кустам, как ищейка. Рылся в отвалах породы, в помойках. За просмотренный ржавый гвоздь был готов убить. Лазая всюду, по глупой случайности сверзился в яму, подвернул ногу и в дальнейшей чистке местности участия не принимал. Сколько было той «дальнейшей» чистки! Один день. Потом повалил снег, уже не первый, и на сей раз не стаял.

— Точно, точно, — проворчал Гойко. — В сотый раз пытаешь. Плохо ли, хорошо ли — теперь не поправишь. По-твоему, чужаки умеют видеть сквозь снег?

— Когда полыхнет, снег растает или вообще испарится, — объяснил дядя Лева.

— Может, мелочь какую и пропустили, — пожал плечищами Гойко. — Главное — фундамент. По сравнению с ним...

Да, от здания, возвышавшегося некогда над шахтой, остался бетонный фундамент — вросший в землю, потрескав-

шийся, обомшелый, но все равно до жути рукотворный. Разрушить его никто и не пытался.

— Если ударят по фундаменту, нам труба, — подчеркнул очевидное дядя Лева. — Будем надеяться, что не ударят. Я все-таки думаю, что они станут бить избирательно...

— Это почему? — спросил маленький, похожий на бородатого гнома Прон Халтюпкин. Как ни странно, именно он был лучшим добытчиком, хотя до побега ни разу не прикасался к огнестрельному оружию. Но там, где другие тратили два патрона, он тратил один. Кроме того, он был на диво глазаст, феноменально терпелив и, благодаря малому весу, легче двигался по насту.

— Энергетика, — объяснил Лашезин. — Будем считать? Суммарная живая масса человечества — уже полмиллиарда тонн, верно? И на каждого человека приходятся тонны и тонны всевозможных механизмов, строительных конструкций, пищевых запасов и так далее. Я думаю, десять триллионов тонн на круг — очень заниженная оценка, но пусть будет десять триллионов... У меня вопрос: где чужаки возьмут эквивалентную массу антиматерии для полной аннигиляции всего, что связано с человечеством? Вытащат из соседнего пространства? Переработают астероид? Насосут из пространства космической пыли и опять-таки перелопатят в антивещество? За счет каких ресурсов, позвольте спросить?

— Что мы можем знать об их ресурсах? — возразил Прон.

— Немногое, — согласился дядя Лева. — Тут скорее вопрос веры и здравого смысла, нежели точного знания. Зато Тим сообщил нам кое-что об их мотивации. Потешить дитятю — пожалуйста! Но кто ради этого станет выкладываться на всю катушку? Удары будут нанесены только по крупным целям, это я вам говорю. Причем ихние антипротоны по идее должны аннигилировать еще в атмосфере. Погубить цивилизацию чужаки погубят, можно не сомневаться, а вот переводить все созданное человеком барахло в излучение — ненужный труд. Подопечные дебилы и так будут довольны. Кроме того, неясен вопрос идентификации. Как они из внеземного пространства собираются различать бетон и горную породу, металл техногенный и металл самородный? Я не знаю. Если в реке обнаружены стоки промышленных предприятий — надо испарить всю реку? Что-то мне в это не верится.

— При чем тут тогда тот фундамент? — морща лоб, пробубнил Гойко.

— А чтобы не расслаблялись, — пояснил дядя Лева. — На здравый смысл надейся, а дураком не будь, вредно это...

Он говорил и говорил, в очередной раз давая своим людям накачку. Своим? Трудно сказать. Как ни странно, четко выраженного лидера среди беглецов до сих пор не обозначилось. Правда, большинство все же слушалось его, Льва Лашезина, признавая за ним возрастной авторитет, необычайно обширные для эксмена знания, опыт подполья и личное знакомство с легендарным Тимом Молнией. Дядя Лева редко приказывал — чаще просил по-человечески, и это давало результаты. Но назвать себя предводителем он не мог.

Наверное, это было плохо. Но все же за зиму не произошло ни одной кровавой стычки, и группа не развалилась. Накапливающееся напряжение всегда удавалось сбрасывать. Чего же еще?

Дать надежду — обязательно. Призвать в союзники логику. Нельзя же, в самом деле, думать, что чужаки попытаются подвергнуть аннигиляции все человеческое — от бетонных конструкций до покойников в могилах, от асфальтовых дорог до окольцованных птиц! Уничтожить цивилизацию — это иное. Данная задача выполнима с гораздо меньшим расходом энергии.

Дядя Лева рассуждал вслух о плане гражданской обороны, реконструированном им из обрывков сведений, добытых еще в той, прежней жизни. Кое-что домысливал сам. В общем и целом, план представлялся ему разумным.

Спасать эксменов? Разве что элитных производителей, лучших спермодоноров, да и то в последнюю очередь. Рациональный план должен предусматривать использование рабочей силы эксменов на строительстве убежищ, переносе промышленности под землю, уничтожении ненужного на поверхности, и только.

Крупные города — бросить; мелкие населенные пункты — срыть до основания, по возможности захоронив обломки строительных конструкций. Сбросить в реки мосты, спустить водохранилища, разрушить шлюзы, закопать каналы. Значительную часть торгового флота затопить в неглубоких местах — чтобы было нетрудно поднять впоследствии. Особо ценные суда специального назначения сгруппировать в таких акваториях, где цунами не натворит больших бед. В старых шахтах и естественных подземных полостях, непригодных для размещения людей, спрятать новейшую и надежнейшую технику

возможно более широкого спектра применения. Расконсервировать древние подземные заводы и ракетные шахты, какие еще целы; в надежнейших местах укрыть архивы, научное оборудование и запасы биологического материала для скорейшего воспроизводства рода человеческого. Не надеясь на запасы органического топлива, воссоздать глубоко под землей давно забытые ядерные реакторы. Отдельно позаботиться о связи, сохранить единую Сеть — изоляция убежищ должна быть какой угодно, только не информационной. Утилизировать ненужное старье. Что невозможно быстро вернуть в природу, то вывезти в океан за пределы континентальных шельфов и утопить, оставив на земной поверхности как можно меньше материала для аннигиляции...

А что делать с ровными квадратами полей, засеянных монокультурами? Цель они для чужаков или не цель?

И главная беда: всех людей укрыть в надежных убежищах никак не удастся. В Славянской Федерации с плотностью населения еще так-сяк и задача, в принципе, решаема, а как быть со спасением людей, скажем, на полуострове Индостан, что прилепился к Евразии, как переполненное вымя? А в Китае? Согласятся ли правительства недонаселенных суверенных территорий на массовую иммиграцию с территорий перенаселенных? Ой, вряд ли...

И потому Лев Лашезин в очередной раз внушал товарищам бодрую мысль: сейчас они в большей безопасности, чем большинство людей на планете, — над ними не тяготеют ни политика, ни конкурентная борьба за выживание. Им придется противостоять только катаклизму — не людям. Не будем дураками, так выживем!

О многом приходилось умалчивать, надеясь, что сами не догадаются. Например, о том, что энерговыделения на поверхности и над поверхностью вполне хватит для полного таяния антарктических и гренландских ледников. Ледовитый океан вряд ли пригонит могучее цунами, но он придет сюда сам, важно разольется по тайге и почти наверняка затопит шахту. Да если бы только это!..

Дядя Лева понимал, что о многих факторах он даже не догадывается. Зато он твердо знал главное: правду надо дозировать куда строже, чем ложь. Иной раз и невежество бывает во благо. Если все будут знать всё, жизнь на планете прекратится очень быстро и притом без всякого вмешательства со стороны.

6

Все на свете здания объединяет одно: они возводятся для борьбы со стихиями и законом всемирного тяготения, зловредно норовящим снивелировать земную поверхность. Все их роднит наличие фундамента, стен и крыши, в подавляющем большинстве их перекрытия прободены всевозможными трубами, шахтами лифтов, вентиляционными колодцами и электрическими кабелями, одетыми в черную глянцевую изоляцию специально, кажется, для того, чтобы сильнее походить на дохлых гадюк. Скажи «здание» — и воображение обязательно нарисует тебе некую обобщенную конструкцию вполне определенного назначения — терпеть внутри себя людей, поощряя их к менее сиюминутной деятельности, нежели защита от холода и осадков. Смысл у зданий один — но какая разная судьба! Одно стоит тысячу лет, другое попадает под бомбу, идет на снос по ветхости, уничтожается стихийным бедствием, а то и просто разваливается без всякой видимой причины. Черт ли угадает, какую постройку что ждет? И дровяной сарай, скособоченный от рождения и подпертый бревном, может пережить помпезный дворец — уж кому как повезет.

Комплексу зданий на площади Согласия, бывшей Любянке, названной так, очевидно, за большую народную любовь к размещенному здесь учреждению, бесспорно повезло. Со времени Сандры Рамирес главное здание Департамента федеральной безопасности Славянской Федерации не претерпело никаких серьезных перестроек, по крайней мере внешне. Разве что гранитный цоколь украсился табличками, предупреждающими пешеходов о слегка повышенном радиационном фоне, характерном для данных гранитов, и намекавшими на то, что подолгу торчать здесь не след. Но кому придет в голову праздно слоняться вокруг этого здания?

Ольга решительно вошла в назначенный ей подъезд. Тяжелая, как могильная плита, дверь весомо захлопнулась за спиной. Так, куда теперь?..

Пропуск на нее был заказан. И уже через три минуты она входила в дверь, украшенную только номером. Дама средних лет с еще явственными следами холодной красоты, но уже начавшая увядать, подняла голову от настольного терминала. Первым делом Ольга отметила громадные темные круги под глазами на холеном когда-то лице. Затем разглядела сеть мор-

щинок — видимо, недавних. Да, как видно, работе этой дамы не позавидуешь...

— Вострецова Ольга Алиновна?

— Так точно, мэм.

— Меня зовут Евгения Зинаидовна Фаустова, я полковник эф-бэ. У нас есть к тебе несколько вопросов. Садись.

Прямо перед столом, блестя белой эмалью, торчал, как бледная поганка, одноногий металлический табурет, намертво привинченный к полу; сбоку распахивало кожаные объятия уютное мягкое кресло. Куда именно сесть, Фаустова не подсказала. Сейчас же Ольге пришло в голову, что, возможно, выбор клиентом места рассматривается здесь как деталь психологического портрета. «Виновна или нет» — так вопрос, по-видимому, не стоит. «Робеет или нет» — куда ближе к истине.

Ольга выбрала кресло.

Действительно мягкое, расслабляющее. Тем хуже. Но выбрать табурет значит сразу признаться: заранее настроена на бой, напряжена, комфорт неуместен. И тем самым вскрыть свою слабину. Плюхнулась в кресло — либо наивная дура, либо, напротив, объект, достойный внимания.

Мимолетная поощрительная улыбка хозяйки кабинета показала Ольге, что она недалека от истины.

Допрос — с какой стати? Беседа — это пожалуйста. Вот она я, спрашивайте, но знайте, что содержание разговора я буду вынуждена сообщить своему начальству. Надеюсь, вы видите, что на мне полицейская форма? Это намек. Если хотите — вызов. Последней, кому удалось на время добиться терпимых отношений между ДФБ и Министерством порядка, была Анастасия Шмалько. Дела давно минувших дней.

— Слушаю, мэм.

— Видела вчера твое выступление, — начала Евгения Зинаидовна. — Совсем неплохо, даже хорошо. Кофе выпьешь?

— Нет, мэм, спасибо.

— Как хочешь. Давно выступаешь за Мытищинский отряд?

— Третий год в команде, мэм. Но раньше, как правило, была запасной.

— И сразу такой успех, — поддакнула Евгения Зинаидовна. — Опередила Верхогляд и чуть-чуть не достала Шлейхер. Отчего, как ты думаешь? Везение?

— Было и везение, мэм, — откровенно ответила Ольга. —

Да вы же сами, наверное, видели, как я едва не сорвалась на «скакалке». Быть бы мне в хвосте десятки, если бы сорвалась...

— Что все же отнюдь не так плохо, верно?

— Верно, мэм.

— Есть свое кредо?

— Конечно. Я борюсь с Вязким миром, а не с соперницами.

— Любопытно... А если соперницы борются именно с тобой?

— Их право. И, по-моему, их проблемы, мэм. В Вязком мире есть только Вязкий мир, там нет никаких соперниц. Я о них забываю, они мне неинтересны.

— Почему? Аутотренинг?

— Нет. Так было со мной всегда. Зачем усложнять? Телепортация — это единоборство только с Вязким миром. Как мне может помочь или помешать кто-то посторонний?

— Понятно. Ты не командный игрок, верно?

— Э-э... В каком смысле, мэм?

— В широком.

Ольга чуть помедлила с ответом. Вопросы хозяйки кабинета вызывали недоумение.

— В спорте — нет, наверное. А на службе... Мне трудно судить. Во всяком случае, взысканий за плохую работу в группе у меня пока не было. Я думаю, с этим вопросом лучше всего обратиться к моему непосредственному начальству.

— То есть будем считать так: в группе ты работать можешь, если надо. Поставлю вопрос иначе: тебя никогда не привлекали игровые виды спорта? Футбол, волейбол, водное поло?

— Никогда.

— Значит, только сама? Одна на одна против чего-то, что сильнее тебя, так?

— М-м... Я только стараюсь увеличить время, когда сильнее я, вот и все. Нельзя победить Вязкий мир, можно лишь использовать его.

— Надо ли это понимать так, что ты не ставила перед собой цель занять призовое место?

— Не знаю... Нет, я обрадовалась серебру, мэм. Точно, обрадовалась. А цель... Я хотела выступить как можно лучше, вот и все.

— Что ж, похвально, — кивнула Евгения Зинаидовна. — Самолюбие, но не тщеславие. Такой человек, как правило, надежнее и ответственнее, но и хлопот с ним полон рот. Однако

при правильном руководстве те, кто, подобно тебе, обладает этим ценнейшим даром в сочетании с умом, хваткой и преданностью делу, могут рассчитывать на быстрый служебный рост. Ты ведь хочешь доказать, что чего-то стоишь, прежде всего себе самой, а не другим, не так ли?

— Не знаю, мэм. Может быть. Я не думала об этом.

— А ты подумай.

Секунду или две Ольга размышляла: чего же все-таки здесь от нее хотят? Ответ не пришел, а недоумение осталось. С кем играет эта кошка — с мышкой? Очень возможно, что она так и думает. Э нет, меня так просто не схарчишь, и она это уже поняла. Зачем тогда игра? Почему нельзя просто и ясно изложить, что нужно Департаменту от Ольги Вострецовой?

Стукачество? Это, пожалуй, самое вероятное, хотя нет никакой надобности вызывать человека в это здание ради вербовки. А «кошка»-то выглядит скверно, сразу видно, что недосыпает... Хочется ли ей играть — это еще вопрос. А контрвопрос звучит так: умеет ли она иначе?

— Думаю, что вы правы, мэм. — Ольга вежливо наклонила голову и сейчас же вздернула подбородок. Может, нахамить? Чего, в самом деле, в душу лезут?

Нет, успеется. Сначала надо послушать. А чтобы что-то услышать, приходилось самой отвечать на непонятно зачем задаваемые вопросы о спорте, о семье, об учебе, о планах на будущее, как ближайшее, так и отдаленное... Ольга все меньше понимала, чего же здесь от нее хотят. Намереваются как-то использовать — это бесспорно. Но этот официальный вызов... Хотят перетащить к себе, что ли? Чего ради?

Так и оказалось:

— Как бы ты посмотрела на то, чтобы перейти на оперативную работу к нам в Департамент?

Ольгу словно огрели мешком из-за угла. Оперативная работа! Не нудное патрулирование улиц, не воспитательная канитель с «трудным» контингентом, не разбор визгливых бытовых склок, не развоз по специальным клиникам пьяных и обкурившихся обалдуек, не каждодневные малопродуктивные попытки привить правильные рефлексы упрямым и тупоумным эксменам, не многочасовая скука в оцеплении, наконец! Ну и, разумеется, не спокойная судейская должность с верным куском хлеба на старость, предел маминых мечтаний. Это все не для нее.

Долой будни и мелочовку! Долой придирки к выправке, нагоняи за превышение власти, кляузы «безвинно пострадавших от произвола», оправдательные рапорты, прокурорские проверки, ядовитые нотации Сциллы Харибдовны, чтоб она была здорова! Долой родное отделение, облупленные стены «обезьянника», унылые кабинеты и комнату психологической разгрузки, где на недавно обновленном лозунге «Пользуйся только своим сексатором!» кто-то опять приписал вверху: «Непрерывно». Наконец-то предложена настоящая работа: выслеживание опасных преступников, молниеносные операции по задержанию, решаемые на ходу хитрые головоломки, опьянение риском, быть может, работа, связанная с проникновением в подрывные организации и изуверские секты...

Одно мгновение Ольгой владел восторг, и Евгения Зинаидовна не могла его не заметить.

— Если надо, могу дать тебе время подумать. Но не очень долго. Скажем, до завтра. Годится?

— Прошу прощения, мэм... — Ольга почувствовала, что ее голос внезапно сел. — Я могу дать ответ прямо сейчас. К сожалению... к сожалению, я вынуждена отказаться.

Тонкие брови Евгении Зинаидовны удивленно поднялись, изломившись домиком, морщинки на лбу обозначились резче.

— А мне говорили, что ты имеешь склонность как раз к оперативной работе... Выходит, это не так?

— Это так, мэм. — Ольга кашлянула, голос стал лучше. — Но я не могу.

— Почему?

— Меня дурно приняли бы здесь, и на меня дурно посмотрели бы там, если бы я приняла ваше предложение, мэм, — объяснила Ольга, не вдруг сообразив, что ответила цитатой. Тьфу. А кто виноват? Мама с ее надоевшим «гармоничным развитием личности ребенка» и тщательно подобранными дообновленческими книгами!

— Что ж, это уважительная причина, — молвила Евгения Зинаидовна. — То есть я хочу сказать, что она была бы уважительной, если бы наши ведомства не занимались по большому счету одним общим делом. Скажу более: сложившаяся к настоящему моменту обстановка столь критична, что малейшую попытку защиты узковедомственных интересов мы будем вынуждены карать беспощадно. Скажу еще более: есть самые серьезные основания полагать, что не сегодня-завтра наши ве-

домства будут слиты в единую мощную и мобильную структуру, где ведущую роль предстоит играть кадрам Департамента. Соответствующее решение будет проведено через Ассамблею со дня на день...

А вот это уже точно было как мешком по голове, причем пыльным. Если госпожа полковник не лгала, а она, по-видимому, не лгала, случилось что-то из ряда вон, и даже не просто из ряда вон, а какой-то катаклизм мирового значения. Что у них там в Ассамблее — вулкан Кракатау проснулся? Или все разом впали в слабоумие? Уму ведь непостижимо...

Евгения Зинаидовна дружелюбно улыбнулась:

— Видишь, я не боюсь заранее говорить тебе о предстоящих преобразованиях. Я не верю, не убеждена — все это не те слова, — я просто знаю, что так и будет. Какой же тебе смысл оставаться в кадрах сугубо подчиненного подразделения, вдали от настоящих дел, так сказать, ехать на прицепе, а? Подумай. У нас ты принесешь больше пользы. Само собой разумеется, твоя работа будет по достоинству оценена. Такой шанс выпадает людям нечасто, уж ты мне поверь. Что ты скажешь о производстве в следующий чин и солидной прибавке к окладу? Это можно будет устроить уже в ближайшие дни, так сказать, авансом...

— Не люблю брать авансы, — Ольга покачала головой, — особенно когда не знаю сути дела. Прошу извинить меня.

— Суть дела... — Поморщившись, Евгения Зинаидовна побарабанила пальцами по крышке стола. — Суть дела можно выразить одним словом: скверно. Или двумя: крайне скверно. Везде, всюду. Очень серьезное положение. Ты ведь не дурочка и должна сама понимать: с бухты-барахты объединять Департамент федеральной безопасности и Министерство порядка никто не станет. Выводы делай сама. Более подробной информацией пока могут располагать только наши сотрудницы...

Пауза вышла весьма многозначительной.

— Жаль, что я не ваша сотрудница, мэм, — вздохнула Ольга. — Я могу идти?

— Еще нет. Если ты отказываешься у нас работать или еще не приняла решение, это дело твое. Во всяком случае, оставляю тебе время до завтра — подумать. Предложение пока остается в силе. А сейчас я прошу тебя ответить на несколько частных вопросов... не напрягайся так, они не связаны с твоей профессией. Ты родилась в сто пятьдесят четвертом году, верно?

— Да, мэм.

— В августе сто шестьдесят третьего ты с мамой отдыхала у родственников в поселке Благостном близ Камышина. В конце того же месяца, уже в Москве, ты была помещена в детскую инфекционную больницу номер три. Что с тобой случилось?

— Краснуха, мэм. Я помню, как это было. Продержали три недели в больнице и все время что-то кололи, я ни сесть, ни лечь нормально не могла... Потом выпустили.

— Только краснуха? Тебе не говорили, что у тебя развился постинфекционный энцефалит? Нет? К счастью, он не оставил никаких последствий. Но меня интересует другое: недели примерно за две до твоей госпитализации у тебя начались обмороки, один раз к тебе даже вызывали врача. Если не ошибаюсь, из-за этих обмороков твоя мама благоразумно решила прервать отдых раньше намеченной даты, не так ли?.. С тобой все в порядке? Быть может, воды? Чаю? Кофе?..

— Не надо, мэм, — сказала Ольга. Ее колотило. — Я в порядке.

— Тогда продолжим. Насколько можно судить по медицинским документам, касающимся твоего детства, до того случая ты никогда не страдала внезапными обмороками и не имела к этому никакой склонности. Известно, что обмороки у здоровых детей случаются, как правило, в результате перенесенной психической травмы. Плюс ослабленный иммунитет, это как правило. Очень возможно, что твоя краснуха и твои обмороки были следствием одного и того же события, которое... Тебе плохо?

— Н-нет, мэм...

— На, выпей воды. Так вот, нас интересует... извини, что я касаюсь данной темы, я понимаю, как тебе тяжело, но нас интересует то, что в августе сто шестьдесят третьего года столь сильно напугало тебя, девятилетнюю. — Евгения Зинаидовна понизила голос, глядела сочувственно, уместно вздыхала. — Поверь, нас интересует только это. Если тебе тяжело вспоминать, у нас есть специальные щадящие методы...

Зубы Ольги стучали о стакан.

— Что ты скажешь о беседе под гипнозом? Так тебе будет гораздо легче. Единственное, что требуется — твое согласие. Надеюсь, ты не подозреваешь меня в попытке выудить у тебя служебную информацию?

— Н-нет, мэм...

Надо было собраться. Надо было как следует разозлиться на себя, и Ольга начала злиться. Поставила стакан на стол, умудрившись не расплескать остатки воды. Эй, туловище, чего одеревенело? А вы, руки? А ну, прекратить дрожать! А вы, зубы, можете пока поскрипеть немного, это я вам разрешаю, а стучать — нет! Соберись, рохля, на тебя смотрят. Грудь колесом, хвост пистолетом. Во-от таким!! Кремневым, седельным.

— Гипноз не нужен, мэм, — сумела сказать Ольга и решительно помотала головой. — Я готова рассказать.

— Так что же тебя напугало?

— Близ того места, мэм, был подготовительный интернат для эксменов. В перелеске возле его забора я собирала грибы... мама иногда отпускала меня одну. Однажды мне показалось... м-м... показалось, что один эксмен-подросток телепортировал сквозь ограду. — Ольгу чуть было вновь не начало трясти, но она справилась. — Я убежала. Все это звучит нелепо, я понимаю. Наверное, мне просто напекло голову, вот и померещилась такая жуть. А может, кто-то из поселковых девчонок просто-напросто устроил глупую шутку. Переодеться и подгримироваться ведь нетрудно...

— Разумные гипотезы, — улыбнулась Евгения Зинаидовна. — Ну и на какой из них ты остановила свой выбор?

То ли улыбка подействовала, то ли дружеский тон, но Ольга почувствовала себя увереннее.

— Затрудняюсь ответить, мэм. Ведь это было так давно. Страх свой помню, это точно. Какой-то совершенно дикий страх. Ведь я видела... то есть мне показалось, будто я видела то, чего никак не может быть. Ну примерно как если бы вдруг ожил древний динозавр, сам собой выкопался из земли и погнался за мной. Я прибежала домой и спряталась в шкаф. А потом начались эти обмороки... Обе гипотезы хороши, мэм. Они хоть что-то объясняют. Ведь не могло же на самом деле быть телепортирующего эксмена, уж это-то ясно...

Но вместо подтверждения данного бесспорного тезиса Ольга услышала:

— Он был старше тебя?

— Простите, кто, мэм?

— Тот, кого ты увидела. Наяву или только в своем воображении — сейчас это не слишком важно.

— Кажется, старше, мэм. Более рослый, это точно.

— Когда ты заметила его, он был за оградой?

— Я не знаю, он это был или она, — заартачилась Ольга.

— Он — это объект, — пояснила Евгения Зинаидовна. — Слово мужского рода. Никаких половых признаков я в нем не подразумеваю и ни на чем тебя не ловлю. Успокойся и соберись. Итак, в первый момент объект находился за оградой?

— Да, мэм.

— Ты слышала хлопок воздуха при телепортации?

— Да, мэм.

— А какие грибы ты собирала — помнишь?

— М-м... пожалуй, не вспомню, какие в тот раз, мэм. Тем более что корзинку я потеряла. Но в тот год было много белых, лисичек и поддубней, это я помню.

— Отлично. Теперь постарайся припомнить, во что ты была одета.

— Наверное, в легкое платье и сандалии, мэм. Лето было с ливнями, но теплое. Как раз в сто шестьдесят третьем был рекордный урожай, потом еще в сводках много лет подряд все сравнивали с тем годом... Я потому и запомнила.

— У тебя хорошая память, — констатировала Евгения Зинаидовна. — Ну что ж, ты нам помогла, благодарю. А о моем предложении все-таки подумай. Ты сейчас к себе в Мытищи?

— Да, мэм. Разрешите идти?

— Счастливого пути. Советую сегодня не задерживаться в центре, поезжай домой сразу, лучше подземкой. Давай отмечу пропуск.

Как в стародавние времена, а может, и как в новые времена, но обязательно в аномальном месте, где то и дело невзначай всплывают реликты ушедших эпох и никто не удивляется этому, здесь сохранился ритуал проставлять начальственные автографы на бумажках с печатями. Как будто трудно было поставить нормальную систему и не черкать стилом по бумаге, а попросту послать с монитора команду папиллятору на выходном контроле... Оно, конечно, все гениальное просто, но все простое — гениально ли?

Удивление Ольги длилось лишь мгновение. Ошарашенного человека трудно удивить всерьез.

Конечно, надо было просто уйти. Но, великолепно чувствуя, что сейчас ее непременно поставят на место, Ольга все же не сумела удержаться от вопроса:

— Простите мою назойливость, мэм... Могу ли я спросить, как вы узнали о... о том давнем случае?

Реплика Евгении Зинаидовны была преисполнена иронии:

— Спросить ты можешь, почему бы нет. Жаль, что на этот и некоторые другие вопросы я могла бы ответить только нашей сотруднице. Всего доброго.

Разумеется, ее поставили на место. Не грубым окриком — и на том спасибо.

7

Как только за Ольгой закрылась дверь, Евгения Зинаидовна потребовала себе кофе без сливок и сахара — она не помнила, которую чашку с начала рабочего дня, и не могла бы точно сказать, когда начался рабочий день. Минувшую ночь пришлось провести совсем без сна, да и в предыдущие две ночи удавалось поспать не более двух-трех часов здесь же, на диване. И конца-краю такому режиму работы не просматривалось.

Но какова гордячка!.. Евгения Зинаидовна снисходительно усмехнулась. Строго говоря, у нее не было бесспорных оснований предлагать Ольге Вострецовой службу в Департаменте — несмотря на свои спортивные успехи, девчонка показалась заурядной, даже туповатой. В данном случае полковник Фаустова решила действовать по наитию, а наитие подсказывало, что в один прекрасный момент Вострецова может оказаться полезнее здесь, под рукой. Для чего — трудно сказать. Наитие вообще явление иррациональное, логическому анализу не подлежит. Просто так уж получается, что в выигрыше оказываются те, кто знает цену интуиции и умеет правильно ею пользоваться.

Как ни удивительно, девчонка сказала «нет». Что ж, ее право. По большому счету это ничего кардинально не изменит, потому что уже завтра Ассамблея примет самое радикальное решение за все время ее существования. Давно пора объединить всех силовиков под единым началом, а те, кто сегодня думает иначе и готовится к словесным баталиям, завтра без баталий проголосуют «за» — может, и не в едином порыве, но в подавляющем большинстве. Сегодня им будет дан наглядный урок. Первоматерь Люси, каких же трудов стоило подгадать его именно к сегодняшнему дню, а не к вчерашнему и не к послезавтрашнему!..

Евгения Зинаидовна отхлебнула кофе. Поморщилась — горячий. И вкус уже не тот, да и запах не радует. После которой по счету чашки начинаешь ощущать уже не тонкие изы-

ски аромата благородного напитка, а попросту периодически заливаешь в себя отраву, поддерживающую организм в работоспособном состоянии. Как метанол в бак мобиля. Залила — поехала... до следующей заправки.

Надо бы подойти к окну, взглянуть — как там, не началось ли уже? Нет, лень. Да и смотреть незачем: когда начнется, только глухая не услышит. Интересно, правильно ли девчонка поняла совет не слоняться сегодня по улицам? Жаль будет, если нарвется по-глупому. Строго говоря, такого рода советы суть не что иное, как раскрытие служебной информации, служебный проступок, если не хуже. А с другой стороны, без таких проступков работа не идет, а ползет, так что будь любезна рассчитывать оптимальный риск. Критерий же оценки всегда один — практический результат.

Но что такое завтрашнее решение Ассамблеи? Данный в руки инструмент, не более. Это не цель, это лишь карт-бланш для достижения цели. Что такое сделанное Ольге предложение? Попытка придвинуть поближе к себе мелкий винтик, может быть, и не очень нужный. А что до практических результатов почти трехлетней работы, то с ними дело по-прежнему обстоит не очень. И пусть кое-что до сих пор относится к разряду невозможного — но и в возможном было понаделано предостаточно ошибок...

Пропал Тимофей Гаев, как его и не было. Со дня сражения на подступах к Ананке и гибели половины Четвертой эскадры прошло почти семь месяцев — а зачитанная до дыр распечатка «мемуаров» Гаева была случайно найдена при личном обыске эксмена, подозреваемого в связях с подпольем, всего-навсего два месяца назад! И искали-то совсем другое, а главное, ни одна из делавших обыск дур не смогла сразу понять, что обнаружена не обыкновенная писулька подрывного характера, не очередной злобный пасквиль, а нечто из ряда вон выходящее по своей значимости! Безвозвратно утекло еще несколько бесценных дней, пока наконец рукопись не попала к тем, кого она прямо касалась. В тот же день она была обнаружена в Сети под издевательски-простым паролем. Немедленно поступила команда бросить дополнительные силы на поиски виртуального нелегала Войцеха Вокульского, продолжающиеся и поныне. Чему удивляться? Виртуальный мир обширнее, разнообразнее и сложнее мира настоящего, локализация искомого объекта требует времени, а время ушло...

Работнички! Как на словах, так хранители священных основ и искоренители скверны, а как дойдет до дела, так хоть лезь в петлю. Иной раз хочется выстроить головотяпов и тяпать их по головам чем потяжелее. Да и себя иной раз не мешало бы...

Первое, что приходило в голову при беглом знакомстве с текстом, — фальшивка. Но кто, кроме нее, полковника Фаустовой, а также полковника (ныне — генерал-поручика) Сивоконь и наглеца Тима Гаева, мог знать все детали неприятнейшей, унизительной сцены, разыгравшейся вот здесь, в этом самом кабинете? С какой стороны ни глянь, это был противозаконный сговор с эксменом. Ради высокой цели, разумеется. И начальство дало санкцию. Не в том дело. Дело в другом: подслушивание практически исключено, а значит — что? Значит, Тим Гаев не только выжил в операции «Эгида», но и неким малопонятным образом ухитрился передать свои записки — назовем их так — на Землю?

Если да, то этот документ надо рассматривать как ценнейший источник информации. По счастью, кое-что поддавалось проверке. Трое эксменов-пилотов из тех, что прикрывали Гаева в бою возле Ананке, а потом каким-то чудом сумели уцелеть в жутком побоище близ Цереры, были допрошены со всей тщательностью. Серьезных расхождений между их показаниями и текстом «мемуаров» в части, касающейся Ананке, не выявилось. В показаниях не было и стопроцентного совпадения деталей — наблюдалась нормальная дисперсия, какая бывает при отсутствии предварительного сговора. К сожалению, не удалось допросить остальных свидетелей — раненые эксмены, взятые на борт «Магдалены», и те, что эвакуировались с Ананке на «Незабудке», остались на Церере и, разумеется, погибли вместе с базой.

Кое-что добавила Марджори Венцель, пока что пониженная в чине до контр-адмирала и уволенная в отставку по беременности. О своей преступной связи с эксменом она рассказывала охотно, на известие о понижении в чине отреагировала смехом и вообще, по-видимому, махнула рукой на все, кроме эмбриона, созревающего во вздувшемся животе. Сопоставление выявило: Гаев не врал. Немного приукрашивал, немного хвастался, наивно пытаясь в своих записках выглядеть лучше, чем на самом деле, но не врал. Значит, не соврал и о том, что произошло с ним после того, как он в точном соответствии с

планом операции телепортировал из боевой капсулы в недра чужого корабля?

Ничего не значит. Проверять и перепроверять!

Показания бывшей хозяйки шоу «Смертельная схватка». Соответствуют. Показания служащих того же шоу. Соответствуют. Очень пригодились бы показания товарищей Гаева по боям на ринге, а главное, по подпольной ячейке, и уж совсем желательно было бы снять показания с Льва Лашезина — увы, администрация трудового лагеря проморгала побег группы заключенных, теперь их ищи-свищи, если к настоящему моменту они вообще еще живы. Кто остается? Генерал-поручик Иоланта Сивоконь, заместитель Присциллы О'Нил по вопросам безопасности, не дожидаясь специального запроса, практически сразу по ознакомлении с текстом «мемуаров» кратко и очень сухо подтвердила истинность изложенных Гаевым фактов, касающихся контакта Гаева с нею. Евгения Зинаидовна очень хорошо представляла себе, каково было генерал-поручику сознаваться в том, что эксмен водил ее в уборную на поводке, будто зверушку какую! Чувство долга пересилило стыд. Что ж, так и должно быть. Пятно на репутации всегда меньший грех, чем низкая ложь во спасение репутации.

Евгения Зинаидовна помнила и то, как Гаев некогда ушел от нее самой. Если верить ему, он запаниковал. Но ей так не показалось. И ушел он грамотно.

Какой враг — загляденье! И какой инструмент в умелых руках!

Однако этот эксмен, по-видимому, в самом деле сумел проникнуть внутрь чужого корабля и не был сразу уничтожен. Более того, он в какой-то мере побудил живой корабль к сотрудничеству. И переданные им сведения совершенно бесценны!

Сегодняшняя беседа с этой гордячкой Ольгой Вострецовой была, пожалуй, завершающим аккордом проверки. Найти Вострецову удалось без особого труда, для этого оказалось достаточно поднять медицинские записи в четко локализованных временных и пространственных интервалах и выяснить, кто обращался к педиатру по поводу детского невроза, очень вероятного в описанных Гаевым обстоятельствах.

Итак, в мозаику лег последний кусочек смальты из тех, что удалось собрать, и не изменил общей картины. Главным же в ней было вот что: Тима Гаева не удалось поймать на лжи. Его записки могли быть провокацией, но их авторство не вызывало

сомнений. Тщательное моделирование сражения при Ананке по показаниям уцелевших пилотов совпадало с «мемуарами» в главном и расходилось в деталях ровно настолько, насколько должны расходиться показания участников боя, выполнявших в нем разные задачи. На первый взгляд означать это могло только одно: Гаев действительно послал свои записки на Землю уже после сражения, находясь внутри чужого корабля и заведомо воспользовавшись его помощью. Правда, напрашивалось и иное предположение: Гаев нейтрализован, а корабль, сосканировав каким-то образом его память, послал информацию самостоятельно. Но с какой целью? Дезинформация? Сомнительно уже потому, что деза имеет смысл тогда, когда мощь противника сопоставима с твоей мощью. Стоит ли дезинформировать комара, прежде чем его прихлопнуть? И главное, последнее предположение решительно ни к чему не вело, в то время как принятие первого в качестве рабочей версии обещало многое.

Во-первых, мотивация действий чужаков нашла свое объяснение — достаточно странное, но все же не совсем безумное. Во-вторых, из текста следовало, что чужаки намерены обсудить сложившуюся ситуацию и принять какое-то решение.

Сражение у Цереры, закончившееся потерей крупнейшей базы космофлота, не говоря уже о потерях в личном составе, боевой технике и обученных эксменах, показало: либо чужакам для принятия решения не хватило сорока семи суток, либо решение оказалось не в пользу человечества. Правда, текст ясно говорил о том, что чужаки отнюдь не намерены торопиться с принятием решения, а значит, можно было надеяться, что пока все еще действует старая установка на безусловное уничтожение... то есть можно надеяться на то, что иное решение все-таки будет принято, и не слишком поздно.

Впрочем, все это в первую голову касалось штаба космофлота, только что преобразованного в штаб космической обороны с более широкими полномочиями. Еще одно подтверждение надежности записок Гаева уйдет туда сегодня же. Оно им нужнее. Они пытаются вычислить, со сколькими кораблями противника придется иметь дело земной обороне. Если всего лишь с одним, то шансы на успех имеются. Если, предположим, с тремя, то шансы отбиться крайне малы. Если с десятью — нет никаких шансов. У штаба обороны своя задача, у Департамента — своя. И по большому счету на данном этапе она

состоит в том, чтобы развязать штабу руки для большой драки. Так сказать, обеспечить тылы. Ясно, что без объявления чрезвычайного положения не обойтись, как и без многого другого. Уже назрела необходимость обратиться к населению с воззванием, объясняющим неизбежность принятия неотложных и крутых мер.

Пора. Замолчать опасность — смертельную, небывалую, глобальную — уже так и так не удастся. И дело тут не только в «мемуарах» Гаева, с коими знакомо уже все подполье. Если бы один Гаев! Информация вообще имеет свойство просачиваться. Во-первых, круг посвященных если не во все, то в важные детали с самого начала был вынужденно велик. Во-вторых, многочисленные аннигиляционные и ядерные вспышки в космосе отнюдь не стали добычей одних лишь астрономов, ибо были прекрасно видны всем, кому взбрело на ум задрать вверх голову. В-третьих, умные головы уже давно сообразили, что программа тотального перераспределения рабочей силы имеет под собой куда более веские основания, нежели те, что пришлось обнародовать. Наконец, в-четвертых, в побоище близ Цереры участвовали и гибли не только пилоты-эксмены, но и настоящие люди, пилотессы. Плюс персонал базы. Если гибель эксменов, пусть и подготовленных, мало что значит, то гибель стольких людей сразу скрыть уже труднее. Само собой разумеется, была пущена в ход легенда о серьезной аварии с многочисленными жертвами, а с уцелевших взяли подписку о неразглашении под страхом тягчайшей ответственности, но, когда в тайну посвящено столько народу, все усилия по пресечению ее дальнейшего распространения немногим более эффективны, чем попытки остановить реку неводом вместо бетонной плотины.

Теперь изображать полное незнание уже поздно, более того, вредно для дела. Момент настал. Кризис неизбежен, ожидаем и должен быть преодолен решительно, жестко и без особых потерь.

К сожалению, небольшие потери среди гражданского населения совершенно необходимы. Избежать их в общем-то нетрудно, но тогда следует ожидать стократ больших потерь, всеобщего хаоса, утраты рычагов управления. Людей не убеждают ничем не подкрепленные слова, это древняя аксиома. Убедить их способны лишь предметные уроки. Главное, чтобы урок проходил под полным контролем.

Что-то долго не начинается... Пора бы уже.

Евгения Зинаидовна неспешно прихлебывала кофе. Будь ее слух не столь насторожен, она вряд ли обратила бы внимание на первую автоматную очередь, простучавшую пока где-то далеко и ослабленную трехслойным остеклением окон. Ну, слава Первоматери, началось! Теперь можно было с легкой душой заняться текущими делами. Мысли Евгении Зинаидовны Фаустовой вернулись в прежнее русло, она потребовала себе еще одну чашку кофе и более не обращала внимания на звуки с улиц, достигавшие ее кабинета.

8

Через пять минут Ольга пожалела, что пошла пешком. Небывало сильная февральская оттепель еще не одержала окончательную победу над копившимся всю зиму снегом, но более чем преуспела в намерении покрыть улицы грязной слякотью. Вдоль тротуаров шумно бежали ручьи, то и дело принимая в себя притоки, хлещущие из водосточных труб, и каждый ручей, наверное, мечтал стать рекой, но рано или поздно обязательно натыкался на прикрытый решеткой ливневый колодец, куда и низвергался Ниагарой местного значения.

Пешеходов было мало. Машин тоже. В такую погоду каждая норовит забиться в свою нору и не казать оттуда носа. Кому понравится то и дело с визгом отскакивать от грязных фонтанов, бьющих из-под колес транспорта?

Морось. Рябые лужи. Сыро и серо. Низкое небо придавило город. В такие дни становится непонятно, зачем ты вообще родилась и чего ради живешь на этом свете — не стоит он того. Ничего, кроме насморка, он тебе не предложит.

Неопрятный эксмен без усердия ковырял ломиком черную корку на осевшем сугробе. Проходя мимо, Ольга покосилась на него, но ничего не сказала. Чуть далее еще один герой труда, прислонив ломик к стене, оскорблял зрение внешним видом и едва ли не демонстративной праздностью. Ну их. Эксмен сачкует — жизнь идет. Интересно, где слоняется раздолбай бригадир, ответственный за уборку улицы? Начальничек. Фигура. Всякий драный кот норовит вообразить себя львом, хотя не годен даже на воротник. Вот кому Ольга с удовольствием надавала бы оплеух! А воспитывать каждого дворника — только руку отшибешь.

К тому же голова была занята другим. Можно было бы ска-

зать, что после странного вызова в Департамент и не менее странной беседы с полковником Фаустовой в голове бились смятенные мысли, но это было бы неправдой. Никаких особых мыслей в голове не имелось, Ольга не позволила им там хозяйничать, пока они сами собой не придут к какому ни на есть общему знаменателю. Наспех думать — натворить глупостей. Уж лучше пока идти себе спокойненько и размышлять совсем о другом. И даже не столько размышлять, сколько воспринимать.

Мытищи хоть и пригород, а все ж не Москва. В последний раз в центре столицы Ольга была прошлым летом и теперь наметанным глазом отмечала перемены — увы, только к худшему. Натянутое над улицей красное полотнище с предпраздничным лозунгом: «Встретим День Первоматери новыми впечатляющими успехами!» — полиняло, обвисло, и никто не догадался заменить его на более своевременное, а то и просто снять. На карнизе старинного особняка, наверняка числящегося памятником архитектуры какого-нибудь забытого столетия, разрослись никем не выполотые кусты, грозя уронить этот самый карниз на чью-нибудь невезучую макушку. Корявое дорожное покрытие пора было обновить еще прошлым летом, если не позапрошлым. И нигде нет ремонта, ни одно здание не одето в строительные леса! Где это видано?

Хоть бы стены домов помыли — вон какие потеки. Эксменов нет, что ли? Рабочей силы всегда достаточно — это аксиома.

Складывалось впечатление, будто городские власти не то столкнулись с небывалыми трудностями, неведомыми простым смертным, не то погрузились в тяжкие раздумья о тщете всего сущего, предоставив сущему вариться в собственном соку. Видать, кое-кому из начальства крепко надоело кресло. Или климат показался чересчур теплым. А что, за такие дела кое-кто запросто может ознакомиться с климатом побережья моря Сестер Лаптевых! Надо же, до чего довели город, экая мерзость...

Натужно завывая, прополз низко просевший на рессорах автобус с немытыми стеклами. Не рейсовый, не экскурсионный, не угловатый эксменовоз с арбузно-полосатой раскраской, а вообще непонятно какой. Следом — еще один. И еще несколько. Колонна. Кого везут, куда, зачем? Покрыто мраком, как стекла — грязью.

Ба, а везут-то эксменов! То-то они спрессованы внутри,

как сосиски в банках! Тогда понятно... То есть по большому счету ничего не понятно с этой программой тотального перераспределения рабочей силы. Кто ее выдумал? Зачем она? Об успехах новых грандиозных строек вроде Байкало-Камчатской магистрали последнее время что-то ничего не слышно... Кого именно перераспределяют и с какой целью?

Додумать эту мысль Ольга не успела и не пожалела о том. Когда приходит время действовать, лишние мысли только мешают.

Огромный грузовик, неспешно пробиравшийся по Мясницкой навстречу автобусной колонне, вдруг круто развернулся поперек встречной полосы и преградил путь. Протяжный визг тормозов согнал с карнизов нахохлившихся голубей. Ольга видела, как водитель автобуса попытался вывернуть руль влево. Поздно! Удар! Скрежет. Хруст.

И сейчас же, заглушая вопли, очень знакомо забабахали хлопки телепортации, похожие на близкие разрывы невидимых петард. Ольга так и не поняла, откуда взялись силы спецназа — неужели из крытого кузова грузовика, принявшего на себя удар? Но, откуда бы они ни взялись, их действия были уверенными и слаженными, словно в учебном бою.

Разом загрохотали автоматные очереди. В одно мгновение автобус стал похож на дуршлаг. Кажется, изнутри автобуса тоже стреляли в ответ, но Ольга не смогла бы поклясться в этом. Вопили — это точно. Недолго вопили. И сыпались стекла.

К тому моменту, когда был окончен расстрел первого автобуса, второй только-только успел затормозить. Сейчас же и в нем посыпались стекла, но уже простреленные изнутри или просто выбитые ударами прикладов. Из обеих раскрывшихся дверей горохом посыпались вооруженные эксмены.

Позднее Ольга корила себя за тугоумие — она только теперь поняла, что происходит! Но кто из коллег мог похвастаться, что видел настоящий, нешуточный бунт эксменов и принимал участие в его подавлении? Никто, потому что люди столько не служат, да и не живут. О последнем серьезном бунте человекоподобных нелюдей могли бы рассказать разве что прабабки, да и то вряд ли, поскольку в былые времена беспорядки практически никогда не выплескивались за пределы эксменских кварталов.

Так что Ольга корила себя зря. Нет привычки — нет и отработанных на данный случай рефлексов. На три, а может

быть, и на все четыре секунды она замерла в растерянности, не понимая, что происходит вокруг, а главное, зачем. Тем, кто воспитан в спокойном, устойчивом мире, где следствие неизбежно вытекает из причины и подкрепляется соответствующей директивой, иногда свойственно задавать себе ненужные вопросы.

Зато, осознав суть происходящего, она стала действовать молниеносно. Что с того, что отношения между эфбэшным спецназом и полицией не назовешь приязненными? Плевать. Ничто так не побуждает к совместным действиям, как общий враг. Люди сражались, и она стала сражаться.

Нырок в Вязкий мир. Первым делом — добыть оружие, а до той поры незачем понапрасну подставлять себя под пули. Цель — лишенная лобового стекла водительская кабина первого, уже расстрелянного автобуса. Попала! В салоне — бр-р!.. Месиво. Среди груды тел полно оружия, но лезть туда не надо — вот маленький скорострельный «Аспид», зацепившийся ремнем за колено мертвого водителя. То, что надо для уличного боя.

Слитный маневр спецназовок Ольга сумела оценить лишь постфактум. Практически одновременно они ушли в Вязкий мир, а когда вынырнули, то оказалось, что второй автобус охвачен ими полукольцом, а автоматы снова готовы к бою. Сменить рожок во время нырка — что может быть проще? Телепортация обеспечивает не только уход из зоны поражения и выбор новой позиции для стрельбы, но и непрерывность огня.

Кое-кто из успевших покинуть второй автобус пытался стрелять — наугад, веером. Но и те, кто уже покинул железную коробку, и те, кто еще оставался в ней, вопя, толкаясь и стараясь выбраться наружу хоть по головам, были обречены.

Телепортировав на крышу первого автобуса, Ольга успела срезать лишь одного эксмена — почти вся работа была сделана до того, как она вмешалась. Тогда она открыла огонь по третьему автобусу.

Из него тоже выскакивали, стреляя наобум, — и падали. Сменив позицию, Ольга била очередями по дверям, пытаясь закупорить их мертвыми телами, и едва не всадила очередь в спину спецназовке, нежданно появившейся прямо перед передней дверью. Взмах руки — что-то небольшое влетело в автобус поверх голов тех, кто, обезумев, дрался в проходе за право выйти из мышеловки, — и спецназовка с хлопком ис-

чезла. Ясно. Газовая граната. Пожалуй, о третьем автобусе можно было не беспокоиться.

С начала боя прошло, наверное, не больше десяти секунд, а количество уничтоженных бунтовщиков уже заведомо перевалило за полторы сотни. Только так и надо. Ольга мельком взглянула в хвост колонны. Там было интереснее: громадная пятнистая бронемашина, внезапно появившаяся неизвестно из какого переулка, врезалась в последний, седьмой автобус и с непринужденной легкостью тащила его юзом, одновременно разворачивая поперек движения. Пулемет во вращающейся башенке грохотал, не умолкая ни на секунду.

Попав в ловушку, потеряв половину своих раньше, чем большинство успело осмыслить происходящее, инсургенты заметались. Кто-то поднимал руки или ложился на мокрый асфальт, напрасно надеясь на пощаду. Кто-то, ополоумев, бежал прямо на автоматные очереди. Но были и такие, кто не потерял головы и, закоснев в злодействе, стремился теперь лишь к одному: продать свою жизнь подороже.

Покончив с последним автобусом, бронемашина прекратила огонь и отползла назад, ворочая башенкой вправо-влево. Ольга отлично понимала смысл этого маневра. Расстрел инсургентов с двух сторон опасен прежде всего для самого спецназа — кому охота погибать от пуль своих же подруг? Подразделение, начавшее работу с головы колонны, доломает сопротивление полураздавленного противника, произведет окончательную зачистку, а бронемашина нужна лишь для пресечения бегства эксменов вдоль по Мясницкой и в переулки. Зачем расширять географию боя, если его можно начать и закончить на сравнительно небольшом пятачке?

Спецназовки выпускали короткие очереди, то и дело меняя позиции, мешая противнику вести из-за автобусов прицельный огонь. Ольга делала то же самое, пока в рожке не кончились патроны. Оглянулась, ища оружие. Как назло, в непростреливаемом секторе валялся всего один труп эксмена, да и тот с дробовиком.

— На! — Рычащая от боли в простреленной голени спецназовка швырнула Ольге свой «Аспид». Приняв его в прыжке, Ольга сейчас же нырнула в Вязкий мир. Десять шагов в лиловом коллоиде. Выход. Очередь. Одним стрелком у противника меньше.

То ли несколько спецназовок телепортировали на ближай-

шие крыши, то ли там с самого начала были размещены стрелки — этого Ольга не поняла. Ясно было только то, что идет уже не бой, а расстрел и последний бунтовщик умрет через несколько секунд, так и не получив вожделенного шанса взять жизнь за жизнь. По природной испорченности эксмены всегда стремятся к тому, чего не должно быть.

Летящие из-за автобусов пули еще рикошетировали от асфальта и плющились о стены, но по существу работа была сделана. Ольга телепортировала к раненой.

— Как ты?

— Лучше не бывает! — Кривясь от боли, конопатая девчушка нашла в себе силы рассмеяться сквозь всхлипы. — Там уже ажур? Тогда помоги затянуть жгут.

Пока Ольга помогала, бой действительно кончился. Слышались только одиночные выстрелы — шла зачистка. Безвозвратных потерь группа не понесла. У облупленной стены нелепо скорчилось тело случайной прохожей, не успевшей ни телепортировать, ни скрыться в ближайшем подъезде. Трудобоязливый эксмен-дворник, недовоевавший с сугробом, оставил в нем свой ломик и, разумеется, смылся, как только стало ясно, кто возьмет верх, то есть практически сразу. Вдруг стало слышно журчание ручья, весело бегущего вдоль тротуара.

— Грязь! — чему-то засмеялась девушка. — Хвала Первоматери, что оттепель! По ливневой канализации они не пройдут, а через другие подземные коммуникации смогут только просачиваться малыми силами. К тому же туда пустили газ. А в метро они не полезут, понимают, как их там встретят...

— Кого? — спросила Ольга и вдруг поняла: то, чему она только что оказалась свидетелем и участницей, еще далеко не все — просто малый эпизод чего-то гораздо большего. Еще ничего не кончено. — Да что вообще происходит?

— То, чего ждали, — объяснила конопатая. — «Черные саваны» объединились с бандой Ефрема Молчалина и еще Первоматерь знает с кем. Ну и взбунтовали эксменские районы, там сейчас такая каша... Вот увидишь, они будут пробиваться к центру по меньшей мере с десяти сторон...

— Кто такая? — раздался прямо над ухом резкий начальственный голос. — Полиция? Почему здесь? Какой отряд?

— Мытищинский, — доложила Ольга, выпрямившись. — Здесь случайно. Сержант Ольга Вострецова. Считайте, что я в вашем распоряжении.

— Вряд ли ты нам пригодишься. — Подтянутая моложавая женщина-лейтенант с резкой вертикальной морщинкой над переносицей оглядела Ольгу снисходительно-насмешливо. — За рвение благодарю, но... Постой, это не тебя вчера показывали по спортивному каналу?

— Так точно, меня.

— Тогда так и быть, идем с нами. Вперед не лезь — мои девочки натренированы на работу в группе, ты им только помешаешь. Ничего, на подстраховке толковые люди тоже лишними не бывают. Запасные рожки возьми, вот. Эй, кто там копается? — пронзительно закричала лейтенант в ту сторону, где еще стучали одиночные выстрелы. — Все сюда! Звено Колышкиной остается здесь, остальные за мной! Направление — Маросейка. Идем по крышам, держимся вместе. Отставших не ждем. — Взгляд в сторону Ольги. — Любой эксмен — цель. Пленных не берем. Пошли!

Почти с восторгом Ольга вновь почувствовала липкое прикосновение Вязкого мира. Азарт захватил ее. Вперед и вверх! Воображаемая лестница, ступеньки высоки и узки. Вверх! Путь по крышам и ближе, и безопаснее. Лейтенант — умница. Жаль только, что полицейских не заставляют тренироваться в телепортациях с такими перепадами по высоте, — вот и нет навыка. Не отстать бы...

Край крыши. Жестяной гром под ногами. Нырок — противоположный край. Вдох-выдох. Еще нырок — над крошечным замусоренным двориком. На черта тут дворик?.. Толстая тетка растерянно глядит в небо. Эксмен-помойщик трусливо прячется за мусорным баком, притворяясь кучей тряпья. Чья-то короткая очередь. И снова грохот жести. И еще нырок — к краю крыши. Теперь через переулок...

Она отстала от группы всего на пять-шесть секунд. Очень хороший результат, если учесть, что спецназовки имели миниатюрные аппараты для дыхания в Вязком мире, а ей приходилось вентилировать легкие после каждых двух-трех нырков.

И еще мешала одна мысль, забравшаяся в голову как нельзя более некстати: что значит «пленных не берем»? Некогда возиться с ними? Хм... Вероятнее другой вариант: допросы излишни, вот и пленные не нужны. То есть надо понимать так, что федералы полностью контролируют ситуацию и события развиваются по их сценарию? Да, похоже на то. Если даже рядовая спецназовка знает удивительно много, куда больше своей

непосредственной задачи, то каков же уровень информированности у верхов?..

Стопроцентный?

А если так, то зачем было допускать бунтовщиков в самый центр города? Кому, для чего понадобилась эта уличная война? Не проще ли было подавить бунт в зародыше, не позволив ему распространиться за стены эксменских кварталов?

Эта мысль была как холодный душ. На одно мгновение узкие улицы городского центра показались Ольге трубами гигантского орга́на, а толпы людей, эксменов и машин — потоками воздуха, нагнетаемого в трубы невидимыми мехами. Но чьи пальцы нажимают на клавиши? И какая играется пьеса?

Быть может, только кровавой вакханалии, захлестнувшей центр столицы, и не хватало кое-кому для того, чтобы убедить Ассамблею передать все силовые структуры Федерации в ведение Департамента федеральной безопасности?

Но Ольга тотчас задвинула эту мысль в дальний угол. Потом, не сейчас! Пришло время действий, а не домыслов.

На Маросейке, однако, было тихо. Улица патрулировалась. Похоже, в планы инсургентов, если у них вообще были какие-нибудь определенные планы, не входил прорыв в этом направлении. По знаку лейтенанта все телепортировали вниз, на тротуар. Команду «вольно» спецназовки восприняли буквально — одна даже закурила. Ольга покосилась на нее с неодобрением. Насколько все-таки живучи в людях пороки, даже в лучших из них! А попробовала бы ты, голубушка, ходить Вязким миром без дыхательного аппарата — много бы ты прошла с просмоленными легкими? Удивительно, что курящих вообще держат в спецподразделениях, а не гонят в три шеи. Хотя, конечно, общие правила писаны для кого угодно, только не для федералов...

Обменявшись двумя-тремя фразами с начальницей здешних патрульных и быстро переговорив с кем-то по рации, лейтенант вызвала грузовик. Значит, поблизости от Маросейки серьезного дела не предвидится, группу перебрасывают туда, где она нужнее. В том, что в городе существует такое место, и не одно, где десять спецназовок окажутся совсем не лишними, Ольга нисколько не сомневалась.

— Ты с нами? Не раздумала?

— Конечно, нет! — Ольга мотнула головой.

— Тогда к Яузским Воротам. Там сейчас жарко.

— Куда угодно!

— А ты ничего. — Лейтенант оценивающе прищурилась, отчего вертикальная морщинка над переносицей сделалась резче. — Сработаемся. Просись потом к нам, из тебя, по-моему, толк выйдет.

— Уже вышел, — самолюбиво возразила Ольга.

— В том смысле, что «был, да весь вышел»? — Женщина засмеялась, но, впрочем, необидно. — Шучу, шучу. Видела я твое выступление в «скакалке». Неплохо, но можно лучше.

Сейчас же подкатил и грузовик — легкомысленно раскрашенный фургончик с надписью «Доставка мебели». Камуфляж, конечно. Ольга нисколько не удивилась, когда, постучав костяшкой пальца по кузову, поняла, что он бронированный. Надо думать, что и ветровое стекло пуля не возьмет — разве что кумулятивная граната...

Внутри оказалось еще интереснее — оказывается, из кузова можно было не только следить за обстановкой на улицах, но и вести огонь во всех направлениях. Пестрая раскраска бортов маскировала узкие, но достаточные бойницы, прорезанные в легированной стали. Единственное неудобство — во время движения в них задувал ветер.

Едва успели рассесться по скамьям, как бронегрузовичок тронулся. Слева за голыми деревьями сквера показался на миг и исчез памятник Юлии Вревской, поставленный несколько лет назад по настоянию Валентины Шмалько, видного историка феминистического движения и прапраправнучки знаменитой Анастасии. Свернув налево, грузовичок миновал площадь, без сигнала проскочил перекресток на красный свет и, наращивая скорость, пронесся вдоль мокрой и мрачной китай-городской стены. Мелькнул в амбразуре самый жизнеутверждающий из всех дорожных знаков — «Выезд на набережную», секунду спустя последовал несильный удар (Ольга успела заметить, как чей-то частный мобиль отшвырнуло и закрутило волчком), и, с визгом вывернув на набережную, грузовичок наддал.

— Высотный на Котельнической, — пояснила для всех лейтенант. — Там бой, нашим нужна помощь. Действуем по обстановке, начинаем с южного крыла. Побольше решительности и напора, плевать, что эта хреновина — памятник архитектуры. Всем ясно?

Она зря смотрела на Ольгу — Ольге тоже было ясно.

Под Большим Устьинским мостом грузовичок резко присел на передние рессоры — приехали. Сейчас же до слуха донеслись звуки близкого боя и показались совсем не страшными. Будто человек сто сноровисто откупоривали бутылки с шампанским.

У парапета набережной лежал труп спецназовки без головы и плечевого пояса — наверное, пуля угодила прямо в баллончик дыхательного аппарата. Или же у бунтовщиков имелись и гранатометы. Выше по течению громадная самоходная баржа приткнулась к причалу для прогулочных теплоходиков. Баржа была черная, наверное, из-под угля, и пришвартована она была крайне небрежно. А не на этой ли барже заявились сюда взбесившиеся самцы? Очень может быть. Часть их — наверняка. Удобно и безопасно: шлепает по реке этакая стометровая дура, держится фарватера и ничегошеньки не нарушает, отнюдь не провоцируя речную полицию, везет рабочую силу из Южного порта в Северный на разгрузку чего-то там или, скажем, на ликвидацию аварии. Поди разбери, кто стоит за штурвалом. Да ведь бывают, наверное, и эксмены-рулевые...

Где, интересно, капитан? В отгуле? Успела телепортировать и скрыться? Изнасилована в очередь и ушла на дно с грузом на шее? Сохранена как заложница?

А баржа пригодится. Самый удобный вид транспорта для вывоза за пределы города трупов бунтовщиков. Одной баржи, конечно, не хватит...

Праздные мысли. Пресечь. Прыжками — вперед. Ольга старалась не отстать. А хорошо тем, у кого дальность телепортации ограничивается лишь потребностями навигации...

На Малом Устьинском замерла бронемашина, торчащий вверх пулемет выцеливал кого-то в верхних этажах. Длинно прогрохотало. Перескакивая с мокрой брони на мокрый асфальт, со звоном запрыгали стреляные гильзы. Откуда-то с самой верхотуры прилетела ручная граната и, не причинив вреда, оглушительно рванула пониже моста, повыше воды. Хороший бросок...

Яуза вскипела. Летели, чаще с недолетами, и бутылки, заткнутые горящими тряпками, и на асфальте ненадолго расцветали огненные бутоны. Не страшно. Для охваченной пламенем лучшая защита — ненадолго нырнуть в Вязкий мир, не поддерживающий горения. Если не растеряешься, отделаешься ожогами первой степени и сохранишь боеспособность.

Прыжки, прыжки. Восприятие действительности — дерганое, как под стробоскопом. Последний прыжок — на спуск к воде у набережной. Здесь исходный рубеж. Если повезет, найдется время отдышаться...

Тут уже ждало, прижавшись к гранитной стене, отделение десантниц. Не спецназ — армия. Иное оружие, иная амуниция. Только задача одна и та же.

Хохотали над спецназовкой, сгоряча промахнувшейся мимо площадки и бултыхнувшейся в воду. А вода была серая, вся в ряби, как в гусиной коже, она казалась зазябшей от этой проклятой оттепели куда сильнее, чем от предшествующих холодов и снежного торнадо. И из-за ряби на ней не было видно радужных пятен, и казалось, что их не бывает вовсе, хотя еще ни один город не сделал чище ни одну реку. Вдруг недалеко от карабкающейся на уступ мокрой и злой спецназовки по воде пробежала цепочка фонтанчиков. Мимо.

А потом была команда к атаке. И в два нырка Ольга достигла мокрого серого цоколя здания, тогда как другим для этого понадобился один прыжок...

Оказалось, что нижние этажи уже захвачены штурмовыми группами. Кое-где удалось продвинуться до пятого-шестого этажей, но пока не выше. Так было в южном крыле здания, так, судя по всему, и в северном, и по центру. Стремительные прорывы вверх никому не нужны — гораздо надежнее отжимать противника вверх. Куда ему оттуда деться.

Кровь. Тела, и не только эксменские, как кули. А вот девочка. Жильцы. Человекообразные звери успели потешиться...

Ледяная ярость. Слова команды. Обозначенный участок работы.

Пошла.

Нырок. Пусто. Еще нырок. Еще. Стенной шкаф. Сортир. Под кроватью. Осмотреть все, не оставить за собой ни одного живого врага, ни дерущегося, ни прячущегося. Возмездие будет полным, из этого здания ни уйдет ни один эксмен.

И это только начало. Позже предстоит большая работа в эксменских кварталах: выявление пособников, сочувствующих, нелояльных... Быть может — акция устрашения.

Нырок.

Пусто.

Нырок.

Ого, тут их аж пятеро! Гранату им в подарок — и нырок. В соседней комнате только один противник. Очередь. Бандит

падает, не успев понять, кто в него стрелял. А из-за стенки — вопли! Взрыв. Сыплется штукатурка, жалобно дзенькают стекла. Нырок назад. Дым, пыль, кислый запах. Двое еще шевелятся. Добить. Проверить смежное помещение. Чисто. Ага, тут еще одна комната!.. Так, теперь ванная. Стенной шкаф. Антресоли. Не забыть балкон. Чисто. Можно переходить к той квартире, что этажом выше...

Вот так, монотонно и безостановочно. Вверх, только вверх. Нырок. С дурным воплем шарахается из-под ног чудом уцелевшая кошка. На полу осколки посуды и руины большой люстры. Обрывок разговора из-за тонкой перегородки: «Винтовку бы мне. А с пистолетом в руке я пацифист, все одно промажу». — «В упор не промажешь, будешь прикрывать сзади, да гляди в оба». Несомненно, эксмены поняли тактику штурмовых групп. Оскалившись, Ольга нырнула к ним, и тот, с пистолетом, действительно оказался ни на что не годен. Как, впрочем, и остальные.

...Она очнулась на десятом этаже. Боеприпасов больше не было. С последним противником пришлось драться голыми руками, как с «куклой». Оставив ему сознание, чтобы в последние секунды жизни он выл от ужаса, Ольга швырнула его через себя прямо в разбитое окно и проследила за полетом.

Все-таки это было неосмотрительно. За ненужный риск начальство по головке не гладит. Хорошо, что здесь нет ее начальства...

С высоты десятого этажа центр города был как на ладони — мокрый, придавленный к земле низким небом. А это что за дым?.. А вон еще. И еще. Пожары? Да, размах серьезный... Нет сомнений, что во многих точках города сейчас идет бой. Скоротечный, разумеется. И с предсказуемым результатом.

В том, что самое большее через полчаса бунт будет повсеместно подавлен, Ольга нисколько не сомневалась. Мучил вопрос: в чем его причина? Ну что такое, в самом деле, эти «Черные саваны» да банда Молчалина? Несколько десятков эксменов с гнусно-садистскими наклонностями, ну сотня, никак не более. Банды были всегда, одни ликвидировались, другие появлялись. Но даже бабки не помнят, чтобы горстка отвратительных недобитков могла всколыхнуть многотысячную эксменскую массу, погнав ее на заведомое самоистребление! Эксмен труслив и всегда сильнее хочет жить, чем следует из его биологической необходимости, это аксиома.

Так в чем же дело?

Ольга не находила ответа. Опьянение боем, и даже не боем, а истреблением вредной фауны, очищением Земли от скверны, яростное упоение работой — все это внезапно ушло, захотелось отдыха и осмысления происходящего. Жаль, что дело еще не кончено.

Сориентировавшись, она телепортировала на лестничную клетку. По-эксменски пользоваться дверями не стоило — могли подстрелить свои же, не разобрав. Только нырками через Вязкий мир. Не угодить бы ненароком в шахту лифта...

Три минуты назад скоротечная схватка оставила на площадке несколько трупов. Разорвав рукав корчащейся от боли, всхлипывающей десантницы, подруга колола ее шприцем. Избиение бунтовщиков продолжалось одним-двумя этажами выше.

— Ромашка! — кричала спецназовка с майорскими петлицами, держа портативную рацию возле уха. — Ромашка, отзовись!

— Здесь Ромашка! — просипела рация простуженным сопрано. Сквозь атмосферный треск явственно простучала автоматная очередь.

— Ромашка, как дела?

— Продвигаемся вверх. В подкреплении пока не нуждаемся. Убитых нет. Двоих несильно зацепило, остались в строю. Верка Рабинович контужена упавшим сверху телом...

— Ладно — телом... Молчалина берите! Есть сведения, что он где-то там.

— А это и было его тело, — весело сказала рация. — О, мне некогда! До связи!

Автоматная очередь. Вопль.

Забрав оружие убитого, Ольга вернулась к работе и очень скоро убедилась, что в южном крыле работы почти не осталось. Спецназ и десантницы свое дело знали. Очистка главной башни еще не закончилась, но и там дело явно шло на лад. Некоторые бунтовщики сами прыгали с крыши и из верхних окон. Совсем недавно то же делали жильцы дома, избегая поругания и мучительной смерти в лапах обезумевших нелюдей. На их месте Ольга сумела бы остаться живой, стартовав хоть со шпиля здания: три-четыре быстрых последовательных телепортации — и ты низко над рекой, войдешь в воду «солдатиком» и отнюдь не с убийственной скоростью. Но кто из жильцов имеет достаточный навык плюс хладнокровие? Вряд ли кому-нибудь удалось спастись таким образом. Кто-то не су-

мел вовремя нырнуть в Вязкий мир, кто-то ушел в него без возврата, кто-то совершил только один смертельный нырок за пределы дома и упал вниз камнем...

Ольга потратила только один патрон. Недобитый эксмен с простреленной грудью силился встать, но только зря елозил лопатками по стене и сучил ногами. Рядом валялся охотничий карабин — раненый не обращал на него внимания. Он уже не цеплялся за жизнь и, смирившись с близким уходом в небытие, ничего не боялся.

— Все вы сдохнете, — просипел он, дерзко глядя Ольге в глаза. — И мы, и вы. Скоро. Всем конец. Теперь уже скоро...

Пытаясь расхохотаться, он выкашливал на пол розовую пену.

— И все-таки... кх... мы... кха!.. мы...

Ольга ждала.

— ...не как скот, — вымучил наконец раненый. — Не как на бойне...

Да, не совсем как скот... В словах поверженного врага Ольга почувствовала долю истины. Опаснейшие двуногие звери вырвались на волю, сумев-таки заставить людей раскошелиться высшей платой — жизнями. Пусть и по разорительному для эксменов курсу.

О какой бойне он говорил, Ольга не поняла. Разве лояльных эксменов уничтожают? Сроду не бывало такого. Да это же просто невыгодно! Без сомнения, раненый бредил. Или спятил. Наверное, можно повредиться и таким небольшим умом, каков ум эксмена.

А может, переспросить его?.. Нет. Первоматерь Люси, что за дикие мысли! Выставиться незнанием — и перед кем!.. Стыда не оберешься. Разве был приказ допрашивать пленных? Разве был приказ брать их?

И все же в душе крохотным предательским червячком шевельнулось уважение к раненому. Как к врагу, конечно.

Не в пах, как хотела вначале, — Ольга выстрелила ему в лоб. Чуть выше глаз, в которых она так и не увидела страха.

9

— На, Бобик, нюхай! На. На. Апорт!

Взмах руки — и нож-пила летит. Заодно я упражняюсь в метании на точность: корабль, мой хозяин, всякий раз выращивает на дальней стенке мишень, по фактуре напоминаю-

щую пенопласт. То здесь, то там, но всегда недалеко от пола, чтобы Двускелетный мог дотянуться жвалами. Свои короткие лапы он использует только для перемещения. Вон как шустрит, рысак. Похоже, его сородичи давно забыли, что такое ручной труд. Но что такое игра, они еще помнят, и живые корабли строят свою тактику рекультивации угасшего разума Двускелетных именно на этой их способности.

Что ж, все дети обучаются, играя. Сначала агукающему младенцу дают погремушку, затем к его услугам кубики и куклы, игрушечные домики, жужжащие заводные механизмы, прятки-салочки, «Море волнуется», казаки-разбойники и дочки-матери. Но то у людей. Здесь, судя по всему, никаких кубиков и детских конструкторов не было и в помине — как видно, поднаторевшие в инопланетной сурдопедагогике «няньки» не сочли нужным развивать конечности подопечных, а заодно и соответствующие отделы их мозгов. Здесь сразу перешли к игре в пограничники на вольном вакууме. Не лезь к нам, не то получишь, бяка! Непонятно, кого же «няньки» мечтают вырастить из панцирных дебилов. Равных себе? Ой, не смешите. Вояк? Да на что им вояки, когда каждая «нянька» сама в силах растрепать эскадру? Что же получается: эта игра лишь одно из многих развивающих упражнений, а до чего-то более сложного еще не дошла очередь?

«Да».

«А я тебя не просил вмешиваться, между прочим!»

«Ты задал вопрос. Я ответил».

— Я задал его не вслух!

С некоторых пор между мной и кораблем установилось соглашение: вопросы, на которые я хочу получить ответ, я произношу голосом, вопросы риторические — мысленно. На мысленные вопросы он отвечать не обязан. Правда, и на изреченные-то вопросы он отвечает далеко не всегда. И как, интересно, я могу ему помешать отвечать, когда я не жду ответа, и вообще делать все, что ему заблагорассудится? Он мой хозяин, а я всего лишь подопечный, причем второй по значимости подопечный, вроде домашней зверушки, а первый — вон рысит с ножом в жвалах.

— Принес, Барбосина? Давай сюда. Ну давай, давай, не упрямься... Что, нет? Ну тогда мечи ты...

Двускелетный нелепо вздрыгивается, мотает башкой — и снаряд летит. О, он попал! Нож-пила косо торчит в самом

краю мишени, того и гляди вывалится под собственной тяжестью, но все же это попадание. Случайное, конечно...

Ой ли? Двускелетный в полном восторге валится на спину и молотит в воздухе лапами, издавая при этом серию неприятных звуков, от которых у меня мурашки по коже. Вроде как ногтями по тонкой наждачной бумаге пополам с визгом бормашины, только еще хуже. Да он же в полном восторге! Он метнул нож и попал. Он хотел попасть в мишень. У него долго не получалось как надо, но все-таки он сумел. Вот это игра!

Тоже развивающая, между прочим. Не лапы, так жвалы. А может, чуть-чуть и мозги?

Корабль молчит, но, кажется, он со мной согласен.

Хотелось бы знать, что развиваю в себе я. Умение метать ножи? Ага. При тройной тяжести. Можно подумать, это умение мне позарез необходимо.

— Ну что, хватит на сегодня, Полкаша? Я с тобой совсем забегался. А ты молодец, Тобик, ты умница, тебя скоро можно будет в цирке показывать вместе с дрессированным медведем...

Чешу ему брюхо.

Что ж, сам развлекся и дебила развлек. Умаялся и хоть ненадолго забыл о препоганых своих мыслях. Сколько на сегодняшний день осталось существовать человечеству — уже двадцать шесть суток, да? Или все еще двадцать семь?

— Несколько больше, — снова встревает корабль. — Математическое ожидание порядка двух тысяч лет с очень большой дисперсией.

— Что-о? — Я захлебываюсь воплем. Перехватывает дыхание. Я плохо понимаю, что за зверь такой эта дисперсия, ориентируясь в основном на двухтысячелетний срок. — Повтори! Почему?

И громом фанфар звучат в моих ушах скучные слова, воспроизведенные какой-то из живых стен живых «внутренних покоев» живого корабля. И тон-то их самый обыденный:

— Общее решение принято. Твоя цивилизация просуществует отпущенный ей природой срок.

— Вы... вы отказываетесь от вмешательства в нашу судьбу? — не могу я удержаться от уточняющего вопроса.

— Ни в коем случае. Вмешательство будет продолжено, изменена лишь его форма. Вы приняты в игру.

Что-то я нынче туго соображаю...

— Кто это «мы»? Все человечество, что ли?

Только что я был вне себя от счастья. Теперь мне представ-

ляется жуткое видение: рассеянные по Вселенной десять миллиардов живых кораблей, и в каждом из них — человек и Двускелетный, играющие в ножички. Или, допустим, в салочки, а если корабль обеспечит соответствующую топографию внутренних помещений, то и в прятки. Наверняка окажется, что для нас все Двускелетные будут похожи друг на друга как две капли воды, а вот люди будут разные: настоящие... то есть женщины, мужчины, привыкшие к слову «эксмен», старики, дети... При тройной силе тяжести, между прочим! Да что тяжесть, не в тяжести дело и не в том, что возиться с дебильной черепахой унизительно даже для эксмена, а то жутко, что история человечества на этом и прекратит свое течение...

Хотя... сколько их? Может, не десять миллиардов особей, а гораздо меньше, в разы меньше? Хорошо бы это было так. И будем надеяться, что для забавы одного Двускелетного хватит одного человека.

Выкуп людьми? Что ж, если не будет иного выхода, мы дадим отступные. Человечество откупится — эксменами, конечно. Для них это тоже благо: лучше уж развлекаться детскими забавами, метать в цель всякую дрянь, играть в бирюльки, нежели аннигилировать...

Нет, не совсем так. Легко и просто умирать на виду, со всеми, и если уж погибнет человечество, нет смысла длить свои дни, зато если одному умирать, а другому жить, и решаешь не ты, тут уж в обреченном просыпается такое чувство справедливости, что дальше некуда, и обреченный издает полный негодующего отчаяния крик: «Почему я?!!» А почему не ты, собственно? Почему другой? Нет, заточение в живом корабле на пару с дебильной черепахой — палка о двух концах. Если человечество погибнет, а ты останешься жить хотя бы так — это одно, а если тебя запрут здесь, в то время как с большинством народонаселения ничего особенного не случится, — это совсем другой коленкор...

— Нам нет нужды привлекать к игре других особей твоего вида, — равнодушно сообщает корабль.

— Достаточно меня одного, так? — Вспышка мимолетной радости сразу гаснет во мне, и я прячу горькую усмешку. — А как же другие... подопечные? Ты меня делением, что ли, размножать собираешься?

Много-много малюсеньких Тимов Гаевых... Чтобы хватило на всех, и каждый Гаев ростом с бациллу.

Мощный сейсмический толчок при тройной тяжести — это слишком. Хорошо, что я сижу, а не стою, и все равно меня валит навзничь. Неужели корабль просто-напросто содрогнулся от смеха, сосканировав представившуюся мне картину?

— Ты не толкайся, ты ответь толком, — сержусь я. — Значит, Землю вы оставляете в покое, я правильно понял? Как насчет лунных баз и Марса? Тоже в покое? Заметано. Чур не переигрывать! Теперь говори, что там насчет меня...

Двускелетный устал ждать, когда же я снова почешу ему брюхо. Он недовольно переворачивается на живот и, пытаясь побудить к ласке, толкает меня башкой, затем легонько пробует мою ногу на зуб... то есть на жвалу... то есть тьфу, жвалы бывают только во множественном числе... Жвалы, они же мандибулы. Ученье — свет.

Больно, между прочим! Куснет всерьез — быть мне без ноги. Но он пока что играет.

— Сгинь! Фу, Тузик!.. Так как ты поступишь со мной?

Ответа я не слышу — я вижу его, но не сразу догадываюсь, что это и есть ответ. Позади азартно копошащегося Двускелетного «пол» моего узилища внезапно вздувается горбом, вскочивший на ровном месте волдырь стремительно растет вверх, оборачиваясь сталагмитом — сначала ровным, как тумба или пень, затем каким-то корявым, и неспроста...

Когда «пень» достигает моего роста, я уже различаю в нем намек на руки, ноги и голову. Все это формируется не дольше минуты — и вот уже позади Двускелетного стоит с ухмылочкой на лице мой точный двойник. Ухмылка — противная.

— Чего вылупился? — это он мне.

Корабль молчит. Ждет, когда мы разберемся между собой. Двускелетный поворачивается на голос и в обалдении замирает, разъявив жвалы. Это как? Это почему? Уж что-что, а считать до двух он умеет.

— Удивлен? — спрашивает мой двойник. — Не дрейфь, тебе свезло, ты отсюда изгоняешься. Скатертью дорога. А мне еще больше свезло, я остаюсь. Ты случайно не в претензии?

— Почему это я должен быть в претензии? — осведомляюсь я, не без труда справившись с непослушным языком. Еле ворочается, сволочь.

— А ты и не понял? — У моего двойника отличное настроение. — Да ведь это я остаюсь тут, я, а не ты! Что, опять не понял? Ну и туп же ты, братец! Ведь это ты назад летишь, а не

я! А кто ты там? Эксмен! Но ты не бойся, тебя в рабы не запишут, ведь ты же у нас телепортирующий, то есть опасный, потрясатель основ, так сказать, а значит, тебя допросят и скоренько шлепнут. Думаешь, извернешься как-нибудь? Вряд ли, но допустим. Ну и проживешь ты там обыкновенную короткую жизненку, лет сорок каких-нибудь, ну пятьдесят, если очень повезет... Всего-то навсего!

— А ты?

— Сравнил! Я проживу как минимум вдесятеро, и проживу интересно, не то что ты. Кого хозяин оставляет в симбионтах? Меня, а не тебя. О ком он будет заботиться? Обо мне же. Кто первым из людей достигнет звезд? Я, а не ты. Э, да что с тобой разговаривать, дубина ты, прости на грубом слове, счастья своего не понимаешь, удачи своей...

— Взаимно, — бормочу я. — Оставайся, я не против...

— Да кто ж тебя спрашивает, против ты или нет? — Двойник жизнерадостно хохочет. — Думаешь, хозяин способен нас перепутать? Не надейся. Вали в свою капсулу — и адью! Привет там на Земле передавай, сам сообразишь кому... Эй, Бобик! На! На! Апорт!

Нож у него свой. Взмах — попадание точно в середину мишени. Так метко у меня никогда не получалось.

Стало быть, это не совсем я. Улучшенная, выходит, модель. Гаев-бис. Товарищ для игр.

Дробно топоча, Двускелетный устремляется к мишени.

— Погоди... В какую еще капс... о какой капсуле речь?

— Чего? Да в твою же, в твою. Хозяин ее сразу после той большой драки подобрал и поглотил, попутно проанализировав, у него это запросто. Он космическую пыль и метеориты перерабатывает только так, что ему капсула? А сейчас он растит ее заново... да она уже, наверное, выросла! Во, гля!

Часть стены становится прозрачной, и я вижу, как совсем рядом, в двух шагах от чужака висит в пустоте, никуда не дрейфуя, моя капсула... та самая! Конечно, без ракет, которые я выпустил в бою. Уверен: чужак и не думает осторожничать — просто он анализировал капсулу уже без них.

Моя, моя капсула!..

И слезы наворачиваются на глаза. Давно, очень давно я не плакал. Ругался, рычал, зверел, пытался драться, впадал в тупое отчаяние, задумывал и откладывал самоубийство — все это

было, но только не слезы. Не знаю, в чем причина. Неужто в том, что для мужчины неприлично показывать слезы врагу?

Да, но какой я мужчина? Эксмен, илот, служебная овчарка, натренированная хватать и рвать в клочья, — вот я кто. Вот кого из меня делали. Выходит, не доделали?

Поспешный вывод. Наверное, все дело в том, что корабль мне больше не враг, наедине с ним можно немного расслабиться...

Именно наедине. Я не беру в расчет моего двойника — он не я, а всего лишь мое отражение в кривом зеркале. Его породу выводили совсем другое кинологи.

Он ведь считает, что он один такой, тогда как каждый корабль-нянька, имеющий в своей утробе Двускелетного, уже наверняка вырастил в себе мое исправленное подобие. Их много. Много-много чуть-чуть подправленных Тимофеев Гаевых, вдумчивых контактеров, бесстрашных исследователей просторов Вселенной, и каждый, наверное, полагает себя единственным и неповторимым. Сказать ему об этом, что ли? А ну его к шуту! Чего доброго еще затоскует от своей неуникальности, задумается о ненужном, и кораблю придется скушать его, чтобы вырастить взамен нового меня, исправленного и еще раз подкорректированного...

Дурачок он, мой двойник, пусть таким и останется. Пусть он считает дурачком меня, пусть сохранит жизнерадостность, никогда не догадавшись о том, что для корабля он всего-навсего партнер подопечного по игре и сам элемент игры, забавная живая игрушка вроде комнатной болонки. Пусть он живет долго-долго, то и дело радуясь по-жеребячьи, и будет по-своему счастлив. Как наркоман, который всегда при дозе. Как слепая рыба в подземном озере, не ведающая, что где-то над каменной толщей есть дневной свет.

— Жаль мне тебя, парень, — говорит двойник. — Давай, что ли, прощаться?

— Давай, — соглашаюсь я. — Счастливо оставаться.

Он кивает с иронией: мол, без тебя знаю, кому из нас двоих привалило счастье. Ну и улыбка... Не знаю, чего мне сейчас больше хочется: пожалеть беднягу или врезать ему хук правой, чтобы не лыбился.

Ни то ни другое. Я просто жму ему руку. Встретились — разошлись. Живи как умеешь и не вспоминай обо мне, ладно?

Очень ему надо. Других дел у него нет, что ли, кроме как

вспоминать о неудачнике, безусловно виновном в своих неудачах и по этой причине не заслуживающем даже деланого сожаления?

Прощай.

Прощай, не-я.

Счастливо оставаться и тебе, бывший мой хозяин, пресытившийся могуществом. Лети, ищи смысл своего существования, цепляйся, как утопающий, за всякую соломинку, завидуй тем, кто молод и не задает себе вопросов о смысле дыхания, а просто дышит... Слышишь меня?

Он не отвечает.

Что ж, не рискну настаивать. Прощай и ты, Двускелетный, слабоумная черепаха с тяжелой планеты, мне с тобой больше не играть. Живи как-нибудь. Может, со временем ты и впрямь обретешь утраченный некогда разум? Дерзай, я не против.

Как глупая синица в стекло, я тычусь носом в прозрачную стенку. Двойник хихикает. Ага, мне намекают, что посадки под белы рученьки не ожидается — телепортируй сам, выматывайся через Вязкий мир, невелика шишка. А может, корабль не желает изгонять меня силой, оставляя мне какую-никакую свободу выбора?

Если да, то я ею воспользуюсь.

Направление, расстояние...

Как легко в Вязком мире! Как потрясающе легко после трех «же», когда ходишь будто в свинцовом скафандре да еще таскаешь кого-то на плечах! Жаль, в лиловой мгле нельзя дышать, иначе бы я обосновался в ней надолго... Стоп, а не дурак ли я? Еще два шага, и мне станет совсем легко, ведь в капсуле невесомость! Да здравствует косность земной науки, еще не додумавшейся до управления гравитацией!..

Вынырнуть с первого раза не получается. Ничего удивительного: габариты рубки рассчитаны на человека, а не слона. Сейчас я соображу, куда надо сместиться и как скрючиться, чтобы точно вписаться во внутреннюю полость, не «наложившись» на какой-нибудь прибор или элемент конструкции. Кажется, так... Нет, не выходит. А так?

Тоже нет. Лиловый клейстер поймал меня, как муху. Держит. Не вырваться. А вот так? Опять мимо. Первоматерь моя Люси, а ведь я и вправду глуп: забыл в живом корабле скафандр-эластик с недоизрасходованным кислородным балончиком... Вернуться, что ли?

Почему-то мне очень не хочется возвращаться. Даже на одну минуту. Тюрьма есть тюрьма, а я еще не освобожден окончательно — хозяин ведь может и передумать.

Лишь с девятой попытки я попадаю в рубку — и дышу! Блаженство пополам с мукой, эйфория, опьянение! Так дышит кашалот, всплывший с километровой глубины, полной мрака, холода и морских чудищ, но не воздуха. Так дышит неудавшийся висельник, рвущий с шеи оборвавшуюся веревку.

Хорошо, что воздух в рубке есть вообще! Похоже, чужак восстановил мою капсулу именно в том виде, в каком подобрал ее. Светятся индикаторы, работают все экраны внешнего наблюдения, кроме переднего, сожженного ядерной вспышкой. Сейчас чужак должен быть на левом экране...

Его нет. Там чернота, там мертво, немигающе светят холодные звезды, неровной полосой тянется река Млечного Пути, и я точно знаю, что чужак не закрыл обзор. Нет его и на других экранах. Ссадив меня, живой корабль просто исчез, не заботясь о дальнейшей судьбе бывшего подопечного. Что ему до меня? За сошедшего на остановке пассажира водитель ответственности не несет.

Хорош бы я был, если бы вздумал вернуться!

Короткий озноб. Настоящего страха еще нет, он придет потом и, скорее всего, во сне. Что ж, покричим от кошмаров, плевать. Это небольшая плата за жизнь и свободу. Ничего не пугаются только мертвые да коматозники.

Топливо?

Ползаправки. Кислород? Кислорода еще много, суток на пятнадцать. Воды полно, система регенерации работает, зато пищи всего два дневных рациона — обычный НЗ. Плюс тонизирующие таблетки. Ладно, с голоду не подохну, а вот успею ли за пятнадцать суток добраться до лунной базы — вопрос.

Система навигации работает по очень простому принципу: по наводке на две опорные звезды и Солнце бортовой компьютер вычисляет положение капсулы в пространстве, определяет текущие координаты пункта назначения (для планет, крупных спутников и нескольких астероидов их не надо даже вычислять — параметры орбит «зашиты» в памяти) и предлагает на выбор несколько расчетных траекторий полета, особо выделяя среди них кратчайший, оптимальный по расходу топлива и даже оптимальный по комфорту.

Можно пытаться оптимизировать траекторию по двум или

даже трем параметрам. Находясь во внутренних областях Солнечной системы, можно повысить точность исходных данных, избрав в качестве основной «опоры» не Солнце, а одну из планет — если уверен в том, что при помощи слабой оптики можешь отличить Венеру от Юпитера. С далекими звездами проще: компьютер нарисует звездную карту, и только полный идиот спутает Капеллу с Антаресом. Проще не придумаешь. В системе навигации разберется не только пилотесса со стажем, но и наскоро обученный эксмен со среднетехническим образованием, а то и без оного.

Бетельгейзе я нахожу безо всякой карты. Почему это, любопытно знать, греки видели в Орионе звездного охотника? По-моему, он куда больше похож на галстук-бабочку или на бантик для игры с котенком. Впрочем, в Древней Греции, кажется, не было домашних кошек, не говоря уже о галстуках. Но ведь и арабы дали звезде в правом нижнем углу «бантика» имя Ригель, что значит Нога, а значит, тоже видели в контурах созвездия нечто человекоподобное? Выходит, и они не играли с котятами?

Взять, что ли, в качестве второй опорной звезды этот самый Ригель?.. Нет, лучше уж Вегу — для повышения точности рекомендуется брать звезды, разнесенные подальше друг от друга. Бетельгейзе и Вега — то, что надо.

Готово. Теперь Солнце. Все-таки пусть будет Солнце, а попозже я всегда сумею провести коррекцию. Вот он — желто-оранжевый шарик, услужливо затемненный, чтобы у меня не слезились глаза. Кожа лица явственно ощущает идущее от шарика тепло, но это элементарные шутки психологии, на самом деле при данной настройке экран не транслирует мне инфракрасное излучение. Даю увеличение, ищу центр шарика, который только в первом приближении шарик, а на самом деле — нечто медузоподобное и геометрического центра не имеет...

Мама дорогая, что же я делаю! Холодный пот — внезапно, по всему телу. Ведь если чужак скрупулезно восстановил мою капсулу в точности в том виде, в котором она находилась на момент захвата, то в бортовом компьютере сбито время! Однажды растворенный в чужаке и вновь возрожденный компьютер свято убежден, что сейчас идет август прошлого года, а не февраль нынешнего...

Проверка — так оно и есть. Из холода меня бросает в жар.

Ну и что мне теперь прикажете делать? Какому ослу придет в голову менять текущее время в бортовом компьютере? Оно выставляется по изотопному стандарту времени один раз — и как минимум до следующей профилактики. Это вам не домашний комп, а я вам не программист, чтобы знать, как «перевести стрелки», я всего-навсего пилот!..

Очень хочется пожевать что-нибудь. Это нервы. Надо было попросить моего хозяина завернуть мне какой-нибудь снеди в дорогу... Глотаю слюну. Нет, НЗ надо беречь! Мне две недели зубами щелкать.

Спокойно, спокойно... Представь, что ты на ринге в шоу Мамы Клавы. Представь, что ты в бою, и не теряй головы, иначе проиграешь. В сущности, у тебя только два мало-мальски разумных варианта действий: либо попытаться выставить на бортовом компьютере истинное время, либо прокладывать курс вручную. Первое чревато всеми ошибками, какие только можно сделать, работая наобум, включая потерю жизненно важных данных и прочие фатальные неприятности; второе грозит мне истощением запасов кислорода и топлива задолго до прибытия к цели, следовательно, смерть от удушья. Хорошенькая перспектива...

Третий вариант — ничего не делать — я по понятным причинам не рассматриваю.

Минуточку!.. А почему я должен обязательно «цепляться» за звезды? Да просто потому, что планеты ползут по орбитам. Если я сейчас поймаю, например, Землю, которая находится совсем не в том месте, где, по мнению компьютера, она должна находиться, и скажу компьютеру, что это Земля, поверит ли он мне?

Попытка не пытка. Сейчас я болтаюсь где-то между орбитами Земли и Марса, ближе к первой. В течение нескольких бесконечных минут я ищу в звездной пыли на экранах самую яркую пылинку и для начала едва не путаю Землю с Юпитером, а затем с Венерой. Но вот она — яркая зеленовато-голубая искра с притулившейся рядышком желтой искоркой Луны. Тот, кто проектировал Солнечную систему, сделал очень правильно, снабдив планеты разным количеством крупных спутников, а мелких мне с моей оптикой все равно не разглядеть. Любопытно все же, уцелел ли планетоид по имени Ананке после аннигиляции построек базы?

Но праздное любопытство наказуемо, а потому придер-

жим-ка его до лучших времен. Сбрасываю старые ориентиры. Поймав искорку в перекрестье визира, жму на клавишу и выбираю в меню «Земля». Возмущенный компьютер предлагает мне хорошенько подумать. Да Земля же, Земля! Тычу раз, другой. Принято! Теперь Юпитер. И снова Солнце. Принял? Думаешь, я сошел с ума? Нет, я заставлю тебя поверить, что из нас двоих тронулся умом не я, ты только не зависни от огорчения...

Не знаю, кто программировал мозги моей капсулы, но большое ему спасибо — компьютер принимает задачу. Оптимизация по минимальному времени в пути. Что? Нет решения? Почему?

Не хватит топлива, вот почему. Ладно. Оптимизация по расходу горючего. Сколько-сколько? Двадцать суток? Не годится. Оптимизация по двум параметрам: времени и топливу. Семнадцать суток?! Да ты что, железяка, я же столько не проживу...

Передо мною встает с неотвратимостью та же перспектива смерти от нарастающей гипоксии. Умирать прямо здесь или на подлете к цели — не вижу большой разницы.

А зря. Это я погорячился — разница есть. Близ Земли я дам в эфир позывные и — чисто теоретически — меня могут подобрать до того, как я задохнусь. Вероятность чего, прямо скажем, маловата, но почему бы не попробовать?

Ох... Вот так всегда: как позарез нужна умная мысль, так она приходит последней. Мне же незачем тормозить близ Земли, уравнивая наши скорости! Отдав все топливо на разгон и коррекцию курса, я достигну нашей планеты за каких-нибудь суток десять и промчусь мимо нее шальным метеоритом, вопя на весь эфир о помощи. Назову себя. Я лазутчик, вернувшийся из вражеского тыла! Тим Гаев нужен как важнейший источник информации. Меня спасут. Пусть попробуют не спасти — Присцилла О'Нил спустит с подчиненных семь шкур за малейшую задержку.

Новые данные для расчета — результат меня удовлетворяет. Приступить к выполнению программы?

Ну конечно. Он еще спрашивает, дурачок.

Десятисекундный обратный отсчет. Пока что с негромким свистом работают движки ориентации, заставляя плыть куда-то звездные поля на экранах обзора. Я устраиваюсь поудобнее — сейчас врубятся маршевые и меня с силой вожмет в ложемент.

И за секунду до старта не могу удержаться от повторения

знаменитого возгласа, приписываемого первому подопытному эксмену из тех, что полетели в космос чуть позже подопытных собачек и несколько раньше настоящих людей:

— Поехали!..

10

Домой Ольга попала поздно ночью, изрядно вымотанная, но довольная.

— Ты мне можешь сказать, что происходит? — взлаивающим от волнения голосом воскликнула мама.

— Нет. — Ольге было весело. По окончании дела госпожа лейтенант с вертикальной морщинкой над переносицей еще раз посоветовала бросить полицию и проситься в спецназ, обещав протекцию, а девчонки на прощание налили полстакана столетнего коньяку, обнаруженного в не до конца разгромленной квартире, похожей на антикварный магазин. — А что, по-твоему, происходит? И где? Главное, чего ради? Что такого необычного может у нас происходить?

— Так пальба же! — Тут только Ольга заметила, что мама до смерти перепугана. — Хорошо, что я сегодня весь день дома! На улицах стреляют, какие-то военные машины ездят туда-сюда, танки даже! Час назад только тихо стало, но я все равно боюсь выходить. Вон Дарья Аглаевна вышла днем выгулять собаку, а потом я гляжу из-за занавески — «Скорая» ее увозит, и доберман ее лежит мертвый, и крови кругом сколько...

— Ну? Дарья Аглаевна? Это какая? Это та, что с первого этажа?

— Она самая. В «Новостях дня» только и разговору, что о беспорядках, а где, почему, в каком масштабе — ничего не поймешь. А тебя весь день где-то носит! — Мама сорвалась на визг. — И мобильник у тебя выключен! Я уж и не знала, что подумать!

— Да ничего не надо было думать. Ты, мам, за меня не беспокойся, ты беспокойся за тех, кто мне мешать станет, я ведь им больно могу сделать. А что на улицу не выходила — правильно, умница ты у меня... — Ольга на мгновение вспомнила дом на Котельнической, и ее едва не передернуло. Не стоило развивать эту тему. — Знали мы, что бунт эксменов всегда возможен, в том числе и такой жуткий, как при Анастасии? Знали. Со школы знаем, как дважды два. Чего удивляться-то? Нормальное явление, вроде стихийного бедствия, только луч-

ше, потому что с ним легче справиться, чем с землетрясением. Все уже, все. Справились. Ты успокойся, мам, теперь все уже в порядке, твоя полиция тебя бережет...

Обняв Ольгу за шею, мама чуть всплакнула. Ох-ох, доченька моя... Ах-ах. Первоматерь Люси, к чему эти нежности? Вон у Галки Васюкевич мать генерал-майор в Министерстве порядка, свирепо держит дочь в тонусе, поблажек не дает и ненужностей ни ей, ни себе не позволяет. Потому-то Галка уже старшина с хорошей перспективой дальнейшего роста, а вовсе не потому, что мамочка — генерал. Расслабься Галка — мамочка ей сама всю карьеру поломает. Лично приложит руку. Железный человек. Впрочем, только так и надо.

Хуже того — только так и можно. Читай, мама, историю. Что случалось со всеми без исключения господствующими расами, народами, племенами, как только они, самоуспокоившись, заплывали жирком? От иных и могил не осталось. И нет разницы, кто господствует — племя, раса или пол, — закон един для всех. Настырные, свирепые, сильные телом и духом процветают за счет дряблых и инертных. Внутривидовая борьба, если угодно. Разве кто-то освободил от нее человечество? Нет, и это правильно. Вечная борьба не дает выродиться. Жаль, что ты, мама, не боец, ты из инертного большинства, но ты хотя бы мне не мешай, ладно?

Вслух она сказала только:

— Найдется что-нибудь пожевать, мам? Умираю, есть хочу.

Нашлись только подсохшие остатки вчерашней кулебяки. Запивая их чаем, Ольга снисходительно выслушала финальную часть маминых причитаний. Потом, спохватившись, включила экран настенного телеприемника. По всем каналам шли исключительно репортажи с мест событий, и таких мест оказалось гораздо больше, чем виделось из Мытищ или даже из центра Москвы.

Шли репортажи из других городов. Шли репортажи со всех континентов. Танки на улицах Лондона. Боевые вертолеты над Рио-де-Жанейро. Горящий нефтяной терминал — не поймешь где. Уличные бои в Шанхае. Трупы. Горящая бронемашина. Кровавая каша в священном городе Найроби! Ого!.. Захлебывающаяся от волнения чернокожая корреспондентка кричала в микрофон, что храм Первоматери, к счастью, не пострадал. Сообщалось также, что с минуты на минуту в Лиме завершится закрытое чрезвычайное заседание Верховной Ас-

самблеи, рассматривающей просьбу мирового правительства о предоставлении ему чрезвычайных полномочий. И сейчас же пошел неожиданный ролик о космофлоте — как будто космический корвет пошлют бомбить резервации эксменов! Черт знает что!..

— Мне звонили?

— Со службы? Раз десять.

— Пойду помоюсь. — Ольга сладко потянулась всем телом. — Горячую воду у нас случайно не отключили, нет? Вот и ладно. Душ приму, а то в ванне, боюсь, засну. Ты, мам, не переживай, все страшное уже позади, все уже...

Теперь это надо было произносить вслух время от времени — Ольга маму знала. Для тех, кто рожден чересчур правильными, весь мир вечно и неизменно катится по одним и тем же рельсам, прямым и гладким. Без стукотни на стыках и стрелках. Поворотов они стараются не замечать. А ведь и путь может быть криво уложен, и какая-нибудь шпала может сгнить, и бурный ливень способен вымыть в подсыпке промоину, подвесив рельс в воздухе... Тут знай держись, не падай!

Раздеваясь в ванной, Ольга весело показала зеркалу зубы. Р-р-р... Тигра. Не овца. Обидно, что чем дольше длится спокойствие, тем больше беззащитных овечек. Вроде Дарьи Аглаевны с ее доберманом. Вроде мамы. Нет, мама, насчет идеальной гармонии в мире ты не права. Не будет ее. В каком-то смысле даже хорошо, что эксмены вдруг взбунтовались, отчаянно и свирепо. А мы их порвали. Ольга стянула с себя белье, швырнула на пол, пустила воду и заплясала под струями. Ух, хорошо!.. Какой день! Несмотря ни на что, какой чудесный день! Пусть эксмены снова полезут шакальей стаей. Мы их снова порвем. Ха! Не они же нас...

Намылившись, Ольга безжалостно растерла тело жесткой рукавицей. На миг появился соблазн хотя бы сегодня воспользоваться мягкой губкой, дать себе роздых, позволить толику комфорта... Нет уж. Это для овечек. Или лет через сорок, когда начнет одолевать дряхлость. Ольга была довольна своим телом и не собиралась потакать его прихотям. Она даже любила свое тело, иногда подолгу вертясь нагой перед зеркалом. Верка, психолог из подросткового отдела, уверяла, будто любоваться своей внешностью — атавизм древних времен. Ну и пусть. Зато какой приятный атавизм!

Да и внешность тоже ничего, так что ну ее, эту Верку.

Грудь — почти идеальна, упруга и вполне уместного размера. Не прыщи, но и не переполненные бурдюки. Живот подтянут, на боках нет жировых складок, бедра лишены даже намека на рыхлость. Не Венера, нет. Ближе к Диане-охотнице. Правильная была богиня. Как она того эксмена!.. Актеона, что ли? Безотходная технология: и с наглецом расправилась, и собачек покормила. Животных-то любить надо!

...Мама уже давно колотила в дверь.

— Да! — крикнула Ольга, выключив воду. — Слышу, слышу! Что еще стряслось?

— Иди скорее! Тут такое...

Голос мамы опять начал срываться на истерические взвизги. Ну-ну. Что там может быть? Опять за окном постреливают, что ли? Так это ерунда, последние пузыри захлебнувшегося бунта. Я же с тобой, мам!..

Сообразив, что последняя мысль не вполне верна, Ольга накинула халат на мокрое тело и пулей вылетела из ванной — только щеколда вякнула, жалуясь на невежливое обращение. Ну? Что? В дверь ломятся? Вроде нет...

— Ты только послушай, что передают!!!

Отлегло от сердца. Ну, мама дает! «Путевку бы ей в санаторий, — мелькнула мысль. — Подлечить нервы. Куда-нибудь в горы». Воображение вмиг нарисовало мохнатые ели на склонах ущелий, искрящиеся на солнце горные пики, сиреневые тени на иссиня-белом нетронутом снегу и такой воздух, за который не жалко отдать полжизни. А может, удастся выбить льготную путевку, пока сезон не кончился?

Как же, жди. Если Сцилла Харибдовна не влепит выговор в личное дело, снизойдя к обстоятельствам, и то хлеб. Но уж наверняка наорет и набрызгает слюной. Целый день — и какой день! — числилась в нетях — и путевку тебе? Что Департамент? Где мы, а где Департамент! Вот в Департаменте и выпрашивай путевку!..

Сначала Ольга ничего не поняла. Экран почему-то демонстрировал лунный пейзаж с куполообразными постройками. На заднем плане что-то вспыхнуло, горой встало облако пыли, и из вершины облака высунулся нос стартующего корабля. Потом все утонуло в черноте — надо думать, камера переключилось на космическое пространство. С трудом можно было разглядеть тусклую звездочку в правом нижнем углу кадра. И — вспышка! Ярчайшая. Ослепительная. Еще! Еще!

Пустота взрывалась то там, то тут. Иногда на месте вспышки вспухало подсвеченное изнутри облако газа — иногда вспышка, зло ударив по глазам, гасла сразу. Внезапно изображение закувыркалось. Мелькнуло какое-то космическое тело в оспинах кратеров, но точно не Луна, и тут только Ольга начала воспринимать торопливую речь диктора:

— ...выдающиеся примеры доблести и несокрушимой верности присяге, продемонстрированные личным составом космофлота во время жестокой битвы в поясе астероидов. Пресс-секретарь штаба военно-космических сил Конфедерации госпожа Кацумото заверила нас в том, что в этом сражении противник несомненно понес значительные потери, однако его продвижение к Земле пока не остановлено. «Не исключено, что нам предстоят жестокие бои на ближних и ближайших подступах к нашей планете, — сказала главнокомандующая военно-космическими силами госпожа О'Нил. — Я не сомневаюсь, что космофлот выполнит свой долг. Для отражения внеземной агрессии делается все возможное». Насколько нам стало известно, правительство с самого начала получало полную и исчерпывающую информацию о грозной опасности, нависшей над нашим общим домом — Землей. Нет нужды говорить о том, что программа тотального перераспределения рабочей силы, по поводу которой в средствах массовой информации было сломано столько копий, начала осуществляться как раз вовремя. Видные эксперты по военной экономике сходятся на том, что мы подготовились к отражению удара из космоса настолько, насколько это было возможно при условии сохранения совершенно необходимой строжайшей секретности на начальном этапе...

— Слыхала? — сдавленно крикнула мама. — Вот оно что! Мы уже давно воюем! А я-то думала, почему все так плохо...

Ольга только отмахнулась от нее. Потом мельком взглянула, метнулась к аптечке, накапала сердечных капель. Мамины зубы стучали о край стакана.

— Успокойся. — Ольга гладила ее по голове. — Ну, мама, ну успокойся, ну что ты... Все будет хорошо. Когда у нас было плохо, а? Ну-ну, не надо волноваться. С инопланетянами будем драться? Да хоть с кем, нам — тьфу! Мы им холку намнем, это я тебе говорю. Тоже мне, сестры по разуму! Это же не люди, их бить одно удовольствие. И хорошо, что мы, оказывается, давно уже спохватились, это, мама, просто замечательно!

Секретность? А что секретность? Конечно, чисто по-человечески это немного обидно, но вполне понятно. Одобряю. Вон как сегодня эксмены всколыхнулись — отчего, спрашивается? Утечка была, я так считаю. То-то они совсем ополоумели...

Приобняв маму, Ольга бормотала ей на ухо и чувствовала, как мама мало-помалу перестает дрожать, — а у самой в голове было пусто, как в Вязком мире. Мелькнул вроде проблеск какой-то важной мысли — и сгинул. Не страшно. Если мысль действительно дельная, она обязательно вернется, чтобы позволить себя обдумать...

И очень спокойно, по-деловому она фиксировала новую информацию, злясь только на дикторш, заполняющих эфирное время нудными повторами, вызовами через спутник никому не нужных корреспонденток с мест событий и просто косноязычием. Четырехнедельный срок? Превосходно. Самое время снять гриф секретности. Самое время взяться за ум. Раньше — опасно. И не только из-за эксменов. Как ни обидно это сознавать, и из-за людей тоже. Есть оптимальный для большинства срок рабочего рывка, который всякий здоровый человек может пройти на одном дыхании, выкладываясь полностью, не оглядываясь и не сомневаясь... Ай, молодцы!

— В связи с нависшей над человечеством угрозой извне, а также с преступными попытками дестабилизировать обстановку изнутри, имевшими место на протяжении последних суток, — важно вещала уже третья или четвертая дикторша, — полчаса назад Верховная Ассамблея подавляющим большинством голосов приняла специальное постановление о наделении мирового правительства чрезвычайными полномочиями сроком на один год с возможностью продления. Ожидается, что в течение ближайшего часа по всей территории Конфедерации будет введен режим чрезвычайного положения. Решение Верховной Ассамблеи уже подтвердили Ассамблеи Европейской, Славянской, Североамериканской и Австрало-Океанической Федераций...

— Вот это правильно! — одобрила Ольга. — Хотя бы чрезвычайное положение. Для начала.

— Доживем и до военного положения, — мрачно напророчествовала мама.

— А тем лучше! Война так война. Какое же еще положение может быть, кроме военного? Ты, мама, не раскисай. Для вас, штатских, будет, наверное, введен в действие какой-нибудь

план гражданской обороны, ну там противоатомные убежища какие-нибудь, а ты у меня не кто-нибудь, ты мать сержанта полиции, тебя-то уж наверняка не забудут... То есть это в самом худшем случае, конечно, а до него еще вряд ли дойдет. Я краем уха слыхала, что девчонки в космофлоте свое дело знают, ну а мы тут, — Ольга хохотнула, — знаем свое.

Чмокнув маму в висок, она унеслась в свою комнату одеваться. Ясно же — с минуты на минуту позвонят со службы, дадут втык и срочно вытребуют. А еще лучше будет позвонить самой. На полицию нынче спрос. Не то время, чтобы зевать в дежурке со скуки, придумывая забавы над задержанными. Где чистое белье? На месте. Где запасной комплект формы? В шкафу. Все выстирано, выглажено и хранится аккуратно. Пор-рядок!..

Она вдруг запнулась и даже попыталась застегнуть китель не на ту пуговицу. Мысль, мелькнувшая было и сгинувшая, вернулась и принялась точить мозг, как вредоносный короед. Полковник Фаустова... Предложение перейти в Департамент... Но это не главное, а главное вот что: Фаустова заранее знала о готовящемся бунте эксменов! Ну конечно, знала! Посоветовала же уезжать из центра сразу и подземкой! То есть она знала всю расстановку сил, могла, наверное, перечислить объекты, которые эксменам ни в каком случае не отдадут... а какие отдать можно. Поначалу. Как дом на Котельнической. Чтобы дать врагу увязнуть и тут же наказать. Хм... А зачем же было давать увязнуть при нашем-то превосходстве сил? Если все было настолько известно заранее, не проще ли было накрыть бунтовщиков еще на исходных позициях в эксменских кварталах?!

Ольга кусала губы. На что нужен рассудок, если он прямо подталкивает к единственно возможному и притом самому подлому ответу: бунт эксменов был тщательнейшим образом спровоцирован и срежиссирован Департаментом федеральной безопасности!.. Нет, бери выше: Министерством безопасности всей Конфедерации! То-то и в Шанхае, и в Найроби нашлись свои раскосые и черномазые Ефремы Молчалины...

Для чего — понятно. Голосование в Верховной Ассамблее, парад голосований в Ассамблеях федераций. Похоже, кровавая каша на улицах понадобилась исключительно для того, чтобы обеспечить нужный результат голосования... Самое похабное, что и вправду нужный! Позарез нужный. И чтобы не

рисковать, в жертву были принесены сотни людей в одной лишь Москве, десятки тысяч по всему миру... Списаны со счетов расчетливо и хладнокровно вместе с миллионами расстрелянных эксменов. Сметены со стола, как фишки. Ну какое дело полковнику Фаустовой до Дарьи Аглаевны, старой неумной женщины с толстым смешным доберманом, страдающим одышкой?

Ольга вдруг почувствовала, что ее трясет, как трясло недавно маму. Ведь мама могла оказаться на месте Дарьи Аглаевны. Кто угодно мог. И нечего возразить. Нужно быть полной дурой, чтобы не понять: лучше спланировать малые потери, нежели допустить незапланированные большие. Но кем надо быть, чтобы после этого предлагать ей, Ольге, работу в Департаменте?!

Снимая с ковра метательную звездочку — надо было как-то успокоиться, — Ольга вдруг поняла, за кого ее приняла госпожа полковник. За игрока, а не за фишку. За небрезгливого игрока. В крайнем случае, за честолюбивую фишку, мечтающую выбиться в игроки и распоряжаться другими фишками. У госпожи полковника оказался сбит прицел — она ошиблась.

Ольга прицелилась и пустила звездочку точно в центр мишени. Вот так. Решение пришло само собой. Игроком ей не быть, это ясно, но ошибаются те, кто думает, что можно быть либо игроком, либо фишкой. Жизнь устроена не столь примитивно. Еще можно стать метательной звездочкой, красивой и смертоносной. Да. Для этого даже не надо ничего менять. Для этого не надо даже думать...

Особенно сейчас — в ближайшие четыре недели.

Часть II

АМНИСТИРОВАННЫЕ

11

До сих пор лунная база военно-космических сил представлялась Присцилле О'Нил как место, где вечно жарко. Даже лунной ночью от заглубленных в скальный грунт штабных помещений, казарм, ангаров, коридоров и туннелей не удавалось отвести достаточно тепла, непрерывно выделяемого людьми, компьютерами, механизмами. Пришлось даже издать специальный приказ, разрешающий персоналу, не занятому наверху, нести службу в легких блузах вместо форменных кителей. Почуяв послабление, персонал немедленно принялся нарушать и этот приказ, выходя на вахту в майках, шортах, бикини и чуть ли не нагишом. Пришлось наказывать. Приходили на ум пляжи, солярии и станции городской подземки, лишенные за ненадобностью даже намека на какую-либо систему отопления. Правда, пассажиров подземки спасает от перегрева незамкнутая система вентиляции, использующая даровой воздух, коего на Луне отродясь не бывало. Трудно убить двух зайцев одним выстрелом — с Луны легко стартовать, но в службе на ней очень мало приятного.

Сегодня, против обыкновения, госпожу главнокомандующую знобило. Температура в ее личном кабинете держалась на уровне плюс тридцать три, в сорока метрах над потолком изнывали в потоках солнечной радиации скалы и равнины, нескончаемый лунный день перевалил за середину, твердо обещая перегрев теплообменников и усугубление тропического пекла, а ей, Присцилле О'Нил, уже несколько часов было зябко. Даже в кителе.

Втянув шею в воротник, госпожа главнокомандующая нахохлилась, как воробьиха, пережидающая на ветке лютый мороз. На столе перед ней копилась стопка сводок, донесений и неподписанных приказов, а у нее все дела валились из рук. Вытянув из стопки ту или иную бумагу, она пробегала ее гла-

зами, слова бойко складывались в предложения, а предложения в абзацы, но смысл их ускользал от главнокомандующей, и она с раздражением возвращала документ на место. Для всех главнокомандующая работала, но лишь одна она и, вероятно, ее адъютантессы знали, что знаменитая на всю Солнечную систему Присцилла, неустрашимая Присцилла, дальновиднейшая Присцилла попросту убивает время. Она, с легкостью управлявшая космическими армадами, славившаяся умением быстрее других штабных мыслительниц находить эффективнейшее решение в любой критической ситуации, сама осознавала, что выбита из колеи сильнейшим нервным напряжением, какое бывает у близких родственниц оперируемой больной, без мысли и действия ждущих, когда им сообщат о результатах операции. И причиной тому была принятая несколько часов назад радиограмма не в меру лаконичного содержания: «Эгида» сработала. Не могу управляться. Гаев».

А дальше — лишь автоматические позывные. Маячок. Пеленг показал, что капсула Гаева (в предположении, что это действительно она) движется с высокой скоростью мимо Луны на достаточно серьезном удалении от нее. Немедленно последовал приказ дежурному звену вылететь на перехват, топлива не жалеть и любой ценой доставить Гаева на базу. Минутой позже взлетел танкер-дозаправщик, а вскоре Присцилла, не выдержав, погнала следом свой личный корвет «Магдалену», способный принять капсулу в шлюз, а не тащить ее на внешних захватах. Если Гаеву нужна срочная помощь, пусть не говорят, что главнокомандующая не сделала все возможное, чтобы оказать ее.

Теперь оставалось только ждать, маясь от неизвестности.

Деликатно постучавшись, дежурная адъютантесса сунула в дверь нос, испросила разрешения войти. Что там у нее? Небось акт о списании еще одной «Жанны д'Арк», что гробанулась вчера при посадке? Да, так и есть. На Земле чрезмерно уповают на новейшую технику, закрывая глаза на ее конструктивные недочеты, с которыми капсула не капсула, а летающий гроб. Нет, годика этак через два доработок, испытаний и снова доработок злополучную «Жанну», наверное, можно было бы использовать по назначению, но пока лучшее ей применение — дистанционно управляемая ложная цель.

А за результат спросят с главнокомандующей. «Мы же для

вас ничего не жалели!» Возопят хором. Последнее, мол, отдавали любимому космофлоту!

Нет, не возопят. В случае поражения некому будет вопить.

— Положите вот сюда. Я потом подпишу.

Изящно изогнувшись над столом, адъютантесса пополнила кипу бумаг.

— Принести вам кофе, мэм?

— Нет. Диетический кефир.

— Сию секунду, мэм.

Кефир, как назло, оказался ледяным, прямо из холодильника. Отпив глоток, Присцилла почувствовала, что лучше было бы попросить принести крепкого горячего чаю пополам с коньяком или ромом. Плевать на желудок. И на печень тоже плевать. У главнокомандующих не бывает ливера, все это дилетантские разговоры. У главнокомандующих бывают только мозги, ответственные за анализ обстановки и принятие решений.

В каком смысле сработала «Эгида»? Операция удалась? Полностью или в какой-то ее части? Эксмен-уникум Гаев имел задание прорваться на борт чужого корабля, вступить в контакт с его командой и, действуя по обстоятельствам, либо склонить чужаков к переговорам с землянами, либо попытаться уничтожить команду. Первый вариант был предпочтительнее во всех смыслах. У чужаков далеко не один корабль. До сих пор не вполне понятны мотивы их действий. Переговоры, даже унизительные, всегда лучше тотального уничтожения.

Ради этого заранее списывалась со счетов Четвертая эскадра — почти двадцать процентов боевых средств космофлота, имевшихся на тот момент в наличии. Как ни удивительно, двадцать семь капсул Четвертой эскадры сумели дотянуть до базы на Церере как раз накануне второго масштабного сражения, и пилоты-эксмены приняли в нем участие. Трое уцелевших в той жуткой бойне, подвергнутые более тщательному допросу, нежели остальные, подтвердили главное: под прикрытием эскадры Гаев подобрался вплотную к чужаку, крикнул в эфир: «Иду», после чего его капсула более не маневрировала. По-видимому, Гаев сумел-таки телепортировать на борт чужака, явив собой абордажную команду из одного человека. Во всяком случае, из такой возможности следовало исходить в практических расчетах, поскольку предположение о том, что Гаев навсегда канул в Вязкий мир, не вело ни к чему,

кроме констатации поражения с чувствительными, а главное, напрасными потерями.

Дальнейшее осталось загадкой. Судя по плачевным результатам побоища у Цереры, Гаев все-таки сгинул, ничего не добившись, а чужаки ни в малейшей степени не изменили своей тактики. Да и зачем им что-то менять? Пока людям не удается уничтожить ни одного чужого корабля, старая тактика себя оправдывает и барьер тотального уничтожения все ближе подбирается к Земле...

Чужаки начхали на цивилизованность землян. Гаев мог попасть к ним в лапы, они исследовали его и, вероятно, пришли к одному из двух умозаключений: либо пленник недостаточно разумен и с породившей его цивилизацией можно не церемониться, либо земляне суть конкуренты и как таковые тоже подлежат истреблению. Что в лоб, что по лбу.

Кое-кто из штабных открыто заявлял, что замысел «Эгиды» был порочен изначально: для контакта с чужаками следовало подобрать не эксмена, а человека, ибо ставилась цель убедить, а не устрашить; эксменов же стоило использовать лишь в качестве пилотов капсул, задействованных в отвлекающей фазе операции и все равно обреченных.

Среди попыток подкопаться под главнокомандующую эта была не первая и наверняка не последняя. Присцилла О'Нил и не думала скрывать, что идея «Эгиды» принадлежала ей, как и приказ набрать и обучить пилотов-эксменов. Перед лицом тотального уничтожения все равны: и господа, и слуги. Всякой живой твари присущ инстинкт самосохранения, всем нужна Земля, а значит, среди тех и других всегда можно найти желающих драться за жизнь — неважно какую.

Кстати сказать, в бою у Цереры эксмены в целом вели себя достойно — быть может, потому, что были выделены в отдельную группу и получили свой участок боя. Конечно, Присцилла не собиралась смешивать подразделения — до такого шага додумалась бы только идиотка. И все же был документально зафиксирован по меньшей мере один случай, когда эксмен рискнул собой, чтобы прикрыть отход растрепанных остатков чужой для него эскадрильи с пилотами-людьми.

Чужой ли? Чужие становятся своими, когда на тебя и на них прет нечто стократ более чужое, то-то и оно.

Но Гаев в качестве ключевой фигуры «Эгиды»? В свое время главнокомандующая ничуть не сомневалась в правильно-

сти своего выбора. Пусть идеология сколько угодно вбивает в обывательские головы тезис о том, что эксмены врожденно тупы и порочны — Присцилла знала, что это не так. Порочны — может быть. Тупы — наверняка, если взять взрослых, и точно нет, если исследовать детей, еще не подвергавшихся школьному образованию. Более того, если целенаправленно искать отклонения от нормы в обе стороны и собирать статистику, то и тут, и там эксменов окажется больше, чем людей! Больше кретинов, но больше и незаурядных умов. Глупо не использовать ценные кадры, а в критической ситуации — преступно. Человек, получеловек, совсем не человек — плевать, лишь бы шло дело. А у них там ценные головы и золотые руки заняты прокладкой, видите ли, Байкало-Камчатской магистрали в качестве простых рабочих. Валить лес и кормить гнус способны и дебилы!

Теперь даже в самую тупую управленческую башку не могла забраться мысль, будто в космосе можно обойтись без эксменов. Зато пятнадцать-двадцать лет назад за эту идею приходилось драться, отбивая идеологические нападки и упирая прежде всего на то, что тяжелые, опасные и, главное, не очень квалифицированные работы есть везде, и космос тут не исключение.

Да, она всегда требовала от Земли как можно больше обученных эксменов. Ей были нужны базы на спутниках и астероидах, марсианские поселки, кстати, так и не достроенные, исследовательские корабли, космическая инфраструктура. Она мечтала о выносе за пределы Земли любого производства, хоть чуть-чуть загрязняющего природу. Она всю жизнь воевала за свою мечту. Из палок, которые ставили ей в колеса, можно было бы выстроить забор от Земли до Луны. Лет десять назад начались кое-какие подвижки — ничтожные в сравнении с тем, о чем она мечтала, но все же будущее рисовалось в сравнительно радужном свете.

Еще ничего не изменилось восемь лет назад, когда в поясе Койпера начали гибнуть автоматические станции дальней разведки, ненадолго обогащая созвездия Геркулеса и Лиры новыми звездами, когда стало ясно, что на Землю надвигается нечно страшное, когда впервые прозвучало слово «барьер». А шесть лет назад изменилось сразу многое.

Во-первых, на космос стали отпускать больше средств, сразу в разы больше, причем было трудно понять, из каких за-

гашников взялись эти деньги — во всяком случае, Верховная Ассамблея поначалу о них ведать не ведала. Во-вторых, о мирном космосе было приказано забыть и в спешном порядке наращивать «военное присутствие», как выражались в стародавние безумные эпохи. В-третьих, Присциллу О'Нил заставили получить полузаочное военное образование, поскольку лучшей кандидатурой для управления всем и вся в милитаризуемом Внеземелье, нежели та, что являлась руководителем де-факто, правительство не располагало. В-четвертых, ее назначили главнокомандующей новым — и теперь главным — родом войск.

И вот тогда она затребовала сразу тысячи квалифицированных работников преимущественно ущербного пола и получила требуемое. Она бомбардировала правительство требованиями радикально перестроить промышленность, изменить систему образования, свирепо изничтожать ведомственный патриотизм, дать народу новые идеологические установки (тезисы прилагались) — и грозила подать в отставку, если ее требования не будут выполнены в срок и без возражений. Желая отбирать для себя лучшую молодежь, чего невозможно достичь без массового наплыва желающих, она финансировала из средств космофлота съемки художественных и научно-популярных лент о героике космоса и находила время лично редактировать сценарии. Она добилась права перемещать кадры по своему усмотрению, по ее настоянию был принят Устав, позволяющий главнокомандующей двигать нужных людей вверх через несколько ступеней — и она двигала нужных, не жалея для остальных щедрых премиальных. Девяносто девять процентов подчиненных души не чаяли в Присцилле О'Нил.

На свой страх и риск она начала формирование эскадрильи, а затем и эскадры, состоящей преимущественно из специально обученных эксменов-добровольцев. И она не считала, что совершила этим ошибку.

Зато так считали другие, имевшие возможность докладывать через голову главнокомандующей свое видение событий. Только ленивые не писали на нее доносов, обвиняя в подкопе под идеологию. К сожалению, многие командиры старшего и среднего звеньев были в этом заодно, а наиболее оголтелыми из них верховодила, вероятно, Иоланта Сивоконь. Генеральскую фронду в принципе можно было побороть, если уделить

этой задаче достаточно времени, но данный товар у Присциллы О'Нил всегда был в жестком дефиците. Можно научиться делать десять дел одновременно, но в сутках все равно останется двадцать четыре часа и ни минутой больше.

Пока что счет между ней и доносчицами был равный. За несколько дней до начала «Эгиды» разразился бунт эксменов на Ананке, погибли люди. Правда, бóльшая часть пилотов не присоединилась к бунтовщикам и даже вступила с ними в бой, защищая не столько людей, сколько свое право остаться избранными, лучшими среди худших. Удивительно, но эксмены подавили бунт без посторонней помощи. И позднее они не подвели. Тим Гаев и вовсе оказался на высоте, проявив не только решительность и практическую сметку, но и качества политика. Во всяком случае, без него главнокомандующей было бы куда труднее сдержать праведный гнев генерал-поручика Сивоконь, настроенной исключительно на репрессии, и тем самым спасти «Эгиду».

Если бы та операция безусловно удалась, Присцилла О'Нил заработала бы одно очко в споре с Иолантой Сивоконь и ее подпевалами. Но итоги «Эгиды» остались неясными, а счет — ничейным. После Цереры позиция главнокомандующей, упорно продолжавшей делать ставку также и на эксменов, заметно упрочилась. И все снова рухнуло после недавнего бунта рабочих на Марсе, по размаху далеко превзошедшего события на Ананке. Большинство не было способно понять, какого же рожна хотели те рабочие. Ведь марсианские поселки должны были полыхнуть значительно позже Земли! Их продолжали строить в качестве последнего форпоста, никак не иначе.

Присцилла знала, чего хотели рабочие: настоящего дела и настоящей драки с чужаками! На Марсе взбунтовалась не серая тупая масса, не те, кто желал продлить свое прозябание на несколько лишних месяцев, исступленно цепляясь за каждый момент их никчемной жизни, — взбунтовались сильные и активные, которые, окажись они на Ананке, не бунтовали бы, а гасили бунт...

А ничего не поделаешь — пришлось карать. Железной, так сказать, рукой наводить порядок. Пришлось спустить с цепи Иоланту, а уж та расстаралась, сразу набрав очко. О «недальновидной и ошибочной» линии главнокомандующей заговорили в открытую. Присцилла знала: не пользуйся она таким авторитетом в низовых звеньях, не будь барьер столь пугающе

близок, ее и без того непрочное положение превзошло бы неустойчивостью куклу-неваляшку, поставленную на голову.

Но главным было даже не это. Главным было то, что радарный контакт с чужаком, нацеленным на Землю, прервался уже более десяти суток назад и до сих пор не был восстановлен. Автоматические буи, во множестве запущенные к самой границе барьера уничтожения, в большинстве своем исправно сканировали пространство, не обнаруживая перед собой ничего достойного внимания. Чужак просто исчез. Ни с того ни с сего. Такое случалось и раньше, но никогда контакт с ним не терялся больше, чем на несколько часов. Сманеврировал ли чужак, резко сменив дислокацию, научился ли полностью поглощать все диапазоны электромагнитных волн, подействовал ли каким-то необъяснимым образом на буи, заставив их врать, — оставалось неясным. В штабе забыли, что такое сон. И вот теперь — сообщение от Гаева, что «Эгида» сработала!

От Гаева ли еще? Быть может, чужак умеет хитрить не хуже, чем переть напролом, сметая на своем пути к Земле все и вся?

Однако сразу после получения радиограммы был отдан приказ направить два буя за барьер, и пока оба аппарата оставались целехоньки. За эти несколько часов ожидания главнокомандующая не приняла никого, оставив штаб без руководства. Она не желала никого видеть и еще больше не желала показывать себя подчиненным, понимая, что до прибытия «Магдалены» с Гаевым на борту не сумеет заставить себя принять вид Несгибаемой Присциллы, а останется той, кем можно быть только наедине с собой, — сухонькой, седенькой, очень уставшей пожилой женщиной, почти старушкой. Она не могла заниматься никаким делом, дрожа от озноба в жарком кабинете. С «Магдалены» давным-давно донесли, что перехват осуществлен и корвет ложится на обратный курс. Долго еще ждать? Скорее бы. Что они там копаются?..

Палец сам собой нашел кнопку вызова дежурной адъютантессы.

— Связь с «Магдаленой» устойчивая?

— Так точно, мэм. Шесть минут назад корвет совершил посадку на первой площадке.

Далеко не впервые Присцилле О'Нил захотелось грязно выругаться. Но далеко не всегда побороть это желание удавалось без тяжкого труда. Сейчас был именно такой случай.

— Почему не доложили немедленно?

— Прошу прощения, мэм... Госпожа Лин просила сообщить вам, что эксмен с перехваченной капсулы нуждается в санобработке. Она просит дать ей пятнадцать минут.

Теперь хотелось ядовито усмехнуться, но лицо главнокомандующей осталось бесстрастным. Миниатюрная китаянка Чэн Лин, командир «Магдалены» и личная пилотесса Присциллы, обладала рядом неоспоримых достоинств, но отказывалась понимать, что некоторые из них, в частности любовь к чистоте, не всегда достоинства.

— Что с ним такое? Обделался?

— Не могу знать, мэм. Сейчас выясню, мэм.

— Нечего выяснять. Сюда Гаева. Немедленно. В том виде, в каком есть.

Мелькнувшая было мысль о возможной заразе была сразу же отметена. Без сомнения, бортовой врач обследовала Гаева еще на «Магдалене», а вот помыть пациента... Присцилла наконец усмехнулась. Капитан Лин скорее подала бы в отставку, чем позволила бы осквернить корабельную душевую грязным эксменом. Что ж, надо уметь снисходить к слабостям подчиненных, пусть даже это умение оплачивается лишними морщинами и седыми прядями.

А не седых уже почти и не осталось...

Минуты через три в кабинет втолкнули Гаева, и видно было, что его гнали бегом. Эксмен-уникум находился не в лучшей форме — шатался, бестолково размахивал руками и ловил ртом воздух. Грязное лицо, сальные лохмы, отросшая клочковатая борода и дикий взгляд делали его похожим на гипотетического предка всех эксменов, непременно изображаемого в новейших учебниках биологии как существо, сумевшее выдержать эволюционную борьбу в африканской саванне просто потому, что львы и прочие хищники брезговали охотиться на такого противного. Сейчас же в нос ударил крепкий запах давно не мытого тела и перепревшего пота, пропитавшего полетный комбинезон.

— Табурет и стакан воды ему, — приказала Присцилла.

Поблагодарив взглядом и мычанием, Гаев выхлебал стакан в два глотка, поперхнулся, икнул и расплылся в блаженной улыбке.

— Спасибо... Пожевать бы мне сейчас чего-нибудь... ик!.. шесть дней маковой росинки во рту... И поспать...

— После, — отрезала Присцилла. — Всем выйти.

— Мне тоже? — Легка на помине, генерал-поручик Сивоконь была тут как тут.

— Нет, прошу остаться. Ты мне нужна, дорогая.

Госпожа главнокомандующая лгала — сейчас она легко обошлась бы без Иоланты Сивоконь. Она вообще бы расчудесно обошлась без Иоланты. Экая фигура — заместитель главнокомандующей по вопросам безопасности! Безопасности — от кого? От чужаков, что ли? Хороша будет Иоланта в боевой капсуле... А от кого еще? От личного состава? Личный состав флота верен долгу, жаждет драки и победы, пораженческих настроений почти нет. Ни вражеской агентуры, ни диверсантов, ни партизан в космических просторах пока не замечено. Наконец, если в порядке бреда допустить, что она подозревает, будто среди штабных работниц имеются переодетые эксмены, то не проще ли провертеть дырку в душевой кабине, убедиться в неосновательности подозрений да и подать в отставку?

Проще. Но такие, как она, по-своему не ищут простых решений. Если должность велит им болтаться без дела — они будут добросовестнейшим образом болтаться без дела, стойко и без жалоб...

Синекура? Отнюдь нет. Надо думать, не всем в Главном штабе нравится чрезмерный, как они полагают, авторитет главнокомандующей, а равно ее строптивый и самостоятельный характер. Робким душам в каждом кусте мерещится медведь. Неужто внизу считают, что космофлот, зависимый от Земли во всем необходимом, не говоря уже о великом множестве мелочей, может однажды выйти из повиновения?.. А похоже на то. Навязать в штаб Иоланту для пущего присмотра — это еще не самая большая свинья, какую Земля могла подложить Присцилле О'Нил. В сущности, это не более чем традиционное решение. Копни военную историю и сосчитай полководцев, имевших возможность действовать без опаски и оглядки на собственный штаб, — много ли насчитаешь? Десяток, может быть.

Нет, надо отдать Иоланте должное — однажды она оказалась даже полезна, предложив для «Эгиды» кандидатуру эксмена-уникума. Телепортирующий эксмен — кто мог подумать, что это реальность, а не извечная детская страшилка? С ума сойти. Однако вот он — жив-здоров и даже икает, а главное, утверждает, что «Эгида» сработала!

Нет, указать заместителю по вопросам безопасности на дверь было бы сейчас сугубой ошибкой. Присцилла сразу решила не допрашивать Гаева с глазу на глаз. Один такой допрос — и в Главный штаб, если не куда-нибудь похуже, полетит донос о чудовищном преступлении и чудовищном позоре сговора главнокомандующей с эксменами...

Иоланта нашла кресло в углу под самым кондиционером. Дышать она старалась через рот. А эксмен-уникум, распространяя зловоние, без всяких церемоний плюхнулся на табурет, яростно почесал в бороде и порыскал по столу алчным взглядом, ища, как видно, что бы употребить в пищу. Не найдя ничего съестного, он огорченно посопел, но, похоже, не слишком расстроился. Он и без еды казался довольным сверх меры — рот до ушей, глаза шалые. Словно бродячий кот-помоечник, еще не дорвавшийся до сметаны, но уже получивший статус кота домашнего. Словно тот же гипотетический предок, получивший от Первоматери Люси вожделенное разрешение иногда греться у костра в обмен на охоту и караульную службу.

Но в ледяном — куда деваться! — тоне главнокомандующей не нашлось места ноткам презрения:

— Доложись, пилот.

— А? — Гипотетический предок эксменов был явно удивлен. — Что? Какой пилот? Поскольку задание выполнено, я уже не пилот. Вот она знает... — Грязный палец с обгрызенным ногтем нагло уставился в сторону генерал-поручика Сивоконь.

Иоланту передернуло.

— Встать! — жутковатым голосом скомандовала Присцилла О'Нил. Она нисколько не сомневалась в том, что сумеет укротить любого эксмена лишь голосом и взглядом. И у людей-то, бывало, коленки тряслись. Эксмен помедлил и повиновался. — Как военнослужащему, пусть и низшего разряда, тебе стыдно не знать, что до отдания приказа об увольнении ты находишься на действительной службе. Смирно! Доложись как подобает.

— Пилот Тимофей Гаев, — насупившись, пробормотал гипотетический предок. — Задание командования выполнено.

— Так-то лучше. Не забывайся, пилот. Можешь сесть. Докладывай. Что означала твоя радиограмма?

— Она означала, — Гаев рухнул на табурет и снова икнул, — что цели операции достигнуты.

— Следовательно, чужой корабль уничтожен?

— Что? А, нет. — Гипотетический предок усиленно замотал головой, будто отгоняя приставучую муху цеце. — Он не уничтожен. По-моему, его вообще нельзя уничтожить нашими средствами. Ему ядерный взрыв что слону дробина, почешется только... Кроме того, уничтожив одного, нам пришлось бы иметь дело с другими, а их тысячи. Тоже мне, цель операции! Он пересмотрел свои планы и отказался от прежнего намерения, только и всего. И его коллеги тоже.

— Иными словами, мы можем считать себя в безопасности?

— Ну да. А я о чем говорю? В полной безопасности на ближайшие две тысячи лет — столько времени он дает человечеству, чтобы вымереть естественным порядком. Этот умник все подсчитал... Он живой, между прочим.

— А экипаж? — вмешалась Иоланта. — Экипаж нейтрализован?

— Что? — Гаев завертел головой и покачнулся. — А, экипаж!.. Да нет там никакого экипажа, есть один опекаемый фрукт, помесь майского жука с черепахой, только он слабоумный... Сидит внутри, как глист. Он ничего не решает, он и решать-то, по-моему, не умеет, у него капризы, а не решения...

— У тебя есть доказательства? — спросила Присцилла.

— Что?

— Не «что», а «что, госпожа». Я спрашиваю: какие у тебя доказательства?

— Насчет чего, госпожа? Что через две тысячи лет... э-э... никаких. Какие тут могут быть доказательства? Эксмены столько не живут, да и люди тоже...

— Пилот Гаев!

— А, понял! — Эксмен-уникум настолько просиял лицом, что у главнокомандующей отпали всякие сомнения в том, что он не издевается нарочно. Просто вымотан и не в себе. — Госпожа говорит о ближайшей перспективе? Да нет у меня никаких доказательств, кроме того факта, что я здесь. Чужак меня отпустил. Он был настолько любезен, что восстановил мою капсулу, а потом выпроводил меня восвояси и исчез. Больше мои радары его не ловили.

— Значит, никаких весомых доказательств ты не привез? — ввернула Иоланта Сивоконь.

— Через пятнадцать суток Земля не сгорит, это и будет лучшим доказательством.

— Значит, только твои байки и отсутствие радарного контакта с чужаком? Не много.

— Достаточно! — Ошалевший эксмен даже не заметил иронии, прозвучавшей в словах генерал-поручика. — Более чем достаточно. А если вы мне не верите... ну тогда не знаю... — Он развел руками. — Проверьте как-нибудь. Неужели не найдете способа?

Он покачнулся на табурете и едва не упал навзничь. Нелепо взмахнув руками, на секунду восстановил равновесие. Сейчас же его повело в другую сторону, и он нырнул вперед и влево, повалившись ничком и опрокинув-таки табурет. Судя по тому, что он не остался недвижен, а нелепо ворочался на ребристом полу и даже пытался встать, сознание осталось при нем. На своем веку Присцилла повидала немало измученных людей и превосходно умела распознавать симуляцию. Гаев не симулировал. Он был выжат до капли.

— Встать! — резко крикнула Иоланта.

Зря. Дура. Поморщившись, Присцилла утопила костяшкой пальца кнопку вызова дежурной адъютантессы.

— В санобработку его и на медосмотр. Дать общеукрепляющее по усмотрению врача, выдать обмундирование, накормить жидкой пищей, выделить помещение — пусть выспится. Через восемь часов снова его ко мне, чистого и бодрого.

— Слушаюсь. Выделить ему карцер, мэм?

— Зачем же карцер? Найдите что-нибудь другое. Но пусть помещение охраняется.

— Слушаюсь, мэм.

Как только караульные, брезгливо косоротясь, вынесли сомлевшего Гаева за руки, за ноги — хорошо, что на Луне малая тяжесть, хватило двоих! — Присцилла О'Нил самым дружелюбным тоном обратилась к своему заместителю по вопросам безопасности:

— Ну-с, дорогая, что ты об этом думаешь?

Было ясно, что ничего путного Иоланта не думает, поскольку еще не успела просчитать наивыгоднейшую линию поведения, и главнокомандующая не без удовольствия приготовилась внимать. Включенная заранее аппаратура, старательно задокументировав каждое слово из нелепого доклада Гаева, тоже внимала всеми объективами и микрофонами. Знает ли Иоланта, что разговор не приватный и всякое неосторожное слово может быть использовано против нее?

Без сомнения, догадывается. Жаль... Вообще с Иолантой пора кончать, уж больно резва стала девочка, работать мешает. Только не надо разменяваться на мелочную тактическую борьбу, на мышиные подковерные интриги, тихие сапы, осторожные многоходовки — в них Иоланта сильнее, в них она собаку съела, и не одну... целую стаю собак. Съела и обсосала косточки. С такими противницами, как Иоланта, нельзя фехтовать изящными рапирами, а надо сразу бить их по голове тяжелой дубиной, чтобы если и встали, то не сразу, чтобы им для этого понадобилось провернуть две-три многоходовки, — а потом снова дубьем по голове... Жаль только, что дубина не всегда имеется под рукой. Сейчас ее, к сожалению, нет, разве что противница сдуру сама даст ее в руки... Малый, но шанс.

— Трудно сказать что-то определенное вот так, сразу, — ускользнула Иоланта. — Нахамил, навонял, наобещал... Наглецом он был всегда, а что до его обещаний, то не скажу ни за, ни против. Надо допросить его, как только очухается, и обязательно с детектором. Не был бы наш ментоскоп таким барахлом, можно было бы работать прямо сейчас. Окатить клиента водой или взбодрить электроразрядником — ничего, выдержал бы...

— То есть ты ему не веришь? — спросила Присцилла.

— Кто же верит эксменам? — Иоланта улыбнулась, как бы оценив шутку главнокомандующей. Пока что она била наверняка и позицию имела удобнейшую. Трудно было и ожидать, что, вечно атакуя главнокомандующую со стороны официальной идеологии, Иоланта скатится до голого практицизма, на котором ее можно было бы поймать за шкирку — и носом, носом в это самое... Присцилла сама не знала, что сделала бы с Иолантой, окажись та способна хоть раз сознательно подставить себя для пользы дела... вполне возможно, простила бы ей все, честное слово!

— Не ты ли мне его рекомендовала, дорогая?

Иоланта моментально перебросила мяч обратно:

— Совершенно верно, мэм. Использовать эксменов необходимо, но вот доверять им... — Она снова улыбнулась. Вижу, мол, все вижу. Поймать меня хочешь? Лови.

— Достойная позиция, — сдержанно похвалила Присцилла. — Но вот что, дорогая, мне нужен твой совет. Какое предварительное донесение я должна отправить сейчас на Землю? «Есть основания предполагать, что цели «Эгиды» достигнуты,

информация проверяется» — так, что ли? Если бы мы рискнули поверить Гаеву на слово, текст был бы примерно таким. Если же мы не верим ни одному его слову, необходимость в срочном донесении отпадает естественным порядком, но тогда... ну ты сама понимаешь, что тогда...

Иоланта, конечно же, понимала. «Тогда» — это безусловное сохранение полной боевой готовности космофлота и всесилие Несгибаемой Присциллы. Еще более существенно, что «тогда» означает неукоснительное продолжение выполнения планов гражданской обороны, всех, какие только существуют, а сходятся они в одном: разрушив на поверхности все, что можно, сровняв с землей максимум искусственных сооружений, спасти часть населения в подземных убежищах. Вот и думай. Лишняя секунда ожидания — это лишний взорванный дом, и не маленький. Минута — городской квартал, или стадион, или фабрика. Час — одно из крупнейших промышленных предприятий или, скажем, морской порт. Цивилизация сама себе подрезает жилы, а что делать? И не то еще будет. Хочешь жить — отруби себе руки-ноги, вырежи гланды, не говоря уже об аппендиксе. Только, в отличие от аппендикса, цивилизация когда-нибудь вновь нарастит то, что сама себе оттяпала.

Хуже другое — нестабильность внизу. Джинн готов вырваться из бутылки. Он уже высунул из нее свою поганую ухмыляющуюся рожу. Эти кретинки в федеральных ассамблеях так и не сумели договориться о едином плане спасения Земли, и каждая Федерация тянет одеяло на себя, и каким-то территориям придется просто худо, а каким-то хуже некуда, и справедливо негодующее население, и, конечно же, на носу бунты и межфедеральные конфликты, и мобилизация громадных армий, бестолковых и необученных... Создаются даже подразделения вооруженных смертников-эксменов, вот что страшно! Не то страшно, что они вооружены, а то страшно, что смертники неуправляемы... никем, кроме Несгибаемой Присциллы. И четыре миллиарда безоружных эксменов, которым очень не нравится, что ими жертвуют... А как ими не жертвовать, если мест в уже построенных и только еще строящихся убежищах нипочем не хватит даже для людей?!

Что ни посоветуй Иоланта — на нее ляжет ответственность. Не столь тяжелая, как на главнокомандующую, но все же... Можно отмежеваться — не моя, мол, компетенция, — и Присцилла

О'Нил была убеждена, что Иоланта так и сделает, отправив, понятно, собственное донесение в свое родное учреждение. Позднее ее можно будет обвинить в умышленном искажении информации — какую бы окраску Иоланта ни посоветовала придать донесению, Присцилла заведомо не собиралась следовать ее совету.

И опять Иоланта ускользнула:

— Я бы доложила в Главный штаб все как есть, не делая пока никаких выводов касательно «Эгиды». Выводы делать еще рано, а земные стратегемы — не наша епархия. Только факты, мэм, одни голые факты.

— Спасибо, дорогая. — Присцилла постаралась скрыть разочарование. — У тебя все? Тогда жду через... семь часов пятьдесят минут. Можешь идти.

Неудача. И все же казалось, будто что-то огромное, неподъемно-тяжелое свалилось с плеч, и захотелось расправить эти самые плечи, узкие — старушечьи, чего уж там! — с дряблой, бледной, а кое-где и синеватой кожей. Обдумывая донесение в Главный штаб, Присцилла улыбалась. Она не заметила, когда прошел мучивший ее озноб и снова стало жарко. Привычно, по-лунному жарко.

12

Вертолет Алият Цэрэнкуловой поднялся в воздух за девяносто секунд до взрыва и сразу же резко пошел вверх. Пилотесса стремилась как можно скорее набрать высоту — никто не знал, как высоко взлетят обломки бетона. Расчеты расчетами, но когда они касаются сооружений, простоявших более ста лет, в дело почти всегда вступают неучтенные факторы. Лучше держаться подальше и повыше. Но, само собой, так, чтобы госпоже Алият было все видно, как на ладони.

Внизу страшным басом вопили сирены — прочь, все прочь от обреченной плотины! Бегите, взбирайтесь повыше! Вы, кто не услышал или проигнорировал неоднократно повторенный приказ об эвакуации, — спешите! Быть может, у вас еще есть шанс спастись. Через восемьдесят секунд рванут заряды, и плотина Батанской ГЭС перестанет существовать. Тридцать пять кубокилометров воды ринутся вниз по руслу великой Янцзы, громадный вал прокатится по ущельям, слизнет с берегов все, до чего дотянется, выскочит на равнину и переполнит чашу Ибиньского водохранилища. Та плотина тоже подготовлена к

взрыву, но с ним нельзя спешить — надо дождаться шаткого баланса между максимальной разрушительной силой накопленной воды и пределом прочности плотины. И тогда можно не тратить время и силы на срытие до основания городов Лучжоу, Чунцин, Ваньсянь, Чжичэн, Ухань, Хуанши, Цзюцзян, да и городам нижнего течения, включая Шанхай, сильно достанется. Тысячи деревень, поселков, причалов, мостов исчезнут без следа. Водяной вал сметет строения и скроет под илом фундаменты. Население из опасных зон заблаговременно эвакуировано, даже эксмены. Трудоспособные, разумеется. Приказа начать избавляться от них пока не поступало — рабочая сила еще пригодится. Далеко не везде под боком протекает такая удобная река, как Янцзы, вторая по водоносности после Амазонки. Далеко не везде ярость воды может заменить аммонал.

Вода водой, но все же массу сооружений, особенно в Сычуаньской котловине, придется взрывать. Это уже делается. В огромной долине Хуанхэ подобные работы проводятся в стократ большем масштабе — там, где вода при разрушении плотин моментально покинет русло, нечего рассчитывать на многометровый вал и реке можно доверить лишь окончательный размыв развалин на обширнейшей территории.

Алият лишь мельком подумала об этом, как и о Великой Китайской стене, судьба которой еще не была окончательно решена Ассамблеей Восточно-Азиатской Федерации. Забота Алият — Батанская плотина, и с задачей ее разрушения она должна справиться на «отлично», а о других объектах пусть думают другие. Что характерно — уничтожением объектов в Индокитае, Индии, Японии, Индонезии руководят преимущественно этнические китаянки, а объекты Великого Китая стирают с лица Земли монголки, таджички, ниппонки, камбоджийки — кто угодно, только не коренные жительницы Поднебесной. Варварки, словом. С одной стороны, Китаю не привыкать. С другой стороны, уничтожение чужого достояния вместо своего психологически менее болезненно, но провоцирует национальную рознь. Хуже всего, когда речь идет о разрушении исторических памятников — тут всегда приходится обращаться за помощью к военным, а они той же культуры, что и негодующие толпы, разделяют их чувства, испытывают нервный раздрай, и никогда не знаешь заранее, в ка-

кую сторону они начнут стрелять... Алият не хотела бы, чтобы следующим ее объектом оказалась Великая Китайская стена.

О масштабах плановых разрушений по всей планете Алият старалась не думать, а когда думала — ужасалась. Сносились целые города, рычащие стада бульдозеров нагребали горы грунта на развалины построек, которые некогда было разбирать и некуда вывозить. Одним махом уничтожалось то, что строилось столетиями. Неужели для того, чтобы предотвратить всеобщую катастрофу, непременно надо было устраивать катастрофу примерно тех же масштабов, только контролируемую?..

Даже у Алият это плохо укладывалось в голове. Можно спилить один сук, чтобы спасти все дерево, но как быть, если сидишь на том самом суку и не можешь передвинуться?

Наверное, все-таки пилить, подстелив под собой что-нибудь помягче...

Осталось семьдесят секунд. Вертолет по-прежнему шел вверх и смещался ниже по течению реки. По ту сторону бетонного гребня сверкало жидкое серебро водохранилища, вода в нем уже поднялась выше критической отметки. С этой стороны ста двадцатью метрами ниже кипел и пенился поток, вырвавшийся на свободу. Ниже плотины великая Янцзы казалась обобранной и жалкой. Шесть турбин стояли, лопатки их обсохли, как и канал водосброса. Но две турбины должны были работать вплоть до последней секунды, отдавая мегаватты в энергосеть. Человечеству в любой ситуации нужна энергия — даже для уничтожения своей собственной среды обитания.

Осталась минута. Склоны и вершины гор вне границ опасной зоны были черны от людей. Выгнутый в сторону водохранилища полумесяц обреченной плотины, упираясь краями в скалы, стоял нерушимо, но как будто спрашивал: «Что же это вы, люди? За что меня? Я же верно служу, я могу еще служить!»

Растерянное недоумение владело всеми. Смысл приказа тщательно разжевывался, широко пропагандировался и доводился до каждой головы, ответственной и безответственной. Смысл прочно засел в головах, но не переварился в них, а сидел отдельным куском и мешал, как опухоль или инородное тело.

Безжалостно и последовательно уничтожать труд целых поколений? Как так? Для чего? Здравый смысл восставал про-

тив холодной логики. Кое-где предпринимались попытки организовать «живые щиты» на намеченных к сносу объектах. Не диво разогнать толпу эксменов, но когда к обреченному сооружению пытаются прорваться люди, худо-бедно владеющие телепортацией, полиции и армии приходится попотеть.

Пятьдесят секунд...

На восьмистах метрах Алият приказала прекратить подъем. Вполне безопасно, если удалиться от плотины километра на два. Оттуда все будет прекрасно видно, хотя зрелище разрушения вряд ли кто назовет прекрасным...

Сорок секунд.

— Зависни здесь и развернись, — скомандовала Алият.

Больше всего на свете она боялась сейчас одного: что плотина начнет разрушаться сама собой, до подрыва зарядов. Правда, расчеты успокаивали, показывая, что предел прочности бетонного чудища пока не превышен, несмотря на переполнение водохранилища и ослабление сечения плотины шпурами для закладки взрывчатки. Но цена расчетам — ноль, если не сбываются прогнозы, сделанные на их основе. Алият собственными глазами видела трещины в бетоне. Да, ее уверяли, что трещины были тут всегда, что это нормальное явление, что новых трещин за последнее время не появлялось, что дефектоскопия не выявила запредельных напряжений, — но кто, кроме духа великой Первоматери, может знать истину? В случае неудачи благополучные расчеты годятся лишь для оправданий перед командованием, да и то не считаются веским аргументом. Почему подменяешь мозги компьютером? Где твое природное чутье?

Нужно им чутье — так и искали бы фокстерьера! Вместо обоняния Алият руководствовалась расчетами. До сих пор они вселяли веру в успех — теперь этой веры оказалось недостаточно. Кусая губы, Алият беззвучно молилась, но не Первоматери. Она, прежде всегда смеявшаяся над суевериями, молила плотину продержаться еще немного, еще каких-нибудь тридцать секунд...

А потом внутри бетонного монстра рванут сотни мелких зарядов, чье назначение — еще больше ослабить сечение плотины путем умножения трещин, а через секунду после них пройдет команда на подрыв основных зарядов, расположенных двумя вертикальными нитками от основания до гребня, одновременно сработают подводные заряды, уложенные у ос-

нования плотины, и давление воды вы рвет из бетонной дуги кусок пятисотметровой ширины. Главное — разом. Если пролом получится чересчур узким, поток все равно размоет его до нужной ширины, но это будет уже не то. Наводнение само по себе не так уж необходимо — необходим мощный водяной вал.

— Человек на плотине, — вдруг сказала пилотесса. — Или эксмен.

«Если эксмен, то окончательно полоумный», — мелькнула у Алият мысль, пока пальцы крутили колесико бинокля. И верно — прямо посередине плотины торчал на гребне отнюдь не эксмен. Женщина. Платье так и полощется на ветру.

Убегать — рядом последовательных телепортаций, ибо иначе не успеть — она явно не собиралась. Сумасшедшая, конечно. Или экстремистка, что почти то же самое. Возможно, сектантка, стремящаяся помешать затоплению своей подпольной молельни или каких-нибудь святынь, расположенных ниже по течению. А возможно, и здравомыслящая особа, все обмозговавшая, все рассчитавшая, устав выявлять все новые и новые слабые места в плане гражданской обороны и решившая, что жить дальше незачем. Мол, все равно умирать, так лучше уж умереть по своему собственному желанию, чем по прихоти каких-то пришельцев. Мы, мол, не насекомые, мы звучим гордо... А не могла бы она гордо звучать где-нибудь в другом месте, подальше от зоны ответственности Алият?! Надоело жить — ступай в Вязкий мир и надышись там газами, несовместимыми с жизнью, — просто и удобно, тихо и опрятно! И могильщикам работы меньше. Был человек — нет человека. Так ведь нет — всегда найдутся те, кто и из собственной смерти норовит устроить шоу!

Алият чувствовала, как выжидательно смотрит на нее пилотесса — не отложить ли взрыв на четверть часа? Разумеется, нет! Ни в коем случае. Очистишь место от одной ненормальной — тут же на ее место явится другая, а то и несколько. Где много людей, там много и дефективных. Закон больших чисел. Главное, чтобы толпа не дала себя увлечь нескольким оголтелым фанаткам; толпа по определению лишена и разума, и здравого смысла. Толпа — это амеба. Медуза. Но при наличии агитаторов-горланов-главарей она превращается в биологическую бессмыслицу — медузу сабельзубую... Алият не была уверена в том, что удержит себя в руках, не отменит команду на подрыв, если на гребне плотины вместо одной психопатки

будут торчать сотни людей. А если толпа прямо сейчас ринется топтать оцепление и придется разрешить открыть огонь? Первоматерь, не допусти, дай людям разума еще хотя бы на двадцать секунд...

Им очень нужен разум, холодный рассудок без чрезмерных эмоций. И еще им нужно страстное желание жить, без которого план гражданской обороны не может быть выполнен. Особенно в Восточно-Азиатской Федерации, где на одной седьмой территории суши проживает две пятых населения Земли — четыре миллиарда, в том числе два и три десятых миллиарда полноправных людей!

О том, что происходит сейчас в трех тысячах километров севернее, а именно вдоль всей обширной границы со Славянской Федерацией, Алият не могла думать без бешенства, охватывающего все ее существо. Северная соседка запретила иммиграцию и выставила вдоль границ сильные вооруженные кордоны, имеющие приказ открывать огонь на поражение при малейшей попытке пересечь пограничную линию, еще недавно чисто условную, практически несуществующую... Лиц без славянского гражданства вылавливали и без всякого снисхождения депортировали десятками тысяч. «Азиатскую саранчу» просто-напросто этапировали к границе и приказывали «чесать рысью в свою Узкоглазию» под дулами пулеметов!

Подруги познаются в беде. Славянская Федерация даже не очень скрывала, что намерена попытаться выжить в одиночку, рассредоточив собственное сравнительно немногочисленное население по убежищам в тайге и тундре и предоставив исторически, извечно перенаселенным субъектам Конфедерации выкручиваться как умеют. В ответ на ноты протеста сыпались обвинения в чрезмерной азиатской рождаемости, чудовищные в устах любой женщины. Как видно, женщина-политик — это оксюморон вроде мягкого наждака или свинцового пуха. Алият не раз с отвращением думала, что политик — не профессия, а диагноз опасного и отвратительного заболевания. Увы, совсем не стыдного. Даже наоборот.

Неужели дело дойдет до войны? А что, очень может быть. Хотя до катастрофы осталось всего ничего, меньше двух недель, а уж такой-то срок северные соседки, надо полагать, сумеют выиграть, особенно если додумаются держать эластичную оборону и насытят ее средствами ПВО, оберегая тылы от десантов. Вот тебе и сестры навек, вот тебе и хинди-руси. От-

ложились, предали, и теперь что — давить их танками? Да и танков почти нет, сто лет не воевали, а проводили одни лишь полицейские операции. Дьявол, да Восточно-Азиатской Федерации за такой срок вряд ли удастся найти и сосредоточить у северных рубежей достаточное количество техники для решительного прорыва!

Можно, конечно, наступать без всякой поддержки, одной живой силой, пустить вперед кое-как вооруженных эксменов, все равно их некуда девать, — и переть дуром, лезть вперед через горы тел, уповая на то, что боеприпасы у противника не бесконечны, а стволы пулеметов имеют полезное свойство перегреваться... Видимо, так и будет сделано. Даже ядерный шантаж вряд ли сделает северянок уступчивыми — им прекрасно известно, что все боевые ядерные средства находятся в исключительном ведении Конфедерации и предназначены в первую очередь для космофлота, а возможная заначка в две-три боеголовки ничего по большому счету не решит...

Алият тряхнула головой, гоня прочь несвоевременные мысли. Небольшая черная коробочка с индикатором обратного отсчета и единственной красной кнопкой лежала у нее на коленях, и индикатор показывал, что до подрыва зарядов осталось шестнадцать секунд. Вот уже пятнадцать... четырнадцать...

Тут-то и зазвонил мобильник. Не личный, выключенный, а специальный. Этот номер знали всего человек шесть-семь, не больше.

— Алият Цэрэнкулова слушает.

— Отменить взрыв плотины! — Голос был на грани истерики. Такой визгливый фальцет мог принадлежать только холеной, надменной, облеченной властью даме, впервые в жизни впавшей в беспросветную пучину постыдной паники. — Алият, вы слышите меня? Немедленно отменить взрыв!

— Я слышу, — ответила Алият. Ее палец лег на красную кнопку отмены. — Кто говорит?

— Говорит министр труда. — Голос стал срываться. — Только что... Заседание кабинета... Решение... Именем... Приказываю отменить взрыв!..

Осталось шесть секунд до подрыва. Нет, уже пять.

— Приказывать мне может только штаб гражданской обороны, — оборвала Алият и раздраженно дала отбой. Вот всегда так. Обязательно найдется какая-нибудь истеричка, и на-

до почитать за счастье, если только одна, а не целое стадо блеющих овец...

Красная кнопка осталась в бездействии, а Алият за две оставшиеся секунды безуспешно попыталась вновь поймать взглядом крошечную одинокую фигурку на гребне плотины. Зачем — она не сумела бы ответить. Разве обреченность прекрасна, чтобы на нее смотреть? Разве смерть не отвратительна?

Через две секунды точно по плану сработали малые заряды, и плотина, беззвучно вздрогнув, начала заволакиваться пылью. Будто ударили палкой по давным-давно не чищенному ковру. Какая длинная секунда... Вот, сейчас...

Столь же беззвучно из тела плотины двумя вертикальными цепочками — сверху донизу — выметнулись фонтаны пламени, пыли и бетонной крошки. Работа придонных зарядов осталась незамеченной, но Алият точно знала, что сработали и они. Иначе просто не могло быть, вероятность отказа — единица после четырех нулей. Центральная пятисотметровая часть плотины не вспучилась и не начала ломаться — к немому удивлению Алият, вода начала выдавливать ее единым куском, толкая перед собой, как поршень. Клубилась пыль, мешая видеть. Вот наконец по флангам выдавливаемого фрагмента ударили яростные потоки, и только тогда бетонный монстр начал терять высоту, оседая и заваливаясь. Водяной вал перехлестнул через него. Взрывная волна подбросила вертолет, потрясла, покачала и отпустила. Если бы не поднялись выше ущелья, могло быть хуже. Могло бы достать и брызгами, не то что взрывной волной, а брызги там такие, что вертолет для них — мошка. Слизнет, как жаба языком, и привет. Да и сам вал гонит перед собой по ущелью нехилую воздушную волну — стоит посмотреть, как она гнет деревья за секунду до того, как их сметет коричневая стена воды, а с того вон дома сорвало крышу...

Связавшись со штабом, Алият деревянным голосом доложила об успешном выполнении задания. Взглянув на уцелевшие пока огрызки плотины и на зеркало водохранилища, отметила: уровень воды практически не упал. Ну еще бы — тридцать пять кубокилометров! Надо полагать, бешеный напор начнет ослабевать лишь спустя часы, а окончательно иссякнет лишь через сутки-двое, никак не раньше. Вода схлынет, оставив после себя... да чем меньше она оставит, тем лучше!

— И все-таки это было прекрасно, — прошептала потрясенная Алият.

— Что, прошу прощения? — заинтересованно спросила пилотесса. Кажется, на нее взрыв плотины не произвел особого впечатления. Лишенное воображения существо.

— Ничего. Все идет по плану, говорю. Все прекрасно, все замечательно. Теперь развернись и следуй над валом до Батана. Мы свое дело сделали, теперь поглядим на работу воды...

13

Тугие массирующие струи били из стен тесной кабинки, то обжигая дряблую кожу, то вмиг заставляя ее покрываться мурашками. Душ Шарко сам по себе великая вещь, а если он еще и контрастный, то любую человеческую развалину поставит на ноги, выдержало бы только сердце. О-о-о!.. О-о-о-о!..

Мучение и наслаждение одновременно. Рай и ад. Лед и пламень.

Вот так. Еще. И еще. Пять минут под душем — сутки бодрости. Увядшее тело, в сущности старушечье, иссыхающее... теперь твоя функция только в том, чтобы поддерживать работоспособность головы, а обо всем прочем забудь. И о том, как в молодости купалась в водопаде в канадских Скалистых горах, забудь обязательно. Вода там была куда холоднее, она текла с ледников и била с такой силой, что ты едва удерживалась на ногах. Сорок лет прошло, а будто вчера все было. Сейчас бы нипочем не удержалась, камни там были скользкие, будто намыленные, а тогда ты даже приплясывала и хохотала так, что едва не заглушала грохот воды. И подруга была рядом, тогда казалось — любимая, единственная, а на широком скальном карнизе вдали от водяной пыли пылал костер из пахучих сосновых веток и стояла оранжевая палатка, спасительница от холода и комарья, храм чистой любви, радостной, как луч, искрящийся в капельке росы, как сверкающие на рассвете пики гор и как радуга над водопадом...

Забудь. Что было, то прошло. Тогда твои мозги обслуживали прихоти твоего тела, но теперь уже окончательно произошла перемена ролей. Жаль только, что уму не до прихотей — ему дело делать надо. Сегодня надо иметь особенно ясную голову, холодную и ничем не затуманенную. Сегодня день особенный.

Можно было еще минуту-другую сверх лимита постоять под хлещущими струями, главнокомандующей никто слова бы не сказал, но Присцилла О'Нил решительно перекрыла воду. Не на Земле как-никак. Не в Скалистых горах, где купайся — не хочу. Луна. Мертвая серая пустыня с несколькими рукотворными оазисами. В сравнении с ней Сахара просто морской курорт.

Дефицит воды? Да, но не жесткий. При должной дисциплине он может стать невыносимым когда-нибудь потом — если «потом» наступит и на Земле будет принято решение расширять лунные базы, а не сворачивать их. Что вряд ли. Пока что дефицит воды был более чем терпимым. Безвозвратные потери в замкнутой системе водоснабжения удалось свести к трем процентам — остальные девяносто семь, очищенные до питьевых стандартов, возвращались в оборот. Трехпроцентная недостача наполовину покрывалась за счет переработки реголита, наполовину компенсировалась поставками с Земли. Раз в месяц Земля отправляла на главную базу космофлота беспилотную и безвозвратную ракету-танкер. Вместо воды Присцилла предпочла бы ежемесячно получать лишний танкер с топливом, или транспорт с боеприпасами, или еще одну боевую капсулу, даже такую дрянь несусветную, как «Жанна д'Арк». Встретив полное понимание коменданта, главнокомандующая жестоко наказывала персонал за малейшее нарушение технологии и лично вникала в проблемы очистки канализационных стоков. Злобное прозвище «Говнокомандующая» было произнесено, но не прилипло. То ли вследствие уважения, то ли оттого, что кличка получилась обоюдоострая, то ли по обеим причинам сразу, но чрезмерно распущенной на язык подчиненной коллеги устроили «темную». В конце концов, Присцилла командовала не только фекалиями и экс-менами. Надо же понимать. Кому охота ощущать себя... этим самым.

Но никто не мог отрицать, что драконовские меры по водосбережению приносили результаты. Пить? Сколько угодно. Умыться? Дважды в сутки. Душ — каждые пять дней. Водяной рай! Те, кто служил на Церере, не верили своим глазам.

А вот ванны на лунной базе не было. Совсем. Ни одной. Даже у главнокомандующей. Злопыхательницы могли болтать что угодно, но ни у одной из них еще не повернулся язык обвинить Несгибаемую Присциллу в сибаритстве. А если язык

и повернется, то клеветнице никто не поверит. Всему флоту известно, что Присцилла не какая-нибудь там Марджори Венцель, погоревшая на моральном разложении. Присцилла — ванну?! Гомерический хохот. Надо же выдумать такое. Чтобы Присцилла, всегда бдительно следившая за потоками грузов, идущих с Земли, не вычеркнула из списка ванну, заменив ее на что-нибудь позарез необходимое?! Ой, держите меня, сейчас упаду...

Впрочем, все это мелочи... Растираясь жестким полотенцем до красноты, Присцилла вдруг поняла, что нарочно думает о воде, чтобы не думать о визите на базу высокой гостьи, или, что то же самое, важной шишки — специальной уполномоченной Верховной Ассамблеи, заместительницы премьера, курирующей мероприятия по плану гражданской обороны. Кармен Оливейра — новое имя в правительстве, информации о ней мало, трудно предугадать, на благо ее визит или во вред. Зато очень хорошо известно, чего она будет добиваться от главнокомандующей — окончательного ответа! Да или нет. Как будто кто-нибудь может знать это точно. А ответ нужен позарез. Осталось всего шесть суток, меньше недели. Да или нет?

Из нежданно вернувшегося фигуранта «Эгиды» — то ли героя, то ли преступника — вытрясли все, что можно было вытрясти за несколько дней. Похоже, он ничего и не скрывал, так что дело сводилось к тому, чтобы расшевелить его память.

Вспоминай! Подробнее вспоминай. Желательно по минутам. Что говорил чужак? Попытайся припомнить дословно, а мы тебе поможем. Как ты воспринимал его телепатемы — зрительно или вербально? Ни так ни этак? Может, осязательно? Почему он не уничтожил тебя сразу? Как выглядел Двускелетный? До какой степени чужак идет навстречу его желаниям? Чем он питается? А чем питался ты? А пил что? Куда девал отходы жизнедеятельности? Почему так мало зарос — чем брился? Ножом срезал? По какой причине чужак поглощал твои отходы, не поглотив тебя самого?

Медицина. Полное обследование, всевозможные анализы. По словам Гаева, чужак вырастил и оставил при себе — точнее, в себе — его двойника. А если он поступил наоборот? Кто он, вернувшийся экземен, — прежний Тимофей Гаев или орудие чужака, предназначенное для дезинформации, для разведки, а то и для взлома обороны Земли? В какой степени можно ему верить?

Внутри-то чужака он побывал наверняка — надо было быть Иолантой Сивоконь, чтобы усомниться в этом. Как бы иначе он остался жив, проболтавшись в космосе вдесятеро больше срока автономности боевой капсулы? Впал в спячку, как суслик?

Назови ТТХ тактической ракеты «Пилум». Перечисли в алфавитном порядке фамилии пилотов твоей эскадрильи. Какова твоя сопутствующая пороговая масса при телепортации? Двенадцать килограммов? Вот груз массой в десять с половиной ка-гэ, бери и телепортируй... Не выходит? Ослаб, что ли? (На самом деле масса груза превышала тринадцать килограммов.) Сколько секунд в сутках? Отвечай быстро. Национальность единственного бойца в шоу «Смертельная схватка», не имевшего прозвища? Почему он не имел его? Как его звали? (Японец по имени Ушибу Ногами.) Твое первое детское воспоминание? Внезапный слепящий свет в глаза и крик в ухо: «Твое задание, быстро! Нам все известно! Говори!..»

Тысячи вопросов и тысячи ответов. Двухсотстраничный предварительный отчет группы анализа. Трусливо-обтекаемые формулировки. Мало информации, очень мало! Еще и еще допросы. Последний начался нынче утром, длился более девяти часов и лишь недавно кончился...

— Опять? — недовольным голосом осведомился эксмен Гаев, чуть только переступил порог помещения, известного на лунной базе как лаборатория специальных исследований. Был он одет в грубую серую робу и стрижен «под ноль», из-за чего походил на облученного чернорабочего, зато свежевыбрит и не пахуч. Последнее время его допрашивали именно здесь — с детектором лжи и без оного, под гипнозом и под действием препаратов, вызывающих неудержимую болтливость. Пробовали применить и громоздкую ментоскопирующую технику, трое суток провозились с калибровкой (а Гаев ехидничал, пока не получил по шее), лепили датчики на обритый череп, сняли кучу кривых, получили две мутные картинки, после чего ментоскоп задымился, да так, что сработавшая система аварийного пожаротушения заплевала всех пеной, а из-за копоти пришлось менять фильтры в воздуховодах. Нет, Гаев был тут ни при чем — просто негодной технике место не на лунной базе, а на Земле, желательно поближе к местам переработки мусора.

— При обращении следует добавлять «госпожа», — сухо

напомнила Присцилла. — Не забывайся, пилот, не вреди сам себе.

— Так вас же двое... госпожа, — немедленно возразил Гаев, покосившись в сторону Иоланты Сивоконь. — Как быть, если я обращаюсь к обеим? Нет такого обращения — «госпожи»...

— Обращайся к старшей по чину, а в отсутствие таковой — к старшей по должности, не ошибешься. А еще лучше читай строевой устав. Четвертая эскадра официально не расформирована, и ты пока еще находишься на службе. Есть вопросы?

— Так точно, госпожа. Разрешите задать?

— Успеешь. — Присцилла прищурилась, разглядывая уникума. — А ты недурно выглядишь. Прическа тебе идет. Как здоровье, в норме? В талии пополнел, вижу. Пищей доволен?

— Так точно, госпожа, еда хорошая. Я бы и от плохой не отказался — соскучился по ней очень. И за душ большое спасибо. В моей капсуле на третьи сутки полетела система терморегуляции, чуть не сварился в собственном поту. Пытался наладить — все без толку. Я же не инженер, госпожа, а только техник узкого профиля, я этих систем не знаю. И с каждым часом все жарче. Спасибо, что поймали меня вовремя, а то я уже совсем загибался...

— Ты еще Луне скажи спасибо за малую тяжесть, — хмыкнула Присцилла. — Так ты утверждаешь, что внутри чужака тяжесть тройная?

— Так точно, госпожа, примерно тройная. То есть я, конечно, ее не измерял, нечем было, но по ощущениям — примерно тройной вес. Я там больше лежал, чем двигался.

— Отдыхал, значит, — вмешалась Иоланта Сивоконь. — Напомни мне, был у тебя приказ бездельничать?

Искру ненависти, мелькнувшую было в глазах, Гаев очень умело погасил, но Присцилла успела ее заметить. Вероятно, заметила и Иоланта.

— Я действовал по обстоятельствам, госпожа. У меня был такой приказ: действовать по обстоятельствам.

Естественно, подумала Присцилла. Иного приказа в то время не могло и быть. Гаев должен был действовать по обстоятельствам; его, между прочим, на это натаскивали. Первоматерь знает, какие это могли быть обстоятельства, они не поддавались прогнозу, но экзмен-уникум был обязан извлечь максимум возможного из любой ситуации. Он сам рвался на это дело, мотивы у него были могучие — между прочим, ста-

раниями Иоланты. Программа минимум — разведка. Программа максимум — уничтожение или пленение экипажа, перехват управления и привод корабля на ближайшую базу космофлота (тогда предполагалось, что на Цереру).

Вышло ни то ни се. Никаких промежуточных вариантов в штабе не просчитывали, прекрасно понимая, насколько маловероятно возвращение Гаева после выполнения хотя бы программы минимум. На программу максимум надеялись, как на чудо, твердо зная, что чудес не бывает. Просто держали ее в уме как некоторую теоретическую абстракцию. В штабах место прагматикам, а прагматики не верят в волшебные сказки.

В самом лучшем случае в штабе Присциллы ожидали, что Гаев перед гибелью успеет передать толику информации о чужаке, прокричав в эфир несколько фраз, — и замолкнет на полуслове, поскольку ни одно облако радиоактивной плазмы еще не научилось внятно разговаривать...

— Ты, кажется, хотел спросить о чем-то?

— Да, госпожа. С вашего позволения, госпожа.

Эксмен вел себя подчеркнуто корректно. Рыкнуть на него — повел бы себя и раболепно, сыграл бы роль без затруднений. Он кое-чему научился, этот Гаев, кое-что осмыслил и понял. Фигура, достойная уважения. Еще восемь месяцев назад был молодым глупым петушком, а и тогда сумел повернуть по-своему, и повисшая на волоске «Эгида» все-таки состоялась, а Иоланта получила плюху. Кажется, уже не первую оскорбительную плюху от этого эксмена. Шепчутся, что... ладно, не будем повторять сплетен, хотя дыма без огня не бывает. А Иоланта права: если с чужаками все обойдется миром, то отпускать Гаева на Землю никак нельзя. Чересчур популярен. Восстание не возглавит, но может сыграть роль знамени. Чуть ли не святая фигура, на уровне Сандры Рамирес и Анастасии Шмалько! Для эксменов, конечно. Герой. Не национальный, а... как сказать-то?.. Половой, что ли?

В некотором смысле да, если вспомнить о его связи с Марджори Венцель. Эксмен, уличенный в сексуальном контакте с человеком, должен уничтожаться без суда — а этот жив-здоров и еще пытается гнуть свою линию. Ну-ну. Гни. А шанс у тебя, дружок, маленький... Если поступить с тобой по уму, то следовало бы, конечно, сохранить тебе жизнь, наградить тебя какой-нибудь специальной побрякушкой, дать денег, назначить командиром особой эксменской эскадры и прокричать о

тебе по всем телеканалам планеты. Полагаешь, ты бы сразу понял, что тебя покупают? Подполье поняло бы это куда раньше тебя, и все — ты попался, ты отрезанный ломоть, ты ренегат. Служи за похлебку. И ведь будешь служить, если благополучие твоей матери — допустим, что в лапах Минбеза Конфедерации действительно твоя мать, а не подставка, — зависит от качества твоей службы. Изредка вам даже позволят встречаться — или ее поднимут на орбиту, или тебя ненадолго спустят на Землю. В благодарность за образцовое несение службы.

Так и только так было бы лучше для всех, кроме подполья. Гаеву — потому что жив, при деле и не последняя фигура. Космофлот получил бы инициативного, авторитетного, проверенного в сражении командира среднего звена и эскадру, которой можно затыкать любые дыры. Минбез был бы удовлетворен тем, что держит Гаева на поводке. Лояльные эксмены получили бы путеводную звезду — глядите, чего можно добиться беззаветным служением! Правительство было бы довольно, потому что часть пара из котла ушла бы в свисток. А общество пошумело бы да и успокоилось, примирившись с тем, что не бывает правил без исключений.

Жаль, что так не будет. Иоланта тоже знает, что так было бы лучше всего, но инициатива в этом деле должна исходить от нее, только от нее, а не от главнокомандующей. Присцилла О'Нил еще не впала в старческий маразм, чтобы предлагать такое от своего имени. Сожрут сразу — за ересь, за подкоп под устои. Та же Иоланта и сожрет не без удовольствия. Сама же она ни за что не сыграет на руку главнокомандующей, а значит, дальнейшая судьба эксмена Гаева плачевна. Жаль. Глупо выбрасывать на помойку хороший инструмент только потому, что не умеешь держать его в руках.

Но пока — ни словом, ни жестом...

— Спрашивай.

— Считает ли госпожа, что я выполнил задание?

— Ты уже задавал этот вопрос, — поморщилась Присцилла. — Ответа пока нет. Не стану скрывать, многое говорит в твою пользу, но ты сам знаешь, когда мы будем иметь окончательный ответ. Не раньше. Это все?

— С вашего позволения нет, госпожа. Разрешите задать вопрос генерал-поручику Сивоконь.

— Разрешаю.

Гаев совершил почти четкий полуоборот — как будто в са-

мом деле читал устав да еще упражнялся в выполнении строевых приемов. Пучить глаза на начальство не стал, но сделал их оловянными. Где-то подсмотрел, научился.

— Имеет ли госпожа намерение выполнить наш уговор? Я имею в виду свободу и безопасность для моей матери.

— Госпожа имеет такое намерение. — Чуть брезгливо покривив губы, Иоланта подкрепила слова кивком. — Уговор остается в силе, с чего бы мне нарушать его? Твоя мать жива и здорова. Ей уже сообщили, что ты вернулся невредим.

— Могу ли я поговорить с ней?

— Думаю, сеанс связи можно будет устроить. Но позже.

— Почему позже, госпожа? Я столько времени...

— Сказано — позже. — Иоланта пристукнула ладонью по подлокотнику кресла. — Все доказательства будут предоставлены тебе в свое время, включая не только разговор, но и личную встречу с твоей матерью. Обещаю.

— Я только хотел попросить госпожу...

— Попросить? Позже!

Присцилла едва не усмехнулась — уж очень униженным просителем выглядел сейчас эксмен-уникум. Само смирение. Глаза долу. А какой был наглец редкостный — загляденье! Обтесал его чужак, ничего не скажешь. Научил тактике.

— Всего одна просьба, госпожа...

— Ну?

— Внизу ведь тотальная эвакуация, верно? Так вот, я прошу никуда не эвакуировать мою маму. Всех ведь невозможно спрятать в убежищах, так? Давка будет, беспорядки, стрельба непременно начнется... Пусть лучше она остается там, где жила, это заведомо безопаснее.

— Убежден?

— Всецело, госпожа.

— Подумаем...

И снова начался долгий, то тягучий, как патока, то острый, как стилет, но равно изнурительный для всех допрос с минимумом новых результатов. Одно было ясно Присцилле — Гаев действительно убежден в том, что опасность Земле не угрожает. Убежден искренне, свято, стопроцентно. Бесспорно, и послушное орудие чужака было бы свято убеждено в том же самом, не догадываясь, что им управляют, но... уж больно все это вычурно. Рококо всмятку. До сих пор чужаки всегда перли нахрапом, сокрушая эскадры и базы, зачем же им

менять оправдавшую себя тактику? Из-за того, что оборона ближних подступов к Земле гораздо сильнее всего, с чем они сталкивались прежде? Но не проще ли чужаку призвать в таком случае на помощь несколько ближайших собратьев? Недавние штабные игры показали, что силами космофлота можно отбросить или даже уничтожить одного чужака, максимум двух, но, навалившись втроем-впятером, они раздавят околоземную оборону, как тиски давят грецкий орех, в этом почти нет сомнений.

Не дождавшись конца допроса, Присцилла ушла, сославшись на занятость. Ей и вправду пора было проверить, как координируется поиск пропавшей цели, накрутить хвосты кому следует, но главное, ей надо было подготовиться к встрече с высокой гостьей, как бишь ее?.. Кармен Оливейра, дьявол ее забери! Политик. Небось такая же холеная бесполезная стерва, как Иоланта, два сапога пара...

В неприязни к политикам Присцилла была не оригинальна и хорошо знала это. Иногда она думала о том, как древние цари, все эти Рамзесы, Киры и Александры, умудрялись совмещать в себе ипостаси политиков и полководцев, часто впадая при этом в паранойю, но никогда — в шизофрению. Она бы так не смогла... Хвала Первоматери, ей никогда не приходило в голову заняться большой политикой! Да и зачем — чтобы попытаться вскарабкаться на самый верх? И положить на это жизнь? Глупо. Нужно уметь годами упорной работы добиваться поставленной перед собой цели, но гораздо важнее уметь правильно наметить саму цель.

Космическая экспансия человечества — вот мечта и цель, а все остальное, включая военную карьеру, — лишь средства для ее достижения. Главнокомандующая понимала, что достигла не цели, а лишь своего «потолка» по реальной степени влияния на события — именно сейчас был самый пик, а дальше пойдет только спад. Едва отступит опасность, как правительство тут же вдесятеро сократит расходы на космофлот по причине малой отдачи и разорительности его содержания, тем более что основные средства будут брошены на воссоздание земной материальной базы. Без сомнения, часть военного флота обязательно будет сохранена — мало ли что, — зато о мирном космосе можно забыть на десятилетия. Да и военные надолго сядут на голодный паек.

Есть ли альтернатива? Безусловно. Даже две. Первая —

битва с чужаками и поражение в ней, иными словами, окончательный финал. Вторая, маловероятная — битва и победа. Пусть ценой чудовищных потерь. Тогда и только тогда под угрозой повторных атак любимое детище удастся сохранить и обеспечить всем необходимым. Надо готовиться к сражению так, как никогда прежде... пусть вероятность нападения становится с каждым днем все иллюзорнее... плевать!

Да, но какой ответ дать высокой гостье?

За четверть часа до прибытия Кармен главнокомандующая сбежала в душевую кабину — смыть пот, размять тело, очистить от накипи мозги. Вроде стало чуть-чуть легче. Наскоро просушив волосы, Присцилла раздраженно собрала их в пучок на затылке. Пора было идти отвечать на вопросы. В сущности — на один-единственный главный вопрос, от ответа на который зависело все.

Да или нет?

Да или нет?

Прогноз им подавай... Почему бы им самим не погадать на кофейной гуще?

Высокую гостью водили по всей базе, по распоряжению Присциллы показывая ей все — от центра управления до гальюнов, от заглубленного на триста метров в лунный базальт резервного командного пункта, выдерживающего прямое попадание тактической боеголовки, до ремонтных мастерских, от казарм до единственной в мире опытной термоядерной установки, совсем не нужной на Луне, купающейся в солнечной энергии, но из перестраховки и наличия в реголите гелия-3 построенной именно здесь. На случай, если высокой гостье захочется осмотреть наружные постройки, в ангаре в полной готовности стоял личный шестиместный луноход главнокомандующей.

Был приказ ничего не скрывать, показной марафет не наводить, никаких работ не прерывать и «на караул» не командовать, ограничившись уставным приветствием.

Дальнейшее, по мнению Присциллы, зависело от самой Кармен Оливейра. Если она не напыщенная дура, то поймет и оценит рабочую, а не показушную атмосферу на базе; если нет — наплевать. Хочешь смотреть — смотри. Не стыдишься выставиться незнанием — спрашивай. В каких красках доложить правительству о готовности к отражению агрессии — те-

бе решать, но делу мешать не моги! Пока еще Присцилла О'Нил здесь единоличный диктатор, и если у тебя нет полномочий отстранить ее от командования... Ну конечно же, нет! Коней на переправе не меняют. После — другое дело. Но о том, что будет после, мы еще успеем подумать... или в этом не будет нужды, если Гаев все-таки ошибается.

Присцилла сделала лишь одну уступку высокой гостье, встретив ее не в своем кабинете, а несколько раньше. Поприветствовав, извинилась: дела, мол. На первый взгляд Кармен по сравнению с иными визитершами была ничего — не кипятилась, не требовала немедленно изыскать духовой оркестр для исполнения встречного марша и красную ковровую дорожку, не смотрела на персонал базы, как орел на дерьмо, не срывала на адъютантессах главнокомандующей раздражение за собственную потешную неловкость, вызванную непривычкой к меньшей силе тяжести, не зевала напоказ и интересовалась делами космофлота, по всему видно, не из чистой вежливости. Даже извинялась за глупость своих вопросов. «Сколько у вас сейчас боевых подразделений, укомплектованных эксменами? Всего одна усиленная эскадрилья? Мне кажется, их когда-то было больше, или я ошибаюсь? Нет? А почему же пилоты-эксмены летают на новейшей технике, в то время как люди, в том числе опытнейшие пилотессы, вынуждены довольствоваться старой?»

Глупый вопрос, но донельзя уместный. Присцилла отвечала, не стесняясь в выражениях. Пилотессы боятся «Жанны д'Арк». Перечень связанных с ее использованием инцидентов читается как роман ужасов. Мало того что подразделению, оснащенному капсулами данного типа, практически невозможно ставить реальные боевые задачи, кроме как отвлекать на себя внимание противника, — где же прикажете искать смертников? Ну разумеется, не среди опытных кадров!.. Пилоты? Те тоже боятся, иной раз до поноса, но разве им кто-то предлагал выбор? Никто ведь не принуждает эксменов идти на курсы подготовки — просятся сами, причем в таком количестве, что среди добровольцев можно отбирать самых лучших, одного из десяти. А уж назвался пилотом — полезай в капсулу, какую дадут, и приноси пользу хотя бы в качестве мишени...

Гостья удовлетворенно кивала чернейшей, как сажа, и пышнейшей, как сахарная вата, шевелюрой. Если Кармен доло-

жит, а правительство отдаст под суд тех чинуш, что приняли на вооружение «сырое» изделие, то можно считать, что визит высокой гостьи уже пошел на пользу космофлоту. Быть может, эта оливковая Оливейра доложит и о том, что сплетни о каком-либо благоволении главнокомандующей к эксменам лишены всяких оснований? В этом ей надо помочь. Присцилла подумала, что не мешает сделать вид, будто она боится получить нагоняй за неоправданное расходование эксменского материала. А что, чем не ценный груз? Все, что выводится за пределы земной атмосферы, ценится пусть не на вес золота — так было когда-то давно, до плазменных двигателей, — но на вес серебра, это уж точно. Плюс нарушенное многочисленными стартами экологическое равновесие, гибель природы, климатические сюрпризы...

Нет, главнокомандующей определенно нравилась гостья! В более спокойные времена такую деловую и настырную, конечно, не прислали бы разбираться в проблеме — явилась бы брюзгливая тупоумная мастодонтиха... Карьерные ступени Кармен были видны, как на ладони: активистка детской организации наследниц Сандры Рамирес, секретарь факультетской секции новофеминистской партии где-нибудь в университете Каракаса, административная работа, выдвижение в Ассамблею Латиноамериканской Федерации, работа в комитетах, выдвижение в Верховную Ассамблею, кооптирование в правительство... Без сомнения, Кармен Оливейра в свои сорок лет замахивалась на большее. Глядя на нее, Присцилла О'Нил с удовольствием вспоминала себя сорокалетнюю — такую же энергичную, напористую, готовую расталкивать заплывших жиром мастодонтих, прорываясь мимо них на самый верх...

С годами она стала мудрее. С самого верха непременно свалишься, оттуда всегда падают рано или поздно. Счастье, если успеешь состариться и уйти на покой раньше, чем сорвешься и засквозишь со свистом. Лучше уж засесть чуть ниже, укрепиться и властвовать, как в древние времена властвовали надежные, проверенные сатрапы в своих сатрапиях... Как сейчас-то назвать сатрапа — сатрапка, что ли? Ужасно. Похоже на кличку мелкой собачонки. Сатрапиня? Сатрапесса? Лучше, но все равно не то. Значит, и не надо ничего менять. Сколь в свое время ни тщились всяческие комиссии по языковым реформам привести номенклатуру в соответствие, а многие чи-

ны и должности так и остались в мужском роде. Капрал. Майор. Губернатор. Генерал-поручик.

А прав Гаев, нет такого обращения — «госпожи». Для штабных совещаний и прочих мест скопления генералов и офицеров рекомендовано обращение «коллеги». А как главнокомандующая должна обращаться к младшему министру, члену правительства, но не члену Кабинета? Все-таки «госпожа»? Жирновато. «Сударыня»? Чего доброго, обидится, а обижать ее себе дороже...

— Не будем усложнять, — разрешила затруднение Кармен, мгновенно уловив причину первой же заминки. — Вы Присцилла, я — Кармен. Устраивает?

— Более чем.

— Вот и ладно. — Кармен обаятельно улыбнулась, сверкнув белоснежными зубами. — Терпеть не могу все эти церемонии. Вы тут, наверное, и не представляете себе, сколько нам приходится тратить времени на политес. А хуже всего то, что он совершенно необходим... ну как вода для рыбы, что ли. Среда обитания. Вам везет, вы командуете, а политик всего лишь влияет. Словечко там, словечко тут, спичи, доклады, меморандумы... Разве дождешься, чтобы кто-нибудь взял под козырек и щелкнул каблуками? — Она заразительно засмеялась.

— Зато вас проверять некому, — натужно пошутила Присцилла. — У вас нынче и пресса под прессом. Чрезвычайное положение, шутка ли!

— Нас — некому? А впрочем, вы правы. Но уж лучше бы душу вымотали проверками, честное слово! Вы не находите, что сечь себя самой — извращение? Пусть лучше секут другие, это как-то естественнее... Послушайте, а куда мы сейчас идем?

— К пусковым шахтам. Я полагала, вам захочется осмотреть всю станцию. Потом легкий обед. Потом, если на то будет ваше желание, допрос Гаева... Думаю, удобнее всего это будет устроить в лаборатории специсследований. Гаев — это тот самый эксмен-уникум, что был задействован в «Эгиде» и недавно вернулся...

Вороные, как углем нарисованные брови Кармен удивленно изломились:

— Послушайте, Присцилла, а на кой дьявол он мне сдался? Меня ведь интересует не его мнение, а ваше. Надеюсь, прогнозы развития событий, отосланные вами в Главный штаб, были основаны не только на словах упомянутого эксмена?

— Нет, разумеется. Половина личного состава флота в настоящий момент занята разведкой, и это не считая почти сотни беспилотных аппаратов. Радарный контакт с чужаками начисто отсутствует. Пресловутый барьер также исчез.

— Ну вот, а вы говорите... Половина личного состава, вы сказали? Ого! Да тут же у вас полно народу! Как же вы размещаетесь, когда все на базе?

— Все новоприбывшие удивляются, — ухмыльнулась главнокомандующая, — хотя всем доводилось открывать банку шпрот.

— Ну и ну. А я-то, глупая, вам сначала позавидовала... Здесь у вас всегда такая духота?

— Бывает хуже. Добро пожаловать на Луну. Если угодно, мы можем спуститься в резервный КП, там гораздо прохладнее. Приятный контраст, но рискуете подхватить бронхит, а то и пневмонию.

— Выбираю пневмонию. Вниз! Вниз!

И скоростной лифт, поддавшись манипуляциям забежавшей вперед адъютантессы, распахнул свой зев, и принял ценный груз, и провалился на стоэтажную глубину. Здесь и впрямь было прохладнее.

— Послушайте, Кармен, разве вы родом не из тропиков?

— Штамп, Присцилла, штамп! Все почему-то думают, что раз Латиноамериканская Конфедерация, так обязательно тропики, да еще влажные. А об Андах вы забыли? А о Фолклендах? А об Огненной Земле? Между нами говоря, снежная она, а никакая не огненная. Я там выросла... Но к делу?

— К делу, — охотно отозвалась Присцилла. Сколь ни приятно было поболтать о пустяках, специальные уполномоченные ради пустяков на Луну не летают. Они возвращаются на Землю с информацией, которую, безусловно, можно было бы получить по радиолучу гораздо проще и быстрее, но главное, они привозят личные впечатления, способные повлиять на важнейшие решения при недостатке информации. И это правильно, подумала Присцилла. Правительства для того и существуют, чтобы иногда принимать волевые решения вопреки логике и осторожности. Если бы это было не так, любую властную структуру вполне мог бы заменить электронный блочок, умещающийся в кармане.

— Я слушаю.

— Правительство поручило мне передать вам свою глубокую озабоченность ходом событий, — сказала Кармен.

— Только озабоченность?

— Да.

— Благодарю, — кивнула Присцилла. — Я озабочена не меньше, но можете передать правительству, что у меня все под полным контролем. План обороны не отменен, повышенная боеготовность сохраняется. В расчетный момент с Луны взлетит все, что летает. Боевое развертывание — строго по плану. Если появится враг, он будет атакован силами, намного превосходящими все, что было до сих пор.

— Вы можете гарантировать, что враг не прорвется к Земле?

Опять двадцать пять... Присцилла вздохнула.

— Ни в коем случае. Я могу только гарантировать, что космофлот сделает все от него зависящее. Возможно, удар, нанесенный по Земле, не будет для нее смертельным. Не исключено, что нам удастся не подпустить противника на дистанцию эффективного поражения. Но уверенности в этом нет никакой.

— Как и в том, что в свете новой информации никакого удара вообще не последует?

— Разумеется.

— У вас есть конкретные предложения?

Ну вот... Опять по кругу. Почему кто-то считает, что главнокомандующая должна нести ответственность за то, что находится вне ее компетенции? С какой стати?

— Простите, Кармен, в мои обязанности входит недопущение прорыва противника к Земле, и не более того. Я не могу давать правительству советы о том, что надо делать, если нападения не последует. Лично я считаюсь с такой вероятностью, но, надеясь на лучшее, готовлю космофлот к худшему.

— Правительству трудно последовать вашему примеру, — холодно сказала высокая гостья. — Готовиться к худшему для вас означает одно, а для Земли совсем другое. План гражданской обороны предусматривает полное уничтожение практически всей созданной человечеством инфраструктуры и спасение части — значительной, но все-таки лишь части! — населения в подземных убежищах. Мы спасаем не население, а цивилизацию в закапсулированном виде. Очень многое уже уничтожено. Очень многие объекты пока не удается уничтожить, поскольку они находятся в районах, охваченных гражданскими беспорядками. Если вы полагаете, что бунтуют од-

ни эксмены, то вы глубоко заблуждаетесь. Сегодня мы были вынуждены ввести военное положение, но и среди военнослужащих предостаточно случаев неповиновения. Мы не можем расстреливать всех подряд и швырять ядерные бомбы на неподконтрольные нам объекты, иначе взбунтуются и верные правительству войска. И это только начало, дальше будет хуже. Отказ от плана означает страшную угрозу, но продолжение его выполнения — угроза не менее страшная. В первом случае нас могут очень больно высечь — во втором случае мы высечем себя сами. Уже сейчас человечеству потребуется минимум пятьдесят лет упорной работы, прежде чем оно сумеет худо-бедно восстановить статус-кво. Если план будет выполнен полностью, я не уверена, что на это хватит и двух столетий. Вы представляете себе, в каком положении окажется правительство, когда выяснится, что все это было напрасно?

— Простите, Кармен, не «когда», а «если»...

— Пусть так. Но я хочу знать ваше мнение по данному вопросу. Мы сровняли с землей тысячи городов, и я уж не знаю, сколько поселков, деревень и хуторов. Промышленности практически больше не существует. Даже космодромов осталось всего лишь два, и то морских, потому что их недолго затопить. Но у нас еще есть около сотни крупнейших городов, уничтожить которые за отпущенный нам остаток времени мы можем лишь с помощью ядерного оружия. Вы понимаете тяжесть последствий? Лекарство горше болезни. Разумеется, будут применены заряды специальной конструкции — максимум энергии взрывной волны и минимум радиоактивного заражения, но и это далеко не панацея. К тому же нет никакой гарантии того, что противник исключит из списка целей озера расплавленного шлака. Замаскировать их мы уже не успеем. Энергия их аннигиляции будет настолько чудовищна, что все уже принятые нами меры, возможно, не достигнут цели. Мой вопрос можно сформулировать так: как поступили бы вы — лично вы — на месте правительства?

«А что я теряю? — с досадой подумала Присцилла. — В случае ошибки не останется даже трупов, кто кому сможет тогда предъявить претензию? Нуль нулю?»

— На месте правительства я бы рискнула прекратить дальнейшее уничтожение наземных объектов, ограничившись, где это возможно, их маскировкой, — твердо сказала она. — Это разумный риск. Но убежища следует задействовать по полной

программе. Если все же случится худшее, некоторые из них, возможно, уцелеют.

— То есть вы предлагаете приостановить выполнение плана гражданской обороны? — сейчас же спросила Кармен.

— Я ничего не предлагаю. Я только сказала, как поступила бы я, будучи облеченной законной властью и пользуясь доверием населения.

— Это одно и то же.

Одно мгновение Присцилла колебалась.

— Пусть так, — ответила она. — Я предлагаю приостановить выполнение плана... в деструктивной его части. Это вполне официальное предложение, его можно зафиксировать. Вы хотите, чтобы я сделала это?

— Конечно. Напишите короткую докладную на имя президента Конфедерации.

— На имя верховной главнокомандующей, вы хотите сказать? Хорошо, я напишу...

14

Приданный силам полиции вертолет ВВС идеально зашел на цель, выпустил залпом с консолей все восемь ракет и немедленно отвалил в сторону. Из усадьбы еще огрызались автоматным огнем, но пулеметы на обеих вышках молчали, да и сами вышки после прямых попаданий более всего напоминали клубки скрученного металла. В четырехметровой, обвитой поверху колючей проволокой стене, ограждающей от любопытных взглядов владения некоей Фатимы Али-Джавадовой, саперы проделали широкие проломы для штурмовой техники. Саму усадьбу было приказано по возможности не трогать, и это раздражало. Все равно ведь все ее постройки в конце концов снесут, не оставив и фундаментов...

По мнению Ольги, следовало бы позволить поработать над усадьбой батарее установок залпового огня или попросту сбросить одну тонную бомбу — и конец операции. Ан нет — начальство приказало захватить как можно больше пленных для показательного трибунала и назидательной казни. Группа телевизионщиков уже прибыла, и девчушка-оператор устанавливала на крыше микроавтобуса треногу телекамеры, торопясь успеть заснять штурм. Наверное, в трехминутном сюжете кадры штурма займут всего секунд десять-пятнадцать, ибо кого сейчас удивишь беготней и пальбой? Главный смысл

сюжета — участь пленных. Участь сектанток. Участь всех, кто достаточно туп, чтобы противиться властям. Смотрите и делайте выводы.

Относительно засевших в усадьбе зейнабисток — сугубо. Неповиновение должностным лицам, ответственным за претворение в жизнь плана гражданской обороны, — это раз. Наглое вооруженное сопротивление — два. И наконец, так называемые религиозные обряды последовательниц Зейнаб Махди, отринувших культ Первоматери, — это три, четыре, пять и так далее. Хватило бы и одного.

Века полтора назад их было предостаточно — сект на основе старых, отживших верований. Чему удивляться: надави как следует на спелый помидор — обязательно брызнет. Одно лишь давимое христианство выплеснуло из себя не менее трех десятков странных и опасных религиозных вывертов, послуживших идеологической базой для всевозможных сектантских групп. Ислам не отставал. Более того, именно он, динамично приспосабливаясь к новым условиям, породил первую мессию нового времени — Зейнаб Махди. Выплывший откуда-то «неотредактированный» Коран мгновенно дополнился ворохом откровений и туманных пророчеств самой Зейнаб, окончившей свою земную жизнь мученически, как и положено мессии. Кстати сказать, для квалифицированного пророчества о мученичестве Зейнаб не требовалось большой проницательности — достаточно было заглянуть в Уголовное Уложение...

Нет, сам по себе отказ от культа Первоматери еще не преступление (будь хоть атеисткой, изредка встречаются и такие), но создание незаконной религиозной организации — это серьезно. А уж изуверские и отвратительные всякому порядочному человеку обряды — серьезно крайне!

В сущности, о зейнабистках было известно немногое, да они по понятным причинам и не собирались привлекать к себе внимание. Считалось, что они обязаны молиться по семь раз на день, отчего вынуждены в целях конспирации избегать работы в крупных коллективах. Еще считалось, что они крайне привередливы в пище, подразделяя ее на «чистую» и «нечистую» не по данным санэпиднадзора, а по каким-то своим туманным соображениям. Подозревали также, что они крадут эксменов, придирчиво выбирая среди них наиболее здоровых и красивых, и живут с ними то ли в полиандрии, то ли в свальном грехе, если только не изобрели еще какую-нибудь мер-

зость. Чаще всего разбросанные по всему миру ячейки секты маскировались под уединенные сельскохозяйственные фермы, иногда записанные на имя совершенно постороннего человека. Большинство сектанток и все без исключения гаремные эксмены трудились на этих фермах, никогда не покидая их пределов. Эксмены к тому и не стремились, для них разоблачение означало уничтожение без суда.

Всякому нормальному человеку такая жизнь представлялась не только скотской, но и бессмысленной. Изо дня в день, из года в год работать ради хлеба насущного, молиться, насиловать наложников — это жизнь? Чем она отличается от того несчастного прозябания, что вели прапрабабки до вступления человечества на Путь Обновления? Только тем, что теперь не надо угождать образине, именуемой в те времена мужем? Тьфу! Стоило ради одного этого прабабкам городить огород, утверждая превосходство женского начала! Откуда эта мания ничтожности? Да и неизвестно еще, какие у них там отношения на фермах, кто кому на самом деле угождает...

А ведь человек звучит гордо! Эксмен — нет. Ему отказано в праве именоваться человеком. Его господство едва не привело цивилизацию к гибели. Удивительно, сколь недальновидны были люди, доверившие этому ущербному подвиду хомо сапиенсов реальную власть. К сожалению, совсем без ущербного подвида не обойтись, и по законам животной биологии ущербным рождается половина потомства, но это временно. Человек и сам пока еще молод как вид и не вполне совершенен. Но придет время его подлинного взлета, и тогда-то он уж точно научится обходиться без эксменов! Ну и, разумеется, исчезнут без следа все до одной вредоносные секты, в чем им следует помочь решительно и без сантиментов.

Ольге было непонятно только одно: почему гадючьи гнезда зейнабисток не раздавили раньше? Почему приказ о проведении серии операций был отдан только теперь, когда секта открыто отказалась повиноваться? Почему на территории Славянской Федерации за последние лет десять не состоялось ни одного громкого судебного процесса над сектантками? Ведь только дурочка может вообразить, будто о местонахождении штаб-квартир запрещенных сект давным-давно не было прекрасно известно тем, кому по долгу службы надлежит этим интересоваться. Неужели сектанток щадили только потому, что их пропаганда не слишком бросалась в глаза? Так это не

ответ. Прополку надо начинать задолго до того, как репьи на грядках вымахают выше головы. Конечно, лучше поздно, чем никогда, но четвертая операция за двое суток — это многовато...

Более всего родной отряд полиции напоминал Ольге листок, подхваченный ураганным ветром. Уже третью неделю она не могла найти время, чтобы заскочить домой. Надеялась успеть повидаться с мамой на эвакопункте перед отправкой — и нате вам, даже это не удалось. Пришлось ограничиться кратким разговором по телефону. Почти на бегу.

Министерство порядка действительно подчинили Департаменту федеральной безопасности, однако серьезные кадровые пертурбации происходили где-то наверху, как погромыхивающая высоко над головой сухая гроза. В сущности, работа осталась прежней, лишь резко возросла нагрузка и необычайно участились спецоперации. Плюнув на контингент, штатные психологи перешли исключительно на работу с личным составом, валящимся без сил и задних ног. Тормошили клюющих носом, чуть ли не силой гнали их к сексаторам — для бодрости. Ольга уже забыла, когда в последний раз спала более трех часов кряду.

Несмотря на призывы телевидения не стервенить полицию, число уличных инцидентов росло лавинообразно. Грабежи и мародерство стали нормой. Редко кого удавалось поймать — неплохо телепортирующие преступницы, как правило, успевали скрыться. Помощницы из добровольческих подразделений по недостатку опыта годились пока только в оцепление, да и то под строгим присмотром — очень были эмоциональны. Объявление военного положения взамен чрезвычайного, свирепые облавы, полученное полицией право уничтожать преступников на месте улучшили положение ненамного и ненадолго. Денежный курс окончательно рухнул. Борьба с черным рынком отмечалась ежедневными победами и общим поражением. В беснующиеся толпы, открыто грабящие магазины, приходилось стрелять отнюдь не пластиковыми пулями. Вроде опыляемой мухами вонючей раффлезии, пышным цветом расцвели всевозможные притоны. Чрезвычайно умножилось поголовье нелицензированных гадалок, сулящих доверчивым гарантированное спасение и прочую чушь несусветную. Многие впали в астроложство, иные брались гадать по пяткам, пупам, порам на носу и экскрементам. Что твори-

лось вокруг эвакопунктов, где по спискам собирали людей для отправки в эваколагеря и далее в убежища, не поддавалось описанию.

Были и такие, кто от большого ума не верил ни в сон, ни в чох, ни в вороний грай, а уж меньше всего в космическую агрессию. По их мнению, правительство затеяло грандиозную дезинформацию с целью скрыть собственные злоупотребления, из-за которых-де и уровень жизни упал, и экология пострадала, и эксмены распоясались. Прошло несколько митингов и шествий. На них не обращали внимания, пока они не мешали уличному движению, а когда начинали мешать, для их разгона обычно хватало одного водомета — по крайней мере в Москве, где в марте еще довольно прохладно. Как обстоит дело с этими высоколобыми кретинками где-нибудь в жарком Сингапуре, Ольга не интересовалась. Кроме того, в последние дни «партия скептиков» заметно попритихла. Похоже, уличные крикуньи осознали, что тотальное разрушение материальной базы цивилизации — несуразно большая цена за ошибки правительства. Ошибки и злоупотребления, какими бы они ни были, можно прикрыть и проще. Для этого нет нужды взрывать небоскребы, мосты и плотины, топить корабли, прятать в глубоких шахтах культурные ценности и насыпать над египетскими пирамидами холмы песка, имитируя дюны. Из пушки не бьют по воробьям, а уж по комарам тем паче.

Работы у полиции, однако, не убавилось. По мнению Ольги, разделяемому большинством девчонок в отряде, решительные меры сильно запоздали. Теперь делу вряд ли могли помочь показательные расстрелы мародерок и нечистых на руку чиновниц. Вот если бы полгода назад!..

Иные не без резона возражали: если бы завеса секретности с инопланетной угрозы была снята полгода назад, вышло бы еще хуже: чувство обреченности могло бы восторжествовать, начался бы пир во время чумы, да и эксменов не удалось бы столько времени держать в повиновении. Что им терять? Нет, уж лучше внезапный шок...

Отказавшись от предложения полковника Фаустовой, Ольга не нашла в себе решимости попроситься и в спецназ. Наверное, к ее просьбе о переводе отнеслись бы с пониманием — но бросить в такое горячее время отряд, и без того недоукомплектованный? Подруги перестали бы с ней разговаривать. Нет, пойти на такие жертвы она не могла.

Главное — мама была устроена в любом случае. Ольга чувствовала громадное облегчение. Если еще повезет попасть в то же убежище, где мама, то будет совсем чудесно... Вряд ли повезет, конечно. Разве что случится чудо. Но почему бы индейке-судьбе для разнообразия не выкинуть разок счастливый жребий?

...Перед штурмом по усадьбе нанесли еще один удар — ракетами с газовыми и ослепляющими головками. Даже на расстоянии и за каменным забором пришлось зажмуриться. Команда! Пошли!..

Двигаясь прыжками, надолго ныряя в Вязкий мир, Ольга отметила чересчур глубокую дренажную канаву перед оградой. Везде у них так, и это не крепостной никчемный ров, а именно дренажная канава... А центральное строение усадьбы, конечно, стоит на вершине холма, потому что под ним выкопано надежное подземное убежище, где сектантки прячут от посторонних глаз лишнее и лишних, предаются блуду и не приветствуют протечек грунтовых вод... А кстати! Не потому ли власти круто взялись за зейнабисток, что для спасения населения остро не хватает готовых убежищ?

Ну, тем лучше.

В подвал никто не сунулся — туда набросали нервно-паралитических гранат и оставили у его входа подразделение полиции, чтобы часов через восемь, когда у запертых внизу сектанток и эксменов гарантированно сдохнут фильтры противогазов и баллоны дыхательных масок, завершить операцию. Снаружи сопротивление было быстро подавлено — обороняющиеся в большинстве своем имели газовые маски, но, ослепленные, вели пальбу наугад или вовсе валялись в отключке. Приказ уничтожать эксменов на месте был излишен — в слаженной команде такие вещи понимают без приказов.

Пленных людей оказалось пятеро, над ними колдовала врач, приводя их в чувство. Стоило ли?.. Ольга не знала. Она с большей охотой выполнила бы приказ вообще не брать никаких пленных. Враг должен быть уничтожен, это ясно. Зачем же устраивать спектакль из его уничтожения? Стращать обывателей? Оно, конечно, да... хладнокровный расстрел страшнее гибели в горячке боя. Но не поздновато ли уже стращать тех, кто и без того с обреченностью ждет расстрела из космоса, точно зная его время для своего населенного пункта? Тех, ко-

му не досталось места в убежище? Тех, кому рекомендовано спасаться самостоятельно, используя естественные укрытия?

Наверное, есть разница между обреченностью покорной и обреченностью бунтующей. Хотя какой смысл бунтовать? Чистейший шкурный эгоизм тех, кто оказался не так уж нужен для выживания человечества, может лишить шанса тех, кто нужен! И ведь им подробно объяснили это!.. Ольга была рада, что не работает в органах пропаганды. Много ли толку от этой работы?..

И еще она была рада тому, что и на сей раз не попала в расстрельную команду. Безусловно, она выполнила бы приказ. А как же иначе? Когда человек рождается, никто не обещает ему, что работа, которой ему придется заниматься в жизни, всегда будет чистой и приятной. Всякое может случиться. Но до чего все же хорошо, когда грязной работы удается избежать!

Пленных зейнабисток увели. Будь суд полноценным, Ольга не отказалась бы пойти послушать, что скажут обвиняемые. Интересно же узнать, почему иные люди упрямо не желают жить как все. Чего ради рискуют? Что они все сексуально распущенны, это достоверный факт, но в одном ли этом дело? Слишком распущенны, неизлечимо? То есть по сути маньячки? Что-то многовато маньячек пришлось повидать за последние дни... Наверное, отчасти права Галка Васюкевич с ее не то выдуманной, не то вычитанной где-то теорией клинической оппозиции: мол, если правительство издаст закон, предписывающий регулярно принимать пищу, то девяносто девять человек из ста пожмут плечами — сотая же непременно окажется «перпендикулярной» и назло правительству уморит себя голодом. Честное слово, правительству давно следовало бы издать именно такой закон! А еще лучше — закон, категорически запрещающий самоубийства. То-то сразу поубавилось бы «перпендикулярных»!..

— Эй, чемпионка! — крикнула Галка Васюкевич. — Чего ворон считаешь, делом займись!

Ольга не обиделась. Прозвище «чемпионка» прилипло к ней после успеха на состязаниях и лишь поначалу было ироничным. Оказалось, достаточно не обращать на него никакого внимания, чтобы вся ирония со временем куда-то испарилась. А если подруги окликают ее по прозвищу без желания задеть, то уже совсем не стоит беспокоиться. Бывают прозвища и похуже.

С блокированным подвалом все было ясно, и чердак уже успели осмотреть — оставались хозяйственные постройки. В коровнике густо мычали пеструшки и буренки, вообразившие, что пришел их смертный час. Не теперь еще, подождите... По команде Галки штурмовая группа рассыпалась по усадьбе, прочесывая сараи, теплицы и отхожие места. В генераторной размеренно стучал дизель, будто ничего и не случилось. Воняло соляром и маслом, дневной свет едва пробивался сквозь пыльное оконце.

Кто-то здесь прятался — Ольга почувствовала это сразу, мысленно поставив себя на место уцелевшей зейнабистки, ополоумевшей от страха. Опытная врагиня, сохранив самообладание, выбрала бы иное место, а здесь грохот дизеля и полутьма давали обманчивую иллюзию надежной норы — если сидеть тихо, никто не увидит, не услышит...

Может быть. Но только в том случае, если бы зачисткой занимались не профессионалки, а какое-нибудь из ныне существующих добровольных обществ содействия армии и полиции — бестолковая банда юниц, ничего толком не умеющих.

Прятавшийся был где-то тут. И обнаружить его надо было так, чтобы он не заподозрил, что его обнаружили, — иначе откроет пальбу. И так, чтобы он не совсем потерял голову от страха, не то дело кончится той же пальбой. Ольга двигалась медленно, давая глазам время привыкнуть к полутьме. За дизелем? За баком? За теми вон ящиками? Сверху на стропилах?.. Где??!

Внезапно нырнув в Вязкий мир, она сделала в нем два шага и сейчас же вынырнула, готовая к бою. Сдвоенный хлопок воздуха ударил по ушам прячущегося. Элементарная провокация удалась: кто-то небольшой, выскочив из-за дизеля, с воплем рванул в дверной проем. В первое мгновение Ольга с облегчением поняла, что прятавшийся не был вооружен. В следующее мгновение она удивилась: это был мальчишка, эксмен лет десяти-двенадцати. Выходит, зейнабистки крадут и малолеток?

В третье мгновение Ольга рванула напролом через Вязкий мир, сообразив направление и дальность нырка, оптимального для перехвата. Если позже выяснится, что зейнабистки, паче чаяния, успели превратить мальчишку не только в раба, но и в наложника — ну что ж... приказ ясен. Но пока эксмена-не-

дорослого надо было брать живьем — и как «языка», и просто потому, что бессмысленное убийство претит всякому человеку.

Расчет оказался верным: вынырнув, Ольга не успела даже осмотреться, как мальчишка налетел прямо на нее, чувствительно угодив головой в солнечное сплетение. Заверещав, брызнул прочь заячьим зигзагом. Стой! Стой, поганец, все равно поймаем!..

— Мама! Ма-а-а-ма! — У мальчишки прорезался голос.

Мама? Какая еще мама? Кинувшейся вдогонку Ольге понадобилась секунда, чтобы понять, а поняв, передернуться от отвращения прямо на бегу. Этот мелкий спринтер был родным сыном одной из здешних сектанток — тайно рожденным ребенком мужского пола, скрытым от общества вопреки закону!

И в эту самую секунду мальчишка, уже почти схваченный поперек туловища, исчез с оглушительным хлопком, заставив Ольгу пробежать сквозь пустое место. Второго хлопка она не услышала.

Потрясение оказалось слишком сильным. Задыхаясь, как после рекорда, хотя пробежала всего ничего, Ольга без сил опустилась на подтаявший унавоженный снег. Весенняя небесная синь ворвалась в глаза. Слепило солнце. Где-то поблизости после малой паузы вновь зачирикали какие-то птахи. У птах были свои дела.

Потом над Ольгой возникло озабоченное толстощекое лицо Галки Васюкевич.

— Ранена? Куда?

Ольга замотала головой, показывая: цела, мол. «Делом займитесь!» — крикнула Галка подбежавшим было рядовым, и те, ограничившись любопытными взглядами, вновь рассыпались по усадьбе.

— Ну? — Галка бесцеремонно встряхнула Ольгу. Заглянула в глаза, присвистнула. — Что случилось?

— Эксмен, — отрывисто доложила Ольга, пытаясь прийти в себя и понимая, что выглядит сейчас, наверное, как сумасшедшая. А может, она и впрямь сошла с ума? — Мальчишка... Прятался в генераторной. Он... Он...

— Дальше! — безжалостно потребовала Галка. — Что он? Удрал? От тебя — и удрал?!!

— Он телепортировал, — решившись, выдохнула Ольга. Сейчас же ей представилась уютная психиатрическая лечеб-

ница, процедуры, стены «теплых» тонов, ласковые врачи и суровые бабищи-санитарки, напрактиковавшиеся в усмирении буйных.

— Куда телепортировал? — по-деловому осведомилась Галка.

— Кажется, никуда... — От жалости к себе Ольга всхлипнула.

— Отставить сопли! Второй хлопок был, нет?

— Не было...

— Значит, он либо ушел в подвал к мамаше, либо остался в Вязком мире. В любом случае — труп. Ну и чего ты раскисла? Вставай!

Ольга кое-как поднялась на ноги. Ее бил озноб.

— Ты не поняла. Он...

— Я поняла, — перебила Галка. — Эксмен телепортировал. Дальше что? Бывает. Кричать только об этом не надо направо и налево. Не рекомендуется. Прими к сведению, а лучше всего забудь. На-ка, хлебни глоток.

Жидкость из фляги ободрала горло, как наждак. В пищеводе, казалось, взорвалась напалмовая бомба. Ольга закашлялась и принялась дышать.

— Ром, — с удовольствием пояснила Галка. — Дрянной, зато восьмидесятиградусный. Иногда очень способствует бодрости духа.

— Да... Но...

— Приди в себя, стыдно. И запомни: ты не свихнулась. Легенды о телепортирующем эксмене, в сущности, не легенды. Да, некоторые из них умеют телепортировать. Их очень мало, единицы, а наша забота, чтобы их не было совсем. Усекла?

— Не очень... — Ольгу по-прежнему трясло, но тон подруги-начальницы действовал благотворно. — Как же они с игрек-хромосомой...

— А это вторая легенда, — усмехнулась Галка, несколько понизив голос. — Я имею в виду насчет игрек-хромосомы. Очень полезная легенда, а значит, святая правда. Вход в Вязкий мир запрещен эксменам самой их биологической природой, и они это знают. То есть верят в это, что одно и то же. Если бы не верили — ты представляешь, что было бы? Строго говоря, и нам с тобой знать правду совсем не обязательно, не нашего она уровня... Так что считай, что тебе померещилось, и не распространяйся об этом инциденте. Это и в твоих интересах, и в общественных. Договорились?

— Да, — сказала Ольга. — Да. Конечно. Но как же все-таки они?.. Как это у них получается, а? Как?!

— Не ори. Не твоего ума это дело. Да и не моего тоже. Ты что, давала подписку о неразглашении?

— А ты?

— Не городи чепухи. — Взяв Ольгу за лацканы, Галка еще раз тряхнула ее для пущей убедительности. Мотнулась голова. — Если бы такая подписка существовала, то она сама по себе являлась бы совершенно секретной. Забудь. Ничего не было, тебе все померещилось, я понятно говорю?

— Да, но...

— И свое «но» ты тоже забудь. Соберись, сержант, рядовые смотрят.

И Ольга собралась. Несколькими минутами позже она уже могла натужно пошутить над своим испугом. Да, она переутомилась до галлюцинаций, в чем нет ничего удивительного: работы масса, а отдыха не дают, вот воображение и играет с людьми в дурные игры. Ну конечно, того, что она видела в воображении, ни в коем случае не могло быть наяву!..

Лишь наедине с собой, да и то не без усилия, она могла признаться: это неправда. Правда совсем другая.

Безжалостная. Хохочущая в лицо. Осведомляющаяся голосом полковника Фаустовой о пережитом в детстве ужасе — откуда она могла о нем знать?! И вообще, с каких пор Департамент интересуют детские кошмары?.. Ответ был на ладони: с тех самых пор, как они случаются в реальности.

И было обидно оттого, что простой и понятный с детства мир оказался сложнее, чем прикидывался. Приподнялась завеса, и за ней не оказалось места ни разуму, ни справедливости. Мир издевался над Ольгой Вострецовой. У него оказались невидимые прежде зубы второго ряда, но пока он не пытался укусить ими. Он их просто скалил.

15

— Э-эй, караульные! Эй! Эй! Оглохли?..

Колочу в дверь. Если таким манером ежедневно упражнять кулак, то через год я научусь разламывать пополам дубовые столы, валить нестарые деревья и нокаутировать быков-рекордсменов. Но эта дверь почище любой дверцы сейфа — тут нужен либо алмазный бур, либо динамит.

— Заснули вы там? Эй, вы! Конец света проспите!

С той стороны никакой реакции. На-до-е-ло! Телепортировать, что ли, сквозь дверь?.. Нет, оставим это нездоровое развлечение на крайний случай. За своеволие, может, и не подстрелят, но изобьют. Не драться же мне с караульными — тогда уж они меня подстрелят наверняка. Не насмерть, а так... продырявят мякоть, чтобы задумался. Хотя еще неясно, какие у них инструкции от Иоланты — может, и насмерть.

Не иметь никакой информации — вот что хуже всего. Информация у меня только одна: до вычисленного момента нападения чужаков на Землю осталось меньше суток. И даже существенно меньше — от силы часов пятнадцать. Я, конечно, понимаю, что главнокомандующей сейчас не до меня, — но генерал-поручик Сивоконь? Ей-то прямой резон продолжить общение со мной, вытряхивая из меня душу допросами и изнуряя медициной. В конце концов, кто в ответе за ту гипотезу, согласно которой я все тот же эксмен Тим Гаев, а не чужое послушное орудие, пятая колонна инопланетных интервентов? С кого в случае ошибки снимут стружку, если не голову?

Само собой, при условии, что будет кому снимать и с кого.

Ба-бах!..

Вместо того чтобы отпереть дверь, одна из караульных попросту телепортирует ко мне в камеру. От неожиданности я шарахаюсь в сторону.

На щекастом лице караульной ни тени презрительной ухмылки — одно раздражение:

— Без глупостей! Почему шумишь?

— Я хочу поговорить с командующей.

— Не приказано.

— Тогда с генерал-поручиком Сивоконь!

— Не приказано. — И караульная явно собирается телепортировать обратно.

— Тогда с комендантом базы. Имею важные сведения. Что, тоже нет? Ну хоть с караульным начальством. Ведь есть у тебя какое-нибудь начальство, да? Что смотришь?

Я знаю, отчего она так смотрит на меня. Решает вопрос: а не съездить ли мне по зубам за наглость? Хуком справа?

Да здравствует выдержка — решение принимается в защиту моих зубов.

— Доложу.

С громким хлопком она исчезает. А я сажусь в уголке прямо на пол и начинаю ждать. Настроение мое, прямо скажем...

вот-вот. Оно самое. Очень плохое, если перевести на ту лексику, за которую полицейские не бьют резинкой по голове. Мне надоело одиночество. И предчувствия у меня скверные.

Сказал бы мне кто еще позавчера, что я устану не от допросов, а от ничегонеделанья, — я попросил бы вызвать санитаров такому шизоиду... А как за меня взялись вначале! Рьяно и бестолково, растерянно и яростно, без четкого плана, зато форсированно. Человек или не человек? То бишь, пардон, эксмен или не эксмен? Может, орудие чужаков для вскрытия лунной базы — вроде консервного ножа?

Душу вымотали. Ни поспать вволю, ни поесть всласть — обязательно помешают. Даже успел привыкнуть. И вот на тебе — никто меня не беспокоит уже вторые сутки. Я никому не нужен.

Ну никак они не ожидали заполучить одного меня! Расчет творцов «Эгиды» строился на зыбкой надежде захватить чужой корабль. Изучить технологии. Понять, кто такие чужаки и чего им надобно. Поймать за шкирку хотя бы одного паршивца и подвергнуть чудесам земной науки. Для пользы и в назидание.

Вышло — на кота широко, на собаку узко. Опасности для человечества больше не существует, в чем космофлот скоро убедится, — а дальше что? Никаких инопланетных технологий люди не получили. Даже я сам, с точки зрения земной медицины, каким был, таким и остался. Что ценного привез? Пшик. Чуть-чуть малополезной информации.

А на Земле — разруха и беспорядок. В том, правда, не моя заслуга, но какая разница? Вину полагается на кого-то свалить, а я как раз очень удобный стрелочник. Разумеется, во всем эксмены виноваты! А как же иначе!

Сижу и рычу сквозь зубы. Нарочно злюсь на себя. Очень трудно быть реалистом и не верить в то, что Иоланта Сивоконь выполнит все условия нашего уговора. Я и не верю. Эмоции эмоциями, а элементарная логика против. Логика подсказывает, что выгоднее всего меня по-тихому устранить. Как телепортирующий эксмен я по-прежнему опасен, а главное, уже не нужен.

Меня, конечно, спишут. Вопрос первый: когда? Вопрос второй: как? Вопрос третий: что я могу возразить на это?

Попытаться опереться на Присциллу О'Нил? Но кто я для нее? Не более чем инструмент, при помощи которого сделана

некоторая работа. Возможно, она предпочла бы положить инструмент в ящик до следующего случая, она бережно относится к инструменту, но если на нее надавят, она пожертвует мной без больших сожалений. Я не особенно ценный инструмент. Умею телепортировать — подумаешь, редкость! При острой необходимости можно найти добровольцев иного пола и как следует их замотивировать. В моменты кризисов человеческая жизнь дешевеет. Почему бы не пожертвовать пятаком вместо гроша. Принципиальна ли разница?

Судьба немногих пилотов-эксменов, оставшихся в живых после Ананке и Цереры, в сущности, та же самая. Довольно опасных экспериментов, гроза миновала, пора вернуться к привычному порядку вещей! Эксмены-строители в космосе — это еще куда ни шло, но эксмены-пилоты? Спасибо, нет. На том стоит и стоять будет Земля, как на спинах мифических слонов. А ты, ущербный, знай свое место!..

Мое место мне покажут очень просто. Войдут и без лишних слов изрешетят меня, как дуршлаг. Одна надежда на то, что главнокомандующая захочет меня видеть. Я должен доказать ей, что еще на что-то гожусь.

Проходит час ожидания — и все зря. Никто не хочет меня выслушать. Красноречивое молчание...

Удрать из своей камеры через Вязкий мир я, конечно, могу, это не проблема. Будь я на Земле — так и поступил бы, не усомнившись ни на минуту. Рванул бы когти. По-простому: нырнуть сквозь дверь и обезвредить охранниц, их там не больше двух. Неужто не справлюсь? Они и оружие навести не успеют, у них же, несмотря на тренажеры, мышечная дистрофия от долгой службы в условиях малой тяжести, а у меня позади как-никак семь месяцев жизни при трех каждодневных «же». Мне же сидеть тошно, по стенам хочется бегать! Справлюсь.

Да, но я почти не знаю топографии базы. База — та же тюрьма, только большая и запутанная. Тьма подлунных ярусов, шахты, лазы, паутина коридоров. Найти путь к стартовым шахтам, прорваться, угнать какую-нибудь посудину, способную к посадке на земную поверхность? Вероятность удачи ноль целых ноль десятых, а сотые мы рассматривать не будем... На самом деле нет и сотых: во-первых, я умею управлять только капсулой, а во-вторых, меня двадцать раз собьют. Нет, это не выход.

Выход из мышеловки там же, где и вход, я это давно понял. Но без содействия Присциллы мне никак не обойтись.

Жду. То ли пули, то ли еще чего. И когда дверной замок громко лязгает, я наготове: могу в долю секунды уйти в Вязкий мир, заставив караульную пустить автоматную очередь в стену. Авось угодит под собственный рикошет.

— Встать. Руки за спину. Пошел.

Ага, значит, расстрел откладывается... А впрочем, меня могут просто-напросто ввести в шлюз, огреть сзади по башке, выйти и обнулить давление. Это самый простой способ, а вообще-то их великое множество. Особенно на Луне. Человек пока еще не продвинутый чужак, чтобы обходиться без атмосферы...

О! Знакомая дорога. Выходит, все-таки к Присцилле?

Так и есть, ее кабинет. И Иоланта тут как тут.

— Эксмен Гаев по вашему приказанию доставлен, мэм.

— Свободна. — Конвойная улетучивается, а Присцилла О'Нил обращает взор на меня. — Ну? Какие такие важные сведения ты имеешь?

Ответ у меня заготовлен заранее:

— Виноват, госпожа, я сказал «соображения», а не «сведения». Вероятно, ваши подчиненные перепутали... — Я без зазрения совести клевещу на моих караульных, ибо ставка в этой игре для меня чересчур высока. — Чужак сказал мне, что я принят в игру. Еще он сказал, что нет нужды привлекать к игре других особей моего вида. Из его слов и еще этих... мыслеобразов я понял, что чужаки намерены оставить Землю в покое... Да что там, я голову ставлю в заклад, что так оно и есть! Но все же, если мне будет позволено высказать свое мнение, я скажу, что определенная страховка не помешает...

— Ты же голову ставишь в заклад! — раздраженно бросает Иоланта.

— Да, госпожа, — отвечаю я смиренно. — Но велика ли цена головы эксмена, госпожа?

На это ей нечего возразить.

— Ну хорошо. Что ты предлагаешь? — Это Присцилла.

Переминаюсь с ноги на ногу и делаю вид, будто страшно испуган за судьбу дела. Это дается непросто — за судьбу Земли я уже отбоялся за десятерых, больше в меня не лезет.

— Прошу разрешения принять участие в поиске цели и

вступить с нею в контакт в случае... в случае нештатной ситуации.

Настолько глупо, что даже не смешно. Обнаружение чужака — уже нештатная ситуация!

Но, кажется, начальство улавливает в моих словах резон. Присцилла и Иоланта переглядываются.

— Желаешь еще послужить? Похвально.

Изображаю, будто страшно доволен. Присцилла почему-то избегает смотреть на меня. Ой, не нравится мне это...

— Рад стараться.

— Пойдешь в первой разведывательной группе. Старт через пятьдесят минут. Полетное задание получишь перед стартом. Удачи, пилот!

— Спасибо, госпожа!

Мои караульные остались без дела. Младшая адъютантесса Присциллы, затянутая в портупею, как призовая лошадь в сбрую, ведет меня куда-то, даже не оборачиваясь. Меня больше не опасаются. По крайней мере, демонстрируют, что не опасаются.

Это уже немало. Но такого рода намекам я предпочел бы возвращение на Землю и реальную гарантию безопасности.

Увы, чего нет, того нет. Наоборот. Если мне не изменяет чутье, сейчас я нахожусь в большей опасности, чем во время «Эгиды».

Лифт возносит нас на минус девятый ярус. Тут я еще не был. Ага, это так называемая шахтовая штольня — сюда выходят основания стартовых шахт, и каждая «заряжена» боевой капсулой. Все очень похоже на то, что было на Ананке, почти стандартный проект, только штольня тут подлиннее и наверняка не единственная. Еще бы — главную лунную базу строили основательно и с размахом. Надо думать, тут может укрыться весь космофлот Земли. Сейчас — точно может. Не уверен, что потери у Ананке и Цереры уже восполнены.

Гул и грохот — эксмены в серых робах, очень похожие на цепочку рабочих муравьев, катят по рельсам тележки с топливом и боеприпасами. Подвесные топливные баки столь же осторылы, как и боевые ракеты, хотя космической пустоте нет никакого дела до аэродинамики. Просто дань традиции. Спроси любую госпожу инженера, и она, если снизойдет до ответа, искренне удивится: с какой стати должно что-либо меняться? Разве это хорошо? Спроси офицера, политика, чиновницу,

педагогиню, модную писательницу вроде Элеоноры Жаховой — и почти наверняка услышишь то же самое: с какой стати? Разве стабильность — не благо?

Потому-то мы проиграли бы чужакам вчистую, если бы дело дошло до генеральной баталии на ближайших подступах к Земле. Это знает каждый эксмен.

Да, но мы угробили бы свою цивилизацию еще сто лет назад без всякого содействия чужаков, если бы не избавились от неуемной страсти изменять вокруг себя мир быстрее, чем можем приспособиться к изменениям. Это известно каждому человеку.

Возможно, это правда. Камо грядеши, человечество? Постой, не торопись, посиди на скамеечке...

И жди, посиживая, что кто-нибудь, подкравшись, огреет тебя дубиной. Не найдется дубины — ну что ж, банальное вырождение тоже не за горами. Полтора века матриархата — это же так мало, это еще детство! Придет и дряхлая старость. Посиди на скамеечке, человек...

— А где же моя капсула?

— Здесь нет ничего твоего. — Меня сейчас же ставят на место. — Та капсула, на которой ты вернулся, списана по выработке ресурса. Тебя ждет новейшая «Жанна д'Арк».

— Что? Я этой «Жанной» управлять не умею!

— Тот же принцип. Справишься. Ты ведь этого хотел?

Очень хочется облегчить душу ругательством. Но что толку?

— А полетный комбинезон?

— И так хорош. Все равно некогда искать и подгонять — взлет через тридцать минут. Полезай.

Здесь нет папиллярного замка — адъютантесса набирает код на крохотном пульте, и сегмент обшивки шахтового ствола отъезжает в сторону. Вот она, «Жанна д'Арк», боевая капсула нового поколения, о которой мне пока ничего не известно. Ну что ж, за оставшееся время постараюсь разобраться, что к чему...

Беглый наружный осмотр. Размеры капсулы внушительны, но по сути это тот же цилиндр плазменно-двигательной установки, только сверху на него надет не шар, а усеченный конус. Восемь ракет на внешней подвеске. Неплохо!.. Дюзы двигателей ориентации. Еще какие-то дюзы. Что-то новенькое... Ага, это двигатели бокового смещения. Полезная вещь, одобряю. Так... дополнительные топливные баки... а это что?

Странные какие-то захваты непонятно для каких целей. Ну ладно, они мне вряд ли пригодятся...

Так, а это что — шлюз? Точно, не просто люк, а настоящий маленький шлюз. Выходит, одна капсула данного типа может состыковаться с другой? Запомним...

Как ни странно, в рубке два ложемента — уступом. Правый выдвинут чуть вперед. Выходит, капсула двухместная? Один — пилот, другой... штурман, что ли? Быть того не может при мощном компьютере. Оружейник? Бортинженер? Или мне досталась учебная «спарка»?

Возможно. Но спросить не у кого — приведшей меня сюда адъютантессы уже и след простыл. Нет, наверное, у меня не «спарка»... Мне почему-то так кажется. Наверное, меня решено выпустить в полет одного... Почему, спрашивается?

А я ведь догадываюсь, почему...

Валюсь в ложемент и начинаю тестировать системы. Двигатели — норма. Топливоподача... так... задействована резервная система, а основная остановлена из-за возможной неисправности. Навигация — норма. Вооружение... невозможность пуска первой и четвертой ракет. Вот зараза! Ну и зачем они висят, если их нельзя выпустить?!!

Дальше, дальше... Управление — норма. Радары — норма. Жизнеобеспечение — норма. Связь — норма, но это стоит проверить прямо сейчас.

Дужка с наушниками и зернышком микрофона не претерпела никаких эволюционных изменений. Даже захват для нее в углу приборной панели точно такой же, как в моей старой капсуле. А как включиться в общую трансляцию?.. Ага, вот как.

Шумы, шорохи — и голоса. Грубые, эксменские, родные. Первоматерь моя Люси, сколько же времени я вас не слышал!

— «Жанна-14», отзовись. «Жанна-14», отзовись. «Жанна-14»...

— Швейк вызывает Присыпкина. У меня проблемы с тепловым режимом. В рубке очень жарко.

— Здесь Присыпкин. Сейчас прямо все брошу и побегу к тебе устранять. Потерпишь.

— «Жанна-14», отзовись...

— Ага, тебе бы такое! Тут у меня жара, как в сауне. А компьютер говорит, что все в норме...

— Ну и правильно говорит. Сауна для здоровья полезна.

Считаешь, что не вытерпишь — зови техников, а мне не мешай. Надоел.

— «Жанна-14», отзовись. «Жанна-14», отзовись...

Вроде голос какой-то знакомый... Нет, не могу распознать, чей.

— Эй, Батлер, слышишь меня? Это Фердыщенко. Твоя колымага в порядке?

— Тьфу-тьфу-тьфу! Даже удивительно.

— Не радуйся, это плохой признак. Будь начеку и чуть что — докладывай.

— Слушаюсь, мэм. Непременно, мэм.

Смешки.

— А в морду за «мэм» не хочешь? Сделай только милость, вернись живым...

— Докладывает Дымов. К старту готов.

— Докладывает Полайтис. К старту готов.

— «Жанна-14», отзовись...

— Докладывает Лажуа. К старту готов.

— Докладывает Магнессон. К старту готов.

— «Жанна-14»...

Ну что там эта «Жанна»? Отозвалась бы уж скорее.

Ох!.. А какой номер моей шахты — уж не четырнадцатый ли?

Лезу на карачках посмотреть — ну точно! «Жанна-14» — это я.

— Докладывает «Жанна-14», — торопливо бросаю я в микрофон. — Здесь Тим Гаев. К старту... еще не готов.

— Тим!.. Повтори! Кто говорит?

— Говорит Тим Гаев, — произношу я в микрофон уже спокойнее. — Готовлюсь к старту, готовность... три минуты.

Даже меньше. Дать команду задраить рубку и изучить расположение основных клавиш, вот и все, что от меня требуется. Эргономика тут немного отличается от той, к которой я привык, и мне понадобится время, чтобы освоиться с управлением до полного автоматизма. Зато все индикаторы выводятся на центральный обзорный экран, как и в моей старой списанной посудине. Уже проще.

— Не имею полетного задания, — добавляю я.

— Успеешь с заданием! Тим, это я, Мустафа! Безухов я! Не узнаешь?..

Мой ведомый? Жив?

Вспышка радости — знаете, что это такое? Как бы объяс-

нить... Примерно так: тебе вручают билет обязательной государственной лотереи для эксменов, удержав его стоимость из жалованья, ты делаешь вид, будто ничуть не разозлен, а потом подходит тираж, и на твой номер нежданно выпадает крупный выигрыш в полосатеньких купюрах... Потом можно впасть в любое настроение, но первоначальная вспышка обеспечена.

Можно сравнить и с оргазмом. Немножко не то, но близко.

— Ты меня тоже не узнал, — ворчу я. — А где Хартрайт?

— Ты что, не знаешь? Сгорел Джо возле Цереры. Из стариков тут только я да Шпонька. Был еще Джингль, но у него аппендицит...

Вот как. Джо сгорел. И не он один. Из всей Четвертой эскадры остались жалкие очески — четверо из семидесяти двух. От остальных не осталось даже пепла. Кто-то прикрывал меня, кто-то изображал движущуюся мишень возле Цереры — почти никто не струсил, не повернул. Я знаю: не зря. Мы сами рвались в пилоты, держа в уме более чем вероятную гибель, но все-таки каждый надеялся на лучшее...

— Докладывает Вожеватов. К старту готов.

— Докладывает Пилар. К старту готов.

— Эй, все тихо! Тим, ты-то как жив остался? Что чужак? Ты его уделал, да?

— Нет, я был у него в гостях. Там все не так просто, как нам представлялось. Долго рассказывать. Но атаки на Землю не будет, это чужак твердо обещал...

— А тебя не надули?

Резонный вопрос.

— Вот слетаем и проверим, — отвечаю я. — У нас ведь разведывательный поиск, я прав?

— Более или менее, — кричит мне в ухо Мустафа. — У нас тут насчет чужаков разное говорят... В общем, мы идем впереди флота силами одной эскадрильи. Так сказать, боевое охранение. Короче говоря, в случае чего все неприятности наши.

— А когда было иначе? Ты дело говори.

— Докладывает Кестер. К старту готов...

— Замолкни! Тим, ты идешь в моем звене ведомым. Повторяю: ведомым. Держись за мной. Я командую, ты подчиняешься. Без обид?

— Без обид, — ворчу я, хотя мне все же немного обидно. Но с отвычки и в новой капсуле... Нет, все правильно.

Команда на задраивание. Лязг и шипение. С гулом встает

на место сегмент шахтового ствола, со смачным поцелуйным звуком присасывается крышка люка. Снова что-то лязгает. Стихло.

— Докладывает Гаев. К старту готов!

— Погоди, Тим... — В голосе Мустафы я слышу нотку сомнения. — Напомни-ка мне: кем я работал на Земле?

— Кончай свои проверки, дояр! Коров ты доил!

— Извини, Тим...

— Извиняю.

— Понимаешь, не поверил я сразу... Ты бы на моем месте поверил? Мы думали, пропал ты, а оно вон как обернулось...

— Всем молчать, пожалуйста! — перебивает новый голос. У него странный пришепетывающий акцент. — Вниманию вновь прибывшего: говорит Онодэра, командир эскадрильи. Рад приветствовать в составе своего подразделения Тима Гаева. Это честь для меня. Уверен, что каждый из нас исполнит свой долг. Да пребудет с нами великий дух Первоматери Аматэрасу-но микото!

Это что-то новенькое. Хотя я что-то слышал насчет национальных особенностей общемирового культа Первоматери. Если у японцев она не Люси, это только их проблемы.

И сейчас же начинается:

— Безухов, Пилар, Гаев — готовность!

Наше звено стартует первым. Ну что ж, тем лучше.

Текут секунды. Капают, как вода со сталактита. Кап-кап. «В двадцать четыре часа набиралась десертная ложка». Откуда это? Из какой тайно прочитанной книги?

— Присыпкин, Швейк, Полайтис — готовность!

— Говорит Швейк. У меня аварийный останов топливной системы.

— Переключайся на резервную. Не суетись, успеешь.

— Я уже на резервной! Плюс перегрев рубки. Сбрасываю программу... Все, ребята, я вне игры. Удачи!

— Черт с тобой, оставайся. Скажи от меня техникам пару ласковых...

— Фердыщенко, Батлер, Магнессон — готовность! Сорель, Мерроу, Оболт-Оболдуев — готовность! Безухов, Пилар, Гаев — старт!

Глухо лязгают замки, освобождая титановый цилиндр. Луна не Ананке — тут есть сила тяжести, и давления воздуха в шахте не хватает, чтобы вытолкнуть капсулу. В дело вступают

твердотопливные разгонники. Выгорев, они отстрелятся, преумножив количество рукотворных предметов на поверхности естественного спутника нашей планеты. Что всегда охотно преумножается, так это мусор.

Перегрузка пока что ничтожна — семь-восемь десятых «же», не больше. Чернота на обзорных экранах. Ан нет — вот он, серп Земли! Повис над головой. А поверхность Луны серо-черная. Ну да, верно, сейчас ночь. Солнца не видно. Правее и левее меня клубится подсвеченная ракетным выхлопом лунная пыль и со дна какого-то из лунных морей растут дымные щупальца — это стартовали капсулы Мустафы Безухова и незнакомого мне Пилара. Нас ведет автоматика. Когда надо будет переключиться на ручное, мне скажут.

Ну здравствуй, чернота! Небось соскучилась без меня? А я без тебя — нет. Совсем. Ты не в претензии?..

Ну и правильно. Ты всегда возьмешь свое. Что тебе сердиться по пустякам. А я бы много отдал, чтобы еще раз увидеть земное небо, и не обязательно даже голубое. Можно серое, низкое, с косым дождем. Хоть с градом, хоть с песчаной бурей. Лишь бы земное.

Гул и вибрация — включаются основные двигатели, а разгонники отстреливаются с ощутимым толчком. Перегрузка мало-помалу растет. До земного неба мне еще далеко, но зато я вижу, как вспыхивает лунный горизонт, как на дно лавового моря ложатся длинные пальцы теней далеких гор и как над зазубренной горной цепью поднимается ослепительный краешек Солнца...

Неплохое начало. Увертюра, будем считать, сыграна. А какова будет моя роль на этой сцене — статиста или ведущего актера — увидим.

16

Семнадцать капсул. Искорки среди звезд. Гораздо удобнее переключить обзорные экраны на локационный режим и наблюдать за развернувшейся для боя эскадрильей в трехмерной графике, но пока хорошо и так. Слева повис серп Луны, справа серп Земли, а между ними плывут светящиеся пылинки. Одна заметно отстала, и некий Вожеватов ругается в эфире на чем свет стоит. У него проблема с управлением двигательной установкой: включается либо самая малая тяга, либо, наоборот, форсажный режим — и никакой золотой середины.

Кончив изрыгать проклятия по адресу «Жанны д'Арк», Вожеватов клятвенно обещает вскоре догнать нас. Онодэра, поколебавшись, рекомендует ему перезапустить бортовой компьютер. Вожеватов с ядом в голосе благодарит «уважаемого сэнсэя» за ценный совет, но отказывается ему последовать, мотивируя это тем, что после перезапуска обязательно вылезет еще какая-нибудь гадость, а так можно хотя бы продолжать полет.

Мы идем в строе фронта. Без эшелонирования, если только не считать вторым эшелоном приотставшего Вожеватова. Шестнадцать капсул. Единственная, хотя и сильная, эскадрилья, укомплектованная эксменами. Если мы внезапно натолкнемся на барьер, то сгорим в течение нескольких секунд, успев, быть может, выпустить часть ракет в белый свет как в копеечку.

Для того мы и посланы. Мы даже не первый эшелон в боевом развертывании — мы разведчики. Пробные камешки. В десяти тысячах километров позади нас разворачиваются в боевой ордер основные силы космофлота — пять боевых эскадр. Две в первом эшелоне, две во втором плюс резерв и тыловое охранение. Поднято все, что летает. Сотни капсул. Два крейсера — те еще монстры. Пять корветов, включая «Магдалену». С десяток боевых кораблей поменьше. Дистанционно управляемые платформы с гамма-лазерами. Постановщики активных и пассивных помех. Подняты даже наспех вооруженные транспорты, неповоротливые и громоздкие чудовища, похожие на вымершего ленивца мегатерия, трогательно пытающегося оскалить зубы, — авось и эти гробы не окажутся лишними!

Лишнего быть не может. Если нас начнут жечь, корабли основной волны устелят путь перед собой тысячами ложных целей. При стремлении уничтожать все подряд, присущем чужакам, у космофлота есть реальный шанс на победу. Разумеется, при том условии, что атака чужаков не окажется чересчур массированной.

Еще час назад я был твердо убежден, что никакой атаки не будет, — теперь у меня нет такой уверенности. Достаточно включить задний обзор и поглядеть на то, что творится позади нас. Не шуточки. Мощь. Идет армада. Похоже на то, что после двух сражений Земля успела восполнить потери и, наплевав на экологию, обеспечила не менее десятка космических запусков в сутки. Да и что еще оставалось делать?..

— Гаев, держи строй!

И верно — я отвлекся и несколько вырвался вперед. Понемногу убираю тягу. Сейчас меня догонят.

Догнали. Чуть-чуть прибавляю. Вот так, нормально...

Дежа вю. Точно так же мы развернулись фронтом при Ананке. Точно так же кто-то отстал, кто-то вывалился из-за технических проблем, а остальные держали строй, хотя в глубине души каждому из нас отчаянно хотелось развернуться и дать полный газ. Мне и теперь хочется это сделать. И Мустафе хочется. И любому. Но кому какое дело до того, что нам хочется — важно то, что мы делаем!

— Ребята, не Земля ль за нами? — шутит кто-то.

Не смешно. Хотя по существу и верно — земной серп мало-помалу тончает и перемещается за корму. Зато шутник верно заметил одно из двух отличий данной операции от двух предшествовавших: позади нас не какой-то задрипанный спутник Юпитера, не астероид, а сама Земля. Есть и второе отличие: впереди идет лишь одна эксменская эскадрилья вместо былых шести. То ли Присцилле не разрешили продолжить опыты с обучением эксменов, вспомнив бунт на Ананке, то ли не нашлось достаточного количества добровольцев, то ли еще что... Потом обязательно спрошу Мустафу о причинах — если «потом» для меня состоится.

— Гюнт, уйди с дороги. Займи свое место.

— Баскервиль, это ты, что ли? Сам займи свое. Я на месте.

— Вся рота не в ногу, один ты в ногу. Проверь локатор, прогони тест...

Перебраниваются где-то на фланге, мне не мешают ни их разговоры, ни их маневры. Разгон окончен, и наступает невесомость. Наша скорость относительно Земли немного меньше параболической. Сейчас мы идем к апогею по резко эксцентрической орбите. Если ничего не предпринимать, мы вернемся к Земле недели через три — наверняка в виде синюшных трупов. Не хватит запасов воздуха.

До вычисленного момента контакта с барьером остается сорок одна минута. Скачут на таймере секунды и десятые доли секунд...

Да что я трепыхаюсь, в конце концов! Нет перед нами никакого барьера — лишь чернота да звезды. И несколько десятков запущенных туда беспилотных аппаратов, не нашедших

ровным счетом ничего. Космическая армада готовится защищать Землю от пустоты.

Ну и правильно, конечно. На месте главнокомандующей я бы тоже развернул все наличные силы. Доверяй, но проверяй — это аксиома. Чужаков проверяй сугубо.

— Мустафа, это Тим, — подаю я голос. — А где Шпонька? Он что, переквалифицировался в пилота? Что-то я о его старте не слышал...

— Тим, он тут, со мной. — Мустафа явно удивлен. — Тебе от него горячие приветы. Он по-прежнему техник, теперь, правда, не только по системам связи, но и по всему судну. А что?

— Так, — говорю я, косясь на пустой ложемент слева от меня. — Ничего особенного. Ты хоть с напарником, а мне одному скучновато...

— Одному?.. — Мустафа замолкает.

— Ты не ослышался.

И сейчас же врывается раздраженный женский голос:

— Приказываю не забивать эфир посторонней болтовней!

— Тим, я тебя не слышу! — Мустафа вдруг начинает кричать. — Помехи на частоте. Повторяю: сильные помехи!

— Мустафа, плохо тебя слышу — помехи, — вторю я, сообразив, чего он хочет. — Плохо слышу тебя, сигнал уходит...

В наушниках и впрямь раздается шум да еще какое-то курлыканье. Очень правдоподобно. Любопытно знать: Шпонька сам смастерил генератор или умудряется извлекать помехи из штатной аппаратуры? Не зря его базовая специальность — техник корабельных систем связи.

— Тим! — Мустафа издает смешок, едва слышимый сквозь шум. — Помнишь Ананке? Сколько виндклозетов в нашем сортире было неисправно? Стой, не отвечай! Возведи это число в куб, вычти из него э... количество бородавок на носу Шпоньки, раздели пополам и переключись ниже на столько же мегагерц.

— Приказываю оставаться на частоте! — взвизгивает сквозь помехи раздраженный голос, и больше я его не слышу. Переключился. Если я ничего не забыл, то на момент прибытия Мустафы на Ананке в нашем сортире не действовала лишь одна клоака, вторая справа, а на носу у Шпоньки не было никаких бородавок... Может, теперь появились? Нет, Мустафа должен это учитывать. Один в кубе минус ноль будет один. Пополам — одна вторая. Пятьсот килогерц. Проще не придумаешь, но нас еще поищут по диапазону! Безухов отнюдь не

глуп: сообразил указать именно те числительные, на которые ни одна женщина не обратит ни малейшего внимания. Ну какое, скажите, ей дело до носа Шпоньки? А до эксменского сортира на дальней базе?! Нашу частоту можно найти простым перебором, но искать нас будут прежде всего на разницах частот, кратных мегагерцу, а не его половине. Самые простые хитрости — самые действенные.

Теперь мы можем спокойно поговорить какое-то время... Хитрец Мустафа сразу переходит с интерлинга на русский... Если нас и отследят, то еще не факт, что сразу разберут, о чем мы беседуем. Я ощущаю мимолетное сожаление о том, что мы с Мустафой не принадлежим к какому-нибудь забытому Первоматерью национальному реликту, чей язык в лучшем случае известен двум-трем академикам от лингвистики. Русский все-таки достаточно распространен.

— Тим, тебя выпустили в полет без техника?

— Совершенно верно. А на что он мне сдался?

Голос Мустафы очень серьезен:

— Тим, мне не нравится мне это... Ты уже летал на «Жанне»?

— Когда бы я успел? — фыркаю я в ответ. — Первый полет.

— Тем хуже. Понимаешь, «Жанна» — это гроб. Катафалк. В эти капсулы сажают только эксменов. Пилотессы боятся их до визга... Были случаи неповиновения. Тим, это металлолом! Вся надежда на дублирующие цепи, потому что не одно, так другое откажет обязательно. Чего только в «Жанне» нет, кроме одного — надежности... Тим, у меня полголовы поседело, и это не после Ананке и Цереры — это после первого полета на «Жанне»! Хорошо, рубка просторная, есть куда посадить техника. Так и летаем: один рулит, другой чинит...

Кошу глазом на пустой ложемент слева от меня. М-да... Стоит возникнуть подозрению, как оно только радо окрепнуть.

— Спасибо за информацию. Так ты думаешь, что...

— Тим, шанс у тебя есть. Будь очень осторожен. Управляй нежно, «Жанна» ковбоев не любит. Ничего не дергай, не форсируй, не включай ничего лишнего...

Бодро и деловито, явно стараясь не позволить мне впасть в панику, Мустафа рассказывает о том, чего я не должен делать ни при каких обстоятельствах, если хочу сохранить телесную целостность, и о том, что я могу себе позволить лишь в самом крайнем случае, а также о том, какие действия пилота счита-

ются относительно безвредными, то есть пока еще не приводили к фатальным последствиям.

В первую очередь нельзя регулировать систему жизнеобеспечения. Если ты поджариваешься или замерзаешь, если тебе дышится, как на вершине восьмитысячника, если замкнутая система водоснабжения не желает очищать мочу — терпи. Терпеливых в раю любят. Во-вторых, надо очень плавно менять режим работы двигателей, в противном случае возможен не только аварийный останов, но и колоссальный взрыв как финальный аккорд работы вразнос. Был уже не один случай. В-третьих, нельзя полностью доверять автоматике снижения и посадки, надо быть готовым мгновенно перейти на ручное управление, для чего надлежит предпринять такие-то и сякие-то действия, не забывая при этом о том-то и сем-то, и молиться, чтобы ручное управление тоже не отказало. Что совсем не исключено.

В-четвертых...

В-пятых...

В-десятых... Кончится когда-нибудь эта дефектная ведомость?..

Сравнительно надежна связь да еще радары. Более-менее приемлема автоматика пуска ракет, хотя все же был случай, когда ракета не вышла из захватов и закрутила капсулу волчком, — чудо, что все обошлось. Остальное, если верить Мустафе, собрано на живую нитку ради того, чтобы отрапортовать о выполнении оборонного задания, а на остальное — плевать. Редкостно «сырое» изделие. Макет.

Хотя, по словам Мустафы, задумана «Жанна» хорошо — вроде той каши, которую маслом не испортишь. И боевая мощь, и защита, и энерговооруженность у нее значительно лучше, чем у старых капсул типа «Валькирия». На этапе перевооружения ее можно было бы использовать в боях как капсулу-лидер, возглавляющую атаку на цель. Или как командирскую. Или даже как спасательную, поскольку она теоретически может сесть на земную поверхность, даже не обгорев в атмосфере. Но все это в том, конечно, случае, если бы тот, кто в ней сидит, не дрожал от страха в отсутствие видимого противника.

Зато эксмену-пилоту дрожать как бы и не положено. Он при всех своих примитивных инстинктах вознесен необычайно высоко и допущен до настоящего дела. Цена за это извест-

на: рискуй там, где не согласится рисковать полноценный человек. И все по-честному. Разве кто-нибудь жалуется? Мы все добровольцы, прошедшие отбор. А могли бы остаться просто грязными животными — спасибо Присцилле за дальновидный хозяйский подход!

Мустафа заканчивает торопливой скороговоркой и начинает тяжело дышать. А я глубоко задумываюсь над вопросом: был ли мне в капсулу подсунут «сюрприз» — или Иоланта рассчитала, что в отсутствие техника да на незнакомой капсуле мои шансы вернуться на базу и без того близки к нулю?

Глупец я, вот что. Сидел взаперти и думал, что меня прямо в камере и шлепнут. Теперь ясно как день: я должен погибнуть от нелепой случайности, в которой никто не виноват. Мало того, что Иоланта не собирается выполнять свое обещание, — я ей вообще больше не нужен. Пристрелить меня, однако, нельзя — слишком популярен. Разговоры пойдут, возможен и бунт эксменов, заранее обреченный на неудачу, но все равно нежелательный. Присцилла этого не допустит, да и Иоланта должна помнить, что бунт на Ананке оставил не только эксменские трупы...

Все-таки интересно: если бы я сам не напросился принять участие в поиске цели, мне было бы предложено «еще послужить»?

Три против одного, что да. Я просто облегчил им задачу по собственному устранению. Наверняка на всякий пожарный случай существует подстраховка — документальная запись того, как я едва ли не умолял главнокомандующую выпустить меня в полет. Для отказа нет серьезных причин. Что ей, в самом деле, на короткой цепи меня держать в самое горячее время? В сейфе хранить? К себе привязывать?!!

Шанс у меня есть, тут Безухов прав. Не знает он только того, насколько он мал, мой шанс. Но сейчас поймет:

— Мустафа, мне хватит топлива, чтобы совершить посадку на Землю?

— Что?

— Ты слышал. Я напросился в этот полет только для того, чтобы смыться. Другой возможности не было.

— А операция?

— Какая, твою Первомать, операция! — ору я. — Нет больше чужаков, ушли они! Открыли в барьере форточку и пропустят сквозь нее Землю. Им больше дела нет до человечества!

— Да, но... нам говорили, что вероятность пятьдесят на пятьдесят...

— А вам не говорили, что вы недостойны называться людьми?!

— Понял... — отвечает Мустафа после секундной паузы. — При взлете у тебя была полная заправка?

— Не знаю. И не знаю, как проверить.

— Я знаю, но долго объяснять. Допустим, полная. Сколько внешних топливных баков — четыре? Значит, комплект. Жди, сейчас посчитаю...

Я жду. В последнее время я только и делаю, что жду. Даже сейчас.

Наконец снова прорывается голос Мустафы:

— Мне очень жаль, Тим... но нет. Я считал по себе, а ты потратил примерно столько же горючки, сколько и я. Если идти к Земле по наивыгоднейшей траектории, если по максимуму использовать торможение о воздух, чтобы только не сгореть, если садиться на экваторе, где ускорение силы тяжести все же чуть-чуть меньше, то... Тим, у тебя примерно восемьдесят девять процентов от полной заправки, а тебе нужно девяносто семь. С высоты в двадцать — двадцать пять километров ты будешь падать камнем.

Не буду. Если я пойду по наивыгоднейшей с точки зрения экономии топлива траектории, меня сожгут, не дав даже приблизиться к Земле. Позади идет армада — тот еще заградотряд.

Сглатываю комок в горле.

— Спасибо, Мустафа...

— Понимаешь, Тим, отстреленная рубка капсулы в принципе может опуститься на парашюте, но в наших «Жаннах» парашютов нет, сняли их...

Этого он мог бы и не говорить — и так ясно. Зачем эксмену парашют? Не вводи кого-то там в соблазн — это мы слышали. Старо, но мудро. Зачем же давать пилоту иллюзию того, что, дезертировав, он может спастись на Земле? Единственный его шанс на спасение — свирепо драться, атаковать противника там, где его увидел, и ни в коем случае не вываливаться из боя. В сущности, это шанс гладиатора.

Можно подумать, что я напросился в полет, чтобы продолжать играть в эти игры! Но что я могу поделать?

— Тим, ты уверен, что чужаки не нападут? — снова проби-

вается ко мне голос Мустафы Безухова, на сей раз очень неуверенный. — Не ругайся, просто скажи еще раз.

— Да. Сколько на твоем таймере осталось времени до встречи с барьером? На моем девять минут с секундами. Кто-нибудь докладывал, что видит цель? Уже пора бы.

За что я сразу полюбил конструкторов «Жанны д'Арк», так это за мощный радиолокатор дальнего действия. Пусть «Жанна» — рухлядь и катафалк, зато с хорошим обзором.

— Понял... Тим, возвращайся на прежнюю частоту. Доложишь о неисправности в топливной системе. Этот канал тоже оставь, но не пользуйся им до тех пор, пока я тебя не вызову. Разберешься, это просто. Больше ничего не делай. Поскучай немного и старайся казаться испуганным. Лады?

— Лады... Ты что задумал?

Нет ответа. Я занят — соображаю, как мне задействовать оба частотных канала. А, вот как... Действительно просто.

На прежней частоте сквозь шорох и курлыканье помех Онодэра отдает команды приготовиться к возможному огневому контакту, не зевать, не плошать и так далее. Помехи малопомалу исчезают — не иначе Шпонька осторожно подкручивает какой-нибудь верньер. Жаль, что я не могу сейчас видеть его хитрую и несомненно очень довольную собой физиономию.

На меня орут в два горла, но Онодэра вскоре затыкается, то ли опасаясь окрика, вредного для авторитета комэска, то ли попросту не желая подгавкивать начальству. В ответ я напряженным голосом докладываю о неисправности в системе топливоподачи — и ведь даже не очень вру: я действительно лечу на резерве.

На Мустафу тоже орут, а он бодро оправдывается в том смысле, что его действия были продиктованы необходимостью и он все подробно доложит по возвращении с задания. Орел. Я прямо горжусь, что когда-то имел его в своем подчинении. Орлята учатся летать — и ведь не без пользы!

— Безухов, держи строй.

Что такое?

— Сбой в системе управления, — докладывает Мустафа. — Пытаюсь исправить.

В наушниках слышно, как он вполголоса костерит Шпоньку, мешая унылые интерлинговские ругательства с сочными русскими оборотами.

Простым глазом ничего не видно. А трехмерная картинка, рисуемая компьютером по радиолокационным данным, показывает, что красивый рисунок из точек, сидящих в вершинах равносторонних треугольников, сбился: одна из точек быстро дрейфует в мою сторону.

Мустафа что-то задумал, это ясно. Надеюсь, бывший дояр знает, что делает. По-моему, он готовит какую-то авантюру, красивую и рисковую. Это в его духе. На Ананке только авантюрист согласился бы пойти ко мне в ведомые.

Ха, можно подумать, будто я сам не авантюрист! Еще какой. Подполье, костоломное шоу Мамы Клавы, бегство от спецназа, наглая торговля с Департаментом, безумная атака чужака с долгим пленом внутри последнего, наконец, добровольное участие в этом полете, из которого мне вряд ли позволят вернуться живым, — если это не авантюры, то я сторож при храме Первоматери. Тот факт,, что я пока еще жив и даже невредим, противоречит и логике, и теории вероятностей.

Нельзя сказать, что такое противоречие меня не устраивает. Но в полосе везения самое обидное то, что она рано или поздно кончается, сменяясь — чем?.. Ну правильно. Своей противоположностью. Полосу невезения мне не одолеть — слишком высоки ставки.

— Безухов, вернись на место!

— Я пытаюсь! — В крике Мустафы смешались раздражение и паника. — Не могу управляться. Прошу помощи!

Не верю ушам. Чего он просит?' За шесть минут до контакта с барьером? С ума сошел или просто запаниковал?

Объявить, что иду на помощь?... А не расстреляют ли меня, заподозрив подвох?

— Мустафа, это Гаев. — У меня очень недовольный тон. — Ты режешь мне курс. Возможно столкновение.

— Так подвинься!.. — истерически взвизгивает дояр.

Он хорошо играет. Забыл отпустить кнопку, так что мне прекрасно слышно, как он орет на Шпоньку и как Шпонька огрызается в ответ. На миг меня охватывает сомнение: а вдруг у них и вправду полетело управление?

Чуть-чуть трогаю сенсоры управления в подлокотниках.

— Я ушел с твоей дороги?

— Вроде да. Спасибо.

— Удачи тебе.

Мустафа только сопит в ответ.. Я уже вижу его простым

глазом, переключив экраны на иллюминаторный режим. Мне бы нервничать, а я только диву даюсь: ну и дура же эта наплывающая на меня «Жанна»! В стартовой шахте я неверно оценил ее размеры.

— Тим! Гаев!

— Слушаю.

— Я пройду довольно близко от тебя. Ты все-таки посматривай, не ровен час столкнемся...

Столкнуться мы, конечно, никак не можем: ясно видно, что капсула Мустафы пройдет метрах в ста пятидесяти за моей кормой. Реплика предназначена не столько мне, сколько тем, кто нас слушает и для кого радарные отметки от наших капсул уже фактически слились в одну, называемую групповой целью.

Неожиданно секунды на полторы-две капсула Мустафы украшается узким конусом слабо светящегося газа — сработал один из двигателей бокового смещения. Сейчас же от капсулы отделяются четыре продолговатых предмета, в коих я узнаю топливные баки, и, кувыркаясь, проплывают в полутора сотнях метров за моей кормой, уносясь прочь, в то время как капсула Мустафы уравнивает наши скорости. Нет, не совсем уравнивает.... Она медленно-медленно догоняет меня и, похоже, собирается пройти впритирку.

Он что, предлагает мне телепортировать к нему на борт? Очень любезно с его стороны, но это не решение задачи. А до гипотетического контакта с барьером остается уже менее двух минут. Как только командованию станет ясно, что никакого контакта с барьером за неимением последнего не состоится, оно запросто отправит на тот свет не только меня, но и тех, кто окажется поблизости.

Ракетой или подрывом заложенного в мою капсулу заряда взрывчатки? Гм. Я бы на их месте выбрал второе — надежнее. Любопытно знать, чем управляется взрыватель — радиосигналом или таймером?

Что этот дояр, столкнуться со мной хочет?..

Нервы! Самое главное сейчас — не притрагиваться к управлению. Я не знаю, что задумал Мустафа, и не намерен ему мешать, пытаясь помочь. Когда двое пытаются пропустить друг друга в открытую дверь, они, случается, сталкиваются лбами.

Он рядом и все приближается! Я едва успеваю заметить

краем глаза выдвигающийся манипулятор с захватом, как следует грубый толчок. Это не стыковка шлюзами, а только наружное сцепление. И нас сейчас же начинает вращать. Кружится на экранах звездная метель, ослепительным клубком проносится Солнце, похожее на шаровую молнию, появляется и исчезает удивленный серп Земли.

Еще толчки. Лязг и визгливый скрежет, словно по моей обшивке протащили длинную ржавую трубу...

— ...аев! Доложить обстановку! — Я узнаю голос Присциллы, как обычно, бодрый и строгий. — Гаев, почему молчишь? Немедленно доложи обста...

Две сцепившиеся между собой капсулы вращаются, и мои приемные антенны временами попадают в радиотень. Передающие, кстати, тоже, поэтому я повторяю несколько раз:

— Докладывает Гаев. Противник не обнаружен. Продолжаю выполнение задания. Докладывает...

— Гаев, где Безухов? Га... немедленно ответь, где Безуххх...

— Докладывает Гаев. Безухов в тысяче метров позади меня. Потерял управление, кувыркается. Прошу разрешения оказать ему помощь.

Кто-то хрюкает в микрофон. Это не Присцилла, это кто-то из наших. Им-то видно, что в километре позади меня никого нет. Кого-то это, наверное, злит, но кого-то и забавляет. Донесут, не донесут — не так уж это важно, в любом случае я вру только для того, чтобы выиграть время. Хотя бы несколько секунд.

— Гаев, приказываю отвернуть курсом семьдесят шесть — четырнадцать — сто три. Повторяю: приказываю немедленно отвернуть курсом...

— Прошу повторить, не понял.

— ...казываю немедленно...

— У меня проблемы со связью. Прошу повторить.

Сердится Присцилла, нервничает. Ее легко понять. В другой обстановке я, может, даже посочувствовал бы ей, но только не теперь. Ловлю себя на том, что злорадно ухмыляюсь. Что, съела мышку, кошка? Я с тобой еще поиграю! Нет для такой мышки, как я, большего наслаждения, чем оставить кошку в дурах.

— Тим, пора! — кричит Мустафа — Мы ужались!

Он не смеет прямо крикнуть мне «телепортируй», надеясь,

что моя соображалка еще при мне. Постараюсь его не разочаровать. Направление... Расстояние... Пошел!

Лиловый кисель Вязкого мира. Лиловая мгла. Лиловая смерть и лиловое спасение.

Удивительно, но я выныриваю с первой же попытки в тесной рубке, где Безухов и Шпонька вжались в ложементы так, словно собрались по ним растечься, и только мычат от удара воздуха по барабанным перепонкам. В тесном помещении это всегда довольно болезненно.

Переживут! Тем более что сами напросились. А теперь ходу, братцы, ходу! Потом поздороваемся!

Всклокоченный Шпонька на меня не смотрит — он сильно занят, управляя внешним манипулятором, язык высунул и дышать забыл. Мустафа кивает на занятые ложементы:

— Без плацкарты. Потерпишь?

— А то! Возьмешь на колени, дяденька?

— Вон Федька пусть тебя берет. А лучше ложись на пол.

— Я-то лягу... А вот ты уверен, что действуешь правильно?

— Если нет, то я уже совершил эту ошибку, — обрывает Мустафа. — На пол, кому сказано!

Приказ разумный, и я следую ему без пререканий. Правда, чтобы разместиться на полу, приходится извиваться, изображая собой червяка, издыхающего в страшных конвульсиях, но кто сказал, что достижение возможно без преодоления? Иного способа жить еще не придумано. Родился — терпи и выкручивайся. Родился эксменом — терпи сугубо.

— Ты когда в последний раз носки менял? — интересуюсь я, морща нос.

Как ни странно, Мустафа обижается. Мне приходится произнести несколько примирительных слов.

— Ты лучше скажи: в настройку системы топливоподачи влезал?

— Нет, — признаюсь я. — У меня и времени-то не было. Да и зачем?

— Твое счастье. Система настроена так, что по умолчанию топливо сначала расходуется из основного бака, а потом уже из подвесных. По-моему, это глупо, но тот, кто спроектировал эту глупость, возможно, тебя спас. Если у тебя внешние баки полны, то у нас есть топливо для посадки на Землю. Впритык, но есть. Сто три процента, если идти по оптимальной траектории. Федька, ты скоро?

— Готово! — выдыхает Шпонька. — Последний бак прицеплен... Ходу!

Мирок капсулы встает дыбом и летит куда-то кувырком — это резкий разворот. Мгновенно наваливается перегрузка, вдавливая меня в мелко вибрирующий рифленый пол в неудобной позе, мешая дышать, и сердце гулко и протестующе бьется в ребра, как птица в прутья клетки. Отпустите, мол, на волю.

— Поехали! — рычит Мустафа.

Помчались как ошпаренные — так будет точнее.

Полминуты.

Минута.

Не знаю, куда мы рванули, но очевидно одно: наши действия вошли в резкое противоречие с планами командования, и командованию уже все предельно ясно. Не знаю, успеют ли нас перехватить (и не хочу гадать — пусть будет что будет), но уж, во всяком случае, на оптимальную в смысле расхода топлива траекторию можно не рассчитывать. Не дадут.

Спасибо чужакам, спасибо барьеру, которого больше не существует! Благодаря ему у нас есть надежда. Пока Присцилла не убедится, что глобальная опасность благополучно миновала, она не рискнет отрядить на перехват сколько-нибудь значительные силы космофлота. Максимум — одно-два звена. И есть надежда, что одноразовые платформы с гамма-лазерами она побережет для чужаков...

Две минуты. Перегрузка примерно пятикратная, и терпеть ее несладко. Когда она вдруг резко падает до двух «же», я чувствую себя так, будто заново родился, причем с крыльями за спиной. Расправить бы их и вспорхнуть на насест.

— Ого! — вдруг произносит Мустафа со странной смесью удивления и удовлетворения. — Как ее раскидало — красота!..

— Кого? — сиплю я из-под его ног.

— Твою капсулу. Эх, жаль тебе не видно! В клочья, в брызги! Роскошное зрелище, фейерверк.

Значит, не ядерная ракета. Я оказался прав: в моей капсуле был заряд химической взрывчатки. Почему-то мне досадно, что я, по всей видимости, так никогда и не узнаю, каким способом он был приведен в действие — таймером или запоздавшей радиокомандой? И я делюсь с Мустафой своей досадой.

— Ну и дурак. — Вот и все его резюме.

— Как сказать. У тебя есть занятие, а у меня? Вот исчезнут глупые мысли — начну дрожать от страха.

— Начинай дрожать прямо сейчас, заодно ноги мне помассируешь. Затекли.

— Перебьешься.

— А ты и не сможешь. У нас эскорт. Приготовься, сейчас будет шесть «же».

По-моему, он нагло врет — врубил движок на все восемь...

17

В кромешной гулкой тьме слышались шорохи, дыхание, сопение. Иногда подобно взрыву петарды оглушительно бухал кашель, метался беспорядочным эхом, дробясь и отражаясь от стен штольни, и, наткнувшись вдали на преграду, возвращался не то медвежьим ревом, не то дьявольским хохотом.

Где-то внизу журчал ручей. Промерзлые стены штольни, потея, сочились непригодной для питья водой. Бугристые, как жабья кожа, малахитоподобные натеки жирно блестели в красноватых отблесках едва тлеющего костерка. Давно подошли к концу взятые сверху дрова, а едва оттаявшие стены и своды все еще не поддавались морозу, особенно здесь, вдали от центрального ствола. Эта штольня была пробита ниже уровня вечной мерзлоты.

Несколько человек дремали, закутавшись в шкуры. Прочим давно надоело это занятие.

— Третьи сутки пошли, — напомнил Гриша Малинин гундосым от насморка голосом, — и ничего.

— Вторые, — сейчас же поправил Гойко. — Часов двадцать пять — двадцать шесть, не больше.

— С чего ты взял? — строптиво оспорил Гриша. — Может, у тебя и часы есть?

— Есть. Внутри. И если они говорят мне, что с момента «ноль» прошло чуть больше суток, значит, чуть больше суток, и точка.

— А я не о том говорю, — сказал Гриша и шумно высморкался. — Пусть с момента «ноль» прошли сутки, мне-то что. Я о том, что мы тут сидим уже двое суток с лишним, а наверху хоть бы хны. Дядя Лева, а может такое быть, что наверху уже шарахнуло, а мы тут ничего не заметили, а?

— Может в одном случае: если нас уже нет, — сказал дядя Лева. — Ты еще есть или только нам кажешься?

Приняв шутку, Гриша дурашливо ощупал себя:

— Вроде есть. Наличествую.

— Тогда делай вывод: наверху тихо. За всю Землю не скажу, но над нами точно штиль. Даже удивительно.

На какое-то время наступила тишина. Стало слышно, как в затопленный шурф откуда-то сверху с методичностью метронома падают тяжелые капли. Кто-то сейчас же закряхтел и шумно задвигался, заглушая надоевшую капель. Кап-кап. Пусть не по обритой макушке, но все равно пытка.

— Дядя Лева, а в календаре мы не сбились?

Задвигались, заворочались сразу все, даже те, кто дремал. Тема была изжеванная вдоль и поперек, но все еще благодатная. Часов, само собой, ни у кого не было — на что они каторжникам? Естественно, дядя Лева считал дни, отмечая каждый прошедший зарубкой на палке. Правда, та палка по недосмотру пошла в костер, и хотя Лев Лашезин, задав взбучку виновному, сейчас же восстановил хронологию по памяти, но чем дальше, тем больше он мучился сомнениями — точен ли его счет? Мнительность отравляла жизнь.

Существовала и еще одна причина для сомнений: в последних числах декабря, когда в полдень небо на юге лишь светлело на полчаса-час, а солнце так и не показывалось, стояла редкостно ненастная погода. Долго ли сбиться в счете дней тому, кто целыми сутками храпит в землянке под вой пурги, как барсук в норе? Раз плюнуть.

Кто-то — кажется, Перепреев — хотел было изложить свои взгляды на хронологию и даже набрал в грудь воздуху, но сейчас же начал шумно чесаться, постанывая и тихонько подвывая от наслаждения...

— Больше чем на сутки мы сбиться не могли, — авторитетно заявил Лев Лашезин, отбросив сомнения. — Прошли все вероятные сроки.

— Ну и что дальше? — прогнусавил Малинин и безуспешно попытался прочистить носоглотку. — Э! А может, все уже началось, только до нас еще не докатилось?

— Это еще когда считали, — возразил Лашезин. — Земля должна была натолкнуться на барьер точкой, лежащей в Тихом океане немного севернее Гавайских островов. Ну а дальше — дело понятное: уничтожение всего и вся по окружности

расширяющейся сферы. От начала и до конца процесса — примерно одиннадцать минут. — Он вздохнул. — Темный ты, Гриша...

— Тогда какого мы тут сидим в сырости? Я скоро квакать начну.

— Хочешь слазать наверх? Пожалуйста. Разведаешь обстановку и вернешься. Ну?

— Я, собственно...

— Что, страшно? Иди, иди. Ты самый молодой, тебе и лезть. Одна нога здесь, другая там. Пошел.

— Дядь Лев, ты серьезно?

— Да! — рявкнул Лашезин. — Ты еще здесь?

Гриша тяжело вздохнул. Поднявшись на ноги, пробормотал: «Ну ладно...» — и нехотя двинулся вдоль штольни. Какое-то время его сутулая спина еще маячила, медленно растворяясь во мраке, затем она растворилась окончательно, а вскоре не стало слышно и его шагов. И снова омерзительным метрономом зазвучала сводящая с ума капель. Кап. Кап. Дядя Лева сдержанно зарычал. Гойко Кирибеевич натужно закашлялся, перебивая акустическую пытку. Прон Халтюпкин молча подбросил в костерок щепку и, пристроившись на корточках, стал греть руки.

Ждали долго. Не скоро ведь выберешься наружу — глубоко забрались, чуть выше воды, затопившей нижние штольни. Будь шахта действующей, сохранись в исправности подъемник, не было бы проблем — а так только в кромешной тьме по скобам аварийного лаза. Семьдесят сантиметров диаметр. Если лезешь с мешком или каким иным грузом, приходится подвязывать его снизу, и он мотается, как маятник. Зато не так просто разбиться в лепешку, если вывернется шаткая скоба, — тому, кто настороже, даже и не альпинисту, заклиниться в лазе ничего не стоит.

А когда Гриша все-таки вернулся — запыхавшийся, глаза шалые, — сразу ртов шесть выдохнули слаженным хором:

— Ну?..

Пламя в костерке уже совсем погасло, тускло рдели угли, подергиваясь пеплом. Молча присев на корточки, Гриша дунул в костровище и поместил над ним мокрые черные ладони — не иначе здорово зазяб, хватаясь за промерзшие скобы. А еще совершенно явно хотел чуть-чуть поторжествовать. В кои-то веки выпадает такое счастье самому младшему!

— А по шее? — спросил, придвигаясь, Гойко.

— Успеешь, — остановил его дядя Лева. — Гриша, ты отогрелся? Ну, Гришенька? Ты молодец, мы все у тебя в долгу и о том не забудем. Если, конечно, ты не будешь изображать, что у тебя и язык примерз... Ну?

— Ну чего тут ну? — пробубнил Гриша и попытался сурово насупиться, но предательская улыбка сейчас же полезла ему на лицо. — Хорошо там. Прямо весна. Солнышко светит, снег сверкает. Птичка какая-то чирикала. И никакой аннигиляции...

Кто-то неуверенно взгоготнул. Прочие шумно задвигались, и даже те, кто, убивая время, пытался дремать, бросили это занятие.

— Уверен? Ты до верха-то долез?

— Обижаешь, начальница...

— А какого, спрашивается, мы тут сидим?.. Что высидим?

— Ха! Так что, вылезаем, что ли?

— А то! Самое время, пока никого радикулитом не скрючило...

— А мясо? Копчушки наши как же? Бросим, что ли?

— Я тебе брошу! Умный больно. Наверх подымем. Частями.

— Сам умный. Я к тому говорю, что часть мяса можно пока и тут оставить. Естественный холодильник, и зверья никакого нет, даже мышей...

— Разве что Хозяйка Медной Ямы, — хихикнул начитанный Гриша.

Никто даже не спросил, что он имел в виду. Толкаясь, торопливо разобрали наполненные копченым мясом мешки из шкур. Наверх! Неуверенная, но уже шалая радость владела всеми. Так бывает, когда приговоренный видит с эшафота скачущего во весь опор гонца — не везет ли тот положительный ответ на прошение о помиловании? Ведь бывает же такое! Да, да! Чудеса и впрямь иногда случаются.

Яростно сопя, карабкались по скобам вверх, словно на телебашню. Ругались. Злобно пихали уставших, вздумавших передохнуть. Выбравшись — повалились на наст, задохнувшись от свежего воздуха и зажмурившись от искристого сияния снега. Теплый шарик солнца висел над мохнатыми елями в пронзительной синеве. Осели сугробы, затвердел наст. К Полярному кругу подкрадывалась весна. Самая обыкновенная, естественная. Не пылали леса, не горело адским огнем небо,

да и земля не тряслась под ногами. И ведь не врали уши: в лесу в самом деле щебетала какая-то птаха!

— Значит, отбились бабы, — хрипло констатировал Гойко. Он отдышался первым, но все еще не торопился подняться на ноги — так и сидел на снегу, очумело крутя головой и оглядывая пейзаж с незнакомым прежде умилением во взоре. — Ну и ну. Не ожидал...

С ним согласились, но больше кивками и междометиями — разговаривать еще не могли. Дышали, стонали, исходили слюной, мычали и отплевывались. Гриша Малинин, выкарабкавшийся на поверхность второй раз подряд, лежал ничком и алчно грыз снег.

И прошло немало времени, прежде чем возник и был высказан естественный вопрос:

— А дальше... что?

— Это ты насчет чего? — спросил дядя Лева.

— Насчет всего.

— Дальше мы, по-моему, жить будем, есть такое мнение. Тебе этого мало? Мне пока в самый раз. Остальное — мелочи.

— А я как раз о мелочах... В лагерь вернемся или как? Дальше-то что? Решать надо! Так, что ли, и останемся здесь жить? Помрем ведь. Весну и лето еще продержимся, а потом — привет... Патроны кончатся, и околевай после с голоду, да? Ничего себе мелочи!..

— Есть предложения? — с любопытством спросил Лашезин.

— Пока нет. То есть только одно предложение: подумать и решить. Оставаться жить в этих краях нельзя. Кто как, а я пас. Уходить надо.

— Куда это уходить? — осведомился Гойко. — В цивилизацию? К бабам? Мы вне закона, забыл? Каяться приползешь? Давай, они примут. Авось и до ближайшей стенки помогут дойти.

Кто-то поддакнул. На периферии лежбища словесно оскорбили Первоматерь. Гриша Малинин, уже давно перевернувшийся с живота на спину и сладко жмурящийся от солнца, как переживший зиму драный кот, подал голос в том смысле, что добровольно сдавшихся могут и помиловать. Не амнистировать, нет, но хотя бы не взять сразу к ногтю. Очень вероятно, что рабочая сила поднимется в цене. Если договориться

меж собой и на допросах дружно валить убийство лагерных охранниц на умерших, то...

— Я в лагерь больше не сяду, — отрезал Гойко.

— Таки совсем плохо было? — спросил простуженным дискантом молчавший прежде Абрам Вайсброт. — Разве ж ты там работал больше, чем здесь?

— Допустим, нет! Я и обедал там каждый день, и ужинал, ну и что? Сказано, не вернусь! Лучше сдохну.

— Прямо здесь?

— Что?.. А, нет. Это верно, что выбираться надо. Поближе к людям, подальше от медведей. Если уж жить в лесу, то гораздо южнее... А можно и не в лесу. Мало ли всяких бродит...

— Так то нелегалы, — возразил кто-то, не подумав. — Их ловят.

— А мы, выходит, легалы? Поймают — шлепнут за милую душу. Значит, надо, чтобы не поймали, вот и все.

— В городе?!

Гойко помедлил, шевеля губами.

— Можно и в городе, — сказал он наконец, — только это не лучший вариант. Это жить вроде как крыса. Дождемся либо дуста, либо фокстерьера. Как насчет гор где-нибудь на юге? Кавказ или Алтай, а?.. Оборудуем в горах базу, и не одну, и будем, когда надо, спускаться на равнину...

— Набеги, что ли, устраивать?

— Почему нет? Достанем настоящее оружие и не будем очень уж наглеть. Проживем!

— Ты до Алтая таки доберись сначала, — посоветовал Вайсброт. — Ты сначала отсюда выберись...

— А по реке, когда вскроется? — подал голос Гриша и сам же немедленно отверг идею: — Нет, не то... Против течения, да там еще пороги... Пупки надорвем, а не выгребем.

— Пешком по тайге, — высказался Прон Халтюпкин. — И уходить надо чем скорей, тем лучше, пока наст держит. Завтра, а то и прямо сегодня. Мясо — на волокуши. Растает снег — не пройдем ни в какую. Тогда уж придется лета ждать, да и летом, наверное, в болотах потопнем. Места тут неприветливые... Хорошо пойдем, так авось до снеготаяния одолеем верст пятьсот. Дальше легче будет. Может, поселок какой встретим, транспортом разживемся... Или лесника. В такой глухомани все лесники — эксмены. Неужто заложит, а?..

— Ты еще сомневаешься? Ясно, заложит. Шлепнуть его сразу...

— Ну так шлепнем, если понадобится! А уходить — надо. Хрена ли мы тут высидим?

В диспут вступали новые голоса. Лашезин отмалчивался, но внимательно слушал. Насчет дальней перспективы каждый имел свое собственное суждение, а некоторые и по два, но по крайней мере большинство высказывалось за исход из этих мест. Уже хорошо... Значит, можно не делить еду, снаряжение и оружие, а просто поставить несогласных перед фактом: либо иди со всеми, подчиняясь большинству, либо оставайся голым, и долой компромиссы.

— А ты, дядя Лева, что скажешь? — спросил Гриша, когда все немного утомились.

С точки зрения Льва Лашезина, вопрос прозвучал рановато. Вожак не по силе, не по избранию, а просто потому, что не нашлось иных явных претендентов, предпочел бы оставить за собой последнее слово.

— Уходить, — сказал он, как гвоздь вбил. — Сегодня же. И налегке.

— Без волокуш? — встрепенулся Халтюпкин, явив обликом сильно озадаченного гнома. — А мясо, что накоптили, куда?..

— Бросить.

Кто-то досадливо крякнул. Кто-то, скинув меховой колпак, шумно чесал в затылке.

— Дядя Лева, я не понял, — качая головой, сознался Гриша. — Объяснил бы ты, а?

— Пожалуйста. Шахту видишь? Здесь велась добыча руды. Как, по-твоему, руду отсюда вывозили?

— По реке.

— Ты видел на берегу что-нибудь хоть отдаленно напоминающее причальные сооружения?

— Тогда по дороге. Вон по той, что заросла.

Лашезин поощрил Гришу кивком и улыбкой.

— Хорошо мыслишь, валяй дальше. По дороге, ведущей куда? В пределах тысячи километров тут нет ни одной железнодорожной ветки. Такое расстояние для рудовозов да по грунтовке — это несерьезно.

— Значит, к другой реке.

— А смысл?

— Может, наша река в низовьях непроходима для барж. Перекаты какие-нибудь...

— В голове у тебя перекаты. Еще варианты есть?

— Отвали!

— Ну извини, извини... Нет, я серьезно. Дана задача: заброшенный в приполярной тайге медный рудник. Есть законный вопрос: как отсюда вывозили руду?

— Ну и как, по-твоему? — петушино воскликнул Гриша.

— По дороге. Но только не до железнодорожной ветки, а до обогатительного комбината. Всего несколько километров. Есть такие мини-комбинаты, они перебрасываются по воздуху и монтируются на месте. Они же обогащают руду до такой кондиции, что ее становится рентабельно перевозить воздушным транспортом. Грузовыми дирижаблями. Выработанная жилка была дохленькая, поэтому здесь не было нужды строить что-то фундаментальное. Забросили несколькими рейсами оборудование и рабочую силу, развернулись, за несколько лет сняли пенки — и эвакуировались. Давно проверенная и довольно выгодная технология, если учесть мировые цены на медь. По всему миру крупных месторождений не осталось ни одного, в ход идет всякая мелочь, которой сто лет назад еще брезговали...

Несколько секунд все молчали — усваивали информацию. Затем насупились, и кое-кто грозно заворочался.

— Это надо понимать так, что поблизости от нас полно всякой техногенной дряни? — хрипло и мрачно вопросил Гойко. — А ты знал и молчал?

— Не передергивай, — осадил дядя Лева. — Я только предполагал. Улавливаешь разницу между знанием и предположением?

— Показать тебе разницу между побоями и оскорблением действием?

— Отложи до лучших времен.

Только олимпийское спокойствие дяди Левы уберегло его от расправы. Поворочались, покряхтели, покрутили головами — мол, вот ведь змей какой! — и никто не решился первым поднять кулак. Гойко только свирепо сплюнул на снег.

— Я рассказал только о том, что я предполагал, — степенно и как бы не без сдержанного удовольствия продолжал Лашезин. — Ты еще не знаешь, на что я надеялся.

— На авось, как всегда?

— Не совсем. Я надеялся на то, что комбинат давно снят и место подчищено, так что аннигилировать могли разве что какие-нибудь остатки свай. А теперь я надеюсь совсем на другое — на то, что комбинат еще на месте!

Гойко фыркнул:

— Какой смысл оставлять его, если шахта заброшена?

— А если шахта не одна? Если поблизости имеются еще несколько, причем некоторые из них еще действуют? Такое тебе в голову не приходило?

— Ты знаешь что-то или просто гадаешь?

— Скажем так: предполагаю. Разве мы разведали, куда ведет грунтовка? Прошли по ней километра полтора и вернулись, потому что начался снегопад. Что там дальше, мы не знаем. А должны знать!

— Ну так сбегай да и узнай!

— Идти должны все и сейчас же, — тихо сказал Лашезин.

— Чего-о?! Сам иди!..

— Если комбинат существует, мы угоним грузовой дирижабль, — продолжал дядя Лева, как бы не слыша. — Я понятия не имею, каков там был план эвакуации, но убежден в одном: комбинат сейчас пуст. Насчет эксменов не знаю, но баб там точно нет — они в каком-нибудь убежище, Первоматерь знает где. Вывезены. По-моему, ждать, когда они вернутся, нет никакого смысла, верно?

— Верно! — крикнул Гриша. До него первого дошло, и он глядел на дядю Леву влюбленными глазами. Дядя Лева — это о-о-о! Голова. Мыслитель. Недаром он знавал самого Тима Молнию и даже, как он утверждает, был его прямым начальником... Врет, наверное, но ведь почти во всяком вранье содержится доля правды, подобно тому как в местной руде содержится какое-то количество меди. В руде, которую вывозили отсюда на большом дирижабле...

В мгновенном видении-мечте сроду прежде не летавший по воздуху Гриша вдруг увидел себя вознесшимся высоко-высоко над тайгой, и выше его была лишь пухлая серебристая туша, нависшая над прочной и легкой гондолой, и на ее боку сверкало солнце, а внизу по сопкам и болотинам ползла колоссальная тень воздушного левиафана... Гриша даже зажмурился. Захватило дух. Вот это замахнулся дядя Лева!..

А ведь так и надо, мелькнула мысль. Только так. Судьба, говорят, любит дерзких. Ну, положим, это спорный постулат,

зато доподлинно известно, что робких она точно не любит... Да и есть ли за что их любить?

...Двое суток спустя, уже привычно наблюдая из иллюминатора гондолы важно ползущую по тайге колоссальную тень угнанного без особого труда дирижабля, Гриша пришел к выводу: не за что. А впрочем, робкий не побежал бы из лагеря и, вполне возможно, был бы сейчас жив, вылечен, вымыт и даже накормлен чем-нибудь поаппетитнее надоевшего до рвотных позывов копченого мяса...

Или, наоборот: мертв за ненадобностью. И даже захоронен, а то и кремирован как элемент цивилизации и потенциальный аннигиляционный материал.

18

Как только перегрузка исчезла, сменившись блаженством невесомости, тело, лежащее у Мустафы в ногах, издало вздох облегчения, затем застонало, зашевелилось, пытаясь принять позу поудобнее, и нездоровым голосом задало насущный вопрос:

— Все еще гонятся?

Кормовой локатор показывал, что да. Три точки, оставшиеся было далеко позади, теперь начали мало-помалу приближаться, нипочем не желая прекращать погоню. Сидели на хвосте, как приклеенные. Еще дальше и чуть в стороне экран пестрел многочисленными отметками целей — там шла как минимум эскадрилья полного состава, брошенная на поддержку преследующего звена. Хорошо, что главнокомандующая не сразу решилась разрушить боевой ордер, бросив все быстроходные корабли на перехват беглой капсулы. Подарила фору.

— Не надейся, не отстанут, — проинформировал Мустафа. — Но пока мы вне пределов дальности действия их ракет. Надеюсь, Присцилла не оставила боевых кораблей на низких околоземных орбитах. В любом случае учти: мы должны приземлиться на первом витке — на втором мы уже мишень.

— Горючки хватит?

— Возможно.

— Что значит возможно?

— То, что, если бы мы шли оптимально, нас бы уже догнали. Пришлось пойти на небольшой перерасход топлива. Твои баки уже пусты, я их сбросил...

— Шансы есть?

— Шансы всегда есть...

Про себя Мустафа отметил, что его ответ прозвучал, пожалуй, излишне самоуверенно и даже с ноткой бравады, а вот Тим заметно нервничает... Укатали Сивку крутые горки. Орел ведь был! Эксмен-легенда. Боец. Гладиатор. Без жалости и к себе, и к противнику. Согнул всех. Заставил саму Иоланту Сивоконь принять его условия. Сыграл решающую роль в подавлении бунта на Ананке. Лично ликвидировал поганца Илью Лучкина. Спас уцелевших бунтарей от кары и тем самым спас «Эгиду». Не дрогнув в бою, подобрался к чужаку вплотную и осуществил абордаж. Выжил у чужих, договорился там о чем-то... Защитил Землю, наконец! И этот спаситель Земли и землян явным образом вибрирует...

Быть может, это только потому, что он вынужден в данный момент играть роль статиста? Хотелось бы верить...

Ничего, решил Мустафа. Оклемается. Ему надо только дать на это время. Ведь не стал же он сидеть сиднем на базе, дожидаясь смерти и исходя жалостью к себе, любимому? Сам напросился в полет, чтобы еще раз попытаться поймать за хвост свою удачу! Значит, еще не все потеряно.

А хоть бы и сломался Тим — беда не столь велика. Свою роль живого знамени эксменов он сыграет и сломанный, невелика премудрость... Мустафа злорадно ухмыльнулся. Что, съели? Решили, что раз беда отступила, значит, впредь будет все по-старому? Эксменов опять загнать в резервации и использовать на черных работах, пилотов и прочих претендентов на извечно человеческие специальности загнать подальше во Внеземелье, чтобы не маячили, вводя себе подобных в соблазн, а то и попросту шлепнуть у стенки, крутыми мерами подавить беспорядки... А вот вам! Не выйдет. Даже лучшие из вас, вроде Присциллы, забыли главное: эксмены не просто хотят жить — они требуют большего. Они еще попросят вас подвинуться, и если просьба окажется невежливой, то в этом никто не будет виноват, кроме вас самих! Котел давно перегрет, и пар уже поздно выпускать хоть в цилиндр, хоть в свисток. Котел вот-вот гавкнет таким взрывом, что мало не будет. Быть может, уже гавкнул...

— Забыл спросить, — донеслось из-под ног. — У тебя боекомплект в порядке? Я что-то не разглядел.

— В полном ажуре, — признался Мустафа. — Нет никако-

го боекомплекта. Ракеты я тоже сбросил, еще до того как тебя подобрал...

— Что-о?

— Все равно они учебные. Лишний груз. У всей нашей эскадрильи были пустые болванки, это мне один техник из стартовой команды шепнул, он маркировку видел. Нам больше не доверяют, понял? Случись драка, пожгли бы нас задарма...

— Интересное кино... А отбиваться чем?

— Нам не надо отбиваться, нам надо уносить ноги, — терпеливо-снисходительно пояснил Мустафа. — Между прочим, не сбрось я ракеты и баки, нас уже догнали бы. Да и на посадку не хватило бы топлива.

— Куда будем садиться?

Мустафа почесал в затылке.

— Куда придется, — сознался он. — Не все ли равно? Сейчас Федька считает, куда выгоднее. Главное, чтобы на материк, а не в океан, и чтобы материк не назывался Антарктидой...

Наступило молчание — Тим размышлял. По идее это был хороший знак. А может, и наоборот, внезапно подумал Мустафа. Первоматерь его знает, до чего он там додумается. Мысли пилота в ложементе — это одно, а мысли таракана в щели — другое...

— Тебя прилично кормили? — спросил он первое, что пришло в голову в рамках трепотерапии. Пусть лучше Гаев болтает, чем паникует молча.

— На базе? Да. От пуза. Но в последний раз шестнадцать часов назад.

— Я не о том. Тот корабль, или чужак, уж не знаю, как его и назвать... он тебя кормил?

— Естественно, — фыркнуло из-под ног. — Разве я похож на скелет? Семь месяцев без еды — это было бы слишком.

— Хм. А чем он тебя кормил? И как?

Тяжелый вздох Тима заставил Мустафу улыбнуться. Дело шло на лад.

— Когда как. Чаще всего выращивал прямо на стенках наросты, вроде грибов-паразитов. Они потом сами отваливались, подбирай да ешь. Оболочка жесткая, а внутри они вроде творога пополам с сочными фруктами — сразу и еда, и питье... Слушай, отвяжись, а? Я бы сейчас лучше в сортир сходил, чем о питье рассуждать... И потом, мне этими вопросами уже всю душу вымотали.

— Иоланта? — понимающе спросил Мустафа.

— Плюс ее подручные. Целая бригада. С вагоном всякой аппаратуры...

— Ладно, — легко согласился Мустафа. — Потом расскажешь, если захочешь. А насчет всего прочего — терпи. Федя, ты посчитал?

Всклокоченный Шпонька отмахнулся ладонью — отвяжись, мол, — но все же подал голос:

— Не я считаю, а компьютер. Дай ему еще десять секунд... А, нет, вот оно! Погоди, сейчас выведу картинку...

Центральный экран заняла физическая карта Восточного полушария Земли. По коричневым горам и зеленым равнинам протянулись жирные пунктиры федеральных границ и тонкие паутинки границ административных. Длиннейший заштрихованный эллипс начинался в неспокойных весной водах Норвежского моря, наискось с северо-запада на юго-восток пересекал Скандинавию, Балтику, решительно перечеркивал западную часть Славянской Федерации и кончался в горячих песках восточнее Каспия. Внутри этого эллипса таился другой, тоже вытянутый, но существенно меньшей площади — этот покрывал расстояние от Рижского залива до излучины Дона.

— Оптимистический и пессимистический варианты, — с видимым облегчением прокомментировал Шпонька. — Ты гляди-ка, возможности маневра еще не исчерпаны... — В его голосе прозвучало удивление. — Ну и ну, даже не ожидал... До принятия решения о точке посадки... м-м... шестнадцать минут десять секунд. Доверим сажать автопилоту?

— Рядом с тобой пилот сидит, — отозвался Мустафа. — Не хочешь дать ему потренироваться в посадке на Землю? Когда еще выпадет такой случай? Никогда.

— Один, который «авто», может отказать, второй наверняка ошибется, — возразил Шпонька. — Выбираю автопилот.. А место приземления выбирай ты.

— Спасибо, тронут. Как насчет донских степей? Место ровное, удобное...

— Годится.

— Нет, — донеслось снизу, и Гаев активно зашевелился. — Совсем свихнулись? Спецы! Эксмены, Первомать вашу!..

— В чем дело, Тим?

— Если вам надоело жить, то это ваше личное дело. Но,

хоть вы и забыли спросить меня, я отвечу: лично мне жить не надоело. У меня на Земле еще есть дела.

Отлегло от души. Кажется, Гаев все-таки не паниковал, а просто сердился. Сарказм обычно предполагает сохранение способности соображать.

— Не понял, поясни, — потребовал Мустафа.

— Однобоко мыслишь. Нам придется исчезнуть сразу после приземления. Мы можем это сделать лишь в том случае, если используем краткий период хаоса и суматохи, находясь не где-то посреди степи, а в самой человеческой гуще. Ты что, не понимаешь, что не успеем мы сесть, как все небо будет в вертолетах?

В наступившем молчании текли секунды.

— А ведь Тим прав, — сказал наконец Шпонька. — Перестреляют нас на открытом месте, как зайцев ушастых... И в лесу перестреляют, только погоняют сначала... Город нужен...

— Не просто город, а очень большой город! Как насчет столицы Славянской Федерации?

Несколько мгновений Мустафа убеждал себя, что Тим Гаев не свихнулся от страха, а просто сглупил, что с каждым может случиться. Садиться прямо на город? На здания, далеко не каждое из которых немедленно развалится карточным домиком под выхлопом из дюз? Это не лучше, чем посадка в горах, и вероятность удачи, мягко говоря, маловата... Хотя, конечно, по окраинам Москвы тянутся парки и зоны отдыха, можно нацелить автопилот и туда, а еще лучше за городскую черту, но впритирку к городу... Да ведь автопилот приземлит капсулу в заданном месте с погрешностью километров в десять!

Оно так. Но зато, если повезет не угробиться при посадке, выгоды такой авантюры несомненны. По всей видимости, силовые структуры только-только начинают выползать из убежищ; в городах же — анархия, пир во время чумы! Тут и глупый сообразит: чем больше город, тем труднее взять его под контроль. И если поселок в данном отношении немногим превосходит хутор, то мегаполис — это уже совсем другое качество. Можно затеряться.

— Надо рискнуть, — негромко проговорил Шпонька и шумно сглотнул.

— Москва вне эллипса, — бросил Мустафа.

— Еще есть время пересчитать. Сейчас я... Сейчас...

— Ну?

— Погоди, не мешай. Сейчас... Ага, вот! — ликующе выкрикнул Шпонька. — Получается! На пределе, но получается! Ты глянь! Теперь до времени принятия решения... одна минута сорок секунд.

Внешний эллипс на карте съежился примерно втрое и изогнулся, как банан. Внутренний превратился просто в точку.

Мустафа заскрипел зубами. На пределе! Во всем предел. В том, что придется тратить топливо на незапланированный маневр, и черт его знает на самом деле, хватит ли его на посадку. В том, что для экономии топлива программа спуска составлена с учетом частичного торможения об атмосферу, и пусть эта часть невелика, обойтись без нее никак нельзя, а подвергать перегреву обшивку такого гроба, как «Жанна д'Арк», значит испытывать судьбу. В том, наконец, что еще перед вхождением в атмосферу преследователи приблизятся настолько, что могут решиться дать ракетный залп с предельной дистанции...

Но Тим прав, и Мустафа молча признал это. Тим вовсе не запаниковал. Он подсказал рискованное, но, кажется, единственно верное решение. А ведь он, Мустафа Безухов, опытный пилот и бывший командир звена, действительно выбрал бы точкой посадки степь поровнее и, вероятно, слишком поздно осознал бы свою ошибку...

— Ладно, — сказал он. — До сих пор нам везло. Злоупотребим своим везением? Федя, ты ввел новые данные?.. Молоток. Десять секунд тому, кто хочет возразить. Нет желающих? Пять секунд. Тоже нет? Две. Одна. Запускаю программу.

Сделав это, Мустафа немедленно вспотел. Собрался, озлился на себя: чего уж теперь потеть... Теперь надо ждать, просто ждать, надеясь на лучшее. Можно еще помолиться — хоть Первоматери, хоть любому из запретных богов, — да только поможет ли молитва? Кто знает. Мати наша Люси, иже еси на небеси... Да, только так. Ждать, творя безгласную молитву, все-таки легче, чем просто ждать...

Коротко зашипело — сработал один из малых двигателей системы ориентации. Капсулу повело вбок и начало запрокидывать. Мустафа проверил ремни — норма. Дотянувшись, переключил экраны на видеообзор. Что сделано, то сделано, теперь уже ничего не поправишь. Успеют ли преследователи

подобраться на дистанцию гарантированного поражения, не успеют ли — о том лучше не знать.

Земной шар, повернутый к капсуле белым сиянием заснеженного Канадского архипелага, качнулся и уплыл вниз. На несколько секунд Мустафу вжало в завибрировавший ложемент и отпустило — прошел первый импульс торможения. Мерзко заныла какая-то плохо закрепленная деталь. Скорчившийся в ногах Тим прошипел краткое ругательство.

— Прищемил что-нибудь?

— Пока нет.

— А что тогда?

— Сил нет терпеть...

— Могу предложить свой шланг.

— Короткий, не дотянусь...

— Тогда ничем не могу помочь: либо терпи, либо мочись в штаны. Полчаса вытерпишь?

— Постараюсь... Что у нас с топливом?

— Должно хватить на пределе. Если нет, то падать будем недолго — может, с тысячи метров, может, с двух...

Тим даже не огрызнулся. Мустафа подумал, что это, наверное, плохой признак, но пусть уж лучше Гаев молчит. Толку от него все равно никакого — тонких особенностей «Жанны» он не знает даже по тренажеру. Он не пилот, а ценный груз. Самое полезное свойство груза — молчаливость.

А падать камнем что с тысячи метров, что со ста — итог один.

— Федька! — подал голос Мустафа. — Что у нас не работает?

Из краткого доклада Шпоньки следовало, что барахлит система термостатирования и сдох один из поглотителей углекислоты. Больше ничего. Мустафа даже хмыкнул от удивления.

— Не такое уж дерьмо эта «Жанна», как ты думаешь?

Шпонька сказал, что он думает.

— Не ругайся, а то она обидится... Лучше проверь программу.

— Пока все в норме, — отозвался техник. — Через десять секунд второй импульс торможения.

И верно: спустя десять секунд навалилась перегрузка, что-то пугающе задребезжало, заныло, и щекотно завибрировал ложемент. Отпустило. Мустафа с ужасом представил себе спуск

в атмосфере на четырех-пяти «же» с непрерывно работающим двигателем. Да капсула же развалится к Первоматери!

Краем глаза он видел на боковом экране дымчатый ореол атмосферы, как наползающий туман. Мало-помалу тускнели звезды. Капсула начинала падение по баллистической траектории на дно воздушного океана.

— Высота?

— Сто сорок километров. Скорость семь и три десятых. Сейчас начнется...

Радужное сияние заволокло экраны. Имея в своем активе десятки успешных посадок на Луну, Цереру и Ананке, Мустафа Безухов никогда не садился на Землю, но знал: через несколько секунд это нежное свечение ионизованных молекул пока еще разреженного воздуха обернется морем разъяренной горячей плазмы, ревущим огненным зверем, катающим капсулу в жаркой глотке, как тающий леденец. Самое печальное — тающий в буквальном смысле.

Горит металл. Воздушный поток гложет обшивку, как рашпиль, сдирая с нее атомы. Хитроумные сплавы продержатся какое-то время, но ведь обшивка-то тонкая... Если не отстреливать рубку, то капсула может приземлиться лишь на собственных двигателях — в сущности, этот процесс эквивалентен старту с Земли, пущенному задом наперед. При одном условии: достаточном количестве топлива. Плазменные двигатели эффективны, но и их надо кормить.

— Ну, «Жанна»... — шептал Мустафа. — Ну, рухлядь чертова... Не подведи, вынеси...

Затрясло. Вдавило в ложемент. На экранах ничего не стало видно, кроме огня. Желтые, рыжие, белые, синеватые языки... С коротким жирным шкварчанием, какое бывает, если плюнуть на раскаленную плиту, отгорели внешние антенны. Погас правый обзорный экран. Левый работал еще секунды три, затем погас и он. Передний продержался секунд на десять дольше.

«Может, и сгорим, — подумал Мустафа, — но уже не в ядерной плазме, а в обыкновенной». Перехват цели в атмосфере был уже практически нереален. Да и кто позволит взрывать над Землей ядерные заряды теперь, когда перспектива тотального уничтожения обернулась пшиком и когда в одночасье настала пора не ломать, а отстраивать?

Скорость падала. На шести километрах в секунду зарабо-

тали двигатели, и Мустафу начало размазывать по ложементу. Как-то там Гаев, жив?.. Мустафа не мог ни поднять голову, ни нащупать ногой лежащее на полу тело. Авось выдержит, парень-то здоровый, тренированный...

А потом, если честно, ему стало не до Гаева.

19

Свою кубатуру в убежище Ольга делила с Галкой Васюкевич. Размерами и обстановкой комнатушка явственно напоминала вагонное купе второго класса: две жесткие откидные койки одна над другой, крошечный откидной столик, узкий стенной шкаф со сдвижной дверцей. Даже светильники и вентиляционные решетки были в точности такими же. Как видно, архитекторы, не мудрствуя лукаво, содрали дизайн комнатушки с известного всем прототипа. Разница заключалась в наличии табурета и отсутствии вагонного окна. Ну и, естественно, не было ни тряски, ни раскачивания. Словно поезд застрял на узловой станции, загнанный в тупик и всеми забытый.

Ольга знала, что сослуживицы ей завидуют. Рядовой состав поселили почти в таких же клетушках, разве что чуть-чуть пошире, но не по двое, а по четверо — ни пройти, ни повернуться. В свою очередь, и она, и Галка завистливо мечтали об офицерских апартаментах. Некоторые из них были даже оборудованы санузлом!

Увы, младшему командному составу приходилось пользоваться элементарными удобствами на общих основаниях, с десятиминутным лимитом времени в сутки. Дождалась своей очереди, вставила в прорезь личную карточку, защелкнула за собой дверь — все, отсчет пошел. Как хочешь, так и выкручивайся. На ежемесячные проблемы скидок нет. Если умываться и чистить зубы раз в день, то с грехом пополам еще можно уложиться в лимит, но запорами и диареей страдать не рекомендуется.

Все равно у кабинок выстраивались очереди. То ли в убежище впихнули больше народу, чем планировалось, то ли оказался мал десятиминутный лимит. Тем, кто в него не укладывался, начальство в лице коменданта грозило переселением в боксы, рассчитанные на десятерых и больше, где, по слухам, не хватало коек и приходилось спать посменно. Пока дело ограничивалось угрозами и предупреждениями. Всего

лишь вторые сутки полной автономности убежища — это ведь так мало... Пройдет еще несколько дней, и большинство, привыкнув, начнет успевать, а растяпистое и несознательное меньшинство можно будет приструнить, примерно наказав самых злостных. Нельзя карать всех чохом, как нельзя и не карать вообще никого, это азбука науки управления людьми.

Многие, особенно гражданские и особенно с детьми, жили здесь уже трое-четверо суток, отказываясь от возможности взять увольнительный документ и прогуляться по поверхности — из опасения, что кто-то захватит их законное место. На взгляд Ольги, эти опасения были лишены оснований — порядок в целом поддерживался. Разумеется, как всегда в таких случаях, хватало и плачущих детей, потерявшихся в неразберихе, и ополоумевших от горя матерей, выкрикивающих имена своих чад, и напыщенных матрон, требующих для себя каких-то особых условий, и кто-то пытался устроиться в убежище, не имея к тому никаких оснований, а специальная служба проверки разоблачала мошенниц, проникших под землю по краденым или поддельным документам. Этих собирали в группы, сковывая наручниками по двое, чтобы не гоняться за телепортирующими, и, не слушая ни посулов, ни причитаний, куда-то увозили — вероятно, попросту подальше от убежища, где и отпускали восвояси, разъяснив, что о гарантированном уничтожении не может быть и речи, что космофлот выполнит свою задачу и вообще следует надеяться на лучшее. Помогало слабо. Вой стоял такой, что затыкай уши. Деньги и драгоценности, предлагаемые горемыками в качестве взяток, не действовали: какие, к Первоматери, деньги, когда единственная на сегодняшний день ценность — это шанс выжить, укрывшись глубоко под землей?!

Эксменов попросту отгоняли выстрелами. Боялись штурма убежища толпами отчаявшихся людей, в каковом случае пришлось бы пустить в дело пулеметы и газ, — но обошлось. У толпы не нашлось лидеров. Не решившись на приступ, горемыки мало-помалу расточились кто куда...

Сводный отряд полиции, включающий в себя и бывший Мытищинский отряд, разместился в убежище одним из последних. На глазах Ольги с важным гулом поползли и, громыхнув, сдвинулись броневые плиты, отрезав подземные полости от внешнего мира. И еще плиты. И еще. Заглубленное на полкилометра, крепко вмурованное в толщу прочнейших

мезозойских доломитов, убежище не было переоборудовано из бывшей шахты — оно было построено специально задолго до того, как мир начал отсчет времени до Армагеддона. Убежище имело лишь один, но крупный недостаток: относительную близость к столице. Москва не Можайск, не Рязань и не Калуга — чудовищный мегаполис даже не пытались стереть с лица Земли, а оставили нетронутым, эвакуировав кого можно. Теперь оставалось гадать, выдержат ли своды убежища колоссальнейший удар из космоса. Если разом аннигилируют все миллионы тонн камня, бетона, асфальта, металла и прочей присущей мегаполису техногенной всячины — ежику понятно, что не выдержат. Однако расчеты, исходящие из более разумных предпосылок, были утешительными.

От мамы Ольга не получала никаких известий, да и странно было бы, если бы связь по-прежнему работала исправно, как в мирные времена. Были обещания в ближайшие дни после удара установить постоянную связь с другими убежищами, составить общий реестр выживших — сугубо предварительный, разумеется, — и наладить работу бюро информации, а там, глядишь, дело дойдет и до обмена частными посланиями... Сейчас, понятно, было не до того.

По местной трансляции передавались не столько новости, сколько правительственные воззвания, перемежаемые повторяемыми в сотый раз правилами внутреннего распорядка. Как обычно, дефицит информации о том, что делается в наружном мире, компенсировался слухами и сплетнями, часто дикими и оттого, как ни странно, более правдоподобными, нежели бодрые официальные сводки об успехах мероприятий по плану гражданской обороны. В столовой, в коридорах, в очередях открыто обсуждали агрессию со стороны Восточно-Азиатской Федерации, сопровождавшуюся якобы массированным вторжением с применением тактического ядерного оружия. Послушать очевидиц, так они вместе с сибирячками чуть ли не сами отбивали атаки «широкоформатных и узкопленочных», норовящих завалить своими телами амбразуры дотов, и не раз поднимались в отчаянные контратаки...

Рассказывали также об особом убежище, предназначенном для членов правительства, высших чиновников, их детей и роты обслуги и построенном на дне океана вне материковых шельфов, глубоководных желобов и рифтовых зон, а конкретно на глубине трех тысяч метров, куда спасаемые достав-

лялись особыми батискафами. Альтернативная байка помещала правительственное убежище в глубине антарктических ледников, где удаленность от испорченных цивилизацией зон даже выше, а защита от жесткого излучения в сущности та же. О том, где на самом деле спасается правительство, официальные сводки новостей умалчивали.

Спальные места в комнатушке без спора распределили по старшинству: Ольге досталась верхняя полка, Галке Васюкевич — нижняя. Поначалу кубатура показалась блаженным местом. Повалившись без задних ног, первым делом всласть выспались — работа последних дней не оставляла времени даже на краткий отдых. Ухитрились даже помыться, все же выйдя за лимит времени и схлопотав строгое внушение. А потом началась скука. Не прошло и нескольких часов, как Ольга поругалась с Галкой, затем помирилась, попыталась убить время в пустопорожних разговорах, навестила соседей по клетушкам и очень скоро обратилась к помощнице коменданта: не могла бы она, сержант полиции, быть чем-нибудь полезной? Скажем, следить за порядком, и вообще... Согласна на любую работу, хоть мыть посуду, только не сидеть сиднем, мелко и мерзко дрожа в ожидании момента «ноль»! Что может быть хуже?

Оказалось, что тут она была не первая. Помощница коменданта обещала передать просьбу «наверх», но рекомендовала особенно не надеяться — штаты, мол, заполнены, и даже сверх меры.

В это было легко поверить. Мало ли желающих попасть в убежище хоть судомойкой, хоть ассенизатором. Чистить подземную канализацию, имея шанс уцелеть, или почти гарантированно сгореть наверху в чистенькой квартире — если вопрос ставится так, то для большинства ответ ясен.

Слоняться по коридорам быстро надоело — повсюду в небывалом изобилии и небывалой тесноте сновали люди, люди, люди...

Гомон. Детский плач. Толкотня. Запах человеческого тела. Категорический запрет на телепортацию — под страхом изгнания. Скудный рацион в столовке и посменная кормежка. Истерика, приключившаяся с какой-то неврастеничкой...

С грохотом задвинув за собой дверь клетушки, Ольга решила сидеть сиднем, никуда не выходя без необходимости. А вдруг вакансия все же сыщется и будет отдана другой соискательнице, когда Ольгу не найдут на месте?

Время наступления момента «ноль» было известно с точностью до минуты — почему-то не точнее. Можно было бы и до секунды... хотя зачем? Вяло переговариваясь, они с Галкой обсудили это и пришли к выводу, что большинству лучше бы вообще оставаться в неведении точного времени катастрофы. Нет ничего хуже, чем ждать. Недостаточно тренированная психика может просто не выдержать, а у многих ли она достаточно тренированна? Ну три процента, ну в лучшем случае пять... Несколько поколений мира и безопасности превратили основную человеческую массу в скопище беспомощно блеющих овец, не способных даже самостоятельно справиться со своими страхами!

Наверное, в последние часы ожидания кто-то и впрямь успел сойти с ума — о том Ольга никогда не узнала, да и не интересовалась. Если кто-то и рехнулся, то по крайней мере сделал это тихо и культурно, уважая спокойствие окружающих. Кроме того, в пределах того яруса, где разместили сводный отряд полиции, обитало не так уж много нервных штатских...

И все-таки ожидание оказалось пыткой даже для Ольги Вострецовой. И Галка внизу ворочалась и скрипела зубами. А когда момент «ноль» наступил и прошел, ничем не выделившись среди множества других моментов, когда вышли все сроки, Ольга ощутила даже нечто вроде досады: ведь обещали же! Как же так? Значит, ничего не будет?.. Значит, весь титанический план гражданской обороны оказался никому не нужен?.. И жуткое — врагине не пожелаешь — перенапряжение последних дней — тоже?.. Хуже того: выходит, что грандиозные мероприятия по разрушению того, что называют материальной базой цивилизации, то есть городов, предприятий, дорог и еще много чего, — тоже зазря?!!

Но уже в следующую минуту Ольге хотелось скакать и смеяться, как голопятой девчонке: ВСЕ КОНЧИЛОСЬ! Опасности больше нет! Живы и будем жить! А материальную базу — создадим, разрушенное — отстроим! Было бы кому отстраивать, а с этим как раз все в порядке!..

А еще спустя полчаса Галку куда-то вызвали. Назад она вернулась не шагом — вихрем. Рванула сдвижную дверь так, что та едва не выскочила из направляющих.

— Собирайся.

— Есть работа? — В первый момент Ольга не поверила такому счастью. — Уже?

— Уже. Живо.

— Бегу. А что стряслось?

Задыхающаяся после бега Галка с трудом сумела понизить голос:

— Ты ведь уже видела телепортирующего эксмена? — Ольга кивнула. — Сама понимаешь, я была вынуждена об этом доложить, и ты, надо думать, попала в особый список... Улавливаешь?

— Какой еще особый список?

— Список тех, кто видел то, чего не бывает, а значит, не обалдеет, увидев еще раз. Привычка! Быстро собирайся, пошли. Оружие выдадут в вертолете.

Собирать Ольге было, в сущности, нечего. Оглянулась по сторонам, встряхнула головой — готова!

— Еще один... телепортирующий?

— Угадала.

— Будем брать или...

— Или. Живым — не обязательно.

Вот и весь разговор на бегу к выходу. Броневые плиты были уже раздвинуты, и на поляне перед холмом, скрывавшим под собой вход в убежище, надтреснуто рокотал, раскручивая винт, малый десантный вертолет. Всего-навсего на одно отделение. Впрочем, Ольга успела заметить в небе два точно таких же. Опустив носы, как гончие собаки, они прошли на предельной скорости куда-то на северо-запад — надо думать, к столице.

— Тим, очнись! Тим!..

Это они кому? Ничего не понимаю. Кто должен очнуться? Главное, зачем?..

— Тим, ты живой?

Ага, трясут не кого-то, а меня. И хлопают по щекам так, что голова мотается туда-сюда, вроде метронома. Ну что они пристали ко мне? Какого лешего им надо? Неужели не видят, что с ними мне плохо, а без них хорошо? Оставьте меня в покое, уйдите как можно дальше. За горизонт.

— Ти-и-им!..

Нет, от меня так просто не отвяжутся. Хлопанье по мордасам продолжается, и вдобавок в предплечье с отчетливым деревянным хрустом входит игла. Не больно, но, ей-же-ей, никому не нужно. Глупая и бессмысленная процедура. Вроде

попытки поставить клизму манекену. Если проявить изобретательность и очень постараться, можно добиться своего, но манекену-то ведь все равно! Он и с клистиром все равно манекен.

— Тим, нельзя здесь оставаться! Уходить надо...

Понял. Я — Тим. Приятно познакомиться. Кое-что все-таки начинает проясняться. Мироздание уже не столь туманно, коли я начал обретать в нем свое место, разрешив для начала проблему самоидентификации.

Сверху греет солнышко, а снизу от земли холодит. Я лежу на скудной подстилке из сухой прошлогодней травы, мне жестко и неудобно, надо бы сменить позу, а сил на это нет. Просыпается боль, причем не локальная, а по всему телу. По-моему, меня долго и усердно крутили в какой-то бетономешалке — спасибо, что не в мясорубке... На фарш я пока не похож, и это нисколько не радует, а лишь немного удивляет...

Боль по всему телу усиливается, однако сквозь нее уголок сознания отмечает: я мокрый с ног до головы. Понятно, что опорожнился мочевой пузырь, но он же у меня не слоновий!.. Ничего не понимаю: купали меня, что ли?

— Федя, еще укол ему! Вот это красное — стимулятор?

Голос вроде знакомый. Э, да он принадлежит Мустафе Безухову! Он-то откуда тут взялся? А Федя кто? Шпонька, что ли? Ну точно — он... Как же мы, расставшись при Ананке, снова оказались вместе?

— А если помрет? Почему я должен делать уколы? Я же не врач!

— Ты техник, а значит, понимаешь в сложных системах. Вот и поставь эту систему на ноги. Да поживее, нельзя нам тут долго оставаться...

Тьфу! Вспомнил! Они же подобрали меня в космосе, и мне не хватило ложемента, за что, по всей видимости, я сейчас и расплачиваюсь. Полет к Земле — помню. Вхождение в атмосферу — тоже помню. Всеми ребрами. Еще пламя снаружи ревело сердитым зверем, просилось внутрь... А дальше — темнота...

Понятно, что я выключился. Не очень понятно, почему я выжил. Совсем непонятно, куда нас занесло.

— О, гля! Шевелится. Тим, ты меня слышишь?

Я не только слышу — я чувствую очередную иглу, протыкающую мои мышцы. Боль, как ни странно, отходит на мяг-

ких лапах, но явно не собирается покинуть меня совсем. Кажется, в первый раз мне вкололи антишоковое с обезболивающим.

А откуда у них аптечка? Выходит, пилотам-эксменам она теперь положена? Раньше было не так. Или они ее где-нибудь сперли?

Снова вспомнил! Интересная подробность: мы садились на Москву, и я чуть ли не сам на этом настоял... Забыл только, зачем.

Шевелю непослушными губами:

— Где... мы?..

— Тим! Живой?.. Тим, ты можешь двигаться?

Интересный вопрос. Каверзный, он требует времени для обдумывания ответа. Пытаюсь шевелиться. Получается не очень, словно я отсидел себе все тело. Долго, видать, сидел, со вкусом... Пробую напрягать и расслаблять различные мышцы.

Нет, кажется, у меня ничего не сломано. Надо же, выходит, я выдержал посадку вне ложемента! Крепкий я малый: и в шоу Мамы Клавы был не последним, и капсулу водил, и почти приспособился к трем «же» внутри чужака... А на лунной базе пробыл всего ничего, не успел отвыкнуть, вот и жив...

Да могу я двигаться, могу! Вон как шевелюсь и ворочаюсь, просто загляденье. Ходить, правда, не сумею, но ведь меня не об этом спрашивали, верно?

— Встать можешь?

Вряд ли. Но попробую. Для этого сначала надо сесть, потом встать на четвереньки, а потом уже подняться на ноги, желательно с каким-нибудь упором. И пусть упор никуда не убегает после того, как я встану, иначе свалюсь кулем и все придется начинать заново...

Вот так... Сел. А что организм пытается развалиться на запчасти, то это ничего, этого мы ему не позволим. Сейчас он поймет, что ему волей-неволей придется еще потрудиться, и он смирится с этой перспективой, а там, глядишь, и начнет сотрудничать. Главное, не торопиться, дать ему время осознать неизбежное...

— Тим, да вставай же! Уходить надо. Десять к одному, что нас засекли...

Не дадут мне времени. Палачи. Инквизиторы. Пиявки приставучие, кровопийцы.

Однако я начинаю кое-что видеть вокруг себя, вот что див-

но!.. Расплывчатый мир фокусируется в травянистый склон, поросший поверху леском, причем некоторые деревья почему-то свежевыворочены с корнем, внизу помещается грязный пруд с клубами пара над остатками воды, берега густо облиты вонючим илом и усеяны дохлой рыбой, а над моей головой в развилке ветки застрял поблескивающий чешуей карась. Ближе к тому берегу, где мы находимся, утонув посадочными опорами в горячей грязи испоганенного водоема, кривляется в испарениях покрытая черной коркой «Жанна д'Арк», все-таки ухитрившаяся доставить нас на Землю. Вот тебе и ненадежная рухлядь! А может, помогли обращенные к Первоматери молитвы? В таком случае я согласен молиться Люси и впредь, хоть она и австралопитечка...

Но какова мощь плазменных двигателей! Впрочем, и пруд велик: будь он поменьше, огненный хвост вылизал бы его до донышка, не оставив ни воды, ни жидкой грязи, ни карасей. Да и лесок, наверное, с готовностью вспыхнул бы, чуть только иссякла бы бьющая гейзером стена пара... Удачно сели. Пока не знаю, где именно, но, кажется, различаю поодаль какие-то постройки. Столица, не столица — после разберем, но хотя бы неразрушенный город! Подарок судьбы. Нет более удобного места, чтобы затеряться, затаившись на время. По данному параметру с городом не сравнятся ни тайга, ни даже горы. Из любой норы крысу можно выгнать водой из шланга, но стократ труднее добраться до крысы на большой помойке... Что такое свобода? Это возможность выбирать один из минимум двух путей, а не мчаться сломя голову по единственному, подозревая, кстати, что он оставлен только для того, чтобы ловчее загнать тебя туда, где тебе и одного-то пути не оставят...

Бормоча свирепую нецензурщину, Безухов хватает меня за шиворот и одним мощным рывком пытается поставить на ноги; тут же суетится и Шпонька, пытаясь внести свою лепту. Ничего у них не выйдет — после Луны у обоих мышцы не те. Вот приду в себя и предложу бывшему дояру продолжить состязание, кто кому пережмет руку. Десять против одного, что моя возьмет.

Первоматерь моя Люси, они воздвигли-таки меня торчком! Хочу сказать им, изуверам, чтобы они уносили скорее ноги, оставив меня в покое, — и вдруг проваливаюсь в лиловую мглу, влипнув в клейстер наподобие мухи. Ничего не понимаю, но, кажется, я ненароком угодил в Вязкий мир. А глав-

ное, кто-то цепляется за меня, ворочается и дергается рядом, поддавая мне то локтем, то коленом...

Ну точно — Вязкий мир! Как я сюда попал — неужто бессознательно? Для прохождения через незримый барьер, отделяющий наш мир от того, всегда приходится напрягаться так, что на висках вздуваются жилы, — а тут что? Главное, почему я не один?.. Нет, это не главное, а главное сейчас — немедленно выйти обратно... На грязный родной бережок.

Ура, получилось! Мы втроем валимся на землю, причем Безухов ругается, а Шпонька просто дышит со свистом и всхлипываниями...

А в следующую секунду они забывают даже о том, что нам надо уносить отсюда ноги как можно скорее:

— Тим, что это было?!!

— Вязкий мир, — произношу я как можно спокойнее, что дается непросто: мне вообще трудно шевелить языком-саботажником, а тут еще надо не напугать моих коллег.

— Ты... ты что, телепортировал? С нами?

— Никуда я не телепортировал, — отвечаю сердито. — Я просто вошел в Вязкий мир и вышел, вот и все. Допекли вы меня...

— А говорил о двенадцати килограммах этой... — Шпонька морщится, пытаясь вспомнить термин, — пороговой массы!

Я тоже морщусь, хотя мне следовало бы и покивать, и развести руками: да, мол, говорил, ну так что же с того? Сам не понимаю, как это получилось.

— Какую гадость вы в меня вкололи?

— Думаешь, в медикаментах дело? — торопится сообразить Мустафа. — Слушай, у нас еще есть, так что в случае чего... Еще раз сможешь такое устроить?

Вот странность: мозги у меня по-прежнему ватные, как и мышцы, однако я прекрасно понимаю, куда клонит Безухов. Он надеется на то, что при появлении здесь спецназа я схвачу обоих в охапку и телепортирую с ними за пределы кольца облавы... Ну допустим. Предположим, что чудо может повториться. А он пробовал когда-нибудь продираться Вязким миром, таща под мышками двух взрослых эксменов? Дилетант. Никто и никогда этого не пробовал, потому что двое взрослых не могут весить тридцать килограммов, а это рекорд сопутствующей массы. Лучшие рекордсменки не проникали в Вязкий мир с подобным грузом!

А если бы проникли, их сил хватило бы шагов на десять...

— Ничего не выйдет.

— Уверен?

Мне удается усмехнуться в ответ. Нет, уходить от места посадки нам придется на своих двоих и как можно скорее. Мы и так уже торчим здесь непозволительно долго. В лесок?.. Ну нет, его обязательно прочешут. Значит, вон к тем строениям?.. Да, к ним. Далековато, а иного выхода нет. Если глаза мне не врут, ближе всего к нам расположена станция надземки, а дальше маячат кубы и параллелепипеды «спального» района, кажется, человеческого, а не эксменского...

— Надо идти, — констатирую я истину, вызывающую у меня глубокое отвращение.

— Сможешь?

— Попробую. За чье тут плечо подержаться?

...Ох, как медленно мы движемся! А надо еще обойти пруд, иначе мы просто завязнем в горячей грязи, потом шагов двести до станции — полноценных шагов, не моих, — а после еще сколько-то до жилых кварталов, наверняка покинутых населением, и только там мы сможем затаиться, затеряться, отсидеться в логове...

И в это время ухо улавливает далекий-далекий надтреснутый гул вертолета. Спутать его невозможно ни с чем. Именно такой звук должна сейчас издавать костлявая с косой.

— ...! ...! — кричит Мустафа и скрежещет зубами в злобе и отчаянии.

Его можно понять. Мы потеряли время и в итоге проиграли. Расчет спасти меня был неверен с самого начала, ибо исходил из множества произвольных допущений. Безухову и Шпоньке следовало спасать только самих себя. У них получилось бы...

Не ори, парень, не мечись, глупое это дело. Проиграл — умирай как волк, а не затравленный заяц. Заставь убийц уважать себя и гордиться охотничьей удачей.

А впрочем, решай сам, бравый дояр-пилот. Им нужен я, а не ты и не Шпонька. Я отпустил твое плечо, ты волен бежать. Может, еще успеешь нырнуть в нору. Торопись!

Зрение чудесным образом проясняется, и я уже вижу вдали черную точку. Она заметно приближается. Ого, да их там несколько!..

Бах-бабах!.. Оглушительный сдвоенный хлопок раздается совсем рядом, и эксмен Мустафа Безухов нелепо падает с не-

большой высоты на забрызганную илом пожухлую траву. Вид у него обалделый, как у вовремя извлеченного из воды утопающего. Машет руками, дышит. Здесь он отсутствовал миллисекунду — а сколько времени провел там?.. Струйки пота промывают русла по корке грязи на лице.

Впрочем, у Шпоньки вид не менее обалделый, чем у Безухова. Он еще ничего не понял.

— Теперь ты, Федя, — говорю я ему как можно спокойнее.

— Что — я?!! — полушепот-полувзвизг.

— Ныряй в Вязкий мир. Только гляди вынырнуть не забудь. Возьми чуть-чуть вверх, а то уйдешь под землю. И дышать там не вздумай. Ну, давай.

Мотает головой, а на лице уже не безумие, а тихий ужас. Нет! Нет-нет, не могу!..

— Ныряй, Федя, — увещеваю я. — Это только поначалу страшно, ты мне поверь. Надо лишь очень захотеть и не терять головы, тогда все получится. У нас одна минута на тренировку и шанс еще пожить. На счет три: раз, два... три! Ну!..

Пятится и мотает головой. Дрянной из меня инструктор по телепортации. Уволить без выходного пособия и не подпускать к начинающим на пушечный выстрел... И все ближе рокочут роторы, распарывающие небо. Кажется, нас уже заметили.

Вдвоем с Мустафой мы еще можем попытаться поводить облаву за нос, но инертный Шпонька для нас вроде гири на ноге. Но ведь он может, теперь я это точно знаю! Он умеет телепортировать, как и я. Как же я раньше не догадался о причинах своей уникальности! Мнимая это уникальность...

— Федя, ну постарайся! — молю я. — Феденька!.. Надо напрячь не мышцы, а волю, одну только волю... Ныряй, Федя!

— Марш! — оглушительно гаркает над ухом Шпоньки подкравшийся сзади Мустафа...

Бах! Бабах!

Сильно опустив нос, вертолет шел невысоко, держа предельную, по-видимому, скорость. Мелькали поля, перелески, речки, кое-где на лесных полянах лежал нестаявший снег, изредка можно было заметить свежие кучи грунта на месте разрушенных селений и поверх покрытия дорог. Иногда удавалось заметить пятнистые маскировочные сети, натянутые по-

верх каких-то, по-видимому, очень важных объектов, не подлежащих разрушению...

Наивность маскировки вызывала иронические улыбки. По общему мнению, власти, правильно оценив сокрушительную боевую мощь космических агрессоров, все же недооценивали их способность к распознаванию целей.

Как бы там ни было, теперь это не имело значения. Ольга не знала, удалось ли космофлоту отбить атаки врага в жестокой битве или события пошли по какому-нибудь из запасных сценариев, — теперь это было не так уж важно. Подробности — потом. Надо уметь обуздывать праздное любопытство. Важно то, что люди победили или, по меньшей мере, не проиграли. Остальное куда менее существенно.

А как же иначе?

Сердце радостно пело: конец унылой и тупой отсидке в убежище! Наконец-то нашлась настоящая работа! Только так и надо. Клинок нельзя долго держать в ножнах — обязательно заржавеет. Глупы те власть имущие, кто не понимает этой простой истины. Сталь должна резать, а не ржаветь!

Несмотря на радость, оставалось и недоумение: чего ради затеяна операция? Только ли для уничтожения еще одного телепортирующего эксмена? Что-то тут не то... Во-первых, странно, что его обнаружили именно сейчас, когда кругом, несомненно, творится жуткая катавасия. Во-вторых, только последняя дурочка с деревянными мозгами, видя разоренные селения и бесчинство банд — не может же его не быть! — могла не понимать, что в данный момент больному обществу показаны крутые макрооперации по наведению элементарного порядка, а не булавочные уколы... Бросить бы на столицу харр-роший массированный десант и быстренько взять бандитов к ногтю, а от этой «печки» уже можно было бы плясать далее. Разобравшись с массой, всегда доберешься и до индивидов. А тут почему-то все наоборот. Да чем же он страшен, этот телепортирующий эксмен, если он не более чем редкое отклонение от биологической природы, этакий носитель атавизма наподобие хвостатости?..

Об этом Ольга прямо спросила Галку Васюкевич, оказавшуюся плотно притиснутой к ней в тесном чреве вертолета. Ответ был сердит и по-строевому прост: не нашего с тобой ума это дело, сиди и не суйся.

И опять-таки осталось впечатление, что Галка больше знает, чем говорит. Что там она опрометчиво сболтнула в про-

шлый раз насчет игрек-хромосомы? М-м... Кажется, что-то о том, что не в хромосоме дело. А в чем же тогда? Почему подавляющее большинство людей способно к телепортации, а практически все эксмены — нет? И чем отличаются те единицы из них, кто все-таки способен?..

Ответа не было. Были догадки, и одна из них оказалась настолько страшна и вместе с тем логична, что Ольга сейчас же выбросила ее из головы, запретив себе даже думать об этом. Тем более что вертолет уже подлетал к окраинам столицы. Внизу среди срытых и замаскированных объектов начали попадаться несрытые и вызывающе незамаскированные. От иных пригородных поселков не осталось ничего, кроме развороченной земли; иные же уцелели, четко, словно на макете, выставив себя напоказ. То тут, то там, выстелив по ветру длиннейшие дымные хвосты, пылали дома, подожженные, несомненно, мародерами. Ольга видела, как при приближении вертолета внизу стремительно разбегались черные точки.

Рука крепче сжала рукоять «Аспида». Вот бы сейчас пройтись низко над крышами и площадями, придавив огнем все, что шевелится, а потом выбросить десант и зачистить местность!

Жаль, не та задача. Но можно надеяться, что позади идут те, кому уже отдан соответствующий приказ. Пусть обнаглевшие хамы побегают еще немного, порезвятся. Зря они вообразили себе невесть что. Как было, так и будет, дайте срок. Те, у кого развит инстинкт самосохранения, наверное, уже это поняли. А те, чье разыгравшееся воображение превышает скудные способности умишка, кончат плохо, и очень скоро.

Сполна упиться предвкушением заслуженной мести не удалось — внизу кончились пригороды и началась собственно столица. Под брюхом вертолета быстро проскочили жилые коробки обширного жилого района — судя по унылой архитектуре, эксменского. Потянулся лесок, засверкала впереди гладь цепочки прудов. Над одним почему-то клубился пар, как над башней-градирней. Прозвучала команда приготовиться.

Лишь углядев сверху псевдоготические постройки из темного кирпича, Ольга сообразила, что работать предстоит в Царицыне. А вон и памятник Екатерине Великой, поставленный лет десять назад стараниями неугомонной Валентины Шмалько, возглавившей тогда целое общественное движение за реабилитацию той, кто и под фаворитом умудрялась ос-

таться Великой... Да и дворцовые постройки подновили примерно в то же время, открыли музейный комплекс. Надо же, не разграблен еще, не подожжен... Просто удивительно.

Честно говоря, Ольга была солидарна с мнением императрицы: «Сие тюрьма, а не дворец». Известное дело, проектировал мужик. Под себя. Под свои привычки и потребности, а до потребностей настоящего человека не возвысился, что и понятно. Заставь дворника сконструировать пассажирский авиалайнер, так он к любимой метле присобачит двигатель, а до иного не додумается. Изумится даже, когда его ткнут носом: вот тут, мол, и вот тут все должно быть радикально иначе. «Как так иначе?» — захлопает глупыми глазами. Разжуешь подробно — раззявит варежку и сочтет причудой. В лучшем случае, услышав что-то о мягких креслах, приколотит к черенку метлы табуретку, а если услышит о туалете, так табуретку с дыркой...

Вертолет уверенно мчал к облаку пара над прудом. Две машины уже были там — ходили низко, то и дело закладывая крутые виражи, и вроде кого-то гоняли, а кого — пока не разобрать. Видимость была дрянь. Когда нырнули под облако, Ольга не поверила своим глазам: пруд стал грязной лужей, частью расплескавшись, а частью испарившись. Стаи ворон слетались на вареную рыбу, обращая мало внимания на ревущие боевые машины. А посередине лужи, чуть накренившись, торчало черным обелиском нечто небывалое, размерами превышающее вертолет и — с первого взгляда ясно! — намного более умное. А главное, смутно знакомое... Подлюка-память подсказывала Ольге: нечто подобное ей уже приходилось видеть, но где, когда? Вроде бы не «живьем». Не в выпусках ли теленовостей?

— «Жанна д'Арк»! — крикнула Галка Васюкевич прямо в ухо.

Ну точно! Теперь Ольга вспомнила. Недели три назад по яшику много жужжали о боевой капсуле нового поколения, поставленной на конвейер и, вероятно, способной дать отпор любому внешнему врагу. Показывали и каждодневно содрогающиеся от ревущего пламени стартовые столы — этих самых «Жанн» и еще многое другое забрасывали в космос прямо с конвейера, перекрывая проектную пропускную способность космодромов и окончательно наплевав на экологические последствия... А что было делать?!

О разрушительных последствиях заговорят потом, и те, кто смирненько сидит сейчас в убежищах, тише воды ниже травы, обязательно выльют на людей действия немало грязи. Задним умом все сильны. А ведь реальные действия исходят из реальных предпосылок, как правило, очень далеких от розовых грез... Экология порушена не фатально, авось восстановится. Может, враг и отступил-то только потому, что не пожелал связываться с боевыми армадами космофлота, усиленными эскадрильями новейших капсул?

Вот только что одна из них делает посреди пруда?!

— Вот они! — крикнула Галка.

Да кто они-то? Галке уже все понятно, а тут сиди и мучайся неизвестностью — на кого идет охота? На пилотов капсулы, что ли? Да разве эксменов берут в пилоты? Оно, конечно, время такое, что удивляться некогда, да и вредно, но все-таки удивительно...

Стенка завалилась, пол встал дыбом — вертолет с резким креном начал заход на цель. Коротко прорычали оба скорострельных пулемета и тут же смолкли как бы в большом недоумении. Машина пошла вверх, еще круче заваливаясь набок. Новый заход. Короткая очередь. Да что же это такое — снова мимо!..

Третий заход — и тот же странный результат. Впрочем, не очень-то странный, когда речь идет об отстреле тех, кто уверенно телепортирует... «Приготовиться к десантированию!» — прокричала старшая по сводной команде. Вертолет проворно развернулся на месте и завис метрах в пяти над землей.

— Пошли!

Значит, через Вязкий мир, поняла Ольга, сейчас же пожалев об отсутствии дыхательного аппарата. Непростительная ошибка тех, кто планировал эту операцию! Если ее вообще кто-то планировал! Черт знает что, опять все наспех! Ну ладно, возьмем числом...

Она попыталась телепортировать первой, и все-таки хлопок ударил по ушам — кто-то успел уйти в Вязкий мир раньше. Путь вниз Ольга прошла, как по ступенькам невидимой лестницы. Мышцы справлялись сами. Отсчитав двадцать две ступеньки, она вынырнула в полуметре над асфальтовой дорожкой и мягко приземлилась. Поток воздуха от ротора толкал в спину и гнал прочь.

С резкими хлопками выныривали из Вязкого мира десант-

ницы. Одна из двух машин, прилетевших ранее, продолжала выделывать в воздухе немыслимые пируэты, время от времени стрекоча пулеметами; вторая снизилась и тоже высаживала десант.

Все это Ольга зафиксировала взглядом в одно мгновение. Кто не способен быстро ориентироваться, не получает призов на состязаниях, да и не служит в полиции... А в следующее мгновение она увидела преследуемых.

Их было трое, все в незнакомой и очень грязной униформе. По фигурам и повадкам — бесспорные эксмены, но они то и дело телепортировали, казалось бы, из-под верной смерти, заставляя промахиваться стрелков воздушных и стрелков наземных. Прицелившись на пробу, Ольга не сумела удержать палец, рефлекторно и напрасно вдавивший спусковой крючок.

«Аспид» послал короткую очередь в пустое место — цель успела исчезнуть с линии огня. Нет, они не паниковали, они уходили грамотно, рыская в Вязком мире хаотичными зигзагами, так что невозможно было предугадать, где появится цель, и не позволяли себе выныривать более чем на один-два быстрых глотка воздуха. Они ухитрились вырваться из главной западни — узкой дамбы между двумя прудами — и короткими, но частыми нырками уходили с открытого места в сторону линии надземки и белеющих за нею жилых кварталов, недвусмысленно намереваясь найти там укрытие.

Отстреливаться они даже не пытались — либо по неимению оружия, либо сознавая, что оно сейчас не поможет. Противник был достойный. Такого, пожалуй, следовало уважать и выполнить приказ с особым тщанием. Кто бы мог подумать — сразу три аномальных эксмена!..

Но разве Ольге не приходилось ловить и задерживать преступниц, пытающихся скрыться от патруля Вязким миром? Не одной, понятно, в одиночку такое не сладить, но в паре — доводилось не раз. И разве не она, а другая всего-то месяц назад набрала наивысшую сумму очков в «скакалке», которая не упражнение даже, а изощренное издевательство над организмом?..

А организм у нее хорошо отлаженный, всегда настроенный на работу, он и не такое может вытерпеть... Усмехнувшись, Ольга почувствовала гончую злость и прилив сил. Что они там пытаются сделать? Того и гляди начнут сыпать пули наугад, надеясь на случайное попадание. Дурочки. Через ми-

нуту останутся без боеприпасов и с невыполненным приказом. Надо показать им, как это делается... Задача-то проста: не захватить — уничтожить! Кому и на кой ляд эти эксмены нужны живые? Каленым железом!.. А вдруг их умение телепортировать передается от одного к другому вроде инфекции?

В иное время от такой гипотезы мурашки побежали бы по спине, но теперь было не до того. Ольга еще раз попыталась поймать одну из фигурок в прицел и на этот раз удержала себя от напрасной очереди. Нет, надо иначе.

Вдохнув поглубже, она нырнула в Вязкий мир. Два десятка шагов в лиловом киселе, не больше. Направление — параллельно преследуемым, дабы свои же случайно не угостили пулей. Вынырнула. Два глубоких вдоха. Еще нырок.

Ей не надо было финтить, поминутно уходя с линии огня. Она была призеркой региональных состязаний, а они нет. Она успела оценить телепортационные способности беглецов и нашла их невысокими. Теперь надо было лишь сблизиться с ними на десяток-другой шагов и предугадать, где с громким хлопком на секунду-другую появится цель.

Да, есть техника телепортирования, и ее надо неустанно оттачивать под руководством опытных наставниц, но есть и тактика... Да, и по тактическому мастерству проводятся занятия, все верно, но тактика такая штука, что либо к ней есть врожденный талант, либо его нет. И если нет, то не помогут никакие упражнения...

Выдох. Вдох. Нырок. И еще раз, и еще. Наверное, ей кричали вслед, пробовали остановить. Наплевать. Победителей не судят. Ольга рвалась вдогон за преследуемыми, успевая отмечать и то, что коллеги по-прежнему ведут бестолковый огонь, и то, что один вертолет потянул к линии надземки, намереваясь отрезать преследуемых от станционных построек, и то, что он вряд ли успеет... Ну так и есть — не успел. Прямо перед ней вдруг возник зев пешеходного туннеля. Взвизгнула на рикошете пуля, уколов мраморной крошкой. Тотчас шагах в десяти впереди с гулким, отраженным сводами туннеля хлопком возник один из преследуемых — запомнились безумные глаза, алчно дышащий рот. Секунда — и он исчез.

Ольга немедленно нырнула в Вязкий мир. Оставаться перед входом в туннель было бы чистым безумием. Но главным было то, что теперь она знала, куда рванет беглец. Вверх, ну

конечно же, вверх! Туннель — западня... Иных вариантов у беглецов попросту не было.

А там, по ту сторону линии надземки, почти вплотную к станции примыкали жилые дома. Там начинался густо застроенный «спальный» район, пусть не фешенебельный, но и не эксменский, а значит, эвакуированный, пустой... Либо, что вероятнее, разоряемый в настоящую минуту одичавшими бандами. Преследуемые хорошо знали, куда надо уходить, и понимали звериным чутьем, как надо уходить. Конечно, не через туннель, который ничего не стоит залить градом пуль, а по путям, по пассажирским платформам... Там и надо их перехватить.

Ох, и трудно после десятка стремительных нырков совершать одиннадцатый... Стиснув зубы, Ольга раздвигала собой вязкое желе, поднимаясь вверх по воображаемым, но таким вещественным, осязаемым ступеням. Ноги начали тяжелеть, в висках стучали настойчивые молоточки. Мучительно хотелось дышать, дышать, дышать!

Пора?.. Еще нет, еще три ступени... А вот теперь — пора!

Столь удачным телепортационным броском практически по вертикали, с минимальным запасом по высоте, могли похвастать редкие профессионалки. Задыхаясь, Ольга немедленно почувствовала под ногами шершавый асфальт пассажирской платформы. А в двух шагах стоял шатким столбом, пялил глаза и шумно дышал телепортировавший сюда же полсекунды назад эксмен-беглец в незнакомой выпачканной униформе.

Мерзкий запах ударил в нос, заставив собрать последние силы. С похожим на стон рычанием Ольга прыгнула вперед. Она знала, что только такое решение будет сейчас правильным. Вонючий телепортирующий негодяй успел бы унырнуть прежде, чем она навела на него оружие. Оставалось одно: обездвижить противника и вцепиться в него мертвой хваткой, лишив способности к телепортации...

Удивительно, но удар пропал зря — эксмен сумел грамотно поставить блок. Шипя разъяренной кошкой, Ольга повисла на нем и висела, казалось, вечность. Может быть, целую секунду. До тех пор, пока от удара в темя мир не поплыл, заваливаясь куда-то набок, а потом померк и пропал вовсе вместе с покинувшим Ольгу сознанием.

Мы идем, стараясь держаться переулков. Если нужно перейти широкую улицу, я делаю это первым, за мною быстро перебегают Безухов и Шпонька. Движемся треугольником: впереди — я, на флангах — мои товарищи. Настоящее оружие пока только у меня. В одной из покинутых и еще не разгромленных квартир Мустафа успел разжиться охотничьей одностволкой с единственным зарядом мелкой дроби, предназначенной для дичи размером от колибри до бекаса, а Федька внушительно сжимает в руке арматурный прут и, кажется, чувствует себя в большей безопасности. Он прав.

Погоня давно отстала. Спецназовки еще пытались блокировать нас в первом жилом корпусе, куда мы вломились на последнем издыхании после дикого спринта Вязким миром, и вертолет сверлил воздух, настырно кружа вокруг, но, когда по нему ударили с соседней крыши, облаве стало как-то не до нас. Пока вокруг разгорался настоящий уличный бой, мы сумели отдышаться и телепортировать в соседнее здание, оказавшееся, к счастью, в пределах одного прямого нырка, а потом в следующее... Мы были уже далеко, а ожесточенная пальба позади нас еще продолжалась. А значит, продолжалась и полоса наших удач. Да, я с самого начала надеялся навести облаву, наступающую нам на пятки, на вооруженную банду мародеров, но не мог даже предположить, что это случится сразу, чуть только мы вступим в «человеческие» жилые кварталы. Думал, придется еще пофинтить, поиграть с погоней...

Сил на это, откровенно говоря, уже не было.

Их и теперь не чересчур много. После двух с лишним часов пешего движения мы едва не валимся с ног. Не будь нашей космической эпопеи, такая прогулка по столице воспринималась бы, пожалуй, как удовольствие... Естественно, в предположении, что кто-то позволил бы нам гулять по районам, запретным для праздных эксменов.

Шпонька и Безухов в столице впервые. Обоих она удручает своими размерами. Я хорошо их понимаю...

Навстречу нам из переулка выходит с десяток вооруженных эксменов. Нет, «вооруженных» — это сильно сказано. У вожака есть пистолет, и он демонстративно им помахивает, руки остальных заняты ножами и арматурными прутьями, как у Шпоньки, а один худосочный очкарик водрузил на тощее

плечо здоровенный топор, каким разделывают мясо, пытается выпятить впалую грудь и глядит орлом. Н-да, грозная рать... Секунд на пятнадцать работы для одной спецназовки.

Несколько секунд мы настороженно изучаем друг друга, не двигаясь с места. Автомат, отнятый мною у той дикой кошки, и бекасник Мустафы производят на встреченную нами артель самое благоприятное впечатление. Вожак молча делает знак: пошли, мол, с нами, не пожалеете... Отрицательно мотаю головой в ответ, и интерес к нам сразу пропадает. Вся компания втягивается в противоположный переулок.

Это далеко не первая встреча. Брошенные «человеческие» кварталы наводнены бандами. Резервации эксменов, наверное, совершенно опустели — все, кому не лень, пасутся здесь. Встречаются и мародеры-одиночки, но больше банд. Несколько одиночек пытались увязаться за нами и отставали, поняв, что у нас есть какая-то цель помимо грабежа. Дважды в нас стреляли из окон. Один раз мне пришлось дать короткую очередь в ответ. Не знаю, попал ли. Если да, то случайно, а скорее всего, просто образумил, показав, что худо-бедно умею не только нажимать на спуск, но и целиться. Что, кстати, эксмену совсем не полагается, поэтому никто из нас троих даже не задет...

Но чаще встречи оканчиваются миром. Идут куда-то трое странных, ну и пусть себе идут, раз никому не мешают. Добычи и развлечений в бабских запретных кварталах хватит на всех. Во как они, стервы, жили, во как! Нам бы так. Ниче, теперь и мы поживем как люди, жаль только, что один лишь день. Зато это наш день!

Пир во время чумы. И что-то мне это сильно напоминает, только масштаб не тот. Уж не Ананке ли?..

Мы вынуждены заложить большой крюк, обходя пожар. Опять горит целый жилой квартал. Длиннейшие, закрученные в тугие спирали языки пламени алчно облизывают стены многоэтажек. Ревет огонь, на верхних этажах воют мародеры, отрезанные пламенем. На асфальте труп старухи с размозженной головой. Рядом труп девочки лет восьми. Не хочется и смотреть. Почему они не эвакуировались? Отказались, не поверив в страшное? Не досталось места в убежище? Ловлю себя на мысли: старухе повезло, она умерла быстро...

Стелющийся удушливый дым. Догорающие или только разгорающиеся здания. Остовы сгоревших автомобилей. Бей,

круши, однова гуляем! Единственный и последний разочек! Эх, и гульнем же, смертнички!..

Есть такие, кто, согнувшись, тащит барахло в сумках и наволочках, но их мало. Большая часть громил просто громит. Акт мести, так сказать. Они очень торопятся, боясь не успеть разгромить все до основания, не оставив и следа от атрибутов запретной для них и потому жгуче ненавидимой чужой жизни. Они знают, что ответное возмездие не заставит себя долго ждать.

Хотя, конечно, знают не все. Многие вдрызг пьяны и слезливо счастливы, иные допились до отключки, а этот вот, ахнув бутылку о стену, со всхлипами и собачьим подвыванием полосует себя осколками вдоль и поперек. Ему очень жалко себя, но разве не он теперь хозяин своей жизни, а? И жизни, и смерти, вот как! Попробуй только отобрать у него стекло — не сметь! Прочь, дети грязи! Я сам! Я все могу! И так могу, и этак могу-у-у...

С диким криком, кувыркаясь в свободном полете, скользит вдоль стены еще не дымящегося здания нелепое тело и звучно впечатывается в мостовую. Эксмен, однако. Пьяный самоубийца? Выброшен подельниками? Осознал ближайшую свою перспективу? Кто его знает, теперь не спросишь...

А кое-где над городом уже кружат вертолеты. Не те, что нас гоняли, другие. Очень скоро к столице подтянутся покинувшие убежища войска, в ключевых местах будут выброшены десанты, и спустя малое время наступит логический финал. Между прочим, я совсем не уверен, что будут пощажены те робкие, кто поостерегся покидать городские эксменские резервации. Скорее уж в живых будут оставлены те, кто еще уцелеет к тому моменту, когда мстительницы утомятся мстить, а начальство прикрикнет на них в том смысле, что надо же кого-то и оставить, как можно скорее употребив для насущных работ...

Но кружащие без ясной цели вертолеты мне уже очень не нравятся. С часу на час начнется. Я надеялся, что нам будет отпущено больше времени.

— Тим! — раздраженным голосом зовет Шпонька.

— Ну? — Я оборачиваюсь.

— Куда мы идем?

— Прочь из города, куда же еще. Он нам помог, а теперь мешает.

Ответ удовлетворяет Шпоньку только на минуту.

— Ти-и-им!

— Чего тебе?

— Нам не туда. — Он уверенно тычет своей арматуриной в боковой переулок. — Вот так будет гораздо ближе.

— С чего ты это взял, раз в Москве впервые?

— По солнцу определился.

Надо же. Следопыт какой. И солнца-то почти не видно — в городе его то дом застит, то дым...

— Пожалуй, ты прав, — признаю я.

— Ну?..

— Знаешь, ты иди, если хочешь. Я не держу. А у меня тут еще есть одно дело. Нет, даже два...

— Какие у тебя могут быть дела?

Шпонька обижен, как ребенок. Он устал, он готов расхныкаться, и арматурину ему нарочно подсунули чересчур тяжелую. А тут еще взрослый умный дядя не желает посвящать его в свои взрослые мысли и планы... Обидно!

— Дело второе — найти транспорт, — терпеливо объясняю я ему. — Пешком уходить рискованно — далеко...

— А первое дело?

— Найти роддом или больницу с родильным отделением. Хочу проверить одну любопытную гипотезу.

— Другого времени ты не нашел? — теперь уже не выдерживает Мустафа. Мои товарищи переглядываются: не спятил ли я ненароком?

— Только сейчас и можно ее проверить. Другого времени не будет.

— Хм, — в сильном сомнении качает головой Безухов. — Ладно, веди. Вон там впереди — не больничные ли корпуса?

— А я, по-твоему, куда иду?!

Вблизи корпуса и впрямь оказываются больницей, причем пока еще не разграбленной и не подожженной. Это ей только предстоит. Когда безумные толпы громил обнаружат, что все спиртное в магазинах и квартирах уже разграблено, они непременно вломятся сюда за очищенным этанолом. Пока что больницу спасают высокая ограда, запертые калитки и стальные ворота. Высадить их нечем, а карабкаться через забор — лень. Поблизости полно более доступной добычи.

Мне тоже лень карабкаться, и я без слов преодолеваю забор нырком через Вязкий мир. Мустафа и Федор телепорти-

руют следом за мной столь уверенно, будто занимались этим с пеленок.

Вот насчет пеленок мы сейчас и проверим...

Больничная территория пуста, как после чумы. Где тут родильное отделение? Ага, вот указатель...

— Ищите, — бросаю я, потирая ушибленное плечо. Вздумал ломать входную дверь, а она не заперта.

— Что искать?

— Звукоизолированное помещение, вернее всего, подземное...

— Почему звукоизолированное? — недоуменно поднимает брови Шпонька, но я отмахиваюсь от него, как от мухи. Нет времени разжевывать и в рот класть. Пусть мыслит сам и, если сумеет меня опровергнуть, может быть, сэкономит нам время...

Мечемся по лестницам вверх-вниз. Где?! На глаза не попадается ничего необыкновенного: палаты для рожениц, приемное отделение, предродильное отделение, кухня, операционная, ординаторская, кабинет главврача... Ничего кроме.

Все пусто. Без сомнения, эвакуация прошла в образцовом порядке. Везде прибрано, аккуратно и пусто особенной, гулкой пустотой. Часть медицинской аппаратуры вывезена — видно, где она стояла.

Моргаю в растерянности. Где искать? Может, надежнее поискать доказательства в архиве, в особой его части?.. Да, но где он, этот архив? Он запросто может храниться в другом здании. Он вообще может быть вывезен.

Что я упустил? Что???

А не олух ли я? Думай! Как бы спроектировал сам на их месте? Где бы оборудовал искомое? Ну конечно, близ помещения для новорожденных! Третий этаж, направо.

— За мной, уникумы!

Тут, конечно, две палаты: для девочек и для эксменов. Так и написано на табличках. Вторая палата нам не нужна, а первая... о, тут хитро устроено! Узкий обходной коридор соединяется с задним выходом из палаты для новорожденных девочек; каким путем ни иди, а выходишь в другой, совсем короткий коридор, где невозможно не заметить надпись: «Зона ОИ. Приготовь пропуск!» На двери направо табличка «Комната отдыха оператора ОИ».

Коридор упирается в обыкновенные створки лифта. Даль-

ше пути нет. Напрасно я тычу в кнопку вызова — электричества нет во всем городе, нет его и в больнице.

— Где-то должна быть лестница вниз...

Ищем долго и без всякого результата. Запертые дверные замки Шпонька, злобно ругаясь, крушит арматуриной. Мог бы легко телепортировать сквозь дверь — не хочет. Осатанел.

Нет никакой лестницы. А должна быть. Хотя бы из противопожарных соображений. Я бы наверняка предусмотрел бы здесь лесенку в подземный ярус, пусть узкую, пусть винтовую... Вероятно, она есть, но идет не отсюда, а из какого-то другого места, которое нам нет времени искать.

Да нет и смысла... В комнате отдыха для таинственного оператора ОИ валяется прозрачный ящичек, очень похожий на тот, который предназначен для транспортировки кошек и иного мелкого домашнего зверья, только не сетчатый, а цельный, с герметически закрывающейся крышкой из помутневшего плексигласа. Понятно, отчего он помутнел... И что такое ОИ, я тоже догадываюсь. Не особая ли инициация?

— Хватит, — произношу я вслух. — Нет смысла идти дальше. Я знаю, что там внизу.

— Ну?..

— То самое звукоизолированное помещение. Можно попытаться туда телепортировать, но там наверняка нет света, так что ничего мы там не увидим. И не надо.

— То тебе надо, то не надо, — бурчит очень недовольный Шпонька. — Ты бы уж выбрал что-нибудь одно...

— Ладно. Это что? — тычу я пальцем в ящичек. — Это для чего?

— Точно не скажу, — чешет в затылке Мустафа. — Похоже на стерильный бокс для недоношенных...

— Герметичный? Без доступа воздуха?

— Может, снаружи прикручивался какой-нибудь баллончик...

Держите меня, сейчас упаду.

— Где он прикручивался, где? Покажи место, резьбу. Где выпускной клапан? Для чего вот эта ручка?

— Для переноски.

— Умница. Как догадался? — язвлю я. Не надо бы так с Мустафой, но меня с некоторых пор раздражает непонятливость окружающих. Типичные ограниченные эксмены. — Это и есть герметичный бокс для новорожденных, только не для

переноски, а для инициации. А воздух не нужен, потому что долго ли длится инициация? Секунды три. В звукоизолированной комнате операторша закупоривает ящичек, ныряет в Вязкий мир и, не сходя с места, выныривает обратно, вот и вся процедура. Потом она открывает бокс, поднимается на лифте, проходит через охрану зоны ОИ и возвращает младенца в палату. Теперь поняли?

По глазам вижу — они поняли. Еще не слишком верят услышанному, но поверят, никуда не денутся. Все до тошноты логично, все сходится один к одному.

— Теперь вам понятно, почему вы телепортируете? — спешу добить я. — Потому что я вас инициировал! Точно так же, как когда-то моя мать инициировала меня!..

Стоят, рты разинули. Только у Шпоньки вдруг начинает часто-часто вздрагивать челюсть. Истерики не миновать, и я, торопясь, выплевываю слова, как пулемет:

— Никто не рождается со способностью к телепортации, понятно? У Сандры Рамирес была редчайшая аномалия, Сандра сумела каким-то образом проникнуть в Вязкий мир... Не спрашивайте меня как, не знаю! Наверное, абсолютных правил не существует нигде, ведь и я давеча намного перекрыл свою предельную пороговую массу... Ну вот, а дальше пошло-поехало: сначала Сандра инициировала детишек, исключительно девочек, а работала она, между прочим, детской няней и слыла ультрафеминисткой, обрабатывала своих воспитанниц в духе женского превосходства. Потом началась цепная реакция, и была выдумана липовая теория насчет игрек-хромосомы...

Они уже почти не слушают, потому что оба в истерике. Она у них проявляется по-разному: если Шпонька сполз по стене, скулит и слезливо грозит кому-то, то Безухов отбил кулак о стену и изрыгает черные проклятия. Оба мечтают кого-то убить — к счастью, не меня. Для роли их жертвы я полом не вышел. Хромосомный набор не тот.

А я, как заведенный, все говорю и говорю о том, что полуторавековое сохранение тайны возможно, если тайна имеет государственный и даже надгосударственный масштаб, если в нее посвящены очень и очень немногие... Даже тут комната отдыха одного оператора, а не нескольких. Одна операторша ОИ на большую больницу, а больше и не надо... Наверняка она проверенная сотрудница Департамента и скорее откусит

себе язык, нежели проболтается. Не исключено, что она выполняет работу, даже не понимая ее смысла. Разве так трудно обучить умственно отсталую? Говорят, дауны легко обучаются несложной работе и очень старательны. Сколько баб во всем мире посвящено в тайну? Очень мало, одна из миллиона. Остальные искренне считают, что им от природы повезло родиться людьми первого сорта...

Вот на чем основан весь Путь Обновления, коим человечество уверенно шагало до контакта с чужаками и коим оно, по-видимому, намерено шагать в дальнейшем, наведя порядок и мало-помалу ликвидировав жуткую разруху. Что может помешать этому? И надо ли мешать? Чужаки воспринимают земную цивилизацию как бабочку-однодневку и дают ей плохой прогноз на будущее. Но ведь трудно не согласиться с тем, в чем убеждал меня некогда старый привратник Вокульский: Путь Обновления вывел цивилизацию из кризиса, заменил хищничество разумным сбережением, уничтожил войны и даже не отменил прогресс, правда, медленный, как рост мамонтова дерева. Так а куда торопиться-то, если все накормлены?.. С фактами не поспоришь: Путь Обновления действительно неплохая альтернатива гибели биосферы, войнам и всеобщему одичанию. Да, Путь основан на тотальной лжи, но ведь и на разуме тоже. Кто скажет, что это не так? Как иначе обуздать инстинкты толпы, почему-то всегда с легкостью побеждающие здравый смысл?..

— Сволочи... — хрипит Мустафа. До него не доходят мои адвокатские аргументы, да я и сам привожу их только для того, чтобы не скрежетать зубами.

Всякому обидно оказаться крайним. Но сознавать, что твоя ущербность вызвана не дурной случайностью, а чьей-то холодной волей, — вдесятеро обиднее. Кому-то до слез, а большинству до желания наносить окружающим тяжкие телесные увечья. Обиду сразу хочется на ком-нибудь выместить.

— Ну чего вы развопились, как бабуины? — сердито говорю я, выждав минут пять. — Банан у вас отобрали? Наоборот, дали, так жуйте его! Вы уже не эксмены.

— А кто мы? — со злобой вопрошает Мустафа. — За бабуинов знаешь что бывает...

— Насчет приматов беру слова обратно. Дело обстоит гораздо хуже: мы — тигры-людоеды. Подлежим уничтожению любым способом и без срока давности. Масса свидетелей мо-

жет подтвердить под присягой, что вы телепортировали. Осознали? Соображайте живее, у нас мало времени...

— Чего ты хочешь?

— Плана действий. У нас его нет, если не считать намерения покинуть город. На территории больницы стоит поискать машину. Допустим, мы выберемся и затеряемся, а что дальше? Жить, скрываться и дрожать?

Мустафа первым берет себя в руки:

— Что ты предлагаешь?

— Нас должно стать больше. Будем инициировать всех подряд до тех пор, пока нас не станет так много, что бороться с нами станет бесполезно...

— А сопутствующая пороговая масса?

— Ну у меня же получилось! — горячо втолковываю я. — До сих пор я мог пронести в Вязкий мир двенадцать килограммов, а теперь? Не знаю, что случилось, может, это оттого, что я побывал в чужаке...

— Уверен?

— Нет. Но если не это, то что?!

— Хочешь проделать эксперимент? Попробуй еще раз уйти в Вязкий мир с нами обоими. Нет, для начала только со мной...

Я пробую. Схватив Мустафу поперек туловища, тужусь до синевы. Без толку.

— Вот видишь... — говорит Мустафа. — Один раз вышло от отчаяния, а ты уже замахнулся на большее? Решил, что чужаки поднесли тебе подарок? Все понятно? Радуйся, что ноги унес. Тоже мне, суперэксмен, уникум, первый из могикан!..

— За эксмена, даже супера, знаешь что бывает...

— Выброси «экс». Спрашиваю еще раз: что ты предлагаешь? Проникать в интернаты для эксменов-малолеток и инициировать их? Детей тебе не жалко? Сообрази, что с ними сделают. По-твоему, двухлетний ребенок сумеет сохранить тайну ради собственного спасения?

Мустафа прав. Если даже окажется, что у него или Шпоньки сопутствующая пороговая масса больше моей, это все равно не меняет сути дела.

— Мы будем красть детей, — объявляю я. — Красть, инициировать и воспитывать людьми, а не рабами. Это программа на годы.

— Кормить, — иронически подхватывает Мустафа, — вытирать соплякам носы, высаживать на горшок...

— Вот именно, высаживать! И кормить! И лечить, и учить. Каждый из них, войдя в возраст, сможет инициировать других. Как только начнется цепная реакция, матриархату конец.

— Ну да, лет через сто!

— Тьфу! Ну предложи, как это можно сделать завтра... Не можешь? Тогда пошли. Мобиль поищем.

Брошенный санитарный микроавтобус застыл между хирургическим и инфекционным корпусами. Почти полбака метанола, и ключ на месте.

— Федька, давай за руль. Заводи.

— Почему я? — жалобно протестует Шпонька.

— Ты же все-таки техник...

Как ни странно, этот аргумент действует. Впрочем, другого у меня все равно нет. Мы умеем пилотировать космические корабли, а дояр Мустафа когда-то участвовал в родео, лихо джигитуя на рогатых и безрогих скотах, но никто из нас никогда не управлял обыкновенным мобилем. Такого водилу, как Шпонька, дорожная полиция остановила бы на первом же перекрестке, если предположить, что он каким-нибудь чудом не врезался бы раньше в столб или другой мобиль...

Но где она, дорожная полиция? Мобилей на улицах тоже нет, за исключением горелых. Раздолье! Полигон для первоначального обучения. А если кто вздумает мешать, то в моем автомате магазин еще не пуст.

— О, да здесь автоматическая коробка! — ликует Шпонька и не желает объяснить, что это значит. Ему некогда. Микроавтобус стремглав срывается с места и мчится назад, с отчаянным визгом тормозя в сантиметре от столетнего вяза; вторая попытка швыряет нас вперед, но при этом выбрасывает с асфальтированной дорожки на раскисший газон, мотор глохнет, Мустафа набивает шишку о ветровое стекло, и далеко впереди нас кувыркается, подпрыгивая, сбитая жестяная урна. Шпонька сияет. Он проехал целых полсотни метров, и он — глядите-ка! — еще жив. Ну, теперь он уверен в себе и твердо знает, что способен укротить любой самобеглый механизм. Дайте ему только потренироваться минут пять-десять, и можно ехать.

— Да, а как же ворота? — спохватывается Безухов.

— Высадим! — кричит Шпонька, и море ему по колено. —

Задом высадим. Я видел, там прямая дорожка, есть где разогнаться.

Лучше ему не мешать. Сейчас его время, его звездный час. Я снова груз, и лучшее, что я могу сделать, это распереться руками и ногами, страхуя себя от телесных повреждений при таране ворот. Мустафа следует моему примеру. Пожалуй, разумнее было бы лечь на место, предназначенное для носилок с транспортируемой больной, но, кажется, на это уже нет времени...

Разгон, удар — и мы на свободе. Хм... на вид петли на воротах казались более прочными.

— Куда ехать? — интересуется Шпонька тоном бывалого шофера. Мол, только скажи — и домчу с ветерком.

— Прямо и направо. Выедешь на проспект Фурцевой, дальше я покажу.

Вон из города! Скоро в нем станет очень неуютно тем, кто сейчас чувствует себя его хозяевами. Весьма скоро. Но мы, надо надеяться, будем уже далеко. Мы не можем положиться на автоматику, потому что единая транспортная система не действует из-за отсутствия энергии, зато нас не останавливают светофоры. Мы-то, пожалуй, успеем...

Кричать всем встреченным болванам, чтобы спасались, пока не поздно? Нет, не стану. Я хорошо понимаю их — мародеров, насильников, убийц, калифов на час, — и все-таки они мне противны. Небольшое стадо изрядно поднабравшихся эксменов с тупым удивлением провожает взглядами наш микроавтобус. Демонстрирую им автомат, и встреча оканчивается лишь брошенной в нашу сторону пустой бутылкой. Между прочим, и без нее на асфальте полно битого стекла, как бы не пропороть шину...

Шпонька и сам это понимает — то и дело крутит руль, швыряя микроавтобус от бордюра к бордюру. Дымящийся, испоганенный, обглоданный город-призрак мало-помалу остается позади. Дзень! — одно из боковых стекол внезапно осыпается мелкими осколками. Вероятно, в нас выпалили крупной дробью, но откуда стреляли — не заметил. Наверное, из какого-нибудь окна. Знакомиться со стрелком нам некогда. Вперед!

— Куда едем? — интересуется Шпонька за городской чертой.

— Прямо. Я скажу, где остановить.

— А что там?

— Есть тут одно место, — туманно говорю я. — Один коттедж, принадлежащий Департаменту...

— Кому-у?

— Департаменту федеральной безопасности. Чего уставились? У меня там есть одно дело. Светиться не будем, я выйду заранее. Хотите — ждите меня, хотите — езжайте, я не буду в претензии. Дело касается только меня одного, так что просить вас, ребята, помочь мне я не могу, справлюсь сам...

— Какое дело? — агрессивно осведомляется Мустафа. Весь подобрался, вот-вот бросится. Тигр.

— Там живет моя мать, вот какое! — срываюсь я на крик. — Понятно?

Секунды две требуется Мустафе Безухову, чтобы вспомнить то, что я когда-то говорил ему на Ананке. Тогда он восхищался мною... но тогда — не сейчас.

— Под надзором?

— Наверняка.

— И не эвакуирована?

— Думаю, нет. Я просил об этом.

— Иоланту?..

Я не успеваю ответить. С воплем: «Федька, газуй!» Мустафа прыгает на меня, и мы валимся в узкий проход между сиденьями аккурат на место для носилок, причем я внизу, а бывший дояр навалился сверху и стиснул мои запястья словно в тисках — хватка у него по-прежнему могучая. Драться в таком положении я не могу, телепортировать тоже, а если бы и смог, то наверняка расшибся бы насмерть — Шпонька давит на газ, микроавтобус не едет, а летит...

— Пусти!

— Нет.

— Пусти, гад, убью!..

— Ты умный человек, Тим, но ты дурак, — говорит Мустафа, наклонившись к моему лицу. — Включи мозги. Твоя мать тебя инициировала. Почему? Нет, я не спрашиваю о ее мотивах, они мне неинтересны... Я спрашиваю, почему она, родив мальчика, умудрилась оставить его при себе, не сдав государству? Допустим, она жила замкнуто и, вернее всего, в сельской местности, где-нибудь на уединенном хуторе или в одинокой избушке посреди леса... Возможно, она была старшей лесничихой, или егермейстером, или что-нибудь в этом роде.

Она тайно родила и тайно воспитывала тебя. Естественно, рано или поздно за ней все равно должны были прийти. И пришли. Она пыталась уберечь тебя, телепортировав с тобой на руках... Я спрашиваю: почему в таком случае тебя, инициированного, оставили в живых, отняв у матери?.. А?.. Думай!

— Не знаю, — хриплю я после неудачной попытки ударить его головой в лицо. Мустафа начеку.

— Это не ответ. Да хватит тебе елозить, полежи смирно! Ты все знаешь, только не хочешь задуматься, потому что боишься собственных мыслей. А ответ-то ясен, лежит на поверхности...

— Ничего не ясен! — ору я. — Какой ответ? Она жива, она ждет меня! Я же говорил с нею, а потом еще видел фото. Она жива, и я жив! Бывают всякие случайности, может, путаница в документах или уж не знаю, что еще...

Сопящий от натуги Мустафа умудряется печально покачать головой:

— Знаешь. Только не желаешь об этом говорить, ну так я тебе сам скажу. Твоя мать убила тех, кто пришел за нею, и была убита сама. Других вариантов просто нет... Тебя, карапуза, нашли подле мертвых тел и отправили в интернат, вместо того чтобы уничтожить... Разве кому-нибудь из них нужен телепортирующий эксмен? Те, кто подобрал тебя, не могли предположить, что ты инициированный... Как ты сказал — путаница в бумагах? Не смеши. В ТАКИХ бумагах путаницы не бывает, иначе человечество уже давно перестало бы делиться на людей и эксменов. Тут чересчур высоки ставки...

И мне нечего возразить. Я могу кричать о своем несогласии с безупречными силлогизмами Безухова, я могу протестовать против хищной логики этого мира, и я кричу. Я протестую. Равнодушному мирозданию моя ругань безразлична, а Мустафа явно огорчен, но так надо мне. Если не действовать, то хотя бы выкрикнуть все, что я думаю о мире, в котором живу, и отдельно о той его части, которая зовется Мустафой Безуховым, моим непрошеным спасителем...

— Это ловушка для дураков, Тим. Один раз ты уже пошел на приманку и в результате выжил только чудом. Хочешь сунуться в ловушку еще раз? А приманка-то — пустая блесна. Прости, Тим, но твоей матери нет среди живых, и я не позволю тебе угробить себя за так, я слишком многим тебе обязан...

— И я, — лаконично встревает Шпонька, крутя баранку.

Часть III

СВОБОДНЫЕ

21

Вот уж выпало времечко родиться и жить!

Время перемен — этим все сказано. А что меняется и для чего меняется — о том известно немногим, да и те предпочитают помалкивать о главном, хотя вообще-то говорят много и охотно. Можно верить, можно не верить — в сущности, разница невелика. Пока есть что намазать на хлеб, так и вообще нет никакой разницы. Мир куда-то движется, временами ложась в дрейф, а чаще рыская противолодочным зигзагом, мелькают какие-то вехи, реперы, створные знаки и придорожные указатели, тут же рядом с табличкой «Разминировано» валяется чья-то нога без туловища, и повсюду щелкают капканы — когда вхолостую, а когда и нет. Держи путь туда же, куда и все, не ошибешься. Делай то, что предписано, ведь сверху виднее. А если кто-нибудь скажет, что не предписано ничего, пошли подальше такую фантастку. Что было, то и будет. В общих чертах, конечно. И с поправкой на временные трудности.

Перемены? Ладно. Большинство людей, поворчав, соглашается. К лучшему или к худшему эти перемены — потом разберемся. Лишь бы сохранялся какой-никакой закон, лишь бы центральная власть была крепка и не кидала подлянок, лишь бы были известны правила игры. Можешь вступить в игру, можешь держаться от нее подальше — твое дело.

Хуже, когда нет ни того, ни другого, ни третьего. Когда то, что намазано на хлеб, отнимают вместе с хлебом, а иногда и с жизнью. Когда даже самые умудренные перестают понимать, куда катится мир. В яму — это бесспорно. Но в какую из многих?.. И какова ее глубина?.. И удастся ли когда-нибудь выползти обратно?..

Даже немногочисленные и, по общему мнению, не очень-то умные люди авантюрного склада, кажется, начали тоско-

вать по более спокойным временам. Авантюра хороша тогда, когда она тщательно продуманна и обеспеченна. И пусть буквоеды ехидно твердят, что в таком случае она не называется авантюрой, — дело не в терминах. Дело в пропасти между желаниями и возможностями.

Благо тем, у кого уцелела хотя бы крыша над головой. Прочие, едва дождавшись разрешения покинуть убежища, очень скоро начинали проситься в них обратно. Где жить? Как быть? Ну ладно крупные города — те почти все уцелели. Зато от сотен тысяч малых городов, поселков и деревень остались лишь присыпанные грунтом развалины, а от многих не осталось и того... Э-хе-хе... Начинать все заново, с нуля, с голого места?.. Опускались руки. Тоска стыла в глазах.

Ничего, однако, не оставалось делать, кроме как продолжать жить, каждодневно стараясь преодолеть не то, так это. Ступор первых дней проходил, сменяясь более живыми эмоциями.

Болтали многое. Народная молва, имеющая мистическое свойство распространяться со скоростью степного пожара, приносила сведения столь дикие и страшные, что в их ужасающие подробности отказывались верить даже те, кто своими глазами видел кровавую вакханалию в неразрушенных мегаполисах.

Ольга — видела. Часть Мытищинского отряда была брошена на восстановление правопорядка в центре столицы. Три звена работали в зоопарке. У Ольги сжимались кулаки при воспоминании о трупах ни в чем не повинных животных и нескольких замученных работницах тамошнего персонала, самоотверженно отказавшихся эвакуироваться. Конечно, за них отомстили стократно, но разве этого достаточно?!

И разве это уже конец потрясениям?

Информированные или выдающие себя за таковых открыто говорили о многих тысячах эксменских банд в глубинке, о нападениях на временные лагеря и хранилища продовольствия, о неизбежном голоде в самом близком будущем и — громче прежнего — о телепортирующих эксменах. Полиция вылавливала наиболее зловредных кликуш, однако до сих пор не удалось ни дознаться, от кого они получили эти сведения, ни пресечь их распространение.

Информационные каналы, понятное дело, все больше сообщали об успехах в восстановлении порушенной материаль-

ной базы, с фальшивой бодростью напирая не столько на конкретные успехи, сколько на массовый трудовой энтузиазм, нередко возвышавшийся до героизма. Радостно возвещали о результатах, но все больше о каких-то мелких: там пустили ткацкий комбинат (надо думать, не взорванный), тут восстановили хлебопекарню... Что совсем уже удивительно, похваливали даже эксменов, добросовестно трудившихся на расчистке завалов и строительстве, вместо того чтобы поддаться на подрывную агитацию бандитов и мародеров. Некоего Феофана Макропулоса наградили почетным жестяным знаком «За трудовую доблесть» и должностью десятника. Об уравнении в правах с людьми речь, естественно, не шла, да счастливчик Феофан, не будучи кретином, о том и не заикался...

Совсем уж неожиданно была амнистирована банда мародеров, сдавшаяся властям и покаявшаяся. Виновные в многочисленных самосудах преследовались и получали сроки. На словах эксменское сопротивление шло на убыль. Часто сообщали о поимке или уничтожении очередного агитатора-горлана-главаря, но почему-то без плохо скрытого торжества или злорадства, а едва ли не со вздохом сожаления — вот, мол, до чего доводит некоторых эксменов левая резьба в голове... И не хочется, мол, поступать с ними круто, а ничего не попишешь — надо. Суровые времена требуют суровых решений, но все еще наладится, все восстановится, включая и общественный порядок, дайте только срок решить все по уму и по возможности миром...

Рядовые обывательницы, лишившиеся в недавнем лиходневье кто крова, кто всего имущества, а кто и родных, слушали этот бред с зубовным скрежетом. Миром, да?.. Миром?! Мир с эксменами, возвращение старых порядков? Мир с умственно поврежденными посредством искаженной хромосомы? Мир с социально опасными? С убийцами, насильниками, мародерами и вандалами??! Да ни за что! Да никогда! Давить их надо, как клопов поганых, а не мириться с ними, играя в либерализм! Перестрелять их всех, оставить только племенное стадо... Ну что, опять «рабочая сила»? Некому, что ли, работать? Найдутся нормальные человеческие ресурсы и для черной работы, было бы желание их поискать! Верно сказано: сколь эксмена ни корми, а плетью обуха не перешибешь. Зачем воспитывать тех, кто наглядно показал всему миру свою неисправимость? К ногтю!.. В пыль!.. В ничто!..

Но правительство Конфедерации, то ли вынырнувшее со дна моря, то ли выкарабкавшееся из мерзлого убежища в толще антарктических льдов, явно настроилось стоять волнорезом против течения и гнуло свое. Да, неохотно соглашались пресс-секретари, эксмены в основной своей массе не выдержали экзамена на принадлежность к человечеству, но разве кто-то от них этого ждал? Смешно, леди. Конечно, очень плохо, что многие из них провалили также экзамен на принадлежность к цивилизации, но давайте подумаем: а нет ли в этом доли и нашей вины?..

Между делом сообщалось о резком сокращении ассигнований на космофлот, «уже выполнивший свою историческую миссию», об уменьшении численности последнего и о сведении к минимуму количества космических запусков во имя восстановления порушенной экологии. Промелькнуло сообщение об увольнении на давно заслуженную пенсию госпожи Присциллы О'Нил, еще недавно командовавшей эскадрами космических жестянок, — промелькнуло, никого не взволновало и забылось.

Больше кнутом, нежели пряником, правительство гасило разгорающиеся конфликты между Федерациями, совсем недавно рассчитывавшими на помощь соседей, и Федерациями, помощи не оказавшими. Правительство Славянской Федерации, виновное в махровом сепаратизме, получило предупреждение о возможном введении торговых санкций. Правительство Восточно-Азиатской Федерации призывалось к сдержанности и взвешенному подходу. На население обрушилась кампания «конструктивной пропаганды». Забудем былые обиды! Встанем! Плечом к плечу! Смело глядя вперед, а не назад! И таки обопремся на плечи эксменов за неимением более удобной подпорки...

Не того ждали. Перед телеэкранами в уцелевших квартирах, перед репродукторами, подвещенными на столбах во временных палаточных лагерях, перед радиоприемниками, перед расклеенными на стенах правительственными воззваниями выли и бесновались. В ораторов на митингах летели тухлые яйца, гнилые помидоры и прочая испорченная снедь, а нередко и камни. Посреди священного города Найроби в настоятельницу храма Первоматери, пытавшуюся обратиться к пастве с увещеваниями, швырнули живую полутораметровую мамбу — к счастью, не очень метко и не без пользы для

дела, потому что разъяренная ядовитая гадина, проигнорировав почтенную мать Соломонию, поползла, шипя, прямо на толпу, заставив ее с воплями рассеяться...

В Славянской Федерации больше всего повезло тем эксменам, которые остались в немногих неразрушенных городах и уцелели в армейско-полицейских операциях по восстановлению порядка. Выжили вовремя одумавшиеся и те робкие души, что вообще не покинули эксменских кварталов, не поддавшись соблазну хоть на сутки ощутить себя господами положения. Приструнить их не составило труда, и первые дни после зачистки они занимались тушением пожаров и санитарными проблемами городов, то есть вывозом и захоронением многочисленных трупов. Вскоре дело дошло до расчистки развалин, а несколько позже и до восстановления порушенного. Сотни рабочих бригад вывозились в провинцию, где волей-неволей приходилось начинать все с нуля.

Эксмены работали под охраной — не потому, что могли сбежать, а потому, что после нескольких печальных инцидентов полиция получила приказ охранять рабочую силу от самосуда толпы. Рабочая сила, пусть и неквалифицированная, как-то вдруг приобрела неожиданно высокую ценность.

Военное положение сохранялось, и никто пока не думал о восстановлении прежней структуры Министерства порядка, но кое-какие сдвиги были видны всем. Уже в апреле Мытищинский отряд полиции перестали перебрасывать с места на место, как теннисный мячик, и заняли службой в родном пригороде, частично снесенном с лица земли, а частично уцелевшем и превращенном в свалку того, что не успели уничтожить, а смогли только свезти в одно место и бросить. Не меньше половины дежурной смены было задействовано на охране рабочих бригад, расчищавших гомерические завалы всевозможного мусора и целые улицы, битком забитые брошенными механизмами всевозможного назначения — от легковых мобилей до экскаваторов и смятых гармошкой вагонов надземки, спикировавших с эстакады...

Дому, где жила Ольга, не повезло: он не уцелел, попав в черту сплошных плановых разрушений. Зато уцелел родной полицейский участок, где некоторые кабинеты, комната психологической разгрузки и даже отгороженная половина «обезьянника» были отданы под временное общежитие для бездомного личного состава. Хватало времени и на сон, и на спокой-

ный прием пищи, и на недолгую болтовню с подругами, а больше ничего и не хотелось. Еду исправно привозили в полевой кухне — однообразную, но сытную.

Больше всего Ольге хотелось бы забыть свое фиаско с попыткой задержания одного из телепортирующих эксменов. «Дура ты, дура, — внушала Галка Васюкевич. — Скажи спасибо, что на пулю не нарвалась. Куда полезла без приказа, зачем?..»

Правда, Галка не бралась утверждать, будто Ольга сорвала операцию ненужным своеволием, и вообще никто не попытался повесить на нее вину за провал, но от этого было не легче. За плохое планирование операции приходится отдуваться не одному лишь начальству — исполнителей тоже не гладят по головке. Оглядываясь назад, Ольга понимала, что эксмены-уникумы имели реальный шанс уйти, чем и воспользовались. Галка шепнула, будто бы весь план исходил из неверной предпосылки о том, что среди троих беглецов телепортирующий только один...

Да, противник был недооценен. Да, рискованный бросок Ольги ничего не дал, если не считать унизительного удара кулаком по темени. Удар — чепуха: отлежалась чуток и вскоре уже принимала участие в масштабной операции по зачистке города. Головная боль к вечеру прошла, остались недоумение и жгучая обида. Получить по голове от какого-то возомнившего о себе эксмена! Удар не по темени — по самолюбию!

«Ты их боишься, — говорила еще Галка, и Ольга не решалась строптиво переспрашивать, кого это «их». — Помнишь, после операции по зейнабисткам ты рассказывала мне, как тебя в детстве напугал телепортацией мальчишка-эксмен? Мне бы раньше сообразить, что у тебя комплекс и что ты с ним борешься! Не спорь, я вижу. Тебе не терпится доказать самой себе, что все это пустые страхи, что ты все равно сильнее врага, ловчее, умнее... Вот и рванула — доказывать! И много ли доказала? Радуйся, что на тебя не повесили всех чертей...»

Галка была права. Больше всего на свете Ольга желала бы встретиться с тем эксменом еще раз.

Лицом к лицу. Можно без оружия. Но и без правил.

Мечты тем и отличаются от реальности, что пока еще реальностью не стали. Мало-помалу служба входила в привычную колею. Смена — двенадцать часов, и далеко не каждую ночь весь отряд поднимался по тревоге. В отряде поговарива-

ли о восстановлении выходных дней, пока что по одному в две недели, и слухи эти не казались беспочвенными.

Прошел апрель, наступил май. Из сводок следовало, что почти двадцать процентов населения уже вернулось в свои дома. Восемьдесят процентов бездомных по-прежнему ютились в подземных убежищах и палаточных лагерях. Многих временно селили в унылых эксменских кварталах, ныне чересчур просторных для поредевшего поголовья второсортных двуногих.

От мамы по-прежнему не было никаких известий; не поступало пока и ответов на запросы. Ольга ругала себя за то, что своевременно не выяснила, в какое убежище определили маму. Правда, в те безумные дни — не дай Первоматерь еще раз пережить такие! — не было ни единой свободной секунды, и будь в сутках сто часов, все равно оставалась бы досада: почему не двести? Теперь оставалось ждать, обоснованно надеясь на скорый конец неразберихи с учетом и связью.

Успокаивало и то, что почти все девчонки в отряде до сих пор не имели сведений о своих родных. А что Галка Васюкевич исключение, так ведь у нее мать — генерал полиции. Невместно отсиживаться в убежищах тем, у кого сейчас самая работа.

...Там, где у границы пригорода эстакада надземки, плавно понижаясь, вдруг резко обрывалась, доисторическим животным взревывал экскаватор, восстанавливающий железнодорожную насыпь, старательно уничтоженную шесть недель назад. Пахло выхлопом и потревоженным сырым грунтом. Ждал своей очереди на разгрузку грузовик со щебенкой. С полсотни эксменов под руководством седого дорожника в нарукавной повязке десятника вручную укладывали шпалы. Поездарельсоукладчика не наблюдалось — Ольге приходило в голову, что, возможно, и эта техника была списана в колоссальный расход во имя плана гражданской обороны. Ветхий маневровый тепловозик, пища сигналами, толкал платформу с рыжими от ржавчины рельсами. Черт знает откуда брались эти рельсы при неработающих металлургических комбинатах. То ли из старых запасов, то ли в неразберихе последних дней перед моментом «ноль» чья-то гениальная голова догадалась сохранить рельсы с порушенной дороги, вместо того чтобы попросту бросить их, слегка прикопав...

На сей раз никто из посторонних не мешал работе. Задей-

ствованный на охране усиленный патруль полиции маялся без дела. А ведь всего несколько дней назад приходилось рассеивать мстительно настроенные толпы местных жительниц, воочию узревших результаты хозяйничанья эксменских банд в их домах. В их городе. На их планете. Приходилось стрелять поверх голов, вызывать на подмогу пожарных с брандспойтами, вылавливать и увещевать дубинками самых исступленных, норовящих телепортировать за кордон и добраться до обидчиков. А робкие обидчики, работающие по пятнадцать часов в сутки не за совесть, а за страх, были рады-радешеньки, что их оставили жить, что их кормят и даже охраняют от самосуда. Что им позволили искупить вину. Какое счастье, что людям более, чем прежде, нужна рабочая сила! Саботажников не находилось; лодырей и симулянтов сами эксмены избивали до полного вразумления — пусть непрофессионально, зато от души.

По оценкам компетентных правительственных органов, доводимым до сведения личного состава в качестве служебной информации, спустя месяц после пика всемирного кризиса удалось собрать и привлечь к труду три миллиарда эксменов — семьдесят пять процентов их докризисной численности. Остальные либо были уничтожены, либо по сию пору пребывали в бегах. Пожалуй, можно было надеяться отловить по всему миру еще миллионов сто пар рабочих рук, вряд ли больше. Зато потери среди настоящих людей, по предварительным сведениям, не превышали четырех-пяти процентов. Демографический корабль дал тревожащий крен: на двух человек отныне приходился лишь один эксмен. Понятно, что власти настаивали на сбережении рабочей силы, позволяя наказывать смертью лишь открытое и наглое неповиновение!

К счастью, справедливая ярость населения понемногу утихала, растворяясь в бездне повседневных неотложных забот. По слухам, кое-где дело уже доходило до формирования женских строительных бригад из представительниц временно невостребованных профессий, и, что дивно, в желающих недостатка не испытывалось. Пропаганда тоже делала свое дело: надо — значит, надо. Особенно за награду в виде первоочередного обеспечения жильем.

На взгляд Ольги, охрану уже можно было бы уменьшить, если не отменить вовсе. Патрулировать улицы и то приятнее,

чем скучать без дела, тупо глазея на суетящихся рабочих, да размякать, греясь на майском солнышке.

Припекало. Старые тополя на близлежащей аллее выбросили клейкие пахучие листья. Серая ворона усердно трудилась, обламывая сухую веточку, — собиралась строить гнездо. Пролетел по своим делам шмель, гудя, как трансформатор. Выводил рулады пестрый скворец — зазывал в скворечник подругу. Природе не было дела до людских проблем.

Не выходила из головы мама, да еще болезненной занозой сидел в памяти тот телепортирующий эксмен, который все-таки ушел. Встретиться бы с ним еще разок...

Клонило в дрему. С утра Ольга уже дважды наведалась в Вязкий мир — без всякого дела, просто чтобы держать себя в тонусе. Лучше любой гимнастики. Каждый раз рабочие на насыпи боязливо вздрагивали, и это служило единственным развлечением. Ску-у-учно... А терпи. Служба. Монотонные дни, и когда еще случится что-нибудь из ряда вон? После того что пришлось пережить, обычная полицейская служба пресна, как пшенная каша. Может, подать рапорт о переводе в спецназ? Нет, наверное, поздно. И уже неловко. Надо полагать, лихие бойцы были там нужны до, а не после...

После полудня, как всегда, прикатил обшарпанный «ворон» — толстая повариха Жанна привезла обед в судках-термосах. Эксмены на насыпи сразу оживились: вскоре и для них должно было наступить время кормежки.

— Вострецова, тебе почта!

Уже потом Ольга догадалась, почему Жанна не потребовала сплясать. И дело тут было вовсе не в уставном требовании строго блюсти достоинство полицейского, особенно на глазах эксменов — дело было в официальном штампе на конверте.

Торопясь, но не забыв метнуть настороженный взгляд на бригаду на насыпи, чтобы убедиться, что там все в порядке, Ольга вскрыла конверт.

Официальный штамп снаружи — и официальный бланк внутри. Ровные типографские строки: «С глубоким прискорбием сообщаем о смерти... наступившей... в результате...» Пропуски были заполнены от руки: «Вострецовой Алины Натальевны... 24 марта сего года... внезапного сердечного приступа». Ниже — абзац с соболезнованиями. Адрес из одних цифр — для запроса о месте захоронения. По поручению ре-

гионального отделения штаба гражданской обороны — подпись неразборчива...

Это было как нырок в Вязкий мир. Внезапно исчезли звуки, замедлился бег времени, нырнул в серую вату яркий майский день. Реальный мир существовал где-то на обочине восприятия, но мамы в нем больше не было. Она умерла за сутки до момента «ноль» — наверное, в переполненном душном убежище среди жалоб и причитаний спасаемого на полукилометровой глубине контингента, в страхе, как все, ожидая испепеляющего удара по Земле, которого так и не последовало...

Когда Ольга участвовала в разгроме усадьбы зейнабисток, мама была еще жива. А когда Ольга осваивалась в подземном убежище и получала втык за перерасход времени на туалет и душ, мама была уже мертва. «Мама» и «мертва» — как могут сочетаться эти два слова? Как могут они стоять рядом?

И никто не виноват. Виновато изношенное сердце.

Но Ольга чувствовала виноватой себя. Одну себя. Только себя. Правда, злость все равно хотелось сорвать на ком-нибудь другом.

22

— А я тебе говорю, что это Тимофеева работа, — убежденно втолковывал дядя Лева Гойко Кирибеевичу по прозвищу Молотилка. — Ты его знал только по вашему костоломному шоу, а я с ним как-никак сколько времени в одной лаборатории работал, и уж ты мне поверь... Если все идет не так, как планировалось, и Гаев где-то неподалеку, дело ясное: он вмешался. Он вообще мастер влезать во всякую запутанную чепуху и делать ее еще чепуховее. Это в его манере. Почему, я спрашиваю, чужаки не нанесли удар по Земле? Что могло им помешать? Космофлот, что ли? Воевали мышки с кошкой...

— Это все гадание на воде, — гудел Гойко, пытаясь встрять в паузу. — Мы ничего не знаем.

— Мы знаем то, что Тиму удалось вступить с одним из чужаков в контакт, что Тим не был сразу убит и даже сумел передать Вокульскому немаленькое послание. Из него нам кое-что известно о чужаках. Мы знаем ужасно много, а об остальном можем и догадаться. Случилось то, чего никто не ждал, а значит, Тим приложил к этому руку, вот как я понимаю ситуацию.

— Мы ничего не знаем...

— Это ты ничего не знаешь.

Сопя, помолчали. Где-то в кедраче крикнула птица. Волосатый шмель с солидным гудением покружился вокруг зонтика спутниковой антенны и низко потянул вдоль опушки. Медленно вечерело. Донимали слепни. Перистое облако, похожее на рыбий скелет, зависло в жарком мареве — к перемене погоды, к свежести, к грибным дождям.

Красота...

Лежать бы в такую погоду на пляже возле отведенного эксменам для купания городского пруда — нарочито мелкого, чтобы не потонули, но чистого, проточного, не загрязненного никакими зловредными стоками... Всюду ведь жизнь, и в скучных эксменских районах тоже. Терлецкие пруды, например. Посидеть на свежей травке, а то и забросить удочку в надежде вытащить если не карасика, то хотя бы ротана, а в ожидании поклевки неторопливо распить дозволенную бутылочку пива — м-м-м...

Дядя Лева хлопнул слепня на шее и сразу озлился. Да, была красота. Не чета, конечно, этой — эрзац был, огороженный вольер вместо свободы, и в любую погоду было душно, и давили серые бетонные коробки, а вне вольера было еще хуже, там простиралась чужая чистенькая территория, и, даже имея пропуск в нее, был ты там никем и даже хуже, чем никем... Да, страшным грузом давило, расплющивало по земле твердое знание: ты не человек, у тебя неправильная хромосома и потенциально опасная психика, ты умнее и способнее многих так называемых «настоящих», но они сильнее тебя, их превосходство держится на проклятой способности телепортировать, чего ты лишен от рождения и чего никогда не приобретешь... Да, тебя возмущала теория, будто ты ущербен во многом другом, что делает двуногое существо человеком, ты давным-давно понял тщетность попыток удержать мировой порядок без идеологических подпорок, и тебя, что бы ты ни делал, душила невозможность доказать лживость в общем-то примитивной государственной идеологии. Все это было.

Но была и безопасность. Была возможность удить в выходной день рыбку в городском пруду, неспешно тянуть пивко и не заботиться о сбережении собственной шкуры — ее берегли законы и их служители! Ты был нужен, и тобою зря не бросались. Ну разве что перед угрозой тотального уничтожения, когда стало ясно, что укрыть от опасности всех и вся ни за что

не удастся, что в первую очередь надо спасать тех, кто ценнее...

А разве ты на их месте поступил бы не так же?

Ну то-то.

— Если ты можешь обо всем догадаться, тогда зачем тебе Вокульский? — спросил Гойко после паузы.

— Чтобы дополнительно уточнить кое-что, — отозвался дядя Лева. — Так, самую малость.

— Например?

— Как быть дальше.

— Хороша малость... Не знаю, как для тебя, а для меня это существенно.

— Ты не философ, — важно объявил дядя Лева. — Не мозг. Ты бицепс. Изволь слушаться. Да не дергайся ты, шучу я, шучу...

— Шутить иногда вредно, — буркнул Гойко.

— Хочешь правду? Ты очень хороший бицепс.

— Польщен, что не прямая кишка. А ты кто?

— Я? Наверное, поджилки, которые трясутся...

Гойко посмотрел с сомнением: нечасто дядя Лева предавался самоуничижению, вдобавок при свидетелях. Но вслух ничего не сказал.

Молчал на стреме и Гриша Малинин, стерегущий в лесу старую полузаросшую просеку — единственный удобный подход с тыла. То ли в самом деле караулил, то ли спал — идти проверять не хотелось. Да и вряд ли у баб когда-нибудь дойдут руки до сплошного прочесывания бесконечной тайги. И силенок не хватит, и результат не гарантирован. Воздушное патрулирование — другое дело. Но рокот вертушки слышен издалека.

Нельзя все время бояться и не впасть в помешательство. Психика не выдерживает. Дядей Левой давно был разработан психологический рецепт под названием «Ну что, смертнички?», непременным атрибутом включающий в себя шуточки над собственной обреченностью. Он нисколько не удивился бы, узнав, что Тим Гаев начал пользоваться этим рецептом раньше своего наставника. В схожем положении вырабатываются схожие способы жить.

«Как дела, висельники?»

К середине мая из десяти «висельников» лишь трое продолжали держаться вместе. Двоих убило при падении дири-

жабля. Руслан Хабибуллин, он же Тамерлан, умер еще в воздухе, и было странно, что из дырявящих гондолу пуль ему досталось не меньше трех, и никто, кроме него, не был даже задет...

Сами виноваты — привыкли к улыбкам госпожи Удачи. Слишком часто им везло, расслабились. Обрадовались, ну как же — во временном поселке никого не встретили, без потерь угнали дирижабль из неохраняемого ангара! Кому, когда удавалось угнать дирижабль? Чуть не лопнули от гордости, когда, вместо того чтобы разбиться о ближайшую сопку, худо-бедно научились управлять колоссальной надутой дурой и спокойненько, как так и надо, потянули к югу навстречу косякам перелетных птиц. Ура, мол! Даешь! Банзай, твою такую-растакую Первомать!..

Без всяких оснований поверили, что все теперь по плечу.

И гелий был в достатке, и ветер попутный, и топлива хватило бы до Бенгальского залива. И пуст был грузовой трюм — лети налегке да посвистывай!

Вот и летели. Почти двое суток. И даже не заметили вертолета — просто дирижабль ни с того ни с сего клюнул носом и заскользил к верхушкам деревьев, а в гондоле завыл ветер, врывающийся сквозь пулевые прострелы, и из груди и шеи Руслана вдруг выплеснулись фонтанчики крови...

Когда оболочка серебристой приплюснутой сигары смахивает на дуршлаг, дирижабль не удержат в воздухе никакие автоматизированные системы подачи гелия из резервных баллонов, никакие воздушные винты и никакие рули. Но все же вместо падения камнем получилось какое-никакое приземление, пусть жесткое. Дирижабль лег на тайгу, как старый, ленивый палтус ложится на донный водорослевый ковер. Запомнился треск ломаемых елей и хруст сминаемых стенок гондолы. Тут потеряли Жигина и Квасцова. Да еще пропал неизвестно куда Абрам Вайсброт — вроде видели, как он выбирался из покореженной гондолы, но больше его никто не видел. Если не попал под пулю, то, наверное, побежал очертя голову куда глаза глядят. Жив ли теперь, нет ли — никто не скажет...

Остальных выручила тайга. Вертушка настырно кружила над тушей пригнувшего лес исполина, наудачу стрекоча пулеметами, но не могла ни сесть, ни засечь беглецов и в конце концов отбыла восвояси.

Жить разбоем, временами спускаясь с гор, о чем совсем

недавно мечтали, не получилось — вокруг не оказалось ни гор, ни беззащитных селений. Защищенных селений, впрочем, тоже не было. Дирижабль упал где-то между Обью и Енисеем — какие уж тут горы. И какие селения? Та же заснеженная таежная глушь, что и на старом месте, разве что чуть теплее...

Шли к югу. Мерзли. Подъедали последнее. Голодали. Дичь слонялась неведомо где, только не в поле зрения. Железобетонно-твердый наст выдержал бы и диплодока, не то что лося или кабана. Ни одного следа, что было и понятно. Ни одной кучки помета, что было и непонятно, и неприятно, как подлый обман. Ни одной берлоги. О встрече со злющим шатуном мечтали, как о манне небесной. Прон Халтюпкин выследил и застрелил тощую рысь — неожиданно оказалось съедобно. Без жилистого мяса лесной кошки, наверное, протянули бы ноги...

Уже зрелой весной наткнулись на избушку законопослушного лесника-эксмена и в праведном гневе ограбили его подчистую, а заодно выяснили свое местоположение и разузнали новости. Лесник дрожал, падал в ноги, обещал молить Первоматерь за благодетелей и отвечал на вопросы подробно и не раздумывая. Правильно делал.

Самое главное — всласть попарились в баньке, смыв коросту и подлечив струпья от укусов мороза. Уходя, старательно разбили рацию, а лесника не тронули — пусть живет, гнида. Все равно донесет не скоро. Да и не такая уж это сенсация — сообщение о шестерых бродягах дикого облика и крутого нрава. Мало ли их теперь! Великое множество банд, мелких групп и одиночек будут бродить и пакостить до следующей зимы, а зимой их выведут. Зимой в тайге не выжить без огня, а костер, даже очень хорошо укрытый — яркий инфракрасный источник, элементарно простая мишень... Или вымерзай, как таракан в нетопленом жилище, или жди на свою голову кассетную боеголовку.

Пробираясь к бывшему Томску, наткнулись на банду эксменов из пятидесяти, гордо именовавших себя Армией Свободы. Те звали к себе, суля вольную жизнь и богатую добычу. Дядя Лева предпочел уклониться. Не внушал доверия вожак, алчный и глупый, не понравилось и общее залихватское настроение при полном отсутствии планов на завтрашний день. Таких прихлопнут очень скоро; какая там зима — им бы дожить до лета...

Но Перепреев и Халтюпкин остались, соблазнившись вольной и сытной жизнью. Дядя Лева зря потратил время на уговоры.

Четверо ушли выбирать себе базу в тайге не очень далеко от центров возрождающейся цивилизации, но как можно дальше от ареала «Армии Свободы» и подобных ей банд, отрядов и повстанческих бригад. До мая прожили ни шатко ни валко. Когда подводило животы, выходили на расчищенное от элементов маскировки шоссе караулить одиночную фуру. Эксменов-шоферов, не оказавших сопротивления, как правило, отпускали.

Но ради компа со спутниковым выходом в Сеть пришлось устроить настоящий набег на контору в поселке строителей — вдалеке от базы, естественно. Еле унесли ноги, зато унесли и добычу...

Случилось это уже после того, как умер Ваня Динамит. Майские алчные клещи кусали всех, но энцефалитный достался ему одному. Через несколько дней Ваня начал жаловаться на озноб, головную боль, ломоту во всем теле, вскоре речь его стала невнятной, начался сильный жар. Богатырь, умевший выкорчевывать голыми руками двадцатилетнее дерево, не боявшийся выйти с одним коротким ножом против медведя, угасал от укуса ничтожнейшей твари, подточенный изнутри, бредящий, наполовину парализованный. Предпоследний боец из шоу «Смертельный удар» умер раньше, чем распознавший недуг дядя Лева решился совершить налет на ближайшую больницу.

И Ваню зарыли меж сосен на крутом берегу быстрой речки с неизвестным названием. А трое остались жить.

— Глупо получилось, — пробормотал дядя Лева. — Ох, как глупо...

— Что? — Гойко, внимательно исследовавший сорванную травинку, оторвался от своего занятия.

— Нет, ничего.

Вспомнилось: во время первой вылазки на шоссе первая же остановленная фура оказалась доверху набита не вожделенными мясными консервами, а коробками с пятидесятилетним коньяком «Марфа-посадница». Сгоряча шоферу надавали зуботычин, но десяток коробок прихватили с собой — тоже ведь добыча.

Янтарная, поначалу подозрительная, никем прежде не пи-

тая жидкость пришлась по вкусу. Налакавшись, Гойко приходил в неистовство: то кричал о своих извращенно-интимных отношениях с Первоматерью, то слезливо проповедовал милосердие и всепрощение во имя мировой гармонии, а то принимался грозить кулаком звездам и стрелял в Луну, но ни разу не попал.

Его даже не пытались утихомирить. Кричи. Проповедуй. Безумствуй. Не держи в себе, облегчи душу. Выплесни и забудь хоть на время то, что гнетет.

Нереальность, невсамделишность, призрачность существования.

Ненужность.

Чужаки... Сколько воробьев настреляли они из своей пушки!

Лев Лашезин неслышно отпустил скверное ругательство. Явились! Ждали их тут! Двускелетные! Одного, видите ли, скелета им мало. Да еще и внутриутробно пестуемые дебилы вдобавок...

А что, разве было бы лучше, если бы чужаки ударили?..

Вот уж нет. Как ни крути, а глупая ситуация лучше, чем никакая. Чем отсутствие самой ситуации по причине отсутствия тех, кто может ее оценить: глупая она там, не глупая... Кто виноват — вопрос праздный. Гораздо важнее другой: что делать дальше?

— Аккумулятор скоро сядет, — произнес Гойко после долгого молчания. — Где заряжать будем?

Лашезин искоса взглянул на Молотилку. Ишь ты, навострился. Насчет аккумуляторов понимает. Давно ли орудовал инструментом не сложнее кувалды?

Но вслух он сказал только:

— На час-полтора должно хватить. Еще есть надежда.

— А почему ты вызвал не Веронику?

— Вокульский теперь не Вероника, а Вирджиния, — пояснил Лашезин. — Одно из запасных имен. Не забывай, что о Веронике почти наверняка известно в Департаменте, и наш виртуал это знает...

— А если он сменил и это имя?

— Тогда он Венди или Валерия. Полагаю, он выбрал неславянское имя. Венди я тоже вызываю.

— А если его уже вычистили из Сети?

— А если ты помолчишь немного? — не вытерпел дядя Ле-

ва. — Правда, правда, не дави на нервы. Надоело ждать — пойди погуляй...

Смешной мультяшный зайчик скакал по экрану. Наткнувшись на край, садился на куцый хвостик, озадаченно вертел головой и комично почесывался, прежде чем поскакать в обратном направлении. Раз-два-три-четыре-пять... ты в своем уме ли, зайчик? Уверен, что здесь можно гулять?

— Кто звал меня? — серебряным колокольчиком прозвенело нежнейшее сопрано.

Гойко подпрыгнул, принимая боевую стойку. Дядя Лева ограничился тем, что вздрогнул от неожиданности.

— Лев Лашезин. Это ты, Ярослав? То есть Войцех?

— Покажись мне, — потребовало сопрано после небольшой паузы. Сигналу требовалось время, чтобы дважды достичь спутника и вернуться.

Дядя Лева заторопился. Изгнать с экрана надоевшего зайца... Задействовать видеосканер... Он инстинктивно поискал глазами, чем бы протереть крошечный заляпанный объективчик — жуткие неряхи владели компом! — но не нашел ничего подходящего.

— Так лучше?

— Не совсем. Повернись к свету. Так. Теперь профилем... Н-да, действительно Лашезин. Рад, что ты жив, Левушка, хоть это и странно. А твоему виду не рад... Бороду небось не бреешь, а ножом кромсаешь? Сильно досталось?

— Порядочно.

— Кто это с тобой?

— Свой человек. Войцех, нам нужна твоя помощь...

На экране наконец-то возникло изображение. Залысый лоб, жесткие морщины, вечная ирония в глазах. Подпольщик-виртуал Ярослав Вокульский, он же Войцех, Вероника, Вирджиния, Валерия и Венди.

— Извини, я тут должен проверить кое-что. — Контраст между серебряным сопрано и грубоватым баритоном был разительным. Прошло несколько секунд, прежде чем застывшее неподвижной маской лицо вновь дрогнуло. — Так, теперь все в порядке. Понаставили тут капканов...

— Войцех, — позвал Лашезин.

— Что, Левушка? Можешь не продолжать. Конечно, тебе понадобилась помощь виртуала. Зачем бы ты меня тогда вызвал? Потрепаться?

— Нет.

— То-то, что нет. Дождешься от вас, пожалуй. И Гаев точно такой же.

— Тим? — крикнул Лашезин. — Ты что-то знаешь о нем?

Лицо на экране поморщилось:

— Не ори, голос сядет. Ну, допустим, знаю. На Земле он. Вероятно, прячется где-то на территории Славянской Федерации. Таково и мое мнение, и Департамента, тут у нас трогательное единство во взглядах. Объявлен во всемирный розыск по категории «экстра». Знаешь, что это такое?.. Не знаешь ведь. Это значит, что недонесение о нем или отказ в сотрудничестве при выслеживании и поимке грозят каждому... и каждой крупными неприятностями. Учитывая военное положение — вплоть до высшей меры. И, наоборот, обеспечена крупная награда за сведения, способствующие задержанию или уничтожению разыскиваемого. Что еще можно придумать для розыска? Тиму придется несладко. Кстати, в одном списке с ним идут Безухов и Шпонька, пилоты... Интересно, почему?

— Не знаю, — покачал головой Лашезин. — Скажи, в том, что чужаки не достигли своей цели, — заслуга Тима?

— Да. — Вокульский странно улыбнулся. — Но кто тебе сказал, что чужаки не достигли своей цели? По-моему, они ее достигли, причем самым экономичным и безопасным для себя способом — руками землян. Ведь есть же предел могуществу и неуязвимости чужаков. Человек легко может раздавить шершня, но скорее предпочтет с ним не связываться. Так зачем же чужакам путать цель со средствами и лезть в свалку, когда проще напрячь нас на ту же работу? Я думаю, их дебильные подопечные были очень довольны...

— Ты ошибаешься, — хрипло сказал дядя Лева. — Все эти дома, дороги и прочая база цивилизации... все это будет восстановлено. Бабы уже вовсю восстанавливают, и не только руками рабов. Дай им время... А нам дай связь с подпольем...

— Подполье разрушено, — отозвался Вокульский. — Подполья больше нет. Многие наши сподвижники решили, что настало время активных действий, — и ошиблись. Теперь кто в земле, кто в бегах, кто в недобитых повстанческих формированиях, и все вне закона, вроде вас. На восстановление прежней структуры уйдут годы. Если, конечно, вообще будет смысл ее восстанавливать...

— Почему нет?

Вокульский вздохнул.

— Потому что беспорядки только начинаются.

За спиной дяди Левы громко фыркнул Гойко.

— Ты не ошибаешься? По-моему, все как раз наоборот...

— Так пока думают и власти, — спокойно пояснил виртуал. — Но в колоде есть неучтенные карты. Поверь, масштабного восстания эксменов еще не было. Прошли и были подавлены стихийные бунты, не более того. Они как первый дымок на вершине вулкана. Взрыв будет чуть позже, и вот он-то как раз способен доделать то, что не доделали чужаки. Понимаешь?

— Пока нет.

Еще один вздох виртуала.

— Зря. А почему ты не спросил, как идут дела у господствующего пола? Я бы ответил. Я бы сказал тебе, что там совсем не тишь да гладь. Многие озверели. Некоторые попытались начать думать, а с непривычки это до добра не доведет. Большинство же мечтает, чтобы все было по-старому, как будто это возможно. И все без исключения не могут понять, для чего их заставили пойти на такие жертвы. Вовсю болтают о чудовищной провокации, только пока не могут решить, кому она выгодна. Будто бы никакой космической агрессии не было вообще — бытует и такое мнение. А ты говоришь — подполье... Не та идет игра, и ставки в ней не те. Теперь понимаешь?

— Нет.

— Поймешь. Сейчас убеждать тебя — только воздух сотрясать. Поживи, понаблюдай...

Теперь вздохнул дядя Лева:

— Насчет пожить — это ты хорошо сказал, Войцех. Пожить мы не против... Вопрос: как? Помоги советом.

— Ты имеешь в виду — куда податься?

— Для начала да.

— А потом?

— Надоело просто пытаться выжить. Я хочу быть с теми, кто продолжает борьбу, но не по-глупому. Бандюков не предлагать.

Вокульский засмеялся:

— Организованное и умное сопротивление, да? Мечтаешь о нем? Медленное подтачивание основ? Извини, но ты поглупел, Левушка. Ты тоже мечтаешь о том, чтобы все было как раньше...

— Ты можешь ответить? — Лашезин кусал губы.

— Указать место, где ты мог бы всласть заниматься своим любимым делом, исходя из твоего неверного понимания текущей ситуации? Я правильно тебя понял?

За спиной дяди Левы послышалось сдавленное рычание Гойко. Похоже, бывший боец костоломного шоу был готов немедленно открутить кому-нибудь голову, и не понарошку, а всерьез.

— Ты правильно меня понял, — холодно сказал дядя Лева.

— Если не предлагать бандюков, то не предлагать никого.

И ни малейшего сочувствия в голосе виртуала. Лашезин медленно сосчитал про себя до десяти, стараясь успокоиться. Все верно. Что Войцеху, давно уже не человеку, мелкие человеческие проблемы? Вероятно, человечество его интересует постольку, поскольку оно поддерживает работу Сети...

— Еще один вопрос... Где Тим?

— В розыске, как я уже сказал, — немедленно отозвался Вокульский. — А территориально — не знаю. Полагаю, все еще в Европейской части Федерации. С транспортом сейчас не очень... Последний раз его засекли в столице и, кажется, даже гоняли, но он опять ушел. Шустрый. И с ним еще двое.

— Все трое в розыске категории «экстра»? — спросил Лашезин, чувствуя, что начинает нащупывать главное.

— То-то и удивительно, что все трое. Есть тут у меня несколько гипотез из разряда безумных...

Застучало в висках, отдалось в затылке. Сердце давно уже стучало не по возрасту торопливо. Лев Лашезин утер пот со лба:

— Например?.. Стой, сам скажу! Прямой информации у тебя нет, она за семью печатями. Допустим, ты ее просто не нашел или не сумел взломать защиту... Но виртуалки, с которыми ты общаешься под женской личиной и которые бродят по всей Сети, тоже не в курсе дела, иначе ты знал бы хоть что-нибудь. Что из этого следует? Государственный секрет? Быть может, даже надгосударственный? Важнейшая тайна, краеугольный камень. Так? Что это может быть — тайна телепортации?..

— Это одна из гипотез, — согласился Вокульский.

— Трое! — вне себя закричал Лашезин. — Слышишь, Гойко! Трое проникли в тайну телепортации!

— Проникли или могли проникнуть, — меланхолично

прокомментировал Вокульский. — Если такая тайна действительно существует. А если она существует, то архинадежно охраняется. А если она архинадежно охраняется, значит, рецепт телепортации таков, что его способен освоить любой. Подчеркиваю: любой, а не только любая. Вот власти и дергаются. И повторяю: это только гипотеза.

— Мы должны знать это!

— К закрытой информации мне не пробиться, — последовал быстрый ответ. — К закрытой по-настоящему. Мне даже не удастся к ней приблизиться.

— Попытайся!

Вокульский медленно покачал головой:

— Я еще не готов умирать...

— Ты боишься, что тебя найдут?

— Вряд ли им это удастся. Хотя ищут. Надо сказать, их ловушки довольно примитивны. Но в самом крайнем варианте они могут пойти на радикальное решение — уберут из Сети базовые программы, позволяющие существовать виртуальным личностям. Уничтожат кучу заслуженных виртуальных баб, но доберутся и до меня. К счастью, Департамент не сможет пойти на радикальные меры без санкции Верховной Ассамблеи. Но есть и обходные пути...

— Создать и запустить в Сеть специфический вирус? — спросил Лашезин.

— Одно из решений. — Вокульский поморщился. — Прости, мне неприятно даже слышать об этом. Я сильно рискнул, приняв от Тима его... манускрипт. Я больше не хочу.

— Значит, на тебя не рассчитывать? — против воли в голосе прозвучала горечь.

— В этом — нет. И позволь тебе еще раз заметить: ты не тем занимаешься. Неверный путь.

Умолять?.. Упасть перед монитором на колени?.. Пристыдить?.. Напомнить о годах борьбы?.. Дядя Лева выдавил из себя улыбку — не умоляющую и не презрительную. Грустную.

— Ты забыл себя, Войцех. Ты забыл самого себя.

На экране медленно растворялось лицо старого друга. Подергивалось рябью, будто уходило все глубже и глубже под воду. Виртуал был выше желания оставить за собой последнее слово.

Пискнуло. Ярким угольком зардел индикатор разрядки. Лашезин щелкнул выключателем, и экран погас.

— Ну и зачем тебе это было надо? — разочарованно пробубнил Гойко. — Тим Гаев, Тим Гаев!.. Где он, а где мы? До Европы нам сейчас никак не добраться. Да еще поди поищи его там...

— Искать не надо, — отозвался дядя Лева. — Не сам Гаев нам нужен, а только связь с ним. — Неожиданно он подмигнул Гойко: — Приятно знать, что задача чуточку облегчилась, а?

23

— Тим, это тебе.

Рукоять десантного ножа удобно ложится в ладонь. Внушительное оружие, но тяжеловатое. И совершенно не сбалансированное. Драться им можно, но метать не стоит.

Впрочем, я и не специалист по метанию, а так, любитель. Благодаря игре с Двускелетным...

— Подарок, — торопливо поясняет Шурка Воробьянинов, преданно глядя на меня. — Специально для вас... для тебя добыл.

И сейчас же пугается своей оплошности. «Для вас»! Знает же, что подобного обращения я не терплю, а все равно сбивается. И не он один. Почти все юнцы глядят на меня с обожанием. Что я им, идол?

— Спасибо, но...

— Он выкидной, — торопится сказать Шурка. — И магазинный, на три лезвия.

— Это как?

— Можно показать? — Показать ему явно не терпится. Он в восторге от того, что может меня чему-то научить.

Остынь, парень. Я такой же, как и ты, и даже разница в возрасте между нами не слишком существенна. Не бог я, не царь и не герой. Чего же ты ждешь от меня? Избавления?

Я всего лишь соломинка, за которую ты ухватился, не желая тонуть. Разве я виноват, что поблизости не оказалось надежного спасательного круга?

Нисколько. Я не обнадеживал тебя, но стоит тебе понять, что я не в силах оправдать твои надежды, как ты проклянешь меня и оплюешь, если не сумеешь забросать камнями... Вот то-то и оно.

У завладевшего ножом Шурки горят глаза — сейчас он покажет!.. Фьють! Шуркину руку сносит назад отдачей, а в ствол

ближайшей осины с отчетливым тупым звуком втыкается выброшенное лезвие. Щелк! — новое лезвие, поданное пружиной из рукоятки-магазина, уже стоит на месте, готовое к бою. Техника.

Раскачав и выдрав из ствола глубоко засевший боеприпас, Шурка прячет в рукоятку все лезвия, по очереди упирая их в крошащуюся известняковую глыбу, каких немало валяется в окрестностях катакомб. Нарочно кряхтит, демонстрируя мощь пружины. Во, мол, какая штука! Дарю от всей души.

— Спасибо.

Не уходит, переминается с ноги на ногу и прямо-таки излучает разочарование. Опять я не оправдал надежд.

— Тут еще фонарик в рукоятке...

— Спасибо, — говорю. — Тронут. Только это лишнее, оставь себе.

— Я себе еще достану.

— Хорошо. — Я кладу оружие в карман. — Хочешь что-нибудь сказать?

Шурка тушуется и отходит со вздохом. Все, что мог, он уже сказал и не раз повторил. А я ответил. Ну не в состоянии я инициировать его, как инициировал Безухова и Шпоньку! Один раз у меня получился безумный рекордный рывок, и то под страхом неминуемой смерти. С двумя крепкими парнями под мышкой меня швырнули в Вязкий мир инстинкты, а не воля.

Один-единственный раз мои железы выбросили в кровь такое количество стрессовых гормонов, от которого либо помирают, либо совершают чудо. Все порядочные железы так устроены, что не умеют отзываться на приказы сознания, и наплевать им на мое «хочу» или «не хочу»...

Но поди объясни это настырной молодежи. Все мечтают уподобиться. Как они завидуют пятерым карапузам, выкраденным нами из интерната для эксменов и инициированным Мустафой! Карапузы с увлечением осваивают телепортацию и взахлеб делятся впечатлениями, а у взрослых бойцов глаза завидущие и слюнки текут. У иных прямо-таки руки чешутся. И Мустафа, и я пообещали ликвидировать каждого, кто посмеет сорвать злость на малыше.

Насчет ликвидации — никаких шуток. Это всерьез. Двоих уже пришлось ликвидировать за буйство и неумение подчиняться. Просто выгнать провинившегося из отряда означает подвергнуть нашу штаб-квартиру опасности обнаружения.

Отряд не может позволить себе ни расхлябанности, ни либерализма. Тем и живем.

Я сказал «отряд»? Не уверен. Но если мы банда или шайка, то довольно крепкая, со строгой дисциплиной. И даже со слабенькой верой в будущее, чего лишены многие другие группы, шайки, банды и отряды, рассеянные по всему миру. Отказавшиеся сдаться на милость хозяев и вновь подставить шею под ярмо.

У нас есть будущее: телепортирующие сопливые карапузы Андрей, Геннадий, Илья, Матвей и Глеб. Со временем их станет больше.

Вдобавок у многих в отряде еще сохраняется надежда на то, что я как-нибудь соберусь с духом, поднатужусь и с риском развязать пупок инициирую взрослых. Давайте, мол, ребята, становитесь в очередь. В ход идут и уговоры, и подхалимаж. Тут вне конкуренции Шурка Воробьянинов...

Надоел он мне. Репей приставучий. Прилипала.

Гаснет понемногу закат. Тишь, ни ветерка. В высоких травяных берегах лениво течет, чуть пованивая мазутом, подмосковная речка Пахра, и трепещут над водой неугомонные стрекозы. Редко-редко плеснет рыба, еще реже проплывет важным дредноутом раздутый труп всплывшего утопленника. Звенит и кусается комарье. Внизу в прибрежных кувшинках выводят рулады лягушачьи хоры. С луга доносится стрекот цикад. Укрывшись в рощице, кукушка врет кому-то про долгую жизнь.

Идиллия.

Если хорошенько приглядеться к ближайшей купе колючих кустов неизвестной мне породы, то в самой гуще колючек можно заметить дыру в земле. Поблизости несколько входов в катакомбы, и ни один из них не бросается в глаза. Под обрывом километры узких извилистых коридоров, тесные — только проползти — лазы, редкие «комнаты». Во время недавнего ожидания катаклизма здесь даже не пытались оборудовать убежище — катакомбы слишком малы, неглубоки и близки к столице. Во времена царя Гороха в них ломали известняк и были озабочены тем, чтобы потолок не упал на маковку, поэтому долбили узкие штольни, не нуждавшиеся в крепеже. Все же за минувшие столетия кое-где произошли обвалы, и мы их потихоньку разбираем, стараясь увеличить наши под-

земные владения и обеспечить себя запасными выходами на всякий случай...

Только поздним вечером можно безбоязненно выйти из катакомб. А с началом ночи группы по пять-десять бойцов отправляются на дело, чтобы непременно успеть вернуться затемно. Ходят далеко, как осторожные хищники, боящиеся выдать логово. Меняют маршруты, путают следы. Ночные призраки.

Грабят, само собой, а еще больше вымогают. Есть у кого. С каждой неделей в ближайшей округе появляется все больше строителей с техникой. Восстанавливают дороги, мосты, тянут провода, бетонируют опоры монорельсового пути, а на высоком берегу километрах в десяти ниже по течению вот-вот завертятся стометровые лопасти ветряков на восстановленных мачтах. Дело у строителей спорится.

Но уж коли у тебя робкая душа, коли ты вернулся, покаялся и впрягся в ярмо, спасая свою драгоценную шкуру, то пищи не пищи, а пайкой с вольными нелегалами поделись. По-хорошему, если не хочешь по-плохому. Тут есть своя логика. Выбрав верный кус хлеба, всегда будь готов отдать полкуса, не то рискуешь лишиться всего.

В том числе и головы. Припугнуть рабов наглядными примерами, конечно же, пришлось. Некоторые из них наивно воображали, что если служишь не за страх, а за совесть, то уже и защищен от всего, кроме произвола начальства, — иллюзия вредная, но одноразовая, вроде детской болезни. Лечится страхом.

Ни Безухов, ни Шпонька за данью не ходят, для них это мелко. Вооруженный налет на продовольственный или вещевой склад — иное дело. Тут они в своей стихии, особенно Мустафа. Авторитет. Любит снимать сторожей и даже огорчается, если их нет...

Реальный вожак. На меня молятся, но за ним пойдут охотнее. А меня, наверное, при необходимости понесут впереди, вроде иконы. Вздену на шест и протестов не примут.

Это я-то думал, что вырос из эксмена в человека? Трижды ха-ха. Не человеком я стал, а символом! Когда сдохну, из меня набьют чучело и станут ему молиться...

Гаснет заря. Понемногу наползает туман, и с реки тянет прохладной сыростью. Стрекозы куда-то делись, замолкли цикады, и рассыпался лягушачий хор, лишь одиноко надры-

вается какой-то особенно настырный пучеглазый солист. Даже комарье атакует уже не так свирепо. Издалека долетает печальный крик некоей неопознанной птицы, и все смолкает.

Тишина и пустота. И я под стать природе тих и пуст — сморщенная шкурка, а внутри — почти ничего. Выложился без остатка, когда инициировал Федьку с Мустафой, и, похоже, надорвался. Восстанавливаюсь медленно. Мои нынешние пять килограммов пороговой сопутствующей массы — это же курам на смех! Ну одежда, ну обувь, ну легкое оружие... И все. У Федьки и то восемь с половиной килограммов. А Мустафа и вовсе оказался чемпионом — у него зашкаливает за двадцать пять. Наших малышей инициировал он. Такие показатели характерны для лучших десантниц.

Есть причина задрать нос!

А в перспективе и потерять осторожность. Хотя надо признать, что у Мустафы пока хватает благоразумия не разбойничать в дневное время и поблизости от катакомб. Как раз недалеко отсюда, близ места, где некогда умер вождь какого-то не очень понятного мирового пролетариата, трудится на восстановлении шоссейного моста бригада рабочих, там же светятся огоньки их палаточного лагеря. Совсем рядом. Туда за данью еще не наведывались, оставили на самый крайний случай.

Дисциплина дисциплиной, а пьянствуют, если дорвутся до спиртного. Девок тащат в катакомбы на насилие и растерзание. Ни у кого терпежу нет, и Мустафа общему настроению противится не всегда. Понимает, что такое перегретый котел, и позволяет выпустить пар...

— Тим, это ты?

Легок на помине.

— Нет, не я, — отвечаю я сердито, но тихо. Ночью звук над рекой разносится далеко, несмотря на туман.

Пучок колючих веток отодвинут в сторону, и Мустафа Безухов, юля ужом, выползает из норы. Зацепившись курткой за колючую ветку, он самым аккуратным образом отцепляет ее, не сломав. Ему жаль, что, не умея летать и не смея телепортировать в ночной тиши, он вынужден топтать траву. Стараясь ступать там, где еще никто не ходил, чтобы примятые травинки поднялись, как только обсохнет роса, он выписывает не то траекторию пьяного, не то противолодочный зигзаг.

— Тим, надо поговорить.

Надо, но не о том, о чем он хочет, и поэтому я спрашиваю:

— Ты уверен?

— Не дури. — Он садится рядом со мной на верхушку глубоко ушедшей в землю глыбы известняка, затянутой коркой лишайника. — Ты последнее время какой-то не такой... не в своей тарелке.

Ценное замечание. Что дальше?

Мустафа долго молчит.

— Плохая ночь, — изрекает он наконец. — Тихо как... И светло... Луны нет, а все равно светло.

— В июне ночи еще светлее будут, — в тон ему сообщаю я потрясающую новость. — Летнее солнцестояние. А луна сейчас в последней четверти, взойдет под утро.

— А, — говорит Мустафа.

Снова молчание.

— Слышишь что-нибудь? — спрашивает он.

— Слышу.

— Что?

— Группа на дело пошла, — определяю я натренированным слухом. — Человек семь. Двое вышли из Нижнего выхода, остальные из Кривого колодца.

Мустафа крякает и ерзает.

— Почти правильно, — сознается он. — Только не семь человек, а восемь. Федька повел.

— Ясно, что Федька. Ты-то здесь.

— И ты здесь, — мгновенно реагирует Мустафа. — Хотя мог бы...

— Что мог бы? Ну?

Он вздыхает:

— Тим, пойми меня правильно. Мне очень неприятно об этом говорить, но... ты не приносишь пользы.

Глаза давно привыкли к темноте, и я вижу, что Мустафа смотрит прямо на меня. Говорит мерзкую правду и не стесняется.

— Да ну? — картинно изумляюсь я. — Так-таки и не приношу? А кто с мальцами занимается телепортацией?

— Тим, ты погоди...

— А кто пашет, не покладая рук, на обустройстве нашей берлоги? Кто пробил ход в нижнюю штольню? Кто очаг сложил?..

— На это и другие способны, — спокойно возражает Мустафа. — Кстати, я предпочитаю называть нашу резиденцию

штаб-квартирой, а не берлогой, и группы ходят на операции, а не на дела. Но это так, к слову. Почему ты с ними не ходишь?

— А надо? — нахально интересуюсь я.

— Сам подумай. Ты сыт и одет, а добыли все это другие. Мишку Рощина и Ефима Дубровского еще помнишь? Вижу, что помнишь. За что они умерли — за то, чтобы ты сидел сиднем и приходил в себя? Допустим. Но кончиться-то это когда-нибудь должно или нет?

Теперь молчу я. Рощин и Дубровский погибли в нелепой ночной перестрелке с полицией, причем раненого Рощина пришлось дострелить нам же, чтобы полицейским не достался «язык». И каждый идущий на операцию знает, что так могут поступить и с ним. Жестокая необходимость.

Мустафа прав, вот что обиднее всего. Прав самой примитивной, кондовой правдой. Или ты с нами, или ты против нас, выбирай. Но если ты против нас, то ты уже сделал ошибку, и уйти с миром тебе не дадут, будь ты хоть трижды символом и иконой. Без сомнения, рано или поздно штаб-квартиру придется переносить в более безопасное место, но и там никто из посторонних не должен знать о ее местонахождении...

— Сегодня еще одна группа пойдет, — продолжает Мустафа. — Поведешь ее?

— Куда?

— На тот берег и часа два в одну сторону. Ходят слухи, что эксменов с полтысячи согнали на восстановление аэропорта. Надо бы их проведать.

— И обложить данью? А если заартачатся, то ухлопать одного-двух?

— Это надо понимать так, что ты не пойдешь?

— Не пойду, — подтверждаю я его догадку. — И вообще не понимаю, зачем все эти еженощные рейды. Только для того, чтобы наши люди не заскучали? У нас провизии на месяц, а ты мечтаешь набрать на год? Да нас раньше отсюда сгонят, и все придется бросить...

— Верно, — неожиданно легко соглашается Мустафа. — Но ты не зришь в корень, Тим. Посылать людей на операции, чтобы они тут не поросли мохом, — это четверть дела. Да нет, какая там четверть — один процент! Остальные девяносто девять — это не давать покоя тем, кто чуть-чуть пошумел и покорился. Пусть убедятся в своей ошибке. Ты не знаешь, что делается на стройплощадках. Рабочие падают, а их лупят... Смены

по шестнадцать часов... Никаких выходных... Бабы озверели, как будто не они, а мы приказали все порушить. Как будто не тебе, не мужику они обязаны тем, что вообще живы. Ну и как ты думаешь, долго ли рабочие вытерпят такую жизнь?

— И ты мечтаешь ускорить взрыв?

— Конечно. Наши экспроприации помогут рабам быстрее принять правильное решение. Думаешь, я не понимаю, что мы тут долго не продержимся? Нас выследят и выкурят. У нас только один шанс: поднять рабов на восстание раньше, чем это случится.

— То есть спасти себя, подставив других?

— Дурак! — озлобляется Мустафа. — Взрыв все равно неизбежен. Овцы станут тиграми. Мы начнем, а другие поддержат. И не только у нас, но и по всему миру, потому что по всему миру творится то же самое...

— Чем это кончится — догадываешься? Смотрел «Сердце Анастасии»?

— Да! Да! Будет кровавая баня. Ну и что! Ты не хочешь умереть стоя? Если каждый из нас будет драться до последнего, если не только верховная власть, но и каждая баба поймет, что мы скорее трижды сдохнем, чем покоримся, тогда... — Мустафа делает сложные движения руками, ему не хватает слов.

— Часть перебьют, а остальные снова покорятся, — возражаю я. — Это так просто. Не всем нечего терять. Есть одна вещь, которую терять никому не хочется: жизнь. Любая. Хоть тяжелая, хоть рабская, хоть унизительная, но жизнь. Мы зальем мир кровью, но по преимуществу своей. Потом уцелевшие овцы вспомнят, что они все-таки не тигры, а власти снова сгонят их в эксменские кварталы и даже примут законы о каких-нибудь послаблениях... Так было всегда, так будет и на этот раз. Мы с тобой этого уже не увидим, да, по правде говоря, не больно-то и хотелось... А может случиться еще хуже, если восставшие доберутся где-нибудь до ядерных материалов и вирусных штаммов. Ты понимаешь, чем хочешь рискнуть? Не жизнями людей — жизнью цивилизации!

— Плевать! — шипит Мустафа. — Игра стоит свеч. А что предлагаешь ты?

— Ждать. Нас трое: ты, Федька, я, и у нас уже пятеро мальчишек, умеющих телепортировать. Когда их станет больше, когда они подрастут, цепную реакцию инициаций уже никому не удастся остановить. Мы постепенно подточим систему

изнутри, и она рухнет без всяких кровавых бань. Разве не об этом мы договаривались?

— Я с тобой ни о чем не договаривался, — холодно и внушительно произносит Мустафа. — Ты сказал, я выслушал, вот и все. Мы не хотим ждать. Рабы скоро не смогут ждать. Восстание все равно неизбежно, и я хочу знать, с кем ты: с нами или с бабами?

— Я не с ними, но и не с вами. Я — между.

Мустафа громко фыркает. Если кто-то вдали прислушивается к ночным звукам, то ему, наверное, кажется, что в реке завелся гиппопотам.

— Тем хуже для тебя. Получишь с обеих сторон. Хорошо, я подожду еще немного, а ты подумай... Так не хочешь возглавить группу?

— Нет.

— Тогда я пойду. — Мустафа легко встает на ноги и первым делом вертит головой в поисках возможной опасности. Рефлекс. — К утру вернемся, жди.

— Ладно.

Внезапный крик козодоя волей-неволей заставляет вздрогнуть. Очень похоже на настоящую птицу, пронесшуюся над рекой с полным зобом комаров. Значит, группа готова к выходу, ждет Мустафу...

Или меня.

— Знаешь, когда ты испортился, Тим? — На несколько секунд Мустафа оборачивается, прежде чем исчезнуть в тумане. — Когда ты хотел залезть в ловушку, а мы с Федькой тебя не пустили. Наверное, это у тебя болезнь такая. Мой тебе совет: выздоравливай скорее.

Я молчу. А Мустафа как будто что-то чувствует.

Но зря он это сказал.

24

«...уже в июле обеспечит не менее двадцати процентов потребности в электроэнергии. Ожидается, что к концу года с вводом в строй новых объектов энергетики этот показатель удастся поднять до сорока пяти — пятидесяти процентов по сравнению с докризисным уровнем...»

Тим Гаев слушал новости.

Приемник в одном из набегов подцепил все тот же Шурка Воробьянинов. Он же добыл моток проволоки для наружной

антенны. У парня был талант мгновенно выбирать самое ценное из того, что плохо лежит. Попросив приемник послушать, Тим едва отбился от предложения принять его в подарок. Жмотом Шурка не был — пожалуй, был расчетливо-щедр и, помня выгоду, не скупился на расходы. В патриархальные времена быть бы ему удачливым коммерсантом с широкой натурой, пионером новых начинаний и меценатом. Не прогорел бы.

«Сегодня Ассамблея одобрила список льгот, предоставляемых участницам добровольческих строительных, санитарных и правоохранительных отрядов, — вещала далее диктор-ша. — Эпидемия холеры в Екатеринославе локализована, однако город пока остается закрытым. Недавнее сообщение об эпидемии чумы в Астрахани не нашло подтверждения. Выявлены и госпитализированы лишь отдельные заболевшие. Из Тюмени и Нижневартовска сообщают о новых успехах в борьбе с тифом...»

Тим хмыкнул. Чего же они ждали, после того как скучили одних в подземных убежищах, а других выпустили из-под контроля? Конечно, будут эпидемии. Если какая-нибудь гадость может произойти, она происходит обязательно...

«Новости Конфедерации. Начаты работы по восстановлению Батанской плотины на реке Янцзы... Силами спецподразделений окончательно подавлены беспорядки в Тунисе и Триполи... Со дна Северного моря подняты еще два затопленных сухогруза... В Мексике землетрясение силой до семи баллов прервало восстановительные работы в районе Тихуаны... Верховная Ассамблея в Лиме большинством голосов отклонила законопроект о предоставлении ограниченных прав гражданства особо отличившимся эксменам, сочтя его противоречащим букве и духу законов Конфедерации. Национально-территориальным Ассамблеям предложено воздержаться от принятия законов, нарушающих исторически сложившийся статус-кво в отношениях с эксменами. От имени правительства на заседании выступила госпожа Кармен Оливейра, заявившая о неминуемости тяжких последствий всякого иного подхода к проблеме...»

Не было ни удивления, ни злости. Да, этого и следовало от них ожидать! Похоже на то, что они знают о назревающем взрыве, и готовятся к нему, и провоцируют его, намереваясь угостить бунтовщиков почище, чем при Анастасии, и угомонить эксменское стадо еще лет на сто... Разве очень трудно

истребить полмиллиарда эксменов? Конечно, уменьшится число рабочих рук, причем именно тогда, когда они позарез нужны, зато это будут послушные руки, хорошо усвоившие урок. Наученное горьким опытом стадо само начнет выявлять и выдавать властям неблагонадежных...

Неужели Мустафа этого не понимает?

Выходит, что нет.

Новостей спорта и культуры в выпуске не было вовсе. Прогноз погоды сулил для Москвы прохождение фронта средиземноморского циклона, временами дожди и грозы с порывами штормового ветра при дневной температуре двадцать шесть — двадцать восемь.

Тим вздохнул и выключил приемник.

В «малой спальне», или «детской», догорала лучина, вставленная в трещину известняковой стены. Тим Гаев зажег от нее другую. Еле заметно тянул ветерок, унося углекислоту, а копоть на стене оставалась. Кто-то из детей нацарапал на ней смешных человечков. Высоковато. Наверное, один подсаживал другого.

Дети спали. Андрюшка, Генка, Илья, Матвей и Глеб, все под одним большим одеялом, пятеро инициированных «первенцев», сопящее во сне и чмокающее губами будущее нового мира. Зародыши, семена будущего. Генка — самый старший, ему шесть лет, но он худ и мал для своего возраста. Матвей — младший, ему только три с половиной, зато он не боится темноты. А Генка и Глеб до сих пор боятся, для них-то и горит лучина...

Пусть горит. Не надо, чтобы кто-нибудь из мальцов проснулся и захныкал от страха. Пусть привыкают постепенно. Все страхи нашего мира надо мало-помалу перебарывать, а не загонять их вглубь. Всему свое время.

Когда-нибудь оно наступит — ИХ время.

Тим смотрел на спящих детей. Им должно очень повезти в жизни, чтобы они дожили до своего времени, чтобы они приблизили его и вошли в него так же естественно, как сейчас могут войти в «спальню» из «гостиной». Ему хотелось надеяться, что так и будет. Мешал рассудок, твердящий, что шанс дожить у них мал, очень мал.

Вправе ли он был похищать их ради инициации и долгой-долгой жизни на правах преследуемого зверя? Их наверняка уничтожат, если поймают. Они — зараза для мирового порядка, вирус, к которому у мира нет и не может быть иммунитета.

Всю или почти всю жизнь им придется таиться, скрывать свои способности, у них нет другого рецепта уцелеть, но как же им будет хотеться поделиться тайной, рассказать, похвастаться!.. Тим пытался внушить им понятие об осторожности. У мальчишек горели глаза, мальчишки с восторгом приняли новую увлекательную игру. Им даже нравится жить в катакомбах — это так здорово! Есть, пить, спать, учиться, играть в прятки, осваивать Вязкий мир, заставляя громкое эхо прокатываться по длинным кишкам штолен, — все под землей! Просто удивительно, что ни у одного из них еще нет бронхита, а о ревматизме они пока не задумываются. Редко-редко, и то через скандал с Мустафой, их удается ненадолго вывести на солнце.

Пройдет время, прежде чем они поймут, что жизнь совсем не игра. Станут ли они тогда гордиться своей уникальностью — или проклянут тех, кто обдуманно и расчетливо обрек их на роль дичи с круглогодичным сезоном охоты на нее?..

Трудно сказать. Но у них не будет иного выхода, кроме борьбы со своей уникальностью путем растворения себя в массе себе подобных. Каждый из них станет центром новых инициаций, подобно тому как каждая точка фронта волны есть центр новых волн. И волна инициаций не остановится, пока будет кого инициировать.

Ради этого пришлось отказать им в праве самим решать свою судьбу. Пусть и в очень ограниченном праве.

В «гостиной», в дневное время служившей также спальней для половины взрослых, было почти пусто. По-видимому, Мустафа повел к аэропорту внушительный отряд, чтобы у тамошних рабочих не возникало вредных иллюзий, будто можно не платить дань.

Очень хорошо, что в штаб-квартире в эту ночь остались немногие. Совсем удачно, что нет ни Мустафы, ни Федьки...

Сейчас в «гостиной» находились лишь четверо. Двое спали, закутавшись в тряпье; третий, эксмен средних лет по прозвищу Шаляй де-Воляй, чесался обеими руками, тихонько подвывая от наслаждения. Четвертый, оказавшийся Шуркой Воробьяниновым, с треском ломал о колено сосновые ветки и подбрасывал их в хорошо разгоревшийся огонь в очаге. Едкий дым копился над головой, мало-помалу его вытягивало наружу через узкую щель в потолке.

Холодно, сыро. Только ночью можно погреться у камелька

в свое удовольствие, меланхолически глядя на рдеющие угли, но за час до рассвета огонь должен быть погашен. Сочащийся из трещины в земле дым — не то зрелище, которое можно показывать кому попало вне районов активного вулканизма...

— Твой приемник я там оставил, — сказал Тим, мотнув головой в сторону «малой гостиной», и подсел на корточки к огню. Повернулся к чешущемуся де-Воляю: — Ты бы сходил искупался, что ли. Вода теплая. Глиной потрись, песочком...

Не переставая чесаться, страдалец покачал головой:

— Не поможет. Мне бы мазь какую...

— Мустафе сказал?

— И ему, и Федору. Вот жду, может, принесут. Сам бы пошел, да они мне говорят: скребешься, мол, громко, демаскируешь...

— Ну жди. На часах сегодня кто?

— До полуночи Звонарев, а потом Варенуха.

— У главного лаза?

— Ну да. Лучшая точка обзора.

Тим раздумчиво пожевал губами. Сказал как бы между прочим:

— Дальний лаз в туман не просматривается...

— Да брось, Тим. Место неудобное, кто туда ночью сунется... Сиди спокойно.

Тим выждал еще минут пять, делая вид, что просто греется. Потом нехотя поднялся на ноги.

— А я все-таки схожу проверю...

Никто не возразил, лишь Шаляй де-Воляй, не переставая скрестись, пожал плечами — делать, мол, тебе нечего, — да Шурка в тысячный раз искал встретиться взглядом. Тим едва заметно кивнул ему: помню наш уговор и, если смогу, тебя инициирую первым, ты свое место в очереди застолбил, не беспокойся...

Фонарик тускло светил — садились батареи. Не напасешься. Штольня-кишка выписывала меандры, как речка. Кое-где под ногами хлюпало, кое-где с потолка капало за шиворот, а в двух местах пришлось ползти на четвереньках. Тим знал путь наизусть и не заблудился бы в полной темноте, но фонарик мог пригодиться впоследствии. Фонарик и дареный нож. Огнестрельного оружия он решил не брать — все равно оно не поможет.

Близ лаза контрастно с затхлой промозглостью катакомб

повеяло ночной свежестью и чистой прохладой. Несколько мелких камешков с шуршанием ссыпались вниз, когда Тим протискивался в лаз ощупью, выключив фонарик. Это ничего, не нашуметь бы всерьез... Подняв голову и плечи над слоем тумана, он сейчас же пригнулся. Лес был рядом. Если идти строго на север, через полкилометра будет просека, там надо свернуть направо... А дальше — как повезет.

Внезапно захотелось вернуться. Столь же сильно, как и уйти. Тим стоял, замерев в тумане, до тех пор, пока это чувство не стало ослабевать. Тогда он вдохнул сырой воздух, сделал первый шаг и нырнул в ночь.

Луна еще не взошла, когда он вышел к шоссе. Когда-то оно было шестирядным, но пока действовали лишь две полосы посередине — на остальной части дорожного полотна еще громоздились нерасчищенные кучи маскировочного грунта. Кое-где в эти кучи были вкривь и вкось воткнуты пожухлые елочки.

Наивно до слез... Неужели чужаки не обратили бы внимания на все равно выделяющуюся тонкую линию, перечеркивающую лесной массив? Неужели они приписали бы ее возникновение естественной причине — скажем, приняли бы ее за тропу, протоптанную некими колоссальными животными по дороге на водопой? А какими? Мелковаты тут будут и слоны, и диплодоки...

Какой-то зверь, явно не слон и не диплодок, фыркал и хрустел валежником в лесу. Человек тоже не стал бы так шуметь. Наверное, поблизости слонялся лось, а может, и благородный олень, поднятый с нагретой ночной лежки опасным двуногим существом, пробиравшимся полузаросшей просекой, как будто мало на свете удобных дорог.

Хорошо, что у тебя хватает ума держаться от нас подальше, подумал Тим. Свежая дичина вместо просроченных консервов с ограбленных складов и реквизированных сухпайков — это же песня! Кто устоял бы? Чтобы беречь охраняемую законом природу, надо как минимум быть охраняемым законами самому...

Ночного движения на шоссе почти не было. Укрывшись за кучами грунта на повороте, где водители притормаживали, Тим пропустил два мобиля и, решительно подняв руку, вышел на асфальт перед медленно ползущим контейнеровозом.

Заскрипели тормоза. Шофер, конечно, видел, что его останавливает не патруль, но все же грузовик встал, а дверца кабины распахнулась. Все было правильно. Решающее значение имеет не та рука, которой голосуют, а другая, многозначительно спрятанная за пазухой куртки. Лучше не рисковать, авось пронесет.

— Подвезти, что ли? — преувеличенно дружелюбным голосом осведомился труженик баранки. — Садись. Ты один?

Тим кивнул, залезая в кабину. Хлопнула дверца, старый грузовик зарычал, задребезжал и неохотно тронулся.

— Тебе докуда? Учти, перед въездом в Москву пост. Шмонают.

— Сильно?

— Порядочно. И еще нюхают одежду, не брезгуют, представь себе...

— Вот за километр до поста и высадишь.

— Понимаю. — Шофер принужденно хохотнул. — Самоволка, что ли? За самогонкой послали?

— Точно.

Легенда была обговорена. Шофер повел носом, показывая, что учуял запах дыма, но ничего не сказал. Нет, он вовсе не помогал «лесному брату», он просто подвез мелкого правонарушителя. Так он и скажет, если его заставят признаться. И будет честно хлопать наивными глазами... Дымом?.. Клянусь Первоматерью, не пахло! Да у меня вообще насморк! А что у того типа грязь и борода, то какой эксмен нынче не грязен и не бородат? Когда им мыться и бриться-то? Отпахал смену — пожрал через силу — упал...

Древний грузовик наконец-то набрал скорость. Больше сорока километров в час он не давал, но Тим и не желал ехать быстрее. Всегда надо оставлять лазейку, и если вдруг придется телепортировать из кабины на обочину, вовсе незачем ломать кости.

Страховка на самый крайний случай. Телепортировать без веской причины, раскрываясь перед первым встречным, да еще законопослушным трудягой, Тим не собирался.

Выйти перед постом? Пожалуйста. Но пробраться в Москву все равно надо. Сначала — в Москву. До скромного пригородного коттеджа, принадлежащего Департаменту федеральной безопасности, доведет только зрительная память. Она напомнит, как тогда... с Иолантой... Она подскажет путь.

Будет досадно, если не удастся вернуться в штаб-квартиру этой же ночью... а скорее всего не удастся! Ночь коротка. Тогда — если все обойдется — придется отлежаться днем в какой-нибудь норе, а то и просто в лесу...

Еще смотря как повернется дело. А если Безухов и Шпонька все же ошибаются, если в том коттедже действительно ждет мама? До сих пор ждет?

Скрипнули зубы. Не будет покоя, пока не проверю... Пусть там ловушка, пусть. Обману. Прорвусь. Проползу.

— Иона, — представился шофер. — Иона Бонд. Тебя, понятно, о фамилии не спрашиваю.

Тим пожал плечами:

— Аноним Фигаро. Устраивает?

— Звучит, — одобрил шофер. — А главное, коротко. У нас в гараже есть один механик, так его зовут Елпидифор Сквозник-Дмухановский. Каково, а? — Он захохотал.

— Бонд — это из какой же книги? — поинтересовался Тим.

— А я разве знаю? — удивился шофер. — Да и на хрена мне? Мое дело — карту читать да дорожные знаки, а не книги какие-то. Что я, умнее других?

— Меньше знаешь — крепче спишь? — поддел Тим.

— А то! Я баранку кручу и не в свое дело не лезу, вот и живу, а остальные только существуют. Те, кто на земляных и бетонных работах, еще хуже тебя выглядят. Это — жизнь? Вот увидишь, скоро опять буза начнется, только мое дело — сторона. Мне еще пожить хочется, и меня в эти игры не втянешь, вот так-то... А убивать меня не за что ни бабам, ни тебе...

— Кого не за что, тех как раз больше всего и убивают...

— Дудки! Кому это надо, если не за что?

— А если найдется за что? — сквозь зубы осведомился Тим.

— То есть?.. Э, ты что? Ты всерьез? Я же пошутил, пошутил я!..

Тим ограничился тяжелым взглядом. Больше они не разговаривали. Когда пришло время, Тим вылез, и грузовик, обдав его выхлопом, сразу же развил максимальную для своего возраста прыть.

Впереди из тумана проступали огни. Наверное, там был пост, но, если даже шофер наврал, все равно идти дальше по дороге было нельзя. Тим поднял воротник и зашагал через поле.

Работа полиции постепенно входила в прежнюю колею.

Правда, Министерство порядка еще продолжало находиться в подчинении Департамента федеральной безопасности, но никто не сомневался в том, что мера эта временная и недолговечная. Начитанные заявляли, что так бывало и в археологическую дообновленческую эпоху: в годы войн, гражданских беспорядков и масштабных эпидемий полиция всегда отодвигалась на третий план, уступая место армии и спецслужбам. В мирное время такой порядок становился опасным, и правительство, заботясь о поддержании должного баланса, всегда восстанавливало статус-кво.

До этого, правда, было еще далеко. На инструктажах более, чем обычно, обращалось внимание на сугубую бдительность. Начальство прямым текстом давало понять, что еще ничего не кончено и что настоящие испытания еще впереди.

Да, жизнь понемногу входила в нормальную колею, однако складывалось впечатление, что от той, прежней жизни новая сумела унаследовать лишь одно плохое, как ребенок иногда наследует самые отрицательные гены матери и неизвестного отца-спермодонора. Вновь стали дерзки эксмены, забыв о том, что их недавно помиловали, позволив примерным трудом искупить вину. Ну, положим, эксмен вообще неблагодарная скотина, по своей биологической природе способная на любую подлость, тут-то удивляться нечему. Но люди?! Но хулиганствующие и мародерствующие молодежные банды?! Беспрестанные магазинные и квартирные кражи?! Перед каждой дверью не поставишь полицейский наряд, да еще поди задержи хорошо телепортирующую преступницу! В принципе, задержать можно, и этому учат, но на практике запотеешь ловить.

Чего-то ждали. Вероятнее всего — последнего масштабного бунта, чтобы окончательно отучить эксменов слушаться не тех, кого надо, вычесав из их массы реальных и потенциальных главарей, как из собаки вычесывают блох. Не беда, если пропадет немного шерсти. И Ольга Вострецова ждала того же. Конечно, крутые меры необходимы! Дело не доведено до конца, порядка нет, состояние какое-то половинчатое, ни туда ни сюда... Власти решили пока выжидать, предоставив эксменам самим сунуть голову в петлю? Пожалуйста! Ольга считала

это тактической ошибкой, но признавала, что стратегический курс выбран верно: додавить рабов! Чтобы после преподанного урока никто из них еще сто лет не вздумал пикнуть!

На конвоирование и охрану рабочих бригад полицию теперь посылали редко — эту роль взяли на себя девчонки из добровольческих формирований, отличавшиеся куда меньшей выдержкой, так что любо-дорого было посмотреть, как эксмены по-рачьи едят глазами начальство, одновременно втягивая головы в плечи. В основном служба заключалась в патрулировании улиц — все как прежде, только не по восемь часов, а по двенадцать.

Сюрпризы — ежедневно. И все-таки рутина.

Ольга по-прежнему отсыпалась в участке. Один из кабинетов, ныне превращенный в комнату общежития, давал приют ей и еще трем временно бездомным девчонкам. Раскладушки, тумбочки, вешалка, большое зеркало, общая косметика и индивидуальные сексаторы. Стопка старых журналов. Волосатый кактус на подоконнике. Выцветшие занавесочки. Пыль, которую некогда стереть.

И странное словосочетание: очередь на предоставление жилища. Зачем? Чтобы приходить со службы в пустую квартиру, не согретую кем-то, кто дорог и необходим?

Как пусто... Как странно и пусто!

Мир обманул: казался солнечным, многообразным, пронизанным мириадами тончайших взаимосвязей, таинственно-непостижимым, а на поверку оказался шокирующе примитивным, грубым, плоским. Прежде Ольга боялась выглянуть за пределы своего служебного мирка, намеренно сводя безумную сложность окружающего мира к упрощенной модели, не нарушающей душевного комфорта, и мама ворчала, не желая, чтобы дочь добровольно зашоривалась и закукливалась в самодельный кокон. Мама от души хохотала, когда Ольгу не взяли в секцию гимнастики из-за недостатка какой-то там выворотности, и требовала повторить на «бис» это замечательное словечко, и по-доброму утешала, собирая поцелуями детские слезы, и подсовывала интересные книжки. И всерьез расстраивалась, видя, что стезя дочери не слишком-то интеллектуальная. Бывало, мама дразнила ее Пустоглазкой, на что Ольга очень сердилась. Мама была не права: глаза дочери и тогда видели то, что делается вне кокона.

Но то была аберрация зрения. Теперь это выяснилось со-

вершенно точно. Пугающая сложность оказалась иллюзией. На самом деле мир прост, груб, убог и сер даже при ярком солнце. Он управляется примитивными законами, а жизнь скучна и бессмысленна. Не будь страха смерти, она прекратилась бы сама собой.

Учеба могла бы отвлечь, но возобновить занятия на заочном отделении обещали не ранее октября. Ничего выдающегося не происходило. Соревнования по десятиборью?.. Да какие теперь, к Первоматери, соревнования!..

«Роди ребенка, — посоветовала Ольге психолог отряда, по своему почину затащившая ее к себе в каморку. — Сейчас постарайся продержаться сама или заведи себе интимную подругу, а как жизнь станет немного поспокойнее, так и выбирай семя от любого производителя, благо Банк уцелел. Поверь, смысл жизни в том, чтобы заботиться о ком-то...»

Хорошенькое дело! А если родится младенец-эксмен — о нем тоже заботиться? Во-первых, не позволят, а во-вторых, это, наверное, противно... Тошно нянчить и больно отдавать. Вот если бы Ассамблея приняла закон о коррекции пола первого же ребенка, а не четвертого, зачатого после рождения трех эксменов, — тогда другое дело!..

Маме повезло: Ольга была у нее первой и единственной, а потом врачи запретили ей рожать. Совсем редкий случай. Счастье, можно сказать. Тяжело ведь вынашивать ребенка, уже зная, что зачат мальчик и что его таки сначала придется родить, прежде чем повторить попытку. Даже не испытав такой судьбы, все равно понимаешь: тяжело.

Ноша. Плата. Верига. Без такой тяжести не было бы скандальных преступлений, связанных с сокрытием от государства младенцев-эксменов, и соответствующей уголовной статьи.

Но это путь настоящего человека. Никто ведь не обещал, что он будет легким. Это плата за настоящее и будущее, за вечность человечества на Земле!

«Мы, люди, повышенно социальны, куда до нас эксменам, — внушала психолог доверительным тоном. — С древнейших времен это наше качество служило инструментом самой разнузданной эксплуатации женщин самцами. Хотим мы того или нет, в нашей биологической природе заложено стремление свить теплое гнездышко и доминировать в нем, что в качестве отдушины нам зачастую и позволялось так называемым сильным полом... Наши прародительницы боялись взять

на себя ответственность за то, что делается вне стен их гнездышка... Ошибка!.. Мы сумели подняться на ступень выше, мы отвечаем за все и вся, но наше могущество не отменяет нашей потребности в домашнем уюте. Как только мы забываем об этом, сразу же начинаются проблемы. Когда подойдет твоя очередь на жилье — в следующем декабре?.. Я попробую поговорить, чтобы тебя передвинули пораньше, а пока заведи себе хотя бы котенка, его можно будет держать и тут...»

Ольга безразлично кивала, со всем соглашаясь. Ненужный разговор. Интим-подруга? Домашняя зверушка? Все это эрзацы уюта, как и одобренные начальством ритуалы вечернего чаепития с обязательными шутками и натужно веселыми розыгрышами. Видимость жизни.

— Вострецова? Сей минут на инструктаж к Сцилле Харибдовне!

Зычный голос Галки Васюкевич разносился по всему зданию, и, уж конечно, долетал до кабинета Стеллы Харитовны. Чепуха. Можно подумать, начальница отряда не знает своего прозвища.

По случаю жаркой погоды и неработающего кондиционера форменный китель Сциллы Харибдовны аккуратно висел на спинке стула. Белая рубашка промокла от пота. На красном мясистом лице воображение любого посетителя сейчас же готово было нарисовать глубоко посаженные крохотные глазки и нос картошкой. Ничего похожего — глаза были как глаза, а длинный крючковатый нос резко и неприятно диссонировал с толстыми щеками и двойным подбородком.

Сцилла Харибдовна пребывала в обычном состоянии брюзгливого недовольства.

— Вострецова? — осведомилась она, как будто видела Ольгу впервые и была неприятно удивлена ее посещением. — Собирайся. Спецоперация. Не наша. — Слова с ее толстых губ срывались отрывистые и увесистые, как камни с ковша древней катапульты. — Разнарядка. Требуют трех человек в обеспечение. Кто в твоем звене?

— Рядовые Мурашова и Калашникова, мэм.

— Не ударят в грязь лицом?

— Не должны, мэм.

— Ну смотри. Ты отвечаешь. Твое звено на сутки поступает в распоряжение майора Селиверстовой, она и объяснит задачу. Транспортом обеспечит Департамент. Жду от тебя и тво-

их подчиненных образцового выполнения задания. Сбор внизу через пять минут. Что-нибудь не ясно?

— Все ясно, мэм.

В прежние времена Ольга, вероятно, не утерпела бы задать ряд уточняющих вопросов, чем вызвала бы неудовольствие Сциллы Харибдовны; теперь же она была уверена, что знает достаточно. А что не совсем понятно, то благополучно разъяснится в свое время. Какова бы ни была спецоперация Департамента, требующая полицейского обеспечения по разнарядке, для Ольги рутина оставалась рутиной.

Так оно и оказалось. Их долго куда-то везли на плохих рессорах по отвратительной дороге, и девчонки жизнерадостно хохотали, подлетая, как на батуте, после каждой солидной колдобины. Ольга попыталась было уснуть, но быстро отказалась от своего намерения.

А потом был краткий инструктаж, на который майор Селиверстова, немолодая толстеющая женщина — по всему видно, старательная, но не очень успешная служака — вызвала только Ольгу, но не рядовых, а после инструктажа грузовичок-фургончик, очень похожий на тот, что некогда вез Ольгу к высотному на Котельнической драться с бунтовщиками, только на облупленном борту было написано не «Доставка мебели», а «Пейте газированные напитки на основе натуральных компонентов», и нарисована мультяшная облизывающаяся рожица. Грузовичок был помятым и очень пыльным, с битыми фарами, с густой сеткой трещин на лобовом стекле; из-за спущенных правых скатов его накренило вправо. Возле колес пышно разрослась трава. Подъездной колеи видно не было.

Одним словом — обыкновенная колымага, брошенная в кризисные дни между чьим-то обитаемым коттеджем в чудом уцелевшем пригородном поселке и реденьким соснячком, никому не нужная и до сих пор не отправленная в ремонт или, скорее, под пресс. Примета времени. До всего сразу руки ведь не доходят.

Зато внутри фургончик был оборудован строго функционально и даже с некоторой претензией на вкус. Звукопоглощающий материал — и тот разнообразных цветовых тонов. Всего в достатке, но и ничего лишнего. Освещение скудное, однако приятного спектра. Холодильник с запасом провизии и напитков, микроволновка, кофеварка. Маленький бесшум-

ный кондиционер. Вместо стола — неширокая откидная полка. Жесткие табуреты. Визиры незаметных снаружи приборов панорамного наблюдения. Один из них был дальновидно расположен рядом с тумбой биотуалета, чтобы наблюдательница не отрывалась от дела даже ради насущнейших потребностей.

— Сутки можно и потерпеть, — подытожила жизнерадостная Лидка Калашникова, попрыгав на вертящемся табурете. — Они тут кого-то ждут, а объект не идет. Ха-ха. Будем глазеть, дадим отдых конечностям... Вот только сиденья жесткие.

— Антигеморройные, — мрачно сказала Анка Мурашова.

— Ага. И еще антиспальные. Хотя тут можно пристроиться и на полу...

— Не советую, — сказала Ольга. — Вызовами замучают, а отключишь связь... в общем, лучше не отключать. Слыхала, что говорили девчонки из предыдущей смены? Тут строго.

— Ладно, — легко согласилась Лидка. — Перебьемся и так. А когда надо начинать наблюдение?

— Уже. — Ольга прилипла к наглазнику. Н-да. Хороший обзор, прекрасная оптика. Видна каждая былинка, каждая чешуйка на сосне. Надо полагать, и приставки ночного видения в полном порядке. Если объект вообще появится, то вероятнее всего ночью...

— Оль, а Оль! — позвала Лидка.

— Ну?

— Я вот чего никак не пойму: зачем тут этот наблюдательный пункт? Трудно было, что ли, развесить по всему периметру скрытые телекамеры и наблюдать прямо из коттеджа? И проще, и уютнее...

— Ты уверена, что телекамер нет?

— Если они есть, тогда зачем здесь мы?

Ольга помедлила с ответом, взвешивая слова:

— Мы не только внешние наблюдатели. Мы еще и засада на вероятном пути отхода.

— А... — начала Лидка.

— Отставить разговоры!

Ну как объяснить лопоухой рядовой, что Департамент, не теряя надежды, изо дня в день, из ночи в ночь караулит здесь не совсем обычную дичь?.. Лидка знать не знает, что дичь с такими особенностями вообще существует на свете...

И не узнает, если дичь не появится в ближайшие сутки.

Коттедж явно был обитаем. В отличие от соседних строений, вытянувшихся в одну нитку вдоль автострады. Те были заброшенные, пустые, с мертвыми окнами, с холодным запустением вокруг. Незачем было и заглядывать внутрь, чтобы понять: нежилые. Пусть даже и временно. Вообще-то по нынешним временам картина совсем непривычная...

А может, Департаменту принадлежит не один коттедж, а все?

Последние полчаса Тим кружил вокруг да около. То прячась в сосняке, то ползая вдоль живой изгороди, то пугая лягушек в придорожном кювете, то неслышно перебегая от укрытия к укрытию, он замкнул большой круг вокруг знакомого коттеджа. Окна были темны, лишь из спальни сквозь решетку ставен просачивался слабый свет ночника да с другой стороны под резным навесом крыльца неярко светил фонарик. Тихо, сонно вокруг.

Это-то и настораживало.

От сосняка веяло сухой прохладой. Смолкнув, попрятались ненасытные комары. Убывающая луна уже взошла, посеребрив сосновые кроны, и не имела значения. Если нет наружного наблюдения, то и лунный свет не помеха, а если оно есть... то он уже обнаружен.

Со стороны шоссе произошли заметные изменения: исчез оплетенный декоративным виноградом забор, памятный по прошлому визиту. Часть забора улетучилась неведомо куда, часть валялась на развороченной и вздыбленной земле, некогда бывшей аккуратно подстриженным газоном. Наверняка здесь порезвилась гусеничная техника. Как сломанная кость, одиноко и жалко торчал расщепленный пенек бывшего деревца. Из цветочных клумб уцелела — или была разбита заново — только одна, самая маленькая и очень ухоженная.

Воображение сразу же рисовало единственную обитательницу коттеджа, понемногу восстанавливающую порушенный дизайн в терпеливом ожидании общей перемены к лучшему. Уравновешенной женщине средних лет некуда спешить, словно вечно торопящейся юнице, — опыт жизни подсказывает ей, что не надо надрываться, пытаясь побороть хаос за неделю. Помаленьку, потихоньку — оно вернее. Надо только помнить, что когда-нибудь все обязательно вернется на круги своя. А пока кругом царит разруха, можно даже прямо на крыльце

натянуть веревки и вывесить на просушку белье, не стыдясь соседей, потому что кто же сейчас возьмется ремонтировать бытовую технику? Всем понятно, и никакой пищи для злословия.

И никакой бросающейся в глаза охраны — вот что было хуже всего. Одно из двух: либо Иоланта Сивоконь распорядилась прекратить операцию, передав коттедж для других нужд, либо здесь действительно хорошо оборудованная ловушка. В обоих случаях вопрос о маме открыт, что бы ни твердили Безухов со Шпонькой. Самое вероятное не есть однозначно доказанное. Вероятностью сыт не будешь...

И подите вы все к Первоматери со своими рациональными подходами!

Тихо как... Собак, по-видимому, нет, и это прекрасно. Даже на шоссе почему-то нет движения. Кстати, почему на нем нет движения?.. Тим не успел насторожиться, как вдали послышалось урчание мощных моторов — шла колонна грузовиков. С десяток армейских машин впереди, а за ними несколько пристроившихся гражданских колымаг и даже два легковых мобиля. Стало понятно. Вот они как... Наверное, полагают эту дорогу небезопасной, раз сбиваются в караваны...

Кювет в этом месте был сухим, и Тим прополз по нему до границы участка, примыкающего к следующему коттеджу. Крабом перебежал к кустам смородины. Он решил сделать еще один круг, но более узкий, а потом попытаться проникнуть в дом. Не через крыльцо, нет. И ни в коем случае не через Вязкий мир, нарушая тишину ночи. Вероятно, придется сорвать ставень...

Прокравшись вдоль смородины, Тим прилип к сосновому стволу, вдохнул запах смолы и хвои. По-прежнему вокруг было тихо. Немного смущал грузовичок — старая развалина, невесть зачем заехавшая на границу между участками и здесь брошенная. Оно, конечно, сейчас такие времена, что отсутствие порядка никого не удивляет, но тем не менее...

Есть ловушка или нет?..

Способ выяснить это — рискованный и не слишком надежный — все же существовал.

Ольгу трясло. Очень уж знакомым показался силуэт, волчьей рысцой перебегавший от ствола к стволу. Не та одежда, но фигура и повадки — те. Вовек не забыть позора в Царицыне...

Сменив предыдущую команду наблюдателей — а те были рады-радешеньки отбыть восвояси, — Ольга с Лидкой и Анкой целый день зевали, не отрываясь от смотровых приборов. Впустую. Тени укоротились, затем начали удлиняться. Еле слышно бормотал кондиционер, с грехом пополам сбрасывающий температуру внутри фургончика с печной до приемлемой. Текли часы.

Наружные шумы фиксировались на ленту. Им никак нельзя было присвоить почетное название информационного шума — то был просто шум знойного майского дня. Жужжали пчелы и мухи, шелестели, подвывая, проносящиеся по шоссе мобили, покрикивали птицы, сонно шептали кроны деревьев, отзываясь на слабый ветерок. Сонный покой... Медленно ползли тени. На крыльцо коттеджа вышла немолодая полная женщина, развесила на веревках мокрое белье и ушла в дом. Пешим ходом явился откуда-то драный петух, заведомый беглец с птицефермы и правонарушитель, неведомо как уцелевший в бегах, и принялся как ни в чем не бывало расхаживать по двору, что-то клюя, квохча и с оттяжкой разбрасывая грунт тощими лапами. Потом поднатужился, тряхнул гребнем и сипло заорал — видно, ждал наивно, что на его зов сбегутся куры.

«В суп тебя», — подумала Ольга.

А враждебный петух меж тем продолжал насыщать утробу, держась, что характерно, на почтительном расстоянии как от коттеджа, так и от фургончика. Не иначе чуял что-то неладное, подлец. Внимательный сторонний наблюдатель, глядя на него, мог бы, пожалуй, насторожиться. Словить или хотя бы шугануть пернатого негодяя, не демаскировавшись при этом, было невозможно. Пришлось ждать, когда он уберется сам, продолжив свой противоправный поход к закономерной кастрюле в финале...

Длинно, как резина, тянущийся день мало-помалу кончился, легли сумерки, и наступила ночь. Наблюдательницы устали. От напряжения болели глаза, ныли одеревеневшие мышцы, вконец одолела зевота. Не служба — каторга. Хуже нет, когда вроде бы ничего не делаешь, а на самом деле делаешь неизвестно что неизвестно зачем. Пытка бессмысленностью. Стала понятна идея разнарядки: нацбезовское начальство было вынуждено менять приданный контингент, дабы не раздражать полицию...

Прошла половина ночи, прежде чем Ольге почудилось

движение в сосняке. И прошло еще не менее пяти долгих-долгих, наполненных учащенным сердцебиением минут, прежде чем стало ясно, что это не ошибка и не галлюцинация. Уже не зловредный петух, но тоже нечто двуногое и куда более крупное, пригибаясь, перебежало от ствола к стволу.

— Объект обнаружен, — вполголоса доложила Ольга микрофону. — Ведем наблюдение.

— Мы его тоже засекли, — донесся в ответ из горошины наушника голос майора Селиверстовой. — Объект один?

— Так точно, один.

— Продолжайте наблюдение. Никаких активных действий без команды. Как поняли?

— Поняла. Никаких активных действий без команды, — деревянным голосом подтвердила Ольга. И решилась: — Докладываю: объект мне знаком. И его свойства... тоже.

На том конце линии связи произошло секундное замешательство.

— Знакомство... э-э... личное?

— Так точно.

— Твоя фамилия Вострецова?

— Так точно. — Ольга понимала, что в данную минуту ее досье уже получено, распотрошено и проверяется.

— Да, верно, — сообщил голос майора. — Что ж, может быть, это даже к лучшему. Бывают и полезные случайности. Буду иметь тебя в виду. Рядовым — ни полслова. Запрещаю им покидать фургон. А ты — без моей команды ни шагу. Ясно?

— Слушаюсь.

Внезапно мучительно захотелось послать майора Селиверстову подальше. Кому-то предстоял отлов или отстрел серьезной дичи, но скорее всего не Ольге, хотя как раз для нее успех охоты был делом чести. «Без команды ни шагу...» По всему видно, ее загнали в резерв и не намерены использовать без крайней необходимости...

Умом понимая правоту майора, Ольга скрипела зубами. Обидно...

В фальшивом зеленом свете инфракрасного зрения меж темных свечек сосновых стволов снова мелькнула ярко-изумрудная фигура. Бесшумно перебежала и замерла, прижавшись к стволу. Очень близко от фургончика. Ольга могла даже разглядеть черты лица объекта.

Да, тот самый... Он. Вовек не забыть. Телепортирующий

эксмен, отключивший ее вульгарным ударом кулака по темени. Дикарь. Не богатырь, но сильный... зверь. И движения у него, как у осторожного зверя... Интересно бы узнать, что его манит в этот коттедж? Какая вкусная коврижка туда подложена?

— Я могу снять его прямо сейчас, — шепотом сообщила Ольга в микрофон. Задвижка амбразуры была под рукой. Тихо щелкнул предохранитель автомата. С двадцати шагов «Аспид» в полторы секунды превратит объект в дуршлаг.

— Отставить! — зло зашипела в ответ майор Селиверстова. — Он, возможно, не один.

Ольга кусала губы. В словах начальства был определенный резон: в Царицыне неудачно охотились не за одним объектом, а за тремя... Что, если этот лишь разведчик, а двое, дожидаясь условного сигнала, прячутся неподалеку в лесу и пока не попали в поле зрения?

Маловероятно. Но возможно.

Начальственная логика была ясна: этот-то уже никуда не денется, можно позволить себе не торопиться с ним... А вдруг задание удастся выполнить полностью, а не частично? Да еще после того как ответственные за операцию высокие чины наверняка изверились в действенности ловушки и сохранили ее до сего времени больше ради очистки совести, поручив контроль над ней не самому успешному офицеру, подключив к дохлой операции полицию, чтобы частично высвободить опытные кадры для тысячи более насущных дел... Какой шанс для майора Селиверстовой!..

Но и риск тоже. Ольга вовсе не была уверена в том, что объект уже завяз в западне. Очень уж увертлив. Прекрасно физически подготовлен — ловок, быстр, силен. Не новичок в Вязком мире. Достаточно дерзок, чтобы быть потрясателем основ, стало быть, дерзок невероятно. Уверен в себе. Столько слагаемых, а сумма одна — удачливость.

Но прямой запрет есть прямой запрет. Ничего не попишешь.

— Видите его? — спросила Ольга.

— Я вижу, — отозвалась Лидка. — К сосне прилип.

— Не упускай его, я ненадолго отвлекусь...

Ольга повела замаскированным объективом вправо, внимательно рассматривая деревья, кусты живой изгороди, несколько живых и несколько поломанных плодовых и декоративных деревьев, соседний пустующий коттедж, дорожку к гаражу, автотрассу... Никого. Никаких признаков присутст-

вия сообщников потрясателя основ поблизости не наблюдалось.

— Что он там делает? — осведомилась она, изучая особенно густой куст.

— Стоит неподвижно, — доложила Лидка. — Ой!.. Бежит сюда...

— Тихо! — шикнула Ольга. — Не шуметь, не двигаться.

Она и сама успела заметить бесшумно метнувшуюся тень. Объект решил использовать фургончик как укрытие.

Какое счастье, что догадались отключить кондиционер сразу, как обнаружили объект! Полная тишина... Ни звука, ни шороха. Стоит себе брошенный грузовичок на спущенных шинах, никого не трогает...

— Что он теперь делает? — Несмотря на толстый слой звукоизоляции, Ольга перешла на шепот.

— Опять стоит... Зевает!

— Это нервы, — тихонько пояснила начитанная Анка Мурашова. — Реакция организма на стресс.

— Тихо вы!..

Оглянувшись на рядовых, Ольга с выразительной мимикой приложила палец к губам, чтобы подчиненные нишкнули и дышали через раз. Пусть зверь успокоится... Нет в фургончике никого и давно не было. Просто-напросто брошенная четырехколесная рухлядь...

Окуляр демонстрировал зеленую размазанную физиономию — приблизившись вплотную, объект не фокусировался. Связь, хвала Первоматери, молчала — несомненно, укрывшиеся в коттедже наблюдатели не хуже Ольги отслеживали эволюции объекта.

К ее ужасу, преступный эксмен осторожно, но настойчиво подергал ручку дверцы кузова. То ли хотел укрыться внутри, то ли проверял, все ли здесь так спокойно, как кажется на первый взгляд. Второе предположение казалось ближе к истине.

Разумеется, запертая дверца не поддалась, но Ольга почувствовала, как часто и мощно колотится ее сердце. Она поймала себя на том, что не удивилась бы, если бы дверца по чьему-то вопиющему недосмотру оказалась не запертой. Там, где появляется этот тип, обязательно происходят странные явления...

Понял ли он, что с дверной ручки ежедневными касаниями стерта пыль? Как все, кто учился в полицейской школе,

Ольга знала хрестоматийные примеры блестяще задуманных операций, позорно провалившихся из-за какой-нибудь неучтенной мелочи... Мелочей не бывает!

Она перевела дух только тогда, когда объект перебежал к следующей сосне. Больше для того, чтобы успокоить себя, нежели по необходимости, вышла на связь:

— Объект пошел по второму кругу. Другие объекты не обнаружены. Продолжаю наблюдение.

— Поняла, — коротко бросили ей в ответ.

Похоже, поведение потрясателя основ озадачивало и основную группу. Ольга терялась в догадках: неужели майор Селиверстова, поставив предварительную задачу на уничтожение, в последний момент решила переиграть, попытавшись взять преступника живьем? Ох, не перемудрила бы она со своей игрой...

Вдали на шоссе натужно загудело, фургончик чуть заметно завибрировал — со стороны города приближался новый караван грузовиков. Наверное, дорожняком. За новым грузом пищи, товаров, стройматериалов... Туда-сюда. Столица, даже почти не разрушенная, глотает все, что ни дай, и в любом количестве, а срытые до основания провинциальные города, не говоря уже о селах, отстроятся заново не раньше, чем через несколько лет...

Объект снова поменял позицию. Все-таки его траекторией была не окружность, а скорее сжимающаяся спираль — он понемногу приближался к цели.

«Давай же, давай! — неслышно шептала Ольга. Ее трясло от возбуждения и предчувствия удачи. — Ну что же ты? Все вокруг мирно, все спокойно... Иди же!»

Огромные грузовики с открытыми платформами и крытые фуры длинной гусеницей текли по шоссе. Первый грузовик медленно взял подъем, мазнул по крыльцу коттеджа светом фар, выдохнул клуб сизого дыма, взревел и начал прибавлять ход.

Уже не таясь, ровным шагом, а не перебежками, преступник направился прямиком к коттеджу. Он не дошел до него каких-нибудь пятнадцати-двадцати шагов.

Замер. Очень неосторожно замер — в боковом отсвете фар рычащих на шоссе грузовиков.

И вдруг — опрометью бросился бежать... Не к лесу. К автостраде.

Ветер ударил в лицо, завыл в ушах.

Когда-то Тим пробегал стометровку за одиннадцать с половиной секунд. Бегать быстрее мешал торс никак не спринтера, но борца — килограммов десять лишнего веса. Тем не менее в шоу Мамы Клавы требовался боец особого амплуа — уступающий мускульной мощью признанным силачам-тяжеловесам, зато намного более быстрый, способный ускользать от смертельных захватов неповоротливых богатырей. Боец-молния. И потому на тренировках его, Тимофея Гаева, Тима Молнию, нередко заставляли потеть не в тренажерном зале, а на беговой дорожке...

Пригодилось.

Сейчас ему казалось, что он легко мог бы побить собственный рекорд на стометровке, пусть даже под ногами черт-те что, а не тартан...

Нет, чепуха. Если подозрения верны, то не будет никаких ста метров. Одна, две, много три секунды — и все. Больше не надо.

И все станет ясно.

А если там все же ловушка, остается еще надежда на то, что она не успеет захлопнуться.

И на то, что первая пуля редко попадает в цель...

Казалось, преступник не имел ни одного шанса уйти живым. И тем не менее Ольга ясно видела: у него есть свое мнение на этот счет. Если расклад таков, что шанса нет, надо его создать. Сделать то, чего противник не ждет. Спровоцировать его на опрометчивые действия.

— Идиотки! — простонала она, когда, окончательно уничтожив ночную тишину, вслед бегущему загрохотали пулеметы. — Клюнули! Купились! Департамент называется!..

В грохоте выстрелов потонул хлопок телепортации — преступный эксмен, рассудив, что ему не нужны лишние дырки для вентиляции, разумеется, моментально юркнул в Вязкий мир. Дурак он, что ли? Умные провокаторы дураками не бывают...

Еще секунду-другую работали пулеметы, напрасно хлеща свинцовым градом по шоссе, и один тяжелый грузовик уже вильнул, медленно заваливаясь в кювет, и с пулеметным же

грохотом рвались в сосновых кронах петарды, дождем сыпалась хвоя, отрезая объекту выход из Вязкого мира. Рвались и специальные заряды, с той же целью рассеивая в воздухе пухлые облака мельчайших, долго не оседающих конфетти... Кто-то, перенервничав, привел в действие все, что можно, и — таки да! — отрезал объекту путь отступления в лес, где по ночному времени он мог бы и затеряться, пока не подоспели проводницы со служебными собаками... Вряд ли кто-нибудь мог предположить, что преступник изберет для отхода не лес, а шоссе.

Хитрый дьявол...

У самой обочины он вынырнул на четверть секунды и сейчас же телепортировал вновь. Возможно, он был задет одной из пуль — Ольге показалось, будто его чуть крутнуло, и ей очень хотелось верить в попадание, — но между «задет» и «убит» разница огромная. Если уж он сумел пойти на новый телепортационный прыжок, вместо того чтобы свалиться от болевого шока, значит, даже не ранен сколь-нибудь серьезно...

Мучительно хотелось рвануться следом. Напролом через Вязкий мир.

Ольга удержала себя в руках. Рявкнула на Лидку, вознамерившуюся было дать ненужную очередь сквозь амбразуру. Цыкнула на Анку — сидеть, мол. Не наше, мол, дело лезть поперед Департамента, нам даже не выданы «скользящие» костюмы и «дыхалки», наше дело скрупулезно точно выполнять приказ — сидеть. Нацбезовки не получат никаких оснований обвинить полицию в неподчинении и самоуправстве. Пусть поищут стрелочников в своей среде. Сидеть!

Пулеметы уже молчали, а из коттеджа начали телепортировать фигуры — темные силуэты в свете фар и зеленые привидения в инфракрасных лучах. На долю секунды замирали у обочины, где наконец-то завалился колесами в кювет и, тяжко крякнув, лег набок грузовик, и, мгновенно сориентировавшись, телепортировали дальше. Кажется, среди них была и майор Селиверстова. Где-то по ту сторону шоссе коротко и словно бы недоуменно простучала автоматная очередь.

Движение на шоссе окончательно сбилось. Голова колонны из четырех-пяти грузовиков успела проскочить, остальные визжали тормозами, бестолково скучиваясь. Две или три машины столкнулись. Ольга выцедила сквозь зубы грубое ругательство. Как глупо!.. На месте того эксмена она бы скорее

всего ушла. Вполне реально без членовредительства телепортировать с обочины шоссе прямо в кузов неспешно разгоняющегося после подъема грузовика, проехать секунд десять, больше не надо, и исчезнуть в лесу. Ищи-свищи, вызывай собак, поднимай вертолеты с термолокаторами! Глупого подстрелят, но умный таки уйдет.

Не приходилось сомневаться, что этот эксмен умен. Не по-человечески — такую мысль Ольга и близко бы к себе не подпустила. По-волчьи. Опытный волчара. Умеет перепрыгивать через флажки.

Адская досада вырвала из груди стон. Эх, распутать бы извилины тем, кто планировал операцию! Хирургическим путем. У них в черепушках сплошные завороты. Трепан им! Высокомудрые, надутые, самовлюбленные идиотки, им не вколотить ума и розгами!..

— Сидеть, — повторила Ольга приказ. — Продолжаем наблюдение. Не шумим. Нет нас тут.

— Да, но... — рискнула Анка указать на очевидное. Больше она ничего не сказала, но ее жестикуляция говорила: очнись, сержант, здесь нам уже нечего делать, наше место там...

— Обойдемся без «но», — отрезала Ольга. — Разве нам ставили новое задание? Ну то-то. — Она немного помолчала и добавила уже ради чистого самоуспокоения: — Может оказаться, что здесь еще ничего не кончено...

Лидка и Анка переглянулись — Ольга не смотрела на них. Прошло еще несколько секунд, наполненных борьбой с тяжелым дыханием и колотящимся сердцем, прежде чем она поняла, что изрекла, быть может, отнюдь не благоглупость. Определенный смысл тут был. Извращенный, но смысл.

Чистейшее безумие — с нормальной человеческой точки зрения.

А с волчьей?

Ольга была недалека от истины. С одной поправкой: Тим покинул разгоняющуюся фуру уже на четвертой секунде, успев, однако, не только сориентироваться, но и вдохнуть спертый воздух, неожиданно оказавшийся насыщенным миазмами свиного помета. Худо вычищенная фура возвращалась из столицы, сдав на убой полсотни хрюшек. О том, для кого предназначались свиные эскалопы в то время, когда, сберегая

племенное поголовье, девять десятых человечества жило на докризисных запасах концентратов, Тим думать не стал.

Счет шел на мгновения.

Нырнуть вперед, в кузов впереди идущего грузовика? А затем в кабину, приставить к горлу шофера нож и велеть гнать что есть в моторе лошадиных сил?.. Не видя цели, можно промахнуться. Тим представил себе, как, промахнувшись, телепортирует прямо под колеса большегрузного монстра и грязное рубчатое колесо подпрыгивает на том, что не сумело расплющить в блин... Нет уж... Кроме того, шоферам-эксменам наверняка страстно хочется удрать от всей этой катавасии поскорее и подальше, поэтому проскочившие бедлам грузовики нешуточно набирают скорость... Вот и хорошо. Вот и прикрытие. За теми, кто удирает, обязательно погонятся...

Нырнуть назад?

Еще хуже. Кто-то погонится, но кто-то останется на месте и тщательно проверит все грузовики. Найдут в несколько секунд.

Вбок?

В заросли слева? Очень приятно впечататься в дерево или, самонадевшись на острый сук, повиснуть на нем, вроде как коллекционное насекомое на булавке...

В кювет справа?

Войдя в Вязкий мир, Тим сделал шесть шагов вправо и спустился на восемь «ступенек» вниз. Сгруппировался. Ну!..

Нет выхода. Наверное, взял слишком низко. Две ступеньки вверх и еще одна попытка...

Его швырнуло вперед, потащило юзом по грязи. По счастью, фура еще не успела набрать скорость. В зарослях лопуха, кой-где заполонивших кювет, торможение закончилось.

Лежать...

На шоссе стадом потревоженных бегемотов фыркали грузовики и тараканами бегали люди. Крики команд перебивались резкими, как выстрелы, хлопками телепортаций. Кто-то вопил, кто-то палил из автомата по придорожным зарослям. Кто-то, сильно топая, пробежал по обочине в трех шагах от недвижно замершего беглеца, на миг осветив лопухи лучом фонарика. Воняло выхлопными газами — очевидно, вопреки строгим природоохранным правилам, в дефицитный пока метанол был добавлен бензин из стратегических запасов, а двигатели отрегулированы на непривычную смесь...

Устунка необходимости. Наследие кризиса.

Лежать смирненько...

Он лежал, удивляясь своим посторонним мыслям, до тех пор, пока не восстановилось дыхание. Сильно саднило под мышкой и, если осторожно пошевелить правой рукой, хлюпало. Стараясь не шелохнуть лопухи, Тим достал до подмышки левой рукой, лизнул пальцы, ощутив сладко-солоноватый вкус. Вот дьявол, все-таки зацепило! Вроде удачно, поверхностно, крупные сосуды не задеты, но и от таких ранок можно истечь кровью... если валяться, ничего не делая.

А тем временем поднятые по тревоге спецназовки Департамента оцепляют весь прилегающий район... Вертолеты. Посты. Специально натасканные на эксменов собаки. Спецсредства. И руководство операцией принимает на себя Евгения Фаустова, если не кто-нибудь повыше, и Иоланта Сивоконь берет операцию под личный контроль...

Наверняка она. И ставки высоки, и дело чести. Никогда ей не забыть, как однажды эксмен водил ее в сортир на поводке. Такое не забывается.

Что было, то было: оскорбил, но и удивил. Заставил уважать в Тимофее Гаеве сильного противника...

Ой ли?

Уважать? Эксмена?

Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда. Ни внешне, ни в глубине души Иоланта никогда не признается в том, что эксмен может оказаться действительно сильным противником. Такое могла бы признать Сандра Рамирес. Эту противоестественную мысль, сделав над собой усилие, могла бы еще допустить Анастасия Шмалько. И это абсолютно невозможно для Иоланты Сивоконь. Полтора века господства одного пола над другим, полтора века пропаганды, освященная опытом поколений традиция воспитания девочек в духе абсолютного превосходства над второсортными двуногими... нет, Иоланта никогда не опустится до такого позора!

Ни ей, ни Евгении Фаустовой просто не придет в голову идея, безумная даже для игрока, уважающего противника: он, Тим Гаев, пришел сюда вовсе не для того, чтобы убегать, как заяц...

Совсем для другого.

Пусть думают, что, заметив или только заподозрив нелад-

ное, он очертя голову бросился наутек. Пусть ловят его по всему району. Пожалуйста! И чем дольше, тем лучше. Побегайте. Кроссы полезны для здоровья. Прочешите лесной массив, подышите воздухом.

— Прошу прощения, — прошептал Тим, — но я с вами бегать не буду, у меня тут дела...

Пластаясь по земле, он выполз из лопухов, пропресмыкался на животе до широкой промоины и, укрывшись в ней, высунул голову из кювета. Расстояние до коттеджа он оценил метров в пятьдесят пять — шестьдесят. Многовато... И все-таки дистанцию надо было преодолеть за один нырок.

С дыхательной гимнастикой пришлось поторопиться. Еще один, последний взгляд в сторону финишной точки нырка — запомнить, мысленно пересчитать реальное расстояние в шаги в клейком лиловом киселе... Нет, не пересчитать — прочувствовать! Нет места формальной логике, иначе телепортация была бы наукой, а не искусством...

Пошел!

*

— Слыхала? — спросила Ольга, повернув голову на звук.

Лидка пожала плечами:

— Еще кто-то телепортировал из коттеджа...

— А не в коттедж? — Глядя на растерянных девчонок, Ольга рассмеялась торжествующе и зло. — То-то! Он умный. Он всех провел. Да ведь и я тоже ученая...

И, вспомнив о горьком «учении», она быстро и деловито проверила не только то, готов ли к бою автомат, но и легко ли вынимаются метательные звездочки из специально нашитых кармашков в рукавах.

По отработанной до рефлекса еще в полицейской школе привычке в любой обстановке первым делом намечать три-четыре маршрута телепортации она еще при свете дня оценила дистанцию нырка до коттеджа — тридцать три метра плюс-минус один. Чепуха. Она могла бы пройти эту дистанцию на одном вдохе после трех дальних нырков подряд.

— Схожу проверю. Вам оставаться здесь, продолжать наблюдение, активных действий без меня не предпринимать. Ясно?

— А... — начала было Лидка.

— Повторите!

— Без тебя ничего не предпринимать, — покорно отозва-

лись обе. Лидка, правда, демонстративно развела руками: вижу, мол, что с нашим сержантом творится что-то неладное, и крайне жаль, что ничего не могу поделать... Придется впоследствии поставить Лидке на вид попытку обсуждения приказа. Распустилась.

Три глубоких вдоха-выдоха. Достаточно.

Пошла!

28

Когда ты накрепко зажат в цепких объятиях Вязкого мира, когда твоя кровь несет по клеткам что угодно, но только не кислород, когда легкие начинают пылать огнем — только тогда ты начинаешь хорошо понимать ныряльщиков, ушедших под воду слишком глубоко, чтобы вынырнуть, альпинистов и лыжников, зацементированных в сорвавшейся лавине, шахтеров, живьем похороненных в засыпанных обвалом штреках...

И тогда тебе начинает казаться, что стоит лишь совершить самое малое, но обязательно правильное телодвижение, как снова можно будет вдохнуть полной грудью сладкий воздух, а потом снова и снова, чтобы, отдышавшись, фыркнуть и немного сконфуженно посмеяться над своими страхами.

Не верь иллюзии. В Вязком мире мозг рождает опасные фантазии. Отринь их. Терпи и двигайся. Не верь капризному серому веществу — верь мозжечку и спинному мозгу. Они не фантазеры, а работяги, и только они способны вывести тебя на воздух. А уж если не смогут они, тогда не сможет никто.

«Пора! Пора! — кричит каждая извилина, норовя подсунуть тебе искаженную картину реальности. У нее голод, она делает вид, что не может ждать ни секунды, хотя на самом деле просто не желает потерпеть еще немного. — Пора! Ты уже дошел! Выныривай!»

Ложь. Не слушай этих воплей, слушайся инстинкта расстояния, доверься мышечной памяти. Переподчинил себя разуму — пропал.

Потому что он не разум. Он знать не желает то, что тебе на самом деле нужно, — он лишь назойливо напоминает тебе о том, чего тебе хочется. Чаще вкрадчиво шепчет, иногда говорит с подкупающей прямотой, а бывает, и вопит...

Вот только к фундаменту подлинного разума — здравому смыслу и инстинкту самосохранения — его вопли не имеют никакого отношения. А без фундамента завалятся стены.

«Пора! Ну что же ты? Решил проскочить мимо, перестраховщик? Выныривай!»

Нет.

«Немедленно выныривай — и спасешься! Это — жизнь!»

Нет.

Если я с громким хлопком выйду из Вязкого мира на лужайке перед коттеджем, моя жизнь не продлится и несколько секунд. Но если я добреду в липком киселе до коттеджа и вынырну внутри его — я, возможно, проживу дольше. Минуту или даже несколько. За это время я обязан разобраться в игре Департамента со мною. Может быть — прийти на помощь той, кто нуждается в моей помощи, ждет меня... Каждый день ждет. А потом... не знаю, что будет потом. Попробую вывернуться и на этот раз. Мы вместе попробуем...

Сколько еще идти?.. Пожалуй, шагов пять-семь. В лиловом желе шаги медленные, почти как у водолаза в неподъемном скафандре. Пять шагов — это секунд десять. Нечеловечески много.

«Выныривай или дыши!»

Мозг уже не уговаривает — он паникует. Он дико боится умереть, забыв о том, что он лишь часть меня. Еще немного, и он прикажет мне дышать ядовитым коллоидом. У тех, кто не вышел из Вязкого мира, одна судьба с утопленниками — разница лишь в том, что утоплое тело можно найти, обшарив дно.

Но нет дна в Вязком мире, как нет в нем верха и низа. Слишком многое говорит за то, что вне человека Вязкий мир не существует вообще. И тем не менее он до дрожи реален.

Я вижу его. Или это всего лишь лиловая мгла у меня в глазах?.. Наверное, мгла, потому что я вижу странные, похожие на полярное сияние, сполохи и чувствую, что мои веки плотно закрыты...

Пора выныривать? Нет, сделаю еще один шаг... потерплю. Теперь — пора!

Не выпускает лиловая тьма.

Еще шаг вперед, и еще попытка...

Нет.

И вопль, рвущийся изнутри: «Дыши! Дыши!»

И теплые, мягкие, ласковые руки, баюкающие меня под немудреную колыбельную... Что это? Я начал вспоминать свою жизнь? Ясный симптом... Ну нет, не дождетесь!

Еще один шаг вперед — и вверх!

Опять мимо.

«А если они и в коттедже взорвали антителепортационную петарду с дурацкими конфетти?!»

Тогда конец.

Еще вверх! Ну...

Я рушусь спиной на что-то твердое, но, к счастью, не угловатое. Да это же пол! Просто-напросто пол, вдобавок покрытый тонкой ковровой дорожкой... Наплевать на ушибы — я прошел дистанцию, и я дышу! Я могу дышать!

И в течение нескольких секунд не могу заниматься ничем другим, беззащитный, как младенец. Приходи и бери меня... Почему никто не приходит?

Потому что никого нет. Большая неосвещенная комната совершенно пуста. Свет фар с шоссе пробивается сквозь ставни. Стол, шкаф, диван, у дивана притулился маленький журнальный столик, рядом кресло. На журнальном столике пепельница с окурками, сильно пахнет табачным дымом. Никого...

Ну да, тут они ждали в засаде... в неуюте очень большой комнаты с минимумом мебели. Экая здоровенная комната, наверное, во весь коттедж... А где же спальня? Должна ведь быть. Я же ясно видел: свет просачивался сквозь единственный ставень, а соседнее окно было темным, как уголь.

Да ведь я же помню по прошлому визиту: была спальня, и кабинет был. Уборная была. Не похоже, чтобы коттедж недавно перестраивали изнутри...

А это что — ведущая вниз винтовая лестница? Тогда понятно... Я целился на первый этаж, а вывалился из Вязкого мира на втором. В учебниках по телепортации описана эта классическая ошибка некоторых новичков, вызванная подсознательным отождествлением Вязкого мира с топким болотом: при каждом шаге новичок инстинктивно поднимает ногу выше, чем следует, как бы выдирая ее из топи, а в результате траектория движения загибается вверх...

Давно я не телепортировал, раз уж начал совершать такие ошибки слепой навигации! Взмыл бы еще немного — покатился бы кубарем по скату крыши. С грохотом.

Со стороны шоссе доносятся крики, телепортационные хлопки, гул моторов на холостых оборотах, а здесь неожиданно тихо. Бесспорно, от меня никто не ожидал такой наглости,

но все же тишина подозрительна... Неужто все кинулись меня ловить? Кто же в лавке остался?!!

Не понять мне их логики. А им — моей.

Потому что ни то ни другое — не логика. Психолог набормотал бы что-нибудь о поведенческих стереотипах, вытекающих из гендерных различий, а я скажу проще: всяк охотится как умеет. Не всегда уместно ставить себя на место дичи в намерении предугадать ее действия. Иногда надо действовать в точности наоборот.

Так полезнее для здоровья.

Мы не только ошибаемся — мы настаиваем на своих ошибках, и только это делает нас людьми. Что с того, что женщины тяготеют к одним ошибкам, а мужчины к другим? Гениальные ошибки все еще позволяют шахматистам... то есть шахматисткам иногда обыгрывать суперкомпьютеры с умными программами.

Если бы меня ловил суперкомпьютер, то уже, наверное, поймал бы... в том случае, если бы я сам был компьютером.

Кажется, суетящиеся снаружи спецназовки не услышали ничего подозрительного или не обратили внимания на донесшийся из коттеджа хлопок. Почему бы нет? Во-первых, кто-то из них мог вернуться в коттедж, мало ли зачем. В темноте и суете за всеми не уследишь. Во-вторых, им не до того — они осматривают кузова остановленной автоколонны, преследуют ушедшие вперед грузовики и гоняют меня по лесу. Полезное занятие, но долго оно не продлится...

Сейчас я спущусь вниз и встречу — кого? Маму? Ту женщину, что родила меня и пыталась укрыть от загребущей лапы властей, избавить от участи раба? Или доморощенную актрису из Департамента федеральной безопасности? Или никого?

Нельзя терять времени, а решиться страшно. Будто прыгнуть ласточкой с обрыва, не видя, что внизу — река или камни.

Сейчас я спущусь вниз...

Это уже заклинание. Формула самовнушения.

И, неожиданно решившись, я ссыпаюсь с лестницы — дикое бородатое пугало, только что вывалянное в грязной канаве, благоухающее свиным навозом, волглой сыростью катакомб, пóтом, дымом костра...

— Мама!

Немолодая полноватая женщина с усталым лицом. Застиранный домашний халатик. Женщина насторожена — она

слышала хлопок и знает, что в доме есть кто-то еще. Кресло покинуто, вязанье отложено. Она?!!

— Сынок...

У нее дрожат губы. Рукой она опирается на стол, чтобы не упасть. Бегом к ней — бережно усадить хотя бы вот на этот табурет, а потом уже упасть перед ней на колени и прижаться. Чтобы погладила по головке. Как в раннем детстве, которого я не помню, но знаю, что так было.

Погладь меня по голове, мама. Мне всю жизнь не хватало ласки, я вырос грубый и злой. Погладь меня. Измени меня к лучшему. Пусть придет белая кошка — где она, кстати? — и, обнюхав меня, потребует ласки, а я почешу ее за ухом заскорузлыми пальцами, и тогда она, может быть, заурчит от удовольствия и лизнет мою ладонь наждачным языком. Каждой твари на Земле надо, чтобы ее любили. Хоть кто-то. Хоть иногда.

Я не супер со стальными нервами и ледяными эмоциями. Я только человек. И мне изредка хочется побыть маленьким и слабым.

— Прости, мама, я не мог прийти раньше...

— Что ты, милый! Все хорошо. Я так рада! Ты знаешь, они мне все время говорили, что ты погиб, но я никогда им не верила. Никогда! Я знала, что рано или поздно ты придешь...

— Конечно, мама. Они знали точно, что я жив. Они потому и держали тебя здесь, что надеялись заполучить меня...

Она гладит мои волосы. Я не вижу ее лица, но знаю, что сейчас она улыбается. Как я. Хотя одновременно мне хочется разреветься.

— Нет, не то... Я бы наверняка почувствовала, если бы ты погиб. Я бы знала. Матери всегда знают. Ты просто не мог прийти, но ты не забыл и все-таки пришел... Спасибо, сын.

— Что ты, мама!..

— Побудь со мною. Бедный мой мальчик, как же тебе досталось...

Она гладит, гладит мои волосы, и рука ее чуть заметно дрожит. Что-то не так. Еще не знаю, в чем дело, но чувствую какую-то неправильность.

— Ты не ранен?

— Ну что ты, нет, — отвечаю я, подняв голову и глядя ей в лицо. — Так, ссадины, царапины, полпуда грязи... Дело житейское.

— А это? Это что?

— Чепуха. Чуть-чуть зацепило. Я же говорю — царапина.

— Надо тебя перевязать. Бедный мой...

— Я теперь богатый, мама. Я нашел тебя.

Как-то само собой выговорилось. Но почему я не верю себе?

— А я тебя. Нам с тобой надо столько рассказать друг другу...

Почему я не верю ей?!

Не потому ли, что моя мама — настоящая, не эта — первым делом крикнула бы: «Беги, сынок! Беги! Спасайся!»?

Не потому ли, что Мустафа оказался прав?

— Теперь мы вместе, и у нас с тобой все будет хорошо...

Бабах! Я не успеваю ответить на заведомую ложь, потому что в этот момент новый, совсем близкий хлопок оглушительно бьет по барабанным перепонкам. Я успеваю лишь крутнуться волчком и вскочить на ноги.

Вот оно как — оказывается, мое проникновение в коттедж не осталось незамеченным. Но почему тогда спецназовки не сыплются сюда горохом?

Противница одна, почему-то в полицейской форме. Лицо ее кажется мне смутно знакомым. Впрочем, какое мне дело до ее формы и до ее лица — для меня куда актуальнее ее автомат!

Прыжок. Рефлексы работают — спасибо «Смертельному удару». Цепкие пальцы пытаются поймать меня сзади за куртку, но соскальзывают. Знаю, чьи это пальцы. Знаю, чей глуховатый вскрик досады догоняет меня. В каком ты чине, лжемама? Или ты профессиональная актриса, мобилизованная в помощь компетентным органам?..

Талантливая актриса, но бездарный сценарий.

Кто она, я разберусь позже. У меня в запасе менее секунды — за это время вынырнувшая из Вязкого мира особа сориентируется и, распознав цель, применит на практике навыки огневой подготовки.

Удивительно: вместо того чтобы схватиться за автомат, она делает короткий взмах рукой — и я скорее инстинктивно, чем сознательно, ныряю в Вязкий мир...

Два шага вперед. Выход.

Что за дьявол — не получается!

Полшага вверх. Выход.

Никак!

Да что же это такое...

До меня все-таки доходит очевидное: место занято. Нет, не вломившейся некстати гостьей, я не дошел до нее добрых

четыре шага. В той точке, где я хочу покинуть Вязкий мир, застыл в полете некий метательный предмет, вряд ли полезный для моего здоровья — нож или какая-нибудь экзотика. Говорят, циркачки умеют хватать ножи в полете, внезапно выныривая из Вязкого мира...

Я не циркач. Я делаю пять шагов вперед, заведомо больше, чем надо. Поворачиваюсь.

Выхожу из Вязкого мира.

Несильно — в затылок. Только чтобы отключить ненадолго. Завладеваю автоматом. А «мама» верещит по-поросячьи и дергается, по ее лбу медленно чертит путь тоненькая струйка крови, в глазах — липкий ужас. Предназначенная мне метательная звездочка задела ее скальп, намертво пригвоздив волосы к стене. Попалась, теперь не удерешь в Вязкий мир...

— Молчать! — командую я. — Не двигаться. Руки на колени. Нет, подсунь их под зад и там держи. Попытаешься выдернуть звездочку — застрелю.

— Сынок... — Губы у нее дрожат очень натурально.

— Заткнись.

Я смотрю на нее и не понимаю себя. Затмение нашло, точно. Вот эта толстая лицедейка — моя мать? Да я с куда бо́льшим удовольствием записал бы в матери Присциллу О'Нил, а в сестры — так уж и быть — Иоланту Сивоконь! По крайней мере такая родня не вызывала бы во мне чувство мучительного стыда.

— Сынок... — Голос у тетки уже не очень уверенный.

— Молчи! Где твои сыновья, если они у тебя есть? Сданы государству?

Кажется, я попал в цель — она каменеет лицом и разом вываливается из образа.

— Ты не станешь стрелять. У «Аспида» очень громкий бой, глухая услышит. Ну же, попробуй выстрелить! Это твоя смерть.

— Да? — Пошарив в кармане, я достаю подаренный Шуркой Воробьяниновым нож. — А кто мешает мне расправиться с тобой без выстрела? Знаешь, что это за штука?

Она знает.

— Рыпнись только — и я прибью к стенке твои уши.

Как ни странно, эта угроза действует сильнее, чем естественный страх смерти. Надо думать, у тетки хорошо развито воображение. Она представила.

— Теперь отвечай: где моя мать?

— Не знаю.

— Подумай хорошенько.

Отдача у спецножа действительно могучая. Короткий свист, тупой удар — и вылетевшее лезвие застревает в стене десятью сантиметрами выше головы тетки. Новое лезвие с щелчком встает на место выброшенного, и я беру прицел чуть ниже.

— Ну?

— Не знаю! Не знаю! Не знаю! Говорили только, что...

— Что?

— Умерла она в ссылке, вот что! Уже лет десять как. Понятно?

— Кто говорил?

— Начальство. Я случайно услышала.

Что ж, я был готов к этому. Жаль только, что купился на фарс, на минуту позволив себе расслабиться. Но это исправимая ошибка, от нее останется лишь неприятное воспоминание, полное горечи, обиды и боли.

Они убили ее. Вернее, позволили угаснуть где-нибудь в поселке Сугроб, что на берегу моря Сестер Лаптевых, где даже полярным летом небо черно от гнуса, где даже не лишившиеся надежды люди стареют вдвое быстрее, чем везде, а те, кому надеяться не на что, — впятеро. Разве у нее была надежда? Она ведь не знала, что нечаянно инициировала меня, пытаясь спасти. Она была уверена, что из ее сына сделают обычного эксмена.

Не надо мне было возвращаться в прошлое — на той дороге сгорели мосты.

Что мне предпринять сейчас — вот вопрос. Драпать?

Не хочу. Слишком часто мне приходилось уносить ноги, надоело. Пора становиться гордым.

Найден ответ не на тот вопрос. Я ведь не спрашивал, каким мне быть...

Удрать — удеру, наверное... А дальше? Посвятить жизнь возмездию? Старательно и планомерно уничтожать личных недругов а-ля граф Монте-Кристо, мститель и наркоман?

Даже не смешно. Нет у меня зла к отдельным людям. Разве что схватиться с тысячеголовой гидрой государственной системы?

Того от меня и ждут Шурка Воробьянинов, Шаляй де-Воляй и все лесные и катакомбные «братья». Мустафа готов подвинуться, он еще не устал надеяться, что когда-нибудь я стану

вождем, а не иконой. Они ждут. Они готовы, только что не бьют себя в грудь, как гориллы. Веди нас! Наставь нас! Будь первым среди нас, а уж мы не подведем!..

Не уверен. Откуда я могу знать, кто на что годен, заранее, еще до того как дойдет до драки? Да и драка, если уж разобраться, еще не рентген, чтобы все насквозь высвечивать. Один, может, классный боец, в штурмовой группе ему цены нет, и товарищ он хороший, потому что никогда не сделает гадость из-за мелкой выгоды, и душа компании, а потом вдруг с неприятным удивлением начинаешь осознавать, что все его распрекрасные качества есть лишь инструмент для достижения главной цели — дорваться пограбить после успешного боя. Или поизмываться над пленными. Он и дружит со всеми из расчета: ты — мне, я — тебе. В разведку с ним сходить можно, а стоять бок о бок под расстрелом — испортить себе последние секунды... Другой — трус, за товарищей прячется, а сам душа тонкая, недурные стихи пишет и все про себя распрекрасно понимает, и тошно ему, волком готов завыть, потому что другим он не судья, а себе прокурор. Не вылечится, так застрелится... А третий противен, животное, лопает втихую краденую пайку, пакость сделает не сморгнув, и если пропустит тебя вперед, то только в крематорий или, допустим, для того, чтобы дать сзади пинка, и до чего же странно, что как дойдет до серьезного дела — он ничего, и есть для него, оказывается, поступки запредельные, непозволительные...

Иди поищи ангелов и дьяволов — долго искать придется. Никто не светел, никто не темен, все мы либо пятнистые, либо полосатые. С монохромностью у человеков вообще туго. Потому-то не верится ни в рай, ни в ад христианских сектантов, что критерий оценки всегда зависит от конкретной ситуации. Швырни человека в одни условия — там он хорош; вылови его за шкирку, швырни в другие — окажется хуже некуда. Нет, рай и ад — понятия не дискретные, а непрерывные, и нет между ними никакого забора с вратами и привратником, потому что большинство людей по справедливости должно попадать не на шипящую сковородку и не под пальмовую широколиственную сень, а куда-то между...

А примитивные простейшие вроде подвезшего меня шофера, точно знающие, с какой стороны булка намазана маслом, тупые и невероятно самодовольные, ничего не желающие и ни за что не держащиеся, кроме своего уютного шестка

до тех пор, пока он уютен? Таких помимо воли приходится называть эксменами — людьми им не стать. Но ведь их большинство! Их всегда было большинство! Если они будут очень недовольны, их можно даже повести за собой, и очень скоро так и будет сделано. Они найдут достойных себя лидеров. Сгоряча они даже будут умирать за них, особенно поначалу, а уж молиться на новых идолов — обязательно!

Но разве мне хочется, чтобы на меня молились? И Шпоньке этого не хочется, и даже Мустафе Безухову, хотя он-то, рассудив логически, смирится с поклонением. Для пользы дела. Удовольствие видеть толпы у своих ног придет потом...

Нет, вряд ли. Отчаявшиеся эксмены скоро попытаются взять свое единственным доступным им способом, но еще скорее им устроят кровавую баню, так что вряд ли удовольствие будет полным и длительным. А уцелевшие в бойне получат-таки статус привилегированных рабов — просто потому, что их ценность возрастет. Не ценится только то, чего избыточно много, а уцелевших эксменов много не будет...

Нет, заведомо обреченное на неуспех восстание — вовсе не то, чего я хочу...

Тогда чего же?

Мировой гармонии, очевидно. Вроде той извечной мечты крепостного мужика о крестьянском рае, о которой я когда-то с удивлением узнал из подпольных книг, подсунутых мне дядей Левой. Должно быть, и африканская полосатая лошадь точно так же мечтает о саванне без львов и гиен, о неизменно сочной траве, о просторных водопоях на берегах никогда не пересыхающей чистой реки, начисто лишенной крокодилов...

Мечтай, мечтай, наивный Тим Гаев, вместе с глупой зеброй! В свободное от спасания шкуры время.

Нет рая на этом свете. Быть может, следует стремиться лишь к тому, чтобы не было и ада, всякий раз выбирая наименьшее зло?

Почему бы нет.

29

Сколько времени я торчу здесь — минуту, две? А кажется, прошла вечность. Тот, кто сказал, будто время течет вне зависимости от человеческого восприятия, ляпнул глупость.

Из доносящихся снаружи звуков явствует, что около шоссе еще продолжается суматоха — нацбезовки ни в какую не

желают признать, что я опять ушел, и пытаются прочесать прилегающую местность. Ну-ну, поищите черную кошку в темной комнате, да глядите не перестреляйте друг друга!

«Выключенная» мною девушка меж тем издает стон и начинает шевелиться. Рывком поднимаю ее на ноги и крепко держу, на всякий случай заломив ей руку за спину, — теперь не ушмыгнет.

— Сволочь... — выцеживает она, не тратя сил на напрасные попытки вырваться. — Ну бей, ударь еще раз, животное...

— Зачем?

— А что ты умеешь, кроме этого?

О, она еще дерзит! Бойкая. Примотать ее на всякий случай к тетке, что ли?

Так и сделаю. Чуть позже.

— Что умею? Пилотировать капсулу. Телепортировать в космосе. Вести переговоры. Играть в ножички с тварью, у которой два скелета, и этим дурацким занятием спасать Землю. Плюс еще кое-что по мелочи. Достаточно?

— Бить по голове, — добавляет она с мстительным удовольствием.

— Адекватно оценивать противника, я это так называю. В результате не ты взяла верх, а я. Э, погоди, погоди... — Повернув ее к себе ровно настолько, чтобы не позволить ей плюнуть мне в глаза, я вглядываюсь в ее лицо. — Ну точно! Второй раз уже. В Царицыне была ты, нет?..

Молчит. Значит, она. Тесен мир...

— Была и не сделала никаких выводов...

В последних своих словах я ощущаю некоторую натяжку. Если бы она не сделала никаких выводов, то вряд ли сейчас находилась бы здесь. Остальное — везение, оказавшееся в данном случае на моей стороне. Простая случайность, что я был вынужден уйти с завода космической техники и сделаться бойцом в шоу Мамы Клавы, отчего стал сильнее и быстрее большинства спецназовок, не говоря уже о полиции. Шпонька на моем месте уже лежал бы навзничь со звездочкой во лбу. Безухов... не знаю. Все-таки он был не только дояром, но и участвовал в родео, скакал на парно- и непарнокопытных скотах на потеху почтеннейшей публики. Может, и успел бы среагировать вовремя...

— Так у тебя ко мне есть личные счеты? — интересуюсь я.

Короткий злой смешок.

— Счеты? Много чести, питекантроп! Мне нужно это для себя, только для себя!

— Потому что я стукнул тебя в Царицыне?

— Не только. Вспомни детство, интернат, девочку, собирающую грибы. Ведь это ты телепортировал сквозь ограду?

Ну и ну. Оказывается, мир еще теснее, чем я думал. Насмерть перепуганная сопливая девчонка выросла в крепенького полицейского сержанта, все это время мечтая только об одном: найти некоего эксмена и если не уничтожить, то хотя бы посрамить и жить дальше без комплексов...

— Ну и что ты пытаешься доказать самой себе? Что ты человек, а я шутка природы, телепортирующий питекантроп?

— Это в доказательствах не нуждается!

Так. Я зря теряю время. Пора уходить, здесь мне больше нечего делать...

А что дальше? Допустим, мне снова подвезет, и я опять сумею ускользнуть. Возвращаться в катакомбы, пока встревоженный моим отсутствием Мустафа не приказал отряду перебазироваться на новое место? Смириться, ходить в ночные вылазки, мстить и грабить, собирать дань с бедолаг-рабочих и ждать скорого взрыва эксменского гнева, робко надеясь на то, что ростки будущего в виде инициированных нами мальчишек когда-нибудь дадут всходы?..

Чудеса случаются слишком редко, чтобы строить на них расчет. Более чем вероятно, что мальчишки не переживут того бессмысленного и беспощадного кошмара, что вскоре разразится повсеместно. Разве Шурка Воробьянинов или, скажем, Шаляй де-Воляй станут их спасать, крепко рискуя собой? Да никогда! Для чего им будущее, которого они не увидят, не ощупают и не попробуют на зуб? Не та среда. Идеализм не роза, он плохо приживается на навозе.

С неотвратимостью падающего ножа гильотины мир рухнет в безумие.

Да, скорее всего лишь на какое-то время с последующим медленным возрождением. Если, конечно, среди хаоса не рванет ненароком реактор «чистой» ядерной энергостанции и из какой-нибудь разгромленной лаборатории не вырвется в биосферу штамм вируса, от которого еще нет защиты.

Как отменить неизбежное? Вопрос без ответа. Но если это вообще возможно, то я хочу знать — как? В катакомбах я не найду решения.

— Сейчас я привяжу тебя... — Толкнув девчонку в полицейской форме, киваю в сторону тетки. — Вон к ней и привяжу. Если не будешь сопротивляться, больно не сделаю.

— А что потом? — спрашивает она и с настороженностью, и с издевкой, и с надеждой.

Она закусила удила не намертво. Где-то глубоко внутри ее шевелится извечная человеческая надежда на то, что все окончится хорошо. И это меня радует.

— Потом я уйду. Попытаюсь уйти.

Дьявол, она улыбается:

— Попытайся.

— В крайнем случае прикроюсь тобой, — грожу я ей, чтобы не очень веселилась.

— Думаешь, это поможет? — Все еще улыбаясь, она качает головой.

— Попробовать-то стоит, нет?..

Нет, конечно. Бессмысленно. Но пусть изложит ситуацию, как она ей видится. Может, будет польза.

— Я сержант полиции. Всего лишь сержант. А ты — телепортирующий эксмен. От вредных аномалий надо избавляться любой ценой. Одна человеческая жизнь в обмен на тебя — цена приемлемая.

— А с твоей личной точки зрения?

— Еще бы. Да я сама крикну: «Огонь!» Ты сомневаешься?

Нет, я не сомневаюсь. Эта — крикнет, несмотря на всю надежду на лучшее. Просто потому, что так надо, а иначе — невозможно. Она накрепко задолбила, как надо. Впрочем, ее вместе со мной изрешетят, пожалуй, еще до крика.

Потому что все они знают, как надо.

Против воли змеиная улыбка ползет мне на лицо:

— Ну хорошо. Выявить, выследить и истребить, пусть ценой потерь, пять-десять, или сколько их там всего, телепортирующих эксменов, в принципе, можно, задача решаемая. Десяток аномальных эксменов мир не перевернут, даже если очень этого захотят, ну да ладно... Во избежание подкопа под идеологию — истребить и забыть! Одного ты не учитываешь: можно очистить Землю от эксменов-уникумов — нельзя вновь засекретить рассекреченное! Если уж рецепт телепортации пошел гулять по свету, то... Джинна не загонишь обратно в бутылку.

— Какого еще джинна? Какой рецепт?

— Телепортации. Знаешь, почему ты умеешь телепортировать? Потому что тебя инициировали в младенчестве. А знаешь, почему телепортирую я, несмотря на игрек-хромосому? Меня тоже инициировали, вот я и вхож в Вязкий мир. С неправильной хромосомой в каждой клетке! Вязкому миру на хромосомы наплевать!..

То ли соображает она туговато, то ли все поняла, но не хочет принять очевидное, но обидное объяснение. Протест встает волной: как может статься, что весь мировой порядок оказался построен на заведомой лжи? Не может быть. Не может!

Ложь не тот фундамент, чтобы строить на нем вечное. А вот я — лгу, разумеется! Нашла кого слушать — эксмена!..

— Это вранье! Насквозь лживая враждебная пропаганда!

— Враждебная — может быть. А что до лживости — зайди как-нибудь в родильный дом. Близ палаты для новорожденных девочек существует так называемая зона ОИ. Она не так велика, в ней только и есть, что тщательно звукоизолированное помещение для телепортаций, комната отдыха операторов ОИ да пост охраны, который тебя не пропустит. Тебе разрешат войти куда угодно, но только не в святая святых. Ни в коем случае. Почему?

— Да откуда мне знать, почему! — кричит она. — Я не медик, не акушерка!

— Тебе даже не дадут взглянуть на контейнер для пребывания в Вязком мире новорожденных! Вы все слепые! — Я тоже начинаю орать. — Полтора века слепые дуры идут гуськом за зрячими стервами...

Я замолкаю на полуслове. Что-то было сказано мною сгоряча, что-то крайне важное. Иногда ведь по счастливой случайности можно не подумавши ляпнуть и не глупость...

Да вот же он, ответ, — на блюдечке! Джинна, высунувшего башку из бутылки, уже не загонишь назад и не закупоришь пробкой. Тайна телепортации известна мне, Безухову, Шпоньке и всему отряду. Вероятно, она уже известна многим эксменам, с которыми во время вылазок контактировали наши. Ширится шепот, джинн медленно, но неостановимо ползет из бутылки... Слухи — самый трудноконтролируемый источник информации.

Вот и рецепт — помочь джинну ползти быстрее! Самое луч-

шее — организовать подпольную телестанцию или прорваться в уже существующий телецентр и выйти в эфир хотя бы на минуту. Можно еще печатать листовки. Можно попытаться воспользоваться уцелевшими обрывками связей старого подполья. Да, есть еще Сеть! Вокульского надо подключить обязательно — жаль, нет времени сделать это прямо сейчас... Главное, чтобы информация в короткий срок дошла до значительного числа эксменов.

И не только до эксменов...

Я близок к тому, чтобы истерически расхохотаться. Какой же я лопоухий осел! Как я не сообразил сразу: крамольная информация оберегается властями как величайший секрет не только от эксменов, но и от так называемых настоящих людей. Допущенных к ней — проверенных, перепроверенных и наверняка постоянно контролируемых — ничтожное меньшинство. Значит, все равно, среди кого распространять информацию — главное, чтобы она была распространена!

Спасибо тебе, Марджори! Без тебя я бы не до конца понял, что это такое — горе матери, потерявшей свое дитя не из-за болезни, не по трагической случайности, а просто по закону. За все надо платить, и за неестественное главенство одного пола над другим расплачиваются не только эксмены. Вы забыли об этом там, наверху? А вы, внизу, забыли, что всякая власть, даже самая уважаемая и незыблемая, держится за счет преступления и чем сильнее пытается не совершать никаких преступлений, тем больше их совершает? Нет, я не осуждаю, анархия еще хуже, но надо же знать меру! Очень легко обеспечивать благоденствие меньшинства за счет большинства. Гораздо труднее сделать наоборот, но и это осуществимо. Но никаким способом нельзя удержать власть, базирующуюся на совершении преступления против ВСЕХ!

Ну, практически всех. Поистине удивительно, что новый матриархат, быть может, спасительный для земной цивилизации, но искусственный и уродливый, умудрился просуществовать более полутора веков — ведь для его размывания и падения достаточно одной вовремя не локализованной утечки информации!

Есть Безухов. Есть Шпонька. Есть люди из катакомб. Теперь лжемама и эта упрямая девушка, полицейский сержант.

Я их пальцем не трону уже за то, что они расширяют утечку. Уже сейчас ее непросто законопатить.

Достаточно повсюду начать кричать о тайне телепортации, как тысячи матерей, родивших не мышонка, не лягушку, а эксмена, предпочтут прятать и тайно инициировать своих сыновей, вместо того чтобы расставаться с ними навсегда, изо всех сил стараясь забыть о неудачной попытке...

И мир неслышно дрогнет, начиная медленный — на десятилетия, — но неостановимый переворот с головы на ноги. Очень может быть, что дело обойдется сравнительно малой кровью, а когда переворот совершится, маятник качнется в обратную сторону несильно и ненадолго. Ведь не патриархат же мне нужен, тем более что сейчас он непременно был бы необузданно жестоким и попросту свинским...

Обойдемся без патриархата.

Ох, сколь многие возненавидят меня за это!

Плевать. Субъекты, жаждущие кровавого возмездия, мне неинтересны, как неинтересны эмоции самца-бабуина. Ради бабуинов не стоило заваривать всю эту кашу.

Бабах!.. От близкого телепортационного хлопка у меня закладывает уши. И сейчас же — бах-бабах! — еще два хлопка. Совсем рядом. Бах — на втором этаже.

Дождался... А ведь мог уйти тихо.

Нырок!

Лиловая тьма Вязкого мира неохотно расступается, киселем обволакивая тело. Куда я иду? Без предварительной, хотя бы и короткой, вентиляции легких, на худой конец без полноценного вдоха далеко мне не уйти — вынырну опять на лужайке, которую немедленно зальют шквалом свинца...

В ближайший лес? Только это и остается. Вместе с надеждой на то, что облака мельчайших, долго не оседающих конфетти уже успели рассеяться. Вряд ли, конечно. И что мешает спецназовкам набросать новых петард?

Обнаглел? Плати.

Почему так тяжело идти? Тьфу, черт, да ведь я не один! Новая напасть на мою голову: оказывается, я телепортировал вместе с девушкой-сержантом, в которую нечувствительно вцепился мертвой хваткой, все еще держа ей руку на залом. Почему-то меня совсем не радует ни внезапное — от стресса, надо думать — возвращение моих феноменальных способно-

стей, ни участие в уникальном, никогда не бывалом конвоировании в условиях Вязкого мира...

Бросить девчонку? А выйдет ли она самостоятельно из Вязкого мира — ведь это МОЙ Вязкий мир...

Выйду на мгновение в нормальный мир — там и брошу. Незачем ей подыхать вместе со мной.

А пока иди, девочка. Топай ножками и не вырывайся. Мне совсем не нужен твой труп. Мне больше не нужны ничьи трупы, даже Иоланты Сивоконь и Евгении Фаустовой, хотя они и сделали мне очень больно. Зато результат того стоил, и победа в конце концов достанется не им. Наверняка — если я переживу эту ночь. Вероятно — если на этот раз везение даст осечку.

Иди, девочка, иди... Шагай ровно. Продавливай сволочной ядовитый коллоид. Через несколько секунд ты будешь на свободе.

А я, наверное, снова надорвусь, моя сопутствующая пороговая масса катастрофически упадет, и, возможно, мне придется бросить автомат. В худшем случае она упадет до нуля или даже до отрицательной величины, и тогда в последний миг я признаю, что операция Департамента завершилась частичным успехом. Но будем рассчитывать на лучшее...

А не надорвался ли я уже? Иду, тащусь через мерзкое желе, думаю обо всех сразу, как будто имею на это право, строю планы на будущее... а сумею ли покинуть Вязкий мир? Вот будет номер, если нет. В назидание последователям.

Ну же... выход!

Не получается. Тычок пленнице под ребра, шаги вверх по невидимым ступеням. Еще попытка...

Нет. И снова вверх. В худшем случае свалюсь с высоты нескольких метров, но хотя бы отделаюсь от конвоируемой. Одному не в пример легче.

Не выходит. И уже нет воздуха. Полжизни за один вдох... Пусть воздух будет насыщен какими угодно миазмами — лишь бы вдохнуть!

Мне не выйти из Вязкого мира. Не позже, чем через десять секунд, удушье возьмет свое, оно дожмет меня, и я глотну отравленного лилового желе. Уж лучше бы меня изорвали в клочья пули на лужайке перед коттеджем...

Попытка! Попытка! Попытка!

Ну же... Рывок вверх — и вон отсюда!

Вверх!

Нет лилового желе. Сумрак. Просто сумрак с узкой светлой полосой приближающегося рассвета. А над головой — половинка убывающей луны!

Я дышу! Я снова могу дышать! Сладость чистого ночного воздуха не сравнима ни с чем, куда до нее вкусу изысканных кушаний, наркотической эйфории, оргазму! Сравниться с нею может лишь отсутствие боли после долгих мучений. И пленница тоже дышит вовсю. Дыши, дыши... Жаль только, что после двух-трех вдохов блаженство начинает таять, а после десятка вообще сходит на нет.

Куда это меня выбросило? Где деревья, коттедж, разъяренные спецназовки?..

Ничего нет. Глубоко подо мной лежит чернота, вся в оспинах редких огоньков, а вот та цепочка огней — наверное, машины на шоссе, а вон то обширное мерцание — ночные огни столицы, скупые по причине энергетического голода.

Я падаю?

Нет. Мертвой хваткой вцепившись в мою ненужную пленницу, я неподвижно завис где-то между небом и землей. Не знаю, как я сюда попал. Да, рвался вверх, все правильно... Но не настолько же вверх!

Хотел выйти из Вязкого мира? Что ж, вышел. Но куда?

А может, я уже умер и теперь обозреваю свысока земную суету?..

Интересная мысль. Обдумаю после.

Туда! К городу!

Картина внизу меняется. В хаосе огней угадывается паутина проспектов, площадей, прямых улиц и кривых улочек... вон и набережная, извилистая, как ползущая змея. Пусть себе ползет куда хочет, а у меня свой путь.

Евгения Фаустова!

Я мчусь на небольшой высоте, а подо мной на бешеной скорости мчится машина. Скорее! Скорее! Быть может, еще не поздно взять полупроваленную операцию в свои руки и прихлопнуть-таки зловредного эксмена Гаева! Оргвыводы будем делать после, сейчас Гаев — это главное. Скорее...

Спеши. Суетись. Карай и милуй. Играй в свои игры.

Присцилла О'Нил!

О, да она стала совсем старушкой! Седенькая, сгорблен-

ная... Кончается ночь, а она все не спит. Шторы в комнате плотно занавешены. Что с тобой, умная и справедливая командующая? Тебя вышвырнули в отставку, и теперь тебе больно видеть звездное небо? Погоди сдаваться. Взбодрись, найди в себе силы жить, и ты увидишь еще много удивительного, я обещаю...

Марджори!

Не знаю, какой это город и какой материк. Знаю только, что она недавно родила девочку и счастлива и вся принадлежит ей. Я ей не нужен. Дочь не отберут. Властям сейчас вообще не до Марджори...

Мне тоже. Я лишь позволяю себе украдкой поглядеть на мою дочь и умилиться, жалея все же, что не родился сын.

Я бы его инициировал. Научил бы тому, чему только что научился сам. Он бы у меня вообще не знал лиловых кошмаров Вязкого мира.

А вслед за ним я инициировал бы какую-нибудь девчонку, чтобы счет был равный. Не злитесь на меня, мужские шовинисты, — я не хочу, чтобы маятник качнулся в обратную сторону. Пусть скользнет к нижней точке и замрет навсегда. Такие подарки надо делать всем или не делать никому.

Вот она — настоящая телепортация, та, о которой мы мечтали, продираясь вслепую сквозь клейкий коллоид!.. Мгновенное перемещение на любое расстояние. С точным адресом. С возможностью сначала увидеть то, что ТАМ, а потом уже решить, стоит ли перетаскивать туда все тело...

Что же — это следующий уровень? Это то, что настолько же выше привычной натужной телепортации на несколько десятков шагов, насколько она выше полного неумения телепортировать? И я — от отчаяния, наверное, — еще раз совершил невозможное?

Похоже, да. Иного объяснения я пока не вижу.

Катакомбы!

Там тревога. Вернулись обе группы, Мустафа рвет и мечет. Удвоено наблюдение, на случай штурма готовятся ловушки, для экстренной эвакуации расчищаются резервные лазы. Разбуженные мальчишки испуганы, Матвейка тихонько хнычет... Если я не вернусь до вечера, отряду придется перебазироваться неведомо куда.

Но я вернусь, конечно...

Чужак!

Россыпь колючих звезд. Темное тело на мгновение заслоняет пылающий клубок Солнца. Да нет же, мне не сюда. Внутрь!

Живая плоть живого корабля. Очень серьезно, словно выполняя не слишком любимую, но крайне ответственную работу, мой двойник по-прежнему играет в ножички с Двускелетным...

Ф-фу... Прочь отсюда! Дядя Лева!

Над столицей только-только разгорается заря, а здесь, на берегу неведомой мне таежной речки, уже откричали свое птицы, поприветствовав утро. Трое бородатых бродяг, один — постарше, седой и сутулый, другой — рослый, покрепче и помоложе, третий — совсем юнец, собираются завтракать. Под закопченной кастрюлей, пристроенной над сложенным из угловатых камней очагом, потрескивают в огне сухие и не слишком смолистые ветки. Партизанские костры не дают дыма. Тормози, водитель, моя остановка.

Вернее, наша. Выходим, леди.

Все трое отшатываются, разинув рты. Падает кастрюля, выливая в огонь недоваренную ушицу, шипят угольня, из очага вздымается немаленькое облако пара с пеплом. Плевать.

— Ну здравствуй, дядя Лева, — говорю я фальшиво спокойным голосом, словно мы расстались только вчера. — Привет, Гойко... А это кто с вами?

30

— Значит, ты и меня можешь... как это... инициировать? — с робкой надеждой в голосе спросил Гойко.

Тим пожал плечами:

— Вероятно, да. Надо попробовать. Только чуть позже, ладно? Устал.

— Ты не уверен, что справишься? — встревожился дядя Лева и даже перестал снимать пену с новой ухи. Сейчас же из кастрюли шустро побежало через край, в костре снова зашипело.

— Не в том дело. Я думаю, можно ли сразу тащить инициируемого на второй уровень или сначала надо дать ему освоиться в Вязком мире. Кто знает, какие могут быть последствия, если форсировать инициацию...

— А ты попробуй, — предложил Гойко. — Доброволец есть.

— Почему это ты? — возроптал Гриша Малинин. — Я доброволец.

— С какой стати ты?

— С такой, что ты тяжеловес. Тим надорвется.

— Это я когда-то был тяжеловесом, а теперь...

— Доброволец есть, а инструктору нечего есть, — отшутился Тим, гася спор в зародыше. — Дядя Лева, уха скоро будет?

— Скоро, скоро. Ты такой ушицы сроду не пробовал. Никакого частика, только хариус и ленок. Язык проглотишь. Мы недавно тремя гранатами разжились, так одну на рыбу потратили...

— Расточители, — хмыкнул Тим, — и браконьеры.

— Угу. Сам бы пожил на подножном корме... Запах-то вкусный?

— Вкусный.

— Во-от! Тебе вкусный. А мы эту уху уже ни видеть, ни нюхать не можем, только глотать, зажмурившись, и то колом в горле стоит...

Нашлась мятая жестяная миска, и ложка нашлась. Покрытый коркой грязи, дурно пахнущий эксмен Тим Гаев хлебал уху шумно и жадно, закатывая глаза и покрякивая от удовольствия, проливая жижицу на клочковатую бороду. Не ел, а жрал. Ольга отвернулась. Ей тоже предложили ухи — она отвергла ее жестом. Омерзительно грязные полуживотные, по-видимому, совсем ее не боялись и даже не предприняли никаких мер против ее бегства. То ли воображали, будто она чересчур напугана и подавлена для бегства, то ли просто не придавали значения ее присутствию. Не стали даже обыскивать, а зря... Удивились поначалу, схватились за оружие, но не убили. Какую роль они уготовили пленнице? Роль сообщницы? И, вероятно, наложницы одного из них, а то и всех?..

Тоже зря.

— Поешь, — вполне дружелюбно предложил Ольге старший из бунтовщиков, протягивая на сей раз явно краденую галету. Ольга взяла. Не следовало лишний раз дразнить опасных зверей. Она даже заставила себя съесть галету, хотя та побывала в пальцах эксмена и пальцы были грязны. А Гаев, дохлебав ушицу, продолжил свой рассказ. Почему-то его сильно волновала информация, полученная от чужаков, едва не спаливших Землю... Ольга слушала вполуха, думая о своем.

— По их прогнозам, нашей цивилизации осталось жить примерно две тысячи лет, — озабоченно вещал Гаев, не забывая отмахиваться от комаров, — но крупных неприятностей следует ждать раньше. Кстати, они считают, что, по всей вероятности, человечество выродится или самоистребится задолго до взрыва Сириуса. А мы до сих пор знаем о мотивах чужаков только с их слов... Тут поневоле задумаешься, почему они меня отпустили. Потому что я нашел новую игру для двускелетного дурачка? Или потому, что, овладев телепортацией, мы справимся с задачей самоуничтожения в ударные сроки и без помощи со стороны?

Тот, кого называли дядей Левой, задвигался, закряхтел в бороду и решил возразить:

— Разве космофлот им помеха?

— Представь себе, да, — живо отреагировал Тим. — То есть я хочу сказать, что они справились бы с нами, наверняка справились бы... Раздавили бы, как насекомых. В том-то и дело: человек, конечно, гораздо сильнее колонии насекомых, но полезет ли он давить их, если у него есть верный способ заставить их перекусать друг друга?

Дядя Лева долго молчал.

— Вокульский утверждал примерно то же самое, — сказал он наконец. — Ты сам-то веришь тому, что говоришь?

— Нет. Не очень.

— Ну то-то же.

— Я обязан был сказать, — пояснил Тим. — Вообще-то я думаю, что мы справимся...

— И я так думаю, — кивнул Лев Лашезин. — Сравняемся с ними, — он облизал ложку и указал ею на Ольгу, — и мир не перевернется. Он станет лучше и прочнее, честное слово. Уж об этом-то мы позаботимся. Прочность не в простоте и не в мертвой статике — скалы рушатся, а трава растет...

Тим молча кивнул в ответ. Мудрый дядя Лева был прав: можно и нужно идти этим путем. И девчонка пойдет. Должна же она в конце концов понять, чего была лишена. Когда-нибудь все люди сумеют понять, что их непохожесть на других — не проклятие, а преимущество, делающее мир богаче, и спокойно примирятся с нею, не скатываясь в рабы и не метя в боги, и тогда уже ни сила приказа, ни капризное веление моды, ни врожденная тяга к стадности не сумеют собрать людей в

ровные прямоугольники однообразного цвета, с восторгом марширующие в указанном направлении.

Когда-нибудь это случится.

Вероятно, не скоро. Даже очень не скоро. Но неизбежно, потому что у мира просто нет иного выбора.

Нет, человек и тогда еще не произойдет от обезьяны. Слишком рано.

Но уже ступит на этот путь.

Свет ждет его впереди. Медленное трудное восхождение — и Свет. Ярчайшая, обжигающая вспышка Света!

И чернота...

Тим Гаев уронил голову. Тяжелая метательная звездочка ушла в его правый висок до половины. Улучив момент, Ольга взмахнула левой рукой, посылая звездочку точно в цель, и спустя мгновение телепортировала прочь.

Она не видела, как медленно, точно раздумывая, стоит ли падать, завалилось на бок тело. Это было не так уж интересно. Она не попыталась ни убить преступных сообщников Гаева, ни хотя бы лишить их выхода в Сеть, уничтожив ударом ноги ворованный комп. К чему? Знание великой тайны ничем им не поможет. Они не более опасны, чем множество других бунтовщиков, и их очередь придет в свое время с той же неизбежностью, с какой день сменяет ночь.

А как же иначе?

Ольга отмахнулась от само собой разумеющегося. Она упивалась открывшимися ей ныне безграничными возможностями. Можно забыть о том, что они подарены ей эксменом. Еще неизвестно, как там на самом деле было с Сандрой Рамирес — сама ли она вошла в Вязкий мир или ее тоже кто-то инициировал?.. Теперь это не выяснишь, да и не нужно. Важен ведь итог, а какой путь приведет к нему — дело десятое...

Пусть, пусть эксмены учатся черепашьей телепортации в лиловом коллоиде! Пусть научатся хоть поголовно. В их судьбе, как и во всем мировом порядке, это ровным счетом ничего не изменит. Кто умеет больше, тот и наверху, а кому большее недоступно — тот смирись. Не хочет — заставим. Это будет нетрудно...

Место последней операции!

Невидимая, Ольга насладилась разносом, устроенным полковником Фаустовой майору Селиверстовой в присутст-

нии подчиненных. Зрелище было жалкое, у майора размылась тушь, спецназовки отворачивались. Тут же на заднем плане маячили без дела Лидка с Анкой — обе дурищи не очень скрывали свое удовольствие от посрамления Департамента. Зря. Дело общее. И сейчас, и потом придется работать совместно...

— Не все так плохо, полковник, — сказала Ольга, внезапно появляясь перед Фаустовой. — Поверьте, не все так плохо...

Засмеявшись, покинула это место, оставив очевидиц в потешном остолбенении. Позже, позже! Ждите, обсуждайте небывалое чудо и верьте, что вы все станете такими же благодаря скромному сержанту полиции, чья слава скоро превзойдет немеркнущую славу Сандры Рамирес. Готовьтесь к инициации, а заодно подбирайте большую каменюку для прижизненного памятника полицейскому сержанту!

Шучу, шучу...

Участок!

Сцилла Харибдовна... Галка Васюкевич... В комнате психологической разгрузки четверо дрыхнут без задних ног, пахнет нестираными колготками... Наряд полиции вышел конвоировать к месту работы поднятую с утра пораньше бригаду угрюмых эксменов... Рутина.

Вязкий мир!

Вот куда не догадался заглянуть покойный эксмен-уникум. Рябило в глазах. Со своих высот Ольга видела всех, кто в данный момент телепортирует — если это называется телепортацией! — сквозь лиловый клейстер. Она могла вытянуть руку и дотронуться до каждой. Какие возможности... какие сказочные возможности! Страшно подумать — они могли достаться эксмену!..

Могила мамы!

На холмике близ дороги ни знака, ни таблички с именами. Холмик невысок, но широк, а значит, могила общая, сестринская. Умерших беженок хоронили в спешке, закапывали яму бульдозером, хорошо еще, что вообще похоронили... Кой-где проросла сорная трава. Уколов пальцы, Ольга выдернула с корнем нахальный репей.

Я пришла, мама. Если ты слышишь меня — прости бестолковую дочь. Я все-таки не оправдала твоих надежд, не стала юристом и уже, наверное, не стану. Я стала чем-то бóльшим...

но хотела ли ты этого? И хотела ли я?.. Не знаю. Наверное, да, потому что я счастлива. Ты слышишь? Ты ведь мечтала о счастье для дочери, и не твоя вина, что ее счастье не могло быть мирным и тихим...

Время такое.

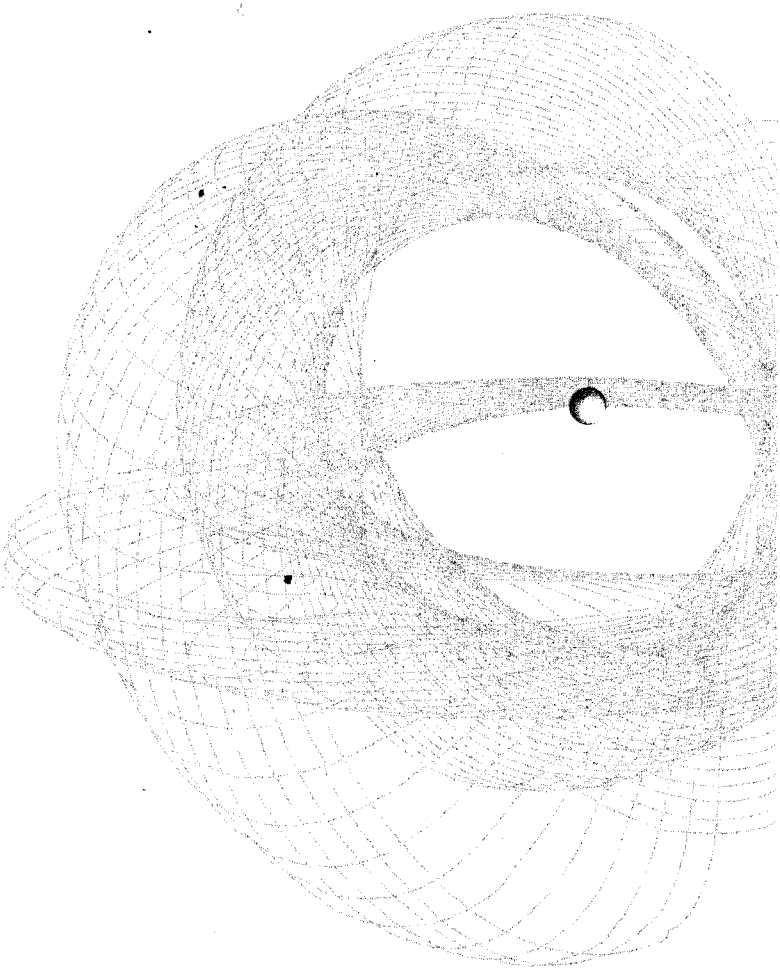
Но настанут и другие времена — спокойные, размеренные, созидательные, полные смысла и порядка. Правда, старый порядок восстановится уже на новом витке, ну так что ж с того? Важно то, что он естественный, вот потому-то никому и никогда не удастся сломать его...

А как же иначе?

2003 г.

ВЛАСТЕЛИН ПУСТОТЫ

РОМАН

ПРОЛОГ

Самым неожиданным было то, что прогнозы о полном вымирании человечества к 2100 (3000? 4000?) году н.э. ни на грош не оправдались.

Самым закономерным было то же самое.

И Солнце по-прежнему светило, грело и, не задаваясь вопросом «зачем?», продолжало свой ленивый путь по Галактике через звездный клочок, ответвившийся от спирального рукава Ориона — Лебедя.

И планеты — все как одна — по-прежнему слонялись от перигелиев к афелиям своих орбит, в положенное время подставляя солнечному ветру то или иное полушарие, меняли климат, теряли и наращивали полярные шапки, безумствовали землетрясениями и ураганами, варили в мантиях редкостные минералы, принимали переселенцев и, не задаваясь вопросом «за что?», безропотно отдавали им то, что имели.

Астероидов уже не было.

Люди рождались, мужали, старели, безропотно трудились, впадали в крайности, возносились над миром и выбирались из нищеты, крали чужое белье и устремлялись к звездам, лечились от насморка и воспитывали детей, становились тиранами и мучениками, создавали шедевры искусства, исполняли двумя пальцами «Собачий вальс», ссорились с соседями, погружались в религии и пытались позитивно воздействовать на наследственность.

Умирали как всегда.

Как и прежде, человечество превосходило неживую природу многообразием явлений, и человек зачастую сам не подозревал, насколько он велик и настойчив, — равно как неведома ему была мера собственной беспомощности, беспринципности и глупости.

Земная цивилизация пережила химический, радиационный и генетический кризисы, одну глобальную войну, последствия парникового, тепличного и оранжерейного эффектов поочередно, двадцать три пандемии неизвестных болезней, два малых ледниковых периода и один не так чтобы малый.

Случалось, человечество вымирало на девять десятых и больше, затем возрождалось, меняясь с каждым новым возрождением и не подозревая об этом; приобретало новые способности, быстро множилось в числе, меняло привычки, правительства и режимы, слабо реагировало на приказы вождей вынуть из карманов кукиши для учета последних — и, поплевывая неизвестно по чьему адресу, работало, работало, работало... После чего до очередного вымирания оставалось не так уж далеко.

Вопросы перемещения во времени все еще выглядели теоретической абстракцией.

Примерно в 2200 году, с открытием макротуннельного эффекта, была разработана туннельная камера — вид связи, позволяющий осуществлять переброску материальных, в том числе и живых тел (в виде информации, записанной на субкварковых частицах, с последующей сборкой на приемном конце), практически мгновенно и на сколь угодно большие расстояния. С этого момента вялый процесс колонизации Солнечной системы ускорился в сотни раз. Беспилотная ракета доставляла на избранное космическое тело туннельную камеру-приемник, после чего перед камерой-передатчиком выстраивалась длинная очередь переселенцев. Очень скоро туннельные камеры стали основным видом транспорта и на Земле.

Не обошлось без оппозиции. Как это бывает сплошь и рядом, мысль опередила время.

Далеко не всем — оно и понятно — пришлась по вкусу идея разрушения человеческого тела в камере-передатчике и использования энергии аннигиляции человека для туннельного переноса. Что будет, спрашивали скептики, если при субкварковой записи часть информации будет утеряна или искажена? Пассажир появится в пункте назначения нежизнеспособным уродом, да и появится ли он там вообще? Стихийные бунты против туннельного транспорта обычно носили локальный характер и по размаху ущерба не превосходили

стоимости поврежденных камер, но продолжались довольно долго — вплоть до 2250 года. На этот отрезок времени падает и громкий скандал: некая молодая незамужняя особа по имени Доминика Лукреция Санчес, собираясь провести уик-энд на Аляске, вошла в туннельную камеру на центральном вокзале Асунсьона и мгновение спустя появилась в Анкоридже беременной на седьмом месяце. Лечащий врач сеньориты Санчес заявил под присягой, что до злополучного инцидента ни о какой беременности не могло быть и речи. Судебный процесс, продолжавшийся несколько лет, родил прецедент: отцом ребенка была признана камера-передатчик в Асунсьоне, и вряд ли в чем-нибудь виновный обслуживающий персонал камеры был присужден к уплате алиментов в пользу матери малыша, появившегося на свет, кстати сказать, вполне здоровым. Впрочем, очень возможно, что это только анекдот.

Численность населения Земли в целом росла (хотя вряд ли за счет туннельного транспорта). Пилообразная динамика подъемов и падений, до обидного похожая на зигзаги численности популяции леммингов, могла позабавить кого угодно, только не землянина:

2000 г. — 6,5 млрд. чел.
2100 г. — 11,0 — " —
2200 г. — 15,3 — "—
2300 г. — 2,1 — " —
2400 г. — 8,7 — " —
2500 г. — 0,9 — " —
2600 г. — 4,4 — " —
2700 г. — 20,2 — " —

Солнечная система была освоена. Но звезды по-прежнему оставались недостижимыми. Теоретически существовала возможность туннельной заброски исследователя в окрестности любой звезды в Галактике — но только в виде субкварковой информации об этом исследователе, от которой, как легко понять, проку мало.

В 2788 году — эта дата известна точно — к ближайшим звездам стартовали сразу два туннельных корабля — в их действии был заложен иной принцип, нежели в работе заурядных туннельных камер, однако название, не отражающее суть, прижилось, в чем нет ничего удивительного — называют же слоеный торт «Наполеоном», и все довольны.

Туннельный корабль был способен покрыть расстояние до ближайших звезд за время, исчисляемое немногими неделями. В системах Альфы Центавра, Сириуса и Летящей Барнарда не было найдено подходящих для жизни человека планет — впрочем, на всякий случай там были оставлены капсулы с туннельными камерами. Прогресс был достигнут после изобилующего трудностями полета к Эпсилон Эридана: из шести планет оранжевого карлика две — вторая и третья — оказались пригодными для колонизации. Вторая стала форпостом для дальнейшей эмиссии человечества в Галактику. Разрабатывались методики очистки планет, населенных местной жизнью — редко встречающейся и, как правило, вполне примитивной. Отныне человечество получило возможность бесконтрольно увеличивать свою численность...

В 2903 году началась Всеобщая Война.

Надо ли описывать ужасы происходившего? Достаточно напомнить, что по окончании Войны была забыта письменность. Воюющие стороны умерщвляли друг друга ядерным, уродовали генетическим и трясли геофизическим оружием. В междоусобную бойню было вовлечено и население ближайших систем. Как ни удивительно, победитель во Всеобщей Войне был, но выигравшая сторона позавидовала проигравшей... О периоде до 3300 года нельзя сказать ничего определенного: археологические находки из тех слоев наводят на мысль об очень странном и неудобопонятном социуме.

Жизнь — теплилась.

В 3658 году человечество вновь изобрело туннельную камеру, а десятилетием позже сумело по уцелевшим чертежам восстановить примитивный туннельный звездолет. Путь в Галактику вновь был открыт. К 4000 году довоенный уровень развития цивилизации был неизмеримо превзойден как с количественной, так и с качественной стороны...

Но все это — к слову.

* * *

Никогда еще со времени постройки туннельного корабля «Белая Звезда» на сиринги йской верфи в его рубке не наблюдалось подобного столпотворения.

— Поймали наконец?..

— Да, вот он. Веду вручную... Эх, потерял... Очень слабый

контакт, эта штука почти ничего не отражает... Ага, снова поймал, вот он! Выходит из-за кольца... маневр, так... сближение... Цель захвачена. Через шесть с половиной минут выходим на дистанцию уверенного поражения.

Капитан потер виски. Шесть с половиной минут для принятия решения — бездна времени.

— Послушайте, э... как вас... да-да, я помню... Вы уверены, что объект является искусственным?

— Достоверность семь девяток, капитан. Чудес не бывает. Эта штуковина заведомо искусственная и режет нам курс. Прикажете объявить боевую тревогу?

— Нет, пока только готовность номер два. Продолжаем выполнение программы, курса не меняем. Черт знает что! — пожаловался капитан первому помощнику. — Исторический момент, первая экспедиция очистки, десять лет подготовки на Сиринге плюс перспективная планета, да что там, просто прекрасная планета! — и на тебе: на первом же витке того и гляди получим по носу неизвестно от кого. Обидно, черт...

— Просмотрели цивилизацию, капитан?

— Вряд ли. Какая тут может быть цивилизация — лес один... И потом, не я же выбирал для очистки эту планету. Уж поверьте мне, в Архиве нет никаких упоминаний ни о чистке, ни даже о беглой разведке этой системы кем бы то ни было, кроме нас.

— Довоенные информмассивы частично утрачены, капитан. Да и послевоенные...

— Будет вам, коллега, сам знаю. — Капитан помолчал, кусая губы. — И очень хорошо знаю, что такое заявочный буй.

— Вы полагаете, это земляне, капитан?

— Обязан предполагать худшее. С землянами нам не тягаться. Кстати сказать, у них довольно своеобразные заявочные буи... На локаторе!

— Есть, капитан. Десантная капсула только что отошла. Объект меняет курс и резко увеличил скорость. Идет на нас. Две минуты десять секунд до выхода на дистанцию...

Лицо первого помощника быстро каменело. Только дергался кадык, выдавая страх. Неожиданный рев капитана заставил резонировать переборки:

— Прекратить выполнение программы! Боевая тревога! Огонь на поражение! Курс отхода мне, живо! Уходим! Ухо...

Эти команды стали последним, что слышали люди на бор-

ту туннельного корабля «Белая Звезда», потому что раскаленный газ не способен отдавать команды, а умеет лишь безгранично расширяться в пустоте. На один короткий миг «Белая Звезда» в самом деле стала ослепительной белой звездой, затем расползлась по черноте корявым осьминогом, бесстыдно раскинувшим толстые светящиеся щупальца. Затем свечение угасло.

В малой десантной капсуле двое десантников лежали тесно, бок о бок, как два соседних снаряда в кассете, а для третьего, если бы и сыскался доброволец, места не нашлось бы, да и не надо. Уважающий себя десантник не станет гордиться заурядным заданием. Всей работы — слетать на спокойную с виду планету, осмотреться, взять пробы. Положа руку на сердце, автоматы справились бы ничуть не хуже. Еще повезло, что капитан вошел в положение, позволив размяться засидевшимся без дела десантникам, — мог бы и не позволить. Вряд ли десантирование на спокойную планету впоследствии даст повод похвастаться, но набрать немного вовне-часов для аттестации — тоже не последнее дело.

До того как прошла команда на расстыковку, старший из двух десантников, чье имя не имеет для нас никакого значения, попросту спал, откинув голову в фиксаторы, и пробудился, ощутив легкий толчок, а вслед за ним — невесомость, маскируемую привязными ремнями. Младший, чье имя не должно нас пока интересовать, настолько успешно изображал, будто ничуть не нервничает, что в самом деле успокоился и даже начал позевывать. Капсула сядет точнехонько по наводке с «Белой Звезды», аналогично и взлетит после того, как десантники немного потопчутся по планете. Рутина — она рутина и есть.

Удар оказался настолько сильным, что оба отключились на несколько секунд. Капсулу встряхнуло, опрокинуло и закрутило волчком. Потом началась работа — рутинная, но стремительная.

Для хорошо подготовленного профессионала рутиной является абсолютно все. Когда безумное вращение капсулы удалось остановить, среди жалобного писка приборов прозвучало и записалось неизвестно для кого лишь несколько вопросов и ответов:

— Чужой корабль?

— Вряд ли. Больше похоже на сторожевой спутник. Одного не понимаю: почему мы еще живы? — Старший посопел, пытаясь оживить навигационный комплект. — Ага... хоть это работает... Между прочим, маршевый двигатель едох. Скорее всего нас приняли просто-напросто за крупный обломок, что и неудивительно.

— А наши ему тоже успели врезать, — заметил младший. — Ты заметил?

Старший только махнул рукой — возился с расчетами.

— Витка два сделаем, — сказал он наконец. — Потом будем падать. Не сгорим — значит, разобьемся.

— Что-нибудь можно сделать?

— Постараться упасть в океан. Тогда, может быть, утонем.

— Шуточки у тебя...

Потом они почти не разговаривали. О чем?.. Ни одного слова не прозвучало о погибшей «Белой Звезде» — не было ни смысла, ни времени впустую тратить слова и эмоции. Для тех, кому осталось жить навряд ли больше двух часов, минуты летят чересчур быстро. И им нужно было успеть сделать очень многое... Или хотя бы попытаться успеть.

Океан не любит падающих в него с неба. Он встречает их очень жестко.

Казалось, капсула не вынырнет никогда. Но вот она едва заметно закачалась на зыби, и младший, порядком повозившись, сумел отвалить изуродованный люк. Он вытащил тело старшего, сразу поняв, что ему предстоит сделать, и все-таки долго пытался оказать ненужную первую помощь. Затем безжизненное тело соскользнуло в океан, увлекая за собой обрывок лопнувшего привязного ремня, и, медленно кружась, исчезло в глубине.

Небо здесь было синее, как на Сиринге, а море под капсулой сине-зеленое. Младший подождал с минуту, пока неяркая вспышка в сине-зеленом не подтвердила: тело старшего перестало существовать. Шипящий рой мелких пузырьков поднялся из глубины.

Так хоронили десантников, погибших на чужих планетах, так их хоронят при невозможности вывезти тело. Ближайшим родственникам на Сиринге будет вручен личный жетон, снятый с груди погибшего. Если будет...

Что может быть банальнее одиночки, застрявшего посреди океана? Младший мельком подумал, что глупо умереть спо-

собом, описанным тысячу раз, и почему-то именно эта мысль вцепилась в него намертво и не отпускала. «Глупо, — бормотал он, то и дело вглядываясь в горизонт изъеденными солью глазами. — Глупо».

На второй день он попробовал опреснять воду. На четвертый попытался пить соленую, и его выворотило. На шестой он привык и пил не морщась.

Утром седьмого дня он прикончил НЗ и проклял старшего, ошибшегося в расчетах. И в тот же день различил вдали полоску суши.

Еще два долгих дня и две ночи человек пытался помочь ветру и течению прибить капсулу к материку, пока та не села на рифовую отмель. Отсюда до густо поросшего лесом берега можно было рискнуть добраться вплавь.

Какие-то крупные тени двигались под ним на глубине, пугая. Уже невдалеке от полосы прибоя под самой поверхностью воды совсем рядом пронеслось нечто непомерно большое, швырнув в лицо гребень поднятой волны.

Он выполз на берег и долго отдыхал, лежа на песке. Чей-то длинный язык высунулся у края отмели, обернулся вокруг капсулы, и титановый шар исчез. Человек отметил это вполне равнодушно. Потом вошел в лес, еще не решив, нужно ли ему продолжать бороться за жизнь до последнего, как учили, или не стоит продлевать мучения еще на несколько дней.

Когда-нибудь я расскажу вам о том, что с ним случилось дальше. Или расскажет он сам, я не против. Главное, все это тоже — к слову.

Прошло пятьдесят лет.

Часть I

ВСТАНЬ И ИДИ

ГЛАВА 1

Лучший способ утолить жажду — утопиться.

Приписывается Умнейшему

«Лидер-корвет «Основа Основ» — коммодору Ульв-ди-Улану. Внимание, ваше превосходительство. До встречи с метеорным роем осталось пять секунд ровно. Мы запаздываем с маневром».

«Коммодор Ульв-ди-Улан — лидер-корвету «Основа Основ». Не паникуйте, коллега. Я знаю».

«Простите, ваше превосходительство, если я вмешиваюсь не в свое...»

«Вмешиваетесь».

«Еще раз простите, ваше превосходительство».

«Ничего, вы мне не мешаете. И перестаньте называть меня превосходительством, надоело. Кстати, все пристегнулись?»

«Точно так, все, коммодор, даже Й-Фрон. Он-то в первую очередь. У ограниченно ценных свое представление о собственной годности».

«Не иронизируйте, коллега. Будьте скромнее».

«Слушаюсь. Дозволено ли мне будет спросить, по какой причине отключен мой автопрокладчик курса?»

«Дозволено».

«?»

«Не понял вопроса, повторите».

«?, коммодор».

«Теперь понял. Как вам хорошо известно, наш курс проложен таким образом, чтобы вывести корабль на круговую меридиональную орбиту для выполнения основной задачи и при этом избежать контакта как с главным кольцом планеты, так и с отдельными метеорными роями. Вы же сами и выбрали курс — эстетически совершенный, не спорю. Особенно хо-

рош этот нырок под кольцо. Однако при прокладке курса не были учтены некоторые обстоятельства... Вы слушаете меня, коллега?»

«Так точно, коммодор. Слушаю».

«Не ощущаю вины в вашем голосе».

«Так точно, коммодор. Слушаю».

«Это уже лучше».

«Прошу прощения, коммодор, но точная степень моей вины мне неизвестна».

«Хромосферная вспышка, коллега. Вы ее отметили, но переоценили инерционность атмосферы. Под действием вспышки атмосфера начнет раздуваться раньше, чем вы предполагали, она уже сейчас раздувается. Вместо того чтобы отскочить рикошетом от плотных слоев, погасив при этом излишек скорости, мы просто-напросто изжаримся. Добавить вам блоков, чтобы вы убедились?»

«С удовольствием, коммодор. Я признателен».

«Включаю... Просчитали?»

«Точно так. Позвольте доложить, коммодор: у вас ошибка».

«Ты сам ошибка. Ну, что там у меня?»

«Разрушение корпуса лидер-корвета начнется раньше, чем температура в помещениях превысит максимально допусти...»

«Болтун, чтоб тебя! Говори по существу».

«Простите, коммодор, но это мой корпус... Я заинтересованное лицо. Признаю свою бездарность. Смиренно прошу разрешения на введение в действие автопрокладчика курса».

«Отказываю».

«Прошу коммодора привести основания для отказа».

«Основание: сравнение землянина в ранге полноценного человека и механизма твоего класса. Я справляюсь с математическими задачами быстрее тебя».

«Позвольте уточнить, коммодор. Не со всякими».

«Верно, не со всякими. Но с этой — быстрее. Утихни. Я только что просчитал твои возможности по этой задаче».

«Заранее согласен с вашей оценкой, коммодор».

«Не успеешь к маневру».

«Вам виднее. Однако позволю себе обратить ваше внимание на то обстоятельство, что на новом курсе мы, по-видимому, наткнемся на метеорный рой».

«Зацепим по касательной. Если, конечно, не хотим свалиться на эту планету. Боишься?»

«Как вам сказать, коммодор. Да».

«Поищи в своих блоках какую-нибудь древнюю молитву. Говорят, помогает».

«Мгновение, коммодор. Нашел. Застольная подойдет?»

«По-видимому. Займи ею себя и экипаж, если хочешь».

«Слушаюсь. Включаюсь в общую связь... Господи, Отче наш, иже еси на Альфе Си... прошу прощения, тут центаврийский диалект, даю перевод... да будет вкусно нам мясо... тут непереводимо, чье мясо... под знаменем Косого Креста, да упокоится в нас рыба... опять непереводимо... из глубин бездонных и всякая тварь, какой Ты нас одариваешь, да не причинят ущерба никакой Твоей мыслящей твари ни отходы наши низменные, ни пустой тюбик, в Пространство выброшенный...»

«Э! Э! Ты что? Я тебя просил читать это мне? Просил, я тебя спрашиваю?!»

«Никак нет, коммодор. Виноват».

«Превосходительство. Мне надоела твоя фамильярность».

«Так точно, ваше превосходительство. Виноват».

«То-то же».

«Осмелюсь доложить, ваше превосходительство. До встречи с метеорным роем осталось ровно четыре секунды. Позволите оповестить экипаж?»

«Суетишься. Оповестишь через полторы секунды, за секунду до начала маневра. Глухаря Й-Фрона — персональным акустическим сигналом, без этих твоих шуточек с микроразрядником. Ты меня понял?»

«Так точно, ваше превосходительство».

«Вольно, рядовой. Разрешаю расстегнуть ремень и облокотиться на соседа. Ха-ха. Это шутка. Почему не смеешься?»

«Смеюсь, ваше превосходительство. Ох-ха-ха-а-а!... Ха-кха-ха-а... хрр! Прикажете продолжать, ваше превосходительство?»

«Хватит, бестолочь».

Когда прозвучал сигнал оповещения, Й-Фрон находился там, где его застала команда пристегнуться, — в рабочем отсеке Нбонга-2А-Мбонга, поместившись в свободном кресле. Особых перегрузок не предвиделось, гравиполе внутри лидер-корвета держалось стабильно, но в связи с предполагающимися маневрами корабля можно было ожидать нескомпенсированных толчков и тряски, о чем корабль и сообщил

Й-Фрону, насмешливо присовокупив, что из одного его знакомого с ограниченной ценностью, если только он не сообразит пристегнуться получше, тряска выпустит наружу всю его никчемную душу, против чего он, лидер-корвет «Основа Основ», нисколько не возражал бы. Пререкаться Фрон не стал — в его положении пререкаться не было резона, — он просто-напросто прикрепил себя к креслу и стал отсчитывать мгновения до маневра. Могучая туша Нбонг-2А-Мбонга, главного чистильщика, занимала половину отсека. Нбонгу не было нужды сломя голову кидаться в противоперегрузочное кресло — он находился в нем постоянно. Фрон не раз размышлял о том, был ли Нбонг способен покинуть это специальное, вшестеро шире и массивней обычного кресло, если бы возникла такая необходимость, и приходил к выводу, что вряд ли. Даже если Нбонг-2А-Мбонг сумел бы встать, что само по себе казалось невероятным, он ни за что не смог бы без помощи корабля выйти из отсека. Ограниченно ценные из наземных вспомогательных служб поговаривали, что при постройке «Основы Основ» этот отсек создавался специально вокруг Нбонга, после чего вместе с ним был вживлен в надлежащее ему место корабля, но прямо спросить об этом Нбонга было немыслимо, и Фрон не знал, верить ли трепу. Одно было бесспорно: Нбонг-2А-Мбонг безвылазно находился в своем тесном отсеке, жил здесь и работал, ел и извергал, совершенно, по-видимому, не страдая от заточения в четырех стенах. Понятие клаустрофобии было ему неведомо.

Собственно, их было двое — два универсальных специалиста I класса, прекрасно дополнявших друг друга, два чистильщика планет, два сиамских близнеца, один из которых рос и развивался внутри другого, и двойка в полученном при аттестации имени подчеркивала именно это обстоятельство. Для Нбонга существовал отсек и мир вовне, воспринимаемый через телепатемы корабля и экипажа. Для Мбонга, скромным комочком скорчившегося в громадном чреве своего брата, внешний мир выглядел несколько усложненной абстракцией, иногда наблюдаемой чужим зрением и не очень привлекательной на вид. Он не стремился наружу. Ради забавы Мбонг даже научился разговаривать губами брата — ему нравилось проявлять самостоятельность, не покидая своего места. В свое время он отказался от операции по разделению, и брат не настаивал.

Если бы Нбонг спал, а Мбонг, напротив, бодрствовал, Й-Фрон рискнул бы задать вопрос с надеждой получить ответ — слывя на весь космофлот отчаянным либералом, Мбонг иногда снисходил до разговоров с ограниченно ценным подсобным рабочим, вдобавок раздражающе глухим к телепатемам. Только лишь спросить, куда на этот раз летим и зачем... и пусть бы корабль мешал разговору, по обыкновению вставляя ядовитые реплики, пусть бы недовольно побулькивал Хтиан из своего бассейна, пусть бы, наконец, коммодор прервал беседу кратким приказанием... пусть... Но Мбонг спал, и до его пробуждения оставалось четырнадцать часов с лишним. Мбонг спал по двадцать часов в сутки.

Сейчас Нбонг был недоволен: какого черта этот глухарь торчит в его персональном отсеке? Корабль, по-видимому, совершенно с ним согласный, принял его мысли как руководство к действию. Й-Фрон не ушибся — он был настороже и не удивился внезапному исчезновению кресла под собой. Острое чувство обиды, вспыхнувшее было в нем, развеялось так же быстро, как появилось. Какой смысл обижаться? Ограниченно ценный Й-Фрон лежал на полу отсека и ждал. Ничего другого ему не оставалось. Телепатический окрик коммодора возымел свое действие: за четверть секунды до начала маневра корабль вновь вырастил кресло — жесткое и неудобное, но с этим можно было мириться.

Само собой, он не успел. И, уж конечно, корабль опять не был виноват в его медлительности, так что жаловаться коммодору вряд ли имело смысл. Пол выскользнул из-под подошв, Й-Фрона грянуло о стену так, что он света невзвидел, затем толкнуло в другую сторону, сбило с ног, размазало по полу и навалило сверху свинцовых кирпичей, затем подбросило вверх, и тут наконец кресло поймало его в объятия. К счастью, обошлось без сюрпризов, кресло было как кресло. Без шипов. Он даже успел отдышаться, прежде чем корабль вновь начало крутить и швырять. Похоже, лидер-корвет был занят чем-то достаточно важным, чтобы отвлекаться на такую мелочь, как Й-Фрон.

Можно было отдохнуть.

Фрон закрыл глаза. Он любил такие моменты и ценил их по достоинству. Его работа начнется немного позже, когда «Основа Основ» выйдет на стабильную орбиту. Кому-то, как всегда, надо выполнять черную работу — ему или Дин-Джон-

гу — скорее всего, все-таки ему, и он соглашался в душе, что это правильно, — но не прямо сейчас, а позже... какое это чудесное слово — ПОЗЖЕ! Как только корабль покончит с маневрами, можно будет расслабиться, разнежиться в жестком кресле, лелея робкую надежду, что о нем на время забыли, и, пока о нем вновь не вспомнят, наслаждаться тишиной и покоем.

Быть может, по завершении работы ему позволят выспаться.

Быть может.

Конечно, при условии, что работа будет образцовой.

Он будет стараться.

Его превосходительство коммодор Ульв-ди-Улан, глава экспедиции очистки и сменный Первый командир лидер-корвета «Основа Основ», имел необычайно маленькую голову. Холмы и долины игрушечного личика рвались вперед атакующим клином — за исключением подбородка, увязшего в шее, — вялые уши были сдвинуты к вискам, а впереди скул и носа в авангарде атаки выступали глаза — два неподвижных ртутно-блестящих полушария, словно бы выпертых наружу чудовищным давлением, когда игра наследственных генов стиснула череп коммодора, выдавив из него содержимое. Количества мозгового вещества в черепной коробке Ульв-ди-Улана не хватило бы даже для собаки. И тем не менее коммодор Ульв-ди-Улан считался — и заслуженно! — одним из наиболее надежных работников Дальнего Внеземелья, имея прекрасный аттестат и незапятнанный послужной список. Еще он имел каску особой конструкции, располагавшуюся на затылке сразу за капитанской фуражкой; индивидуальный полетный кодекс, написанный для него после всестороннего обследования, когда он был еще желторотым юнцом, специальным параграфом категорически исключал возможность снять каску даже в душе. Как всегда, кодекс подчеркивал очевидное, очень напоминая инструкцию о прямохождении: утвердите себя прямо и совершайте ряд последовательных падений, предупреждаемых выставлением попеременно левой и правой ноги... И без всякого кодекса Ульв-ди-Улан ни за какие блага не пожелал бы расстаться с каской даже на секунду: каска мягко поддерживала и оберегала кожистый мешок на затылке коммодора, заключающий в себе существенную часть полушарий головного мозга. И какого мозга! Владея способ-

ностью не впадать по пустякам в ненужную гордыню, Ульв-ди-Улан знал, что умеет решать навигационные задачи лучше и быстрее самого совершенного земного корабля.

Это был его конек. Сменный Первый командир лидер-корвета «Основа Основ» — сменный лишь по названию, а не по факту, ибо в хорошо подобранном экипаже трудно сыскать негодяя, желающего оспаривать командование у того, кто более всего достоин этой роли, — коммодор Ульв-ди-Улан относился к высшей подгруппе класса полноценных граждан и воспринимал это обстоятельство со спокойным достоинством, приличествующим его положению. В каждом настоящем командире годы работы во Внеземелье развивают привычку не пресекать без нужды инициативу подчиненных, проявляя твердость лишь в безусловно необходимых случаях. Ульв-ди-Улан вовремя прикрикнул на корабль, по обыкновению не удержавшийся от издевки над ограниченно ценным. Во-первых, пусть не отвлекается во время маневра. Во-вторых, ограниченно ценный — еще не значит вовсе бесполезный. У хорошего командира ничего не пропадает зря.

«Уловил мысль, бездельник?»

«Точно так, ваше превосходительство. Уловил. Ой...»

«Попадание?»

«Точно так...»

«Не паникуй. Иди ровнее».

«Ой...»

Несмотря на все старания корабля погасить перегрузки, коммодора трясло и швыряло, и каска на затылке была кстати. Корабль рыскал из стороны в сторону, суматошно виляя на периферии метеорного роя. Получал по корпусу, огрызался огнем. Чаще всего на месте пробоины вырастал «глаз» — локатор дальнего обнаружения, реже — полушаровидная орудийная башня, а случалось — то и другое сразу. Лидер-корвет защищался.

Метеорный рой кончился. Впечатляющее кольцо планеты меркло и кривлялось в плазменном облаке, окутавшем корабль при рикошете от атмосферы. Корабль выл и рвался вверх. С коротким чмокающим звуком отсосало одну из бортовых башен. Лидер-корвет екнул реактором. Края раны моментально схлопнулись. Теперь на этом месте вырастет двойной или тройной слой брони, не иначе.

«Трус, — подумал Ульв-ди Улан. — Боится боли».

Корабль вздрогнул.

«Позволю себе заметить, ваше превосходительство...»

«Помолчи. И перестань читать частные мысли. Что передает сторожевой спутник?»

«Старые справочные данные по планете, ваше превосходительство. Позволите доложить экстрактно?»

«Да, напомни».

«Пять шестых поверхности — океан, глубины до пяти километров. Один большой материк, острова. Следы тектонической деятельности незначительны. Сила тяжести на поверхности немного меньше земной, хотя сама планета больше. Магнитного поля нет. Климат ровный, атмосфера плотнее земной. Зафиксировано наличие растительного и животного мира. Планета кислородная, фотосинтез. Позволю обратить внимание вашего превосходительства на предполагаемое отсутствие в коре планеты значительных рудных месторождений. По-видимому, после наращивания активной оболочки планету целесообразнее использовать как курорт».

«Без тебя разберемся. Продолжай».

«Прошу прощения, ваше превосходительство, это все. Спутник сообщает о неустранимой неисправности — около полутора тысяч мегасекунд назад он пострадал при пресечении попытки вторжения неопознанного корабля в охраняемое пространство. В связи с чем приносит искренние извинения и желает нам всяческого успеха. Позволите ободрить его от вашего имени?»

«Передай ему благодарность за службу. Этого достаточно?»

«Вполне, ваше превосходительство».

«Превосходительство, превосходительство... Надоело. Разрешаю быть менее официальным».

«Вполне достаточно, коммодор».

Планета медленно поворачивалась под «Основой Основ». Из-за края диска вставало солнце. Корабль шел от Северного полюса к Южному, под острым углом пересекая линию терминатора. Все пятьдесят очистных бомб должны были лечь на пологую кривую, дважды наискось перечеркивающую материк — двадцать пять на этом витке и двадцать пять на следующем.

— Первый — вышел, — доложил Й-Фрон.

В выдвинутом к планете хоботе корабля, похожем на яйце-

клад гигантского насекомого, неспешно продвинулись вперед бледные трехметровые шары. Второй, ставший теперь крайним в очереди, темнел на глазах — наращивал термоустойчивую оболочку.

Й-Фрон посторонился. Бледные шары пугали его. Пусть корабль, как и они, также целиком состоит из активного вещества — к кораблю он привык. Кто знает, что на уме у этих шаров? Любой из них может поглотить ограниченно ценного, как козявку, если додумается начать наращивать активную массу чуть раньше, чем следует.

— Второй — вышел.

Снова произошло движение. Третий шар, подкатившись к выходу, начал темнеть.

— Третий — вышел... Слышите меня?

Удар током показал Й-Фрону, что слышат.

— Четвертый — вышел.

Внизу потянулись леса — бескрайнее зеленое море. Проплыла полоса невысоких гор. Хитро петляя, змеились реки. Лесные озера казались темными провалами в бархате зелени.

— Пятый — вышел.

Далеко позади корабля прочертилась огненная нить — Первый вошел в атмосферу.

— Шестой — вышел...

Седьмой угодил в океан — в этом месте планеты узкий фиорд глубоко вклинился в сушу. Окутанный паром шар рухнул в зеленые волны, вздыбив столб кипящей воды выше прибрежных скал. Он легко мог избежать падения в море — механизм его класса умел маневрировать в атмосфере как угодно, — но решил ускорить охлаждение оболочки.

Остывшая окалина трескалась — шар менял форму, приспосабливаясь. Седьмой уже не был шаром. Он стал торпедой — узкой, хищной, рыщущей. Его тело со скользящим шелестом раздвигало ленточные водоросли, пупырчатые гроздья соплодий бесшумно лопались, выбрасывая в воду мутные облачка спор. Фиорд был набит жизнью. Плоские, как блин, рыбы стремились укрыться от Седьмого, панически бросаясь из-под носа во все стороны. Выстрел разнес одну из них. Вильнув, Седьмой подхватил останки.

Это была разведка с дальним прицелом. Седьмой анализировал, запоминал. Он еще не решил, как будет действовать,

но уже понял, что посетил фиорд не зря. Много жизни. Очень много. Рецепторы захлебывались, не успевая бегло анализировать одну форму живой материи, как попадалась другая. Незнакомые бактерии, потенциально опасные для человека. Уничтожить. Черви, кишечнополостные, иглокожие, плеченогие — плавающие, ползающие, копающиеся в донных отложениях. Истребить. Одноклеточные эукариоты, жгутиковые, амебообразные — возможные паразиты человека, источники поражения слизистой и кожного зуда. Пресечь. Вирусы, фаги. Смертельная угроза земным формам жизни, которые будут сюда завезены, — океан должен подвергнуться тотальной дезинфекции. Не теперь, потом, через стандартный год или около того, когда будет покончено с материком. Чересчур низкая соленость воды — придется менять русла рек, увеличивать смыв солей с суши.

Крупные хищники!.. Навстречу Седьмому быстро двигалось что-то огромное, раздвигая воду тупым рылом. Колоссальное китообразное пресмыкающееся ревизовало акваторию. Хозяин фиорда явился посмотреть на безумного чужака, вторгнувшегося в его владения.

Атака последовала сразу. Седьмой не воспротивился. Огромная беззубая пасть сомкнулась вокруг него, толстый язык толкал его вглубь, глоточные выросты кита терли и мяли добычу, пытаясь размолоть невиданное существо. Внутри животного кишела жизнь простейших — целые полчища бактерий, неспособных к жизни в океане, нашли себе здесь удобный приют. Убрать.

Снова став шаром, но уже пустотелым, Седьмой раздувался до тех пор, пока кит не лопнул. Шар выбросило на поверхность воды, он заплясал на волнах. Глубоко под ним напуганные пучеглазые рыбы осторожно приближались к разорванной туше хозяина фиорда, но фиорд больше не интересовал Седьмого.

Пора было приступать к работе.

Преобразовав себя во вращающийся плоский диск, Седьмой взмыл над водой и направился к берегу.

— Двенадцатый — вышел...

— Тринадцатый — вышел...

Первый падал на северную околополярную область материка. Когда трение об атмосферу стало причинять ему неудобство, он распался на сотню фрагментов, быстро погасил скорость в плотных слоях и задолго до приземления вновь собрал себя в единое целое.

Планета не имела полярных шапок. Первого окружала тундровая пустыня без намека на ледниковый щит; лишь местами в низинах лежал подтаявший снег. Зелень хозяйничала и здесь — затягивала валуны пленкой, покрывала снежные пятна колониями простейших водорослей. Животный мир на почве отсутствовал, зато высоко в небе кружилось несколько созданий, отдаленно похожих на ископаемых земных птиц. Ими можно заняться потом.

Для пробы Первый прошел низко над землей, направив энергию излучателя сквозь веерный растр. Затем исследовал выжженную черную полосу и, не найдя ничего живого, пришел к выводу, что пробная очистка почвы удалась.

Тем лучше. Надолго он здесь не задержится — мало жизни, мало и работы. Выполнив ее, он перейдет на участок Второго и поможет ему завершить очистку. Затем оба они перейдут на участок Третьего...

Й-Фрон стучал зубами в напыленном на голое тело скафандре. Мертво блестя, над головой плыло кольцо планеты, сузившееся на экваторе в ослепительную иглу. После двадцать пятой бомбы до следующего витка можно будет погреться внутри «Основы Основ»... если только корабль его впустит. Эта мысль, молнией промелькнувшая в голове Й-Фрона, напугала его. Корабль, без сомнения, прочел его мысли, а значит, так и сделает, если не придумает чего похуже...

— Двадцать второй — вышел...

Облачный фронт закрыл поверхность планеты. В Южном полушарии лил дождь — падал стеной, висел мелкой пылью, бил крупными каплями по лицу, по раскрытым в изумлении глазам, но не причинял боли, это был добрый, созданный для человека дождь, и, наверно, его можно было пить, задрав голову...

Далеко позади корабля на экватор падал Тринадцатый.

«Почему замолчал? Держи меня в курсе».

«Прошу прощения, коммодор».

«Как проходит посев? Мне отсюда ничего не видно».

«Передаю изображение, коммодор. Транслирую также Нбонг-2А-Мбонгу. Идут как надо. У вас не возникает желания проконтролировать их работу, коммодор?»

«Да. Со временем».

«Вам стоит только приказать, коммодор. Каждый автономочиститель способен перестроить себя в туннельную камеру».

«Нет, не будем их отвлекать. Пусть работают. Когда понадобится, спустим кого-нибудь на поверхность без туннельной камеры».

«Я знаю, кого, коммодор».

Девятый вонзился в землю дымящимся шаром. Рощица вокруг него вспыхнула и сгорела подозрительно быстро. Анализ атмосферного воздуха показал двадцать пять процентов свободного кислорода. Много. Избыток кислорода следует связать. Землянин должен жить при семнадцати процентах кислорода и трех процентах углекислого газа.

За себя Девятый не боялся. Он не сгорел бы и при стопроцентно кислородной атмосфере, а температура в эпицентре пожара была слишком мала, чтобы расплавить защитную оболочку. Смехотворно мала.

Пышный влажный лес перемежался полянами, зарослями непролазного кустарника, кое-где из подлеска торчали невысокие скалы-надолбы, густо поросшие мхом. Их облюбовали крикливые птицы. Ветвистые многошляпочные грибы прятались в тени деревьев, некоторые забрались в дупла. Воздух над лесом дрожал от утренних испарений.

Два двуногих существа среднего размера сопровождали гигантское третье, выглядевшее сонно и флегматично, но опасное уже своей величиной. Девятый опробовал средства очистки, уже отчетливо представляя себе объем будущей работы. Субтропическая область. Чужая жизнь, много чужой жизни. Это неприятность, но преодолимая.

Он испепелил птицу. Тщательно препарировал медлительное существо, похожее на гигантского слизняка. Нашел гриб и исследовал его. Изгрыз дерево. Микроорганизмов в стволе, листьях и корнях обнаружилось немного, и вряд ли они могли представлять реальную опасность для человека, но это было несущественно. Все равно почву и воздух этой планеты придется стерилизовать по высшему классу очистки. Деревья сохранить не удастся.

Тормозя в атмосфере, он потерял часть массы. Неважно: еще до входа в плотные слои Девятый обнаружил на своем участке крохотную, но достаточную аномалию и сманеврировал так, чтобы сесть рядом. Нарастить активную массу — дело нескольких минут, если рудное месторождение под боком, или нескольких часов, если руды нет. Вот здесь, под этой скалой к самой поверхности выходит жилка.

...Скала словно взорвалась изнутри. С протяжным уханьем упало сбитое отскочившим валуном дерево. Посыпались листья. Визжащий осколок с силой ударил в Девятого, срикошетировал и ушел низко над лесом.

ГЛАВА 2

Вот дом, который построил Леон.
А это окно,
большое окно,
которое в спальне помещено
в доме, который построил Леон.

(Сага о Великом Пересмотре, песнь I, издание 71-е, адаптированное для детей; 1-я Государственная машинная типография)

Звон разбитого стекла не принадлежит к числу особенно приятных звуков, в особенности если стекло разбито не где-нибудь, а в твоем собственном доме, разбито вдребезги, и вдобавок если это стекло в окне спальни — самое большое и лучшее оконное стекло во всей деревне, редкое стекло необыкновенной прозрачности, еще при жизни деда доставленное с небывалыми предосторожностями аж из самого Города. Леон уже не спал, он лежал на спине, заложив руки за голову, смотрел в желтоватый потолок, тщетно ища, за что зацепиться взглядом, слушал, как рядом самозабвенно и страстно храпит Хлоя, неприятно ощущал ее горячий, как лежанка на солнцепеке, бок и предавался унынию и запретным мыслям. Привычка просыпаться с первым лучом солнца разбудила его и сегодня, как будила всегда, но именно сегодня вставать не хотелось совершенно, вообще ничего не хотелось, даже лежать было тяжко, и уж подавно не хотелось терпеть храп жены, но вставать не хотелось тем более. Лесные бабочки уже пропели утреннюю песню, близнецы-пасынки, конечно, давно проснулись и удрали куда-то, а вот Хлоя всегда любила поспать, хотя простой здравый смысл, не говоря уже об обыча-

ях, предписывал жене охотника приготовить мужу ранний завтрак, не задаваясь вопросом, собирается ли охотник сегодня в лес или нет.

Удружил братец, с тоской подумал Леон. Он скосил глаза: резкий, как вырубленный, солнечный луч — утро-то какое! — переместился из дальнего угла, где обычно самозарождался на рассвете, на дощатую перегородку и теперь медленно подползал к дверной ручке. «Когда доберется до двери, я встану», — решил Леон, и в ту же минуту в окно влетел камень.

Когда великолепное оконное стекло ни за что ни про что со звоном рассыпалось, окатив постель осколками, а проклятый булыжник, просвистев в локте от лица Леона, с глухим треском ударился в перегородку, расщепил доску и в ней застрял, Леон сначала не поверил. Он даже не удивился. Такой подлости от стекла он не ожидал. Потом он понял, что не ожидал этой подлости от кого-то другого, а поняв, и поверил, и удивился, и осатанел — все сразу. Он выглянул в разбитое окно — естественно, возле дома царили мир и благодать при полном отсутствии посторонних. До самого Трескучего леса не было видно ни одной живой души. Хлоя уже сидела на постели, прижимая к большой груди пухлую руку с кровоточащей пустяковой царапиной, и визжала. Проснуться она еще не успела, в заполошном визге взрыкивали отголоски храпа, но надо было думать, что теперь-то она уж точно проснется. «Цыц, дура!» — рявкнул Леон, откидывая одеяло, — осколки со звоном ссыпались на пол. «Вот я мерзавцев... — бормотал он, перелезая через Хлою и с лихорадочной поспешностью натягивая одежду. — Ах вы... Это ж, драконий хвост, надо такое удумать, а? Да что ж это, управы на них нет...»

Хлоя перестала визжать и принялась оглядываться. Голова у нее поворачивалась медленно, как у лесного дракона, и мощные шейные складки с потным скрипом терли друг дружку.

— Камень, — сказала она низким басом, указав на перегородку. — О, и стекло...

Леон взорвался.

— Да! — заорал он. — И стекло! Разглядела! И стекло тоже! А все ты со своими охламонами!.. Сколько раз говорил: не носы им утирать — учить их надо, бездельников, учить, чтоб их... Людьми делать!

Половицы жалобно пискнули — Хлоя соскочила с постели и опрометью кинулась к распялке. Надев сари — ссориться с

мужем голой было тактически невыгодно, — она уперла в бока сжатые кулаки.

Контратака была сокрушительной. Леон немедленно пожалел, что связался. Как обычно, он не узнал о себе ничего нового, но сразу понял, что проиграл. Конечно, драконий хвост, он был неудачник и лежебока, это во-первых; дрянной муж, только и знающий засматриваться на девок и не дающий законной жене законного удовлетворения, это во-вторых; притом не мужик, а тряпка, и не охотник, а барахло, дрянной добытчик, дрянной шептун и к тому же дрянной отец, совершенно не способный заменить двум чудесным мальчикам законного родителя, который был человек со всех сторон положительный, не в пример Леону, это в-третьих, в-четвертых и в-пятых; даже странно, как могут два таких разных человека быть родными братьями, не верится в это... да ты нос свой не вороти, я тебе еще не все сказала, а мальчиков моих, дрянь такая, только тронь...

Леон тупо посмотрел на кулаки жены, затонувшие в боках, выскочил из спальни и припер снаружи дверь. Крику это действие не убавило, но теперь он стал немножко глуше, и можно было осмотреться и поразмыслить, что к чему. Близнецов в доме, естественно, не было. Леон раздраженно зашагал из угла в угол, от очага к ткацкому станку и обратно. Мысли путались и мешали друг другу — чепуха, а не мысли, ни одной дельной... Близнецы? Да, это проблема. Совсем от рук отбились... Пороть их, что ли? Доигрались-таки с пращой, говорил же им — идите, мол, в лес и пуляйте в слизнивцев в свое удовольствие, так нет же... Вчера в постель Хранительнице напустили вонючих ящериц, сегодня в родном доме стекло разбили, а что завтра вытворят? Все-таки придется пороть, делать нечего. «Тогда уж заодно и Хлою, — прыгнула в голову сумасшедшая мысль, от чего он сразу вспотел, — надо же наконец решиться...»

Он вдруг замер, как вкопанный: над ткацким станком, в котором сотканная ленивой Хлоей полоса пестряди шириной в палец за последнюю неделю не прибавилась и на ноготь, на сучке, торчащем из стены, висела праща. Леон снял ее, подержал в руках и снова повесил на место. Да, та самая... Значит, не близнецы, ведь нет же у них второй пращи... А если не близнецы, то кто?

Из спальни с прежним напором продолжала кричать Хлоя,

изливая на мужа презрение, но преследовать Леона посчитала ниже своего достоинства, в дверь не ломилась и, судя по тональности крика, еще не обнаружила, что заперта. Леон хихикнул, представив, как Хлоя будет выбираться наружу через окно, и выскочил из дома. Ночью прошел дождь. Протарахтев по ступенькам, Леон поскользнулся на глине, пошел юзом и, чертыхнувшись, подумал, что дождь был кстати: следы того, кто метнул камень, должны отпечататься предельно отчетливо.

Он тщательно обследовал огород, примыкавший к дому со стороны спальни, затем расширил круг поисков и широким зигзагом пересек поляну за огородом. На влажной земле не нашлось отпечатков, трава также не была примята. Над опушкой леса кружились две птицы-свиньи — твари пуганые, но с короткой памятью. Роняя помет, метили территорию. Леон мог бы поклясться, что со вчерашнего вечера между домом и лесом не проходил ни один человек. На всякий случай он осмотрел край леса — раскрутить пращу можно было и из-за деревьев. Ничего... Пусто. Чутье охотника подсказывало ему в лесу то же самое, что видели на поляне глаза. Да что там, ни один из взрослых жителей деревни не опустится до того, чтобы причинить вред имуществу соседа и скрыться, в этом Леон был уверен. А если так, то КТО? Каким образом? И, главное, ЗАЧЕМ?

На ветке молодого свеклобаба, прилепившись снизу, висел слизнивец.

— Твоя работа? — спросил его Леон.

Слизнивец флегматично перетек на ствол и скрылся в дупле. Ну ясно, близнецов здесь нет и не было. И вообще никто из деревенских мальчишек по опушке с утра не пробегал, а то слизнивцу не поздоровилось бы. У мальчишек извечная тяга, она же цель существования: удрать в лес, подбить там из пращи или духовой трубки какую-нибудь живность, хотя бы летучую змею, с торжеством приволочь ее в деревню и сварить, чтобы убедиться в полной ее несъедобности. Убивать без нужды куда проще, чем учиться на шептуна, а выглядит в их глазах почему-то чуть ли не героически. Впрочем, философски подумал Леон, кто в свое время не был охламоном? Все были.

На всякий случай он обошел свой дом стороной, ускоряя шаг, и правильно сделал — Хлоя как раз лезла в окно. В деревне было сонно. Без сомнения, охотники, кто хотел, с рассветом ушли в лес, прочее же взрослое население еще спало, на-

бираясь сил перед вечерним праздником Созревания Тыкв с непременными танцами и состязаниями. Где-то у околицы лаяла забытая на привязи собака. Узкая полоса Великого Нимба сильно потускнела, но была еще видна, особенно на западе. Солнце пригревало. Утренние мухи, почуяв запах человека, с громким паническим жужжанием улетали прочь. Хранительница Знаний мирно спала на лежанке с наветренной стороны дома, проветривала Хранилище после вонючих ящериц. Похрапывала. Сады были пусты. Куча малолеток того сорта, которого всегда бывает в избытке, трясла привитое брюквенное дерево, злонамеренно игнорируя растущие рядом дички. Зачем им понадобилась неспелая брюква, оставалось неясным. Послушать старших, так прежде дети были как дети... Чепуха, конечно. Прикрикнув на хулиганов, отчего те не слишком охотно пустились наутек, Леон проводил голопятую стайку долгим изучающим взглядом.

Может, эти?

Нет, вряд ли.

И тут он второй раз за день замер как вкопанный: навстречу ему шла Филиса, и опять, как вчера, деваться было некуда. Легонько, в рамках приличия, покачивая бедрами, она поравнялась с Леоном, кивнула ему с видом равнодушным и незаинтересованным, как чужому, но заметно помедлила, прежде чем свернуть в проулок, и видно было, что свернула нехотя. Нарочно она, что ли, смятенно подумал Леон. Ищет встречи? Какое там!.. Он чувствовал, что виноват перед Филисой, им давно нужно было пожениться, они объяснились, и препятствий к свадьбе не было никаких, вся деревня в один голос соглашалась, что они прекрасная пара, оставалось лишь из уважения к старшим испросить согласия родителей Филисы на брак дочери, каковое согласие было бы, без сомнения, ими дано... Но когда ты юн и прыток, когда тебе всего двадцать два по счету Нимба и двадцать по местному, а невесте нет и пятнадцати, когда у тебя полно сил и еще больше дури, кому же захочется торопить события, связывая себя скороспелым браком? Разумно ли это? Разумно, сказал себе Леон. Разумно для каждого, у кого есть женатый старший брат. Потому что нельзя тянуть время, не думая о том, что брат, даже отличаясь прекрасным здоровьем, может внезапно заболеть и умрет в один день. Потому что брат был женат на таком подарочке, как Хлоя...

Так в один день для Леона все кончилось. По обычаю отдав себя в мужья вдове брата и усыновив близнецов — Сильфа и Дафниса, Леон почувствовал, что потерял Филису навсегда. Он понимал, что, как бы Филиса его ни любила, второй женой к нему она не пойдет ни за что. Никогда. Как не согласится жить с ним тайно, довольствуясь ворованной любовью. Она могла бы стать ему только единственной женой, в самом крайнем случае — первой, если бы брат Леона умер после их свадьбы. Тогда уже не Филиса, а Хлоя стала бы второй женой, если бы захотела, и была бы вынуждена слушаться первую. Так всякие отношения между Леоном и Филисой прекратились — они здоровались при встрече на улице, и только. Леон опоздал и знал, что виноват в этом был только он и никто иной. Иногда ему хотелось завыть на Великий Нимб и все четыре луны сразу. С себя спроси!.. Сам виноват! Сам!!

Драконий хвост, но кто же окно-то разбил?

Трава на деревенской площади была вытоптана за много поколений до Леона. Здесь давно уже пророс и расстелился во всю площадь сонный лишайник, который топчи не топчи — не вытопчешь. Лишайник приятно обнимал ступни, он ласкал и успокаивал, по нему было очень приятно ходить, и сидеть на нем было замечательно мягко, вот только спать на нем было нельзя: заснувший на лишайнике не просыпался. То есть его можно было добудиться, стащив с лишайника, но сам собой он не просыпался никогда, и договориться с лишайником пока не удалось ни одному шептуну. Леон с детства помнил жуткие истории, рассказанные матерью: в былые времена, когда люди были глупы и любили неживое, охотники, случалось, находили на полянах деревни, сплошь заросшие лишайником, находили и спящих людей, часто — всех жителей деревни. Иногда их удавалось разбудить, тогда на помощь умирающим от истощения приходило все население ближайших деревень, и людей, как правило, удавалось спасти, но бывало и так, что разбудить людей уже не удавалось, а если и удавалось, то слишком поздно...

На площади не спали. На ней принимали почетных гостей, собирали сходки и торжественные обеды по случаю особо удачной охоты, на ней устраивали праздники с танцами и состязаниями, школа тоже находилась на площади, и сейчас Парис вел занятие. Лысина лучшего шептуна деревни сияла, как хорошо начищенный горшок. Выставив вперед кругленьк-

кий животик, Парис ходил взад и вперед и обращался к кучке учеников, сидевших на лишайнике и толкавших друг друга, чтобы ненароком не заснуть.

— Духовая трубка? — дребезжал он. — Чепуха! Праща? Еще скажите — лук со стрелами! Детские штучки! Я вам говорил тысячу раз: настоящему шептуну оружие ни к чему. Это я утверждал и всегда буду утверждать. Наша сила не в оружии, а в умении договориться со зверем так, чтобы он сам, добровольно и охотно пришел в деревню и надел себя на кол в кухонной яме. Умелому шептуну у нас и почет и уважение. Если охотник не шептун, он только озлобит дичь, а я вам скажу просто: такому обормоту делать в лесу нечего. Кто не шептун, тот пусть женщинам помогает, больше пользы будет. Ну что полезного, скажите мне, вы добудете в лесу духовой трубкой? Слизнивца? Летучую змею? Жуткобраза?.. Вот ты, встань! Леандр, я тебе говорю, а ты, Филет, зачем встал? Хотя ладно, раз уж стоишь, так ответь. Что? Ах, совиного страуса, надо же. Садись и слушай. Можешь мне поверить, ты и прицелиться-то в него не успеешь, потому что даже я, когда был помоложе...

По рядам учеников пробежал смешок. Всем в деревне было известно, что Парис всегда был отчаянно скверным стрелком.

— На западе, где озера, живут рыбоеды, — продолжал Парис. — Еще дальше есть деревня моллюскоедов, моллюсков они едят, там отмель большая, а в горах на востоке живут яйцееды, те птичьи яйца собирают. В нашей же местности живут драконоеды, тут во всех деревнях спокон веку ели драконов, и нам отступать от обычаев не должно. Перво-наперво не трогаем самок — у них ободок вокруг глаз не красный, а желтый, их легко отличить, а вот если гребень не топорщится и дух тяжелый, так это старая самка, потомства от нее не будет, и такую самку брать можно. Второе: сколько случаев было с ротозеями! Зашепчут кое-как дракона и ведут через Трескучий лес, а зверь как завалит сослепу дерево да ка-ак очнется... Опытный шептун еще до охоты намечает удобнейший путь к деревне, и это надо знать. Третье: к зверю нужно подходить всегда и только спереди, а не сзади и не сбоку, потому что дракон должен шептуна видеть, иначе он его не поймет, а если и поймет, то неправильно...

— Кха! — сказал Леон.

Увидев его, Парис обрадовался.

— Вот, — ликующе провозгласил он, указывая на Леона

одной рукой, в то время как другой оглаживал клочковатую бороду, — смотрите! Леандр, тебя это особо касается... Филет, ущипни его! Вот так. Вот перед вами взрослый охотник, не то что я, старик, а давайте спросим, много ли драконов добыл он за год? Все знают: только одного и довел до деревни, а от троих едва унес ноги, и все потому, что ребенком ленился учиться ремеслу шептуна... Что, Леон, подучиться пришел? Это ты правильно надумал, учиться никогда не поздно, я тебя поучу... Нет? А, я знаю, ты считаешь себя хорошим шептуном. Что же не пошел за драконом к празднику? Линдор и Ацис с Фавонием еще с ночи ушли, так ты бы им помог, а то они, глядишь, без тебя не справятся... Хлоя, видать, не пустила? Жаль, жаль. Женщина серьезная. Зато ты, конечно, рассчитываешь показать себя на вечернем состязании?

Ядовитый сморчок издевался. Ученики хихикали.

— У меня окно разбили, — сказал Леон.

Смех разом смолк. Парис приложил ладонь к уху:

— Как?

— Камнем, — буркнул Леон.

— Тьфу ты, я не о том, — рассердился старик. — Повтори еще раз.

— Окно у меня разбили! Окно! — Мальчишки разинули рты.

— Еще раз, прошу тебя.

Леон повторил еще раз. Потом не удержался и выложил подробности.

— Где?

— В доме. В спальне. Вдребезги.

Глаза Париса сделались круглыми.

— Драконий хвост! То самое стекло? То, что прозрачное? Из Города?

Леон кивнул.

— Дела... — Парис покачал головой. — Ну и времена пошли ныне, не думал, что доживу до такого. И следов нет, говоришь? Дела... Никогда не видел, как бьется стекло, надо бы пойти посмотреть... А вы чего сидите? — накинулся он на учеников. — Не видите, дело серьезное. Хватит с вас на сегодня. Филет, гони отсюда Леандра, пока он не заснул, пусть дома спит! Марш, марш, двум людям поговорить надо...

Ученики веером рассыпались по площади. Каждый нес весть, уже, несомненно, широко известную в деревне. Леон мог бы поклясться, что слышит отсюда вопли Хлои.

— Стало быть, камнем, — задумчиво проговорил Парис, теребя клок бороды. — Или все-таки не камнем? Может быть, ветром, а? Хотя нет, ветра не было...

— Да камнем же, камнем! — не выдержал Леон. — Драконий хвост! Камнем, говорю тебе! Принести показать? Он и сейчас в стенке торчит...

— Тогда я знаю, что это такое, — решительно заявил Парис и поскреб лысину. Ветвистые морщины на его лице разгладились. — Это преступление.

— Как?

— Преступление, говорю.

Леон заморгал. Слово было знакомое, но что оно означало, Леон забыл. Когда он был подростком, он ходил в школу и узнал все, что нужно в жизни. Но в школе этого не проходили.

— Ты думаешь? — спросил он, стараясь не выдать своего невежества. — Такого, наверно, уже лет сто не было.

— Такого в нашей деревне вообще никогда не было, — уверенно сказал Парис, — да и в соседних тоже. Даже не знаю, что тебе посоветовать. С окном-то мы тебе поможем, соберем общий сход и решим помочь, это каждому ясно... Слушай, а может, сообщить в полицию?

— Куда? — удивился Леон. — Да разве это их дело?

Парис пожал плечами.

— Точно не скажу. По-моему, это касается каждого. Тут вопрос тонкий... Видишь ли, конечно, трудно утверждать наверняка, только есть такое мнение, что преступления тоже по части полиции, если толковать расширительно. Так сказать, в рамках общего поддержания порядка. Думаю, не откажут помочь, если попросить, а?

— Можно и попросить, — сказал Леон. — А это удобно?

— Если неудобно, тогда извинишься, — убедительно сказал Парис. — Почему бы не попросить?.. Драконий хвост! Опять забыл, какой они пользуются линией! Погоди, сейчас свяжусь с Гагием из Мирты, он должен помнить...

Леон смолчал и начал считать про себя. Очевидно для всякого, Парис пускал пыль в глаза — спросить о полиции можно было и поближе. С минуту шептун, закатив глаза, вхолостую шевелил губами. Затем крякнул с досады.

— Не отзывается, спит, должно быть. Может, ты помнишь?

Леон энергично помотал головой.

— Значит, придется лоцировать, — заключил Парис. — Ты

сам-то сможешь? Впрочем, что я говорю — по тебе и так видно, что не сможешь, я бы после такого тоже не смог... Ладно, не мельтеши, я сам.

Некоторое время он оставался неподвижен. Потом хлопнул себя по лбу:

— Забыл! И это забыл, ну что ты будешь делать! Они же сами придут! У нас праздник, вот они и придут, уже небось на подходе. Угощать-то кого будем? Судить состязания кто будет? Сказителей — Хранительница, шептунов и стрелков — полиция, всегда так было, сам знаешь, а философов и мудрецов на этот раз — Умнейший. Он уже тут, я видел. И полиция будет.

— Умнейший? — от удивления Леон на секунду забыл о неприятностях. — А где?

— Зачем тебе? — ревниво поинтересовался Парис. — Если просто посмотреть хочешь, тогда посмотри, не жалко, а если с вопросами пристать нацелился, так он этого не любит. Знаешь, какой он: гостевых домов не жалует, сядет где-нибудь на крылечке и сидит, людей не видит. Обещал, что заночует у нас. К тебе-то он теперь не пойдет, раз у тебя стекла нету, чего ему у тебя делать? Я-то его хорошо помню, ты еще в соплях ходил, от горшка два вершка, а он и тогда был Умнейшим, только шел он в тот раз не на север, а на запад, где рыбоеды живут, а за ними моллюскоеды, потом киселееды, река у них Молочная, называется так, а на деле просто мутная, пьешь — на зубах скрипит, а дальше, вдоль моря, говорят, и вовсе гнилоеды какие-то живут, только я в них не верю, я бы и ходить по гнили не стал, не то что есть, да и никто не станет, зато у них там, говорят, не Хранительница Знаний, а Хранитель, все не как у людей, и согласия между ними нет, вот он туда и шел, в ту сторону как пойдешь — так до самых озер от деревни до деревни как раз день пути, удобно... — Парис перевел дух и снисходительно посмотрел на отвалившего челюсть Леона. — Что, думаешь, стар стал, болтаю много? А ты не думай, я не болтаю вовсе, а упражняюсь. Сам Умнейший мудрецов судить будет. А и кого судить-то, по правде сказать? Меня да старого Титира, так я его враз переспорю. Что было раньше, дракон или яйцо, а? Нимб или Простор? Я еще много чего знаю. Вот полезно перед состязанием печень летяги съесть, после нее слова хорошо выскакивают и не путаются. Ты меня не слушай, что я тут про стрелков говорил, я ведь шептунов учу, а стрел-

ков не я, один ты у нас какой-то странный: сам не знаешь, кто ты такой — стрелок или шептун... вот если подстрелишь для меня летягу, то хорошо будет, ты уж постарайся для меня, я тебе все же совет дал, а с окном вся деревня тебе поможет, так и знай...

Парис бы и еще говорил, но ему не дали. По главной улице с радостным визгом пылила ребятня. Следом осторожно ступал Линдор, статный высокий мужчина с пропыленным лицом. Он пятился задом, осторожно нащупывая почву, иногда оглядывался, чтобы не споткнуться, глаза его были полузакрыты, губы шевелились, а в пяти шагах за ним, нависая над шептуном кошмарной пятнистой мордой, тяжко переваливался на задних лапах громадный — Леону еще не доводилось таких видеть — дракон-самец. Короткие передние лапы зверя были сложены на груди, роскошный фиолетовый гребень едва подергивался, свисающий из пасти язык достигал земли. Дракон спал на ходу. Мощный, одетый в несокрушимую броню лесной гигант, способный одним махом разрушить деревню, предназначался для вечернего праздника и покорно следовал за человеком. Длинный голый хвост чудовища, похожий на крысиный, чертил в пыли улицы глубокую борозду. За хвостом шла толпа.

Дойдя до площади, процессия остановилась.

— Тише, вы! — надсаживаясь, закричал на малышню Парис, мгновенно потеряв интерес к Леону. — Разбудите!

Дракон открыл один глаз и злобно посмотрел на Париса. То же самое сделал и Линдор. Толпа попятилась. Стало слышно, как на другом конце деревни мяукает кошка. Две девушки, чинно ведущие к площади Хранительницу, пискнув, увлекли ее в проулок.

Леон, и тот отступил на шаг. Всякому было известно, каких дел может натворить в селении очнувшийся дракон; жуткие истории, рассказанные немногими уцелевшими очевидцами, передаваемые из уст в уста, кочевали от деревни к деревне. И некоторые из этих историй были правдой.

Линдор закрыл глаза и зашептал с удвоенной силой. Его пропыленный лоб покрылся потом. Дракон подобрал язык, сделал шаг вперед, обнюхал Линдора, попытался потереться о него мордой и вдруг рухнул на бок. Мерное дыхание вздымало бронированную грудь — дракон спал и был счастлив. В ноздри ему сунули сонного лишайника, чтобы не проснулся до ча-

са состязания, и только тогда раздались ликующие крики. Линдор стряхнул с набедренника лесной мусор, утер пот и попросил пить. Тут же человек двадцать побежали к ручью. Всем было ясно, что первый этап состязания шептунов Линдор уже выиграл: от Ациса и Фавония, ушедших в лес одновременно с ним, пока не было ни слуху ни духу.

На Леона обращали внимание. Несколько раз он без всякого удовольствия ловил на себе любопытные или соболезнующие взгляды. Было ясно: не отвлеки Линдор людей драконом, каждый житель деревни не преминул бы именно сейчас пристать к Леону с расспросами насчет окна, поцокать языком и выразить свое живейшее сочувствие. Будто от этого легче.

КТО? КАК? ДЛЯ ЧЕГО?

Ответа не было. Нарочно выбрав самый безлюдный путь, чтобы не напороться на Хлою, Леон брел домой задами и терялся в догадках. За плетнем из дрын-травы тянулись огороды. Урожай в этом году выдался из рук вон: самый мелкий огурец перерос Леона ростом, торчал криво и без подпорок неминуемо завалился бы под собственным весом; хлебные лианы пухли от сока и выбросили вторые побеги; на Злачной поляне, к ликованию любителей Тихой Радости, забил новый родник и вот-вот готовы были вскрыться еще два; повсюду вылезло не только то, что сажали, но и то, что само попряталось в землю в прошлую засуху; дынные кусты, как всегда, ломились под весом плодов; на одних только землероек напала непонятная хворь — но когда это еще скажется!.. В деревне давно уже шли толки о том, что в нынешнем году Праздник Закапывания Излишков Урожая, пожалуй, не состоится — какой тут праздник, когда умучаешься закапывать! — и Парис еще весной всенародно объявил это знамением. Растолковать заинтересовавшимся, что означает это слово, он отказался, сам, наверное, не знал, за что и получил от недопонявшей текущего момента Хранительницы отповедь: не знамение, а затмение на него нашло, с шептуна станется, а с землеройками надо потолковать: хворь хворью, а землю рыхлить надо, не людям же огороды копать, в самом деле... Парис был посрамлен, но не переубежден — похоже, и впрямь мнил себя мудрецом.

Великий Нимб! КТО РАЗБИЛ? И — КАК?

Решение не приходило. Леон чувствовал, что голова его

тупеет. Кто мог пустить камень с такой силой, что он застрял в стене? Кем была раскручена праща? Откуда? Следов-то не было. По деревьям он скакал, что ли? И главное — ЗАЧЕМ? Что он хотел этим сказать, драконий хвост?!

Может, Парис не столь уж глуп и это вправду дело полиции?

Позади с площади доносились крики и смех — в кухонной яме острили новый кол. От деревенских собак, возвращавшихся с ритуала облаивания сонного дракона, Леон избавился, добыв из плетня дрын. Эманация Тихой Радости возвестила о присутствии Кирейна, одного из младших сказителей, знаменитого тем, что однажды он ухитрился заблудиться в лесу, чего не позволил бы себе и трехлетний ребенок. Уединившись на задах, пьяница репетировал замшелую Быль о том, как люди жили прежде на Великом Нимбе, нынешнем приюте отлетевших душ, и по чьему злому умыслу они спустились оттуда в Простор. Пальцы сказителя путались в струнах думбалы и часто промахивались, затуманенные глаза были устремлены в пространство, нос опух. Тыквенная бутыль валялась в ногах. Леона он не заметил.

Мало ли кого еще могло занести в проулок. Леон ускорил шаги, свернул у последнего поворота на главную улицу и на переброшенном через ручей одногорбом мостике второй раз за утро столкнулся с Филисой. Нос к носу.

Разумеется, теперь она знала все и немедленно принялась утешать. Ее голосок, обычно щебечущий подобно пению лесной бабочки, теперь звучал глубже и проникновенней. Ожерелье из свежих цветов лианы, только что украшавшее ее шею, на глазах Леона было разорвано и полетело в ручей. Сопереживать она умела не хуже других.

— Ну... — отмахнулся Леон и вдруг, неожиданно для себя улыбнувшись, выпалил: — Да я уже забыл об этом окне!

Сейчас это было правдой.

Опомнившись, он укусил себя за язык: Филиса могла подумать, что он никудышный хозяин. Того хуже — Филиса могла передать его слова Хлое, и тогда уж вовсе покоя в доме не жди. Леону захотелось немедленно, не сходя с шаткого мостика, схватить Филису за плечи и трясти, пока она не поймет, какая на его долю выпала пытка — жить с Хлоей, пока она не перестанет сочувствовать ему из-за глупого битого стекла... кстати, о битье: с Хлоей надо что-то делать, сил нет тер-

петь, пусть потом Хранительница против него хоть всю деревню поднимет...

— А я замуж выхожу, — сообщила Филиса.

Полыхнуло. Разверзлось, рухнуло небо. С покореженного Великого Нимба упал душный мрак. И во мраке звенел, звенел под стать журчанию ручья голосок лесной бабочки.

— За кого? — спросил кто-то чужой голосом Леона.

— За Линдора. А с окном тебе вся деревня поможет, ты не сомневайся. Хранительница так и сказала: пошлем гонца в Город, будет тебе новое стекло, еще лучше прежнего...

Голосок доносился уже из-за спины — Леон шел, не видя куда, деревянный мостик кончился, а земля расползалась под ногами, как тесто, готовила предательские ловушки, он шел прямо в пропасть, и не было сил остановиться. Колючие грибы в Трескучем лесу выскакивали из земли, норовили ужалить в пятку, на голову сыпались сучья, — с уханьем падало дерево, а за деревом оказывался разъяренный дракон, и Леон никак не мог его зашептать; тогда из земли, как гриб, выскакивал Линдор и зашептывал дракона, который вдруг оказывался Филисой, и вел ее на площадь к сонному лишайнику...

Он очнулся возле своего дома. Судя по царившей тишине, Хлоя еще не вернулась — не иначе, превращала себя в посмешище беготней по деревне и рассказами о том, какая ей выпала доля при таком муже — и сравнить нельзя с покойником, который был со всех сторон человек положительный...

На пороге дома, сгорбившись, спал Умнейший. Леон сразу узнал его — Умнейший постарел, но выглядел почти так, как рассказывал Парис. Жилистый старик, что ему будет. Странный, неясного назначения, сплетенный из травы предмет, обычно носимый Умнейшим на редковолосом черепе, свалился во сне и лежал у ног. Об этом предмете во многих деревнях ходили разнообразные толки, благодаря ему Умнейшего узнавали везде, где бы он ни появился. И те, кто его никогда не видел, знали об этом предмете.

Леон скосил глаза. Изнутри предмет оказался пустым, как покинутое гнездо. Ничего в нем не было.

Умнейшего не спросишь, почему он облюбовал для сна крыльцо именно этого дома. Может быть, по простой случайности. А может, и нет. Странное дело: увидев Умнейшего и прекрасно понимая, что должен сейчас почувствовать всем сердцем — радость, почтение и любопытство в произвольных

долях, Леон ничего этого не почувствовал. Наоборот, расстроился еще больше. Два события за одно утро — много, очень много.

Услышав шаги, Умнейший почесался и зевнул, не прикрывая рта. Один глаз, открытый до половины, обозрел Леона. Со сна голос Умнейшего звучал растянуто и сипло:

— Удивлен?

Леон покачал головой.

— Знаешь, кто я?

Леон кивнул. Умнейший живо поднял второе веко, и в глазах его мелькнуло: забавная деревня, каждый день у них на порогах Умнейшие спят... Но мелькнувшая искра любопытства сразу погасла. На Леона смотрели просто глаза — старческие, странно-голубые, каких в окрестных деревнях ни у кого не найти, да и в Городе тоже, разве что далеко на востоке у горцев-яйцеедов... Глаза равнодушно-понимающие.

— Горе? — спросил Умнейший и зевнул. — Причина?

И снова кто-то чужой, только притворяющийся Леоном, сказал то, чего не было сейчас у Леона в мыслях, но только это и можно было сказать людям, даже Умнейшему, а может быть, Умнейшему в особенности:

— Окно разбили...

Умнейший снова зевнул.

— Камнем? — спросил он, смыкая веки.

ГЛАВА 3

Очистку картофелины можно начинать с любого боку, главное — выполнять ее тщательно, не оставляя глазков.

Кулинарная книга

Вот он я весь — из крови и плоти, как вы, хоть плоть мою не видел никто, включая меня самого, и пощупать меня тоже нельзя: во-первых, это ничего не даст, а во-вторых, Нбонг терпеть не может пальпирования. На рентгенограмме я получаюсь неважно и не люблю свое изображение. Что за извращенное удовольствие — рассматривать скелет в скелете? К тому же вся верхняя половина меня приходится брату точно на печень, а нижняя — уж и не хочется говорить, на что. Очень похоже на зрелый эмбрион в чреве матери, если только перевернуть его головой вверх, а чрево увеличить. Нет, смотреть

на это не доставляет мне абсолютно никакого удовольствия, и брат со мною полностью согласен. Вообще мы с ним расходимся во мнениях лишь иногда и по сущим пустякам.

Один такой пустяк как раз валяется на полу в нашем с братом отсеке, даже не удосужившись ободрать с себя скафандр-напыльник, зябко дрожит, дышит с хрипом, стонет и мычит что-то невнятное. Приполз отдохнуть и отогреться до следующего витка не куда-нибудь, а почему-то именно сюда — ну и пусть. Мне не мешает. Мысли у него сейчас скачут, как полоумные, но от них я отстроился. По сути и не мысли вовсе — банальные эмоции примитивного существа, каков он есть на самом деле. Ограниченно ценный с условным гражданством — это такой зверь, пользы от которого немного, его можно особенно не беречь, но и тратить вхолостую не позволяется. Пусть живет, пока приносит хоть какую-то пользу. Не первый посев, не последний. Планет, нуждающихся в очистке, в Галактике предостаточно, и не всякая работа требует присутствия квалифицированного специалиста.

Зовут это чудо Й-Фрон, и я иногда разговариваю с ним — языком, губами и гортанью брата, потому что глухарь не принимает элементарных мыслеприказов. Нбонг до разговоров с ним не снисходит, брезгует, а я, случается, не прочь почесать язык, тем более не свой, пока брат спит. Надо сказать, это довольно утомительное занятие — управлять мышцами спящего, а скорость обмена репликами навела бы зевоту на всякого другого. Но мне нравится. Это мое развлечение, моя гимнастика и мой маленький секрет — поднять чужие веки, раскрыть чужой рот и произнести СВОЕ слово. Брат, кажется, ни о чем пока не догадывается. Иногда во время разговора я чувствую, что корабль нас подслушивает. Не возражаю, но только чтобы не болтал лишнего. Мне это не понравится, и брату, думаю, тоже.

Стучит сердце брата: бум! бум! бум! Стучит мое: тук-тук, тук-тук, тук-тук...

Что же, это животное так и будет лежать, дрожать и ныть?

Ладно, пусть лежит.

Так, теперь он начал чесаться. Наверное, все же слегка поморозился. Скребется так, что напыльник летит клочьями. Это единственное, в чем ему можно позавидовать: когда у меня чешется спина, я не умею ее почесать и вынужден терпеть

чесотку, пока она не пройдет сама собой. Зато до любой своей пятки достаю рукой так же легко, как он.

Я нечаянно ловлю себя на мысли, что сейчас мы с ним чем-то похожи друг на друга: оба скатаны в комок так, что колени чувствуют подбородок, — чего уж тут не достать до пятки. На самом деле сходство между нами еще глубже: мы оба зависимы, вот в чем дело. Понимаешь это только умом, когда обстановка позволяет поразмышлять на абстрактные темы; эмоции же вовсе не протестуют, если, конечно, в данный момент не чешется спина. Свобода? Нет, знаете ли, не нужно. Предложите другим. С тех пор как я научился видеть то, что вовне брата, свободы мне достаточно. Свобода — от чего? От прав и обязанностей полноценного гражданина? Не нужно. От законов природы? Не выйдет. И кто свободен? Нбонг, мой единокровный брат и резервуар? Хтиан, что пускает фонтан у себя в бассейне? Коммодор и капитан лидер-корвета Ульв-ди-Улан? Сам лидер-корвет? Один из автоном-очистителей, уже начавших очистку планеты?..

Забавно: я словно бы начинаю возражать ограниченно ценному Й-Фрону, пытаюсь перевести свои мысли на акустический язык, чтобы переубедить его в том, о чем он даже еще не подумал, — а для чего? Будто и так не ясно.

Нам с братом повезло при рождении — вот что следует ценить в такое время, когда пять из шести младенцев рождаются ограниченно ценными, не-ценными либо просто нежизнеспособными. Хроники Темных Времен утверждают, что прежде было еще хуже: лишь каждый двадцатый новорожденный появлялся на свет полноценным. Не знаю, не уверен. В хрониках Темных Времен много путаного и недостоверного, к примеру, указание на то, что до Всеобщей Войны лишь жалкие единицы — из миллиардов! — владели столь естественным для человека телепатическим способом общения и при этом пользовались равными правами с глухарями! Мыслимо ли?

Не-ценные мешают. Необходимое количество ограниченно ценных всегда можно отловить и обучить чему-нибудь несложному. Думаю, так сюда попал Й-Фрон, да и Дин-Джонг тоже. Оба они немножко похожи на мою рентгенограмму, если игнорировать накладывающиеся на снимок кости брата, — может быть, я именно потому никогда особенно не рвался на-

ружу, что подсознательно не хотел быть похожим на ограниченно ценных хотя бы внешне?

Чушь. Глупые мысли нуждаются в пресечении — мы с братом всегда были, есть и будем одним целым: Нбонг-2А-Мбонгом. По мне бежит его кровь, мы дышим одним воздухом, прекрасно ладим и дополняем друг друга. Когда один из нас бодрствует, другой спит. В сущности, мы один постоянно готовый к употреблению специалист — в свое время было признано целесообразным не разделять нас по специальностям. Никогда ничего не имел против. Мне нравится моя работа.

Анализируя планету, корабль транслирует картинку за картинкой, переводя язык уравнений в графическую n-мерную форму. Человеку — если он не Ульв-ди-Улан — неудобно работать с цифрами, его мышление аналоговое.

Слежу. Просто слежу, не вмешиваясь. На планете много жизни, это плохо для автоном-очистителей, плохо и для нас с братом, но по иной причине. Десять против одного, что серьезной работы для нас не останется.

Каждая планета неповторима, каждая нуждается в очистке по-своему. Штатные методы гибки, и довольно часто автоном-очистители самостоятельно справляются со своей задачей. Это — рутина. Но иногда требуется мое или брата вмешательство, и тогда мы испытываем высокое наслаждение художника — там поправить, тут убрать, здесь добавить мазок... Бескислородные миры, ледяные миры, горячие планеты без твердой коры... (Одна такая планета стала нашим шедевром: мы сконденсировали водяной пар — теперь там на дне рудники, города под куполами, космодром, и из толщи кипящего океана выскакивают к звездам ошпаренные звездолеты.) Скучнее всего, когда на планете есть белковая жизнь: как правило, в этом случае вполне пригодны стандартные методы очистки — остается только болтаться на орбите и ждать результата. Жизнь редко зарождается на планетах, требующих радикальной переделки. Обычно вполне достаточно произвести стерилизацию поверхности.

Судя по сообщениям автоном-очистителей, первая серия легла удачно. Корабль идет над океаном и спрашивает, не пора ли начать выращивать вторую серию очистных бомб. Пожалуй, чуть торопится.

«Ладно, — шучу я, — можешь нести свои яйца. Разрешаю даже кудахтать, только тихо».

Кудахчет. С юмором у него туговато...

Тем временем ограниченно ценный перестает чесаться и пытается сесть.

— Уже согрелся? — спрашиваю я губами брата.

«Какое там...» — это у него в мыслях.

— Какое там... В-вв-в-в...

Серое вещество у ограниченно ценного неотделимо от речевого центра. Что думает, то и болтает. Вполне мог бы промолчать — знает ведь, что я понимаю. Примитивен.

— Ты где должен быть? Марш.

* * *

К тому времени, когда Парис привел полицию, Леон окончательно извелся. Мало было битого стекла, мало было известия о помолвке Филисы — в довершение несчастий вернулась Хлоя, слегка охрипшая, но еще полная сил и гнева, и оба пасынка — Сильф и Дафнис — были, конечно, тут как тут, стояли хитрыми скромниками в уголочке, боясь попасть под горячую руку, ковыряли в носу и с тайным восторгом наблюдали за тем, как мать делает из отчима драконий помет. Солнце уже давно поднялось выше деревьев. Умнейший по-прежнему дремал на припеке, Хлоя уже не сомневалась в том, что окно разбил сам Леон, чтобы досадить жене, нахихикавшиеся близнецы мало-помалу начали позевывать, потом им надоело это занятие, и они ушли, а Леон и этого не мог сделать: воспитанный муж не станет противиться жене на людях, а покорно выслушает все, что та намерена ему сообщить. Вокруг дома собрались соседи и, привлеченные криками Хлои, подходили еще, издали таращили глаза на посапывающего Умнейшего, некоторые заглядывали в разбитое окно, щупали осколки и, сокрушенно качая головами, пытались вставить утешительное словцо. Общее настроение складывалось скорее в пользу Леона, слушатели явно одобряли его стоицизм, но с того было не легче.

То, что в голове Леона прочно поселился низкий одуряющий гул, не пугало — к этому он привык. Пугали запретные мысли, изредка проскакивающие сквозь завесу гула. Побить Хлою? Давно пора, честно говоря. Научить уважать мужчину, пусть он и менее ценен, нежели женщина. Тогда придется уходить из деревни, Хранительница на этот счет строга. Осу-

дят общим сходом — и уйдешь, никуда не денешься, станешь изгоем и хотя не пропадешь с голоду и рано или поздно найдешь деревню, готовую тебя принять, но Филису уже никогда не увидишь.

Еще того хуже — убить... Леон весь вспотел от этой мысли. Он прекрасно помнил большую облаву, случившуюся несколько лет назад, сам в ней участвовал — убийцу из какой-то отдаленной деревни, человека агрессивного, явно больного, и, по убеждению лекарей-шептунов, больного неизлечимо, много дней гнали по лесу, пытаясь оттеснить в болота, дважды теряли и снова находили его след, прошли все Междулесье и в конце концов загнали безумца в горы, к яйцеедам. Те хорошо помогали — лишь благодаря их умению ползать по скалам всего только трое охотников из облавы сорвалось с круч, а могло быть много больше. В конце концов убийцу удалось загнать на скальную стену над пропастью; он был сильный человек, этот убийца, — висел на крошечных выступах день, другой и лишь на третий разжал руки...

Случай был редчайшим и всколыхнул всю округу. Бабки и прабабки не могли припомнить такого — человек не должен убивать человека! Тогда, во время безумной гонки по горам, убийца не раз и не два невольно подставлял себя под выстрелы духовых трубок. Потея, Леон пугался. Разгоряченный погоней, он один раз чуть было не плюнул отравленной стрелкой в бугристую, напружиненную спину, мелькнувшую меж валунов. Чуть-чуть он сам не стал убийцей. Если бы преследуемый не оглянулся в тот момент — стал бы. И был бы отдан шептунам для излечения. Ужасала мысль: наверно, он все же не такой, как все...

Излечившись — убил бы себя сам. Уколол бы шею стрелкой. Человек и без того слишком часто умирает раньше желаемого срока, чтобы допустить самую мысль о смерти от человеческих рук. Бывает, неосторожного охотника убивает дракон, но дракон — он дракон и есть, его едят, и он вправе возразить. Человек не дракон. Убийца человека — сам не человек и не должен жить.

Полицейских было двое. Одного из них Леон узнал сразу — им оказался Брюхоногий Полидевк, в прошлом лучший стрелок и гордость деревни, когда-то обучивший Леона своему искусству, неизменный победитель стрелковых состязаний, но охотник все же неважный и шептун никакой. Покры-

тая затейливой резьбой желтоватая кость, торчавшая у него от левого плеча до локтя, свидетельствовала о непредвиденной встрече с драконом, чем и окончилась охотничья карьера Полидевка, тогда еще не Брюхоногого. Настоящему охотнику мало умения стрелять без промаха. Настоящий охотник умеет ходить по лесу и спящего дракона чует за версту. Что бы там ни говорили, а дракон — чудище по преимуществу травоядное, ну разве что иногда слизнет с ветки задремавшую птицу-свинью, так что Полидевк остался жив, потеряв руку лишь по собственной неосмотрительности. С тех пор он перестал ходить в лес, отрастил колыхающееся чрево, став похожим на неплотно набитый мешок на толстых ногах, сделался лучшим в округе, хотя и единственным, резчиком по собственной кости и вскоре перешел на спокойную работу полицейского. О Брюхоногом Полидевке было известно, что он большой любитель Тихой Радости и терпеть не может, когда его называют просто Брюхоногом. Второй полицейский имел унылый вислый нос и сонный взгляд прирожденного лодыря, был высок, тощ, сутул и откликался на имя Адонис.

— Леон! — закричал Брюхоногий Полидевк еще с порога, отчего Умнейший вздрогнул, приподнял одно веко и снова опустил. — Ты?! Рад, рад видеть. Ну, что тут у тебя?

Леон объяснил, что.

— Ага, ага, — покивал Полидевк. — Значит, правда. А я-то, признаться, думал, напутали что-то. Где ж это видано, чтобы стекла били? А чем? Вот этим? Дай-ка, дай-ка посмотреть... Ага, ага. Ну вот что я тебе скажу: правильно ты сделал, что нас позвал... — полицейские переглянулись. — Отойди-ка пока в сторонку, не мешай, а угощать после будешь. Мы это дело враз...

Леон отошел в сторонку. Он совсем не был уверен в том, что поступил правильно, позволив Парису привести полицию. Сразу было видно, что полицейские взялись не за свое дело, и сквозившая в их действиях растерянность, плохо скрытая за многозначительностью, подтверждала это как нельзя лучше. Впрочем, оба старались не ударить в грязь лицом. Честно говоря, Леон не удивился бы, если бы полицейские вежливо уклонились от расследования — в каждой деревне их кормят и поят вовсе не за это (хотя они и сами прокормились бы расчудесно). Всей работы — быть арбитрами в спорах и судьями в состязаниях. Ну, еще распоряжаться, если где по-

жар или какое другое бедствие. Только-то. Самая никчемная должность — для калек или лентяев без честолюбия.

Посовещавшись шепотом, оба полицейских приступили к осмотру места преступления. Для начала Адонис полез с ногами на кровать, вызвав истеричную брань Хлои, разбудившую Умнейшего, и, внимательно осмотрев уцелевшие в раме осколки стекла, глубокомысленно покряхтел. Брюхоногий Полидевк, выудив из смятой постели тонкую стеклянную занозу, наколол палец, пососал его и высказал мнение, что удар в стекло был знатный. Затем внимание полиции привлек застрявший в перегородке камень, вслед за чем было потребовано, чтобы любопытные отошли от окна и не застили свет. Поддернув полу форменной хламиды, Адонис проворно опустился на корточки перед перегородкой, ощупал камень и поскреб его ногтем. Произошел спор. Полидевк, чрево которого мешало ему как нагнуться, так и опуститься на корточки, заявил, что камень представляет собой одновременно орудие преступления и алевролит ожелезненный, за что он, Полидевк, ручается престижем профессии; Адонис же твердо стоял на том, что камень этот суть не что иное, как желвак аномально окрашенного аурипигмента, для убедительности предлагая Полидевку попробовать его на зуб. Грызть аурипигмент Полидевк отказался, на чем дискуссия была исчерпана. Попытка вытащить камень из перегородки пальцами не принесла успеха.

Выйдя на свежий воздух, перешли к опросу свидетелей. Последних оказалось так много, что их пришлось выстроить в очередь. Правда, никто из них не видел злоумышленника, зато многие засвидетельствовали, что проснулись, разбуженные взволнованной Хлоей, а древняя старуха Галатея, чей дом был ближайшим, вроде бы припомнила, что была разбужена непосредственно звоном стекла, но, впрочем, кто его знает — то мог быть звон в ушах, в ее возрасте естественный...

Других свидетелей не оказалось. Брюхоногий Полидевк прямо спросил, не знает ли кто, кому понадобилось обидеть Леона, и, напоровшись на дружное «нет», был явно расстроен и озадачен. Следствие зашло в тупик. Полидевк наморщил жирный лоб, мучительно и очевидно для всех пытаясь придумать новый вопрос, нервно погладил уцелевшей рукой свою резную кость и устремил умоляющий взгляд на Умнейшего. Тот поманил его пальцем. Разговоры в толпе стихли.

— Ага! — обрадовался Полидевк, отклеиваясь от Умнейшего, прошептавшего ему на ухо несколько слов. — Верно! Как это... э-э... Да! Слушайте. Может быть, кто-нибудь из вас заметил что-нибудь подозрительное?

После специальных пояснений, что подозрительное есть нечто новое, необычное и притом внушающее опасения, зрители враз замотали головами. Мотание продолжалось долго. Один карапуз лет пяти, лопаясь от гордости, заявил, что нынче утром видел и даже слышал подо... подользитное: свет, дым и долгий гул в западной части небосвода, однако интереса у следствия не вызвал и был одернут мамашей. Время от времени, хотя и нечасто, с Великого Нимба падают в лес оплавленные глыбы, это всем известно и опасений не внушает.

Толпа все росла. Леон кисло подумал, что у его дома собралось, наверное, полдеревни: не каждому поколению случается видеть, как полиция ведет расследование. Огород уже вытоптали. Все до единого сказители были тут как тут, Хранительницы Знаний в толпе видно не было, зато обе младшие хранительницы стояли в первом ряду и, раскрыв рты, жадно обременяли память, стараясь не упустить ни единого слова. Несчастливый день обещал войти в историю.

Не получив должного ответа, Полидевк нахмурился, укоризненно посмотрел на Умнейшего — тот и ухом не повел — и протиснул свое чрево в дверь. Вскоре из дома вместе с руганью Хлои и жалобным писком кровати — по ней, как видно, опять ходили ногами — донесся зов Адониса, просящий помощников. Человек тридцать сорвалось с места.

Умнейший снова поманил пальцем — на этот раз Леона. Когда зовет Умнейший, надо бежать к нему со всех ног.

— Хочешь, чтобы нашли, кто это сделал? — Старик говорил отрывисто и сухо, словно выплевывал шелуху.

Леон немного подумал.

— Нет.

— Правильно. Я так и полагал. Ведь нет же в лесу таких зверей, чтобы плевались камнями. Случайный чужак пришел бы и покаялся. Вы бы с ним еще Тихой Радости выпили. Значит, кто-то свой, из деревни. Приятно ли тебе будет узнать — кто?

Леон покачал головой, а старик некоторое время сидел молча и только жевал сухими губами. Потом проговорил, но уже гораздо тише:

— Может, и не человек это был... Самое худшее, если не человек. Хуже нет...

— Кто же тогда? — Леон опешил.

— А я почем знаю! — неожиданно рявкнул Умнейший.

Тем временем полиция, очевидно, пришла к какой-то мысли. Добровольные помощники перестали суетиться, притащили длинную жердь и под крики «левее!», «ближе!», «чуть правее!» воткнули ее на огороде. К верхушке жерди привязали веревку, другой ее конец через разбитое окно протащили в дом. Веревка поползла и натянулась.

— Так, — пробормотал Умнейший. — Выверяет направление. Мог бы с этого и начать.

Ступени крыльца скрипнули — из дома левым боком вперед вылез сияющий Полидевк. Вывернув толстую шею так, чтобы дотянуться губами до своей резной кости, он побагровел от натуги и выдул несколько хриплых нот — кость была дудкой. Раздались аплодисменты.

— Леон, чего зря стоишь? Ставь угощение! Я же говорил, что мы это дело враз, вот мы и враз. Тащи пока еду, да и выпить бы неплохо — когда еще праздник начнется! — а я пойду взгляну, чьи там следы...

Он величаво двинулся к опушке, раздвигая восхищенную толпу, как лесной дракон раздвигает подлесок. Леон уже собрался крикнуть ему, что уже смотрел там сегодня, нет на опушке никаких следов, — но не успел. Брюхоногий Полидевк вдруг остановился, чрево его заколыхалось. В толпе кто-то охнул. Головы всех повернулись к лесу. Леон поднялся на ступеньку, чтобы лучше видеть.

— Ой...

Лес был как лес — стоял синей стеной, мирный, тихий. И согретая солнцем поляна, просохшая после ласкового дождя, зеленела как надо, звала поваляться на шелковой траве. А через поляну от леса к деревне, шатаясь, бежал человек. Не добежав до огорода, он упал ничком.

— Фавоний!

К упавшему кинулись, подняли, внесли в дом. Хлоя — и то не посмела возразить, когда запропавшего с утра молодого шептуна клали на постель, предварительно стряхнув с нее стеклянные осколки. Отерли пахучей травой лицо, влили в рот глоток воды. Побежали за женой Фавония, но вспомни-

ли, что он вдов, и вернулись. В спальню набилось столько народу, что некуда было ступить.

— Где Ацис?

Фавоний открыл глаза без ресниц, застонав, с трудом разлепил обожженные, в волдырях, губы. Слабо махнул рукой:

— Там... Убит...

Фавоний метался по постели, кричал: «Не надо туда ходить! Не надо!..» В глотку ему лили Тихую Радость, он хрипел и булькал, отбиваясь, мотал головой, потом обмяк, пустил слезу и, пробормотав: «Ну как хотите, а я предупредил...», — впал в беспамятство.

Бессвязный рассказ шептуна, передаваемый из уст в уста, мгновенно облетел всю деревню. События выглядели так: еще затемно Фавоний с Ацисом ушли в лес за драконом, договорившись действовать сообща и выбрать дракона посговорчивей, — очень уж хотелось обставить Линдора на состязании. Сначала им долго не везло — то поднятый из берлоги дракон оказывался самкой, да еще с новорожденным потомством, то шептунов не устраивала неподатливость зверя — и лишь в четверти перехода от деревни наконец попалось то, что надо. Чтобы миновать Трескучий лес, они взяли от оврага вправо, рассчитывая вывести дракона на тропу через Круглую пустошь, Криволесье и Мшистый Тягун. Тут-то все и произошло. Железный Зверь напал на них издали, разом поразив зашептанного дракона и Ациса («Сам как шар, и огнем плюется, говорю вам!»). Фавоний же, отброшенный и обожженный огненным ударом, теряя сознание от боли, пополз кустами до леса, и вот он здесь, чтобы предупредить: бойтесь, люди!

Протолкавшись через толпу, Леон сдернул со стены духовую трубку, подхватил пучок стрелок из шипов игольной лианы и выскочил на улицу. Кажется, Хлоя не заметила, и слава Нимбу! Пусть Полидевка угощает кто-нибудь другой, сам он сыт этим по горло. Надоело! Пусть все это хоть на полдня останется позади — паскудная история с битым стеклом, постылое сочувствие соседей, блинолицая сдобная жена, сварливости необычайной, Филиса со своим замужеством... Он пойдет в лес, и сейчас же. Мужчина должен делать мужское дело, потому что на то он и создан, чтобы снять с женщины часть забот... Надо выяснить, что же все-таки произошло с Ацисом — убит ли? А может, еще и не убит...

Рассказ Фавония вызывал сомнения: где это видано, чтобы лесные звери нападали на тех, кто их не трогает, вдобавок плюясь огнем? Нет таких зверей ни на западе, ни на востоке, и не может их быть. Правда, драконы-самцы во время гона пугают друг друга огненным дыханием, но то не огонь вовсе, а безвредный светящийся газ, и даже дети знают, что никто еще им не обжегся. С другой стороны — ожоги Фавония...

Деревня гудела, как улей.

На площади сквозь плотные ряды слушателей протискивалась младшая хранительница — послушать спор. Люди ловили каждое слово. Некоторые, чтобы лучше видеть, влезли на тушу спящего дракона, читали издали по губам. Здравомудрый старый Титир, потерявший обычную благообразность, наскакивал на Париса: «Нет и нет! Железный Зверь, конечно, может существовать как условная объективность или, что то же самое, как субъективная реальность, данная нам в чувственное восприятие или, что то же самое, в условное ощущение...» — «Ты говори, да не очень, — дребезжал в ответ Парис и бегал глазами по толпе, ища поддержки. — Какая же она условная, когда пострадавший отнюдь не условен, ipso facto, следовательно — primo — Железного Зверя следует считать реальным, но так как во всем Просторе, слава Нимбу, ничего подобного ни разу не случалось со дня Сошествия, то — secundo — его следует считать реально не существующим...»

Решено было пойти и посмотреть.

Послали к Хранительнице за ядом — смазать наконечники стрелок. Зверь так зверь, — Парису в деревне не очень-то верили. О разбитом окне и полиции никто уже не вспоминал, будто ничего и не было. Леон только радовался. Человек десять охотников выразили готовность идти в лес, от шептунов вызвались идти Парис и отдохнувший Линдор. Умнейший вызвал всеобщее удивление, решительно нахлобучив на голову свое птичье гнездо и заявив, что тоже идет. Никто не возразил — Умнейшего не спрашивают, почему он поступает так, а не иначе.

Двинулись напрямик, через Трескучий лес. Парис тут же прилепился к Умнейшему, семенил рядом и делал все сразу: раздвигал у того перед лицом ветки, предупреждал о яме, которую надо обойти, шугал лесных бабочек, чтобы те своими песнями не мешали течению высоких мыслей Умнейшего, щипал себя за бороденку, безостановочно вещал и заглядывал

в глаза — словом, набирал очки перед состязанием мудрецов. Некоторое время Леон наблюдал за ним с кислой усмешкой, потом вспомнил, что не завтракал, сорвал лесной орех и поел, потом побрился на ходу листом кость-дерева, потом спел в уме все песни, какие знал. Трескучий лес давно кончился, и потянулось Криволесье, а коварный сморчок все никак не мог угомониться. Умнейший, кивая, отвечал односложно.

Великий Нимб! Можно смеяться над Парисом — нельзя осуждать. Разве найдется человек, втайне не мечтающий хоть раз в жизни запросто поговорить с Умнейшим! Мать Леона, сказительница, укладывая спать маленького, рассказывала в ответ на настойчивые расспросы: «Умный он, сынок, самый умный на Просторе, до самой дальней дали, куда и не дойти человеку... Везде о нем слыхали, и в Городе его хорошо знают. Давно уже ходит он, ходит... ищет человека умнее себя, а находит только более знающих... И нет у него учеников: ужасно, когда можно только учить и не у кого учиться...» Сама мать гордилась тем, что ей однажды удалось поговорить с Умнейшим: проходя через деревню в прошлый раз, тот спросил у нее воды.

Леон прибавил шагу и догнал Линдора.

— Что это за Железный Зверь, как полагаешь?

Линдор долго молчал, размышляя.

— Дойдем — увидим.

— А если он убежал? Ищи его... И старики с нами...

Линдор пожал плечами — выпуклые мышцы плавно перекатились под бронзовой кожей. С такой грудной клеткой из него мог бы получиться не шептун, а прекрасный стрелок — мужчина в самом расцвете. Неудивительно, что Филиса согласна пойти к нему второй женой. Мало ему одной...

Леон отстал. От скуки он начал размышлять о том, почему так бывает: Трескучий лес — это одно, а Криволесье — это совсем другое. Те же деревья, да растут по-разному, свеклобабов и молочных лиан в Трескучем лесу куда меньше, чем в Криволесье, зато кость-деревьев намного больше, сладкие грибы из Криволесья имеют свой привкус — на любителя, — правда, и там, и там бабочки поют одинаково, всюду мир и изобильное благополучие. Младенец не погибнет в лесу...

— Постой!

Леон вздрогнул. Умнейший догнал, тяжело дыша, отирая со лба пот рукавом хитона, — старику было тяжко поспевать

за охотниками. От Париса он все же как-то избавился — тот шествовал сторонкой, и Леон чувствовал на себе завистливый взгляд.

— Скажи-ка мне, этот ваш Фавоний... он здоровый? Не заговаривается, во сне не ходит?

— Н-нет... А что?

— А как насчет Тихой Радости? Не злоупотребляет?

— Н-нет. Только по праздникам.

— Этого я и боялся... — Умнейший заметно помрачнел. — Далеко еще идти?

— Рядом уже. Вон пригорок, за ним еще один, а за ним...

Перевалили через пригорок, стали подниматься на следующий.

— Стой! — скомандовал Линдор. — Слышите?

Что-то было не так, Леон сразу это почувствовал, лишь только охотники замерли, настороженно прислушиваясь к хрупкому лесному молчанию. Что-то изменилось — неназойливо, почти неуловимо. Не то чтобы почуялась опасность — наоборот, казалось, что не хватает чего-то важного, и Леон тщетно пытался понять, чего. Легонько кольнула зависть: чутью Линдора все давно привыкли доверять беспрекословно. Сильный шептун, быть ему к старости учителем, коли дозволит Хранительница.

— Бабочки не поют, — сказал один охотник.

— И это тоже... Парис, ты что-нибудь слышишь?

Парис весь покрылся морщинами, тер виски.

— Никого тут нет. Ни одного существа. Бр-р... Драконий хвост! — не нравится мне это...

До Круглой пустоши шли молча, след в след. Умнейшего вперед деликатно не пустили: старик хоть и привык ходить, а все же не охотник, шаг не тот... Не кружили над кронами птицы, не колыхались ветви, не шелестели листья на деревьях, слизнивцы — и те не попадались на глаза. Небывалая тишина висела над лесом.

Следы Фавония отпечатались четко; разбирая их, охотники качали головами. Похоже, достигнув леса, шептун совсем потерял голову — метался туда-сюда, как полоумный совиный страус, прежде чем сообразил, в какой стороне лежит деревня. В воздухе запахло гарью. Вблизи кустарника след менялся — тут Фавоний полз на животе.

— Здесь... — шепнул кто-то.

Остановились, прячась за крайними деревьями. Круглая пустошь изменила вид: рощицы в ее центре не стало, земля местами была изрыта так, словно над ней потрудилась целая армия землероек с лесную корову каждая, и сбоку, у самых кустов — Леон отвел глаза — в круге горелой травы лежала черная, обугленная туша, лишь размерами похожая на дракона, и еще лежало там что-то обугленное, не столь большое, скорчившееся в комок...

А посередине пустоши среди отвалов рыжей земли, припорошенных серым пеплом сгоревшей рощицы, лежал Железный Зверь.

Крепко надо испугаться, чтобы напутать, подумал Леон, борясь с отвращением. Фавоний ошибся: Зверь вовсе не был похож на шар. Он был длинным толстым червем, и когда червь изогнулся, вгрызаясь в землю, стало видно, что он действительно железный, — солнце сияло на его боках, как на лезвии хорошо отточенного ножа, только что доставленного из Города, и не липла к ним вывороченная влажная глина, не садился пепел.

Пожирая землю, Зверь ворочался в яме, выплевывал тонкую невесомую пыль. Она курилась облаком, ветер медленно теснил ее к опушке, закручивал толстым столбом выше крон и развеивал над лесом.

— Тьфу! — сплюнул кто-то.

Прекратив на время жрать, червь сжался и сразу стал вдвое короче. На его блестящей спине вздулись три нароста, три сложно-правильных, будто выведенных по лекалу, бугра, и нестерпимо засияло на них полуденное солнце. У основания их перехватило перетяжками — мгновение спустя все трое отделились и соскользнули на отвал. Леон, разинув рот, во все глаза смотрел, как рожает чудовище.

— Детеныши... — выдохнул тот же голос.

Детеныши отползли подальше от ямы. Круглыми их тоже нельзя было назвать — скорее они были дисковидные, сильно приплюснутые сверху и снизу, и нисколько не походили на Железного Зверя. Что с того? Личинки драконов тоже не похожи на взрослых зверей, живут себе на деревьях и называются слизнивцами.

Червь снова вгрызся в землю, расширяя яму. Железный Зверь... Опасный, явившийся неизвестно откуда, неизвестно зачем, гадостный и непонятный. Нет ничего ценнее жизни

человека, так как же можно убивать? Страшно не хочется отвечать тем же — а придется... Сначала зашептать, вывести на удобное место, затем испытать прочность железной шкуры и чувствительность Зверя к яду... Простая, но неблагодарная миссия. О ней не сложат песен и саг, о ней не расскажут детям, ее постараются как можно скорее забыть, но выполнить ее необходимо. Точно так же приходится с сожалением пристреливать собаку, зараженную вирусным кошконенавистничеством. Нельзя просто отогнать Зверя — мало ли кто наткнется на опасное страшилище, гуляя по лесу. Только теперь Леон понял, чье обугленное тело лежало рядом с обугленной тушей дракона, и содрогнулся. Да, придется убить того, кто не годен в пищу, как это ни противно обычаям. Железный Зверь, лишивший жизни не угрожавшего ему человека, не должен иметь шанса повторить убийство еще раз.

Хорошо бы зашептать его так, чтобы он лишил себя жизни сам...

Леон тщетно попробовал настроиться. Бесполезно тягаться с лучшими шептунами деревни. Он не чувствовал Зверя.

— Как нет его, — захрипел из-за кустов Парис. От напряжения он стал похож на тряпку, которую выжимают. — Ничего не выходит... Он как неживой все равно...

Линдор молчал, вперив в Зверя окаменевший взгляд. Его лицо покрылось бисеринами, на носу дрожала крупная капля пота. Охотники, держась за головы, стискивали зубы — мало кто чувствует себя в своей тарелке, когда рядом работает сильный шептун.

— Ну что? — шепотом взвизгнул Парис, как только Линдор тяжко вздохнул и, смахнув с чела пот, покачал головой. — Решил, что у тебя получится? У меня не получилось — у меня! — а у тебя вдруг получится?! Говорю же: он как неживой, а значит, он неживой и есть...

Оба отползли назад, заспорили. Мало ли, что он движется, фыркал Парис, — ну и что? Облака на небе тоже движутся — живые они? А то сухое дерево, от которого ты о прошлом годе едва унес ноги, — живое оно было, когда падало? Камень, что нынче испортил Леону жилище и настроение, — живой? Все неприятности происходят от неживого. И не спорь со мною, Линдор, ты хороший шептун, второй после меня, а только

молод еще спорить со старшими. Давай-ка вот лучше Умнейшего спросим...

Тут только заметили, что Умнейший сидит позади цепи охотников на охапке листьев и грызет ноготь. Взглянув на Железного Зверя один раз, он потерял к нему всякий интерес.

— Живой, — только и буркнул он в ответ на вопрос. — В определенном смысле.

— Значит, с ним можно договориться, — заключил кто-то.

Умнейший не отреагировал.

— А ты попробуй, — предложил Линдор.

Леон продул духовую трубку, прикинул ветер, осторожно вставил стрелку, смазанную ядом, с пушистой кисточкой на хвосте. Хотелось попробовать острие стрелки на пальце, но он не стал этого делать. *Интересно, пробьет ли тонкая стрелка железную шкуру? С такого расстояния, пожалуй, не пробьет, а вот если подобраться шагов на сто...*

Линдор распоряжался кратко и точно.

— Эет и Идмон, вы первые. Согласны? Обойдите его с двух сторон — и разом... Нет, Леон, тебе впереди всех делать нечего, в цель ты стреляешь прекрасно, а в даль не очень, так что иди-ка ты сзади и набежишь, если что, и вы трое тоже... Все согласны? Пошли.

— Не надо туда ходить, — сказал вдруг Умнейший.

Благовоспитанный человек не подаст вида и тем более не рассмеется, услышав явную нелепость — и от кого! В эту минуту Линдор показал себя благовоспитанным человеком. Он не сбавил шага. Умнейший — значит многое, но если бы он никогда не ошибался, то звался бы не Умнейшим, а Безупречным...

— Не ходите туда, говорю вам! Возвращайтесь в деревню!

Эет и Идмон вышли из укрытия, на ходу поднимая духовые трубки. Им удалось сделать три шага.

— Назад!..

Тонкий, ослепительно белый шнур на мгновение соединил Идмона и Зверя, и Идмон вспыхнул. Эет успел сделать один шаг назад.

Железный Зверь плюнул огнем, даже не подняв головы из ямы, и Эет вспыхнул без крика так же, как и Идмон. Оба горящих тела еще не успели упасть, когда бешено вращающийся огненный клубок настиг третьего охотника и, выжигая просеку, пошел в глубину леса.

* * *

Бичом «Основы Основ» были обыкновенные земные тараканы. Глядя внутрь себя, лидер-корвет содрогался от омерзения. Скверные насекомые бегали слишком быстро для того, чтобы корабль мог их поглотить, переработав в активную массу, и чересчур быстро плодились для того, чтобы их можно было уничтожить каким-либо традиционным способом. Лидер-корвет вел с ними войну. Он попеременно обрабатывал пустующие помещения излучениями разной жесткости и газом «типун» комбинированного нервно-паралитического, кожно-нарывного, удушающего и галлюциногенного действия (также и дефолиантом), он заманивал насекомых в тщательно замаскированные термические ловушки, мгновенно нейтрализуя продукты пиролиза, он выращивал вдоль протоптанных тропинок смертоносные излучатели и однажды опалил икру самому Ульв-ди-Улану, он получал особенное удовольствие, прихлопывая нахлебников сонными. Тараканы мельчали, теряли усы и конечности, мутировали, но не вырождались. Сдаваться они и не думали. Межвидовые браки рыжих и черных представителей тараканьего племени привели к появлению невиданных доселе тварей леопардовой расцветки, не чувствительных вообще ни к чему, кроме ударно-механического воздействия, и то усилие требовалось не маленькое. Выживали лишь самые проворные особи, успевавшие украсть крошку до того, как ее поглотит лидер-корвет, поэтому ему вечно приходилось брюзжать, чтобы экипаж, принимая пищу, не сорил на пол... Все было напрасно, и корабль, терпя нравственные мучения, без большого удовольствия отмечал, что с трудом добился лишь установления некоторого экологического равновесия. Война давно зашла в позиционный тупик. Утешало лишь одно: «Основе Основ» было известно, что над тараканьей проблемой безуспешно бились все корабли Дальнего Внеземелья, за исключением одного грузовика, который перевозил синтетическое волокно и страдал от моли.

Дин-Джонг, ограниченно ценный член экипажа, обладающий полным гражданством, принимал пищу. Он по одной отрывал сосиски от переборки, где они росли гроздью, сдирал целлофан и, макнув сосиску в соусницу, в два приема отправлял в рот. Одним глазом он с удовлетворением следил за тем, как обрывки целлофана на полу отсека начинают таять вроде льда и мало-помалу поглощаются полом — корабль утилизи-

ровал отходы активной массы. Было слышно, как за переборкой плещется в бассейне и фыркает Хтиан, а еще по переборке непрытко бежал ушибленный «типуном» таракан — как видно, на запах еды. Его-то Дин-Джонг и отправил хорошо рассчитанным щелчком точнехонько в вошедшего Й-Фрона.

— Ограниченно ценному — привет!

— Что? — тупо спросил Й-Фрон.

— Привет тебе, говорю. Ограниченный, конечно... — Дин-Джонг захихикал. — Кстати, я занят. Пшел.

Й-Фрон потоптался на месте.

— Ты тоже ограниченно ценный, — нашелся он наконец. — Мало ли — полное гражданство... Не всем везет, как тебе. И сцапали нас с тобой в одной облаве...

Дин-Джонг оторвал еще одну сосиску.

— Глупо, — сказал он, жуя. — Глупо себя ведешь, совсем думать не умеешь. Что с того, что в одной облаве? «Сцапали»! Не сцапали, а приобщили к человечеству. Гордиться должен. Ты бы еще цензуру памяти вспомнил — тоже ведь вместе проходили... А, я знаю: ты бы, конечно, предпочел, чтобы тебя не поймали? Ну и жил бы себе, как крыса, и жрал бы крыс. Радуйся, что тебе дали хотя бы условное гражданство и вдобавок научили кое-чему стоящему. Тут уж, сам знаешь, все зависит от способностей, а у кого они есть, тот не пропадет. Верно?

— Верно, — подтвердил вслух «Основа Основ».

— То-то, — Дин-Джонг поднял кверху палец, образовавший вместе с сосиской неравновеликую букву V. — Понимать должен. Мои способности были найдены, пробуждены и развиты, а у тебя никаких способностей сроду не было, и выглядишь ты как дурак. Будь доволен, что приносишь хоть какую-то пользу. Учи тут всяких глухарей уму-разуму, теряй время...

— Это какие же у тебя способности? — вспылил Й-Фрон, немедленно подумав: ох, зря. Но ловить себя за язык было уже поздно. Он сам все испортил. Ясно же было: Дин-Джонг в хорошем настроении, следовало этим воспользоваться...

— Не следовало, — сказал лидер-корвет.

Й-Фрон втянул голову в плечи. Сейчас точно влетит по первое число.

Но Дин-Джонг, как оказалось, был не прочь поговорить.

— У каждого есть способности, — веско сказал он, макая сосиску в соус. Й-Фрон проводил ее взглядом. — У его пре-

восходительства коммодора Ульв-ди-Улана исключительные способности к вычислительной математике, у Хтиана — к внечувствительному ориентированию в Пространстве с точностью до нанопарсека, вдобавок он лучший на Земле объездчик молодых звездолетов, наконец, Нбонг и Мбонг — квалифицированные специалисты по очистке планет, не говоря уже о смежных специальностях каждого. Такой экипаж может, не вставая с кресел, самостоятельно довести «Основу Основ» до любого порта, если допустить («Не надо допускать», — буркнул корабль), что разуму нашего лидер-корвета будут нанесены неустранимые повреждения... А кроме того, каждый из них, как любой нормальный человек, способен к телепатическому общению друг с другом и с кораблем... впрочем, кое-кто в силу своей природной ограниченности вряд ли сумеет понять, что такое телепатия. Меня, если помнишь, в сортцентре сразу отделили от всякой там шантрапы, развили природный талант... И я не хуже их. Так что если кое-кого пошлют на эту планету с проверкой, то уж никак не меня. Понял, убогий?

Фрону не терпелось возразить в том смысле, что Дин-Джонг все же принадлежит к низшей подгруппе полноценных граждан, что его телепатического таланта хватает лишь на прием прямых мыслеприказов самой большой мощности, от которых содрогается «Основа Основ» и Хтиан, трепеща перепонками, ныряет на дно бассейна, — но на этот раз он сдержался, тихонько проговорив:

— Если я не вернусь, пошлют тебя.

— Чего это ты не вернешься? — забеспокоился Дин-Джонг. — Ты уж вернись...

Сейчас можно было сделать попытку с шансом на удачу. И Й-Фрон ее сделал.

— Может, дашь одну сосиску?

Дин-Джонг затрясся от смеха.

— Ишь ты — сосиску! А тебя чем кормят?

— Стандарт-пищей, — сказал Й-Фрон.

— Вот и ешь свою кашу-размазню.

— Дай одну, а? Одну всего.

— Уговорил, бери. Что-то добрый я сегодня — к чему бы?

Й-Фрон неуверенно приблизился. Чуда не произошло: как только он протянул руку, корабль всосал сосиски в переборку. Одновременно исчезла с поверхности стола соусница.

Над наивным ограниченно ценным хихикали оба — Дин-Джонг и «Основа Основ».

Й-Фрону никогда не приходило в голову обижаться ни на привычно игнорирующих его членов экипажа, ни на корабль. Но обидеться на этого надутого спесью индюка Дин-Джонга он считал себя вправе.

Плетясь вон из отсека, он даже забыл об опасности. В ту самую секунду, когда он перешагивал через коммингс, тот, как это часто бывало, подпрыгнул и ударил его снизу. Смелая фраза, приготовленная для Дин-Джонга напоследок, моментально улетучилась из головы. Схватившись руками за подбитую промежность, Й-Фрон немного пошипел, затем издал негромкий забавный звук:

— Й-й-й...

Собственно говоря, из-за этого звука он в свое время и получил добавку «Й» к данному в сортцентре имени.

ГЛАВА 4

Многим животным, а в особенности насекомым, свойственно общественное поведение. Например, клоповидные пятиножки, атакующие личинку жуткобраза, действуют планомерно и согласованно. Однако это вовсе не означает наличия у них какого бы то ни было разума.

(Учебник биологии, 7-й класс, издание 35-е, идентичное; 2-я Государственная машинная типография)

Вечерний праздник хоть и состоялся — со дня Сошествия с Нимба не бывало случая, чтобы праздник Созревания Тыкв был отменен, — но вышел скомканным. Песни как-то не заладились, танцоры двигались вяло, музыканты невпопад перебирали струны и пищаньем в дудки нагоняли зевоту, поэты и сказители так путали слова, что даже пьяный Кирейн на их фоне выглядел прилично, и Хранительница всерьез затруднилась, кому из них отдать предпочтение; из десяти выстрелов в мишень Леон промазал дважды, в результате чего приз отдали румяному недорослю, не числившемуся в главных конкурентах; вдобавок в состязании мудрецов Умнейший (многими было замечено, что он выглядит рассеянным), не дослушав,

присудил победу старому Титиру, и Парис обиделся до глубины души; не смеялись дети, а взрослые не беседовали и не разливали Тихую Радость по пиалам из половинок орехов и надкрылий черепаховых жуков. Один Линдор показал свое умение шептуна во всем блеске, громадный дракон под его взглядом выделывал чудеса: крутился волчком, приплясывал и стоял на одной лапе, но особых восторгов не вызвал, и многие вздохнули с облегчением, когда мучения животного оборвались в кухонной яме. Словом, праздника как и не было.

Три большие луны взошли на востоке; на темнеющем западе, отставая от канувшего за лес солнца, проявилась тонким серпиком четвертая — меньшая. Заметили яркую звезду, ползущую по небу к югу, поперек движения светил, и старики сочли ее предвестником бед. Ночь прошла беспокойно. Горели костры на площади, горел над головами Великий Нимб.

Всю ночь по дорогам и тропам шли гонцы. Специально отобранные, лучшие из лучших, все как на подбор сухопарые и широкогрудые, способные без отдыха покрыть расстояние в три дневных перехода, в мутном свете четырех лун они несли весть о вторжении Зверя и призыв о помощи. Шесть дорог и троп уходило в лес — шесть гонцов было послано — шесть ближайших деревень должны были получить послание задолго до рассвета и отрядить в помощь лучших шептунов и стрелков.

Ждали.

С рассветом вернулся первый гонец и, сообщив, что весть доставлена, помощь от соседей будет, в изнеможении повалился на сонный лишайник. Солнце еще не успело подняться над лесом, как один за другим прибежали остальные гонцы; последним вернулся посланный в самую дальнюю деревню, и, задыхаясь, сообщил, что помощи ждать следует только к вечеру, раньше из той деревни никак не успеть. После краткого спора Полидевка с Парисом решено было вечера не ждать и покончить со Зверем так быстро, как только возможно.

К полудню отряды из пяти деревень вылились из леса на площадь. Приветствовали друг друга криками, обнимались, узнавая знакомых. Всего, по прикидке Леона, собралось человек четыреста — охотников бывалых, умелых и надежных. Юнцов оказалось совсем мало, и никто не явился одетым ни в сари, ни в хламиду — короткие набедренники, на ногах вместо домашних шуршавок — сандалии на мягкой подошве, у

многих — кожаные поножи, ненужные в чащобе, но полезные на полянах, где можно напороться на траву-колючку.

Судя по всему, весть об опасности была воспринята всерьез. Столько шептунов и стрелков зараз Леону приходилось видеть лишь на состязаниях в честь Сошествия с Нимба, устраиваемых ежегодно на поляне Празднеств в пяти переходах от деревни. Духовые трубки стрелков, длиной в полтора человеческих роста, колыхались над толпой, как тростник. Некоторые добавили к ним копья с наконечниками из листа костьдерева. Были и такие, кто предпочитал пращу всякому другому оружию. Шептуны одной деревни привели с собой наскоро зашептанного дракона, захваченного в лесу по дороге, и это сразу напомнило легкомысленным о том, что дело предстоит нешуточное. Разъяренный дракон — а разъярить его нетрудно — слишком тяжелое и разрушительное орудие, чтобы баловаться с ним попусту.

Командовать выбрали Линдора. Брюхоногий Полидевк и Парис оказались у него в советниках, первый — как лучший когда-то стрелок и вообще человек знающий, хоть и полицейский, второй — как хороший шептун. Представители соседних деревень, подискутировав больше для приличия, уступили лидерство, согласившись с тем, что местным виднее, коли они уже сталкивались с Железным Зверем. Единственное, что вызывало недоумение в рассказе Линдора — почему охотники бросили тела погибших товарищей? Разве Железному Зверю мало трупов, что он жаждет еще? Что это за Зверь, в конце концов? И что думать о таком Звере?

Недоумение ясно чувствовалось, но было молчаливым. Леон отводил глаза. Нет, в уме и сноровке испытанных охотников никто не усомнился, стыдиться было нечего... И все же он стыдился своего бегства от Зверя и, встречаясь взглядом с Линдором, видел, что тот страдает и стыдится не меньше его. Нет, второй раз они не позволят обратить себя в бегство.

Дело затевалось невиданное. Младшая хранительница, по случаю великого события пригубившая Тихой Радости, сообщила, что такой охоты — точнее сказать, такого похода — еще не бывало, по крайней мере она, младшая хранительница, не нашла упоминания ни о чем подобном ни в одной хронике, включая самые древние, и это наполняло сердца гордостью. Втягивались животы, расправлялись плечи.

Велено было разбиться на десятки и сотни. Перед самым

выступлением в поход вновь появился Умнейший и о чем-то шептался с Линдором, в чем-то сердито убеждал его, судя по непривычной для Умнейшего бурной жестикуляции. Не добившись толку, плюнул и отошел, оставив Линдора недовольным. Вежливое приглашение последовать за охотниками он отклонил наотрез.

Неожиданно для себя Леон оказался начальствующим над десятком стрелков из другой деревни. Из семи охотников, уцелевших после вчерашней вылазки, пятеро получили в команду десятки, а многоопытный Алоэй — даже комбинированную сотню шептунов и стрелков. (Седьмой охотник, оказавшийся поблизости от пути огненного клубка, получил ожоги и отлеживался дома с повязками на боках.)

Шла сила. Даже лесные бабочки смолкали, услышав шум внушительного отряда. От топота ног с деревьев сыпались листья. Драконов повели по удобной тропе в обход Трескучего леса. Встретились на Мшистом Тягуне — Линдор распорядился стрелкам устроить привал и лишний раз проверить оружие, а шептунам — прочесать окрестности и привести еще нескольких драконов. Ждать пришлось недолго: одного за другим привели пятерых — наскоро зашептанных, огрызающихся, — и Линдор сказал, что этого хватит.

Выслали разведчиков. Железный Зверь никуда не уполз, только отвалы вокруг безобразных ям посреди пустоши стали выше и у Зверя прибавилось детенышей. Теперь их насчитывалось не меньше десятка, а может быть, и больше — вывороченные горы земли и глины мешали видеть.

Леон дрожал от нетерпения. Пришлось долго ждать, пока отряды охватят пустошь кольцом, да так, чтобы и ветка зря не колыхнулась, а перед этим еще дольше убеждать охотников в том, что это необходимо: вывалившуюся из леса плотную толпу Зверь испепелил бы в одно мгновение. Пусть-ка попробует отбиться от нападения со всех сторон разом! Не выйдет.

Ждать, ждать... Шептуны, расставленные по окружности пустоши, подадут сигнал. Лежа за деревом и временами раздраженно шипя, если кто-то из его десятка, не утерпев, высовывал любопытную голову, Леон поглядывал вбок, на выжженную дыханием Зверя просеку. Здесь огонь порезвился и погас в сырых зарослях, а дыхни так Зверь в Трескучем лесу, тот, без сомнения, выгорел бы дотла...

Кто-то погибнет. Вспоминая, как умерли Эет и Идмон,

Леон стискивал зубы. Стыдно: вчера он бежал, как все, бросив тела товарищей, мчался в нестерпимом ужасе, оглядываясь на настигающий огненный клубок, петлял, как пугливая травяная мышь, выгнанная на открытое место... Линдор тоже бежал, это верно, но он по крайней мере остановился первым... Один Умнейший, которого поначалу тоже сочли погибшим, как оказалось, пересидел опасность, укрывшись в подлеске. А Парис, даром что не молоденький, так и не остановился до самой деревни...

Стыдно.

В последний раз. Больше этого не будет. Будет победа, будут и песни, сложенные в честь победителей, потому что одоление Железного Зверя — не простое убийство, что бы ни заявляла во всеуслышание Хранительница. Это работа для мужчин, настоящая работа. Нужная. Хватит уже женщинам твердить, что они ублажают дармоедов.

Сигнал! Леон вскочил на ноги. Наконец-то!

В три прыжка он очутился на пустоши. Вперед! Он ясно видел, как по всей лесной кайме разом всколыхнулся подлесок, как неподалеку упало сваленное драконом дерево, он слышал, как шуршат раздвигаемые на бегу ветви и под ногами сотен охотников гибнут сминаемые травы, и он, посылая вперед свое быстрое, гибкое тело, ликовал оттого, что Зверь взят в сжимающееся кольцо и теперь не уйдет... не уйдет... не должен...

Это было зрелище.

Шесть драконов молча мчались на Зверя с разных сторон, только слышался свист воздуха, вырывающегося из громадных легких, да под ногами лесных исполинов тяжко дрожала земля. Половину расстояния, отделявшего их от врага, они покрыли быстрее, чем можно сосчитать до десяти. Вслед за ними из-под защиты деревьев с криками выбежали люди. Первыми бежали шептуны, которым предстояло сразу после схватки зашептать разъяренных драконов — дело далеко не простое, требующее согласованных усилий многих людей. За ними спешили стрелки, на бегу изготавливая к стрельбе духовые трубки. Некоторые раскручивали пращи. Сильно отстав от охотников, рысил позади всех Брюхоногий Полидевк, свистя в дудку-кость.

Теперь Железный Зверь не казался таким уж страшным — даже самый маленький дракон вчетверо превосходил его раз-

мерами. Затопчут, уверенно думал Леон, стараясь не отстать от своего десятка, крича на бегу, как все. Он не хотел пропустить этот момент. Сейчас шесть чудовищ — шесть живых таранов — сойдутся в одной точке, и опасный Железный Зверь будет раздавлен лавиной тупой животной ярости, топчущих лап и рвущих когтей. Будет чудо, если Зверь сумеет отбиться от шести драконов разом, но, если он все же отобьется, в дело вступят охотники, и воздух наполнится пением отравленных стрел. Залп из четырехсот духовых трубок чего-нибудь да стоит!

От Железного Зверя отделился сверкающий обруч. Узкое кольцо, похожее на Великий Нимб, но неизмеримо более яркое, ослепляющее, стремительно раздалось вширь, захватывая пустошь, мгновенно вспыхивающую траву, кустарник, драконов, людей...

Горя, как смоляные факелы, шесть драконов продолжали нестись вперед до тех пор, пока последний из них не рассыпался на бегу в пепел. Люди, не подгоняемые приказами шептунов, оказались слабее. Некоторые из отставших сразу повернули к лесу. Кое-кому из них это спасло жизнь.

Вспыхивали, падали... Большая часть охотников продолжала бежать к Зверю, пуская стрелки из духовых трубок, и люди превращались в огненные столбы, так и не успев осознать, что происходит. Другие ложились ничком; некоторые, как Линдор, пытались с разбега перескочить через огненный обруч. Иные успевали крикнуть.

Леон выстрелил только один раз. Возможно, он попал в Зверя, возможно, и нет, — он не был уверен. Когда он споткнулся и с криком досады полетел в невесть откуда взявшуюся яму, он как раз заталкивал на бегу в духовую трубку новую стрелку — он бы точно попал во второй раз, в этом не могло быть сомнений...

Он закричал еще раз, когда пронесшийся над пустошью огненный вихрь опалил ему спину, попытался вскочить и упал снова, мучаясь от боли ожогов и еще не понимая, как ему повезло. Волосы на затылке сожгло, кожаный набедренник тлел и вонял. За что? Леон моргал ослепленными глазами. Почему так больно? Что люди сделали плохого Железному Зверю? Он моргал, видя и не видя, как недолгое время стоят, а затем падают факелы, только что бывшие людьми, как горит трава и с неба начинает сеяться пепел, а вот и лес загорелся, потому что до него дошел огненный круг...

Один из детенышей Зверя взмыл в воздух — оказывается, он умел летать! — и, легко набрав высоту, покружился над лесом там, куда ушло большинство спасшихся от Зверя людей. Лес в той стороне, и без того горящий весело и жарко, вспыхнул ярче.

Леон не пошевелился, когда детеныш прошел над ним так низко, что можно было рассмотреть свое отражение в его блестящем брюхе. Умом он понимал, что должен что-то сделать, может быть — поднять трубку и выстрелить, может быть — попытаться убежать. Он не сделал ничего. И он остался жив, а те, кто что-то делал — вспыхнули и рассыпались пеплом.

Это было как страшный, неправдоподобный сон. Этого не могло быть наяву.

И это было.

Лес вокруг Круглой пустоши горел весь вечер и часть ночи. Шипели, взрывались древесные стволы, стеной поднимался жирный дым, влага спорила с огнем. Когда отблески пожара перестали освещать картину разрушения, Леон выбрался из ямы и, утопая локтями в горячем пепле, пополз прочь. Достигнув леса, он побежал.

* * *

Рудная жилка оказалась беднее металлом, чем ожидал Девятый, но все же он поступил правильно, обосновавшись здесь. Другие обнаруженные им аномалии располагались далеко, возле гор и в самих горах, почти на границе его участка. Основную работу лучше всего начать отсюда, с середины, и, накопив необходимое число зауряд-очистителей, концентрически расширять зону очистки до прямого контакта с зонами Восьмого, Десятого и Тридцать Четвертого. До сих пор не было оснований отказываться от отработанной методики.

Вчера небольшая группа местных животных, передвигающихся на задних конечностях, проявила интерес к его работе. Он пугнул их больше для порядка, чем из осторожности, — вряд ли подобные создания сумели бы ему помешать. Сегодня их пришло много больше, и пришлось обратить на них внимание. Девятый и не подумал докладывать о происшествии на «Основу Основ» — слишком мелким был инцидент. Разумеется, эти животные не смогли бы причинить никакого вреда автоном-очистителю его класса, однако все говорило о том, что они пытались неуклюже атаковать вторгшегося на их тер-

риторию чужака и даже привели для этой цели более крупных животных, очевидно, находящихся с ними в симбиозе. Примитивная планета, примитивная тупая жизнь — явно не тот мир, где биосфера способна оказать активное сопротивление очистке. Более высокоорганизованным существам хватило бы одного наглядного урока, чтобы извлечь выводы, — этим, возможно, будет мало и двух.

Во время нападения Девятый ни на секунду не прервал своей работы. В этом не возникло нужды. Он занес в копилку крупицу накопленного опыта: столь убогими тварями следует заниматься лишь в рамках общего плана очистки, специального внимания они не стоят.

* * *

Прошел день и два. Малая часть уцелевших охотников еще оставалась в деревне без всякого дела — собирались кучками, растерянно молчали, с недоумением заглядывая друг другу в глаза, веря и не веря в случившееся. Большинство ушло домой, к семьям. Женщины бегали из дома в дом, спорили о чем-то, но больше молчали, вздыхая. Хранительница не показывалась — говорили, что она с двумя младшими хранительницами перебирает древние манускрипты, ищет ответа.

Погибших успели оплакать, поэты сложили поминальные песни. Обожженных лечили травами и мазями, но серьезно пострадавших среди них оказалось немного. Пряча глаза, старались скрыть очевидное: уйти от огня удалось лишь тем, кто с первых секунд заразился паникой и вдобавок имел достаточно длинные ноги, — тугодумы и тяжелораненые были обречены. Умнейший, и прежде не пряник, стал раздражителен и либо обрывал на полуслове тех, кто приставал к нему с вопросами, либо начинал говорить так брюзгливо и путано, что люди расходились сами. Авторитет его пошатнулся: выяснилось, что он убеждал Линдора отказаться от немедленного нападения на Железного Зверя и не сумел убедить.

В атаке на Зверя погибло больше трехсот охотников — их обугленные скорчившиеся тела остались лежать на Круглой пустоши, без погребения. Круглая пустошь осталась круглой, но за счет выгоревшего леса увеличилась по меньшей мере втрое. Приблизиться было невозможно: Леон сам, кое-как подлечив ожоги, ходил в очередь с другими охотниками в даль-

ний дозор — Железный Зверь оставался на месте, только детенышей вокруг него стало еще больше. Может быть, он вообще не способен ходить, а умеет лишь ворочаться в яме да плодить потомство?

К вечеру первого дня нашли Линдора. Ему отожгло ноги, и он на руках полз по лесу до тех пор, пока не приблизился настолько, что его мысленный крик о помощи был услышан шептунами. Дела его были плохи. Старый Титир, лучший знахарь деревни, указав на багровую кайму выше ожогов, покачал головой и пробурчал, что ноги сохранить не удастся.

Послали сказать жене. В рот Линдору для восприимчивости влили грибного сока, и Парис зашептал раненого. Старый Титир, возглавляя ораву молодых, но уже умелых учеников, распоряжался ампутацией. Мясо и жилы отделяли сухим листом кость-дерева; таким же листом, но с насечками, пилили кость.

Зашептали кровь, наложили повязки. Безногого Линдора отнесли на площадь и положили на сонный лишайник. Линдор бредил, дергался, ему и во сне было больно. Парис, прослушивая его сны, качал головой. Боль была везде, она расползалась, вцепляясь мертвой хваткой в людей, настигала самых проворных, нависала над Простором, и не было от нее защиты, потому что любая защита тоже была — Боль...

Леон рискнул приблизиться к Филисе.

— Ты не переживай, — с трудом сказал он. — Жаль, что так получилось, что он... что мы... — Он вдруг нашелся: — Линдор поправится. Что с того, что охотником ему не быть? Он учителем станет, хорошим учителем.

— Я не переживаю, — деревянным голосом ответила Филиса.

Больше она разговаривать не захотела. Леон отошел. Против воли подумалось о том, что теперь, наверное, все, с чем он уже почти смирился, может повернуться по-другому. Леон безуспешно гнал от себя запретные мысли. Захочет ли безногий Линдор взять за себя вторую жену? Скорее уж его жене не мешало бы взять второго мужа. А Филиса — согласна ли она по-прежнему стать женой Линдора?..

Пронзительный окрик Хлои вернул его к реальности.

К полудню стало ясно, что Линдор умрет. Он почти перестал бредить, кожа раненого из бескровно-бледной сделалась серой, с синевой, глаза ввалились, дыхание стало тяжелым и

хриплым. Титир распорядился снять умирающего с сонного лишайника и перенести в дом. Если человек перед смертью захочет оставить живущим несколько прощальных слов, лишить его этой возможности не вправе ни знахарь, ни Хранительница, ни сам Великий Нимб.

Линдор умер не так, как ожидалось. Вечером того же дня над деревней со стороны восхода появился один из детенышей Зверя, сделал круг и медленно уплыл к востоку. Люди почти безразлично проводили его взглядами. Умнейший метался от дома к дому, от человека к человеку, кричал в самые уши, хватал за плечи, тряс — все было без толку. Деревня впала в странное оцепенение. Казалось, люди ждут чего-то очень важного, мучительно пытаясь понять — чего? Не бегали дети, не судачили, собираясь в проулках, женщины, замолчали младенцы в колыбелях. Собаки, и те перестали лаять. Один пьяный Кирейн, валявшийся у родника на Злачной поляне, полдня пытался начать какую-то песню, но что это была за песня, никто не понял и понять не пытался. Пьяницу лишь оттащили подальше от родника, чтобы нечаянно не захлебнулся, и оставили в покое.

Проходя мимо Леона, Умнейший толкнул его ногой:

— Сидишь? Ну и сиди, жди. Тьфу на вас. Сколь ни говори дитяте, что стенка твердая, а он, пока лоб не расшибет, не поверит. Надоело! Ухожу! Пойдешь со мной?

— Куда? — вяло спросил Леон, через силу подняв голову. Он не улавливал смысла в словах Умнейшего, он едва уловил сами слова. Вздорный и нелепый старикан с птичьим гнездом на голове, надоел хуже Париса, пусть он уйдет...

— Все равно куда. Нельзя здесь оставаться. Сами поймете, когда уже поздно будет. Пойдешь?

Леон покачал головой.

— Это куда «пойдешь»? — Хлоя была тут как тут, но перед Умнейшим все же немного робела и обращалась только к Леону, иначе несдобровать бы Умнейшему. — Я тебе уйду! Ты у меня, дрянь, уйдешь! Ишь чего удумал! — Леон всем своим видом показывал обратное, зная по опыту, что мало кто способен заставить Хлою замолчать. — Да ты на меня глазами не зыркай, ты лучше на себя погляди, бездельник, — кому ты, драконий хвост, нужен, если собственной жене от тебя ни прибытка, ни удовольствия? Другой бы муж еще в первый день с Хранительницей насчет стекла переговорил, чтобы в Город

сразу послали, а этому хоть бы хны. Вижу, куда ты смотришь! Только попробуй у меня еще раз подойти к этой девке, вот только попробуй — Хранительница тебе покажет, кто ты такой есть, а я добавлю...

Умнейший, только и пробурчав под нос непонятное: «Не женщина — лесопилка», отступил с озадаченным видом, ковырял в ухе, заросшем седым волосом. Леон покорно страдал. Эта толстая нелюбимая женщина чего-то от него хочет. Глупая, она пытается сделать ему еще хуже, чем есть, она как враг. Но ведь не бывает хуже, чем есть. Разве это можно — убивать?..

Леон внезапно понял, и это было как озарение, как ослепительная вспышка. Враг! Точно. Что-то напрочь забытое из дошкольного курса для малышей. Когда-то юные и неразумные люди, спустившись с Великого Нимба, выдумывали себе врага и, сражаясь с ним, сами превращали себя во врагов врага... Кажется, так. Кажется, это было очень давно, когда люди любили неживое. Или нет, я путаю? Наверно, сражаться — значит охотиться друг на друга, как охотился на нас Железный Зверь...

Леон стиснул виски ладонями — звенело в ушах, вопли Хлои мешали думать. Враг. То самое имя. Враг — это тот, с кем надо сражаться, иначе умрешь. Железный Зверь — Враг, значит, и мы ему враги. Или нет? Нельзя принимать скоропалительных решений, надо спросить Хранительницу, обдумать...

Хлоя еще продолжала кричать на мужа, когда в небе над деревней вновь появился детеныш Зверя. Он двигался совершенно бесшумно. На этот раз сверкающий на солнце, словно вычерченный циркулем диск шел гораздо ниже, чем в первый раз, почти цепляя верхушки деревьев, и вынырнул из-за кромки леса совершенно неожиданно. Одно мгновение казалось, что он и теперь пройдет мимо деревни, — но только одно мгновение.

— Так, — крякнул Умнейший. — Дождались. Ну, теперь — ноги в руки...

Первый огненный удар пришелся на грядки зеленого сыра, еще незрелого в это время года. От грядок сразу повалил дым, и видно было, как, стекая к ручью, пузырится сырная масса из лопнувших плодов. Из земли выскакивали землеройки, стояли толстыми столбиками, потом начинали крутиться, вспыхивали, чернели... Неспешно кружась над дымом, детеныш поднялся выше. По всей деревне храбро залая-

ли собаки. Второй сноп пламени упал в ручей, выбив из него свистящий столб пара, и на этом интерес детеныша к огородам и ручью оказался исчерпанным.

— Бегите! — кричал Умнейший. — В лес, в лес!..

Он бежал стариковской трусцой по главной улице, у всех на виду, а наперерез ему и гораздо быстрее, так что короткая тень скользила по земле молнией, мчался по воздуху детеныш Железного Зверя.

Снижаясь, он щедро ронял огонь. В один момент загорелся и начал рушиться дом Хранительницы, за ним гостевой дом, дом пьяницы Кирейна, дом Линдора, еще чей-то...

Кто-то бежал. Те, кто ходил с Линдором на Круглую пустошь, бежали поголовно. Подхватывали детей. Многие, вскочив на ноги при первом огненном ударе, так и остались стоять, растерянно и недоуменно задрав головы, и лишь тогда побежали, закричали, заметались, когда старый Титир, смотревший в небо из-под руки, превратился в пылающий столб.

— В лес, — орал Умнейший, — скорее в лес! Да не в Трескучий...

Вскочив на ноги, Леон топтался на месте. Истошный визг над ухом обозначил очевидное: жена поняла, что надо что-то делать, и сделала то, что умела лучше всего. Детеныш Зверя пронесся над деревней из конца в конец, круто развернулся над лесом и теперь возвращался тем же путем, выжигая то, что не выжег на первом заходе. Горело уже не менее десятка домов, и вспыхивали новые. Иногда клубок огня или ослепительный тонкий шнур настигал человека, но чаще огненный удар приходился в постройки. Загорелся плетень из дрын-травы. От дома Линдора осталась груда бревен, полыхающих веселым пламенем. Филиса! Она там!.. Сбив Хлою с ног, Леон бросился бежать — туда, где горело, по главной улице, через площадь, мимо еще уцелевших домов, мимо чадящих кругов в тех местах, где земля приняла в себя огонь с неба...

Навстречу бежали люди — кричали, падали... Уличная пыль поднималась столбом. Попавшаяся под ноги собака даже не огрызнулась — подвыв, пометалась по улице косматым шаром, ушмыгнула в проулок... Выпучив безумные глаза, увлекаемый вперед колыхающимся животом наперевес, рысил со скоростью сонного слизнивца Брюхоногий Полидевк. Отмахнул на бегу резной костью — в лес, в лес! Далеко впереди,

вторично пересекая путь детеныша, хитрым зигзагом петлял Умнейший — заметив скользнувшую по земле тень, ничком бросился в канаву. Удар! Леон успел отпрыгнуть. Горящее дерево, медленно переворачиваясь в воздухе, рухнуло посреди улицы, окатив фейерверком искр. Кто-то неподалеку кричал нечеловеческим голосом.

Леона сбили с ног. Нет, нет!.. Филиса... Катясь через чье-то неузнаваемое, в тлеющем сари тело, он перехватил у мертвого духовую трубку, искал ощупью стрелки, нашел в пыли только одну... Ему отдавили пальцы, он завыл, как уличный пес, попытался встать; его сбили снова. Сверкающий диск прошел так низко, что стал слышен шелест потревоженного воздуха. Разом упали три новых снопа огня. Вспыхнул сонный лишайник на площади. Леон вскочил, столбенея. Та часть деревни, куда он бежал, исчезла; там не было ничего, кроме пламени и дыма; там не могло остаться ничего живого.

Тогда и он тоже побежал к лесу.

Что происходило дальше, он потом не мог вспомнить, как ни пытался — в памяти разверзся черный провал, — но, наверное, что-то происходило, потому что очнулся он совсем не там, куда бежал. Беглецы, кто уцелел, уже, наверно, успели попрятаться, деревня все-таки оказалась за спиной, а впереди — за ручьем, за Злачной поляной — синел лес, и в лесу жило Спасение...

Детеныш Зверя летел наперерез. Может быть, он устал жечь деревню? Нет, он вернется, чтобы закончить... Он — Враг. Враг, убивший Линдора, убивший Филису...

Сверкающий диск увеличил скорость, легко отрезая путь к лесу.

Задыхаясь, Леон упал на колено на мостике через ручей, прыгающими пальцами проверил, не выпала ли из трубки стрелка. Встряхнув раз и два головой, разогнал муть перед глазами. Он не побежит дальше. Поздно бежать. Он встретит Врага здесь.

Кренясь на вираже, детеныш уронил еще один огненный сноп, и мостик подпрыгнул, вспыхнул и начал разваливаться на горящие бревна. Жаркая волна ударила в лицо.

Уже падая спиной в ручей, Леон выстрелил. Вся сила легких, весь запас воздуха ушли в один-единственный яростный плевок остро отточенной стрелкой, а потом он упал в нестер-

пимо горячую, почти кипящую воду, закричал, забарахтался, сразу перестав понимать, где он, кто он и что ему надо делать, чувствуя только муку, адскую боль в уже обожженной Зверем спине, еще раз боль и ничего, кроме боли...

Его подобрали на берегу, заваленном водорослями и вареной рыбой. Он пришел в сознание и стонал, когда женщины, раздев его догола, мазали с головы до ног целебной мазью. Вся деревня, обступив женщин, смотрела, как его лечат. Осторожно вправили вывихнутую ступню, на распухшую лодыжку наложили лубки. Леон покорно позволял себя переворачивать, облеплять клейкими заживляющими листьями и только молчаливо удивлялся тому, что остался жив. Его внесли в чей-то дом — значит, часть деревни уцелела. Он разлепил губы, чтобы спросить про детеныша Железного Зверя, и со второй попытки спросил.

— Ты его сбил, — почему-то не особенно радуясь, сказал Умнейший, и тут только Леон заметил, что присутствующие смотрят на него благоговейно. — Вот именно, сбил из духовой трубки... Никогда бы не подумал, что такое вообще возможно.

Леон спросил о жертвах. Погибло восемнадцать человек, в том числе полицейский Адонис, Линдор, бабушка Галатея и все те, кто пытался крушить упавшего в лесу детеныша копьями и топорами или просто находился поблизости в тот момент, когда диск взорвался. Больше всех повезло пьянице Кирейну — тот так и проспал весь налет на Злачной поляне. Кое-кого помяли в толчее, сломали несколько ребер, и человек пятьдесят маялись ожогами различной тяжести. Удалось опознать останки Хранительницы и одной из младших хранительниц, да еще не могли разыскать нескольких детей. Больше половины домов уцелело, а от детеныша Зверя осталась одна большая яма и несколько застрявших в поваленных деревьях рваных осколков неизвестного металла. Невероятная новость передавалась из уст в уста: детеныш Железного Зверя оказался не железным!

Закатное солнце, пробиваясь сквозь дым, красило мир багровыми, как драконий зев, пятнами. Сильно пахло горелым. За окном галдела ребятня и слышался хриплый мяв — пасынки снимали с верхушки дерева ошалевшего кота с подпаленной шерстью. Приходили, уходили люди. Одни молчали, другие, напротив, спешили поделиться с Леоном кто своим

горем, кто радостью от того, что в его семье никто не погиб, — как будто Леон стал теперь главным человеком в деревне! Зашла посидеть и произнести несколько необязательных слов и вторая младшая хранительница, ставшая теперь Хранительницей. Понимая, что она уже достаточно взрослая, чтобы отпала нужда выпрашивать Хранительницу в соседней деревне, она была надута сознанием собственной значимости, однако сквозь спесь явственно проступала растерянность.

Временами впадая в забытье, Леон слушал новости. Гонцы, посланные с доброй вестью в соседние деревни, еще не вернулись, а как только вернутся, будет общий сход. Новой Хранительницей срочно заказана песнь об Одолении Врага, и несколько сказителей уже пишут, даже проспавшийся Кирейн. По слухам, как раз у него-то получается лучше, чем у других, даром что он ничего не видел, а может быть, как раз поэтому. Соль-трава на огороде вся пожухла от огня, поэтому не миновать занимать соль у соседей. Начата расчистка горелых руин — к сезону дождей все сожженные дома вновь будут отстроены, и тебе, Леон, обязательно стекло вставим...

Умнейший зашел один раз и больше не появлялся. Хлоя не показывалась, но Леон почему-то и так знал наверняка, что она жива. Спросить о Филисе он боялся.

Она пришла сама, принесла сладких плодов — только-то! — но много ли нужно человеку для счастья? Только чтоб подольше не уходила... Она щебетала милые пустяки, ни словом не упомянув о сгоревшем заживо Линдоре, а Леон молчал. О чем говорить предельно счастливому человеку? Для чего? Чтобы стать еще счастливее? Невозможное невозможно.

Филиса давно ушла, а он еще долго лежал, позабыв про боль от ожогов, а когда заснул, улыбался во сне. Филиса осталась жива, и это ли было не главное?

Наутро зашел Умнейший.

— Собирайся.

— А? Что? Куда?

— В Город.

Леон ничего не понимал.

— Только что кончился общий сход, — терпеливо пояснил Умнейший. — Гонец принес весть: на ту деревню, что к северу от вашей, тоже напал детеныш и сжег дотла. Уцелевшие люди пробираются сюда, к вам.

Леон встрепенулся.

— И правильно! Примем. Я сам... — Он вдруг осекся, сообразив, что вчера так и не спросил, пострадал ли в числе прочих и его дом.

— Помолчи, я еще не все сказал. То, что двумя нападениями дело не кончится, теперь понимает даже глупый. Сколько ты видел детенышей Зверя? Десяток? А если их уже два, три десятка? Вообще, ты уверен, что Железный Зверь всего один? Без помощи со стороны вам не справиться. Без большой помощи. В Городе нужен очевидец, а лучший из очевидцев — ты.

— Очевидец... Сам не знаю, как я его убил.

— Собираешься спорить с общим сходом? — Умнейший странно прищурился. — Я понимаю, с молодой Хранительницей ты еще мог бы поспорить...

— Не собираюсь я спорить! — Леон вздохнул. В ушах все еще стоял голосок Филисы. — А только это как-то...

— Не беспокойся, — буркнул Умнейший, отчего-то не глядя в глаза. — Сбегаем до Города и тотчас обратно, обещаю. Заодно и стекло закажешь стеклодувам, тебе теперь без слов лучшее сделают. Ну как?

Леон слабо улыбнулся.

— Нога... — сказал он виновато, демонстрируя распухшую лодыжку. — До Города я не дойду.

— Тебя понесут!

ГЛАВА 5

Если бы все население планеты ушло «в народ» — это ж сколько народу прибавилось бы!

Приписывается Умнейшему

Лес безграничен, как сам Простор. На Юге он с каждым переходом становится гуще и пышнее, на Севере — если идти много десятков дней подряд — он постепенно редеет, сменяясь то болотами, то неприветливыми скалами, поросшими бородатым мхом. Но даже и там, говорят, длинные пальцы леса далеко вдаются в тундру, некоторые так далеко, что достигают холодного северного океана, который, вообще говоря, мало кто видел. Лесные поляны редки, и если на поляне не стоит деревня или она не облюбована для спортивных состязаний, значит, это никуда не годная поляна — либо чересчур мало воды, либо чересчур много травы-колючки и сонного

линайника. В среднем от одной деревни до другой день пути лесными тропами, а бывает и два, и три.

Тропы, а на оживленных путях и дороги, тоже проложены не напрямик, а так, как когда-то прошел по ним первый человек, то есть применяясь к складкам местности и густоте леса, иной раз и попросту блуждая. Опытный охотник всегда знает, где нужно свернуть с тропы, чтобы спрямить путь через неудобье. Иногда так возникают новые тропы.

Многие близко расположенные деревни поддерживают друг с другом экстренную связь непосредственно через шептунов; другие используют для доставки сообщений выдрессированных и зашептанных летяг; для дальней эстафетной связи годится и то и другое. Но если человек желает отправиться хотя бы в недалекое путешествие, ему не помогут ни шептуны, ни летяги, ни вполне их заменяющие птицы-свиньи, ни даже приручаемые кое-где с переменным успехом совиные страусы.

Городов на всем Просторе, как рассказывают Хранительницы, насчитывается не более двух десятков, из городов в деревни текут тоненькие ручейки самых необходимых неживых вещей. Кое-что из самого легкого можно было бы отправлять с почтовыми летягами, если бы те, не пугаясь притороченного к спине неживого, поддавались зашептыванию. Но дело обстоит как раз наоборот.

Отсюда ясно, что житель Простора должен уметь ходить.

Шестеро мускулистых гонцов — парней быстроногих, славных, но, по мнению Умнейшего, немного туповатых — скорым шагом несли плетеные полусидячие носилки. Семь с половиной переходов до Города рассчитывали покрыть за три дня. Не будь на плечах носилок с обезножевшим Леоном, парни добежали бы и за два. Самые лучшие гонцы, способнейшие из способных, о каких слагают песни и саги, неся сообщение исключительной важности, отмахивают за сутки до восьми-девяти переходов, — правда, потом валятся без сил, а некоторых приходится серьезно лечить. Древняя быль рассказывает о великом гонце Хэрее, многомощном бегуне, без отдыха и пищи пробежавшем от океана до кратера Голи Покатой и обратно. Наверное, быль врет, как те старики, что уверяют, будто в пору их молодости и драконы были жирнее, и Тихая Радость слаще. И кому это понадобилось посылать

гонца на Голь Покатую — неясно. Там и яйцееды-то не живут...

Первую ночь провели в гостевом доме маленькой деревушки, вторую — в лесу, на тропе. Над головами шуршали ночные животные, скрипели ветви, и где-то неподалеку, взревывая во сне, ворочался в берлоге лесной дракон. Спать почти не пришлось — Умнейший поднял задолго до света. Опытный охотник или гонец не собьется с пути и ночью, если на небе нет облаков и вместе с Великим Нимбом светит хотя бы одна луна.

Леона укачивало. Подстилка из трав сбивалась, и тогда от тряски саднила обожженная спина. Но хуже всего, отчего мутило сильнее, чем от мерного покачивания носилок, была хвалебная песнь Кирейна, засевшая в памяти крепче травы-колючки:

Верен глаз — и целит он
Во Врага, стрелок Леон...

Не понравилось одной только Хлое, зато Филиса била в ладоши, и Умнейший совершенно неожиданно одобрил громче всех, а новой Хранительнице Нимб просто послал Умнейшего в подарок — было на кого оглядываться. По случаю получения венка победителя пьянчуга держался на ногах сравнительно прямо.

И стрела, как песнь летя,
Поражает не шутя...

Временами Леон засыпал, как проваливался в мутное Ничто, но кошмары преследовали и там.

Не скукожит его страх,
Коль оружие в руках...

Умнейший, отставая, догонял на привалах. Отмахиваясь от доброхотных советов, ругался и гнал вперед: быстрее! быстрее! Отдых? В Городе будет отдых, там же и накормят. Диета не вредна. Вот вам сладкие грибы, рвите и жуйте, только двигайтесь!.. Старик умел ходить.

На третий день он уже почти не отставал от уставших гонцов. В этот день Леон попробовал идти сам. Получалось медленнее, чем в носилках, но все же получалось. Опухоль на ноге заметно спала.

Умнейший, казалось, был погружен в свои мысли. Однако, поймав его взгляд, Леон понял, что старик исподтишка к

нему приглядывается. Это удивило. Но когда Умнейший ни с того ни с сего не попросил — потребовал от него рассказать о родственниках, Леон несколько шагов проковылял с разинутым ртом.

— Зачем? — от изумления он допустил бестактность.

— Не твое дело.

Леон пожал плечами — Умнейшему виднее.

— Мама давно умерла, — сказал он. — Отца совсем не помню, я еще грудной был. Его на охоте фисташковым орехом убило. Вот такой орех упал. — Леон показал руками, какой упал орех. — Брат еще был, старший, но он умер в прошлом году. Вот и все.

— Значит, сирота? — понимающе покивал Умнейший. — Ну, жену твою я видел. Близких родственников больше нет?

— Только дальние.

— Совсем хорошо...

— Что же тут хорошего? — удивился Леон.

— Любопытен больно, — пробурчал старик. — А ну, хватит ковылять. Полезай обратно, ты мне с ногами нужен, да и гонцы застоялись. М-мм... — замычал он и сел в придорожную траву, массируя икру со скрученными узлами вен. — Что ты будешь делать, опять свело... Не стоять! — внезапно закричал он на гонцов. — Меня не ждите, догоню. Бегом! Завтра к рассвету будем в Городе.

— О, гляди, — сказал Леон, боком заползая в носилки, и указал пальцем на развесистую крону дикого свеклобаба, — семилапая белка. Видишь? Вон, вон прыгнула.

— Ну и что?

— Как что? Примета. Восьмилапых сколько угодно бегает, а встретить семилапую — к удаче.

— Может, еще и к счастью? — хмыкнул Умнейший.

— И к счастью. Да.

— Ты так думаешь? — спросил старик и больше ничего не сказал до самого Города.

* * *

Экстренный вызов по моему каналу, столь громкий, что брат начинает ворочаться во сне, и ворочаюсь я. Оглушительно рявкаю в ответ. «Основа Основ» много на себя берет; в бездеятельном дрейфе дисциплина любого корабля катится по

наклонной плоскости, и если его распустить, он начинает мнить экипаж всего лишь своим придатком. Иной раз приходится им помыкать, чтобы поставить на место.

Что там у него?

Ага! Сообщение с поверхности, и как раз тогда, когда Нбонг спит. Брат немножко ревнует меня к общему делу.

Переживет.

Что там?

Слушаю. Корабль докладывает. Нет, на этот раз ничего особенного. Девятый счел необходимым сообщить о потере одного зауряд-очистителя, всего-то. По-видимому, зауряд самоликвидировался, получив случайное повреждение. Такое случается, хотя и не часто.

Сообщение принято к сведению, корабль отчитан за суетливость. Рутина. Очистка идет штатно — а чего еще ждать от спокойной планеты? Неопытные чистильщики, очистив один-два мира, почему-то воображают, будто чем меньше неприятностей проявляется в начале работы, тем больше скверных сюрпризов планета припасает к финалу. И лишь после десятой планеты начинают, избавляясь от суеверий, понимать, что это утверждение ни на чем не основано. Если работа у автоном-очистителей пошла, с текущими проблемами они справятся сами.

Жаль, уже не удастся установить, кто сумел попортить заявочный буй — сиринги йцы, хлябники или кто-либо еще из слаборазвитых, случайно уцелевших во время Всеобщей Войны? Может быть, индифилы или глуздяне? Пожалуй, с очисткой такого вот жалкого мира кое-как справятся даже они. Настоящему работнику тут делать нечего — сущий примитив. Позволь инструкция — и после начала собственно очистки можно было бы со спокойной совестью лечь на обратный курс.

Но нет. Не позволяет. «Основе Основ» предстоит еще долго наматывать витки вокруг этой планеты.

Чувство не чувство — а что-то такое есть, что заставляет насторожиться. Будто кто-то кричит снизу, хотя уже установлено, что телепатическая активность исследованных биологических образцов близка к нулю настолько, что фактически нулем и является. Профессиональное заболевание — мнительность.

Можно спать? Можно.

У брата нелады с пищеварением: бурчит в кишках над самым ухом, мешает. Все равно — сплю.

* * *

Город Леона не удивил — ему уже приходилось здесь бывать. Та же деревня, только большая, а вместо ручья — река. Огородов мало, и жители занимаются ремеслами, когда хотят, а когда не хотят — не занимаются. Пищи в окрестных лесах хватит на десять таких Городов. Жители близлежащих деревень делятся с горожанами лесными фруктами, рыбой, копченым драконьим мясом, зато и получают первыми ткани, украшения, ножи, полированные духовые трубки, стреляющие на двадцать шагов дальше обычных, и многое другое. Хорошо устроились.

Встретили путников как подобает и сразу же отвели в гостевой дом на площади Четверонога. Никому не нужно селение, где гостей встречают абы как, путник обойдет его стороной, и прозябать таким людям в отторжении, пока не одумаются. Пожалуй, лишь по малой разговорчивости двух присланных для услуг девушек можно было догадаться о том, что происходит неладное. И еще: постели для уставших с дороги были готовы мгновенно, зато пищу и Тихую Радость пришлось ждать дольше, чем того требовали правила гостеприимства. Совсем чуть-чуть, но дольше.

— Здесь меня не очень-то жалуют, — буркнул Умнейший в ответ на недоумение Леона. — Что поделаешь, не вовремя меня занесло в ваши края. Однако попытаемся...

Поесть все же принесли.

Утоляя голод вареной с травами рыбой и лесными фруктами, Леон исподтишка приглядывался к Умнейшему. Странен старик, ох и странен... И прежде был непонятен и темен, а теперь и вовсе неясно, чего от него можно ждать. Прежде, если послушать стариков, он никогда не отказывался помочь людям мудростью, чем и снискал уважение — а в деревне, где ночевали третьего дня, не захотел и слушать, когда к нему обратились с просьбой рассудить пустяковое дело. Конечно, сейчас такие дела, что не до пустяков, — но людей-то зачем зря обижать? Вот и в Городе, наверно, учудил что-нибудь в том же роде, иначе не косились бы... Леон шумно вздохнул. Одна из девушек, чем-то неуловимо напомнившая Филису, едва заметно улыбнулась. Ладно и так. Спутники нежеланного гостя за него не в ответе.

Насытившись, утомленные гонцы немедленно повалились спать, поднять их на ноги смогло бы разве что появление над

Городом Железного Зверя или, на худой конец, его детеныша. Умнейший ничего не сказал, однако когда Леон, не выспавшийся в тряских носилках, собрался последовать их примеру, старик запротестовал самым решительным образом, а молчаливым девушкам, начавшим было прибирать со стола, заявил с вызывающей грубостью, что желает тотчас же видеть окружную Хранительницу, и пусть ее уведомят немедля — одна нога здесь, другая там, живо!..

Фыркнув от возмущения, девушки с достоинством удалились, чуть покачивая формами. Умнейший посверкал глазами и бросил вслед:

— Плюшки, свеклобабы!

Леон смолчал, хотя у него было иное мнение об этих девушках. Что ж, общаться с Умнейшим и ничему не удивляться — такого не бывает, пока не надоест удивляться. И не краснеть рядом с ним невозможно. Странней его странностей не сыщешь на всем Просторе.

— Ходить можешь? — спросил старик. — А ну-ка встань. — Леон встал. — Пройдись-ка... Ага, можешь. Сейчас пойдешь со мной, ты мне нужен. Познакомишься, кстати, со здешней Хранительницей, она женщина своеобразная...

— Зачем? — спросил Леон.

— Ты уже забыл, для чего тебя послали в Город?

— Не забыл.

— Вот и хорошо, что помнишь, — в глазах старика мелькнул затаенный огонек и погас. — Когда понадобится забыть, я тебе скажу.

Молчаливые девушки не вернулись — вместо них хмурая женщина предпоследней молодости, по виду — одна из младших хранительниц, принесла ответ: Хранительница согласна встретиться с Умнейшим и будет беседовать с ним на площади Четверонога.

Несомненно, весть о разорении деревни и уничтожении одного детеныша уже успела достичь Города и служила темой для споров. На Леона обращали внимание, а Умнейшего знали и так. Никто, впрочем, не подошел к путникам и не завел разговора — то ли из вежливости, то ли из-за Умнейшего. Вот послушать, о чем с ним будет говорить Хранительница — другое дело.

Народу на площади мало-помалу прибывало. У Леона за-

ныла ступня — пришлось перенести тяжесть тела на здоровую ногу.

— Заставляет себя ждать, — проворчал Умнейший.

Пока ждали, Леон рассматривал Четвероногa. Грандиозное сооружение, похожее на огромный табурет, накрывало собой всю площадь, вчетверо большую, чем деревенская. Наверх вел трап из связанных между собой приставных лестниц, а с другой стороны верхней площадки, провисая посередине, спускался на землю длинный, свитый из лиан желоб с вплетенными пучками скользкой травы, и городская детвора с радостным визгом скатывалась по желобу сверху вниз. Четыре громадные, сужающиеся книзу лапы глубоко вдавились в грунт по краям площади, а насколько глубоко — то человеку знать не дано, да и не надо.

Только сейчас Леон понял, что металл лап не был железом. Осенила догадка: наверно, Четвероног — родственник Железного Зверя, чьи детеныши оказались не железными, — только родственник дальний, мирный, а скорее всего просто мертвый скелет. Оно и понятно: попробуй остаться жив, когда тебя так приложило о площадь...

— Говорят, Четвероног упал на Простор с Великого Нимба, — сказал Леон.

Старик кивнул:

— В каком-то смысле так и есть.

— Тогда люди любили неживое, — похвастался знаниями Леон. — Я еще слышал, что не все успели отбежать, когда он падал.

— Плюнь в глаза тому, кто тебе это сказал, — проворчал Умнейший.

Леон заморгал.

— Как — в глаза? Прямо слюной?

Старик тяжко вздохнул:

— Ладно, замнем. Не обращай внимания. Это просто фигура речи.

— А-а, — сказал Леон. — Тогда ладно. Это я к тому, что нельзя такое вслух говорить. И думать нельзя. Уж лучше в гостевом доме на пол помочиться, чем — в глаза...

— Да знаю я, отстань.

Окружной Хранительницей оказалась статная пожилая женщина в простом сари. Лицо ее, когда-то, вероятно, изумительно красивое, было точно каменное.

При появлении Хранительницы все стихло.

— Здравствуй, Кларисса, — сказал Умнейший. — Давно мы с тобой не виделись.

По данному Хранительницей знаку вокруг нее, Умнейшего и Леона образовалось пустое пространство радиусом в три десятка шагов. Горожане волной подались назад, гася вздохи разочарования. Хранительнице, и только ей, решать, какое знание тайное, а какое — обыденное и обсуждаемое.

— Здравствуй и ты, Зигмунд. Не виделись давно, это верно. Что до меня, то я бы предпочла никогда больше тебя не видеть. Да и ты, я думаю, тоже. Наверное, у тебя была веская причина сюда явиться. Что за человека ты привел с собой?

Леон смущенно переминался с ноги на ногу.

— Это тот самый охотник, который убил детеныша Железного Зверя. Думаю, подробности тебе уже известны.

Хранительница слегка наклонила голову.

— Известны. Я спрашиваю тебя, Зигмунд, зачем ты привел с собой этого молодого охотника?

— Что с того, что привел? — забормотал Умнейший. — Правильно сделал, что привел. Стреляли многие, а попал в цель он один.

— Раз он такой меткий стрелок, ему лучше находиться в своей деревне.

Умнейший энергично затряс головой.

— Как я только что услышал, в этих краях сожжено уже два селения...

— Три, — бесстрастно поправила Хранительница. — Эйя, Мирта и Кифа. Эстафета работает исправно. Шептуны шепчут, гонцы бегают, почтовые летяги летают, Простор стоит.

— А деревни горят, — съязвил Умнейший. — Какая следующая? Может быть, твоя родная деревня, Кларисса? Прости старика, но я не верю, что тебе не хочется помешать ее сожжению. Мне просто любопытно, как ты собираешься это сделать.

— Нимб решает, радость послать нам или горе. Я не была бы Хранительницей, если бы заботилась только об одной деревне в ущерб остальным. Но я не верю ушам... ты собираешься предложить мне помощь?

— Неужели ты в этом сомневаешься?

— Значит, ты привел сюда этого юнца для того, чтобы он

научил наших охотников убивать детенышей Железных Зверей?

— Вот именно.

Казалось невозможным, чтобы каменное лицо Хранительницы ожило хотя бы на мгновение. Но все же брови ее изломились, и, наметив саркастическую усмешку, чуть покривились бескровные губы.

— Даже когда ты не лгал, ты никогда не говорил всей правды, Зигмунд. Теперь тебе могут поверить только такие несмышленыши, как этот... — Хранительница кивком указала на Леона. — Тебе от меня что-то понадобилось, ты это знаешь, и я это знаю. Так понадобилось, что ты явился сюда сам и даже, как я замечаю, готов унизиться, чтобы получить желаемое. Лучше уж тебе сразу сказать, чего просишь.

— И ты дашь? — живо спросил Умнейший.

— Откуда я знаю? Нимб знает, а я только старая и никому не нужная женщина. Может быть, и дам, чтобы ты скорее ушел. Проси.

— Столица, — сказал Умнейший.

Хранительница хрипло рассмеялась:

— И только? Указать путь в Столицу — и все? Странно, что ты не спросил о пути на Великий Нимб.

— Пожалуйста, — попросил Умнейший.

— Посмотри на своего юнца, — сказала Хранительница. — Он не верит своим ушам. А я верю, потому что хорошо знаю, на что ты способен. Тайные знания касаются только Хранительниц, и даже среди них эта тайна доверена не всем, а ты всего лишь бродяга, медленно выживающий из ума. Я говорю тебе: нет, Зигмунд. Нет и нет.

— Не забывай, кто тебе помог стать Хранительницей...

— Пустое... Ты даже не спросил меня тогда, хочу ли я этого. Просто откупился. Впрочем, это дело давнее, а я могу только то, что могу. Нет, Зигмунд. Уходи.

Леон стоял с разинутым ртом, боясь пропустить хотя бы слово, и не удивлялся лишь потому, что слишком отупел, чтобы удивляться. Путь в Столицу? Хранительница права: лучше уж сразу на Великий Нимб или еще дальше. Столица — это запретное. Любой ребенок знает окончание Были о Сошествии: есть на Просторе такое место, где после давних войн хранится неживое Зло, которое убивает, и люди ушли оттуда навсегда, забыв дорогу назад. Вполне вероятно — легенда, а насчет

того, что среди неживого покоится-де до срока непобедимый меч Синклиналь — сказка наверняка. Неизвестно, существует ли Столица вообще, а если существует, то живет ли там кто-нибудь. Да и кто захочет там жить? Никто не знает пути в Столицу, и не нужно его знать. Нет таких слов, чтобы заставили Хранительниц выдать тайное знание, а Умнейший отчего-то надеется... Страшное дело задумал: отбиться от Железного Зверя древним Злом. Хитрит он сейчас или ломится напрямик?

— А тебе идет быть непреклонной, — заметил Умнейший. — Знаешь, когда-то я очень жалел, что ты не мужчина, — вдвоем с тобой мы бы горы свернули. Я и сейчас жалею.

— Тогда бы ты пришел сразу ко мне? — спросила Хранительница, скользнув безразличным взглядом по Леону. — И один?

— Допустим.

— Каждый раз, когда ты приходил, ты всегда приносил только несчастье. И давным-давно, когда ты еще не знал обычаев и вел себя как дикарь, и потом, когда ты не хотел их знать, — всегда одно и то же. Чего ты еще хочешь? Твой сын умер во мне, и я родила мертвого, твоя дочь — деревенская Хранительница где-то далеко на Юге, и даже я не знаю — где. Может быть, тебе это известно?

— Нет.

— Жаль, что ты не врешь на этот раз. Я же чувствую, когда ты обманываешь, а ты делаешь это чаще, чем сам замечаешь. Тебя следовало бы назвать не Умнейшим, а Хитрейшим. Не могу себе простить, что я любила тебя когда-то... — По лицу Хранительницы пошли красные пятна. — Думаешь, я не понимаю, зачем ты тащишь с собой этого мальчишку? Думаешь, не догадываюсь, что ты на этот раз затеял? Во-первых, у тебя все равно ничего не выйдет...

— А если выйдет? — перебил Умнейший.

— Ты сам знаешь, насколько ничтожен шанс. И цену попытки ты тоже знаешь.

— Мы все умрем, — сказал Умнейший. — Я, ты, наша дочь... Город будет уничтожен не позднее, чем через тридцать дней, а следом за ним — весь Простор. Я просто обязан попытаться.

— Ты хочешь спасти людей, — медленно сказала Хранительница, и Леон понял, что она уже приняла решение. — А для этого тебе придется их изменить. Гнуть силой и убеж-

дать тоже силой, не разумом. Ломать тех, кто не согнется так, как тебе нужно. Убить все, чем мы живем. Наш Простор — не только люди, Зигмунд, Простор — это вся наша жизнь, наши обычаи. Скажи мне: чего стоят люди без обычаев? Они хуже дикарей, хуже тебя...

— А чего стоят обычаи без людей? Об обычаях позаботишься ты.

Хранительница снова рассмеялась:

— А ты мне поможешь, да? Или вот он?

— Это не смешно... Кстати, мешок, который я у тебя оставил, все еще цел?

— Можешь прийти и забрать в любое время.

— Ты нам покажешь дорогу в Столицу?

— Нет.

— Кларисса, — кротко сказал Умнейший, — я прошу тебя. Ты же умная женщина, ты всегда была умной. Забудем, что было. Мы оба понимаем, что иного пути нет. Помоги нам.

Хранительница покачала головой:

— Ты с самого начала знал, что я тебе откажу. И все же надеялся. Ты не умеешь быть честным даже сам с собой... Прощай, Зигмунд. Больше нам не о чем говорить.

Она пошла прямо на них, и перед ней невозможно было не расступиться. Прямая, статная, с жесткими складками у рта, вся от головы до пят — воплощенная каменная воля, она прошествовала между разошедшимися на шаг Леоном и Умнейшим, больше не взглянув на них. Толпа загомонила. Стайка младших хранительниц засеменила за Клариссой и, нагнав, пристроилась в шлейф.

— Твердокаменная, — пробормотал Умнейший. — Всегда была умной стервой, и даже когда любила меня, одно другому не мешало, драконий хвост!.. А ты рот закрой! — набросился он на Леона. — Чего смотришь — семейных сцен не видел? Как вы вообще это терпите — матриархат же, и самый поганый... А? Молчишь?

— Молчу.

— Ну и молчи.

— Не любят нас здесь, — сказал Леон.

Созвать, если необходимо, общий сход — нерушимое право каждого взрослого жителя селения, женщина ли то, мужчина ли, беспомощный ли старец. В маленьких деревнях об-

щие сходы редки и случаются чаще всего по пустякам. Их и сходами-то не назовешь — все люди и без того на виду. В больших селениях или городах неопытным Хранительницам иногда приходится сзывать сходы по два раза на дню — больше людей, больше и проблем. Дело разумной Хранительницы, желающей надолго остаться на своем посту, — устроить так, чтобы разрешение мелких вопросов не требовало от всех и каждого чуть что бросать дела и сломя голову лететь на площадь.

На удары колотушки в подвешенный к опоре Четверонога железный таз первыми истово отозвались собаки — разномастные лохмачи, сбежавшиеся невесть откуда, встретили трезвон приличествующим случаю лаем: привычное, но как-никак развлечение.

Леон так и не понял, почему Умнейший не созвал сход сразу, а ждал до вечера. Велев отдыхать, сам тут же ушел, не передохнув и получаса, а где был и что делал — не сказал, но вернулся не слишком довольный. Опять же: придирчиво осмотрев Леона, велел вымыть лицо и переодеться в короткую тунику, чтобы были хорошо видны ожоги, а для чего — умолчал. На внешний вид гонцов не обратил никакого внимания, но велел быть непременно. Приставать с расспросами Леон постеснялся.

Бум! Бумм-м! — гудел раскачивающийся таз.

— Сход! Сход!..

Закатное солнце отбрасывало тень Четверонога на крыши домов и дальше — на лес. За собаками, сразу вытеснив лохмачей на второй план, вприпрыжку явились дети, за детьми — взрослые. Степенно шествовали старики. Посередине площади, где стоял Умнейший, а позади него Леон и полусонные гонцы, образовался пустой круг — для тех, кому говорить. Вот как у них заведено... А и знатное же селение этот Город — человек с тысячу, если не больше, и в окрестных лесах, наверно, на день пути вокруг непуганого дракона не сыщешь...

И нравится же кому-то жить в этакой тесноте!

Значит, нравится. Давно бы разошлись по деревням, будь иначе.

Хранительница выступила вперед. На ее лице Леон ясно читал признаки обеспокоенности. Воля Хранительницы высока, но воля общего схода много выше. Так было, так будет.

По знаку Клариссы наступила тишина, только попискивал где-то в задних рядах грудной младенец на руках у матери.

Леон напрягся. Чужак, хоть он и Умнейший, не имеет права созывать сход. Он может сделать это только от имени кого-то из жителей Города, но то ли Умнейший не нашел добровольцев, то ли умышленно пренебрег обычаем. Интересно — подумалось, — верно ли сказано, что Кларисса умна? Если не очень — постарается прикрыть сход, пока он не начался...

Пауза не затянулась.

— Мы рады выслушать Умнейшего, — хрипловато произнесла Хранительница и подняла вверх руку.

Умна, подумал Леон.

Выкрики хором дробились под Четвероногом в сложное эхо:

— Мы рады выслушать Умнейшего, — разом от многочисленных женщин, девушек, матерей, вдов и старух.

— Мы рады выслушать Умнейшего, — от ремесленников-мужчин, сбившихся в единую плотную массу.

— Мы рады выслушать Умнейшего, — от отдельной группы охотников, малочисленных в городе.

— Рады... рады... рады... — вразнобой, от представителей еще менее распространенных родов занятий.

— Рады! — хоровым дискантом от кучки мальчишек.

На них шикнули.

Не очень-то они рады, отметил про себя Леон. Мужчины еще так-сяк, а женщины, сразу видно, пойдут за Хранительницей как одна, и та уже поняла: сход ей не страшен... Какую такую память оставил по себе Умнейший? Впрочем, ясно какую, но только ли в Клариссе дело? Чего он хочет теперь — неужели и впрямь надеется уговорить? Любой другой на его месте не только не отважился бы собрать сход — не сумел бы заставить себя и показаться-то в Городе до самой смерти, давал бы кругаля в три перехода, чтобы только не смотреть людям в глаза... Вряд ли что путное у него получится. С другой стороны — видел ли кто, чтобы Умнейший сначала действовал, а потом думал?

— Говори, Умнейший!

Старик помолчал, дожидаясь тишины. Леон напрягся, весь обратившись в слух. Гул тысячной толпы мало-помалу стих. Где-то на краю площади взвизгнула собака, на которую, как видно, наступили. Кто-то в сердцах помянул драконий хвост.

— Я взял на себя смелость собрать вас, — начал старик не повышая голоса, настолько глубокого, что он наполнял рас-

катами всю площадь, — чтобы рассказать вам о том, зачем я здесь, где меня мало кто ждет. Я пришел в Город, чтобы помочь вам, и хочу, чтобы вы это знали. И еще я пришел потому, что жду помощи от вас...

По толпе побежал легкий шум и затих в задних рядах.

— Каждый из вас уже слышал о Железном Звере, или не так? О сожженных деревнях и погибших людях вы тоже уже знаете. О чудом уцелевших людях, ищущих себе приют. Может быть, некоторым из вас известно и то, что я безуспешно отговаривал охотников от немедленного и бессмысленного нападения на Железного Зверя. Я сделал это потому, что пытался сберечь их жизни для борьбы, которая только начинается... Меня называют Умнейшим... — Старик усмехнулся. — Так это на самом деле или не так — не знаю. Притом теперь это не имеет ни малейшего значения. Знаю одно: сейчас из всех вас один я понимаю, с чем мы столкнулись. Даже те, кто уже видел Железного Зверя и пострадал от него, этого еще не поняли, и вовсе не потому, что они глупы, а я умен, а просто-напросто потому, что прецедентов нынешней ситуации не бывало за всю историю Простора. Можете спросить Хранительницу, можете перебрать по бумажке каждый заплесневелый документ забытых времен — нет, не бывало! Никто уже не помнит, чтобы один человек нападал на другого, за исключением редчайших клинических случаев; никто не может представить себе, чтобы кому-нибудь вдруг понадобилось на кого-то напасть. Забыта мотивация агрессии. Ведь места на Просторе хватит на всех, верно? — Под одобрительный шум и качание головами старик перевел дух. — Теперь слушайте, чего вы еще не поняли. Первое. Рассеянные по Простору автономочистители, прозванные здесь Железными Зверями, подчиняются воле своих хозяев, воле чужой и сознательной. Это полезно запомнить всем и каждому. Второе. Воля эта направлена против людей так же, как и против всего живого на Просторе. Третье. Воля эта непреклонна и не имеет ничего общего с силами живой природы. Против нее бесполезны шептуны, даже самые сильные. Я спрашиваю вас: удавалось ли кому-нибудь уговорами остановить на полдороге морскую волну или катящийся с горы камень? У Железных Зверей нет чувств, нет совести. У них есть только их работа, и они не остановятся, пока не выполнят ее до конца...

Леон слушал с раскрытым ртом. Так вот каков Умней-

ший — не пожелал лишний раз тратить слова, объясняя лично ему, Леону, глубинную суть трагедии. Но с какой стати он стал бы объяснять? Кто такой Леон? Обыкновенный стрелок из заурядной деревни, таких, как он, пруд пруди...

Старик прав, прав от начала и до конца. Неживое Зло в Столице? А Железные Звери — не зло? Надо еще разобраться, какой вред вреднее: от них или от похороненного в забытом месте неживого. На что-то подобное Кларисса намекала: будто бы гибель всего живого еще не самое худшее, что можно себе представить. Что же хуже? Леон не мог понять. А не ошибается ли Кларисса? Ничего удивительного: всякий знает, что у старых Хранительниц любой случайный загиб в голове окаменевает тверже кость-дерева.

— С ними нельзя договориться, — говорил Умнейший, и люди в толпе забыли дышать, боясь упустить хоть слово. — Они всего лишь машины, живые разумные вещи, служащие своим хозяевам. Причем прекрасно защищенные — уничтожить хотя бы один автоном-очиститель предельно трудно, если не вовсе невозможно. И тем не менее это необходимо сделать, если мы хотим договориться с их хозяевами. Поверьте, я знаю, о чем говорю: единственный способ обратить на себя внимание хозяев Железных Зверей — уничтожить хотя бы одного Зверя!

Гул пронесся по толпе и стих.

— Посмотрите на этих людей, — продолжал Умнейший, указывая на Леона и гонцов. — Всего пять дней назад они участвовали в бою с Железным Зверем. Тогда погибло много охотников, много детей остались сиротами. Три дня назад Железный Зверь послал детеныша, чтобы стереть с Простора их деревню, и один из этих людей, молодой охотник, а зовут его Леон, показал себя великим стрелком, убив детеныша точным выстрелом. Однако при этом погибло много людей, слишком много, и деревня выгорела на три четверти. — Леон отметил про себя, что Умнейший слегка преувеличил. — Не слишком ли высока цена? У Зверя не один детеныш, эти люди видели, как он их плодит...

Леон чувствовал, как по его спине бежит струйка пота. Он ждал. Голос старика возвысился до пафоса. Сейчас должно было прозвучать то, ради чего собрались на площади эти люди. Вот сейчас...

— Что же дальше? — гремел Умнейший. — Я вам скажу,

что будет дальше. Для вас, для меня — уже ничего не будет, потому что тем, кого не существует, ничего не нужно. Но этого ли хотите вы для своих детей? После деревень неизбежно придет очередь Города и всего Простора, это я, Умнейший, вам говорю. И я же хочу указать вам путь, который, может быть, не знаю, приведет к спасению. Если что-то в нашем мире вообще годится на то, чтобы помочь выжить многим из вас, то это только один путь...

Короткая пауза. Люди в толпе забыли дышать.

— Путь в Столицу, — выдохнул Умнейший.

Толпа всколыхнулась единым вздохом. Путь в Столицу? Да видано ли? Умнейший, конечно, зрит дальше, тут спору нет, а только не слишком ли он увлекся? Ишь — неживое Зло ему потребно. Зачем, спрашивается? Сначала злоискателю Синклиналь подай, а потом...

— Путь в Столицу! — повторил Умнейший. — И сегодня, сейчас. Уже сегодня может быть поздно.

В толпе произошло движение. Вперед выступил краснолицый бородатый мужчина в прожженной рабочей тунике и с налобной повязкой, удерживающей волосы от падения на лицо, как водится у ремесленников.

— Я Аконтий, кузнец, — начал он. — Я так считаю: беглецов из сгоревших деревень мы, конечно, примем. Верно говорю? — обратился он к сходу. Толпа одобрительно зашумела. — Как не принять, говорю. Потеснимся, пристроим сирот, то да се... это уж как у нас водится. Но показать путь в Столицу мы не вправе, да мы его и не знаем. Это дело Хранительницы — разрешить или нет опасное дело, и решать ей, я так считаю. Верно? — Вновь раздался одобрительный гул. — А как она решит, так тому и быть накрепко. Все мы тебя знаем, — Аконтий поперхал и взял тоном выше. — Ты — Умнейший, и мы тебя уважаем, несмотря на... неважно на что. Ты мудр, но ты много на себя берешь, я говорю. Выпустишь из Столицы неживое Зло — как потом загонишь его обратно? Я вот кузнец, сам вожусь с неживым, и то меня от твоих слов потом пробило. И вот еще что я хочу сказать, самое главное: Железный Зверь от Города далеко. Плохо, что он поселился там, где жили люди, однако люди уйдут, и больше он нас не тронет, верно я говорю? А если и тронет — разве мы не сможем с ним договориться? Деревенские не сумели, а мы сумеем, верно говорю? И шептуны наши лучше, и морочники у нас есть... А не

договоримся — разве у нас нет стрелков? Найдутся стрелки, я говорю. Пусть великий стрелок Леон передаст им свое искусство, и тогда нам не будет страшен ни Железный Зверь, ни его детеныши, верно я говорю? — Аконтий остановился, чтобы перевести дыхание. — Я так считаю: просить Леона остаться в Городе и дать ему в обучение молодых стрелков, пусть поучит. А тебя, Умнейший, — ремесленник чуть наклонил голову, — мы хоть и чтим и слова твои слушаем, но пути в Столицу ты у схода не спрашивай, верно я говорю?

От одобрительных возгласов загудели опоры Четверонога.

— Нет! — крикнул Леон.

— Молчи, — сквозь зубы цыкнул Умнейший. — Хуже сделаешь.

Позади Леона гонцы переминались с ноги на ногу в большом недоумении: для какой надобности их заставили торчать тут битый час?

Хранительница, подняв вверх руку, выждала тишины.

— Хочешь ли ты еще что-нибудь сказать, Умнейший?

Старик взглянул на нее исподлобья и медленно поводил головой из стороны в сторону. Он подчинялся.

Во взгляде Хранительницы светилось торжество.

— Аконтий сказал. Таково и мое мнение. Что решите, люди? Быть по сему?

Одобрительный гул.

— Говорят, что когда-то очень давно и не здесь был занятный обычай, — пробормотал Умнейший, повернувшись к Леону. — Каждый умник, явившийся на сход с предложением изменить заведенный порядок, должен был иметь веревку на шее. Чтобы, значит, быстро и без накладных расходов удавить умника, если его предложение не будет принято. Хорошо, что здесь до этого еще не додумались.

В толпе, запрудившей площадь, образовались течения и прорехи. Судача, расходились люди — по домам, по привычным делам, которым не меняться еще тысячу лет, если подгадит Нимб, а если не подгадит — то никогда. К Умнейшему никто не подошел — зачем усугублять огорчение старика бесполезными потугами утешения? Одна Хранительница посчитала нужным походя бросить несколько слов:

— Не ждал отказа? Что ты теперь придумаешь, Зигмунд?

Умнейший не ответил и выглядел удрученным. Вздернув подбородок, прошла мимо Кларисса, бывшая любовь. Ушли

и гонцы. На площади остались лишь несколько возбужденных многолюдством собак, но и они, побегав и полаяв, вскоре мирно улеглись в тени Четверонога.

— Плохи дела, — проговорил Леон, маясь. — Они так ничего и не поняли. Никто из них не видел Железного Зверя...

Старик неожиданно подмигнул ему.

— Бенефис прошел нормально, только этого мне и надо было. А на остальное я, по правде сказать, не рассчитывал... вот так, сразу. Не нужно давить недозрелый прыщ — это больно и бесполезно... — Короткий дребезжащий смешок неприятно резанул Леона по уху. — Подождем, глядишь, что-нибудь и придумаем. Жаль, времени нам не отпущено — долго думать.

— Не знал, что тебя зовут Зигмунд, — сказал Леон. — Вообще не знал, что существует такое имя.

В нескольких шагах от них десятка полтора стрелков (среди них, по настоянию Умнейшего, и гонцы, доставившие Леона в Город), стоя в ряд у проведенной на земле черты, под неотступными взглядами кучки восхищенных мальчишек который час упражнялись в стрельбе по мишеням. С шумом выдыхали, тараща выпученные глаза на багровых лицах. Тонко свистели оперенные стрелки. Мишени, вырезанные из свежих, еще не затвердевших листьев кровельного дерева, изображали детенышей Железного Зверя в натуральную величину.

— Это очень древнее имя, — возразил старик. — Я ведь Умнейшим стал недавно, лет двадцать всего, а до этого меня, если хочешь знать, Неприкаянным звали, а до того — Грубияном, а еще раньше — Чудаком или Немым... Повидал на своем веку кое-что, не спорю. Весь Простор за одну жизнь не обойдешь, а я все же постарался. Уходил на Север переходов на сто пятьдесят, оттуда до края Простора еще почти столько же, только люди там уже не живут — холодно. И на Юг ходил, и на Восток...

Леон удержал рвущийся с губ вопрос — понятно было, что старик сам не прочь поговорить. Когда вещает старость, дело молодости — сидеть и слушать. И детям передать, если говорит Умнейший.

— С яйцеедами жил долго, — помолчав, продолжал старик. — Давно это было, а теперь мне уже не по возрасту по скалам скакать. Гнилоедов видел, только гниль они не едят,

сказки это. Манноедов видел — те древесной манной питаются, растут у них на Юге манные деревья. Всех видел... — Умнейший опять долго молчал, видимо, вспоминая прошлое. — Странные люди, странный мир. У вас практически отсутствует грубость в отношениях друг с другом, не говоря уже о насилии, но нет и излишней вежливости. Я только здесь понял, что вежливость — оружие страха... Нет войн, но нет и средств, чтобы себя защитить, есть охотники, но нет воинов. Ты хоть понимаешь, что такое воин? Здесь повсюду примерно одно и то же, с местными вариациями. Удивительный мир, особенно для чужака.

— Почему — для чужака? — удивившись, сорвался Леон, лишь много позднее поняв, что Умнейший ждал этого вопроса.

— Все мы здесь чужаки, только в разной степени. Я больше, чем другие, потому что был рожден на Сиринге... Впрочем, об этом после. Лучше скажи-ка мне: откуда, по-твоему, люди пришли на Простор?

— Прежде люди жили на Великом Нимбе, не зная горя и болезней, потом один человек по имени Акаэм полюбил неживое и сказал другим: возьмем неживое, потому что оно не убежит от нас, и сделаем живое неживым...

— Достаточно. Ты вправду в это веришь?

— То, что традиционная Быль о Сошествии с Нимба не более чем сказка, известно даже детям. А Быль Истинная? — Леон пожал плечами. — Кто может сказать, что такое Истина? Где она? И надо ли ее знать? Быть может, она вредит людям.

— Ого! — Умнейший фыркнул. — Да ты, оказывается, философ.

— Парис философ, а я только охотник.

— Мне приходилось бывать в деревнях, где ни дети, ни взрослые уже не считают эту вашу Быль сказкой...

— Не так, не так! — закричал Леон, вскакивая. — Спокойнее, ногу назад отставь. В трубку с силой не вцепляйся, держи легко, а то рука дрогнет и выстрел обязательно сорвешь. Прости, — повернулся он к Умнейшему. — Не сдержался. Этому обалдую только бы тяжести таскать.

— Ты меня выслушаешь или нет? — спросил Умнейший, кривя запавшие губы. — Ах, все-таки выслушаешь? Я рад. Можешь не извиняться, только сядь и молчи... Так вот, ваши пращуры явились сюда из места, куда более далекого, чем заурядное планетное кольцо из обломочного материала, кото-

рое вы зовете Великим Нимбом. Ваш календарь Нимба совершенно бесполезен и не имеет никакого отношения к планетному кольцу. Я знаю только одну планету, где в году триста шестьдесят пять с четвертью дней... да и кто ее не знает. Без сомнения, Простор — старая земная колония, по-видимому, еще довоенных времен, стало быть, потомки переселенцев с Земли живут здесь не менее тысячи двухсот и не более тысячи пятисот лет. Правда, сначала меня сильно озадачил заявочный буй землян на орбите...

Леон заморгал: Умнейший снова нес околесицу. Какой еще буй? Какие земляне? Сдает старик...

— Земля — это другое название Нимба, — сообщил он общеизвестное.

— А болван — другое название дурака, — сказал Умнейший. — Впрочем, прости и не обижайся. Откуда тебе знать? Лет сорок назад здесь еще была старенькая обсерватория — помню, когда провалился гнилой пол, последнему наблюдателю выбодало глаз окулярной трубкой... Вот он — знал. А что вам? Спутник на стационарной орбите — просто лишняя тусклая звездочка, кому интересно? Ленивые люди рая... протяни руку — фрукт висит, протяни другую — овощ, дичь едва ли не сама под выстрел идет, а на драконов охотитесь из спортивного интереса, без них бы расчудесно обошлись. Ты посмотри на этих: полдня всего упражняются, не ахти какая работа, а им уже отдохнуть хочется. Я иногда просто не понимаю, почему вы еще не выродились в жвачных животных. Может, ты понимаешь? Ах, ну да, конечно, — состязания, Хранительницы Знаний, фольклор, поэзия, то-се, описательные науки, абстрактная философия опять же процветает...

— У нас не процветает, — сказал Леон, вспомнив Париса.

— В одной деревне мне показали обломки, — проигнорировал Умнейший. — Я уверен, что это был примитивный флайдарт боевого назначения. Такие строились еще до Всеобщей Войны. Четвероног ваш уникальный — просто-напросто посадочные лапы корабля заурядного размера, впоследствии разобранного для насущных нужд или разрушившегося естественным путем. В то, что корабль был один, — не верю. Просто от других не осталось и этого — убежден, что они были разделаны на металл еще первым-вторым поколением переселенцев. Видимо, переселенцев и изначально было несколько групп, или они разделились вскоре после высадки и воевали друг с

другом. Легенды об этом периоде вашей истории всем известны и вряд ли достоверны. Полагаю, впрочем, что период войн не был слишком уж продолжительным. За перемирием последовал тысячелетний мир, а почему — этого я долго не мог понять. Люди, что ли, другие? — Старик снова фыркнул. — Человек везде одинаков, что на Сиринге, что на Просторе, что даже на Земле, и повод подраться он найдет всегда...

— Нечестно так думать, — сказал Леон. — Нас убивают.

— Большие перемены всегда начинаются с того, что кто-то кого-то убивает. Тебя и твоих близких пытались убить — ты начал стрелять. Разве ты был не прав? Разве должно быть иначе?

— За что нас убивают?

Старика передернуло.

— Глупейший вопрос. За что ты выметаешь песок, скопившийся в доме? Чтобы не скрипел под ногами, за что же еще.

— За что нас убивают? — упрямо повторил Леон.

— Это не убийство, — покачал головой Умнейший. — Правда, нам с того не легче. Это очистка.

И больше ничего объяснить не пожелал, буркнул только приставшему с расспросами Леону: «Нельзя тебе сразу помногу, несварение будет». Буркнув — ушел.

ГЛАВА 6

Оперенная стрелка
Скользит в тесном канале ствола
Навстречу пятнышку света.

(Из сборника трехстиший эпохи Великого Пересмотра, издание 2-е, дополненное; 3-я Государственная машинная типография)

Не думать ни о чем. Это главное. Хотя бы на время стать растением — ствол, листья, корешки под землей. Какие могут быть мысли у растения? Нет мыслей — нет и телепатем. Обнаружить простым лоцированием невозможно, а «глазами» — требует времени.

Не думать? Поди попробуй.

Й-Фрон перевернулся на другой бок и посопел. Сон не шел, хотя час назад казалось — только бы свалиться где-нибудь, закрыть глаза, и нет Й-Фрона. Ищите. Лидер-корвет на время выпустил его из виду, экипаж тоже не проявлял желания вновь задействовать ограниченно ценного, и это было славно. Пусть в щели между внешним и внутренним слоями

бронекорпуса «Основы Основ» гулко и холодно, зато и невольные телепатемы проходят сквозь металл с некоторым ослаблением, что уже совсем чудесно. Хорошее местечко себе присмотрел. Главное, не маячить на виду, не клянчить сосисок у Дин-Джонга, не пытаться умыться водой из бассейна Хтиана, и тогда, может быть, удастся посвятить несколько часов отдыху, а то и сну.

И вот на тебе — не спится.

А Мбонг, наверно, сейчас спит, свернувшись в чреве своего братца, подумал Й-Фрон с завистью. Что ему еще делать. Собственно очистка планеты еще не началась, но период подготовки подходит к концу без всякого участия человека. Мбонгу можно спать, и Нбонгу тоже.

Зато внутренняя жизнь корабля не обходится без человека никак... Й-Фрон тихонько посопел носом. Скажем, когда у Хтиана засорилось дыхало, кто его спас? Кто нырял в бассейн? Я нырял. А от кого получил по морде ластом-обрубком, который у Хтиана вместо ног? От спасенного же. Чтобы, значит, не грязнил воду. Комбинезон, кстати, пришлось сушить на себе — бесхозную одежду корабль поглощает с особенным удовольствием...

Й-Фрон неслышно выругался и, вовремя спохватившись, несколько секунд лежал неподвижно, ожидая ответной реакции лидер-корвета. Он даже вспотел. Хорошо, что корабль сейчас занят собой: где-то что-то наращивает в собственной конструкции, где-то что-то убирает, как ему нравится. Учи потом заново схему ходов. На прошлом витке включал двигатель — устраивался на орбите поудобнее.

Дин-Джонг тоже достоин зависти: лидер-корвет не смеет его тревожить. А кем он, спрашивается, был до того, как на свое нечаянное счастье попал в облаву? Ни отваги, чтобы тайно пробираться в верхние ярусы активной оболочки, ни ловкости, чтобы красть пищу, не было у него в помине, сноровки в охоте на крыс также не приобрел — вечно клянчил и ныл, робко приближаясь к костру... Когда выклянчивал, а когда и нет. И цензуру памяти этот счастливец проходил не менее строгую, чем прочие отобранные. Уж анекдоты-то про полноценных граждан изъяли из его черепушки все до последнего, можно не сомневаться.

Й-Фрон наморщил лоб. К подкорке только и присохло, что были какие-то анекдоты — и смешные, и злые, и всякие, а вот не вспомнить ни одного, как ни старайся. Многое забыто

с тех пор, как начата новая жизнь. Можно сказать, повезло: признали годным, оставили часть памяти. Повезло, пусть и не в такой степени, как Дин-Джонгу. По слухам, в тот момент Внеземелье опять ощутило нехватку ограниченно ценных и сортцентр проявил небывалую неразборчивость: в партии Й-Фрона признавали годным в среднем одного из пяти.

Кое-что память все же удержала. Облаву, например. Й-Фрон догадывался, что не обошлось без предателя. Хотя — почему предателя? Кто-то из пойманных ранее, перевоспитанный и признанный ограниченно ценным, просто-напросто добросовестно выполнил свою работу. Попробовал бы он выполнить ее не добросовестно! Й-Фрон знал: лишь слепая случайность, а точнее, текущая потребность в неквалифицированных кадрах уберегла его от работы по отлову нелюдей в нижних ярусах активной оболочки. Опасная и подлая служба, но гарантирующая жизнь в течение какого-то времени. Разве лучше оказаться не пригодным ни к чему и быть поглощенным активной оболочкой, как та гроздь сосисок?

Он зевнул и плотнее запахнулся в куртку. Холодно. Но такова жизнь. Иные из ограниченно ценных неплохо устраиваются в наземных службах и живут сравнительно долго. В экспедициях очистки — как знать? Никто не делился с Й-Фроном статистикой, но здравый смысл подсказывал: расходуемый материал в конце концов расходуется.

Иные, не выдержав, расходуют себя сами. Кто много о себе понимает, тот не может приспособиться к правильному укладу. В том, что уклад на «Основе Основ» правильный, Й-Фрон не сомневался. Он не знал слова «парий» и не применил бы его к себе, если бы знал.

Й-Фрон поворочался с боку на бок. Заснуть бы... Без снов, как в яму. Слишком устал, чтобы опять привязался все тот же сон, бывшая явь... Ночь на Титане, наполненная скрежетом ломающихся льдов, серое низкое небо набито ледяной пылью, и станция — глупая жестянка без крохи активной массы — ходит ходуном. Ледяной монолит под ней тоже куда-то ползет, как большая неповоротливая черепаха. Вот он на что-то натыкается, начинает неторопливо ворочаться вокруг оси, вправо-влево, и с каждым движением размах становится все ощутимей, и слышно, как далеко внизу, под основанием монолита, гулко дробятся не то льды, не то камни. Трещина движется торопливыми рывками, подбирается ближе. У края монолита, откуда она пошла, разлом уже довольно широк, а

здесь она еще не добралась до станции, как будто лед вдруг стал вязким, как хорошо нагретое стекло... Шестеро ждут. Трещина вроде бы идет мимо. Кто-то пытается облегченно утереть со лба пот, но мешает стекло шлема, и ограниченно ценный нервно смеется. Кто это был? Теперь и не вспомнить. Рывок трещины прицелен, как выстрел. С картонной податливостью рвется обшивка. Пол взрывается тучей осколков. Трещина разрубает станцию надвое. Он один в своей половине, во что-то вцепился, держится. В другой половине остались пятеро... Нет, их уже трое. Их половина встает дыбом, им не за что ухватиться. Вот один с криком сорвался. Двое балансируют на самом краю. Удары, удары. Он крепко держится. Пусть попробуют оторвать, если смогут... Ближайшая стенка легко вминается внутрь: с той стороны ползет большая льдина. Остановилась? Нет, движется... Все. Со скрежетом, с протяжным совиным уханьем проседает, рушится сверху покореженный потолок, и наступает НИЧТО...

Через час ли, через месяц ли его спасли — он не знал. Вернее всего, никто его специально не спасал, подобрали случайно. Он выжил, что удивило прежде всего его самого. Месяц спустя ему повезло еще раз: сортцентр, где почему-то посчитали необходимым повторить тестирование, вопреки страхам, подтвердил ограниченную ценность испытуемого и направил его на «Основу Основ». Не лучшее место, но бывают и хуже.

Скоро развернется очистка планеты, очень скоро. С «Основой Основ» Й-Фрон уже участвовал в очистке двух миров и на один из них однажды был десантирован. Посылка его на ту планету была чистейшим недоразумением, планета оказалась спокойной, и он сумел вернуться.

Может быть, ему повезет и на этот раз.

И если в этом мире есть хоть немножко везения для него, Й-Фрона, то, может быть, ему повезет прямо сейчас. Возможно, ему даже удастся заснуть, и на этот раз ни корабль, ни экипаж не помешают выспаться...

* * *

Весь следующий день Леон дрессировал стрелков. После полудня перешли к стрельбе по летящим целям. Получалось так себе. Самый сильный гонец отмотал руку, до вечера подбрасывая вверх уменьшенную копию детеныша, и вдобавок был легко ранен стрелкой в шею. Назавтра повторилось то же

самое, с той разницей, что обошлось без ранений — умудренный опытом гонец научился падать ничком после каждого броска.

Умнейший слонялся по Городу, заходил без приглашения в дома и мастерские, совал нос во все дела, зачем-то приставал к ремесленникам и вел с ними долгие неудобопонятные разговоры. В тот же день по эстафете было получено известие о гибели сразу трех деревень, причем две из них, сравнительно близкие, к западу и юго-западу от Города, были уничтожены в одну ночь, и людей спаслось немного. Третья оказалась дальней, расположенной переходах в тридцати к северу. Судя по дате послания, эта деревня была сожжена шесть дней назад.

— Там сначала тоже решили навалиться на Железного Зверя всем скопом, — сообщил Умнейший, делясь новостями.

— Ну и как? — спросил Леон.

— Сам не понимаешь? Как у нас, даже хуже. — Умнейший помотал головой, будто отгонял муху. — Один умник перед атакой навязал на свою пику полсотни веток кость-дерева с листьями... Вроде метлы. Не знаю, какое впечатление он произвел на автоном-очиститель, а только для троих охотников подобное соседство в давке кончилось весьма плачевно. Косность всегда требовала жертв и еще потребует. А что? Хочешь иного — уйди от людей, живи бирюком... Кое-кто из здешних до сих пор убежден, что Железный Зверь один на весь Простор!

— А... разве нет? — с замиранием сердца спросил Леон.

— Ты глупый, что ли? Я же ясно сказал: тридцать переходов к северу. Это не наш автоном-очиститель. Это другой.

— Я думал, ты нарочно преувеличил, — сознался Леон.

— Хорошо жить хочешь. Сколько их, я пока точно не знаю, но, полагаю, не менее двадцати и не более ста.

Ударило в темя. Леон не сел на землю только потому, что и так сидел, разминая ступню. Несколько дней после откровения Умнейшего он ходил сам не свой. Не меньше двадцати... Пусть даже не сто, пусть их всего двадцать... ВСЕГО! Когда даже одного Железного Зверя не смогли взять силами шести деревень и до сих пор неизвестно: смертен ли он вообще? Когда одного детеныша Железного Зверя хватит, чтобы стереть с лица Простора и деревню, и Город...

Нога зажила, зато кожа на спине омертвела и сходила клочьями. Легкое прикосновение одежды причиняло боль. Леон

спал на животе и во сне любил Филису, но тут, разумеется, откуда-то появлялась Хлоя, на ходу окукливаясь в детеныша Железного Зверя, и огонь, ринувшийся из исковерканного бранью толстогубого рта, безжалостно кусал истерзанную спину... Леон просыпался в холодном поту.

Утро успокаивало, не принося ничего нового. Стоял Город, и стоял лес, пронизанный светом, наполненный пением лесных бабочек. Ни Железных Зверей, ни их детенышей. Прав был покойный Титир: нет на Просторе неизменного и не может быть — неизменен лишь сам Простор. Большинству подростков, околачивающихся возле стрелков, давно надоело это занятие. К третьему дню на площади осталась кучка наиболее стойких. Самый рослый из них и, по-видимому, старший, набравшись смелости, тронул Леона за край сари.

— Меня зовут Тирсис, — сообщил он юношеским баском.

— Приятно слышать...

— А это мои друзья: Элий, Фаон, Сминфей, Батт и...

— Что с того?

— Мы тоже хотим быть стрелками.

— А больше вы ничего не хотите?

Тем разговор и кончился. Однако стоило Леону отлучиться по естественной надобности, как, вернувшись, он обнаружил отлынивающих от дела стрелков и подростков, радостно наводящих в мишени выпрошенные «подержать» духовые трубки.

— Кто позволил?!

— Не вижу плохого, — вступился Умнейший. — По-моему, чем их больше, тем лучше. Ты — великий стрелок, у тебя хотят учиться, а ты гонишь.

— Мальчишки, — скривил гримасу Леон. — Дети! На Железного Зверя я их поведу, что ли? Да и родители заниматься не дадут.

И все же после уговоров он уступил, приняв всех, кроме самого младшего, посоветовав тому пока что подобрать сопли и не путаться под ногами. Сопленосец с ревом удалился.

— Мы ведь не делаем ничего противного обычаям, — внушал Умнейший. — А с родителями я сам поговорю.

Поговорил он или нет, но родителей подростков Леон на стрельбище так и не увидел.

Из листьев спешно кроили новые мишени. Свист оперенных стрелок начинался с рассветом и замирал лишь на закате.

Ходить по площади стало опасно. Пришлось перенести стрельбище за черту города, к лесу.

— Я даже не могу объяснить им, куда целиться, — шепотом жаловался Леон. — Ничего в тот раз не видел, стрелял, по сути, наугад... И потом: сколько стрелков было на Круглой пустоши, а ни одного детеныша тогда не убили. Я так думаю, что уязвимое место у них совсем крохотное...

Умнейший подождал, пока принесут краски. Подойдя к мишени, долго примеривался и нарисовал маленький кружок в самом центре. Потом подумал и нарисовал еще два сбоку.

— Ты точно знаешь? — шепнул на ухо Леон. — Здесь?

— Не спрашивай. Если бы я все знал, то звался бы не Умнейшим, а Безупречным. Попробуешь попасть?

— Конечно.

— Если не уверен, то лучше не надо.

Выверенная, легкая в полете стрелка из особо надежных и хранимых отдельно скользнула в канал трубки, смазанный растительным жиром. Легонько подтолкнув пальцем кисточку оперения, Леон прикинул поправку на ветер и выстрелил навскидку. Под одобрительный гул учеников стрелка воткнулась в линию окружности крайнего левого кружка. Покачав головой, Леон прицелился более тщательно. Вторая стрелка попала точно в центр среднего кружка. От воплей восторга кружащаяся над поляной почтовая летяга сорвалась в штопор.

— Риск — благородное дело, — скучно заметил Умнейший. — Ты не находишь, что дураки иногда сочиняют забавные пословицы? Прости, я должен спросить: надеюсь, у тебя нет зуда каждый день играть в благородство?

— Нет.

— Рад слышать.

— А что?

— Не вздумай промазать. Стрельнул разок, попал — и хватит.

На пятый день Леон не выдержал:

— Кто из них хорошо стреляет, тот и дальше будет хорошо стрелять, а кто плохо, того за несколько дней не выучишь. Какие стрелки из горожан? Мальчишки еще так-сяк, а от остальных вообще никакого толку. Что я мог, то уже сделал. Назад пойду.

— В свою деревню? — Умнейший поднял бровь.

— Куда же еще.

— И отговаривать тебя бесполезно?

— Попробуй.

Умнейший долго молчал.

— Подожди до завтра, — сказал он наконец. — Пойдем вместе.

— А почему не сегодня?

— Потому что сегодня я занят.

Весь день он был занят тем, что мирно дремал в тени свеклобаба.

На закате, к изумлению раздраженного Леона, перед ним возник Кирейн, грязный, исцарапанный и почти трезвый.

— Спас он женщин и сирот, дав зверюге окорот, — сообщил он декламационным голосом и плюхнулся рядом с Леоном. — Выпить у тебя нет?

Поискав глазами вокруг и не найдя искомого, сказитель вздохнул с видом покорности судьбе.

— Башка трещит, — пожаловался он. — Шел, шел... В лесу сам знаешь, какая Тихая Радость — еле отыскал один родник, так и тот с дурной струей оказался. Всего меня перекорежило... пью и кричу, чтобы забрали меня оттуда, пью и кричу, и спасать меня некому. Горло горит. Глоточек бы Радости сейчас, а?

— Найдем, — пообещал Леон. — Ты по делу?

— Хорошенькое дело, — обиделся Кирейн. — Деревни-то нету, вот и дело всем нашлось — спасаться... Думбала моя сгорела. Как ты ушел, так на следующий день и началось, да недолго продолжалось. Кто говорит — два детеныша напали, кто — три. Я не считал, я кустами уполз. Трескучий лес весь выгорел, а туда многие побежали... Э, ты чего? Ты не кидайся. Жива твоя Хлоя, жива, и пасынки живы. Новую Хранительницу вот убило, Фавоний прямо в своем доме на Нимб отошел, и из гонцов никого живых не осталось, ну меня и послали вперед — предупредить. Решили пока в Город перебраться, это Полидевк с Парисом придумали. Парис, как налетел детеныш, в лес утек, и все равно бороду ему опалило, а Полидевк в драконьей яме отсиделся, волдырями только весь пошел, как жаба...

— А... Филиса? — обмирая, спросил Леон.

— Это какая же? А, знаю. Жива, не обожглась даже. Дойдут... к утру, я думаю. — Кирейн помычал, держась за голову, и выразительно посмотрел на Леона. — Капельку бы мне... капелюшечку...

— Ты знал? — вне себя Леон тряс Умнейшего за сари, скрученное жгутом на груди. — Знал и молчал?! Почему?

Кучка раскрывших рты подростков с Тирсисом во главе с восторгом и ужасом смотрела, как ссорятся два великих человека. Плетеный, похожий на гнездо предмет свалился с головы Умнейшего, и та моталась, как спелая брюква в пору стрясыванья урожая.

Деревня погибла. Уцелевшие пробирались в Город. Потерянно оглядываясь на пепелище, кровавя ноги о траву-колючку, сбивая ступни о древесные корни, вспучившие ниточки лесных троп, шли, неся на руках обожженных, женщины, старики, дети... Филиса. Падающий с неба огонь пожрал все. Сгорели люди, и нет людей. Сгорел дом с так и не вставленным новым стеклом в окне спальни, и нет дома. Да что там дом...

— Знал ведь... — рычал Леон. — Знал...

Острая боль заставила сжаться внутренности. Леон судорожно глотнул воздух. Пусто... Чернота.

— Держись, — донесся откуда-то из ничего голос Умнейшего. — Как держался, так и держись, не отпускай. Не хватало тебе еще грохнуться при всех.

Сознание медленно возвращалось. Растекаясь по животу, слабела боль. Умнейший шептал в ухо:

— Прости, что пришлось тебя прервать. Сейчас отдышусь, и можешь потрясти еще. Я подожду, пока тебе не надоест.

Рот наполнился вязкой слюной. Леон сглотнул.

— Прости. Я не хотел.

— Хотел и сделал, — возразил старик. — Сейчас самое время делать именно то, что хочется... Только запомни: глупости тоже нужно делать с умом.

— Драконий хвост, — буркнул Леон, остывая. — Мальчик я тебе, что ли? Я охотник! Почему сразу не сказал об эстафете?

— А не было никакой эстафеты, — Умнейший развел руками. — Поверь или проверь — не было. Да и зачем она? Я с самого начала знал, что не ты придешь в деревню, а деревня придет к тебе, и довольно скоро.

Леон осмыслил сказанное.

— Знал и молчал?

— Ты бы не поверил. Вспомни, как я уговаривал людей уходить из деревни. Ушел ли кто-нибудь?

— И я должен был остаться, — упрямо сказал Леон. — Одного детеныша я уже убил, Нимб помог бы убить и второго.

— Ты действительно веришь в то, что совершил нечто выдающееся? — спросил Умнейший. — Если бы оно было так... Ладно, оставим другим это приятное заблуждение. Мальчик! Насколько я знаю, уничтожить зауряд-очиститель настолько же трудно, насколько трудно убить дракона зубочисткой. Тебе просто-напросто невероятно повезло — чудеса еще и в наше время иногда случаются. Может быть, у тебя легкая рука. — Старик критически осмотрел Леона. — А еще ты сравнительно неглуп, и этим мне нравишься. Я еще до всей этой катавасии тебя приметил. Правда, ты вторично пошел на автоном-очиститель с одной лишь духовой трубкой, что отнюдь не говорит в пользу твоего ума, зато оба раза ухитрился остаться в живых, а это, возможно, доказывает обратное. Почему, думаешь, я вытащил тебя в Город? Да просто потому, что в такое время несколько умных людей должны на первых порах остаться живыми и относительно целыми, чтобы подумать за себя и за других, что же сейчас надлежит делать...

Леон дернулся. Старик вцепился в одежду мертвой хваткой — не разжимать же ему пальцы при всех. Права Хранительница: не Умнейший он — Хитрейший. Все просчитал с самого начала. И с самого начала — лгал...

— И что же надлежит делать? — злобно спросил Леон.

— Сейчас нам нужна кучка людей, хотя бы и мальчишек, которые поверят в тебя и в твое дело... Не перебивай меня! Будет дело, оно уже движется и на первом этапе состоит в том, чтобы люди пошли за тобой, потому что без напряжения сил огромного числа людей у нас просто ничего не выйдет... На Хранительниц я с самого начала не рассчитывал, и за Умнейшим в такое время вряд ли пойдут, а за великим стрелком — возможно. По сути, это наш единственный шанс. Ну и я помогу чем сумею.

— Пусти меня! Им что, обязательно надо за кем-то идти?

— Ты спросишь меня, отчего человек устроен так, а не иначе? Я не отвечу. Ты же пошел за Линдором на пустошь и не спрашивал, почему надо идти. Просто пошел, хотя Линдор не был великим стрелком... И помни главное: каждый упущенный тобой день, каждый час, каждый жест, способный кого-то оттолкнуть, — это люди, которых ты мог бы спасти и не спас.

— А почему их должен вести непременно я?

— Потому что ты один из немногих, кто уже сейчас понимает необходимость в срочном порядке что-то менять. В худшем случае — начинаешь понимать. Боюсь, до большинства населения эта истина дойдет поздновато. И еще: ты мне нравишься.

— Поэтому ты и ударил меня при них? — спросил Леон, косясь на подростков.

— Ты плохо обо мне думаешь, — усмехнулся Умнейший, проследив за его взглядом. — Никто из мальчишек ничего не заметил, или я не десантник, хотя и бывший.

Лес мелькал с невиданной быстротой. Ни одна луна не выползла сегодня на звездное небо, горел лишь Великий Нимб и указывал путь. Петля дороги? Спрямить! Леон бежал так, как не бегал никогда в жизни, как может бежать только человек, махнувший рукой на все ради одного, главного, и темный лес, чувствуя налетающий вихрем водоворот боли, горя и отчаянной, плохо скрываемой радости, пропускал человека, предупредительно поднимая разлапистые ветви, убирая с дороги стелющиеся по земле корни. Вякнув, порскнул в сторону заполошный совиный страус, ушел с пути. Мирный лес не желал человеку плохого, а если человек налетит в темноте на лежку лесного дракона, виноват будет он сам. Плевать. Филиса! Она жива, ей удалось спастись, и это главное.

Леон задыхался. Охотник не гонец; обычно ему не приходится так спешить. Час сумасшедшего бега способен вымотать любого. Тупым раскаленным гвоздем жгло под ребрами, куда ударил старик, а как ударил — того, похоже, и впрямь никто не заметил. Похоже, просто ткнул пальцем. Подлый старик... хуже Железного Зверя.

Ноги сами вынесли его на тропу. Леон заметался, вглядываясь. Вот следы Кирейна... нетвердые. И только. Значит, беженцы еще не прошли. Они где-то рядом, пьяница не сумел бы опередить их намного. Тоже, нашли кого выслать вперед — Кирейна! Впрочем, оно и правильно: в носильщики пьяница годится еще меньше...

Ноги топтали тропу, и рвалось из груди сердце. Ну же!..

Тени. Отпрянули с криком... Они!

— Я свой! Свой! Леон я!

Здесь все было так, как ему представлялось: и сгорбленные под грузом женщины, и замотанные целебными листьями обожженные на носилках, и витающий над колонной запах

гари, гноящихся ран и немытых тел, и дети, боящиеся плакать в ночном лесу, а теперь вдруг заревевшие слаженным хором, и два-три бесконечно уставших охотника, впервые в жизни ощутившие, что лес не их второй дом, а просто — лес...

Жалобы. Плач. Великий Нимб, за что? ЗА ЧТО???

Кто-то обнял его сзади.

— Вот так, Леон, — сказал Парис и стал сморкаться. От его бороды сильно пахло паленым волосом. — Видишь, как оно вышло. Веду вот. Меньше половины веду, а остальные — там... Хорошо, что ты пришел, — с носилками поможешь. Мужчин нет почти. Из стариков один я живой, да еще спасибо, что Полидевк пока с нами остался. Так-то вот.

— Где Филиса? — Тяжело дыша, Леон вырвался из объятий.

Вместо ответа старик затряс головой — то ли не расслышал вопроса, то ли собрался расплакаться.

— Умнейший давно говорил: уходить надо, — сказал он. — Никогда больше не стану с ним спорить и другим не посоветую...

— Где Филиса? — закричал Леон так, что кто-то рядом отшатнулся в испуге.

Она не ответила, но он понял, что это — она. Фигурка — лишь силуэт в свете Нимба — в мешковатом сари, драном укусами леса, согнувшая спину под тяжестью узла, баюкающая на руках младенца, а чей он и где осталась его мать — кто знает.

— Филиса!

Не соображая, что делает, Леон шагнул вперед и обнял ее. Открыто, на глазах у всех. Младенец пискнул, но реветь раздумал. Будто понял маленький человечек, что сейчас не его время.

— Филиса... Родная...

Мужчине не стыдно плакать, когда плачут женщины. Стыдно не плакать.

Люди обступили их, а какими глазами смотрели они на юных влюбленных, Леона сейчас не интересовало. Все разом исчезло, во всем бесконечном лесу остались только он, Филиса, несказанное людское горе и несказанное счастье обретения надежды, и целая минута, а может быть, и две до появления приотставшей Хлои...

— Ты жива, — без конца повторял Леон. — Жива...

— Маму убило, — сказала Филиса.

Ночью в Город вошла не одна колонна беженцев, а две. Правда, вторая оказалась совсем маленькой, ее даже трудно было назвать колонной — просто группа человек из двадцати. Но именно она растревожила Город хуже гудящего гнезда лесных пчел.

Погибла Асма — большая деревня всего в одном переходе от Города. Детеныш Зверя, пролетавший очень высоко и вначале мало кем замеченный, решил снизиться. Как беспутный мальчишка не задумываясь поджигает в лесу ком пчелиной бумаги, чтобы полюбоваться пламенем, так же легко детеныш поджег деревню с периферии, разбросав огонь кольцом и словно сознательно отрезая людям путь к бегству. Не спасся почти никто.

Охали, ахали, вспоминали некоего Харикла. Тирсис, заикаясь от волнения, объяснил: старый Харикл, лучший городской шептун, месяц назад перебрался жить в Асму, и уж если ему не удалось зашептать детеныша...

— Нашел на что тратить время, — прокомментировал Умнейший.

Подросток помялся.

— Я вот что думаю, — сказал он наконец. — Неправильно мы на сходе решили. Этак нас всех пожгут. Надо идти в Столицу.

— Пока что один ты это понял?

— Э-э... нет, наверно. Видно же сразу, кто жалеет о том, что тебя не послушали, а кто от рождения дурак... Даже Кларисса забеспокоилась.

— А ты бы пошел в Столицу? — спросил Умнейший.

— А Леон пойдет? — живо спросил Тирсис.

— Уйди с глаз! — цыкнул на него Умнейший. — Лучше вон помоги таскать раненых. Болтун.

Тирсис ушел. Обессиленные беженцы ложились и засыпали там, где стояли. У многих даже не осталось сил, чтобы жаловаться. Занудливым хором ныли дети. Пытаясь всюду поспеть, бегали младшие хранительницы, распоряжаясь и устраивая. Под Четвероногом горели костры. За исключением Хранилища, вряд ли в Городе остался хотя бы один дом, не принявший беженцев.

— Тесно тут становится, — заметил Леон. — А если сегодня-завтра еще подойдут?

— Обязательно, — мрачно пообещал Умнейший.

Леон и гонцы перебрались из гостевого дома на площадь, освобождая места для раненых. Некоторые были совсем плохи. Одного мужчину, двух женщин и ребенка мучили непонятные боли, сопровождавшиеся неукротимой рвотой, клочьями лезли волосы, и на коже выступила странная сыпь. Оказалось, все четверо дольше других слонялись возле оставшейся от детеныша ямы, дивясь на подлесок, пошедший прямо на глазах в безумный рост. Умнейший, выслушав очевидцев, бегло осмотрел больных и буркнул в сторону:

— Не выживут.

— Отрава? — шепотом спросил Леон.

— Можно назвать и так. Эх, не предупредил я...

— Подожди, подожди... — Леон лихорадочно соображал. — Значит, детеныши Зверя...

— Зауряд-очистители, — перебил старик. — Никакие они не детеныши и вообще не содержат в себе активной массы. Тупые автоматы. Без автоном-очистителя они — ноль. Даже команду на самоликвидацию получают извне.

— Да-да, ты говорил... Получается... на них нельзя охотиться?

— Это еще почему?

— Отравим Простор...

— Глупости, — фыркнул старик. — Там короткоживущие изотопы. Каждый зауряд рассчитан только на время очистки, дольше ему существовать незачем, отсюда и соответствующее горючее. Они, наверно, еще и подзаряжаются время от времени. Страха нет. Через год можешь хоть землю есть с того места, ничего с тобой не сделается, кроме дизентерии.

— А-а, — сказал Леон.

— Бэ.

Поговорить с Филисой наедине так и не получилось — да и о чем? Зачем слова? Только лишь смотреть на нее, слегка подурневшую, но ничуть не менее желанную, только чувствовать ее рядом... Улучив минуту, когда рядом не оказалось Умнейшего, Леон кинулся ее разыскивать и, конечно, напоролся на Хлою.

Слава Нимбу, здесь она не могла загнать его домой, поскольку дома не было!

В эту ночь в Городе мало кто спал. Умнейший ушел в дом Хранительницы и очень скоро вышел оттуда не слишком мрачный. Кажется, даже насвистывал что-то себе под нос.

— Согласилась показать путь? — с надеждой спросил Леон.

— Что? А, нет, конечно.

— Чему же ты тогда радуешься?

— А я и не радуюсь, — сказал старик. — Я размышляю. В одном ты прав: нельзя нам тут долго засиживаться.

— Куда идти на этот раз? — скучно спросил Леон, наблюдая за облаками, затягивающими Великий Нимб. Дождя, пожалуй, не будет — не тот сезон.

— Отсюда нам один путь. В Столицу.

Сам иди, подумал Леон. С меня хватит, ищи другого, а не найдешь — рыскай по Простору один, тебе не привыкать. Ищи свою Столицу. Где Филиса, там и я, а ты иди себе. Пусть тебе поможет Нимб в твоих поисках, а мне пусть поможет он в бою, когда явятся сюда детеныши Зверя. А может, еще не явятся...

Вслух он сказал:

— Ты хочешь еще раз созвать общий сход?

Старик покачал головой:

— Есть более надежный способ. Какой — скоро увидишь. А пока у нас есть еще одно дело.

В предутренней мгле он куда-то ушел и вернулся с небольшим мешком из перепонки летяги и пригоршней светящихся жуков. Развязав мешок, старик вынул из него два мешочка поменьше. В одном из них, к удивлению Леона, оказался не виданный им прежде тонкий желтый порошок, в другом — безобразный серый булыжник.

— Селитра, — непонятно объяснил Умнейший. — Подмокла и слежалась, да и как ей не слежаться за столько лет. Ты за жуками-то смотри — расползутся... Сейчас ты ее растолчешь, только не сам надрывайся, а мальчишкам дай, а завтра посушим на солнышке. С утра для нас угля нажгут, я уже попросил Аконтия...

Леон, ничего не понимая, пропускал сквозь пальцы желтый порошок. Понюхал. Ничем особенным не пахло.

— Это все, что я сумел сделать за пятьдесят лет, — сказал старик. — Не много я смог, верно? Сера с Голи Покатой. А как я селитру из помойных ям добывал, то отдельная песня. — Умнейший ухмыльнулся. — Тогда-то меня Грубияном и прозвали: кто за убогого меня держал, кто насмехался, а я всем отвечал одинаково...

— А зачем все это? — спросил Леон.

ГЛАВА 7

Велика ли ковкость крамолы, княже?

Вопросы без ответов

Кость-дерево растет обыкновенно. Пока молодое, прямое как свечка деревце еще не перемахнуло ростом взрослого мужчину, подходи к нему без боязни и рви терпкие рубиновые ягоды, а коли есть нужда, то и ломись шалым драконом через подлесок — исцарапаешься, но и только. Листва юного деревца еще мягкая, а ствол на срезе плотен, не вдруг и срежешь, и завит-перевит волокнами со сложным рисунком. Никакой срединной полости, или канала, в молодом стволе еще нет, и сердцевину отличишь от древесины лишь по рисунку, но не по твердости. Позднее, когда ветви кроны уже перевились в рыхлый шар, а голый ствол еще не вымахал в высоту — уважай кость-дерево, если не хочешь всю жизнь носить на себе шрамы. Отвердевшими листьями зрелого кость-дерева бреются, режут, коли под рукой не случится ножа, а внутри ствола волокна расходятся, образуя прямой круглый канал, достигающий у старых деревьев двух третей поперечника ствола, а то и больше. Из отрезков старых стволов, промазанных снизу глиной, получаются великолепные дымоходы для очагов, если кому взбредет в голову каприз иметь в доме не ритуальный, а действующий очаг. Загорается кость-дерево туго, и если незадачливый охотник заночевал в лесу, где другие деревья не растут, то быть ему без костра, — но уж если загорается, горит долго и жарко.

Не просто срубить лесину — выворотить ее с комлем, усаженным обрубками корней, а прежде выбрать такое дерево, чтобы удовлетворило прихотям Умнейшего, оказалось далеко не просто. С десяток крепких мужчин вышли в лес, едва забрезжил рассвет, а вернулись лишь к полудню, тяжко нагруженные толстой колодой длиной шага в три, причем потный и усталый Аконтий взглядом исподлобья давал понять, что лично он ради непонятного баловства второй раз в лес не пойдет, он не дракон — деревья валить, а человек, и каждому советует поступить как человеку. Взгляд ли Аконтия возымел действие или поиски нужного дерева принесли надлежащие плоды, только Умнейший, придирчиво осмотрев и ощупав перевитую волокнами древесину, колоду одобрил.

Леон разрывался между односельчанами, учениками и Ум-

нейшим. Колоду, похожую на распиленную поперек пустую кость с суставной нашлепкой на торце, приволокли на стрельбище, стесали корни заподлицо и устанавливали в прочном деревянном ящике так, чтобы она без большого усилия могла качаться вверх-вниз. Качели, что ли, делают? Ничего не понятно... На дно ящика Умнейший велел набросать земли и камней потяжелее.

— Целься спокойней! — покрикивал Леон на учеников, косясь на возню вокруг колоды. — Выдох мощнее и не слишком долгий, а если трубка короткая, то и вовсе резко выдыхай...

То ли стрелки набрались опыта, то ли просто день выпал удачный, только в среднем каждая пятая стрелка попадала сегодня в кружок. Мальчишки ликовали.

Пасынки-близнецы Сильф и Дафнис слонялись в пределах досягаемости слуха, ехидно комментируя новые обязанности отчима. Леон, стиснув зубы, терпел. Тирсис же терпеть не стал: отложив в сторону духовую трубку, молча въехал одному из пасынков кулаком в нос, а второму в ухо.

— Пометил, — пояснил он юношеским баском. — А то ведь одного от другого не отличишь.

Кирейн, разыскавший городской родник Тихой Радости, ожил и, заняв у кого-то думбалу, принялся репетировать сочиненную еще в дороге горестную песнь о том, как погибла деревня, а все потому, что в нужный момент в ней не оказалось великого стрелка. Умнейший, оторвав себя от дел, слушал внимательно.

— Неплохо, — оценил он. — Для городских сойдет. Только ты про Леона не пой, пока мы не уйдем. Не хватало нам еще сложностей с уходом.

— Куда вы уходите? — Выпучив глаза, Кирейн икнул.

— Тебя не касается.

— И я с вами пойду!

Умнейший подумал.

— Иди. Будешь в походе сочинять, а не будешь — прогоним. Станешь ныть — прогоним тоже. Тихую Радость без разрешения не пить!

— Как же сочинять без Тихой Радости? — изумился сказитель.

— На стихи дадим. Но не более.

Кирейн задумался и думал долго.

— Ладно, — вздохнул он. — Не более так не более. Вам же хуже будет.

Умнейший долго тер в узловатых пальцах принесенный в корзине угольный порошок, спрашивал о породе сведенного на уголь дерева и велел растолочь помельче. Детворе, путавшейся под ногами, тоже нашел дело: попросил принести с речной излучины побольше мелких окатышей.

Народу мало-помалу прибывало — не как на общем сходе, но половина того, не меньше. Кое-кто хмурился: возня с неживым, известно, до добра не доведет. Иные возражали: колода из кость-дерева — неживая ли? Если ее прикопать в лесной тени, она пустит побеги и через несколько дней вновь станет деревом.

— Была колода, — непонятно объяснил Умнейший. — Теперь пушка.

Все три порошка он смешал в горшке из сухой тыквы, отмеряя дозы деревянным стаканчиком, и неторопливо, чтобы каждый мог уследить за его действиями, засыпал в колоду. Туда же с помощью толстой палки туго забил тряпье, в котором Леон узнал свой старый хитон, за хитоном последовали десятка три окатышей и еще один ком тряпья, на сей раз чужого. В толпе зрителей переглядывались: если старик еще не тронулся умом, то вот-вот это сделает, и не сходить ли кому за толковым знахарем, пока не поздно?.. В стороне от колоды неизвестно для чего жгли небольшой костерок.

Как Умнейшему удавалось уединяться среди толпы — Леон понять не мог. Ничего не скажет, вроде бы даже не поглядит искоса, просто чуть шевельнет бровью, и готово — за десять шагов вокруг никого, кроме того, с кем старику надо поговорить с глазу на глаз, а почему так получается — никто не поймет, а большинство и не задумается.

На этот раз старику понадобился Леон. Опять.

— Скажи, — не очень уверенно начал Умнейший, — смог бы ты попасть в кружок летящей мишени? Иными словами, повторить то, что сделал в деревне. Смог бы?

— Не знаю, — ответил Леон. — Не уверен. А зачем это?

Вопрос пропал впустую.

— Раз не уверен, не будем и пробовать. Ты у нас великий стрелок, им и оставайся. Кстати, как твои мальчишки?

— Троим есть смысл совершенствоваться дальше, двое под вопросом.

Умнейший крякнул.

— Кто о чем... Тебя они слушаются?

— Как собачонки, — хмыкнул Леон. — Вчера Фаон надерзил Хранительнице, а я его отчитал прилюдно, так он полдня прощения выпрашивал, по пятам ходил...

— За Хранительницей?

— За мной.

Старик снова крякнул. Куда-то он гнет, с беспокойством подумал Леон, а куда — как всегда, не понять. Умнейший.

— И он был счастлив, когда ты его простил?

— Да, кажется.

— Когда кажется, проспись, и перестанет казаться. Мне надо знать точно: Тирсис и остальные сделают то, что ты прикажешь?

— Наверно. Почему бы нет?

— Даже если это будет против обычаев?

— Даже... Да не знаю я!

— Сегодня придется узнать. Прикажи им собраться ночью перед восходом Энны так, чтобы ни одна живая душа в Городе об этом не проведала. Духовые трубки взять с собой. И сам помалкивай — дело нам предстоит нешуточное. Ты меня понял?

— Нет.

— И не надо пока. Кто из них самый бестолковый — Батт?

Оказывается, старик примечал все, что надо.

— Батт, — кивнул Леон.

— А позови-ка его сюда.

Тот же серый порошок, который забили в колоду, завалив сверху камешками, теперь осторожно сыпали в узкую дырку, неизвестно для какого баловства проверченную сверху в комле колоды. Шагах в пятидесяти воткнули в землю шест с прикрепленной к верхнему концу мишенью из листа кровельного дерева. Удалось расслышать, как Умнейший втолковывает нескладному подростку что-то об оказываемом доверии, и разглядеть, как горят глаза взволнованного Батта. Смех, да и только.

Стрелки давно уже опустили духовые трубки. Какая уж тут стрельба, когда Умнейший чудит. Получится что из его чудачеств — хорошо, а не получится — все равно будет о чем на старости рассказать внукам.

— Отойти всем! — гаркнул Умнейший на все стрельбище так, что многие вздрогнули: старик-старик, а голосина —

ого! — От пушки подальше! Кто там позади мишени торчит? Жить наскучило? В сторону! Дальше! Еще дальше!..

Толпа попятилась. Умнейший тоже отошел от колоды шагов на двадцать и зачем-то прилег.

— Приготовиться... Огонь!

Сияющий Батт, лопоухая голова которого сидела на тонкой шее, как лист дерева на черенке, гордый тем, что на глазах доброй половины Города делает что-то важное, пусть и непонятное, поднес к комлю колоды горящий уголек в расщепе длинной палки...

Тут и выяснилось, что Умнейший умудрен не одним голым умом, но и тайным Знанием, неведомым даже Хранительницам, — а впрочем, никто в точности не знает, что ведают Хранительницы, а чего не ведают.

Ахнуло.

Словно вернулся гром, далеко опередив период дождей, словно нежданно рухнуло в лесу исполинское дерево — грохот сотряс воздух над стрельбищем, туго ударило в уши. Взбесившейся кошкой провизжала каменная картечь — с деревьев на опушке посыпались сбитые ветки. Мишень истерзало в клочья. Адская колода рявкнула, выплюнув из жерла гейзер огня, отпрыгнула назад и заволоклась смрадным дымом. В ящике стронулись, загрохотали камни.

Леон закричал, как и все. И так же, как все, тряс головой, выбивая из уха воздушную пробку. Заголосили женщины, заревели дети. Оглушенный Батт как сел на землю, так и сидел, и видно было: хочет зареветь, да не решается. Мелькая пятками в стремительном бегстве, дурным голосом вопила Хлоя, не вовремя явившаяся на поляну разобраться с муженьком — почему при нем бьют пасынков, а он, подлец, и ухом не ведет... Кое-кто из зрителей кинулся было наутек вслед за ней, но, уверившись, что колода вновь ведет себя мирно, рискнул вернуться. То, что осталось от мишени, уносило ленивым ветерком. Стрелки с испугом и восхищением провожали глазами планирующие обрывки.

Умнейший уже был возле колоды. Возле пушки, поправил себя Леон, запоминая незнакомое слово. Узловатыми пальцами старик ощупывал дерево, не пропуская ни одной пяди, разглядывал так и этак. Не найдя повреждений, довольно хмыкнул.

— Ну и ну, — сказал Леон и больше ничего не смог сказать. В голове шумело, как наутро после праздника.

— Что, — рассмеялся старик, — понравилось?

— Ты и вправду Умнейший...

— А ты только сейчас это понял?

— Ты Умнейший! Умнейший! Да!

— Если хочешь, можешь звать меня Учителем... И перестань орать. Да, я доволен. Если хочешь знать, я уже делал однажды опыт в этом роде. Тогда пушку разнесло вдребезги, а меня пришлось лечить много дольше, чем мне хотелось. Зато теперь я не ошибся ни с деревом, ни с зарядом.

— Погоди, погоди... — Леон морщился, пытаясь уйти от неприятной догадки. Неужели... выбрал менее ценного? Хладнокровно выбрал... Нет. Не может быть. — Ты хочешь сказать, что Батт... мог бы...

— Я просто-напросто предусмотрителен. А кроме того, я с тех пор начал кое-что понимать. Риска практически не было.

Леон сглотнул.

— Ты извини, но, пожалуй, я не стану называть тебя Учителем...

— Как хочешь.

Старик тут же забыл о Леоне, словно его не существовало, зато собравшимся возле него ремесленникам (женщины приблизиться не решались) втолковывал веско и неторопливо, повторяя и по два раза, и по три:

— Завтра ухожу. Без меня ладьте поворотный круг на вкопанной оси и делайте вторую пушку. Пороха как раз осталось на два выстрела, а перезарядить в бою все равно не успеете, это вам не по мишени стрелять. Запомните: железо для картечи лучше камней, так что пусть Аконтий набьет кругляшек. Пушки держать заряженными, порох от сырости беречь! Сумеете найти серу и выварить селитру — делайте третью пушку. На площади под Четвероногом выкопайте убежище, чтобы те, кто не успеет укрыться в лесу, пересидели в нем, а Четвероног убежище прикроет сверху, лишняя крыша в таком деле не помеха... — Старик помолчал. — А лучше всего бросайте Город и уходите в леса на восток. Подумайте.

Ремесленники мялись. С одной стороны, Умнейший, конечно, прав, но... Без Хранительницы, без женщин такие вопросы не решаются, неужели Умнейший не понимает? А если понимает — зачем ставит всех в неловкое положение?

— Ну как хотите...

То, что случилось в ближайшую ночь, потом долго преследовало Леона, словно дурной сон, который надо поскорее забыть, если не хочешь портить людям настроение угрюмой физиономией. И даже много позднее, когда под наплывом событий грозных и страшных ночное происшествие могло показаться невинной чепухой, он не мог забыть его, как ни старался. Странная штука — память.

Несколько чадящих факелов освещали Хранилище и не могли осветить его целиком — настолько велико было здание, выходящее углом на площадь Четверонога, самое большое здание в Городе. Любой из гостевых домов в сравнении с ним казался личинкой-слизнивцем рядом с лесным драконом.

Красноватые отблески плясали на стенах. Хорошо, что в Хранилище нет окон. В самом деле — слоняться ночью по чужим домам, словно блудодей какой... Ладно, что не в одиночку, да и Хранительница в Хранилище не живет, у нее свой дом...

Никогда прежде Леону не приходилось бывать в Хранилище Знаний, да еще городском. Мужчинам здесь не место, а легенды о Хранителях, скорее всего, легенды и есть. Мужчина годится добывать, женщина — хранить вечно. Так было, так будет.

Внутри оказалась всего одна комната — но какая! Ряды, целые шеренги грубо сколоченных полок шли от стены к стене, провисая под тяжестью свитков и деревянных табличек, испещренных трудночитаемыми знаками. Некоторые были совсем ветхи. Хроники Простора. Обширные каталоги растений и животных, включая и морских обитателей из никогда не виденного Леоном океана. Записанные рассказы-были охотников о встречах с необычайным. От Древнего Знания до летописей, до последних записей о браках, рождении и смерти — все было здесь.

Благоговейного трепета не испытывал, пожалуй, лишь Умнейший.

Леон озадаченно повертел в руках странную книгу — не свиток, а кипу ломких прямоугольных листов, прошитых по краю. Ему пришлось крепко поразмыслить, прежде чем он догадался, что это — тоже книга. И даже из бумаги, только это не пчелиная бумага, а какая-то другая...

Тирсис неотрывно смотрел на Леона. Остальные притихшие подростки смотрели то на Леона, то на Тирсиса. Батт зябко трясся, клацал зубами — может быть, оттого, что еще не

успел опомниться от грохота деревянной пушки. Но скорее всего по другой причине... Скуксились мальчишки, недоученные стрелки, скис порыв. Совсем не такими они были, собравшись в условленном проулке перед восходом Энны — меньшей из лун. Когда запретное лишь затевалось и маячило где-то впереди, их глаза горели огнем восторга.

Теперь потухли.

Было слышно, как под деревянным полом возятся насекомые.

— Ты нашел то, что искал, Зигмунд?

Леон подпрыгнул. Запрыгали безумные тени, и расшвыряло в стороны подростков, даже Тирсиса. Кто-то коротко и жалобно подвыл.

Хранительница была здесь. Вошла незаметно. Сзади.

Отблески пламени играли на каменном лице.

— Я ведь знала, что ты не успокоишься, Зигмунд. С самого начала знала.

— А я ждал тебя. — Умнейший один не казался испуганным. — Ты покажешь нам путь в Столицу?

— На старости лет ты становишься однообразен. — Хранительница иронически приподняла бровь. — Мы ведь уже говорили об этом, и не раз. Твои затеи бесполезны, и в Столице ты все равно не найдешь того, что ищешь.

— С чего ты взяла, будто знаешь, что я ищу, Кларисса?

— Я догадываюсь. Почему я должна делать то, что принесет Простору вред?

— Значит, бесповоротно? — спросил Умнейший.

— Разве ты сомневался?

Старик вздохнул.

— Сомневался — не сомневался... Говорят, человеку свойственно надеяться.

— Тебе вообще не следовало сюда приходить, а тем более втравливать в опасные авантюры глупых мальчишек. Ради них, и только ради них, я предлагаю тебе уйти. И ради них буду молчать о вашем э-э... визите.

— Ради них? — удивился Умнейший. — А мне почему-то казалось, что ради всего этого, — он обвел рукой полки. — Или, может быть, я ошибаюсь? Ответь мне, может ли Хранительница пожертвовать хотя бы одной старой бумажкой ради спасения человеческой жизни, если возникнет такая необходимость? Что-то мне об этом ничего не известно.

Каменное лицо Хранительницы ничего не выражало.

— Мне надоело спорить с тобой еще лет двадцать назад, Зигмунд. Одни люди умирают, другие рождаются. Знания хранятся вечно. Они — остров в человеческом потоке.

— Сгнившие свитки с замшелыми байками. Старое вранье. Знания!

Хранительница шагнула вперед.

— Лучше уходи по-хорошему, Зигмунд. Иначе придется ненадолго уйти мне, но я вернусь не одна. Не думаю, что мои добрые горожане будут счастливы увидеть тебя здесь. И уж совсем не уверена, что мне удастся смирить их справедливый гнев.

В дрожащем свете факелов Умнейший жутковато осклабился.

— Не уверена — или не захочешь? Ведь как просто можно все решить! Ты всегда была внимательна ко мне, Кларисса. Надеюсь, ты не заставишь меня долго мучиться?

— К чему убивать? Шептуны просто внушат тебе мысль уйти из Города, и ты уйдешь. Сам. И больше здесь не появишься. А если еще раз попытаешься войти в Город, тебя выставят.

— Я плохо поддаюсь зашептыванию, ты же знаешь... Конечно, ты можешь приказать зашептать их, — Умнейший показал на Леона и притихших подростков, — и кто-нибудь из них меня попросту пристрелит. Уверен, что для тебя это оказалось бы наиболее приемлемым вариантом. Но ты забываешь об одной незначительной мелочи. Чтобы позвать кого-нибудь, тебе придется для начала отсюда выйти. А ты не выйдешь.

Только теперь Леон заметил, что Умнейший занял позицию между Хранительницей и единственным выходом.

Властное лицо Хранительницы отразило беспокойство. Затем ее глаза презрительно сощурились и превратились в щелки.

— Ты не решишься мне помешать. Попробуй!

Старик лишь пожал плечами.

— Когда только жители Простора избавятся от своей наивности? Учишь их, учишь...

— Ты хитер, Зигмунд. — Хранительницу трясло, и Леон содрогнулся, впервые увидев такую ненависть. — Чего бы ты ни добивался, все удавалось тебе лишь благодаря твоей хитрости, которая так легко становится подлостью. Не зря тебя

прозвали Умнейшим, а не Мудрейшим — ты слишком умен для Мудрейшего! Умен и подл!

— Приятно услышать комплимент. Теперь укажи путь в Столицу, и мы уйдем.

— Столицы не существует!

— Напрасно лжешь. Подумай. Иначе может обернуться так, что — прости — мне придется убить тебя.

Хранительница расхохоталась.

— Убей, Зигмунд, убей. Это ты можешь. Убери камень со своей дороги. И попробуй найти в Хранилище упоминание о Столице.

Умнейший молчал. Леону хотелось закрыть глаза и заткнуть уши. Хранительница с распавшимися по плечам седыми космами походила на степную ведьму, какими матери пугают непослушных детей.

— Взгляни на своих приспешников, Зигмунд. Вот ведь жалкий народец. Мальчишки, неучи — а погляди, как они отшатнулись. Неужели ты в самом деле на них рассчитывал? Человека не перекроить заново за несколько дней, ты просто не хочешь поверить в очевидное... Что ж, убей меня, если тебе позволят. Ты знаешь, что будет потом — тебе дадут убиться самому в горах или болотах. А может быть, тебя загонят в Междулесье, и ты высохнешь в мумию от жары и жажды. Выбирай.

Умнейший медленно покачал головой.

— Лет пятнадцать назад мне предлагали стать Хранителем в одной деревне на западе, а я отказался... Правильно сделал. Ты стареешь, Кларисса, и привыкла управлять дураками. Любой ум гибнет, не находя работы в полную меру своих сил. В прежние времена ты сообразила бы сразу, что я тебя не трону и пальцем. Я поступлю иначе... — Умнейший выхватил факел из рук Леона. — Ну как? Теперь ты, конечно, поняла, что я собираюсь сделать?

— Ты этого не сделаешь, — презрительно сказала Хранительница. — Я знаю.

— Почему же нет? — Умнейший пожал плечами. — Дощечки горят быстро, а пчелиная бумага еще быстрее. Достаточно прикоснуться огнем к любому свитку, и Хранилище уже не спасти. Подумай и пойми, что я это сделаю. Только не размышляй слишком долго — факел прогорает.

— Ты не сделаешь этого!

— Да?

Выдернув из кучи первый попавшийся свиток, старик быстро поднес к нему факел. На несколько секунд стало светлее, в неподвижно расширенных глазах Хранительницы жутко заплясало пламя. Мальчишки за спиной забыли дышать.

То, что осталось от свитка, Умнейший швырнул на земляной пол и затоптал тлеющие обрывки.

— Это была модель, Кларисса. Показать на натуре?

— Гадина! — От хриплого стона Хранительницы Леон вздрогнул.

— Ты всегда находила для меня самые ласковые слова, — кротко сказал Умнейший. — Приятно узнать, что твоя квалификация не утеряна. Скажи еще, тебе станет легче. А потом покажи нам путь.

Хранительница хрипло рассмеялась.

— Когда-нибудь ты умрешь скверной смертью, Зигмунд. Твоя душа не найдет покоя на Нимбе. И люди проклянут тебя!

— Возможно. Кстати, факел уже гаснет...

— Помнишь наше путешествие за Междулесье лет тридцать назад? Ту деревню, где ты впервые выиграл состязание мудрецов? Я тогда гордилась тобой, Зигмунд. От той деревни два перехода почти точно на север, через Голь Покатую. Уходи! Ищи там.

— А точнее?

— Точнее знает Нимб.

Умнейший покачал головой.

— Я не думаю, что ты соврала, но на всякий случай уясни себе, пожалуйста, одно: если по твоим указаниям мы не найдем Столицу, мы вернемся. И тогда Нимб тебе в помощь, Кларисса! Нынче времена меняются быстро, а беженцам твое упрямство совсем не понравится. Боюсь, как бы они не спалили Хранилище вместе с тобой.

— Что еще хочешь сказать?

— Я не пугаю, я предупреждаю...

— Ты узнал то, о чем молчали поколения Хранительниц. Чего тебе еще надо от старой, измученной женщины?

— Путь не близок...

Рот Хранительницы искривила усмешка.

— Можешь не продолжать, Зигмунд. Не беспокойся. Я отдала бы тебе даже последнее, чтобы ты убрался из Города как можно скорее и дальше вместе со своим стрелком.

— И с нами! — крикнул Тирсис.

— И с глупыми мальчишками...

«Но без меня», — захотелось сказать Леону. Он понимал, что не скажет этого. Поздно возражать. Бессмысленно.

— Прости меня, — повернулся к нему Умнейший. — Ты, кажется, хотел остаться...

Леон только махнул рукой.

ГЛАВА 8

Может ли человек вообразить себя человеком? А если может, то на кой ляд ему это надо?

Вопросы без ответов

В драконьей семье не без урода. Случается, драконы-карлики появляются на свет сами собой, и считается, что встреча с ними в лесу приносит несчастье. Гораздо чаще драконьих недомерков фабрикует человек. Для этого годится в принципе любой слизнивец, однако морочники отбирают драконьих личинок по каким-то неясным, только им известным признакам.

Лишь невежа станет выведывать секреты чужого ремесла из пустого любопытства. Леон знал только то, что, когда из куколок выводятся маленькие дракончики, их сажают на особую диету и морочники не отходят от них ни на шаг. В результате вырастают дракончики ростом с невысокого человека, а если брать рост по холке, то и того ниже.

Морочник — профессия редкая, почти не встречающаяся в деревнях. Хороший шептун без особого труда лишит дракона воли, принудив его делать то, что нужно человеку. Драконья тупость вошла в поговорку, сам по себе дракон годен исключительно на мясо и шкуру, и лишь морочник может навести на тупое животное мороку, заставив его вообразить, что он не дракон, а кто-то еще. Странным образом при этом возрастают сообразительность зверя и его способность понимать команды. Карликовые дракончики, вообразившие, что призвание их жизни — бегать под седлом, могут мчаться без устали от восхода до заката и охотно слушаются узды.

Щуплый мальчишка-морочник оказался словоохотливым и рассказал, что сам он занимается морокою с трех лет и среди местных морочников считается одним из лучших, уже обо-

гнал отца, но до покойного деда, честно сказать, ему далеко, — дед умел все и однажды даже заставил дракона поверить, что тот человек, но это кончилось трагически: гнусно подмигнув, дракон тут же сожрал деда и дал деру в лес, так что пришлось снаряжать специальную облаву для уничтожения людоеда. Должно быть, дед что-то напутал либо взял для морочной модели совсем уж негодящего человека, осталось только вопросом — где такого взял. Позднее многие пытались повторить дедов шедевр на карликовых дракончиках, однако в результате самых самоотверженных усилий получались либо коварные и злобные бестии, либо мирные дебилы, абсолютно ни к чему не пригодные, и в конце концов Хранительница распорядилась прекратить ненужное баловство.

— А птицей он возомнить себя может? — сгорая от любопытства, перебил Кирейн.

— Может, но не полетит. Только зря умрет от огорчения.

— Жаль, — вздохнул Кирейн. — Полетали бы.

Бегущего совиного страуса (а стоячими их никто никогда не видел) не успеешь и разглядеть, как его уже и след простыл. Не то чтобы их кто-то гонял или они гонялись за кем-то — просто они всю жизнь на бегу и даже яйца не высиживают, а выбегивают, прижимая их к животу и темпом бега регулируя температуру инкубации. Об этом знает каждый охотник. Единственное, чего Леон никак не мог предположить, так это того, что у дракончика, вообразившего себя совиным страусом, окажется такой тряский галоп. Леон только-только собрался сообщить об этом Умнейшему, как тут же пребольно укусил язык и решил, что разумнее будет помалкивать. Ветер бил в лицо, свистел в ушах.

За все время, пока готовились к походу, Кларисса так и не показалась на глаза, чему Леон нисколько не удивился, зато по ее распоряжению на место сборов принесли несколько корзин и плетеных коробов, наполненных всевозможной снедью, немного Тихой Радости и с десяток оплетенных особым способом тыквенных фляг с ручками для приторачивания к седлам.

— Пустые... — разочарованно протянул Кирейн, взглянув издали.

Леон попробовал на вес — фляги действительно были пусты.

— Словам не веришь, да? — горько сказал Кирейн. — Что

ж я, совсем не чую, что ли. А вон в той вчера еще была Тихая Радость, да только кто-то выпил...

— Фляги для Междулесья, — пояснил морочник. — Перед ним надо набрать воды, я хороший ручей знаю.

Неожиданно для Леона явился Парис, долго смотрел на сборы, чесал в остатках бороды и вдруг категорически заявил:

— Я тоже еду.

— Зачем? — спросил Леон.

— Зачем, зачем... Интересно мне посмотреть на Столицу, вот и все. Помереть, что ли, так и не увидев? Помеха я вам? Хороший шептун еще никому не мешал.

— У нас есть морочник, — возразил Леон.

Парис вспылил:

— Хоть ты теперь и великий стрелок, а все равно круглый невежда. С чего ты взял, что морочник во всяком деле заменит шептуна? Он и летягу-то почтовую отправить не сможет, чтобы та пять раз не заблудилась в пути, это всякий неуч знает. Кто тебя учил, балбеса?

— Ты учил.

Мальчишка-морочник, со своей стороны, подтвердил, что ему наказано проводить путников только до предгорий, не далее: на осыпях в горах яйцеедов дракончики все равно бесполезны и только зря поломают ноги. «Вот видишь!» — возликовал Парис. Леон только развел руками.

— Пусть едет, — разрешил Умнейший.

Видно, и родителям подростков было внушено нечто, потому что те, хотя и пришли проводить сыновей, вели себя сдержанно. Тирсис, Элий, Фаон, Сминфей и Батт с охотой расправляли некрепкие плечи.

Пока седлали зверей и приторочивали провизию, солнце поднялось высоко, и Великий Нимб потускнел и растворился в синеве. Десять выведенных из загона дракончиков, опустив головы к самой земле, пребывали в сонном оцепенении. Туда, где на спине карликового уродца колючий гребень, и без того недоразвитый, был аккуратно выстрижен, Леон поместил седло — туго набитый травяной мешок. Завязав под передними лапами зверя ременные завязки, он, как учил морочник, забрался верхом на мешок, попрыгал, устраиваясь поудобнее, не удержал равновесия и заболтал ногами.

— Драконий хвост! Тут свалишься...

— Сунь ему ноги в лапы, — сказал Умнейший.

Леон послушался. Мальчишка-морочник только прищурился на зверя — и тут же лодыжки Леона стиснуло, как капканом. Он без толку подергался туда-сюда и успокоился. Свалиться теперь можно было только вместе со зверем.

Одного дракончики не желали делать категорически: плавать. Фыркали, топорщили чешую и в воду не шли ни в какую. Известно: совиные страусы терпеть не могут воды. То есть, как объяснил мальчишка, опытному морочнику не составит труда заставить дракончика увериться в своем исконном рыбьем естестве, однако себе дороже: как булькнет нерыба в реку, так и захлебнется в полной уверенности, что имеет жабры, тащи потом со дна труп, чтобы воду не портил...

Через реку переправились на пароме — большом плоту, нанизанном на корень какого-то растения, протянувшийся над водой от одного берега реки до другого.

Два пеших перехода до Междулесья дракончики одолели за полдня. У указанного морочником ручья удалось наполнить фляги. Один раз встретилась небольшая деревня, но Умнейший велел не останавливаться, и Кирейн, которому не терпелось, прокричал песнь об Одолении Врага с холки дракончика, не меняя аллюра, трясясь и ляская зубами. Полюбоваться эффектом ему не пришлось — деревня сошла на нет, снова дорогу стеснил лес, замелькали ветви, стволы, редкие пятна солнца в просветах переплетенных крон. И — как отрезало.

Лес кончился. Сразу.

Дракончики, придерживаемые на лесных дорогах, на безлесной равнине сами перешли в галоп.

В Междулесье не живут. Что там делать нормальному человéку? Даже мухи там не такие, как в лесу, и садятся на кожу целыми стаями; не кусают — а неприятно. Там бродят стада удивительно глупых копытных животных, возиться с которыми не захочет ни один шептун, хоть мясо копытных недурно; там кожу человека дубит ветер и сжигает солнце; там петляют русла пересыхающих в сухой сезон ручьев с дурной, чаще всего горько-соленой водой; там почти нет троп — иногда лишь в высокой траве, какой нет на лесных ласковых полянах, пробежит, торопясь, посланный по делу гонец с притороченным к спине кожаным мешком с родниковой водой из леса и подстилкой из драконьей шкуры, заменяющей постель.

Никто не знает, зачем оно — Междулесье и какой в нем

смысл, хотя легенд существует великое множество. Безлесная степь, раскинувшаяся на пять пеших переходов в самом узком месте, поражает человеческое воображение не меньше, чем океан — срединных жителей Простора. Людей всегда поражает то, что сделано не для них. Так было, так будет, пока земля носит людей, а когда останется последний человек, то и он спросит: зачем оно существует, ненужное?

По одну руку от Леона вопил и гикал Тирсис, упиваясь скачкой, по другую — трясся на смирном дракончике Парис. Исходя из каких соображений Умнейший решил, что шептун в экспедиции окажется нелишним, Леон не понял и понять не пытался. Только за скачкой можно было забыть и обиду на Умнейшего, опять устроившего по-своему, и то, что Филиса снова осталась позади. Она даже не пришла проводить, зато явилась Хлоя, и быть бы великому стрелку покрыту позором скандала, если бы одна из младших хранительниц не приняла мужественно первый удар на себя, а затем и Умнейший как-то ловко не отвлек бы фурию. Удалось расстаться без потерь, и на том спасибо Нимбу. Впрочем, и Умнейшему тоже.

С пушкой — это он хорошо придумал...

Морочник и Умнейший скакали впереди. После нескольких попыток Леон сумел пришпорить дракончика и оказался рядом.

— А ты говорил — плохо, что тебя в наши края занесло, — не выдержал он. — Огневой-то припас у тебя где был? В Городе.

Умнейший хитренько улыбнулся:

— У меня в каждом городе такой мешок. Даром я, что ли, ходил по Простору пятьдесят лет?

Помолчали.

— Правда, Городу это не поможет, — вздохнул старик. — Пусть даже серу найдут и селитры наварят — великая будет удача, если завалят хоть одного зауряда. Из деревянных пушек только по слизнивцам лупить, и то если смирно сидят. Но хотя бы те, кто уцелеет, начнут что-то понимать. Эх, жаль, я не могу быть во всех городах одновременно! Боюсь, судьба вашей деревни горожанам не указ, не умеют они воевать и не хотят, а когда действительно запахнет жареным, Хранительницы им подскажут то, что людям и без них захочется сделать.

— Бежать? Прятаться?

— Можно и прятаться, — сказал Умнейший. — По моим грубым подсчетам, население Простора составляет не более

одного-полутора миллионов человек. Что такое миллион человек в этих лесах? Многие умные люди, наверно, так и думают. Ошибка лишь в одном: максимум через год-полтора леса на планете перестанут существовать, ну и люди тоже, конечно. А умные так в первую очередь.

— А ты? — спросил Леон.

— Попрошу не путать! — обиделся старик и вдруг фыркнул, как дракончик. — Я не умный. Я — Умнейший.

Довольно скоро Леон научился пружинить ногами, гася тряску и не подвергая опасности язык.

— Ты говорил, Хранительница знает, что Город будет уничтожен... — Дождавшись подтверждающего кивка, Леон задал мучивший вопрос: — Почему же она так испугалась, что ты сожжешь Хранилище? Ведь оно тоже погибнет. Допустим, она не сообразила в первый момент — но потом?!

Старик ответил не сразу.

— Она женщина, и она жительница Простора. Умом верит в одно — сердцем в другое. Вот тебе первый урок: не спрашивай того, чего пока не способен понять. Для этого у тебя есть я.

— А почему она отпустила с нами мальчишек?

— Урок второй: не трать времени на расспросы, если можешь сообразить сам. Подумай.

— Потому что они видели, как ты ее унизил?

— Урок третий: не делись своими выводами со всеми окружающими без разбора.

— И много у тебя еще уроков на мою голову? — спросил Леон.

— Урок четвертый: не дерзи Учителю!

Припекало. Дракончики, не умея потеть через чешую, вывалили длинные языки. Только теперь, ощупывая свой горячий затылок, Леон понял назначение носимого Умнейшим на голове плетеного предмета. Да, здесь не лес... Не будь обдувающего встречного ветра — далеко бы не ушли.

— Велик Простор, а Нимб больше, — сказал Леон, утешая себя.

— Ты пословицы брось, они оружие идиотов, — проворчал Умнейший.

— Это пятый урок? — спросил Леон.

— Нет. Это факультативно.

Около полудня заметили вдали сверкающий на солнце диск, быстро летящий над степью по широкой дуге. Старик

закричал, требуя повиновения, и первый заставил своего скакуна лечь в траву. Сказалась ли предосторожность или у зауряда были иные заботы, но только он не обратил на людей никакого внимания и быстро скрылся за горизонтом.

— Разведчик, — пробурчал Умнейший, отряхиваясь. — Нулевой цикл, самое начало. Все, что мы видели, это еще не очистка, это подготовка к ней.

— Почему он не напал? — спросил Леон и содрогнулся.

— Урок пятый: слушай внимательнее. Я уже сказал: у этого зауряда сейчас иная задача. Селение он, вероятно, атаковал бы, а кто ему мы? Табунчик степных животных, только и всего. Цель, не стоящая внимания.

— Ничего себе... — Леон почесал в затылке. — Ну ладно, пусть он считает нас животными... Пусть невозможно его переубедить... Но если... если все люди на Просторе покинут деревни и города? — Леон просветлел лицом. Мысль показалась блестящей. — Да! Уйдем из деревень, станем жить в лесу мелкими группами — неудобно, конечно, но не пропадем же...

— Ты плохо усвоил пятый урок, что ли? — подивился Умнейший. — Повторяю специально для двоечников: разведка еще цветочки, ягодки впереди. Настоящие неприятности еще не начались. Очистка же! — рявкнул он внезапно. — Полная!

— Что, и леса не будет? — хрипло и отчего-то шепотом спросил Леон.

— Ничего не будет. Поехали!

Ни отдыха, ни привала — скакали до самой темноты. Горячий ветер волнами колыхал траву, завывал в балках, мгновенно сушил на лицах пот. Тирсис давно перестал гикать, да и другие мальчишки по виду держались в седлах из одного самолюбия. Зато не уставал Кирейн, еще в Городе выбравший себе дракончика с особенно тряским галопом, а зачем — осталось загадкой до самого Междулесья. Лишь только дракончик понесся огромными прыжками и сказителя начало швырять в седле, он зажмурился и с риском откусить язык принялся отрывисто выкрикивать слова, оканчивающиеся на «он»:

— Леон! Звон! Стон!.. Поклон... Рулон...

И не реагировал на действительность.

К вечеру начал брюзжать Парис. Во-первых, его растрясло, во-вторых, седло постоянно сползает набок, а в-третьих, этот драконий недомерок, которого любой нормальный дракон при встрече просто сожрал бы из жалости, так стиснул ла-

пами его, Париса, ноги, что те уже ничего не чувствуют, и вообще не пора ли устроить привал, а? Пора ведь...

— Отстанешь — бросим, — безжалостно отрезал Умнейший. — Возиться с тобой некогда.

Парис замолчал.

Поведение Кирейна разъяснилось тем же вечером. Когда все-таки остановились на ночлег у полупересохшего ручья с относительно годной водой и сели перекусить перед сном, сказитель выступил вперед. У Леона, протерпевшего весь день галоп дракончика, сразу заныло в животе — слова из сказителя выскакивали такими же рывками:

Умен,
Судьбою закален,
Достойной матерью рожден,
В бою удачлив очень,
Вот он —
Леон,
Могуч, силен,
Свеж,
Как лиановый бутон,
Что расцветает к ночи.
Он —
Наше чудо.
Кто он?
И откуда?
Отчего ему такая почесть?

— Здорово твой недомерок спотыкается, — съехидничал Парис.

— Не нравится — не слушай, — взвился Кирейн. — Это пока черновик, над ним еще работать. Способ такой — стихотряс называется, а вот если на высокое дерево залезть в ветреный день, то баллады хорошо писать — качаешься и пишешь... Ты шептун — вот и шепчи себе на здоровье, а высокую поэзию не трогай!

— Охота была руки марать...

— Цыц! Вот и Леону понравилось!

— Во-первых, не понравилось, ты на него посмотри получше, а во-вторых, что он понимает, твой Леон?

Кирейн задохнулся:

— Леон? Не понимает?!

На один миг Леону стало весело.

— Парис, ты не прав, — сказал Умнейший. — А ты, Ки-

рейн, про удачливость пока вычеркни, не время еще... Хм... А впрочем, сойдет и так, вреда не будет. Кстати, у тебя не возникает желания написать сагу?

— О Леоне Великом Стрелке? — оживился Кирейн. — Точно! Песнь я уже написал, а теперь в сагу переделаю. Почему бы нет? Или, может, лучше начать сызнова, а песнь пусть будет сама по себе, а?

— Лучше сама по себе.

— «Свеж, как лиановый бутон»! — продребезжал Парис. — Нашел сравнение. Ты не о девке пишешь, а о Великом Стрелке!

— Что же мне, писать, что он несвеж? — окрысился Кирейн. — Ты шептунов учишь, вот и учи, а мое дело — песнь! Красивые слова лишними не бывают, я их людям пою, не зверю какому лесному...

Парис фыркнул:

— А давай спросим у самого героя, что он скажет? А, Леон?

— Насчет бутона еще так-сяк, — нерешительно проговорил Леон, — а вот насчет того, что расцветает к ночи... Что за намек?

— Где намек, где? — наскакивал Кирейн. — А хоть бы и намек, что с того? Кое на что очень даже неплохо намекнуть...

Махнув на него рукой, поели копченого мяса, запили водой из ручья, сберегая запасы. Кирейн сделал один глоток, поперхнулся и воду выплеснул.

— Гадость! Как вы это пьете?

— Спой что-нибудь, — попросил Леон. — Только, чур, не про меня.

Заунывная баллада Кирейна никому не понравилась, а более всех Леону, усмотревшему в ней все те же поползновения сказителя, так как говорилось в балладе опять-таки о молодом и удачливом охотнике. Интрига, правда, была другая: всем был хорош охотник, но на состязаниях в стрельбе так засмотрелся в зеленые очи своей возлюбленной, что не попал не только в центр мишени, но и в мишень вообще, за что подвергся осмеянию, и мало было охотнику одного горя — подвалило другое: предмет его сердечной раны отныне и близко не хотел подходить к неудачнику, и пришлось тому... Наверно, пришлось взять в жены вдову покойного брата, кисло подумал Леон, но верна ли оказалась догадка и какие именно действия пришлось совершить молодому мазиле, осталось неизвестным, потому что как раз в этом месте Кирейн, давно

уже бегавший глазами по сторонам, разглядел не выставленную пока в круг бутыль Тихой Радости, и пение прервалось; когда же сказитель отвалился от бутыли, выяснилось, что окончание баллады он все равно забыл — впрочем, никто особенно и не огорчился.

— Спел бы лучше что-нибудь веселое, — проворчал Леон.

Кирейн потер лоб — видно, сочинял не сходя с места. Хлебнув из горлышка, подмигнул и, ударив по струнам думбалы, запел с горским акцентом:

Нет разумнее идей,
Нежели гулянка
Средь бутылей и друзей
На лесной полянка!

— Тьфу на тебя, — сказал Леон.

В ту ночь Умнейшему приснился безобразный сон: он стоял на краю обрыва, уходящего вниз на десятки мгновений свободного падения, а под ним был лес, один только лес до самого окоема, и где-то в этом лесу наверняка лежали деревни, невидимые, как невидимы снаружи ходы клещей-точильщиков в коре дерева вамп, что растет на Сиринге, невидимы — и нет их... Он пытался отшагнуть назад, но каждое движение, отражаясь от пружинящей стены за плечами, толкало его еще ближе к краю, за которым — он видел — лишь пустота и ужас падения. Тогда он замер, боясь шевельнуться, и знал, что все равно выхода нет, ужас можно лишь отсрочить и от падения в бездну никуда не уйти, потому что она — бездна...

Он проснулся, сел, долго мотал головой, прогоняя жуть. Сон живо напомнил случай из раннего юношества, когда после детской бравады и пренебрежения опасностями он впервые до озноба испугался высоты. Все когда-нибудь случается впервые. Понятно, отчего нынче снится такое...

Междулесье жило голосами ночных животных. Робко шуршал в сухотравье кто-то безопасный. На пастбище шумно любились дракончик и дракошечка. Сегодня на небо выползли две луны, и было довольно светло. Улыбался во сне, чмокал губами Кирейн, смакуя снящуюся Тихую Радость; мерно, как заведенный, похрапывал Парис. Леон беспокойно спал на боку, завернувшись в обрывок вытертой драконьей шкуры, иногда вздрагивал во сне. Ему-то что снится? Наверняка та девка... как ее... Филиса. Что еще ему может сниться. Мальчишка еще по существу, не столь далеко ушел от Тирсиса, как

хотелось бы. Что из него получится, он и сам не знает, и это еще полбеды. Плохо, что я этого не знаю, а должен бы знать.

Спокойно, Зигмунд, сказал старик неслышным шепотом. Все идет как надо. Медленнее, чем следовало бы, но все-таки в нужном направлении, а это главное. Тебе предстоит сделать много больше, чем тобой уже сделано. Справишься ты или нет — вопрос второй, но ты обязан хотя бы попытаться. Хотя бы.

Спокойно, Зигмунд.

Назавтра продолжилась та же скачка, гнали весь день и половину ночи. Утром третьего дня увидели горы. Над пологими увалами отчетливо выделялся срезанный конус Голи Покатой.

— Нам туда? — на всякий случай показал Леон.

— Точно. Не в кратер, конечно, а к яйцеедам.

Леон смолчал. Вообще-то к яйцеедам не хотелось. Хорошие ребята, приветливые, но чересчур уж отсталые. Срам сказать: по праздникам их молодежь состязается в кулачном бою, а сказители все больше врут про древние смертоубийства, кто кого и чем пришлепнул, женщинам у них должного почета нет, и вообще народ дикий. Иные за всю жизнь ни разу не пригубят Тихой Радости — не вызревают у них клубни.

Ближе к предгорьям снова пошел лес, низкорослый и не сплошняком, а отдельными островками — от одного до другого пока доплетешься, собьешь ноги и обгоришь на солнышке до пузырей. Воды мало, хлебные деревья так себе, брюквенных же и вовсе нет, в сладких грибах черви ходы роют, отчего, говорят, гриб только слаще делается — да кто ж его есть будет! Людей нет, что и неудивительно. В таких краях жить можно, но не хочется.

Притомившиеся дракончики спотыкались.

— Скверное место, — поделился Леон своим мнением о Междулесье. — Пешком тут, наверно, не всякий гонец добредет, не то что мы.

Умнейший повернул к нему лицо, серое от пыли. Сверкнули глаза.

— Я через Междулесье второй раз верхом еду, а пешком ходил четырежды. — Сказал, как отрезал.

Леон уважительно промолчал. Вспомнилось давнее: когда всем миром гоняли убийцу, облаве пришлось зацепить край

Междулесья, шли всего полдня, и то трое охотников свалились от солнечного удара, а один едва не умер.

Горы приблизились. Над Голью Покатой курился слабый дымок. Простым глазом различалось, что увалы не столь уж низки, как казалось издали, а дальше, за первыми перевалами, за Голью Покатой идут уже настоящие горы: скальные стены, каменные осыпи на бесконечных подъемах, глубокие ущелья с быстрыми холодными речками, редкие деревни горцев-яйцеедов, а настоящего леса опять нет, и зачем горы нужны — неясно. Та же Голь Покатая — для чего дымит? Покойная старая Хранительница со всей серьезностью утверждала, будто на том месте, где сейчас встал горный пояс, миллион, а может быть, и миллиард лет назад зачем-то столкнулись два материка. Сказители поют иное: давным-давно, когда люди устали выдумывать себе врагов, неживое Зло устыдилось своей праздности и навалило на себя столько камня, сколько его было на всем Просторе, похоронив вкупе с прочим оружием непобедимый меч Синклиналь, и, вообще говоря, это больше похоже на правду. Что за миллионы и миллиарды непонятные? Какая такая Столица может лежать в горах, коли о ней не слыхивали и яйцееды? Под горами — иное дело, там ей и место...

В первом же распадке между увалами нашлась крохотная, домов в десять, деревня — не яйцеедская и не лесная, а меняльная. Как пояснил Умнейший, бывавший здесь прежде, с гор сюда идет черно-красный порошок, таящий в себе будущее железо, и расходится отсюда по восточным лесам, которые куда обширнее западных и тянутся без перерыва до противоположного берега океана. Взамен горцы получают кое-какую утварь, а главное, фрукты и копченое драконье мясо, потому что прожить всю жизнь на одних птичьих яйцах хотя и возможно в принципе, но удовольствия мало. С полсотни жителей деревни занимаются тем, что устраивают отдых обеим меняющимся сторонам, за что имеют свою долю, но и нас, добавил Умнейший, накормят с охотою, а Кирейн им за это стихи почитает.

И верно: узнав Умнейшего, накормили так, что путники едва могли двинуться с места; затеяли было готовить праздник и огорчились, узнав, что путникам надо не медля ни часа отбыть дальше. Умнейший торопил, не давая покоя. О детенышах Железного Зверя селяне были извещены — но нет, ни-

чего похожего над горами пока не появлялось и, даст Нимб, не появится. Песнь об Одолении Врага, тоже, как видно, доставленную почтовой летягой, многие знали наизусть, а Кирейн с седла прокричал то, что насочинял в Междулесье, и сорвал аплодисменты.

На Леона глазели ничуть не меньше, чем на Умнейшего. Одна девушка, коварно подойдя сзади, обвила его шею руками и, прежде чем Леон успел деликатно отстраниться, оглушила его поцелуем точно в ухо.

— ?

— Так. Когда состарюсь, будет о чем внукам рассказывать, — улыбнулась она.

И ушла, покачивая бедрами. Леон, краснея, поковырял в ухе.

— Привыкай, — посоветовал Умнейший.

Уставшие дракончики трусили расхлябанной рысцой, часто спотыкаясь на подъемах и рискуя сломать себе шею на спусках. Совиные страусы терпеть не могут неровной местности. То, что скоро они окажутся бесполезными, понимал каждый. Мальчишка-морочник все чаще поглядывал назад.

Умнейший, нагнувшись с седла, ловко подцепил с былинки какую-то козявку.

— Как называется?

— Шершавница рогатая, горный подвид, — ответил Леон, мельком взглянув на насекомое.

— Так. А эта?

— Не эта, а этот. Листокрут сиреневый, непарноглазый. Осторожно, он ядовитый...

— Но ведь не укусит? — спросил старик.

— Не укусит, если не попытаешься раздавить.

— Все знаешь...

— Кто же этого не знает? — удивился Леон.

Старик посопел.

— Тогда ответь мне на один вопрос. Люди поселились на Просторе пятьдесят-шестьдесят поколений назад. Легко подсчитать, что при нормальной рождаемости, да еще с вашим ползучим матриархатом и отсутствием войн население планеты должно было достигнуть нескольких миллиардов человек. Почему этого не произошло, не знаешь? При здешней-то благодати? Вот хотя бы ты — почему у тебя нет детей?

— Пью грибной сок, — признался Леон.

— Я не спрашиваю, что ты делаешь для контрацепции. Я спрашиваю, почему у тебя нет детей?

— От Хлои?

— Понял... Ладно, отставим в сторону стрелка Леона. Допустим даже, что некие древние обычаи ограничивают рождаемость, хотя лично я нигде не замечал даже намеков на какие-либо обычаи в данной сфере. Но завезенные переселенцами кошки и собаки? Им-то кто мешал расплодиться по всему Простору и свести к нулю мелкую лесную фауну? Куда делись местные хищники? Коль скоро их нет — почему травоядные не размножились настолько, чтобы пожрать всю зелень? Забавный мир... Масса мелких зверьков ядовита, но никогда не кусается. Однажды я с помощью шептуна уговорил одну ящерку отведать собственного яда. Бедняга издохла через три секунды. А почему кровососущие насекомые сторонятся человека? Молчишь... — Старик перевел дух. — Правильно молчишь. Вот за ответом на эти вопросы мы и идем.

— А я думал, мы идем за оружием, — не выдержал Леон.

— Мы и идем за оружием, можешь мне поверить. — Умнейший помолчал, кривя бескровные губы. — За самым страшным оружием, какое только есть на этой планете.

Оружия пока не было, и сколько до него оставалось идти, никто не знал. Стояли горы — впереди и сзади. И те, что впереди, были выше.

* * *

— Спустишься на поверхность.

Гигантская туша Нбонг-2А-Мбонга колыхалась перед Й-Фроном, как студень, мясистый жабий рот двигался с заметным усилием, и было непонятно, кто из двоих отдает приказ: Мбонг или Нбонг?

Какая разница! Приказ, несомненно, согласован с коммодором Ульв-ди-Уланом, если не исходит от него лично. Ограниченно ценные наиболее подходят для черной работы. Дин-Джонг, разумеется, оставлен про запас.

Что ж. На поверхность так на поверхность.

— Заброска туннельной камерой? — спросил Й-Фрон.

— Нет. Активный скафандр. Спустишься по наводке как можно ближе к Девятому. Там проблема: потеря двух зауряд-очистителей. Выяснишь причину.

Ясно. Потеря одного зауряда может насторожить, но ни-

когда не считается серьезной проблемой и списывается на неизбежные случайности. От Мбонга Й-Фрон знал: два потерянных зауряда ставят под вопрос надежность автоном-очистителя. Без сомнения, дистанционная проверка Девятого уже произведена, отклонений не выявила и признана недостаточной.

— Доложить немедленно или по возвращении?

— Сказано: активный скафандр, дебил!

Говорил все-таки Нбонг.

ГЛАВА 9

Законы эволюции нерушимы: если бы альпинистам приходилось спускаться с гор на карачках и притом лицом вперед, их руки были бы вдвое длиннее ног.

Приписывается Умнейшему

Похоже, по дну ущелья некогда протекала речка, а потом воду отвели и проложили широкую дорогу. Но, конечно, это только казалось. Леон фыркнул от глупой мысли. Кому нужно тратить силы на дорогу, по которой десять человек могут идти в ряд? Кому она нужна такая? Наверняка речка сама нашла более удобный путь, а вот эти глыбы — они упали сверху уже потом, растрескав затвердевшее, как камень, русло.

Третий день шли пешком. Деревень больше не попадалось. Мальчишка-морочник, не слушая увещеваний, увел своих драконочиков, лишь только путники одолели первые увалы. Уйму времени убили, обходя по горячей земле кратер Голи Покатой, и надрывно кашляли, дыша серными испарениями. Долго лезли на перевал и долго спускались с него, зато нужное ущелье Умнейший указал сразу:

— Там, и нигде больше.

Старик бодро шагал впереди, вертя головой с неподдельным интересом. Справа от Леона шел Тирсис, неся на плече духовую трубку, слева — Сминфей. Элий, Фаон и Батт держались на шаг позади.

— Твоя гвардия, — пошутил Умнейший.

Леон не вполне понял, но переспрашивать постеснялся.

Уклон дороги ощутимо возрастал.

— Нас кто-то догоняет, — объявил Парис.

— Детеныш? — встрепенулся Кирейн. — То есть этот... зауряд?

Леон счел разумным изготовить к стрельбе духовую трубку. Тирсис и гвардия почти без суеты последовали его примеру.

— Нет. Живое. — Шептун наморщил лоб и добавил: — Встревоженное.

— Подождем?

Из-за поворота ущелья галопом вынесся мальчишка-морочник. Следом за ним, низко опустив лобастые головы, топотали все девять порожних дракончиков. Прежде чем мальчишка успел осадить скакуна, Леон заметил у него за седлом растрепанную почтовую летягу, уцепившуюся когтями за травяной мешок.

— Город? — только и спросил Умнейший.

Мальчишка пошмыгал носом и разревелся.

Послание, писанное на свитке пчелиной бумаги, читали вслух несколько раз, запоминая. Налет на Город совершил один-единственный зауряд, упрямо названный в послании детенышем Железного Зверя. Как обычно, он появился из-за леса неожиданно и успел натворить дел, прежде чем горожане, глядя на свои пылающие дома и мечущихся по улицам беженцев, сообразили что-то предпринять. Стрелки, не успевшие собраться в кучу, встретили детеныша не дружным залпом, как предполагалось, а кто во что горазд, и не причинили тому ни малейшего вреда, хотя иные и хвастались потом, что попали. («Нас там не было», — встрял Тирсис. Ему велели молчать.) Сложилось впечатление, что детеныш сбит с толку множеством целей, во всяком случае, он несколько раз пролетел над Городом, бесприцельно расшвыривая огненные клубки, что дало многим время добежать до леса, и лишь когда надрывно бухнула пушка — вторая, которую сделали лишь накануне, — выбрал себе первоочередную цель. Пушку он сжег и отстрелял поодиночке разбегающихся канониров, после чего обратил внимание на главную площадь. Четвероног оплавился и перекорежился, однако спас множество прячущихся под ним людей (подземное убежище только собирались начать копать), в то время как кузнец Аконтий, прогнав от первой пушки всех горячих и торопливых, собственноручно наводил деревянное орудие. От удара визжащей стаи камней и железных обрезков детеныш будто споткнулся в полете («Что они у них, из картона, что ли?» — поразился Умнейший) и

упал в реку, где малое время спустя взорвался, окатив весь Город жидким илом и дохлой рыбой. Помня предостережение, большая часть горожан в тот же день ушла в лес, прихватив с собой лишь самое необходимое...

— Им через Междулесье уходить надо, — вставил Умнейший.

Последняя часть послания была размыта и не читалась.

— В следующий раз не реви над историческими документами.

— Много погибших? — спросил Леон.

Мальчишка только всхлипнул.

— Твои-то родные целы? — спросил Умнейший.

— Целы.

— Тогда тем более не реви.

Выходкам Умнейшего давно перестали удивляться.

— А ты почему вернулся?

— Так велели, — объяснил, шмыгая, морочник и показал на размытую часть послания. — Аконтий сказал, мол, своими руками в землю вобью того, кто еще скажет слово против Леона и Умнейшего. Вот новая Хранительница и велела мне: останешься сколько надо, написала, и поможешь...

— А... прежняя Хранительница? — каменея, спросил Умнейший.

— Сгорела вместе с Хранилищем.

Старик молча отошел в сторону и долго был неразговорчив. Приблизившись к нему на следующем привале, Леон увидел: Умнейший плачет.

* * *

Нбонг не спит — сегодня наши периоды бодрствования совпали. Не могу сказать, что мне это очень по душе. В такие моменты брат принимает решения сам и лишь изредка советуется со мной.

Я наверстаю свое потом.

Вчера коммодор Ульв-ди-Улан позволил лидер-корвету вильнуть на более высокую орбиту, где тот сумел подхватить на периферии роя довольно крупный каменный обломок и переработать его в активную массу. Отсеков в корабле прибавилось — впрочем, большей частью массы обломка лидер-корвет укрепил собственную броню.

Последнее время у него новое развлечение: выращивает пыль в самых труднодоступных местах и заставляет ограниченно ценного ее вытирать.

Если корабль достаточно долго находится без дела, он дичает. Витков двадцать назад он, например, выкинул такую штуку: понаплодил в каждом отсеке по нескольку сотен безобразных на вид штуковин, которые назвал почему-то «реле», и до того увлекся щелканьем, что впервые за время полета не подчинился прямому приказу коммодора — пришлось поднимать со дна бассейна Хтиана, чтобы тот гаркнул.

У него это хорошо получается.

А сейчас корабль не весьма расположен делиться активной массой с кем бы то ни было, и менее всего с ограниченно ценным. Распустился и своевольничает.

«Вторая степень защиты ему подойдет?»

«Нет. Сделай хотя бы пятую». — Это отвечает брат.

«Может быть, третью?»

«Пятую, и без халтуры. Й-Фрон должен благополучно достичь поверхности и вернуться».

«Тогда сокращу ему пищевой рацион по прибытии», — бурчит корабль как бы про себя, но мы, конечно, слышим.

Для «Основы Основ» нести в себе ограниченно ценного — само по себе оскорбление. А уж растить ему скафандр и вживлять Пароль...

Потерпит.

«Отставить! — вмешиваюсь я, упреждая реплику брата. — Рацион оставить прежний. Й-Фрон еще пригодится. За своеволие ответишь. Вопросы есть? Делай».

Пыхтит от обиды, но делает.

* * *

Теперь снова ехали верхом, что одобрил даже Парис, успокоивший на пеших переходах растрясенные в Междулесье внутренности, зато сбивший ноги. Скальные стены вроде бы сделались ниже. Дорога петляла вместе с изгибами ущелья, попадались покосившиеся полосатые столбики, и теперь уже каждому было ясно, что это, как ни странно, дорога, не что-нибудь. И вдруг — кончилось.

Когда-то дорога уходила здесь вовнутрь горы. Но то было когда-то.

— Завал, — констатировал Леон.

— И очень давний, — удрученно заметил Умнейший. — Что ж, этого следовало ожидать. Эх, драконов бы сюда пригнать, — помечтал он. — Настоящих, тягловых, с хорошими морочниками...

Он долго ходил вокруг нагромождения валунов, чертыхался и даже пробовал расшатать некоторые глыбы без всякого толку. Потом сказал:

— Будем искать другой путь.

— Где? — спросил Леон.

Умнейший показал пальцем вверх.

За завалом Леон скоро понял, чем отличается дорога от русла бывшей реки. Дракончиков пришлось вести в поводу. Стены ущелья все чаще сменялись ненадежными осыпями, того и ждушими, чтобы обрушиться от случайного чиха. Пока нашли подходящий для подъема длинный склон, стало вечереть.

— Заночуем здесь? — спросил Леон.

— Заночуем в Столице! — рявкнул Умнейший.

Леон промолчал, а Тирсис с товарищами стали переглядываться. Если старик еще не выжил из ума, то вряд ли был далек от этого. Подняться на этакий склон — ногам работы до утра.

Дракончики, как и ожидалось, оказались бесполезными. На подъеме они плохо держали равновесие, немилосердно скребли ступнями седоков по камням и продвигались елеле. Понятно: если бы совиные страусы умели жить в горах, они бы здесь и жили. Один дракончик перекувырнулся через спину, чуть не сломав шею себе и Фаону.

— Вперед! — хрипло и зло понукал Умнейший, когда попытка одолеть склон верхами окончилась там же, где началась. — Пешком! Найдем где-нибудь площадку и заночуем. У нас нет лишнего времени, поймете ли вы это наконец!..

— А я? — спросил морочник.

— А тебе спасибо, и иди разыскивай своих.

— Я не о том, — сказал мальчишка и покраснел от волнения. — Есть один способ... Зачем же внушать дракончикам, что они непременно совиные страусы?

— А кто? — вышел из себя Умнейший и, как всегда в подобных случаях, прибег к непонятному слову: — Эскалаторы? Какой здешний зверь может бегать по горам, а летать они не...

Краснея пуще прежнего, морочник под строжайшим секретом рассказал, что научился от деда морочить дракончиков

до того, что они запросто воображают себя несуществующими зверями, о которых только в былях и поется, и даже тварями совсем небывалыми, как например, откровенно сказочный страшноногий зверь пферд, он же хорс, он же кобыл, — все это имена тайные и ложные, а подлинного не существует. Дракончик с внутренней сущностью пферда-кобыла бегает по равнине не столь быстро, как совиный страус, но зато может брать подъемы и по вине коротких передних лап бесполезен лишь на спусках.

— Ну-ка, ну-ка, — поощрил Умнейший.

Мальчишка весь взмок, наводя новую мороку, но, по-видимому, навел. Подняв зады, дракончики встали на четыре лапы, дружно замахали хвостами и потянулись за пучками травы, а один, вскинув голову, издал прерывистый, неприятный для слуха крик.

— А почему он страшноногий? — спросил Кирейн, беспечно подходя к зверю сзади.

Дракончик, легко поднявшись на передние лапы, отмахнул задними... Онемевшего от неожиданности сказителя пришлось выкорчевывать из расщелины скалы, где его защемило после короткого полета.

— Предупреждали ведь, — развел руками морочник. Умнейший отчего-то хихикнул.

— Спереди тоже лучше не подходить, особенно без угощения, — заметил он. — Укусит. У кого найдется лепешка с солью?

Пределы его знаний были безграничны.

Мотая головами, дракончики полезли вверх. Приходилось цепко держаться за гребень, потому что теперь животные, отпустив ноги седоков, упирались в склон всеми четырьмя лапами, зато и поднимались довольно скоро.

— Кому не лень, тому есть чему поучиться даже на Просторе, — заметил старик. — Только кому здесь не лень?

— Здорово! — восхитился Леон, не слушая.

— В Междулесье я их на ночь так заморочивал, — сообщил мальчишка. — Удобно: спишь, а они пасутся рядом и никуда не уйдут, потому что вольфов боятся, или, что то же самое, волков...

— Кто еще такие? — спросил Леон.

— Точно не знаю, но они их боятся...

Не какая-то там площадка для ночлега — ровное плоскогорье встретило путников на вершине подъема. Топлива не

нашлось. Тотчас дал себя знать холодный ветер, и Кирейн вслух пожалел, что не заночевали в ущелье. Спали, тесно прижавшись друг к другу и набросав на себя драконьи шкуры. Вернее, пытались уснуть, слыша сквозь полудрему вой ветра и жалобное ржание сбившихся в кучу дракончиков. Наутро обнаружилось, что один околел.

— Они же тепло любят, — со слезами на глазах причитал морочник. — Они же с равнины!

День не принес удачи, и пронизывающий ветер не стал теплее. Умнейший часто приказывал сменить направление. К полудню Леон перестал понимать, что он с таким усердием ищет и зачем. Столицу? Если столица — город, то искать ее на этом плоскогорье, где не растет даже трава, бессмысленно. Он закоченел и с завистью поглядывал на Фаона и Элия — сидя на одном дракончике, они могли греть друг друга. Парис дрожал крупной дрожью и временами заходился в мучительном кашле; кутающийся в шкуры Кирейн выглядел не лучше. При каждом порыве ледяного ветра Умнейший надвигал свою травяную шляпу по самые уши. Во взглядах, направленных на него, только слепой не прочел бы одну и ту же мысль: «Не пора ли вернуться?»

Следующая ночь стоила жизни еще трем дракончикам. Теперь уже четыре зверя несли на себе по двое седоков, и было ясно видно: еще одной холодной ночевки им не выдержать. На мальчишку-морочника было жалко смотреть.

Деревень на холодном плоскогорье не было, не попадалось и человеческих следов. И неудивительно, решил Леон, стуча зубами и пытаясь согреть руки о шею дракончика. Горы обширны, а людей в горах мало. Поселись они все здесь, а не в долинах, их бы скоро не стало совсем.

Тихая Радость кончилась. Кирейн, лишенный единственной услады в жизни, стал окончательно невозможен: горько ныл, жалуясь на холод, сочинять не желал, а если просили что-нибудь почитать, начинал одну и ту же историю про неловкого шептуна Нарцисса, у которого от удара драконьего хвоста отвалились усы. Часто шмыгал носом Батт и не скулил, очевидно, только потому, что боялся насмешек.

Умнейший сделался хмур, часто взбирался на возвышенности, чтобы оглядеть окрестности, раздраженно бормотал непонятные слова, то и дело чертил что-то на клочке пчелиной бумаги и в конце концов разорвал бумагу и выбросил об-

рывки. Путь, указанный им, зигзагом пересек плоскогорье и теперь, судя по всему, приближался к его краю.

— Если это вообще существует, то где-либо здесь, — сказал он наконец. — Ищите.

— Что искать? — спросил Леон, оглядываясь.

— Не знаю. Но смотри в оба... Стоп!..

Бездорожье пересекла тропинка.

— Вот и нашли.

Была тропинка едва приметна, петляла среди валунов, местами пропадала вовсе, и Леон со стыдом осознал, что вряд ли заметил бы ее, несмотря на весь свой охотничий опыт. Наверно, Умнейший все же знал, что искать.

— Видишь гору? — показал старик. — За ней в долине деревня, а по подошве идет хорошая тропа. Эта тропинка туда и ведет. Я в той деревне гостил дважды и знать не знал, что Столица рядом.

— Разве в деревне про Столицу не знают? — поразился Леон.

— А ты решил, что Столица — селение? — усмехнулся старик. — Не надейся. Больше одной души в тайном месте жить не может, иначе оно перестает быть тайным. И эту-то душу мы, надеюсь, скоро увидим. Скажи-ка своим орлам, чтобы приготовились.

— К чему?

— Ко всему. Мне почему-то кажется, что тут нас с дороги не накормят и Тихой Радости не нальют. Может быть — к бою.

— С человеком? — отшатнулся Леон.

— Ты, вижу, еще плохо понимаешь, что такое человек, — проговорил Умнейший и вдруг вспылил: — С противником! Понял? А человек он или нет — неважно! — И, успокаивая, добавил: — Сначала, конечно, попробуем договориться...

Тропинка оборвалась в круглой яме с отвесными стенами. Дна видно не было.

Спешились, ежась на ветру. Переглядывались в растерянности.

— Карстовый провал, — определил Умнейший. — Примерно так я и думал. Где-то тут должен быть спуск... — Он полежал на животе, свесив голову в яму. — Ага, лестница убрана, вон лежит. Значит, хозяин дома.

— Покричать ему? — предложил Парис и раскашлялся.

— Ш-шш... У кого веревка?

Достала веревка до дна или нет, определить было трудно.

— Тирсис, ты первый. Духовую трубку держи наготове. Внизу не шуметь!

Тирсис вопросительно посмотрел на Леона. Леон кивнул.

— Далее: Сминфей, Батт, Фаон и Элий. Затем я, последним — Леон. Остальным ждать наверху. Ясно?

Голос Умнейшего был таков, что ему повиновались беспрекословно. Кирейн только спросил, стуча зубами:

— Долго ждать?

— Сколько надо, столько и ждать!

Когда подошла его очередь, старик спустился вниз на одних руках с неожиданной легкостью. У Леона вышло нисколько не лучше.

Дневной свет сузился в неровный круг над головой. Внизу журчал ручей, вытекая неведомо откуда и утекая неведомо куда. Бледный лишайник цеплялся за камни. Вытоптанная в нем тропинка уводила в темный стрельчатый проход.

— Кто у нас самый тихий? Элий? Давай-ка вперед. Леон, ты замыкающий.

Скоро началась такая узость, что пришлось ползти. Холодный камень под ладонями был гладкий, словно отшлифованный. Леон содрогнулся, подумав о том, что так оно и есть. Сколько столетий люди пользовались этим лазом, коленями и ладонями полировали скалу... Странные люди подземелья, скорее всего — Хранительницы, сменяющие друг друга из поколения в поколение...

Где-то впереди лежало страшное неживое Зло.

Лаз кончился коридором. Спотыкаясь о сталагмиты, шли молча, только чуть слышно сопел Тирсис, выставив перед собой духовую трубку.

За ближайшим поворотом забрезжил слабый синеватый свет.

— Светящихся жуков он разводит, что ли? — шепотом предположил Умнейший.

Никакие это не были жуки. Когда добрались до освещенного коридора, увидели, что свет исходит от тонкого, уходящего вдаль щупальца, очень похожего на стебель лианы. Но разве бывают светящиеся лианы?!

Леон осторожно потрогал светящийся стебель. Он был мягкий и чуть теплый.

— Так и есть, — шепнул Умнейший. — Здесь и электричество цело. Изотопный источник, не иначе, только полудохлый... Нет, мы сюда еще вернемся, помяни мое слово. Какое место, а! Какое роскошное место...

Кое-где, группируясь вокруг светящегося щупальца, росли пучками незнакомые грибы на тонких бледных ножках. Леон отломил один, пожевал, плюнул.

— Несъедобные? — спросил Умнейший.

Леон едва не фыркнул. Скажет же... А еще Умнейший.

— Несъедобных грибов не бывает. Горчат немного.

Звонко срывались капли со сталактитов. В сандалиях хлюпало. Где-то недалеко шумела подземная река.

Впереди открылся зал — такой громадный, что потолка в скудном свете и не различить. Зато был прекрасно виден постамент из серого выкрошившегося камня, и камня странного, потому что в зияющих впадинах, откуда отвалились самые крупные куски, явственно торчали гнутые прутья, очень похожие на железные, ржавые насквозь. А на постаменте стояло Зло.

В том, что оно неживое, сомневаться не приходилось. Но от этого оно не казалось менее страшным.

Леон поймал себя на том, что готов ко всему, и не очень удивился бы, окажись непобедимый меч Синклиналь не сказкой, а доподлинной и зримой реальностью. Но то, что возвышалось на постаменте, меньше всего походило на меч. Оно вообще не походило ни на что знакомое — громадная холодная масса с множеством выступов и скругленными углами. Длинное, присыпанное пылью щупальце, потолще светящегося, но не светящееся нисколько, а, наоборот, темное и холодное, выходило из тела чудовища, змеилось по полу и исчезало в одном из боковых коридоров.

Леон отдернул руку. Вдруг стало страшно, что ОНО проснется от неловкого движения. Видно, не зря Кларисса не хотела сюда пускать. А что еще скажет местная Хранительница?..

— Назад!

Голос из темноты. Мужской, надтреснутый. «Зад... зад... зад...» — прокатилось эхо.

Не Хранительница. Хранитель.

Леон замер. Было слышно, как по ту сторону неживого Зла один из подростков уронил духовую трубку.

— Руки за голову! Отойти от машины!

Кто-то из мальчишек громко икнул.

— Вот как? Сей момент. А на сколько шагов?

Ответная реплика прозвучала неуместно глумливо. Леон не сразу понял, что вопрос задал Умнейший.

— Так на сколько же?

— Стрелять буду, — предупредил голос.

Леон скосил глаза. Умнейший, прячась за постаментом, делал понятные знаки: сожмись, не высовывай кочан раньше времени. Затем согнутым пальцем постучал по шкуре чудовища. Раздался гулкий звук.

— Ты будешь стрелять в любом случае, разве нет? Попробуй сейчас — вдруг зацепишь не только нас?

Грохнуло так, будто над самым ухом выстрелила деревянная пушка, только резче и короче. Что-то, взвизгнув, ударило по камню рядом с Леоном. Брызнув, ожгла каменная крошка, загуляло эхо.

— Навинти глушитель или брось валять дурака, — подал голос Умнейший, ковыряя в ухе. — Чего доброго, сорвется сталактит, да тебе же по маковке...

Грохот. Вспышка во тьме коридора. Эхо.

— Попадешь в машину — мы тебе ее чинить не будем. Сам чини.

Новый грохот. Визг, удар по камню.

— Когда ты в последний раз практиковался в стрельбе по цели?

Рычание во тьме. Грохот. Шляпа Умнейшего, поднятая над спиной неживого чудовища, вспорхнула птицей и улетела в сторону. Одно из светящихся щупалец выкинуло фонтан искр и погасло.

Леон нащупал оперение стрелки, вставил в трубку. Стрелка была не отравленная — он не взял с собой отравленных. Неужели придется стрелять в человека?.. Пусть даже местный Хранитель хочет убить непрошеных гостей... кстати, почему он хочет убить? За что? Наверно, он такой же сумасшедший, как тот давний убийца, несчастный человек, от которого отступились лучшие шептуны...

— Эй, снайпер, выходи, — предложил Умнейший. — Познакомимся.

Рычание перешло в надрывный кашель. Из темноты коридора появился человек.

К удивлению Леона, это был древний старик, выбеленный старостью, совсем древний, — наверно, вдвое старше Умнейшего и втрое — Париса. В сравнении с ним Умнейший выглядел просто юношей.

В руках старик сжимал что-то отдаленно похожее на железную духовую трубку, только очень короткую.

— Где вы? Я вас не вижу.

Умнейший не спеша вышел из укрытия, показывая пустые ладони.

— Поговорим, нет? Пострелять еще успеешь.

Из странной трубки вылетело грохочущее пламя. Умнейший даже не отскочил в сторону, а — Леон даже не заметил, как это произошло — только что стоял тут, и вот уже в трех шагах от этого места.

— Попробуй еще раз.

Хранитель раскашлялся и кашлял долго. Опасная трубка в его руках ходила ходуном.

— Шел бы ты в долину лечить туберкулез, — пожелал Умнейший.

— Вы все умрете, — пролаял старик. — Никому не дозволено знать путь в Столицу, кроме ее Хранителя.

— И нескольких окружных Хранительниц...

Старик расхохотался:

— Пять поколений назад некий глупый охотник захотел осмотреть пещеру. Можешь полюбоваться на его кости.

— Это так интересно? — иронически усомнился Умнейший. — Кстати, как насчет соблюдения Хранителями законов Простора?

Снова смех.

— Запомни, пока еще жив: у Хранителей свои высшие законы. Никто не вправе подвергать бедствиям весь Простор ради ничтожной жизни нескольких человек!

Выстрел. Прыжок Умнейшего.

— Вот как раз о бедствиях я и хотел с тобой поговорить...

Прыжок. Выстрел. Еще прыжок.

— Может быть, ты позволишь мне высказаться, не перебивая?

Хранитель не ответил, что-то делая со своей железной трубкой. Леон услышал лязг и противный скрежет.

— Огнестрельное оружие полезно время от времени смазывать, — высказался Умнейший.

Ударом трясущейся ладони Хранитель забил какую-то деталь.

— Я узнал тебя, Зигмунд. Давненько мы не виделись. Помнишь нашу последнюю встречу? Я тогда еще в учениках ходил, а ты и вовсе был чужим сопляком, шляющимся по всему Простору. К сожалению, я слишком поздно понял, что наступит время, когда ты явишься сюда. Тебя надо было убить сразу, как ты явился на Простор. О Столице тебе выболтала, конечно, Кларисса?

— Не поминай Клариссу, — попросил Умнейший. — Она умерла.

— Как?

— Сгорела.

— Она выбрала не самую легкую смерть, — продребезжал Хранитель. — Твоя смерть будет легче.

Выстрел. Прыжок. Тонкий сталактит сорвался со свода и разбился со стеклянным звоном.

— А знаешь, это начинает мне надоедать, — задумчиво сказал Умнейший.

Выстрел. Умнейший охнул, прижал руки к животу и медленно повалился на бок.

— Нет! — Заорав, Леон выскочил из укрытия. Сейчас он был готов убить человека.

— Этому — вторая! — каркнул Хранитель.

Не сознавая, что делает, Леон вскинул духовую трубку. Все законы Простора и сам Великий Нимб не смогли бы в это мгновение остановить выстрел.

— Не ты! — неожиданно крикнул Умнейший. Только что убитый или опасно раненный, он был уже на ногах, в стремительном броске между Леоном и Хранителем. В ту же секунду Хранитель захрипел и стал оседать. Сразу пять стрелок торчали из его горла.

Над темной тушей неживого чудовища показались головы мальчишек. Отваленные челюсти, безумные глаза... Умнейший шипел, осторожно вытаскивая из предплечья стрелку Леона.

— Торопишься очень...

* * *

«Основа Основ» выплюнул Й-Фрона наподобие вишневой косточки. Если провести аналогию дальше, корабль плюнул им в планету, как в мишень. Плевок был точен: услышав окрик Нбонга, лидер-корвет с неохотой отказался от намерения рассчитать траекторию так, чтобы убогую пародию на человека покружило над планетой два-три витка.

Когда перед ограниченно ценным расступился слой брони и воздух, вырвавшийся из отсека, выдул его в черноту пространства, единственное, что мог сделать ограниченно ценный, это попытаться увернуться от заблаговременно выращенной лидер-корветом ноги, и Й-Фрон попытался. С тем же успехом плавающий в воде микроб мог бы попытаться покинуть чайник, где ему суждено свариться вкрутую.

Пинок оказался рассчитанным довольно точно: Й-Фрон падал в Северное полушарие, на материк. Об остальном можно было пока не беспокоиться: активный скафандр сам сманеврирует в атмосфере и приземлит свою живую начинку по пеленгу Девятого.

Розовое свечение окутало его в ионосфере, мешая видеть. У верхней границы тропосферы оно погасло. С этой высоты зона очистки казалась малым круглым пятачком в корочке леса. Потом корочка раздвинулась и отступила за горизонт.

Й-Фрон снял и свернул скафандр. Атмосфера позволяла дышать, но воздух над недавно очищенной зоной оказался обжигающе горячим. Подошвы припекало. Тогда Й-Фрон снова надел скафандр.

Еще на подлете он активировал имплантированный в черепную кость Пароль — индивидуальный распознаватель, телепатически вызванивающий простенький код, — и отметил адекватную реакцию Девятого. Тот не собирался уничтожать вторгнувшегося пришельца, следовательно, ситуация с ним была не из ряда вон. Остальное поддавалось проверке.

Автоном-очиститель лежал на дне обширного карьера. Он работал. Й-Фрон, спотыкаясь, одолел спуск и, с опаской приблизившись, коснулся гладкой поверхности Девятого.

Ни тепла, ни холода он не почувствовал.

Автоном-очиститель покорно принимал температуру среды. Ему было в высшей степени безразлично, что думает о нем получеловеческое существо с Паролем в голове.

Й-Фрон вживил в Девятого тестер. Оставалось лишь отойти на безопасное расстояние и немного подождать.

Девятый не прекратил работать. Через несколько минут тестер со щелчком отпочковался, подтверждая полную исправность автоном-очистителя. Й-Фрон знал: будь иначе, тестер немедленно дезактивировал бы Девятого.

Однако потеря заурядов?..

Ни к чему ломать голову самому. Пусть это делает Нбонг-2А-Мбонг. У него их две. Донесение уже ушло на корабль.

Й-Фрон выбрался из карьера. Долго он здесь не задержится, активный скафандр вернет его на «Основу Основ». Стоит приказать ему сделать это, и он сделает. Скафандр — часть корабля, и эта часть во власти ограниченно ценного с условным гражданством. В случайном парадоксе таится единственная сладость десантирования на планету, особенно кислородную. Можно еще раз покинуть скафандр. Можно безнаказанно пнуть его ногой. Можно пропустить очередной виток лидер-корвета, а до следующего витка успеть слетать к границе очищенной зоны и посмотреть, что там и как. Только лишь ради собственного любопытства, потому что клеймо ограниченно ценного не будет с него снято никем и никогда.

В том, что ему попросту хотелось отсрочить возвращение на «Основу Основ», Й-Фрон признался себе гораздо позже.

* * *

Хранитель Столицы лежал навзничь, подогнув под себя ноги, и мертвенный синий свет из уцелевших светящихся стеблей заливал его неестественно запрокинутую синюю голову, острый синий кадык, обтянутый тонкой пергаментной кожей, и пять тонких стрелок, вонзившихся глубоко и тоже синих. Капельки темной крови ощупью прокладывали себе путь по морщинам дряблой шеи.

Не помешай Умнейший, стрелок было бы шесть...

«Как же это мы, — то шептал, то отчаянно кричал кто-то внутри Леона. — Как же...»

Мир съежился. Не стало Нимба над головой и Простора под ногами. Молча разверзлась земля, открывая черную бездонную прорву, и в эту прорву так же молча, не в силах испустить крик ужаса, сыпались Тирсис, Элий, Фаон, Сминфей, Батт... Леон...

— Очнись, на тебя смотрят, — скороговоркой шепнул Умнейший и пихнул локтем в бок.

Смотрят... Пусть.

— Сминфей, сбегай-ка за Парисом и Кирейном, — нарочито бодрым голосом приказал Умнейший. — Морочника с одрами можно отпустить, пусть ждет нас в деревне у яйцеедов. А вы четверо посмотрите-ка, что там в ближайших коридорах. Только, чур, далеко не ходить и руками ничего не трогать.

Леон кивнул, когда Тирсис вопросительно взглянул на него, и подростки, подхватив духовые трубки, разбежались. Пожалуй, даже слишком охотно.

— Спасибо, — глухо сказал Леон. — Я этого никогда не забуду. Но почему ты уберег именно меня?

— Завяжи-ка мне повязку, — вздохнул Умнейший. — Не так, потуже, потуже... Почему тебя, спрашиваешь? Да просто потому, что тебе еще рано убивать людей, да и мне, прости, тоже. Нам нежелательно даже находиться вблизи места, где это возможно, да так уж получилось.

— А этим мальчишкам — можно убивать?! — вне себя крикнул Леон. Грянуло сложное эхо.

Умнейший пожал плечами.

— Во-первых, не шуми. Во-вторых, никакого убийства не было, разве ты не заметил? Была самозащита или даже несчастный случай. Я лично думаю, что это был несчастный случай. Пожалуй, и твоих орлов убедить в этом не составит особого труда.

— Это было убийство!

— Вот как? Тогда заяви об этом сам своим мальчишкам, если у тебя повернется язык. Можешь прибавить, что это я вынудил их, простодушных, убить человека, и это будет правдой. Но я бы на твоем месте их пожалел.

Леон промолчал.

— Кстати сказать: в противном случае они станут для нас совершенно бесполезны...

Леон не стал смотреть, как Умнейший выдергивал стрелки из шеи Хранителя. Выдернув последнюю, старик изломал их в щепу и, зашвырнув подальше, отряхнул руки.

— Типичный несчастный случай...

К тому времени, когда явились Парис и Кирейн и все снова собрались в зале, Умнейший успел снять целый пласт ме-

таллической шкуры неживого чудовища. Еще прежде он осмотрел оружие убитого и брезгливо отставил в сторону.

— Как только не разорвало при первом же выстреле! — И покачал головой.

— Что это? — спросил Леон. Его все еще одолевала противная дрожкая слабость.

— Древняя сморкалка, карабин. Где-нибудь поблизости и патроны найдутся. Снимем ржавчину, смажем, и можешь взять себе, я тебя научу. Это еще не оружие, это чепуха. Главное оружие, кажется, — вот оно.

Он долго копался в потрохах чудища, бормоча себе под нос непонятные слова. Один раз он опасливо прикоснулся к какому-то металлическому лепестку сначала пальцами, а затем, к удивлению и страху Леона, и языком. Затем с кряхтеньем распрямил спину.

— Пойдем посмотрим, что тут еще есть.

Шумела подземная река. В одном из залов колоссальной пещеры она разливалась в небольшое озерко, глубокое и спокойное. Невидимые прозрачные существа плескались у поверхности, рябя воду.

— Ну понятно, — сказал Умнейший. — Он тут рыболовничал, тем и жил — не каждый же день ему в деревню наведываться. Вон и кости. А вон там, — он потянул носом и указал на карстовую щель в полу зала, — у него была выгребная яма, только он ее отроду не выгребал...

— Как ты думаешь, были у него ученики? — маясь, спросил Леон.

— Может, и были. Теперь все равно. Давай-ка лучше поищем план пещеры в его барахле.

Искали долго и не нашли.

— Наверно, он помнил его наизусть...

Прошли второй зал, вступили в третий. Змеящееся по полу темное щупальце, которое Умнейший именовал кабелем, все не кончалось.

Местами пол был вымощен потрескавшимися плитами.

В вековечной тишине гулко отдавались шаги. Ни Париса с Кирейном, ни Тирсиса с «гвардией» давно не стало слышно — пещера оказалась ненормально обширна, тут и тремя группами потратишь не один день на беглый осмотр...

Умнейший, шагая впереди, вслух восхищался подземельем, прищелкивал языком и ничуть не выглядел удрученным.

— Интересно, как далеко мы от входа?

Леон прикинул пройденное расстояние:

— Далеко.

— Я говорю о засыпанном входе со стороны ущелья. Со временем надо будет разгрести завал. Чую, эти пещеры нам когда-нибудь очень пригодятся... Ага!

Искореженный металлический лист, попавшийся Леону под ноги, гулко громыхнул. Несколько железных чудищ непонятного назначения показывали вывернутые внутренности, залитые известковыми натеками. Ржавчина, пыль... Кабель уходил прямо в стену небольшого зала, ровную и шершавую. С трудом различался на ней странный знак, похожий на небывалый трехлепестковый цветок в полустертом круге.

— Замуровано для безопасности, — пояснил Умнейший.

Леон вслед за ним приложил ладонь к стене. Стена была обыкновенная, холодная.

— Здесь все мертво, — сказал Умнейший. — То ли сдох источник, то ли просто-напросто физический износ привел к отказу. Излучатель давным-давно выработал ресурс. Наверняка где-то на планете скрыты и ретрансляторы, только нам до них дела нет, — Умнейший поперхал. — Сказать по правде, ни в какие склады древнего оружия я с самого начала не верил. Зачем свозить оружие в Столицу, если гораздо проще уничтожить на местах? А вот о существовании гипноизлучателя догадывался уже потому, что не могут люди быть такими ангелами, догадывался и думал его отключить. Лучшее оружие, поверь мне, не железки, а обученные люди. Железки приложатся.

— О чем ты? — спросил Леон, моргая.

— О гипноизлучателе. Он, оказывается, уже бездействует лет пятьдесят, если не больше — иначе бы я успел почувствовать на себе его действие... Я мог бы догадаться и раньше. Обыкновенная релаксация, инерционный хвост. Не понимаешь? Сохраняющий себя социум самоконсервируется в собственном соку, вопрос лишь в том, надолго ли его хватит... А скажи-ка мне: у вас в деревне никто из стариков не замечал, что молодежь стала дерзее и дети непослушнее? Стой, молчи! Старик не старик, если на это не жалуется. Я лучше спрошу по-другому: лесная дичь проявляла прежде признаки агрессивности?

Леон задумался.

— При прадедах, говорят, драконы на людей никогда не нападали, даже незашептанные. Только я в это не верю.

— Зря не веришь, — сказал Умнейший. — Я убежден, что так и было. Гипноизлучатель исправно работал целые столетия — скажи спасибо вашим предкам! Он скорее всего многоцелевой и, как я понял, был настроен на подавление агрессивности живых существ и, конечно, на ограничение функций воспроизводства. — Старик неожиданно хихикнул. — Представляю себе, как местные хищники — древние, теперь таких нет — едва таскали ноги от голода, грызли кору, но отказывались активно охотиться. Видел я один череп — зубищи в локоть длиной. Тот еще был ужас ходячий, драконами питался, наверное. Подобрел, вот и вымер. По существу, Простор уже один раз пережил очистку, только та очистка была умнее нынешней. Хищники не охотятся, паразиты не кусают, люди забыли оружие... Что ж, по правде сказать, ваши предки нашли довольно радикальный способ гасить военные конфликты в самом зародыше! Решительными людьми были ваши пращуры...

— Напрасно мы проделали такой путь, — констатировал Леон, отчаявшийся понять Умнейшего. — Оружия нет.

Старик осклабился:

— Еще неизвестно, напрасно ли. Главное оружие — в тебе, во мне, в Тирсисе, во всех жителях Простора. Теперь мы знаем, что его можно задействовать. А на железки плюнь. Достанем. Может, и здесь что-то найдем. Сделаем, наконец! Главное, теперь ничто не помешает пустить его в ход, кроме нескольких древних суеверий. Вот теперь начнется настоящая работа. Нам понадобятся люди, очень много людей. И прежде всего нужно, чтобы они поняли: единственный их шанс остановить очистку — это мы с тобой. Ты и я.

— От очистки они спрячутся в лесах, — возразил Леон.

— Наскоки заурядов на деревни еще не очистка, — покачал головой старик. — Это пока лишь разведка, знаю я их методы. Сколько раз тебе объяснять? Настоящая очистка выглядит совсем не так и начнется чуть позже. — Старик помолчал. — Может быть, как раз сейчас она начинается...

Часть II

АГАСФЕР НА ПРИВАЛЕ

ГЛАВА 1

Неверный курс все же лучше, чем никакой: идя им, человек хоть чем-то занят.

Приписывается Умнейшему

Лес сжимался, умирал. Приблизился, наступил и прошел короткий дождливый сезон, распустились цветы на деревьях, повсюду на лесных полянах пробилась и пошла в рост новая трава, — но там, где вокруг оставшихся неподвижными Железных Зверей неуклонно ширились засыпанные пеплом пустоши, не пробилось ничего. После дождей пепел вначале превратился в вязкую грязь, потом стянулся и затвердел испещренной трещинами коркой. Семена, упавшие туда, не прорастали. Даже трава-колючка, способная расти где угодно, почему-то не могла прижиться на выжженной земле.

— Стерилизация высшего порядка, — терпеливо, словно разговаривал с детьми, объяснял Умнейший. — Не только по поверхности, но и вглубь, так что на живые корни не надейтесь. Лет десять ничего не вырастет, пока не будут подчищены острова и океан.

— А потом? — замирая, спрашивал Леон.

— А потом нечему будет расти. Семян не останется. Вообще ничего не останется, а уж нас-то с тобой и подавно...

Шли дни, и пустошь росла. Над краем леса постоянно сновали детеныши Железного Зверя, и то, что еще вчера было пограничьем, сегодня становилось пустошью. К окончанию периода дождей Парис подсчитал, что площадь лесов Простора, вероятно, уменьшилась на одну десятую часть.

Но девять десятых еще стояли, и казалось, не все так уж плохо. По-прежнему пели лесные бабочки, ползали по ветвям медлительные слизнивцы, лесные драконы обгладывали сочные кусты, летали птицы. Уходя глубже в леса, люди видели

то же, что и раньше, — вдали от страшных Железных Зверей трудно было поверить, что лес — не навсегда. Конечно, нет! Он вечен, как Простор, он неизменен.

Так думали многие. И все же новое было и в лесу, и это новое шло из леса.

Сначала появлялось неясное ощущение тревоги, не более. Затем чувствительное ухо улавливало далекий гул, а приложившие ладонь к земле чувствовали мерное содрогание почвы. Гул нарастал, переходил в надсадный рев и треск, тогда замолкали, прятались лесные обитатели, сухие ветвистые грибы бесшумно взрывались облачками спор, и самый лес съеживался в страхе, учуяв запах металла. И вот из глубины леса медленно, как бы с натугой, весь окутанный сизым облаком вонючего дыма, громыхая, выползал железный зверь.

Подминая подлесок, он, случалось, бодал и валил деревья, оказавшиеся на его пути. Свирепо рыча, он переползал неглубокие овраги и ручьи, завывая, преодолевал подъемы. Лязгая и дребезжа, он катился с уклонов, легко давя в щепу обомшелые лежалые стволы, ужасающе медленно и неотвратимо проламывал себе путь в густолесье, наползал на пограничье со стороны леса. Он ничего не жег, этот зверь, он не рожал хищных железных детенышей, но он казался страшнее их всех, вместе взятых. Железное чудовище не сияло в лесном сумраке и под лучами солнца на полянах — во многих местах оно было покрыто ржавым налетом, а там, куда ржавчина не успела добраться, темный металл не блестел и оттого казался особенно страшным. Находились информированные люди — из тех, из новых, — которые уверяли всех, что новый зверь не опасен, так как управляется людьми, сидящими внутри его... нет, они не пожраны зверем... и не шептуны... даже не морочники... да что вам толковать, все равно не поймете, это надо увидеть... Иные из информированных сообщали и имя нового чудища — Танк.

Уцелевшие беженцы из сгоревших деревень, несущие по лесным дорогам ужас и потерянность, треща кустами, первыми кидались наутек. Зараза паники захватывала и тех, кто еще не видел огненной ярости Зверя, кому до сих пор не доводилось падать в траву ничком, заметив краем глаза скользящий полет детеныша. Уйти, уйти как можно дальше от новой и очевидной опасности! Скрыться, бежать...

Смельчаки подползали поближе, чтобы, таясь в кустах и

ямах, издали взглянуть на страшилище. Самые бестрепетные, подобравшись шагов на сто, прежде чем пуститься в бегство, успевали разглядеть короткий нетолстый хобот, торчащий у чудовища прямо из лба, и острым зрением охотников издалека замечали надпись, выведенную желтой охрой на ржавой железной шкуре: «Разъяренный Дракон».

Переглядывались:

— Ну вот, а говорили — Танк какой-то...

Если бы Леон знал, что за ним наблюдают, он бы наверняка высунулся из люка командирской рубки, а может быть, и приказал бы заглушить двигатели, чтобы побеседовать с беженцами. Умнейший, оставшийся ждать в последней перед пограничьем деревне, всячески это рекомендовал. Леон сознавал правоту старика. Людей мало, и, чем ближе к пограничью, тем меньше шансов их встретить. Толковые люди особенно редки. Стоит, и еще как стоит, раз за разом терпеливо процеживать человеческие ручейки в поисках тех, кто годится на нечто большее, чем механическая работа простого исполнителя. И радоваться, найдя такого человека... Впрочем, и простыми исполнителями пренебрегать отнюдь не следует.

В горячей железной коробке можно было только кричать — треск моторов, лязг и дребезг неплотно пригнанного металла выедали слова на корню. Дребезжали броневые листы, баки, глушители, дребезжал, перекатываясь, боекомплект в плетеных коробах. Дребезжало все. Угар выхлопа, навеки поселившийся внутри железного чудовища, мешался с тошнотворным запахом горячего древесного масла и драконьего жира. От жары по лицам экипажа струился пот, лез в глаза. Все люки были распахнуты настежь. Четверо, управляющие танком, — сам Леон, молодой парнишка-водитель и два подростка-трансмиссионщика — сидели в одних набедренниках.

— Левая, — осипшим голосом орал водитель и делал трансмиссионщикам страшные гримасы, — первая передача! Правая — третья! Драконий хвост... Левая — вторая передача, правая — нейтраль!..

Танк взревывал, не вписываясь в поворот, ломал деревья. В квадратных бойницах, тускло блестя от покрывавшего их топленого драконьего жира, качались на ременных уключинах стволы шести пулеметов. Стрелки, которым во время похода все равно было нечего делать внутри танка, давно уже запросились на волю, и Леон уступил. Теперь они, прихватив с

собою обязательные духовые трубки, неспешно рысили позади танка, разумно держа дистанцию, чтобы не задохнуться в сизом выхлопе. Счастливцы...

Совсем не так было в первые дни похода... Вспоминая, Леон завидовал сам себе. Тогда шли пешком, носильщики несли на плечах запас мутного бензина в тыквенных флягах, а танк тянула парная упряжка замороченных драконов, погоняемых лучшими морочниками. Спасибо Умнейшему — посоветовал беречь хилый моторесурс, и правильно сделал: в первый же день в левом двигателе с заполошным грохотом оборвался шатун, а водитель по имени Памфил зарекся впредь стартовать с третьей передачи. На драконьем ходу удалось устранить неисправность, почти не потеряв времени. Так и двигались до самого пограничья; лишь перед деревнями, выслав вперед гонцов с предупреждением, выпрягали драконов и заводили моторы. Умнейший, державшийся только Тихой Радостью, противореча своим же словам, приводил десятки доводов за то, что по деревням танк должен двигаться без помощи мускульной силы, а что рычит и воняет, так это даже к лучшему. Тяжело дышащих драконов вели мимо деревень кружным путем через лес. За деревнями моторы снова глушили, и драконов припрягали. Леон, хоть весь вспотел, мечтал еще поводить грохочущее чудище, но Умнейший осаживал:

— Брось, брось. Успеешь еще. Траки, гляди, на что уже похожи, и валы стучат. Брось, говорю.

Высунутые языки драконов подметали лесной мусор.

До приблизившегося пограничья для хорошего гонца всего-то трехдневный путь — а шел уже пятый день похода. Деревни остались позади. Последнюю проехали нынче утром, встретив лишь нескольких замешкавшихся жителей, торопливо увязывающих последние узлы, да десяток облаявших танк деревенских собак, ничего не понимавших во всей этой суматохе. Парную упряжку истощенных драконов отвели в лес и выпустили на вольный выпас.

Теперь танк шел своим ходом. Разведчики, высланные вперед, докладывали: пограничье кончается, и над краем пустоши замечены детеныши Зверя.

Уже скоро...

Несмотря на изнуряющую жару, Леон дрожал крупной дрожью. От возбуждения или страха — не понимал сам. Замученный адом последних месяцев, совершенно больной Ум-

нейший учинил скандал, требуя от Леона остаться в безопасном убежище и не лезть на рожон. Старик вышел из себя, сделался буен, кричал что-то маловразумительное, хватал за одежду...

Разве мыслимо? Для кого же тогда строился танк — для этих мальчишек? Они поведут его в бой?!

Нет уж.

Сам.

* * *

Воистину, не знаешь, где потеряешь, а где и найдешь.

Тогда, в пещере, мирное течение беседы Леона и Умнейшего было прервано воплем ужаса и топотом ног. Вопил Кирейн. Будучи пойманным и приведенным в чувство, объявил: он и Парис, блуждая по подземным коридорам из зала в зал, наткнулись на неживое Зло, которое ЖИВОЕ!.. И не надо так смотреть, отбивался сказитель, Тихая Радость здесь ни при чем, я ее который день не вижу, а Парис не знаю где, его, наверно, уже не вернуть — и кто знает, может, ОНО его съело...

Парис оказался не съеденным и даже не надкушенным, а всего лишь в обмороке. Коридор, не сразу замеченный Леоном, вывел в небольшой полутемный зал, куда трясущийся Кирейн согласился войти лишь после понуканий и угроз. Светящиеся стебли-лианы горели здесь вполсилы, а многие потухли вовсе. И первым, обо что споткнулся Леон, вступив в зал, оказался сомлевший Парис, растянувшийся как раз на проходе. Умнейший фыркнул.

— В-в-вв-в-в... — сказал Кирейн, направляя дрожащий палец в угол зала.

Глаза опытного охотника не могут врать, и только поэтому Леон сразу поверил в то, что увидел в углу зала. Человек. Нет, все-таки не вполне человек, даже отсюда видно, что не человек, но нечто очень похожее на человека и вдобавок ЖЕЛЕЗНОЕ! Ошибки быть не могло: запах металла выдавал чужака с головой.

Пальцы Леона уже копались в колчане. Нет, не эта стрелка... и не эта. Драконий хвост, где же?.. Вот она, особая: тяжелая, идеально уравновешенная, с остро отточенным медным наконечником, подарок кузнеца Аконтия — не для стрельбы на дальнюю дистанцию, а для того, чтобы с одного плевка свалить врага, оказавшегося рядом.

Вот только пробьет ли медный наконечник железную шкуру?

Умнейший отстранил Леона в сторону:

— Постой-ка смирно. Развоевался.

Бесстрашно — Леон не успел и помешать, потому что такое поведение обычно сверхпредусмотрительного Умнейшего не укладывалось в голове, — старик приблизился к железному пугалу. Мало того — осмелился постучать по нему костяшкой пальца, выбив пугающий металлический гул.

Кирейн подскулил, сползая по стене. Умнейший усмехнулся:

— Не бойтесь, он не кусается.

Леон кивнул прибежавшим на шум подросткам. Пока Тирсис, Сминфей и Фаон, прикрывая Умнейшего, держали наготове духовые трубки, Батт и Элий пытались привести Париса в чувство. Ничего у них не получалось — возвращаться в чувство старый шептун не желал.

— Интересно, — пробормотал Умнейший. — Коррозии почти нет, зал сухой. По-моему, нам везет.

— Теперь не гудит, — объявил Кирейн, справившийся со слабостью ног. Зубы его стучали. — Это он ждет, когда подойдем поближе. Потом набросится.

— А он гудел? — живо осведомился Умнейший.

— Еще как! — Кирейн вдруг обиделся. — Да не пил я! Нет у меня Тихой Радости, ну нету! Третий день трезвый хожу, жить противно, ни строчки не написал! Что, не веришь?

Умнейший замахал на него руками:

— Верю, верю. А теперь помолчи.

Больше всего поражало то, что спереди и сзади железное подобие человека было совершенно одинаковым. Четыре руки. Две ноги с четырьмя ступнями попарно врозь, а пяток нет. Одна голова с двумя железными рожами — вперед и назад.

Впрочем, где у него зад? Не было у него зада. Было два переда.

— Кто это? — шепотом спросил Леон. Спросить «что это?» не повернулся язык.

Умнейший прошелся кругом человекоподобного урода, по-видимому, нисколько его не боясь.

— Древний робот, разумеется. И довольно убогий. Как он до сих пор не рассыпался в труху, хотел бы я знать. Неужели еще действует?..

Как бы в ответ на его слова чудище осветилось изнутри и негромко загудело. Зрители отпрянули. «В-вв-в-в...» — снова подвыл Кирейн. Сзади, от команды Тирсиса, с коротким свистом прилетела стрелка и обломала свой наконечник о железную рожу. Умнейший погрозил подросткам пальцем, прищурился и точным движением запустил ладонь в какую-то щель на боку истукана.

— Попробуем инициировать. Один шанс из ста, конечно...

Гудение продолжалось так долго, что Леон успел успокоиться и слегка заскучать.

— О-о, какой примитив, — сказал Умнейший. — Вот такими штуковинами командовали ваши предки. Не завидно?

Гудение смолкло.

— Кто мой хозяин? — скрипуче осведомился человекоподобный.

Леон подпрыгнул. Оставаясь совершенно неподвижным, чудище разговаривало — и обоими ртами сразу!

— Я, — сказал Умнейший. — И еще он, — палец Умнейшего указал на Леона. — И он, — на Париса.

Только что очнувшийся Парис, очень бледный, пластался по стене, готовый чуть что вновь опрокинуться в обморок. Кирейн обеими руками зажимал себе рот, чтобы не закричать.

— Визуальные характеристики хозяев запомнил. Порядок приоритета выполнения команд соответствует порядку ввода информации о хозяевах?

— Соответствует.

— К работе готов, жду приказаний.

— Сделай ко мне шаг, — потребовал Умнейший.

С коротким звучным лязгом истукан качнулся вперед.

— Теперь обратно.

Снова лязгнуло. При шаге назад коленный сустав страшилища переломился в обратную сторону, как у птицы.

— Умеешь. Немного скрипишь, но разработается. Теперь расскажи о себе. Только не хором. Пусть из вас говорит кто-нибудь один.

Заговорил тот, что был спереди:

— Я являюсь универсальным сдвоенным рабочим роботом класса «близнецы», типа «близнецы сиамские», предназначенным для работы на биологически активных планетах. Законсервирован восемьсот шестьдесят лет и сто семь дней назад по местному отсчету. К настоящему времени физический

износ конструкции составляет восемьдесят пять процентов, энерговооруженность — двадцать семь процентов от номинала, потеря записанной информации — отсутствует. Нуждаюсь в подзарядке и проведении регламентных работ либо во времени, необходимом для самовосстановления.

— Будет тебе время, а подзарядить пока нечем... Звуковое имя есть?

— Так точно.

— Назови.

— Аверс, — прогудел робот спереди.

— Реверс, — донеслось из-за его спины.

— Аверс-и-Реверс... — Умнейший катал во рту созвучия и сладко улыбался чему-то. Возможно, ностальгировал. — Неплохо, но длинновато. Может, у тебя есть другое имя?

Леону показалось, что в голосе истукана проявилась интонация.

— Гог-Магог, — проскрипел робот. — Некоторые называли меня так. Но мне это имя не нравится.

— Хорошо, — сказал Умнейший. — Будешь Аверс-Реверсом. Раздвинься.

Кто-то позади тоненько завыл, когда тело робота треснуло и со скрипом разошлось посередине. Одна половина истукана отделилась от другой, как отделялись друг от друга скрепленные с одного края листы странных книг в погибшем городском Хранилище.

Между половинок робота оказался экран. То есть Умнейший назвал этот прямоугольник экраном, а что это такое и для чего существует, пояснить отказался.

— Сами поймете.

— Это оружие? — недоверчиво спросил Леон.

— Кто?

— Ну... Аверс-Реверс.

— Нет, но он нам сделает. Это инструмент, только инструмент.

— Он разговаривает, — возразил Леон.

— И даже думает немного, — снисходительно пояснил Умнейший. — Ну и что? Ты тоже говоришь и думаешь. Первое, кстати, чаще, чем второе.

— Я не инструмент!

Старик долго смотрел на него, зачем-то кусал губу, видимо, досадуя на себя.

— Да, конечно...

Уже через минуту Леон начисто забыл о нелепых словах Умнейшего, потому что тот заставил жуткое пугало выдать на экран карту Простора и долго сличал ее с самодельным чертежом, выполненным на потрепанном лоскуте драконьей кожи. Потом покачал головой, хмыкнул и лоскут выбросил.

— Знал бы — не мучился столько лет.

Леон впервые видел изображение Простора. Больше всего оно напоминало упитанную рыбу, подвешенную за хвост. Южная оконечность материка — «голова» рыбы, крашенная белизной снегов, почти достигала полюса.

— А где мы? — спросил Леон. — Вот здесь? Ага... А где Железо... то есть ближайший автоном-очиститель?

Две точки разошлись на карте не слишком далеко. Леон почесал в затылке.

— Велик Простор...

Умнейший фыркнул.

— Очень скоро он покажется тебе слишком маленьким.

Аверс-Реверс подсветил и третью точку, указанную Умнейшим, — существенно выше первой.

— Примерно здесь была сожжена еще одна деревня, — пояснил Умнейший в ответ на недоумение Леона. — Помнишь почту? Заметь: направление от твоей деревни почти точно на север. Мысленно проведи линию между ними и считай ее стороной квадрата. Если земляне проводят очистку по обычной схеме, то получается... тогда у нас получается примерно вот что.

Изображение Простора покрыла россыпь светящихся точек. Нет, не россыпь... Скорее сеть, и довольно правильная: точки явно стремились разбежаться на равное расстояние друг от друга.

— С поправкой на погрешность получается от сорока пяти до шестидесяти задействованных автоном-очистителей... — Старик бормотал, тыча пальцем в экран. — Боюсь, с крайнего Юга людей нам не вывести. Так... Вот довольно крупный остров, и недалеко от материка. Не знал. Хм. Никогда не слыхал, чтобы кто-то жил на островах, а значит, будем считать, что людей там нет.

— Спастись там нельзя ли? — подал голос пришедший в себя Парис. — Откочевать к гнилоедам, они в море ходят, неужто не помогут? Построить лодки...

— Сразу после материка наступит очередь островов, за ними — океана. Об островах лучше сразу забыть. Так... Не-ет, людей с Юга мы не выведем при всем желании, а с Севера — надо попробовать.

— Как? — спросил Леон.

— Во-первых, это тебя должны спрашивать — как. Во-вторых и в главных — оповестить всех, кого сможем, о начале изготовления оружия для одоления Железных Зверей и о том, чтобы спешили присоединиться к Великому Стрелку. Просить, чтобы передали дальше, тем, до кого мы пока не можем дотянуться сами, от океана до океана. Твердо обещать, что все сообща и под твоим руководством мы уничтожим всех Железных Зверей, а начнем с нашего. Думаю, несколько сот человек мы соберем, а больше на первых порах нам и не понадобится...

— Не уничтожим, а попытаемся уничтожить, — перебил Леон. — И то я не знаю, как.

— Вот вякнешь такое прилюдно — вовсе без людей останешься, — отрезал Умнейший. — И вообще запомни: или ты начнешь высоко держать голову, или я тебе ее оторву. А это будет чересчур расточительно — готовить нового вождя, после того как я уже убил на тебя столько времени. С этого дня каждое твое неверное действие, каждое лишнее слово будут уменьшать наши шансы на победу. Очень скоро тебе придется бросить людей в огонь, чтобы спасти их, а ты колеблешься. Не серди меня!

Леон потер виски. Все это плохо укладывалось в голове.

— Ладно... А оружие?

— Оружие у нас будет. Рано или поздно, но будет. Сейчас меня больше интересуют вопросы привлечения людей. Вот что: Кирейну найти Тихой Радости, и пусть для начала сочинит воззвание к населению, хоть стихами... Что еще?

Того, что попало в категорию «еще», оказалось так много, что позднее Леон поражался, как все то, о чем наперебой спорили, часто соглашаясь с Умнейшим и изредка заставляя его согласиться с собой, удалось разместить в голове.

В ближайшие дни он не вспоминал даже о Филисе!

Бледной жуткой синевой исходили светящиеся вполсилы змеи-стебли по периметру подземных залов. Пугали собственные тени. После жгуче-холодного ветра на плато ровный холод подземелья не холодил, а грел. Плескалась бесцветная

рыба в подземной речке. Пещера казалась убежищем, отправной точкой, упором для ноги перед дальним прыжком в неизвестность.

И спорил, горячась, Парис, и ныл, как обычно, Кирейн, и Тирсис преданно заглядывал в глаза, и лежал возле мертвого излучателя забытый мертвый Хранитель. И капала со сталактитов известковая вода.

И каждый из живых понимал: начинается небывалое, чего до сих пор не было на Просторе и чему еще не придумано название. И каждый подозревал, ужасаясь в душе, что это даже не начало — это лишь подготовка к началу.

* * *

Аверс-Реверса тянули наверх веревкой — ни у кого не было уверенности, что его вес выдержат тонкие перекладины приставной лестницы. Втащив — повалились без сил. Старый робот перетянул бы на весах троих взрослых мужчин.

Леон растянул запястье. Как и мальчишки, не говоря уже об Умнейшем, он ловил ртом пронзительно-холодный воздух плоскогорья и никак не мог отдышаться. От хилого Париса пользы было чуть, и ему сразу велели не вмешиваться; Кирейна же пришлось и вовсе прогнать: сказитель только мешал бестолковой суетой и едва не свалился в провал. Теперь эти двое зябко дрожали, и Леон позавидовал им: хоть не вспотели... Он знал, что ему, Умнейшему и мальчишкам придется гораздо хуже, как только перестанет бешено колотиться сердце, как только уйдет из натруженных мышц блаженное тепло...

Ветер, вылизывающий плоскогорье, не стал тише — по-видимому, он вообще никогда не унимался. Не стал он и теплее. Небо темнело к вечеру, наливалось глубокой синевой. Низко висящее солнце, не красное, как на равнине перед закатом, а желтое, как драконий глаз, собиралось нырнуть за горы на западе. Умнейший — и тот заколебался, прикинув, сколько осталось светлого времени. И все же решился:

— Пошли.

— Куда? — баюкая руку, спросил Леон.

— В ту деревню, что за горой. Если засветло дойдем до тропы, не пропадем. Надеюсь, эта железная рухлядь сможет идти самостоятельно. Что скажешь, Аверс-Реверс?

— Я могу идти, — проскрежетал робот. — Напоминаю: нуждаюсь в подзарядке и проведении регламентных работ...

— После! Леон! Скажи своим парням, пусть сбросят лестницу вниз.

— Зачем?

— Так будет лучше.

— Может, заночуем в пещере? — неуверенно предложил Леон. — А завтра с рассветом и выйдем...

— Некогда! — отрезал Умнейший. — Подарить землянам еще один день? Я так похож на сумасшедшего?

Леон промолчал, и не только потому, что в глубине души сам не хотел ночевать в одной пещере с трупом. По правде говоря, иные поступки старика наводили на странные мысли. Разве можно все, ну почти все, делать так неправильно и даже преступно? Может, и вправду в голове у Умнейшего не все в порядке? И ведь ничего не стоит прямо спросить у него, чего он хочет, и он, если будет в настроении, подробно объяснит... так, что все только сильнее запутается. Задачка...

Но ведь до сих пор он не ошибся еще ни разу! А если и ошибся, то подтверждений ошибки нет. С Городом и горожанами он был кругом прав, а горожане ошибались, теперь они сами это признали... Но до чего опасен его путь! Одна, только одна ошибка — и имя Умнейшего, как и тех, кто пошел с ним, будет проклято навеки. Ни одна мать на Просторе не назовет младенца Леоном. Вот уже убит Хранитель пещеры, человек явно ненормальный, опасный, — но убит, не умер сам! Неладно вышло, неправильно... И его убийцы волей Умнейшего — вот эти мальчишки...

Срамно! Стыдно!

Но надо ли искать другой путь, когда всему Простору угрожает гибель? И существует ли он, этот другой путь? А если да, то кто может его подсказать? И не окажется ли он еще гаже, еще преступнее?

— Тирсис, Сминфей, — хрипло велел Леон, решив, что у него еще будет время об этом подумать, — сбросьте-ка лестницу вниз. Всем подъем!

Прошло не так уж много времени, и негреющий желтый шарик солнца коснулся зубчатой гряды на западе. Резкие тени впереди путников поблекли, потом пропали вовсе. Еще несколько минут сверкали далекие ледники на востоке, затем

погасли и они. Два бледных лунных серпа появились в темнеющем небе. На горы опускалась ночь.

Леденящий ветер, казалось, только этого и ждал, чтобы задуть с новой силой. Кутаясь в накидку из драконьей шкуры, Умнейший неутомимо шел впереди, как видно, из опасения потерять тропинку. Совершенно напрасно: морочник с дракончиками, пройдя здесь, оставил широкий след. Ветвистый лишайник в низинках был частью вытоптан, частью обглодан — дракончики пытались пастись, и морочник, конечно, позволил им подкормиться. Мальчишка по-детски жалел бессловесную животину.

Поперек тропинки лежал дракончик — окоченевший, холодный, твердый, как валун. Споткнувшись о него, Кирейн сел и заявил упавшим голосом, что до деревни ему не дойти. Парис выглядел не лучше.

— Впереди тропа! — кричал Умнейший, силясь перекрыть осипшим голосом вой ветра. — Большая тропа у подножия горы! А за горой — деревня! Хорошо пойдем — к середине ночи будем там!

До тропы дошли при свете лун, и тут упал Парис. Он дважды пытался подняться и дважды падал, заходясь в мучительных приступах кашля. Кирейн же просто сел на плоский камень спиной к ветру и изронил прыгающими губами единственное слово:

— Амба.

— А ну, встать! — неистовствовал Умнейший. Никогда еще Леон не видел старика в такой ярости. — Встать, я сказал! Тирсис, Сминфей, помогите Парису. А ты — пойдешь сам, пьянь болотная! — Звонкая оплеуха заставила голову сказителя мотнуться, как плод брюквенного дерева в пору стрясывания урожая. — Здесь мы тебя не оставим, не надейся! В деревне тепло и Тихая Радость! Живо встал, или погоним пинками!..

Неизвестно, что сильнее подействовало: упоминание о Тихой Радости или просто небывалая свирепость Умнейшего, но только Кирейн живо вскочил и какое-то время возглавлял отряд, часто всхлипывая и бормоча что-то себе под нос — не то жалобно, не то угрожающе. Никто не прислушивался.

В горской деревушке, прилепившейся к склону горы, насчитывалось семь домов. Крепкие стены из дикого нетесаного камня были способны противостоять любой непогоде. Тяже-

лые ставни, грузные односкатные крыши из плотно пригнанных брусьев удивляли жителей равнин своей монументальностью, но иначе и нельзя: если крыть крыши листьями или соломой, как делают на равнинах, их сметет первым же осенним шквалом. Да и не растут в горах деревья с подходящими листьями, не вызревают злаки. Без торговли с жителями равнин деревне не обойтись. Разве что мучные клубни дают неплохой урожай в укрытой от ветра долине, где из-за вечных туманов ничего не видно в двух шагах, да еще полудикое стадо шерстистых свиней спасает людей от голода, да птичьи яйца, из-за которых горцев спокон веку зовут яйцеедами — древняя дразнилка, никому не обидная.

Дома были невелики — большое помещение трудно протопить огнем в открытом очаге, особенно если приходится беречь топливо. Хитроумная система продухов не давала людям задохнуться в угаре, но задерживала дым под потолком, отбирая у него тепло для людей. На сажу, падающую хлопьями с потолка, не обращали внимания.

Если случай заносил в деревню изнеженного жителя равнины, тот только качал головой в изумлении: чего ради тут живут люди? Почему не переберутся в лес, где жизнь легка и приятна? Неужели у них нет сил расстаться со своими горами, с тяжким каждодневным трудом, холодом, скукой ненастных дней, опасными оползнями в период весенних ливней, камнепадами, а иногда и землетрясениями? Разве мало свободных земель? Разве Простор недостаточно велик, чтобы каждому нашлось место по душе?

Об этом и о многом другом размышлял немолодой кряжистый мужчина по имени Эфлий, Хранитель Знаний деревни горцев. Хранилище, выстроенное еще в незапамятные времена по образцу обычного жилого дома, не превосходило размерами заурядного сарая, да и то не было заполнено свитками и наполовину. Оставалось место и для грубого стола с древесным обрубком вместо табурета, и для очага. Что ж с того, что деревня очень стара? Там, где мало людей, свитки с записями о рождении, смерти и необычных происшествиях накапливаются медленно. Пишут мелко: пчелиная бумага редка и дорога, а тонко выделанная кожа почти вся уходит на обмен. Пройдет еще не одно столетие, прежде чем в Хранилище станет тесно.

Обмакнув перо в каменную чернильницу, Эфлий усмех-

нулся при мысли о том, что у людей равнин Хранители (а гораздо чаще — Хранительницы) избавлены от всякой другой работы, знай себе шурши свитками, мири ссорящихся соседей да гни свое на деревенских сходах. В горах не так. Можно было бы поручить делать записи и следить за Хранилищем какому-нибудь бесполезному человеку — но где сыскать бесполезных людей? Даже калеки и древние старики заняты делом: если не охотятся и не огородничают, не пасут стадо и не добывают топливо, то выделывают всякие вещи для себя или на мену с жителями равнин. Так было, так будет.

Будет ли? Докончив запись, Эфлий задумался. Предыдущую запись он сделал сорок три дня назад по случаю рождения соседкой Селименой ребенка, дивно крепкого парня, настоящего горца. Сегодня никто не родился и, хвала Нимбу, не умер, повод к краткой записи был иным. Глубоким вечером самого заурядного дня с плоскогорья спустился едва живой мальчишка с пятью полумертвыми драконами-крошками, о которых в этих краях знали лишь понаслышке. О том, что гостю был оказан подобающий прием, Эфлий не писал: это подразумевалось само собой. Полуобморочного мальчишку раздели, натерли жиром, укутали в теплые меха, дали хлебнуть драгоценной Тихой Радости. Зябко дрожащих драконьих недомерков отогрели в домах и загнали пастись в защищенную от ветра лощину. А потом пришла очередь всех и каждого изумиться так, как вряд ли бывало со дня основания деревни.

О страшных и удивительных вещах взахлеб рассказывал раскрасневшийся с глотка Тихой Радости мальчишка. Железный Зверь? Его хищные детеныши? Какие детеныши? Летающие?! Один из них уничтожил Город? Не может быть. Деревни на западе горят? Гибнут люди? Нет, невозможно поверить, немыслимо...

Истинный житель равнин, мальчишка не мог понять невежества горцев. Почтовые летяги? Шептуны? В свою очередь, Эфлий не мог понять дремучего невежества нижних. Им кажется, что все должны жить, как они. Летяги не выносят холода, и посылать их в горы — бессмысленная жестокость, все равно не долетят. Шептуны? Не в каждой горской деревне они есть, ремеслу шептуна нужно учиться с малолетства — а у кого, спрашивается? Вот и приходится узнавать новости у случайных путников, и что за беда, если они узнаются с боль-

шим запозданием? Разве на Просторе может произойти что-нибудь новое, чего не бывало прежде?

До сегодняшнего дня Эфлий думал, что нет.

Еще того необычнее — сам Умнейший здесь! Да не один, а с попутчиками, среди которых Леон Великий Стрелок, убивший детеныша Железного Зверя! Совсем непонятно: почему они сразу не пришли в деревню, зачем потревожили покой старого отшельника? Столица? Какая такая Столица? Нет ее и никогда не было, сказки это...

Сколько Эфлий помнил себя, в пещере под плоскогорьем всегда кто-то жил. Сама пещера никогда не интересовала жителей деревни — мало ли в горах иных пещер! Раз в новолуние, а то и чаще, Эфлий посылал кого-нибудь отнести отшельнику лепешек, сыра, вяленого мяса, иногда толику Тихой Радости — и только. Еще реже случалось, что отшельник сам приходил в деревню и просил что-нибудь. Ему помогали по-соседски. Он ни о чем не расспрашивал, ничего не рассказывал о себе. Раз в два или три года к нему приходили гости, всякий раз разные, но неизменно — пожилые Хранители старших рангов, городские или даже окружные. Много лет назад один из таких гостей, найдя прежнего отшельника умершим от старости, попросил вытащить мертвеца из провала и похоронить на деревенском кладбище, а сам занял его место...

За полночь во всей деревне не спал один Эфлий. Он был слишком возбужден, чтобы спать. Тлели дрова в очаге, трещал фитиль в плошке, наполненной топленым салом. Беспокойные мысли одолевали Хранителя. Отшельник в пещере жил всегда — но почему? Набедокурил где-то, был изгнан? Гм... Тогда один не сменял бы другого по смерти. Добровольный уход от людей ради постижения высшей истины? Все возможно. Но зачем выбрано такое неудобное место — для самонаказания, что ли? Тоже не исключено, хотя упоминание об отшельнике можно найти в самых древних свитках Хранилища, и вообще можно поспорить о том, что в этих краях появилось раньше: деревня или отшельник в пещере?

А не он ли и есть тот Верховный Хранитель, о существовании которого однажды случайно обмолвился кто-то из гостей много-много лет назад — и сразу замолчал, вероятно, жалея о сказанном? По здравой привычке не отягощать ум лишними мыслями Эфлий никогда прежде не задавался подобными вопросами. Поразмыслив немного, озадаченно поскребя в бо-

роде, не пришел ни к какому выводу и отогнал беспокойную мысль, как муху.

Его занимало другое. Явно, зримо в жизнь деревни вторглись перемены — впервые ли? Или же он ухитрился упустить что-то важное, показавшееся ничтожным неискушенному взгляду? Заскорузлые пальцы горца, способные без труда раскрошить кусок твердого известняка или ободрать кору с кремень-дерева, неловко перебирали старые свитки.

Записи о свадьбах, смертях, рождении детей... Записи о трясении земли, об извержении Голи Покатой, о небывалых холодах, снегопадах, оползнях, падеже скота или, наоборот, редкостно обильном приплоде в стаде... Для человека с равнины — неуютное, неустроенное прозябание без уверенности в завтрашнем дне; для горца — сама жизнь, другой он не знает. Триста лет назад, сто лет назад — одно и то же: свадьбы, дети, смерти, стихийные бедствия... Иногда — сплетни с равнин, занесенные случайным гостем и показавшиеся достаточно интересными для записи на куске бумаги или кожи.

Свитки из пчелиной бумаги крошились по краям, самые древние и вовсе не желали разворачиваться, но Эфлий знал: в них то же самое, привычная неизменная ненадежность, основа уклада, доставшегося от пращуров. Велик Простор, и люди на нем разные, но законы у всех одни и те же, что на равнине, что в горах, что у моря. А как иначе? Разница есть лишь в обычаях, да и та невелика.

Сорок пять лет назад. Эфлий развернул свиток, прочел, поморщился. Да, такого прежде не бывало. В те годы, когда сам Эфлий был еще голоногим мальчишкой, два молодых парня повздорили из-за девушки. По всему, пусть бы девушка сама выбрала, кто ей больше по душе, раз уж случилась такая оказия, да не тут-то было: на глазах всей деревни парни учинили безобразную драку, едва не дошло до смертоубийства... Рассудив дело, сход изгнал зачинщика из деревни навсегда — жаль было, конечно, терять парня, молодежь самим нужна, а что делать? Нельзя позволять жить среди людей тому, у кого не все в порядке с головой. Пусть пространствует по Простору, а излечившись, пристанет где-нибудь. Дальше был совсем скандал: та девушка, из-за которой случилась драка, решительно заявила, что пойдет с изгнанным, а когда Хранитель ей запретил, попросту сбежала... Любовь, конечно, зла, но не на-

столько же, чтобы из-за нее плевать со свеклобаба на законы Простора!

Старики ворчат, что нынешняя молодежь совсем не та, что была когда-то, — но разве они не всегда ворчали? Старость копит опыт, но не ум. Эфлий привык к неизменности. Теперь, читая свиток за свитком, он убеждался: старики не так уж не правы.

Двадцать семь лет назад. Запись была сделана рукой прежнего Хранителя, позапрошлой весной отошедшего на Нимб. Эфлий помнил тот случай и так. Два его сверстника, Леарх и Пелий, повздорили из-за какого-то пустяка. Старейшины и Хранитель упустили момент свести обоих вместе и помирить — пустячная ссора переросла в устойчивую вражду. Вскоре Леарх выступил на сходе с чудовищным обвинением: дескать, Пелий спустил на него камнепад с умышлением убить, спастись удалось чудом. Само собой разумеется, фантазеру посоветовали прочистить мозги и более не докучать старейшинам сочинением грязных небывальщин. Несколько дней спустя Пелий, в одиночку собирая птичьи яйца, сорвался с кручи и расшибся насмерть. Кто-то обратил внимание на то, что Леарха в тот момент в деревне не было. Эфлий, пасший в лощине стадо, знал больше: он видел, как Леарх вышел из дома вскоре после ухода Пелия и поначалу направился в совершенно противоположную сторону, затем сделал хитрый крюк и не пошел — побежал кружным путем так, что при желании мог, вполне мог настичь своего врага...

Но ведь Леарх заявил во всеуслышание, что не видел Пелия в тот день! Кто мог усомниться в его словах? Эфлий смолчал о том, что видел. Леарх не выглядел сумасшедшим, а значит, его слова были правдой — и точка. Но были ли они правдой на самом деле?

Когда-то Эфлий твердо знал ответ. Теперь — сомневался. Вскоре Леарх ушел из деревни — по слухам, нашел себе невесту по ту сторону горного пояса, женился и, вопреки горским обычаям, остался жить у жены. Зачем он ушел? Переживал, что не успел помириться с покойником? Или... боялся разоблачения?

А облава на убийцу четыре года назад? Люди с равнины загнали его в горы, деревня выделила в помощь нескольких человек. Что-то много насилия стало твориться на Просторе

при жизни нынешнего поколения. Почему? Раньше же так не было...

Эфлий не находил ответа, в голову лезла ерунда. А если досужие байки о неживом Зле — не выдумки сказителей, а правда? Трудно поверить в такое, но если допустить, что Зло начало понемногу просачиваться на Простор, то становится объяснимым сразу многое... правда, с того не легче.

Интересно, какое оно, неживое Зло?

Хранитель поднял голову, прислушиваясь. Что там? Скатился камешек с тропы? Да, кто-то идет со стороны плоскогорья, и не один. Не лучшее время выбрали неведомые путники для прогулки по горам...

Поспешно вернув на полку свиток, Эфлий зажег от светильника смоляной факел и задул горящий фитиль. За дверью Хранилища ледяной ветер яростно рванул пламя. Метнулись, заплясали красные отсветы, и в их неверном свете Эфлий различил несколько фигур.

По тропе, пронзающей деревню насквозь, шатаясь, держась друг за друга, как слепые, гуськом тащились шесть... нет, семь человек. Если бы Эфлий не знал от мальчишки-морочника, что следует ждать Умнейшего, он не узнал бы старика в первом из них. Остальные были незнакомы.

А за человеческой вереницей, явно преследуя ее, не по-людски мерно вышагивало нечто страшное, карикатурно похожее на человека, но тускло блестящее металлом и до жути бездушное, каждым своим движением напоминающее мертвую стихию, а не живое существо. И самым страшным было то, что железный истукан нес под мышками двоих настигнутых им людей — обмякших, не сопротивляющихся... и живых ли еще?

Эфлий хотел крикнуть путникам, чтобы они спасались бегством, но люди с Умнейшим во главе, по-видимому, были слишком измучены, чтобы бежать. Крик Эфлия, едва родившись, оборвался хриплым взвизгом. Путники были обречены.

Надо было бежать самому, но ноги не слушались.

Он все же отступил на шаг. Хотел вскрикнуть еще раз, но лишь вздохнул, ощутив небывалую дурноту, закатил глаза, уронил факел и, неловко перебрав ногами, опустился на утоптанный щебень тропы.

ГЛАВА 2

Чтобы дело двигалось как надо, достаточно не особенно глубоко вникать в его смысл.

Приписывается Умнейшему

— Жив он там, нет? — Раздраженный голос Умнейшего, донесшийся до слуха Леона, напомнил сиплое карканье.

Леон скосил глаза. Парис и Кирейн были живы. Свалившиеся на полдороге к деревне, обессиленные, замерзающие, не реагирующие ни на уговоры, ни на пинки, подобранные по приказу Умнейшего Аверс-Реверсом, сейчас они беспокойно спали под десятком теплых шкур, напоенные горячим отваром из трав с горных лугов (Кирейн выпросил для себя и толику Тихой Радости). Похоже, выживут... Но оказалось, что Умнейший имел в виду местного Хранителя.

Согревшийся Леон выпростал себя из-под шкуры. Жарко натопленная гостиная, она же спальня, она же кухня — у горцев все не как у людей, — была полна народа. Дым очага струился к потолку и висел под толстыми закопченными балками, как серое облако, запертое в ущелье. Мальчишек увели отогреваться в другой дом, а в этом, как показалось Леону, побывало все население деревни.

— Жив, — констатировал Умнейший, взглянув на Эфлия, — сомлел только...

Старуха-целительница совала под нос Хранителю склянку с какой-то жидкостью, осторожно хлопала по щекам. Эфлий чихнул, сморщился и открыл глаза.

— Где?! — только и выдохнул.

Аверса-Реверса предусмотрительно оставили на улице. Умнейший объяснял сиплой скороговоркой: нет, железное человекоподобное чудовище вовсе не опасно, а что до пресловутого неживого Зла, то оно давно уже вырвалось из заточения и, невидимое, гуляет по Простору, человекоподобный истукан и Зло — совсем не одно и то же...

Эфлий слушал с диковатой улыбкой, кивал. Леон молча дивился Умнейшему: старик-старик, старше Париса, а выносливости у него, как у молодого. Мало того что довел отряд до деревни, так еще умудрился не повалиться без сил на лежанку, а терпеливо втолковывает яйцеедам то, что уже десятки раз втолковывал другим: Железные Звери, детеныши, смерть

всему живому, Леон Великий Стрелок, оружие... О смерти Хранителя пещеры Умнейший упомянул вскользь: выходило, что его нашли уже мертвым...

До сих пор ни один зауряд не показывался над горами. Горцы слушали, разинув рты. Оружие? Великий Стрелок? На Леона смотрели с уважением. Необходимо предупредить людей на востоке? Да, но...

— Почтовых летяг вы себе так и не завели? — спрашивал Умнейший. Эфлий разводил руками, качал головой. — И шептунов у вас по-прежнему нет? Плохо дело. Придется будить Париса, пусть потрудится... хотя нет, дадим ему поспать до рассвета...

— Погостите у нас? — осведомился Эфлий.

— Утром уходим, — отрезал Умнейший. — Вот что... дорогу я плохо помню. Хорошо бы провожатого хотя бы до предгорий.

— А этот... — произнес Эфлий шепотом, избегая называть Аверса-Реверса по имени, и покосился на дверь, — тоже пойдет?

— Тоже.

— Тогда, прости, я не пойду. Дам кого-нибудь из молодых...

Леон не стал слушать дальше. Кружилась голова, шумело в ушах, а в теле спряталась ледышка и дала себя знать запоздалым ознобом. Что с того, что на Великого Стрелка смотрят? Пусть смотрят. Великие Стрелки — они тоже люди, всего лишь люди...

Укрывшись с головой, он заснул.

— Вставай! Разнежился...

Кто-то грубо тащил с него одеяло. Леон застонал, попытался одеяло не отдать (как всегда, безуспешно) и мысленно проклял Хлою и пасынков — никогда не дадут доспать. «Пороть их», — в который раз мелькнула безнадежная мысль. Ну да, попробуй выпори... Он еще успел подумать о том, что Филиса никогда не будила бы мужа столь грубо, и чуточку помечтать о несбывшемся и невозможном — но только чуточку. Бессердечно лишив одеяла, теперь его вдобавок тянули за ногу.

Леон открыл глаза и несколько мгновений не понимал, где находится. Потом вспомнил. Хлоя была бесконечно далеко, и

бесконечно далеко была Филиса. Великого Стрелка будил Умнейший.

— Подъем! Выспишься после смерти!

Судя по тусклому свету, пробравшемуся в жилище через продухи под потолком, рассвет едва занимался. Очаг погас, дым вытянуло наружу. Храпели на лежанках, временами постанывая во сне, Парис и Кирейн. Было свежо, Умнейший не позаботился подбросить дров. Хозяева, как видно, заночевали у соседей, зато Аверс-Реверс был тут как тут. Ощутив укол стыда, Леон постеснялся спросить у старика, спал ли тот в эту ночь.

— На, выпей. — Умнейший протягивал Тихую Радость в глиняной пиале. — Стой, Кирейну оставь, ему нужнее. А теперь погляди-ка сюда...

Обе половинки робота широко разошлись — Аверс отделился от Реверса прямоугольником экрана. Сложный, идеально выполненный рисунок занимал верхнюю часть экрана, под ним шли слова на незнакомом языке. Изображенный на рисунке продолговатый предмет не походил ни на что знакомое Леону, но заставлял инстинктивно поежиться. Безупречные, изысканные — и в то же время хищные линии. Никаких украшений, но красив... и одновременно неприятен. Неужели — творение человеческих рук?

— Что это? — спросил Леон шепотом.

— Ручной лучемет образца две тысячи восьмисотого года, базовая модель. — Умнейший улыбался каким-то своим воспоминаниям, мечтательно закатывал глаза под набрякшие веки. — Когда-то и я носил почти такой же... Оружие звездной пехоты для поражения живой силы противника в открытом поле и в укрытиях на расстоянии от ста до пятнадцати тысяч метров. Производился лицензионно минимум на полусотне планет, выпускался во множестве модификаций. Это общий вид, но можно вывести и деталировку, и все спецификации, и инструкции по уходу и боевому применению... — Он вздохнул.

— Оно... убивает? — по-прежнему шепотом спросил Леон.

— А что, по-твоему, должно делать оружие? — фыркнул старик. — Сажать свеклобабы?

Не в первый и не в последний раз Леон чувствовал себя наедине с ним круглым дураком.

— Я не о том, — поправился он. — Можно ли этой штукой убить... то есть сбить зауряда?

— А почему нет? — пожал плечами Умнейший. — Будь у меня мой лучевик, я бы попробовал. С активной массой проблем больше, а зауряд — тьфу. Да ты и сам знаешь.

— А где твой лучевик? — Пропустив такт, сердце Леона затрепыхалось мелкой пташкой.

— Утонул в океане, — с неожиданной злостью буркнул Умнейший. — Вместе с капсулой. Знал бы я тогда... Эх-х! Да что теперь об этом думать!

Вздыхая, старик по-детски любовался картинкой. Леон морщил лоб — размышлял.

— Ты говорил, что он нам сделает оружие, — сказал он наконец.

— Ну?

— Так вот пусть он сделает этот твой... лучевик!

Умнейший невесело усмехнулся:

— Как, Аверс-Реверс? Сделаешь?

— Если буду обеспечен всеми необходимыми материалами, а также источником энергии для зарядки готового изделия, — скрипуче проговорил робот. — Даю перечень материалов...

Через минуту у Леона заболела голова, а перечень еще и не думал кончаться. Умнейший глядел с грустной ехидцей.

— Достаточно...

— Считаю необходимым уведомить хозяина, что мой энергозапас в настоящее время составляет двадцать шесть и пять десятых процента от номинала, — пожаловался Аверс-Реверс, — а износ конструкции...

— Замолкни. После поговорим. Ну а ты как — убедился?

Леон молча сглотнул. Надежда, поманив, растаяла без следа, и вновь навалилось тяжелое уныние. Вроде только вчера было понятно, чего хочет Умнейший, а теперь? Нужно ли было идти с ним неведомо куда, искать запретную пещеру в горах, помогать делать из мальчишек убийц? Нет оружия, кроме найденного в пещере ржавого карабина с тремя позеленевшими патронами, нет надежды. И времени остается все меньше, и Филиса все дальше... Не лучше ли было еще в Городе уговорить любимую бежать вдвоем в лес подальше от Умнейшего, Хлои и Железного Зверя, построить шалаш на берегу ручья, прожить последние недели жизни в любви и счастье?

— Один вольфрамово-цериевый сплав чего стоит, а ведь это самое простое из всего, — ковырялся в ране старик, и видно было, что это доставляет ему извращенное удовольствие. Ну нельзя же так!

Леон поднял голову и ничего не сказал — слова укоризны замерли на губах. Умнейший усмехался — на этот раз добродушно. Выглядел он почему-то победителем.

— У этой рухляди в памяти много чего есть, — неожиданно он подмигнул. — Я кое-что посмотрел, пока ты спал. Пращу и духовую трубку не обещаю, но что-нибудь попроще лучемета, наверное, найдем. Ну, буди этих сонь, а я пойду договорюсь насчет проводника...

— А если не встанут? — Леон с сомнением посмотрел на спящих. — Устали они, да и больны, по-моему...

— Встанут, — жестко сказал Умнейший. — Надо будет — пинками поднимешь. Ты Великий Стрелок, тебя никто не осудит. Встряхнись! Все у тебя будет — и власть, какой не знают Хранители, и женщины, и солдаты, и слава на весь Простор. Все будет, если не покажешь себя бабой! Понял?

Леон кивнул. Затем, дождавшись, когда за Умнейшим хлопнет дверь, вздохнул и потянул с Кирейна одеяло. Пора было начинать новый день, и в этот день — Леон почувствовал это — нечто изменилось. Быть может, слова Умнейшего были тому причиной, а возможно, и нет — Леон не стал размышлять над этим. Хлопот хватало и без пустых размышлений.

Растолкать сонь, и «гвардию» с морочником — тоже. Выяснить, сколько дракончиков еще способны нести на себе груз, — пешком Парису не добраться до равнины, да и Кирейну, пожалуй, лучше ехать верхом. День только начинался — и похожий, и не похожий на предыдущие и последующие. И пока что сделано было куда меньше, чем оставалось сделать.

Еще предстояло спуститься с гор и оповестить через Париса не один десяток шептунов и разослать во все стороны не одну сотню гонцов и почтовых летяг.

Предстоял изнурительный, сумасшедший бросок на восход солнца — на дракончиках, пешком, в носилках, в лодках — туда, где, по расчетам Умнейшего, можно успеть сделать оружие раньше, чем до него доберется Железный Зверь.

Предстояло многое и многое.

И все это, как каждый раз повторял Умнейший, было только началом великих дел.

* * *

Не терпелось.

От постройки одной из пяти тысяч разновидностей летательных аппаратов, хранящихся в памяти робота, не то чтобы было решено совсем отказаться — Умнейший счел это несвоевременным. «Все равно, кроме какого-нибудь «Фармана» или иной подобной ему валкой этажерки, которая будет сожжена первым же заурядом, нам на первых порах ничего не вылепить, так стоит ли даром время терять? — наскакивал он. — Получше что-нибудь? Пожалуйста, лет через пять мы, может быть, сможем построить «Спитфайр»... У кого есть желание ждать пять лет? А аэродромы? А подготовка пилотов — шуточки вам? Между прочим, придется корректировать чертежи, пересчитывать всю конструкцию, потому что воздух здесь плотнее...»

От развития авиации было решено временно воздержаться.

Целые классы боевой техники, либо недостаточно смертоносные, либо мало пригодные для борьбы с автоном-очистителями, после кратких споров безжалостно отвергались. Так же нещадно Умнейший браковал конструкции, на изготовление которых, по его словам, не было ни сил, ни времени, ни технической базы. На законный вопрос, что, собственно, означает термин «техническая база», он начал было отвечать длинно и непонятно, запутался сам и объявил, что скоро это станет ясно без слов последнему слабоумному.

После яростных споров остановились на германском танке «A7V», поразившем Леона размерами и уродливостью. Что означает слово «германский», Аверс-Реверс не знал, а Умнейший, махнув рукой, заявил, что к делу это не относится. Сам не знал, наверное.

Танк был чудовищен, и Леон сразу проникся к нему отвращением, смешанным с толикой страха. Парис же, сунув нос в чертеж общего вида, долго крякал и чесал бороду, а потом неожиданно заявил, что так и должно быть, рукотворный железный зверь как раз и должен вызывать страх тем больший, чем большие на него возлагаются надежды, — в ответ на что Умнейший брюзгливо заметил, что лично он испытывает только один страх, а именно, серьезнейшее сомнение в том, что эта несуразная штуковина, даже если каким-то чудом ее удастся построить, вообще сможет двинуться с места.

Но тем не менее выбор одобрил, и было замечено, что он доволен, очень доволен.

Кирейн, совершенно счастливый после прогулки по горам, купался в Тихой Радости. К нему приставили Фаона, отличавшегося каллиграфической скорописью, настойчивостью и терпением, — в задачу мальчишки входило будоражить сказителя, мешать ему уйти в бездумный запой и дословно записывать все то, что сказитель мог сообщить, минус ругань. По утрам Кирейн похмелялся и, разбирая записи Фаона, дивился неожиданным взлетам собственной мысли, а иногда принимался яростно строчить, за одну неделю выдав две саги, балладу и бессчетное количество песен.

Как ни был занят Умнейший, час-другой на цензуру он выделял ежедневно. Часть творений Кирейна браковал сразу, некоторые редактировал самолично или возвращал с приказом доработать в том или ином направлении, часть — пропускал без замечаний. Первые почтовые летяги, несущие на себе тексты Кирейна вместе с воззванием к населению Простора, были отправлены из первой же деревни, встретившейся в предгорьях. Комбинируя средства связи, Парис задействовал шептунов в каждой деревне, через которую пролегал путь на восток. К концу первой недели он уже самодовольно хвастался, что ознакомил с воззванием четверть населения Простора, если не больше.

Наконец случилось то, во что не очень верил Леон, но что уверенно предсказывал Умнейший: в место, назначенное для сборов, начали стекаться рабочие.

Ремесленники, охотники, пахари, все те, кого настойчиво требовал Парис, отпущенные Хранительницами или ушедшие своевольно, они еще не знали, что они — рабочие. Приходилось объяснять, что, как и зачем. Умнейшего знали и здесь. С великой радостью Леон уступил ему беседы с вновь прибывшими — сам он не всегда знал, что им сказать, язык тяжелел в присутствии многих. Пока людей приставляли копать глину, лепить и обжигать кирпичи. И каждого — каждого! — приходилось убеждать в том, что непонятная утомительная работа необходима, как дыхание.

— Не понимают, — наедине с Леоном жаловался Умнейший прочно севшим голосом. — Им кажется: собраться большой толпой, пойти и всыпать Железному Зверю по первое число... Деревенщина! Эфлий тот — помнишь? — тоже ведь

ничего не понял. Пока его дом не спалит, родных не поубивает, а самому не обожжет задницу — так и не докумекает. Вот что меня беспокоит: нас слушаются, но надолго ли их хватит? На голом авторитете держимся, на ниточке...

Ниточка ниточкой, но на Леона и впрямь глазели. На людях Умнейший был с ним предупредителен и избегал спорить, зато наедине шпынял его, как мальчишку. Иногда Леон, усталый, невыспавшийся и раздраженный, рисковал огрызаться.

Некогда было думать даже о Филисе!

Для постройки танка выбрали поляну в самой гуще дремучего леса. Здесь было сумрачно и сыровато. Подлесок расчистили. Громадные деревья незнакомой породы, выстрелив вверх голые узловатые стволы, разбросали высоко над головами плотный лиственный шатер, так что можно было не опасаться, что поляна будет обнаружена с воздуха. На двух соседних полянах также кипела работа: на одной по чертежам Аверс-Реверса воздвигалась небольшая доменная печь и примитивный мартен, на другой, где не покладая рук трудился сам Аверс-Реверс, мастерили станки для обработки сложных деталей. Приводом для станков служило огромное колесо, в котором бегал замороченный дракон, вообразивший себя белкой. Со всей округи из деревенских кузниц шел металл. Леон, ворча, согласился с настоятельной необходимостью расширить ведущие к поляне тропы до ширины настоящих дорог, но принял дополнительные меры по охране мастерских, которые Умнейший, а вслед за ним кое-кто еще, начал уже называть заводом.

Каждая поляна была цехом, каждый цех охранялся. Цепочка шептунов, расставленных на дальности уверенного контакта, соединяла Париса, безотлучно находившегося при Леоне, с постами дальнего обнаружения. Подходы к полянам оберегались вооруженными дозорами, день и ночь горели фитили, и в небо сквозь листву смотрели пушки из кость-дерева, заряженные картечью. По совету Умнейшего в четверти перехода от завода поставили ложную цель: на специальной вырубке, зиявшей на теле леса, как рваная рана, сколотили несколько сараев, а на помосты, сооруженные в зелени лесных крон вокруг вырубки, втянули несколько небольших пушек. Два десятка добровольцев — лучших стрелков и канониров, вызвавшихся под руководством гордого оказанным доверием Тирсиса изображать бурную деятельность людей на ложной

поляне, получили строгий наказ: в случае нападения умереть, но отвлечь на себя детенышей Зверя.

День проходил за днем, а постройка танка все еще не начиналась. Леон терял терпение. Он осунулся, почернел, раздражался по малейшему поводу, а ночью позже всех валился под дерево и засыпал как убитый.

Проблем было не счесть. Брюзжал быстро разочаровавшийся в технике Парис; плохо шел поиск ископаемых, не говоря уже о добыче; носильщики руды уже на второй день начали жаловаться на тяжесть и монотонность работы и просили определить их в стрелки или, на худой конец, в канониры при деревянных орудиях; строители поголовно страдали бестолковостью; триста человек рабочих мигом подъели все дикие фрукты и грибы в радиусе двух тысяч шагов, так что пришлось спешно принимать специальные меры по доставке продовольствия; многие отказывались расставаться с женами и детьми, только усугублявшими продовольственную проблему; детали конструкций не стыковались между собой; не хватало самого нужного. Приходили гонцы и любопытные из деревень, еще не видевших хищных детенышей Зверя, — иные часы уходили не столько на работу, сколько на разъяснения и уговоры. Деревенских мудрецов, любителей поспорить, гнали взашей. Построенная наспех печь треснула, не выдержав пробной плавки, и пришлось рядом ставить другую, поменьше; не ладилось с воздушным дутьем (тупоумного дракона, не справившегося с этой задачей, Леон приказал забить и съесть); вдобавок Аверс-Реверс бесстрастно-нагло заявил, что для изготовления броневых листов крайне желателен прокатный стан — от одного чертежа общего вида этого устройства Леон впал в неслышную истерику. На один только бок рукотворного железного зверя требовалось пять броневых листов шириной почти в два шага каждый!

Еще хуже обстояло дело с химией и совсем плохо — с теми людьми, кому удалось кое-как втолковать, зачем нужно рыть и рыть глубокие ямы в поисках особых камней, черпать из вонючих колодцев черное подземное масло, которое надлежало греть в пустом столбе, набитом изнутри дырявыми перегородками, зачем нужно варить едкие растворы в огромных глиняных котлах, а главное — убедить в том, что этим должны заниматься именно они, а не кто-то другой. Убежденных оказалось настолько мало, что Леон был готов рвать на себе волосы; к

тому же их стало заметно меньше после случайного взрыва кадушки с рыхлой ватой, которую Умнейший называл пироксилином. При взрыве Умнейший почти не пострадал, если не считать того, что временно оглох на одно ухо и несколько дней тряс головой. Он наблюдал за обустройством четвертой поляны — химической и оружейной лаборатории, как он ее называл. Пользы от старика было не особенно много, но Леон был благодарен ему, понимая: другой на его месте оказался бы еще хуже.

Не успевали решить одну проблему, как неизвестно откуда наваливался десяток новых. Леон спал с лица, под глазами набрякли желтые мешки. Он чувствовал, что с каждым днем мозг его тупеет. Втайне от всех он давно уже жалел, что поддался на безумную идею постройки железного зверя, и только упрямство заставляло его работать стиснув зубы.

А кроме того, он искал и не находил другого выхода.

На сорок четвертый день, по счету Леона, началась закалка брони, на сорок шестой — сборка корпуса. Малые кованые листы (о прокатном стане нечего было и думать) навешивались внахлест, подобно чешуйкам исполинской шишки, и приклепывались к каркасу; одну «чешуйку» с трудом могли поднять два человека. Аверс-Реверс работал без передышки днем и ночью. К вечеру сорок девятого дня корпус танка, без гусениц, катков и вооружения похожий на несуразный лоскутный сарай, был почти готов, и впервые со дня начала работ люди повеселели. Высящаяся на стапеле махина производила сильное впечатление.

Если для кого-то запахло концом работы, то только не для Леона, Умнейшего и Париса. «Трудности только начинаются, — в который раз говорил Умнейший, — вот увидишь». Парис надрывно кашлял (накануне глотнул воздуха над чаном с кислотной смесью) и тяжко вздыхал, как бы говоря: «Ничего из этой затеи не выйдет, я вам уже тысячу раз это говорил и еще повторю, если пообещаете не кидаться, где ж это видано — сотворить неживого зверя, понапрасну только весь лес задымили да завоняли, вот по дыму-то нас и найдут...» Однако дни проходили за днями, а детеныши Железных Зверей над лесом не показывались.

Задул сырой ветер с океана, пошли дожди, лес копил влагу. Ручьи размывали дороги. Туманы в низинах не рассеивались и днем. Умнейший, торопя, брюзжал, что ржа разъест танк в труху раньше, чем тот поедет.

Подгонять Леона давно уже не было надобности — сам подгонял других. Каждый день, чуть только отпускала рабочая лихорадка, он скрипел зубами, подсчитывая упущенное: вот это можно и нужно было сделать вчера, а вот это не сообразили начать еще дней десять назад, чтобы оно не тормозило сейчас... И каждый новый день приближал к полянам пограничье, теснимое черной пустошью.

Словно круги на воде от брошенного камня, разбегались отмечаемые на карте концентрические кольца выжженной к сегодняшнему дню земли. Шесть, иногда семь дней съедали пространство, равное одному переходу. Когда пустошь достигла Междулесья, она рванулась вперед со скоростью одного перехода за трое суток.

Утром шестьдесят первого дня Леона разыскал Кирейн, трезвый и жалкий.

— Рабочие уходят.

— Что-о?!.. Повтори. Почему?

— Они не верят...

Замороченный дракончик гнал через лес напрямик и напролом, оставляя на сучьях клочья своей шкуры. На станочной поляне трудился один Аверс-Реверс. Осоловевший Парис сидел на земле, привалившись спиной к штабелю из стальных чушек, и мрачно сосал из бутыли Тихую Радость.

Леон пнул бутыль так, что она, расплескивая содержимое, юркнула в кусты. Кирейн скорбно проводил ее взглядом. Кадык его дернулся.

— Ушли? Куда? Почему не задержал?

Парис закряхтел. Леон перевел дыхание и сплюнул. После безумной скачки сердце дико колотилось.

— Отвечай, живо!

— Ушли, — сказал Парис и начал скрести лысину. — А куда — кто их знает. Кто по деревням, кто в горы к яйцеедам — спасаться. Не успеем, говорят, построить, как пустошь все сожрет, так хоть семьи свои уведем. Люди же... Не удержишь, коли сами не захотят. Говорили же тебе: ничего из этой затеи не получится, не из-за железа не получится, а из-за людей. А вы с Умнейшим...

— Давно ушли? — перебил Леон. — Лоцируются?

— Я кого угодно слоцирую, если не в горах... Только что ушли. Я их уговаривал, да что им я. Тебе бы с ними поговорить или Умнейшему...

— Зашепчи их!

Кирейн, навострившийся было в кусты на поиски бутыли, замер на месте. Парис перестал скрестись и отвалил челюсть.

— Как? Людей?!

— Людей, людей, — сказал Леон. — Их самых. И хорошенько. Надеюсь, шептунов среди них нет? Или есть?

— Я любого перешепчу, если он не морочник, — с достоинством сказал Парис. — А только нельзя людей зашептывать, сам должен понимать. Со мной после этого и здороваться никто не станет.

— Прикажу — станут. Да никто и не узнает, верно, Кирейн? Что смотришь? Не узнает ведь, так? А ты — шепчи, шептун!

— Поговорил бы ты с ними, — просительно сказал Парис. — Разъяснил бы...

Глаза Леона сузились от бешенства. Кирейн, забывший о бутыли, заглядывал в лицо — не иначе копил, подлец, материал для новой саги.

— Только мне и дел, что гоняться за ними! — рявкнул Леон. — Кирейн, живо дуй к Тирсису, пусть соберет своих мальчишек. Никакой стрельбы, пусть только задержит рабочих в пределах дальности зашептывания, хоть ненадолго... А я знаю — как?! Пусть сам придумает, как! Парис! Даю час, ты меня понял? Не выполнишь — пожалеешь. Зашептывай!

Часом не обошлось, но к полудню работа вновь кипела на всех участках.

Вили и закаливали пружины для ходовой части. Испытывали, браковали, калили снова. Катки и траки Умнейший посоветовал не лить готовыми по форме, а ковать: «Тогда, быть может, не полопаются на первом же переходе». Дольше всего провозились с двумя двигателями — по одному на каждую гусеницу, хорошо, что робот взял большую часть работы на себя. За ним тоже приходилось следить: однажды, перегревшись от безостановочной работы, Реверс начал резать болты с левой резьбой, в то время как Аверс изготавливал к ним гайки с правой, и пока заметили неладное, таких комплектов было изготовлено больше тысячи. Дракон, безостановочно бегавший в колесе, сильно усох и околел от усердия.

Намучились с прокладками, испробовав все, что можно, от лубковой коры до выскобленного драконьего желудка вклю-

чительно, пока не нашли приемлемый вариант, — и ведь при каждом эксперименте двигатель приходилось разбирать и собирать заново! С валами и шестернями дело пошло быстрее, так что их ковка была окончена еще до того, как Леон научился выговаривать слово «трансмиссия».

В ненасытную доменную прорву валили руду и уголь. Тощий пласт каменного угля был найден в овраге на границе с Междулесьем, всего в пяти переходах от завода. Носильщики таскали его день и ночь, как муравьи, и то не хватало. Еще горячий чугун волокли к хайлу мартена. Раз в день мартену прочищали пасть — рабочие сбегались смотреть, как льется в формовочные ямы будущая плоть железного зверя. После одной из плавок один рабочий, человек недюжинного ума, решил для ускорения дела остудить стенки печи водой — разлетевшимися осколками убило наповал не только умника, но и еще троих рабочих, а многих покалечило, вдобавок печь пришла в полную негодность. В ту же ночь Леон впервые напился Тихой Радости, не став при том ни радостным, ни тихим: грозил, кричал проклятия, пинал ногой недостроенного железного зверя, а потом заснул в обнимку с Кирейном. Наутро Аверс-Реверс бесстрастно сообщил, что мартен восстановлению не подлежит, однако для завершения постройки одного танка металла накоплено достаточно.

На сто седьмой день перешли к пулеметному вооружению. Аверс-Реверс, раздвинувшись и выкинув на экран чертежи, дал понять, что совершенно не обязательно устанавливать во всех шести пулеметных гнездах танка непременно «максимы», можно что-нибудь другое. Леону было понравился своим внешним видом пулемет Гочкиса, но Аверс-Реверс отговорил: недостаточное охлаждение ствола, плохая кучность боя, вдобавок все равно нужен специальный дармоед для подачи ленты. Людей же и без того слишком мало, чтобы выучивать их на дармоедов.

Остановились на ручном «льюисе», тем самым уменьшив экипаж с восемнадцати человек до двенадцати. Детали пулеметов и пушки ковали и вытачивали с особой тщательностью, а сложную операцию нарезки стволов робот целиком взял на себя.

На оружейной поляне после нескольких неудачных проб слепили сыродутную печь для выплавки меди. Тощая руда да-

вала столь ничтожный выход, что пришлось поставить рядом еще две печи, дым выедал глаза, и шлака было некуда девать.

Человек пятнадцать вручную ковали на оправках патронные гильзы. Первые пули также лили из меди. В поисках свинцовых жил Умнейший посылал и посылал людей и на Голь Покатую, и на перевал, и дальше, пока один из посланных не принес черный кубический кристалл, в котором Умнейший признал искомую руду. «Пуля, конечно, дура, — вслух размышлял он, вертя в пальцах первый доведенный до ума образец с медной оболочкой, свинцовой заливкой и стальным сердечником, — но если бронебойная, так, пожалуй что, и не очень...»

И давал подержать всем желающим.

К его огромному удивлению, эксперименты с динамитными капсюлями очень быстро привели к успеху и обошлись всего в одну оторванную ступню — лучший химик-технолог по нечаянности уронил себе на шуршавку тигелек с нитроглицерином. Шуршавку также не нашли.

Пробные стрельбы дали обнадеживающие результаты. Стрелков переучивали в пулеметчиков и учились сами. От пальбы закладывало в ушах. Умнейший велел отбирать обязательно молодых и не самых талантливых, но самых обучаемых. Время поджимало. Упражняясь в стрельбе по воздушным целям, поубивали немало птиц.

На сто тридцать девятый день подпилили стапель, и танк, круша дерево, грузно осел, глубоко вдавив в почву ребристые траки. Он еще не двигался, но и стоя на грунте, производил громадное впечатление и походил на матерое крупночешуйчатое чудовище, окаменевшее в утес.

Умнейший растолкал Леона, час назад забывшегося мертвым сном. Вся ночная смена спала вповалку. Кто-то бормотал в мучительном кошмаре про дюритовый шланг внутренним диаметром тридцать миллиметров, которого не хватает. Кто-то заунывно стонал во сне.

— А? — Леон заморгал, захрипел и попытался встать. — Готово?

— Почти. Осталось личное оружие экипажа. — Умнейший чему-то улыбался.

— Какое оружие?

— Стандартное. Карабины.

— Не нужно. — Откашлявшись, Леон выгнал вон хрипоту

из горла. — Один есть, и хватит пока. Заменим духовыми трубками, оно и привычнее. Еще что?

— Пистолеты.

— Обойдемся. Дальше.

— Запас ручных гранат.

— Тоже обойдемся. А вообще об этом надо подумать. Теперь уже все?

— Восемь огнеметов...

Леон застонал, схватившись за голову.

— Переживем, — быстро сказал Умнейший. — У меня все. Теперь ты спрашивай.

— Бензин?

— Четыре заправки.

— Хорошо. Патроны?

— Если палить из всех стволов, минуты на две хватит.

— Так. Снаряды?

— Пятнадцать осколочных, шесть бронебойных и двадцать две картечи.

— Мало.

Умнейший пожал плечами.

— Хватит. Пока эта дура доберется до противника, успеем пополниться. Кстати, учти: чем полнее боекомплект, тем громче танк взрывается.

— Учту.

На сборочной поляне было не протолкаться. Сюда собрались поголовно все рабочие с других полян, с женами и детьми, шептуны и морочники, носильщики руды, стрелки с ложной поляны, какие-то ненужные деды из близлежащих деревень... Многих Леон вообще видел в первый раз. Там стоял невыносимый.

При виде Леона и Умнейшего все смолкло. Толпа расступилась, давая проход.

— Это что? — толчками выплевывал Леон, тараща воспаленные глаза. — Это кто разрешил? Это ты им разрешил? Почему не работают?!

— Тише... Этот день — их... Они заслужили. Я тут еще пригласил кое-кого сверх, надеюсь, ты не возражаешь. Просто созвал, кого мог. Кстати, чем больше их сейчас здесь, тем лучше.

— А стрелки? Пушки без канониров!

— Приходится рискнуть.

Леон с недоумением взглянул на Умнейшего. Двинулись через толпу.

— Плечи расправь, — шептал Умнейший в ухо. — Ни о чем не спрашивай, потом спросишь. Не суетись и не спеши. Иди бодро. Улыбайся.

Вокруг танка оказалось свободное пространство поперечником шагов сорок. Теперь, когда стальная громадина вот-вот была готова ожить, люди боялись подходить ближе. Кто-то все же успел дать чудовищу название: «Разъяренный Дракон». Увидев испачканный надписью борт танка, Леон сжал кулаки. Умнейший заторопился, предупреждая вспышку:

— Пусть их. Хуже не будет. Дракон так дракон.

Ладно... Пусть. Старик прав. Всегда прав он, а не я... Но ведь ОНИ смотрят на МЕНЯ, вот в чем дело. Зря я оглянулся и увидел, КАК они смотрят... как неотступно ведет меня тысячеглазая немая толпа, ведет и ждет... чуда.

Мурашки по коже.

— Экипаж? — шепнул Леон.

— Давно на местах.

Из люка левого борта спустили трап. Очень хорошо. Приблизиться не спеша. Ладонью с въевшимся в поры металлом похлопать по гулкой броне. Три раза — хватит. Не надо подсказывать, знаю сам. Обернуться и помахать людям. Влезть по трапу так, чтобы ни в коем случае не оступиться и чтобы не дрожали ноги. С нарочитым тяжелым лязгом захлопнуть за собой люк. Вытереть с лица пот. Что теперь? Занять место в командирской рубке — справа, рядом с водителем. Сдвинуть бронещиток, открывая обзор. Все.

— Заводи.

Оба мотора завелись сразу — не зря тратили топливо, гоняя их на стенде, и мудрили с чахоточным магнето. Крупной дрожью сотряслись бронелисты, закачались пулеметы в бойницах. Было видно, как толпа отшатнулась с единым выдохом.

Пока прогревали двигатели, Леон заставил артиллеристов поводить стволом орудия из стороны в сторону и вверх-вниз. Пусть там, вовне, не скучают. Умнейший, несомненно, одобряет. Вон он — показывает глазами, что все правильно.

— Помалу — вперед.

Команды трансмиссионщикам, треск моторов, скрежет шестерен в коробках передач, перепуганная толпа, валом ва-

лящая под защиту деревьев... Танк стрельнул глушителем, лязгнул и дернулся рывком. Стало слышно, как под боевым настилом плещется бензин в коробчатых баках. «Легче, легче!» — проорал Леон на ухо водителю, но тот уже справился, и танк медленно, как зашептанный дракон, взял с места и, неторопливо наращивая скорость, пополз пока по прямой, раскачиваясь на неровностях, печатая в убитой тысячами ног земле четко вдавленные следы рукотворного железного зверя...

ГЛАВА 3

Все люди на Просторе делятся на две категории: те, кому везет, и те, кто везет других.

Приписывается Умнейшему

— Памфил, — сказал Леон, — стой.

Водитель крикнул трансмиссионщикам. «Разъяренный Дракон» прокатился еще немного по инерции и встал на тормоз. Пустошь была рядом, дышала в лицо зноем и смертью.

— Глуши.

Леон выбрался на крышу танка. Над дорогой низко нависали ветви. Одна, согнутая командирской рубкой в дугу, готова была или сломаться, или согнуться еще сильнее, чтобы хлестко распрямиться, пропустив танк. Лес был как лес, да не такой. Ни звука, ни шелеста... Передний край пограничья везде одинаков — это не лес уже, а покорная жертва, с молчаливым терпением ждущая убийства. Или, скажем, с немой укоризной... Леон заскрипел зубами. Эти деревья, эта согнутая живая ветка погибнут уже сегодня — один проход зауряд-очистителя освобождает от леса и жизни полосу шириной в двести шагов. Будут корчиться без огня, распадаясь в пепел... В пыль. В ничто.

Хитрит Умнейший, сразу видно, что хитрит, а не просто осторожничает. Бросает намеки, никогда не объясняя до конца, что задумал. Что-то у него пошло не по резьбе, и он занервничал. До сих пор, правда, ни разу не ошибся по-крупному, но разумно ли и дальше безоглядно вверять ему себя? Гм. Хороши такие вопросы, в которых уже содержится ответ. И между прочим, боекомплект так и не удалось пополнить, несмотря на клятвенные заверения.

На мгновение Леона охватило чувство — нет, почти уверенность в том, что все это — и устрашающий чешуйчатый танк, и высунувшийся из люка, утирающий пот Памфил, и он сам — только ничтожные атомы, горсть пыли, разменные фишки в какой-то непонятной, сложной и страшной игре, стоящие тем меньше, чем больше у игрока фишек, — но тут из-за поворота дороги бесшумно выскользнула цепочка спешащих рысцой стрелков, и пронзительная ясность понимания, мгновенно вспыхнув, как падающая в Простор звезда, так же мгновенно и погасла. Нет ничего — ни фишек, ни атомов. И не было. Есть танк, грохот его механизмов, Памфил, лучший из отобранных водителей. Только это реально, и реален враг.

— По местам! — скомандовал Леон. — Пулеметы, пушку проверить, зарядить. Носильщикам — долить баки.

Залязгало. Запах топленого драконьего жира, сразу усилившись, смешался с бензиновой вонью. Палкой выпихнули тряпичный ком, оберегавший канал орудийного ствола от лесного сора. Скупо клацнул затвор, пропуская в казенник картечный заряд. В стволах пулеметов заходили шомполы, обернутые промасленной ветошью. Снаряженные диски валялись в корзинах и на полу как попало.

Недодумали, с огорчением отметил Леон. Он мысленно внес поправку в сборочный чертеж. Вот так надо, проще простого. Все под рукой, и не надо нагибаться за каждым диском, теряя цель. Опять же под ногами не мешаются...

Вернемся — доделаем.

Если вернемся.

Страха почему-то не было.

— Готовы?

— Почти... Теперь готовы.

— Надо отвечать «так точно», — вспомнил Леон наставления Умнейшего.

— Так точно... Что теперь делать?

— Не болтать попусту. Носильщикам — оттянуться в лес. Дозорного — на высокое дерево, на самое высокое, какое сыщется. Двух шептунов для связи, одного к дозорному в пару, другого — сюда. На пустошь не соваться. Все.

Ждать пришлось недолго. Вскоре шептун доложил, что приближается зауряд — шептун назвал его по-старому детенышем. Всматриваясь в редкие просветы между кронами, Леон так и не заметил скользящего по воздуху диска, но видел

остановившимся взглядом, как впереди мгновенно чернели и рассыпались в прах деревья, и это зрелище лучше всяких слов заставило признать: зауряд все-таки был. Теперь танк стоял почти на опушке.

— Великий Нимб! — сказал потрясенный Памфил. — Как это мы... Возьми он чуть шире...

— Кому сказано — зря не болтать!

План Леона был прост: дождаться следующего зауряда и выскочить на пустошь прямо из-под его носа. Кормовые пулеметы должны сделать свое дело. На пушку Леон с самого начала не очень-то надеялся — даже если цель появится в секторе обстрела, поди еще успей поймать ее в прицел... Разве что зауряд сам сдуру сунется под выстрел.

В полной тишине шло время. От напряжения Памфил начал зевать с прискуливанием, как перегревшийся на солнце пес. В ответ на бешеный взгляд Леона водитель только развел руками: борюсь, мол, с собой и терплю конфузию.

— Вывихнешь челюсть — вправлять не буду, — буркнул Леон. — Пора, заводи. Самый малый газ. Нейтраль.

Пришлось прикрыть люки — на холостом ходу дым выхлопа лез внутрь танка. Леон оставил только щель, чтобы наблюдать за шептуном. Парнишка-шептун был совершенно спокоен. Успеет ли он убежать из выжигаемой полосы? Тут надо бежать очень быстро...

Немного времени прошло, а кажется — вечность. Зауряды здесь пролетают, наверно, раз тридцать за сутки. Интересно знать, как у них поставлено дело: у каждого зауряда свой участок или они безостановочно ходят по кругу один за другим? В любом случае наступление на лес должно мало-помалу тормозиться: круг-то расширяется... Э, да что я! Отупел, точно. Круг расширяется, но и заурядов, очевидно, становится больше. Сколько их сейчас у Железного Зверя — сотня? Две? Вовремя выступили. Если ждать да ждать, надеясь, что само как-нибудь образуется, заурядов станет больше, чем людей.

Руки все-таки дрожали. Ладно... Леон украдкой покосился на пулеметчиков. Нет, кажется, пока не заметили. Вот будет номер, если у них тоже задрожат руки. Умнейший был прав только наполовину: следовало отбирать молодых, но не юнцов по шестнадцать-семнадцать лет, а мальчишек. И с Тирсисом во главе. Тем ничего не страшно, а насчет дисциплины и послушания — обломали бы...

Развить мысль ему не удалось. Танк чаще застрелял моторами и выпустил с обоих бортов по облаку сизого дыма. Молодец Памфил, не проворонил.

— Летит! — кричал шептун и показывал руками, откуда летит. — Низко, как первый!

— Беги! — крикнул Леон. Вдруг стало сухо в горле. — Спасибо.

Лязгнул, захлопываясь, люк.

— Вперед! Огонь без команды.

На один короткий миг ему стало страшно до озноба — вдруг именно сейчас лопнет вал, со скрежетом полетят зубья с шестерен, бывало ведь уже... Но вот танк взревел, дернулся, присел кормовой частью на рессорах и покатился. Памфил сорванным голосом орал на трансмиссионщиков. Вторая передача. Третья. Некогда рулить... Потеряв дорогу, «Разъяренный Дракон» с треском проломил себе путь в зарослях и выкатился на пустошь. Успели! Леон прилип к задней амбразуре командирской башенки и застонал.

Он учел все. Кроме пыльного хвоста за танком на выжженной пустоши. Кроме слоя праха, недавно бывшего лесом.

Зауряда видно не было. Вообще не было видно ничего, кроме клубящейся сухой пыли, и, тревожа пыль, увязая в ней до осей катков, пер вперед танк, медленно набирая предельную скорость. Так медленно, что хоть плачь. Один из кормовых пулеметов протарахтел короткой очередью, на секунду недоуменно смолк и заработал безостановочно. Куда, куда, в кого он лупит, этот остолоп! Леон ударил кулаком по броне:

— Влево! Вдоль леса!

— Левая — тормоз! — истошно вопил Памфил.

Теперь Леон видел зауряда. Тот был еще на подлете — глазаст дозорный! — но быстро приближался. Точка вырастала в диск. Лес под ним резало точно бритвой, и могучие лесные великаны, вздрогнув, рассыпались, словно слепленные не из песка даже, а из невесомой серой пыли, но Леон лишь мельком взглянул на лес. Он видел, как зауряд сбросил скорость, заметив танк, как он вильнул к пустоши... Разом застучали оба пулемета левого борта, посыпались, звеня, гильзы. Совершенно неуместно Леон поймал себя на том, что и теперь думает о зауряде как о живом существе. Он и приближался, как живой: не атаковал — исследовал. Разок плюнул огнем, но как-то неуверенно. Огненный клубок настиг, расплескался о

борт танка. Окатило жаром. Один пулемет смолк. Внизу на боевом настиле кто-то закричал, упал, начал кататься по гулкому металлу, нестерпимо воя. Бухнула картечью пушка — мимо!.. Зауряд проскочил перед носом танка и взмыл, уходя на широкий вираж. В казенник пушки пихали и не могли запихнуть новый картечный заряд — что-то у них там стряслось с казенником... Стучали, стучали пулеметы, тянулся за кормой пыльный хвост, дрожала горячая — не прикоснуться — чешуйчатая броня «Разъяренного Дракона».

И разъяренные драконы смертны.

В дальней точке виража диск стал похож на тонкую, слепящую яркую иглу, застывшую в небе. Нет, не застывшую... Игла превращалась в чешуйку, чешуйка — в диск. За разведкой последует атака, затем зауряд спокойно продолжит свою работу.

Безумие! С самого начала вся затея — безумие. Потратить столько времени на постройку неповоротливого железного чудовища — и зачем? Это не бой — самоубийство. Повернуть, скрыться в лесу? Леон мгновенно оценил расстояние. Сверкающий диск рос в размерах, и было поздно уходить от него в лес... поздно... поздно...

* * *

Хорошо было лишь здесь, внутри себя, когда глаза закрыты и видишь то, чего нет. Мама сидела рядом, положив теплую ладонь ему на лоб, и от ее прикосновения утихала боль, исчезала куда-то изнуряющая тошнота, а он был просто маленьким жалким комочком, скорчившимся на постели из травяного пуха и сушеной древесной сердцевины, его лечили горькими травами, но никто не умел так утишать боль, как мама. Из своей детской духовой трубки он подбил за околицей пернатого краба — редчайшего зверя в здешних лесах, как говорили старики, — и, непомерно возгордясь своей первой охотничьей добычей, сам ощипал ее и зажарил на угольях, вместо того чтобы показать взрослым. Другие не хотели есть, а он сжевал кусочек невкусного мяса, и почти сразу накатила тошнота и боль. Он даже плакал — такой силы была боль, а еще судороги и мучительная рвота, и временами он проваливался куда-то очень глубоко, откуда не мог даже крикнуть о том, как ему больно. Мама, молча звал он. Мама, не уходи, побудь еще...

Ушла. Или это я ухожу? Линдор, Ацис, Титир, где вы? Парис, ядовитый, как горький лесной корень? Кирейн, веселый пьяница? Филиса? Сейчас я открою глаза и завою от горя, если не увижу кого-нибудь из вас, это они, чужие, думают, что я не могу открыть глаза, а я — могу. Но не стану, потому что знаю: никого из вас там нет, вы только тут, во мне, вы мне нужны, и я вас не выпущу...

И еще вплеталось назойливо, но приятно: невыносимая жара в тряской железной коробке, «Разъяренный Дракон», окрысившийся злобной стукотней пулеметного огня из перегретых стволов, сверкающий диск, внезапно споткнувшийся в полете... Как стремительно он падал! Как чудесно — косо! ребром! — воткнулся он в пустошь, прежде чем исчезнуть в белой вспышке, и уже потом ударило в уши, и танк содрогнулся. От зауряда не осталось ничего, кроме воронки и гриба повисшей в безветрии пыли. И это я тоже оставлю в себе, подумал Леон, потому что пьяная сладость первой победы, я знаю, исчезнет, чуть только я проснусь и открою глаза. Потому что я вспомню, как мне когда-то мечталось добраться на «Разъяренном Драконе» до самого Железного Зверя, и мне станет стыдно... Нет. Не хочу просыпаться.

Он открыл глаза.

— Очнулся? — сказал Умнейший. — Мне так и сказали, что вот-вот. Ты лежи, тебе лежать надо.

Зачем он здесь, подумал Леон. Не надо, пусть он уйдет, я не хочу в ваш мир... Он пошевелился, и движение отозвалось мучительной болью. Будто кто-то размеренно бил палкой по черепу, в то время как его подручные заживо сдирали кожу. Руки-ноги оказались все-таки на месте. Он немного полежал не двигаясь, и мало-помалу боль стала уходить. Зато снова дала себя знать тошнота, налетела неожиданно и отступила, выжидая момента, тварь. Леон осмотрелся, подвигал глазами, не поворачивая головы. Ставни были закрыты, в комнате царил полумрак, и воняло приторно-кислым. Понятно, отчего...

Под кроватью не зря стояла большая лохань.

— Сильно меня? — спросил Леон, едва ворочая языком. Каждое слово ввинчивалось в мозг, словно ржавый шуруп.

— Поправишься, — проворчал Умнейший. — Ничего особенного: сломанная ключица, сотрясение мозга и, само собой, ожоги. Тебе не привыкать. Знал я, что ты везучий, но не

знал, что настолько. Как тебя осколками не порвало, хотел бы и понять. Весь экипаж — в мелкую сечку, один Памфил остался да ты.

— Памфил жив?

Умнейший покачал головой:

— Плох, вряд ли выживет. Видел бы ты, сколько из него железа наковыряли. А у тебя — ни осколочка.

— Одного мы... м-м...

— Что, опять тошнит?

— М-м-м...

— Ты подвигов хотел, не я... На вот, дыши. — На нос легла тряпочка, смоченная чем-то пронзительно-свежим. Полегчало.

— Лучше? Лохань не подставить ли? — Леон через силу покачал головой. — Нет? Ты смотри...

— Одного мы все-таки свалили, — закончил Леон.

— Двух, — сказал Умнейший и для убедительности показал два пальца.

— Второго не помню...

— Двух. Я видел.

Понадобилось время, чтобы понять.

— Ты — видел?

— И не только я. — Старик был явно восхищен собой, чуть не облизывался от удовольствия. — Правда, с галерки, но вполне отчетливо. Место хорошее: и на опушке, и можно убежать в случае чего. Очень многие видели, я туда всех собрал, кого мог. Поглядел бы ты, что с людьми сделалось, когда заряд взорвался, — физиономию бы не кривил! А как они тебя подбирать кинулись, чуть только поспокойней стало...

Звук временами пропадал, Умнейший забавно и непонятно шевелил губами, и что-то смутно прояснялось в памяти. Нет, как падал второй, Леон вспомнить не мог. А первый... ну конечно, я же приказал Памфилу встать на тормоз, — на тряском ходу стрелкам вовек бы не попасть в цель.

— Броня потом... крошилась, — через силу проговорил Леон. — Отламывалась, как корка... весь правый борт... труха.

— Это вас десинтором зацепило, — заключил старик. — Через эту-то броню тебя и вынесло, даже пламя сбило по дороге. Я так понял, что первыми рванули баки, а боезапас, на твое счастье, чуть помедлил.

— Может быть... Нет, не помню. Они как налетят... Стая. Карабин мой пропал.

— После первого зауряда надо было в лес уходить, — рассудительно сказал Умнейший. — А ты, конечно, решил, что тебе все дозволено. Или ты думал, что у заурядов нет связи с автоном-очистителем и друг с другом? Да нет, ты же знал...

Качалось, плыло его лицо. Не стало сил дышать. Раскаленными тисками сдавило, сплющило голову. Нет осколков? Почему нет, вот же они, в мозгу, они жгут... Леона тянуло назад и вниз, в спокойную, прохладную глубину беспамятства. Закрыв глаза, он нырнул.

Второй разговор состоялся тем же днем, но Леон не знал, что это тот же день. Какая-то женщина меняла ему повязки, и от болезненных прикосновений он очнулся. Умнейший пришел по первому зову, сел на скамью подле топчана, ждал.

— Люди, — помолчав, сказал Леон. — Мальчишки же еще. Они горели... страшно. Это я их...

— Ну-ну, успокойся. Ты тут ни при чем. Я понимаю, тебе было не до того, а я считал. Постройка танка и бой обошлись нам в двадцать шесть человек убитыми плюс десятка три серьезно искалеченных. Много это или мало в обмен на два зауряда? — Леон заметил возле глаз Умнейшего жесткие морщинки, которых прежде не замечал. — Я знаю, ты скажешь: много. И я скажу, что много, тем более что потеря нескольких зауряд-очистителей заведомо будет восполнена в тот же день. Но те люди, которые строили танк, и те, которые наблюдали за боем, так не думают, хотя как раз они-то убеждены в том, что наш выигрыш составил всего-навсего такую малость, как два зауряда. Люди считают это победой, и я так считаю. По правде сказать, я и на один не очень-то рассчитывал...

— Они горели и кричали, — перебил Леон.

— Они сделали то, что надо было сделать, — сказал Умнейший. — Успокойся. Знаю, что было страшно. Скорблю, как и ты. Наш мир, видишь ли, так устроен, что кое-кому иногда приходится гореть заживо и, боюсь, придется и в дальнейшем. Страшное допускается для того, чтобы не случилось еще более страшного... не имело шанса случиться. — Умнейший вдруг усмехнулся, совершенно неожиданно. — Как ты полагаешь, почему я настаивал на постройке той глупой здоровенной махины? С какой стати согласился пойти на опасную по-

терю времени? Ведь куда проще было сделать что-нибудь поскромнее, зато поэффективнее и с меньшими затратами, — а что бы ты выиграл? Уничтожил бы десять заурядов вместо двух? Это не решение проблемы. Зато теперь ты показал людям, чего может достичь человек. «Разъяренный Дракон» — это наглядно, а кто не видел его, тот о нем услышит. Ка-ак он катил через деревни! — Умнейший улыбнулся и подмигнул. — Слух пошел по всему Простору, Парис постарался. Отныне люди за тебя — пользуйся! Кое-что уже предпринимается, можешь поверить: мы тут не сидели сложа руки...

Кипел мозг, огненными ручьями растекалось под черепом расплавленное железо... Умнейший опять обманул его и, как всегда, сделал это ловко и незаметно. Никому нельзя верить. Сделал — подлость. Добился, опять добился своего.

— Уйди, — через силу сказал Леон. — Не хочу тебя видеть. Совсем уйди.

— Иначе тебе захочется ударить старика?

— Может быть.

Умнейший с кряхтеньем поднялся.

— Ладно. Опять вижу, что я в тебе не ошибся. Дай-ка я тебе тряпку на лбу сменю... вот так. Выздоравливай. Когда захочешь — позовешь.

— Погоди. Тот шептун... он успел уйти?

— Который?

— Тот, что предупредил о зауряде.

— Успел. Он погиб позже — отвлек на себя, когда вытаскивали тебя с Памфилом.

Леон застонал.

— Что — приятель? — осведомился Умнейший.

— Нет. Тоже совсем мальчишка... как те...

— Кирейн напишет песнь об их доблести.

Обо мне он напишет, с тихой яростью подумал Леон, не о них. Что я, Кирейна не знаю? О высокой доблести, мудрости и несравненном благородстве Леона Великого Стрелка, Леона Безупречного, Леона Победителя... И превознесет Леона Скромного, если тот сглупу откажется от титула Победителя.

А тот откажется?

Вопрос.

— Давно я лежу? — спросил Леон.

— Восьмой день.

Так. Могло быть хуже.

— А где мы?

— Деревня. Полперехода от пустоши. Да ты погоди, не вскакивай... Люди начали было отсюда уходить, а теперь опять вернулись.

— Из-за меня? — горько спросил Леон.

— Не только. Видишь ли, — Умнейший выдержал паузу, усиливая впечатление, — зауряды с тех самых пор почему-то не летают.

* * *

Дин-Джонг отчаянно скучал в своем отсеке. После необъяснимого исчезновения Й-Фрона запас развлечений на борту «Основы Основ» свелся к нулю. Если прежде можно было с помощью корабля подшутить над ограниченно ценным, то теперь корабль игнорировал Дин-Джонга, явно видя в нем низшее существо, недостойное внимания. Кормил, убирал — это да, но развлекать не желал, хоть удавись. Пренебрежение корабля казалось многозначительным.

И дернуло же ограниченно ценного спуститься на эту паскудную планету и пропасть там без вести!

Деталей проверки Девятого автоном-очистителя Дин-Джонг не знал — никто не озаботился ознакомить его с деталями. Из случайно перехваченных телепатем экипажа он уяснил себе, что Девятый в порядке. Но куда подевался Й-Фрон?

Грела мысль: он, Дин-Джонг, не был последним человеком на корабле, недочеловеком даже, беззащитным парией, презираемым всеми и вся, — нет, он стоял не на самой нижней ступеньке! Теперь грелка исчезла, и внезапно ниже не оказалось никого. Было не просто скучно — было тоскливо неуютной и безнадежной тоской мелкой букашки, затесавшейся в группу охотящихся жаб. Что с того, что полное гражданство? Сядь и замри со своим полным, если хочешь уцелеть. Все равно, между прочим, не поможет: прикажет Ульв-ди-Улан повторить десант на планету — кому придется спускаться, рисковать собой? Дин-Джонгу, разумеется, больше некому.

Это он нарочно не вернулся, ограниченно ценный, чтобы из зависти навредить тому, кто выше его! Подлая натура! Не зря, ох, не зря ему отказали в полном гражданстве, и неспо-

собность к телепатии тут ни при чем. И не выбраковали его лишь по прискорбной ошибке!

...Волнующаяся поверхность темной воды в бассейне вздулась горбом. Хтиан прочистил дыхало, сделал вдох и, шевельнув ластом, ушел на глубину. Под водой панические телепатемы Дин-Джонга слабели и не так сильно раздражали. Боится? Сам виноват. Если бы научился не всякую мысль превращать в телепатему, то, пожалуй, не относился бы к низшей, девятой подгруппе полноценных граждан, мог бы продвинуться и до восьмой... Подумаешь — исчез Й-Фрон! Ну так что же? Расходный материал, туда ему и дорога. На то и существуют ограниченно ценные, чтобы гатить своими костями трясины на пути человечества.

Отсидевшись, Хтиан свечкой вынырнул за новым вдохом, плеснул хвостом и послал короткий мыслеимпульс — не Дин-Джонгу, тот вряд ли смог бы его принять, а лидер-корвету. Пора было навести порядок.

С полсекунды он пребывал в напряжении — не вмешается ли коммодор? Ульв-ди-Улан не ответил — не то спал, не то развлекался решением математических задач. Хтиан даже позавидовал коммодору: с таким мозгом, пусть и находящимся вне черепной коробки, можно при желании абстрагироваться от любых телепатем.

«Да?» — с идиотской важностью изрек лидер-корвет.

«Не да, а так точно! — рявкнул Хтиан. — Повтори».

«Не да, а так точно! Повтори», — послушно воспроизвел корабль, симулируя простодушие.

В дыхало просочилась капля воды. Хтиан едва не поперхнулся.

«Поговори у меня! Распустился! Давно не объезжали?»

Это произвело впечатление. Лидер-корвет мгновенно выразил радостную готовность отвечать по существу и выполнять приказы без размышлений. Усмехнувшись про себя, Хтиан отдал короткий приказ.

Спустя минуту из стены в отсеке Дин-Джонга вырос бич и сам собой щелкнул. Одновременно на другой стене нарос кремовый торт и со скоростью пушечного ядра устремился в лицо нарушителя тишины. Не имея всей полноты власти на борту, Хтиан не мог наказать Дин-Джонга, и бич ударил вхолостую. Намек — совсем другое дело.

«Спасибо, — пришло от Нбонга. — Я уже сам хотел».

Хотел, не хотел, а лучше его с кораблем никто не управится, Хтиан это знал. Он не ответил, наслаждаясь картинкой: Дин-Джонг, ошалело оглядываясь, счищал с лица крем и облизывал пальцы.

* * *

Старик навещал почти каждый день, но задерживался ненадолго. Он выглядел утомленным, часто проводил ладонью по глазам, но нимало не утерял своей энергии. Новости из него выскакивали одна за одной, как стреляные гильзы из трясущегося «льюиса». Леон вникал, когда его не рвало и когда не разламывалась голова от мучительной боли.

По сведениям, полученным как по почте, так и от непосредственных очевидцев, удалось нанести на карту местоположение двадцати трех автоном-очистителей. По-видимому, общее их число не превышало пятидесяти — пятидесяти пяти. Умнейший не был уверен в том, что при разделе материка каждый автоном-очиститель получил равную площадь очистки, особенно в приполярных областях, откуда пока не поступало никаких сведений.

Старый завод на трех полянах было признано целесообразным пока не эвакуировать, а строить с нуля еще три — один в горах и два в лесу, в десяти и двадцати переходах от пустоши. Добыча руд, сообщал старик, идет по-прежнему плохо, но на самое насущное металла пока хватает. «Не подлежащий восстановлению» мартен все-таки восстановлен, перебрали по кирпичику, и есть мысли о том, как повысить его производительность. Аверс-Реверс полностью переключился на изготовление инструмента и деталей станков. Не-ет, второго «Разъяренного Дракона» мы строить не будем, достаточно наигрались в наглядную агитацию, теперь придумано кое-что получше...

Зоны очистки в других частях Простора продолжают расширяться с прежней скоростью. Парисом, Кирейном и Умнейшим от имени Леона написан и разослан по эстафете призыв не расходовать зря жизни людей на бесплодные попытки остановить очистку повсеместно, а организовать единую крепкую зону обороны с Леоном Великим Стрелком во главе. Размножена и разослана сага о Рукотворном Звере, написанная Кирейном, а заодно несколько песен и баллад. Сказителю от-

дан дом, куда проведена специальная кишка от ближайшего источника Тихой Радости. Теперь в дни творческого кризиса сказителя достаточно пережать кишку — и кризис как рукой снимает.

Беженцы из отдаленных районов уже прибывают во множестве, а будет еще больше. Все деревни в округе забиты ими до отказа, и возле заводов строятся временные лагеря на вырубленных полянах. Добровольцев из числа беженцев сколько угодно, так и рвутся в бой, и каждому олуху надо популярно объяснять, что прежде драки надо сделать то, чем дерутся, — а в итоге на тяжелых и сложных работах людей как не хватало, так по-прежнему и не хватает. Пришли кое-какие старые знакомые — Брюхоногий Полидевк, например. Глуп, конечно, и нет особой надежды, что поумнеет, зато распорядителен и вдобавок полицейский — годится распределять потоки беженцев, кого куда. Уже этим занимается. А Аконтий — помнишь кузнеца из Города? — взял на себя всю металлургию, подобрал себе команду из толковых ремесленников и быстро освоился, Аверс-Реверса только побаивается... Да! — твоя жена с пасынками тоже добралась. Хочешь ее увидеть?

Забыв про боль в черепе, Леон затряс головой. Умнейший сочувственно покивал.

— Понимаю. Она тут грозилась с тебя шкуру снять и ноги ею вытереть — ну, здешние женщины ее слегка и помяли. Сам не видел, а говорят, в процессе помятия она кому-то полголовы волос выдрала. До смертоубийства не дошло, и хвала Нимбу! Я пока запрятал ее от греха в дальний лагерь вместе с пасынками. Одобряешь?

— Вполне. А... Филиса?

Умнейший пощупал складки на наморщенном лбу.

— Какая Филиса?.. А, все, вспомнил. Понятия не имею.

— Почему?!

— Видишь ли, — Умнейший развел руками, одновременно жестко прищурившись, — ее местонахождением я специально не интересовался. Но если ты настаиваешь, я немедленно все брошу и стану заниматься только поисками...

Леон закусил губу.

— Перестань... Чем сейчас занят Тирсис?

Старик ухмыльнулся:

— Слоняется у дома вместе со всей своей командой. Меня не слушает, Полидевка не слушает, Париса не слушает, вооб-

ще никого не слушает. Хочет к тебе, а я велел не пускать. Там не он один — в деревне полно бездельников. Только свистни — завтра прибегут еще десять тысяч, чтобы взглянуть на Великого Стрелка. Но я бы свистеть подождал.

— Не шути, старик... — зажмурившись, Леон попытался сесть на топчане, и это получилось. — Ты вот что, скажи Тирсису, пусть ищет Филису. По лагерям, по деревням, где угодно. И пусть он мне ее найдет. Хотя нет — зови его сюда, я ему сам скажу...

Филиса нашлась в дальнем лагере — не в том, куда Умнейший упек Хлою, а в другом, находящемся на диаметрально противоположной границе контролируемой области. Получилось ли это случайно или Умнейший опять хитрил, Леон предпочел не выяснять. Неважно. Главное, Филиса была найдена, не сгинула, как многие, не пропала безвестно, не погибла от жары, жажды и усталости при переходе через Междулесье, и распорядительный Тирсис специальной депешей сообщал о ее хорошем здоровье, клялся беречь пуще глаза и запрашивал дальнейших инструкций. Леон с той же почтовой летягой передал ему приказ возвращаться. Нет, доставлять Филису к нему не надо. Оставить как есть, но освободить от тяжелых работ. Он придет к любимой сам.

Потом. Когда сможет.

На сердце все же стало чуть-чуть легче.

Дни выздоровления тянулись так медленно, словно над Простором перестал кружиться Великий Нимб. Иногда, когда никого из лекарей не было поблизости, Леон пробовал встать с постели. Сраженный приступом головокружения, цеплялся руками за воздух, как лунатик, валился где попало. Лучшие знахари, собранные Умнейшим по всей округе, тащили его назад, на постель, зашептывали боль. Ключица, по-видимому, почти срослась, серьезной боли в плече Леон не чувствовал. Тем обиднее было валяться тюленем из-за какого-то там сотрясения, пусть и основательного, пить отвары из знакомых и незнакомых трав, гася периодически подступающие позывы к рвоте. Леон злился, потеряв счет дням. Сколько еще можно терпеть растительное существование? До пролежней? Хорош великий стрелок и вождь — с пролежнями!

Обрыдло!

В один из визитов Умнейший с некоторым удивлением в

голосе сообщил, что Памфил, оказывается, выжил и идет на поправку. Раны водителя рубцуются хорошо, и пусть красавцем ему отныне не бывать, на водительских навыках ранение вряд ли скажется. Уже придумана и одобрена специальная нашивка на набедреннике, даваемая за ранение в боевых условиях, и Памфилу объяснено, что он должен нашивкой гордиться. Впредь быть ему инструктором, если только Леон не захочет оставить лучшего на просторе водителя при себе. Почему бы и нет?

Леон погасил приступ тихой ярости. Вот, даже Памфил! Не хватало еще, чтобы иссеченный едва ли не в лапшу водитель вернулся в строй раньше его, Леона!

Искусство ли знахарей способствовало выздоровлению, молодой ли организм сам справился с контузией, а только однажды Леон, поднявшись с продавленного ложа, растопырив руки, готовый чуть что хвататься за первую попавшуюся опору, почувствовал, что может ходить.

Голова почти не кружилась, и упала с глаз мутная пелена.

Опасливо, но уже шалея от нежданного счастья, он сделал первый робкий шаг, затем второй. Опершись рукой о корявую стену, попытался подпрыгнуть.

Резкое движение отдалось болью в черепе, но на этот раз Леон сумел переждать боль на ногах.

В дверь просунулся Батт и, пискнув, ушмыгнул обратно. Минуту спустя зашел Умнейший.

— Как самочувствие? — спросил он, прищурившись.

— Здоров! — Леон и не подумал скрыть счастливые нотки в голосе. Здоров! Здоров!

— Это ты так считаешь. Ладно, для первого выхода, вижу, годен. Только подожди немного. Сядь пока, а лучше ляг, если не хочешь прилюдно брякнуться в обморок.

Леон счастливо рассмеялся:

— Я не брякнусь!

— Лучше не рисковать. Уж поверь, точные отчеты о твоем здоровье я получал трижды в день. Отчеты, само собой, сугубо секретные. Между прочим, официально считается, что ты уже здоров и сидишь тут для того, чтобы в деталях обдумать стратегическую концепцию обороны... Можешь успокоиться, не один ты не знаешь, что это такое. Но на людей действует, поверь, безотказно...

Переваривалось это все-таки с трудом. Старик не давал рта

раскрыть. От его слов голова начинала идти кругом не хуже, чем от контузии. Леон и вправду счел за благо присесть.

Пока ждали неизвестно чего, Умнейший распорядился принести лохань с водой, а Леону посоветовал умыться и обрезать ногти. Над прической помудрил сам, пытаясь при помощи скудных средств сотворить нечто возвышенно-мужественное, и в конце концов остался доволен.

Леон погляделся в лохань. Хм. Могло быть хуже.

— На-ка вот. Вместо того карабина.

Леон повертел странную железяку так и эдак, пока она не легла в руку как влитая.

— Револьвер, — пояснил Умнейший. — Выбрали специально из соображений простоты изготовления и сделали несколько штук. Личное оружие командного состава — для самообороны и авторитета. Пользуйся.

— Спасибо... А патроны?

— Он заряжен.

Солнечный зайчик, пробравшийся в комнату сквозь щель в ставнях, успел переползти с одной стены на другую, прежде чем Умнейший сказал, что пора. Несмотря на протесты Леона, старик вел его под руку, плавно и как-то торжественно.

Солнце ударило в глаза, а гул толпы — в уши. Деревенская площадь была забита народом до отказа. Стоящие в задних рядах тянули шеи. Многие сидели на крышах домов, карабкались на деревья.

Леон чуть не споткнулся.

— Так это для того, чтобы они собрались, ты меня держал? — проскрежетал он на ухо Умнейшему.

— А ты намеревался лишить их радости видеть вождя? — шепнул Умнейший. — Я специально отпустил с работы дневную смену. Не стой столбом, сейчас не тот случай. Лучше поприветствуй их, народу будет приятно.

Леон вяло махнул рукой. В толпе раздались крики ликования. «Мало», — буркнул Умнейший.

Леон помахал еще раз.

— Я снова с вами, — подсказал на ухо Умнейший.

— Я снова с вами! — крикнул Леон.

От восторженного рева толпы заныло в голове.

Краем глаза Леон заметил, что Элий, Сминфей, Фаон и Батт, вынырнув неизвестно откуда, заняли места справа и слева от него и Умнейшего, но чуть позади. Умнейший не возра-

вил, и Леон решил, что сейчас не время заставлять мальчишек заняться делом. А где же Тирсис?

Громкое тарахтенье перекрыло шум, и толпа, спрессовавшая сама себя так, что, казалось, вот-вот люди передавят друг друга, качнулась и каким-то чудом раздалась на две стороны. Мелкая деревенская собачонка, попавшая под ноги толпе, была раздавлена, не успев толком и взвизгнуть. Через площадь, отчаянно стреляя мотором, двигалось механическое чудище — открытая выше пояса со всех сторон и, пожалуй, не бронированная колымага, но с «льюисом» на низкой треноге. За рулем колымаги сидел сияющий Тирсис.

Поравнявшись с Леоном, колымага чихнула клубом дыма, подпрыгнула и остановилась. Элий, Сминфей, Фаон и Батт, деликатно работая локтями, проделали в толпе коридор. Тирсис распахнул дверцу и выпрямился во фрунт — рот до ушей.

— Очень неплохо, — пробормотал Умнейший. — Еще лучше, чем я предполагал. Кстати, это твой персональный автомобиль. Двигатель сняли с «Разъяренного Дракона», а остальное — так, между делом. Иди и садись. Толку от него, увидишь, немного, но сочли полезным смастерить для поднятия авторитета. Иди, иди.

От волнения Леон сильнее оперся на руку Умнейшего. Голова снова кружилась, но кружилась сладко. Умнейший опять прав. Не зря мучились, строя дурацкий танк, не зря по-глупому теряли людей... Можно было позволить потерять и больше ради такой вот минуты, когда наконец видишь и чувствуешь то, во что по-настоящему не верил никогда: людей, объединенных общей целью и направляемых единой волей. Толпа? Пусть толпа. И не толпа уже — народ, а значит, и армия. Зауряды перестали летать — испугались?! Да. Да!

— Все вместе мы победим, — шепнул Умнейший.

— Вместе мы победим! — послушно крикнул Леон.

Ответный единодушный вопль отдался болью в висках, потемнело перед глазами. Он шел и не видел, как тянутся к нему руки, чтобы хоть раз дотронуться до Великого Стрелка и вождя и сохранить об этом память на всю жизнь.

Подростки держали коридор.

— Держись прямее, — бубнил в ухо Умнейший. — Перестань улыбаться, как идиот, прими мужественный вид. Расправь плечи и не спотыкайся! В машине сразу не садись, а по-

маши рукой еще раз и скажи людям пару слов, они этого ждут, а что сказать, я тебе шепну...

— Во-от ты где! — резанул ухо до омерзения знакомый голос.

Леон содрогнулся. Растолкав толпу, Хлоя ворвалась в проделанный коридор. Сминфей и Элий отлетели от нее, как невесомые.

Она еще потолстела за это время, и Леон успел поразиться тому, что в бегах да лагерях, оказывается, можно и потолстеть. Лицо и шея жены налились цветом плода свеклобаба, лоснящиеся щеки тряслись. Пасынков видно не было, и на том слава Нимбу!

Как, почему она попала сюда? Кто недосмотрел? В толпе послышался ропот — видно, Хлою тут уже знали и не одобряли. Но голос ее был способен заглушить гул и не такой толпы:

— Сбежал! Люди, вы гляньте, что делается: сбежал ведь! От жены сбежал, дрянь такая! Муж называется! Бросил нас с детьми Железному Зверю, да еще сам каких-то железных зверей надумал делать!.. — В толпе раздались смешки, но Хлоя не прислушивалась к толпе. — Ты на меня зенки-то не пяль, я тебе враз зенки повыцарапаю и девке твоей паскудной тоже, вот доберусь до нее, увидишь, дай срок...

Растерявшийся Умнейший приоткрыл рот, хлопал глазами. Затем щелкнул пальцами, бросил подбежавшему Тирсису:

— В лагерь.

— Что-о?! — Хлоя все же услышала. Казалось, она сейчас взорвется подобно сбитому зауряду. — Куда-а?! За правду? Да я тебе...

Слушать дальше Леон не стал. Дурной, душный вал накатил и отхлынул. Будто бы сама собой поднялась рука — потом Леон готов был поклясться, что сама собой! — и влепила плюху нелюбимой жене, смачную полновесную плюху!

Толпа ахнула. Хлоя запнулась на полуслове, перебрала ногами и села в пыль. Мгновенная тишина — и гул, и рев, и хохот... Разом. Взрывом.

Леон стоял, поддерживаемый за локоть. Перед ним плыли лица, тысячи лиц — восторженных, гневных, недоумевающих, смеющихся, сочувствующих...

— Ну что ж, — сказал ему в ухо Умнейший, подумав самую малость, — можно и так. Не всем, конечно, но тебе — можно. Поймут. Хм, вот дура-то, просто удивительно...

ШЕПТУН. Точное значение неизвестно. По-видимому, парная деталь к шепталу казеннозарядной винтовки, применявшейся в первые годы Великого Пересмотра. См. ШЕПТАЛО.

(Полный словарь древнейших терминов, издание 7-е, проверенное электроникой; 1-я Государственная машинная типография)

Деревня. Лагерь. Снова деревня и еще один лагерь — крупный и шумный, тысяч на пять беженцев. Каменноугольный разрез. Завод.

Третий день дребезжащий автомобиль Леона колесил по промышленному району в десяти переходах от пустоши. Умнейший заведомо скромничал, назвав в числе объектов района один лишь завод. А мелкие мастерские, где женщины делают всякую не очень заметную на первый взгляд, но ой как нужную мелочь? А деревенские кузницы, задействованные до единой по всей округе? А два глубоких колодца над близкой к поверхности нефтяной линзой, устойчиво дающие по пять бурдюков нефти в день каждый, — и настоящая буровая вышка над скважиной с обсадными трубами из кость-дерева, фонтан из которой пока не забил, но забьет непременно? Мелочь? А вполне приличные лесные дороги, явно кем-то расширенные и приведенные в порядок? А мосты и броды через речки и ручьи? А удивительно четкая организация управления, явственно просматривающаяся за, казалось бы, немыслимым хаосом, творящимся в лагерях? Умнейшему было чем гордиться.

Но главное, конечно, оружейный завод.

Теперь уже не лично Аверс-Реверс — вчерашние деревенские лоботрясы, ныне рабочие, высунув языки от усердия, на специальных, не виданных прежде громоздких станках, укрытых под пятнистыми маскировочными навесами, обтачивали блестящие, еще не вороненные стволы пулеметов. Один, особый и, как показалось Леону, безумно сложный агрегат помещался наособицу за крепкой изгородью, снабженной надписью, запрещающей входить посторонним, — там визжала фреза, оставляя в каналах стволов правильные нарезы. Готовые к отправке на сборочный участок стволы лежали на подстилке из шкур штабелями, как дрова. Толстая тетка, не-

приятно напомнившая Хлою, занималась тем, что перекладывала их из одного штабеля в другой, попутно макая в корыто с топленым драконьим жиром.

Леон взял в руки один ствол, поразившись его тяжести и калибру.

— Шестнадцать миллиметров, — пояснил Умнейший. — Теперь мы делаем крупнокалиберные счетверенки. У прототипа калибр двенадцать и семь десятых, но на Земле другая плотность воздуха, так что мы кое-что пересчитали. На прицельной дальности наша пуля будет иметь ту же убойную силу, что и аналог на Земле, а ближе — соответственно больше.

Леон только качал головой в полном восхищении.

Участок изготовления стволов оказался лишь малой частью завода. Местный начальствующий, по виду типичный городской ремесленник и наверняка дружок Аконтия, вызвался проводить. Леон прошел по цехам-полянам, где делалось буквально все — от вычурных деталей затворов до прицелов и звеньев пулеметных лент. Постоял в восхищении на участке сборки и вызвал всеобщее восхищение сам, опробовав счетверенку на испытательном стенде. Неплохо. И даже не неплохо, а прекрасно! Допустим, свалить зауряда оперенной стрелкой — и впрямь из разряда маловероятных чудес. Пусть даже так, пусть повезло стрелку Леону, как мало кому везет. Посмотрим, что сделает теперь с врагом новое оружие в руках умелого и хладнокровного бойца!

Неинтересно даже смотреть — искромсает в клочья, вот и все. Понятно, отчего зауряды перестали летать.

Несколько прощальных слов рабочим — и дальше, дальше!

Химическое производство вдали от основных дорог. Предупредительные надписи. Ядовитый дым, а где дыма нет, там все равно невозможно воняет. Рабочие кашляют, лица обмотаны тряпками. На металле пятна коррозии, из-под заклепок ржавые потеки, и что-то отчетливо булькает в толстой колонне, проткнутой десятком труб. Суть процесса непонятна, а вникать некогда. На солнышке сушится волокнистый пироксилин, похожий на набивку тюфяка. Людей мало, праздных не видно вовсе, одного надышавшегося отливают водой, зияет воронка, как видно, от случайного взрыва, и не слишком далеко расположен ближайший лазарет. Это правильно.

Патронная фабрика при лагере беженцев. Нескончаемый звон и стукотня. А не поболее ли тысячи человек работает

здесь одновременно? По-прежнему куют гильзы вручную, но несколько головастых ремесленников уже мастерят некий агрегат для механизации процесса. Поляна совершенно не замаскирована — все производство просматривается с воздуха насквозь. Тут у Умнейшего не дошли руки, а не мешало бы натянуть на шестах какую-никакую сетку с приклеенными лоскутьями. Короткое указание — и в путь.

Навстречу попадается колонна из трех поставленных на колеса счетверенок, влекомых дракончиками под руководством седенького морочника. Колонна движется на запад, к границе пустоши. Правильно.

Леона растрясло в автомобиле. Тирсис водил колымагу все-таки хуже Памфила, нервничал. Необрезиненные колеса были рады передать на ось каждый толчок от неровностей дороги, а рессоры, раздражая надрывающим душу скрипом, спасали от тряски лишь отчасти.

Через деревни проскакивали не останавливаясь, чтобы не терять времени на стихийные митинги — потом, потом! Весть о возвращении Леона Великого Стрелка к руководству обороной давно успела распространиться по всей контролируемой области. И без того прослышавшие об инспекционной поездке праздные зеваки торчат у дорог, надеясь хоть одним глазком посмотреть на Великого Стрелка. Пока хватит с них и этого.

Леон сладко помечтал. В былые времена важная новость, передаваемая по эстафете шептунов и почтовых летяг, достигла бы краесветного берега Простора в какую-нибудь неделю. А как сейчас? Есть ли связь с тающими областями, отданными во власть Железных Зверей? Выяснить. И по возможности спасти как можно больше людей и леса, при удаче расширить зону обороны от океана до океана...

Умнейший ругался: на лесной дороге переднее колесо угодило в яму, халтурно присыпанную хворостом и рыхлой землей. Автомобиль встал дыбом, обод лопнул. Леон схватился за голову, взорвавшуюся болью. Сминфей был удивлен, очнувшись на дороге далеко впереди ямы, а из сконфуженного Тирсиса рулевое колесо выбило наружу завтрак.

Остаток пути проделали на дракончиках.

Штаб, как Умнейший назвал центр управления областью, посоветовав Леону запомнить и употреблять это слово, разместился в гостевом доме ничем не примечательной деревни

на периферии промышленной зоны. Опустошенные огороды, а людей мало. Центральная площадь с когда-то вытоптанным, но уже зарастающим плясалищем. Нависающие над домами деревья. Лес как лес, только слышится частая стукотня — не иначе поблизости расположен полигон для пристрелки нового оружия.

Рапортует Брюхоногий Полидевк, жестикулируя здоровой рукой и резной костью. Подробности пока не доходят до сознания, но можно заставить потом повторить. Столько-то сотен стрелков мобилизовано в отряды обороны, столько-то десятков шептунов передано в распоряжение Париса, столько-то тысяч бездельных людей направлено туда-то и туда-то. Полидевк доволен, выпячивает брюхо. Хочет о чем-то попросить, но ему наступают на ногу. Попросит потом.

Кирейн спит. Парис, оглаживая лысину, докладывает о связи. Концентрическая почтовая сеть, особые прямые эстафеты для экстренных сообщений. Доверенные шептуны в каждом лагере, на каждом серьезном объекте. Какие-то каналы дальнего шепота. Всех деталей сразу не понять, но ясно: связь налажена не из рук вон плохо. Пропаганда? А как же. Только вчера Кирейн дописал гимн, очень даже воодушевляющий и зажигательный. Текст уже переписан пятьдесят раз и разослан по эстафете. Сказителем получена и уже, естественно, потреблена положенная награда за труды.

Просыпается бледно-зеленый Кирейн и, похмеляясь, доит бутыль. Пока доит, не обращает на Леона никакого внимания. Ну его.

Доклады следуют один за другим.

Какие-то юнцы, по виду — вчерашние деревенские охотники, но уже заметно обтесанные, толкутся за спиной и, вместо того чтобы раздражающе приставать к умным людям с доморощенными идеями, терпеливо ждут распоряжений. Новое труднопроизносимое слово: адъютанты.

— А Тирсис и... гвардия? — спросил Леон.

— В чем проблема? Мальчишки останутся при тебе для особых поручений.

Последнее Умнейший расшифровал, лишь когда остался с Леоном наедине.

— Если они окажутся непригодными для спецопераций, то уж в расстрельную команду сгодятся в любом случае. Опыт у них уже есть. Что уставился? Мне не меньше тебя хочется

избежать крутых мер. Лучше вспомни постройку «Разъяренного Дракона» и пойми, что я прав. Рано или поздно нам могут понадобиться и такие люди, ты это знаешь, и рот закрой.

— Ничего такого я не знаю! — попытался протестовать Леон. — Саботажников и разгильдяев можно зашептывать!

— Ну-ну. А прямых врагов? Только не надо мне говорить, что у нас их нет. Будут.

— Вот тогда и посмотрим!

Старик пожал плечами, и Леон ощутил укол совести. Зря затеял никчемный спор. Каждый, и даже Умнейший, может ошибаться, особенно когда по макушку в несуразной шляпе завален делами, делами, делами, и, разгребая их, с ужасом видишь, что их становится все больше... и набрякшие жилковатые мешки под воспаленными глазами, и убитое непосильным напряжением здоровье, — а надо продержаться еще, держаться и держаться, стиснув зубы до хруста, пока великое дело не начнет двигаться само собой...

— Спасибо, — тихо сказал Леон. — За все спасибо. Знаешь, по-моему, я тут лишний. Ты и без меня...

Старик посмотрел на него очень серьезно.

— Без тебя у меня вряд ли что получилось бы. Ты — вождь. Так уж вышло, терпи. Во всяком случае, удержать при деле такую массу народа после прекращения полетов заурядов я бы один не смог — половина разбежалась бы по деревням.

Без меня, подумал Леон. Или без моего имени? Старик не врет, но никогда не скажет всей правды. Любит подавать деготь порционно — по ложечке. А об остальном догадывайся. Пока впервые в истории Простора создавалась из ничего невиданная грандиозная структура, Леон Великий Стрелок валялся пластом на заблеванной кровати и знал только то, что Умнейший считал полезным ему сообщить.

И верно: Умнейший он, не Мудрейший. Мудрых много — а толку от них? Один такой ум на всем Просторе, необычный ум чужака. Вспомнились слова матери: «Ходит он, ходит, ищет человека умнее себя, а находит только более знающих...» Оно и неудивительно. А только ли с этой целью старик бродил по Простору всю жизнь, словно тот древний земной тип — Агасфер, кажется, — о котором он однажды рассказал? Или он, зная о готовящемся вторжении, тщетно пытался найти на планете хоть что-то, способное противостоять абсолютному уничтожению? Пожалуй, что так.

— Можно я снова буду звать тебя Учителем? — шепнул Леон.

— Если тебе так нравится.

— Спасибо, Учитель. Я представить себе не мог, что мы... что ты сможешь такое...

— Доволен? — ревниво спросил Умнейший.

Леон кивнул. Еще позавчера, даже вчера он нашел бы — и находил — восторженные слова, чтобы должным образом прокомментировать то, что увидел за последние дни, но сейчас восприятие уже притупилось. Просто-напросто все идет как надо.

— А я не очень доволен, — сказал, как ударил. — Плохи наши дела.

Леон заморгал.

— Как это плохи? Мы же победили! По крайней мере на одном участке, и это только начало!

— Начало, но только не в том смысле. Ты имеешь в виду изготовление всяких военных железяк? Тут да, самое начало. Та же кустарщина, только масштабом покрупнее, а до настоящего конвейерного производства мы еще не доросли. Победили? Говори это другим, но не ври ни мне, ни себе. Победа или поражение всегда результат драки, а драки как таковой не было. С их стороны по-прежнему идет очистка, а не драка.

— В одном месте уже не идет!

Старик невесело усмехнулся.

— Надолго ли? Не знаю в точности, по какой причине автоном-очиститель приостановил активную деятельность, но предполагаю, что он занят корректировкой методики очистки с учетом вновь возникшего фактора... Непонятно? Говорю проще: они нас элементарно не вычленяют из местной природы. Опять непонятно? Пожалуйста, говорю еще проще: не видят. Мы для них не существуем, нас нет.

Вытерпеть такое было невозможно.

— Они нас видели! — крикнул Леон. — Еще как видели! Меня так вообще в трех шагах.

— Видеть и увидеть не одно и то же. — Умнейший двигал запавшими губами с ленцой, словно скучая. — Так и быть, поясню на вульгарном примере. Допустим, тебе в сандалию попал камешек. Твои действия очевидны: некоторое время ты терпишь неудобство, затем раздраженно снимаешь сандалию и вытряхиваешь камешек, не взглянув на него. Верно? И не говори мне, что ты начнешь внимательно приглядываться,

чтобы установить, какой породы камень натер тебе пятку — пирит или, например, роговая обманка. Я прав?

— Ты хочешь сказать...

— Ты уже понял, что я хочу сказать. Для автоном-очистителей наши потуги — камешек в сандалии. Враждебное очистке, но вряд ли разумное проявление своеобразия местных условий. А их хозяева, подозреваю, о нас просто не знают. Да что там подозревать — уверен, что не знают! Это земляне, они такие...

— Так надо, чтобы узнали!

На этот раз старик долго молчал, потом сказал тихо:

— А я бы с этим пока не торопился...

* * *

Шли дни. Тупые боли в голове, мучившие первое время, утихли. На набедреннике Леона красовались две нарядные нашивки — за два ранения, полученных в битве с детенышами Железного Зверя. Даже те немногие, кто еще не знал вождя в лицо, провожали его уважительными взглядами.

Уже в первый день Леон понял, что, несмотря на затишье в боевых действиях, с мечтой примчаться к Филисе и увезти ее придется расстаться на неопределенное время. Помимо чисто управленческих проблем (бóльшую их часть решал Умнейший, но и на долю Леона хватало), массу времени заняло детальное изучение обстановки, подсчет ресурсов, бесконечные разъезды по деревням и лагерям беженцев, отбор тех, кто годился на большее, нежели починка дорог, таскание грузов или ковка вручную медных либо латунных гильз.

Толковых людей, как всегда, не хватало. Аварии на производстве случались едва ли не ежедневно. Аконтий ругался на чем свет стоит. Умнейший наскакивал на Брюхоногого Полидевка, опять законопатившего дельного ремесленника в рудокопы. Брюхоног орал в ответ и отмахивался резной костью.

Барахлил Аверс-Реверс и, несмотря на смазку, все сильнее скрипел. Мало того — надоедал постоянными напоминаниями о том, что его физический износ составил уже девяносто два процента, а энергозапас снизился до десяти процентов от номинала, раздражающе требовал подзарядки и времени для самовосстановления. В ответ на вопрос, какое минимальное время ему необходимо, довел Леона до бешенства, запросив

двадцать суток. Потерпит! Люди терпят, а они не железные, между прочим.

Искореняя собственное невежество, Леон изучал чертежи, скопированные на пчелиную бумагу с экрана Аверс-Реверса. Раздражался, утыкаясь в непонятное. Умнейший находил время, чтобы силой заставить его выспаться. Увещевал:

— Подумай сам: какое впечатление на людей может произвести вождь с непроспавшейся рожей...

Работа кипела. Каждый день на близлежащем полигоне испытывалась новая пулеметная установка, а то и две. От грохота закладывало в ушах. Тыча костлявым пальцем в карту, Умнейший объяснял командирам расчетов, куда им надлежит выдвинуться, как маскироваться, осуществлять связь и нести боевую вахту. Леон смотрел в карту, хлопал глазами и ничего не понимал.

— А как же защита деревень?

— Мы будем защищать производственные мощности, — сказал старик. — Это во-первых и в главных. А во-вторых, лагеря рабочих.

— А просто беженцев? А деревни?

— Хорошо, защитим и деревни, — поморщился Умнейший, делая пометки на карте. — Если найдем чем.

Он первый воспротивился разбрасыванию сил, когда Леон вслух возмечтал обложить автоном-очиститель, как дракона в берлоге.

— Организовать приличное кольцо обороны даже вокруг одной-единственной зоны очистки наличными силами мы не сможем, — втолковывал Умнейший. — Разве что полукольцо — но кому и зачем это надо? Разумнее устроить гибкую кольцевую линию сдерживания вокруг жизненно важной зоны, первоначальным радиусом пятнадцать-двадцать пеших переходов, а в непосредственной близости от заводов — обыкновенную сеть ПВО...

С запада пустошь больше не расширялась, зато другая, расположенная на востоке, росла с пугающей быстротой и, по расчетам, должна была достигнуть указанного Умнейшим рубежа не позднее чем через тридцать дней. Пока что Леон, в пику старику, послал туда Тирсиса, придав тому взвод стрелков, сводную команду шептунов и морочников и три зенитно-пулеметных расчета с заданием освоить технику в боевых условиях и по возможности затормозить рост пустоши. По-

пытка стоила жизни девяти бойцам, одну счетверенку расплавило прямым попаданием, зато зауряд-ов было уничтожено целых пять, если только Тирсис не приврал в донесении. Несколько дней спустя в руки Леона передали почту, доставленную еще одной загнанной до смерти летягой. Тирсис, ликуя, писал, что возвращается, оставив дозор: зауряды прекратили полеты и на востоке!

Леон торжествовал. Умнейший поглядывал на него почему-то с кислым видом, но ничего не сказал, пока Леон не насел на него сам.

— Разве плохо? — наскакивал Леон. Его распирало. — Плохо, скажи мне? Остановили ведь! Полезут снова — опять набьем их, сколько нужно; слава Нимбу, есть чем! Встряхнись, старик! На твоем месте я бы не морщился, а глотнул Тихой Радости...

Учитель дернул щекой.

— А на твоем месте я бы уже сегодня навестил инженеров, да и Аверс-Реверса заодно. Кстати, осмотрел бы восточную промышленную зону. Давно пора.

— Зачем?

— Поинтересовался бы, как идет изготовление образцов нового оружия.

— А счетверенные пулеметы — не новое оружие? — Леон слегка опешил.

— После первого боя — уже нет. И не смотри на меня так, я не шучу. Автоном-очистители сделают выводы. Все, что было до сих пор, — всего лишь разминка, обмен первыми слепыми ударами... Про камешек в сандалии помнишь? По-настоящему драка только начинается.

* * *

Никогда еще глава экспедиции очистки коммодор Ульвди-Улан не испытывал такого желания снять каску особой конструкции и почесать кожистый мешок за черепом. Мало того что не вернулся, сгинул неизвестно где Й-Фрон — два автоном-очистителя прекратили работу! И хотя в масштабах очистки планеты и то и другое в общем-то сугубая мелочь, но мелочь неприятная. Очистка, проведенная без блеска, роняет репутацию капитана в глазах руководства и не украшает послужной список.

Причины приостановки очистки двумя автоном-очистителями были доложены коммодору своевременно: потеря части заурядов. Весьма незначительной, надо сказать, части. И все же Девятый и Тридцать Четвертый не решились продолжать работу по стандартной методике, нащупывают пути коррекции. Почему? Весьма странно. Тем более что у остальных автоном-очистителей, похоже, нет никаких проблем... Правда, о потере одного зауряда докладывал Тридцать Шестой, но он и теперь продолжает работать как ни в чем не бывало.

Корабль услужливо транслировал карту материка. Гм, на первый взгляд все не так уж плохо. Полярные области полностью изменили цвет — четыре крайних в двойной цепи автоном-очистителя завершили очистку своих зон и передвинулись в прореху между зонами соседей. Размеры очищенных областей различны. Чем ближе к полюсам, тем они больше, что неудивительно: на большинстве благоприятных для жизни планет тропики и экваториальные области требуют куда более основательной работы. Однако и в низких широтах кое-где зоны очистки достигли океана. И они растут. Они продолжают расти. Все, кроме двух.

Огрехи малы, но все-таки это огрехи.

Очистка планеты в чем-то подобна изготовлению идеально ровного зеркала из корявой заготовки. Вначале идет грубое придание желаемой формы, называемое обдиркой. Затем начинается тщательная шлифовка, сглаживающая изъяны, оставшиеся от первого этапа, и в самом конце — окончательная полировка. Даже единичный изъян недопустим — туземная биосфера должна полностью исчезнуть. Последние две операции, требующие времени, но не надзора, автоном-очистители проведут самостоятельно; «Основа Основ» вернется на Землю.

Еще недавно Ульв-ди-Улан с затаенным протестом выполнял требование инструкции оставаться на орбите очищаемой планеты до полного завершения начального этапа очистки. Однако инструкции пишутся не зря. И, кажется, у него, коммодора и главы экспедиции очистки, скоро появится повод убедиться в этом лично.

Ульв-ди-Улан побарабанил по столу четырьмя короткими пальцами и строго посмотрел на длинный пятый — мизинец, сгибающийся в трех суставах. Предчувствие? Да, пожалуй, предчувствие, иначе не назовешь. Возможно, где-то была до-

пущена ошибка, и результаты этой ошибки со временем могут сказаться со всей силой.

Пропал без вести Й-Фрон. Исчез, как его и не было. Активный скафандр был обнаружен зауряд-очистителями Девятого на границе зоны очистки — ограниченно ценный не воспользовался им, чтобы вернуться на «Основу Основ». Дезертировал? Глупо. Маловероятный поступок даже для такого полуживотного, каков Й-Фрон. Погиб? Возможно. Сам виноват: нечего было соваться за пределы безопасной зоны.

Морщины на крошечном личике Ульв-ди-Улана собрались в сложную сеть. Он был бы рад наморщить лоб, если бы лоб у него был.

Мучительно зудело под каской.

Как-то нелепо все это выглядит, словно кто-то вздумал шутки шутить. Ладно... Пойдем сначала. Й-Фрон благополучно опустился на планету, легко добрался до Девятого и протестировал его. Пока лидер-корвет не ушел за горизонт, активный скафандр аккуратно транслировал на борт примитивные телепатемы Й-Фрона. Тому только и оставалось, что немного подождать в зоне очистки, прежде чем начать выход на орбиту. В скафандре ограниченно ценный был практически неуязвим даже вне зоны очистки.

А кстати, что он делал вне зоны очистки? Вопрос без ответа. Почему он снял скафандр — вопрос номер два, причем этот вопрос забивает все остальные вопросы, связанные с ограниченно ценным. Проступок чудовищный. И есть лишь две версии, способные хоть как-то объяснить, почему Й-Фрон расстался со скафандром. Первая тривиальна: в сортцентре пропустили неявный брак — не-ценного, подлежащего безболезненному уничтожению, признали ограниченно ценным. Такое случается: скрытые не-ценные иной раз наносят существенный вред. Если хорошенько подумать, скорее всего так оно и есть.

Проверить трудно: неоттранслированную телепатему с поверхности планеты не примет даже Хтиан.

Экзотична вторая версия: на планете существует разумная жизнь, пытающаяся противостоять очистке. В свете подобного допущения исчезновение Й-Фрона с некоторыми натяжками можно объяснить. Ульв-ди-Улан пощипал себя за подбородок. Гм... Но где же следы цивилизации, если не считать таковыми редко разбросанные по поверхности планеты ни-

чтожные постройки каких-то колониальных животных? Имеется несколько изображений этих существ, переданных Девятым, — примитивные гуманоиды, прискорбно напоминающие земных ограниченно ценных. Признаки цивилизации не просматриваются, и Нбонг того же мнения. Самое главное: нет никаких следов активной оболочки, достигшей на Земле мощности пяти километров, — естественного и единственно возможного обиталища людей! Оболочки, наращиванием которой на материке завершится третий, и последний, этап очистки этой планеты.

Допущена ошибка? Где, какая? И допущена ли? Во всяком случае, он, коммодор Ульв-ди-Улан, избежал новой ошибки, подавив в себе искушение немедленно направить на планету Дин-Джонга. В последнее время коммодору не раз случалось принимать его панические телепатемы — Дин-Джонг и не думал их скрывать. Или не умел. Вредно дрожать раньше времени. Членов экипажа, пусть и бездельных, следует экономить, не расходуя без явной нужды. Время Дин-Джонга еще придет.

Ульв-ди-Улан увеличил масштаб карты. Вот зона Тридцать Четвертого. Тут по крайней мере правильная закрашенная окружность, а не уродливый овал, как у Девятого. Штатное состояние Девятого подтверждено, на западе его зона выглядит прилично. Впрочем, как на севере и на юге. Но что мешает ему расширить зону очистки на восток?..

Есть еще одна версия, подсказанная Мбонгом: планета была колонизована в незапамятные, вероятно, еще довоенные времена повсеместного господства ограниченно ценных, и последние, вместо того чтобы устроить свою жалкую жизнь как подобает, постыдно выродились в полуживотных. На ограниченно ценных это похоже, и эту версию нельзя отбросить без рассмотрения. Запрос? Пожалуй. Не то чтобы кто-нибудь на Земле мог принципиально возразить против очистки мира, населенного вполне ничтожными существами, но все же...

Ульв-ди-Улан пристроил поудобнее каску и несколько секунд размышлял, решаясь. Нельзя сказать, чтобы экстренный запрос на Базу говорил в пользу компетентности специалистов по очистке. Как всегда, ответственность ляжет на коммодора.

«Коммодор Ульв-ди-Улан — лидер-корвету «Основа Основ». Вызов».

«Сей момент, коммодор».

«Отвечай как положено, бездельник. Распоясался».

«Лидер-корвет «Основа Основ» — коммодору Ульв-ди-Улану. Виноват, ваше превосходительство. Я весь внимание, ваше превосходительство».

«То-то же. Вольно, рядовой. Приготовить экипаж к групповому усилию четвертого порядка. Разбудить Мбонга. Нам потребуется каждый человек на борту. Начало сброса латентной энергии через десять секунд ровно. Транслирую сообщение... Принял?»

«Точно так, ваше превосходительство. Однако позволю себе заметить...»

«Отставить. Выполняй».

Всего второй раз в богатой практике Ульв-ди-Улана ему приходилось прибегать к экстренной связи через усилие четвертого порядка. Пять человек в корабле плюс сам корабль — этого хватит, чтобы направить мгновенно распространяющееся сообщение в цель, отстоящую на тысячу-другую парсек. Этого хватит даже с некоторым избытком, несмотря на то, что усилие четвертого порядка изрядно вымотает экипаж. Но на то и служба. Групповое усилие пятого порядка, осуществленное не менее чем десятью людьми высшей подгруппы, такими, как он, коммодор Ульв-ди-Улан, позволило бы «дострелить» мгновенным мыслеимпульсом до ближайших галактик, куда еще не проникал ни один человек, и поэтому бесполезно, как все величественное. Как всегда, высокий дух идет впереди косной материи.

Пришел первый пробный импульс. Рано... Мбонг поторопился спросонок. Ни к чему указывать толковому специалисту на промах, разберется сам.

Ульв-ди-Улан откинулся в мягчайшем кресле. Он ждал, расслабившись, готовый в назначенное время лично скоординировать мыслеимпульсы экипажа и корабля в единое групповое усилие... Пора!

Через полчаса был принят ответ. Никаких свидетельств о колонизации хотя бы одной планеты в этом секторе Галактики в Архиве Базы не обнаружено. Начальнику экспедиции очистки коммодору Ульв-ди-Улану предписывалось действовать по собственному усмотрению в рамках основной цели экспедиции.

«Виноват, ваше превосходительство. Дин-Джонг...»

«Произвести перекличку!»

Один голос не отозвался. Не дожидаясь запроса, корабль отранслировал коммодору картинку. Дин-Джонг был мертв — лежал на полу отсека, вытянувшись в последней конвульсии, стиснув голову начинающими коченеть пальцами. Счастливый соперник Й-Фрона, ограниченно ценный с полным гражданством не выдержал группового усилия четвертого порядка.

Впервые за много лет нарушив индивидуальный полетный устав, коммодор Ульв-ди-Улан снял с себя каску особой конструкции и начал обеими руками яростно чесать мучительно зудящий кожистый мешок с рельефным рисунком больших полушарий великолепного мозга главы экспедиции очистки.

* * *

— Не пора ли выдвинуть часть сил на пустошь?

Умнейший оторвал воспаленные глаза от карты, испещренной малопонятными кружочками, квадратиками и гнутыми разноцветными стрелками. Весь стол в дальней комнате гостевого дома, превращенного в штаб, был завален схемами, картами и рукописными расчетами.

— Зачем?

— Сначала в целях разведки выдвинуться небольшими силами, — воодушевляясь, продолжал Леон. — Затем, если все обойдется благополучно, продвинуться еще дальше, потом — еще...

— Я спрашиваю: зачем?

— Как зачем? Нападение мы отбили. Пора наступать самим.

— Что, уже жить надоело?

— Я говорю о группе добровольцев, — нашелся Леон. — Если небольшой, хорошо вооруженный отряд...

— Который возглавишь, конечно, не ты?

Леон попытался скрыть смущение.

— Могу и я!

— Ты вправду считаешь, что все уже обошлось? — спросил Умнейший. — Лучше отдавай приказы, у тебя это уже получается, а планированием займусь я. Привлекать к себе внимание землян я считаю преждевременным. Я их знаю, а ты нет. Не думаю, чтобы они очень уж изменились за последние пятьдесят лет. Помни только одно: боевая мощь противника по-прежнему неизмеримо выше нашей, а его материально-тех-

ническое снабжение нисколько не хуже. По сути, в распоряжении противника ресурсы всего Простора, а у нас лишь то, что мы способны добыть методами бронзового века, причем в смысле полезных ископаемых здесь не густо. Ты опять спросишь, по какой причине затормозилась очистка на двух участках? Не знаю. Может быть, автоном-очистители признали тактику очистки порочной, а приказа изменить ее пока не получили. Может быть, они вообще соображают довольно медленно. Этого я не знаю и знать не хочу. Единственное, на что мы можем надеяться, — успеть закончить стратегическое развертывание, пока эта территория еще наша. Вопросы есть?

— Есть.

— Оставь их при себе. Займись делом — это помогает.

— Мое дело — воевать! — немедленно вспылил Леон.

— Вот и прекрасно. Тогда помоги Полидевку управиться с новобранцами. Поучи их, подними дух, произнеси речь-другую. Поинспектируй тылы. Вообще, больше бывай на людях. Только Аконтию не мешай, с производством он и без тебя управится. Займись связью — это самое слабое место, хотя Парис старается. И не ищи себе проблем, они сами тебя найдут. А теперь извини, мне некогда.

И старик снова уткнулся в свои схемы.

На последнем издыхании вечерних сумерек раздали ужин — одни лесные фрукты да орехи, и тех понемногу.

— А мясо? — спросил Леон.

— Спохватился, — сказал Полидевк. — Который день уже нет мяса.

Леон почесал в голове. Вот странно — не заметил. Ел ведь последние дни со всеми и как все, пихал что-то в рот, а что пихал — не вспомнить.

— Причина?

— Удивительное дело, — сообщил Умнейший. — Звери стали зашептываться намного хуже. Вчера шептуны за драконом пошли, так он их сожрал. Я слышал, что и в других местах творится то же самое. Шептуны давно жалуются, и Парис ничего понять не может... Да что Парис — морочники не справляются! Только сегодня двое свалились от перенапряжения — еле успели их подменить. Представляешь себе, что это такое — очнувшийся дракон в цехе? Я уже дал команду строить где только можно водяные колеса для привода, так будет надежнее.

— Колеса так колеса, — капризно выпятил губу Поли-

девк, — а пища все равно нужна. Мне от твоих колес сытней не станет.

— Худей, — ядовито встрял Парис. — Что это за генерал — с брюхом. Скажут, тыловая крыса, жировик. В окопе застрянешь, китель порвешь.

— Окопы для солдат, для генералов — блиндажи, — посрамил Париса Полидевк. — Ты меня не учи, сам могу поучить.

— Для тебя большой блиндаж потребуется. Ты хоть подъем переворотом на перекладине когда-нибудь делал?

— Не делал я никаких переворотов и не стану!

— Тише, тише, — сказал Леон. — Разорались. Кто-нибудь может толково объяснить, что случилось со зверьем и почему именно сейчас?

— Толково вряд ли, — ответил Умнейший. — Пока имеются две основные гипотезы. Согласно первой, животные инстинктивно чувствуют приближение зоны очистки, ну и вынужденная миграция драконов, видимо, сыграла не последнюю роль. Зверье взбудоражено. Ну а согласно второй, надо думать, виноваты мы сами, создав чрезмерную нагрузку на природу, — до сих пор в одной местности столько народу не собиралось. Есть, правда, и другие гипотезы...

— Гипотезы есть, — перебил Леон, — а где мясо?

— В лесу, — буркнул Полидевк.

— Ну так достаньте его из леса!

В ту ночь Умнейший нашел Леона сидящим на одинокой скале, торчащей из леса над лагерем при заводе. Задрав голову так, что отвисла челюсть, вождь неотрывно смотрел в безлунное звездное небо. Там, пересекая Великий Нимб, упрямо ползла с севера на юг страшная чужая звезда. Вождь молчал, но Умнейшему на один сумасшедший миг показалось, что он разговаривает с чужой звездой, и немыслимый этот разговор был похож на кружение двух бойцов в короткой критической паузе, когда оба противника уже знают: один, последний удар решит, кому из них быть, а кому нет.

Наверно, ему только показалось так. Какое понятие о смертельном поединке мог иметь абориген этого сонного, счастливого, утонченно-примитивного мира? Чужая звезда ушла за горизонт. Вождь очнулся, деловито оглядел спящий лагерь, и тогда Умнейший подумал, что, может быть, был не так уж не прав.

— Мы ее убьем когда-нибудь. — Леон ткнул пальцем вверх. Голос его звучал хрипло.

— Да, конечно, — Умнейший позволил себе улыбнуться, зная, что в темноте его улыбка останется незамеченной. — Обязательно убьем. Если дела так пойдут и дальше, то, пожалуй, лет через пятьсот можно попытаться.

Леон столь долго молчал, что Умнейший понял неуместность своей шутки. Он уже был готов забормотать оправдания, когда Леон сказал:

— Я должен ее убить. Я сам.

Он еще немного помолчал.

— Сначала Железных Зверей, потом — ее.

ГЛАВА 5

Поднимая волну, не жди, что изменишь уровень океана.

Приписывается Умнейшему

Молодость торопится жить — и расточительно тратит куски жизни на любовь, пустые развлечения, безделье, сон. Молодым кажется, что все еще впереди, что не доделанное сегодня можно доделать завтра или послезавтра. Они ошибаются. Век человека был короток и в раю прежнего Простора, что уж говорить о дне нынешнем. Потерянного не вернуть, но когда молодежь начинает это понимать — она уже не молодежь, она уже шагнула за середину. В старости никто не погоняет жизнь, словно ездового дракончика. Старику осталось немного, и всего, о чем мечтал в юности, все равно не свершить, надо постараться не упустить хотя бы самое главное... Дряхлое тело быстро устает, и тупеет мозг. Хочется выспаться всласть, но нет сна, будит шорох листвы за окном, скрип ставня. Надо успеть доделать, додумать, понять. Старики, кроме немногих, спят мало.

Зигмунду не спалось. Почему-то именно сегодня вспоминалось далекое-далекое: кадетская школа на Сиринге, разрешенные начальством дуэли «до крови» и запрещенные «до смерти», первый убитый противник, взыскания, рекомендация в десантный корпус... Тогда он был молод, хорош собой, горяч и настойчив в рамках приказа, с отмеченной в личном деле перспективой повышения по службе. Ему не хватало холодной расчетливости, но ее и не приобретешь сидя на Си-

ринге. По счастью, Его Высочество продолжил политику впавшего в старческий маразм Императора — космическую экспансию в возрастающих масштабах. Не одна лишь угроза перенаселения душила материнскую планету — Сиринге требовались базы, колонии-форпосты на периферии зоны влияния, достаточно сильные, чтобы заставить врага потратить время на их подавление, но не чересчур сильные, дабы не вводить колонистов в соблазн отделения от метрополии. Одна из новооткрытых планет — тогда Зигмунд еще не знал, что она называется Простором, — показалась вполне достойной освоения...

Место оказалось занятым, «Белую Звезду» спалил сторожевой спутник-буй. Земляне? Наверное. Иной противник не сумел бы так быстро расправиться с первоклассным кораблем. Единственный выживший десантник постарался выжить и далее. Ожидание не казалось безнадежным: рано или поздно соотечественники-сирингийцы пришлют сюда еще один корабль, а может, и флот...

А если раньше явятся земляне — не зря же они оставили буй? Зигмунд старался об этом не думать. И не мог.

Планета ли называлась Простором, единственный ли ее материк — какая разница! Здесь не нашлось своего Магеллана. Мирные, добродушные люди, повязанные тьмой обычаев, сперва умиляли, затем начали раздражать. Зигмунд не сумел полностью вжиться в их мир, но понемногу притерпелся. По правде говоря, из той, первой деревни его все-таки выгнали за грубость, посчитав ее неизлечимой...

Пришлось лечиться самому, странствуя по Простору, нигде не останавливаясь надолго, чтобы не намозолить глаза, пытаясь разобраться в потрясающем миролюбии туземцев. И — ждать, ждать... Он состарился, ожидая. Той девчонке на Сиринге, что обещала его ждать, наверняка пришлось много легче — девичья память что утренняя роса под солнцем.

Здесь он нашел и потерял новую любовь. Он ходил недалеко от разгадки тайны, но не мог разгадать ее, пока не вынудил Клариссу указать ему путь в несуществующую Столицу — пещеру с давным-давно бездействующим, обглоданным ржавчиной гипноизлучателем примитивной модели. Открытие изумило: невероятно стабильный, по-детски умилительный мир держался просто-напросто на привычке, на замшелых обычаях!

Обычай не речной склон, но тоже разрушается эрозией.

Несколько поколений мирной жизни или несколько месяцев работы автоном-очистителей — все равно.

Земляне прибыли первыми. Нет, единственными... Как видно, Его Высочество не рискнул повторить попытку.

Умнейший поворочался с боку на бок, покряхтел. Сон не шел. За окном мяукала бездомная кошка, просилась в дом. Людям сейчас не до кошек.

Почему именно сейчас память напомнила о Сиринге? Неужели только потому, что несколько часов назад Леон, вполне себе средний абориген и вождь за неимением другого, хвастливо пообещав расправиться с кораблем землян, вдруг спросил то, что Зигмунд меньше всего ожидал от него услышать:

— Скажи, как бы на месте землян очистили Простор твои соплеменники?

Пришлось уверять, что никак: Простор не нуждается в очистке, если не считать таковой уничтожение некоторых болезнетворных микроорганизмов... Поверил ли Леон лжи? Неизвестно. Разумеется, полная стерилизация планеты нужна только землянам, с точки зрения сирингийца, это бред, уничтожению подлежали бы только организмы, реально или потенциально опасные для колонистов.

Не только бактерии, конечно. Аборигены — тоже. Учить их некому и незачем, превращать в рабов — хлопотно и бессмысленно, в трудное время могут ударить в спину. Очистка надежнее конкисты. Зигмунд давно уже прикинул, что на полную очистку материка от коренного населения пришлось бы потратить от десяти до пятнадцати лет — срок разумный.

Память подводила. Зигмунд не мог припомнить, что он ощутил в тот момент, когда понял: очистку начали не сирингийцы, а земляне. Скорбь или радость? То и другое вместе? Ни того ни другого? А что он ощутил бы сейчас, появись над Простором сирингийский флот?

Он не знал. Сначала отсутствие ясного ответа испугало его, затем позабавило. Утомившись, Зигмунд махнул рукой. На то он и Умнейший, чтобы не ставить перед собой неразрешимых проблем.

* * *

Низкий глухой рык, донесшийся из чащобы, заставил вздрогнуть, и где-то там размеренно и даже на слух как-то лениво простучал «льюис», выпустил одну длинную и замолчал. Зато

ожил лес — треском ломаемых ветвей, ревом разбуженного зверя, криками охотников, выдирающихся из цепких объятий кустарника, — на просеку высыпали люди и тотчас скрылись в зарослях на противоположной стороне, а вслед за ними — напролом! — с неотвратимой мощью стенобитного тарана на размахе, круша в щепу деревья, выскочил громадный подраненный дракон.

Несколько мгновений он стоял на просеке, возвышаясь, точно утес, тер окровавленную морду короткими передними лапами и ревел так, что закладывало в ушах и с ветвей сыпались слизнивцы. Один глаз дракона вытек, другой смотрел точно на Леона: не он ли — обидчик, чьи укусы на расстоянии столь разящи и болезненны?

Обе деревянные пушки ударили без команды. Картечь осыпала голову зверя, в то время как литое чугунное ядро, прожужжав, ударило в мягкое брюхо. Брызгами полетела чешуя. Дракон всхрапнул, покачнулся и взревел сильнее прежнего. Снова заработал «льюис», и дракон перестал реветь. Не упал — лег на просеку, вытянувшись во всю свою длину, поскуливая и вздрагивая, словно был не в силах смириться с тем, что его взяли так просто, без шептуна. Пришлось потратить еще одно ядро, чтобы быстрее умирал, и тогда дракон умер.

— Здоровенный какой, — сипло сказал охотник с «льюисом» на плече. — Как только я от него ноги унес — не пойму.

— А ведь самка, да еще стельная, — заметил другой. — Зря мы ее так...

Никто ему не ответил. На Леона избегали смотреть.

— Слушать меня, — сказал Леон. — Это мясо. Никакая не самка, а мясо на целый день, понятно? Свежуйте, режьте на части, а носильщиков я пришлю. С сегодняшнего дня ваша обязанность — только охота. Оружия вам подкинем. Рабочие должны быть сыты; не будет добычи — спрошу с вас. Понятно?

— Поня... — не договорив, охотник захрипел. Выгнулся, падая, держась обеими руками за тонкую оперенную стрелку, торчащую у него из горла.

— Эт-то что такое... — начал Леон, свирепея от того, что опять что-то пошло не по смазке, но еще не осознавая, что произошло не так и почему, — и не успел продолжить. Негромкий короткий свист — и охотники попадали без команды. Один из них шипел и дергался, послужив мишенью для второй стрелки.

Оторопь длилась недолго.

— Не лежать! Трое вправо, трое влево... Пулемет!

Леон сам повел огонь из «льюиса», обрабатывая каждое подозрительное шевеление в зеленой чаще, расстрелял два диска, — а когда охотники, рассыпавшись цепью, прочесали участок леса, вынужден был признать, что лупил впустую: не нашли ни убитых, ни живых. Словно лес выдохнул стрелки сам, мстя за убитую не по правилам драконью самку. Мало того: Леон обнаружил в своем набедреннике еще одну застрявшую стрелку, а кто в него стрелял, откуда и когда — сказать не мог. Осторожно попробовав острие стрелки на язык, Леон сплюнул: яд!

Шумел лес и отныне казался чужим. Неизвестных стрелков в чащобе не подобьешь — уползут без ущерба, и нет их. Нашли лишь брошенное кем-то охотничье копье и следы бегства — хозяин копья ушмыгнул в такой бурелом, где на первый взгляд пролез бы только человек, начисто лишенный костей.

— А наконечник-то зазубренный, — сказал один охотник.

Леон и сам это видел. Скверное копье. Будто бы сделанное человеческими руками, да не то, не такое. Рана от него — ни одному знахарю не зашить... Для чего человеку зазубренные копья? Разве мало убить животное по-простому?

Или не животное.

Второй стрелок уже не дышал. Возвращение в лагерь никак нельзя было назвать веселым.

— А ты заметил интересную вещь? — спросил Умнейший, выслушав подробности нападения. — В лагерях беженцев нет ни одной Хранительницы, можешь спросить у Полидевка. И по деревням их почти не осталось.

— Я тебе про одно, а ты мне про другое, — буркнул Леон. — Нет их — и не надо. Нам же лучше.

— Ты так считаешь? А я думаю, что мы допустили серьезную ошибку. Слишком долго они исподволь правили Простором, чтобы безропотно сойти на нет. Нисколько не удивлюсь, если сегодняшнее нападение организовано при их участии. Кстати, не слишком далеко от нашей зоны, главным образом на юге, существуют обширные области, из которых под нашу защиту не перешел пока ни один человек. С чего бы?

Леон пожал плечами.

— Какой смысл Хранительницам мешать нам? Это же конец.

— Ты представить себе не можешь, на что способны женщины, потерявшие власть и влияние, да и я не могу, хотя пытался... — Умнейший покусал губы. — Надеюсь, ты сделал надлежащие выводы из сегодняшней неприятности.

— Само собой... Учитель. Раздать людям оружие, прочесать лес...

— Нет. Всего лишь не совать свою голову туда, где намного уместнее голова менее ценная. Ты меня понял?

О Филисе вспоминалось все реже, как о чем-то дальнем и не главном. Зато неожиданно напомнила о себе Хлоя. Некто Ликид, начальствующий над восточным сектором обороны, передал по цепочке шептунов сообщение лично для Леона: жена вождя, кляня мужа последними словами, которые он, Ликид, приводить в донесении не смеет, неожиданно покинула лагерь, сопровождаемая обоими пасынками. Охрана лагеря не решилась ей помешать.

Драконий хвост! Хлои тут не хватало!

Одно было хорошо: окончательно вернулся Аконтий, оставивший сталеплавильный завод в горах на своего помощника, и немедленно впрягся в неподъемный воз производственных проблем. Больше того — привел с собой нескольких незнакомых ремесленников, объявив их преподавателями организуемой им технической школы. Когда объявим набор? Сегодня, если ты не против, а надо бы вчера, верно я говорю?

Донесения о несговорчивости лесной дичи и грозящем голоде поступали одно тревожнее другого. По приказу Леона всякая вылазка в лес теперь прикрывалась отрядом стрелков с несколькими пулеметами. Три дня в лесу было тихо. На четвертый день одна из охотничьих команд подверглась обстрелу как раз в тот момент, когда удачно поднятого дракона, уже раненного и ревущего на весь лес, оставалось только добить.

Отравленными стрелками было убито пятеро охотников, да еще оставленный без внимания дракон натворил дел, а когда опомнившаяся команда отбила нападение пулеметным огнем, в кустах нашли тело лишь одного из нападавших. Был он ничуть не отличим по виду от обыкновенного деревенского охотника, разве что имел на шее амулет, изображавший дисковидный зауряд-очиститель, и запекшимися губами шептал перед смертью несуразицу:

— Железный Зверь, в руки твои... Непобедимый, исторгни душу мою на Нимб...

Толки об этом случае мгновенно распространились по всему лагерю.

— Знал я, что человек по природе своей туп и ленив, — бушевал Умнейший, — но не знал, что настолько! Только этого нам недоставало! Это надо же додуматься — зверопоклонники! Культ Железного Зверя! Автоном-очистителя! — И нехорошо ругался.

На другой день та же охотничья команда вернулась из леса в половинном составе и без всякой добычи. Подавленные охотники смотрели в землю и не желали отвечать на вопросы до тех пор, пока Леон не наорал на них, а Полидевк не пригрозил сгоряча расстрелом на месте.

Стреляли друг в друга. Стреляли самозабвенно из чего попало — от пулеметов до духовых трубок, и каждому мнилось, что перед ним — дракон.

— Работа шептуна, — заключил Парис. — Еще удивительно, что кто-то вообще вернулся. Надо полагать, шептуны у них не блеск...

Отныне ни одна охотничья команда не отправлялась в лес без сопровождения двоих-троих лично отобранных Парисом шептунов. Нескольких стрелков, отказавшихся идти в лес, разжаловали в подмастерья, набрав взамен новых. Еды, однако, больше не становилось.

— Лентяев бы не кормить, — вслух помечтал Парис на ближайшем штабном совещании. — Пусть бы кто работал как следует, тот бы и ел, а лодырей и много о себе понимающих — гнать в три шеи.

— Дело! — восхитился Полидевк. — А ты голова! Полны поляны бездельников да обжирал, я уж и не знаю, куда их девать, а будет еще больше. Пора за них браться, пусть хотя бы дороги прокладывают. Установим твердую норму выработки, не выполнил — топай в лес, ищи грибы. Правильно? Завтра и начнем.

— А кто нормы установит? — спросил Парис.

— Мы с тобой. Можно с Аконтием посоветоваться, он в этом деле дока.

— А кто станет распределять еду?

Полидевк передвинул ногу и застрял коленом в собственном животе.

— Драконий хвост!.. Твои люди, пожалуй. Они же и объяснят рабочим, что к чему. Это надо с умом сделать, без угроз.

Парис попеременно чесал бороду и лысый череп.

— А кто будет еду охранять?

— Мои люди. — Полидевк поправил чрево и вопросительно посмотрел на Леона. — То есть я хотел сказать, если они у меня будут...

— Будут, — сказал Леон.

— Стало быть, учреждаем эту... как бишь ее?..

— Военную полицию, — подсказал Умнейший.

— Во-во! Ее самую. А, Леон?

Все смотрели на него. Леон стукнул ладонью по дощатому столу, как припечатал:

— Шире. Внутреннюю гвардию по поддержанию порядка с особыми полномочиями.

Ни в восточную промышленную зону, ни в северную, горную, за лавиной забот попасть так и не удалось, несмотря на то что автомобиль починили и поправившийся Памфил был готов приступить к водительским обязанностям. «Все равно везде не поспеешь, — менторским тоном втолковывал Умнейший, поднимая кверху костлявый палец. — Вычленяй главное и помни: из каждых пяти неотложных дел тремя не стоит заниматься вообще, а четвертое может подождать». Леон сдержанно огрызался.

Особенно сильно раздражала медлительность связи. Почтовой летяге для пересечения контролируемой области из конца в конец требовались сутки, а то и двое. После нескольких случаев искажения донесений Леон разуверился в надежности эстафеты шептунов. Парис обижался, скреб бороду и, против обыкновения, молчал в ответ на нападки. Остывая, Леон понимал: старый шептун сделал все, что мог.

Радио?

Аверс-Реверс с натугой раздвигался, обнажая экран. Там скакали, сменяя друг друга, паутинные тенета радиосхем и громоздкие наброски технологических цепочек. От всего этого волосы вставали дыбом.

Леон очень быстро понял: наличными средствами нечего надеяться изготовить хотя бы примитивнейшую радиолампу, не говоря уже о вживляемых биосхемах высокой интеграции для индивидуальной телепатической связи. Где, например,

взять вольфрам или рений для катодной нити? Тысячу раз прав был Умнейший, когда говорил: изобретения появляются не раньше, чем могут появиться. Нельзя родить ребенка прежде зачатия.

Но надо попытаться...

Худо-бедно собрали и опробовали искровой передатчик на вольтовой дуге. Одну из речек в предгорьях перегородили деревянной плотиной с мельничным колесом, приводящим в движение наскоро сделанную непутевую динамо-машину. Получаемой энергии как раз хватало для одного передатчика, к тому же каждому было ясно, что в ближайший сезон дождей плотину снесет паводком. Леон дал себя уговорить продолжить техническую авантюру лишь после того, как в ее защиту горячо выступили Аконтий и Умнейший. Вторую плотину и второй передатчик строили в горах.

Единственное, чего хватало в избытке, это необученного пополнения — добровольцев и мобилизованных. Времена постройки «Разъяренного Дракона», когда людей приходилось убеждать и уговаривать, окончательно канули в прошлое. Мастеров и толковую молодежь отбирал себе Аконтий или его подручные — в станочники, а самых способных — в ремонтники и наладчики станков. Стрелки-охотники годились в солдаты, а шептуны и морочники были ценны сами по себе. Что делать с остальными, было не вполне ясно. Инспектируя лагеря и казармы, Леон с беспокойством взирал на толпы бездельников, зря проедающих пищевое довольствие и лишь вносящих суету и путаницу во всякое полезное дело. Новые дороги строились как попало и вели куда попало. Все этот Полидевк!.. Заставь дурака реку выпить — сам лопнет и других окатит. От его внутренней гвардии толку пока было мало.

— Приостановить мобилизацию нельзя, — втолковывал Умнейший на совещании в штабе. — Это все равно что остановиться в воздухе во время прыжка через костер. Во-первых, трудно выполнить, а во-вторых, себе дороже.

— Гонять на черных работах до посинения, — приказал Леон. — Пусть Аконтий придумает для них дело — копать руду, расчищать поляны или что-нибудь в этом роде. Слышь, Аконтий? И не говори мне, что рабочей силы у тебя больше, чем нужно. Через месяц-два толку от них будет уже немного — иссякнет энтузиазм. Позволить им разбрестись по домам — потом не собрать. Знаю я эту деревенщину. Пока Полидевк

продумает меры по поддержанию трудовой дисциплины, пусть Кирейн их накачивает, по возможности ежедневно. Песни о трудовой доблести и все такое. Понял, Кирейн? Чтобы уже завтра. Выпивка будет.

— Браво, — сказал Умнейший.

— А что мы с ними будем делать, когда их энтузиазм все-таки иссякнет? — спросил Парис.

— Ты — ничего, а остальное — Полидевк. Поменьше об этом думай, дольше здоровье сохранишь. Ясно?

Парису было ясно.

Кирейн после понуканий, подкрепленных угрозой навечно лишить его Тихой Радости, написал не только несколько песен, но и речь, с которой Леон обращался к новобранцам, как только накапливалась достаточная партия последних. Речь, по суждению Леона, страдала избытком высокопарности и то и дело норовила свалиться в рифмованный гекзаметр — однако Умнейший, просмотрев текст, лишь хмыкнул и сказал, что сойдет. Оказавшись в меньшинстве, Леон сдался.

Произнося эту речь во второй раз, он ее уже ненавидел. После третьего раза ему пришлось начать принимать специальную настойку, уберегающую от тошноты. После пятого — навязчиво мечталось собственноручно уничтожить Кирейна очередью из счетверенки.

Придумал же Умнейший занятие вождю!

А вождю ли? Леон задумывался. Да, он вождь, этого никто не в силах оспорить. Стоит появиться в любом лагере — вопят, лезут друг другу на плечи, чтобы хоть краем глаза увидеть героя свежевыпеченных саг... Но ведь почти все действительно толковые распоряжения по-прежнему исходят от Умнейшего, а с изготовлением оружия прекрасно справляется Аконтий да еще Аверс-Реверс. Кто же тогда Леон? Имя, и только. Вождь неизвестно чего, властелин пустоты...

Шестую и последующие речи произносил уже Парис.

Полидевк не показывался на глаза: ударив кого-то из бестолковых новобранцев по голове, он сломал свою знаменитую кость и который день не выходил из черной меланхолии. Виновного новобранца сгоряча хотели было расстрелять, но Леон смилостивился, и дело ограничилось штрафным отрядом.

Наполненный суетой день проходил, сменяясь завтрашним днем, во всем похожим на вчерашний. По-прежнему ог-

пепным ободом сиял в бархате ночного неба Великий Нимб, по-прежнему три большие луны и одна малая совершали свой неизменный путь с востока на запад. Жизнь налаживалась, не прежняя — новая. На карте Простора неровное пятно, обозначающее контролируемую область, даже расширилось на север и восток, пустило отростки к югу. И только на западе, где оно упиралось в черную пустошь, которую неделю не было никаких изменений.

Разведка из всадников-морочников опасливо уходила на пустошь на два-три перехода. Ничего, даже птицы не летают над пустошью, лишь черная пыль вьется в небе, скрипит на зубах. Ни одного зауряд-очистителя ни в воздухе, ни на выжженной земле. Словно вымерли. Словно умер, вышел из строя сам Железный Зверь.

А может, вправду умер? Если же нет, значит, готовит что-то серьезное, это ясно и без слов Учителя. Если верить донесениям с западного рубежа, оборона там налажена удовлетворительно. Ой ли? Как вникнуть, проверить все до мелочей? Безнадежно пытаться быть во всех местах сразу...

Умнейший пытался успокоить. Проигрывая в уме одну возможную ситуацию за другой, Леон взрывался негодованием на Учителя. Какое тут спокойствие! Невозможно управлять обороной при такой организации связи: радио — прекрасная вещь, спору нет, но, во-первых, изготовление новых аппаратов и подготовка мало-мальски грамотных радистов идет, несмотря на все старания Аконтия, недопустимо медленно, а во-вторых, личное присутствие сплошь и рядом оказывается куда более полезным, чем трескотня в эфире, а иногда и единственным средством заставить людей двигаться. Ручные дракончики хороши, когда расстояние не превышает пяти, максимум семи переходов, и то приходится убивать целый день на безумную скачку. Автомобиль не лучше, к тому же бегает лишь по дорогам, воняет, трещит и собирает любопытных ротозеев. Умнейший спорил, но в конце концов обещал подумать.

Думать, однако, долго не пришлось.

За несколько дней до того как зауряды возобновили свою работу, Леону доложили о событии, сразу отнесенном им к категории из ряда вон выходящих: одним из зенитных расчетов была сбита летающая машина, управляемая людьми!

Пулеметный расчет этот, отнесенный по какому-то недо-

разумению далеко на юго-восток, оборонял глухую, никому не нужную деревушку, где после мобилизации и жило-то полтора десятка человек. Леон давно уже подумывал о том, чтобы перенести его в другое место, где крупнокалиберной счетверенке нашлось бы лучшее применение, — да как-то все забывал, замотанный текучкой. Забытые зенитчики жили себе — не тужили, попивая Тихую Радость и наперебой волочась за единственным подходящим для того существом женского пола, не мобилизованным вездесущим Полидевком на работы по причине частичного паралича. Как у счетверенки в нужный момент оказался хоть один пулеметчик и по какой случайности та была заряжена — никто не мог вразумительно объяснить. Когда над деревней на небольшой высоте появился странный тарахтящий и густо дымящий аппарат — наверняка дефективный ублюдок Железного Зверя, пулеметчик ахнул, зажмурился и открыл огонь. Должно быть, расстреляв ленту, он открыл и глаза, потому что рассказывал, как мерзкое чудище, теряя в воздухе клочья своей шкуры, дымя пуще прежнего и разваливаясь на лету, круто пошло к земле и рухнуло в лес.

Толкового шептуна в деревне не нашлось, дрессированных летяг также, и отправить экстренное сообщение об одержанной победе было не по силам. Спорили, кому быть гонцом, — пылить по пустынным дорогам не один день не хотелось никому. Помня о предостережении насчет распространяемой подбитыми детенышами невидимой отравы, ни один из зенитчиков не отважился пойти полюбопытствовать на место падения чудища. В той стороне, куда оно упало, из леса долго поднимался черный жирный дым, затем он просветлел, истончился в тонкую струйку и иссяк совсем. И почти сразу, на ходу счищая с себя листья и паутину, гримасничая от боли и ругаясь запретными словами, из леса выхромал человек.

— Кто? — фальцетом завопил Умнейший, приставляя ладонь к уху. — Повтори!

— Человек... Летун.

Подробности о том, как всем зенитным расчетом снимали застрявшего в древесной кроне второго летуна, обеспамятевшего от удара о деревья, и накладывали ему шины на три конечности из четырех, Леон пропустил.

Важно было другое: в лесах на юго-востоке существовал,

организовавшись сам собою, еще один узел сопротивления под командой человека по имени Астил.

Даже Умнейший выглядел изумленным.

Ехать немедля! Мчаться. И скорее!

При штабе оставили одного Париса, надавав ему инструкций по управлению, главной из которых было: кардинальных решений в отсутствие Леона и Умнейшего не принимать! Дракончики, взятые из резервного стада, опекаемого лучшими морочниками, домчали до места аварии с небывалой быстротой.

— Остроумно, — восхитился Умнейший, изучив обломки аппарата. — Паровой двигатель на жидком топливе, и кочегара не надо. Смотри-ка: они тоже научились добывать нефть. Так... летающее крыло, бесхвостка... а профиль — ты погляди! — у летяги содрали. Здорово! Толкающий винт. Баки — из драконьего желудка?.. Угу. Смотри: ни одного резьбового соединения, минимум клепки... Где такой клей взяли? А лак?

Летчик отвечал долго и путано. Формальный допрос быстро перетек в непринужденную беседу за кувшинчиком Тихой Радости.

Паровой двигатель придумал не Астил. И идея полета тоже принадлежала не ему. И пропеллер выдумал не он. Но он первым указал строить воздушные корабли, еще когда большинство здравомыслящих людей, а беженцы в особенности, норовили лишь уйти поглубже в леса и открыто смеялись над ним невеселым смехом. Поднять в воздух первую, еще несовершенную машину стоило неимоверных трудов и обошлось в несколько жизней, но доставшийся кровью и пóтом опыт оказался дороже. Во время первой встречи с заурядом занятый увеличением пустоши сверкающий диск никак не отреагировал на приближение крылатой машины с дымным шлейфом позади — и был свален ударом шасси сверху. От удара воздушный корабль рассыпался в воздухе, пилот и механик разбились о Простор, однако цель была достигнута: детеныша Железного Зверя больше не существовало!

Дальше у них пошло уже легче. Сказители прославили Астила, и к концу периода дождей вокруг него собралось уже несколько тысяч человек, численность же воздушного флота к настоящему моменту превысила три десятка кораблей...

— И много заурядов вы набили? — полюбопытствовал Умнейший.

Пилот потупился.

— После первого случая они нас и близко не подпускали, — признался он и отхлебнул большой глоток Тихой Радости. — Жгли на подлете. Но и у нас теперь есть кое-что...

Он помялся и достал из-под набедренника тяжелый железный стержень, заостренный с одного конца и снабженный оперением с другого.

— Вот...

Леон закусил губу, поняв, что оплошал. Хорошо, что все обошлось, а все равно летуна следовало сразу обыскать. При случае такой стержень вполне мог бы сойти за метательное оружие. Не забыть сказать Тирсису, чтобы в следующий раз...

— Ага, — сказал Умнейший, пробуя острие стержня на ногте. — Понимаю. Значит, подняться выше зауряда и вывалить на него сверху ящик таких железяк... А что, даже остроумно. И каковы же успехи?

Пилот вновь присосался к Тихой Радости и не сразу выдал ответ. Больше ни одного... Не удалось даже опробовать новое оружие в деле. Все боевые успехи южан пока ограничились единственным уничтоженным заурядом. Но теперь они делают по одному воздушному кораблю в день. И самое главное, благодаря чему и стало возможным отправить его, пилота, в разведывательный рейд на север — последнее время детеныши Железного Зверя перестали появляться над краем пустоши...

Леон и Умнейший переглянулись.

* * *

— Надо подумать, к какой работе пристроить этого пилота, — сказал Леон.

— Зачем же? — удивился Умнейший. — Восстановим ему аппарат или построим такой же, двигатель наш поставим, пулеметы и отправим Астилу в подарок. Пригласим его, естественно, к нам для переговоров о координации действий. Не жадничай в малом. Такими людьми разбрасываться — проиграть до боя!

Леон скрепя сердце согласился.

Пилот долго изучал карту, потом ткнул пальцем:

— Здесь.

— Не очень-то и далеко, — определил на глаз Умнейший. —

Для такой штуковины полдня полета от наших южных границ, не больше.

— Так то от южных границ!

— Вот там и построим первый аэродром. А второй — здесь, при штабе.

С лесной поляны, ближайшей к штабу, убрали полигон. На стапеле, возведенном у края поляны под кроной титанического дерева, кипела работа. Ругаясь по адресу неведомых разгильдяев и неумех, Аконтий лично браковал негодные детали корпуса, неразговорчивые ремесленники мудрили над двигателями. Леон бешено подгонял. По его приказу из восточной промышленной зоны был спешно доставлен Аверс-Реверс. Для обтяжки крыла летательного аппарата в окрестных деревнях конфисковали все запасы легких и прочных сортов пестряди.

Кирейн, добровольно взявшийся написать песнь о Летающем Механизме, повадился просиживать возле стапеля целые дни, вздыхая по выпивке и временами меланхолически записывая что-то на обрывке пчелиной бумаги. В один из дней он появился из леса с носильщиком, сгорбившимся под сравнительно небольшим полым клубнем Тихой Радости. Клубень ритмично сокращался, щекотал терпеливого носильщика отростками и выказывал явное стремление покинуть чужую спину и вновь закопаться в грунт.

— Думали и не додумались! — довольно хмыкал сказитель. — Железо, железо... Вот вам — бензобак и топливный насос в едином блоке!

Однако при попытке залить клубень бензином тот посинел, перестал сокращаться и завял в считаные минуты.

— Зря только родник испортили, — буркнул Леон. — Впрочем, хвалю за усердие.

Убитому горем сказителю дали Тихой Радости и велели спать.

В немногих местах, где неглубоко под поверхностью земли водилась черная маслянистая жижа, рабочие вертели скважины зазубренными стволами кость-деревьев на драконьем приводе. Там, где оказывались хотя бы следы нефти, рыли глубокие колодцы — из некоторых удавалось начерпать до бочки нефти в день. Настоящая буровая, виденная Леоном в первые дни по выздоровлении, оказалась непосильно сложной в эксплуатации и давно была заброшена.

Тяжелые фракции сливали в ямы. Умнейший убивал дни, мудря над переработкой, которую называл крекингом. Чуть что — срывался на крик. Ничего у него с крекингом не получалось.

Остро не хватало бензина, и химики перегоняли Тихую Радость на топливо. Большой пользы это не принесло: двигатели, работающие на смеси бензина с резко пахнущими продуктами перегонки, чихали, часто глохли и быстро выходили из строя, зато остающийся на дне маслянистый осадок, хоть и вонял особенно мерзко, в принципе годился как машинное масло.

Одним не слишком прекрасным вечером кто-то обнаружил, что прозрачную жидкость, извлекаемую перегонкой из Тихой Радости, можно пить. Кутеж, стихийно начавшийся тем же вечером, продолжался всю ночь. Наутро сто пятьдесят рабочих лежали вповалку, мучаясь похмельем, и были ни на что не годны; один умер. Кроме того, не менее двадцати человек получили увечья в беспричинно возникших драках. Несколько женщин были обесчещены.

Леон извел полдня, выслушивая жалобы. Опухшие виновные каялись, разводя руками: сами не знаем, как все получилось, не мы виноваты — вот эта жидкость, чтоб ее...

— Порядочки у вас, — буркнул пилот.

— А у вас?

— Астил бы такого не потерпел. У нас каждый знает: за мелкие проступки — изгнание; за убийство, насилие, саботаж и трусость в бою — казнь смертью.

— Любопытно, — сказал Парис. — А кто же возьмется казнить — я, ты, он? Может, вы бросаете жребий?

— Зачем? Отдаем зверопоклонникам, и все дела. А дальше уж они сами разбираются.

— Умно придумано... Слышь, Полидевк! Мотай на ус.

Полидевк недовольно запыхтел.

— Я сам давно хотел предложить...

— Вот и хорошо, — сказал Леон. — Вот и предложи.

— Только изгнания не надо — бездельников в лесах плодить. Давай лучше так: за мелкие проступки — штрафные работы или штрафной участок обороны, по выбору... Или нет, лучше не по выбору, а по тяжести проступка. За вторичный мелкий проступок — уже казнь смертью, а?

— Подумаем, — сказал Леон. — Тяжесть проступка ты сам будешь определять?

— Если доверишь, могу и я, — с воодушевлением согласился Полидевк и, поколебавшись, добавил с неохотой: — А хочешь — ты.

— Только мне и дел — с разгильдяями возиться. У тебя внутренняя гвардия, ты и возись. И вот что: с этого дня за всю дисциплину отвечаешь ты. Лично. Головой. Людей для наведения порядка подберешь сам. Понял?

Полидевк понял. В тот же день рабочих, виновных в насилии, увели в лес. Леон не стал интересоваться их судьбой, да было и некогда: на «летающее крыло» навешивали пулеметы. Аверс-Реверс двигался еле-еле. Сам Умнейший, переругиваясь с Аконтием, терпеливо устранял слабину в крепежных хомутах.

— Это что же, он только вперед сможет стрелять? — спросил Леон, критически оглядев изделие. — А как же назад и в стороны?

— А никак, — ответил Аконтий.

Поляну удлинили втрое, вырубив деревья и выкорчевав пни. Дробили камни в щебень, засыпая широкую и длинную полосу, которую Умнейший именовал чудным словом «вэпэпэ», выравнивали по натянутому шнурку, трамбовали... Невдалеке от полосы неизвестно для какой надобности Умнейший приказал вкопать длинную жердь с узким флажком на верхушке.

— Так надо, — только и сказал.

Пилот южан не проявил большого интереса к постройке летательного аппарата и консультировал только тогда, когда к нему специально обращались. Гораздо чаще он лежал в тени и потягивал на пару с Кирейном Тихую Радость. Малый был недалекий. Послушав треск моторов, столь не похожий на убогое тарахтенье парового движка, понюхав бензин, поинтересовавшись, где же происходит сгорание топлива, и узнав, что непосредственно в двигателе, он промолвил: «Интересно», — но испытать машину в полете отказался категорически:

— Мало радости падать — а уж взрываться в воздухе... — И на всякий случай отошел от «летающего крыла» подальше.

Умнейший только фыркнул:

— Слабак, в носильщики тебя! Иди пей дальше — я полечу.

Он держался уверенно, словно всю жизнь летал на «летаю-

ших крыльях», и каждому было ясно: в эту минуту старик не потерпит возражений. Леон ограничился тем, что подошел к нему и сказал негромко:

— Ты все же поосторожней.

Старик снова фыркнул и полез в кабину.

Двигатель ревел и плевался маслом. «Летающее крыло» долго разбегалось, раскачиваясь на неровностях взлетной полосы, и Леон уже начал опасаться, как бы оно на полном разгоне не въехало прямо в лес, но тут носовая стойка шасси плавно отделилась от полосы, следом, чуть помедлив, отделились обе кормовые, — и «летающее крыло», оставляя позади себя взметенную пыль и густой сизый выхлоп, круто пошло вверх и взмыло над лесом.

Всего второй раз он летал в атмосфере этой планеты. И то в первый раз — в капсуле — он не столько летал, сколько падал. Вдобавок это было слишком давно.

Он умел пилотировать, подготовка сирингийского десантника предусматривала управление крылатыми машинами — стремительными, умными, смертоносными. По сравнению с ними скрипящее «летающее крыло» казалось тем, чем и было в действительности — жалкой пародией на летательный аппарат, безумной попыткой земных червей найти опору в воздухе.

И все-таки оно летало.

Набрав высоту, Зигмунд заложил над поляной правый вираж. Примитивный аппарат полз по небу раздражающе медленно, так же неторопливо реагировал на движения рукоятки управления, а при попытке увеличить угол атаки гнусно скабрировал, задребезжал и сделал поползновение свалиться в штопор. Умнейший выругался на сирингийском десантном жаргоне. Телу хотелось большего — оказывается, тело за пятьдесят лет жвачной жизни ничего не забыло! Телу хотелось вверх.

Он скользнул вниз, и аппарат с кряхтеньем выправился. Один круг над поляной. Второй. Внизу бегали маленькие потешные фигурки, прыгали от восторга, приветственно махали ручонками. Никакой радости от их ликования он не испытал. Букашки. Муравьи, вдобавок разъединенные, растерянные после утраты маток — Хранительниц. От того, что на их муравейник наступили грубым башмаком, они не перестали быть

муравьями. Даже те из них, что считаются лучшими, — Парис, Полидевк... Один просто трус, другой — заурядная дубина. Даже умница Аконтий — и тот муравей, как все. А Леон? Обыкновенный деревенский обормот, подобранный им, Зигмундом, волею случая, просто потому, что в нужный момент под руками не нашлось никого лучшего... разве он — уже настоящий Вождь, что бы он о себе ни мнил? Тот же муравей, только чуть деловитей остальных и с просыпающимся гонором. Заплатки есть, но ему еще учиться и учиться. Впору завыть на Великий Нимб: ничего еще не сделано толком, и опять все, как всегда, только начинается...

Чуть приподняв нос, он опробовал работу пулеметов. Нормально. Разумеется, рассчитывать на победу в воздушном бою с заурядами на такой штуковине не приходится, но в качестве средства убеждения зверопоклонников два-три десятка оснащенных пулеметами и бомбами «летающих крыльев» принесут некоторую пользу. Ну и в качестве средства связи, само собой. Вождь будет доволен игрушкой.

«Летающее крыло» село не без «козла», однако для первой посадки лучшего нельзя было ожидать. Умнейший подтянулся, выбрался на плоскость и легко, словно сбросил половину своих лет, спрыгнул на землю.

— Так себе. Хвост немного перетяжелили, но терпеть можно. Есть и еще кое-какие недоработки. В общем, лететь на нем до полюса я бы не рискнул, а добраться до южан, думаю, у меня получится.

— Тебе-то зачем лететь? — недовольно спросил Леон.

— А что? — сказал Умнейший. — Слетаю, передам приглашение и вернусь. Не Кирейна же к южанам посылать — Астил, пожалуй, обидится. Кроме того, любопытно взглянуть на их производственные мощности. Завтра-послезавтра вернусь, ждите.

— Опомнись! Ты нужен здесь.

— Ну, за день-два без меня ничего не случится...

Леон злился. Но предложение Умнейшего хором поддержали Полидевк и Парис, и было ясней ясного: каждый из них готов плясать от радости, что летать по воздуху предстоит не ему. А кроме того — Леон видел, — Умнейший последнее время раздражал обоих. Может, догадается упасть и сломать себе шею. Рады...

— Хорошо, лети, — сдался он. — Вернуться смотри не забудь.

ГЛАВА 6

Знаменитого воздухоплавателя однажды спросили: «На каком этаже вы предпочитаете жить?» — «На первом, — покраснев, ответил герой воздушного океана. — Выше боюсь».

(Из сборника одобренных анекдотов про пилота Аминтаса, издание 3-е, исправленное; 2-я Государственная машинная типография)

Не слишком далеко от пустоши над лесом едва возвышалась дозорная вышка, одна из многих, установленных по западному рубежу контролируемой территории. Три особенно высоких дерева, растущих рядом, согнули, притянув друг к другу вершины, срубили лишние ветви и установили наверху помост. Собственно, вышка числилась не только дозорной, но и боевой, хотя и оснащенной устаревшей техникой. На помосте в скрипучем деревянном устройстве, напоминавшем гигантскую уключину, помещалась небольшая деревянная пушка, всегда заряженная и по ночам укрываемая драконьей шкурой от росы. Кроме того, дозорный на помосте имел пулемет «льюис» и два снаряженных патронами диска к нему. Один из дисков был неполным.

Дозорного на вышке звали Папп. Прежде он был охотником в крошечной деревушке, расположенной к северу от горного пояса, и благодаря природной зоркости глаза получил назначение в дозор. Отец, дед и прадед Паппа тоже были охотниками.

Папп не был добровольцем. Его мобилизовал Полидевк. У себя в деревне Папп, несмотря на молодость, считался не последним человеком. Как и большинство охотников, он был слабым шептуном, но имел редкую способность зашептывать насекомых и добывал для деревенской Хранительницы пчелиную бумагу из свежих, недостроенных гнезд. Его уважали и даже любили. Меньше года назад он женился на дочери соседа, и теперь та ждала ребенка. Папп хотел, чтобы первым ребенком в семье была девочка.

В случае появления заурядов Папп должен был подать дымный сигнал.

Все необходимое для этого имелось на помосте: дрова и

трава, очаг из камней, тлеющий огонек и тыквенная фляжка с нефтью. Для подачи сигнала хватило бы трех секунд.

В одиночку он не управился бы и с пулеметом, и с пушкой. Вышку обслуживало четверо дозорных, но торчать всем вместе наверху на дневном солнечном пекле не было особой необходимости. Светлое время суток честно делилось на четыре смены, а ночью от дозорного на вышке все равно не было никакого толку, наблюдай не наблюдай.

Папп ходил по помосту взад и вперед — пять шагов в одну сторону, пять в другую. После каждого прохода он останавливался, чтобы внимательно, как требовал приказ, оглядеть западную часть небосвода и дрожащий от испарений горизонт над лесом.

С того времени как поставили вышку, ничего в небе не появлялось, кроме нечастых птиц.

По стволам всех трех деревьев, образующих вышку, на равном расстоянии друг от друга были набиты поперечные планки — ступени. Трое свободных от дежурства дозорных, дремлющих внизу, под прохладной сенью леса, были готовы по первому крику взлететь наверх в считаные мгновения. Они специально тренировались.

Смена Паппа подходила к концу. Его разморило на жаре, и глаза слипались. Только героическим усилием воли он продолжал ходить взад и вперед. Он знал: недавно на соседней вышке дозорный заснул на ходу и сделал лишний шаг, а ограждение помоста оказалось слишком хлипким. Переломав все кости, разиня отошел на Нимб на следующий день. Не повезло. Лучше уж головой о корень — и сразу...

Папп закрыл глаза. Воспаленные солнцем веки казались тяжелыми, как неподъемные камни. Стоп! Пятый шаг. Теперь еще раз оглядеть горизонт, и еще пять шагов в другую сторону...

Он с усилием поднял веки.

Заморгал.

С запада низко над лесом двигались какие-то темные точки. Они быстро росли. Чересчур быстро для детенышей Железного Зверя, и все-таки это были именно они, и никто другой.

Сон слетел мгновенно.

— Тревога! — не своим голосом заорал Папп, бросаясь к

пулемету. Он понимал, что успеет либо открыть огонь, либо подать дымовой сигнал. Что-то одно из двух.

Один из детенышей Зверя летел прямо на него. Совершенно беззвучно.

Папп успел удивиться, заметив необычную форму зауряда. Тот вовсе не был сверкающим на солнце диском. Вышку стремительно атаковал темный приплюснутый ромб, двигавшийся много быстрее первого поколения детей Железного Зверя.

Поймав врага в прицел, Папп открыл огонь, или ему только показалось, что открыл. В ту же секунду верхушка вышки вместе с помостом, ограждением и деревянной пушкой разлетелась веером, а там, где она только что была, ненадолго возник огненный шар. Почти сразу он съежился и погас.

Падая ничком с вышки, Папп еще успел вытянуть вперед руки, надеясь смягчить удар о землю. Но удара уже не почувствовал.

О появлении заурядов нового типа Умнейшему доложили на минуту раньше, чем Леону. Субординация тут была ни при чем — взмыленный, едва живой гонец, свалившийся с загнанного дракончика, меньше всего думал о субординации. Когда Леон прибежал в штаб, работа уже кипела вовсю. Рявкал, ставя кого-то навытяжку, багровый Полидевк; распоряжался рассылкой почтовых летяг и связью по цепи шептунов трясущийся бледный Парис; бегали с высунутыми языками адъютанты и посыльные; в смежной комнате шкворчал адской вольтовой дугой искровой передатчик, — и где-то на краю суматошной круговерти стоял, сгорбившись у карты, Умнейший, делал ногтем пометки, лишь изредка отдавая негромкие приказания молчаливым посыльным. Он почти терялся среди шума, ора и щелканья каблуков, беглый взгляд не выхватывал его из толпы, но стоило лишь его заметить, как сразу чувствовалось, кто на самом деле является движущей пружиной всего этого коловращения.

Леон узнал последние новости. Это не заняло много времени. Новостей было мало — но лучше бы их не было совсем!

Цепь сторожевых постов на западной границе перестала существовать. Только на одной вышке дозорные успели подать сигнал дымом. Незамедлительно вслед за этим подверглись нападению несколько переполненных деревень и один из лагерей в западном секторе. О степени причиненного

ущерба не сообщалось: вероятно, донесения были отправлены немедленно по появлении над горизонтом заурядов нового типа.

Следовало сразу учесть тот факт, что новости запаздывали в лучшем случае на несколько часов. Если же учесть указанную в донесениях невероятную скорость новых заурядов...

— Это значит, что они могут появиться над нашими головами в любую минуту, — подытожил Умнейший.

Леон ощутил холодок, пробежавший по спине. Париса грызла крупная дрожь.

— А гнезда обороны? А ПВО?

Умнейший оторвал взгляд от карты.

— Боюсь, что время легких успехов для нас прошло, — медленно проговорил он. — Теперь-то и начнется настоящая драка.

Это оказалась не драка, а избиение. Новости поступали целый день, и к вечеру из них удалось сложить общую картину человеческого горя и гибели того, что было создано с таким трудом.

Точных сведений о том, сколько новых заурядов пересекли границу, не оказалось. По-видимому, не более двадцати-тридцати, а может быть, всего-навсего десяток. Но, казалось, они были одновременно всюду и методично сеяли смерть. Леон бессильно сжимал кулаки. Где завод под открытым небом, выпускавший счетверенки? Нет завода, как и не было. Где лагерь беженцев с патронным производством? Нет лагеря, догорают бараки, а люди, кто уцелел, разбежались...

Всякая зенитная счетверенка, открывшая огонь, немедленно уничтожалась. Парис дребезжащим фальцетом докладывал о разрушениях. Потери в людях, и особенно в технике, огромны, войска дезориентированы. Фактически всю западную зону можно считать потерянной... Нет, пока еще не территориально, хотя один шептун с границы успел передать, будто бы видел несколько прежних, дискообразных заурядов, возобновивших расширение пустоши, что, впрочем, нуждается в проверке. Но промышленность на западе разрушена как минимум наполовину, и надо ждать, что за разрушением второй половины дело не станет...

Из-за плеча Умнейшего Леон следил за пометками на карте. Печальных известий с востока пока не поступало, все шло

там своим чередом, и вряд ли противник уже обнаружил рудники и металлургический завод в горах у яйцеедов, за Голью Покатой. Пока не обнаружил... На западе же он делал что хотел и пока не потерял ни одного зауряда нового типа. В байку о том, что один ромб, получивший в брюхо хорошую очередь, «задымил и ушел со снижением», Леон не поверил с самого начала, к тому же байка эта вскоре была опровергнута десятком свидетелей. Выслушивая донесения, Леон рычал сквозь зубы. Выкормыши Железного Зверя хозяйничали на его территории и вдобавок оказались неуязвимыми. Ни одного уничтоженного зауряда. Ни одного!

Крутиться и крутиться. Не спать. Самому быть всюду, поставить на уши всех, до кого удастся дотянуться. Собрать разбежавшихся. Орать. Драться. Трусов и непонятливых расстреливать без пощады. Организовать как следует службу слежения. Перестроить производство. Главное — как можно скорее заменить неэффективные пулеметы на более совершенное оружие...

Какое?

Аверс-Реверс, последнее время едва двигавшийся, с трудом понимавший команды и потому на всякий случай сутки не тревожимый, с долгим скрежетом раздвинулся, в последний раз приглашая полюбоваться на экран.

Медленно, рывками поползли — не побежали — строчки:

ОПАСНОСТЬ ОПАСНОСТЬ ОПАСНОСТЬ
ЗАКРИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ
ФИЗИЧЕСКИЙ ИЗНОС КОНСТРУКЦИИ: 99,9%
ЭНЕРГОЗАП

Строка оборвалась. Затем робот еле слышно загудел и вытолкнул на экран еще три слова:

ВОССТАНОВЛЕНИЮ НЕ ПОДЛЕЖУ

Постепенно буквы стали темнеть и погасли.

Умнейший обнажил голову. Зато Леон с рычанием, похожим на стон, ударил старого робота ногой — раз и два.

Робот не реагировал. Чуть-чуть качнулся, как мертвая вещь, и только.

— На тебя смотрят, — сказал Умнейший. — Научись уважать чужую смерть. Может быть, тогда кто-нибудь уважит твою.

— Какая смерть — он симулирует! — кричал Леон. — Же-

лезяки не умирают, а выходят из строя. Такой, как он, должен ремонтировать себя сам. Надо его заставить, вот и все.

— Он сам сказал, что умирает, — возразил старик. — Раз он так сказал, я не могу ему не верить. И еще он сказал, что, пока мог, боролся за жизнь, потому что знал, как он нам нужен. Теперь — кончено...

Он надел шляпу и быстро пошел прочь.

Несколько дней спустя, когда стало ясно, что старик не ошибся, с робота содрали обшивку. Из ее части получилась отличная бронеспинка для «летающего крыла». Остальное пошло на бронирование пола и стенок кабины.

Умнейший нашел время приказать, чтобы то, что осталось от робота, опустили в карстовую воронку и завалили камнями. Все равно никто из специалистов не знал, как применить заумную электронную начинку, вдобавок неисправную. На скромной дощечке охряной краской вывели продиктованную Умнейшим надпись:

ЗДЕСЬ ЛЕЖИТ
И МЕДЛЕННО КОРРОДИРУЕТ
АВЕРС-РЕВЕРС,
ЛУЧШЕЕ ИЗ ЖИВЫХ СУЩЕСТВ ПРОСТОРА,
СКОНЧАВШЕЕСЯ ОТ ИСТОЩЕНИЯ
И МНОЖЕСТВЕННЫХ МИКРОЗАМЫКАНИЙ

Леон ходил мрачнее тучи. Почти ничего из того, что хранилось в памяти робота, не успели перенести на бумагу.

— Неужели конец? — шепотом спросил он Умнейшего.

Тот молча помотал головой.

— Знаю, знаю, — горько съязвил Леон. — Ты опять скажешь, что это только начало. Нет?

Умнейший пожал плечами:

— Все, что ни делается, является началом. Всегда. Конца нет и не будет.

— Началом чего?! — взвился Леон. — Конца?

— Успокойся. Робота жаль, но теперь мы справимся и без него. Я в этом уверен.

* * *

Мбонгу было неуютно: вокруг него бурчало на разные лады. Пищеварение брата мешало думать. В долгих экспедициях всегда так: корабль мало-помалу дичает, отбивается от рук

и почти всегда начинает выращивать недоброкачественную пищу, а в результате ни поспать, ни подумать без помехи. Сиди тут, слушай... Ладно бы еще обжирала Нбонг сам травился эрзац-пищей, его проблемы, а как быть, если кровеносная система одна на двоих?

Вроде затихло? Да. Мбонг подумал о том, что нет смысла ссориться с братом — лучше поговорить с «Основой Основ», кораблю тоже скучно, после исчезновения Й-Фрона и смерти Дин-Джонга у него совсем нет развлечений. Для начала, разумеется, поговорить с ним дружески, показать, что оценил шутку с едой, и попросить не повторять ее впредь, а если не поможет, пригрозить поднять со дна бассейна Хтиана, впавшего в анабиоз. Это должно подействовать, хотя с анабиоза Хтиан не лучше бурчания кишечника... В крайнем случае можно обратиться к коммодору, хотя и не дело тревожить его превосходительство по пустякам...

Но какие же это пустяки?! Кроме того, теперь, когда очистка планеты, захромавшая было на двух участках, вновь идет успешно, коммодор просто обязан найти время выслушать жалобу члена экспедиции!

Кстати, интересно, как он воспринял гипотезу о примитивной цивилизации на этой планете? Отнес к маловероятному, надо думать? Что ж, нет смысла отпираться: гипотеза была придумана от скуки как развлечение для ума.

Мбонг улыбнулся бы, если бы умел. Но все же, все же... Известны примитивные цивилизации, еще не овладевшие технологией активной материи, создающие неживые сооружения, летающие в неживых кораблях. Конечно, замеченные на планете убогие постройки почти наверняка являются гнездами каких-нибудь местных животных, но между «почти» и «наверняка» не зря существует некоторая разница...

Особенно звучная рулада, раздавшаяся над самым ухом, оборвала мысль на середине.

* * *

Ровно тарахтя двумя двигателями, «летающее крыло» шло низко над лесом. Так велел Леон, оправившийся от страха высоты, скрутившего его в первые минуты после взлета, когда земля, такая твердая и надежная, провалилась куда-то под пятки. «Чем выше, тем безопасней, — втолковывал, прово-

жая, Умнейший. — Может, пилот успеет что-то сделать». Леон, однако, остался при своем мнении.

Совсем рядом — казалось, можно достать рукой — под брюхом машины проносились верхушки деревьев. Надвинулась, прошла слева и убежала назад сторожевая вышка — на помосте суетящиеся человечки устанавливали крупнокалиберную счетверенку. Если напрячь зрение, можно было разглядеть вдали еще несколько вышек. Несомненно, там шла та же работа во исполнение отданного вчера приказа: встречать врага на подлете и патронов не жалеть.

Приказ отдал Умнейший, даже не посоветовавшись с Леоном, и это снова больно задело. Старик нахально и властно загребастал в свои руки управление обороной, а Леону сказал наедине вполголоса: «Моя ответственность, моя вина в случае чего. Тебе-то зачем?» И тогда Леон заявил, что в таком случае на переговоры с Астилом полетит он, и никто другой. Умнейший досадливо крякнул, но согласился с тем, что в сложившейся ситуации это, возможно, единственный выход.

После первых удачных полетов отношение к «летающему крылу» изменилось. Пилот южан рискнул поднять машину в воздух раз, другой и заявил, что справится. На праве пилотировать машину сгоряча настаивал Памфил, видимо решивший, что вести самолет не труднее, чем автомобиль. Рвался лететь и Тирсис в качестве телохранителя, кричал и спорил, так что его пришлось едва ли не за ухо тащить из кабины, рассчитанной на двоих. Перегруженное «летающее крыло» (залитого в баки горючего должно было хватить и на обратный путь) все равно не смогло бы поднять троих ни при каких обстоятельствах.

От тряски и вони нагретого бензина Леона мутило. Не будь гуляющего по открытой кабине ветра — вытошнило бы наверняка. Ветер был спасением, но мешал дышать.

Иногда Леон тянулся вперед, чтобы из-за плеча пилота мельком взглянуть на приборы.

Приборов в кабине было всего два: во-первых, врущий индикатор уровня топлива в бензобаке, а во-вторых, тахометр правого двигателя, отказавший сразу после взлета. Еще, правда, имелся флажок, сигнализирующий об уборке шасси «летающего крыла», и он показывал, что полет проходит при выпущенном шасси.

Ничего другого он и не мог показать — шасси вообще не убиралось.

Самонадеянная попытка смастерить механизм для его уборки едва не привела к посадке «на брюхо» под занавес испытательного полета. Умнейший только махнул рукой, посоветовав переделать по-старому и не тратить зря времени.

Головокружение мало-помалу прошло, и под тугой струей врывающегося в кабину ветра исчезла муторная, постыдная для вождя тошнота. Когда надоело глядеть на суматошное мельтешение древесных крон, Леон дал пилоту знак подняться повыше.

На высоте скорость полета скрадывалась. Медленно-медленно под брюхом машины полз лес — сплошной зеленый ковер, изредка пересекаемый меандрами лесной речушки. Глаза уставали ждать, пока замеченный на горизонте ориентир пройдет под крылом и останется позади. Спокойно, без стрельбы и излишней тряски, тарахтели двигатели. Благодарность механикам, лениво подумал Леон. Если ни разу не засбоит и на обратном пути — непременно поощрить. Пусть носят какой-нибудь отличительный знак, венок на голове, например. Нет, неудобно в работе... Дать отпуск? Не дам, пусть о нем и не заикаются. Пусть вопрос о наградах обдумает Парис, что ли.

Леон зевнул. Он не спал ни минуты последние двое суток. Монотонность полета навевала сон. Как велики чужие земли! Казалось бы, давно оставшаяся позади подконтрольная территория обширна сверх возможностей управления ею, — а что она на самом деле? Пятнышко на карте Простора, только и всего. Сокращающееся под ударами заурядов пятнышко.

Долог, долог полет. А вряд ли одолели и половину пути. Вон поляна — лесной дракон задрал вверх морду, раззявил пасть и, наверное, пугает непонятного зверя истошным ревом. Уплыла поляна. Крупная птица-свинья пристраивается сбоку и сзади, пытается догнать самолет. Где ей.

Большое озеро; даже с высоты полета едва заметен противоположный берег. Заболоченный исток реки, вытекающей из озера и плавными изгибами змеящейся на запад. До сих пор никто не знает, что происходит с реками на пустошах, выжженных заурядами. Достигнет ли эта река океана или выкипит на полдороге?

Деревня у воды, причалы. Несколько долбленок покачиваются на зыби, поднятой ленивым бризом, — не иначе в деревне захотели рыбки. При виде «летающего крыла» лодки рассыпаются веером и спешат к берегу, а вон ту, заплывшую

дальше других, рыбаки опрокинули и пытаются уйти вплавь, часто ныряя. Выходит, и здесь люди научились бояться летающего неживого.

Над южной кромкой озера тряхнуло раз и два. В наборе крыла что-то протяжно заскрипело. Леон вцепился в борт кабины, опасаясь выпасть. Пилот, обернувшись, успокоил жестом: незначительные воздушные ямы, не опасно.

Солнце почти в зените, а вылетели с рассветом. Сколько еще болтаться в небе?

Еще одно озеро, поменьше первого, проплыло в стороне, надвинулась и ушла к северному горизонту цепочка невысоких зеленых холмов, прежде чем Леон заметил над лесом темную точку. Точка быстро росла, идя наперерез. Еще одна птица решила посостязаться в скорости? Эта, пожалуй, догонит.

Он понял, что это не птица, секундой раньше, чем точка превратилась в черный ромб.

Следующие несколько мгновений плохо отложились в памяти Леона. Кажется, он колотил пилота в спину, кажется, что-то кричал... Что бы ни думал Леон о пилоте, тот сразу оценил ситуацию — «летающее крыло» заложило глубокий вираж с резким снижением. Вниз, вниз! Может быть, удастся найти поляну для спешной посадки. Нет смысла принимать воздушный бой: что там «льюисы» — новые зауряды не боятся и крупнокалиберных счетверенок! Быстрее же! «Летающее крыло» не летает, а ползет...

Рядом полыхнуло, громом заложило уши. Леону показалось, что первый удар черного ромба пришелся мимо. Но «летающему крылу» с лихвой хватило и этого.

«Неужели это все, — успел мысленно крикнуть Леон, не в силах оторвать глаз от стремительно надвигающегося, кружащегося леса, — и больше со мною уже ничего не будет, совсем-совсем ничего? Неужели — конец?..»

И если бы что-то, о чем никто из нас не имеет ни малейшего понятия, захотело ответить ему, оно, вероятно, ответило бы огненными письменами: «А ТЫ КАК ДУМАЛ?»

Он не мог шевельнуться и все же попытался — просто так, без всякой цели. Получилось, но сразу стало плохо видно. Лесной полумрак размылся перед глазами, и Леон не сразу понял, что плачет — так было больно. Мужчине нечего стыдиться своих слез.

Боль была всюду, во всем теле не оказалось уголка, где она не устроилась, чтобы терзать то, что вопреки ее расчету почему-то еще живо. Гуще всего она гнездилась в грудной клетке, превращая каждый вдох в адскую муку, и не было от нее спасения. Весь мир был — боль.

Шевельнувшись, Леон приказал себе отдохнуть. Выполнить это приказание оказалось легко, потому что так хотела боль. Затем, превозмогая себя, он дотянулся до тела пилота и ощупал его, сразу наткнувшись ладонью на липкое.

Пилот был мертв.

Подвывая от боли и горя, Леон выбрался на наполовину отломанное крыло и здесь проклял день, когда родился, и Великий Нимб в придачу. Падая на лес, машина срезала несколько верхушек деревьев и в конце концов застряла на высоте десяти шагов от земли, втиснувшись между двумя могучими стволами. Нос машины оказался приподнятым к небу, словно «летающее крыло» тщилось взлететь, да деревья не пускали. Огрызок левой плоскости, куда выполз Леон, застрял в развилке ствола, гладкого до самой земли, как девичья кожа. Как отполированная лучшими мастерами духовая трубка. С этой плоскости спуска на землю не было.

Журчал бензин, выбулькивая из пробитых баков. К счастью, при падении обошлось без искры.

Леон долго сидел на крыле, прежде чем набрался духу приказать себе переползти через фюзеляж и попробовать спуститься с другой плоскости — правой. Он не очень удивился, когда правого полукрыла не оказалось вовсе. Зато ствол, заклинивший фюзеляж с этой стороны, принадлежал дереву иной породы и имел какие-никакие ветви. При большом желании спуститься было можно.

Леон плохо помнил, как оказался на земле. Чувство было такое, словно его схватил дракон, разжевал и выплюнул. Его поддерживал страх — страх сорваться и сделать себе еще больнее. О том, что удачный удар о землю может разом покончить с болью, он не думал.

Сжав в ладонях очугуневшую голову, он попытался зашептать боль и не сумел. Конечно, Парис был прав: он дрянной шептун, он всего-навсего обыкновенный стрелок, он попросту никакой шептун...

Он нашел болеутоляющий корень и изгрыз его. Полегчать по-настоящему должно было не сразу, но вроде бы боль не-

много притупилась, и погасли огненные круги в глазах. И даже вернулось некое подобие способности думать. Только сейчас он заметил, что носом идет кровь, и унял ее.

Любопытная лесная белка спустилась по стволу посмотреть, что делает в лесу этот странный, ворочающийся на земле человек. В древесной кроне квакнула какая-то птица. Вспугнутый колючий жуткобраз прошуршал кустами. Лесные бабочки, успокоившись, вновь завели свою обычную полудневную песню.

Еду он найдет. Еще ни один человек на Просторе не умер голодной смертью в лесу, тем более охотник. В какую сторону идти, тоже известно. Если пилот сказал правду о том, где искать Астила, путь к нему вдвое короче пути назад. По сути, надо лишь добраться до ближайшего селения, а там помогут...

Оружие!.. Мало радости встретиться по пути с ненормальным драконом, а сейчас все они ненормальные. Не сожрет, так стопчет.

Револьвер оказался на месте, зато патроны остались только те, что были в барабане. Нашитый на набедреннике карман, где россыпью лежали остальные, висел полуоторванным лоскутом, и в лучшем случае патроны следовало искать в кабине «летающего крыла». О том, чтобы вновь карабкаться на дерево, не хотелось и думать.

Он ощупал ребра. Целы, как ни странно. Вероятно, несколько трещин, а то и просто сильный ушиб плюс общее потрясение. Пройдет.

Путь падения «летающего крыла» был усеян обломками. Леон нашел один из крыльевых пулеметов и даже обрадовался тому, что ствол согнуло кочергой. Он ни за что не бросил бы исправное оружие, он тащил бы оба пулемета на себе, пока не упал бы под ненужной тяжестью.

Второй пулемет остался на дереве. Все-таки приходилось лезть. Кряхтя, Леон сел спиной к стволу и стал ждать, когда болеутоляющий корень подействует как следует.

Он сам не заметил, как провалился в забытье, — не то потерял сознание, не то просто заснул. Ему приснилась Филиса.

Просыпаться не хотелось нисколько.

Проснувшись, он поднялся по ветвям на крыло. Следовало торопиться, пока болеутоляющее действие корня еще держалось. Второй пулемет был совершенно цел, но диск оказался полностью разряженным. Тросик, оканчивающийся ко-

лечком, надетым на спусковой крючок, натянулся до звона. Вероятно, при ударе о деревья сработал и намертво заклинился спусковой механизм.

Часть пустых гильз забросило в кабину. Леон ощупью катал их, выискивая высыпавшиеся револьверные патроны, и нашел три. Мешало тело пилота, мешали сиденья и педали управления, мешала и путала мысли притупленная боль.

Он нашел ящичек с набором гаечных ключей, отвернул крепления и положил «льюис» на крыло. Отсоединив и связав тросики управления, он осторожно спустил пулемет на землю. Потом спустился сам.

Подумав о том, что надо как-то похоронить пилота, он отогнал суетную мысль. Некогда. Надо идти. Взять диск со второго «льюиса» и идти...

С разряженным пулеметом на плече он не успел сделать и трех шагов, как в приклад «льюиса» вонзилась оперенная стрелка.

Из-за деревьев показались люди, но Леон предпочел бы оказаться перед драконом. С виду — обыкновенные охотники в набедренниках и кожаных поножах для защиты от травы-колючки. Но с духовыми трубками, готовыми к стрельбе по человеку, и на груди каждого — деревянный амулет. У всех один и тот же.

Изображение Железного Зверя.

Леон осторожно положил пулемет на землю, и тут же вторая стрелка до половины ушла в почву, точно отыскав промежуток между спусковым крючком и предохранительной скобой. Его предупреждали.

Леон вспомнил о яде. Ни сопротивляться, ни бежать не было смысла. Оставалась надежда вступить в переговоры.

Никто не захотел тратить слов. Стрелять они умели и притом понимали, что такое настоящее оружие. Держа Леона на прицеле духовых трубок, они первым делом отобрали револьвер. Один из зверопоклонников, по виду — вожак, снял с себя набедренник и обмотал кисть руки, чтобы не притронуться к неживому Злу незащищенной кожей.

Слушать Леона не стали.

Разбросанные обломки были старательно собраны и свалены в кучу под застрявшими над землей останками воздушного корабля. Несколько человек взобрались на «летающее крыло» и долго рубили его топорами из кость-дерева. Убедив-

шись, что металлические части машины успешно противостоят ударам, зверопоклонники расчистили подлесок в радиусе нескольких десятков шагов и свалили несколько деревьев вершинами от разбитого аппарата, после чего «летающее крыло» было обложено хворостом и подожжено.

Гореть оно умело не хуже, чем летать.

Револьвер, отобранный у Леона, тоже швырнули в костер.

Громкий раскатистый треск провожал процессию, увлекавшую Леона неизвестно куда, — в огне дружно и весело рвались револьверные патроны.

ГЛАВА 7

Отличительным качеством военнопленного является трусость в сочетании с подлостью. Ибо если солдат сдался в плен, он тем самым уже изменил своему народу и принципам, за которые воюет. И если солдат продолжает оставаться живым в плену, он ежеминутно усугубляет свою измену и степень своей вины.

(Учебник военной подготовки для старшеклассников, издание 34-е, идентичное; 1-я Государственная машинная типография)

Леон неподвижно лежал на спине, заложив руки за голову, смотрел в желтоватый потолок, тщетно ища, за что зацепиться взглядом, неприятно ощущал тепло нагретой им самим лежанки и предавался унынию и запретным мыслям. Он лежал на низком деревянном топчане, спустив ноги на земляной пол, и сквозь тощую набивку тюфяка чувствовал, какой он жесткий и правильный, этот топчан, без малейших намеков на хоть какую-нибудь неровность, которую можно начать исследовать и занять этим делом полдня, а то и день.

Больше ничего в комнате не было.

Странное жилище. Без окон. Специально для пленников построили, что ли?

Оказывается, у южан принято обмазывать стены домов глиной. И красить охрой.

Желтые охряные стены начинались у пола как подобает, а оканчивались закруглением, плавно переходящим в потолок, и Леон много раз пытался мысленно провести границу, ус-

ловную линию, отделяющую одно от другого, и не мог понять, где она, эта граница.

Никто к нему не приходил, никто с ним не разговаривал. И с улицы не доносилось никаких особенных звуков. Деревня большая, но точно вымершая.

Надо же выдумать такую пытку!

Иногда он вскакивал, мерил шагами земляной пол от стены до стены, разминая затекшие мышцы. Потом снова валился на топчан.

Так он лежал уже неделю.

Неделя на Просторе определяется соединением меньшей и большей из лун — Энны и Этты и длится девятнадцать суток.

А еще раньше прошли, пролетели, проползли шесть суток пешего пути туда — не знаю куда. В первый же час пути он потерял сознание, мучимый болью и усталостью, а очнувшись, обнаружил, что двое крепких мужчин несут его на плечах привязанным к длинной палке. Словно добычу.

Шли и ночью. Зверопоклонники так петляли по лесу, что сумели отчасти запутать даже его, Великого Стрелка, а следовательно, великого охотника. Запомнилась лишь долгая переправа через реку, намного более широкую, чем все реки, виденные им прежде, но что это за река — Леон не знал. В срединной части Простора немало великих рек, а по направлению течения ничего не определишь — реки петляют. Пожалуй, теперь он находился даже дальше от земель Астила, чем был при крушении «летающего крыла».

Он перевалился с боку на бок. И ведь не скрипнет! — в который раз подумал он про топчан, хотя отлично знал, что топчан не скрипит — он новый, добротный и скрипеть пока не обучен. Но очень хотелось, чтобы топчан наконец скрипнул.

Почему-то Леон был уверен, что если топчан скрипнет, то все кончится хорошо.

Часами он смотрел на квадратное отверстие в потолке, пропускавшее воздух и солнечный свет. Он не мог видеть ни Великого Нимба, ни звезд, потому что над отверстием помещался (вероятно, для защиты от дождя) колпак из набранных внахлест дощечек. К краю отверстия прилипла паутинка, и когда по вечерам накалившееся за день помещение отдавало тепло небу, паутинка весело колыхалась, предоставляя глазам единственное развлечение.

Он очень боялся, что паутинка оторвется и улетит.

Внизу двери тоже было прорезано отверстие, пригодное для кошки. Через это отверстие три раза в день неведомая рука просовывала пустой тыквенный горшок на веревке, и надо было успеть справить надобность раньше, чем веревка утянет горшок обратно. Через то же отверстие подавалась пища.

Голодом его не морили, скорее наоборот. Фрукты, мясо, хлебные плоды. Однажды — немного Тихой Радости.

В первые дни заточения он пробовал колотить в дверь. На стук никто не приходил, сколько ни стучи. Позднее Леон научился бояться двери. Он боялся того, что может случиться с ним, когда зверопоклонники вспомнят о своем пленнике. Он не ждал от двери ничего хорошего.

Дверь отворилась.

Леон вскочил, готовый сопротивляться до конца. Сжал кулаки. Убьют, конечно, но лучше уж в драке, чем спокойно, как зашептанного дракона в кухонной яме...

В дом не вошел — впорхнул мужчина, очевидно, подбодренный пинком, и, пролетев небольшое расстояние, неловко шлепнулся на земляной пол. На Леона никто не обратил внимания. Дверь захлопнулась.

Леон поднял голову и посмотрел на паутинку. Паутинки не было. Когда отворилась дверь, сквозняк вынес ее вон.

Распростертый на земляном полу человек принял сидячее положение, почесал под мышками и рассмеялся. Был он совершенно голый, если не считать грязной дикой бороды, и сам он был грязен, словно не мылся по меньшей мере с дождливого сезона. Не человек — корявое, не доделанное Нимбом существо, брезгливо смахнутый с верстака брак... Распространяемый существом запах полностью соответствовал обличью. Никогда прежде Леон не видел таких людей, и не должно их быть. Чучело отвратное, чесоточное. Но на груди у чучела не было изображения Железного Зверя. Была там грязная корка со следами расчесов, и больше ничего.

Леон обнаружил, что все еще стоит со сжатыми кулаками.

— Ты кто такой? — спросил он чучело. Голос его прозвучал излишне напряженно.

Существо продолжало чесаться.

— Ты! Откуда взялся? — повысил голос Леон.

Существо на секунду освободило одну руку, чтобы мах-

нуть ею куда-то в сторону, и ответило с ужасным произношением:

— Сегодня меня опять приносили в жертву. Ну и что?

Леон заморгал. Переварить с одного раза было трудновато.

— Как — в жертву? — спросил он. — Кому?

— Железному Зверю, естественно. Ты-то кто такой?

— Меня зовут Леон, — ответил Леон сдержанно.

— А меня Й-Фрон. Привет, Леон, рад познакомиться. Спину мне не почешешь?

Леон вспыхнул:

— Соображай, с кем говоришь!

— С кем говорю? — Чучело, именовавшее себя Й-Фроном, вразвалочку подошло к стене и принялось, покряхтывая от наслаждения, чесать о нее спину и бока. — По-моему, с таким же пленником, как и я. Разве нет?

В спокойной логике чучелу было не отказать.

— Имя у тебя дурацкое, — сказал Леон, немного остывая. Пропавшей паутинки все-таки было очень жалко. — И вид такой, что плюнуть хочется, — добавил он.

— Зови просто Фрон, если так тебе удобнее. Мне так тоже больше нравится. А насчет вида — поглядел бы я на тебя, попадись ты им одновременно со мной. Первое время меня перед каждым жертвоприношением хотя бы брили, а теперь им это надоело, и уже довольно давно.

— Заткнись!

Чучело бесцеремонно лупало глазами, скреблось о стену и подвывало от удовольствия. Полидевку бы его в лапы, брезгливо подумал Леон. Брюхоног и не таких обламывал... Нет, сперва вымыть.

— Угм. Молчу. А ты не хочешь излить душу? — предложило чучело. — Другим помогало.

— Думай, с кем говоришь, образина! — вновь вспылил Леон.

Фрон с любопытством прищурился:

— Повторяешься. Кстати, а с кем я говорю?

Леон сдержанно объяснил, с кем.

— О-о! — простонал Фрон, выгибая спину в чесоточном экстазе. — Ох, хорошо... Э, так, значит, я по твоей милости сюда попал?

— Почему это по моей?

Когда Фрон в нескольких словах объяснил почему и, главное, откуда он сюда попал, Леон, забыв о естественной брезг-

ливости, с воплем схватил его руками за шею и начал душить. Оба повалились на пол.

Фрон хрипел и вырывался — пальцы Леона ломали его горло. Но Леону не суждено было довершить начатое по другой причине. Впервые за время заточения из квадратного отверстия внизу двери прозвучал голос — тягучий и как бы с ленцой:

— Кто останется в живых, того перестанем кормить.

Леон разминал затекшие пальцы. Фрона корежило, он хрипел, отплевывал слюну и закатывал глаза, но махал руками, показывая: ничего, мол, понимаю и не обижаюсь.

Не обижается он!..

Через час, когда в квадратную дырку просунули еду на двоих, Леон знал об «Основе Основ» немногим меньше Фрона. Языки обоих устали рассказывать.

Перешли на зверопоклонников.

— Мозги у всей этой шатии не очень-то варят, — объяснял Фрон, с удовольствием уписывая фрукты. — Нет, правда, ваш Нимб свидетель. Иногда просто не могу надивиться их тупости. Ну, поклоняются автоном-очистителям и заурядам — и пусть себе, но хоть поклонялись бы с умом! Железный Зверь меня не сжег, так? Один раз не сжег, другой не сжег, сегодня уже восемьдесят шестой раз не сжег. Так что же? Вместо того чтобы отмыть и объявить богом или, по крайности, пророком, меня попробуют скормить Зверю в восемьдесят седьмой раз. Вот увидишь.

Фрон поперхнулся.

— Кстати, и тебя тоже.

Постепенно до Леона дошло.

Дни в неволе тянулись бесконечно, словно путь сонного слизнивца, задумавшего пересечь Простор. Постепенно Леон привык к присутствию разговорчивого голого чучела, именовавшего себя Фроном, к его запаху, ужасающему акценту, отвратной привычке поминутно чесаться и не менее отвратному виду. Критически осматривая себя, он замечал, что сам скоро станет не лучше.

— Сначала я считал себя военнопленным, — рассказывало чучело, — а потом понял, что меня здесь считают кем-то другим. Или же здесь своеобразное отношение к военнопленным, что, в общем, одно и то же. Между прочим, я ни разу не

видел, чтобы они собственноручно расправлялись с пленниками. Они предоставляют это удовольствие зауряд-очистителям, и, надо сказать, те их еще ни разу не подвели... хм... кроме как со мной. Это у них называется жертвоприношением. Пленников либо привязывают к деревьям у границы зоны очистки, либо попросту оставляют взаперти в обреченных деревнях. Уверен, тут в каждом доме по пленнику, а то и по два... Кстати, ты подкоп делать не пробовал?

— С этого начал, — с тоской сказал Леон. — Только ногти зря обломал. Тут земля как камень.

— Зря не попытался сбежать по дороге сюда. Не скажу, что на убийства у них наложено вето, но, по-моему, убивают они неохотно. В общем, неплохие люди. В случае попытки к бегству тебя скорее всего постарались бы поймать и вернуть, только-то. Считай, упустил шанс.

Леон только махнул рукой. Какой там шанс сбежать! Сейчас — да, вероятно, не упустил бы и намека на шанс, а тогда, когда едва брел под конвоем, спотыкаясь, и особенно когда конвойные тащили привязанным к палке, как куль... Что понапрасну чесать язык — невозможное невозможно.

— Ты сам-то почему не сбежал?

— Поначалу пытался, потом привык, — охотно объяснил Фрон. — Это они думают, что я пленник. Скафандр мой отняли и хотели сжечь — умора! Как они мучились! Так и бросили где-то, а может, закопали, потому что активная масса не горит... Наивные, неумные люди, даже трогательно. А я только у них по-настоящему выспался. Плен? Ха! Да я здесь в тысячу раз свободнее, чем на «Основе Основ»!

Расчесанная физиономия голой образины сияла самодовольством. Вместо ответа Леон сплюнул.

— Когда начнется, попробуй прижаться ко мне как можно плотнее, — сказал Фрон, не обращая внимания. — Иногда это помогало. Пароль в моем черепе — он на одного, но ты все же попробуй. Что не подцепишь чесотку, не обещаю, но лучше уж чесаться, чем заживо гореть.

— А когда начнется? — спросил Леон.

Фрон пошевелил губами, что-то высчитывая.

— Завтра, я думаю. Не раньше рассвета, не позже полудня. До зоны очистки отсюда уже рукой подать.

Леон давно уже не дышал через рот — притерпелся к запаху. И все же пришлось побороть в себе остатки брезгливости.

— Прижаться к тебе — поможет?

— Пока только одному и помогло, — призналась честная образина. — Его только обожгло всего, он потом еще два дня жил... Э, ты чего? Ты не бросайся. Что могу, то и предлагаю.

— Спасибо, — с ядом сказал Леон. — Тронут.

Помолчали.

— Надеюсь, ты не собираешься меня придушить, чтобы самому воспользоваться Паролем? — вдруг спросил Фрон, вперив в Леона подозрительный взгляд. — Вынужден предупредить, что извлечь его из моего черепа без хирургических инструментов и некоторых навыков тебе не удастся, а уж имплантировать себе — тем более... А? Не собираешься? Вот и хорошо.

Леон не ответил.

— Прости, если я кажусь тебе немного бессердечным, — сказал Фрон после паузы. — Видишь ли, ты у меня не первый товарищ по несчастью, так уж получилось. И даже не десятый...

Перед закатом случилось то, на что Леон втайне надеялся с первого дня заточения и чего позднее начал бояться до озноба, не смея окончательно признаться себе в этом: лязгнул засов, дверь скрипнула петлями и отворилась. Фрон, не переставая чесаться, немедленно осклабился. Вошедший показал на Леона духовой трубкой:

— Ты. Выходи.

— А я? — нарочито обиженным голосом вопросил Фрон.

Зверопоклонник не ответил и отчего-то насупился. Пока не хлопнула дверь, Леон слышал, как Фрон хихикает. Весело ему...

Рук не связали, но конвоировали предельно плотно, лишая последней надежды на возможность побега. У каждого из конвойных на груди болтался амулет, изображающий детеныша Железного Зверя.

Жгло глаза непривычным светом. На небе проступал бледный Великий Нимб — узкий, как лезвие, но все-таки на юге, а не на севере; до экватора было по-прежнему далеко. Велик Простор...

От свежего воздуха кружилась голова.

Странная деревня, и, похоже, Фрон не ошибся — обреченная. Доживающая последние дни, если не часы. Наглухо заколоченные дома с забитыми ставнями на окнах. Дома понятного назначения — без окон. Ни судачащих женщин, ни играю-

щих детей. Десяток-другой молчаливых охотников и никого более. Урожай на огородах собран — заметно, что наспех — и вывезен неизвестно куда.

Пусто и в Хранилище. Отчетливо видно: Знания, презрительно называемые Умнейшим замшелыми байками, вынесены отсюда совсем недавно, на полках почти нет пыли.

Прохладный полумрак ласкал глаза. В Хранилище Леона не втолкнули — ввели, что удивило. Сесть, однако, никто не предложил.

Шамкающий старушечий голос осведомился:

— Ты — Леон?

Леон кивнул, озираясь. Кроме двух конвойных, вошедших следом за ним, в Хранилище находились еще двое: сухонькая старушенция в опрятном сари, с отягощенной огромным амулетом морщинистой шеей, и жирный мужчина средних лет, напомнивший брюхом Полидевка, а брюзгливым лицом — Париса. Похоже, тоже шептун. А старуха — явно Хранительница, и не деревенского ранга. Окружная, не ниже.

Плохи дела, подумал Леон.

— Вы двое — выйдите.

Конвойные безропотно удалились. «Шептун, — с внезапно нахлынувшей тоской подумал Леон, чувствуя, как под взглядом жирного его воля — воля вождя! — становится мягкой, как древесная сердцевина. — Шептун, и сильный».

Сейчас без приказа жирного он не смог бы шевельнуть и пальцем.

— Так это твоим именем Зигмунд, нечестиво прозванный Умнейшим, увлек людей на севере к отступничеству от законов Простора? — прошамкала старуха.

Леон кивнул.

— И это ты со своими подручными убил Хранителя Столицы?

Леон помотал головой. Лицо жирного искривила презрительная ухмылка.

— Он не убивал, но лишь потому, что ему помешали. Я вижу, как это было. Он стрелял. Чужак Зигмунд предпочел принять на себя его стрелку. — Жирный неприятно рассмеялся. — У него были свои виды на этого молокососа — символ отступничества должен иметь чистые руки!

— Молокосос, — задумчиво сказала старуха. — Молодым всегда тягостна мысль о смерти. Но ты отступник, к тому же

вообразивший себя вождем отступников, и поэтому должен умереть. Если только...

— Погоди, — прервал жирный и, приложив руку к сердцу, наклонил голову. — Я не вправе прерывать тебя, Дея, и прошу прощения за дерзость. Но я чувствую, что у нашего гостя Леона накопилось несколько вопросов. Может быть, нам есть смысл сначала выслушать его?

Хранительница сделала знак, и Леон почувствовал себя легче. Жирный ослабил невидимые путы.

— Спрашивай.

В голове, сдавленной чужой волей, не было и намека на мысль.

— Э-э, — сказал Леон, страдая. — М-м... — Голову все же разжало. — Кто вы такие?

— А кого тебе надо? — Жирный осклабился.

— Вы представители командования? Я буду говорить только с вождями зверопоклонников!

Жирный и старуха переглянулись. Старуха, чей запавший рот был похож на прямой тонкий шрам, искривила его в мимолетной улыбке. Что-то показалось ей забавным.

— Ты испорчен Зигмундом, вождь отступников Леон. Мы не поклоняемся Железному Зверю, а лишь принимаем его как волю Нимба, если хочешь — как неизбежную расплату за человеческое несовершенство. Когда-нибудь это должно было случиться, поколения Хранительниц знали об этом из текстов времен Сошествия. Усугубляя несовершенство человека, вы приближаете общий конец, поэтому между нами нет и не может быть мира. Ты спросил о вождях? Вожди бывают у отступников, охотник Леон. Вспомни свою жизнь до отступничества. Человек Простора свободен, и именно потому он человек. У нас есть лишь Хранительницы, олицетворяющие собой мудрость прошедших счастливых веков, и Хранитель, — Дея кивком показала на жирного, — ученик и наследник Хранителя Столицы, которого вы убили. Нет прощения злу на Просторе!

— Он не убивал, — напомнил жирный.

— Только потому мы с ним и разговариваем, — прошамкала старуха.

Спектакль, подумал Леон. Видел я одну Хранительницу, видел и Хранителя. Власть и власть! Упоение властью до последнего часа, до последнего клочка земли, еще не выжжен-

ного очисткой. Болтовня о свободе — сказочки для дураков. А если и свобода — то для чего? Чтобы до каждого свободного рано или поздно добрался зауряд-очиститель?

Чужая воля все еще держала его, но уже слабее. Леон почувствовал, что может напрячь мышцы. Кинуться на жирного? Э, что мечтать. Шептун скрутит его в момент, не дав сделать прыжка.

Играть. Тянуть время.

— Как вы узнали, что я здесь? — спросил Леон. — Никто не спрашивал моего имени.

— Тебе повезло случайно. Другой отступник, по имени Астил, пожертвовал своим человеком, чтобы доставить вот это послание. — Жирный помахал мятым свитком пчелиной бумаги. — Вот, требует освободить тебя. Не умоляет — требует. Он угрожает нам, этот Астил. Он — нам!

Жирный опять рассмеялся:

— Твоя жена тоже здесь.

— Хлоя?!

Леон растерялся и понял, что его растерянность замечена. Сколько у них еще припасено камней на его голову?

— Она пришла к нам сама, — довольным голосом сказал жирный, — и привела твоих пасынков, как их... Сильф и Дафнис, кажется. Ты был не слишком внимателен к своей жене, охотник Леон.

Так. И Хлоя тут как тут. Успела нажаловаться. И, уж конечно, рассказала зверопоклонникам обо всем, что видела и слышала. Почему она, вместо того чтобы попытаться учинить в штабе скандал, отправилась на юг искать на мужа управу? Может, ей кто-то подсказал? Дура, как есть. А одна ли она сбежала из контролируемой области, вот вопрос. Похоже, придется как следует заняться южной границей, законопатить ее так, чтобы оттуда сюда ни одна муха... Да. Непременно надо. Когда вернусь.

А вернусь ли?

Запершило в горле.

Играть! Водить за нос.

— Вы мне хотели что-то предложить, — напомнил Леон, откашлявшись.

Жирный и старуха вновь обменялись взглядами.

— Торопишься, Леон. Но если так тебе удобнее... Слушай и не заставляй повторять дважды. Ты останешься жить. По-

верь, нам не доставляет никакой радости отдавать отступников Железному Зверю, хотя они, признаться, не заслужили иной участи. Отступников от законов Простора судим не мы — их судит Великий Нимб и карают посланные им Железные Звери. Но мы готовы принять твое раскаяние, если оно будет искренним. Вместе с женой и пасынками ты будешь жить в деревне вдали от гнева Нимба. Жить точно так же, как ты жил до своего отступничества.

Благодарю, подумал Леон. Этого мне не хватало.

— Что вас убедит в искренности моего раскаяния? — спросил он деревянным голосом.

— Ты отправишь Зигмунду, прозванному Умнейшим, послание с просьбой прибыть в назначенное нами место.

Так.

— Что вы с ним сделаете?

— Вина Зигмунда перед Простором много больше твоей, Леон. Не нам его судить.

Конечно, не вам. Железному Зверю.

— Дайте подумать, — сказал Леон.

— Думай, только недолго. Ты должен дать ответ сейчас.

Если попытаться что-то предпринять, то сию же минуту... Леон осторожно «ощупал» тиски, сдавившие его волю. Вот, пожалуй, лазейка, а вот еще одна... Если только они не оставлены нарочно, как западни для неопытной дичи.

«Почему, ну почему я не был у Париса лучшим учеником?..»

— Да, — сказал Леон, лихорадочно настраиваясь на лазейку. — Я говорю: да.

Сейчас он был готов поверить сам себе.

Хлоя. Жить с Хлоей — а почему бы нет? Жил ведь прежде. Ну сварлива, ну и что? Зато сдобна и на зависть страстна ночами. Сильф и Дафнис — милейшие мальчики. Пусть покричит Хлоя днем, пусть даже разок приложит руку к мужниной голове — можно и потерпеть, если за дело, а ночью помиримся...

Он представил себе, как это будет, и видение, задрожав, распалось на куски. Внушения не получалось.

— Противодействует, хотя и примитивно, — объявил жирный. — Значит, пытается лгать, как я и думал. Безнадежные отступники всегда лгут.

— Я согласен! — крикнул Леон.

— Ты полагаешь... — шамкнула жирному старая ведьма.

— Я полагаю, что мы зря теряем время, — брюзгливо сказал жирный. — Прости, это была моя идея. Я ошибся. Эй, там!..

— Постойте! — Леон весь покрылся потом. — Подождите!..

Последняя вспышка внимания, доставшаяся ему, была мимолетной:

— Если бы я захотел, ты бы сейчас ползал перед нами на коленях, червяк! Тебе позволили самому выбрать свою участь. Ты выбрал.

Двое конвойных отвели Леона обратно и на этот раз не ввели — втолкнули в знакомую духоту дома без окон. Дверь за спиной грохнула так, что со стен посыпалась охра.

— Тьфу ты, — сказал Фрон с разочарованием. — А я уже надеялся, что тебе удалось сбежать.

Последнюю ночь перед жертвоприношением Леон не спал. Как это — принести в жертву! Его! Великого Стрелка и Стратега! Вождя!

Леон ворочался, проклиная топчан, — ведь даже скрипнуть не умеет! — и мысли шли на ум самые погребальные. Прости, Умнейший, неслышно шептал он, без меня тебе будет труднее. Но ты справишься, я верю. Держится ли еще рассыпающаяся на куски оборона? Я понимаю, что тебе сейчас не до меня, и прощаю. Вряд ли ты даже посылал искать Леона, понимая безнадежность попыток найти упавший самолет в океане леса.

Неведомый Астил. Ты откуда-то узнал, что я в плену, — наверное, уже установил связь с Умнейшим? Или поймал и допросил кого-нибудь из зверопоклонников? Благодарю за попытку выручить меня, но лучше ты продолжи мое и свое дело — у нас с тобой одно дело на двоих.

Кирейн. Выпей за меня Тихой Радости. И не потому, что настрочил еще одну агитку, а просто так. Парис, выдай ему флягу, чтобы он выпил и вспомнил Леона.

Филиса. Я так и не добрался до тебя, так и не дошел. Прислал Тирсиса, а должен был примчаться сам. Мы были бы счастливы. Ты прости, у меня никогда не было времени как следует подумать о тебе, вспомнить твое лицо... Я почти забыл его, хотя не должен был забывать.

Прости.

Зверопоклонники все же дали маху: не Хлою им нужно было выманивать из лагеря. Филису!

Нет. У них ничего не получилось бы и в этом случае. Просто сделали бы мне очень больно. Вожди зверопоклонников хитры, но глупы — все эти Хранительницы, Хранители... И даже не слишком хитры, коли воображают, будто им когда-нибудь удастся заманить Умнейшего в ловушку. Что еще можно ожидать от повелителей дураков. Им проще уничтожить вождя отступников, что они и сделают.

Завтра. Не раньше рассвета, не позже полудня. Нет, уже сегодня. Скоро начнет светать.

...Храпел Фрон, растянувшийся на утоптанном земляном полу — Леон не пустил чесоточного на топчан, — и, видимо, не испытывал никаких сомнений относительно грядущего дня, как и всех дней последующих. Ему-то что. У него Пароль в черепе, неизвлекаемый и неуничтожимый. Вживленный кусочек активной массы — табу для автоном-очистителя и всех его заурядов. Пропадать одному Леону, а чесоточный останется цел и невредим.

Не следовало лететь самому, подумал Леон не в первый раз. Надо было послать к южанам доверенного человека, хотя бы Тирсиса, а еще лучше никого не посылать, отпустить одного пилота, и на следующий день этот их Астил примчался бы сам. Слишком дорого обходятся сделанные сгоряча ошибки, чтобы вождю было позволено их совершать.

Леон скрипнул зубами. Как-то раз, уже очень давно, вскоре после пещеры, когда по крутым тропинкам спускались с гор, страхуя веревками обретенного Аверс-Реверса, Умнейший ни к селу ни к городу рассказал о стеклянном лабиринте. У них на Сиринге, или где там он жил до того, как свалился на Простор, так мучают крыс во славу науки. Белая крыса должна пробежать лабиринт из конца в конец, ни разу не сбившись с дороги, не заплутав, а лабиринт ветвится, как паутина, и каждый коридор, ведущий в никуда, оснащен выскакивающими из стен иглами, источниками смертоносных лучей, предательскими ловушками, из которых не выбраться... Есть только один верный путь, и если крыса ошибется хотя бы раз, она погибла.

Тогда он отмахнулся, как от незначащего, а надо было давно усвоить, что Умнейший ничего не говорит просто так. Он имел в виду его, Леона. Роль вождя истребляемого народа — быть крысой в стеклянном лабиринте, без права на ошибку. Двигаться наугад, не зная, что ждет за ближайшим поворо-

том, и если сделаешь неверное движение, отдашь не тот приказ...

Тогда, может быть, повезет следующей крысе.

Сон не шел. Леон устал ворочаться на топчане. Неожиданно ему пришло на ум, что в беседе со старухой и шептуном те не задали ему ни одного вопроса касательно стратегии обороны или, скажем, производства оружия. Почему так? Неужели по природной темноте своей и глупой самонадеянности? Вряд ли. Почти наверняка зверопоклонники имеют своих людей и в лагерях беженцев, и на рубежах обороны, и на заводах... Не говоря уже о неуловимых отрядах лесных стрелков, выслеживающих добытчиков пищи!

А ты думал, население Простора поверило тебе безоглядно?

Леон заскрипел зубами так, что спящий Фрон начал чмокать губами и чесаться во сне. Скотина! Шелудивая толстокожая лесная корова, вот и все.

Пророчество Фрона подтвердилось утром, когда пленникам впервые не дали еды. Горшок для естественных надобностей также не появился, квадратное отверстие осталось закрытым. Без толку побарабанив в дверь, прокричав с тем же результатом несколько обидных оскорблений, Фрон затих, приложив к двери ухо и сделав Леону знак молчать и не шевелиться.

— Уходят, — сообщил он наконец. — Быстро уходят, спешат... Ага, ушли. Вот-вот начнется, стало быть.

Только теперь Леон понял, что такое настоящая тишина. Оказывается, все время пленения он слышал доносящиеся снаружи звуки, раздробленные стенами в равномерный фон. Теперь наступила тишина. Лишь издалека доносился не то вой, не то плач — наверное, жалоба такого же обреченного на заклание пленника, запертого в другом доме. В остальном деревня словно бы вымерла чуть раньше, чем это ей предстояло на самом деле.

— Не разобрать ли крышу? — предложил Леон.

— Ты еще дверь боднуть попробуй, — с ухмылкой посоветовал Фрон. — Только без меня. Тут таран нужен.

— Заткнись. Я тебе о крыше говорю.

— Ты пробовал?

— Сам видишь: одному не достать, а с твоих плеч — пожалуй.

Фрон хмыкнул, но плечи подставил. Леон попытался рас-

ширить отверстие в потолке, расшатав доски, но лишь перемазался в охре и рассадил ладонь.

— Драконий хвост! Крепкие.

Он попытался еще раз с тем же результатом.

— Может, ты с меня слезешь? — подал голос Фрон.

Пришлось слезть.

— Один такой, как ты, в последний момент пытался меня убить, — сказал Фрон, отряхиваясь. — Наверно, из чувства справедливости, чтобы было не так обидно пропадать одному. Это был единственный, кого мне не жаль. А ты не попытаешься меня убить? Имей в виду, мне эта идея не нравится.

— Заткнись!

— Ну прости, прости. Кстати, я тебе не все рассказал. Однажды меня который раз приносили в жертву, и отряд зверопоклонников не успел уйти. Давно это было, они еще опыта не набрались. Всех пожгло, естественно. А их вожак остался жив.

— Почему?

— Не знаю. Он даже развязал меня потом. Может, сумел как-то оттранслировать зауряду код Пароля. О нем говорили, что он сильный шептун, что бы это ни значило. Вообще-то у нас каждый полноценный гражданин способен на такие фокусы, это только я от рождения глухарь... А ты Пароль слышишь?

Леон попытался настроиться, как некогда учил его Парис.

— Нет.

— Жаль, — сказал Фрон. — Не очень-то ты мне понравился, честно тебе скажу, а все равно — жаль. Я отвернусь, когда начнется, ладно? Ты уж извини. Зрелище, сам понимаешь, не из приятных...

Последние минуты ожидания были подобны годам. Сколько еще минут, мгновений? Полет зауряда практически бесшумен, смерть явится неожиданно. Может, и вправду стоит прижаться к Фрону, как тот приглашал? Да, пожалуй. Как бы ни был ничтожен шанс на спасение, он все-таки шанс...

Половина дома, обращенная к пустоши, вдруг начала мягко оседать и рассыпалась в прах. Взметнулась туча пыли, затрещали балки над головой. Просела крыша. Леон с воплем отпрянул.

— О! — сказал Фрон с удивлением в голосе. — Такое со мной в первый раз. Вот это да! — точно на границу попали. —

Он выглянул наружу. — Ты гляди, и жечь деревню зауряд не стал... в смысле, то, что не попало в зону очистки... Странно. Может, на Пароль среагировал, а вообще-то здесь еще и не такое бывает...

— Бежим! — закричал Леон, обретая твердость в ногах.

— Что толку? — сказал Фрон. — В зоне очистки не проживешь, а в лесу меня всякий раз опять ловили... Э, да ты постой, куда помчался, пропадешь ведь без меня, пойдем вместе...

ГЛАВА 8

Если снаряд упадет в воронку, оставленную предыдущим снарядом, скажут: вот это да! Если же человек дважды сядет в одну и ту же галошу, о нем скажут: дурак и есть! Ну и где тут логика?

Вопросы без ответов

— И как же ты дальше выпутывался? — спросил Умнейший.

Леон отхлебнул из пиалы Тихой Радости.

— А дальше мы два дня петляли по лесу. Я хотел сразу идти к Астилу, в неделю дошли бы, да облава на нас была — ты не поверишь какая. Хорошо, Фрон кое-как знал местность — иногда подсказывал, где можно пересидеть, а куда лучше вообще не соваться...

— Погоди, — прервал Умнейший. — Я этого Фрона еще не видел. Он что — вправду землянин?

Леон отпил еще глоток, крякнул.

— Что не наш — точно. Знаешь, по-моему, его на корабле не очень-то жаловали. Если не врет, конечно. Сомневаешься — допроси, только Полидевку не отдавай, допроси сам. Все-таки он мне здорово помог. А у командира их корабля, забыл как его, в черепе, он говорил, совсем мозгов нет...

— На землян это похоже, — равнодушно сказал Умнейший. — Где же у него мозги в таком случае?

— Я не выяснял.

— Ну-ну, продолжай, я слушаю.

— В общем, нашли мы в пограничье одну деревню, — сказал Леон. — Совсем крохотная деревенька, домов на десять, брошенная. Пустошь уже рядом, вот жители и ушли подальше, и пленников там зверопоклонники не держали. Нам бы

сразу дальше уходить, а мы решили переждать ночь. Вот и переждали... — Леон выцедил пиалу и налил себе снова из тыквенной фляги. — Все-таки есть у зверопоклонников сильные шептуны — человека за два, за три перехода лоцируют. Короче говоря, чуть свет обложили нас в этой деревне тепленькими. Я, когда мы из плена деру дали, духовую трубку подобрал, а в лесу какой же охотник себе стрелок не наделает. Дрянь, правда, а не стрелки вышли, и трубка была с трещиной, а все-таки одного прыткого я ранил, другие на штурм и не полезли. За стенами, за плетнями попрятались, ждут чего-то. Ну и мы ждем. У меня две стрелки осталось. Тут лес раздвигается, и прямо к дому, где мы сидим, прет во-от такой драконище, я таких и не видывал, одна морда с полдома... И сразу крушить стены. Попробовал было его зашептать, да только где мне против их шептунов — сам знаешь, какой я шептун...

— Знаю, знаю. Ты не отвлекайся. Гм... а почему они просто не подожгли дом, как ты считаешь? Избегают сами убивать?

— Вот именно! — Леон стукнул кулаком по столу, едва не опрокинув пиалу. — Я сразу не додумался, а так оно и есть! Прямо как наши новобранцы, пока их не обтесали, Нимбом клянусь! Да и новобранцы у нас не все такие, особенно из беженцев... Правильный зверопоклонник не станет стрелять, если видит иной выход, я это хорошо понял, пока нас с Фроном по лесам гоняли. Свойство ценное. Надо бы продумать, как можно его использовать с пользой для дела.

— Продумаем, — Умнейший покивал. — А что было потом?

— А потом мы прощались с жизнью, — со счастливым смехом сказал Леон и потер руки. — Тут-то и началась бомбежка. Половину домов развалило сразу, по бревнышку, дракону прямым попаданием голову снесло, а зверопоклонники, кто уцелел, — в лес, в лес!.. Кое-кто утек, конечно, а большую часть все же положили — кого бомбами, кого из пулеметов. Я сам страху натерпелся, а представляю, каково было тем, кто самолетов в глаза не видел. Ну, переждали мы с Фроном первый заход, переждали второй, а потом выскочили — и сигналить... — Леон залпом осушил пиалу. — Спасибо пилотам — не расстреляли нас сгоряча... ну и Астилу, само собой, спасибо — выручил. Одного не пойму: как он догадался, что я нахожусь именно в той деревне? Встречу — спрошу. Он здесь?

— У меня спроси, — проворчал Умнейший. — Обычная

плановая бомбежка, не более. Астил, когда узнал, что ты пропал над территорией зверопоклонников, рассвирепел и приказал бомбить. Зверопоклонники и ему поперек горла. Бомбы мы ему делаем, и десяток своих самолетов уже есть.

— Ага. — Леон поморгал, усваивая. — Давно вы установили с ним связь?

— Да уж дней пятнадцать. Сделавши один самолет, не проблема продолжать в том же духе.

Старик отчего-то казался смущенным, и это немного настораживало. С чего бы ему быть смущенным, подумал Леон с легкой озабоченностью. Не с того же, что вождя преждевременно сочли погибшим и едва не разбомбили по нелепой случайности. Дело военное, обычное. Тут бы Умнейший и глазом не моргнул...

— Введи-ка лучше меня в курс, — сказал Леон.

— Что именно ты хочешь узнать прежде всего?

— Все! Там у меня вообще не было никакой информации. Я даже не знаю, сколько нас сейчас всего!

— Вместе с южанами Астила?

— Да.

Умнейший пошевелил губами.

— Если считать вместе со стариками, женщинами и детьми, думаю, наберется тысяч сто тридцать — сто пятьдесят. Точный подсчет потребует времени.

— Так мало?

— Я и на это не очень надеялся, — сказал Умнейший. — Очевидно, часть идущих к нам беженцев перехватывают зверопоклонники. Очень многие, как и следовало ожидать, нам вообще не поверили. А многие поверят слишком поздно и не успеют выбраться из родимых мест раньше, чем зоны очистки соприкоснутся краями. Там всем им и крышка, глупцам.

— А в нашей зоне?

Умнейший пожал плечами. Его странные голубые глаза ничего не выражали, словно он говорил о чем-то малозначимом.

— Бои почти повсеместно, тяжелые потери в людях и технике. Пустошь расширяется, нам пришлось оставить еще один завод. Новые зауряды — мы их называем заурядами-Б — практически неуязвимы. Все, что мы пока можем сделать, это обстреливать пустошь снарядами, начиненными семенами быстрорастущих растений плюс субстрат, и пороховыми ра-

кетами с распылителями семян и субстрата же. Скоро сезон дождей, и это должно сработать. Радикального эффекта не жду, но хотя бы часть заурядов оттянется на засеянные территории, а нам того и надо. Может, станет чуть полегче. Да, вот еще что. У заурядов-Б четкий график патрулирования, потому-то наши самолеты еще летают, а промышленность работает. Делаю вывод: противник до сих пор не понял, с кем имеет дело. Наше счастье. Но повторяю специально для тебя: на успешную оборону наличными силами нам надеяться нечего. Всерьез на это рассчитывают одни деревенские дураки, которым мы морочим головы. И то лишь до поры до времени.

— На что же ты надеешься?

— На случайность.

Леон зашипел сквозь стиснутые зубы.

— Успокойся, — сказал Умнейший. — Будущее покажет, прав я или нет, но лично я думаю, что эта случайность уже произошла.

Леон надолго задумался — старик говорил загадками.

— Фрон, что ли?

— Несомненно. И еще у нас есть десинтор.

— Как? — Леон вскочил с места.

— А я разве не сказал тебе? — удивился старик. — Забыл, значит. Ты извини — дел много. В общем, один зауряд-Б мы все-таки сбили. Подкараулили и свалили зениткой там, где хотели. Аконтий с двумя подмастерьями попытался вскрыть его до самоликвидации...

— Безумец! — Леон ударил кулаком по столу.

Старик пожевал губами и сказал тихо:

— Умный безумец. Он успел. А самое главное, он успел подготовить себе смену. Видишь ли, десинтор он снял, но облучился и умер. Вчера похоронили.

* * *

Хорошо... Нет, то, что погиб Аконтий, конечно, ужасно, потеря невосполнимая, как-то еще справятся с работой его ученики? — но по крайней мере ремесленник погиб не зря, и вообще подумать о нем можно потом. Хорошо то, что повезло уцелеть, когда уже не надеялся, хорошо, что вернулся — жаль, нельзя колесом пройтись на виду у всех... И обойдемся. Но можно слегка расслабиться, что уже сделано, и позволить се-

бе короткий отдых, прежде чем вновь с головой увязнуть в добровольной каторге. Хотя бы несколько часов побыть обыкновенным человеком, охотником Леоном из мирной деревушки... И выпить Тихой Радости. И вспомнить Филису...

Тирсис! Фаон, Сминфей, Элий, Батт! Куда подевались эти мальчишки?

Придут. Парис, несомненно, уже разослал повсюду весть о счастливом спасении вождя, и мальчишки прибегут первыми. Чудак человек этот Парис — не захотел поговорить по душам, как в былые времена, отвечал невпопад, озадаченно тер лысину, терзал бороденку — едва не выщипал, потом сослался на срочную работу, убежал куда-то... И глаза у него бегали — с чего бы?

Умнейший, если подумать, тоже принял как-то странно. Несомненно, обрадовался возвращению вождя, но как-то двусмысленно обрадовался. Что-то смутило его, и даже не захотел старик скрыть смущение. Или не смог. К концу беседы стал заметно тяготиться, поглядывать на водяные часы. Мог бы и отвлечься на лишний час ради невероятного события. Видно же: дело движется, после первого разгрома оборона налажена не из рук вон плохо, и каждый чем-то занят. Суеты и ненужной беготни при штабе стало куда меньше, хотя штаб разросся и занимает не один дом, а три и называется Ставкой. Деревню едва узнать: где крыши домов не спрятаны под раскидистыми кронами немаленьких деревьев, пересаженных из леса, там натянута маскировочная сеть, огороды же и вовсе исчезли. Не деревня, а клочок леса, и сливается с лесом.

На границе слияния сидел на траве Кирейн, трезвый, но синий. Сказитель творил. Макал писчую палочку в пиалу с чернилами, водил по бумаге, черкал. Явлению Леона он нисколько не удивился.

Леон помахал тыквенной флягой.

— Мне нельзя, — скорбно вздохнул Кирейн, помахав в ответ исчерканным свитком, и почему-то очень быстро спрятал свиток за спину. — Четыре строфы еще... и тогда можно... — Он закусил губу с горечью тонущего, убедившегося, что вместо спасительного пробкового полена в него метнули булыжник. — Не могу я...

— Можно, можно, — сказал Леон, присаживаясь рядом и откупоривая флягу. — Я разрешаю.

Кирейн страдальчески потянул носом воздух. Жилковатые ноздри его чутко затрепетали.

— А приказать ты не можешь?

Леон весело расхохотался:

— Уговорил. Приказываю: пей!

Кадык сказителя дергался вхолостую с невероятной быстротой. Безумный взгляд ни на миг не отрывался от фляги, словно намеревался ее просверлить. Страшно и отдельно друг от друга двигались уши, улавливая плеск Тихой Радости в сосуде.

— Ну же! — поощрил Леон со смехом. — За мое возвращение!

— Только ты скажи потом, что сам мне приказал, — сказал Кирейн, оглядываясь. — Я на тебя буду ссылаться, а ты уж подтверди, не забудь. Знаешь, у Париса какие люди? Учуют — глотка потом не допросишься. Тут в деревне всего один источник, так его караулят. А в лесах на пять переходов нет родников, даже с дурной струей ни одного не осталось. Я уж горький корень в лесу жевал — нет, не забирает. В бензин перегонку лили, так я того бензина глотнул. По шее мне съездили и сказали, что больше не дадут...

— Кто это тебе не даст? — окончательно развеселился Леон. — Я прикажу. Я вождь.

Кирейн как-то странно посмотрел на него и, мгновенно выхватив флягу, запрокинул голову. Жидкость с клокотанием исчезала в его глотке, словно ее лили в бурдюк через большую воронку. Глаза сказителя слегка осоловели. Он с неохотой вернул флягу Леону и перевел дух.

— Вот спасибо, вот уважил... Э, ты все не пей, ты мне еще чуток оставь. Я же не могу так... Не поверишь: сижу с самого утра — и хоть бы одна строка! Говорю им: без патронов стрелять нельзя, а без выпивки писать, значит, можно? Вот хоть ты мне ответь: можно?

— Нельзя, — сказал Леон. Его одолевал смех. — А что пишешь? Сагу?

— Песнь.

Из-за спины Кирейна выпорхнул измятый свиток и тем же путем скрылся обратно.

— Дай-ка посмотреть.

— Кхм, — сказал Кирейн. — Чего?

— Дай посмотреть, говорю.

— Чего посмотреть?

— То, что за спиной прячешь.

Кирейн маялся так, словно был юношей, обреченным отдать свою невинность развратной старухе. Леону пришлось пообещать, что он сам на глазах Кирейна немедленно допьет Тихую Радость, если только...

— Ну вот, давно бы так.

Он прочел неоконченную песнь дважды, первый раз бегло, второй — внимательно. Пожал плечами, хмыкнул.

— Чего вздумал стесняться? Астил давно заслужил, чтобы о нем песнь была. Хм... а кто заказал? Парис?

Кирейн закряхтел.

— Умнейший...

— И правильно сделал, — одобрил Леон. — Он — само собой, а я как вождь еще сагу о нем закажу... большую.

— Какой ты вождь! — Кирейн в сердцах сплюнул. На Леона он почему-то не смотрел.

Леон моргнул:

— То есть?

— Что?

— Повтори, что ты сказал.

— А что я сказал? — заюлил Кирейн. — Ничего я не говорил, ты забудь...

— Нет, сказал! И сейчас повторишь, а то допью, — пригрозил Леон, побулькивая остатками Тихой Радости во фляге. — Или нет, не буду пить, на землю вылью.

Последний аргумент произвел сокрушительное действие.

— Астил теперь вождь и останется им, а ты — никто! — неожиданно тонко завопил Кирейн. — Понял? Одно имя: Великий-де Стрелок. Велено про тебя больше ничего не писать, разве что сверх плана... Дай-ка Тихой Радости.

— Что-о?! Повтори еще раз!

— А то. Астил, говорю, теперь...

— Почему он? — от шепота Леона Кирейн пугливо отодвинулся и заерзал задом по траве.

— Умнейший так решил...

— Кто?!

— Спохватился, — сказал Кирейн, упрямо не глядя в лицо. — Где твои глаза были, когда старик у нас в деревне появился? Я нетрезв был, а и то помню, как он все о Линдоре расспрашивал: что, мол, за человек, да не глуп ли, да решителен

ли, да пойдут ли за ним люди, ну и все такое прочее. На Хранительниц-то он с самого начала не надеялся... Линдора он хотел взять, не тебя! Линдор Умнейшего не послушал и погиб. А ты старику уже потом подвернулся...

Ударило в темя — словно хотел распрямиться и нашел макушкой низкий потолок. Вот, значит, как... А ведь верно, понял вдруг Леон, все так и было, Кирейн не солгал, и нельзя винить в предательстве Умнейшего, всегда думавшего о людях и никогда — о человеке. Таков уж он был и есть.

Как будто второй раз Леон падал на лес в «летающем крыле» — и вот он снова сидит на земле, разбитый и ничтожный, и снова, как тогда, терпит боль... Но ту боль можно было вытерпеть.

Кирейн, завладевший флягой, жадно досасывал остатки Тихой Радости, скворчал и булькал.

— А этот Астил — какой он? — спросил Леон, глотая комок.

— Астил-то? — Кирейн наморщил лоб, с трудом оторвавшись от фляги. — Как тебе сказать... Крупный такой, кряжистый. И не скажешь, что южанин. Решительный очень, скажет — отрубит. С Умнейшим советуется, уважает его... Рифму на «Астил» не подскажешь? Тут у меня, кроме «очень мил» и «убил», ничего не выдумывается, так ведь не убил он покамест Железного Зверя, только собирается. И насчет «мил» — это еще как сказать, не девка все-таки...

— Вчерась решительный Астил Леона враз освободил, — злобно выцедил Леон.

— Погоди, погоди, — встрепенулся Кирейн, промахиваясь писчей палочкой мимо чернильницы. — Дай запишу.

* * *

Чуть только адъютант, посланный с пустяковым поручением, не слишком поспешно вышел за дверь, Леон вернулся к прерванному занятию. Из-под завалов на столе он добыл хитро сложенный лист пчелиной бумаги, критически осмотрел его, вздохнул и решил начать сначала.

Он развернул лист и тщательно разгладил места сгибов. Затем начал складывать лист заново, прикидывая в уме расстояния и углы. Дело двигалось. Через несколько минут обозначились бумажные лапы, затем куций хвост. Труднее было с

головой. За несколько последних дней Леону уже удалось сложить из бумаги рыбу, птицу-свинью, свеклобаб и дракона. Никак не удавался лишь совиный страус.

Убивать время можно по-разному — результат один. Убивая время, ты понемногу убиваешь самого себя.

Леон уронил недоделанную игрушку на пол и стал смотреть в окно. Там не происходило ничего интересного.

Он выжил. Он вернулся. Изменило ли это хоть что-нибудь?

Первые дни по возвращении прошли иначе: сначала поездки по ближайшим окрестностям, потом по не самым ближайшим. Крики. Цветы. Стихийные митинги. Огромные толпы плачущих от радости людей, и у самого — комок в горле от волнения и трудно говорить...

Было. Кончилось. Надоело. И вот теперь он сидит в занятой им комнатке в крайнем штабном доме и делает вид, что всецело поглощен работой.

Вошел второй адъютант, доложил. Что? Снова посетители? Просители? Еще того хуже. Некогда. В шею. Ходатаи из разных мест со слезными просьбами направить мобилизованных на защиту их родимых ничтожных деревень вместо заводов? Туда же ходатаев. Жалобщики: Полидевк опять превысил полномочия. Этих стоит выслушать с сочувственным вниманием и что-нибудь пообещать. Старик Исмен, знаменитейший на Просторе жизнезнатец, описавший сто тысяч видов летающих насекомых, просит принять по важному делу? Отказать без объяснения причин. Пусть жизнезнатец сам разбирается, кому теперь лобызать пятки, умоляя пощадить драгоценный ареал той или иной букашки. Депутация сельских старшин прибыла из какой-то дальней, забытой Нимбом деревеньки поздравить Великого Стрелка с избавлением от плена? Спохватились. Наступи дракону на хвост — он через неделю вякнет. Некогда выслушивать старичье, наследников прежних Хранительниц. Пусть их примет Парис, коли найдет время.

Адъютант ушел. Леон глубоко вдохнул и сделал выдох, похожий на тихий стон. Великий Нимб, как же надоело! Вместо настоящего дела — пустые почести и ничтожная текучка, до которой у более занятых людей не дошли руки... Вождь для митингов и парадов, кукла...

Один день походил на другой, как два слизнивца на одной ветке. По-прежнему ежедневно с оборудованных под аэро-

дромы полян взмывали в воздух самолеты, брали курс на юг и, вывалив там бомбовый груз, опустошив диски и ленты перегретых пулеметов, возвращались назад. Иногда какая-нибудь машина бесследно исчезала над лесом, и в большинстве случаев невозможно было определить, что являлось тому причиной: поломка? встреча с пролетевшим вне графика заурядом-Б? Но в целом воздушный коридор между зонами Леона и Астила держался устойчиво. С полсотни ремесленников-южан обучались у наследников Аконтия секретам оружейного дела. Сам Астил больше времени проводил в зоне Леона, нежели в своей. Ему здесь явно нравилось.

Преемник Аконтия от встречи с Леоном уклонился. Брюхоногий Полидевк уделил беседе ровно столько внимания, чтобы наглость его адъютантов вполне дошла до сознания Леона. И говорил, будто с погорелым родственником, выскочка! Парис же, ядовитый скорпий, отбросив в сторону обычный сарказм и дребезжащие смешки, по-видимому, совершенно серьезно предложил ему подумать о месте своего заместителя.

Ему! Леону! Великому Стрелку!

Умнейший, возражая Парису, сплел витиеватый словесный клубок, из которого никто, кроме Леона, ничего не понял, а Леон понял одно: двоевластие недопустимо, однако смена вождя должна происходить постепенно — не быстрее, чем новая информация усваивается людьми и становится привычной, как воздух или рабочий паек.

Не допустили его и осмотреть взятый в бою десинтор. Знакомый оружейник мучительно тщился объяснить, показывая руками: «Такая чудная штуковина, вроде гузки летяги, только твердая и побольше, сверху вот такая нашлепка, вся в дырьях, а сбоку зажим...» — но человечную просьбу Леона допустить его к осмотру решительно отклонил, сославшись на категорический приказ.

Приказ исходил от Астила и был подтвержден Умнейшим.

Астил оказался в точности таким, как его описал Кирейн, — крупным мужчиной средних лет с властной осанкой и открытым лицом. В нем клокотала бездна энергии, какой-то вулкан, извергающая лаву Голь Покатая. При первой встрече он обнял Леона так, что затрещали ребра, гулко стукнул ладонью по спине, смеялся, шутил, был весел и разговорчив, не возражал против присутствия Леона на штабных совещаниях, даже настаивал на этом, немедленно отменил в отношении

его свой приказ о десинторе, легко, словно играючи, отдавал дельные распоряжения — но если что-то шло не так, как ему хотелось, Астил мгновенно преображался. В такие минуты он становился очень немногословным, но каждое слово било, как молот, выдержать его взгляд не удавалось никому, и адъютанты вылетали от него, как ошпаренные.

Рядом с ним Леон чувствовал себя маленьким и жалким.

Он убивал время, мотаясь по производственным площадкам, и сам прекрасно понимал, что понапрасну убивает время. Мастера и без его указаний прекрасно знали, что им делать; мало того — среди них попадались дерзкие, осмеливающиеся просить его не мешать! Скрепя сердце приходилось признать: Астил — прирожденный организатор. Производство оружия не сократилось, а выросло, несмотря на каждодневные нападения заурядов, и в этом — его заслуга. За то время, что Леон маялся в плену у зверопоклонников, здесь перешли на изготовление спаренных зениток, выплевывающих разрывные снаряды едва ли не быстрее пулемета! Иные из них, поставленные на гусеницы, выглядели настоящими железными зверями и умели ползать быстрее «Разъяренного Дракона», причем с меньшим дребезгом, и вонь выхлопа не донимала экипаж.

Пусть приказы все еще отдаются от имени Леона — скоро это пройдет, как проходит все на свете. Нет промахов, которые можно было бы поставить Астилу в вину. То, что та или иная рабочая площадка время от времени подвергается разгрому с воздуха — нормально, на то и война. Руины восстанавливают, убитых хоронят, раненых лечат. И даже если специально задаться благой целью придраться к чему-нибудь, все равно ничего не выйдет: Умнейший отобьет нового любимца от любых нападок.

Леон испытал это в первые же дни, когда узнал, что пещерный лабиринт в горах — тот самый, где Умнейший искал когда-то неживое Зло и где погиб Хранитель Столицы, — осушен, соединен пробитыми в скале туннелями с двумя другими пещерами, избавлен от старого неработающего железа, снабжен какими-то неудобопонятными воздушными фильтрами и оборудован под размещение завода. Мало того: пещеру продолжали расширять, намереваясь устроить в ней лагерь для рабочих на пять тысяч человек!

— Драконий хвост! Кто приказал?

— Считай, что это наш общий приказ, — сонно отреагиро-

вал Умнейший, только что прикорнувший за столом и разбуженный Леоном. — Астила, мой и твой. И не шуми на весь штаб, не на площади.

— Я не отдавал такого приказа!

— Прости, у меня не было времени тебя уговаривать. Хорошенько подумай и согласись с нами. Помнишь, я говорил, что мы еще вернемся в ту пещеру? Уже тогда было ясно, что нас рано или поздно загонят под землю... Ах, тебе не было ясно? Сочувствую... Даже если нам удастся уничтожить один-два автоном-очистителя, принципиально это ничего не изменит. Просто борьба вступит в новую фазу. Не на пять тысяч человек надо строить убежище, а на пятьдесят, и мы, если успеем, построим.

— Они там с голоду передохнут! — нашел возражение Леон.

— Умрут, с твоего позволения. А ты бы хотел, чтобы они умерли сытыми и на поверхности? Не беспокойся, у нас есть кое-какие запасы, потом забьем тягловых драконов, да и в самой пещере можно грибы разводить. Затопить несколько залов — еще и рыба будет. Досыта не поедят, зато живы останутся. Надо же кому-то на первых порах остаться в живых. Между прочим, ты не хочешь возглавить работы? Инженеры там есть, а вот общее руководство... — Умнейший развел руками. — Приказывать тебе я не могу, а вот если бы ты добровольно... Нет? Жаль.

— Руководство!.. Там солдаты копают! — кипятился Леон, уже понимая, что проигрывает. — Вместо того чтобы сбивать зауряды — копают!

Было видно, что Умнейший быстро теряет интерес к продолжению разговора.

— Ты только вчера говорил, что людей нам некуда девать. Что-то я не возьму в толк: чего ты хочешь? Разумного управления? А что такое разумное управление на войне? Какие критерии подвести? С солдат должно литься побольше пота и поменьше крови, вот и все. Поражение же противника — дело относительное и становится все более относительным с течением времени. Пока что Астил справляется лучше тебя. Роскошный самородок! Ты намерен ему мешать? Погоди-ка, — Умнейший прищурился, — я, кажется, знаю, чего ты хочешь: справедливости. Нет?

— Да! — сквозь зубы выцедил Леон. — Справедливости.

— Справедливость плохо совмещается с разумным управлением, за которое ты так ратуешь. Пора бы знать очевидное.

Чего тебе надо — дела по душе? Найдем тебе дело. Пока отдыхай, присматривайся, наслаждайся семейным счастьем и почетом. Заслуженным почетом, между прочим. Кирейн сочинил оду на твое спасение — не слышал еще? А ты пойди послушай. Вполне приличная ода получилась, не скажешь даже, что Кирейново творчество...

Леон ушел от Умнейшего в бешенстве.

Семейное счастье оказалось утешением лишь на несколько дней. Реквизировав дом поблизости от штаба, Леон послал Тирсиса за Филисой и стал жить с ней как с женой. Свадьбы не было.

* * *

Штабное совещание открыл Астил; Умнейший на этот раз сидел в уголке и не вмешивался. Преемник несчастного Акон-тия — никто не удосужился назвать Леону его имя, — пожилой ремесленник, степенно молчал. Парис глубокомысленно копался в бороде. Багровый Полидевк прятал под столом обломанную резную кость.

Двоих-троих Леон не знал. Насторожило присутствие начальствующего над западным сектором обороны. Тот явно нервничал, поминутно утирая пот со лба. Тише воды ниже травы сидел похмельный Кирейн, маясь и заведомо не понимая, какого дела ради он приглашен. Леон тоже этого не понимал.

Пока обсуждали чепуху, от не доведенного до ума агрегата для волочения дефицитной проволоки до продовольственных пайков, Леон слушал вполуха. Все-таки Астил еще младенец. Слава Нимбу, давно канули в прошлое времена, когда вождю приходилось лично вникать в работу каждого винторезного станка и самому подгонять разгильдяев... Но он научится, дело нехитрое. Он быстро научится.

Несколько больший интерес вызвало сообщение из восточной зоны, где вчера подвергся нападению инструментальный заводишко, и не с воздуха — с земли! Непонятно откуда взявшиеся лесные драконы перли стадом, сломав все, что могли сломать; спасающихся бегством людей преследовали невиданно агрессивные совиные страусы и перекалечили многих; разливом реки текли по земле целеустремленные слизнивцы... Дикие птицы-свиньи — и те пикировали на людей, не нанося серьезных ран, но усугубляя панику.

Взбесившееся зверье преследовало разбегающихся рабо-

чих и за пределами заводской поляны. Начальник того административного сектора приписал себе в успех простую случайность: недалеко от завода по дороге как раз тащилась на восток зенитная часть. По счастью, зенитчики не растерялись и открыли огонь прямо с колес. Ни один дракон не попытался скрыться в лесу, да и не успел бы. Мелких тварей перебили пулеметным огнем. Оперативно организованной облаве удалось поймать троих зверопоклонников — не шептунов, конечно, те ушли... Начальствующий над зоной просил решить судьбу пойманных.

Перестраховщик, лениво подумал Леон. Как будто и так не ясно.

В дискуссию рвался лишь один Полидевк, кричавший, что одной лишь публичной казни для зверопоклонников мало, а что Брюхоног хотел присовокупить в добавку, осталось невыясненным, поскольку Астил прервал его, предложив заняться этим вопросом самому Брюхоногу, и тут же перешел к главному.

Задвигались, усаживаясь поудобнее. Леону отдавили ступню ножкой скамьи, и он некоторое время неслышно шипел от боли, пропустив начало. Драконий хвост! Доколе терпеть? Вскочить, наорать, заставить уважать себя?..

Не станут слушать. Никто бы не заметил, если бы он вообще не появился на штабном совещании. Совещаться будут не с ним, его просто поставят в известность. Кончилось время Великого Стрелка — а что осталось? Он сам — ходячий памятник самому себе — да саги Кирейна. Кому они нужны. Что предстоит ему, Леону? Принять тот или иной пост, предложенный Умнейшим в признание прошлых заслуг, встать вровень с Парисом и ниже Полидевка? Да. Отвечать за свой узкий участок, не смея сунуть нос в высокие сферы общего управления и стратегических разработок, и потерять этот пост, как только Умнейший найдет более достойного, с его точки зрения, кандидата? Тоже да. И задыхаться. И ночами исступленно терзать послушное горячее тело юной жены, слушать и не слышать того, что шепчет она на ухо между вскриками... И пить Тихую Радость, с каждым днем все больше. Или перегонку из Тихой Радости, адское зелье, от которого по утрам раскалывается голова...

Он стал слушать и вскоре перестал верить ушам. Да, этот Астил замахнулся на многое. Шутка ли — уничтожить Железного Зверя! И Умнейший отчего-то не противится... А вот го-

лос у нового вождя почему-то не торжественный. Обычный голос. Словно не творит историю, а отчитывает преемника Аконтия за недоделанный волочильный агрегат с драконьим приводом.

Я глуп, подумал Леон. Я тупею без дела. Ясно же и младенцу: план согласован с Умнейшим и одобрен им. Потому-то старик и сидит скромником в уголочке — дает новому вождю лишнюю возможность показать себя великим стратегом... Ну-ну.

— ...Предполагается, что уничтожение автоном-очистителя закономерно обратит на нас внимание экспедиции очистки, — говорил Астил, обращаясь почему-то к Кирейну. — Далее возможны два варианта: либо земляне, поняв, что имеют дело с организованной обороной, уберутся восвояси, и это было бы лучше всего, либо очистка превратится в войну со всеми вытекающими последствиями. Будем исходить из худшего. Фрон! Какие типы оружия могут применить против нас земляне?

Фрон, отмытый и в новеньком сари, почесался по застарелой привычке и раскрыл рот.

— Это даже мне известно, — вмешался Умнейший. — Скажем, микроколлапсары с массой порядка десяти килотонн. Оружие дорогое, но эффективное, в конце Всеобщей Войны многие его применяли. При промахе обдирает атмосферу, при стрельбе с упреждением раскалывает планету, как орех, а если не успевает шарахнуть, то просто всасывает ее в себя. Есть и другие средства, более аккуратные, не связанные с разрушением планеты, но тоже довольно эффективные... Верно, Фрон?

Фрон, соглашаясь, осклабился:

— Лично я предпочел бы первый вариант...

— Наплевать, что ты предпочитаешь, — прервал Астил, заставив Леона с удовлетворением отметить, что Фрон раздражает не только его. — Как я понимаю, выбор прост: либо, расправившись с одним из автоном-очистителей, мы рискуем войной с самой могущественной планетой Галактики, либо мы продолжаем делать то, что делали прежде, и тогда автоном-очистители расправятся с нами без всякой межпланетной войны, но уже наверняка. Кто как, а я выбираю первое. Все уяснили?

— Есть еще третий вариант, — сказал Леон.

Кровь прилила к его лицу. Но голос был спокоен — он даже удивился, насколько ровно прозвучала реплика. Ледяная

злоба ворочалась в нем живым клубком, не находя выхода. Стало тихо.

— Какой?

— Сбивать зауряды быстрее, чем они производятся. Что, если нам не удастся уничтожить автоном-очиститель? Кое-кто уже пробовал, спроси у их пепла. Даже я не знаю, как это сделать.

Астил снисходительно улыбнулся:

— Зато я знаю. Фрон, доложи.

— Опять, что ли? — Фрон забегал глазами по присутствующим, неизвестно отчего потупился, вздохнул и забормотал скороговоркой: — Который раз уже... Ладно... Слушаюсь. Любой автоном-очиститель имеет критическую массу, очень небольшую, выше пределов которой он и является автоном-очистителем, а не просто тупым куском активной массы. Ни сжечь, ни расплавить автоном-очиститель практически невозможно. Раздробленный на куски — например, взрывом, — он сохранит свои функции и восстановит себя спустя несколько секунд. Теоретически активная масса имеет неограниченные способности к структурному самовосстановлению. Практически эти способности проявляются вплоть до полного дробления на атомы. В принципе можно достичь необходимой степени измельчения, растворив активную массу в смеси крепких кислот, но и тогда...

— Что тогда, чучело? — раздраженно перебил Леон.

— Спокойно, спокойно, — предупредил вспышку Умнейший. — Леон, может быть, ты выслушаешь?

Фрон опять побегал глазами.

— Тогда спустя какое-то время он, вероятно, соберется вновь, но забудет, кто он есть, и до новой активации станет совершенно безопасен. Правда, команда на активацию последует с «Основы Основ» незамедлительно. Поэтому будет гораздо лучше растворить его по частям и слить куда-нибудь подальше, желательно в разные океаны...

— Если только он позволит кому бы то ни было поливать себя кислотой! — фыркнул Леон. Безответственная болтовня его раздражала. Ничего у Астила не получится.

— Очень может быть, что и позволит...

— Заткнись, чесоточный!

— А ну-ка хватит, вы!

— Нет, в самом деле. А как мы доставим кислоту?

— Кирейн, предложи ты что-нибудь!..

Леон замолчал, не дожидаясь, пока ему укажут его место. Он начал терять лицо и вовремя понял это. Пусть спорят. Безумный план, но единственный. Выгорит — чудесно! Провалится с шумом и треском — виновники провала налицо. Он чист. Он возражал. Более он не скажет ни слова.

— Выгнать на пустошь лесную живность, — вслух размыслил Парис, двигая челюстью так, словно жевал что-то неподатливое. — Отвлекающий маневр, так сказать. Это мы еще можем. Правда, живности в лесах теперь мало...

— Не нужно, — резанул Астил. — У нас есть кое-что получше живности. Или похуже, — он усмехнулся. — Тут все зависит от точки зрения. У Фрона в черепе вживлен Пароль. Что бы это ни было, вчерашний опыт показал: хороший шептун на пределе усилий может ретранслировать его сигнал в течение нескольких минут. Группа успеет проскочить. Правда, это полдела. Нам понадобятся минимум десять шептунов, способных выдержать работу в этом режиме четыре-пять часов. Отборных шептунов, Парис, шептунов экстра-класса! Знаю, что ты их экономишь, но на это дело ты мне их найди.

— Найду. — Парис степенно кивнул.

— Это глупость! — не выдержал Леон. — Безумие! Учитель!..

Никто на него не смотрел.

— Очень хорошо, — похвалил Астил. — На подготовку технической стороны операции нужно еще пять дней, так? — Ремесленник покивал в ответ. — Часть техники можно начать выдвигать уже сегодня, особенно на подступы к зоне «Мишень»... Теперь о людях. Нам нужны три группы: основная, отвлекающая и группа поддержки и прикрытия. Полидевк! Хочу знать твое мнение: какие солдаты у нас наиболее стойкие?

— Горцы. — Брюхоног поправил пузо, лежащее на коленях. — Яйцееды. Темные люди, но упорные, я к себе во внутреннюю гвардию стараюсь таких и набирать...

— Отлично. Набери мне из горцев тысячу-другую добровольцев на опасное дело. За пять дней управишься?

Висящие брыли Полидевка приподнялись от самодовольства:

— Я и за день управлюсь.

Похоже, он был в курсе заранее, да и Парис тоже. Так вот зачем понадобился Кирейн, понял Леон. Весь этот спектакль был устроен главным образом для сказителя — чтобы тот адекватно описал высокую мудрость вождя в следующей из бесчисленных саг. Не исключено, что возможные возражения

ретрограда Леона заранее учитывались и даже планировались, чтобы выгодно оттенить вышеозначенную высокую мудрость. Глупо попался. Опасно... Наверняка идея принадлежала Умнейшему, и здравомыслящий Астил не стал возражать...

Умнейший сладко улыбался с закрытыми глазами. Как видно, уже торжествовал победу. Нет, еще не над автономочистителем... Ох, как я понимаю тебя, Учитель мой Умнейший, подумал Леон. Мой и Астила. Твоя победа не в том, что ты дождался-таки вожделенной тобой случайности — как назло, благоприятной для Астила. Твоя победа в другом. В том, что зависящие от твоего ума люди перестали бояться. В том, что уничтожение Железного Зверя из области невозможных снов переброшено в область трезвых расчетов — и ничего страшного, если первая попытка выйдет пшиком... Может быть, до этой минуты ты и мечтал дожить все время своих скитаний по Простору? Дожил — и счастлив...

Леон встал и, перешагивая через чьи-то ноги, ни на кого не глядя, вышел вон.

ГЛАВА 9

> ...Наконец, самая фигура Умнейшего — не что иное, как миф, выдумка, изобретенная современниками Леона Основателя специально для того, чтобы принизить его роль в осуществлении Великого Пересмотра, смехотворная инсинуация врагов величайшего человека, не имевших за душой ничего, кроме черной зависти, жалкий писк ничтожеств, осознавших свою ничтожность. Излишне опровергать их аргументы — они настолько слабы, что не заслуживают даже поверхностной критики.
>
> *(История Великого Пересмотра, издание 18-е, дополненное, т. IV, стр. 613; 1-я Государственная машинная типография)*

Операция началась рано утром.

Еще на закате Астил вылетел на один из западных аэродромов, потратив последний день на окончательное увязывание множества мелочей и выдержав трудный спор с Умнейшим. Тот возражал. Но так же, как когда-то Леон в «Разъя-

ренном Драконе», Астил и думать не желал о том, что кто-то другой может возглавить атаку на Железного Зверя — его атаку!

Вслед за «летающим крылом» вождя в воздух поднялись еще несколько самолетов, ведомых лучшими пилотами из южан. Время и маршрут выбрали таким образом, чтобы свести к минимуму риск встречи с заурядами-Б. Но неопределенность оставалась, к тому же посадка «летающих крыльев» на западные аэродромы, внешне неотличимые от обычных полян, должна была произойти уже в полной темноте. Тревожное ожидание разрядилось, когда по цепочке шептунов было передано: перелет прошел благополучно.

Леон остался при штабе. Он мог бы полететь, и Астил приглашал его принять участие в операции, вероятно, без всякой задней мысли, — но это было выше его сил. Участвовать в охоте рядовым загонщиком? Нет уж. Пусть Астил справляется сам, как хочет. Нет и нет.

Донесения по цепочке поступали ежеминутно, и лично Парис переводил их на человеческий язык. Умнейший нервно ходил из угла в угол, принимался петушино кричать, когда новости запаздывали. Свою знаменитую шляпу он давно швырнул через всю комнату, она спланировала под заваленный картами стол, там и осталась. Леона старик не замечал вовсе.

С самого начала пошли сбои. Два «летающих крыла» старой постройки не смогли развести пары из-за неисправности котлов. Потом неожиданно пропала связь на линии Астил — зона «Мишень»; оказалось, что одного из шептунов на эстафете сразил вульгарный сердечный приступ, так что пришлось срочно задействовать резервный искровой передатчик и переключаться на связь через штаб. Планшетист сломал голову, пытаясь сложить в сколько-нибудь разумную картину противоречащие друг другу сведения о текущем местоположении заурядов-Б. Наконец, из пограничья пришло паническое донесение о мятеже в одной из отвлекающих рот — солдаты разоружили офицеров и отказались воевать на пустоши.

Умнейший не реагировал, лишь кривил изредка губы. То ли он считал подобное допустимым и естественным, то ли не верил в то, что можно еще успеть что-либо исправить. Иногда, выслушав очередное донесение, он произносил: «Так», — и только. Иногда просто кивал в знак того, что слышал и понял. Он казался посторонним лицом — удачливым зрителем,

занявшим лучшее место, и ход операции был у него как на ладони.

Первыми заговорили пушки, скрытно размещенные вдоль пограничья. Их было немного — всего четыре-пять десятков некрупных орудий на линии длиной в несколько переходов. Стреляли даже зенитки. Стреляло все, что могло забросить снаряд как можно дальше на пустошь. Эксперт Фрон предложил не возиться с семенами быстрорастущих растений — все равно места их рассеяния будут скоро и добротно обработаны десинторами заурядов. Каждый снаряд-контейнер заключал в себе начинку из обыкновенных фекалий, драконьих и человеческих, — почти идеальный и уже засеянный субстрат для развития бактериальной жизни, смертельный яд для пустоши... Одни снаряды лопались на стерильном грунте, разбрызгивая нестерильное содержимое; другие, улучшенной конструкции, теряли в полете днище, оставляя за собой длинный шлейф разносимой ветром взвеси.

Торопились. Часто меняли прицел, стараясь разбросать «субстрат» по возможно большей площади. Вслед за снарядами в воздух с нестерпимым свистом рванулась первая стая пороховых ракет с той же начинкой. Более тысячи таких же ракет, спрятанных под пологом леса, остались ждать своей очереди.

Ответ Железного Зверя не заставил себя ждать. Неустановленное количество ромбических заурядов-Б нанесло быстрый удар, в несколько секунд уполовинив число приграничных орудий. Уцелевшие пушки прекратили огонь. Перестали взлетать ракеты. О том, что делалось дальше к западу, донесений, естественно, не поступало, но можно было не сомневаться: дисковидные зауряды-А рыщут над пустошью, стерилизуя последствия первой бомбардировки.

Ни один человек в штабе не мог быть уверен в том, что все патрулирующие небо убийцы-ромбы участвовали в атаке на пограничье, из чего исходил Астил в своих планах. Но никто не имел аргументов, чтобы утверждать обратное. Парис тряс кулаками перед носом замордованного планшетиста. Приказ Астила, переданный дежурным шептуном в дословной точности, на краткое время заставил Умнейшего перестать слоняться из угла в угол:

— Астил — штабу. Транслируйте всем. Зоне «Мишень» начать работу немедленно. Через десять минут возобновить дерь-

мообстрел и не прекращать его до последней ракеты; через тридцать минут — добровольцам выдвинуться на пустошь. Пора. Мы начинаем.

Леон покачал головой. План операции был прост — насколько может быть прост план, рассчитанный на противодействие не людей, а равнодушных мыслящих механизмов, и то лишь на первый случай. Но именно простота плана давала некоторую надежду на его осуществимость. У Астила могло получиться.

Оставалось молиться Великому Нимбу: вмешайся, не допусти, не оставь из всех средств лишь последнее!..

Нимб молчал.

Леон закрыл глаза. Он очень хорошо понимал, будто видел своими глазами то, что происходило в эту минуту в десяти переходах от штаба: на трех западных аэродромах двадцать два «летающих крыла», сосредоточенных там накануне операции, начали выруливание на взлетные полосы.

Зона «Мишень» была обширным малолесистым пространством, примыкающим к поясу гор со стороны Междулесья. Пустошь стеснила его с юго-запада, оставив клочок лесостепи на час пешего хода. Местность, которая когда-то так не понравилась Леону, с Междулесьем на западном ее рубеже и жалкими руинами давно сожженной заурядами меняльной деревни на восточном, играла особую роль в планах Астила. И как раз в нее упиралась краем цепочка только что прекративших огонь орудий, растянутая вдоль приграничья.

Началось скромно: в небе над зоной «Мишень» появился одинокий летательный аппарат. Он совершал странные эволюции, то ныряя к самой земле, то натужно карабкаясь в высоту, и несколько раз бессистемно пересек зону, густым дымом и характерным пыхтением извещая о своей принадлежности к устаревшим «летающим крыльям», движимым почтенным паровым движком. Малое время спустя с ним сблизился отклонившийся от маршрута черный ромб — большего внимания крылатый анахронизм не заслуживал, — после чего «летающее крыло» сделало наивную попытку уклониться от атаки и прекратило свое существование. И сразу же вслед за этим зауряд-Б заметался над зоной «Мишень», сбитый с толку небывалым множеством наземных целей.

Метался он недолго — десинтор, неведомо как оказавший-

ся на поверхности этой планеты и неведомо кем наведенный, зацепил его лучом и разрушил раньше, чем зауряд успел получить команду на самоликвидацию.

Девятый наблюдал глазами зауряд-очистителей. Из леса выползали странные механизмы или животные — идентифицировать их с высоты было трудно. Чем-то они походили на защитные чехлики личинок некоторых насекомых и, несомненно, скрывали в себе животных, чей инстинкт приказывал им сопротивляться до последнего. На них следовало обратить внимание. Теперь уже несколько черных ромбов вились над зоной, часто роняя огненные клубки, и часть машин уже горела, плавилась, рассыпалась в прах...

Вслед за машинами в зоне как-то вдруг появились люди. Много людей.

Если бы Девятый умел удивляться, он, несомненно, удивился бы крайне. Настырная местная фауна, на искоренение которой в предочистной зоне было затрачено больше энергии, чем на выжигание микроорганизмов в зоне очистки, хитрая двуногая фауна теперь сама шла под уничтожающий удар! Оставалось лишь его нанести.

Девятый не стал вмешиваться. Как ни глупы зауряды, они прекрасно знают, что делать.

Крошечные, как муравьи под опускающейся на них подошвой ботинка, бегали, суетились двуногие существа. Снизу загромыхало, застучало часто-часто, и воздух в одно мгновение наполнился шелестом рассекающего его металла, мчащегося быстрее, чем самый быстрый зауряд. Фауна пробовала огрызаться. При прямом попадании снаряда один из черных ромбов перекувырнулся в воздухе, но мгновенно выправился и превратил самоходную зенитку в брызжущий окалиной огненный фонтан. И тотчас же ударивший с земли луч десинтора заставил другой черный ромб рассыпаться облачком праха.

Позднее, когда Леон пытался сложить из показаний немногих уцелевших очевидцев картину этого боя, у него ничего не получилось. Отвлекающий бой и бойня — часто синонимы. Уцелели лишь те, кто с первых минут повернул обратно к лесу и сумел избежать пуль заградительных групп. Потери противника ограничились двумя зауряда-ми-Б из по меньшей мере полутора десятков. Десинтор, в чьих бы руках он ни находился, когда его накрыло, больше не стрелял, потому что не может стрелять то, чего нет.

Трещали бесполезные пулеметы. Захлебывались зенитки, неистово глотая снаряженные кассеты, и с каждой минутой их закладывающий уши грохот рвал воздух все реже. Несколько уцелевших гусеничных машин — без экипажа, с заклиненными намертво педалями газа — продолжали слепо ползти в степь. Никто не видел, когда сгорела последняя из них.

По-видимому, люди продержались дольше. Все они были смертниками и знали это. Но человек слишком малая мишень, и мишеней было много. Мощные десинторы черных ромбов били избирательно, не умея выжигать разом целую полосу, а количественный перевес подставивших себя двуногих был огромен.

Что можно сказать о человеке до его последнего смертного боя? Некоторые продолжали стрелять до конца. Другие ложились ничком или искали спасения в бегстве к бесконечно далекому лесу. Для хода операции все это уже не имело никакого значения. В поставленную смертникам задачу входило одно: привлечь внимание противника к себе и удерживать его над собой как можно дольше.

Мера успеха и его цена определяются конечным результатом. Астил не ошибся в расчетах, пожертвовав единственным десинтором и оставив основную группу без единственно действенного оружия: спустя час после начала операции все без исключения зауряды-Б еще продолжали висеть над зоной «Мишень», расстреливая последних не уничтоженных. Железный Зверь проглотил первую приманку.

Не успел он расправиться с ней, как ему была предложена вторая: несколько отрядов добровольцев покинули укрытия в пограничье и вышли на пустошь.

Но еще раньше вновь заговорили орудия, уцелевшие от первого налета, и со дна зеленого моря леса взлетела новая стая ракет. Дымные следы перечертили небо. Злобно рявкнул и просел на треснувшем лафете реактивный бомбомет — опытный образец, доставленный в пограничье для полевых испытаний. Второй обстрел пустоши «субстратом» оказался много продолжительнее первого. Под смыкающимися наверху лесными кронами бегали в едком дыму закопченные солдаты, устремлялись, спотыкаясь о корни, к следующей стартовой установке с задранными в небо направляющими, раздували фитили, поджигали... Вопили обожженные, не успевшие увернуться. Ни о какой прицельной стрельбе не могло быть и ре-

чи, да ее и не требовалось. Густо дымя зарядом черного пороха, ракета взмывала над лесом, оставляя за собой вихрь сорванных листьев, с тупой настойчивостью шла над пустошью и, если ее не уничтожали на подлете, лопалась в воздухе, разбрызгивая мерзкую взвесь. Зауряд-очистители метались над черной коркой земли, как птицы над лесным пожаром. Найти — выжечь, найти — выжечь... Так продолжалось час и два.

Двенадцать «летающих крыльев» основной группы и десять — группы прикрытия шли плотным строем. Воздушная эскадра ползла на запад тяжело и медленно. Возьми самолеты еще немного топлива и груза — не взлететь бы им, а поломать крылья о деревья на краю аэродромов-полян. Нельзя было и увеличить число самолетов, хотя у Астила еще оставалось кое-что в запасе. Успех операции определялся не самолетами, а испытанными шептунами экстра-класса, добытыми Парисом за счет разрыва эстафетных линий связи с Востоком и Севером. Число самолетов основной группы просто равнялось числу добытых Парисом шептунов. Кое-кто в штабе предложил отложить операцию до более благоприятного времени. Астил не стал слушать — благоприятных времен не будет!

Он сам пилотировал свою машину. Одиннадцать «летающих крыльев» основной группы несли в открытых кабинах по два человека плюс груз. Шептунов, поместившихся позади пилотов, «обкатывали» специально несколько дней, приучая бороться с тошнотой от болтанки и бензиновой вони. По два человека размещалось и в самолетах группы поддержки и прикрытия, с той разницей, что место шептуна занимал воздушный стрелок, вооруженный «льюисом». Одно только «летающее крыло» Астила несло троих, и в затылок Астилу, притиснутый шептуном к спинке сиденья пилота, дышал Фрон.

Собравшись в воздухе над условленной точкой, эскадра легла на курс и находилась в воздухе уже час. Астил рассчитывал достичь пустоши за меньшее время, но мешал встречный ветер. Пока отвлекающая операция, проводимая много севернее линии основного удара, оправдывала себя: за время перелета над контролируемой зоной не был замечен ни один зауряд.

Над пограничьем перестроились. Группа прикрытия разделилась на два звена по пять самолетов в каждом. Одно звено

заняло место впереди плотного строя основной группы, второе пристроилось сзади.

Астил еще никогда не летал над пустошью. И никто не летал, во всяком случае, никто не сумел вернуться оттуда. Словно кто-то подкрался к нему незаметно, влез внутрь и жестко стиснул сердце в ту минуту, когда идеально ровная, как отстриженная, граница прошла под крылом и осталась позади. Сразу пробило по́том. Пришлось заставить себя чуть расслабить руку, намертво вцепившуюся в рукоятку управления. Почему-то стала тесной кабина, и казалось, стоит только вдохнуть поглубже, как «летающее крыло» непременно начнет разваливаться с жалобным скрипом. Здесь даже воздух был другим — жаркий и сухой воздух пустыни. Воздух пустоши. Воздух смерти.

Он обернулся и знаком показал Фрону, чтобы тот убрал голову и не застил заднего обзора. Указывать шептуну не требовалось — скорчившись позади Фрона, тот мучился с закрытыми глазами, начав ретранслировать Пароль сразу после пересечения границы, как и было условлено. Астил знал, что тем же самым заняты шептуны на других «летающих крыльях» основной группы. Эффективной ли окажется ретрансляция? Хватит ли кислотной смеси, если хотя бы одно «летающее крыло» основной группы, многократно проверенное лучшими механиками до последнего винтика, не сможет продолжить полет из-за случайно пропущенного дефекта? Выдержат ли шептуны несколько часов нечеловеческого напряжения, необходимых, чтобы добраться до Железного Зверя?

Он не знал ответов. А может быть, шептунам удастся прикрыть не только себя и пилотов, но и самолеты группы поддержки? Возможно и то, что, оттянутые на себя отвлекающими группами на севере, зауряды ничего не предпримут на юге.

Он еще надеялся на это, когда первый сверкающий диск пал на переднее звено со страшной высоты и сразу два «летающих крыла» перестали быть летающими и превратились в горящие и падающие.

Много севернее места прорыва основной группы повторилось то же, что и часом ранее в зоне «Мишень», с той не очень существенной разницей, что дело кончилось быстрее и в выметании чужой фауны из зоны очистки принимали участие преимущественно зауряды-А. Хуже защищенные от дождя ле-

тящих снизу свинцовых комочков, но очищающие разом полосу шириной в двести шагов, они почти справились со своей задачей к моменту появления над пустошью заурядов-Б. У тех был свой участок работы, и лишь когда в зоне «Мишень» не осталось ничего живого, они переместились к западу — туда, где на границе пустоши еще бегали, отстреливаясь, вспыхивая и осыпаясь пеплом, упрямые двуногие существа, не желающие смириться с очисткой, и где через несколько минут последний из них перестанет бегать. И тогда возобновится очистка.

Девятый ощущал себя куколкой, какие бывают у насекомых. Все впереди; еще не закончен первый этап работы. Позднее он перекроит себя для очистки океана — там необходимы совсем другие методы. И наконец наступит день, когда он перестанет существовать как Девятый — сольется с остальными сорока девятью автоном-очистителями, пожирая кору этой планеты, разрастаясь в активную оболочку, перестраивающую себя по воле живущих в ней людей, ибо единственное назначение активной массы — служить людям...

Двуногие животные попытались помешать вторжению в их ареал. Он нашел способы борьбы с ними, и зона очистки вновь расширяется. Всего несколько дней назад в его зону еще падали странные жестянки, несомненно выпущенные из неочищенной области, и приходилось тратить время на выжигание того, что из них вываливалось. Потом они перестали падать, а сегодня в изобилии посыпались снова. Согласованность действий двуногих и их почти безразличное отношение к собственной жизни напомнили ему поведение общественных насекомых и потребовали некоторых усилий. Он, разумеется, справился, хотя не обошлось без потерь заурядов обоих типов. Но потери легко восполнимы. Теперь зауряд-очистители — его руки и глаза — работают планомерно, почти не встречая сопротивления.

Астил не оборачивался, просто склонял подбородок к плечу; тогда Фрон тянулся вперед, подставляя ухо, и Астил кричал, перекрывая оглушительный треск двигателей, работающих на полных оборотах. Потом кричал Фрон, а подставлял ухо Астил.

Меньше минуты потребовалось заурядам, чтобы уничтожить все до единого самолеты прикрытия. Потеряли ли они при этом хоть одного своего — Астил не видел.

— Отстают?

— Кажется, нет.

Но зауряды все же отстали, не стали преследовать, растворились в пыльном окоеме далеко позади. Напряжение спадало. Одни лишь шептуны с закрытыми глазами продолжали свою нечеловеческую работу. Выдержат ли?

Должны выдержать. Иначе все напрасно.

— Гонятся?

— Отстали.

— Давно пора.

Расслабиться? Не стоит и пытаться — не выйдет. Астил облизнул губы. Теперь он знал, что мог бы обойтись без отвлекающей операции. Ретранслируя Пароль, можно проскочить. Сколько человеческих жизней погублено из-за его, Астила, чрезмерной предусмотрительности? Две тысячи? Три? Никому из них уже никогда не узнать, что их гибель была напрасной, как никому не удастся увидеть мертвый оскал пилота «летающего крыла», превращенного в огненный шар и медленно рассыпающегося в воздухе. С живыми сложнее, их придется убеждать, что мертвые мертвы не без пользы. Когда-нибудь он, Астил, убедит в этом и себя.

Группа прикрытия не выполнила поставленной задачи. Теперь он понимал: и не могла выполнить. Приказывая связать зауряды боем в случае их появления, он рассчитывал минимум на пять минут отсрочки.

Отсрочка не понадобилась, а группа прикрытия перестала существовать почти мгновенно. Из двадцати двух самолетов воздушной эскадры осталось двенадцать.

Нет, уже одиннадцать... Шептун оплошал, быть может, потерял сознание от нечеловеческого напряжения, и одно «летающее крыло» основной группы погибло вместе с группой прикрытия. Никто и не заметил, как это произошло.

Остальные шептуны держатся. Даже если сдюжат они — все лишится смысла, если не выдержит груз. Стенки убранных в плоскости бурдюков из специально выделанных драконьих желудков проварены в воске, но тонки.

Забыть. Взять себя в руки и держать курс. Операция развивается успешно, по плану. Главное — это держать курс.

Умнейший устал ходить, нашел скамью, сел. Ноги гудели и ныли. За последние часы он отшагал по комнате не меньше, чем, бывало, приходилось шагать от одной деревни до другой.

Но тогда он был моложе, еще год назад дневной переход почти не утомлял его. Старость подкралась нежданно. Так и должно было случиться — легендарный Агасфер был вечен потому, что не знал привалов.

Умнейший потер череп, ощутив пальцами последние волоски, и несколько секунд пытался вспомнить то, о чем только что подумал. Ах да, шляпа. Где она? Он поискал глазами по комнате. Шляпа валялась под столом — а вот как она там оказалась? Пусть лежит, лень вставать. Лень приказать, чтобы подняли и подали в руки.

— Сведений об основной группе не поступало? — спросил он адъютанта.

— Никак нет. Только донесения из пограничья. Разрешите доложить?

— Нет. После.

— Там очень большие потери, — дерзнул заикнуться адъютант с неуместной настойчивостью.

— Потом, сказано.

Потери... Глупец. Потери предусматривались планом операции. Разумный план делает потери оправданными, ошибочный — нет, только и всего. Штабные разработки проверяются только опытом, нет для них иной проверки...

Сколько прошло времени? Полтора часа? Нет, уже скоро два с момента потери связи с группой Астила. А это значит, что все идет как надо: Пароль благополучно ретранслируется, и шептуны заняты. Будь иначе, кто-нибудь из них успел бы передать последнее «прости» или хотя бы испустить мысленный крик ужаса. Конечно, при условии, что операция провалилась бы в самом начале, вскоре после пересечения группой границы пустоши. Оттуда, где группа находится сейчас, даже исключительно умелый шептун не «дострелит» сообщением до пограничья.

Ждать и молчать. Молчать и ждать. Терпеть медленное время, как пытку. У окна — Леон. Тоже сидит и ждет, постукивая пальцами по подоконнику, а мог бы выйти размяться. Нет, страдает... Терпит.

А ведь он не хочет, чтобы Астил вернулся, вдруг подумал Умнейший. Не должен хотеть. Маленькие, простительные человеческие слабости, мышиная возня на тонущем в половодье островке... Это он думает, что мне его не жаль, а мне жаль всех. Его меньше других — убитых, пропавших безвестно, жи-

вых с выжженными душами, — но все-таки мне жаль и его. Что-то неладное творится со мной, и имя этому — старость. Сентиментальная старость, берущая за горло всякий раз, когда нельзя ничего сделать и остается только одно — ждать.

С восстановлением численности заурядов можно было подождать, однако Девятый предпочел не мешкать. Он воспользовался самым быстрым, хотя и не вполне экономичным приемом, попросту отпочковав недостающие зауряды от своего тела. По сути, это было частичным самоуничтожением, вредной дезактивацией собственной массы. Когда последний зауряд исчез за горизонтом, Девятый был шаром не крупнее того, что некогда упал на это место из космоса, чтобы начать очистку.

Он считал себя вправе так поступить. Очищенная им зона меньше, чем у соседних автоном-очистителей. Тестирование не выявило отклонений в его работе, и, видимо, на «Основе Основ» понимают вставшие перед ним трудности. Нарастить резерв активной массы — дело недолгое.

Он спокойно воспринял появление вблизи него примитивных летательных аппаратов и — чуть позднее — не менее примитивных двуногих существ уже в самой непосредственной близости от себя. Некоторые из них двигались шатаясь, их поддерживали под руки. Другие несли за плечами увесистые тюки. Одно из двуногих существ Девятый узнал — оно тестировало его когда-то. Другое, с синим лицом и закушенной губой, вдруг запнулось на ходу и без видимой причины осело на землю. Сигнал Пароля от него пропал. Не желая допустить ошибку, Девятый выждал несколько секунд и только тогда осторожно, чтобы не задеть остальных, сжег существо.

Некоторые из оставшихся, сохранивших Пароль, что-то кричали. Может быть, они недовольны его работой? Один из них приблизился вплотную и прикрепил к поверхности Девятого какой-то предмет. Потом существа кинулись бежать.

Девятый просветил предмет. Внутри оболочки оказался не тестер и не дезактиватор, как можно было ожидать, а просто химический реагент, формованный для кумулятивного выделения энергии. Зачем? Не следует ли послать запрос на «Основу Основ» — в чем суть изменения плана очистки?

Взрыв разорвал его пополам, и обе половинки отскочили друг от друга, как однополярно заряженные. Это озадачило.

Существа набежали снова, кричали. Особенно старался один — рослый, широкий в корпусе, вероятно вожак, — кричал громче всех на неизвестном Девятому языке и ворочал тяжести больше, чем кто-либо другой.

— Мало! — ревел он. — В гравий его, в пыль! Еще, еще давай! Живо! Отбегай, ложись! Так тебя, гадина, так!..

Два новых взрыва прогремели почти одновременно. За ними — еще и еще.

— Бурдюки! — кричал вожак. — Кислоту!

Теперь Девятый осознал, что местные двуногие животные действительно похожи на людей. Нет, не вполне на людей. Скорее на грубую заготовку, из которой когда-нибудь удастся вылепить властителей, подобных землянам.

И у них был Пароль.

Его рвали на куски существа, стоявшие неизмеримо ниже его по развитию, и он, вздрагивая от ударов, подчинялся, подчинялся, подчинялся... Он протестовал и отказывался верить. Ему ничего не стоило бы одним дуновением смести своих палачей с лица этой планеты, превратить их в пыль, в атомы, в ничто... Но у них был Пароль, и Девятый подчинялся.

Он переставал быть Девятым, но это происходило не так, как он думал. Осколки его тела шипели в бурдюках с кислотой, отправляясь в небытие.

Последними проблесками сознания он еще успел отметить слабый, но вполне различимый сигнал «Основы Основ». Сигнал побуждал к действию. Но никакого действия Девятый уже не мог совершить.

* * *

Импульс такой силы, что начинает ныть в висках. Нбонг ворочается в кресле, и я ворочаюсь вместе с ним и чуть ли не скребусь, просясь наружу. Мыслеприказы Ульв-ди-Улана, Нбонга, Хтиана и мой сливаются воедино:

«Немедленно... немедленно... во что бы то ни стало... ни стало... остановить... остановить... Й-Фрона... рона... любыми средствами уничтожить... изолировать... списать... немедленно... немедленно... немедленно...»

«Поздно, коммодор. Девятый, по-видимому, уничтожен». — «Основа Основ» тут как тут.

«Ваше превосходительство!»

«Так точно. Поздно, ваше превосходительство. Команда

на смену Пароля принята всеми автоном-очистителями, кроме Девятого. Девятый не отзывается».

«Заткнись, дубина. Я слышал. Телепатическая активность планеты?»

«Не нулевая, но крайне незначительная, коммодор. Также отмечены регулярные радиовсплески в широком спектре частот. По-видимому, для координации действий аборигены используют примитивную радиосвязь на морзянке».

«Эти существа настолько убоги?»

«Похоже, что так, коммодор».

«Превосходительство, бестолочь!»

«Так точно, ваше превосходительство. Они убоги, ваше превосходительство».

«Заткнись!»

Коммодор несправедлив к лидер-корвету, и я могу его понять. Потому что принять непростое решение предстоит главе экспедиции очистки, а не лидер-корвету, и потому, что решение должно быть единственно правильным. И еще потому, что я вижу: Ульв-ди-Улан колеблется, неявно давая понять, что благосклонно выслушает любую подсказку со стороны экипажа... Что, ну что мы можем ему подсказать?

Мне сейчас меньше всего следует высовываться: ведь это я высказывал гипотезу о наличии примитивной цивилизации на этой планете — игру ума, оказавшуюся реальностью. Из-за меня коммодор попал в неловкое положение, проигнорировав мнение подчиненного. Нет, я не высунусь...

Молчание в корабле, тишайшее молчание. Впервые за время очистки я не знаю, что делать.

* * *

В пятистах километрах под «Основой Основ» человек по имени Астил проследил, как последний дымящийся бурдюк опорожнили в полупересохшую реку. Мертвая вода легко приняла мертвый груз. Другие бурдюки, хранившие в себе то, что прежде было Железным Зверем, вылиты в иные реки, утоплены в колодцах, рассеяны в воздухе с уцелевших «летающих крыльев», распылены по необозримой территории Простора. Люди одержали верх. Железный Зверь уничтожен неправомерно дорогой ценой, но все-таки он уничтожен.

Придет время и остальных.

Сначала на поверхности воды появилось большое пятно, наподобие масляного. Затем оно расползлось во всю ширину реки, облизав обнажившиеся отмели, странно задрожало, начало рваться на фрагменты и вскоре исчезло. То, что осталось от последней части Девятого, рассеиваясь по пути, уплывало с ленивым течением на запад, в сторону океана. Астил плюнул вслед.

В пяти часах лета по направлению к востоку другой человек, старик по имени Зигмунд, бывший десантник с Сиринги, прозванный Умнейшим, достал из-под стола свою шляпу, сдул с нее пыль и водрузил на голову.

Три дня подряд падал теплый дождь. На четвертый день он изнемог, сдался, рассыпавшись в мелкую водяную пыль, благодатную для лесного подроста, сладких грибов и всякой движущейся живности. Той живности, что еще осталась кое-где в непролазных чащах и плохо дается в руки охотникам. Умнейший говаривал о жителях Простора: везунчики, об ураганах и не слыхивали, а муссоны людям не в бедствие, а в радость...

Течет время, движется. Вот и новый дождливый сезон пришел вовремя, как по часам, пролил на Простор влагу, погасил горящие кое-где леса. Посевы на огородах, еще не заросших травой-колючкой, пошли в рост. Реки вздулись, зачавкала под ногами дорожная глина — пройти можно, а проехать — ни-ни.

Вовремя же Астил провернул свою авантюрную операцию! Промедли он лишний день — не протащить бы технику к пустоши никакими силами, и самолеты остались бы мокнуть без дела на раскисших аэродромах. Счастливчик Астил...

Низкие облака висят над Простором, сеется морось. Время от времени, но уже гораздо реже, чем прежде, из мутной пелены вываливаются бесшумно пикирующие зауряды, роняют огонь на все, что движется, и уходят в облака прежде, чем кто-либо успевает открыть огонь. Их гораздо меньше, чем было, но они есть. Похоже, они принадлежат Железному Зверю на востоке, хотя достоверно ничего не известно. Попробуй отследить их полет в этих облаках.

Пустоши сближаются. Уже скоро они сойдутся на юге, как уже сомкнулись на севере за горным поясом. По мокрым дорогам и без дорог, по сохранившемуся пока коридору движутся живые реки. Астил додумался до очевидного: оборонить

наличными силами два очага сопротивления невозможно. И выбрал северный, решительно пожертвовав южным. Как будто тут найдется чем накормить досыта хотя бы своих!

Леон помотал головой, с неслышным проклятием размял костяшки пальцев. Оказывается, он до судороги стиснул кулаки, сам того не заметив.

Хватит. Наездился по лагерям, по деревням досыта. Достаточно отвлекал людей от дел своим присутствием. Более чем достаточно наслушался славословий в свой адрес. Гул толпы сладок, но дешев. Великий Стрелок? Не титул — пшик, ничтожная красочная побрякушка, как на празднично убранном свеклобабе в канун Четверолуния. Уничтожил лично трех детенышей Железного Зверя? Да. Это было. Этого не отнять. Но даже сопляк Тирсис уничтожил пять, потеряв при этом меньше людей, чем Леон. Самозванец же Астил победил не каких-то там заурядов, а самого Железного Зверя!

Так кто же на самом деле вождь?

Может быть, население еще в сомнении. Но последнему штабному уже ясно, кто. Может быть, щедрый Астил по душевной своей широте и врожденному благородству оставит Леону титул Великого Стрелка до конца жизни. И даже, пожалуй, сделает вид, будто не слышит зубовного скрежета властелина пустоты, живого памятника самому себе.

Да и население, пожалуй, скоро разберется, что к чему...

Леон заскрипел зубами. Не забыть страха, когда он понял, что становится все менее нужен Астилу и скоро не станет нужен совсем... Без гипноизлучателя в известковой пещере человек мерзок и готов на все — например, решить, что без Великого Стрелка отныне можно обойтись. Не забыть вовеки, как Астил после возвращения с операции покровительственно потрепал его по шее. При всех. Ох, каким наслаждением было для него трепать ту шею, благодаря которой он начал здесь не с нуля! Сладко ему было... Сладостно.

Ликование в народе по случаю славной победы? Да. Было и есть. Но и брожение тоже — мальчишки доносят, да и сам замечал. Недовольных хватает. Знаю, каких «добровольцев» набрал Полидевк для отвлекающей операции! Штрафные лагеря, считай, опустели. Брюхоног, тварь однорукая, но полезная, сам того не желая, подыграл отнюдь не Астилу. Кажется, тот еще ничего не понял. Но поймет.

Победа одержана, но войска на западе дезорганизованы.

Не одни штрафники, напоенные перегонкой Тихой Радости, погибали под ударами десинторов — лучшие части понесли серьезнейшие потери. Астил действовал без оглядки, а оглянуться стоило.

Успех, если разобраться, сугубо частный. Пароль, если он был общим для всех автоном-очистителей, сменен. Вчера Фрон с лучшим шептуном попытались повторить тот же эксперимент на востоке — один погиб, другой едва унес ноги. Попáдавшие где попало зауряды уничтоженного Железного Зверя были, разумеется, ликвидированы простой командой с орбиты. За то время, пока они были беспомощны, можно было попытаться выдрать из них десинторы — точнее, можно было бы, если бы это было заранее спланировано как часть операции. Просто-напросто это никому не пришло в голову. И то, что успех не был полным, Астил, конечно, тоже вскоре поймет.

Если только успеет понять.

Если успеет.

Парис не осмелится возразить. Брюхоногий Полидевк быстро и без подсказок сообразит, с какой стороны забора тень, а с какой греет солнышко. Он опасен, но его слишком ненавидят рабочие и солдаты, чтобы ему был смысл рыпаться именно сейчас. Кирейн пусть строчит дальше — Тихая Радость на Просторе еще не перевелась. Дать ему учеников, чтоб подготовил смену, пока окончательно не спился.

Умнейший взвесит, просчитает варианты холодным умом и примирится с действительностью. Ему нужна не власть, а влияние, и влияние у него будет. Умеренное.

Леон побарабанил пальцами по столу. Скорей бы. Чего они там возятся столько времени?

Он стал смотреть в окно. За последние недели он привык к этому занятию. Моросить не переставало. Скользя по глине, пробежал посыльный. Мокрые солдаты заканчивали оплетать проволокой столбы, часто набитые по периметру Ставки. У оставленного прохода скучал под грибком часовой, опустив винтовку к ноге. Прогрохотал полугусеничный вездеход с кем-то из штабных — часовой отдал винтовкой честь. В канаве у дороги отсыпался пьяный Кирейн, поощренный за сданную вчера сагу, и никто его не трогал.

— Кхм...

Леон обернулся. Тирсис был уже здесь, а как проскочил

незамеченным — неизвестно. Вода, покрывавшая его с ног до головы, стекала с защитного набедренника по ногам и собиралась на полу двумя лужами.

— Все кончено? — спросил Леон.

На одну безумную секунду ему внезапно захотелось вернуть все назад. Пусть бы сейчас Тирсис растерялся и потребовал объяснений: что, собственно, кончено? Что вождь имеет в виду?

Тирсис наклонил голову и чихнул.

— Ну?!

— Кончено...

— Как? — спросил Леон.

— Отравленная стрелка в затылок, — Тирсис оскалился. — Почти мгновенная смерть, без мучений. Типичная работа зверопоклонников.

Так, подумал Леон. Хорошо. С чего это я думал, будто ребята не справятся?

— Охрана? — спросил он.

— Устранена. С ним всего двое было.

— А подозреваемые в преступлении?

Тирсис капризно покривил губы, поросшие юношеским пушком.

— Не подозреваемые, а участники нападения, застигнутые с поличным. Поймали двоих, остальные ушли в лес. Кандидатуры отобраны подходящие: темная деревенщина, вдобавок оба южане. Что я, дела своего не знаю, что ли?

— Но-но, — сказал Леон. — Не петушись.

Мгновенный озноб прошел, растекся по коже мурашками. Мурашки растаяли — и нет мурашек. И нет больше Астила, что главное.

Леон почувствовал прилив сил. Захотелось расправить плечи.

— Иди. Спасибо.

...Вопросы организации торжественных похорон Астила, предательски убитого зверопоклонниками, Леон обсуждать отказался, возложив эту миссию на Париса и Полидевка и предложив им продумать детали самим, с тем чтобы представить на утверждение завтра.

Он начал похрипывать — говорил уже более часа. Перешли на схваченных убийц, и Леон потребовал принять меры.

В необходимости принятия мер не усомнился практически никто. Добрый знак.

— Один из них утверждает, что амулет на него надели силой, — нерешительно вякнул Парис.

Полидевк посмотрел на него из-под насупленных бровей:

— Врет.

— Тебе виднее... — Парис развел руками, полез было пятерней в бороду и спохватился. — Вот и я думаю, что врет, мерзавец! Зверопоклонники — они такие! Они — ого!..

Преемник Аконтия — Леону называли его имя, но он забыл — задвигался на лавке, как бы желая взять слово и что-то сказать, но, забегав глазами по щелям в полу, ничего не сказал и успокоился.

— Удавить? — спросил Полидевк. — Прилюдно?

— Я же сказал: принять меры, — отрезал Леон. — Какие — решать тебе. Вообще, нам давно пора иметь военно-полевой суд.

— Значит, обоих в одной петле, — заключил Полидевк, — спиной к спине. Это будет назидательно. И еще раз почистим леса, особенно приграничные.

— Почисти, почисти. Своих людей тебе для этого хватит? Или дать еще?

— Дать еще, — сказал Полидевк. — У меня человек пятьсот всего, разве управишься?

— Дадим, — пообещал Леон.

Он знал, что не даст ни за что. Брюхоног стал слишком опасен, чтобы можно было позволить увеличить и без того немалую силу, что стоит за его жирной спиной. Пора поставить его на место. И лучше всего сменить совсем.

— Прежде всего займись восстановлением порядка в войсках, — сказал Леон. — С этого и начни, а зверопоклонники могут подождать. Парис, твое дело не только связь, но и пропаганда. Забыл? Где не поможет убеждение, будем применять силу. И наоборот. Теперь вот что. Рано или поздно нас все равно загонят под землю, — Леон покосился на Умнейшего, — поэтому будет чудовищным расточительством спасать ненужных людей в ущерб незаменимым. Нам понадобятся дисциплинированные солдаты, ремесленники, здоровые женщины и дети. Южане идут к нам? Очень хорошо, пусть идут. Но пусть не ждут, что их тут примут с распростертыми объятиями. Каждый прищелец должен делом заслужить свое пра-

во на спасение. Есть возражения? Очень хорошо, а теперь поговорим о продовольствии...

Совещание удалось закруглить в полчаса.

Умнейший, не проронивший за это время ни одного слова, не отреагировал на знак Леона, приказывающий остаться. Пришлось скомандовать вслух.

Дверь за остальными закрылась поспешно и плотно.

— Я хотел сказать тебе спасибо, — начал Леон. — Без тебя у меня ничего бы не получилось. Скорее всего мы все были бы уже мертвы, растерты в пыль, ты знаешь это? Ты сделал нас сильными. Ты начал, а ведь это труднее всего — начать...

Помолчали. Умнейший сидел осунувшись и смотрел в пол.

— Подумать только, с чего все завертелось, — задумчиво сказал Леон и улыбнулся. — С камня, разбившего мне окно, с глупого камня.

— С камня, — эхом отозвался старик.

— Я что-нибудь делаю неправильно? — спросил Леон. — Ты не молчи, Учитель, ты мне скажи. Мне нужен такой человек, как ты. Чтобы рядом... Всегда. Я не справлюсь один, ты меня понимаешь?

— Справишься, — глухо ответил Умнейший. — Теперь уже справишься. Я вижу.

— Сейчас — я ошибся?

Умнейший покачал головой, и в этом движении Леону открылось, насколько старик стал дряхл. Последняя вспышка старости рушилась на него стремительно, как атакующий зауряд.

— Нет. Ты все сделал правильно... Об одном прошу: не называй меня больше Учителем.

— Почему?

— Тебе уже пора иметь своих учеников.

Он вышел сгорбившись и забыл притворить за собой дверь. Слышно было, как он, по-стариковски покряхтывая, спустился по ступенькам крыльца и зашлепал по глине.

Так, подумал Леон. Ни с того ни с сего он вдруг ощутил страшную усталость. Словно возвращался, как в былые времена, с поляны после состязаний, которые проиграл. Нет, даже хуже...

Но ведь не проиграл же! Ведь выиграл!..

В «предбаннике» кашлянул адъютант, испрашивая позволения войти. Не дождавшись ответа, осторожно прикрыл дверь.

Ушел Умнейший... Жаль, что ушел. Не с кем посоветовать-

ся, некого и обвинить в случае чего. Нет, на это найдутся другие. Но такого, как он, уже не будет. Никогда. И многого не будет из того, что прежде было простым и естественным, как солнечный луч или глоток воздуха. Что же останется в удел вождю, переставшему быть властелином пустоты? А переставшему ли?.. Вопрос. Что-то ведь должно остаться, кроме великой жертвенности и великого одиночества, — отныне и навсегда.

Неужели — ничего больше?..

ЭПИЛОГ

Чернота, а в ней корабль. В корабле — отсек, в отсеке — человек в специальном кресле, с которого он никогда не вставал и не может встать. Даже два человека: один из них — снаружи и служит оболочкой, а другой — это я — внутри.

Слоеный пирог.

Нбонг спит, а я не сплю уже седьмой час. Для меня это много. Опять чешется спина, а не достать. Мне темно, потому что брат спит с закрытыми глазами. Его храп мешает мне думать.

Молчание в корабле. Молчит даже сам корабль. Молчит коммодор; я его понимаю и сочувствую ему. На Базе начнут искать виновного и найдут, он это знает, и мы это знаем.

Мы возвращаемся. Сторожевой спутник восстановлен и усилен. Долго, очень долго никто не посмеет приблизиться к планете, где земляне совершили ошибку. Проще всего было бы распылить эту планету, обратив в ничто следы любой оплошности землян. Для этого не обязательно возвращаться на Базу — «Основа Основ» имеет в своем распоряжении достаточный набор средств.

Помешал чужой корабль, сунувшийся в охраняемое спутником пространство несколько десятилетий назад. Как и следовало ожидать, он был уничтожен, но посеял сомнения. Похоже, о существовании этой планеты известно не только нам — наши младшие «братья» из уцелевших во время Всеобщей Войны старых колоний всюду суют свой нос. Если это так, решение вопроса надолго погрязнет в трясине межпланетных конференций, совещаний и дипломатических демаршей. Конечно, с большей частью «братьев» можно особенно не церемониться, но некоторые из них, объединившись, станут достаточно сильны, чтобы наделать нам неприятностей в случае покушения на их интересы...

Подсознательно понимаешь, что где-то в пределах Галак-

тики могли сохраниться и неизвестные нам старые колонии уцелевшие каким-то малопонятным чудом и развивающиеся — либо деградирующие — совершенно изолированно. Ничего удивительного нельзя найти и в том, что сведений о них нет в Архиве: после Всеобщей Войны сохранилось немногое. Вероятно, Ульв-ди-Улан отделается легким взысканием — наша ошибка понятна и простительна. И даже не наша ошибка, а тактический просчет Базы.

Пожалуйста — вот одна из таких колоний!

Сбежал Й-Фрон — теперь уже ясно, что сознательно дезертировал, — и, по-видимому, чувствует себе среди туземцев, как рыба в воде. По одному этому факту можно судить, на каком уровне развития стоят тамошние аборигены. Если бы мы могли позволить себе поддаться эмоциям и скорректировать планы очистки в соответствии с рекомендациями экспресс-методик «Аут», «Дуст» или «Полный серьез», с ними давно уже было бы покончено.

Даже бродячие не-ценные в нижних ярусах активной оболочки Земли, прижатые к стене во время облавы, иногда огрызаются. Это — активная оборона, характерная для многих животных, начиная от муравьев, и вовсе не признак разума. Но совершить самим — первыми! — тщательно подготовленное нападение, еще не будучи зажатыми в угол, способны только цивилизованные носители разума. Уничтожив Девятого, они доказали свое право на попытку выжить.

Справедливость — вот основной девиз Земли и землян. Каждый должен получить только то, что заслуживает. Поэтому автоном-очистители оставлены на поверхности планеты, несмотря на протесты корабля, желавшего получить их обратно. Правила игры честны: победит сильнейший. Цивилизация, не умеющая отбиться от первой же опасности, по глубинной сути своей нежизнеспособна, и не стоит продлевать ее конвульсий.

Бурчит у брата в кишках. Над самым ухом.

Может быть, человечки на планете одержат верх. И тогда десять-двадцать поколений спустя у землян появится еще один враг.

Одним больше, одним меньше. А кроме того, не бывает памяти длиной в двадцать поколений. Легенда, миф — вот что останется на планете от нас и нашей попытки очистки.

Многим ли удается оставить по себе хотя бы легенду?

Я не хочу думать о Й-Фроне и все-таки думаю о нем. Ничтожное замордованное существо показало себя достойным звания человека, более того — врага, и никто из нас своевременно не раскусил этого ограниченно ценного. Его счастье.

Мы поступили бы правильно, будь враг вовремя распознан. Правильно и без сожалений. Но что-то доселе незнакомое поднимается во мне, когда я думаю — запрещаю себе думать и все равно думаю, не могу не думать — о человеке по имени Й-Фрон. Что это?

Зависть?

* * *

Я жду. Каждый день. Они похожи один на другой, эти дни. Я жду, когда придет он, уставший, пыльный и чаще всего злой, и крикнет с порога: «Филиса! Ужин, постель! Опять не готово?»

Все давно готово, конечно. Смягчившись, он, может быть, похлопает меня по спине, потреплет по щеке или даже обнимет. И я улыбнусь, потому что мне в самом деле приятно его прикосновение. Хоть какое.

Он сильно изменился за последнее время. Несмотря на то что рядом с ним больше нет Умнейшего, который плохо на него влиял, он с каждым днем становится хуже. Часто он пьет вечерами, чтобы заснуть, и все реже зовет меня в постель. Я понимаю: у него много забот. Он необыкновенный человек, обязанный заботиться о людях всего Простора, а я, его жена, обязана заботиться о нем. И я жду его каждый вечер, чтобы успокоить, утешить и накормить.

Я жду.

Великий Нимб проступает на небе. Вечереет. Скоро он придет, если сегодня решил заночевать дома. По улице перед домом бродит охранник — взад-вперед, взад-вперед... Без конца. Откуда-то издалека доносится стрельба — там идет бой, зенитчики отбивают по нескольку налетов в день. Но здесь пока безопасно.

Не все гибнет в этом мире: уже скоро я должна почувствовать в себе биение еще одного сердца. У нас будет ребенок. Он сказал, что хочет, чтобы родился сын, потому что идет война и к словам женщин не прислушиваются. И вряд ли когда-нибудь начнут прислушиваться вновь.

Жду.

Может быть, я ему уже надоела. Только я не штампованная дура, как он говорит, когда сердится. Я просто его люблю.

После одной из размолвок он привел в дом вторую жену Она беженка с дальнего Севера, ее зовут Геро. Несколько раз мы с ней ссорились, но теперь ладим.

Иногда муж странно шутит. Я не всегда понимаю смысл этих шуток, но смеюсь, чтобы сделать ему приятное. Когда что-то у него идет не так, он приходит раздраженный и роняет посуду. В один из таких вечеров он запретил мне просить за кого бы то ни было, а на следующий день, когда я не послушалась, ударил меня по лицу. Но ведь люди идут ко мне со своими бедами, просят о заступничестве, и я не могу отказать им в помощи, правда?

Он грозит, что прогонит меня совсем.

Хорошо, что Полидевк был вдов и бездетен и некому было за него просить. У нас никто не верит в то, что он на самом деле был связан со зверопоклонниками и замышлял злое, но говорить об этом вслух не полагается. Теперь на его месте Тирсис. Я редко его вижу.

Иногда приходит Кирейн. Он жалуется на Париса, на всякое начальство вообще, на бестолковых учеников, которых ему дали, и боится объявленного переселения под землю. Он несчастный и немножко смешной. Говорит, что не может больше писать и не хочет. Часто он просит у меня Тихую Радость. Когда у меня есть, я даю немного.

А вчера приходил Парис, просил замолвить за него словечко. Попробую...

Кого я люблю на самом деле: своего мужа, вождя — или того полузабытого прекрасного юношу, онемевшего от горя при вести о том, что я выхожу за другого? Кого?

Прочь, запретная мысль, прочь! Я не должна так думать. Разве другим живется легче, чем мне? Я и мой будущий ребенок в безопасности. Меня охраняют, мне помогают в хозяйстве. Если все усилия окажутся напрасными и людям суждено погибнуть, мы умрем в числе последних. Мне завидуют. Что еще надо?

Я жду его.

На что я надеюсь: на то, что он придет сегодня, или на то, что не придет?

Опять?! Прочь, запретная мысль!..

Жду.

* * *

Длинная, очень длинная движущаяся колонна людей текла по дну ущелья, задерживаясь в узостях, вызванных оползнями, плавно обтекая одиночные валуны, свалившиеся некогда сверху. Тысячелетие назад по дну ущелья бежала река, потом воду отвели и проложили дорогу. Теперь человеческая река текла вспять.

Словно водяная пыль над горным потоком, висела над рекой пыль каменная. Тысячи ног топтали древний путь в Столицу, которой никогда не существовало на этой планете и которая рождалась только теперь. Шарканье ног, скрежет и скрип груженых тележек, отрывистые команды, крики, разговоры, кашель стариков, детский плач — все это сливалось в единый ровный шум человеческой реки.

Высоко над всем этим на уступе скалы стояли два человека и смотрели сверху вниз на течение — туда, где живая река начинала петлять, а затем слитно взбегала по осыпи и навсегда скрывалась в стрельчатой дыре, пробитой в теле горы. Рядом с ними хищно пласталась, раскинув по камню стальные упоры, спаренная зенитка малого калибра с полностью заряженными кассетами. Оба ствола зенитки смотрели в противоположную сторону.

Отсюда двум людям были видны еще несколько уступов. Некоторые из них были расположены выше их, другие ниже. На ближайшем, совсем крохотном, помещался один солдат с пулеметом. В случае нападения заурядов пулеметчик должен был открыть по ним бесполезный огонь, чтобы отвлечь атаку на себя и дать возможность зенитке сделать как можно больше выстрелов.

Солдат был добровольцем и знал, что после его гибели его жена и маленький ребенок попадут в число тех, для кого найдется место в убежище под землей, и будут обеспечены кровом и пищей в течение ближайшего года как минимум.

Об этом он крикнул двум людям на уступе с зениткой. И помахал рукой.

За шумом живой реки двое не расслышали его, но помахали в ответ. Затем они вернулись к прерванному разговору.

— Никогда не думал, что напоследок выступлю противником прогресса, — покачав головой, сказал Умнейший. — А ты? Впрочем, что я такое говорю. Уже хорошо, что ты раз в жизни выступил противником хоть чего-то. Так?

— Не знаю, — ответил Фрон. — Как-то не думал об этом.

— И не надо уже. Скоро будет поздно думать, а еще чуть погодя — нечем.

— Пугаешь?

— Нужно очень... Шел бы ты отсюда, а? Без тебя ведь обойдусь. Иди сейчас, еще догонишь. Это последние.

— Штрафные лагеря еще на поверхности, — отозвался Фрон.

— Никто не знает, где теперь штрафной лагерь, — возразил Умнейший.

— Никуда не уйду. Кто тебе кассеты подносить будет?

— Ты думаешь, нам долго придется стрелять? — Умнейший фыркнул. — Я сделал то, что надо было сделать... как хирург, который спасает человека, отнимая ему руки и ноги и не задумываясь над тем, что пройдет время и калека станет его проклинать. А я ведь с самого начала задумывался, да что там — знал. Уйдешь?

— Нет.

— Не хочешь жить?

— Хочу, — сказал Фрон. — Теперь я хорошо знаю, чего хочу. Жить я хочу, это точно.

— А чего ты тогда не хочешь?

— Может быть, не хочу, чтобы через тысячу лет у людей и тут появились люди разной ценности...

— Дурак! — сказал Умнейший. — Ты думаешь, обязательно случится так? А если нет?

— Ты же знаешь, что так и будет, — возразил Фрон.

— Дурак и есть.

— Я знаю.

— Знай, но уходи. На твою-то жизнь еще хватит...

— На жизнь под землей? — Фрон ухмыльнулся. — Пожил уже в нижних ярусах активной оболочки, хватит. Ты не знаешь, каково там жить. Где тебе знать. Прости и не обижайся: вы, сиринги́йцы, почти такие же дикари, как эти...

Помолчали.

— Счастливое и немного сонное общество, — сказал Умнейший. — Таким оно было, ты его уже не увидел. Общество, не менявшееся тысячу лет, прекрасные люди, с которыми мне, кретину, было тошно... Между прочим, самому лучшему социуму, не испытывающему время от времени потрясений, грозит банальное вырождение. Так я считал, так и сейчас считаю. Смешно — когда-то мне хотелось быть тем человеком, кото-

рый разбудит этот мир... И вот на головы этим-то счастливцам начинают сыпаться автоном-очистители, и люди поначалу озабочены нелепым вопросом: за что и почему их убивают?

— А потом они делают единственно возможное...

— Фарс, — сказал Умнейший. — Просто-напросто фарс о растворении мира. Когда горит одежда, никто не думает о забытой в доме кошке. А я ведь знал, что этот фарс наступит, и мечтал до него дожить, глупец.

— Не фарс, — отозвался Фрон. — Трагедия. Впрочем, у нас одно другому не мешает. Надо бы подсказать Кирейну — хорошая тема.

— Кирейн такого не напишет. Он вообще уже ничего не напишет и ни на что не годен. — Умнейший усмехнулся и покачал головой. — А знаешь, последнее время я пытаюсь уверить себя в том, что лишь приблизил то, что и без меня должно было случиться рано или поздно. Будто бы я лишь ускорил естественные процессы, не более. Но иногда я думаю, что здесь все могло бы сложиться иначе... не будь очистки, не будь меня... Ты понимаешь?

— Что толку об этом думать? — сказал Фрон.

— Да? А я вот думаю.

Старик ударил желтым жилковатым кулаком в скалу, ударил еще раз и еще.

— Но почему?! — закричал он. — Почему люди устроены так, что в критической ситуации единственным шансом спастись для них является вот ЭТО? Почему?!..

Фрон не ответил, да Умнейший и не ждал ответа.

Легкий, похожий на стрекозу аппарат, весь опутанный растяжками, будто паутиной, упал в ущелье с неба и завис, примериваясь, над скальным уступом, взметнул пыль вращающимся над прозрачной кабиной винтом. Колонна на дне ущелья распалась было, но тут же собралась и потекла дальше. Видно было, как крошечные человечки задирают головы.

— Ого, — равнодушно сказал Умнейший, придерживая шляпу. — Это уже что-то новенькое.

Паутинная стрекоза приземлилась на край скального уступа. Из нее легко выпрыгнул человек. Второй, оставшийся в кабине геликоптера, по знаку первого уменьшил обороты ротора.

— Стыдно сказать, но я горжусь им, — пробормотал Умнейший, заслоняясь от пыли. — Не халтура. А ведь пришлось брать то, что было под рукой...

— Прощайте! — сказал Леон. — Спасибо вам за все. Я увожу

свой народ под землю. Мы научимся там жить. Мы построим под землей новые заводы, рудники, города... Мы уничтожим зверопоклонников и пополним наши ряды новыми братьями. Мы будем ковать оружие, много оружия. Очень скоро мы наделаем новых железных зверей, намного смертоноснее и многочисленнее старых. Придет день, когда мы снова выйдем на поверхность как хозяева, и Простор станет нашим навеки...

— Кхм, — сказал Умнейший.

Леон нахмурился.

— Ты мне не веришь, старик?

— Отчего же, — сказал Умнейший. — Верю. Так и будет, хотя и не сразу.

— Это по-прежнему только начало.

— Я знаю. Но не думаю, что мне захочется досмотреть до конца.

— Конца не будет. — Леон пренебрежительно рассмеялся. — Когда-нибудь мы точно так же очистим их Землю... И будем на ней жить. Жаль, правда, что это выпадет уже не мне.

— Жаль, — безразлично отозвался Умнейший.

— Хочешь уйти с нами, старик? Еще не поздно.

Умнейший поглядел из-под руки туда, где крошечными точками в небе показались детеныши Зверя.

— Нет. Я останусь.

— Не передумаешь?

— Нет.

— Есть ли у тебя просьбы? Я выполню.

— Только одна. Постарайся сделать так, чтобы люди забыли мое имя.

Леон покачал головой:

— Я могу пообещать это тебе, старик. Но я не хочу...

— Попытайся себя пересилить. Я уверен, ты сможешь. А теперь — прощай!

— Прощай! Прощайте оба! Памфил, поднимай.

Леон махнул рукой. Паутинная стрекоза, стреляя мотором, взмыла в воздух и пошла, раскачиваясь, вдоль скальной стены — туда, где пылила, уходя в гору, голова гигантской движущейся колонны и чернел расширенный взрывом готический зев пещеры.

1996, 2000 гг.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЫСЯЧА И ОДИН ДЕНЬ. *Роман* 5
ПЕРВЫЙ ИЗ МОГИКАН. *Роман* 235
ВЛАСТЕЛИН ПУСТОТЫ. *Роман* 549